

В.А. Коростелев
М.А. Российский

**ПРОШЛОЕ
СКОПИНСКОЙ
ЗЕМЛИ**

**в очерках по истории
её сёл и деревень**

Лазинка–Южный

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2.)
К68

Коростелев, В.А.

К68 Прошлое Скопинской земли в очерках по истории её сёл и деревень. Лазинка–Южный. Том 2 / В.А. Коростелев, М.А. Российский. – М. : Вече, 2017. – 736 с.

ISBN 978-5-4444-6387-1

Знак информационной продукции **16+**

Книга московских историков В.А. Коростелева и М.А. Российского «Прошлое Скопинской земли в очерках по истории её сёл и деревень» является итогом многолетней работы с архивными документами XV–XX вв., материалами дореволюционной и советской периодической печати, воспоминаниями старожилов. В основу композиции этого масштабного исследования положен закон Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав». Каждому упомянутому в нем населенному пункту посвящен отдельный очерк, не исключая те села и деревни, которые к 2004 г. уже представляли собой ненаселенные урочища. Исследователям удалось найти новые данные об этимологии топонимов современного Скопинского района, проследить по документальным материалам этапы исторического развития его населенных пунктов, оживить воспоминания о ряде деятелей прошлого, память о которых с годами потускнела или совсем изгладилась. Собранный и проанализированный авторами массив данных позволяет этому двухтомному изданию претендовать на статус своего рода «исторической энциклопедии» Скопинского района Рязанской области.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2.)

ISBN 978-5-4444-6387-1

© Коростелев В.А., Российский М.А., 2017
© ООО «Издательство «Вече», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ЛАЗИНКА, село (сельское поселение Ильинское)	5
ЛЕНИНКА, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	16
ЛЕТОВО, деревня (сельское поселение Вослебовское)	18
ЛОПАТИНО, село (сельское поселение Успенское)	31
ЛВОВКА, деревня (сельское поселение Горловское)	57
МИЛЛИОННАЯ, железнодорожная станция (сельское поселение Горловское).....	61
МОСКОВКА, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	65
МОХОВОЕ, село (сельское поселение Успенское).....	69
МУРАВЛЯНКА, село (сельское поселение Горловское)	81
МШАНКА, село (сельское поселение Ильинское).....	97
НАГИШИ, село (сельское поселение Горловское)	113
НАУМОВО, деревня (сельское поселение Шелемишевское).....	142
НЕМЕРОВО, село (сельское поселение Успенское).....	149
НИКОЛО-СКОПИН, село (сельское поселение Успенское)	161
НОВИКОВО, деревня (городской округ город Скопин)	170
НОВО-АЛЕКСАНДРОВО, село (сельское поселение Горловское)	182
НОВОБАРАКОВО, СТАРОБАРАКОВО, села (сельское поселение Шелемишевское).....	192
НОВОЕ, село (сельское поселение Вослебовское)	204
НОВЫЕ КЕЛЬЦЫ, село (сельское поселение Корневское)	213
НЮХОВЕЦ, село (сельское поселение Горловское).....	230
ОКТАБРЬСКИЙ, микрорайон (город Скопин).....	240
ОСИНОВО-ШИЛОВО, поселок (сельское поселение Корневское).....	253
ПАВЕЛЕЦ, село (городское поселение Павелецкое)	255
ПАВЕЛЕЦ, поселок городского типа (городское поселение Павелецкое)	289
ПЕРИКИ, деревня (сельское поселение Полянское).....	301
ПЕТРОВКА, деревня (сельское поселение Шелемишевское).....	311
ПЕТРУШИНО, село (сельское поселение Горловское)	317
ПЕТРУШИНО, село (сельское поселение Корневское)	340
ПИСАРЕВО, деревня (сельское поселение Горловское)	355
ПОБЕДИНКА, поселок городского типа (городское поселение Побединское).....	361
ПОБЕДНОЕ, село (городское поселение Побединское)	382
ПОДМАКАРЬЕВО, деревня (городское поселение Побединское)	395
ПОЛЯНСКИЕ ВЫСЕЛКИ, поселок (сельское поселение Шелемишевское)	402
ПОЛЯНЫ, село (сельское поселение Полянское)	404

ПОПЛЕВИНСКИЙ, поселок (городское поселение Побединское).....	421
ПУПКИ, село (сельское поселение Корневское).....	425
РАНОВКА, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	444
РОЖДЕСТВЕНО, село (сельское поселение Успенское)	454
РУДИНКА, село (сельское поселение Горловское).....	466
РЮМКИ, деревня (сельское поселение Успенское)	488
САВИЛОВКА, деревня (сельское поселение Вослебовское)	494
СВИНУШКИ, деревня (сельское поселение Полянское)	498
СВИСТОВКА, деревня (сельское поселение Вослебовское)	505
СЕКИРИНО, село (городское поселение Побединское)	518
СТАРЫЕ КЕЛЬЦЫ, село (городской округ город Скопин)	549
СУРОВЦЫ, деревня (сельское поселение Горловское)	564
ТРОИЦЕ-ОРЛОВКА, село (сельское поселение Горловское)	570
УЛАНОВО, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	586
УРАКОВО, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	594
УСПЕНСКОЕ, село (сельское поселение Успенское)	601
ХВОРОЩЕВКА, село (городское поселение Павелецкое).....	607
ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ совхоза «ЖЕЛТУХИНСКИЙ», поселок (сельское поселение Шелемишевское).....	621
ЦЭС-1 и ЦЭС-2, жилые застройки (Город Скопин)	625
ЧУЛКОВО, село (городское поселение Побединское)	628
ШЕЛЕМИШЕВО, село (сельское поселение Шелемишевское).....	669
ШЕЛЕМИШЕВСКИЕ ХУТОРА, деревня (сельское поселение Шелемишевское)	695
ШИРОКИЙ, поселок (сельское поселение Ильинское)	698
ЮЖНЫЙ, поселок (городское поселение Павелецкое)	702
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	704
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	735

ЛАЗИНКА

село

(сельское поселение Ильинское)

Окрестности Лазинки изобилуют археологическими памятниками глубокой древности. В 1920-х гг. советский археолог Н.П. Милонов обнаружил напротив села – на правом высоком берегу р. Верды – неолитическую стоянку. Тогда же им был исследован находившийся там же курганный могильник домонгольской эпохи (XI–XIII вв.), насчитывавший не менее 5 насыпей высотой 0,35–0,75 м и диаметром 9–11 м. Н.П. Милоновым были раскопаны 4 кургана, содержавшие труположения в подкурганных могильных ямах с западной ориентировкой, найдены следы деревянных домовин и обломки древнерусских гончарных сосудов. На левом берегу ручья, впадающего в р. Верду, в 0,75 км от центра села в 1990 г. было выявлено селище XIV–XVII вв., протянувшееся вдоль ручья и имевшее размеры 250x170 м и высоту над ручьем 2–10 м. На застроенной и распаханной под огородами территории памятника были найдены фрагменты позднесредневековой гончарной керамики, в т. ч. сероглиняной, чернолощенной и мореной, XVI–XVII вв. и более позднего времени.

Согласно первому документальному упоминанию о Лазинке, она была основана в 1674 г. В окладных книгах Рязанской епархии, учиненных при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском в 1676 г., сообщалось, что в селе имелись «Богословская церковь, двор попа Ивана, двор попа Дементяна», а при храме «церковныя пашни десять четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на 60 копен. Да в приходе в той церкви в том селе Лозинке сорок три двора крестьянских, пять дворов бобыльских, и всего 50 дворов»¹. По окладу 1676 г. с Богословской церкви положено было дани «1 рубль 18 алтын с денгою, а преж сего с тое церкви дани не было, попы с тое церкви данные денги по се число платили Скопина города с Пятницкими попами сопча, для того преж сего приход был один их, Пятницких попов»². Об образовании церковного прихода в книгах сказано, что он «переселился из Скопинского ж уезду, из села села Богословского, и церковь перенесена в то село Лозинку в прошлом, во сто восьмьдесят втором (1674) году...»³

Очевидно, новое село появилось в связи с расширением пашенного хозяйства Скопинской дворцовой волости, предпринятого по указанию царя Алексея Михайловича из-за роста расходов на ведение Русско-польской войны 1654–1667 гг. Остается, однако, не до конца понятным, каким образом из «села Богословского, Ольшанки тож» крестьяне могли попасть в Лазинку, да еще в количестве 43 дворов. В переписной книге 1646 г. село Богословское (Ольшанка) не упоминается, в 1717 г. в тамошнем приходе был помещик – земский дьяк и 17 крестьянских дворов⁴. По межеванию 1779 г. земельная дача при селениях Ольшанка и Победное принадлежала крупным помещикам, а также однодворцам села «Воскресенского, Победного тож». Скорее всего, в приходе были однодворцы, на что косвенно указывают 9 солдатских дворов в переписи

¹ Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков] – Рязань: Александрия, 2004. С. 360.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 217.

1710 г. Некоторые из них перед переселением, возможно, были безземельными, а потому и пожелали переселиться в дворцовую волость. К ним, видимо, прибавились крестьяне-переселенцы и из других скопинских сел. Все они стали дворцовыми. По переписным книгам крестьяне «села Лозинки» ежегодно поставляли к царскому двору следующие столовые запасы: свиного мяса – 70 пудов (1,12 т), 27 баранов, 27 гусей, 54 утки и 81 сушеную курицу. Когда появлялась надобность в продовольствии для армии, скоропортящиеся продукты заменялись другими: «... Того ж числа по писму ис Хлебного приказа июня в 16-м числе прислано с Скопина ж столовых запасов свиных мяс ветчиною на нынешней на 174-й (1666) год из доимки 10 пуд бес чети, да вместо утят и свиных и гусиных и утячьих потрохов 411 пуд с полупудом и с того числа велено отослать в Бзмайлово 200 пуд, а достальную 221 пуд с четью отдать на Оптикарской двор»¹. После введения в Скопинской дворцовой волости десятинной пашни, в 1675 г. запахивалось на царя 27 дворцовых десятин в одном поле.

По переписным книгам 1710 г. в Лазинке было 47 дворов крестьянских и 9 солдатских².

Экономические примечания к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленные в 1779 г., свидетельствуют о том, что в селе Лазинка «по последней ревизии 74 двора, 208 душ мужского и 138 женского пола, лежит на левой стороне Крутова верха и по обе стороны двух безымянных отвершков. Церковь деревянная во имя Иоанна Богослова»³. На чертеже Генерального межевания 1779 г. Лазинка изображена как три группы порядков крестьянских домов, располагавшиеся при слиянии двух ручьев в один, впадавший в Верду. Два порядка находились между двумя упомянутыми ручьями, два – слева (между ними на берегу ручья стояла деревянная Богословская церковь) и еще два – справа. Вокруг села показаны сплошные заросли кустарника – ивняка или лозы⁴. Видимо, название села как раз и указывало на его нахождение внутри массива лозняка. В словаре В.И. Даля лоза – «лозка, лозочка, лозинка, лозище; лозовина, лозина, -зинка, -ночка... Дерево ветла, ива, верба, бол. употреб. собирает. лозник, лозняк, лозовник или лозинник м. мелкий ивняк, ветельник, тальник, растущий по берегам»⁵.

И.В. Добролюбов сообщает: «Вместо упоминаемой в XVII столетии и обветшавшей церкви в 1744 г. поставлена была новая в прежнее храмоименование, которая в том же году и освящена г. Скопина соборным протопопом Пантелеймоном...» До середины XIX в. в этом храме служили священники Иоанн Андреев (упоминается в 1748 г.), Петр Иоаннов (с 1748 г.), Тимофей Петров (упоминается в 1799 г.), Сергей Тимофеев (с 1799 г.), Петр Космин Тырнов (с 1813 г.), Иоанн Красновский, Сергей Алексеев Львов (в 1844–1853 гг.), Платон Николаев Щеглов (в 1844–1860 гг.), Павел Матвеев Некрасов (1853–1860)⁶.

В соответствии с указом Правительствующего Сената от 7 (18) августа 1797 г. «О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего управления ими» скопинские владения дворцового коннозаводства образовали Коннозаводскую (Военно-коннозаводскую) волость⁷.

¹ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. СПб., 1907. С. 120.

² РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 146, 745.Ф

³ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 15; д. 1241, л. 3 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 1, В-32 кр.

⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 2. М.: Астрель: АСТ, 2001. С. 223.

⁶ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 198.

⁷ *Барановиг М.С.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. СПб. : тип. товарищества "Общественная польза", 1860. С. 434; Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб.: тип. Департамента Генерального Штаба, Т. 6, ч. 3: Рязанская губерния / [по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял Ген. штаба подполк. барон фон-Рейхель]. 1848. С. 2.

Карты А.И. Менде 1850 г. показывают, что в это время село состояло из тех же порядков, что и в 1779 г., однако они заметно увеличились в размерах. В северной части села перпендикулярно к течению ручья вырос новый порядок крестьянских домов. В 1850 г. в центре села стояла деревянная Богословская церковь, в его окрестностях действовали 3 ветряных мельницы на севере и 1 водяная. На стрелке при впадении ручья в р.Верду находилась выделенная церковная земля¹.

В 1853 г. в лазинском приходе был подготовлен и запущен «по инстанциям» проект нового деревянного здания Богословской церкви, призванного заменить обветшавшее строение XVIII в. Новый храм был построен в 1858 г., из служивших в нем священников известны Георгий Семенов Победин (в 1860–1876 гг.), Николай Георгиев Победин (в 1876–1881 гг.) и Петр Федорович Миловзоров (в 1881–1915 гг.)².

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в 112 домохозяйствах села Лазинка проживали государственные душевые крестьяне – 607 мужчин и 649 женщин³.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. в Скопинском уезде были образованы новые волости с включением в них бывших владельческих селений. Лазинка была приписана к Павелецкой волости. Также в 1861 г. в селе появилось церковно-приходское училище от крестьянского общества. Располагалось оно в доме местного священника, принося ему дополнительный доход в виде платы за аренду помещения и «жалованья наставнику», поступавших из средств Палаты государственных имуществ. В 1866 г. в лазинском училище обучались 33 мальчика⁴.

В жизни лазинских крестьян временами случались конфликты, эхо которых докатывалось даже до губернской прессы. Например, осенью 1864 г. в разделе «Местные известия» газеты «Рязанские губернские ведомости» сообщалось: «Из Скопинского уезда – 8-го октября. Скопинского уезда села Лозинки крестьянин Федор Филипов умер скоропостижно от побоев, нанесенных будто бы ему крестьянами Кузьмою Максимовым и Федором Ефимовым»⁵.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Лазинке было уже 230 дворов и 1562 жителя. В селе стояла деревянная Богословская церковь⁶. О храме И.В. Добролюбов в 1884 г. писал: «Церковной земли во владении причта в настоящее время состоит 34 десятины (37,1 га). В приходе, состоящем только из села, при 196 дворах значится мужского пола 826, женского пола 817. В причте по штату 1873 г. положены 1 священник и 1 псаломщик»⁷.

По переписи населения 1882 г. в Лазинке насчитывалось 237 домохозяйств, в которых проживали 869 мужчин и 840 женщин. Грамотой в селе владели 69 мужчин, 1 женщина и 1 мальчик. Треть земли, которой располагало Лазинское сельское общество, составлял чернозем, остальные две трети – суглинок. На ревизскую душу приходилось 3,8 десятины (4,1 га). Еще сельское общество имело 44 десятины (48,07 га) земли в Сапожковском и

¹ *Карта А.И. Менде 1850 г.* 1 см – 420 м.

² *Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание...* Т. 2. С. 198.

³ *Сборник статистических сведений по Рязанской губернии.* Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 26.

⁴ *Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год.* – Рязань, 1868. С. 240–241.

⁵ *Рязанские губернские ведомости,* № 43, 24 октября, 1864.

⁶ *Волости и важнейшие селения Европейской России.* Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 329.

⁷ *Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание...* Т. 2. С. 198.

Рязском уездах (т. н. дальнеземелье). Безземельным числился 1 двор, безлошадными – 98, без коров и лошадей обходились 52 двора. Из 231 сельской избы 2 были каменными, «побелому» топились 11. При крестьянских домах было 220 плетневых дворов, 1 каменный, 169 горниц или клетей, 178 амбаров или сараев, 212 риг или овинов. Местными промыслами занимались 78 семей, в отхожих числились 211 мужчин. В селе работали 5 промышленных заведений (3 из них – это ветряные мельницы), 2 кабака, 3 лавки¹. По данным за 1893 г., водяная мельница при селе принадлежала местному сельскому обществу, ее арендовал П. Романчиков. Единственная из сохранившихся при селе ветряных мельниц была собственностью крестьянина села Павелец Платона Румянцева, просорушка – крестьянина Феоктиста Данилова, кузница – Ивана Евстегнеева². Имелось также кирпичное производство для своих нужд при церкви села Лазинки, где были заняты 10 рабочих. В 1894 г. крестьянин Ф.Д. Мамаев владел в селе трехконной просорушкой³.

Работавшее в 1860-х гг. церковно-приходское училище к 1890-м гг., похоже, прекратило свое существование из-за нерадения местных священнослужителей. В ноябре 1893 г. ревизия, проведенная преосвященным Феоктистом, архиепископом Рязанским и Муромским, показала, что «в селе Лазинка при 705 душах м. п. не имеется никакой школы, в селе Ново-Александровском при 936 душах м. п. не имеется также школы». Местным священникам наказывалось, что «в случае незаведения ими по крайней мере школ грамоты в своих приходах они будут переведены в худшие приходы»⁴.

В 1895 г. в селе открылась земская школа. По данным за 1902 г., она размещалась в двух помещениях площадью 91 и 41 кв. аршин (45,5 и 20,5 кв. м) и признавалась «во всех отношениях хорошей»⁵.

В 1903 г. на средства прихожан села Лазинки было возведено новое здание Богословской церкви – кирпичное и под железной крышей. Этому предшествовал длительный сбор пожертвований на строительство, проводившийся по всей Рязанской епархии. Им занимались прихожане С.К. Гончаров и П.И. Гаврилин, получившие в приходе специальные просительные книги для сбора средств. Освящение новостроенного храма в честь Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова состоялось 22 сентября (5 октября) 1903 г.⁶ Проводил его священник Василий Волков.

В 1905 г. в селе Лазинка Павелецкой волости было 303 двора, население составляли 927 мужчин и 915 женщин. В селе были церковь каменная, ветряная мельница и земская школа. На озере близ села действовала водяная мельница крестьян села Озерки⁷.

Эпизоотии и пожары порой наносили столь сильные удары по крестьянским хозяйствам, что даже состоятельным жителям села оправиться после них было непросто. В 1908 г. Иван Кузьмич Кирюшин сообщал Скопинскому уездному земству в ходатайстве о сложении с него задолженности по земскому сельскохозяйственному окладу: «За взятые мною молотильную

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 26–31.

² ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 23 об. – 24.

³ *Мартынов Н.Н.* Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год. Рязань, 1895. С.42, 74, 90.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 22 (15 ноября 1893. С. 821.

⁵ Сведения о начальных училищах в 1902 году. Скопин: Тип. Благих, 1904. С. 44.

⁶ Рязанские епархиальные ведомости, № 21 (15 октября 1903 г.). С. 312.

⁷ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 638–639; Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XL созыва 1904 года. Скопин, 1905. С. 63.

машину, плуг и веялку за мною числится долг около 80 рублей, но таковой уплатить я совершенно не в состоянии, причиною чему служит то обстоятельство, что в прошлом 1907 г. в сентябре месяце у меня сгорел дом с надворными постройками и вся домашняя утварь, а также во время пожара погиб малолетний сын, кроме того, в том же году у меня упало от сибирской язвы три лошади и три свиньи». Уездное земство, чьи средства и без того были не столь обширны, как хотелось бы, смогло лишь предоставить И.К. Кириюшину рассрочку по платежам, иначе ему «в будущем пришлось бы считаться со многими другими такими же ходатайствами, удовлетворить которые для земства было бы непосильно»¹.

В 1908 г. из 205 детей школьного возраста, проживавших в Лазинке, в земской школе обучались 114². По отчету за 1916 г. школа в селе была трехкомплектной³.

Накануне Первой мировой войны жители Лазинки продолжали заботиться об украшении своего сельского храма. В 1909 г. в строившемся Никольском приделе церкви был установлен новый иконостас. 25 сентября (8 октября) 1910 г. состоялось освящение левого придела Николая Чудотворца. В 1911 г. вокруг церкви возвели каменную ограду с железными решетками.

В 1914 г. в Богословской церкви села Лазинки по-прежнему служил престарелый священник П.Ф. Миловзоров. В его приходе было 312 дворов, в которых проживали 1071 мужчина и 1062 женщина. При церкви имелось 3 десятины 800 саженой (3,7 га) усадебной земли, 30 десятин пахотной (32,7 га) и 3 десятины (3,3 га) сенокосной. При лазинском храме имела маленькая библиотечка на 25 книг⁴. 7 (20) ноября 1915 г. о. Петра Миловзорова не стало. На его место с 10 (23) февраля 1916 г. был назначен «села Копнина Сапожковского уезда священник Михаил Милонов»⁵. Детям умершего П.Ф. Миловзорова – Михаилу, Иоанну и Дмитрию – из казны была назначена пенсия, по 225 руб. в год каждому⁶.

Примером богатого крестьянина-кулака дореволюционной Лазинки может служить Петр Емельянович Федоткин. Его поля обрабатывались при помощи современной на тот период сельхозтехники. Дополнительный доход крестьянскому хозяйству приносила ветряная мельница. В Москве у него были лошади и работники, занимавшиеся извозом⁷.

В 1917 г. в селе Лазинка Павелецкой волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 389 дворов, а население составляли 1386 мужчин и 1401 женщина⁸. В первые годы советской власти в селе был организован сельсовет.

Близость р. Верды сполна обеспечивала жителей Лазинки водными ресурсами. Так было в XIX в., так было и в 1926 г., когда вопросом водоснабжения в уезде озаботились новые власти. Согласно проведенному в том году исследованию, в Лазинке с 362 дворами и 2142 жителями действовали 34 колодца, имелись 2 родника, 3 вырытых пруда, 2 запруженных пруда, болото, озеро и р. Верда. Основные занятия населения в середине 1920-х гг. не сильно

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIV созыва 1908 года. Скопин, 1909. С. 250–251.

² Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 36–37.

³ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 174.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 579; Рязанские епархиальные ведомости, № 12 (15 июня 1904 г.). С. 190; № 22 (15 октября 1906 г.). С. 534.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 5 (1 марта 1916 г.). С. 160.

⁶ Рязанские епархиальные ведомости, № 13–14 (1–15 июля 1916 г.). С. 549.

⁷ Ленинская искра, № 234 (11 декабря 1934).

⁸ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 149.

эволюционировали по сравнению с дореволюционными временами. Это были традиционные земледелие, скотоводство, огородничество, отхожие промыслы (главным образом на добычу торфа) и наем в черноработчие с апреля по сентябрь¹.

Качество образования в селе постепенно повышалось. К 1930 г. бывшая трехкомплектная земская школа стала семилетней.

В 1929 г. ушло в прошлое историческое административное деление на волости, уезды и губернии. Лазинка стала населенным пунктом Горловского района, в составе которого вошла в Центрально-Промышленную область, до конца года переименованную в Московскую.

В 1930 г. на волне массовой коллективизации в Лазинке был создан колхоз «Новая жизнь», в который вступили 16 крестьянских хозяйств. На первых порах в сельхозартели имелось всего 7 лошадей, молотилка, веялка и 3 плуга². Колхоз начал постепенно расти.

Подгоняемые нажимом со стороны властей, бывшие сельские «крепкие хозяева» вступали в колхозы без энтузиазма. Эксперименты советской власти пугали традиционно консервативный слой зажиточных крестьян. Их единственная надежда заключалась в скором развале колхозной системы и смене самих властей – ведь сколько их они уже видели с 1917 г.? Поэтому особого радения о колхозах со стороны бывшей кулацкой верхушки по определению быть не могло.

Молчаливый саботаж «крепких хозяев» не остался незамеченным. В конце 1931 г., когда власти перегнули с выкачиванием хлеба из колхозов в «закрома Родины», оставив их без семян на следующий год, ответственными за перекосы в колхозной системе назначили кулаков. В январе 1932 г. на общем собрании лазинских колхозников был поставлен вопрос о «засорении» сельхозартели «чуждым элементом». В результате из нее были исключены 8 хозяйств, объявленных кулацкими, с общей характеристикой: «Вели подрывную работу». Об исключенных горловская районная газета «Ленинская искра» писала: «Тюрин С.Я. имел в Москве водовозный промысел и облагался твердым заданием. В колхозе совершенно не работал; Черепцов И.А. имел водовозный промысел, применял наемную силу и облагался твердым заданием; Крючков М.А. имел в Москве легковой извоз, не обобществил рабочую лошадь, в колхозе не работал; Панин Б.Ф., сын кулака, имел крупорушку; Комаров С.М. имел водовозный промысел, облагался твердым заданием; Решетов И.В. – церковный староста до 1929 г., сын торговца; Панин А.И. – шерстобитчик; Пинтелин В.И. – бывший поп; Крючков Я.Н. до вступления в колхоз имел водовозный промысел, агитировал за распределение доходов по едокам»³.

Еще одного кулака «вычистили» в октябре 1932 г. «Ленинская искра» сообщала о том, как в лазинский колхоз «пробрался каким-то путем Ушаков А.П., и в течение года под вывеской колхозника скрывал свою кулацкую физиономию. <...> Ушаков с 1927 по 1931 гг. облагался твердым заданием, имел в Москве две ломовые лошади и применял наемный труд. Он вошел в колхоз с единственной целью, а именно – развалить его. Так объяснил он колхознику Каратаеву М.М. Его брат до сих пор имеет в Москве ломовую лошадь. Ушаков укрыв от обобществления комплект сбури, телегу, плуг, которые после пропали»⁴. На место изгнанного кулака в колхоз «Новая жизнь» до конца 1932 г. вступили 14 бедняцких и середняцких хозяйств.

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик Сводной таблицы населенных пунктов Горловского района.

² Ленинская искра, № 234 (11 декабря 1934).

³ Ленинская искра, № 8 (28 января 1932).

⁴ Ленинская искра, № 134 (21 ноября 1932).

В начале 1930-х гг. на страницах горловской районной газеты нередко можно было увидеть и критические материалы о деятельности Лазинского сельсовета. Его председатель, по оценке районного руководства, «вместо действенной работы пьянствовал»¹. Члены правления подозревались в потакании интересам кулачества, поскольку «Камышев П. – зять кулака, Камышев И.М. – родственник кулака, Крючков Я., Крючков Ф., Селиванова О., Гавришина Н. агитировали против засыпки»².

В 1933 г. лазинский колхоз «Новая жизнь» засеял яровыми 733 га, озимыми – 419 га. «Ценность» трудодня в колхозе постепенно увеличивалась. В 1930 г. в денежном выражении она составляла 72 коп., в 1931 г. – 1 руб. 5 коп., в 1932 г. – 84 коп., а в 1933 г. – 88 коп. Падение «ценности» трудодня в 1931–1932 гг. было обусловлено значительными вложениями колхоза в капитальное строительство. В 1931 г. они составили 1800 руб., в 1932-м – 4885 руб. и в 1933-м – 19250 руб. В результате в колхозе было построено хорошее современное зернохранилище.

В рассматриваемое время в Лазинке работал Василий Сергеевич Зотов (1898–?), выходец из местных крестьян-кулаков, участник Гражданской войны 1918–1922 гг., член ВКП (б) с 1921 г. Он вернулся в Лазинку по окончании службы в Красной Армии в 1923 г. В 1927–1929 гг. В.С. Зотов возглавлял Павелецкое сельпо, в 1931–1932 гг. был председателем лазинского колхоза, в 1932–1933 гг. – помощником директора Горловской МТС. В 1929 г. его судили за попустительство растрате продавцом Павелецкого сельпо денежных средств, приговорили к 1 году принудительных работ и исключили из партии, но областной контрольной комиссией он был в ней восстановлен. В 1932 г. В.С. Зотов вновь оказался под судом – на этот раз за растрату гарнцевого сбора для нужд колхоза – и был приговорен к 8 месяцам принудительных работ. Несмотря на то, что он был одним из организаторов лазинского колхоза, по его инициативе были построены две колхозные конюшни, да и «парень он был хозяйственный», трудился добросовестно, ему в вину было поставлено приобретение на паях в 1926 г. молотилки, сеялки и просорушки, а также покупка бывшего кулацкого дома. За дом, выставленный на продажу за 1500 руб., В.С. Зотов, как выяснилось, заплатил чуть больше половины цены. А это уже пахло злоупотреблением властью. Во время партийной чистки ему пришлось заплатить еще и исключением из ВКП (б).

На посту председателя колхоза «Новая жизнь» В.С. Зотова сменил Никита Константинович Солдатов (1888–?), бывший крестьянин-батрак, член ВКП (б) с 1927 г. До этого он 6 месяцев работал председателем Райзо и столько же – председателем Райколхозсоюза³.

В 1934 г. колхоз «Новая жизнь» объединял уже 330 крестьянских хозяйств. У него было 34 плуга, 1 трактор, 1 автомашина, 1 двигатель, 4 жнейки, 2 сенокосилки, 3 конных молотилки и 100 рабочих лошадей. Также имелось две конюшни, овцеферма и свиноферма. Площадь обрабатываемых земель возросла с 60 га в 1929 г. до 1500 га, включивших фруктовый сад на 15 га и пасеку в 140 ульев. В колхозе были 2 зернохранилища на 11900 пудов (почти на 200 т), 2 картофелехранилища, клуб на 300 человек⁴.

Подозрительное отношение к лицам «неправильного» социального происхождения еще долго оставалось неприятным последствием Гражданской войны. Человеку, которому было

¹ Ленинская искра, № 37 (8 апреля 1932).

² Там же.

³ ГАРО. Ф. П-1115, оп. 1, д. 75, лл. 76–78.

⁴ Ленинская искра, № 234 (11 декабря 1934).

что скрывать, в любой момент могли предъявить счет за прошлое. В 1936 г. один из местных активистов писал в районную газету: «В колхозе «Новая жизнь» работает бригадиром огородной бригады кулак Хлопков Ф.И. Этот тип – бывший торговец и кабатчик, имел лавку». Автор заметки в жанре доноса намекал на то, что, наверное, не случайно Хлопков «с помощью партгорга Ермошкина проник в руководство, раньше заведующий пасекой»¹. Такая подозрительность была характерной приметой эпохи.

Опытных кадров на селе не хватало. Власти предпочитали скорее поручить дело выдвиженцам «из низов» без соответствующего опыта, чем обращаться к квалифицированному работнику с неподходящим «классовым происхождением». Так, в 1936 г. был «в лазинском колхозе назначен заведующий пасекой Парамонов Г.И., не имевший опыта. На зимовке в омшанике из 180 семей годными остались лишь 15 семей»².

В начале 1937 г. в селе Лазинка Лазинского сельсовета Горловского района Московской области было 260 дворов. Большинство из них состояло в колхозе «Новая жизнь». Посевная площадь сельхозартели составляла 1486,5 га, за вычетом личных хозяйств колхозников – 1413 га. В колхозе было 116 голов лошадей, 29 голов крупного рогатого скота, 55 свиней, 40 овец. В хозяйствах жителей села насчитывалось 175 голов крупного рогатого скота, 83 свиньи, 448 овец и 26 коз. Площадь садов колхоза составляла 15 га, колхозников – 0,3 га³.

В 1937 г. Горловский район вместе с селом Лазинка был выведен из административно-подчинения Московской области и передан новообразованной Рязанской. Тогда же в селе закрылась Богословская церковь. Во время «большого террора» на Бутовском полигоне в Москве погибли уроженцы Лазинки Иван Акимович Шишкин (1918–1937), расстрелянный 9 сентября, и Егор Васильевич Комаров (1917–1937), расстрелянный 3 октября. Скорее всего, они были осуждены и казнены в соответствии с оперативным приказом народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г.

На 1 января 1939 г. в Лазинке было 279 дворов. 274 двора с совокупным населением 1435 человек входили в состав колхоза «Новая жизнь». За рамками колхоза оставался 201 местный житель. Крупный рогатый скот держали в 160 хозяйствах села. Среди членов колхоза в трудоспособном возрасте (от 16 лет и старше) находились 429 человек. В течение 1938 г. в колхоз вступило 1 хозяйство, выбыло 2. Общая обрабатываемая колхозом площадь составляла 1383 га, в том числе под зерновыми – 1062 га, под картофелем – 90 га, под прочими овощами и бахчевыми – 17 га. Урожайность зерновых в 1938 г. составила 7,5 ц с га, картофеля – 11,5 ц с га, других овощей и бахчевых – 27 ц с га. В среднем каждым колхозником было выработано 125 трудодней. После распределения 21% денежных доходов колхоза на каждый трудодень пришлось 1,9 кг зерновых и 41 копейка деньгами. На административно-хозяйственные нужды колхоза пошло 2,2 % вырученных средств⁴. В колхозе были 23 головы крупного рогатого скота (в том числе 9 коров), 77 свиней (в том числе 12 свиноматок), 63 овцы, 128 лошадей (в том числе 100 рабочих)⁵. В селе работали

¹ Ленинская искра, № 24 (28 февраля 1934).

² Ленинская искра, № 62 (29 мая 1936).

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели плана 1938 г. по сельсоветам Горловского района.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района.

⁵ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района. Наличие скота по колхозам каждого сельсовета на 1.01.1939.

мельница, просорушка, черепично-кирпичный завод, неполная средняя школа, изба-читальня, агентство отделения связи, магазин¹.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Лазинке было 280 строений. Село заметно расстроилось вдоль берегов протекавших через него ручьев, целая новая улица появилась в северном направлении, в сторону села Березняги. К р. Верде спустился колхозный сад.

В июне 1941 г. началась Великая Отечественная война. Женщины села еще не успели проводить своих мужей и сыновей на фронт, как одному из уроженцев Лазинки довелось принять участие в уникальной операции советской авиации – бомбардировке Берлина в августе 1941 г. Капитан ВВС Андрей Яковлевич Ефремов (1910–1985) родился в проживавшей в Лазинке семье железнодорожника. В РККА он служил с 1932 г., в 1933 г. окончил 3-ю военную школу пилотов им. К.Е. Ворошилова. А.Я. Ефремов принимал участие в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг., с января 1940 г. был командиром звена 1-го минно-торпедного авиационного полка ВВС Краснознаменного Балтийского флота.

В начале августа 1941 г. капитан ВВС А.Я. Ефремов возглавил 3-ю авиагруппу, состоявшую из 5 бомбардировщиков «ДБ-3ф», которая вслед за двумя другими вылетела с военного аэродрома на о. Сааремаа (Эстонская ССР) для нанесения ударов по столице гитлеровской Германии. Несмотря на крайне тяжелые условия 7-часового перелета, боевое задание было успешно выполнено – благодаря усилиям советских летчиков состоялась первая в истории Великой Отечественной войны атака Берлина советской авиацией.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1941 г. за «образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом героизм и мужество» капитан А.Я. Ефремов был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В годы войны А.Я. Ефремов воевал на Балтике, на Черном и на Северном морях, а завершил свой боевой путь в составе ВВС Тихоокеанского флота на фронте борьбы с милитаристской Японией. В 1941–1945 гг. он был награжден 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденом Ушакова 1-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, 3 орденами Красной Звезды. В послевоенное время А.Я. Ефремов продолжал службу в ВВС СССР, в 1964 г. вышел в запас в звании полковника. Жил и работал в Москве (был директором Ждановского парка), затем в Риге.

В ноябре 1941 г. линия фронта дошла до Лазинки. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава. Лазинка на короткое время оказалась за линией фронта.

В первые дни декабря советские войска готовили контрнаступление, ставшее одним из переломных моментов в битве под Москвой. Прологом к нему стало освобождение Скопина. 28 ноября 1941 г. бойцы 84-й стрелковой бригады выбили из Скопина подразделения 88-го бронированного разведбатальона 18-й танковой дивизии немцев (упоминаемый в этом контексте «5-й мотоциклетный полк» никогда не существовал и является следствием ошибки). После этого бригада была переброшена под Москву, а на завоеванные ей позиции выдвинулись из Рязска части 61-й резервной армии. Документы свидетельствуют: «По

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния на 1939 год.

прибытии 1-го эшелона на станцию Ряжск в 10.00 29 ноября 1941 г. 3-й батальон 1164-го стрелкового полка 346-й стрелковой дивизии, командир старший лейтенант Серсков, разгрузившись в 18.00, выдвинулся в район Скопина, занять оборону на западной и юго-западной окраинах. В 20.00 30 ноября он занял оборону»¹. Так Лазинка оказалась на самой линии фронта.

В первые дни декабря 1941 г. в окрестностях села проходили реальные боевые действия. «В 6.00 6 декабря разведка 346-й стрелковой дивизии в районе Лазинка обнаружила 30 человек пехоты, завязался бой, в результате был убит немецкий солдат и один ранен; 2-я группа, действовавшая в Казинке, встретила до 10 человек солдат, завязалась перестрелка, в результате чего убит немецкий солдат, документов никаких не обнаружено. Остальные 9 человек ушли в северо-западном направлении...»²

После перелома в Московской битве фронт начал быстро откатываться на запад. В этом направлении через Лазинку проследовали сначала советские разведчики, затем стрелковые и кавалерийские части дивизии.

Для восстановления разрушенного боевыми действиями хозяйства Горловского района в 1942 г. он вновь был передан в административное подчинение Московской области. В том же году в Лазинском сельсовете был разукрупнен колхоз «Новая жизнь». Он был разделен на два хозяйства – «Освобождение» и «Рабочий путь».

Работа колхозов Лазинского сельсовета в военное время проходила в крайне неблагоприятных условиях. Не хватало рабочих рук, сельхозтехники. Хорошие лошади были все мобилизованы для нужд армии, для оставшихся не хватало кормов. Работы прибавилось. В 1942 г. в колхозе «Освобождение» пришлось раздать некоторых лошадей по дворам для откорма³. Ближе к зиме 1942–1943 гг. в Затворном, Лазинке и Казинке начали появляться волки.

Война заставила сельскую молодежь резко повзрослеть. Например, секретарю Лазинского сельсовета Евдокии Ивановне Никитаевой в 1941 г. было всего 18 лет. Во 2-й половине 1945 г. она стала председателем Стрелецко-Дубравского сельсовета⁴.

В 1950 г. в процессе нового укрупнения оба лазинских колхоза вновь объединились под общим названием «Освобождение». В новом колхозе было 171 хозяйство и 226 трудоспособных колхозников. «Освобождению» принадлежали 2053 га земли, в том числе 1691 га пашни и 20 га сенокоса. В колхозе насчитывалось 70 лошадей, 45 голов крупного рогатого скота, 6 свиней, 56 птиц⁵.

В 1950 г. Лазинский сельсовет был объединен с соседним Березняговским. В 1959 г. Горловский район был упразднен, а его населенные пункты переданы Скопинскому району Рязанской области, но административные реформы на этом не закончились. В 1961 г. в Березняговский сельсовет также вошли село Мшанка, поселок Широкий и железнодорожные будки⁶. В этом же году лазинский колхоз «Освобождение» и колхоз «Богатырь» (предположительно из п. Широкий, называвшегося в послевоенное время поселком им. Фрунзе) были влиты в березняговский колхоз «Красный Октябрь». В 1961 г. к ним добавился и мшанский колхоз им. Карла Маркса⁷.

¹ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 1, лл. 1–5.

² ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 12.

³ Ленинская искра, №31 (27 декабря 1942).

⁴ Ленинская искра, №11 (10 января 1946).

⁵ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. Рязань, 2006. С. 196.

⁶ Архив Скопинского района. Ф. 418, л. л. 1–1 об.

⁷ Архив Скопинского района. Ф. 284, л. 1.

На закате советской эпохи население села постепенно сокращалось. Молодежь уезжала в города. На 1 января 1980 г. в Лазинке было 262 жителя, работало отделение колхоза «Красный Октябрь», молочнотоварная ферма, медпункт, водопровод. На 1 января 1990 г. в селе осталось только 157 жителей¹. Катастрофа отечественного сельского хозяйства в начале 1990-х гг. лишь ускорила процесс депопуляции.

В 1993 г. использовавшееся для хозяйственных нужд колхоза здание Богословской церкви возвратили верующим. В 2000 г. была восстановлена община храма, которая занимается его восстановлением. Иоанно-Богословский храм села Лазинки числится по 1-му Скопинскому благочинию Рязанской митрополии. Его настоятелем является протоиерей Максим Валерьевич Косоруков, благочинный 1-го Скопинского округа.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Лазинка было включено в сельское поселение Ильинское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в это время в нем оставалось 38 постоянных жителей – 15 мужчин и 23 женщины.

---

¹ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 7. Рязань, 2006. С. 196.

ЛЕНИНКА

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

В 1925 г. в связи с укрупнением уездов Рязанской губернии из ее Скопинского уезда в Рязский была передана Володарская (Боровская) волость. В составе волости находился Желтухинский сельсовет. На его территории ок. 1928–1929 гг. появился новый поселок. По случаю 5-летней годовщины со дня кончины основателя большевистской партии и Советского государства В.И. Ульянова (Ленина) он был назван Ленинским поселком.

В 1929 г., с отменой дореволюционного административного деления на волости, уезды и губернии, Ленинский оказался в составе Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. Молодой населенный пункт впервые появился на экономической карте Рязского района Московской области в 1931 г.¹

В августе 1931 г. рязская районная газета «Колхозник» сообщила об организации в Ленинском поселке Желтухинского сельсовета Рязского района колхоза «Путь Ленина». «В колхоз идти не надо, – кричали кулацкие подпевалы, – Устройте и дайте все, тогда мы пойдем!» Но бедняцко-средняцкий актив доказал, что только путь, указанный Лениным, – коллективное хозяйство, есть путь к материальному благосостоянию. 20 хозяйств, или 59 % поселка вступили в колхоз. Организации нового колхоза значительно помогла разъяснительная работа колхоза «Новый путь» деревни Гудовка².

В марте 1932 г. «Колхозник» писал о новой сельхозартели: «В колхозе не имеется общего конного двора, и лошади находятся по дворам колхозников. Учет и отчет в колхозе отсутствует. Имеется семенной фонд, но к сортировки не приступали. Кулаки агитировали за выход из колхоза»³. Однако уже в августе 1932 г. результаты хозяйственной деятельности ленинских колхозников выглядели следующим образом: «В качестве аванса на трудодень выделено 2,5 кг ржи, соломы ржаной по 4 снопа, сена на 20 трудодней 7 пудов, огурцов одна мера. В семье Дергачева И.М. вместе с ним 4 трудоспособных, все они лучшие производственники. На 22 августа ими выработано 200 трудодней, получено аванса: 24 пуда, 28 фунтов ржи (ок. 390 кг), 15 копен ржаной соломы, сена 28 пудов, огурцов 16 мер. В семье Ушакова М.И. также вместе с ним 4 трудоспособных, но недисциплинированных, с прогулами, выработано 114 трудодня. Сам Ушаков агитировал за раздачу сена по наличию коров. При этом говорил: «Корова ест не число трудодней, а сено». По выдаче огурцов: «Как же так, мне дают 8 мер огурцов, когда у меня кадушка имеется на 10 мер»⁴.

В августе 1932 г. колхоз в Ленинском поселке уже упоминается под названием «Советская волна». Траектория его развития в целом повторяла путь, пройденный сельхозартелями других скопинских селений. Сталинский тезис об «обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму» был воспринят некоторыми как хороший повод для сведения личных счетов. В это время колхозники из Ленинского поселка М.Т. Киселев и Я. Лискин писали в рязскую районную газету: «В нашем колхозе «Советская волна» Желтухинского

¹ Экономическая карта Рязского района Московской области, 1931. М 1:100 000.

² Колхозник, № 38 (5 августа 1931).

³ Колхозник, № 14 (1 марта 1932).

⁴ Колхозник, № 69 (1 августа 1932).

сельсовета у руководства колхозом сидит кулак Лискин В.Т., до революции крупную торговлю имел, магазин в Москве, сейчас работает в колхозе председателем ревизионной комиссии и старшим конюхом. Членом ревизионной комиссии работал Лискин У.А., имел паровую мельницу в селе Александрове, хлебопекарню, 15 десятин (16,4 га) купчей земли, пользовался наемным трудом. Член правления, счетовод – кулак Ушаков М.И. Старший конюх Лискин воровал у колхозных лошадей фураж для собственной коровы. Председатель колхоза Дергачев с кулаками во время пьянки, за стаканом вина назначает бригадиром Кузмичева Я.Т.»¹.

В 1935 г. Ленинский поселок стал одним из населенных пунктов новообразованного Желтухинского района Московской области. В 1937 г. вместе с районом он был передан в административное подчинение Рязанской области.

Топографические карты РККА 1941 г. (съёмки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в поселке Ленинский было 35 строений. Он представлял собой ряд крестьянских домов, выстроившихся на правом берегу р. Моши вдоль дороги из деревни Козловка в деревню Воздвиженка. В Ленинском был собственный сельсовет (правда, он, скорее всего, просуществовал недолго).

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. мобилизованные в РККА жители поселка принимали участие в боевых действиях. Старший сержант Иван Иванович Васильев (1914–?) воевал с 1941 г., дважды был легко ранен (в 1944 и 1945 гг.), его боевой путь был отмечен двумя медалями «За отвагу». Вторую из них он получил за бои в Восточной Пруссии. Весной 1945 г. И.И. Васильев служил телефонистом роты связи 1187-го стрелкового Выборгского полка 358-й Ленинградской стрелковой Краснознаменной ордена Суворова дивизии. «...В боях на Земландском полуострове под артиллерийско-минометным огнем противника [он] обеспечил доставку донесений и боевых приказов командования подразделениям полка»².

В послевоенные годы ленинский колхоз «Советская волна» деревни Ленинка упоминается в составе Желтухинского сельсовета. В 1956 г. Желтухинский район был ликвидирован, а его населенные пункты были включены в Скопинский район Рязанской области.

В 1961 г. в Желтухинском сельсовете был расформирован совхоз им. В.И. Чапаева. На его базе у 1962 г. был создан совхоз «Желтухинский», в который вошли многие окрестные колхозы: «Красный богатырь» (Гусиловка), «Красные всходы» (Иваньково), «Сознание» (Малая Косыревка), «Дружба» (Большая Косыревка), им. М.М. Литвинова (Желтухино), им. Ф.Э. Дзержинского (Козловка), «13 лет Октября» (Петровские хутора), «Советская волна» (Ленинский поселок), «Новый путь» (Кондауровка)³.

По административно-территориальному делению 1970 г. деревня Ленинка относилась к Желтухинскому сельсовету Скопинского района Рязанской области⁴. Достигнув наивысшего расцвета в 1950–1960-х гг., затем начала последовательно терять население. К началу XXI в. в Ленинке осталось всего поддесятка домов.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Ленинка была включена в сельское поселение Шелемишевское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в это время в ней оставались 3 постоянных жителя – 1 мужчина и 2 женщины.

¹ Колхозник, № 33 (23 марта 1933).

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 687572, д. лл. 220–220 об.

³ Архив Скопинского района. Ф. 445, лл. 1–2.

⁴ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С. 97.

ЛЕТОВО

деревня

(сельское поселение Вослебовское)

Основание деревни Лето́во относится к XVI в. Первое упоминание о ней встречается в платежных книгах по письму и мере Третьяка Григорьевича Вельяминова 1595–1597 гг. Согласно документу, «за Иваном же з братею с Ондрюшкою да з Булгачком (детьми Васильевыми. – *Примеч. авторов*)» имелся «жеребей в деревне Летове; сошного письма в живущем и в пуге пол-полчети сохи...» При этом часть деревни была «за Жданом Прокудиным сыном Буниным, Иваном Кузьминым сыном Лесуновым, Истомой Андреевым сыном Федосовым»¹.

Название деревни является производным от одной из форм имени Леонтий – Летка (уменьшительно-ласкательное – Лету́ня) и, очевидно, было дано по одному из землевладельцев. От формы Лету́ня произошла фамилия Летунов. От такой фамилии, например, произведено название одного из селений в Моржевском стане Михайловского уезда: «...За Даниилом за Васильевым сыном Вострою Саблею – жеребей сельца Летунова»². Среди служилых людей, имевших «пашни паханые добрыя земли от Вердеревские дороги до Луковны...» в приправочной книге 1595–1597 гг. города Пронска и в грамоте царя Василия IV Шуйского 1606 г. на Михайлов и в Пронск осадным головам А. Маслову и Г. Чеботаеву об отделе поместья В.Н. Бурцеву и наказании за «непослушание пронских казаков», упоминаются «пятидесятник Костя Летовской» сотни Ненаша Кольшкина и сотник Иван Харитонов (кстати, второе название деревни Лето́во, попадающееся в документах XVIII в., – Харитонова поляна)³. В 1639 г. по наказу воеводы Осипа Герасимовича Оничкова «ряшанин сын боярский Артем Андреев сын Летов сыскал и измерил в Ряском уезде Пехлецом стану в пустоши Кротовой поместье Венюкова, сорок чети...»⁴. Возможно, речь идет о потомке или родственнике вышеупомянувшегося пронского пятидесятника.

По переписной книге переписи Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. сообщалось: «В деревне Лето́ва рязанец сын боярской Микита Козмин сын Филатов, ряшане дети боярские Провоторх Ермолаев сын Филатов, Роман Матвеев сын Пронин, Стипан Борисов сын Биляков, Свиридон Яковлев сын Фидосов, да недоросль Аким Петров сын Пронин, на их жеребьях крестьянских и бобьльских и задворных людей дворов нет, живут однодворцы своими дворами, а за Акимом двор <...> крестьянинский, в нем людей два человека»⁵.

По дозорной книге 1672 г. засе́к Рановской, Пустотинской и Новошацкой письма и дозора Курова от 4 (14) апреля 1672 г. упоминаются владения «деревни Лето́ва разных помещи-

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 126, 128.

² Там же. С. 198.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 260–261; РГАДА. Ф. 1209, д. 13941, лл. 56–57.

⁴ РГАДА. Ф. 1209, д. 13941, л. 29.

⁵ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, лл. 147 об – 148.

ков» и некий вяз, принадлежавший «вопче деревни Летовой да деревни Желтухиной Афонасия Протасова да братьев, возле Засечной черты...»¹

В переписной книге 1716 г. в деревне Летово описаны владения многих помещиков: «За Александром Львовичем Нарышкиным двор ево помещиков, построен после переписных книг в 714 году, для приезда дворовых людей и крестьян, в том дворе дворовый ево человек Микифор Григорьев сын Бреев семидесяти шести лет <...>. Ближней канцелярии за дьяком Александром Федотовым сыном Докутовским двор ево помещиков, в нем дворовых людей мужеска полу два человека <...>, обоих полов десять человек, да крестьянский один двор <...>. Адмирала-генерала, кавалера и губернатора Озовского, тайного советника и президента Адмиралтейства, графа Федора Матвеевича Апраксина в той деревне написан двор помещиков, построен для приезда дворовых людей и крестьян, в том дворе живут дворовые люди Григорий Федосеев сын Заиграев семидесяти одного года <...>; за боярином князь Петром Ивановичем Хованским двор скотцкий, а в нем скотник Микифор Васильев сын Линяев сорока одного года <...>. В той же деревне написано было по переписным книгам за стольниками за Афонасием Тимофеевым сыном Савеловым двор крестьянский...»²

Большинство летовских помещиков, упомянутых в документе, – хорошо известные деятели петровского царствования. А.Л. Нарышкин (1694–1746) – двоюродный брат царя, во время составления переписной книги учился в Италии и Франции. Впоследствии он в 1722–1725 гг. был директором Морской академии, в 1725–1726 гг. возглавлял Штатс-контору, а в 1726–1727 и 1731–1733 гг. – Коммерц-коллегию. Действительный тайный советник (1740), кавалер орденов Св. Александра Невского (1734) и Св. Андрея Первозванного (1742), А.Л. Нарышкин с 1733 г. был сенатором, хотя никогда не играл в Сенате значительной роли. Граф Федор Матвеевич Апраксин (1661–1728), генерал-адмирал русского флота (1707) и видный сподвижник Петра I, прославился в 1714 г. морской победой над шведами у мыса Гангут. Князь П.И. Хованский (ок. 1648–1716) известен как государственный и военный деятель. Боярин (1677) и полковой воевода, в 1705–1706 гг. он принимал активное участие в подавлении Астраханского восстания, в 1708 г. отличился при подавлении Башкирского восстания 1704–1711 гг. Афанасий Тимофеевич Савелов (1660–1733) также был высокопоставленным администратором Петровской эпохи. Пожалованный в стольники в 1678 г., он служил воеводой в Иркутске в 1683–1696 гг., в 1713–1719 гг. был ландратом Московской губернии, в 1719 г. стал товарищем Московского вице-губернатора и судьей Московского надворного суда, а в 1724–1733 гг. возглавлял Московскую розыскную раскольничью канцелярию. Произведенный в статские советники (1728), в 1730 г. он вошел в состав созданной императрицей Анной Иоанновной комиссии для разработки нового Уложения.

Кроме помещичьих дворов в переписной книге 1716 г. в Летоже показаны «дворы рязанцев рейтар», а в переписной книге 1710 г. записаны «той деревни резанцев однодворцев пятнадцать дворов, в них людей мужеску полу дватцать один, да женску семнатцать, да драгунских три двора, мужеску полу два да женску четыре человека, да дворовых людей, мужеску полу пять человек, женска два человека»³. Однодворцы были сословием лично свободных крестьян. В допетровскую эпоху они платили подворный налог. В годы реформ Петра I они стали платить подушную подать и четырехривенный оброк с теми же нормами, что и для государственных крестьян. Пограничную службу однодворцы несли в течение 15 лет. Пожа-

¹ РГАДА. К. 416, л. 117 об.

² РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 3, л. 423 об.

³ РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 1, л. 386.

лованной за службу землей – т. н. четвертями – однодворцы владели по праву четвертного владения и могли продавать ее только друг другу. Владельцы четвертной земли, у которых все дети служили, приобретали дворянство. Те же, кто не хотел идти в службу, оставались в однодворцах, хотя они и имели соответствующие росписи – таблицы о своем происхождении.

В купчей от 30 августа (10 сентября) 1745 г. о продаже имений помещиком Меркулом Петровым сыном Видановым говорится: «Продал он Пронской воеводской канцелярии стряпчему подьячему Марке Никифорову сыну Савинову недвижимое свое имение в Рязском уезде, Пехлецком стане в селе Яблонево, да в деревне Каширской, Коптевской тож, в деревне Рогу Колузенском, в жеребье деревни Летовой, а Харитонова поляна тож...»¹ Документ интересен прежде всего тем, что в нем упоминается полное название деревни – «Летово, Харитонова поляна тож».

В отписке в Рязскую воеводскую канцелярию об ознакомлении с указом императрицы упоминаются новые именитые владельцы деревни: «1756 года июня 19 дня, Рязкого уезду, Мошенского разъезду деревни Летовой капитана князя Сергея Микитова сына Долгорукова, староста ево Федор Павлов; князя Василия Петрова сына Хованского, староста ево Сергей Минаев; графа Кирилы Григорьева сына Разумовского, староста ево Федор Бреев, и с однодворцы десятской Петр Фесов и все того села жители, прислуги, присланной из Рязкой воеводской канцелярии с прописанием Тамбовской провинциальной канцелярии <Воронежской губернии> указа императрицы иметь предосторожности от разбойнической порчи, присматривании о поимке злодеев – слышали, и по оной исполнять во всем непременно, в чем и подписуемся»². Отставной армии капитан князь С.Н. Долгоруков (1724–1802)³ был крупным помещиком и храмоздателем Александровского уезда Владимирской губернии и Епифанского уезда Тульской губернии. Князь В.П. Хованский (1694–1746), сын предыдущего помещика князя П.И. Хованского, был придворным деятелем: в 1720-х гг. в чине камер-юнкера, а затем шталмейстера он состоял при великой княгине Анне Петровне. В 1732–1741 гг. служил на флоте и вышел в отставку в чине капитан-командора. В 1742 г. императрица Елизавета Петровна сделала его камергером и руководителем Главного магистрата. Граф К.Г. Разумовский (1728–1803) был младшим братом фаворита императрицы Елизаветы Петровны А.Г. Разумовского. Он стал последним гетманом Малороссии (1750–1764 гг.), являлся президентом Петербургской Академии наук в 1746–1765 гг. и в 1764 г. был пожалован чином генерал-фельдмаршала войск российских, хотя никогда в жизни армиями не командовал.

К началу екатерининской эпохи относится сохранившаяся в архивных фондах челобитная «канцеляриста Рязской воеводской канцелярии Петра Петрова сына Уланова Рязского уезда деревни Летовой на однодворцев Семеона и Андреяна Ивановых детей Прониных». Канцелярист должен был принять участие в разрешении имущественного спора вокруг наследства между указанными однодворцами и дворянами Муратовыми и Фроловыми-Багреевыми, но столкнулся с непредвиденным препятствием. В челобитной он писал: «Сего мая 15 дня 1763 года из Рязской воеводской канцелярии послан я был для отказу недвижимого умерших Лариона и Фоки Прониных имения в означенную деревню Летову и в прочих местах за прапорщика Сафрона, да за детей ево: сына Алексея, девицы Марины Муратовых, и за сына ево Ермила Фролова-Багреева, следующие после жены ево, Сафрона, оных Алексея, да Ермила и Марины, матери, почему я сего ж мая дня ею числа нареченное недвижимое

¹ РГАДА. Ф. 566, оп. 1, д. 121, л. 1.

² РГАДА. Ф. 566, оп. 1, ч. 2, д. 91, л. 32 об.

³ О нем см. статью «Нагиши» настоящего издания.

имение в показанную деревню Летову на двор общей выше писанного прапорщика Муратова детей и пасынка ево приехал, то незнаемо с какого умыслу при всех на реченный двор помянутые однодворцы Семеон да Андреян Пронины с кольями учили меня, именованного всякими непотребными словами, бранить и намеревались бить, и тем меня обесчестили, на что имею свидетелей...» Потерпевший просил «из Ряской воеводской канцелярии послать нарочного по инструкции и по приводу в брани меня и в бесчестии учинить по указу Ее Императорского Величества инструкции». Из канцелярии 28 мая поручено было капралу Алексею Фролову-Багрееву с командой ехать в деревню Летову и однодворцев «привести и объявить в Ряскую воеводскую канцелярию при репорте немедленно в брани ево, Уланова, и в бесчестии к ответу, будучи в сея посылке обид никоих и никаких не чинить...»¹

В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., сообщается, что деревня Летово «лежит на берегу речки Большой Моши» и является общим владением «секунд-майорского рангу скипаж мейстера Михаила Петрова сына Бычкова и жены ево Аксиньи Васильевой дочери; дворянина Алексея Сафронова сына Муратова; вахмистра Петра Иванова сына Есакова; капитана князя Сергея Никитича Долгорукого; премьер майора Николая Андреева сына Писарева; гвардии поручика Михаила Степанова сына Вышеславцева²; подпоручика Ильи Ульянова сына Венюкова; коллежского регистратора Тихона Степанова сына Протопопова, дочери ево подпоручицы Дарьи Тихоновой; поручицы Анны и сестры ее Матрены Прокофьевой детей Прониных; генерал поручика Николая Лаврентьевича Шетнева³; тайного советника Василия Савича Перексихина⁴; полковника Родиона Родионовича Кошелева; графини Катерины Сергеевны Гендриковой⁵; князя Павла Павловича Голицына; титулярного советника Марка Савинова сына Никонова жены ево Дарьи Семеновы дочери; вахмистра Николая Степанова сына Никонова; поручика Федора Корнеева, вахмистров Михайлы и Степана Савиновых детей Фроловых; дворянки Матрены Федоровой дочери Колобовой; поручика Степана Михайлова сына Бунина; прапорщицы Марии Васильевой дочери Буниной; капитана Елисея, поручика Ивана, сержанта Василья Ивановых детей Печениных; поручика Андрея, недоросля Алексея Ивановых детей Венюковых; прапорщика Егора Осипова сына Чеботаева; корнета Семена Григорьева сына Федюкина; вахмистра Павла Федорова сына Исаева, вахмистрши Домны Петровой дочери Лукинской; солдата Игната Михайлова сына Пронина и однодворцев»⁶.

По 3-й ревизии податных сословий Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в Летове насчитывалось 40 дворов, которые населяли 106 крепостных крестьянских душ разных помещиков. Крестьянские дома и огороды располагались на площади в 31 десятина 1550 сажень (34,5 га), пашенные земли – на 731 десятина 763 сажень (799 га), сенокосные луга – на 50 десятинах (54,5 га), леса – на 35 десятинах 1500 сажень (38,9 га). 9 десятин 100 сажень (9,9 га) земли имения считались «неудобиями». Земельная дача простиралась по берегам речек Яблоневки, Дубинки (Дубейки в более ранних документах. – *Примеч. автором*), Стригани, причем в документе отмечалось, что первые две в жаркое время «совсем пересыхают». Летовские крестьяне состояли на изделье и запахивали на господ 46 десятин (50,1 га), «не имеющих же <крестьян> владельцев селения земля об-

¹ РГАДА. Ф. 566, оп. 1, ч. 3, д. 166, лл. 1–2.

² О нем см. статью «Алмазово» настоящего издания.

³ О нем см. статью «Большая Косыревка» настоящего издания.

⁴ О нем см. статью «Желтухино» настоящего издания.

⁵ О ней см. статью «Дмитриевский хутор и Жмурки» настоящего издания.

⁶ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1241, лл. 128–130 об.; Ф. 1354, оп. 411, ч. 1, л. 14.

рабатывается разных сел и деревень крестьянами. Хлеб лутче родится: рожь, овес, гречиха, а пшеница и другие семена, равно и сенные покосы, средственны. Лес дровяной дубовой, березовой, осиновой; звери волки, лисицы, зайцы. Птицы тетерева, скворцы, чижи...»¹

На чертеже Генерального межевания 1779 г. обозначено владение помещиков крепостными душами по данным ревизии 1762 г. и «ныне»: «...За майором Бычковым мужеска пола восемнадцать, а ныне на лицо девятнадцать, за вахмистром Петром Ивановым Есаковым три, а ныне на лицо два, за недорослем Муратовым пять, а ныне на лицо пять, за князем Долгоруким шестнадцать, на лицо двадцать восемь, за подпорутчиком Вышеславцевым ныне на лицо две души. За подпорутчиком Венюковым двадцать четыре, ныне на лицо семнадцать, за регистратором Протопоповым четыре, ныне на лицо тож, за порутчиком Мисюревым жены сво Анны и сестры девять. Матрены Прокофьевой дочери Прониной пять, ныне на лицо шесть, за помещиком Васильчиковым одна, на лицо ныне тож, однодворцев шездесят один, а ныне на лицо семдесят восемь»².

На плане межевания «деревня Летова» изображена лежащей на правом берегу р. Моши. Одна часть деревни вытянулась вдоль речки и вниз по течению до впадающего в нее ручья на 350 сажений (746 м) и поворачивала к истокам ручья еще на 180 сажений (387 м). Крестьянские дома подразделялись на семь групп строений с огородами, располагавшихся друг от друга на расстоянии 30–80 сажений (64–171 м), а от берега Моши – в 100–120 саженьях (213–256 м). В верховьях ручья располагался также «хлебный магазин» (склад зерна). По правому берегу этого ручья шла улица из обращенных друг к другу изб протяженностью около 100 сажений (213 м)³.

По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. в деревне Летова проживали «секунд майорского ранга экипаж мейстерши Аксины Васильевой дочери Бычковой 14 душ, прапорщицы Анны Ивановой дочери Чевкиной 2 души, порутчицы Матрены Прокофьевой дочери Микулиной 3 души, коллежского регистратора Ильи Алексеича сына Давыдова 3 души, вдовы порутчицы Анны Прокофьевой дочери Мисюревой 3 души, прапорщицы Аксины Васильевой дочери Мисюревой 3 души, штабс-капитанши Веры Михайловой дочери Елютиной 20 душ», которые с 30 ноября 1823 г. «велено считать за прапорщиком Иваном Ионовым сыном Елютиным по покупке в оной деревне ж», а до этого за ним числились 2 души. «Малолетнего дворянина Михайлы ИONOва сына Елютина 4 души и дворянки Катерины Павловой Есаковой 1 душа»⁴.

Согласно окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1834 г. в Летова имелись в наличии «Михаила ИONOва Елютина 7 душ поселян; капитанши Веры Михайловны Елютиной 27 душ поселян и 14 дворовых, в 1845 г. вывезенных в другие имения губернии; подпорутчика Ивана ИONOвича Елютина 8 душ, в 1845 г. переведенных в другое имение губернии; штабс-капитана Николая ИONOвича Елютина⁵ с 1845 г. 23 души поселян и 5 дворовых; штабс-ротмистра Александра ИONOвича Елютина с 1845 г. 19 душ поселян и 10 дворовых; коллежской регистраторши Мисюревой Аксины Васильевны 5 душ; ма-

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1241, лл. 128–130 об.; Ф. 1354, оп. 411, ч. 1, л. 14.

² РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 1. Л-4 кр.

³ Там же.

⁴ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 81 об – 83.

⁵ Елютин Николай ИONOвич (1802 – ?) – штабс-капитан, участник Русско-персидской войны 1826–1828 гг и Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., кавалер орденов Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Анны 3-й степени с бантом и 4-й степени, а также Золотого оружия с надписью «За храбрость». В 1840-х гг. служил исправником Скопинского уездного земского суда.

лолетних Герасима и Дмитрия Васильевых Мисюревых 7 душ; прапорщицы Чевкиной Анны Ивановны 5 дворовых»¹.

По окладной книге 1850 г. за штабс-капитаном Николаем Ионовичем Елютиным было положено в оклад мужского пола 21 душа поселян и 8 дворовых; за штабс-ротмистром Александром Ионовичем Елютиным – 19 душ поселян и 13 дворовых, в 1853 г. к ним были причислены еще 5 поселян и 3 дворовых; за женой канцелярского служителя Анной Андреевной Мисюревой мужского пола 7 душ; за канцелярскими служителями Мисюревыми Герасимом Васильевичем 4 крестьянина, Дмитрием Васильевичем 5 крестьян мужского пола, Александром Алексеевичем 2 души мужского пола². Кроме помещичьих крестьян, в деревне по-прежнему проживали однодворцы.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в деревне Летово Скопинского уезда Рязанской губернии проживали 20 домохозяев из числа четвертных крестьян-однодворцев, а также 69 крепостных крестьянских душ мужского пола и 79 – женского³.

До 2-й пол. XIX в. жители деревни Летово были прихожанами Покровской церкви села Яблонево. В 1854 г. к этому приходу было приписано 50 дворов, а общее количество прихожан составляло 236 мужчин и 255 женщин⁴. Видимо, по принадлежности к церковному приходу Летово при отмене крепостного права в 1861 г. было отнесено к Яблоневской волости.

В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1862 г. значится: «Скопинск[ого] уезд[да], участка мир[ового] посредника Вердеревского, с[ель]цо Летово кол[лежского] регистратора М.И. Елютина, 20 д[уш]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 1965 саж[еней]; повинность издельная. Грамота написана помещиком. Также девицы В.М. Елютиной, 19 д[уш]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 1500 саж[еней]»⁵.

В 1863 г. летовские помещики провели специальное межевание, уточнявшее их земельные права. По чертежу специального межевания от 7 (19) сентября 1863 г. в «деревне Летовой, что ныне сельцо» (т. е. при деревне возникла помещичья усадьба), было 14 землевладельцев, крупнейшим среди которых был коллежский регистратор Михаил Ионович Елютин – ему принадлежало около 250 десятин (273 га) земли. Дворянка Варвара Елютина владела почти 65 десятинами (71 га), канцелярист Герасим Васильевич Мисюрев и жена его Анна Андреевна «с прочими» – 67 десятинами (73 га), поручица Любовь Ивановна Хмырева, титулярная советница Ольга Андреевна Сульменова, штабс-ротмистрша Наталья Андреевна Загряжская, канцелярист Ефим и Егор Андреевичи Никоновы, полковник Аполлон Тарасенко-Отрешков и княгиня Мария Петровна Волконская – в общей сложности 81 десятиной, а потомки однодворцев – «казенные крестьяне ведомства Рязанской казенной палаты» – более чем 391 десятиной (427 га)⁶.

В «Ведомости о выкупных сделках, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие с 12 апреля по 25 мая 1865 г. «значится сельцо Летово Яблоневской

¹ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 81 об., – 83, 94 об., – 95, 182 об., – 183.

² ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 98 об, 100, 201 об., – 204.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 86.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорчье, 1998. С. 627.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 27 (7 июля 1862).

⁶ РГАДА Ф. 1354, оп. 411, ч. 2, лл. 33–33 об.

волости помещика Михаила Ионовича Елютина и 20 крестьян. Имение это было заложено в Московской сохранный казне. Размер выкупной ссуды составил 2277 руб. 33 коп.»¹.

В 1872 г. деревня Летово, в которой в это время насчитывался 51 крестьянский двор, была переведена в приход Покровской церкви, построенной в это время в селе Новом, находившемся на расстоянии 1 версты от деревни. Иногда деревню называли еще и Елютинкой, т. к. с запада к Летоу примыкало село помещиков Елютиных. Не обходилось в селении без происшествий. «Рязанские губернские ведомости» в 1881 г. сообщали: «В ночь с 1 на 2 октября Скопинского уезда в дер. Летоу стог скотный двор землевладельца Елютина; убытка понесено на 400 руб. При дознании заявлено, что пожар произошел от поджога, но виновных не обнаружено и подозрение ни на кого не заявлено»².

По переписи населения 1882 г. в Летоу насчитывалось 30 домохозяйств, в которых проживали 89 мужчин и 91 женщина. Грамотными среди них были только 15 мужчин, 12 учащихся мальчиков и 2 девочки. На ревизскую душу приходилось почти 5 десятин (5,5 га) черноземной с примесью глины земли, на работника – 8,9 десятин (9,7 га). Дополнительно крестьяне деревни арендовали 240 десятин (262 га) внеадельной земли. На одно домохозяйство в среднем приходилось 5,6 головы крупного рогатого скота. При этом без коров и лошадей обходились жители трех дворов, а обитатели еще трех были просто безлошадными. Из 29 изб деревни большая часть топилась «по-белому», при них имелось 25 плетневых дворов, 19 горниц или клетей, 21 амбар или сарай, 23 риги или овина. В деревне действовал кабак³.

По сведениям за 1893 г. в деревне в это время работали кузница скопинского мещанина Петра Мызника и просорушка крестьянина Степана Ретюнского⁴.

Согласно данным за 1905 г. в Летоу было 44 двора, в которых проживали 148 мужчин и 106 женщин. С начала XX в. в деревне действовала земская школа, попечителем которой состоял дворянин Михаил Ионович Елютин. Также в Летоу работал фельдшерский пункт, для размещения которого Скопинское уездное земство арендовало помещение у крестьянина Филатова. При деревне также имелся кирпичный завод. Крестьяне занимались кустарными промыслами, женщины – плетением кружев. Недалеко находилась деревня Летоу (Елютинка) господ Елютиных и в радиусе 1 версты – их же хутор (усадебка), называвшийся Летоуским. В обоих селениях насчитывалось 15 дворов⁵.

События Первой русской революции 1905–1907 гг. отозвались в Скопинском уезде аграрными волнениями. В условиях острой нехватки земельных ресурсов в большинстве случаев поводами к ним стали неразрешенные споры с местными помещиками и духовенством о владении земельными участками. Политические требования, конечно, крестьянами не выдвигались. Но различные партии так или иначе старались привлечь крестьянство на свою сторону, направляя в сельские районы страны своих агитаторов. Один из них – член РСДРП Я.К. Леонов – был арестован в Скопинском уезде в конце 1906 г. 6 (19) декабря 1906 г. ротмистр Рязанского губернского жандармского управления докладывал: «Установлено до-

¹ Рязанские губернские ведомости, №26 (30 марта 1866).

² Рязанские губернские ведомости, №78 (4 ноября 1881).

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 86–91.

⁴ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 808, лл. 1 об., – 2.

⁵ Населенные места Рязанской губернии / составлены под ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 620–621; Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLII 1905 года созыва. Скопин, 1906. С. 166, 391.

знанием, что в д. Летово Скопинского уезда в конце октября с. г. раздавал прокламации крестьянам: «Выборгское воззвание» и «Манифест к крестьянству». Признал себя виновным в принадлежности к социал-демократической рабочей партии, раздавал прокламации как член этой партии...»¹

В 1908 г. в Летове насчитывалось 440 жителей. В местной земской школе обучались 36 детей, среди которых были и приходившие учиться из находившейся на расстоянии 1 версты деревни Воздвиженки². Здание школы было построено недавно, но, согласно докладу члена Скопинского уездного земского собрания, в его стенах уже имелись большие щели, так как «во время стройки материал был сырой»³. Попечителем летовской земской школы в 1912 г. был крестьянин С.Д. Филатов⁴. По отчету за 1916 г. школа была однокомплектной с трехклассным обучением. Экзамен сдавался только при выпуске⁵.

Состоятельный летовский крестьянин С.Д. Филатов использовал в своем хозяйстве самую современную и, видимо, недешевую сельхозтехнику. Но и она порой подводила. Известно его прошение в Скопинское уездное земское собрание от 14 (27) июля 1908 г. следующего содержания: «В прошлом 1907 г. мною у Скопинского земства куплен был в 33 руб. плуг фирмы «Гельферих-Саде», каковой для работы совершенно не годился, так что пришлось к нему еще приплатить в мастерскую земства 1 рубль за перекал отвалов, каковые оказались железными, тогда как должны быть, мне кажется, стальными, все это может подтвердить монтер земства М.И. Венедиктов, так как он был экспертом при починке плуга. Плуг этот был представлен обратно в управу 15 апреля 1908 г. Ввиду этого я очень считаю нужным обратиться к Земскому собранию о принятии от меня обратно вышеозначенного плуга. А деньги за честь за взятую мною жатку»⁶. Но земская управа не согласилась с его доводами. В ее заключении говорилось: «Плуги двухлемешные «Гельферих-Саде» были выписаны в количестве трех штук в имение князя Оболенского при дер. Желтухино по просьбе управляющего этим имением. Два плуга были взяты управляющим, и пахут они хорошо. Третий плуг был взят крестьянином д. Летовой С.Д. Филатовым в 1907 г. Весной текущего года, т. е. через промежуток времени почти год, Филатов представляет плуг обратно и просит заменить его другим. Сельскохозяйственный склад не счел себя вправе принимать вещь, проданную год назад, а указал лишь Филатову, что в 7 верстах от д. Летовой на той же земле плуги той же фабрики пахут хорошо. Кроме того, Филатову было предложено перекалить отвалы в земской мастерской, или заменить более крепкими. После перекаливания отвалов плуг, по словам Филатова, все-таки не работал.... Единственно, что можно сделать – это сменить отвалы, поставить их из твердой стали по заготовительной цене. Этот расход составит сумму в 3 руб. 5 коп. – 4 руб.»⁷ Просьба крестьянина, таким образом, удовлетворена не была.

¹ Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции: (Документы и материалы). Рязань: Кн. изд-во, 1960. С. 222–223.

² Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 48–49.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV 1908 года созыва. Скопин, 1909. С. 158.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 273.

⁵ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 174.

⁶ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLIV очередного созыва 1908 года. Скопин, 1909. С. 290.

⁷ Там же. С. 291.

В 1914 г. в Летове было 45 дворов, которые населяли 148 мужчин и 130 женщин¹. В годы Первой мировой войны в деревне, которая нередко именовалась селом, построили кирпичное церковное здание, однако сведений о его освящении и служивших в нем священниках обнаружить не удалось.

В 1917 г. в деревне Летово Яблоневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 59 дворов и 328 жителей². В первые послереволюционные годы в Летове был образован сельсовет.

В 1925 г. в связи с укрупнением волостей уездов Рязанской губернии Яблоневская волость была ликвидирована, а деревня вошла в увеличившуюся в размерах Ерлинскую волость.

В конце 1920-х гг. скопинское село в значительной степени оправилось от ударов, полученных в ходе Гражданской войны и хозяйственной разрухи. Постепенно восстанавливались крестьянские хозяйства. В информационной сводке ОГПУ № 11 от 5 апреля 1929 г. сообщалось: «...В д. Летово Ерлинской волости середняк по вопросу о новом с/х налоге говорил: «В текущем году можно будет прибавить скота, т. к. он не будет так облагаться налогом, как в прошлом году»³.

Начавшаяся в годы первой пятилетки массовая коллективизация сельского хозяйства вызывала в традиционно консервативной крестьянской среде – особенно у ее наиболее зажиточной части – много негативных эмоций. В спецсводке № 21 информационного отдела ОГПУ о колхозном строительстве в Рязанской губернии от 10 июня 1929 г. сообщалось: «...В д. Летово Ерлинской волости зажиточный агитирует: «Порядочный середняк не пойдет в коллектив, хотя и будет жить хуже коллективистов. Никому не интересно, чтобы моя лошадь работала на Ивана. Что же касается лодырей, им коллектив на руку: продай свой скот, накупи себе добра и жди, когда создадут коллектив, чтобы сесть на чужую шею»⁴. В д. Летово <...> середняк в группе крестьян по вопросу о коллективизации говорил: «Там, где создают коллектив, там разбегаются, так что нам надо сидеть да помалкивать. Мы еще не привыкли, чтобы с нас брали, а мы любим, чтобы нам давали, да и опасно входить в коллектив, уберешь хлеб, а тебя посадят на норму, а остальное вези в кооператив по твердым ценам». Агитация его имела успех у присутствующих»⁵.

В 1929 г. ушло в прошлое историческое административное деление на волости, уезды и губернии. Летово стало населенным пунктом Ряжского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1929–1931 г. район входил в ее Рязанский округ, затем систему округов отменили.

В начале 1930-х гг. в Летове был создан колхоз им. П.Л. Войкова. Имя советского партийного деятеля и дипломата, павшего в 1927 г. в Варшаве от рук террориста, было еще у всех на слуху. Первые шаги новой сельхозартели, судя по публикациям в ряжской районной газете «Колхозник», были довольно успешными: «Благодаря усилиям счетовода Филатова учет трудодней в колхозе поставлен хорошо. По окончании наряда счетовод записывает в книжку трудодни, результаты выработок. Единоличник, убедившись в преимуществе коллективного труда, вступает в колхоз, за период уборки вступило 8 хозяйств»⁶.

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 593, 627.

² ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 154.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Док. и материалы. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 600.

⁴ Там же. С. 649.

⁵ Там же. С. 650.

⁶ Колхозник, № 41 (20 августа 1931).

По сообщениям скопинских краеведов, «через несколько лет после создания колхозов началось раскулачивание тех, кто пожелал вести хозяйство единолично. Всего по Летовскому сельсовету таких дворов набралось около десятка. Кулаки, владевшие сотней и более гектаров земли и нещадно эксплуатировавшие крестьянский труд, были только в Летово. Это, например, семьи Савиных и Филатовых. Большинство же крестьян, подвергшихся «раскулачиванию», пострадали зря. В их число, кстати, попали мельник К.И. Силкин и плотник Д.В. Ретюнский, жившие в несколько лучшем достатке, чем большинство крестьян, но зарабатывавшие себе на жизнь исключительно собственными руками»¹.

В 1935 г. в Московской области был образован Желтухинский район, куда из Рязжского района была передана деревня Летово Летовского сельсовета.

В августе 1936 г. желтухинская районная газета «Колхозная правда» сообщила: «Несколько лет пустовала в селе Летово церковь. В нынешнем году под руководством председателя из церкви строится НСШ (неполная средняя школа. – *Примеч. авторов*) под руководством Абрамова»². Год спустя газета посвятила отдельную статью этому драматическому эпизоду летовской истории, по которой нам известны некоторые подробности происходившего: «При подготовке к 1936/1937 учебному году под неполную среднюю школу Летовским сельсоветом была отремонтирована церковь»³. Из отремонтированной церкви получилось два класса. В связи с расширением и улучшением этой школы РОНО обещал ходатайствовать перед областным отделом об отпуске средств на дооборудование. Директор школы Ильюшин и председатель сельсовета Абрамов М.М., не дожидаясь средств, приступили к разбору старой школы, руководствуясь распоряжением РОНО тов. Ереминой. Подыскав рабочих, начали разламывать колокольню, делая это без технического надзора, а в результате двое рабочих упали с колокольни. Один упавший через несколько дней умер. После этого решили разбирать по одному кирпичу, но тут дело уперлось в средства. Их не оказалось ни в сельсовете, ни в РОНО. Рабочие, проработав несколько дней, получили расчет. На весь ремонт ушло более тысячи рублей. Сейчас все строения бывшей школы стоят голыми»⁴. Старая школа еще долго стояла со сломанной крышей и голыми стенами. Часть церковного кирпича в итоге пошла на строительство колхозного зерносклада и конного двора. По данным за 1937 г., в это время на территории Летовского сельсовета действовали начальные школы в Летово, Свистовке и Гудовке»⁵.

В 1937 г. Желтухинский район был передан из Московской области в новообразованную Рязанскую. На завершающем этапе «большого террора» в жернова государственного репрессивного аппарата нередко попадали и сотрудники органов НКВД. Так, например, во время реорганизации Главного управления шоссейных дорог (ГУШОСДОР) НКВД СССР, работавшего неэффективно, 21 апреля 1938 г. в Москве был арестован уроженец Летова Сергей Григорьевич Пронин (1902–1938), ранее занимавший пост заместителя начальника отдела учебных заведений этой организации. Он, похоже, стал одним из людей, на которых возложили ответственность за неудачи в деятельности этой структуры. Его имя фигурирует в т. н. «сталинском списке» от 20 августа 1938 г. с пометкой: «бывш. сотрудник НКВД – категория 1». 1 сентября 1938 г. С.Г. Пронин был осужден Военной коллегией Верховного суда

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 220–221.

² Колхозная правда, № 92 (12 августа 1936).

³ Возможно, речь идет о церкви в селе Новое.

⁴ Колхозная правда, № 87 (11 августа 1937).

⁵ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 64.

СССР по обвинению в шпионаже и в тот же день расстрелян на подмосковном полигоне «Коммунарка». В 1956 г. он был посмертно реабилитирован.

На территории Летовского сельсовета Желтухинского района к 1938 г. работали колхозы им. П.Л. Войкова (Летово), «Новая жизнь» (Свистовка), «Новый путь» (Кондауровка), «6-й съезд Советов» (Новое), «Пролетарский труд» (Савиловка) и «15 лет Октября» (Воздвиженка)¹. По наблюдениям позднейших исследователей, постепенно, а иногда и сразу во многих колхозах возникли два привилегированных слоя. К первому относились «председатель колхоза, члены правления, бухгалтер, бригадиры, завхоз и [лица] других должностей (завскладом, завклубом, заведующий избой-читальней, руководитель хора, заведующий хатой-лабораторией, почтальон и пр.)», считавшиеся администрацией колхоза. Второй слой представляли «группа механизаторов, владевших как современными профессиями тракториста, комбайнера, шофера, так и традиционной профессией кузнеца». Работники первого слоя «получали оплату по трудодням, как и остальные колхозники, но обычно зарабатывали гораздо больше рядовых колхозников, потому что, как правило, считалось, будто они работают весь год, семь дней в неделю»². При таком социальном расслоении руководителям колхоза приходилось заботиться о сплочении подведомственного коллектива. Достигалось это традиционным для русского села способом. О том, как эта практика выглядела в летовском колхозе, желтухинская «Колхозная правда» писала в сентябре 1940 г.: «...Правление колхоза с председателем вечером 1 сентября устроило пьянку по случаю окончания всех работ. Было затрачено 200 с лишним рублей на покупку вина, яиц и меда. Хотя колхоз еще не скошил 108 га овса, 13,5 га пшеницы и 13,6 га гречихи. Утром колхозники собрались идти на работу, но наряд выдавать некому, лошадей из стойла не выгоняли до 12 часов»³.

Тракторов было мало. Основная их часть сосредотачивалась на МТС и появлялась на колхозных полях только во время вспашки и уборки урожая. По количеству начисленных трудодней трактористы заметно опережали простых колхозников. Доходы же большинства членов колхоза высокими назвать было нельзя. Недостаточная материальная заинтересованность предопределяла отношение простых жителей села к труду. Многие старались больше работать на своих приусадебных участках, мужчины уходили в отход в города (отсутствие паспортов у колхозников было сдерживающим фактором, но непреодолимым препятствием не являлось). На уровне человеческих отношений колхоз все чаще стал рассматриваться как навязанное государством учреждение. Отсюда следовало и отношение к нему, которое читается за строками следующего газетного сообщения, датированного сентябрем 1940 г.: «В колхозе им. Войкова в первых числах июля гражданин Филатов А.Т. скошил три сотки колхозных лугов. Был составлен акт председателем колхоза Моргуновым Ф.С., депутатом Коростелевым С.И., председателем ревизионной комиссии Поляковым Ф.С. и направлен участковому Фомину, который допросил Филатова. На этом все и закончилось»⁴.

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война надолго прервала нормальный процесс развития сельского хозяйства западных районов Рязанской области. К концу года линия фронта пролегла в опасной близости от Летова. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. К 26 ноября немец-

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 64

² Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008. С. 160–161

³ Колхозная правда, № 6 (6 сентября 1940).

⁴ Колхозная правда, № 101 (4 сентября 1940).

кие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава. Вражеские разведотряды доходили до сел Шелемишево, Яблонево и Летово. Скопинский райком ВКП (б) сообщал: «...Около села Летово Кораблинского¹ района немецкой разведкой расстреляны неорганизованно отступающие работники Скопинского РО УНКВД по РО: ст. оперуполномоченный УРО Скопинского РО УНКВД – Ильин Николай Степанович, инструктор ЗАГС Володин Василий Матвеевич и милиционер отдела милиции Свежинин. Все вышеперечисленные лица были расстреляны немцами по признакам партизан, так как на месте расстрела около Казанской церкви висела небольшая фанерная доска с надписью на немецком языке – партизаны»².

На фронтах Великой Отечественной войны летовцы проявляли унаследованную от предков крестьянскую смекалку и сообразительность. Младший брат репрессированного в 1938 г. С.Г. Пронина батальонный комиссар Дмитрий Григорьевич Пронин (1904–?) служил заместителем по политчасти командира 490-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона ПВО в составе 41-й армии Калининского фронта. С мая по ноябрь 1942 г. армия обороняла рубежи западнее и юго-западнее города Белый Калининской³ области. Осенью 1942 г. «по личной инициативе батальонного комиссара Пронина Д.Г., возглавившего и до конца руководившего группой командиров и бойцов, были подобраны на поле боя 7 зенитных систем, эвакуированы в тыл и восстановлены на заводе. Дивизион, до этого не имевший материальной части, вооружился и стал боевой единицей. За время с 20 сентября по 23 октября 1942 г. из этих орудий сбито 5 вражеских самолетов и подбит 1»⁴. Сам Д.Г. Пронин был удостоен ордена Красной Звезды. Впоследствии майор Д.Г. Пронин принимал участие в Смоленской наступательной операции 1943 г., «в боях с авиацией противника личным примером мужества и стойкости воодушевлял на подвиги бойцов и командиров боевых подразделений. Только при его личном участии за время операции с 13 августа 1943 г. батареями сбито 5 самолетов. 5 сентября 1943 г., когда 2-я батарея, а через 6 часов и 3-я батарея подверглись нападению пикирующих самолетов противника – “Юнкерс-87”, когда командир 3-й батареи и командир огневого взвода выбыли из строя, майор Пронин лично вывел матчасть и личный состав батареи из-под огня, в течение 10 часов, несмотря на убыль в личном составе и матчасти, привел батарею в состояние боеготовности и руководил отражением налета 6 сентября 1943 г., в результате был сбит “Хейнкель-111”»⁵. Приказом по войскам артиллерии Калининского фронта № 025 от 25 сентября 1943 г. Д.Г. Пронин был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

В 1950 г. в рамках линии на укрупнение рязанских колхозов сельхозартель «Новый путь» деревни Кондауровка была объединена с колхозом им. П.Л. Войкова. В свистовский колхоз «Новая жизнь» влились «6-й съезд Советов» и «15 лет Октября»⁶.

В 1956 г. Желтухинский район Рязанской области был упразднен, его населенные пункты были поделены между соседними Скопинским и Рязским районами. В составе новой административной единицы укрупнение колхозных хозяйств было продолжено. В начале 1958 г. летовский колхоз им. П.Л. Войкова объединили с «Новой жизнью» с центральной усадьбой

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, кор. 10, д. 24. лл. 7–8. Постановлением ВЦИК от 10 декабря 1932 г. Кораблинскому району отошли Великолукский, Ерлинский, Ерлино-Выселский, Крутовский, Яблоневский сельсоветы. (Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 г. М: Кучково поле, 2011. С. 516). Упомянутая церковь – скорее всего, храм в селе Новое.

² ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 37, л. 31–32.

³ Ныне Тверской.

⁴ ЦАМО. Ф. 33, оп. 682525, д. 345, л. 29.

⁵ ЦАМО. Ф. 33, оп. 682526, д. 1393, л. 57.

⁶ Колхозная правда, № 138 (2 сентября 1950).

в Свистовке. Новый крупный колхоз, унаследовавший общее название «Новая жизнь», объединил жителей деревень Свистовки, Воздвиженки, Савиловки, Летова и Новой. В 1965 г. правление колхоза находилось в деревне Новая, его председателем колхоза работал Лобасов. Общая площадь обрабатывавшихся колхозниками земель составляла 2860 га¹.

В 1971 г. в Скопинском районе Рязанской области был образован Новинский сельсовет с центром в селе Новое, куда перешли деревни Воздвиженка, Летово и Савиловка. Свистовка была передана Желтухинскому сельсовету².

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Летово была включена в сельское поселение Вослебовское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в это время в ней было 11 постоянных жителей – 2 мужчин и 9 женщин.

---

¹ Архив Скопинского района. Ф. 113, лл. 1–2.

² Архив Скопинского района. Ф. 104, л. 1.

ЛОПАТИНО

село

(сельское поселение Успенское)

В XVI–XVII вв. окрестности современного села Лопатино были довольно густо населены. Археологические исследования, проводившиеся в 1990 г. под руководством Д.И. Пятых, выявили в районе Лопатина пять средневековых селищ, существовавших одновременно. «Селище-1» находится в 2,2 км от центра села к северо-западу, на надпойменной террасе правого берега р. Верды, «Селище-2» – на южной окраине села, в 1,5 км к западу от его центра и 0,2 км от животноводческой фермы, «Селище-3» – на склоне правого берега р. Верды в 1 км к югу от железнодорожной станции Лазинка, «Селище-4» – на северо-западной окраине села, в 0,5 км к северо-западу от его центра, и, наконец, «Селище-5» – на северной окраине села, близ дома 25 по ул. Трудовой. В культурном слое всех памятников были обнаружены фрагменты позднесредневековой гончарной керамики – сероглиняной, белоглиняной, чернолощеной и мореной, преимущественно XVI–XVII вв. и более позднего времени¹. Большое количество поселений в этой местности объясняется ее удобным расположением и близостью воды.

В начале XVII в. Лопатино было одной из деревень вотчины боярина Никиты Ивановича Романова. Первое упоминание о нем известно по подлинной писцовой книге 1629–1631 гг. письма Григория Киреевского: «За боярином Иваном Никитичем в вотчине ж деревня Лопатино, а в ней крестьянские дворы: во дворе Сережка Слоботчин, во дворе Безсонка Слоботчин, во дворе Оничко Дягилев, во дворе Макарка Гречишников, во дворе Васка Красной, во дворе Ларко Боровик, во дворе Васка Дягелев <...> во дворе Путинка Гречишников, во дворе Меньшик Иванов, во дворе Фетка Иванов, во дворе Фетка Селиванов, во дворе Мартинка Григорьев...»² Всего крестьянских дворов в деревне было 17.

История формирования скопинской вотчины Романовых в подробностях не известна, но можно предположить, что при ее создании какие-то земли приобретались и обменивались для «округления» земельных владений. В связи с этим обращает на себя внимание упоминание в платежных книгах Пехлецкого стана Рязского уезда 1594–1597 гг. о землевладельцах Лопатиных. Так, одним из помещиков деревни Каргашинского починка и «жеребья в пустоши, что была д. Деревск», был некий «Федозка Иванов сын Лапатын». В то же время в Рязском уезде владельцами «жеребья в с. Журовине» были «Васька да Тренька Третьяковы дети Лопатины»³. Вряд ли это случайное совпадение. Можно предположить, что в XVI в. Лопатины были первыми владельцами поместья, где позднее возник починок Лопатино, впоследствии приобретенный Романовыми. Еще менее случайным в этом контексте выглядит упоминание рядом с Лопатином «починка Журавинки», название которого напоминает Журовино. Однако возможна и другая версия происхождения названия села. В делах Тайного приказа за

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. 1996. С. 117–118.

² РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 7; оп. 1, ч. 2, д. 13329, л. 642 об.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 116, 148.

1664 г. имеется сообщение о том, как «мая в 10 день по отписке с Скопина воеводы Дениса Остафьева куплено на Скопине и прислано к Москве 4000 кур живых, и те куры маяя ж в 11 день по указу великого государя отосланы в Домодедовскую волость к Андрею Мерчукову, и велено их роздать крестьяном сел Домодедова и Ермолена и деревни Лопатины...»¹. В подмосковной Домодедовской волости, также принадлежавшей Романовым, была своя деревня Лопатино, появившаяся раньше скопинской. Возможно, скопинская деревня была основана переселенными туда из-под Москвы крестьянами.

«В выписи из Рязской переписной книги переписи Ивана Румянцова да подьячего Ивана Кондратова 154 (1646) г. оно (Лопатино. – *Примеч. авторов*) значится уже селом, в котором было крестьянских 62 двора»². Упомянутый выше «починок Журавинка» в отказной книге 1640 г. уже упоминается как «деревня Жюравинка, что была написана по писцовым книгам Григория Киреевского с товарищи в починке»... В ней в это время было 37 крестьянских дворов³.

После кончины боярина Н.И. Романова в 1654 г. его скопинскую вотчину унаследовал царь Алексей Михайлович, преобразовавший ее в Скопинскую дворцовую волость. В ней по распоряжению царя было организовано пашенное хозяйство для снабжения двора и армии хлебом и мясными продуктами.

В окладных книгах монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненных при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 г., впервые упоминается лопатинский храм: «Покровская церковь, двор попа Ивана». По новому окладу 1676 г. «дани с Покровской церкви положено рубль двенадцать алтын пять денег»⁴. При церкви было «церковныя пашни десять четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на тридцать копен». В его приход входили село Лопатино и деревня Журавинка. Окладная книга сообщала: «В том селе Лопатине да в деревни Жюравинке сорок три двора крестьянских, девять дворов бобыльских и всего 53 двора»⁵. Из этой записи наиболее наглядно становится ясно, что изначально речь шла о двух разных селениях, которые позднее слились в одно под общим именем «село Лопатино, Журавинка тож».

Названия рек и прилегающих к ним селений с корнями «жер-» или «жур-» часто встречаются на картах Рязанщины XVI–XVII вв. Почему появлялись такие названия, как Журавлиный лес, Журавлиный луг или Журавлиное поле, вполне понятно. Но почему такие названия носили реки? Например, «в Кобыльском стану село Борисовское на речке на Жеравки...» или «село Марковское на речке на Жеравленки под большим лесом»⁶... Русское слово «жерело» или «жерло» вообще обозначало узкое, глубокое или горлообразное отверстие, а также родник, источник, рукав реки. Название птицы – журавль (*стар.* жеравь), видимо, также является производным от «жерело» (через чередование суффиксов), возникшим для обозначения птицы с длинной шеей, быть может, к тому же и «горластой», т. е. громко кричащей. Отнюдь не очевидным представляется происхождение слова журавль от «жеравец» – названия приспособления для поднятия воды из колодца. Ведь с журавлями людям приходилось сталкиваться за тысячелетия до изобретения этого механизма, так что название птицы должно

¹ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. СПб., 1907. С. 1068.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 175.

³ РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, ч. 1, д. 13918, л. 571 об.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 175.

⁵ Книги окладные монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цешков] Рязань: Александрия, 2004. С. 353.

⁶ Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб., 1875. С. 408.

быть древнее. Что же касается деревни Журавинки, то на межевой карте 1779 г. видно, что она стояла на берегах ручья, т. е. жерела. На это обстоятельство, видимо, и указывало название селения¹.

По переписным книгам 1675 г. в селе Лопатине было 35 крестьянских дворов и 135 жителей, в Журавинке – 15 дворов и 80 жителей. Крестьяне обоих селений платили подати и поставляли ежегодно столовые запасы: свиного мяса – 30 пудов (4,8 ц), 20 баранов, 20 гусей, 40 уток и 30 сушеных кур. После введения в 1663–1664 гг. десятинной пашни запахивалось на царя в 1675 г. 20 дворцовых десятин в одном поле.

По переписным книгам 1710 г. село Лопатино и деревня Журавинка все еще показаны как два разных селения. В первом было 30 дворов крестьянских и 5 дворов солдатских, во втором – 31 крестьянский двор². По ревизской сказке 1719 г., относящейся к 1-й ревизии податного населения России, село Лопатино и деревня Журавинка также были показаны раздельно. В первом было 17 дворов, во второй – 25³.

В 1732 г. Скопинская дворцовая волость была приписана к дворцовой Конюшенной канцелярии. В волости появились конные заводы. Хотя один такой завод и прежде был на ее территории, по числу содержащихся лошадей новые заведения намного превосходили старое.

На 2 (13) декабря 1740 г. на Скопинских заводах содержались 784 лошади⁴. В январе 1745 г., в соответствии со «вновь ученным штатом», комплект заводских лошадей в Скопинских заводах определен в 143 жеребца и 1000 кобыл. Десятинная пашня непрерывно расширялась, так как для конных заводов требовалось все больше овса. К 1728 г. десятинная пашня по Скопину с «приписными» уже составляла в одном поле 2138 десятин (2335 га), в 1746 г. – 4276 десятин (4671 га)⁵.

В 1730-х гг., когда дворцовой Конюшенной канцелярией управлял кабинет-министр А.П. Вольнский, положение скопинских коннозаводских крестьян было незавидным. Они даром вспахивали десятинную пашню в ржаном и яровом полях, скашивали про конюшенный обиход сено, возили в Москву хлеб, производили ремонт и строили новые конюшни, платили окладное сено и иногда «посошный» (ссышной) хлеб. А.П. Вольнский в представлении Сенату отмечал: «...И хотя крестьяне-недоимщики состоят непрестанно на правезках <...>, денег платить не могут, понеже пришли в такое убожество, что многие и себя пропитать не могут <...>, и ежели тем крестьянам не учинено будет в платеже денежных доходов уравниения и облегчения такого, как учинено дворцовой Канцелярией дворцовых волостей крестьянам, то и прочие конюшенных волостей крестьяне многие <...> побегут, а оставшиеся придут в такую крайнюю нищету, что уже впредь исправить их будет не возможно». Причиной такого состояния земледельцев в документе выставлялся тот факт, что с 1705 г. с конюшенных крестьян собирались деньги «сверх дворцовых доходов, наложенные бессовестно плутом Василием Ершовым», как впоследствии выяснилось – якобы «на жалованье приказным чиновникам и на прочие приказные расходы, чтоб воеводам и прочим чинам дворцовых волостей с крестьян посулов и подносов и за работу денег не иметь»⁶.

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М.: Наука, 1978. С. 90, 93.

² РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 135 об, 418.

³ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 3175, лл. 49–49 об.

⁴ *Зезюлинский Н.С.* Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 2. СПб.: Типо-лит. Месника и Римана, 1893. С. 74.

⁵ *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М.: Наука, 1964. С. 133, 136.

⁶ *Зезюлинский Н.С.* Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 2. СПб.: Типо-лит. Месника и Римана, 1893. С. 81–83, 88.

Качество пашни, уборка, умолот и хранение зерна контролировались на основных и на опытных полях не только управителем, но и специально направлявшимися из Конюшенной канцелярии ревизорами. Так, например, в 1741 г. в этом качестве Скопин посетил коллежский ассессор Хитрово. В ходе пребывания в Скопине «со специальной инструкцией по проверке дел» он установил, что на «опытных» десятинах «на десятинной пашне в селе Лопатине не так, как по посланному от него ордеру, уваживать велено. И навоз кладется весьма часто и не по пропорции»¹. Такие опытные поля, по которым определяли средний уровень урожайности, в том году появились при всех 25 селах волости. В Лопатине опытное поле имело площадь 5 десятин (5,45 га). На одной десятине проводился сев на уваженной земле, на остальных экспериментировали с различным расходом семян. Кроме того, под озимый сев в 1741 г. приказано было «к тому удобного времени для пробы учредить 6 десятин доброй, средней и худой [земли], и удобные семена приуготовить, и притом иметь крепкое смотрение»². Умолот контролировали дозорщики и стремянные конюхи. В 1741 г. староста села Лопатина Андрей Рыбников докладывал скопинскому управителю о том, что «учинилась у него в недомолоте десятинной ржи 19 четвертей $\frac{1}{4}$ $\frac{1}{8}$ $\frac{1}{32}$, того ради, что дозорщик Прокофьев да стремянной конюх Данила Полянский на опыт копны брали их среди скирды ржи доброй, а в тот-де год десятинная рожь родилась на протчих десятинах плоха, а с плохой ржи на опыте не молотили и с поля копен незнаемо для чего не брали, и счислили ту плохую рожь против доброй»³.

И.В. Добролюбов свидетельствует: «На место построенной в XVII столетии и обветшавшей церкви в 1768 г. поставлена была новая деревянная церковь в прежнее наименование»⁴. Из священников, служивших в XVII–XVIII вв. в лопатинской Покровской церкви, помимо упоминавшегося в 1676 г. Иоанна, известны Иосиф Исидоров (с 1688 г.), Иоанн Иосифов (с 1704 г.), Василий Феоктистов (до 1736 г.), Ермил Абрамов (с 1734 г.), Иоанн Васильев (с 1736 г.), Василий Фокин (с 1739 г.), Сергей Иоаннов (с 1789 г.), Илия Иоаннов (в 1791–1809 гг.)⁵.

Согласно описанию, приведенному в экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., «село Журавинка» лежало «на правой стороне реки Верды и по обе стороны верха Логоватого». По данным 3-й ревизии податных сословий Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в селе было 83 двора, в которых проживали 204 крепостные души мужского пола и 187 – женского. В селе действовала «церковь деревянная Покрова Пресвятой Богородицы»⁶.

По сообщению И.В. Добролюбова, в 1825 г. Покровская церковь в Лопатине была «обновлена», т. е. капитально отремонтирована. Почти всю 1-ю половину XIX в. приходским священником в селе прослужил Иоанн Анкидинович Сперанский (в 1809–1847 гг.). После него настоятелями храма были Николай Алексеевич Гиацинтов (в 1847–1855 гг.) и Иван Кузьмич Вышатын (1855–1897 гг.)⁷ и Василий Иванович Кобозев (с 1897 г.)⁸. Интересно отметить, что В.И. Кобозев был женат на дочери И.К. Вышатына⁹.

¹ РГАДА. Ф. 1239, оп. 47, д. 8, л. 166 об.

² РГАДА. Ф. 1239, оп. 47, д. 8, л. 164 об.

³ РГАДА. Ф. 1239, оп. 47, д. 8, лл. 165 об – 166 об, 240–240 об.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 175.

⁵ Там же. С. 176.

⁶ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 16 об; д. 1241, л. 11 об.

⁷ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 175–176.

⁸ В.И. Кобозев (1868–1940) служил священником в Покровской церкви в Лопатине до конца 1920-х гг. Позднее он переехал в Скопин, где и прожил свои последние годы.

⁹ Скопинский помяник. Воспоминания Дмитрия Ивановича Журавлева. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. С. 9.

На карте А.И. Меңде 1850 г. название села передано как «Журавинки». В нем указаны 143 крестьянских двора¹. Согласно последней в истории России 10-й ревизии податных условий, проводившейся в 1858 г., в селе Лопатино, Журавинки тож Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 129 домохозяйств, население которых составляли 780 мужчин и 832 женщины².

С освобождением от крепостного права в 1861 г. бывшие государственные крестьяне при выкупе своих земельных наделов получили права свободных сельских обывателей. При образовании в Скопинском уезде волостей село Лопатино было включено в Вослбскую волость.

В 1864 г. в селе было основано церковно-приходское училище. Оно разместилось в доме сельского священника. Средства на аренду помещения и жалование наставнику предоставлялись Палатой государственных имуществ. В 1866 г. в училище обучались 35 мальчиков³.

Природные условия села способствовали развитию в нем мукомольного промысла. Если в 1850 г. на картах А.И. Меңде при нем показаны 1 водяная и 1 ветряная мельницы, то к 1868 г. при нем уже упоминаются «3 ветряные мельницы, из них 2 о двух и 1 об одном поставе и водяная мельница о двух поставах»⁴.

По переписи населения 1882 г. в Журавинке (Лопатине) насчитывалось 382 домохозяйства, в которых проживали 1235 мужчин и 1203 женщины. Грамотными среди них были 74 мужчины, 2 женщины и учащиеся мальчики. Душевой надел (чернозем и часть песчаной земли), составлял 3,6 десятины (3,9 га). Урожай ржи и овса были неплохи – «сам-пят» (т. е. собранное в 5 раз превосходило посеянное). 70 крестьянских семей арендовали 107 десятин (116,6 га) пашни и 14 десятин (15,3 га) лугов. 4 сельских двора были безземельными, 110 – безлошадными, причем на 81 из них обходились и без коров. Всего же скота в селе было много: 477 рабочих лошадей, 94 жеребенка, 271 корова, 159 телят, 1930 овец, 184 свиньи. В селе было 7 кирпичных крестьянских домов и 364 деревянные избы, причем все строения, кроме четырех, были покрыты соломой. В селе работали 17 мастеровых, 118 мужчин числились в отхожих промыслах, местными промыслами занимались 129 семей. В Лопатине действовали кабак и лавка⁵.

О Покровской церкви в Лопатине в 1884 г. И.В. Добролюбов сообщил: «Существующая в настоящее время каменная Покровская церковь с двумя приделами начата постройкою 2 (14) июля 1872 г.⁶, за недостатком средств в ней отделан один только придел в честь Сретения Господня, который освящен был в 1879 г. ноября 18 (30). На день Вознесения Господня из Покровской церкви ежегодно совершается крестный ход вокруг полей прихожан; на этот день, по замечанию старожил, по истари заведенному обычаю, богомолье вокруг полей совершается во всех селениях Скопинского уезда, принадлежавших некогда к коннозаводской волости. В приходе к Покровской церкви при 352 дворах числится мужского пола 1169, женского пола 1217. <...> В Покровском причте по штату 1873 г. положены 1 священник и

¹ Карта А.И. Меңде 1850 г., 1 см – 420 м.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 44–49.

³ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год, Рязань, 1868. С. 238–239.

⁴ Там же. С. 612–613.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 44–49.

⁶ По информации А.В. Серегина, во время реставрационных работ, проводившихся в Покровском храме села Лопатино в 2010-х гг., был найден закладной камень с высеченной надписью «Заложен в 1872 году священником прихода Иоанном Вышатиным 2 июля».

1 псаломщик»¹. Строительство Покровского храма было завершено лишь в 1887 г. Два других придела во имя Покрова Пресвятой Богородицы и в честь святителя Николая Мирликийского достроили еще позже. Образцом для храма послужила Никольская (позднее также Покровская) церковь в Скопине. Церковное здание в Лопатине получилось меньше по размеру и более простым по архитектуре².

Пожары были частым бедствием русских сел. Случались они из-за того, что в большинстве домов топили «по-черному», в зимние месяцы застилали пол соломой, да и вообще понимание необходимости мер противопожарной безопасности еще не укоренилось в народе. Так, в 1897 г. в Скопинском уезде произошло 127 пожаров (больше всего в Курбатовской волости). Причем Большое Подовечье и Малое Подовечье горели по четыре раза, а деревня Сергиевская – пять раз. Шесть раз в течение года горело село Вослебово, по пять раз села Катино, Горлово, Муравлянка, по четыре – Костемирово и Топилы, еще 17 сел и деревень по два-три раза. Особенно крупные пожары отмечались в селах Боровое, Лопатино и деревне Стрелецкая дубрава, суммарный убыток от которых составил 28 456 рублей³.

По сведениям за 1893 г. в Лопатине упоминаются водяная мельница и винные лавки солдатки Марьи Муравлевой и запасного фельдфебеля Алексея Игнатова⁴.

Церковно-приходская школа при Покровской церкви временами не работала, и тогда епархиальное начальство выражало свое неудовольствие по поводу нерадения местных священников и требовало организовать в селе хотя бы школу грамоты. Однако в отчете о церковно-приходских школах за 1895/1896 учебный год как местный священник В. Кобозев, так и учитель лопатинской школы П. Хитров были отмечены «за особенные заботы <...>, трудолюбие к занятиям и выдающиеся успехи»⁵.

Благодаря относительной близости к уездному городу Скопину, лопатинские крестьяне имели небольшие дополнительные заработки от сбыта продуктов и поденной работы. Отдельные крестьяне были довольно зажиточными, пользовались банковскими услугами и могли себе позволить благотворительность. Например, в 1902 г. крестьянин Илья Мекаев «по книжке сбербанка при Скопинском казначействе» завещал в пользование причту Покровской церкви проценты с капитала в 250 рублей «за вечный помин»⁶.

В 1905 г. в селе «Журавинка, Лопатино тож» насчитывалось 510 дворов, в которых проживали 1650 мужчин и 1737 женщин. В селе имелись «церковь каменная, церковно-приходская школа, водяная мельница, казенная винная лавка, просорوشка»⁷. В Ведомости земель, подлежащих исключению из обложения и земского сбора на 1911 г., в Лопатино, упоминается торговая лавка крестьянина Тимофея Ефимовича Бакленева, за которую недоимку прошлых лет решили сложить «ввиду крайне расстроенного имущества Бакленева вызванного пожарами»⁸.

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 175–176.

² Скопинский помяник. Воспоминания Дмитрия Ивановича Журавлева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 22.

³ Отчет о состоянии и движении земских сумм состоящих введении Скопинской уездной земской управы за 1897 г., Скопин, 1898. С. 172–175.

⁴ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 808, лл. 4 об – 5.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 1 (1 января 1897 г.). С. 218.

⁶ Рязанские епархиальные ведомости, № 15 (1 августа 1902 г.). С. 230.

⁷ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 636–637.

⁸ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVII очередного созыва 1911 года. Скопин, 1911. С. 480–481.

В 1908 г. селе Лопатине было 319 детей в возрасте от 8 до 11 лет. 149 из них обучались в церковно-приходской школе. Кроме законоучителя, которым был священник Покровской церкви, в ней работали еще двое учителей. Лопатинскую школу также посещали дети из близлежащей деревни Вороновки¹.

Частым явлением сельской жизни конца XIX – начала XX в. были эпидемические заболевания, вызванные общей антисанитарией и острым дефицитом квалифицированной медицинской помощи. Лопатино не было в этом смысле исключением. Например, по данным земской статистики, в 1913 г. больше всего жители села страдали от скарлатины – ей переболели 117 человек².

Случались в жизни Лопатина и другие происшествия. Например, в том же 1913 г. «Рязанские епархиальные ведомости» писали: «...Бурею 3 июня с. г. шпиль и кресты на церкви» села были сломаны³.

В 1914 г. в Покровской церкви в Лопатине служил священник Василий Иванович Кобозев. В это время при церкви было 3 десятины (3,3 га) усадебной земли и 33 десятины (36 га) пахотной. При церкви имелась библиотека – 45 книг. В приходе действовали две школы – церковно-приходская и земская. В церковный приход входили село Лопатино с 605 дворами, в которых проживали 1745 мужчин и 2073 женщины, и деревня Вороновская слобода, в которой было всего 10 дворов, а проживали 33 мужчины и 37 женщин⁴.

В 1914 г., после начала Первой мировой войны, из Лопатина призвали на фронт более сотни крестьян. В их числе были Н.Л. Голяшкин, А.Т. Майоров, К.Д. Мекаев, Р.И. Ларин, Д.В. Денисов. Лишь немногим лопатинцам – участникам этой войны довелось вернуться домой живыми и невредимыми. Большая часть полегла на полях сражений, получила ранения и увечья⁵. Но некоторым довелось и отличиться. Житель села Василий Николаевич Комиссаров (1892–?) находился в рядах Русской императорской армии с 1913 г. За годы войны он стал кавалером Георгиевской медали 4-й степени и Георгиевского креста 4-й степени, в июне 1916 г. был произведен в младшие унтер-офицеры. Демобилизовавшись из армии по болезни в декабре 1917 г., он в 1918–1921 гг. служил в РККА⁶.

Важное значение для истории села Лопатина начала XX в. имеют записки профессора Московского института землеустройства Дмитрия Ивановича Журавлева (1901–1979), изданные в 2015 г.⁷ Их автор был потомком династии священнослужителей Покровской церкви – дьяконов Фомы Алмазова, Максима Фомина (1756–1836) и Федора Максимова Журавлева (1797–1877). Вспоминая свое детство, проведенное в Лопатине, он писал: «Село было большое – по географии Семенова (том 2, 1902 г.) 2300 жителей. Центр села, но не геометрический – громадная площадь, покрытая травой и в зеленой части именуемая «пажа». На площади единственная в селе церковь. В ней три престола, главный – в честь Покрова Пре-

¹ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 6–7.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. Скопин, 1914. С. 440.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 13–14 (1–15 июля 1913 г.). С. 411.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 581–582.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 176.

⁶ ГАРО. Ф. Р-2657, оп. 4, д. 183.

⁷ Скопинский помяник. Воспоминания Дмитрия Ивановича Журавлева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 384.

святой Богородицы, – праздник 1 октября ст. ст. Один из приделов освящен уже на моей еще детской памяти. Причт – трое: священник, дьякон, псаломщик. В церковной ограде густо разросшиеся деревья. У ограды – колодезь питьевой воды, помню его еще новым. Рядом с церковью на запад небольшое здание церковно-приходской школы. На моей памяти стояло оно одиноко, без ограды, кругом пусто. Эта единственная школа открыта в 80-е или в начале 90-х годов. На север от церкви «погост» – огороженное старое кладбище, где все наши могилы. Там кирпичная часовня – на месте, где стоял престол старой церкви. На погосте и вокруг него ветлы. Теперь кладбище заброшено, ни часовни, ни ограды, ни дерев. Лишь кое-где сохранились могилы и кресты. Целы и наши могилы – холмики. Был я около них последний раз 17 сентября 1960 г. Новое кладбище – за селом, по дороге на Павелец. Теперь хоронят только на нем. С северной стороны площади мирская изба – место сельских сходок и пребывания сельских властей, пожарный сарай, кабак «казенка» – казенная продажа водки, единственная в селе лавчонка Чумихиных.

От площади идут два основных «порядка», как в Журавинке называли улицы. Один вдоль дороги на Скопин, очень длинный. Бывало, едешь из Скопина по селу в сопровождении лающих собак долго-долго, прежде чем доедешь до площади. Этот порядок приблизительно с юга на север. Второй – с востока на запад, почти параллельно железной дороге. Вечером из вагона долго мелькают огоньки, прежде чем увидишь церковь. Еще два «порядка» мне были известны, но не приходилось проходить их, и не знаю, как они длинны. Все «порядки» имели названия, но я не знал их.

Основная часть усадеб занята под огород. Дворы и избы обычно деревянные, крыты соломой. Печи русские; «по-черному» – с дымоходом посредине избы – на нашей памяти уже не было. Всюду много ракушек и ветел. Они давали чуть не основной строительный материал. Были в селе и кирпичные домики, даже крытые железом, но редко.

Кругом села – поля, дуга, лесов почти нет. Местность волнистая – отроги Среднерусской возвышенности. С севера и востока село огибает р. Верда, берега ее местами болотистые. Селу принадлежали два леса. Один на пути к Скопину по берегу Верды – ольховый, небольшой. Второй подалее от села – дубы, березы, осина – стоял на возвышенности, по пути в Павелец. Довольно большой. Миром рубили участки и распределяли среди крестьян. В годы революции ольховый снесли совсем, от второго мало осталось.

Есть под Журавинкой залежи камня известняка. «Ломали» камень и тоже делили. У дедушки на моей памяти всегда пред избой лежала кладка камня – запас. Его перевезли в Скопин на бут при стройке нового дома.

Очень большой вопрос для Журавинки – топливо. Дров нет. Как правило, «кисзяков» не делали: навоз шел только на удобрение. Топили соломой, торфом. Добыча торфа велась где-то близ села.

Крестьяне жили только сельским хозяйством. Жили бедно. Своего хлеба многим не хватало. Кустарных промыслов, промышленных предприятий нет. Торговли – лавок, базаров – тоже нет. Все в близком городе. Впрочем, в наше время была, я уже упоминал, одна небольшая лавчонка Чумихиных (это прозвище) – черствые баранки, ситный из города, сахар, чай, селедки, деготь, соль, керосин (крестьяне его называли гас – «купить гаску»)… Но близость города убивала торговлю, да, вероятно, и ремесло, и промыслы: предпочитали за покупками ездить в город – большой выбор, оживленные, многолюдные базары, веселые ярмонки. Поездка в город для крестьян – праздник. Иные заходили в трактир пить чай – дома был не у всех. Иные и водку. Покупали и брали домой как гостинцы ситный, баранки, селедки, летом – арбузы. Отхожие промыслы – только один вид широко был принят: уходили на раз-

работки торфа в Московскую, Владимирскую губернии. Подрабатывали поденщиной в Скопине. Уходили молодые люди на заработки и в Москву. Возвращаясь домой на побывку, «радовались»: носили пестрые помочи поверх рубашки, рассказывали, как они по-городски едят на тарелке с ножом и вилкой и, по словам бабушки, добирались до того, что будто бы они и кашу в Москве едят вилкой – явная нелепость, с точки зрения бабушки... Одевались в Журавинке по-крестьянски. У баб паневы – наряд яркий и живописный... Много кумачу, кумачовые рубашки у ребят, мужиков как праздничные. Овчинные желтые полушубки... Лапти, но встречались сапоги и полусапоги»¹.

По окончании Рязанской духовной семинарии отец автора Иван Дмитриевич Журавлев (1874–1956) в 1896–1899 гг. служил учителем церковно-приходской школы в Лопатине. По свидетельству Д.И. Журавлева, «...моложе 25 лет в духовный сан не посвящали. Чтобы получить место священника, надо было поработать учителем церковно-приходской школы. Положение о церковно-приходских школах издано 13 июня 1884 г., и с этого года их открывали во многих селах. Кадры учителей – в основном семинаристы и епархиалки, реже – духовенство. Окончив семинарию в июне-июле 1895 г., только через год папа «Скопинским отделением Рязанского Епархиального училищного Совета назначен учителем церковно-приходской школы села Лопатина. 18 августа 1896 г. по 15 августа 1899 г.» (из послужного списка).

...Мало что могу написать о работе учителем. Когда открыта школа в Журавинке, Лопатино тож? – Знаю лишь – после 1884 г. Школа помещалась в маленьком доме близ входа в церковь. Вокруг – ни двора, ни сада, никаких жилых изб. Хорошо была знакома нам, ребятишкам, но только снаружи: «Здесь папа учил». Когда я был в Журавинке в 1954 г., она стояла, кажется, заброшенная. <...> Один учитель занимался одновременно со всеми классами. <...> Похвальные грамоты в церковно-приходских школах раздавали щедро. Они нравились крестьянам. Это было важно. Выплачивали жалованье учителю, а на содержание школы, часто даже на постройку, отпускали ничтожные средства. Бесплатным заведующим обязан быть местный священник. Он и обеспечивал все необходимое у помещиков, местных богатеев, крестьянского мира... Это еще одна иллюстрация к положению духовенства в царской России. Прогрессивная общественность страны считала распространение церковно-приходских школ мероприятием реакционным, захватом клиром воспитания молодежи в свои руки. Пожалуй, верхи власти этого и хотели. Но практически для государства – это самые дешевые школы, для духовенства – неоплачиваемая, многим тягостная нагрузка. А общеобразовательные программы одинаковы с министерскими школами. Учителем пения, конечно, бесплатно, был дедушка Д.Ф.[Журавлев]»².

В записках Д.И. Журавлева отмечены некоторые бытовые особенности жизни лопатинцев начала XX в.: «В Журавинке престольный праздник – Покров, 1-го октября по старому стилю. <...> На Покров играли свадьбы. В церкви венчали с утра до вечера дня два, три подряд. Право самостоятельно отправлять церковные службы имеют иерей и епископ. Диякон – только помощник. Таинство венчания может совершаться, как и все церковные службы, совсем без дьякона. На долю Д.Ф.[Журавлева] выделялось определенное количество свадеб, а он должен был пригласить вместо себя священника со стороны. Позже венчал папа.

В Журавинке обычай – на Покров все варили брагу и пекли курники: ржаной хлеб, в нем запечена курица, помню только из сеяной муки – «коврежка». Курник подавался целиком.

¹ Скопинский помянник. Воспоминания Дмитрия Ивановича Журавлева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 18–22.

² Там же. С. 47–48.

Хозяин, благословясь, разрезал его, ломал курицу и раздавал. Это – самое вкусное блюдо из курицы. И хлеб от курника очень вкусен. Курники и сами пекли, и получали от крестьян как плату за церковные требы. <...>

Варили, жарили, парили. У бабушки всегда была вишневая настойка – в бутылку клали вишни и заливали водкой без сахара. Бабушка варила брагу – была большая мастерица. И мы, ребяташки, когда ездили на Покров, любили пить бабушкину брагу, особенно пустив туда сахарку. Впрочем, бабушка варила брагу и в другое время, не только на Покров. В течение почти всего года имели свой квас, белый с мятой. Пили за обедом, делали потом окрошку. По крайней мере в 90-х годах в деревне имели самовар и чай пили далеко не все. Но квас варили все. Завтрак – хлеб с квасом... <...>

Еще праздники? Общие – Пасха, Рождество, Масленица. На нашей памяти блины печь приходила Марья Фофаниха (Фофан – прозвище ее мужа, умерла в конце 1913 г.). Большая была мастерица. Пекли из гречневой муки простые и «с кружевами» – на зарумянившийся блин разбивали сырое яйцо, оно растекалось, образуя вокруг блина «кружева», очень нравившиеся нам, детям: и красиво, и вкусно. К блинам подавались топленое масло куском, с воткнутой вилкой, взбитые сырые яйца... Перед блинами – рыбная закуска. Помню – отваривали соленую севрюгу, сома... Обычного обеда на Масленицу не полагалось¹.

Записки Д.И. Журавлева перекликаются с записанными в 1980-х гг. воспоминаниями старожилы села Д.А. Мекаева, который рассказывал следующее: «Себя я помню лет с восьми-девяти, 1909–1911 гг. В это время село считалось большим и делилось на отруба: Кочеткова, Гулянка, Погорелки, Загать, и Бугырки. Работали ветряная мельница, кирпичный заводик, несколько крупорушек, лавка, где торговали товарами первой необходимости, которые привозили из Скопина.

Недалеко от села проходила железная дорога. Ближайшая к нам станция – Вослебово, куда многие крестьяне ходили продавать овощи и фрукты. Там узнавали последние новости. Мы, мальчишки, часто бегали на станцию затем, чтобы поглазеть на паровозы, на красиво одетую публику.

Селом управлял староста с несколькими помощниками. У них крестьянские дворы подразделялись на бедные, средние и зажиточные. Наше считалось хозяйством среднего достатка, хотя достатка, как помню, никакого не имелось. Были лошадь с жеребенком, корова, пять-шесть овец и одна-две свиньи. Вот из-за этой скотины нас, наверное, и считали середняками, ведь у многих и одной лошаденки не было. Хлеба до нового урожая не хватало, поэтому большей части семьи приходилось отправляться на торфоразработки под Шатуру. После сева собиралось 18–20 артелей по 30 человек.

Работать там приходилось в трудных условиях, в постоянной сырости. Особенно доставалось тем, кто работал на дне торфяных ям. Многие из них страдали ревматизмом, платили копейки. За месяц, скажем, в лучшем случае зарабатывали 5 или 6 рублей.

Другой распространенный у нас заработок – в каменоломнях. Здесь еще труднее приходилось. Рабочие копали ямы глубиной до пяти метров. Находили каменный пласт и начинали его вручную дробить и ломать. Потом глыбы по ступеням поднимали на поверхность, после чего они шли в более мелкую переработку. Тут платили тоже мало.

В селе можно было подработать и другими промыслами, например, плетением лаптей. Особенно славились в округе наши чуни (обувь, плетенная из конопли). Они мягче и легче

---

¹ Скопинский помянник. Воспоминания Дмитрия Ивановича Журавлева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 52–53.

лаптей, потому и ценились выше. Продавать их ездили на базары и ярмарки, в основном в Скопин. Славились село и плотниками. Одного самого известного мастера звали Антон Клевин. Он многим крестьянам в округе рубил избы, срубы для колодцев, делал сани и телеги»¹.

В 1916–1917 гг. в Лопатине была закрыта местная школа. «В ее помещении оборудовал небольшой военный госпиталь, куда привозили раненых, доставляемых по железной дороге на станции Вослебово и Лазинка»².

В 1917 г. в селе Лопатине Вослебской волости Скопинского уезда Рязанской губернии был 661 двор, в которых проживали 2205 мужчин и 2267 женщин³. Советскую власть, как и повсюду в уезде, в селе установили в декабре 1917 г. В 1918 г. был образован Лопатинский сельсовет⁴.

«Начиная рассказ о событиях в Лопатино после Октябрьской революции, нельзя не вспомнить уроженца этого села, одного из первых большевиков Федора Павловича Ходюшина. Накануне революционных событий его призвали в армию и он пошел служить на Балтийский флот. В сентябре 1917 г. Ходюшин, как один из наиболее деятельных и активных матросов, был командирован корабельным советом в свое родное село для проведения разъяснительно-агитационной работы с крестьянами. Однако большинству лопатинцев он запомнился не только этим. Вернувшись на корабль, в декабре того же года Ф.П. Ходюшин получил от односельчан письмо с просьбой ходатайствовать перед правительством о выделении хлеба голодающему населению волости.

Ходюшин не только сумел добиться в те трудные времена получения наряда на два вагона пшеницы, но и довел это жизненно важное для лопатинцев дело до конца. С нарядом на пшеницу он вновь приезжает в Лопатино, где организует сбор средств для приобретения хлеба. Потом отправляется за ним в далекий Крым. С большими трудностями и хлопотами получает заветные вагоны и через пол-России доставляет на родину. Тут он лично организовал раздачу пшеницы голодающим крестьянам сел Лопатино и Вослебово»⁵.

Этические нормы, продвигавшиеся новой властью, не всегда находили отклик даже у «строителей новой жизни». Об этом в 1919 г. корреспондент скопинских уездных «Известий» Багров писал: «14-го февраля с.г., проезжая по селу Лопатино, я заметил у одного дома стоящих несколько скопинских извозчиков. Заинтересовавшись, я спросил, проходящего мимо мальчика: «Чей это дом?» Он мне сказал, что это дом Дмитрия Карпова, и что к нему приехали коммунисты из Скопина. «А зачем они сюда приехали?» Мальчик задумался, потом сказал: «Гулять».

- То есть, как же так – гулять?
- А вот как, вышить самогоночки.
- Разве у вас торгуют самогонкой?
- Есть кое-где, и у Карпова есть.

Мне было удивительно, что коммунисты ездят в Лопатино гулять; наверное, это «коммунисты ярые», которые носят только маски коммунистов. Я бы просил ответить товарищей «коммунистов» на вопрос: какой праздник они праздновали 14 февраля 1919 г.? Мне дума-

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 175–176.

² Там же. С. 176.

³ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 140.

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 210, лл. 1–1 об.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 178.

ется, что в этот день никакого праздника не было. Таких коммунистов нельзя выбирать на ответственные посты»¹.

Ок. 1920 г. в 6,5 км к западу от села Лопатина выходцами из близлежащих сел была основана деревня Крыжи. Интересно использование для ее названия украинского слова, буквально означающего «кресты» (от польск. *krzyży*). На топографических картах РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) в Крыжах показано 83 строения, а окрестности, судя по всему, изобиловали рыбными ресурсами. Однако деревня располагалась на достаточно неудобной местности, была признана бесперспективной и исчезла еще в советские годы².

В эпоху нэпа, до конца 1920-х гг., в Скопинском уезде сохранялись кустарные промыслы и частные мини-предприятия, на которых трудились местные крестьяне. Прежде всего это были водяные и ветряные мельницы, крупорушки, просорушки, шерстобитки, кузницы. С кузнецами советская власть долго не могла определиться, куда их причислять – к владельцам промышленных заведений или к труженикам, близким к рабочему классу на селе? До начала массовой коллективизации в уезде создавались различные кооперативы – кредитные, потребительские. Одним из наиболее действенных средств развития на селе производительных сил и проведения политики, направленной на постепенный подъем бедняцкого и середняцкого хозяйства, был мелкий сельскохозяйственный кредит. Кредитование осуществлялось через крестьянские комитеты взаимопомощи. Усилия кресткомов должны были направляться на организацию помощи малоимущим и красноармейским хозяйствам, а также прочим гражданам и хозяйствам, впавшим в нужду, а равно для организации общественной взаимопомощи среди крестьянского населения на началах его самостоятельности. Они имели право брать в аренду и организовывать подсобные сельскому хозяйству предприятия. Кресткомы способствовали вовлечению беднейшего крестьянства в кооперативы.

Свой крестком был создан и в селе Лопатине. Причиной его создания стало обнаружение на территории сельского общества месторождения силикатного камня, «по качеству не уступающего лучшему фосфориту»³. Об этом в 1926 г. скопинская газета «Коллектив» писала: «Под умелым руководством тов. Точилкина беднота села Лопатина объединилась 27 сентября 1925 г. в селькрестком. Задачей кресткома было создание производственной артели. Артель создана и за короткий срок времени – полтора месяца работы – селькрестком поставил Госцемзаводу им. Сапронова обточенных кирпичеобразных камней 26 000 брусков по цене 45 копеек за штуку. Вся выручка распределяется между производителями с отчислением 2 % в фонд кресткома. На добыче работают 420 человек; при содействии УККОВ, селькрестком ведет разработку новых пластов. Открыты залежи новых пород камня: фосфора-песчанки, сине-кремнистого камня и других пород, идущих на бетонные работы Мосстроя. Все село стучит молотками, грохает кувалдами, выбивает искры уродливыми зубилами, ссаживает пальцы, ранит глаза, выдираясь из тисков нужды выделкой плиток для Сапроновского цементного завода. Там медленно вращаются одетые броней цементные печи для обмуровки, для которых ввозился особый кирпич из-за границы. Как-то случилось, что на лопатинский камень (силикатштейн) были направлены пытливые взоры. Испытали, понюхали, поспори-

¹ Известия, № 14 (26 февраля 1919).

² В наши дни Крыжи – болотистое поле с остатками фундаментов когда-то стоявших здесь домов. Урочище известно благодаря уникальному источнику св. Илии, который облюбовали туристы и паломники. В 2012 г. недалеко от него была воздвигнута православная часовня. Из Скопина в Крыжи регулярно проходят крестные ходы с участием первых лиц местного духовенства. Вода для питья непригодна, источник используется в качестве открытой купели.

³ Коллектив, № 8 (27 января 1926); № 9, 1926.

ли – оказался лучше заграничного. Некоторые ловкачи могут сработать до 20 брусков по 45 копеек. Спрос обеспечен, есть заказ на 150 тысяч брусков. В очевидных барышах кузнецы, некоторые получают до 180 рублей в месяц, им полагается по 2 копейки с бруска за правку зубил»¹.

В Лопатине 1920-е гг. стали временем, когда перед крестьянством через свободный доступ к образованию открылся путь к повышению своего социального статуса и уровня жизни. В село пришли современные эпохе технические новшества. В 1926 г. силами учащихся скопинской школы-девятилетки в селе был установлен первый радиоприемник².

В 1929 г. историческое административное деление на волости, уезды и губернии ушло в прошлое. Село Лопатино стало одним из населенных пунктов Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В начале 1930-х гг. Лопатинский сельсовет неоднократно подвергался критике на страницах районной прессы. Так, например, писала о его заседаниях скопинская газета «Авангард»: «Ругаются почти все поголовно, на все стороны и кверху. Сельсоветчики не отстают от уличных ребят. Брань невероятно густая и похабная. Все избы поди проконопятили. Говоря по-человечески, от кузинских (намек на фамилию заведующего местной школой. – *Примеч. авторов*) и слесаревских (фамилия председателя сельсовета. – *Примеч. авторов*) порядков и твердый человек поневоле заругается. Вот, например, разломали мост, и ничего не делают. Крестьяне, объезжая мост, нередко ломают оси, колеса. Приходится повозку вместе с лошады вытаскивать под «Дубинушку». Или вот зав. школой Кузин, когда лопатинцы убирали овощи, потребовал у села десять подвод для доставки угля в школу. Свалил его в разброс прямо на улице у школы, где разваливается колодезь. Теперь предсельсовета Слесарев стал ходить по другой стороне улице, так что куча угля может лежать и колодезь тоже может обваливаться дальше»³.

7 июля 1931 г. в Лопатине на общем собрании жителей села было принято решение о создании колхоза. Он получил название «Догнать и перегнать»⁴ – по популярному в те годы лозунгу «Догнать и перегнать Америку!». Первоначально в новую сельхозартель вступили 13 хозяйств, в конце июля 1931 г. – еще 97⁵. «В числе первых лопатинских колхозников можно назвать А.А. Свирина, В.Т. Вагина, П.П. Стенина, А.И. Сазонкина. Председателем колхоза избрали В. Барцука»⁶.

Засилье зажиточных крестьян, с дореволюционных времен державших в своих руках сельскую жизнь, оставалось врожденным недостатком Лопатинского сельсовета. Весной 1931 г. один из местных селькоров сообщал в райцентр: «Председатель Лопатинского сельсовета Вагин В.Т. организовал пьянку у церковного старосты Большакова В.Г. От Вагина не отстают и секретарь сельсовета Точилкин С.Ф. и Блинов, участвовавшие в распитии сорокоградусной с кулаком Вагиным С.В. На пленуме сельсовета при обсуждении посевной кулаки-сельсоветчики говорили: “Не нужно принимать контрольные цифры для села вообще. Нечего готовится к весне, отложить до 1 мая”. Школьной работнице не дали высказаться»⁷.

¹ Коллектив, № 8 (27 января 1926; №9, –1926).

² Коллектив, № (13 марта 1926).

³ Авангард, № 5 (25 октября 1930).

⁴ Коллектив, № 28 (22 августа 1931).

⁵ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 132.

⁶ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 179.

⁷ Авангард №14 (10 марта 1931).

Однако мелкие злоупотребления на уровне сельсоветов не шли ни в какое сравнение с масштабными правонарушениями, совершавшимися на уровне районного руководства. В январе 1932 г. за воровство и стремление к личному обогащению предстало перед судом все руководство Скопинского района – от секретаря райкома ВКП (б) и председателя горсовета до председателя РКК-РКИ и сотрудников райотдела ОГПУ. Выяснилось, что местные руководители манипулировали с налогообложением, облагая бедняков и середняков района по дискриминационным ставкам, предусмотренным для кулацких хозяйств. Само местное кулачество, кстати, по умыслу или беспечности руководства района успешно уклонялось от «твердых заданий» и некомфортного налогообложения. За неуплату налогов в районе проводились масштабные конфискации имущества крестьян, причем отобранные вещи (от белья и мебели до драгоценностей) прямо со склада горсовета расходились по рукам тех, кто по своим должностям обязан был заниматься разбором жалоб на незаконное налогообложение.

Больше других пострадали от административного произвола крестьяне села Лопатина. Если в 1930 г. в Лопатинском сельсовете было всего 6 индивидуально обложенных хозяйств, то в 1931 г. их вдруг стало 80. Из Москвы в Скопинский район прибыла специальная комиссия, которой удалось выяснить, что по Лопатинскому сельсовету 63 % хозяйств были обложены неправомерно. Ситуация в других сельсоветах оказалась аналогичной. В Князевском сельсовете комиссия отменила назначение «твердого задания» 27 из 40 индивидуально обложенных хозяйств, в Пупковском – 8 из 15. В горняцких селах под индивидуальное обложение попадали работники шахт, которые по закону были от налога освобождены. К тому же при переводе рудоуправления в Скопин председатель РИКа якобы дал указание председателю горсовета «выселить кого следует» для обеспечения руководящего состава жильем. Было освобождено 59 квартир, но из них рудоуправление получило лишь 4, еще одну получил скопинский рабочий, а 35 квартир распределили между собой ответственные работники района, причем председатель РИКа получил самую лучшую. Районное руководство превратило сельхозкомбинат (техникум-комбинат) в свое личное подсобное хозяйство. По итогам этих художеств народным судом и коллегией ОГПУ были осуждены 19 человек, которые получили сроки от 1 года до 10 лет лишения свободы. Для некоторых предусматривалось содержание в концлагере, но имущества ни у кого не конфисковали. Сам феномен, с легкой руки местной прессы, получил название «скопинщины»¹.

На фоне безобразий районного масштаба мелкие злоупотребления Лопатинского сельсовета перестали привлекать общественное внимание. Грабеж населения целого района, прикрытый цифрами показушной работы, не шел ни в какое сравнение с местными мелочами, вроде такой: «Делопроизводитель сельсовета Блинов, дезертировавший с фронта, семян не сдал. За отказ обобществить инвентарь и лошадь его исключили из колхоза. В марте в помощь сельсовету по сбору семян приехала бригада торффабрики, которая предложила Блинову сдать семена, в ответ он сказал: “Вы еще молокососы, а приехали учить крестьян. Я вас слушать не желаю”»². Или таким случаем, датированным июлем 1932 г.: «Председатель Лопатинского сельсовета тов. Иванов. Что же делает Иванов? Больше всего пьет. 3-го июля Иванов каким-то образом зашел в Покровский поселок Вороновского сельсовета и напился там до потери сознания. 5 июля вместе с членом сельсовета Кузнецовым В. он в пьяном виде пришел на болото, где происходит рытье торфа, и приказал рабочим лезть в яму, якобы для того, чтобы исследовать глубину торфяного пласта»³. Иногда лопатинского предсельсо-

¹ Побединский ударник, №№ 15, 16, 18 (29 января, 31 января, 3 февраля 1932).

² Побединский ударник, № 48 (26 марта 1932).

³ Побединский ударник, № 146 (29 июля 1932).

вета критиковали и за то, что он, проявляя традиционную крестьянскую осмотрительность, не «бежал впереди паровоза» в проведении в жизнь политики властей. Например, в июле 1932 г. газета «Побединский ударник» отчитала Иванова за то, что он «примиренчески относится к тому, что в избе-читальне работает сын кулака Андрианов». Председатель сельсовета ответил на этот выпад достойно: «Пусть поработает, жалко что ли?»¹

Важной стороной деятельности сельсовета была работа с единоличниками. Как и колхозники, они платили сельхозналог, культурный и местный налоги, подвергались так называемому самообложению. Кроме того, каждый двор должен был сдать определенное количество мяса, молока и другой сельхозпродукции, если даже его хозяева не держали скота. «Лопатинский сельсовет на заседание президиума в ноябре 1932 г. вызвал 100 злостных неплательщиков картофеля, и всем им было предложено выполнить заготовки за 2–3 дня, но прошло 5 дней, и добровольно никто не сдал, план единоличниками и имевшими твердое задание был выполнен только на 48 %. Не выполнил план к этому времени и колхоз «Догнать и перегнать»².

Колхоз также должен был сдавать государству зерно, картофель и прочую сельхозпродукцию по низким закупочным ценам. После сбора урожая производилась обязательная сдача зерна. Затем часть оставшегося засыпалась в семенной фонд и только после этого остатки распределялись по трудодням колхозников. Такой же порядок действовал и в отношении единоличников, с той лишь разницей, что остатки урожая не надо было распределять по трудодням, а семена иногда разрешалось хранить на дому. На следующий год в соответствии с планом по району, который носил директивный характер, единоличники должны были этими семенами засеять определенный участок. Некоторые единоличники обгались «твердым заданием» – таких называли обидным словом «твердозаданцы». Это были сравнительно зажиточные крестьяне, которым произвольно давались большие посевные планы и повышенные задания по поставкам мяса, молока и прочей продукции. Нововведения властей, дополненные усердием местной администрации, вызывали среди единоличников Лопатина недовольство, временами перераставшее в скрытый саботаж. В марте 1932 г. «Побединский ударник» писал: «Пресняков – бывший торговец, не сдал ни одного грамма семян, Веков И.В. – зажиточный, все время агитировал против мероприятий советской власти, не засыпав ни одного грамма зерна. Андришин, бывший церковный староста, не сдал в фонд семян, агитирует среди женщин о выходе из колхоза. Все они из одной, третьей группы сельсовета, и совсем не случайно, когда из этой группы подано 26 заявлений о выходе из колхоза»³.

Два года спустя положение в селе не изменилось. «25 января 1934 г. в сельсовете на собрании при обсуждении вопроса засышки семян по единоличному сектору уполномоченный десятидворок единоличник Симушкин говорил: “План засышки семян не выполнить, потому что у некоторых единоличников нет семян, я вот сам 211 кг купил, а что я буду делать, когда у меня в десятидворке не хотят засыпать семена?” Присутствующий Гришин заявил: “Надо засыпать, и все”»⁴.

Первая же серьезная и принципиальная ревизионная комиссия, обследовавшая осенью 1932 г. работу правления колхоза «Догнать и перегнать», выявила целый ряд злоупотребле-

¹ Побединский ударник, № 147 (30 июля 1932).

² Побединский ударник, № 232 (22 ноября 1932).

³ Побединский ударник, № 49 (27 марта 1932).

⁴ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 11.

ний с присвоением денег. Например, правление во главе с Вагиным, «получив деньги от отходчика Устинова Семена в сумме 90 рублей, ее не заприходовало, 28-го марта не заприходовало 150 рублей от продажи чуней, за прокорм быка 200 рублей, от продажи лука и т. д. Общая сумма 660 рублей. Халатностью к делу председателя колхоза Вагина воспользовался счетовод Аллилуев. Вагин дал двум бригадирам Свирину и Мекаеву 300 рублей, деньги пошли на вино. Бригадир Мекаев И.М. растранижил сельхозинвентарь: колеса, бороны, веялку. Зав. детсадом Муралева П.С. подменила детское белье, присланное в ясли в подарок от шефов ОГПУ в 1931 г.»¹. Если руководству многое сходило с рук, то рядовые колхозники, не рассчитавшиеся с государством по поставкам сельхозпродукции, наказывались сурово. «Среди злостных неплательщиков были крестьяне Пресняков, Коротаяев и Тютчев. Все они были приговорены к 6 годам лишения свободы с конфискации имущества. В разъяснении Московского областного суда от 26 ноября 1932 г. говорилось, что “при сокрытии хлеба в ямах, злостном, систематическом неисполнении обязательств по хлебосдаче и иных случаях ст. 131 [УК РСФСР] должна применяться в полном объеме – до 10 лет с конфискацией имущества”»²

Избирательность при приеме в колхоз была видна невооруженным глазом. Если бедняков принимали совершенно «голыми», то от состоятельных крестьян требовали в обязательном порядке сдавать скот, семена и корма. Правда, руководство колхоза снисходительно относилось к зажиточным односельчанам: обижать «своих» противоречило традиционной крестьянской этике. За это правление сельхозартели подвергалось испепеляющей критике из района. В 1933 г. «Побединский ударник» писал: «В колхозе “Догнать и перегнать” правление колхоза подошло к приему огульно, приняты злейшие враги советской власти – кулаки и подкулачники Милешкин И. Ил., спекулянт, зажиточный, все время занимался витьем веревок. Принят без семян. Середняк Кузнецов Е.Е. – перед вступлением разбазарил фураж, оставил для прокорма одной лошади 15 пудов сена и копну соломы. Гришин Н.М. продал лошадь. Алексашкин И.Р. до упаду заморил лошадь, говорил: “В колхозе семян много, поправят”»³. Приняв от вступающих в колхоз кулаков сельхозинвентарь и имущество, их самих вскоре исключили. Состоятельных крестьян, не вступивших в колхоз, давили «твердыми заданиями», за невыполнение которых грозила частичная или полная конфискация хозяйства.

В докладной записке Скопинского райотдела УНКВД по Московской области о сельхозартели «Догнать и перегнать» сообщалось: «На 1 марта 1934 г. в колхозе состояло 240 хозяйств, на 1 марта 1935 г. 470 хозяйств, в том числе бедняков 79, середняков 386, зажиточных 5. Материальная база: рабочих лошадей 130 голов, коров 23, 2 быка-производителя, свиней-маток 4 и молодняка 20 голов, 2 хряка-производителя, помещение свинофермы как следует было не оборудовано. Не было специального помещения для опороса. Коровы содержались в необорудованной риге, часть крыши которой было не покрыто»⁴. По сообщению уполномоченного НКВД Лазарева, в хозяйстве было «создано такое положение, что на фермы работать никто не идет». Из колхозных построек документ упоминает зернохранилище, овощехранилище, три картофелехранилища, лукохранилище, конный двор на 70 голов, скотный двор на 50 голов. Техническая оснащенность колхоза была следующей: плугов двухкорпусных 30 шт., однокорпусных 15 шт., сох деревянных 69, сенокосилка, конные грабли,

¹ Побединский ударник, № 175 (5 сентября 1932).

² Побединский ударник, № 248 (12 декабря 1932, № 237 28 ноября 1932).

³ Побединский ударник, № 39 (17 февраля 1933).

⁴ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 132.

сортировка, бороны железные (20) и деревянные (53 шт.) и прочее оборудование. Лопатинский колхоз считался отстающим. «В 1934 г. главным тормозом являлось плохое состояние лошадей, плохая организация и дисциплина, в особенности среди бригадиров и членов правления, которые занимались пьянством. В результате чего поморозили 11 000 корней капустных семенников, 2000 корней семенников моркови и около 300 пудов картофеля. Бригадир – член правления Комиссаров Афанасий Алексеевич, отвечавший за сохранность семян, вместе с другими бригадами систематически пьянствовали, а председатель Щелкалин сам лично вопросом состояния, хранения семян совершенно не занимался. Комиссаров А.А. в феврале 1935 г. судим, но как краснознаменосец был приговорен к 1 году принудительных работ. Скошенное просо в 1-й бригаде оставили в кучах на поле до дождей, которое возили уже только после морозов»¹.

К весеннему севу колхоз был не готов. Мало было семян, сельхозинвентарь был неисправен. Из 130 лошадей хорошей упитанностью отличались только 5, средней – 40, ниже средней – 75, и еще 10 лошадей, которые были не в состоянии даже самостоятельно ходить на водопой, считались истощенными. В колхозе плохо обстояли дела с кормовой базой, сена имелось всего 1500 пудов, а требовалось 6000 пудов. Такое положение объяснялось тем, что «осенью 1934 г. правление, не учтя потребности в кормах, около 3500 пудов продало, оставив колхоз без сена. Фуражного овса было забронировано 165 ц, а нужно на всех лошадей со вновь вступившими 360 ц. Вновь вступившие колхозники должны были внести 195 ц овса, внесли 25 ц»².

В докладной записке Скопинского райотдела УНКВД о политическом настроении колхозников, единоличников и приливе в колхозы, о лопатинской сельхозартели «Догнать и перегнать» сообщалось: «Колхоз засорен классово-чуждыми и разложившимися элементами, а именно: Вагин Максим Спиридонович, в 1930 г. занимался торговлей хлебом, доводилось твердое задание. Лапшихин Сергей Васильевич, бригадир 2-й бригады, в 1929–1931 г. занимался спекуляцией хлебом и пшеном, индивидуально облагался. Ларин Роман Ильич, председатель ревизионной комиссии, в прошлом был стражник, лишился избирательных прав, вопросом контроля совершенно не занимается»³.

В 1935 г. в селе едва не дошло до стихийных выступлений против советской власти. В докладной записке Скопинского райотдела УНКВД отмечалось: «В Лопатино группа церковников (псаломщик Рыбалко и зажиточный Майоров) систематически вели агитацию против колхозов: обрабатывали крестьян в антисоветском духе о том, что большевики разорители, в этом году неизбежна война с Японией, все колхозы погибнут, призывали единоличников не вступать в колхозы, коммунисты над верующими издеваются. В феврале 1934 г. в связи эпидемией сыпного тифа закрыли церковь, организовали эксцесс женщин. После ликвидации следственного дела на Рыбалко Ф.С. и Майорова Антона Тимофеевича – зажиточного единоличника, в селе Лопатино сколотилась из числа единоличников вторая антисоветская группа из трех человек, возглавляемая Майоровым Андреем Тимофеевичем, брат которого Антон Тимофеевич в июне 1935 по ст. 58 п. 10 УК сослан на 3 года в ссылку. В группу входят: Сергеечева-Колесникова Василиса Игнатъевна – бывшая церковная староста и зажиточный Дедюхин Архип Михайлович. Эта группа систематически ведет среди единоличников агитацию против вступления в колхоз и проводимых советской властью мероприятий на селе,

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 133.

² Там же, л. 132.

³ Там же, л. 144.

их деятельность особо проявляется в связи с проведением сельхозналога, 15 августа 1935 г. Майоров А.Т. среди единоличников говорил: “Нас, бедноту, кругом грабят, последнюю корову хотят со двора увести, дают единоличникам налог по две, две с половиной тысячи рублей, разве это не грабеж? Кроме того, этим непосильным налогом советская власть насильственным путем загоняет в колхоз, все равно в колхоз не пойду”. Дедюхин среди единоличников: “Ну, начинают грабить, заставляют платить налог, а разве такой налог выполнишь, все хозяйство продашь и то расплатиться не хватит. Нам надо всем отказаться от уплаты, а всем за отказ ничего не сделают”. Чувствуя, что будет изъятие за неуплату, Архип Дедюхин и Кирилл Иванович Тютчев подговорили колхозницу Точилкину Екатерину Дмитриевну и спрятали у нее имущество.

Сергеечева-Колесникова Василиса распространяла и провокационные слухи: “Сколько налогу ни дали бы, но все равно в колхоз не пойду. Вон, видите Большакова Агафья ходила в Павелец, там видела, как одна девушка в течении 20 лет лежит на голых досках, мучится и умереть не может, и эта мученица предсказывает о перемене власти и дает советы кому вступать или не вступать в колхоз”. В связи с массовым саботажем начали изымать у единоличников имущество. Сергеечева-Колесникова заявила: “Вот видите, я ведь говорила, что это не налог, а грабеж... Все отдадим, а в колхоз не пойдем”. Когда пришли 7 сентября производить изъятие Дедюхин Архип Михайлович в присутствии Ермолаева Р.Е., Лакеева З.А., Ходюшина К.С. заявил представителю сельсовета: “Ну что, пришли грабить бедных крестьян, пить кровь из нас? Ну, помните, скоро придет время, мы будем пить вашу”. У единоличника Матюшкина Алексея Петровича член сельсовета Кутузов Яков Михайлович за злостный саботаж произвел изъятие лошади. Уже возвращаясь с конного двора, он встретил единоличника Устинова Павла Семеновича с женой Екатериной Алексеевной, который, обращаясь к Кутузову, сказал: “Эй, ты, грабитель, я тебе за эту лошадь голову отрублю и никто не узнает. Ну, помни, мы тебе за это все равно отомстим”. Стенин Иван Гаврилович, обращаясь к единоличникам Ходюшину К.С. и Большакову С.Д., говорил: “Пусть все забирают, но в колхозы не пойдем; ну, этим колхозам скоро будет плохо. Активисты у нас возьмут, но они все своим имуществом за нас поплотятся”¹. Чувствуя, что дело идет туго, «9 сентября предколхоза «Догнать и перегнать» Щелкалин совместно с бригадирами, по поручению сельсовета провел с единоличниками беседу о вступлении в колхоз. В выступлениях единоличники так ответили. Стенин И.Г.: “Лучше умереть, чем идти в колхоз”. Матюшкина Варвара Васильевна: “Какой же тут колхоз, мы все без памяти, нас всех ободрали и ограбили. В этой власти нет правды, правда только на небе”. Ларин Егор Михайлович: “Мы в колхоз не пойдем, колхоз это крепостное право, если бы сейчас издали декрет, кто не желает быть в колхозе – может выходить, то я уверен, на половину колхоза вышли бы из колхоза”².

«К этому можно добавить, что период коллективизации в Лопатино отмечен не только драматическими событиями, связанными с насильственными действиями по отношению к крестьянам, но и настоящей трагедией. Здесь убили сельского комсомольца Алексея Семакина. Он работал почтальоном и являлся активным агитатором за коллективизацию. На этой почве у него часто возникали конфликты со сверстниками, чьи родители не желали вступать в колхоз. Один из таких конфликтов и закончился трагедией. На вечерке у молодежи, как обычно, разделившейся на два противоборствующих лагеря, зашел спор о коллективизации. Вскоре он перешел в потасовку, которая, впрочем, закончилась благополучно. А уже после

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88. ЛЛ. 120–122.

² Там же, л. 123.

нее поздно вечером противники Семакина по спорам подкараулили и убили его, представив убийство как происшедшее в ходе беспорядочной драки»¹.

Наиболее активные противники колхозного строя были раскулачены и высланы из села. Среди них были Карп Васильевич Андришин (1875–?), Семен Васильевич Вагин (1884–?), Петр Васильевич Вагин (1897–?), Федор Алексеевич Комиссаров (1900–?), Андрей Петрович Макаев (1882–?), Николай Иванович Макаев (1883–?), Антон Тимофеевич Майоров (1883–?), Федосий Сидорович Рыбалко (1904–?) и Карп Семенович Ходюшин (1903–?)². Репрессии в их отношении произвели определенное воздействие на колеблющихся. Еще одним мероприятием по оздоровлению общей атмосферы в селе стало разделение колхоза «Догнать и перегнать» на четыре самостоятельные сельхозартели по принципу принадлежности к порядкам крестьянских домов. Так, Углянка стала колхозом «Путь к победе», Загать – колхозом им. Э. Тельмана, Погорелки – колхозом им. М.И. Калинина, Кочетовка – колхозом им. В.И. Чапаева.

На фоне классово-борьбы за «светлое будущее» продолжалось совершенствование образовательной инфраструктуры села. В 1935 г. в Лопатине продолжалось строительство школы-семилетки. В отчете УНКВД о нем сохранилась следующая информация: «Лопатинская, директор Попков; утвержденная титулом Лопатинская школа еще не закончена. Основной задержкой явилось изменение проекта, вернее дополнение по линии МООНО (утвержден проект с изменением только в августе месяце). 2 сентября 1935 г. из 645 человек по списку не явилось 126 человек»³. В 1937 г. в лопатинской неполной средней школе было 682 ученика⁴.

В 1937 г. Лопатино, как и все остальные населенные пункты Скопинского района, перешло из подчинения Московской области к новообразованной Рязанской. В эти годы несколько уроженцев села пали жертвами «большого террора». На Бутовском полигоне под Москвой были расстреляны Филипп Сергеевич Сергеевичев (1911–1937) и Моисей Моисеевич Пресняков (1889 или 1899–1938). Несколько лет спустя, в 1940 г., волна политических репрессий настигла и Василия Васильевича Преснякова (1891–1940). Уроженец села Лопатино Скопинского уезда Рязанской губернии, он был членом партии большевиков с до-революционным стажем. В годы Первой мировой войны В.В. Пресняков служил в армии в чине прапорщика, был командиром полковой пулеметной команды, тайно занимаясь пропагандой революционных идей среди солдат. В годы Гражданской войны он работал начальником уездной милиции, в начале 1920-х гг. возглавил одну из первых сельскохозяйственных коммун «Заря». С наступлением более спокойных времен В.В. Пресняков окончил университет, затем Тимирязевскую сельскохозяйственную академию в Москве, работал инструктором ЦК ВКП (б), позднее был переведен в Госбанк СССР на должность начальника отдела Управления инкассации. В.В. Пресняков был арестован 23 октября 1940 г. Уже после начала Великой Отечественной войны, 9 июля 1941 г., Военной коллегией Верховного суда СССР он был осужден по обвинению в участии в контрреволюционно-террористической организации и 28 июля расстрелян на полигоне «Коммунарка» под Москвой. В 1956 г. В.В. Пресняков был посмертно реабилитирован.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг. отмечается, что по данным за 1937 г. в четырех колхозах села Лопатино

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 179.

² Ленинское знамя, № 36 (11 апреля 1991).

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 117.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь № 3, с. 2.

числилось 542 двора, т. е. уровень коллективизации села составлял 77,6% (этот показатель считался низким, т. к. что по законам и уставам сельхозартелей членство в колхозах было индивидуальным, а не подворным). Лопатинские колхозники засеивали озимыми 729 га, яровыми – 938 га, 50 га было отведено под огородно-бахчевые культуры, 120,6 га – под картофель, 376 га – под кормовые культуры. В колхозах имелось 228 лошадей, 84 коровы, 155 свиней и 11 овец. В личных хозяйствах колхозников содержались 296 коров, 314 свиней и 217 овец¹.

На 1 января 1939 г. в лопатинском колхозе им. М.И. Калинина в 174 дворах было 856 жителей, из них 401 трудоспособный. В 119 дворах колхозников имелся крупный рогатый скот. Вне колхоза находились 134 человека. После распределения прибыли за 1938 г. на трудодни было выделено 25,6 % совокупного дохода. В среднем каждый колхозник выработал по 78 трудодней, на каждый выдавались 960 г зерна и 40 копеек деньгами (реально было выдано по 18 копеек)². В колхозе числились 102 лошади и 20 жеребят, 21 корова и 11 телят, 16 свиней и 99 поросят, 5 овец. В этом же году пали жеребенок и 21 поросенок. 109 свиней и поросят были проданы колхозникам³.

В лопатинском колхозе им. В.И. Чапаева насчитывалось 246 дворов и 975 жителей. Вне колхоза оставались 316 человек. В 1938 г. с площади в 876 га колхозники собрали 4359 ц зерновых и бобовых, с 67 га – 1154 ц картофеля, с 19 га – 1238 ц других овощей и бахчевых. Каждый колхозник выработал за год в среднем по 87 трудодней. При распределении 18,6 % от прибыли колхозники получили на трудодень по 1,48 кг зерна и 4 копейки деньгами. Только 95 дворов имели крупный рогатый скот⁴. По отчету за 1938 г. в колхозе им. В.И. Чапаева было 100 лошадей и 26 жеребят, 35 коров и 21 теленок, 30 свиней и 152 поросенка, 1 овца. В этом же году пали 5 жеребят, 2 теленка и 10 поросят. Колхозникам были проданы 16 телят и 90 поросят⁵. При колхозе работал черепичный завод, на котором были заняты 11 человек⁶.

В колхозе им. Э. Тельмана в 1938 г. состояло 86 дворов, в которых проживали 329 человек. 68 жителей не были членами колхоза. После распределения 39,7 % прибыли каждый из 195 работающих колхозников получил на трудодень по 540 г зерна и 51 копейку деньгами. Общая уборочная площадь колхоза составила 239 га. Средний урожай пшеницы и бобовых в хозяйстве оценивался в 5,3 ц с га, картофеля – в 13,9 ц с га⁷. В колхозе числились 34 лошади и 8 жеребят, 19 коров и 5 телят, 7 свиней и 47 поросят. Пало в этом же году 2 теленка и 10 поросят. Были проданы колхозникам 4 теленка и 23 поросенка⁸.

В 1939 г. в Лопатинский сельсовет Скопинского района входили также поселки Московский и Красный. Однако все четыре торговые точки, работавшие на территории сельсовета, – три райпотребсоюза и одна Главвинторга – находились в Лопатине⁹. Как свидетельству-

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

⁵ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

⁶ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь. Показатели народнохозяйственного плана 1937–1939 гг.

⁷ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

⁸ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах.

⁹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Таблица. Населенные пункты Скопинского района.

ют скопинские краеведы, в предвоенные годы «в дни революционных праздников 1 мая и 7 ноября в селе даже организовывались многолюдные демонстрации. Для этих целей специально устраивали трибуну, мимо которой шли с праздничными плакатами и транспарантами не только лопатинцы, но и жители многих окрестных сел и деревень»¹.

В 1941 г. лопатинские колхозники успели засеять поля, но после начала Великой Отечественной войны косить сено уже пришлось без призванных на фронт мужчин. «В 1941 г. в колхозе им. Чапаева за три дня работы было скошено 42 га лугов. Председателем колхоза был В. Денисов. При распашке полей за конный плуг взялись женщины: Марфа Мекаева, Елена Орешкина, Ольга Минаева и другие»².

Между тем фронт все приближался к границам Рязанской области. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 23 ноября нацисты захватили Горлово, 25 ноября – Скопин, а к 26 ноября вышли на рубежи Мордвес – Серебряные Пруды – Михайлов – Павелец – Чернава. Лопатино на некоторое время оказалось на оккупированной врагом территории.

В первые дни немецко-фашистской оккупации Скопина «под каток истории» попал житель Лопатина Григорий Иванович Попадьян (1893–1941). Он работал дровоколом в скопинской хлебопекарне. После занятия города нацисты искали среди населения скрывшихся бойцов истребительного отряда, несколько часов оказывавшего им сопротивление. Г.И. Попадьян был схвачен оккупантами и расстрелян. Без кормильца в тяжелое военное время остались жена и пятеро детей.

В эти тревожные дни проявились лучшие качества лопатинских крестьян: патриотизм, самоотверженность, сила духа. Благодаря им они выстояли, а после ухода оккупантов принялись поднимать хозяйства разоренных колхозов. В Лопатине была разграблена средняя школа, от мародерства немецких солдат и отдельных граждан пострадало колхозное имущество. Об одном из таких немногочисленных отщепенцев секретарь Скопинского райкома партии Н.Ф. Старостин упоминает в адресованной Рязанскому обкому ВКП (б) докладной записке «О подборе и расстановке колхозных кадров» от 4 апреля 1942 г.: «В колхозе им. Калинина бригадиром работал Денисов, до колхоза он имел зажиточное хозяйство, бригада работала плохо. Во время приближения немцев к колхозу принимал активное участие в грабеже колхозного зерна, после изгнания немцев из района ему было предложено сдать, но и весной 1942 г. он его так и не сдал»³.

Уборочная кампания 1942 г. оказалась крайне трудной. Большую часть работ приходилось делать вручную. Поля под огородные культуры колхозники вскапывали лопатами, картофель сажали тоже под лопату, а навоз вывозили на салазках. Скопинская газета «Сталинец» сообщала: «В колхозе им. Калинина на поле по уборке ржи вышло 55 человек с крюками и больше 100 женщин-вязальщиц. Поднялись старые и молодые. Гришин И.Г. и Большаков, которым было по 14 лет, крюком скашивали по 0,4 га. Старичок Зыкин С.Г. по 0,75 га, от него не отставали Большаков А.Е. и Денисов В.Д. Инвалиды войны Ходюшин и Котов С.П. тоже не отставали»⁴.

В военное время с руководителей колхозов спрашивали строго. В марте 1943 г. «Сталинец» обрушился с критикой на председателя одного из лопатинских колхозов Аллилуева: «На

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 179–180.

² Сталинец, № 116 (19 июля 1941).

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 38.

⁴ Сталинец, № 63 (13 августа 1942).

пороге весенний сев, а колхоз им. Чапаева (Лопатино) не справился ни с одной из подготовительных работ. Семена не отсортированы. О засышке недостающих семян зерновых и картофеля нет заботы. По словам Аллилуева, отремонтировано 13 телег, на самом деле 3. «Отремонтированные» 9 плугов, требуют повторного ремонта. Не готовы сохи, хомуты. Бороны разбросаны, одна из них покоится на крыше конюшни. Навоз из конюшен разбрасывается как попало, пополам с сеном. Большую долю навоза конюхи отвозят на свои огороды. Корм, предназначенный для поддержки истощенных коней, не попадает по назначению. Отец бригадирки Тимошиной побил две лошади, а выданный для них овес взял себе. Это преступление осталось безнаказанным.

Конюхи на конюшне бывают только в удобное для них время, корм расходуют как им вздумается. В ночное время коней не охраняют. Сторож выделен, но не работает. Аллилуев ввел новое правило: наряды даются не в правлении, а на домах у колхозников. Правление колхоза формально обсудило вопрос о контрактации [телят] на заседании, а дальше ничего не делает.

Тов. Аллилуев мирится со всеми этими недостатками и безобразиями, а это – преступление перед государством. Странно также, что ничего не предпринимает уполномоченный райисполкома тов. Овинников. Райисполкому и райзо надо навести порядок в колхозе»¹.

В 1942–1943 г. трудящиеся Московской области, в состав которой входил Скопинский район, собирали средства на строительство танковых колонн «Московский шахтер» и «Московский колхозник», школьники района – на танк «Скопинский пионер». В начале 1943 г. из Лопатина в столицу СССР была отправлена следующая телеграмма: «Москва, Кремль, товарищу Сталину. Дорогой товарищ Сталин! Мы, учащиеся Лопатинской неполной средней школы Московской области, шлем Вам привет и желаем жить и здравствовать долгие годы. Дорогой Иосиф Виссарионович! Обещаем Вам всемерно помогать нашей славной Красной Армии в борьбе с врагом. На постройку боевых самолетов ученики нашей школы внесли 6350 рублей. Сбор продолжается. Мы все, как один, твердо уверены в победе нашей Родины. По поручению учащихся: директор школы Косарев. Ученики: Егоров Михаил, Симаков Алексей, Романов Николай». Юным патриотам из Лопатина лично ответил руководитель партии большевиков и Советского государства: «Директору Лопатинской неполной школы тов. Косареву. Ученикам Егорову Михаилу, Симакову Алексею, Романову Николаю. Передайте учащимся Лопатинской неполной средней школы, собравшим средства на строительство самолетов, благодарность Красной Армии и мои пожелания им здоровья и успехов в учебе и общественной работе. И. Сталин»².

В годы войны вся страна жила по законам военного времени. Судили по ним же. «В колхозе им. Чапаева в течении 3-х лет председателем работал Денисов, который вместо укрепления колхоза занимался пьянкой, подорвал экономику колхоза, за что был осужден к 2-м годам тюремного заключения»³. Газета «Сталинец» в 1943 г. сообщила: «За кражу семян пшеницы в колхозе им. Тельмана в количестве 293 кг кладовщик колхоза Вагина У.П. предана суду. Следствием установлено, что Вагина систематически пьянствовала. На колхозные семена и хлеб выменивала водку. Вагина арестована. Привлечены к суду и ее соучастники Мекаева Н.С. и Дедюхина Д.Г.»⁴. Но эти случаи были скорее исключениями на фоне беззаветного самоотверженного труда большинства жителей села.

¹ Сталинец, № 21 (12 марта 1943).

² Сталинец, № 32 (25 апреля 1943).

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 38.

⁴ Сталинец, № 25 (1 апреля 1943).

В военное время лопатинские женщины А.Р. Егорова, Е.Г. Забидарова, М.В. Алексашина, А.Я. Гришина и М.В. Сидоркина, заменив мужчин, создали в колхозе свою тракторную бригаду. Большая часть мужчин прошла через фронт. «Многие лопатинцы за победу заплатили самой дорогой ценой – собственной жизнью. О их нетленном подвиге напоминает потомкам памятник погибшим воинам-лопатинцам, сооруженный в центре села»¹. Но многие и вернулись с поля брани со славой. И.М. Колотовкин стал кавалером двух орденов Славы, двух орденов Красной Звезды и ордена Отечественной войны, участник штурма Берлина Л.К. Майоров – кавалером орденов Славы, Красной Звезды и Отечественной войны. Отличились на войне Е.А. Вагин, И.Е. Бакленев, В.А. Мекаев².

Самым известным ветераном Великой Отечественной войны из Лопатина стал военный летчик Александр Васильевич Пресняков (1917–2010). Родившись в селе, он провел почти всю свою жизнь в Москве и других городах СССР. В 1939 г. А.В. Пресняков досрочно окончил летное военное училище в городе Николаеве (УССР), принимал участие в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. В 1940 г. как «сын врага народа» был исключен из комсомола, но с началом Великой Отечественной войны в июле 1941 г. был принят в ВКП (б). В 1941–1942 гг. А.В. Пресняков участвовал в воздушных боях над Прибалтикой и на подступах к Ленинграду, с марта 1942 г. служил в 1-м гвардейском минно-торпедном авиационном полку, став одним из первых летчиков-торпедоносцев. За короткое время стал мастером торпедных атак. К началу 1944 г. командир звена гвардии старший лейтенант Пресняков совершил 222 боевых вылета на бомбардировку, торпедирование, постановку мин и разведку. Потопил 2 транспорта, 2 тральщика, уничтожил 5 вражеских самолетов на аэродромах. В январе 1944 г. во время боев за освобождение Ленинграда от блокады бомбардировал район Ропши, где прямым попаданием авиабомб им был уничтожен командный пункт вражеской дивизии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 г. за образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками гвардии старшему лейтенанту А.В. Преснякову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Всего за время Великой Отечественной войны А.В. Пресняков совершил 370 боевых вылетов. Его боевому пути посвящена книга воспоминаний «Над водами Балтики» (1979). В послевоенные годы А.В. Пресняков продолжил службу в морской авиации, в 1961–1968 гг. был заместителем командующего авиацией Тихоокеанского флота. С 1969 г. он жил и работал в Феодосии, в 1982 г. вышел в запас в звании генерал-майора авиации ВС СССР. До конца своих дней заслуженный военный летчик возглавлял Феодосийский городской совет ветеранов войны, труда и военной службы, был избран почетным гражданином города Феодосии. В 2007 г., еще при жизни героя, его бюст был открыт на мемориальном комплексе «Аллея героев» в Феодосии.

В годы войны также прославился житель находившейся недалеко от Лопатина и ныне не существующей деревни Стрелецкая дубрава гвардии старшина Василий Васильевич Казимиров (1924–1991). Бригадир местного колхоза «Красная дубрава», он был призван в РККА в августе 1942 г. В.В. Казимиров прошел почти весь свой боевой путь в составе 13-й (позднее – 4-й гвардейской) отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады резерва Верховного Главнокомандования, участвовал в Курской битве, освобождении Ле-

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 181.

² Там же. С. 180.

вобережной Украины, в Гомельско-Речицкой, Люблин-Брестской, Варшавско-Познанской, Восточно-Померанской и Берлинской наступательных операциях. Утром 31 июля 1944 г. батарея гвардии капитана Черкашнева, в составе которой одним из орудий командовал гвардии старшина Казимиров, артиллерийским огнем поддерживала переправу стрелковых подразделений через р. Вислу в районе села Кемпа-Хотецка (Польша). В ночь с 1 августа батарея первым из артиллерийских подразделений форсировала вместе с пехотой реку и обеспечивала захват и удержание плацдарма. В тот день артиллеристы успешно отбили атаку противника с большими для него потерями. 2 августа 1944 г. в районе высот 160,2 и 155,1 на стыке 965-го и 963-го стрелковых полков, где совершенно не было нашей пехоты, противник предпринял три атаки с целью ликвидации созданного плацдарма. Атаки противника были успешно отбиты, орудия батареи на прямой наводке в упор расстреляли до батальона пехоты, уничтожили 4 пулемета и минометную батарею противника. Когда орудие Казиминова ввиду перегрева ствола вышло из строя, расчет продолжал из автоматов расстреливать подступающие подкрепления противника. Перейдя в контратаку вместе с пехотинцами, артиллеристы овладели полностью господствующими высотами. В ходе этого боя Казимиров из личного оружия уничтожил до 75 солдат и офицеров противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1945 г. за мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, гвардии старшине В.В. Казиминову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Его боевой путь во время войны также был отмечен орденами Славы 2-й и 3-й степеней и медалью «За отвагу». После демобилизации в 1946 г. В.В. Казимиров жил и работал в Скопине. Ныне его имя носит одна из скопинских улиц. В 1988 г. именем Героя было названо поле на месте бывшей деревни Стрелецкая дубрава.

В ходе восстановления колхозных хозяйств в послевоенные годы многое зависело от личных способностей руководителей. В 1946 г. «Сталинец» писал: «Колхоз «Путь к победе» Лопатинского сельсовета был до недавнего времени самым отстающим, бывший председатель Лактаев развалил и пустил дело на самотек. Пришел новый, Вагин, и в результате рассчитались по хлебопоставкам»¹.

Не всем удавалось наладить дело в сложных условиях. О другом лопатинском колхозе та же газета писала: «Положение в колхозе им. Чапаева в 1949 г. безотрадное. Царит бесхозяйственность: 7 тонн фуражного картофеля свалено около фермы под открытым небом и поморожено. Он скармливается свиньям, от такого кормления они сильно истощены. От истощения годовалая телка вот уже несколько дней не поднимается. Тоже самое с лошадьми и крупным рогатым скотом. Корма Вагин разбазарил ранней осенью, систематически пьянствует, с колхозниками обращается очень грубо, а кто его критикует – отстраняет от работы. Снял счетовода и двух членов ревизионной комиссии»².

Даже четыре года спустя после победы лопатинским колхозникам приходилось порой пахать на коровах, как в военное время: «В колхозе им. Калинина Лопатинского сельсовета Кузьма Гаврилович Савилин и Петр Петрович Игнаткин днем и ночью находятся на колхозной конюшне. Колхозники решили приучить к работе в упряжке 5 коров с колхозной фермы»³. Тяжелый ручной труд и отсутствие перспектив развития села приводили к упадку колхозов сельсовета. В 1950 г. четыре лопатинских колхоза – «Путь к победе», им. Э. Тель-

¹ Сталинец, № 4 (10 января 1946).

² Сталинец, № 32 (16 марта 1950).

³ Сталинец, № 24 (25 февраля 1949).

мана, им. М.И. Калинина и им. В.И. Чапаева объединились в одно хозяйство под общим названием «Колхоз им. В.И. Чапаева». Председателем его правления был избран П.Г. Фетисов¹.

Очерк в районной газете «Сталинец» описывал рабочий день в укрупненном лопатинском колхозе в поэтических тонах. «Раннее сентябрьское утро 1950 г. Из-за леса поднимается солнце... Дует слабый ласковый ветерок и деревья тихо шелестят листвой. Несмотря на ранний час, на молотильном току многолюдно и оживленно. В ярких косынках стоят молодые колхозницы. Бригадир полеводческой бригады Василий Васильевич Денисов, осмотрев кругом, обращаясь к машинисту молотилки, сказал: “Люди все в сборе”. Машинист Федор Степанович Андрушин дает команду. Колхозницы заняли места. Начали. Алексей Ходюшин завел трактор, и заработала сложная молотилка. В ее грохоте потонули отдельные голоса. Снопы от скирды непрерывной вереницей подают к молотилке. Молодая колхозница Клавдия Гришина проворными, сильными руками, без задержки освобождает снопы от свясел. Екатерина Сергеевна Федулкина работает барабанщицей. Быстрыми и умелыми движениями она берет снопы и направляет их в барабан машины. Сергей Большаков и Иван Дорошин покрикивают на лошадей, отправляя солому от молотилки к омету. Колхозницы Фекла Кирюшина, Елена Чекина, Василиса Тютчева убирают солому. На глазах растет скирд. Непрерывным потоком сыплется крупное золотистое зерно из молотилки на хорошо расчищенный, утрамбованный ток. К току подходит и грузится машина, за ней другая, дальше повозки... Намолотили за день 14 тонн, это две нормы. Домой возвращались в сумерках»². Однако, если вдуматься, этот праздник сельского труда продолжался 10–12 часов, а для некоторых работников – и все 14.

«Для нового колхоза этот период истории характерен интенсивным развитием полеводства, прежде всего производства зерна и овощей. Животноводство развивалось слабее. В хозяйстве насчитывалось лишь около 150 коров, примерно 200 свиней и 400 овец. Надои молока от коровы за год составляли примерно 2500 кг. Мощным толчком в развитии животноводства стала электрификация села, т. к. электроэнергия в первую очередь пришла на животноводческие фермы»³.

В 1952 г. в Лопатинский сельсовет были включены населенные пункты ликвидированного Вороновского сельсовета – деревня Вороновка и поселки Верстаковка, Советский, Рудинка, Дозоровка, Смекаловка и Свобода. В 1960 г. администрация сельсовета размещалась в кирпичном одноэтажном доме порядка Углянка⁴.

«Поистине периодом возрождения села стала 2-я пол. 1950-х гг. В колхозе построили новый коровник и свинарник, на сельских улицах стали постепенно исчезать соломенные крыши старинных изб. На их месте ежегодно возводилось до двух десятков просторных кирпичных и каменных домов. В них проводилось электричество, здесь оборудовались радиоточки, что было для сельчан большим событием. Все более весомым становился трудодень колхозников.

В 1962 г. в стране вновь прошла кампания реорганизации сельских хозяйств. К лопатинскому колхозу присоединили колхоз соседнего села Вороновка. Председателем реорганизованного хозяйства стал И.М. Колотовкин. По желанию большинства колхозников хозяйство

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 181.

² Сталинец, № 106 (8 января 1950).

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 181.

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 210, лл. 1 – 1 об.

назвали «Советская волна». Наряду с традиционными отраслями производства здесь начали активно заниматься птицеводством. В то время в колхозе насчитывалось до 15 тысяч кур.

Из наиболее значительных для лопатинцев событий середины 1960-х гг. можно отметить газификацию села и строительство нового дома культуры. Таким образом Лопатино становится обустроенным и удобным для жизни пригородным селом. К концу 1970-х – началу 1980-х гг. средняя заработная плата колхозника в «Советской волне» составляла 250–260 рублей в месяц. Здесь насчитывалось более 20 семей, имевших личные автомашины, и более 30 семей – мотоциклы. В 1993 г. «Советская волна» преобразовалась в акционерное общество¹.

В середине 2000-х гг. закрытый с 1938 г. и пострадавший от продолжительного использования для нужд колхоза Покровский храм в Лопатине был возвращен верующим. К 2009 г. были восстановлены купол и кровля основного объема церковного здания. Работы по возрождению Покровской церкви продолжаются. Храм является действующим и числится по 1-му Скопинскому благочинию Рязанской митрополии. Его настоятелем является протоиерей Максим Валерьевич Косоруков.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Лопатино было включено в сельское поселение Успенское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в это время в нем проживали 709 человек – 306 мужчин и 403 женщины.

В 2015 г. в Лопатине действовали администрация, общеобразовательная школа – филиал Корневской СОШ, дом культуры, сельская библиотека, почта, фельдшерско-акушерский пункт, магазины². Среди сельхозпроизводителей выделялись ООО «Земля» (генеральный директор Эдуард Владимирович Якушкин) и фермерское хозяйство ИП «Мартьянов Николай Михайлович». В Лопатинской роще к западу от села локализуется одно из наиболее высоких мест Скопинского района Рязанской области – 206 м над уровнем моря.

---

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С.181.

² По материалам Скопинской районной библиотеки.

ЛЬВОВКА

деревня

(сельское поселение Горловское)

Деревня Львовка – еще один населенный пункт Скопинского района, чье прошлое связано с Елифанским уездом Тульской губернии.

Как свидетельствует Генеральный план Елифанского уезда (ч. 1), составленный в ходе межевания 1776–1780 гг., в это время Львовки еще не существовало. Место, где она впоследствии появилась, являлось частью крупного имения «село Молоденки здеревней Ольховцом¹ графов Кирилы Григорьевича и детей ево Алексея, Петра, Андрея, Льва, Григорья, Ивана Кирилловичев Разумовских выделенною церковною землею»².

Владелец имения граф К.Г. Разумовский (1728–1803) – младший брат фаворита императрицы Елизаветы Петровны А.Г. Разумовского, последний гетман Малороссии (1750–1764), президент Петербургской Академии наук в 1746–1765 гг., генерал-фельдмаршал, выдающийся русский государственный деятель XVIII в. Он и его дети являются хорошо известными историческими личностями.

Как представляется, деревня Львовка была основана в 1790-х гг. Известно, что в 1784 г. К.Г. Разумовский подал на имя императрицы Екатерины II прошение о разделе принадлежавших ему имений между своими взрослыми детьми. Этот процесс довольно хорошо изучен на примере подмосковных и петербургских владений Разумовских, но, судя по всему, он коснулся также и их елифанского имения с центром в селе Молоденки.

Косвенное упоминание о процессе расселения разделенных крепостных крестьян из села Молоденки в конце XVIII в. имеется в сборнике П.И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей» (1895). В статье о Введенской церкви села Молоденки он пишет: «В то время, когда строился этот храм, около него находились крестьянские слободы, но с переселением этих слобод на другие места храм остался в поле один, и в зимнее время дорога к нему заматывается снегом»³. Введенская церковь была возведена в 1798 г. Очевидно в промежутке между подачей К.Г. Разумовским прошения на высочайшее имя о разделе семейной недвижимости и постройкой храма в Молоденках и произошло выселение молоденских крестьян в новообразованные деревни Алексеевку и Львовку.

В Алексеевку, судя по всему, были выведены крепостные, доставшиеся при разделе графу Алексею Кирилловичу Разумовскому (1748–1822), действительному камергеру (1775), сенатору (1786), действительному тайному советнику (1807), занимавшему пост министра народного просвещения в 1810–1816 гг. Эта деревня просуществовала до середины 1980-х гг.⁴

¹ Ныне села Молоденки и Ольховец в Кимовском районе Тульской области.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 15.

³ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 165.

⁴ Решением Тульского облисполкома № 7-270 от 30 апреля 1986 г. деревня Алексеевка Бучальского сельсовета Кимовского района была исключена из учетных данных облисполкома в связи с выездом и переселением жителей в другие населенные пункты.

Во Львовку, как явствует из ее названия, переселились молоденские крестьяне, помещиком которых стал граф Лев Кириллович Разумовский (1757–1818), генерал-майор в отставке, владеец роскошного подмосковного имения Петровско-Разумовское, заметная фигура в светской жизни допетровской Москвы.

С именем Л.К. Разумовского, похоже, связано появление еще одной деревни на землях молоденского имения в Епифанском уезде – Марьинки¹. Ее название как будто указывает на княгиню Марию Григорьевну Голицыну, урожденную княжну Вяземскую (1772–1865), известную светскую красавицу, ставшую женой графа Л.К. Разумовского ок. 1802 г. Появление этого населенного пункта, очевидно, также относится к первым годам XIX в.

В статистическом справочнике «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.», вышедшем под редакцией академика П.И. Кепшена, указано, что в это время население «деревни Львовки, в просторечии Клиновки», находившейся «при речке Мокрой Таболе и колодцах», составляло 376 человек «помещичьих крестьян». Местные жители были прихожанами церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Молоденки².

Сведения о деревне накануне отмены крепостного права содержатся в изданном в 1862 г. списке населенных мест Тульской губернии. Согласно этому изданию, Львовка, «деревня владельческая», находилась «при реке Таболе». В ней насчитывалось 25 дворов, в которых проживали 198 мужчин и 200 женщин³.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. деревня вошла в состав Молоденской волости. Военно-топографическая карта Тульской губернии 1863 г. свидетельствует, что Львовка в это время представляла собой два порядка домов, расположенных друг против друга. Единственная улица в деревне тянулась почти ровно с запада на восток. За западной околицей деревни одиноко стояла единственная мельница. Перед ней у околицы деревни расходились две исходящие из нее дороги: одна в северо-восточном направлении, другая в юго-восточном⁴.

В 1866 г. жители деревни Львовки Молоденской волости оставались временнообязанными издельными крестьянами бывшего помещика села Молоденки П.Ф. Самарина⁵. Мужское население деревни составляло 190 душ. Общая площадь обрабатывавшейся деревенскими крестьянами земли равнялась 522 десятинам 1200 сажаням (570,82 га). По состоянию на 1 января 1867 г. каких-либо недоимок за ними не числилось⁶.

В 1873 г. крестьяне Львовки погасили выкупные платежи своему бывшему помещику и перешли в категорию крестьян-собственников. Об этом сообщила газета «Тульские губернские ведомости» в разделе «О разрешенных выкупных ссудах»: «Тульское губернское по крестьянским делам присутствие, руководствуясь ст. 108 Положения о выкупе, объявляет об утверждении выкупных сделок по нижеследующим имениям: [...] в кол[ежского] асс[ессора] П.Ф. Самарина, в селениях: Львовки, Климовка тож, Ольховца и Алексеевки, Еп[ифанского] у[езда]; ссуды от правительства помещику причитается 58 200 р. Выкупная ссуда разрешена сроком с 1 мая 1873 г.»⁷.

¹ Ныне в Кимовском районе Тульской области.

² Северов В.И. Города и селения Тульской области в XIX веке. Тула, 2006. С. 85.

³ Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862. С. 77.

⁴ Видимо, они соединяли деревню с населенными пунктами соседней Рязанской губернии – селом Липяги и деревней Бугровкой.

⁵ Самарин Петр Федорович (1831–1901) – действительный статский советник в отставке, владеец усадьбы в селе Молоденки Епифанского уезда Тульской губернии, родной брат известного публициста и общественного деятеля славянофила Юрия Федоровича Самарина (1819–1876).

⁶ По данным имеющегося в распоряжении авторов не идентифицированного печатного издания, содержащего сведения земской статистики за 1866 г. по уездам Тульской губернии.

⁷ Тульские губернские ведомости, № 33 (12 мая 1975).

При районировании Тульской губернии в 1924 г. деревня Львовка вошла в состав Бучальско-Молоденского района Богородицкого уезда Тульской губернии. Изданный в 1925 г. справочник «Вся Тула и Тульская губерния» сообщает, что в это время деревня административно относилась к Молоденскому райсовету¹. Во Львовке работала школа 1-й ступени. Часть жителей деревни трудилась в сельскохозяйственной артели «Единение»². Впоследствии в деревне был образован собственный сельсовет.

В 1926–1929 гг. Львовка входила в Клеветковский район Тульской губернии. После ликвидации губерний в 1929 г. деревня оказалась в Епифанском районе Тульского округа Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1931 г. разделение Московской области на округа были ликвидировано.

Постановлением ВЦИК СССР от 1 ноября 1935 г. Львовский сельсовет был передан из Епифанского района Московской области в Горловский³, в составе которого деревня попеременно относилась то к Московской (в 1935–1937 и в 1942–1946 гг.), то к Рязанской областям (в 1937–1942 и в 1946–1959 гг.).

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг. имеется перечень населенных пунктов Горловского района «с характеристиками их по состоянию на 1939 г.». Согласно этому документу, в рассматриваемое время Львовка имела статус села и была административным центром одноименного сельсовета, куда входили также поселки Львовские выселки и Львовский хутор. В селе Львовка насчитывалось 118 жилых строений, 125 хозяйств и 526 чел. населения. Из его промышленных заведений отмечены ветряная мельница (построена в 1918 г.), конная просорушка (действовала с 1934 г.) и маслобойка (действовала с 1937 г.). Из социокультурных учреждений обозначены начальная школа и изба-читальня⁴. В 1939/1940 учебном году во львовской начальной школе насчитывалось 124 учащихся (77 мальчиков и 47 девочек). С начала 1930-х гг. жители Львовки были объединены в колхоз им. В.Р. Менжинского.

Топографические карты РККА 1941 г. (съёмки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время Львовка заметно увеличилась в размерах. Два порядка ее домов, образующие единственную деревенскую улицу, вытянулись вплоть до берега р. Сухой Таболы. Несколько строений появилось и на противоположном берегу реки. Всего во Львовке насчитывалось 109 дворов. В деревне был собственный сельсовет, продолжала работать начальная школа. К северо-западу от Львовки, у самой границы Рязанской и Тульской областей, находился поселок Львовские выселки⁵.

В ходе Великой Отечественной войны в ноябре–декабре 1941 г. Львовка непродолжительное время находилась на оккупированной гитлеровцами территории. В этот период жители деревни пострадали не только от мародерства вражеских солдат, но и от чересчур «притких» соседей-туляков. «В колхозе им. Менжинского Львовского сельсовета Горловского района по свидетельству акта, составленного председателем колхоза Воробьевым П.Р., председателем сельсовета Ляпиным Н.Е., на поле № 7 растущены копыны овса на десяти гектарах колхозни-

¹ Вся Тула и Тульская губерния. Справочная книга. Тула: Издательство Тульского губисполкома, 1925. С. 173.

² Там же. С. 174.

³ Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. Москва: Кучково поле, 2011. С. 104.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристиками их по состоянию на 1939 год.

⁵ Ныне не существует. Видимо, был заброшен в послевоенные годы.

ками Епифанского района Тульской области. <...> Немцами взяты 24 кг меда и 13 кг ветчины, 9 ульев с пчелами, 7 ц соломы...»¹

Примером героизма жителей Львовки, проявленного на фронтах Великой Отечественной войны, могут служить братья Булины. Старший лейтенант Сергей Васильевич Булин (1921–?) был кадровым офицером РККА. Он участвовал в боевых действиях с декабря 1941 г., в 1944 г. командовал взводом противотанковой обороны 349-го стрелкового полка 26-й стрелковой дивизии. Участвуя в Режицко-Двинской наступательной операции 10–27 июля 1944 г., С.В. Булин «в наступательных боях 14 июля 1944 г. за д. Шлыки дрался смело и мужественно. Действуя в боевых порядках пехоты, из своих орудий уничтожил две огневые точки противника, тем самым обеспечил продвижение нашей пехоте. Будучи ранен, не уходил с поля боя. Захваченную трофейную пушку повернул в сторону противника и вел огонь по контратакующим немцам, отбил семь контратак противника»². За свой подвиг С.В. Булин был удостоен ордена Красной Звезды.

Его младший брат ефрейтор Виктор Васильевич Булин (1926–1945) был наводчиком противотанкового ружья. В составе 787-го стрелкового полка 222-й стрелковой Смоленской Краснознаменной дивизии 62-го стрелкового корпуса 33-й армии он воевал с декабря 1943 г. сначала на 3-м Белорусском, затем на 1-м Белорусском фронтах. В ходе Висло-Одерской наступательной операции 12 января – 3 февраля 1945 г. «тов. Булин в наступательных боях при взятии населенного пункта Шмарзе 30 января 1945 г. проявил мужество и героизм. Он непосредственно своим противотанковым ружьем подбил три самоходных орудия, что дало возможность дальнейшему продвижению нашей пехоты. В этих боях он погиб героической смертью»³. Ефрейтор В.В. Булин был посмертно удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени.

В рамках укрупнения колхозных хозяйств, проходившего в 1949–1950 гг., львовский колхоз им. В.Р. Менжинского вошел в колхоз им. В.И. Чапаева Муравлянского сельсовета.

С упразднением Горловского района в 1959 г. Львовка вошла в состав Скопинского района Рязанской области. В нем она остается и поныне. По административному делению Рязанской области 1970 г. Львовка вместе с ныне не существующей деревней Быковкой относилась к Муравлянскому сельсовету⁴.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Львовка стала одним из населенных пунктов Горловского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., уже тогда Львовка была умирающим населенным пунктом: в деревне оставались всего 4 человека – 2 мужчин и 2 женщины. В настоящее время Львовка представляет собой два порядка зарастающих зеленью развалин покинутых сельскими жителями домов.

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, сд. 10, д. 24, л. 6.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 4453, л. 4.

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686296, д. 1552, л. 28.

⁴ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С. 99.

МИЛЛИОННАЯ железнодорожная станция (сельское поселение Горловское)

Линия частной Рязско-Вяземской железной дороги пролегла севернее села Горлово Скопинского уезда Рязанской губернии в 1869–1870 гг. В 1888–1889 гг. правительство выкупило в государственную собственность акционерные Рязско-Моршанскую и Рязско-Вяземскую железные дороги, образовав из них в 1890 г. государственную транзитную Сызрано-Вяземскую железную дорогу, протяженностью 190,66 версты (203,4 км)¹.

В 1894 г. близ Горлова была открыта новая железнодорожная станция. Первоначально она называлась Кашино – по деревне Елифанского уезда Тульской губернии, лежавшей в полутора десятках верст к северу от полотна железной дороги². Одновременно с ее вступлением в строй был проведен комплекс мероприятий по усилению пропускной способности железнодорожной линии, ее дополнительному оснащению подвижным составом, осуществлены серьезные финансовые инвестиции.

В 1896 г. Скопинское уездное земство озаботилось благоустройством подъездных путей к новой станции. В докладе земской комиссии Скопинского уездного земского собрания экстренного созыва от 9 июля 1896 г. подчеркивалось: «Улучшение дороги по селу Горлово, начиная от линии Сызрано-Вяземской железной дороги вдоль села Горлова до конца его, комиссия (по докладу управы) признает крайне необходимым; движение грузов, преимущественно хлебных, по селу Горлову к станции «Кашино» весьма велико, между тем движение по этому селу, преимущественно весной, осенью и в дождливое лето, крайне затруднительно, и без устройства непрерывной каменной мостовой нам обойтись невозможно <...>, так как станция «Кашино» Сызрано-Вяземской железной дороги служит пунктом для подвоза товаров из прилегающих уездов Михайловского, Елифанского и Веневского...»³

Постепенно и проезжие дороги в самом Горлове благоустраивались. Четыре года спустя в Скопинское уездное земское собрание поступил приговор общества крестьян села Горлова следующего содержания: «1900 года сентября 20 дня мы, нижеподписавшиеся, Рязанской губернии Скопинского уезда Горловской волости государственные крестьяне Горловского сельского 4-го земского участка по распоряжению нашего сельского старосты Голованова были собраны на сельский сход, на каковой из общего числа 436 домохозяев явилось 336 домохозяев, имеющих право голоса на сходе, на каковом сходе нам было объявлено, что Рязанская губернская земская управа предписанием от 9 сего сентября за № 7604 объявила чрез земского начальника 4 уч. Скопинского уезда, что согласно постановления своего, состоявшегося 12 марта с. г. постановило: ввиду того, что полотно большой дороги в центре с. Горлово застроено торговыми лавками, так что в некоторых местах ширина улицы равняется только длине 9 саж., почему проезд в этих местах в осеннее грязное время крайне затруднителен – предложить обществу с. Горлова или снести сказанные

¹ Романько В.М. Строительство железных дорог на территории Рязского уезда в 1865–1913 гг. www.godnaya.storona.ru/node/690.

² Ныне в Кимовском районе Тульской области.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания экстренного созыва от 9 июля 1896 г. Скопин, 1896. С. 86.

постройки, или устроить новую мостовую, для чего и выслан план и смета; из последней видно, что устройство этой мостовой требует денежной суммы не менее 7042 руб. 80 коп.». В приговоре крестьяне, намереваясь приступить к работам с весны следующего года, просили учесть, что ими же было направлено в этом году ходатайство на открытие двухклассного министерского училища, и при этом они понесут убытки от сноса построек и перехода с 1 (13) июля 1901 г. питейных заведений в казенное ведомство. Поэтому они просили у земства ссуду на треть указанной в смете устройства мостовой суммы и возможность введения специального сбора в сумме 3 копеек с каждого торгующего в Горелове как в базарные, так и в небазарные дни. После долгих споров Скопинское уездное земство согласилось на просьбу горловцев приняло решение «сделать по сему представление губернскому земскому собранию»¹.

Село Горлово и станция Кашино быстро стали важным региональным транспортным хабом: сюда подвозились для дальнейшей транспортировки железнодорожным транспортом грузы из южных уездов Рязанской губернии – в основном хлеб, скот, домашняя птица, яйца, овощи, фрукты, табак. Ок. 1900 г. станция Кашино стала именоваться Миллионной – в честь рекордной отправки зерна в количестве миллиона пудов, скорее всего случившейся в 1899 г. «Время наибольшего движения грузов со станции: осенние и зимние месяцы, когда избыток урожая с юга губернии направлялся на север и северо-запад страны. Объем отправления хлебных грузов со станции Миллионной (Кашина) Сызрано-Вяземской ж. д. в 1900 г. составил 800 000 пудов»².

Около станции быстро выросли большие склады для зерна и лесоматериалов. В базарные дни здесь «с колес» продавали домашний скот. Станция служила не только местом торговли зерном, но и одновременно перевалочным пунктом. При ней имелся элеватор, принадлежавший Сызрано-Вяземской железной дороге, и частные амбары, где можно было временно хранить зерно. Впрочем, если времени до транспортировки было немного, хлеб оставляли лежать в кулях либо насыпью под брезентами.

Здесь же, близ станции, расположились и дома многих состоятельных горловских предпринимателей, державших в своих руках местную торговлю. Тут жили лесоторговцы Степан Карпович Ермолаев и Петр Тимофеевич Шварев. От них не отставали оптовые торговцы зерном Иван Яковлевич Гусев, Александра Сергеевна Иконникова, Александра Николаевна Перова, Евгения Ивановна Николаева, Григорий Александрович Пересышкин, Николай Иванович Пономарев. Здесь же находились магазины и лавки Михаила Павловича Рязанова, Андрея Яковлевича Холтовинского, Андрея Михайловича Калашникова.

Жительница села Горлово Вера Васильевна Ильичева вспоминала о дореволюционных временах: «Около станции жили Пересышкины, у них был большой дом, трактир, пекарня и торговые лавки. В пекарне выпекался хлеб и вкусные сдобные булочки. В трактире продавали не только спиртное и пиво, но и квас, который варили сами. Отец приносил оттуда сушки и раздавал своим детям. Еще Пересышкины продавали в лавке конфеты, и мама ходила к ним заворачивать конфетки в обертки».

Людмила Пашкевич, правнучка горловского купца Алексея Александровича Пересышкина, поделилась с авторами настоящей книги воспоминаниями о представителях своей семьи: «Григорий Александрович [Пересышкин] – это родной брат моего прадеда Алексея Александровича, отца моей бабули. Всего братьев было пятеро. У Гриши <...> был там хутор (Горлово): 140 десятин (152,6 га) земли, 100 коров, гуси, овцы, свиньи. Работали деревенские

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания XXXVI очередного созыва 1900 года, Скопин, 1901. С. 228, 229, 232.

² Романько В.М. Эксплуатационная и финансово-хозяйственная деятельность железных дорог на территории Рязанского уезда (1889–1917 гг.). www.rodnaya-storona.ru/node/690.

люди, товар отправляли в Москву. Хотя, в Царицын тоже ездили, кто-то из тетушек, но родные или двоюродные – не знаю, а та, что крестила мою бабушку. Любимой крестнице хорошо перепадало после поездок. Все уехали в Москву в 1930-х гг.» О своих же непосредственных предках Л. Пашкевич сообщила: «Мой прапрадед из Горлово – Александр Пересышкин, его жена – Прасковья, прапрабабушка. Из их пяти сыновей: у Алексея (мой прадед) был трактир, Екатерина Ивановна (его жена, моя прабабка) была буфетчицей. У другого брата, Ивана – лавка с конфетами, маслом, чаем, сахаром. Третий брат Митя имел лавку с мануфактурой, пальто, посудой и др. Четвертый Василий – у него в лавке были лопаты, разные железки. Пятый – Григорий. <...>. В 1917 г, в революцию, хутор отняли, а лавки нет, лавки отняли в 1929 г. У моего прадеда Алексея было 9 детей: 6 девочек и 3 мальчика. Две старшие дочери вышли замуж до революции, из Горлово уехали в города Рязанской губернии. Остальные девочки и братья уехали в Москву, вышли замуж и женились. Во время войны кто остался в Москве, кто эвакуировался, а одна из сестер при эвакуации попала под бомбежку и погибла». Состоятельные горловские торговцы могли обеспечить своим детям воспитание и образование в лучших аристократических традициях. О нем Л. Пашкевич писала: «[В семье] была прислуга и няня, я удивлялась (советский ребенок), что в детстве няня завязывала шнурки на ботиночках маленькой Лизе (бабушке), а языкам учить начинали рано, французскому и немецкому»¹.

Большие объемы оптовой продажи зерна привлекали сюда солидных предпринимателей, которые, похоже, плохо уживались с местными владельцами мельниц. Следствием конфликтов нередко становились пожары, вызванные умышленными поджогами. Так, на заседании Скопинского уездного земского собрания от 27 сентября 1911 г. обсуждался вопрос о сгоревшей мельнице князей Голицыных: «Произведенных 15 марта сего года членом управы К.Н. Сухомлиновым обследованием установлено следующее: мельница князей Голицыных при ст. Миллионная Сызрано-Вяземской ж. д. сгорела 8-го сентября 1909 г., остатки от пожара и уцелевшие два жилых помещения были куплены Дмитрием Федоровичем Федорцовым и Александром Готлибовичем Блейве у князей Голицыных по нотариальному договору 18 июля 1910 г. До совершения договора гг. Федорцов и Блейве были допущены к постройке здания в ноябре 1909 г., а равно к восстановлению поврежденных машин, установка коих продолжалась до мая 1910 г., с этого времени по 25 июля 1910 г. были пробы двигателя и всего оборудования, с 25 июля 1910 г. мельница заработала полным ходом. Овсянная шасталка, установлена в декабре 1910 г., еще не работала»². Уездная управа, основываясь на этом обследовании, постановила взыскать с владельцев мельницы недоимку по обложению 1908 г., «так как от пожара остались два жилых дома, которые служили исключительно для мельницы»³.

Ок. 1902–1914 гг. начальником станции Миллионная бессменно состоял «запасной унтер-офицер»⁴, а позднее «личный почетный гражданин Александр Николаевич Касаткин». В 1914 г. его помощниками служили мещанин Алексей Иванович Исаев и крестьянин Михаил Павлович Петров⁵. При станции действовало зернохранилище управления Сызрано-Вяземской железной дороги, которым заведовал начальник станции, работали склады лесной торговли Владимира Карповича Ермолаева и Ольги Федоровны Лисицыной⁶.

¹ Сообщение Г.Б. Климочкиной.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVII очередного созыва 1911 года. Скопин, 1911. С. 38.

³ Там же.

⁴ Сборник Рязанского губернского статистического комитета. Выпуск 2. Рязань, 1902. С. 12.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань, 1914. С. 455.

⁶ Там же. С. 460–461.

В годы Гражданской войны и последующей хозяйственной разрухи грузооборот станции Миллионной заметно снизился, в 1920-е гг. начал постепенно восстанавливаться. Новый импульс его интенсификации дала коллективизация. 1 января 1931 г. при станции для торговых операций колхозов были открыты товарная контора и погрузочный двор, работавший с 8 до 24 часов¹.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., о станции Миллионной и пристанционном поселке сообщается следующее: «Еще в конце XIX столетия ст. Кашина, переименованная, по сообщению старожилов – в Миллионную, как отражающую крупные обороты села, ежегодно грузила до 800 тыс. пудов хлеба и др. с/х продуктов. В [Горловском] районе выделяются три основных грузообразующих центра: станции Павелец-Тульской и Сызранский, дающие в совокупности 73 % ж/д грузооборота района; ст. Миллионная – 12 % и ст. Клеточки – 11 %...

Вблизи железной дороги – элеватор и мастерские МТС. Общий грузооборот ст. Миллионной 45 тыс. тонн, в том числе 16 тыс. тонн составляющих из зерновых. Другие – преимущественно промышленные грузы личного и промышленного потребления (мука, соль, удобрения, с/х машины, жидкое и твердое топливо, стройматериалы), грузооборот других станций в 1937 г/ не превышает 3–3,5 тыс. тонн².

Станция Миллионная Горловского сельсовета – число жилых строений – 4, хозяйств – 8, жителей 31 человек (по переписи 1939 г. 18 человек.)»³.

В ноябре 1941 г., во время прорыва немецко-фашистских войск к Скопину, станция Миллионная ненадолго оказалась на оккупированной врагом территории. Ее оборудование было выведено из строя. В ходе зимнего контрнаступления советских войск в битве под Москвой в декабре 1941 г. станция Миллионная являлась одной из стратегических целей наступавших советских войск. После ухода немцев станцию удалось быстро восстановить.

В послевоенные годы Миллионная стала не только важной товарной, но и пассажирской станцией, обеспечивавшей сообщение Горловского района с Рязанью и Москвой. Возросший пассажиропоток привлекал к себе и криминальную публику. В 1956 г. районная газета «Ленинская искра» сообщала: «Вечером 3 марта 1956 г. на станцию Миллионная прибыл пассажирский поезд. Среди пассажиров оказалась гражданка Глазкова со своим четырехлетним сыном, приехавшая в Затворное в гости к матери. Не найдя попутной подводы, с которой можно было бы добраться до села, решила заночевать у знакомых. По улице Красноармейская ее догнали два «услужливых», молодых человека, которые вначале осведомились, куда она направляется, посочувствовали и тут же предложили отдать вещи... Преступники были найдены в деревне Екатериновка Чернавского района. Народный суд приговорил братьев Лезиных к 15 годам заключения каждого с отбывтием в исправительно-трудовых лагерях и запрещением в последующие 5 лет проживать в центральных областях. При этом учли, что оба были ранее неоднократно судимы»⁴.

По административному делению 1970 г. поселок станции Миллионной входил в Горловский сельсовет вместе с селами Горлово, Дмитриево, Ново-Александрово и ныне не существующим поселком Большой луг⁵.

К концу советской эпохи пристанционный поселок при Миллионной окончательно слился с селом Горлово и в настоящее время воспринимается как неотъемлемая часть этого населенного пункта.

¹ Ленинская искра, №8 (28 января 1932).

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6. д. 59. Черновик описания Горловского района, лл. 7–8.

³ Там же.

⁴ Ленинская искра, № 26 (29 марта 1956).

⁵ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С. 96.

МОСКОВКА

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Деревня Московка появилась на карте Скопинского уезда Рязанской губернии во 2-й пол. XIX в. Ее изначальное название – хутор Костемеровский, а история образования тесно связана с прошлым близлежащего села Костемерева.

Карты Менде 1850 г. показывают, что в это время деревни еще не существовало. На ее месте находилась земельная дача костемеровского помещика Павла Михайловича Лихарева, которую обрабатывали принадлежавшие ему крепостные крестьяне села¹. По данным Сборника статистических сведений по Рязанской губернии издания 1882 г., за ним числилось 15 домохозяев². Во время проведения 10-й ревизии податных сословий Российской империи в 1858 г. Московки также еще не было.

Первое упоминание о деревне появляется в «Памятной книжке для Рязанской губернии на 1868 год». По левую сторону от Рязского тракта рядом с «селем Костемерово» описан «хутор Костемеровский временнообязанных крестьян», находившийся «при колодцах», в котором было 9 дворов, а население составляли 35 мужчин и 37 женщин³. Часть крестьян помещика Лихарева, оформив уставную грамоту, переселилась на выделенную им землю. Хутор, находившийся близ села, составлял единое сельское общество владельцев Лихарева, Боклевской, наследников Кочубей и Глазатова. Другое общество составляли государственные крестьяне – бывшие четвертного права.

В 1870-х гг. большинство жителей хутора рассчитались по выкупным платежам со своим бывшим помещиком и перешли в категорию крестьян-собственников. К 1882 г. в Костемерево остался единственный двор, в котором проживала семья из трех человек, временнообязанных крестьян помещика Глазатова. О подписании ими уставной грамоты с бывшим помещиком «Рязанские губернские ведомости» сообщали еще в 1863 г.: «Скопинск[ого] уезд[да], участка мир[ового] посредника Ралгина, с[ело] Костемерево губ[ернского] секр[етаря] А.И. Глазатова, 3 д[уши]. Душевой надел прежний – 1 дес[ятина]. 1200 саж[еней] (1,64 га), повинность оброчная. Грамота написана канд[идатом] мир[ового] посредника»⁴.

В материалах переписи населения 1882 г. жители Московки упоминаются как проживающие в «селе Костемерево (Москва)». Название «Москва» в данном случае, скорее всего, относится к части села Костемерево – Костемеровскому хутору – и возникло, видимо, вследствие регулярного отхода большей части его жителей на заработки в Москву. Впоследствии оно оформилось в топоним Московка. Хутор в данном случае, скорее всего, был порядком домов выселившихся из Костемерева крестьян. В нем числилось 23 двора крестьян-собственников, в которых проживали 63 мужчины и 73 женщины. До 1882 г. они получили надел в 2,3 десятины (2,5 га) черноземной земли. В их хозяйствах содержались 21 лошадь, 18 коров,

¹ Карта Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 74.

³ Памятная книжка для Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 592–593.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 15 (3 апреля 1863).

18 телят и 44 овцы. Лишь в одном дворе держали свинью. В трех дворах было по 3 лошади, 12 дворов значились безлошадными, жители 6 дворов обходились без лошади и без коровы. Значительное количество безлошадных крестьян является свидетельством их отхода на заработки в Москву. Грамотой здесь владели только 3 мужчины. Из 22 изб 3 топились «побелому»¹.

В перечне селений Рязанской губернии за 1905 г. в Боровской волости Скопинского уезда бывший хутор Костемеровский впервые упоминается как деревня Московка, находившаяся в 2 верстах от Костемерева и в 4 – от Новобаракова. В ней было 36 дворов, а население составляли 99 мужчин и 93 женщины². Видимо, в какой-то момент после 1882 г. бывшие временнообязанные других помещиков переселились из Костемерево ближе к своим наделам.

Население деревни быстро росло. В 1914 г. в Московке было уже 42 двора, в которых проживали 120 мужчин и 121 женщина. Все они были прихожанами Покровской церкви «села Костемерева»³.

В 1917 г. в Московке были те же 42 двора, но население снова увеличилось до 123 мужчин и 128 женщин⁴. В 1918 г. деревня вошла в состав Новобараковского сельсовета. Во второй половине 1918 г. в связи с переименованием села Борового в Володарское (в память убитого в июне 1918 г. большевика В. Володарского) Боровская волость также стала Володарской. Но это название не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным.

В 1925 г. Московка в составе Володарской волости была передана из Скопинского уезда Рязанской губернии в Рязский. С отменой исторического административного деления на волости, уезды и губернии в 1929 г. она стала населенным пунктом Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1935 г. Московка вместе с другими селениями Новобараковского сельсовета перешла в новообразованный Желтухинский район, а в 1937 г. вместе с районом была включена в Рязанскую область.

В 1930-х гг. в Московке был создан колхоз «Красная Москва», но точное время его создания установить не удалось. Подробности его становления также остаются неизвестными.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Московке было 45 жилых строений. Деревня представляла собой единственную улицу, состоявшую из двух противоположащих порядков крестьянских домов. Ее западная околица практически примыкала к окраине села Костемерево.

Одна из последних предвоенных кампаний за социалистический образ жизни, против прогульщиков и «летунов», коснулась маленькой Московки. Желтухинская районная газета «Колхозная правда» в июле 1940 г. писала: «Прокуратура Желтухинского района закончило оформление уголовных дел против нарушителей, рвачей и дезорганизаторов производства. Так Пупков Е.К. с тремя братьями Ухановыми, происходящими из деревни Московки Ново-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 74–79.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 614–615.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 572.

⁴ ГАРО. Ф.7, оп. 1, д. 1310, л. 138.

бараковского сельсовета, переходили с одного предприятия на другое, искали хорошее место, где бы поменьше поработать и побольше получить. До выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. они все четверо работали на одном предприятии нашего района и перешли на другое, все они привлечены к уголовной ответственности»¹.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. жители маленькой Московки наравне с другими согражданами своими боевыми и трудовыми подвигами способствовали приближению общей Победы. Уроженка деревни Мария Григорьевна Рябчикова (1922–?) была призвана в РККА Сталинским райвоенкоматом г. Москвы в 1942 г. В октябре 1943 г. старшина медслужбы М.Г. Рябчикова служила санинструктором 8-й стрелковой роты 718-го стрелкового полка 139-й стрелковой дивизии, принимала участие в боях Смоленско-Рославльской наступательной операции войск Западного фронта. За то, что она «оказала на поле боя первую помощь 49 раненым и вынесла с поля боя 9 раненых бойцов с их оружием», М.Г. Рябчикова была награждена медалью «За отвагу»².

В военные годы тыловые колхозы напряженно работали над обеспечением сражавшейся страны сельхозпродукцией. Прежде, чем рассчитаться со своими работниками, сельхозартельщики должны были выполнить план по сдаче продуктов государству. Затем определенная доля из оставшейся части урожая ссыпалась в семенной фонд, другая шла на оплату предоставлявшейся МТС сельхозтехники, из третьей выдавалось содержание учителям и другим работникам социальной сферы. Лишь в последнюю очередь оставшиеся доли урожая и прибыли распределялись по трудовым колхозникам. «Дотянуть» до выдачи денег и продуктов по трудовым помогало авансирование. В послевоенные годы колхозная система стала хорошим подспорьем для семей фронтовиков, потерявших кормильцев. Сравнивая доколхозную эпоху с условиями жизни в 1948 г., житель Московки А.М. Уханов вспоминал: «По рассказам отца, наша семья имела 0,2 га земли на едока. Никогда не хватало своего хлеба, будь это плохой или хороший год. Отец мой в 1941 г. погиб на фронте. Пришлось семью взять под свою опеку. Трое из нас работает в колхозе. Старшая сестра Нина окончила десятилетку и будет учиться в педагогическом институте, вторая сестра учится в горном техникуме и третья сестра в начальной школе. В прошлом году я заработал много продуктов, да и в текущем году мы уже получили аванс по 1 килограмму огурцов на трудовень. Получим и еще. Уже сейчас я имею больше 300 килограммов зерна и 300 килограммов овощей, выданных мне колхозом»³.

В послевоенные годы маленький колхоз был в Желтухинском районе на хорошем счету. В 1948 г. председатель колхоза «Красная Москва» П.В. Пушков отчитывался о полученном в хозяйстве урожае: «На отдельных [гектарах] собрали по 12 ц, а в среднем было получено 6,2 ц ржи, 5,4 ц овса, 15 ц проса, огурцов 49 ц. По итогам [уборочной кампании] были занесены на районную доску почета»⁴. Однако такие результаты были получены не благодаря механизации, а ценой напряжения усилий работников колхоза. Председатель отмечал: «Пахари А.А. Уханов, И.Ф. Суслов, П.Ф. Яшин вставали в 2 часа ночи и начинали работу»⁵. В 1950 г. московские колхозники планировали построить при деревне скотный двор на 25 голов и кузницу⁶.

1950-е гг. ознаменовались для жителей деревни бесконечными административными формами. В 1954 г. укрупнили Новобараковский сельсовет, к которому относилась Москов-

¹ Колхозная правда, №82 (20 июля 1940).

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, д. 885, л. 27.

³ Колхозная правда, № 32 (19 августа 1948).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Колхозная правда, № 25 (18 мая 1950).

ка. Помимо сел села Новобараково, Старобараково, Костемерево, деревни Коноховки и поселка Полянские выселки в него вошли деревни Дмитриевский хутор, Гудовка, 19-й разъезд и железнодорожные будки. В 1956 г. в Рязанской области был ликвидирован Желтухинский район, а его населенные пункты вошли в состав соседнего Скопинского района. В 1958 г. в связи с новым укрупнением к Новобараковскому сельсовету был присоединен Полянский, а в 1960 г. – еще и Городецкий с селом Городецкое и деревней Журавлиха. В то время все колхозы сельсовета были объединены в одно хозяйство – колхоз «Авангард», центральная усадьба которого находилась в Костемерево¹.

В апреле 1960 г. колхозы Новобараковского сельсовета «Россия», «Красное знамя», «Авангард», им. Ф.Э. Дзержинского и им. М. Горького были объединены в совхоз им. В.И. Чапаева Шелемишевского сельсовета².

В 1965 г. на территории Новобараковского сельсовета располагались 3 восьмилетние и 2 начальные школы, 3 клуба, 3 библиотеки, 3 магазина, Полянская больница, 2 медпункта, 4-е отделение совхоза им. В.И. Чапаева, которое стало итогом объединения местных колхозов³.

В 1970 г. в Новобараковский сельсовет входили села Новобараково, Городецкое, Костемерево, Поляны, деревни Гудовка, Дмитриевский хутор, Журавлиха, Конохово, Московка, поселок Полянские выселки, лесная сторожка и четыре железнодорожные будки⁴. После разукрупнения совхоза им. В.И. Чапаева в соответствии с приказом № 43 от 26 февраля 1971 г. по Рязанскому областному управлению сельского хозяйства его инфраструктура в Новобараковском сельсовете (включая деревню Московку) стала частью шелемишевского совхоза «Нива»⁵.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Московка вошла в Шелемишевское сельское поселение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в ней в это время постоянно проживали 11 человек – 7 мужчин и 4 женщины.

---

¹ Архив Скопинского района. Ф. 94, л. 1.

² Архив Скопинского района. Ф. 462, лл. 1–2.

³ Архив Скопинского района. Ф. 94, л. 1.

⁴ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С. 99.

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 462, лл. 1–2.

МОХОВОЕ

село

(сельское поселение Успенское)

Основание села Мохового на землях вотчины старинного дворянского рода Вердеревских с центром в селе Вердереево Рязжского уезда относится к началу XVIII в. Согласно описанию И.В. Добролюбова, «село Моховое, получившее свое название от находящихся близ него болот, обильных мохом, как гласит народное предание, находится в 3 верстах от большой дороги, идущей из г. Пронска на Скопин – почти на границе Скопинского уезда с Пронским, которые отделяются большим оврагом – Сухую Галиной»¹.

Самое раннее документальное упоминание о селе содержится в переписной книге 1716 г. В ней «деревня Моховая» показана «за стольником за Петром Григорьевым сыном Вердеревским, скотских два двора, в них скотников мужеска полу одинацать человек <...>, женска полу одинацать человек <...>, да крестьянских два двора»².

По данным экономических примечаний к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленным в 1779 г., обширная вотчина, в которую входили «села Вердереево, Рождественно, Архангельское, Никольское, Чижово, сельцо Моховое, деревни Рюмки, Ендовище тож, Дроково, Галино, Брынец, Деменщина», были «общего владения вдовствующей генеральши Елисаветы Петровны Ивенской; вдовы прапорщицы Катерины Ивановой дочери, гвардии поручика князь Сергея, гвардии сержанта князь Николая Алексеевых, детей Хилковых; бригадира Ивана Иванова, поручика Петра Александрова, статского советника Алексея Алексеева детей Вердеревских; полковника Василия Ивановича Толстого; полковника князя Сергея Ивановича Одоевского; Василия Васильевича Маркова с вырезанною церковною землею». В сельце Моховом насчитывалось 42 двора, в которых проживали 141 душа мужского пола и 138 – женского. «Сельцо Моховое» находилось «на берегу верха Шереметева по течению ево на левой стороне, на коем пруд, и по обе стороны безымянного отвершка, в нем три пруда, в коих рыба караси». В сельце стоял «дом господский бригадира Вердеревского, при нем сад с плодовыми деревьями»³. Видимо, в документе перечислены не только душевладельцы всех крепостных крестьян, проживавших в селениях вотчины, но и владельцы отдельных земельных дач в этой местности.

В 1782–1785 гг. Моховое из помещичьего сельца с усадебным домом превратилось в село: на средства помещика – отставного бригадира Ивана Ивановича Вердеревского здесь была возведена двухэтажная кирпичная Крестовоздвиженская церковь⁴. Она стала памятником провинциального русского классицизма екатерининской эпохи. Из служивших в ней в XVIII–XIX вв. священников известны Пантелеймон (в 1785–1804 гг.), Иоанн Пантелеймонов (в 1804–1822 гг.), Роман Иоаннов Фиалкин (в 1822–1857 гг.), Стефан Гремячев (в 1855–1857 гг.), Василий Любомиров (в 1857–1869 гг.) и Дмитрий Афанасьевич Веков (в 1869–1904 гг.)

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 210.

² РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 3, л. 355.

³ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, лл. 24–24 об.; д. 1241, лл. 47 – 47 об.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 210.

Согласно окладной книге 1816 г., «село Крестобогородицкое, Моховое тож» было собственностью «маиорши Прасковьи Петровой и малолетнего ее сына Ивана Александрова Вердеревских», где обоим принадлежало 188 крепостных душ¹.

По окладу 1834 г. помещиком села Мохового оставался чиновник 14-го класса² Иван Александрович Вердеревский, которому принадлежали 192 поселнина и 30 дворовых. Их всех в 1839 г. перевели «в другое поместье губернии». Видимо, в 1839 г. Вердеревские продали Моховое. С 1839 г. владельцем имения при селе значится полковник Алексей Васильевич Голощапов³, которому в Моховом принадлежали 205 крепостных душ⁴.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в середине XIX в. Моховое представляло собой довольно живописный ансамбль построек. Центральным элементом плана села был большой пруд. На его восточном берегу возвышалась ротонда Крестовоздвиженской церкви, северо-восточнее которой находились строения барской усадьбы, окруженные большим садом. Порядки крестьянских домов располагались вдоль северного и юго-западного берегов пруда, а также к югу от церкви. К северу от села располагался общественный выгон и два участка церковной земли⁵. По окладной книге 1850 г. за полковником А.В. Голощаповым в Моховом числились 116 мужских крепостных душ и 4 дворовых человека⁶.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., селе Моховом (Крестобогородицком) Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 41 домохозяйство, в которых проживали 170 душ мужского пола и 165 – женского, все – отставного полковника А.В. Голощапова. Его имения в Скопинском уезде включали также села Рождествено и деревню Молву, всего же за ним по уезду числились 297 крепостных душ мужского пола и 55 дворовых людей⁷.

Об условиях хозяйствования в имении А.В. Голощапова накануне отмены крепостного права можно узнать из 3-го тома справочного издания «Сведения о помещичьих имениях». По его данным, в «Крестобогородицком, Моховом тож» ему принадлежали 153 мужские крестьянские души и 36 дворовых людей. Крестьяне проживали в 35 дворах и составляли 64 издельных тягла. В пользовании у них находилось 17 десятин (18,5 га) усадебной земли (0,11 десятины на душу), 264 десятины (288,4 га) пахотной земли (по 2,61 десятины на душу), 25 десятин (27,3 га) сенокоса и 18,95 десятины (20,7 га) выгона для скота⁸.

Подробности выхода владельческих крестьян помещика Голощапова из крепостной зависимости в 1861 г. неизвестны. При образовании в Скопинском уезде волостей Моховое вошло в состав Сергиевской волости.

В 1870 г. в семье священника Крестовоздвиженской церкви в Моховом Д.А. Векова родился сын Николай. По окончании Московской консерватории в 1901 г. Николай Дмитри-

¹ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 73 об.

² Коллежский регистратор.

³ Голощапов Алексей Васильевич (? – ?) – полковник в отставке, ветеран Отечественной войны 1812 г. В чине майора Муромского пехотного полка 5 (17) августа 1812 г. был контужен «при Смоленске от ружейной пули в кисть правой руки», 26 августа (7 сентября) 1812 г. при Бородине – «черепом от бомбы в локоть правой руки». В 1821–1823 гг. избирался Скопинским уездным предводителем дворянства.

⁴ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 27 об – 28, 60 об – 61.

⁵ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁶ ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 63 об – 64.

⁷ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С.26.

⁸ Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Том III. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям. СПб., 1860. С. 62–63.

евич Веков (1870 – после 1935) стал артистом частного оперного театра С.И. Зимина. Его голос (баритон) не отличался силой или особым тембром, но как актер Н.Д. Веков был обладателем яркого сценического дарования и высокого художественного интеллекта. После Октябрьской революции 1917 г. певец работал в эмиграции, в 1930-х гг. был режиссером Софийской народной оперы, где поставил «Бориса Годунова» М.П. Мусоргского.

Известны имена нескольких старост Крестовоздвиженской церкви в Моховом 2-й половины XIX в. В 1860–1869 гг. эту должность занимал местный крестьянин Николай Иванов, в 1869–1875 гг. – его односельчанин Андрей Васильев.

По переписи населения 1882 г. в Моховом имелось 75 домохозяйств, в которых проживали 204 мужчины (из них в возрасте от 18 до 60 лет – 96 человек) и 210 женщин (в возрасте от 16 до 55 лет – 110 человек). Грамотными среди них были всего 6 мужчин. Земельный надел составлял около 2,5 десятины (2,7 га) глубокого чернозема на ревизскую душу. Около 30 крестьянских семей арендовали 112 десятин (122,1 га) пашни дополнительно. Из 71 сельской избы «по-белому» топились только 4. При избах имелись 49 плетневых дворов, 1 заборный, 4 горницы или клетки, 37 амбаров или сараев, 54 риги или овина. Местными промыслами занималась 51 семья, в отхожих промыслах числились 8 мужчин. В селе действовали промышленное заведение и кабак¹.

В 1884 г. И.В. Добролюбов так описывал Крестовоздвиженскую церковь села Мохового: «В нижнем этаже устроен престол в честь Воздвижения Честного Креста Господня, а в верхнем – в честь иконы Божией Матери Феодоровския, который был освящен в первой половине текущего столетия (имеется в виду XIX в. – *Примеч. авторов*). Одновременно с церковью устроена была и колокольня, но она за ветхостию в 1840-х гг. была разобрана, на место коей существующая ныне окончена постройкой в 1867 г. Церковной земли состоит в настоящее время 35 десятин (38,2 га), которая вся находится в близком расстоянии от церкви; кроме того причт пользуется процентами с 250 руб. неприкосновенного капитала. В состав прихода входят: село Моховое с 61 двором и деревни Галина (в 2 ½ верстах) с 45 дворами, Деменьшина (в 2 ½ верстах) с 25 дворами, Рюмки, принадлежавшая прежде к селу Бульчеву, с 42 дворами, и Ближние Рюмки (в 1 версте) с 10 дворами, в коих мужского пола 572, женского пола 562, в числе коих почти вовсе нет грамотных за отсутствием сельской школы в приходе. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 1 псаломщик»².

Во 2-й половине XIX в. владельцем усадьбы в Моховом был сын предыдущего помещика отставной поручик Иван Алексеевич Голощапов. Он был известен как активный земский деятель и коннозаводчик – в 1878 г. И.А. Голощапов упоминается как владелец завода, где было 2 жеребца-производителя и 20 кобыл упряжной и рысистой пород³. Моховский помещик был вхож в интеллектуальные круги своего века – известны его письма к историкам Д.И. Иловайскому⁴ и А.В. Половцеву⁵. В 1899–1901 гг. И.А. Голощапов избирался Скопинским уездным предводителем дворянства.

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 26–31.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. 2. Рязань, 1884. С. 210.

³ Список частных конских заводов в России, С-П, 1878. С. 177.

⁴ Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) – истрик и публицист, автор «Истории Рязанского княжества» (1858), «Истории России» в 5 томах (1876–1904) и гимназических учебников по всеобщей и русской истории, выбержавших более 150 изданий.

⁵ Половцев Анатолий Викторович (1849–1905) – чиновник земского отдела Министерства внутренних дел, заведующий общим архивом Министерства императорского двора. Историк, автор работ по крестьянскому вопросу и истории искусства.

Одной из статей дохода моховского помещика была мукомольная отрасль. По сведениям за 1893 г. в селе действовала паровая мукомольная мельница поручика И.А. Голощапова, которую обслуживали мастер и 5 рабочих (в его собственности она оставалась и в 1898 г.). И.А. Голощапову принадлежала и сельская кузница¹.

Священнослужители Крестовоздвиженской церкви трепетно относились к своему храму. В апреле 1896 г. епархиальным начальством было «разрешено окрасить наружные стены храма и позолотить главу и крест на колокольне на средства местного псаломщика Краснова»². Всего же «псаломщиком <...> Иваном Красновым и женою его Пелагеей Павловой пожертвовано на украшение своего храма в разное время более 3500 рублей»³. При этом местный заштатный диакон-псаломщик Иоанн Краснов был человеком отнюдь не богатым. Он вышел на покой 18 ноября (1 декабря) 1903 г. и получал небольшую пенсию в 100 рублей в год (священникам полагалась пенсия в 300 рублей)⁴. Тем удивительней его подвижничество в отношении благоустройства приходского храма. Местные крестьяне, впрочем, старались от него не отставать. В 1909 г. для входа в верхний этаж церкви на средства прихожан были устроены «снаружи железные лестницы»⁵, сохранившиеся до начала XXI в.

В 1905 г. в селе Моховом «при ручье Шереметьевом» насчитывалось 68 дворов, в которых проживали 262 мужчины и 248 женщин. В селе действовали казенная винная лавка и паровая мельница. При нем также упомянуты «постройки усадьбы дворянина Голощапова». От ближайшего почтово-телеграфного учреждения и железнодорожной станции в Скопине Моховое отделяло расстояние в 15 верст, от волостного правления в селе Сергиевском – 7 верст, от врачебного пункта в Дрокове – 9 верст⁶.

Волна крестьянских выступлений, прокатившаяся по сельской России во время Первой русской революции 1905–1907 гг., дошла до Мохового с некоторым опозданием. Однако события в селе приняли такой оборот, что рязанскому губернатору В.А. Левашову пришлось лично докладывать о них министру внутренних дел П.А. Столыпину. Подробности неизвестны, но многое говорит в пользу того, что отношения моховских крестьян и помещика И.А. Голощапова, несмотря на всю его благотворительную деятельность, были отнюдь не безоблачны. В секретном донесении руководителю МВД от 22 июня (5 июля) 1907 г. рязанский губернатор сообщал: «В дополнение к телеграммам моим от 16, 18 и 19 сего июня имею честь представить вашему высокопревосходительству подробные сведения о событиях, имевших место в Скопинском уезде с 12 по 16 июня. За эти четыре дня от поджога сгорела усадьба бывшего предводителя Скопинского уезда Голощапова, был поджог в имении купца Шебакина и беспорядки и своеволие толпы в имении дворянина Усова.

Начались беспорядки в имении дворянина Голощапова при селе Моховом, где совершенно неожиданно в ночь под 12 июня крестьяне подожгли садовую изгородь, откуда огонь перешел на усадьбные постройки. Прибывший утром из города на пожар скопинский исправник с отрядом конных стражников не мог оказать особой помощи к прекращению пожара, так как ко времени его приезда часть построек уже сгорела, часть же была сильно охвачена огнем. Узнав от прибывшего несколько ранее на место происшествия станового пристава, что

¹ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 808, лл. 17 об – 18.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 8 (15 апреля 1896 г.). С. 134.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 20 (15 октября 1896 г.). С. 373.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 24 (15 декабря 1903 г.). С. 369.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 17 (1 сентября 1909 г.). С. 403.

⁶ Населенные места Рязанской губернии / составлены под ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 608–609.

ходят слухи, будто собравшиеся на пожар из соседних сел Мохового, Рюмок и деревни Галиной крестьяне растаскивали с пожара имущество, исправник с помощью стражников при участии чинов жандармской полиции произвел в перечисленных селениях повальные обыски, во время которых у восьми крестьян сел Мохового и Рюмок были найдены некоторые вещи, похищенные из имения Голощапова, ввиду чего эти крестьяне привлечены к судебной ответственности. Кроме того, много вещей было найдено в окрестностях имения, в полях и оврагах. Оказалось, что сам владелец оставил усадьбу в самом начале пожара, когда еще только горели садовые плетни, а за ним вслед скрылись и все служащие из усадьбы, и что происходило в усадьбе во время пожара до прибытия полиции, установить почти невозможно.

<...> Первое известие о пожаре у Голощапова получил я телеграммой скопинского исправника 13 июня. Тотчас же для выяснения виновников бывшего пожара и для предупреждения дальнейших попыток к поджогам я командировал в Скопинский уезд в помощь местному исправнику помощника рязанского уездного исправника Огорокова и передвинул полуроту конной стражи из Пронского уезда. <...> Не имея возможности ввиду болезни выехать лично на место беспорядков, я командировал в Скопинский уезд вице-губернатора, который выбыл в тот же день вместе с товарищем прокурора Рязанского окружного суда, помощником начальника губернского жандармского управления, сотней казаков и пешей охотничьей командой.

<...> При этом считаю долгом доложить вашему высокопревосходительству, что, как видно из произведенного по настоящему делу расследования и из доклада возвратившегося из командировки вице-губернатора, первые вести, а равно сообщение депутации земского собрания о размерах и характере беспорядков оказались сильно преувеличенными. Представляется совершенно ясным, что беспорядки в Моховом и Секирине не имели между собой никакой непосредственной связи и совпадение указанных событий почти в одно и то же время является чисто случайным.

Необходимо отметить, что пожар в имении Голощапова не принял бы таких размеров, если бы служащие и сам владелец не покинули имения в то время, когда загорелась лишь соломенная изгородь и непосредственной опасности дому не угрожало, и если бы Голощапов немедленно обратился за помощью к исправнику. На самом же деле Голощапов, прибыв в Скопин в 5 час. утра, сообщил о происшедшем исправнику лишь в 9 час. утра. Выехавший немедленно в Моховое исправник, не доезжая 7 верст до имения, заметил в усадьбе поднимающийся столб дыма. Как оказалось потом, это загорелся барский дом; это было в 10 час. утра. Таким образом, если бы Голощапов немедленно по прибытии в Скопин обратился к исправнику, пожар дома был бы предупрежден. Кроме того, отсутствие служащих и владельца имения во время пожара сделало то, что пожар происходил без свидетелей, и потому выяснить главных виновников поджога не представляется возможным. По этому делу в Моховом арестован лишь один крестьянин Коршунов, избалованный в том, что в то время, как горел дом, он стоял около, пел «Дубинушку» и плясал вместе с другими крестьянами, личность которых пока еще не установлена...» На донесении губернатора В.А. Левашова П.А. Столыпин наложил резолюцию: «Нужны быстрые репрессии. Написать министру юстиции»¹.

С 1905 г. в Моховом функционировала земская школа. Ее посещали также крестьянские дети из близлежащих деревень Галино (в 2,5 верстах) и Деменьшино (в 3 верстах). Попечителем школы в период ее строительства был помещик И.А. Голощапов, но после разгрома

---

¹ Крестьянское движение в России в XIX – начале XX века: Сб. документов (июнь 1907 – июль 1914 гг.). М.: Соцэргиз, 1966. С.70–73.

своей усадьбы при Моховом он в конце 1905 г. уступил эти обязанности состоятельному скопинскому купцу Павлу Николаевичу Брежневу. В 1908 г. в школе в Моховом было 53 ученика (в самом селе в это время насчитывалось 532 жителя), которым преподавали законоучитель (местный священник) и учитель¹.

На рубеже 1900-х и 1910-х гг. земским учителем в местной школе служил обедневший дворянин Иван Артемьевич Тюнеев (? – 1913). Свет на его судьбу проливает прошение, поступившее Скопинскому уездному земству в 1913 г. от проживавшего в селе Старое Киркино дворянина Артемия Гавриловича Тюнеева: «Имею честь покорнейше просить Скопинское земское собрание оказать мне помощь в моем бедственном положении. Я, отец умершего 21 марта сего года учителя моховской школы Ивана Тюнеева, имел единственный источник средств для существования с семьей, только те остатки от жалования моего сына, которые он старался сэкономить, чтобы поддержать своих престарелых родителей. Со смерти его эта малая поддержка прекратилась, и мне только и осталась одна надежда, что земство почтит память своего скромного и усердного труженика помощью его обездоленным родителям»². Прошение А.Г. Тюнеева, однако, осталось неудовлетворенным.

В 1912–1914 гг. в Крестовоздвиженской церкви в Моховом служил священник Василий Маркович Твердов³. К храму в это время была приписана 1 десятина (1,09 га) усадебной и 35 десятин (38,2 га) пахотной земли. При церкви имелась библиотека из 130 книг. В приход храма входили село Моховое (77 дворов, 278 мужчин и 227 женщин), а также деревни Демьшино, Галино и Рюмки⁴.

По данным за 1916 г., земская школа в Моховом была однокомплектной с трехлетним курсом⁵. Дети всех трех лет обучения, разделенные на три отделения, одновременно занимались в одной классной комнате с единственным учителем.

В 1917 г. в селе Моховом Сергиевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 94 двора, в которых проживали 316 мужчин и 293 женщины. В этом году в последний раз упоминается существовавшая при селе «усадьба дворянина Голощапова»⁶.

Сельсовет в Моховом был организован в 1918 г.⁷ О жизни села в первые годы советской власти можно судить по публикациям в скопинской уездной газете «Коллектив». В 1925 г. она сообщала: «В селе Моховом около 90 дворов решили перейти на многополье, а 17 домохозяев, в том числе поп – пожелали остаться при трехполье, и им общество в прошлом году выделило особый участок земли, но не оформило это как следует. Многопольщики разбили поля на клинья и уже посеяли в прошлом году клевер. Трехпольщики возбудили судебное дело и УЗУ (уездное земельное управление. – *Примеч. авторов*) выслало уземлеустроителя Рябикина на место для обследования участка. Рябикин заявил крестьянам: “Ваше многополье является не многопольем, а уродством”, и предупредил, что раздел произведен незаконно.

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLI 1905 года. – Скопин, 1906. С. 41; Журналы Скопинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва от 20 февраля 1905 года. Скопин, 1905. С. 107.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIX созыва 1913 года созыва. Скопин, 1914. С. 228.

³ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г., Рязань, 1914. С. 447.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 583–584.

⁵ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 174.

⁶ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310., л. 151.

⁷ Архив Скопинского района. Ф. 391, л. 1.

Крестьяне приуныли и хотят уже отказываться от дальнейшего многополья. Необходимо, чтобы УЗУ во что бы то ни стало поддержало великое начинание большинства моховских крестьян – переход на многополье, и закрепило раздел земли»¹.

Задолго до начала коллективизации жители Мохового создали крестьянское сельхозтоварищество «Просвет». Но некоторым его руководителям оказалось сложно найти правильное соотношение между «личным» и «общественным». Скопинский «Коллектив» писал: «У моховского крестьянского сельхозтоварищества «Просвет» Ерлинской вол. есть арендованный участок, который бывший председатель правления с выделившимся из товарищества сильными членами прибрал в свои руки. Эксплуатация его была хищническая: уберут урожай, отрясут яблоки и поделят между собой. Только 10 декабря 1924 г. вновь избранное правление уразумело, что договор по аренде участка распространяется на все товарищество в целом; и вот, с момента перевыборов завязалась борьба за этот участок. В конце концов, через прокурорский надзор установлено, что участок принадлежит товариществу в целом. Начальником УУЗ были приняты меры: он лично побывал на месте, чтобы «уладить» дело, но захватчики ответили: без боя не отдадим. И что же? Несмотря на распоряжение начальника Ерлинской волостной милиции в спешном порядке выдворить захватчиков и принять меры к охране участка – дело не двигается. Неужели придется с боем выдворять с участка самозванных захватчиков?»² Дальнейшие подробности неизвестны, но, похоже, на бывших руководителей сельхозтоварищества все же нашлась какая-то управа.

После отмены дореволюционного административного деления на волости, уезды и губернии в 1929 г. Моховский сельсовет вошел в Пронский район Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В ноябре 1930 г. в селе был создан колхоз «Ударник», в него вступили 9 бедняков и 1 середняцкое хозяйство³.

Судя по скучным заметкам в районной прессе, в первые годы своего существования моховский колхоз работал плохо. Вот, например, какие впечатления от его посещения в январе 1932 г. остались у бригады РКК-РКИ: «Колхоз «Ударник» не сортирует семян, не собирает золы, не занимается ремонтом сельхозинвентаря, не обеспечил рабочий скот фуражом. Часть инвентаря разбросана и находится под открытым небом. В колхозе находятся кулацкие элементы, которые имеют своих агентов в правлении. Под их влиянием правление выдало колхозникам по 0,5 ц ржи на овцу и не выполнило план заготовок семян»⁴.

Дело, однако, было, скорее всего, не столько в кулацком саботаже, сколько в несознательном отношении крестьян к коллективному труду. За примерами далеко ходить не надо: в марте 1932 г. из колхоза «Ударник» Моховского сельсовета был отправлен обоз из 15 подвод на станцию Дулево для вывоза торфа, «но благодаря тому, что лошадей не кормили, лошади стали и не могли выполнить работы. Овес, который был выдан, возчики продали и закупили кадушек и прочих вещей. В результате 3 лошади до того были побиты, что оказались неспособными к дальнейшей работе, 2 лошади совсем пали»⁵. Наладить колхозную жизнь в Моховом более-менее удалось только к концу 1930-х гг.

С 1937 г. село Моховое в составе Пронского района являлось населенным пунктом Рязанской области. Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в селе Моховом в это время насчитывалось 156 строений. Село заметно расстроилось в

¹ Коллектив, № 33 (25 марта 1925).

² Коллектив, № 58 (10 июня 1925).

³ Авангард, № 10 (25 ноября 1930).

⁴ Пронский колхозник, №6 (31 января 1932).

⁵ Пронский колхозник, №16 (18 марта 1932).

западном направлении, от южного берега пруда в эту сторону пролегла новая улица. В селе действовала школа, стоявшая чуть южнее закрытой Крестовоздвиженской церкви. За церковью в это время все еще существовал сад, оставшийся от усадьбы помещика Голощапова.

В 1941 г. началась Великая Отечественная война. Многие мужчины села были мобилизованы в РККА и отправились защищать Родину на полях сражений. Колхоз «Ударник» продолжал работу в условиях острого дефицита мужских рабочих рук. Основная ее тяжесть пришлось на женщин, стариков и подростков.

Обстоятельства военного времени не повлияли на нерадивость и безответственное отношение к труду отдельных работников. В 1942 г. председатель колхоза «Ударник» Моховского сельсовета Петров сам лично загнал лошадь (это при том, что лошадей на селе тоже остро не хватало). Пронский райисполком постановил «взыскать с него стоимость лошади по рыночной цене» и поставить перед колхозниками вопрос о его дальнейшем пребывании в должности председателя¹.

Однако чаще всего в годы войны скопинские крестьяне демонстрировали примеры высокого патриотизма. В 1942 г. «счетовод колхоза «Ударник» Моховского сельсовета Шашкова сдала в Фонд обороны СССР 60 кг зерна, колхозник Скуднов Мирон Иванович – 40 кг»². В том же году «комиссией по сбору теплой одежды в Моховском сельсовете собраны и сданы в районный склад: 40 овчин, из которых 20 готовых, 9 пар валенок, 8 пар варежек, а также теплые чулки и портянки»³. На нужды Красной Армии люди не жалели последнего, и это при том, что сами в военное время жили отнюдь не безбедно.

Уроженцы Мохового дали несколько ярких примеров героизма на фронтах Великой Отечественной войны. Одним из них может служить боевая работа гвардии красноармейца Василия Ивановича Старостина (1910–?), воевавшего с сентября 1941 г. Осенью 1942 г. он был радистом 2-го гвардейского минометного полка, сражавшегося на Сталинградском фронте. «Работая радистом, тов. Старостин в любых условиях боя обеспечивал бесперебойную связь. В бою под Славянском рация, где работал Старостин, попала под сильный огонь противника. Тов. Старостин, перебегая с места на место, бесперебойно держал связь между НП и КП и тем самым дал возможность дать залп по противнику вовремя и точно по цели, в результате чего противник понес значительные потери в людях и технике. В боях за Сталинград тов. Старостин находился с радиостанцией на одной из высот в районе Орловка, откуда передавал на ОП наблюдения за противником. К высоте неожиданно подошли танки и автоматчики противника. Находясь от них в 40 метрах, тов. Старостин непрерывно сообщал данные о противнике на ОП по радио, в то время другие радисты отстреливались из винтовок от автоматчиков противника. Благодаря бесперебойной связи танки и автоматчики противника были накрыты огнем наших батарей, в результате чего противник потерял 12 танков и до 150 солдат и офицеров»⁴. За этот бой гвардии красноармеец В.И. Старостин был награжден медалью «За отвагу».

В 1950 г. в рамках укрупнения колхозов моховский «Ударник» был объединен с колхозами «Борьба» деревни Рюмки Мамоновского сельсовета, «7-й съезд Советов» деревни Гривцы Мамоновского сельсовета, «2-я пятилетка» деревни Деменьшино и «Светлый путь» деревни Галино, обе – Моховского сельсовета. Получилось довольно крупное хозяйство – колхоз «Светлый путь» Моховского сельсовета Пронского района Рязанской области⁵.

¹ Пронский колхозник, № 103 (24 декабря 1942).

² Пронский колхозник, № 103 (24 декабря 1942).

³ Пронский колхозник, №81 (4 октября 1942).

⁴ ЦАМО. Ф. 33, оп. 682525, д. 160, л. 551.

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 388, л. 1.

В послевоенные годы колхоз «Светлый путь» не был на хорошем счету у районной администрации. В начале 1950-х гг. он отличался предельно низкими удоями молока. Газета «Пронский колхозник» сообщала: «Колхоз «Светлый путь» в 1954 г. получил за год от коровы по 793 кг молока, за 11 месяцев в 1955 г. уже по 1626. Передовая доярка Баканова получала по 12–13 кг от коровы»¹. Отмечалось, что «по старинке гоняли [скот] по пастбищу вместо стойлового содержания»².

В декабре 1962 г. Моховский сельсовет был включен в Старожиловский район Рязанской области, однако уже в марте 1963 г. был передан Скопинскому району. В эти годы колхоз «Светлый путь» обрабатывал более 2993 га земли³.

В 1964 г. В.М. Кондачков был председателем Моховского сельсовета. В него входили село Моховое, деревни Галино, Гривцы, Деменьшино, Рюмки. На территории сельсовета действовали клуб, медпункт, библиотека, магазин, ларек⁴.

В 1977 г. в колхозе «Светлый путь» был построен свинарник на 1000 голов, телятник. Вступил в строй молочный комплекс, в среднем от коровы надаивали почти 4000 кг молока. Вводились в строй двухквартирные дома, на центральную усадьбу колхоза в Моховом планировалось переселение жителей неперспективных деревень Галино, Гривцы и Рюмки⁵.

В 1970-х гг. колхоз «Светлый путь», который славился высокими урожаями зерновых культур, имел около 400 голов крупного рогатого скота, 1000 свиней, получал ежегодно около 700 тыс. руб. дохода. В селе работали школа, дом культуры, медпункт, детсад, магазин.

В 1980-х гг. население Мохового насчитывало 171 человека, велось активное жилищное строительство. В 1989 г. был введен в эксплуатацию газопровод и газифицированы 44 дома.

С 1960 г. колхозом «Светлый путь» более 30 лет руководил Алексей Никифорович Акимов (1925–1989), кавалер трех орденов Ленина, а также орденов Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». Успехи хозяйства в этот период в значительной степени являются плодом его энергии и организаторских талантов.

Вспоминая о А.Н. Акимове, рязанский журналист Леонид Соколов в 2004 г. писал: «Скромно стоят в углу свернутые красные знамена – правительственные и областные, от ЦК профсоюза работников сельского хозяйства, врученные в свое время скопинскому колхозу «Светлый путь». Не по случаю «круглых», юбилейных дат присуждались подобные награды: ими поощрялись трудовые коллективы, достигшие высоких результатов. Таких в каждой области можно было пересчитать по пальцам. <...> В новом административном здании, выросшем на центральной усадьбе хозяйства в селе Моховом, берегутся реликвии, которые когда-то под аплодисменты односельчан принимал бессменный колхозный председатель Алексей Никифорович Акимов. Кажется, они еще хранят тепло его рук. И вспоминаются первая встреча с этим удивительным человеком и знакомство с Моховым. Очарованный названием селения, ожидал попасть в изумрудное царство. А взору предстали унылые серые избы, крытые соломой. Лишь старые ветлы да лужайки, не выщипанные козами и гусями, оживляли деревенский пейзаж. И дорога была такой же серой. Пыльный шлейф, поднятый нашей машиной, вился за нею вплоть до Мохового: добирались сюда от волгоградской трассы по грунтовке.

Не сразу удалось найти колхозное правление. Дом, на который указали жители, затерялся в ряду других и не имел никакого обозначения. Сколько лет прошло, а до сих пор помнится

¹ Пронский колхозник № 112 (18 сентября 1955).

² Там же.

³ Архив Скопинского района. Ф. 388, л.1.

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 391, л.1.

⁵ Ленинское знамя, № 138 (17 декабря 1977).

та контора – темная хибара посреди села, где в одной комнате разместилась столовая, а во второй – кабинет председателя и его «чиновников», сидящих впрытык друг к другу. Здесь, в полумраке, и беседовали мы с Алексеем Никифоровичем о сельской жизни. Располагал он к себе тем, что, в отличие от других руководителей, говорил просто и откровенно, ничего не приукрашивая, без оглядки на то, что о нем потом напишут в газете. Зашел между делом и разговор на «свободную тему» – об интересах и увлечениях Акимова. Оказалось, что он в некотором смысле писатель и творчество свое посвящает «прекрасной даме» – гречихе. На конторской полочке стояло собрание его сочинений – научные журналы и брошюры, в которых печатался Алексей Никифорович, восторженно воспевая предмет своей любви.

Лучшими «гречкосиями» считают себя украинцы. У них и климат, и почвы благодатные. Воткнешь в землю палку – и тополь распухнет. А рязанский мужик Акимов доказывал своим землякам, что и у нас гречишные поля могут давать до 25 ц с гектара. А если присовокупить к этому и медовые сборы, то такой культуре поистине нет цены. Не теоретиком он был, а практиком и писал о том, что испытано у себя. Впрочем, гречихе, при всей ее привлекательности, в хозяйстве отводилась отнюдь не первостепенная роль. Главная ставка делалась на зерновые и животноводство. И тут Алексей Никифорович ориентировался на высокую продуктивность: «Будем с хлебом, молоком и мясом, значит, будем жить». Был он тогда, в сущности, начинающим председателем, все у него еще было впереди. А пока ему предстояло вытягивать тяжкий воз, в который он впрягся, и вывести «Светлый путь» из мрака: до 1960 г., кстати, когда Акимов возглавил хозяйство, во всей Моховской округе с ее пятью селами не было электричества.

На прощание прогулялись по селу. Алексей Никифорович был неразговорчив и пророчил лишь несколько слов: «Пора кончать с нищетой». На том и расстались. Но не забывалось Моховое, хотя бывать в нем случалось не часто. Известно было, что жизнь здесь постепенно налаживается, дела в колхозе идут неплохо. А об успехах с Акимовым говорить было бесполезно. Он сразу замыкался в себе.

И вот, спустя годы, вновь иду по Моховому и не узнаю село. Ведет к нему дорога с твердым покрытием. Кто бы знал, как тревожило Акимова бездорожье и сколько сил он положил, чтобы избавиться от него! Заасфальтирована центральная улица усадьбы, похожая на аллею. Саженцы на ее озеленение добывал Алексей Никифорович. Теперь деревья вымахали аж до неба. За околицей выросла на пустыре дубовая роща, которую в народе называют Акимовской. Закладывалась она по инициативе председателя, и он первый выкопал лунки под хрупкие ростки.

Нет и в помине соломенных крыш и убогих лачуг. Белокаменные, добротно сложенные двухквартирные дома протянулись вдоль села чуть ли не на километр. Двадцать один из них построил Алексей Никифорович, три прибавилось в последние годы, после того, как колхоз преобразовался в кооператив и бразды правления хозяйством взял его сегодняшний глава, Виктор Николаевич Кураксин. Школа, клуб, медицинский пункт, детсад, механические мастерские – всего этого не было до Акимова. И памятник погибшим в Великую Отечественную односельчанам был установлен при нем. Солдат-фронтовик, он выполнил свой долг перед теми, кто не вернулся с войны. Только встретить 50-летие Победы и возложить к его подножию цветы Алексею Никифоровичу было уже не суждено. Он сделал, что мог, и все оставил людям. А что осталось в их памяти о нем, какими душевными, человеческими качествами запомнился им председатель?

Немного старожилов в Моховом. Большинство нынешних его жителей – из числа среднего поколения. Переселившись сюда из разных мест в лучшие времена, они пришли, так

сказать, на все готовенькое. И портрет Акимова вырисовывался по штрихам, из рассказов тех, кто его лично знал и работал с ним рука об руку. Вот лишь несколько таких штрихов.

Екатерина Федоровна Федотова, почти ровесница Акимова. Бывшая рядовая колхозница, она после войны стала бухгалтером и до конца дней Алексея Никифоровича занимала эту должность. У нее профессиональная память, и все показатели, которые она некогда заносила в свои гроссбухи, Федотова крепко держит в голове. Сколько и чего было в хозяйстве тридцать лет назад, называла так, словно отчетность и сейчас лежит перед нею. Перелистывала Екатерина Федоровна страницы прошлого, и в новом свете предстал образ Акимова: “Он всех уважал, но особенно о молодежи заботился. Агитировал ребят за профессиональную учебу и тем, кто избирал этот путь, здорово помогал. Учились они за счет колхоза и плюс к тому получали дополнительную стипендию. 70 рублей, знаете, тогда были большие деньги. Писал письма солдатам, которых от нас в армию призвали, звал их после службы возвратиться в хозяйство. А уж как встречал! Приехал парень домой – вот тебе новая техника и квартира: женись, обзаводись детьми. И получай в первый год работы каждый месяц по две зарплаты. Знал Алексей Никифорович, что значит недавнему служивому твердо укрепиться в жизни. Сам через это прошел.

Родом он наш, из деревни Деменщино. В 1942 г. вместе с другими ребятами проводили его на фронт. И восемь лет ждали. Отвоевал всю войну с Германией – на Дальний Восток отправили, японских фашистов добывать¹. Дома тоже пришлось нелегко. Он на трудных участках работал. Сначала в МТС определился, потом стал районным уполномоченным по линии министерства сельхоззаготовок. Не в Скопине жил, а у нас, и крестьянствовал, как все. Трудолюбивым был Алексей Никифорович и порядочным во всех отношениях. За это народ его и ценил. Не сватали нам Акимова в председатели. Люди все о нем ведали и потому, когда стал вопрос о смене прежнего руководства, выбрали его своим “головой”.

Елена Сергеевна Кириленко, сегодняшняя глава администрации Моховского сельского округа, продолжила начатый разговор: “Интересной была история моего знакомства с Акимовым. Я к нему, можно сказать, как снег на голову свалилась. Получила диплом техника-строителя, но в городе не прижилась. Неудачно как-то все складывалось, и на родную сторону тянуло. Собралась однажды и приехала – будь что будет... Иду к Алексею Никифоровичу и трясусь. Обстоятельства хуже некуда. Спрашиваю с ходу: “Нет ли у вас какой-нибудь работы?” А он мне: “Давайте по порядку разберемся. Вы где остановились? С жильем устроились? А какая у вас специальность?” Выслушал, не перебивая, сказал: “Пишите заявление”. И на стол указал: “Вот тут пока ваше место”. Он ко всем, между прочим, обращался на вы.

Ну, хорошо. Сижу за этим столом неделю, вторую, третью. Месяц заканчивается. Зарплату получать совестно. Чувствует Алексей Никифорович мое состояние и успокаивает: “Не волнуйтесь, к людям присматривайтесь, в обстановку вникайте. Все наверстаете”. Зато как я потом в работу включилась! Острой была тогда жилищная проблема. Но моя строительная бригада принялась за фермы и мастерские. Это было важнее всего. После и домам черед пришел. Нынешняя улица, Комсомольская, – это наша работа. Имя ей Акимов дал. Он все для других старался. А ему дом построили в последнюю очередь. И такой, что пройдешь мимо него и не заметишь. В день похорон Алексея Никифоровича, помнится, съехались в Моховое разные именитые люди. Подошли к его дому и ахнули: “И так жил у вас председатель!” Ожидали, наверное, боярские хоромы увидеть, а тут одно разочарование».

---

¹ В 1945 г. красноармеец А.Н. Акимов был награжден медалью «За боевые заслуги» за то, что «блестяще справился с задачей орудийного номера в артподготовке при форсировании реки Амур 9 августа 1945 г.» (ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 7405, л. 223).

Завели женщины речь о строительстве и о школе вспомнили. Своей в колхозе не было, и приходилось детишкам в другое хозяйство ходить, за пять километров. Созвал Акимов общий сход: “Люди, у каждого из вас за ребят душа болит. Давайте за школу возьмемся! Деньги есть, строительные материалы закуплены. Можно ускорить дело, если сами работу начнем. Все не сделаем, но вырыть котлован под фундамент нам по силам”. Словом, решили так: семья, где один ребенок, выкапывает куб земли, у кого двое – два кубометра, короче, по числу школьников”.

На удивление самим себе с задачей землекопы справились быстро. И стоит с той поры в Моховом девятилетка, и каждую весну цветет возле нее школьный фруктовый сад.

<...> Стареют и уходят из жизни люди, современники Алексея Никифоровича, делившие с ним все радости и беды. Пройдут годы, и новые поколения будут жить на этой земле. Тесно станет в сегодняшней сельской школе, и, быть может, появится другая – с просторными классными кабинетами и спортивными залами. Но та, что стоит сегодня, наверное, заслуживает того, чтобы стать памятником и носить имя Акимова»¹.

После распада СССР в истории села наступил новый период. В 1992 г. колхоз был реорганизован в АОЗТ «Светлый путь», а в 2000 г. преобразовался в СПК «Светлый путь». В начале XXI в. в селе был 91 двор и 275 жителей².

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Моховое вошло в сельское поселение Успенское. По данным Всероссийской переписи 2010 г. в нем в это время проживали 283 человека – 125 мужчин и 158 женщин.

К началу XXI в. пришла в руинированное состояние Крестовоздвиженская церковь в Моховом, некогда живописный памятник архитектуры XVIII в. Восстановлению она уже не подлежит. Это большая потеря для историко-архитектурного наследия всего Скопинского района.

В 2015 г. на территории села Мохового находятся сельскохозяйственные предприятия: СПК «Светлый путь», занимающийся растениеводством (генеральный директор В.Н. Кураксин), и ООО «Моховое», занимающееся животноводством (генеральный директор В.А. Кураксина). Также в населенном пункте работают ИП Акимова П.И., клуб, сельская библиотека, фельдшерско-акушерский пункт³.

---

¹ Рязанские ведомости, № 4 (10 января 2004).

² Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7, Рязань, 2006. С. 234–235.

³ По материалам Скопинской районной библиотеки.

МУРАВЛЯНКА

село

(сельское поселение Горловское)

Основание села Муравлянка относится ко 2-й половине XVII в. Его название указывает на близость к Муравскому шляху – древней дороге, связывавшей Крым и Москву, и в XV–XVII вв. служившей основным маршрутом набегов крымских и ногайских татар на русские земли (населенный пункт с таким названием есть и в современном Кимовском районе Тульской области). Защитой от них служили укрепления Большой Засечной черты, опорными пунктами которой были будущие города Елифань, Михайлов, Скопин и Пронск.

Появление новой деревни близ веками небезопасного Муравского шляха показывает, что к 1660–1670 гг. окрестным землям уже ничто не угрожало. С 1654 г. они являлись частью дворцовой волости с центром в Скопине в составе Рязского уезда, доставшейся царю Алексею Михайловичу после кончины бездетного боярина Н.И. Романова, последнего представителя боковой линии царской семьи.

И.В. Добролюбов свидетельствует: «Муравлянка в качестве “новоселебного села” упоминается в окладной книге 1676 г., где о нем сказано, что оно “выселилось из села Хворощева”. Новопостроенная в селе Муравлянке церковь св. вмч. Димитрия Солунского обложена была в первый раз данью по указу преосвященного Павла, митрополита Рязанского и Муромского, 5 января 190 (1682) г.; к тому же времени должно быть отнесено и построение Дмитриевской церкви. При ней первоначально состояло «церковных пашни 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на 25 копен; в приходе 50 дворов крестьянских, 8 бобьельских. Дани по окладу 1682 г. с новопостроенной церкви положено платить “на год по рублю по восемнадцати алтын по три денги. Пошлин по гривне, да вместо въезжих, кормовых – с рубля по осми алтын по две денги”»¹.

Скопинские дворцовые крестьяне в конце XVII в. жили не бедно. Относительно высокие доходы и соответствующий уровень жизни вообще были отличительными особенностями крестьян коронных владений в эту эпоху. Например, запасы зерна крестьян Белгородчины, которые, как и скопинцы, до 1663 г. несли драгунскую повинность, в 1640-х гг. составляли в среднем 500 пудов (8 т), а в большинстве хозяйств дворцовых крестьян Тамбовского уезда в конце XVII в. имелось по 2–3 лошади, по 2–3 коровы и они с избытком обеспечивали себя хлебом. В известных по документам отдельных хозяйствах крестьян села Муравлянки Скопинской дворцовой волости также было немало скота. Например, в хозяйстве крестьянина Стенки Веселого содержались по меньшей мере 3 лошади, а также коровы, овцы, свиньи и птица².

Интересным эпизодом из жизни села Муравлянки в эпоху царствования Ивана V и малолетнего Петра I стали правительственные меры по борьбе с местным самогоноварением. В наказе каждому скопинскому воеводе при вступлении его в должность указывалось, что

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 223–224.

² Заозерский А.И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917. С. 159; Важинский В.М. Сельское хозяйство в Черноземном центре России в XVII веке. Воронеж: ВГПИ, 1983. С. 19.

если «люди учнуть у себя корчму или какия питья на продажу держать, и вино, хотя и про себя, стануть курить, или табуку станут покупать <...>, про то сыскивать <...> на тех людех, у которых вымуть впервые, править заповеди по пяти рублей <...>, а у кого вымуть в другой ряд и на тех людех заповеди править вдвое <...> у кого вымуть в другой ряд, бить...» 15 (25) мая 1688 г. рязанский подьячий Кузьма Тюшевский вместе со скопинскими стрельцами производили такую выемку у подьячих, священников и волостных крестьян, обнаружив у павелецкого крестьянина Ивашки Хирова «на дворе толко железные крючья, на чом железный котел вешают <...>, а в селе Муравлянке у крестьянина, у Стенки Веселого, вынято бочку браги, да у него ж взяли <...> трех лошадей». В расспросных речах Ивашка Хиров указал, что его оговорили, Ганка Сафонов из села Становых был «в застенке распрашиван в винном куренью с пристрастием и подымон над звиску, и он де, убоясе пытки, винным коренем поклепал сам себя». А Стенка Веселый из Муравлянки, оправдывая свое фамильное прозвище, заявил властям, что «та-де брага и пиво было у него явленное», т.е. чудесным образом появившееся неизвестно откуда...¹

При переписи 1710 г. в селе упоминалась «церковь во имя Святого Великомученика Дмитрия, у той церкви поп Климент Дорофеев, у него попадаья Евдокия Федорова <...>, брат родной поп Понкрат, у него попадаья Матрена Власова <...>, той церкви пономарь Изот Андреев Зомятин <...>, солдатских два двора, в них мужеска пола четыре, в том числе женатых три человека <...>, женска пола четыре человека. Крестьянских восемьдесят три двора, в них мужеска пола двести шездесят два, в том числе женатых сто шездесят человек <...>, против переписных книг 186 года шездесят шест дворов прибыли и пяддесят дворов жители после переписи 186 года отошли от села по разделу, дети от отцов и братья от братей и ноне живут особыми дворами»².

В 1732 г. вместе с другими селениями Скопинской дворцовой волости Муравлянка была приписана к дворцовой Конюшенной канцелярии. С тех пор ее крестьяне считались конюшенными или коннозаводскими.

В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., сообщается: «...По последней ревизии (имеется в виду 3-я, проводившаяся в 1762 г. – *Примеч. авторов*) в селе Муровлянка 112 двора, 318 душ мужского и 292 женского пола, лежит по обе стороны Ларина лоска верха Сивкина, лошины Веселой и речки Муравлянки, в коей пруд. Церковь деревянная во имя Святого великомученика Дмитрия Солунского»³. Лоском называли плоскую низменность, а логом – небольшую сухую долину.

На карте (чертеже) Генерального межевания село показано лежащим в верховьях р. Муравлянки. Большая его часть находилась на правом берегу реки. Здесь располагалась улица, состоявшая из двух противолезжавших порядков крестьянских домов, которую можно признать историческим ядром села. Ее пересекали верх Сивкин и ниже по течению – Ларин лоск, по которым текли впадавшие в Муравлянку ручьи. На правом берегу Сивкина верха перпендикулярно к Муравлянке располагался еще один порядок изб с огородами. На левом берегу реки выше села отмечена «лощина Веселая». Ниже ее по течению находились живописно разбросанные группы домов, среди которых стояло деревянное здание

¹ *Селифонтов Н.Н.* Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василия Александровича Даудова. СПб.: Археогр. комис. 1871. С. 66, 74–75.

² РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 498, 520–521.

³ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 16; д. 1241, л. 8.

Дмитриевской церкви. В центре села, примерно на уровне приходского храма, Муравлянка была запружена плотиной¹.

«Первое и последующие десятилетия XIX в. были охарактеризованы закатом государственного коннозаводства на скопинской земле. Земли постепенно переходили не столько к коннозаводским крестьянам, сколько к крупным помещикам. Этот процесс был связан с серьезными конфликтами. В донесении от 19 (31) августа 1815 г. рязанского губернатора И.И. Князева главнокомандующему в Петербурге С.К. Вязьмитинову о вооруженном сопротивлении казенных крестьян селений Чернавы, Богородицкого, Боршевого, Липяги и Муравленки Скопинской коннозаводской волости местным властям и военной команде при отмежевании их земли соседним помещикам, начавшемся в ноябре 1814 г., сообщалось: “Ослушание крестьян возникло 1814 г. в ноябре месяце. Когда присланный от межевой канцелярии землемер Федоров при члене земского суда приступил к утверждению в натуре меж отрезку от с. Чернавы к дер. Паникам во владение Аксенова и Козловой земли, то крестьяне, получив прежде сию же землю из владения Аксенова по решению Правительствующего Сената и считая оною навсегда себе принадлежащею, собрались на межу в значительном числе и не допустили землемера до производства работы, отзываясь тем, что при сем деле нет со стороны их депутата. Когда землемер потребовал, чтобы смотритель волости прибыл сам или выслал депутата, то он, не имея об отдаче земли предписания от своего начальства, к межеванию не явился и депутата не дал”.

<...> Дальнейшие события показали, что ни местное коннозаводское начальство, ни земская полиция, ни вызов инвалидной команды: 15 человек нижних чинов, из Скопина, а также направление 18 (30) июля 1815 г. советника губернского правления Матвеева для увещевания крестьян результатов не дали. Более того, крестьянам села Чернавы и еще 5 других селений коннозаводской волости было объявлено, что если бунт не прекратится и они “не покорятся власти, то сверх того наказания, каковому виновнейшие из них подвергнут себя по суду, все прочие участвующие в том слушании с семействами их из настоящих селений своих будут переведены Воронежской губ. на земли Беловодской вол., о чем испросить высочайшую Е.И.В. волю принял на себя обер-шталмейстер”.

<...> После чего была вызвана рота солдат из местного гарнизонного батальона в с. Чернава, как центр возмущения крестьян, где находились делегаты окрестных селений. Рязанский губернатор писал: “Когда понятия были собраны и приближались к селу, куда и рота выступила, при самом появлении оной в с.Чернаву собравшиеся крестьяне более 200 человек, от которых земский суд и ротный командир потребовали начальных бунтовщиков с чрезвычайным шумом, имея в руках кольца, пики и дубины, кричали, что они никого не дадут. Командир роты успел было взять одного крестьянина, отличившегося в буйстве, но прочие, закричав, что они все равны, зачинщика у них нет и взять ни единого из них без смертного убийства не допустят, бросились со своими оружиями на роту и хотели бить дубинами солдат. Видя ж такое буйство, принуждены были взятого человека отдать им, и чтобы не допустить их до фрунта, приготовили штыки и тем удержали их напор на роту. После всего того, дабы сколько-нибудь вразумить бунтующих о бесполезности их упорства и о строгости наказания, которому они чрез то себя подвергают, чрез смотрителя заводов, как чиновника более им известного, деланы им внушения. Но упорство их оставалось непреклонно, и когда предположено было увещевать их чрез священника, то они до того не допустили и с ругательством требовали, чтоб он возвратился”.

¹ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, В-32 кр.

В результате воинская команда была возвращена в губернский город. Единственным средством по докладу, во избежание кровопролития, являлось переселение крестьян по высочайшей воле, «которую коннозаводское начальство предположило исходатайствовать». <...> Последующая резолюция на этом документе, директора Департамента полиции исполнительной И.П. Лаврова на докладе губернатора Князева гласила: «З[аведующему] [отделением]. Снесть с г. обер-штальмейстером Мухановым, утверждено ли предположение о переселении означенных крестьян в Воронежскую губ. и дано ли о том повеление нужное»¹.

«Обер-штальмейстер 15 (27) сентября 1815 г. сообщил управляющему Министерством полиции, что переселение крестьян невозможно до подавления волнения. 25 сентября (6 октября) 1815 г. Кабинет министров предписал послать из Москвы батальон солдат в Скопинскую коннозаводскую волость. Волнение было подавлено и 25 октября 1815 г. произведена отрезка земли. Сенат, рассмотрев решение уголовной палаты по делу об участниках волнения, приговорил 11 крестьян после наказания плетью к ссылке в Сибирь на поселение, а “хозяев домов” – к наказанию плетью от 20 до 30 ударов. Александр I утвердил решение Сената»².

С XVII в. в Дмитриевской церкви в Муравлянке служили священники Дорофей (в 1682–1689 гг.), Климент Дорофеев (с 1698 г.), Панкратий Дорофеев (с 1704 г.) Иоанн Абрамов (с 1708 г.), Кассиан (был переведен в село Молоденки Елифанского уезда, ум. в 1734 г.), Никита Панкратиев (с 1734 г.), Феодор Алексиев (в 1780–1786 гг.), Кондрат Тихонов (в 1786–1792 гг.), Евфимий Исаев (в 1792–1800 гг.)³. В 1797 г. в селе было выстроено новое деревянное здание Дмитриевской церкви «с приделом Всесвятским. Обветшавшую и грозившую падением колокольню велено было перестроить в 1843 г., но это исполнено было, за недостатком необходимых к тому сумм, только в 1852 г.»⁴. В этом храме служили священники Порфирий Феодоров (в 1800–1828 гг.), Иоанн Филиппов Любомудров (в 1828–1858 гг.), Николай Карпов (в 1858–1868 гг.), Иоанн Никольский (в 1868–1877 гг.), Борис Иванович Доброхотов (в 1877–1882 гг.) и Михаил Петрович Обновленский (в 1882–1898 гг.)⁵

По карте А.И. Менде 1850 г. видно, что село, располагавшееся на берегах речки Муравы (Муравлянки) и ее притоков, заметно увеличилось в размерах. В нем насчитывалось 270 дворов. Удлинились все ранее существовавшие ряды крестьянских домов, появилось несколько новых в районе «лощины Веселой». Через ручьи были устроены мосты и мостки, на реке появилась водяная мельница. За восточной околицей села, по обе стороны от дороги в село Затворное, стояли две ветряные мельницы. Еще три находились к югу от села, при дороге в Лишаги⁶.

Согласно данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в селе Муравлянка проживали государственные душевые крестьяне – 1289 мужчин и 1709 женщин⁷. С образованием в Скопинском уезде волостей после отмены крепостного права в 1861 г. село Муравлянка было приписано к Затворнинской волости.

¹ Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг.: Сборник документов. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 349–351, 353–354.

² Там же. С. 787–788.

³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 224.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁷ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 74.

В 1861 г. муравлянским священником Н. Карповым было открыто церковно-приходское училище. В 1866 г. оно размещалось в его собственном доме. В школе обучались 35 мальчиков. Необходимые средства на содержание училища и оплату трудов наставника предоставлялись Палатой государственных имуществ¹.

В 1868 г. в Муравлянке насчитывалось 352 двора, население составляли 1347 мужчин и 1155 женщин. К 1868 г. количество промышленных заведений при селе достигло наивысшего показателя. В Муравлянке работали 1 водяная (об одном поставе) и 7 ветряных (6 о двух и 1 об одном поставе) мельниц².

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Муравлянке, «селе бывшем государственном», находившемся при р. Муравлянке, насчитывалось 420 дворов и 2886 жителей. В селе действовали православная церковь и молитвенный дом раскольников³. В 1884 г. И.В. Добролюбов писал о муравлянском храме: «Церковной земли при означенной церкви в настоящее время числится 33 десятины (36 га). В приходе, кроме села с 386 дворами, значатся деревня Быкова (в 1 версте) с 15 дворами, в коих мужского пола 1614, женского пола 1583, в том числе раскольников – мужского пола 63, женского пола 60. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 1 псаломщик»⁴. В 1872–1879 гг. должность церковного старосты Дмитриевского храма занимал местный крестьянин Митрофан Овчинников.

По переписи населения 1882 г. в Муравлянке насчитывалось 473 домохозяйства, в которых проживали 1801 мужчин и 1712 женщин. Грамотных по меркам Скопинского уезда в селе было немало: 131 мужчина и 20 учащихся мальчиков. В распоряжении Муравлянского сельского общества имелось 4306 десятин (4704 га) общественной земли, из которых 42 десятины (45,8 га) находились в Сапожковском и Рязском уездах Рязанской губернии. На ревизскую душу приходился надел в 3,3 десятины (3,6 га), на работника – 4,9 десятины (5,3 га). В селе насчитывался 191 безлошадный двор (т. е. 40 % от всех крестьянских дворов), по одной лошади держали на 109 дворах, по две – на 83, три и более – на 90. Всего в селе стояло 465 домов, из которых только 13 были каменными, все остальные – рублеными избами. «По-белому» топили в 64 домах. При крестьянских жилищах было 429 плетневых дворов, один каменный, 91 горница (клеть), 236 амбаров и сараев, 369 риг и овинов. В селе работал 1 мастеровой, действовали 15 промышленных заведений, 3 кабака и 2 лавки. Кроме местных промыслов, в основном земледельческих, более 500 мужчин ежегодно отправлялись в отход⁵.

Поджоги стогов сена, риг с урожаем, а иногда и жилых домов были распространенным способом выяснения отношений в крестьянской среде. Об одном таком случае в Муравлянке в 1876 г. сообщали «Рязанские губернские ведомости»: «В ночь с 3 на 4 октября <...> в с. Муравлянке сгорел будто бы от поджога дом с надворными постройками крестьянина Родионова; убытка понесено на 2000 руб. В поджоге подозревается крестьянин Илья Прокофьев»⁶.

¹ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 236–237.

² Там же. С. 608–609.

³ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 329.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 224.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 74–79.

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 85 (27 октября 1876).

Еще одна детективная история приключилась в Муравлянке в 1886 г. Рязанская губернская газета сообщала: «6 (18) января в 11 часов дня в с. Муравлянке Скопинского уезда из церкви через взлом потолка сыном церковного сторожа крестьянином Тимофеем Демидовым украдено до 25 руб. Самая кража совершилась при следующих обстоятельствах: Тимофей Демидов влез чрез колокольню под крышу церкви, сломал потолок и спустился по веревке в церковь, где отпер подобранным ключом церковный ящик, из которого и похитил денег до 25 руб. и тем же путем намеревался скрыться, но был пойман под крышею другим церковным сторожем, который, заметя Демидова идущим не вовремя в церковь, отправился проследить за ним. Похищенные деньги от Демидова отобраны, а произведенное об этом дознание передано местному судебному следователю»¹.

В 1875 г. (по другим данным – в 1873 г.) в Муравлянке открылась земская школа (училище)². Законоучителем в ней состоял священник Дмитриевской церкви Николай Никольский, учителем по прочим предметам был воспитанник Скопинского духовного училища Иван Устинович Петров. От земства, помимо ежегодных 300 рублей на содержание училища, предоставлялся дом, оборудованный для школьных занятий. В 1875 г. в муравлянской земской школе учились 66 мальчиков³.

В 1884 г., по описанию местного исправника, муравлянская школа помещалась «в большом здании, выстроенном земством, с квартирой при нем для учителя, последняя требовала ремонта. Отопление и сторож за счет общества. Всех учеников 72, в старшем отделении 10, среднем 21, младшем 41. При мне было 50 учеников, по словам учителя, отсутствующих постоянно бывает много. Причина этих отсутствий, насколько я мог выяснить себе, лежит в незавидном экономическом положении крестьян Муравлянского общества, вследствие которого они по необходимости помещают своих детей с малых лет в работы. Я видел в школе 8-летнего мальчика, которому во время одной из работ оторвало три пальца на руке. Ученики всех отделений до невозможности слабы по всем предметам, так что по распоряжению Училищного совета экзамена в муравлянской школе решено не делать. Учитель в настоящее время определен новый – прежний же уволен»⁴.

В 1885/1886 учебном году в трех группах обучались 100 детей в возрасте от 7 до 15 лет, из которых 2 относились к купеческому (мещанскому) сословию. Окончивших с получением свидетельств было лишь 3. Здание школы было деревянным (включая крышу), с 7 окнами, отапливалось оно 2 печами, одна из которых была русской, площадь классных комнат составляла 96 кв. аршин (49 кв. м). При школе имелась квартира для учителя. Крестьяне расходовали на отопление и наем сторожа 60 руб. в год. Попечителем школы с 1884 г. состоял крестьянин Т.Ф. Кожухов, законоучителем с 1882 г. – священник М.П. Обновленский, учителем с 1882 г. – окончивший курс Алферовской учительской семинарии В.Г. Вишневецкий⁵.

В 1893 г. экзамен в школе проводил известный скопинский земский деятель конюховский помещик Д.А. Леонов. По ревизии оказалось: «Учеников в школе 127. Учителем состоит окончивший курс в Александровской учительской семинарии Бегичев, законоучителем – местный священник Орлов, попечителем – крестьянин Кожухов. К экзамену, про-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 63 (20 августа 1886).

² Отчет за 1916 год, Скопин, 1918. С. 176.

³ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. Москва, 1877. С. 427.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XX очередного созыва 1884 года, Скопин, 1885. С. 181.

⁵ Сборник статистических сведений по рязанской губернии. Т. XII. Рязань, 1889. С. 8–13, 24–25.

изведенному 24 апреля Д.А. Леоновым, были представлены 9 человек, из которых выдержали 7. Представленные к экзамену ученики оказались вполне удовлетворительными по всем предметам, исключая правописание»¹.

В отчете земству по итогам ревизии от 4 марта 1894 г. сообщалось: «Учеников в школе – 97. Выбывший учитель Бегичев был незадолго до ревизии заменен переведенным из казинской школы вторым учителем Карташевым. В младшем отделении удовлетворительно читают, считают и знают молитвы; в среднем отделении плохи все предметы, исключая Закона Божия, – хорошее заключается лишь в том, что по русскому языку обращено особенное внимание, вместо заучивания иногда совершенно непонятных для детей стихотворений, на заучивание басен. Ученики старшего отделения небойко читают, но прекрасно произносят стихотворения и прекрасно пишут диктант. Чистописание и Закон Божий в старшем тоже хороши. Вместо старого, хотя удовлетворительного, но не особенно просторного школьного здания, общество крестьян села Муравлянки выстроило в настоящее время совершенно новое прекрасное здание. К экзамену, произведенному Д.А. Леоновым, были представлены 8 человек (в старшем отделении 12 учеников). Из представленных выдержали 7»².

В 1891–1892 гг. Скопинский уезд Рязанской губернии пострадал от голода, охватившего 17 губерний Черноземья и Среднего Поволжья. Наряду с правительственными структурами, с последствиями голода боролись и частные благотворители. Одним из них был великий русский писатель Л.Н. Толстой, которому как из России, так и из-за рубежа направлялись значительные пожертвования на помощь голодающим. В Скопинском уезде толстовцы развернули 75 бесплатных столовых и 51 приют, помогали крестьянам лошадьми, кормами и др. В Муравлянке действовали 8 «толстовских» бесплатных столовых и 7 приютов для голодающих детей³.

Если масштабный голод был относительно редким явлением, то пожары посещали крестьянские жилища гораздо чаще. По данным земской статистики, в 1889 г. в Муравлянке было зафиксировано 6 пожаров, в результате которых были уничтожены 14 домов с надворными строениями. В первой половине 1890 г. в 4 пожарах сгорели 9 сельских домов⁴. В голодном 1891 г. в 10 пожарах было уничтожено почти 30 домов местных поселян, общие убытки составили 2420 руб.⁵

Еще И.В. Добролюбов отметил наличие в Муравлянке довольно многочисленной общины раскольников. По данным «Рязанских епархиальных ведомостей», в 1891 г. всего в Скопинском уезде их насчитывалось 242 человека обоего пола. В Муравлянке община местных раскольников имела деревянный молебельный дом, прихожанами которого были 82 мужчины и 81 женщина⁶. Местные священники постоянно пытались «вразумить» пребывавшие в расколе с церковью заблудшие души. Время от времени в «Рязанских епархиальных ведомостях» появлялись сообщения о результатах их пастырской работы, вроде следующего, датированного 1899 г.: «Священник Дмитриевской церкви села Муравлянки Василий Милосердов при-

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XXIX очередного созыва 1893 года, Скопин, 1894. С. 94.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XXX очередного созыва 1894 года, Скопин, 1895. С. 88, 89.

³ Толстой Л.Н. ПСС. Т. 29 [юбилейное изд. 1828–1928]. С. 162–163.

⁴ Отчет о состоянии и движении земских сумм, состоящих в ведении Скопинской уездной земской управы за 1889 г. и первую половину 1890 года. Скопин, 1890. С. 177, 179.

⁵ Отчет о состоянии и движении земских сумм, состоящих в ведении Скопинской уездной земской управы за 1891 год. Скопин, 1892. С. 112.

⁶ Рязанские епархиальные ведомости, № 5 (1 марта 1891 г.). С. 206.

соединил из раскола австрийской лжеиерархии крестьянина того же села Иустина Егорова Овчинникова, 66 лет»¹. По данным Братства Св. Василия, в 1903 г. в Муравлянке насчитывалось 162 человека раскольников-поповцев. Кроме них, были в селе еще и сектанты – скопцы и хлысты – в количестве 31 человека².

С 1899 г. при содействии попечителя муравлянской земской школы и приходского общества трезвости в селе действовала воскресная школа для крестьян «нешкольного возраста», которую посещали 36 человек. Законоучителем состоял местный священник Петр Орлин, учительницей Рыбаулина. Она давала крестьянам ряд полезных познаний практического характера. Например, в ходе курса обучения предполагалось «ознакомление с формами расписок и обязательств, именно применяемых в народной жизни»³.

По сведениям за 1894 г., в Муравлянке действовали следующие «промышленные заведения»: водяная мукомольная мельница с одним поставом П.С. Лебедева и одноконные маслобойки А. Максимова, Г. Евтеева и А. Борисова были загружены мало⁴.

В 1905 г. в Муравлянке насчитывалось 620 дворов, население составляли 2232 мужчины и 2132 женщины. В селе по-прежнему стояла деревянная Дмитриевская церковь конца XVIII в., церковно-приходская и земская школы, 6 ветряных мельниц и 2 маслобойки⁵.

В 1906 г. в Муравлянке началось строительство нового кирпичного здания Дмитриевской церкви, но до начала Первой мировой войны в 1914 г. закончить его не успели – возвели только колокольню и трапезную с приделами во имя Рождества Пресвятой Богородицы и Св. мучеников Фрола и Лавра. В 1914 г. местными приходскими священниками были Александр Николаевич Махоткин и Александр Петрович Гранский (оба служили с 1912 г.)⁶. К церкви были приписаны 3 десятины (3,27 га) усадебной и 30 десятин (33 га) пахотной земли. В приход храма входили само село Муравлянка, где было уже 711 дворов, а население составляли 2462 мужчины и 2448 женщин, а также деревня Быковка, где было 36 дворов и проживали 133 мужчины и 141 женщина⁷. Община сельских раскольников к 1914 г. несколько подсократилась, но все же оставалась довольно значительной: 99 мужчин и 116 женщин, проживавшие в 30 дворах⁸. В 1914–1917 гг. в Муравлянке действовали уже две земские школы: двухкомплектная и трехкомплектная⁹.

В последние предреволюционные годы окончательно оформилась внутренняя топонимика села. По документам начала XX в. известны названия некоторых его порядков: Демидовка, Михеевка, Варшавка, Поповка. Названия двух первых, похоже, произведены от имен известных односельчан, Варшавка получила свое имя по месту отхода проживавших в ней мужчин, а Поповка – по нахождению домов церковного причта.

¹ Рязанские епархиальные ведомости, № 24 (15 декабря 1899 г.). С. 447.

² Календарь Рязанской губернии на 1905 год. Рязань, 1905. С. 370, 374, 389–390, 392.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XL 1904 года. Скопин, 1905. С. 42; Журнал Скопинского уездного земского собрания XXXV очередного созыва 1899 года. Скопин, 1900. С. 114.

⁴ Мартынов Н.Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. С. 74, 102.

⁵ Населенные места Рязанской губернии / составлены под ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 632–633.

⁶ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г., Рязань, 1914. С. 446.

⁷ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорожье, 1998. С. 584–585.

⁸ Там же.

⁹ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 176.

В 1917 г. в селе Муравлянка Затворнинской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 856 дворов, в которых проживали 2550 мужчин и 2626 женщин¹.

В 1918 г. в селе был образован Муравлянский сельсовет². В начале 1920-х гг. рост населения села был приостановлен за счет образования поселков близ удаленных от него земель местного общества. По данным за 1926 г. в Муравлянке было 785 дворов и 3884 жителя. При такой скученности населения доступ к водным ресурсам приобретал большую важность. Однако их, похоже, хватало всем. В селе было 9 запруд (проточных прудов) и один копанный пруд, водозабор осуществлялся из 4 родников (известны названия некоторых: Кукуй, Ськучев, Иордань) и ручья, 85 колодцев. Исследования местной воды подтвердили ее хорошее качество. Занятия жителей в 1920-х гг. не изменились с дореволюционных времен. Ключевое место среди них по-прежнему занимали земледелие, отходничество на торф и промышленные предприятия, ломовой извоз. В эпоху нэпа в селе работали кустари и ремесленники: кузнецы, сапожники, портные, плотники и т. д.³

В 1929 г. было упразднено историческое административное деление на волости, уезды и губернии. Муравлянка стала населенным пунктом Горловского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

Еще в 1929 г., на раннем этапе коллективизации, в Муравлянке появились товарищество по совместной обработке земли «Дружба» и машинное товарищество «Жнейка»⁴. Видимо, из их объединения до конца 1929 г. появился первый полноценный муравлянский колхоз, получивший название «Новая жизнь».

«Обострение классово-борьбы» в селе началось уже весной 1930 г., когда колхозу отрезали землю под озимый клин. Горловский районный комитет партии характеризовал события в Муравлянке как следствие «кулацко-сектантской агитации», под влиянием которой «женщины села и подкулачники с кольями в руках не допускали отрезать землю колхозу, стогняли с полей колхозников, не давали пахать»⁵. Традиционно консервативному сознанию зажиточных крестьян, немалое число которых составляли местные раскольники и члены религиозных сект, было трудно примириться с насаждавшимися властью новыми формами хозяйствования. Протест выражался в хулиганских действиях: при отведении колхозу «Новая жизнь» земли под яровые противники коллективизации стогняли с полей колхозников и землеустроителя, выгаскивали из почвы забитые указательные кольшки. В ходе хлебозаготовок «кулаки подожгли собранную рожь у председателя сельсовета Овчинникова, избили члена комиссии содействию по хлебозаготовкам Михеева В.А. и подожгли двор члена комиссии Спицына И.»⁶. Вскоре секретарь Муравлянской партячейки один из первых сельских большевиков Чистосердов получил выговор Горловского райкома ВКП (б) «за послабление кулацко-зажиточной верхушке села»⁷.

До революции в крестьянской среде кулаком называли всякого состоятельного крестьянина, но четких критериев определения, кто кулак, а кто нет, не существовало. Не появились они и после революции. Сколько земли и скота должен был иметь крестьянин, чтобы назы-

¹ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 142.

² Архив Скопинского района. Ф. 288, л. 1.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик Сводной таблицы населенных пунктов Горловского района.

⁴ Статистико-экономический обзор Скопинского, Горловского, Милославского и Чернавского районов. Тула, 1930. С. 48–49.

⁵ Ленинская искра, № 3 (29 января 1931).

⁶ Там же.

⁷ Ленинская искра, № 8 (17 февраля 1931).

ваться мироедом и эксплуататором, «на глаз» определяли местные органы власти – сельсоветы. Пожалуй, основным признаком кулака было систематическое использование наемной рабочей силы. Если же крестьянин был середняком или даже бедняком, но имел отличные от «генеральной линии партии» взгляды на пути развития сельского хозяйства и всей страны в целом, то его могли записать в категорию подкулачников.

В соответствии с линией руководства большевистской партии и советского правительства на ликвидацию кулачества как мелкобуржуазного класса, власти Горловского района взялись за более системную работу по противостоянию кулацкому саботажу. Выявлялись и ставились на учет кулацкие хозяйства. К июлю 1932 г. в Горловском районе Московской области было выявлено 294 кулацких хозяйства¹. Зажиточные крестьянские хозяйства подлежали повышенному индивидуальному обложению: им давали т. н. «твердые задания» по поставкам сельхозпродукции государству. Они включали повышенные посевные планы и задания по госпоставкам, значительно отличавшиеся от обязательств, которые налагались на остальных крестьян-единоличников. Обладателей этих заданий называли обидным словом «твердозаданец». Одной из обязанностей сельсоветов был контроль за выполнением «твердых заданий» бывшими кулацкими хозяйствами.

В соответствии с постановлением Мособлисполкома, кулацкие хозяйства, получившие «твердые задания», должны были засыпать семена в семфонд в трехдневный срок, причем на всю площадь посева. Многие зажиточные крестьяне с этим не соглашались. К таким применялись репрессии. Так, 24 марта 1932 г. Горловский народный суд на выездном заседании в селе Муравлянке разобрал ряд «кулацких» дел и «приговорил: Загребасева Д.И. за отказ от засыпки в семфонд к высылке на 3 года с конфискацией всего имущества; Мерзлякова Л.К. оштрафовать на 300 рублей; Мерзлякова Р.Н. выслать на 3 года с конфискацией имущества; Морина М.Г. приговорить к году принудительных работ и оштрафовать на 150 рублей; Умникова оштрафовать на 200 рублей; Спицына Е.П., который вел агитацию среди населения против засыпки по твердому заданию, сослать на 3 года с конфискацией имущества»². Но и после применения репрессивных мер член Муравлянского сельсовета Н.А. Грачев отказался от засыпки, а бывший «твердозаданец» Д.А. Беликов открыто агитировал против нее³.

На вступивших в колхозы бывших кулаков обычно списывали провалы и промахи с трудом налаживавшейся колхозной жизни. Их обвиняли «во вредительских делах, порче семян» и т. д. Особенно пристально следили за теми, кто занимал в колхозе какой-либо ответственный пост, например – бригадира огородной бригады. В 1931 г. «Ленинская искра» выдвигала обвинения против руководства муравлянского колхоза «Новая жизнь» в том, что в нем работал «некий Н. Попов, в прошлом кулак, имевший наемную рабочую силу, церковный староста, арендовавший землю у бедняков»⁴. Это был косвенный удар по председателю колхоза Овчинникову, который приходился Попову сватом. До конца 1930-х гг. в Муравлянке были раскулачены и высланы несколько представителей многочисленных крестьянских семей Бесподеновых и Лебедевых.

В июле 1931 г. горловская районная газета «Ленинская искра» писала о положении в селе: «Когда подъезжаешь к колхозу, то еще издали виден высоко поднятый красный флаг. Резко бросается в глаза вывеска общественной столовой. Около колхозных построек чисто

¹ Ленинская искра, № 38 (25 июля 1932).

² Ленинская искра, № 25 (26 марта 1932).

³ Ленинская искра, № 31 (1 апреля 1932).

⁴ Ленинская искра, № 43 (3 марта 1931).

подметено. Всюду заметен заботливый хозяйский глаз. Колхоз «Новая жизнь» (с. Муравлянки) организован в 1930 г. Много трудностей пришлось преодолеть ему. В прошлом году под влиянием кулачества единоличники не хотели вырезать колхозу пар. Гнали с полях землемеров, колхозников. Несмотря на это пар был отрезан. К началу сева колхоз окреп. Он имеет 27 лошадей, 8 шт. коров, сто с лишним овец. Имеется весь необходимый инвентарь... Колхозники выехали сеять дружно, организованно. Немалую роль в этом сыграл присланный от МТС агроном Гудайкин. Он активно помогал в налаживании организации труда и в разрешении всех вопросов колхозной жизни. Много проработали и колхозники Суслин А.И., Барабанов, Салькина и др. Всего колхозом засеяно 272 га, значительно больше плановых отметок. Всего было затрачено на полевых работах 746 человекоднев или 897 трудодней. Лошадьми колхоза было всего произведено вспашки 260 га. К этому надо добавить 226,5 га, вспаханные тракторами МТС. В этих цифрах ясно видно преимущество колхозного труда...»¹

В 1934 г. муравлянский колхоз продолжал развиваться. «Ленинская искра» со ссылкой на председателя сельсовета П. Ховрина сообщала: «22 сентября колхозный актив колхоза «Новая жизнь» (с. Муравлянка), собравшись на совещании, обсудив вопрос о продаже хлеба государству, единогласно решил организовать фонд продажи хлеба, с таким расчетом, чтобы приобрести для колхоза автомашину». Тут же сообщалось, что председатель колхоза Овчинников продает 3 цент., Суслин В.Ф., машинист – 2 цент., Попов И.В., бригадир – 1,5 цент., Суслин Н.И. – 1 цент., и другие колхозники (13 чел.) – 21 центнер»².

В 1934 г. студией «Союзкинохроника» был снят короткометражный киноочерк «Люди» (режиссер Я.М. Посельский), посвященный жизни муравлянского колхоза «Новая жизнь».

С 1933–1934 гг. широкое распространение получила продажа колхозникам телят, поросят и другого молодняка по заниженным ценам для расширения хозяйства. Благодаря этой мере росло число крестьянских хозяйств, реально повышавших уровень своего благосостояния. Но так как скот продавался по льготной цене, его перепродажа «на сторону» считалась спекуляцией и наказывалась. Так, в 1934 г. муравлянских колхозников А. Бучнева и И. Овчинникова, продавших полученных телят, и Севрюгина, обменявшего их на лошадь, Горловский народный суд приговорил к 1 году исправительных работ и штрафам от 230 до 350 рублей³.

В 1937 г. Муравлянка в составе Горловского района была передана из Московской области в новообразованную Рязанскую. В том же году, местный колхоз был переименован – вместо «Новой жизни» он стал называться колхозом им. В.И. Чапаева⁴.

Во время «большого террора» погибли несколько уроженцев Муравлянки. Алексей Владимирович Барабанов (1902–1937) проживал в г. Котельнич и работал дорожным мастером 11-й дистанции путей Горьковской железной дороги. 19 ноября 1937 г. он был осужден особой тройкой УНКВД по Кировской области по обвинению в участии в кулацкой диверсионно-вредительской группе и 4 дня спустя расстрелян. А.В. Барабанов был реабилитирован посмертно в 1956 г. Иван Матвеевич Сеницын (1909–1938) жил в Москве и работал слесарем автобазы ВЦСПС. Он был арестован 8 марта 1938 г. и осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в «систематической контрреволюционной агитации и пропаганде, враждебном отношении к советской власти и коммунистам».

¹ Ленинская искра, №34 (5 июля 1931).

² Ленинская искра, № 176 (26 сентября 1931).

³ Ленинская искра, № 48 (7 апреля 1934).

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 288, л. 1.

16 марта 1938 г. И.М. Синецын был расстрелян на полигоне НКВД СССР «Объект Бутово» под Москвой. Он был посмертно реабилитирован по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. На подмосковном Бутовском полигоне также нашли свое последнее упокоение муравлянцы Николай Иванович Озеров (1879–1937), Иван Захарович Севрюгин (1874–1937), Степан Матвеевич Семенов (1897–1937) и Дмитрий Филиппович Винокуров (1890–1938).

Прелести «классового подхода» и непоследовательность политики властей испытывали на себе не только бывшие кулаки и крестьяне-единоличники, но и члены колхозов. Так, например, в 1938 г. колхозникам, в отличие от единоличников, было запрещено держать в хозяйствах лошадей. Некоторое время спустя эта мера, вызвавшая большое недовольство, была скорректирована: колхозам разрешили выдавать своим членам лошадей без оплаты, но решение об этом должны были принимать председатели колхоза. Тем самым, колхозники лишний раз ставились в зависимость от начальства.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., имеется следующее краткое описание села Муравлянка: «Ближе к границе с Чернавским районом село Муровлянка Муравлянского сельсовета – 2164 человек. Река Муравка (Муратка), родники Кукуй, Иордань и другие с 8-ю проточными прудами, а также 85 колодцев с наибольшим для района столбом хорошей воды (от 2 до 7 метров), вполне обеспечивают население села. В разных местах села копают серо-зеленую или коричневую глину. В окрестностях прослеживаются малевко-муравнинские известняки»¹. Согласно собранным участниками экспедиции сведениям, в это время в Муравлянке насчитывалось 461 жилое строение, было 477 хозяйств и 2177 жителей. В селе работали 2 мельницы, просорушка и маслобойня. Действовали неполная средняя школа, изба-читальня, медпункт, агентство отделения связи, магазин².

По состоянию на 1 января 1939 г. в селе Муравлянка Муравлянского сельсовета Горловского района Рязанской области насчитывалось 476 дворов. Из них 418 с населением 1840 человек входили в колхоз им. В.И. Чапаева, 232 человека оставались за его рамками. Крупный рогатый скот в селе держали в 359 хозяйствах. В трудоспособном возрасте (от 16 лет и старше) находились 1022 колхозника. В течение 1938 г. в колхоз им. В.И. Чапаева вступило 2 хозяйства, выбыло 18. В 1938 г. общая обрабатываемая колхозом площадь составляла 2298 га. Под зерновыми состояло 1680 га, под картофелем – 20 га, под другими овощами – 14 га. В 1938 г. с 1 га в колхозе собирали 6,3 ц зерновых, 72 ц картофеля, 31 ц овощей. В среднем за год каждый колхозник вырабатывал 95 трудодней. После распределения 40 % денежных доходов колхоза на 1 трудодень колхозники получали 1 кг зерновых и 24 копейки деньгами. На административно-хозяйственные нужды было выделено 3% средств денежного дохода³. В колхозе имелись 46 голов крупного рогатого скота (в т. ч. 15 коров), 93 свиньи (в т. ч. 19 свиноматок), 242 лошади (в т. ч. 146 рабочих) и 120 овец⁴.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в селе Муравлянка было 484 строения. В селе к этому времени все еще оставались старые

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района, л.12.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния на 1939 г.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района. Наличие скота по колхозам каждого сельсовета на 1.01.1939 г.

ветряные мельницы – одна из них стояла у подножия холма за его северной околицей, вторая – у дороги в село Затворное.

Муравлянские колхозники самоотверженно трудились на своих полях в годы Великой Отечественной войны. При мобилизации множества мужчин в действующую армию возросли физические нагрузки на оставшихся в тылу женщин, стариков и подростков. Страна как никогда нуждалась в плодах их труда. И люди выходили на работы с мыслями о том, что приближают общую победу. Тех, кто этого не осознавал, приходилось подстегивать. В апреле 1942 г. был законодательно закреплён новый минимум трудодней, увеличившийся в 1,5 раза по сравнению с довоенными нормами. Ввели минимум выработки и для подростков – 50 трудодней в год. Не отработавших его колхозников могли исключить из колхоза, лишить приусадебного участка или, в крайнем случае, даже отдать под суд.

Летом 1942 г. уборочная кампания в колхозе им. В.И. Чапаева Муравлянского сельсовета началась организовано. Только вот мужчин на полях стало заметно меньше... Горловская районная газета сообщала: «В пятом часу утра все уже были в поле. Дмитрию Артамоновичу Беликову 68 лет, вышел со снохой и дочерьми. Дмитрию Кузьмичу Веселых 73 года, а ежедневно выкашивал по 83 сотки. Косил, да останавливаясь, сдвинув на затылок кепку приговаривал: «Коль война, так и я тоже боец»¹.

В годы войны семьи сражавшихся на фронте красноармейцев и демобилизованных по ранению инвалидов войны не облагались госпоставками. Таких было немало и в Муравлянке. Тем не менее, стремясь хоть как-то помочь сражающейся Родине, освобожденные от обложения граждане по собственному почину сдавали государству плоды своих трудов. Инициатором выступил инвалид войны И.Т. Мухин, он первым сдал 2 мешка выращенной им картошки. По мешку сдали П.Т. Ухарова, Т.С. Зотикова, П.П. Савидова². При общей скудости военного быта такой патриотический поступок трудно переоценить. Нельзя забывать, что в то время оставались в силе положения о налогах мирного времени, вдобавок к которым был введен еще и военный налог. Нормы ежегодной сдачи сельхозпродуктов государству с одного крестьянского хозяйства составляли в военное время 40–60 кг мяса и 100–280 литров молока. Любое дополнение к ним было для каждого жителя серьезной жертвой.

В 1943 г. в рамках линии на разукрупнение хозяйств Рязанщины колхоз им. В.И. Чапаева Муравлянского сельсовета был разделен на три, получившие названия «Память Панфилова», им. А. Матросова и им. В.И. Чапаева.

Гордостью села Муравлянки в военные годы стал гвардии младший сержант Максим Михайлович Овчинников (1906–1976), пулеметчик 34-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской Полтавской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. Он жил и работал в Москве и в 1941 г. принял участие в обороне столицы в составе народного ополчения Краснопресненского района. В 1942–1943 гг. М.М. Овчинников участвовал в боях за Сталинград, был на Курской дуге, освобождал Полтаву. Был несколько раз ранен, за взятие в 1942 г. ценного «языка» был награжден медалью «За боевые заслуги».

М.М. Овчинников особенно отличился в ходе Висло-Одерской операции. 7 января 1945 г., предваряя рывок войск 1-го Украинского фронта с Сандомирского плацдарма, он участвовал в разведке боем переднего края обороны гитлеровцев. Благодаря его пулеметному огню роте удалось выбить гитлеровцев из стратегически важного леса и захватить около

¹ Ленинская искра, № 40 (6 августа 1942).

² Ленинская искра, № 70 (29 октября 1942).

30 пленных. С опушки этого леса 12 января 1945 г. началось грандиозное наступление 5-й гвардейской армии.

16 января 1945 г. на подступах к польскому городу Ченстохова М.М. Овчинников заменил погибшего командира пулеметного отделения. Враг большими силами шел в контратаки на фланг батальона, где находилось отделение отважного воина из Муравлянки. Пулеметчики не растерялись, заняли оборону и начали отбивать многочисленные атаки. М.М. Овчинников был отброшен взрывной волной в сторону, но, придя в себя, снова бросился к пулемету. От пулеметов его отделения гитлеровцы потеряли около 150 солдат и офицеров.

Вскоре 13-я гвардейская Полтавская дивизия вышла к р. Одер в районе города Линден. 26 января 1945 г. М.М. Овчинников со своими пулеметчиками форсировал реку. Немецкая артиллерия раскрошила лед, и советским воинам местами пришлось идти по грудь в ледяной воде. На плацдарме огнем из пулемета М.М. Овчинников отбил несколько атак противника.

27 января 1945 г. пулеметчики сумели занять железнодорожную станцию, где скопилось много немецких эшелонов. Нацисты контратаковали без конца. Лично М.М. Овчинников в том бою уничтожил несколько десятков гитлеровцев и подбил гранатами 2 танка. Во время пятой контратаки пуля попала ему в правую руку. Перетянув ее ремнем, М.М. Овчинников продолжал вести огонь. Только когда подошло подкрепление, его в бессознательном состоянии подобрали санитары.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм М.М. Овчинникову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В послевоенные годы колхозы Горловского района медленно и трудно восстанавливали расстроенную хозяйственную жизнь. Не все работники проявляли ответственную сознательность на доверенных им участках. При общей бедности не всем удавалось побороть соблазн добыть лишний жизненный ресурс незаконным путем. Но, встав на эту скользкую дорожку, таким людям приходилось волей-неволей сталкиваться с суровым советским законодательством. В 1946 г. за кражу мешка зерна в колхозе им. В.И. Чапаева жители Муравлянки Сидицын и Овчинников получили по 2 года тюремного заключения¹. В 1948 г. Горловский народный суд приговорил продавщицу муравлянского магазина П.В. Попову к 15 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах на 5 лет и конфискацией всего имущества за растрату. Председатель ревизионной комиссии Мерзляков за сокрытие растраты получил 8 лет с конфискацией². В 1949 г. Алексей Степанович Мухин за кражу овцы в колхозе им. В.И. Чапаева Муравлянского сельсовета был приговорен к 6 годам заключения со взысканием ущерба³. В том же году правлению колхоза «Память Панфилова» пришлось отвечать за бесхозяйственность – там было растратчено 7 тысяч рублей⁴.

В 1949–1950 гг. муравлянские колхозы «Память Панфилова» и им. А. Матросова вновь влились в колхоз им. В.И. Чапаева. Его хозяйство еще больше укрупнилось за счет присоединения колхозов «Память Чкалова» деревни Быковки Муравлянского сельсовета и им. В.Р. Менжинского деревни Львовки Львовского сельсовета. Общая площадь земли, обрабатывавшаяся укрупненным хозяйством, составила 5146 га⁵.

¹ Ленинская искра, № 52 (3 октября 1946).

² Ленинская искра, № 17 (26 февраля 1948).

³ Ленинская искра, № 146 (10 декабря 1940).

⁴ Ленинская искра, № 129 (25 октября 1919).

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 288, л. 1.

Еще 16 декабря 1947 г. в СССР была отменена карточная система снабжения продовольственными и промышленными товарами, в 1950 г. было осуществлено третье за послевоенное время снижение розничных цен. Однако и в 1955 г. в сельских районах страны сохранялись сложности со снабжением. Селькор В. Коняев сигнализировал в редакцию газеты «Сталинское знамя» о том, что «колхозы не могут приобрести в кооперативах дуги, цемент и другие материалы». В Рудинке в сельмаге часто висело объявление: «Уехал в Горлово за товаром». В Муравлянке и Катине в лавках не было соли и керосина¹.

В 1952 г. председателем колхоза им. В.И. Чапаева избрали Николая Ильича Жеребцова, фронтовика, бывшего еще до войны бригадиром. «Десять лет руководил хозяйством коммунист Жеребцов. А когда понял, что не хватает знаний, чтобы и дальше руководить крупным, многопрофильным хозяйством, попросил вновь дать ему возможность работать бригадиром комплексной бригады...» Вскоре, зная его добросовестность и принципиальность, сельчане избрали его председателем сельского совета².

На место Н.И. Жеребцова в 1962 г. заступил молодой, лучше подготовленный В.И. Митюрин. В традициях тех лет, к хозяйству приставили шефа – районное отделение «Сельхозтехники», а с 1963 г. в шефах колхоза числился совхоз «Липяговский», созданный в 1960 г. из шести колхозов. Председателем совхоза был в это время А.И. Захаров³. Как писала в 1963 г. скопинская газета «Ленинское знамя», «вначале он горячо взялся за шефство с соседом, поддерживал тесную связь, а теперь остыл». Молодой председатель, при поддержке колхозников, взял курс на благоустройство села и повышение культуры земледелия.

В 1965 г. председателем Муравлянского сельсовета был Степан Степанович Гусев. В это время в состав сельсовета входили село Муравлянка, деревни Быковка, Львовка и Брехловка. В Муравлянке действовали клуб, библиотека, восьмилетняя школа, магазин, медпункт⁴.

В 1968 г. газета «Ленинское знамя» описывала будни колхозной жизни в Муравлянке так: «Остановив довольно-таки потрепанный газик, председатель колхоза имени Чапаева Владимир Иванович Митюрин и секретарь партийной организации Николай Ильич Жеребцов подходят к трактористу Василию Ивановичу Овчинникову.

– В чем дело, Василий? Почему стоишь? – интересуется председатель.

– Нет минеральных удобрений. Сейчас их подвезут и работу продолжим. Вон уже показался трактор с туками...

Пока мы осматривали участок, на котором 7 мая посадили картофель, привезли минеральные удобрения. Машинисты Григорий Федорович Синицын и Исай Иванович Мухин быстро заполнили емкости картофелесажалки смесью калийных удобрений и суперфосфата. Тракторист повел агрегат по следу маркера...

– Расстояние от одного конца поля до другого больше километра, а как гряды положил, просто молодец этот Овчинников, – замечает председатель.

– А ну-ка, посмотрим, на какой глубине ложатся клубни.

Митюрин разгребает рукой одну из гряд. На глубине 10–12 сантиметров лежат клубни на расстоянии 30 сантиметров друг от друга и точно на бесконечной ленточке смеси минеральных удобрений.

– И тут ни к чему не придерешься. Молодцы!»⁵

¹ Сталинское знамя, № 113 (5 июня 1955).

² Ленинская искра, № 131 (19 октября 1963).

³ Ленинская искра, № 134 (16 ноября 1968).

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 416, л. 1.

⁵ Ленинская искра, № 53 (9 мая 1968).

Через неделю председатель сельсовета Н. Жеребцов объявил, что «по решению правления колхоза имени Чапаева в селе Муравляны началось строительство двухквартирных деревянных домов». В первую очередь жилплощадью планировали обеспечить специалистов, а затем всех, кто желал работать в хозяйстве¹.

Начало XXI в. ознаменовалось возрождением церковной жизни в Муравлянке. С 2000 г. действует приход церкви Св. Димитрия Солунского, проводятся восстановительные работы в пострадавшем от десятилетий запустения церковном здании. Храм считается действующим и числится по 2-му Скопинскому благочинию Рязанской митрополии. Его настоятелем является протоиерей Михаил Анатольевич Рящин.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Муравлянка вошло в Горловское сельское поселение. По данным Всероссийской переписи 2010 г. в нем в это время проживали 199 человек – 93 мужчины и 106 женщин.

---

¹ Ленинская искра, № 55 (14 мая 1969).

МШАНКА

село

(сельское поселение Ильинское)

Окрестности Мшанки богаты памятниками археологии. Еще на изданной в 1734 г. карте Азовской губернии, в которую в то время входили скопинские земли, составленной геодезистами К. Бородавкиным и Н. Сумароковым по итогам съемок 1718–1728 гг., на берегу р. Верды к юго-западу от села отмечено «пустое городище каменево (каменное?)» (*poustoe gorodichutche kamenevo*). Видимо, это находящееся и сейчас 1 км к юго-западу от западной окраины современного села «Городище-1», описанное Н.В. Любомудровым (1874), Н.П. Милоновым (1928) и А.Л. Монгайтом (1961). Оно лежит на всхолмлении левого берега р. Верды и представляет собой овальную в плане площадку размерами ок. 50 x 25 м. С севера и с востока сохранились остатки дугообразного вала высотой 0,6–1,8 м при ширине в основании 6–8 м, имеющего проем шириной 2–3 м (видимо, след въезда на площадку). Н.П. Милоновым были отмечены также следы рва. Культурный слой на площадке не выявлен, находки отсутствуют. На обрывистом склоне, обращенном к р. Верде, обнаружены крупные известковые камни. Н.П. Милонов и А.Л. Монгайт отнесли городище к древнерусскому времени. Советский археолог Б.А. Фоломеев высказывал предположение о принадлежности памятника к укреплениям Большой Засечной черты.

Около 2,5 км в северо-западном направлении от окраины села и 0,8 км к северо-востоку от станции Мшанка на левом коренном берегу р. Верды находится «Городище-2». Оно занимает округлую площадку размером 48 x 40 м, окруженную с трех сторон остатками полукольцевого вала высотой 0,7–1 м при ширине в основании до 8 м. Западный склон к пойме эскарпирован. В восточной части на протяжении около 20 м вал отсутствует. Культурный слой здесь также не был выявлен, каких-либо находок сделано не было. Этот памятник Н.П. Милонов и А.Л. Монгайт также относили к древнерусскому времени, причем А.Л. Монгайт предположил, что это место являлось убежищем для жителей окрестных сел во время опасности. Б.А. Фоломеев не исключал принадлежности и этого памятника к укреплениям Большой Засечной черты.

Оба селища («Селище-1» находится в 1 км к юго-западу от окраины Мшанки, «Селище-2» – в 2,3 км к северо-востоку от села) датируются XIV–XVII вв. В культурном слое обоих были обнаружены обломки позднесредневековой гончарной керамики, в т. ч. белоглиняной, а на «Селище-2» – железный наконечник бронебойной стрелы.

Наконец, Н.П. Милонов в 1928 г. описал находившийся близ села на левом берегу р. Верды курган, отнесенный им к кочевническим памятникам¹.

Обилие археологических объектов в окрестностях, видимо, сказалось и на местных легендах и преданиях. Например, некоторые окрестные жители и сейчас верят, что на островке р. Верды в урочище Сорочий куст в давние времена разбойниками был зарыт большой клад.

---

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. 1996. С. 119–120.

Основание села Мшанки относится ко 2-й половине XVII в. О нем И.В. Добролюбов сообщает: «Село Мшанка, находящееся при р. Верде на дороге, ведущей из Скопина в Епифань, “выселилось”, как замечено в окладных книгах 1676 г., “из села (деревни) Чертового внове, а церковь Божия построена в нем в прошлом во 183 (1675) году”. При новопостроенной Космодамианской церкви первоначально состояло “церковных пашни десять червертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на 80 копен, а в приходе 31 двор крестьянский, 3 двора бобыльских и всего 36 дворов, включая в то число 2 двора поповых”¹.

В упомянутой в документе деревне Чертовой (от слова «черта») по переписной книге 1646 г. был 61 крестьянский двор. В 1675 г. половина ее крестьян выселилась, в ней остались “тридцать один двор крестьянских, три двора бобыльских”². После этого Чертовая в документах более не упоминается. Судя по своему названию, эта деревня, располагавшаяся где-то на границе вотчины бояр Романовых, с 1654 г. ставшей Скопинской дворцовой волостью, стала жертвой распоряжений царя Алексея Михайловича о дальнейшем становлении дворцового пашенного хозяйства. Вводя в 1663 г. в Скопинской дворцовой волости десятинную пашню, царь наказывал: «...А поля бы все учинить от скопинских пашень особо»³. Это требование привело к тому, что если существовавшие на момент реорганизации пашенных полей селения мешали их расположению в соответствии с царским наказом, то их сносили, землю распахивали, а крестьян переселяли в другие места. О Космодамианской церкви во Мшанке И.В. Добролюбов продолжает: «Дани с нея, по окладу 1676 г., положено “рубль двенадцать алтын три денги. А преж сего с тое церкви дани не было... и поп данные денги с тое церкви платил Скопина-города с Пятницкими попами сопча для того, что приход был один преж сего их, Пятницких попов”. Под 1681 г. при Космодамианской церкви значится только один двор попов...»⁴

В 1675 г. жители Мшанки запахивали на царя 21 дворцовую десятину в одном поле. Ежегодно к царскому двору местные крестьяне поставляли свиного мяса – 31,5 пуда, 21 барана, 21 гуся, 42 утки и 31 сушеную курицу⁵. Отправлялась птица, в частности, куры, не только сушеной или в зимнее время – битой и потрошеной, но и живой, причем в больших количествах. Например, в 1664 г. «мая в 10 день по отписке с Скопина воеводы Дениса Остафьева куплено на Скопине и прислано к Москве 4000 кур живых, и те куры маяя ж в 11 день по указу великого государя отосланы в Домодедовскую волость к Андрею Мерчукову, и велено их роздать крестьяном сел Домодедова и Ермолена и деревни Лопатины <...>, и крестьяном приказано беречь тех кур накрепко, чтоб в завод были прочны». Однако скопинский целовальник Ивашка Плужников с товарищем довели до места лишь 3318 кур, так как подрядчик Трофимка Моксеев Овошкин вместо того, чтобы отправить их в двух стругах, отправил в одном, а целовальники Ивашка Плужников и Стенька Васильев своим нерадением тех кур в дороге поморили». История закончилась тем, что царь велел «доправить» недостачу «на скопинцах-выборных людех, которые выбирали целовальников»⁶.

По переписным книгам 1710 г. в селе Мшанке было 77 дворов крестьянских и 7 солдатских. С 1732 г. и вплоть до отмены крепостного права мшанские крестьяне были при-

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 204.

² Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков]. Рязань: Александрия, 2004. С. 361.

³ Заозерский А.И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917. С. 99.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 204.

⁵ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 148, 714.

⁶ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. СПб., 1907. С. 1063–1068.

писаны к дворцовой Конюшенной канцелярии, являясь, таким образом, государственными конюшенными или коннозаводскими крестьянами. Имена некоторых из них – Филиппа Ходакова, Насона Еремина, Ивана Каркова, Трифона и Ивана Никоновых, Агапа Воронина, Макара Балашова – известны по документам о взыскании коннозаводским начальством недоимок по хлебу ввиду «недомолота» урожая десятинной пашни за 1733–1756 гг.¹ Иногда разбирательства начинались многие годы спустя после самого факта недоимки, т. к. крестьяне длительное время не имели чем возместить недостачу, Конюшенная канцелярия ежегодно требовала от управителей погашения задолженностей. В 1740 г. мшанский хлебоустроитель Никита Андреев на допросе в Скопинской канцелярии так объяснял свою давнюю недостачу: «...В прошлом-де 733 году дозорщик Прокофьев по обмолочении на опыте десятинный овес отдал ему не подсеив, а при высылке в Москву на Провиантский двор, велел тот овес подсеять и что высеетца, вместо того велел давать крестьянам ис казенной житницы чистого овса, и в то время высеял рыжику и всякого сора четыре четверти, в четвериках $\frac{1}{16}$, и вместо оногo досыпал чистогo»². Впрочем, мшанские крестьяне ходили в должниках и по поставкам сена на казенные конюшенные дворы. «По укусу» 1756 г. на них в доимке числилось больше, чем на жителях других сел волости: 51 копна, 44 пуда и 8 фунтов. За недопоставку сена в 1758 г. с мшанских крестьян также было взыскано 93 рубля 18 копеек, а со всех крестьян волости – 1234 рубля 90 $\frac{1}{2}$ копейки»³.

В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., о селе Мшанке сообщается: «...По последней ревизии 84 двора, 252 души мужского и 218 женского пола. Лежит реки Верды на левой и безымянного оврага на правой сторонах и по обе стороны речки Мшанки, на коей пруд, церковь деревянная Успения Пресвятой Богородицы»⁴. На карте (чертеже) Генерального межевания село изображено лежащим по обе стороны р. Мшанки при ее впадении в р. Верду. На правом берегу Мшанки стояли два порядка крестьянских домов, которые подступали непосредственно к берегу Верды. Между ними и перед строениями находились огороды. На левом берегу Мшанки, против центра села, находилась церковь, отстоявшая от берега речки на 70–90 саженей (150–192 м). При церкви стояли 3 двора с небольшими огородами – видимо, дома причта. Местность вокруг села была открытой, луговой и, судя по всему, богатой водой. Выше села в р. Мшанку впадали 8 безымянных ручьев»⁵.

Как сообщает И.В. Добролюбов, «в 1832 г. бывшая в Мшанке деревянная церковь была распространена, в то же время вместо обветшавшей совершенно колокольни поставлена была новая. В 1845 г. ветхий иконостас заменен новым, а стены украшены живописью»⁶. С XVII в. в сельском храме служили священники Косма (в 1676–1685 гг.), Иоанн (в 1676–1691 гг.), Андроник Иоаннов (с 1685 г.), Софония Космин (с 1691 г.), Кирилл Тихонов (упоминался в 1734 г.), Кирик (упоминался в 1744 г.), Феодор Игнатиев (в 1792–1813 гг.), Игнатий Петров (в 1813–1834 гг.), Иоанн Космин Насилов (в 1834–1870)»⁷.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что за прошедшее с 1779 г. время Мшанка заметно расширилась в северном и восточном направлениях. В селе было 180 дворов. Гео-

¹ РГАДА. Ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34650, л. 88.

² РГАДА. Ф. 1239, оп. 47, д. 8, лл. 240 об-241.

³ РГАДА. Ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34650, лл. 102 – 102 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 14; д. 1241, л. 5.

⁵ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 1, В-32 кр.

⁶ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 204.

⁷ Там же. С. 205.

графическим центром Мшанки стала Космодамианская церковь. Речка Мшанка обмелела и превратилась в ручей. На его правом берегу за западной околицей села стояли 2 ветряные мельницы. На реках и ручьях в окрестностях Мшанки действовали 4 водяные мельницы¹.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., во Мшанке насчитывалось 157 домохозяйств государственных душевых крестьян, население села составляли 824 мужских души и 821 женская².

После отмены крепостного права в 1861 г. в Скопинском уезде были организованы волости помещичьих и государственных крестьян³. Мшанка вошла в состав Павелецкой волости. Тогда же в селе было открыто первое в его истории образовательное учреждение – церковно-приходское училище от местного крестьянского общества. Оно помещалось в доме приходского священника. Средства для содержания училища и на жалование наставнику предоставлялись Палатой государственных имуществ. В 1866 г. в училище обучался 71 мальчик⁴.

Мшанские крестьяне занимались преимущественно хлебопашеством. Дополнительный доход нескольким семьям приносили «промышленные заведения»: в 1868 г. при селе упоминаются 2 водяные и 3 ветряные мельницы⁵.

В 1875 г. Павелецкую волость Скопинского уезда ревизовал анонимный представитель Рязанского губернского земства. В своем итоговом отчете он сообщал, что в селе в это время, по данным метрических книг приходской церкви, проживали 848 мужчин и 953 женщины. Представитель земства констатировал: «В 1870 г. была холера: в с. Павельце умерло человек 30, и столько же умерло в селах Мшанке и Хворощевке; доктор в то время бывал часто в с. Павельце, но в Мшанку и Хворощевку не ездил»⁶.

Ревизор застал остатки действовавшей в коннозаводской волости системы хранения запасов зерна на случай неурожая. Он писал: «В Мшанке два амбара тех же размеров и того же устройства, сохранившиеся несколько лучше (чем в Павельце. – *Примеч. авторов*), хлеба оказалось 48 четв. ржи и 2 четв. 4 меры овса, т. е. то самое количество, которое значится и по счетам управы. Крестьяне рассказывают, что хлеба было недавно – года 2–3 назад, много, но он был разобран волостным начальством и пропит»⁷.

Говоря об упадке противопожарной безопасности в волости после выхода ее селений из управления коннозаводством, представитель губернского земства отмечал: «В селе Мшанке есть особое помещение, называемое *сборна*, в этой сборне под навесом в виде лабаза <...> стоят остатки заведенных коннозаводством инструментов: изломанная труба без рукавов лежит на земле, 2 бочки, одна совершенно разошедшаяся, а в другой на ¼ воды, багров и рычагов нет; были – говорят – да распропали»⁸.

В период пребывания в селе представителя губернского земства местные крестьяне Сергей Васильев Карпов, Федор Андриянов, Тимофей Максимов, Михаил Тимофеев, Иван Гри-

¹ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 26.

³ Ранее, в соответствии с указанием Сената от 7(18) августа 1787 г. в уезде был образован округ из пяти казенных волостей: Дмитриевской, Корневской, Новоалександровской, Казинской и Павелецкой. В Павелецкой оказалась Мшанка.

⁴ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 236–237.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 610–611.

⁶ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. М., 1877. С. 436.

⁷ Там же. С. 436.

⁸ Там же. С. 439.

горьев, Григорий Тимофеев, Иван Тимофеев, Даниил Максимов Ильин, Карп Федоров, Сергей Кондратьев обступили его «с мольбами на недопущение их старшиною к учету своего сельского начальства, которое, имея под рукою целую партию бобyleй (безземельных крестьян. – *Примеч. авторов*) и мироедов, готовых всегда составить какие угодно приговоры за ведро водки, пользуются, кроме жалования, участками лучшей общественной земли»¹. Также ему было сообщено о том, «что во время прошлого рекрутского набора было особо собрано с души по 15 копеек, всего 488 руб. 40 коп.; деньги эти обществом были переданы <волостному> старшине Крючкову для выдачи новобранцам награды и на другие расходы, но новобранцы наградою не удовлетворены, и отчета в расходе этих денег до сего времени не отдано»². К сожалению, остается неизвестным, повлекла ли жалоба мшанцев какие-либо последствия для павелецкого волостного старшины.

Земский ревизор также сообщил о важной статье доходов Мшанского сельского общества – каменоломнях по добыче мельничного камня: «Если от <Павелецких> каменноугольных шахт ехать к с. Мшанке по левому берегу р. Верды, то на пути в 1 версте от села производится разработка другого минерального богатства Павелецкой волости – жернового камня.

Мшанские крестьяне сначала принялись было сами за ломку, но нашелся съемщик, который после весьма убедительных приемов у говорил стариков отдать ему на аренду эту местность, и, поладив (за какую цену – я добиться не мог) с стариками, не сам приступил к работе, а передал ее г. Рыкову. 2- и 3-аршинный каменный толщ песчаника залеж сплошной массой в бугре. Он близ берега покрыт от 1-й до 2-х сажень земли, и по мере удаления от берега слой земли, покрывающий эту массу, утолщается; поэтому и местность занята для разделки не вдали от берега. Когда обнажится от земли каменная залеж, то легко замечается, что она имеет трещины, пересекающие одна другую по разным направлениям, разделяя площадь на куски разной величины, преимущественно же от 2 ½ до 3 аршин в поперечнике. Первоначально залеж эта просверливается трехгранным буром, который вместе с поворотом вбивается вниз. Пройдя всю толщину камня, бур вынимается, и в отверстие сыплют порох, от 10 до 20 фунтов, и затем вставляют в это отверстие тонкий железный шомпол. Пространство между стенами отверстия и шомполом забивается сначала мелким щебнем, а потом едва сырою глиною, стараясь, чтобы она легла как можно плотнее; дойдя до поверхности, шомпол осторожно вынимается, и тогда вместо довольно широкой скважины в 1 верш. в диаметре образуется тонкая затравка, в которую сыплют порох, пока она наполнится. От этого пороха проводится 3 аршин. фитиль из пеньки, налитанный селитренным раствором, который загорается, и пока он стогит и сообщит огонь пороху, рабочие уходят и скрываются в безопасные места до тех пор, пока последует взрыв. Взломав таким образом цельное место, дальнейшая ломка производится ручными инструментами и коловоротом силой лошади. Средняя часть пласта, более твердого и плотного качества, а как толщина камня достигает до 3-х аршин, то каждый такой камень перерезается пополам, деля плотную часть пополам для обоих камней, после чего принимаются за округление стен камня, придавая ему форму круглого жернова; для этого вместо циркуля употребляют простую ветловую палку, согнутую в виде дуги. Всего работающих на этой каменоломне бывает от 20 до 30 каменщиков. В год выделяется от 200 до 300 камней. Местная цена 6 четверт. в диаметре камня 25 руб., 7 четверт. 50 руб., лучшего

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. М., 1877. С. 440–441.

² Там же. С. 441.

достоинства достигает до 90 руб.; впрочем, местная торговля ими незначительна, а больше их покупает Губонин¹ и доставляет для сбыта в Нижний Новгород.

Бывший павелецкий старшина Кормилицын, имеющий собственную мельницу, сказывал мне, что в прошлом году купил пару камней на свою мельницу, которые оказались вполне удовлетворительными. Камни, которые по малой величине своей или форме не годятся для жерновов, переделываются в докольные и продаются на мостовые сооружения железной дороги, совсем же мелкие камни употребляются для баласта рельсового пути и на мостовую»².

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. во Мшанке, «селе бывшем государственном», находившемся при р. Верде, насчитывалось 359 дворов и 2080 жителей. В селе действовала православная церковь³. Известно имя одного из старост мшанского прихода этого времени. В 1863–1879 гг. им был местный крестьянин Ульян Леонтьев.

В 1870 г. на освободившуюся вакансию в приходе села Мшанки был назначен молодой священник Василий Никандрович Караулов. В этом же году, по свидетельству И.В. Добролюбова, была «начата постройкою существующая ныне каменная <...> Космодамианская церковь с приделом Никольским, в котором только в настоящее время (в 1884 г. – *Примеч. авторов*) и совершается богослужение. При ней церковной земли состоит 35 десятин (38,2 га), на что имеется план и межевая книга. В приходе при 274 дворах числится мужского пола 999, женского пола 1069»⁴.

По переписи населения 1882 г. в селе Мшанка было 274 домохозяйства, в которых проживали 1010 мужчин и 1001 женщина. Из них грамотными были 50 мужчин, 2 женщины и 1 мальчик. Средний надел на ревизскую душу составлял 3,6 десятины (3,9 га). Земля при селе была на треть черноземной, остальная – глинистой и песчаной. Сельское общество владело еще 95 десятинами (103,8 га) в Сапожковском и Рязском уездах Рязанской губернии. Безземельных крестьян среди домохозяев не было. 49 дворов села обходились без лошади и коровы, просто безлошадными были 90 дворов. В селе стояли 11 каменных домов и 246 деревянных изб, лишь один дом имел тесовую крышу, все остальные – соломенные. При крестьянских жилищах имелось 47 заборных дворов, 206 плетневых, 99 горниц и клетей, 133 амбаров и сараев, 210 риг и овинов. Местными промыслами занимались 43 семьи, около 230 мужчин числились в отхожих промыслах. В селе действовали 6 промышленных предприятий, кабак и 4 лавки. До 1876 г. из Мшанки выселились 45 крестьянских семей⁵.

Поджоги риг с урожаем, сараев или стогов сена, а иногда и крыш жилых домов были частым способом выяснения отношений в крестьянской среде. Такие случаи отмечались и в Мшанке. В 1876 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали о том, что «8 октября Скопинского уезда, в селе Мшанка, сторело, будто бы от поджога, 3 крестьянских риги с хлебом; убытка понесено на 1900 руб. В поджоге подозреваются крестьянин Кирилл Ларионов с сыном Григорием, рядовой Антон Федоров и заштатный причетник Семен Дроздов»⁶. 31 мар-

¹ Губонин Петр Иванович (1825–1894) – купец 1-й гильдии, строитель железных дорог, предприниматель и благотворитель.

² Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. М., 1877. С. 445–447.

³ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 329.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 205.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 26–31.

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 90 (13 ноября 1876).

та (12 апреля) 1882 г. «Скопинского уезда в с. Мшанке сгорело от неизвестной причины 2 крестьянских дома с надворными строениями; убытка понесено на 600 руб.»¹ 21 апреля (3 мая) того же года в селе «сгорела от неизвестной причины крыша на крестьянском доме, убытка понесено на 50 руб.»². Возможно, отголоском двух последних сообщений является следующее, появившееся почти 10 лет спустя: «С участием присяжных заседателей 6 (18) ноября 1891 г. было назначено к слушанию [дело] о крестьянине с. Мшанки Скопинского уезда Акинфий Иванове Щукине (он же Трушечкин), 62 лет, обвиняемого по 2 ч. 1609 ст. Уложения о наказаниях (за учиненный с умыслом поджог нежилых строений в близком с другими обитаемыми)»³.

В 1885 г. в селе Мшанка по инициативе местного сельского общества было основано земское училище. Продолжительность обучения в нем составляла 3 года. В 1885/1886 учебном году, который начался только 11 января и закончился 10 мая, в двух группах обучались 65 мальчиков и 5 девочек в возрасте от 9 до 13 лет. В подавляющем большинстве это были дети крестьян, лишь 2 девочки происходили из семей священнослужителей Космодамианской церкви. Плата за обучение в земской школе не взималась. Само школьное здание – деревянное, с 7 окнами и под тесовой крышей – имело площадь 104 кв. аршина (50,6 кв. м) и отапливалось при помощи двух печей. Крестьяне расходовали около 150 руб. в год на отопление, содержание сторожа, ремонт и страхование. Общие затраты на школу составляли 394 руб. в год. При школе имелась библиотека, но была она до смешного мала – всего 19 книг. Квартира учителя также располагалась в самом школьном здании.

Посетивший мшанскую школу с проверкой в 1887 году представитель земства М.И. Загряжский отмечал: «Помещение тесное, ветхое, недостаточно хорошо ремонтируется, отопляется исправно. Всех учеников 73, девочек 5. Ответы мальчиков всех трех отделений по Закону Божьему хороши, читают хорошо, задачи решают свободно, диктант старшее отделение пишут без грубых ошибок. Представлены к экзамену 8, все выдержали»⁴.

Запись о ревизии земской школы во Мшанке в 1893 г. довольно лаконична, но, судя по ней, с преподаванием все обстояло хорошо: «Учеников в школе 69. Учителем состоит окончивший курс в рязанской духовной семинарии Глазунов, законоучителем и попечителем над школой – священник Караулов. К экзамену, произведенному инспектором народных училищ, были представлены 5 учеников, из которых не выдержал один»⁵.

В 1902 г. попечителем школы был священник В.Н. Караулов, учителями – Михаил Васильевич Давыдов и Н.И. Давыдова⁶.

В сентябре 1900 г., к началу движения на Павелецком направлении Рязано-Уральской железной дороги, в 4 верстах от села открылась станция Мшанка. В 1911–1914 гг. ее начальником служил крестьянин Николай Никитич Соколов. Помощником начальника станции в 1911–1912 гг. был мещанин Николай Николаевич Рогов, в 1914 г. – Владимир Терентьевич Стасенко⁷.

¹ Рязанские губернские ведомости, № 29 (24 апреля 1882).

² Рязанские губернские ведомости, № 38 (26 мая 1882).

³ Рязанские губернские ведомости, № 8 (30 января 1891).

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XXIII 1887 года созыва. Скопин, 1888. С. 16.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XXIX 1893 года созыва. Скопин, 1894. С. 95.

⁶ Сборник статистических сведений по рязанской губернии., Т. XII, Рязань, 1889. С. 8–13, 24. Сведения о начальных училищах в 1902 году, Тип. Благих., 1904. – С. 44.

⁷ Рязанский адрес-календарь на 1911 г. Рязань, 1911. С. 648.

В сведениях о фабриках и заводах в Скопинском уезде за 1893 г. при селе Мшанке Павелецкой волости упоминаются следующие предприятия: ветряные мельницы крестьян Агапа Миронова и Федота Кострецова, водяная мельница сельского общества крестьян сел Павельца и Мшанки, просорушки крестьян Агапа Миронова и Ивана Солотина, кузница крестьянина Александра Алексева, каменоломня скопинского купца Ивана Ивановича Шестакова. Последнее предприятие производило в год до 100 мельничных жерновов и до 150 кв. сажней (680,5 кв. м) докольного камня. Для обработки сырья использовался конный двигатель. Работы под руководством приказчика производили 30 наемных рабочих из окрестных селений, ежемесячно зарабатывавшие от 8 до 15 руб.¹

Несмотря на низкие доходы большинства сельских жителей, мшанские крестьяне не забывали о благотворительности. Так, в 1900 г. прихожане Космодамианской церкви собрали 889 руб. на отливку нового колокола, весившего 52 пуда (8,3 ц)². Вместе с тем, помимо официального православия, в крестьянской среде пользовались успехом и альтернативные религиозные течения. В 1905 г. газета «Рязанский вестник» сообщила: «В Скопинском уезде недавно обнаружено появление новой секты. Некоторые крестьяне сел Мшанки, Павельца, Хворощевки, Боршевого и Чернавы 5–6 (18–19) февраля принесли свои домашние иконы в церковь и просили священников принять их, так как они более не считают себя принадлежащими к православной церкви. Свою общину сами сектанты назвали «Новый Израиль». По основному содержанию своего учению секта эта – рационалистического характера. В ее образовании заметно влияние хлыстовства, а может быть – и ереси субботников. Учение субботников крестьяне села Мшанки, где впервые появилась ересь «Нового Израиля», могли заимствовать из Ялты, куда они обычно уходят на заработки. Израильяне усвоили из рационалистических сект (в округе есть штундобаттизм) отрицание таинств, иерархии, иконопочитания, храма, обрядов. В отрицании некоторых пунктов учения церкви они зашли далее штундистов и молокан»³.

В 1900 г. на линии Москва – Павелец Рязано-Уральской железной дороги была открыта станция Мшанка. В описании, датированном 1913 г., о ней сказано: «230 верст от Москвы, в Скопинском уезде. Станция в 4 верстах от села Мшанки, имеющего 3000 жителей, при р. Верде. Деятельность станции незначительна, в районе ее нет частновладельческих хозяйств, и крестьянское население занимается земледелием в небольших размерах. Главное занятие населения – отхожий промысел для добывания торфа»⁴.

В 1905 г. в селе Мшанке было 384 двора, в которых проживали 1277 мужчин и 1356 женщин. В селе в это время отмечены каменное здание Космодамианского храма, земская школа, «как по новизне постройки, так и по своему положению на открытом, светлом месте» считавшаяся одной из лучших в Скопинском уезде, а также 2 ветряные мельницы. При селе также работала водяная мельница, на которой трудились 5 мужчин и 2 женщины⁵. По сведениям за 1908 г., мшанские ветряные мельницы по-прежнему принадлежали крестьянам Михаилу Федотовичу Кострецову и Сергею Агаповичу Миронову⁶. Как и прочие промышленные пред-

¹ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 23 об – 25 об.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 8 (15 апреля 1900 г.). С. 178.

³ Рязанский вестник, № 38 (11 августа 1905).

⁴ Рязанско-Уральская железная дорога и ее район. СПб.: Правление О-ва Рязан.-Урал. ж. д., 1913. С. 92.

⁵ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 638–639; Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XL созыва 1904 года. Скопин, 1905. С. 63.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года. Скопин, 1909. С. 214.

приятия, мукомольные мельницы облагались промысловым налогом в пользу уездного земства. При низких урожаях зерновых вследствие недорода и при появлении конкурентов доходы мельников падали. Именно в таком незавидном положении оказался в 1910 г. мшанский мельник М.Ф. Кострецов. В прошении Скопинскому уездному земству он писал: «...В селе Мшанка я имею ветряную мельницу, за которую в сем году с меня положено взыскать промышленного налога боле 23 руб. Таковой налог я нахожу несоответствующим, так как в нашем селе имеется двигатель в 12 сил, а также и урожай ржи в нашем месте средственный»¹. Видимо, лучше шла в селе мелкая торговля, в особенности бакалейная. С 1913 г. во Мшанке работала чайная лавка крестьянки Елены Савельевны Серegiной².

Длительное отсутствие мужчины-работника в связи со службой в Русской императорской армии (4 года) или мобилизацией для участия в боевых действиях также пагубно сказывалось на слабой экономике крестьянских хозяйств. Жители Мшанки А.Е. Маркин и К.В. Галкин, мобилизованные в 1904 г и участвовавшие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., по возвращении в родное село долго не могли встать на ноги. В 1912 г. скопинский податной инспектор по соглашению с земским начальником 5-го участка возбуждал ходатайство о сложении с ветеранов окладных поземельных сборов на том основании, что «крестьяне, ввиду полной их необеспеченности, находятся в весьма затруднительном положении»³.

Распространение эпидемических заболеваний вследствие общей антисанитарии и отсутствия элементарной медицинской помощи были обыденными явлениями в дореволюционной Мшанке. По данным земства, только в 1906–1907 гг. брюшным тифом в селе переболели 48 человек. В 1907–1908 гг. это заболевание перенесли уже 75 сельских жителей. Но такой уровень заболеваемости еще не считался эпидемической вспышкой, воспринимался как предельно допустимая норма, поэтому в Скопине решили не обращаться к Рязанскому губернскому земству с просьбой о командировании во Мшанку фельдшеров и эпидемиологического отряда⁴.

В 1908 г. во Мшанке насчитывалось 3072 жителя, из них 276 детей школьного возраста (8–11 лет). Однако позволить себе обучение ребенка в земской школе могли родители лишь 164 детей⁵. Немало усилий ради развития народного образования в селе приложил приходской священник Василий Никандрович Караулов, служивший во Мшанском приходе с 1870 г. В 1910 г. «за службу по гражданскому ведомству» почтенный священнослужитель был награжден орденом Св. Анны 3-й степени⁶.

В 1914 г. священник В.Н. Караулов по-прежнему возглавлял приход Космодамианской церкви⁷. Согласно клировой ведомости, в 1914 г. к церкви были приписаны 2,5 десятины (2,7 га) земли усадебной и 26,5 десятины (ок. 29 га) – пахотной. При храме действовала библиотека, в которой имелись 105 книг духовного содержания. В приходе работали две зем-

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. Скопин, 1911. С. 205.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. Скопин, 1914. С. 562–563.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. Скопин, 1913. С. 218.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года созыва, Скопин, 1909. С. 372.

⁵ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 36–37.

⁶ Рязанские епархиальные ведомости, № 11 (июня 1910 г.). С. 388.

⁷ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г., Рязань 1914. С. 447.

ские школы – трехкомплектная, открытая в 1885 г., и двухкомплектная, открытая в 1912 г. Всего в селе было 396 дворов, а население составляли 1426 мужчин и 2572 женщины¹.

В начале XX в. окончательно устоялась внутренняя топонимика Мшанки, оставшаяся неизменной до 1950-х гг., а неофициально бытовавшая и много позже. Известны следующие названия порядков крестьянских домов села: Колосков, Лупенов, Большой (видимо – его историческое ядро), Заречка, Кострецов, Хлобышев и Лучев².

В 1917 г. в селе Мшанке Павелецкой волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 529 крестьянских дворов, в которых проживали 1775 мужчин и 1774 женщины³.

В 1918 г. в селе был образован комитет бедноты, просуществовавший почти до конца года, а осенью – Мшанский сельсовет. Поначалу господствующее положение в нем, как и в дореволюционных органах власти, заняли состоятельные жители села. Прошедшие в начале 1919 г. перевыборы заметных перемен не принесли. Мшанский селькор, писавший под псевдонимом «Гражданин», сообщал скопинским уездным «Известиям»: «Здесь произошли неправильные перевыборы в сельский совет благодаря присутствию темной компании, которая своим красноречием туманит голову темному крестьянству. Так, например, есть здесь некий офицер, который старается показать себя сторонником советской власти, но по его действиям можно судить, что он за птица. При выборе в советы он сыграл в руку местным промышленникам. Будучи председателем собрания, он допустил открытую балотировку кандидатов в члены совета. У нас в селе более трех тысяч, из которых имеют право голосовать около тысячи трехсот человек: собрание же было открыто при 200 избирателях. Явно же не было кворума, присутствовавший здесь председатель волости, видно, не учел этого, да и протокол выборов был послан в волостной совет, где, как видно, тоже не учли этого обстоятельства, ибо перевыборов назначено не было. Результаты выборов, как и нужно было ожидать, оказались плачевными для бедноты: прошли в совет четыре предпринимателя, имевшие свои ветряные мельницы. Нужно думать, что они ничего не могут, да и не захотят сделать для бедноты. Прошел также и бывший председатель комитета бедноты Чекваскин (сторонник сильных мира сего), кулак, который награждал в первую голову тех, кто его хорошо благодарил и дела которого никогда никем не контролировались. Выбран также утирать слезы бедноте и мельник Кострецов, который в первые же дни своего царствования стал указывать бедноте на дверь. Нужно было бы товарищи предпринять какие либо меры для прекращения таких нежелательных явлений»⁴.

О дискуссиях, которые разворачивались между представителями разных поколений одной семьи жителей села в первые годы советской власти можно судить по заметке уроженца Мшанки В.В. Зотова, озаглавленной «Дед любитель и обожатель старого режима». Автор, служивший в РККА и участвовавший в Гражданской войне, сообщал: «Получив по болезни отпуск, я приехал из Тамбова в свою деревню Мшанку Рязанской губернии Скопинского уезда и привез с собой 30 шт. газет «Тамбовские известия», в которых было описано вскрытие мощей чудотворца Питирима. На другой день приходит к нам в дом родной дед (бывший «фараон» г. Скопина и 12 лет судивший в Павелецком волостном правлении виновных и невиновных). Поговорив немного, я показал ему газету и указал на то, как царь,

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 587.

² Ленинская искра, №11 (26 января 1950).

³ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 149.

⁴ Известия № 19 (27 марта 1919).

пользуясь темнотой, одурачивал и грабил бедняков. “Вы теперь больше грабите в Красной Армии, вы отнимаете последний кусок хлеба”, – ответил мне дед. На это я ему сказал, что я прослужил в Тамбове 14 месяцев и не взял ни одной крошки хлеба, а выступал и участвовал в подавлении белой гвардии и казаков в Тамбове, Шацке, Вольске и Борисоглебске, но что касается того, что в нашу среду попали темные элементы, то мы их уничтожаем и скоро совсем уничтожим. Это вы служили в “фараонах”, обирали людей и брали взятки. Услышав слово «фараон», мой дед вскипятился и тут при всех моих родных начал обзывать меня и всю советскую армию грабителями, обиралами, хулиганами и шкурниками. Я тут приказал деду выйти вон из дома. У нас в роду только двое таких ненавистников советской власти и Красной Армии: этот дед, да еще дядя Максим Сельверстович. Первый при дурачке-Николае, был “фараоном” и судьей, почему его каждый боялся как черта, а при этом правительстве ему пришлось чистить отхожие места на станции Павелец Сызрано-Вяземской ж.-д. Второй отобрал в Петрограде у своего безногого брата ломовых лошадей, до войны имел до двадцати работников, которым ежедневно отпускал оплеух, сколько влезет, и прогонял с работы без всякого расчета. Приехав в деревню, он купил себе дом и за 6 тысяч корову, поставил на коммод граммофон и попивает чаек с молочком... Обидно и досадно смотреть на таких родных. И эти распивающие чаек с молочком кричат, что большевики не сделали ничего хорошего и при царе жилось лучше, было денег полон карман и люди боялись... И если я еще раз услышу от тебя что-нибудь, то тогда, дед, от тебя останется одна копия»¹.

В условиях хозяйственной разрухи и слабости новых властей в Скопинском уезде подняли голову преступные элементы. От грабителей могли пострадать не только сельские богачи, но и жители среднего достатка. В ночь на 3 сентября 1918 г. в селе Мшанке у гражданина Федора Осиповича Самоходкина была совершена кража «со взломом замка из кладовой». Украдено: сахара – 20 фунтов, коробка туалетного мыла – 20 фунтов, 20 пар чулок бумажных, разных цветов, никелированный самовар емкостью 15 стаканов, фарфоровой посуды – 40 шт., столовых ножей и вилок – 10 шт., валяные сапоги – 2 пары, разного белья носильного, полотняной и бумажной ткани – «количеством неизвестно», кредитными деньгами – 50 рублей, а всего похищено на 400 рублей. «Подозрение было заявлено» на граждан села Мшанки Михаила Ястребкова и Дмитрия Трушечкина².

В сентябре 1919 г. некто И.Н. Живчиков сетовал на страницах скопинской газеты «Власть труда» на бездействие волостной милиции: «В с. Мшанка воры остаются безнаказанными благодаря волостному милиционеру тов. Благих. Был случай кражи колес с общественной подводы. Колесы эти нашли у Тихона Абрамкина, который и был арестован. На другой день тов. Благих выпустил его, объяснив, что он взял его на поруки. Прошло уже 4 месяца – гр. Абрамкин живет себе преспокойно. Интересно знать, отослан ли протокол о краже колес в народный суд? Был другой случай кражи с березняговской мельницы нескольких мешков ржи и муки. Краденное было обнаружено в соломе на гумне у гражданина с. Мшанка М. Калинин под кличкой “Земский”, который и был арестован. Но в скором времени он был освобожден опять под расписку, выданную тов. Благих. Любопытно знать, имеется ли в народном суде дело и об этой краже? Как видно, тов. Благих, делая поощрение самогонщикам, поощряет и воров»³. Видимо, советский милиционер Благих руководствовался вековым крестьянским правилом – «своих односельчан не выдавать».

¹ Известия, № 19 (27 марта 1919).

² Известия, № 7 (9 октября 1918).

³ Власть труда, № 53 (17 сентября 1919).

Деятельность новой власти не сразу повлияла на устоявшийся веками крестьянский быт. При быстром росте населения водные ресурсы приобретали ключевую значимость, но в селе их, похоже, с избытком хватало на всех. Проведенное в 1926 г. исследование отмечало, что жители Мшанки пользовались для различных нужд водой из 10 ключей, 3 копаных прудов, 2 запруд, 3 речек и 30 колодцев. Основными занятиями местных жителей в 1920-х гг. оставались земледелие и отхожие промыслы, прежде всего – добыча торфа. В селе действовал собственный кирпичный завод, водяная мельница с запрудой, 3 ветряные мельницы и оставшийся еще с дореволюционных времен «нефтяной двигатель» (видимо, все тот же 12-сильный, который в 1912 г. подорвал доходность мельницы М.Ф. Кострецова)¹.

В 1929 г. ушло в прошлое историческое административное деление на волости, уезды и губернии. Мшанка стала населенным пунктом Горловского района, включенного в Центрально-Промышленную область, до конца года переименованную в Московскую.

В 1930 г. в Мшанке был создан колхоз им. Карла Маркса. В период коллективизации сельского хозяйства на Мшанский сельсовет была возложена ответственность за выполнение колхозом и крестьянами-единоличниками планов по поставкам сельхозпродукции государству. Кроме обязательных поставок, колхозники, как и единоличники, должны были платить сельскохозяйственный, культурный и местный налоги. Если у колхозников налог был фиксированный, то для единоличников его сумма рассчитывалась по скользящей шкале в зависимости от экономических возможностей хозяйства. Дискриминационному обложению подлежали кулаки и признанные таковыми, заметно меньше платили середняки, а бедняки были вовсе освобождены от налогов. Для кулацких хозяйств сельсоветом устанавливались т. н. «твердые задания», невыполнение которых считалось саботажем и преследовалось как в административном, так и в уголовном порядке. Отличать кулацкие хозяйства от середняцких должны были сельсоветы, но, поскольку четких критериев не было (за исключением, пожалуй, использования наемной рабочей силы в дореволюционное время), в этой сфере случались злоупотребления. Так, в 1929 г. горловская районная газета «Ленинская искра» сообщила: «В Мшанском сельсовете допущены перегибы по отношению к середнякам – 8 середняцким хозяйствам дано твердое задание по засыпке семян. По прибытию судебно-следственной бригады эти ненормальности были устранены, твердые задания были сняты»².

В 1931 г. председателем мшанского колхоза был Иван Иванович Няатов (1899–?), выходец из крестьян-бедняков, участник Гражданской войны (служил в Красной Армии в 1919–1922 гг.). Председателем Мшанского сельсовета в те же годы работал Павел Ильич Савидов (1905–?), сын жандарма, член ВКП (б) с 1926 г. В 1929 г. он исключался из партии за сокрытие своего социального происхождения, но был восстановлен окружкомом с объявлением выговора. До Мшанки П.И. Савидов работал председателем Горловского сельпо и заворготделом РПС. Оба руководителя пользовались в селе большим авторитетом³.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., сохранилось следующее описание села: «Мшанка одноименного сельсовета, число жилых строений 385, хозяйств 392 – в них жителей 1884. Мельницы 2, начальная школа, изба-читальня, агентство отделения связи, магазин⁴. Местность села (1726 чел.) холмистая, изрезанная оврагами, балками, ручьем Мшанка. Там и

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик сводной таблицы населенных пунктов Горловского района.

² Ленинская искра, №23 (23 марта 1932).

³ ГАРО. Ф. П-1115, оп. 1, д. 75, лл. 71–72 об.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния по состоянию на 1939 год.

здесь имеются родники, запруды и искусственно вырытые пруды. Один из них вырыт «трудо­вой помощью» в годы голода 1891–1892 гг. На краю села озеро провального происхожде­ния. У запруды единственная в районе водяная мельница. К восточным окраинам с. Мшанка проведена ж/д ветка – здесь песчаный карьер НКПС»¹.

По данным на начало 1937 г. в Мшанском сельсовете числились 274 двора. Их жители были членами двух колхозов – мшанского и поселка Широкий. К 1937 г. во Мшанке доби­лись почти 100 % коллективизации – на все село осталось лишь одно хозяйство единолич­ника. Колхозная посевная площадь, включая усадьбы колхозников, составляла 2206,1 га, в том числе собственно колхоза – 2128,4 га, единоличника – 3,94 га. В колхозе им. Карла Маркса насчитывалось 144 головы лошадей, 44 головы крупного рогатого скота, 109 свиней, 67 овец. В хозяйствах колхозников содержалось 184 головы крупного рогатого скота, 71 сви­нья, 204 овцы и 5 коз, единоличника – 1 голова крупного рогатого скота, 1 свинья, 5 овец и коз. Площадь садов на территории Мшанского сельсовета составляла 353 га, в том числе двух колхозных – 1,6 га².

На 1 января 1939 г. в селе Мшанка Мшанского сельсовета было 359 дворов. 353 двора с населением в 1428 человек находились в колхозе им. Карла Маркса. За рамками колхоза оставались 184 человека. Крупный рогатый скот держали в 194 хозяйствах. Среди членов колхоза в трудоспособном возрасте (от 16 лет и старше) находились 492 человека. В течение 1938 г. в колхоз им. Карла Маркса вступили 15 хозяйств, выбыло 18. В 1938 г. общая пло­щадь обрабатывавшихся колхозом земель составляла 1698 га. В среднем каждый колхозник выработал по 95 трудодней, на каждый из которых, после распределения 29 % денежных до­ходов пришлось по 2,5 кг зерновых и 20 копеек деньгами. На административно-хозяйствен­ные нужды было выделено 2,4 % средств денежного дохода³.

В 1937 г. Горловский район, а с ним и Мшанка, были переданы в административное подчинение новообразованной Рязанской области. Несколько уроженцев села пострадали в годы «большого террора». Федор Кондратьевич Тимошкин (1882–1938) проживал в г. Оре­хово-Зуево, работал возчиком завода № 3. Он был арестован 12 марта 1938 г. и четыре дня спустя осужден Комиссией НКВД и Прокурора СССР по обвинению в «контрреволюцион­ной агитации террористического характера». 22 марта 1938 г. Ф.К. Тимошкин был расстре­лян на Бутовском полигоне под Москвой. Там же 10 июня 1938 г. погибла Евфросинья Ни­китична Харькова [Хорькова] (1908–1938).

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Мшанке насчитывалось 363 строения. Новые улицы пролегли в северной и юго-восточной частях села.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. район Мшанки на несколько не­дель оказался на территории, занятой немецко-фашистскими войсками. Случилось это в конце ноября 1941 г., когда 2-й танковой армии генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону советских войск на стыке фронтов севернее Тулы. Однако значительного ущерба селу визиты немецких разведгрупп не нанесли. С началом зимнего контрнаступления советских войск в битве под Москвой в первых числах декабря 1941 г. гитлеровцы были вы­теснены с территории Горловского района.

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района, л. 20.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели плана 1938 г. по сельсоветам Горловского района Рязанской области.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района.

В рамках линии на разукрупнение хозяйств Горловского района в 1942 г. мшанский колхоз был разделен на три – им. Карла Маркса, им. Фридриха Энгельса и им. Л.Н. Толстого. Новым колхозам приходилось налаживать свою работу в условиях дефицита мужских рабочих рук. В сложившейся обстановке основная трудовая нагрузка легла на плечи женщин, стариков и подростков. В колхозе им. Карла Маркса к осени 1942 г. призвали на фронт местных строителей С. Ключкова, М. Лисютина, И. Овчинникова, П. Пчелинцева и Н. Савкина. «Попросился в бригаду плотников 14-летний Володя Карпушин. Бригадир, 75-летний Петр Николаевич Никольский, положил немало труда для привития навыков»¹.

Но не все стремились честно трудиться даже в дни, когда решался вопрос о свободе и независимости Родины. В августе 1942 г. горловская районная газета сообщила: «В мшанском колхозе им. Карла Маркса Рыбникова П.И., Козлова Е.Г., Попыкина Е.П. унесли домой рожь в снопах, прямо с поля». Виновные в хищении граждане были отданы под суд². Главной причиной таких происшествий был скудный достаток сельских жителей.

В военные годы питание сельского населения Горловского района заметно ухудшилось. Выдача зерновых и картофеля по трудодням по сравнению с довоенным временем сократилась почти в 3 раза. Данные по Рязанской области за 1942 г. свидетельствуют, что в среднем каждый колхозник региона выработал по 193 трудодня, за каждый из которых получил по 1 кг зерна, 2,5 кг фуража, 400 г картофеля и 31 коп. деньгами. С целью восстановления подорванного ведением боевых действий хозяйства Горловского и Скопинского районов в 1942 г. они были переданы из Рязанской области в Московскую.

Во время войны уроженцы Мшанки сражались на разных фронтах. Наиболее интересная военная биография выпала на долю инженер-капитан-лейтенанта Ивана Афанасьевича Данилочкина (1913–?). С 1935 г. он служил на Краснознаменном Балтийском флоте (КБФ), в 1941–1943 гг. принимал участие в обороне блокадного Ленинграда. «С первых дней Отечественной войны инженер-капитан-лейтенант Данилочкин И.А. находился в отряде особого назначения КБФ, являясь командиром транспорта «560» обеспечивал переброску частей Красной армии и боезапаса [на линии] Ленинград – Ораниенбаум в тяжелых условиях, под непрерывным обстрелом береговых батарей и налетов вражеской авиации. Благодаря инициативе, смелости и наличию технических знаний, т. Данилочкин дважды обеспечивал спасение корабля, боезапаса и перевозимого личного состава Красной армии, принимая экстренные меры по заделке пробоин. В январе месяце 1942 г. в результате большого повреждения корабль потерял управление [в условиях] непрерывного артобстрела, и [командир] обеспечил его прикрытие дымзавесой, чем избежал излишних жертв. Весь зимний период 1941–1942 гг. [т. Данилочкин] был командиром лыжного взвода по охране Морского канала и рейда. В тяжелый период блокады при сильном морозе обеспечивал бдительную охрану Морского канала, подвергаясь частому обстрелу противника.

С декабря месяца 1943 г., являясь командиром БЧ-5 СКР «Вихрь»³, проявил большую энергию, инициативу и смелость в период демонтажа корабля⁴, подъема затонувших меха-

¹ Ленинская искра, №59 (8 октября 1942).

² Ленинская искра, №41 (9 августа 1942).

³ Имеется в виду электромеханическая боевая часть сторожевого корабля «Вихрь», который в сентябре 1941 г. в Кронштадте был поврежден вражеской авиабомбой и лег на грунт. В 1942 г. в условиях блокадного Ленинграда усилиями моряков КБФ корабль был поднят, к осени 1943 г. удалось восстановить его водонепроницаемость.

⁴ Имеются в виду работы по подъему и ремонту механизмов СКР «Пурга», погибшего на Ладожском озере в сентябре 1942 г. В 1943 г. они были установлены на СКР «Вихрь».

низмов, их ремонта и установки»¹. За участие в эвакуации военнослужащих с Ораниенбургского плацдарма в 1941 г. И.А. Данилочкин был представлен к награждению орденом Красной Звезды, но документ где-то затерялся. Награда «нашла своего героя» только после повторного представления в 1945 г.

До окончания боевых действия с гитлеровской Германией моряк из Мшанки также был награжден медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда». Однако в финальные месяцы Второй мировой войны ему довелось принять участие еще в одном любопытном историческом эпизоде, связанном с подготовкой боевых действий против императорской Японии.

Летом 1945 г. И.А. Данилочкин был переведен на Северную Тихоокеанскую флотилию (СТОФ). По договоренности с США, имея в виду перспективу совместной борьбы с японскими империалистами, ей по ленд-лизу были переданы 28 американских патрульных фрегатов типа «Такома». В составе СТОФ они были переквалифицированы в сторожевые корабли и получили обозначения «ЭК-1» – «ЭК-30». Первая группа из 10 кораблей («ЭК-1» – «ЭК-10») была принята советскими экипажами в июле 1945 г., вторая («ЭК-11» – «ЭК-22») – в августе-сентябре 1945 г. И.А. Данилочкин стал командиром БЧ-5 сторожевого корабля «ЭК-19». В представлении командования отмечалось: «При выполнении правительственного задания по доставке кораблей из Америки, тов. Данилочкин, как командир БЧ-5 фрегата, имеет исключительные заслуги. Имея в абсолютном большинстве личный состав молодой и малообученный, правильно организовал учебу, мобилизовал знания старшин, и за время перехода в Америку уже дал основные знания, необходимые для эксплуатации механизмов и систем. Основным вопросам специальности учил личный состав сам лично. По прибытии кораблей для сдачи и приема в короткий, 10-дневный срок провел приемку электромеханической части корабля. Несмотря на трудности, тов. Данилочкин организовал приемку корабля так, что личный состав был обучен всему необходимому для доставки корабля на Родину. Таким образом, благодаря неутомимости энергии тов. Данилочкина как командира БЧ-5 – основной боевой части корабля, требуемой при переходе, корабль без единой аварии и поломки дошел до Родины, и всегда был обеспечен требуемый ход. Первые дни перехода, пока не стало совершенно ясно, что личный состав свои обязанности выполнить может хорошо, тов. Данилочкин лично постоянно был в машинно-котельных отделениях. После трехтысячеломильного перехода корабля требовалась некоторая переборка отдельных частей механизмов, но корабль потребовался для выполнения очередного задания. Тов. Данилочкин использует двух-четырёхчасовые остановки для текущего ремонта, чтобы иметь всегда необходимый ход корабля, не сорвать очередного задания. Корабль с честью выполнил и эту задачу, благодаря умелому руководству командира БЧ-5 своей частью»². За подготовку экипажа своей боевой части в период перегонки сторожевого корабля «ЭК-19» из США в СССР инженер-капитан-лейтенант И.А. Данилочкин был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Американские корабли второй партии («ЭК-11» – «ЭК-22») не успели принять участия в боевых действиях против Японии. В 1945 г., по окончании Второй мировой войны, Северная Тихоокеанская флотилия была расформирована. В 1950 г. все входившие в нее 28 фрегатов «Такома» были возвращены США.

В 1946 г. Горловский район был возвращен из Московской области в Рязанскую. В 1950 г. все три мшанских колхоза вновь объединились в один – им. Карла Маркса.

¹ ЦВМА. Ф. 3, оп. 1, д. 1331, лл. 289 – 289 об.

² ЦВМА. Ф. 3, оп. 1, сд 1592, л. 17.

В 1959 г. Горловский район Рязанской области был упразднен, а его населенные пункты, вместе со Мшанкой, были переданы соседнему Скопинскому району. В 1960 г., в рамках курса на укрупнение хозяйств Рязанщины, мшанский колхоз им. Карла Маркса вошел в колхоз «Красный Октябрь» скопинского села Березняги. В 1961 г. был ликвидирован и Мшанский сельсовет – входившие в него село Мшанка, поселок Широкий и железнодорожные будки были переданы Березняговскому сельсовету¹. Колхоз «Красный Октябрь» функционировал до 1993 г., позднее был преобразован в акционерное общество.

К началу XXI в. здание церкви Свв. Космы и Дамиана в Мшанке, закрытой в 1930-х гг. и использовавшееся для колхозных нужд, окончательно пришло в руинированное состояние. В наши дни этот наиболее значительный и выразительный архитектурный памятник села находится в ужасающем состоянии. Усилиями энтузиастов в храме проведены первичные консервационные работы. Вход в полуразрушенное здание закрыт на замок.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Мшанка вошло в Ильинское сельское поселение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в нем в это время проживали 64 человека – 22 мужчины и 42 женщины.

---

¹ Архив Скопинского района. Ф. 418, л. 1, 1об.

НАГИШИ

село

(сельское поселение Горловское)

Старинное село Нагиши живописно раскинулось на обоих берегах р. Мокрая Табола. Люди селились в этих местах с незапамятных времен, так что земли, на которых расположено современное село, имеют богатую археологическую предысторию. Раскрыть доисторическое прошлое окружающей Нагиши местности помогла работа Окско-Донской археологической экспедиции Государственного исторического музея, проводившаяся в 1982–1986 гг. Разведочный отряд под руководством известного советского археолога Б.А. Фоломеева выявил непосредственно на территории Нагишей несколько археологических памятников разных эпох.

У юго-западной окраины села, в 1 км к юго-западу от его центра и к юго-востоку от ул. Конопляновка на первой надпойменной террасе правого берега р. Мокрая Табола располагалось поселение кочевников-скотоводов бронзового века. Оно было вытянуто вдоль заболоченного понижения перпендикулярно руслу реки и имело размеры ок. 200 x 60 м при высоте над рекой в 2–3 м. Найденная здесь керамика – лепная плоскодонная, с примесью шамота в глиняном тесте, преимущественно толстостенная, иногда со следами бессистемной штриховки на внешней поверхности, скудно орнаментированная оттисками зубчатого штампа, зашипами, нарезками, ямчатыми вдавлениями. Один из найденных фрагментов плоского дна принадлежал сосуду на поддоне, орнаментированному оттисками веревочки. Б.А. Фоломеев отнес эту керамику к катакомбной и срубной культурам и датировал серединой 2-го тысячелетия до н. э.¹

Еще одно поселение эпохи бронзы было открыто на южной окраине Нагишей, в 700 м к юго-востоку от его центра и к югу от строений ул. Кутузова. Оно также лежало на первой надпойменной террасе правого берега р. Мокрая Табола. Размеры памятника – ок. 150 x 30 м при высоте над рекой 3–6 м. Характеристика найденной здесь керамики в общем такая же, как у археологического объекта близ ул. Конопляновки. Как оказалось, остатки поселения древних людей были перекрыты древнерусским селищем, жизнь в котором, судя по культурному слою, развивалась в XI–XIII и XIV–XVII вв. Вдоль края террасы археологам удалось собрать фрагменты гончарной древнерусской керамики с зубчатым, линейным и волнистым орнаментом, а также осколки позднесредневековой белоглиняной посуды².

На территории Нагишей и в окрестностях села также были обнаружены четыре селища, которые Б.А. Фоломеев датировал XI–XIII и XIV–XVII вв. Ближайшее из них находится у восточной окраины села, к юго-востоку от строений по ул. Бутузкина. Поселение имело размеры ок. 300 x 60 м при высоте над рекой 3–6 м. В этом месте находят фрагменты гончарной керамики с линейным и волнистым орнаментом (предположительно древнерусской, XI–XIII вв.), а также позднесредневековой сероглиняной, белоглиняной и чернолощеной,

¹ Археологическая карта России: Часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. Институт археологии РАН. 1996. С. 121.

² Там же. С. 121.

преимущественно XVI–XVII вв. Все археологические памятники в настоящее время распахиваются и постепенно разрушаются¹.

В старейшем описании Епифанского уезда – «Писцовой книге 7080 года (1571–1572 гг.) письма и меры князя Ивана Федоровича Мстиславского да Григория Ярцева со товарищи» – нет упоминаний о населенном пункте, который можно было бы однозначно отождествить с Нагишами. Поэтому возникновение села можно условно датировать рубежом XVI и XVII вв. Однако вследствие событий Смутного времени или набегов крымских и ногайских татар на Епифанский уезд в 1609–1610 и 1659 гг. к середине XVII в. изначальное селение (видимо, им является одно из выявленных археологами селищ) подверглось разорению и запустело.

В начальный период своего существования село относилось к Клабуковскому стану Епифанского уезда. Его историческое название – «Лебяжий Усад (Лебяжьи Усады), Нагиши тож». Согласно сборнику П.И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей» (1895), «свое название это село получило от того, что в этой местности, некогда покрытой густыми лесами, водилось весьма много лебедей с одной стороны, а с другой стороны в лесу был притон разбойников, которые часто грабили путников, обирая их донага»².

Современный исследователь Т.В. Майорова в статье «Топонимия в «Приходах и церквях Тульской епархии»: комментарий» замечает по поводу топонима «Лебяжий Усад, Нагиши тож»: «Такое название с прямо противоположными по эмоциональной оценке компонентами не часто увидишь в списках или на карте. Поэтичное Лебяжий Усад могло быть названием только помещичьих владений. «Усад – место, отведенное для нового поселения... В прошлом – помещичий дом с прилегающим к нему парком или садом. Ср. *усадьба, сад, садить...* Лебяжий Усад в Тульской обл.» (Мурзаев, Э.М. Словарь народных географических терминов в 2-х томах, М., 1999; т. II, с. 276). Дескриптивное определение *Лебяжий* ярко отражает особенность местности, «принадлежавшей» диким лебедям. Их скоплению способствовала низменная, сырая местность по берегам речки Таболы. Прозаичное Нагиши – скорее всего метафора, обозначающая жизнь крепостных крестьян, принадлежавших тому, кто жил в Лебяжьем Усаде»³.

Наконец, любопытное предание о происхождении второго названия своего села в конце XIX – начале XX вв. распространяли сами жители Нагишей. Его зафиксировал в одной из своих статей рязанский журналист А. Набатчиков: «Разговаривая со старожилками, я обратил внимание на то, что сильно они «окают». Откуда взялось это круглое «о» на акающем юге Рязанщины?»

Рассеял мое недоумение учитель Нагишевской средней школы, также коренной сельчанин, Н.И. Малахов.

– Раньше, – рассказал Никита Иванович, – наше село называлось Лебяжьими Усадками. В исторических документах конца XIV в. говорится, что русские войска, шедшие на битву с монголо-татарами на Куликово поле, останавливались в Лебяжьих Усадах⁴. Село было кре-

¹ Археологическая карта России: Часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. Институт археологии РАН. 1996. С. 121–122.

² Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 179.

³ Майорова Т.В. Топонимия в «Приходах и церквях Тульской епархии»: комментарий. // Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 518.

⁴ Источник этого утверждения неясен.

постное. Крестьяне изнывали от произвола помещиков. Один из них был большой любитель картежной игры. Однажды ему повезло, он выиграл несколько десятков крестьянских семей у владимирского помещика. Тот был жаден и, отдавая, раздел их¹.

В Лебяжьих Усадах владимирские крестьяне долго хранили свои обычаи и говор. Так что название Нагиши, появившееся позже, как нельзя точнее характеризовало село в дореволюционное время»².

Статья А. Набатчикова – интересное, однако неточное свидетельство. Исторические документы позволяют изложить историю села более достоверно. Единственно, в чем был прав журналист, – Лебяжьи Усады действительно были крепостным селом с середины XVII в. до 1861 г. К счастью, большинство его помещиков – хорошо известные в истории России люди, представители знатных родов придворной аристократии, и их хозяйственная деятельность нашла отражение во множестве сохранившихся документов.

В середине XVII в. окрестности современных сел Нагиши и Петрушино стали земельным владением князей Черкасских. Первым его собственником стал князь Яков Куденетович Черкасский (? –1666), выходец из кабардинской знати, видный полководец царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Не исключено, что появление у него владений в Епифанском уезде было как-то связано с пребыванием на воеводстве в Туле в 1641 и 1645 гг. Однако речь шла об одной лишь земле, на которой никто не жил, – все здешние селения были разорены и покинуты.

Своим возрождением запустевшее село обязано инициативе следующего помещика – князя Михаила Яковлевича Черкасского (? –1712), ближнего боярина и воеводы Тобольского в 1697–1710 гг., соратника Петра I. «В 1671 г. в пустошь Лебяжий Усад Епифанского уезда были переселены крестьяне из ярославской вотчины [Черкасских], а также беглые из понизовых городов – всего 70 семей. Эти поселенцы посеяли на «князя Михаила Яковлевича Черкасского ржаной и яровой хлеб»³. Таким образом, «окающий» говор нагишевцев имеет не владимирское, а ярославское происхождение.

После кончины боярина князя М.Я. Черкасского село Лебяжьи Усады с деревнями было отписано на его дочь княжну Анну Михайловну (1692–1737). В 1721 г. она вышла замуж за князя Никиту Ивановича Долгорукова (? –1737). В ревизской сказке села Петрушина за 1764 г. он упомянут как «Адмиралтейской конторы экипажной экспедиции советник»⁴. Возможно, «по морской линии» знатного недоросля направил сам Петр I. В качестве приданого А.М. Черкасская принесла мужу значительные земельные владения в Александровском и Епифанском уездах Московской губернии.

Потомкам Никиты Ивановича и Анны Михайловны Долгоруковых епифанская вотчина принадлежала вплоть до отмены крепостного права. О представителях этой семьи сохранились отрывочные биографические данные в различных исторических источниках.

Князь Сергей Никитич Долгоруков (1724–1802) в ревизских сказках 1764, 1782 и 1795 гг. упоминается как «армии капитан». Видимо, он вышел в отставку в небольшом чине

¹ Оставляя за скобками вопрос о достоверности приведенной истории, можно предположить, что она относится к середине XVIII в. и подчеркивает связь села с поместьями его тогдашних владельцев – князей Долгоруковых – в Александровском уезде Владимирской губернии, откуда действительно могла происходить часть населения Нагишей. Основой для этого предания также могла стать история появления деревни Купчей в начале XIX в.

² *Набатков А.* Есть такое село. // Приокская правда. 1 мая 1984.

³ *Щенетов К.И.* Помещичье предпринимательство в XVII в. (По материалам хозяйства князей Черкасских) / Русское государство в XVII веке: новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 24.

⁴ ГАТО. Ф. 367, оп. 1, д. 1, л. 293.

еще в молодости. Проживал преимущественно в Москве и в своем имении Опарино в Александровском уезде Владимирской губернии¹. После кончины князь был погребен в крипте за правым клиросом выстроенного на его средства Богоявленского храма села Опарино. Церковь была взорвана в 1963 г., но могила храмоздателя чудом сохранилась. Эпитафия князя, известная лишь по списку XIX в., гласила: «Храма сего создатель и владетель оногo селения от армии капитан князь С.Н. Долгоруков – род. 1724 г. 21 сентября, жития его было 78 лет, 4 месяца и 5 дней, был болен параличом 10 лет 4 месяца и 5 дней; преставился в Москве 1802 года 9 октября»². Князь был деятельным храмоздателем и щедрым церковным благотворителем. На средства С.Н. Долгорукова были возведены каменные храмы в принадлежавших ему селах Опарино (1765) и Богородском (1768) Александровского уезда Владимирской губернии, деревянные церкви в селах Орловке (1771) и Петрушине (1776) Епифанского уезда. Во все храмы им были сделаны богатые пожертвования.

Князь С.Н. Долгоруков был женат на княжне Варваре Никитичне Щербатовой (? – 1820). Она также скончалась в Москве и была похоронена в крипте опаринского храма, но за левым клиросом. Ее эпитафия, переписанная в XIX в., содержит упоминание о любопытном событии придворной жизни петровской эпохи: «1820 г. апреля 8 дня в Москве преставился раба Божия капитана князь С.Н. Долгорукого вдовствующая супруга княгиня Варвара Никитина, рожденная от бригадира князя Никиты Ив[ановича] Щербатова, а по переименовании Государем Императором Петром I-м оному князю Щербатову имени Иосифом, потому и именовалась покойная княгиня Варварою Иосифовной». В примечании к этому тексту отмечено: «Петр I повелел князю Щербатову за красоту лица называться не Никитою, а Иосифом»³.

Следующим владельцем огромного имения с усадьбой в Нагишах стал князь Никита Сергеевич Долгоруков (1768–1842). В ревизских сказках 1811, 1816 и 1834 гг. он упоминается как «отставной подпоручик Лейб-гвардии Конного полка». Имеются косвенные указания на то, что молодой князь вышел в отставку в 1796 г. в связи с назначением шефом полка великого князя Константина Павловича, отличавшегося «крутым нравом».

Как и его отец, князь Н.С. Долгоруков был человеком глубоко религиозным. С его именем связан следующий этап церковного строительства в епифанской вотчине Долгоруковых. На средства помещика были выстроены кирпичные здания храмов в Петрушине (1826), Нагишах (1837) и Троице-Орловке (1852). Н.С. Долгоруков был погребен вместе с родителями в крипте Богоявленского храма села Опарина. Его захоронение также уцелело до наших дней.

Князь Н.С. Долгоруков был женат на княжне Екатерине Гавриловне Гагариной (1783–1861), дочери действительного тайного советника князя Гавриила Петровича Гагарина. В Государственной Третьяковской галерее в Москве хранится ее великолепный портрет кисти выдающегося русского художника В.Л. Боровиковского. Его название по каталогам – «Портрет княжны Е.Г. Гагариной». Художник запечатлел 18-летнюю княжну в 1801 г.

В семье князя Н.С. Долгорукова было двое детей – сын Сергей и дочь Варвара. Князь Сергей Никитич Долгоруков (1811–1876) стал последним нагишевским помещиком. В ревизских сказках 1850 и 1858 гг. он упоминается как «отставной титулярный советник». Видимо, в ранней молодости князь числился на службе по какому-то гражданскому ведомству,

¹ Ныне в Сергиево-Посадском районе Московской области.

² *Березин В., Доброзрагов В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Выпуск III. Владимир, 1896. С. 509.

³ Там же. С. 509.

но быстро вышел в отставку. Большую часть своей жизни он провел в своем владимирском имении Опарино. Князь С.Н. Долгоруков страдал слабоумием, поэтому собственной семьи и детей не имел. На нем пресеклась мужская ветвь потомков князя Н.И. Долгорукова. Княжна Варвара Никитична Долгорукова (1812–1870) владела поместьями в Московском уезде и губернии, а также в Александровском уезде Владимирской губернии, но при этом активно участвовала в управлении имениями недееспособного брата. Она служила при дворе в Санкт-Петербурге и, насколько известно, в царствование Александра II была пожалована орденом Св. Екатерины. Замуж княжна не вышла и детей также не имела. Брат и сестра Долгоруковы, последние представители семьи, владевшей селами Нагиши, Петрушино и Троице-Орловка на протяжении нескольких столетий, были погребены в Новоспасском монастыре в Москве¹. Их надгробия до наших дней не сохранились.

Генеральный план Епифанского уезда Тульской губернии (ч. 1), составленный в ходе межевания 1776–1780 гг., свидетельствует, что в это время село Лебяжьи Усады, Нагиши тож, состояло из нескольких рядов крестьянских домов, вытянувшихся друг против друга на правом, высоком берегу р. Мокрой Таболы. В западной части села слободы образовывали неправильный прямоугольник, в центре которого находился деревянный храм. Подле церкви находились и усадебные строения. К северу от села, за речкой Гнилой Мартынец, виден участок выделенной церковной земли.

Согласно экономическим примечаниям к планам Генерального межевания, имение с центром в Нагишах было одним из крупнейших в Епифанском уезде. Его площадь составляла 9575 десятин 2044 сажени (10462,63 га). В 1764 г. в трех селах вотчины (Нагишах, Петрушине и Троице-Орловке) проживали 3170 человек. Крестьяне Долгоруковых обрабатывали 6721 десятина 744 сажени (7343,30 га) пахотной земли. Под сенокос было отведено 270 десятин (294,99 га). Лесные угодья простирались на 2100 десятин (2294,33 га). Усадьба и крестьянские хозяйства трех сел занимали в общей сложности 173 десятины (189 га). Имению даны следующие характеристики: «земля черная, хлеб средственный, покосы хороши, лес строевой дубовой, березовой и осиновой, крестьяне напашне».

Имеется в документе и описание собственно села Нагиши. Оно располагалось «направой стороне речки Мокрой Таболы, накоей пруд и мушная мельница одвух поставях, ипообе стороны трех безымянных отвершков искоих на одном пруд; церковь деревянная воимя Воскресения Христова, дом господской деревянной сплодовым садом». В это время в селе насчитывалось 190 дворов, население составлял 838 мужчин и 833 женщины².

Нагиши считались богатым селом. В XVIII в. местные крестьяне обрабатывали не только вотчинную землю. На оброчных условиях они пользовались также «казенной землей пустоши Ушаковой, состоявшей в ведомстве Казенной палаты». Общая площадь участка, приносившего крестьянам дополнительный доход, составляла 99 десятин 530 сажений (108,4 га). Из них большая часть – 88 десятин 1100 сажений (96,6 га) – использовалась под пашню, 8 десятин 1300 сажений (9,3 га) – под сенокос. Располагалась пустошь «речки Мокрой Таболы направой, Крутого верха налевой сторонах». Ее чернозем давал «средственные» хлеб и покосы³.

Помещичий дом в Нагишах, судя по всему, нечасто использовался по назначению. Князья Долгоруковы постоянно проживали летом в своей усадьбе Опарино в Александровском

¹ Мельниц М.О. Эволюция похоронных практик князей Долгоруковых в XVI – начале XX веков. // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 25. СПб., 2013. С. 21.

² РГАДА, Ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 15.

³ Там же. ЛЛ. 15 – 15 об.

уезде Владимирской губернии, а зимой в Москве. Скорее всего, они бывали в Тульском крае лишь наездами и редко вмешивались в повседневную жизнь местных крестьянских общин. Имеются косвенные свидетельства того, что в первой половине XIX в. в свое епифанское имение неоднократно приезжал князь Н.С. Долгоруков. При его больном сыне усадьба пришла в запустение.

Время появления деревянной Воскресенской церкви в Нагишах точно не известно, но в конце XVII в. она уже существовала¹. В XVIII в. к приходу деревянного Воскресенского храма относились расположенное к северу село Петрушино (до 1770 г.) и ряд окрестных деревень. Косвенное подтверждение богатства нагишовского прихода в середине XVIII в. можно найти среди материалов 2-й ревизии податных сословий Российской империи по Епифанскому уезду Тульской провинции Московской губернии. Из них следует, что в 1745 г. священники местного храма владели достаточно обширным штатом личных слуг, имевших статус дворовых людей. Так, у «села Лебяжьих Усады церкви Воскресения Христова попа Антона Иродионова» насчитывалось 4 дворовых человека, а у его коллеги «попа Никиты Анофриева» – 5 дворовых людей². К 1830-м гг. старинная церковь, неоднократно обновлявшаяся, окончательно обветшала, и в 1837 г. на средства помещика князя Н.С. Долгорукова был возведен ныне существующий кирпичный храм Воскресения Христова с колокольней, ставший памятником провинциального русского классицизма. Примерно в это же время была построена и каменная часовня на месте прежней деревянной церкви, разобранной за ветхостью.

К 1830-м гг. относится первое упоминание о ежегодных ярмарках в Лебяжьих Усадах. Не исключено, что традиция их проведения уходит корнями в XVIII в. Ярмарочным днем было 28 июля (10 августа н. ст.) – день почитания Смоленской иконы Божьей Матери, престольный праздник сельской церкви Воскресения Христова. На однодневной Смоленской ярмарке продавались «мелочные товары, крестьянские изделия, овощи и рогатый скот». В среднем товаров свозилось на сумму от 7 до 20 тыс. руб., продавалось на 3–4 тыс. руб. Ярмарка имела сугубо местное значение, на нее собирались до 5,5 тыс. человек, преимущественно жителей окрестных сел и деревень³.

В статистическом справочнике «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.», вышедшем под редакцией академика П.И. Кепшена, указано, что в это время население «села Лебяжий Усад, Нагиши тож», находившегося «при реке Мокрой Таболе», составляло 2805 человек «помещичьих крестьян»⁴. В изданном в 1862 г. списке населенных мест Тульской губернии Лебяжий Усад (Нагиши) значится как «село владельческое», находящееся «при речке Тоболе». В нем насчитывалось 314 дворов, в которых проживали 1394 мужчины и 1493 женщины⁵.

Посвященный Тульской губернии раздел IV тома «Сведений о помещичьих имениях», изданного в числе приложений к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, подробно освещает условия хозяйственной деятельности крепостных жителей епифанского имения князя С.Н. Долгорукова в конце 1850-х гг. Мужское население «сел Лебяжий Усад и Петрушина с деревнями» составило 3122 души. Из них 22 человека находились «на дворовом положении». Во всех населен-

¹ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 179.

² РГАДА, Ф. 350, оп. 2 д. 965, лл. 263 об – 264.

³ Список существующих в Российской империи ярманок. СПб., 1834. С. 378.

⁴ Северов В.И. Города и селения Тульской области в XIX веке. Тула, 2006. С. 84–85.

⁵ Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862. С. 71.

ных пунктах имения насчитывалось 724 двора. Проживавшие в них крепостные составляли 1004 оброчных тягла. Дома и огороды крестьян имения занимали площадь 306,39 десятины (ок. 335 га), средний размер приусадебного участка составлял 0,1 десятины. В пользовании крестьян находились выгоны для скота общей площадью 223,8 десятины (ок. 244 га). Размер денежного оброка в епифанском имении С.Н. Долгорукова составлял 12 руб. 96 коп. с тягла. Кроме этого, крестьяне были обязаны отдавать в пользу помещика «по 1-й четверти (102,38 кг) ржи, по 1-й четверти овса и по 1 пуду (16,38 кг) сена с тягла»¹.

С отменой крепостного права по Манифесту от 19 февраля 1861 г. зависимость крестьян от помещиков полностью не исчезла. Бывшие крепостные получали землю не в собственность, а в аренду с правом последующего выкупа. Полноправным собственником землепашец становился только после погашения всех выкупных платежей, причем не только за свой надел, но и за землю бывшего помещика. До выкупа себя и своей семьи крестьянин оставался на положении временнообязанного. С началом реформы 1861 г. все крестьяне сел Нагиши, Петрушино, Орловка и деревни Купчей приобрели статус «помещика князя Долгорукова временнообязанных».

В 1861 г. село стало центром Нагишевской волости. В нее вошли ранее принадлежавшие соседним помещикам деревня Зиновьевка и селцо Писаревка². Известны имена нескольких волостных старшин Нагишевской волости: Михаил Прокопьевич Баринов (ок. 1869 г.), Иван Козьмич Таптыгин (ок. 1879–1882 гг.), Иван Максимович Мшенский (ок. 1888 г.), Василий Злобин (ок. 1891 г., одновременно занимал пост председателя волостного суда).

Военно-топографическая карта Тульской губернии 1863 г. свидетельствует о том, что в середине XIX в. село Нагиши значительно расстроилось в южном и юго-восточном направлениях. Крестьянские дома занимали теперь оба берега Мокрой Таболы. Помимо центральной части села – Кирилловой слободы, а также вытянувшейся на высоком речном берегу Бутузкиной слободы появились слободы Самара и Заречье. В селе насчитывалось пятнадцать ветряных мельниц. Из них десять стояли на высокой террасе Бутузкиной слободы над рекой Мокрая Табола (на задах крестьянских огородов или перед фасадами крестьянских домов), три – за околицей села, возле дороги на Клеточки, одна – при дороге на селцо Писаревку, и еще одна – слева от дороги в село Петрушино.

«Ведомость о церквях Тульской епархии» сообщает, что в начале 1860-х гг. причт Воскресенской церкви села Нагиши состоял из 8 человек. Количество приписанной к храму земли составляло 36 десятин (39,3 га). В приходе числились 1999 душ мужского пола³. Известно имя одного из старост Воскресенской церкви середины XIX в.: ок. 1866–1870 гг. им был «села Нагишей князя Долгорукова временнообязанный крестьянин Гавриил Иванов Кириллов»⁴. Из священников, служивших в нагишевской церкви в это время, известны Петр Преображенский (до 1867 г.)⁵, Василий Николаевич Боголюбов (ок. 1854–1869 гг.) и Василий Лукич Никольский (ок. 1867–1874 гг.).

На эпоху отмены крепостного права приходится и появление первого образовательного учреждения в Нагишах – церковно-приходской школы. По сообщению «Тульских епархиаль-

¹ Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Том IV. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям. СПб., 1860. С. 26–27.

² Ныне Зиновка и Писарево в Кимовском районе Тульской области.

³ Памятная книжка Тульской губернии. Тула, 1864. Отдел IV. С. 50.

⁴ Тульские епархиальные ведомости, № 4 (15 февраля 1866 г.). С. 48.

⁵ Тульские епархиальные ведомости, № 6 (15 марта 1867 г.). С. 163.

ных ведомостей», на 1 (13) января 1862 г. в ней преподавали сельские священнослужители и обучали 15 мальчиков¹.

На рубеже 1860-х и 1870-х гг. управляющим имениями князя Долгорукова в Епифанском уезде служил крестьянин-собственник Федор Иванович Большаков, отличавшийся склонностью к церковной благотворительности. В январе 1870 г. «Тульские епархиальные ведомости» сообщали: «По резолюции Его Преосвященства объявляется признательность епархиального начальства крестьянину Епифанского уезда села Нагишей Феодору Большакову за пожертвование в местную церковь 25 руб. на священническое и дьяконское облачение»². Его имя также упоминается среди «лучших людей» села в приговоре прихожан Воскресенской церкви о создании при ней приходского попечительства. Такие органы создавались в приходах православных храмов в соответствии с принятым 2 (14) августа 1864 г. по инициативе Святейшего Синода законом. Он «разрешал открывать церковные попечительства, по сути являвшиеся благотворительными обществами, «постепенно, и по мере удобств и надобности». Создавались попечительства с целью заботы о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви, начальном обучении детей, а также благотворительных деяний в рамках прихода»³. В 1869 г. такое попечительство появилось и в приходе Воскресенской церкви в Нагишах. Приговор прихожан гласил: «1869 г. декабря 14 (26) дня мы, нижеподписавшиеся прихожане Воскресенской церкви села Нагишей Епифанского уезда, сельца Писаревки, деревень Купчей, Васильевки и Зеновки, испросив благословление от Господа Бога, по воле нашего всеавгустейшего монарха Александра Николаевича положили открыть сего числа при нашей церкви приходское попечительство и 1) председателем оного избрали управляющего имением князя Долгорукова собственника Феодора Иванова Большакова, человека благонамеренного, честного и усердного к храму Божию, который на первый раз по избрании в обеспечение будущего попечительства пожертвовал 100 руб. серебром безвозвратно; 2) непременно членами священников: Василия Никольского, Василия Боголюбова и Константина Сахарова, церковного старосту Гавриила Иванова Кириллова, волостного старшину Михаила Прокопиева Барина; 3) временными членами: старшину села Клетокот Аристарха Степановича Жердева; старшину села Орловки Козьму Абросимова, села Нагишей князя Долгорукова временнообязанных крестьян: Максима Иванова Герасимова, Ефима Матвиева, Даниила Алексиева, Тимофея Артамонова, Евстафия Алексиева, Никифора Макарова, Ивана Сергиева, Василия Степанова, деревни Васильевки Ивана Алексиева, деревни Зеновки Петра Степанова, Купчей – Ивана Архипова, сельца Писаревки Сергия Васильева, людей добросовестных и благонамеренных. Временным членам срок службы назначается трехлетний. Все законные постановления о приходских попечительствах обязуемся исполнять бесприкословно и в точности. Приговор сей через местного нашего благочинного представляем на утверждение Его Преосвященства и всепокорнейше просим, да преподает владыка святей свое архипастырское благословение на начинаемое нами доброе дело. Приговор сей подписан 285 лицами и 27 февраля сего года утвержден следующей резолюцией Его Преосвященства: «Приговор сей утверждается. Призываю Божие благословение на председателя и членов попечительства и молю Господа о благопоспешении предначатому доброму делу»⁴.

¹ Тульские епархиальные ведомости, № 13 (1 июля 1862 г.). С. 13.

² Тульские епархиальные ведомости, № 2 (15 января 1870 г.). С. 44.

³ Якубов Е.В. Церковно-приходские попечительства Тульской губернии в конце XIX – начале XX века. // Тульский краеведческий альманах. 2008. С. 50.

⁴ Тульские епархиальные ведомости, № 5 (1 марта 1870 г.). С. 90–91.

Земская статистика зафиксировала, что в 1866 г. все 1402 человека мужского населения Нагишей оставались временнообязанными оброчными крестьянами бывшего помещика князя С.Н. Долгорукова. Общая площадь обрабатывавшейся нагишевскими крестьянами земли равнялась 2785 десятинам 1715 саженьям (3043,5 га). По состоянию на 1 января 1867 г. за ними числилась огромная недоимка по помещичьему оброку в сумме 1045 руб., а также «по прочим сборам» в сумме 8 руб. 52 коп.¹

В 1865 г. в Епифанском уезде впервые прошли выборы в уездное земское собрание. В числе его первых гласных, избранных от сельских обществ, был крестьянин села Нагиши Карней Васильевич Теплышов². Он присутствовал при открытии уездного земского собрания, состоявшемся в городе Епифани 10 декабря 1865 г., и последующие три года принимал участие в его заседаниях. В 1874 г. К.В. Теплышов был избран в земское собрание повторно и участвовал в его работе до 1877 г.³

В 1869 г. началось строительство ветки Вязьма–Павелец Рязско-Вяземской железной дороги. Ее полотно пролегло между селами Нагиши и Петрушино. Первый поезд по новой трассе был пущен 16 декабря 1874 г. Ближайшими к Нагишам станциями стали Клеточки и Кашино (близ села Горлово Скопинского уезда Рязанской губернии; позднее была переименована в Миллионную).

Во второй половине XIX в. традиция проведения Смоленских ярмарок в Нагишах постепенно угасала. Согласно «Ведомости оборотам на ярмарках в Тульской губернии за 1869 год», объемы торговли в Нагишах к этому времени опустились до минимальных показателей по Епифанскому уезду. Всего на Смоленскую ярмарку было привезено товаров на 500 руб., продано же – лишь на 100 руб.⁴

В начале 1870-х гг. в Епифанском уезде активно развивалось табаководство. Табачный лист выращивался крестьянами как для собственного употребления, так и для сбыта на фабрики и склады в других губерниях. В Нагишевской волости плантаций табака было немного – всего 27. Их совокупная площадь составляла 3 десятины 60 саженьей (3,3 га). Выращивался исключительно амерсфортский сорт табака (махорка). В 1870 г. крестьяне волости собрали 180 пудов (2,9 т) табачного листа. Цена за пуд на месте сбора составляла 1 руб. 20 коп.⁵ В небольших объемах нагишевские крестьяне продолжали выращивать табак вплоть до середины XX в., однако в основном для личного использования. Для промышленных нужд более выгодным представлялось разведение других культур – например, мяты и свекловицы⁶.

Недееспособность последнего нагишевского помещика – слабоумного князя Долгорукова – привела к значительной проволочке с заключением мировой сделки с его бывшими крепостными. В статусе временнообязанных они оставались вплоть до конца 1870-х гг. Отсутствие «хозяйского глаза» в запустевшем имении приводило ко многим злоупотреблениям: крестьяне все менее и менее аккуратно исполняли свои обязательства перед бывшим помещиком, управляющие, судя по всему, тоже нередко пугали собственный карман с хозяйским.

Интересные подробности о жизни бывшей вотчины Долгоруковых в начале 1870-х гг. можно найти в «Набросках из воспоминаний» князя Д.Д. Оболенского. В 1871 г. автор за-

¹ По данным имеющегося в распоряжении авторов неидентифицированного печатного издания, содержащего сведения земской статистики за 1866 г. по уездам Тульской губернии.

² Тульские губернские ведомости, № 40 (4 сентября 1865).

³ Тульские губернские ведомости, № 44 (1 июня 1874).

⁴ Памятная книжка Тульской губернии на 1871 год. Тула, 1871. Отдел II, С. 188–189.

⁵ Памятная книжка Тульской губернии на 1872 год. Тула, 1872. Отдел III, С. 393.

⁶ Памятная книжка Тульской губернии на 1911 год. Тула, 1911. Отдел III, С. 9.

писок был избран Епифанским уездным предводителем дворянства. В этом качестве ему приходилось заниматься проблемами опеки над имениями недееспособных землевладельцев. Д.Д. Оболенский пишет: «...В уезде было огромное имение слабоумного князя Долгорукого. Московская опека назначила опекушкой над его епифанскими имениями кавалерственную даму княгиню В.Н. Долгорукую¹; а я назначил соопекуном епифанского старожилы, пользовавшегося репутацией честного человека, Д.А. Балкашина: он служил более 25 лет исправником еще от дворянства и был человек неподкупный. В имении Долгоруких буквально шел грабеж, которому Балкашин и положил тотчас предел. Недовольные назначением неизвестного им соопекуна, князя Долгорукие жаловались на это, и получилось высочайшее повеление изъять долгоруковскую опеку из епифанской и перевести в Москву. Пока шла переписка, Д.А. Балкашин за год дал с имений кн. Долгоруким доходу вдвое против прежнего; это их крайне удивило, и они, конечно, пожелали оставить опеку в Епифани, но было уже поздно за состоявшимся высочайшим повелением. Тогда князя Долгорукие упростили Д.А. Балкашина остаться в качестве заведующего их делами, что он и сделал, получая больше, таким образом, содержания на этом месте, чем соопекун»².

Упоминаемый князем Д.Д. Оболенским Дмитрий Андреевич Балкашин (? – ок. 1890 г.) был мелкопоместным дворянином Тульской губернии. Всю свою жизнь он прослужил в Епифанском уезде на различных административных должностях. В 1848 г. титулярный советник Балкашин был уездным почтмейстером³. В 1850–1855 гг. он являлся заседателем уездного суда, в 1856–1872 гг. служил уездным исправником⁴. С 1868 г. Д.А. Балкашин имел чин коллежского советника (VI класс по Табели о рангах), был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени с императорской короной (1867) и Св. Анны 2-й степени (1870).

В январе 1872 г. Д.А. Балкашин подал в отставку. По этому случаю «Тульские губернские ведомости» опубликовали следующее распоряжение губернского начальства: «Епифанского уезда исправник коллежский советник Балкашин сего числа уволен, согласно прошению, по совершенно расстроенному здоровью, от должности и вовсе от службы. 15 лет прослужил. Д.А. Балкашин в должности Епифанского уездного исправника, постоянно отличаясь примерною деятельностью, безусловною честностию и отличною распорядительностию. Неизменное уважение 3-х губернаторов и общее расположение всех сословий уезда – громче слов говорят о службе г. Балкашина. Тем не менее, прощаясь с г. Балкашиным, не могу не выразить моего сердечного сожаления, что расстроенное на службе здоровье лишает меня лучшего и опытнейшего сотрудника и [не могу] не поблагодарить его еще раз за всегда добросовестные труды. Считаю себя счастливым, что, благодаря вниманию г. Министра внутренних дел к 42-летней беспорочной службе г. Балкашина, мною засвидетельствованной, будущность этого достойного труженика, при удалении со служебного поприща, вполне обеспечена всемиловитвейше назначенным ему вне правил пенсионом. 26 января 1872 года. Губернатор Арсеньев»⁵.

В последующие годы Д.А. Балкашин фигурирует в справочных изданиях как один из директоров Епифанского уездного отделения Попечительного о тюрьмах комитета⁶.

¹ Имеется в виду сестра последнего нагишевского помещика княжна Варвара Никитична Долгорукова.

² *Оболенский Д.Д.* Наброски из воспоминаний. // Русский архив, № 4, 1895. С. 504.

³ Адрес-календарь Тульской губернии на 1848 год. – Тула, 1848 – С. 65.

⁴ *Яблогков М.Т.* Дворянское сословие Тульской губернии. / Памятная книжка Тульской губернии на 1898 год. Тула, 1898. Отдел V. С. 131.

⁵ Тульские губернские ведомости, № 8 (29 января 1872).

⁶ Памятная книжка Тульской губернии на 1876 год. Тула, 1876. Отдел I. С. 134.

Характеризуя последнего фактического управляющего епифанскими имениями князей Долгоруковых, Д.Д. Оболенский отмечает: «Д.А. Балкашин, хотя и старый исправник и тип дореформенный, представлял собой редкое исключение между людьми того времени и того пошиба. Он искал всегда сближения с людьми лучшего общества, не знал низкопоклонства и, хотя не получил никакого воспитания, но, имея природный ум и много энергии, вращаясь между людьми образованными и умными, приобрел даже известный лоск и светский такт. В уезде он в течение многих лет пользовался большим уважением. Будучи страстным охотником, он был известен как лучший стрелок не только в уезде, но и в губернии. Садовод он был отменный и в своем небольшом садике в Епифани выводил чудесные цветы, в особенности георгины-далии. Пережил он многих губернаторов, у коих он считался примерным исправником; даже у М.Р. Шидловского¹, который был крайне требовательный губернатор, Балкашин был на прекрасном счету. Помещики в уезде, бывая в Епифани, непременно заезжали к нему, так как он отличался хлебосольством. Балкашин принадлежал к тем тихим, но серьезным деятелям, на плечах у которых собственно лежит в уезде главная административная работа. Сколько столкновений всевозможных уладил и остановил Д.А. Балкашин в бытность свою исправником, особенно во время освобождения крестьян 1861 года! ...Его, как старожилы, народ и слушался, и отчасти боялся... Я уже скоро 15 лет как оставил службу и не бываю в Епифани. В числе многих моих знакомых умер и Балкашин; но его гостеприимный домик не запустел, а обратился не то в школу, не то в богадельню, по крайней мере, не заглох и не разрушился, а пошел на доброе дело»².

К этой характеристике остается только добавить, что князь Д.Д. Оболенский оценивал деятельность Д.А. Балкашина с точки зрения соблюдения им интересов дворян-землевладельцев. Что думали о его участии в управлении имением своего слабоумного барина крестьяне сел Нагиши, Петрушино, Орловка-Троицкое и деревни Купчей остается неизвестным. Однако вряд ли они были в восторге, ощущая на себе действие запущенной Д.А. Балкашиным машины по выжиманию из них денег в пользу бывшего помещика.

В 1860–1870-х гг. газета «Тульские губернские ведомости» регулярно печатала хроники происшествий, в которых довольно часто встречаются упоминания о селе Нагиши. Эти сообщения являются ценным источником по истории села в рассматриваемый период.

Частым бедствием в селе были повторявшиеся с пугающей периодичностью пожары. В разделе «Происшествия 2-й пол. ноября 1863 г.» можно прочесть: «Епифанского [уезда] в селе Нагишах у временнообязанных крестьян 21 числа от неосторожного обращения с огнем сгорело 11 дворов. Убытку понесено на 3000 р.»³.

Иногда до газетных страниц доходили отголоски бурных отношений между односельчанами. Весной 1865 г. главный печатный орган губернии опубликовал следующее объявление: «В Епифанский уездный суд вызываются временнообязанные крестьяне кн. Долгорукого Епифанского [уезда] с[ела] Нагишей Петр Иванов Крючиков и Степан Максимов Коробейщевы для выслушивания решения Тульской уголовной палаты, судимые по обвинению со стороны односельского крестьянина Григорья Тимофеева Николаева в ограблении ими у него и жены его имущества и в причинении им побоев»⁴.

Происшествия с рабочим и домашним скотом также были неотъемлемой частью крестьянской жизни. Летом 1865 г. в «Тульских губернских ведомостях» появилась такая замет-

¹ Шидловский Михаил Романович (1826–1880) – генерал-лейтенант, сенатор, Тульский гражданский губернатор в 1865–1870 гг., товарищ министра внутренних дел в 1871–1874 гг.

² *Оболенский Д.Д.* Наброски из воспоминаний. // Русский архив, № 4, 1895. С. 504–505.

³ Тульские губернские ведомости, № 5 (1 февраля 1864).

⁴ Тульские губернские ведомости, №№ 14–15 (3 апреля 1865).

ка: «По рапорту Елифанского уездного полицейского управления публикуется – о пропавшей у священника села Нагишей Василья Николаева Боголюбова лошади, приметамы она: стригун, матка, саврасой шерсти, во всю спину ремень, стоит 25 р. сер[ебром]»¹.

Летние грозы также порою наносили крестьянам ущерб. В «Происшествиях 2-й пол. июля 1865 г.» сообщается: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Нагишах у временнообязанных крестьян 15 ч[исла] от молнии сторели 3 риги, 1 амбар и ½ скирда ржи. Убытку понесено на 350 р.»².

Летом 1866 г. главная губернская газета сообщила об эпизоотии в Нагишах: по селу распространялась чума рогатого скота. По информации издания, в июле из 665 голов крестьянского скота заболело 64, пало 49³. Новая вспышка болезни пришлось на осень. В сентябре 1866 г. заболело и пало еще 16 голов скота⁴.

Без пожаров в том году также не обошлось. В разделе «Происшествия 1-й пол. июля 1866 г.» можно прочитать: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Нагишах у временнообязанных крестьян 3 ч[исла], как предполагают, от неосторожного обращения с огнем кр[естьянина] Романова или семейных его сторело 2 двора. Убытку понесено на 2500 р.»⁵.

В конце 1866 г. «Тульские губернские ведомости» опубликовали список присяжных заседателей Елифанского уездного суда, избранных на следующий 1867 г. в соответствии со статьей 99 Судебных уставов, принятых 20 ноября 1866 г. (в стране шла судебная реформа). Присяжными заседателями на четвертую четверть года стали крестьяне Нагишевской волости Ефим Матвеев, Евдоким Иванов, Матвей Александров и Захар Александров⁶.

Богатым на происшествия оказался март 1867 года. В хронике за 1-ю половину месяца газета сообщила о вполне ординарном для русской деревни случае: «Еп[ифанского] у[езда] с[еле] Нагишей временнообязанный крестьянин Илья Поташев, 55 л[ет], 4 ч[исла] умер от излишнего употребления вина»⁷. Зато в следующем выпуске, посвященном 2-й половине марта, была опубликована целая детективная история из жизни сельских обывателей: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Нагишах у временнообязанного крестьянина Ивана Крючкова 26 ч[исла] сторела рыга и в ней 8 четв[ертей] и 18 копен ржи. Убытку понесено на 92 руб. При дознании Ив. Крючков заявил подозрение в поджоге рыги на отделенного сына своего бессрочно-отпускного рядового Свеаборгского крепостного полка Илью Иванова Крючкова, основанное на том, что сын его Илья Крючков, бывши у него 20 ч[исла] в пьяном виде, поссорился с зятем его Зайченковым и начинал было с ним драться, и когда другой сын, живший вместе с ним, Матвей, не давая им драться, вывихнул брата своего рядового Крючкова из избы, то последний несколько раз говорил, что сожжет их, и эти угрозы произносил и на улице, что слышала соседка крестьянка Прасковья Козьмина, после сего вскоре загорелась и рыга. Дознание это передано судебному следователю для производства формального следствия»⁸.

Апрель также не обошелся без грустных событий. Хроника 1-й половины марта 1867 г. сообщала: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Нагишах крестьянский мальчик Михаил Семенов, 3 л[ет], 9 ч[исла] попал в яму, наполненную водою, и утонул»⁹.

¹ Тульские губернские ведомости, № 27 (3 июля 1865).

² Тульские губернские ведомости, № 36 (4 сентября 1865).

³ Тульские губернские ведомости, № 30 (22 июля 1866).

⁴ Тульские губернские ведомости, № 40 (1 октября 1866).

⁵ Тульские губернские ведомости, № 34 (20 августа 1866).

⁶ Тульские губернские ведомости, № 49 (3 декабря 1866).

⁷ Тульские губернские ведомости, № 9 (4 марта 1867).

⁸ Тульские губернские ведомости, № 11 (18 марта 1867).

⁹ Тульские губернские ведомости, № 18 (6 мая 1867).

Летом 1867 г. в Нагишах вновь начались пропажи лошадей. По рапортам Елифанского уездного полицейского управления в газете были опубликованы следующие сообщения: «О пропавших у священника села Нагишей Василья Лукина Никольского 2 лошадях, из коих 1) гнедой мерин 7 лет, грива с косою на правую сторону, хвост жидкий; 2) светло-бурая кобыла, грива на правую сторону, хвост густой¹», а также «о пропавшей у крестьянина села Нагишей Савелия Ефимова Гуськова лошади, мерине темно-гнедом, 6 лет, грива на левую сторону» и «о пропавших с 19 на 20 число мая месяца двух лошадях, принадлежащих крестьянину села Нагишей кн. Долгорукого Тарасу Каптыгину 1) мерин темно-гнедой шерсти, 12 лет, грива на правую сторону; 2) кобыла карей шерсти 6 лет, жеребая, росту среднего»².

В декабре 1867 г. «Тульские губернские ведомости» порадовали читателей очередным деревенским детективом из Нагишей. В хронике происшествий 1-й половины ноября сообщалось: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Нагишах у крестьянина Пережогина 12 ч[исла] сторе-ла рыга с хлебом и разными земледельческими орудиями. Убытку понесено на 217 р. Строе-ние было застраховано в 8 р. При дознании Пережогин заявил подозрение в поджоге на односельского крестьянина Ивана Фатеева, который имел неудовольствие на него за то, что он, Пережогин, не выдал за него внуку свою Василису Сергееву замуж, и перед свадьбою Сергеевой он говорил снохе Пережогина, чтобы Сергееву не выдавали замуж, иначе он че-го-нибудь сделает. Кроме сего, следы сапог, бывшие на снегу по направлению от сторевшей рыги к дому Фатеева, оказались сходными с его сапогами. Дознание это передано судебному следователю для производства следствия»³. Страдания нагишевского Ромео вполне понятны и могут вызвать лишь сочувствие. К сожалению, истории так и осталось неизвестным, на-ходили ли его терзания отклик в сердце новой Джульетты – крестьянской девицы Василисы Сергеевой.

Среди происшествий за 1-ю половину февраля 1868 г. можно найти уже привычное: «Еп[ифанского] у[езда] с[ела] Нагишей крестьянин Марк Михайлов, 38 л[ет], 1 ч[исла] умер от излишнего употребления вина»⁴.

Летом последовали новые случаи исчезновения лошадей. По рапорту уездного полицей-ского управления сообщалось «о пропаже 24 мая с подножного корма лошади, принадле-жащей крестьянину того же уезда села Нагишей Андрею Родионову Зотову, мерина бурого, передние ноги по колена белые, 9 лет, грива налево»⁵.

Грозы в сельской местности представляли опасность не только для построек и посевов, но порой и для людей. В разделе «Происшествия по губернии 2-й пол. июля 1868 г.» можно прочитать следующее: «Еп[ифанского] у[езда] близ с[ела] Кликоток бывший дворовый чело-век с[ела] Нагишей Василий Лукин, 17 л[ет], 20 ч[исла] убит молнией вместе с лошадью, на которой ехал верхом»⁶.

Лошади в Нагишах не только пропадали. Как свидетельствуют газеты, к реке Мокрой Та-боле у Нагишей и Писаревки довольно часто выходили и чужие лошади, оставшиеся без над-зора. В «Тульских губернских ведомостях» был специальный раздел – «О лошадях». В нем, в частности, осенью 1868 г. по рапорту Елифанского уездного полицейского управления было опубликовано следующее объявление «о набежавшей 23 сентября в с[ело] Нагиши лоша-

¹ Тульские губернские ведомости, № 22 (3 июня 1867).

² Тульские губернские ведомости, № 29 (22 июля 1867).

³ Тульские губернские ведомости, № 50 (16 декабря 1867).

⁴ Тульские губернские ведомости, № 10 (9 марта 1868).

⁵ Тульские губернские ведомости, № 25 (22 июня 1868).

⁶ Тульские губернские ведомости, № 34 (24 августа 1868).

ди – жеребце 3 лет, росту среднего, красно-гнедой шерсти, грива на правую сторону, хвост черный»¹.

В зимнее время порой простого похода в соседнее село хватало для того, чтобы имя человека попало на страницы газеты. В хронике происшествий 2-й половины ноября 1868 г. сообщалось: «Еп[ифанского] у[езда] близ с[ела] Петрушина в роше князя Долгорукова крестьянин с[ела] Нагишей Иван Сергеев, 60 л[ет], 5 ч[исла] найден замерзшим»².

Лошади в Нагиши набегали и в зимнее время. В январе 1869 г. уездное полицейское управление сообщило «о набежавшей к крестьянину с[ела] Нагиши Ивану Миронову Кокореву лошади – караковой кобыле 4 лет, грива на правую сторону, хвост жидкий, на лбу небольшое белое пятно»³.

Той же зимой главная губернская газета сообщала в разделе «О происшествиях в январе (2-й пол.) 1869 г.: «Еп[ифанского] у[езда] в Нагишах 16 ч[исла] от неосторожного обращения с огнем у крестьянина Родиона Афонасьева сгорел застрахованный сарай с разным имуществом и хлебом. Убытку понесено на 150 р⁴.».

Пьянство было одной из главных бед русского села во все времена. Свидетельство этого – частое повторение сообщений вроде этого, взятого из хронике происшествий за 1 половину февраля 1869 г.: «Еп[ифанского] у[езда] с[ела] Нагишей временнообязанный крестьянин Никита Михайлов, 57 л[ет], 5 ч[исла] умер скоропостижно от излишнего употребления вина»⁵.

Один из самых крупных пожаров, зафиксированных в это время в Нагишах, случился летом 1869 г. «Тульские губернские ведомости» отозвались на эту трагедию скудными строками в хронике происшествий за 2-ю половину августа: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Нагишах 26 ч[исла] сгорело 28 крестьянских домов и ветряная мельница. О причине пожара и количестве убытка производится дознание»⁶.

В газетах тех лет встречаются упоминания и о менее масштабных трагедиях. Например, хроника происшествий за 1-ю половину февраля 1870 г. сообщала: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Нагишах крестьянин Никифор Егоров 11 ч[исла] задавлен до смерти обрушившимся верхом сеней его дома»⁷.

Продолжались появления в селе беспризорных лошадей. В апреле 1870 г. «Тульские губернские ведомости» сообщали: «По рапорту Епифанского уездного полицейского управления публикуется о набежавшей в с[ело] Нагиши лошади. Приметы ее: мерин рыжий, за 10 лет, роста среднего...»⁸

Весной 1870 г. в Нагишах произошел еще один крупный пожар. Сведения о нем сохранены в хронике происшествий за 2-ю половину апреля: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Нагишах 4 ч[исла] от неосторожного обращения с огнем сгорело 10 домов священно- и церковнослужителей и 2 дома мещан Семилеткина и Сергеева. Убытку понесено на 4475 р.»⁹.

В марте 1871 г. на первой странице «Тульских губернских ведомостей» появилось следующее объявление: «Распоряжения губернского начальства. – Начальника губернии. Епифан-

¹ Тульские губернские ведомости, № 42 (19 октября 1868).

² Тульские губернские ведомости, № 48 (30 ноября 1868).

³ Тульские губернские ведомости, № 2 (11 января 1869).

⁴ Тульские губернские ведомости, № 7 (15 февраля 1869).

⁵ Тульские губернские ведомости, № 9 (1 марта 1869).

⁶ Тульские губернские ведомости, № 37 (13 сентября 1869).

⁷ Тульские губернские ведомости, № 9 (28 февраля 1870).

⁸ Тульские губернские ведомости, № 14 (4 апреля 1870).

⁹ Тульские губернские ведомости, № 22 (30 мая 1870).

ский уездный исправник рапортом от 26 февраля за № 216 донес мне, что по Нагишовской волости, при усердном старании местного волостного старшины, подати, земские сборы и другие платежи оклада 1-й пол. С. г. взысканы сполна и внесены в местное уездное казначейство. За таковое успешное взыскание по означенной волости денежных сборов за 1-ю пол. С. г. объявляю старшине упомянутой волости¹ совершенную мою благодарность. 1 марта 1871 г. Г[убернатор] Арсеньев»².

Согласно опубликованному в июне 1871 г. главной губернской газетой «Списку лиц, имеющих право голоса в избирательных съездах уездных землевладельцев по земскому учреждению с означением имущества», к этому времени бывший помещик сел Нагишей, Петрушина и Орловки-Троицкого слабоумный князь С.Н. Долгоруков оставался одним из крупнейших землевладельцев Епифанского уезда. В его собственности оставались 7132 десятины (ок. 7792 га) земли при трех селах, из которых 2213³/₄ десятины (ок. 2418 га) использовались непосредственно от его имени, а 3771 десятина (4120 га) находилась в наделе у крестьян»³.

В августе 1871 г. Нагиши значатся среди населенных пунктов Епифанского уезда, по которым прокатилась эпидемия холеры. Случаи заболевания в селе отмечались вплоть до конца сентября. Потом распространение болезни пошло на убыль, и из списков затронутых ей волостей упоминание о селе исчезло⁴.

В марте 1872 г. «Тульские губернские ведомости» опубликовали очередной список присяжных заседателей на текущий год. В нем, в частности, сообщалось, что одним из присяжных заседателей Епифанского уездного суда на третью четверть года были избран крестьянин села Нагиши Нагишевской волости Ефим Матвеев⁵. В следующем году присяжным заседателем на третью четверть года стал его односельчанин Евдоким Иванов⁶.

Раздел «Из ведомости о происшествиях по Тульской губернии за 1-ю пол. мая 1872 г.» сообщил о крупнейшем пожаре в селе за весь рассматриваемый исторический период. 29 апреля 1872 г. «в селе Нагишах Епифанского уезда» сгорел «51 дом с постройками, 3 риги и 2 маслябойки. Убытку понесено на 11 525 руб.»⁷.

Осенью 1873 г. земельные владения князя С.Н. Долгорукова при селе Нагиши активно обсуждались депутатами Епифанского уездного земского собрания. Тему поднял гласный И.И. Раевский, считавший, что земские сборы с имения недееспособного помещика не соответствуют получаемым с него доходам. На заседании 2 сентября 1873 г. «г[осподин] гласный Раевский заявил собранию, что ежегодно поступают заявления от владельцев земель о сложении излишне начисленных в оклад, так что собранию ежегодно предстоит исключение из оклада значительного количества десятин; между тем, по Епифанскому уезду существует много земель, зачисленных в разряд неудобных по уставным грамотам. Так ему, гласному, лично известно, что при селе Нагишах кн. Долгорукого до 40 десятин (43,7 га) под названием «Казачье болото» значатся неудобной земли, необложенной повинностями в пользу земства; в настоящее время на упомянутой земле разрабатывается торф и каждая десятина ценится до 600 р. Собранием постановлено: поручить управе собрать сведения на указан-

¹ Фамилия волостного старшины Нагишевской волости в тексте не упомянута, однако может быть восстановлена по документам архивного фонда канцелярии Тульского губернатора.

² Тульские губернские ведомости, № 16 (3 марта 1871).

³ Тульские губернские ведомости, № 44 (16 июня 1871).

⁴ Тульские губернские ведомости, № 62 (18 августа 1871).

⁵ Тульские губернские ведомости, № 18 (8 марта 1872).

⁶ Тульские губернские ведомости, № 1 (3 января 1873).

⁷ Тульские губернские ведомости, № 39 (27 мая 1872).

ные г. Раевским земли и представить свои соображения к будущему очередному собранию о возможном размере их обложения в пользу земства»¹.

Раздел главной газеты губернии «Из ведомости о происшествиях по Тульской губернии за 1-ю пол. сентября месяца 1874 г.» сообщил о еще одном крупном пожаре в Нагишах, нанесшем его жителям значительный ущерб. «9 сентября Елифанского уезда в селе Нагишах сгорел 31 крестьянский дом с надворными постройками, 23 риги, 9 амбаров, 13 сараев, 576 копен ржи, 275 копен овса, 69 – гречи и [еще] 14 копен ржи, на 7185 р. По заявленному подозрению в поджогах дознание передано судебному следователю»².

Очередной список присяжных заседателей Елифанского уездного суда на 1875 г. свидетельствует, что в четвертой четверти года эту почетную обязанность должна была исполнять группа нагишевских крестьян в составе Михея Тимофеева Таптыгина, Петра Агапова Чиликина, Дмитрия Федорова Юдаева, Кирьяна Власова Семенова, Потапа Петрова Кочеткова, Матвея Сафонова Сафонова, Федора Ефимова Гуськова, Леонтия Иванова Малаканова и Филиппа Тимофеева Абашкина³. В 1876 г. присяжным заседателем на первую четверть года был избран крестьянин села Нагиши Нагишевской волости Тарас Петров Таптыгин, на вторую четверть – его односельчанин Дорофей Захаров Козловцев, на третью четверть – уроженец того же села Михаил Васильев Швычков⁴.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Лебяжьем Усаде (Нагишах), «бывшем селе владельческом», насчитывалось 442 двора и 3235 жителей. В населенном пункте размещалось волостное правление, имелся постоянный двор, по-прежнему проводились ежегодные ярмарки 28 июля. При Воскресенской церкви существовала богадельня. С 1875 г. в селе действовала земская школа⁵.

Немало уроженцев села Нагиши принимали участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Например, Никита Артемьевич Овечкин (1850–?) в эти годы служил рядовым в 158-м пехотном Кутаисском полку в составе 40-й пехотной дивизии, участвовал в осаде и взятии турецкой крепости Карс, а в 1879 г. благополучно возвратился в родное село. Солдаты и унтер-офицеры из Нагишей освобождали Болгарию в составе Лейб-гвардии Семеновского, 56-го пехотного Житомирского, 96-го пехотного Омского и 7-го драгунского Кинбурнского полков.

В 1891 г. в Нагишевской волости насчитывалось 3 селения, 1 церковь и 1 школа. В ее селах и деревнях в общей сложности насчитывалось 630 крестьянских и 6 некрестьянских дворов. Крестьянское население волости составляли 2600 мужчин и 2607 женщин (всего – 5207 чел.), некрестьянское – 28 мужчин и 36 женщин (всего 64 чел.). Таким образом, всего в Нагишевской волости проживал 5271 человек⁶. Она относилась к группе наименее населенных в Елифанском уезде и в рамках местной административной реформы в 1891 г. была объединена с Троице-Орловской. Новообразованная волость первоначально называлась Троицко-Нагишевской, позднее ее название было изменено на Нагишевско-Орловскую. В 1892 г. в ней насчитывалось 9 селений, 3 церкви и 3 школы. Число крестьянских дворов в селах и деревнях волости возросло до 1128, некрестьянских – до 16. Крестьянское население волости отныне составляли 4500 мужчин и 4440 женщин (всего – 8940 чел.), не-

¹ Тульские губернские ведомости, № 74 (3 октября 1873).

² Тульские губернские ведомости, № 78 (28 сентября 1874).

³ Тульские губернские ведомости, № 9 (25 января 1875).

⁴ Тульские губернские ведомости, № 9 (31 января 1876).

⁵ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 77.

⁶ Памятная книжка Тульской губернии на 1891 год. Тула, 1901. Отдел III, С. 18–19.

крестьянское – 58 мужчин и 80 женщин (всего 138 чел.). Всего же в Нагишевско-Орловской волости в первый год ее существования проживало 9078 человек. Крестьяне волости обрабатывали 5742 десятины земли (6273 га).

Первым волостным старшиной новообразованной Нагишевско-Орловской волости стал прежний троице-орловский волостной старшина Илья Боддин, занявший также должность председателя волостного суда. В 1893 г. на этом посту его сменил Козьма Строков, а волостной суд возглавил Иван Евсеев. Оба они выполняли эти функции до 1897 г. Нагишевско-Орловская волость просуществовала в неизменном виде до административных реформ советского времени.

Голод в Центральной России и Поволжье в 1891–1892 гг., ставший следствием засухи и неурожаев, серьезно затронул Епифанский уезд Тульской губернии. Однако крестьяне зажиточного села Нагиши ощущали его в самой незначительной степени. Попечительству Красного Креста и благотворительным организациям пришлось приложить немало усилий лишь для организации медицинской помощи местным жителям, страдавшим от начавшейся в регионе эпидемии тифа¹. В 1893–1894 гг. в селе Нагиши работал земский врач Михаил Герасимович Зайцев². Однако уже в 1894 г. опорный пункт земской медицины был перенесен в соседнее село Клекотки, являвшееся важным коммуникационным узлом округа благодаря станции Сызрано-Вяземской железной дороги.

В 1895 г. в Туле под редакцией П.И. Малицкого вышел в свет сборник «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей». В статье о приходе в селе Лебяжий Усад, Нагиши тож, дано следующее описание населенного пункта: «Село находится на границе с Скопинским уездом Рязанской губернии (в 1 версте). Оно расположено в местности низменной, сырой, и посреди самого села протекает небольшая речка, называемая Табола. От г. Тулы это село отстоит в 100 верстах и в 25 верстах от г. Епифани»³. О храме Воскресения Христова в Нагишах в книге сказано, что он имел два придела: во имя Смоленской иконы Божьей Матери и святителя и Чудотворца Николая. Из наиболее почитавшихся в нем образов П.И. Малицкий отметил иконы Воскресения Христова, Смоленской и Владимирской Божьей Матери, а также святителя Николая. «В 1883 г., – сообщил автор книги «Приходы и церкви Тульской епархии», – на правой стороне настоящего храма поставлен был прихожанами образ свят. Александра Невского» в память мученической кончины императора Александра II. Икона находилась «в отдельно устроенной с резьбою и позолотой киоте, сделанной в виде небольшого иконостаса»⁴. На левой стороне «в большой вызолоченной раме» находился «образ равноапостольной Марии Магдалины в память государыни Марии Александровны (супруги Александра II), пожертвованный г. Перцовым»⁵. «В 1892 г., – отмечал далее П.И. Малицкий, – в память события 1888 г., угрожавшего драгоценной жизни Царского Семейства⁶, крестьянами пожертвована была в храм икона Св. благоверного князя Александра Невского⁷ и святых, празднуемых 17 октября»⁸.

¹ Тульские губернские ведомости, № 50 (27 июня 1892).

² Памятная книжка Тульской губернии на 1894 год. Тула, 1894. Отдел II, С. 6.

³ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 179.

⁴ Остатки ее креплений до сих пор можно видеть на внутренней стене полуразрушенного храма.

⁵ Имеется в виду Павел Петрович Перцев (1831–1896), помещик входившего в приход Воскресенской церкви сельца Писаревки (ныне Писарево в Кимовском районе Тульской области).

⁶ Имеется в виду крушение императорского поезда у станции Борки 17 (29) октября 1888 г.

⁷ Святого покровителя императора Александра III.

⁸ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 179.

В конце XIX в. к приходу нагишевской церкви относились деревни Елифанского уезда Купчая, Зеновка, Васильевка, Таракановка тож¹, и село Писаревка. Всего в приходе насчитывалось 2613 прихожан-мужчин и 2693 женщины. Причт храма состоял из двух священников, дьякона и двух псаломщиков. Церковь располагала капиталом в сумме 6486 руб. Получавшиеся в пользу причта проценты составляли 5 руб. 72 коп. Также в распоряжении священнослужителей имелось 33 десятины 176 сажень (36,13 га) пахотной и 3 десятины 16 сажень (3,29 га) усадебной земли. С 1881 г. в приходе существовало церковно-приходское попечительство².

По свидетельству «Тульских епархиальных ведомостей», с 1894 г. в Нагишах действовала «одноклассная школа (50 мальчиков)», помещавшаяся «в собственном здании». Законоучителем в ней состоял священник Михаил Зайцев, учителем – дьякон Сергей Иванов. Попечителем школы был купец Сергей Аксенов³.

Из священников, служивших в Воскресенской церкви села Нагиши в конце XIX в., известны Константин Гаврилович Сахаров (ок. 1867–1893 гг.) и Петр Иванович Гольский (ок. 1874–1893 гг., ранее служил в приходе села Троице-Орловки), а также диакон Василий Крутицкий, в 1891 г. назначенный на освободившееся место священника в «соединенном Немцово-Лаптевском приходе Алексинского уезда»⁴.

Интересно отметить, что вплоть до начала XX в. князья Долгоруковы (Долгорукие) оставались крупными землевладельцами Нагишевско-Орловской волости. «Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождения их поместий в Тульской губернии», помещенный в IV (XIII) томе сборника «Дворянское сословие Тульской губернии», сообщает о том, что в 1903–1906 гг. князь Д.А. Долгорукий⁵ владел 608 десятинами (664,26 га), а князь А.Н. Долгоруков⁶ – 598 десятинами (653,34 га) пахотной земли при селе Нагиши⁷.

Другими значительными землевладельцами волости были жена отставного генерал-майора Мария Михайловна Устинова (598 десятин /653,34 га/ в 1903–1906 гг.), вдова коллежского регистратора Софья Алексеевна Варыпаева⁸ (196 десятин /214,14 га/ в 1903–1906 гг., 206 десятин /225,06 га/ в 1906–1909 гг.), жена штабс-капитана Ольга Алексеевна Алексеева (120 десятин /131,10 га/ в 1903–1909 гг.), дворянин Матвей Исаевич Першин (42 десятины /45,89 га/ в 1903–1909 гг.), Соковнины: титулярный советник Дмитрий, коллежский советник Сергей, губернский секретарь Константин, дворяне Петр и девица Надежда Николаевичи; жена капитан-лейтенанта Мария Николаевна Михайлова, жена коллежского советника Софья Алексеевна Алексинская, дочь действительного статского советника Вера Николаевна Лебедева (на всех – 30 десятин /32,78 га/ в 1903–1909 гг.), жена титулярного советника Александра Семеновна Соковнина (30 десятин /32,78 га/ в 1903–1909 гг.)⁹.

¹ Ныне Березовка в Кимовском районе Тульской области.

² Приходы и церкви..., там же.

³ Тульские епархиальные ведомости, № 21 (1 ноября 1901 г.). С. 178.

⁴ Тульские епархиальные ведомости, № 23 (1 декабря 1891).

⁵ Долгоруков Дмитрий Алексеевич (1825–1909) – князь, помещик Елифанского уезда Тульской губернии.

⁶ Долгоруков Александр Николаевич (1872–1948) – князь, генерал-майор Свиты Его Императорского Величества (1912), командир Кавалергардского полка в 1912–1914 гг. Участник русско-японской и Первой мировой войн, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени (1914), был также награжден Георгиевским оружием (1916). В 1918 г. служил в армии гетмана Скоропадского, в 1919 г. – в армии генерала Н.Н. Юденича, участвовал в Гражданской войне. Видный деятель русской военной эмиграции, в 1932–1938 гг. возглавлял отдел РОВС в Марокко.

⁷ Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождения их поместий в Тульской губернии /Дворянское сословие Тульской губернии, т. IV (XIII). М., 1910.

⁸ Очевидно, речь идет о родственнице дореформенных помещиков села Богослова.

⁹ Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождения их поместий в Тульской губернии /Дворянское сословие Тульской губернии, т. IV (XIII). М., 1910.

Упомянутые в этом списке дворяне Соковнины – члены семьи надворного советника Николая Павловича Соковнина, служившего исправником уездного полицейского управления в первой половине 1880-х гг. Он был дальним родственником князя С.Н. Долгорукого и одним из сонаследников земель его епифанского имения. Софья Алексеевна Алексинская (урожденная Соковнина) – мать известного врача и общественного деятеля И.П. Алексинского¹, совладелица бывшей усадьбы князей Долгоруковых в селе Опарино Александровского уезда Владимирской губернии.

В 1901 г. Смоленская ярмарка в Нагишах упоминается в последний раз². Видимо, традиция их проведения прервалась. В 1914 г. была предпринята попытка возродить ярмарки в селе. Отныне ярмарочным днем стал праздник Покрова Пресвятой Богородицы – 1 октября (ст. ст.)³. Покровские ярмарки в Нагишах проводились во время Первой мировой войны и прекратились только в первые годы советской власти.

В 1914–1917 гг. многие жители Нагишей принимали участие в Первой мировой войне. Из них стоит отметить Алексея Сергеевича Дубенкова (1891–?). В 1911 г. он был призван в Русскую императорскую армию и зачислен в кадры 7-го Сибирского стрелкового полка. За годы войны фельдфебель А.С. Дубенков был награжден Георгиевской медалью 4-й степени, а также Георгиевскими крестами 3-й и 2-й степеней.

По данным клировых ведомостей Тульской епархии в 1915–1916 гг. в селе Нагиши насчитывалось 820 дворов, в которых проживали 2912 мужчин и 2967 женщин. В селе работали земская школа, женская церковно-приходская школа и министерское училище. В 1915 г. Нагишевским двухклассным Министерства народного просвещения училищем заведовал личный почетный гражданин Павел Ефимович Тепльшов⁴. Несмотря на это, успехи народного образования в Нагишевско-Орловской волости выглядят достаточно скромно. По данным земской статистики, если в 1899 г. количество грамотных мужчин в волости не превышало 35 %, а женщин – 3 %, то к 1911 г. количество грамотных мужчин возросло до 40–50 %, а женщин – до 5–10 %⁵.

Последним предреволюционным настоятелем Воскресенской церкви в Нагишах был священник Леонид Петрович Астров (1879–1956). Ему сослужил второй священник Николай Михайлов. Документы также сохранили имена диакона Романа Александровича Костина (1879–?), псаломщика Гавриила Ивановича Архангельского (1882–?), и. д. псаломщика Александра Антоновича Свиталеского (1876–?)⁶ и и. д. псаломщика Петра Лунева.

Советская власть в Нагишах, как и повсюду в Епифанском уезде, была установлена в декабре 1917 года. В 1918 г. в селе был создан комитет бедноты, позднее был избран сельсовет.

События политической жизни страны не оставались в стороне от внимания селян. Вскоре после покушения на жизнь основателя Советского государства В.И. Ленина тульская газета «Коммунар» от 24 сентября 1918 г. опубликовала следующее заявление собрания комитета бедноты села Нагиши Епифанского уезда: «Обсуждая вопрос о покушении на жизнь уважаемого вождя русской революции и друга рабочего класса и трудового крестьянства тов. Ле-

¹ Алексинский Иван Павлович (1871–1945) – хирург, педагог и общественный деятель, член I Государственной думы (1906), с 1920-х гг. – деятель русской эмиграции.

² Памятная книжка Тульской губернии на 1901 год. Тула, 1901. Отдел III, С. 4.

³ Памятная книжка Тульской губернии на 1913 год. Тула, 1913. Отдел IV, С. 88.

⁴ ГАТО. Ф. 93, оп. 3 д. 851, л. 91.

⁵ Епифанский уезд / Материалы для оценки земель Тульской губернии. Том III. Вып. 1. Тула, 1914. С. 68.

⁶ Антонов Д.Н., Антонова И.А. Новый Кешпен: приходы Тульской губернии. 1915–1916 годы. Справочник. Тула, 2014.

нина, мы, беднота, шлем ему горячий привет и глубоко возмущены этим фактом и говорим: пусть наймиты буржуазии знают, что кровь тов. Ленина есть кровь трудящихся всего мира, за которую мы, беднота, будем беспощадно мстить»¹.

Немало уроженцев Нагишей принимали участие в Гражданской войне. Из них наиболее заметный след в истории оставил сын сельского слесаря Павел Иванович Конякин (1898–?). Токарь по металлу, в военные годы работавший на судостроительных заводах в Петрограде, в июле 1917 г. он вступил в РКП (б), в 1918 г. командовал заградотрядом Красной гвардии в Епифани, позднее воевал на Юго-Западном и Западном фронтах. С 1921 г. П.И. Конякин служил на ответственных должностях в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД, был награжден орденом Красного Знамени (1928). В 1938–1939 гг. в звании капитана госбезопасности он занимал должность наркома внутренних дел Чувашской АССР. В 1939 г. П.И. Конякин был арестован и осужден по статье 193–17 УК РСФСР (злоупотребление служебным положением при особо отягчающих обстоятельствах) на 4 года заключения. Его судьба после 1941 г. неизвестна, реабилитирован он не был.

При районировании Тульской губернии в 1924 г. Нагиши вошли в состав Бучальско-Молоденского района Богородицкого уезда. Изданный в 1925 г. справочник «Вся Тула и Тульская губерния» сообщает, что в это время Нагишевский райсельсовет возглавляли С.Н. Шишкин (председатель) и А.А. Строков (секретарь). В селе действовали школа 1-й ступени и пункт ликвидации неграмотности, был открыт бакалейный магазин Нагишевского потребительского общества².

В 1926–1929 гг. село входило в Клеcotковский район Тульской губернии. В 1929 г. Нагиши вместе с другими окрестными населенными пунктами были включены в Горловский район Тульского округа Центрально-Промышленной области, в том же году переименованной в Московскую. В составе Горловского района село попеременно относилось то к Московской (в 1929–1937 и в 1942–1946 гг.), то к Рязанской областям (в 1937–1942 и в 1946–1959 гг.).

В 1928 г. в Нагишах был создан колхоз «Новый путь» – один из первых в Горловском районе. О первых годах его существования специальный корреспондент горловской районной газеты «Ленинская искра» Д. Ланский писал следующее: «Нагишевский колхоз “Новый путь” имеет небольшую, но славную историю. <...> В 1928 году, в ответ на призыв 15-го партсъезда, 14 нагишевских бедняков-безлошадников организовались в коллектив. Организаторами его были братья Теплышевы, Червяков М.В. и Злобин И.А.

– Мы осознали, что дальше в одиночку работать нельзя, – рассказывает тов. Злобин. – Проходит время сева. Все, кто с лошадьми, вовремя выезжают в поле, а мы, безлошадники – сиди и жди, когда они свое поле обрабатывают, а потом и наше. Потом кулаки и зажиточные, чувствуя, что мы от них зависим, стали с нас драть за обработку такие цены, что мы сами себя [не могли] прокормить, не считая скотину и остальное хозяйство. Это и толкнуло нас на организацию колхоза.

Пришел весенний сев, а у молодого колхоза ни тяговой силы, ни инвентаря. На помощь пришло Клеcotковское кредитное товарищество. На полученный кредит колхозники купили 6 лошадей и немного инвентаря. В поле вышли вместе со всеми и дружно провели первый сев.

¹ В.И. Ленин и Тульский край. Хроника событий (1896–1925). Тула: Приокское книжное издательство, 1981. С. 64–65.

² Вся Тула и Тульская губерния. Справочная книга. Тула: Издательство Тульского губисполкома, 1925. С. 173–174.

Когда колхоз только еще организовался, никто в Нагишах не верил в то, что он будет существовать. Особенно шумело кулачье. Середняков тоже брало сомнение: “Ну, где безлошадникам, ничего у них не выйдет”.

Уже первый сев сломил это сомнение. Колхоз стал расти. В 1929 г. в колхозе было 33 хозяйства. В этом же году в колхозе была урожайность вдвое больше, чем у единоличников. Колхоз получил 423 руб. прибыли. Каждый такой успех еще больше вдохновлял молодых колхозников и удваивал их энергию в работе.

В 1930 году после “сплошной” в колхозе осталось 276 хозяйств. В числе других, в колхозе оказались зажиточные и кулацкие хозяйства. Кучка таких “тузов”: Зотов, Макаров и Боначев сколотили группу остальных бедняков и середняков, поставив своей целью вывести их из колхоза и тем самым развалить колхоз. Кулацкий маневр, не встретив ни с чьей стороны отпора, оказался удачным. Из колхоза вышло 31 хозяйство.

Классовый враг радовался, что за этими пойдут и остальные, но на кулацкую удочку больше не шел никто.

Колхоз в составе 70 проц. бедноты, с недостатком тягловой силы, вышел на третий коллективный сев. Кулацкое карканье и сплетни на колхоз вызвали среди колхозников ударничество и соцсоревнование. Сев прошел с небывалым подъемом, с удвоенной производительностью труда.

Классовый враг не дремал и незаметно продолжал свою подрывную работу. “Тихой сапой” пробрался он к руководству. Нагишевским колхозникам памятно время самсоновщины, когда под руководством отдельных правленцев в колхозе развилась пьянка и бесхозяйственность. С чувством глубокой ненависти вспоминают теперь то время лучшие колхозники-ударники “Нового пути”.

Организация в Нагишах партийной ячейки, приезд двадцатипяти тысячника т. Оводенкова и рабочих бригад начали оздоравливать колхоз. Из колхоза были вычищены кулаки и их агентура. Перед колхозниками был поставлен вопрос о труддисциплине, об ответственности за выполняемую работу. Проработали вопрос об организации труда, о переходе на сдельщину.

С января 1931 года, начав по-ударному готовиться ко второму большевистскому севу, “Новый путь” развернул широкую массовую работу за коллективизацию. Бригадами отправлялись старые колхозники агитировать за колхоз «не рассказами», а показом своего опыта, своих достижений. Бригады порядком поработали не только в своем селе, но и в близлежащих селениях. Вот выдержка из отзыва Троице-Орловского колхоза о работе нагишевских колхозников – Абашкиной и Апестина: “Со времени нахождения последних при хорошей разъяснительной работе среди единоличников в колхоз влилось 10 семей. По их же почину организован сбор на подготовку к севу. Правление колхоза Орловец-Каменный считает работу бригады вполне удовлетворительной”. Дмитриевский сельсовет выразил большую благодарность нагишевскому колхозу за присылку бригады.

Подобных отзывов “Новый путь” имеет немало. Несколько сот единоличников вовлечены в колхоз и несколько новых колхозов – таков краткий итог работы бригад.

Энтузиазм старых колхозников, их беспощадная борьба с классовым врагом, за новую колхозную жизнь, под руководством ленинской партии привели село Нагиши к сплошной коллективизации. Сейчас колхоз “Новый путь” один из крупных не только по району, но и по области.

Колхоз “Новый путь” не должен забывать, что на него устремлены взоры тысяч колхозников и единоличников-бедняков и середняков района. Его дальнейшие успехи поднимут их в бой за сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса на этой основе»¹.

---

¹ Ленинская искра, № 24 (13 мая 1931).

Упомянутая в статье «самсоновщина» – намек на значительное влияние местного кулака Самсонова на жизнь колхоза «Новый путь» в 1930–1931 гг. Этому явлению посвящена статья «Кулацкий элемент гнать из колхоза», опубликованная в «Ленинской искре» в январе 1931 г., по итогам исключения «вредителей» из нагишевского колхоза. В ней, в частности, сообщалось: «14 января общее собрание колхоза “Новый путь” (с. Нагиши) подавляющим большинством постановило: исключить из колхоза 7 дворов. Исключенные представляют собой кулацко-зажиточную группу, пролезшую в колхоз с целью самосохранения, а главное – для развала колхоза. Главарь этой вредительской компании быв. торговец Самсонов, имевший до колхоза просорушку, маслобойку, держал батраков и занимался кабальной арендой земли у безлошадных бедняков с. Нагиши. В колхоз он вступил, предварительно разбазарив все свое имущество с целью сохранения своей кулацкой шкуры (по выражению одного колхозника) и для создания карьеры своим сыновьям и дочери. В колхозе кулак Самсонов старался втереться в доверие широких колхозных масс, всяческими путями добирался до руководства колхозом, одно время ему даже удалось состоять членом правления. Когда Самсонов укрепился в колхозе, то стал наводить свои кулацко-вредительские порядки. Издевательски-грубое обращение, матерщина по отношению к колхозникам своей бригады, пьянство в летнюю страдную пору – таков характер руководства и работы Самсонова. Получая взятки от прогульщиков, Самсонов сам не оставался в долгу, ведя безобразный учет труда, вышедших на работу не отмечал и, как выяснилось, завез члену своей кулацкой компании гр-ке Глуховой (которая тоже исключена) 9 возов колхозного картофеля. Самсонов всячески старался дискредитировать присланных в помощь колхозу рабочих 25-тысячников. Не обходилось и без подкапывания под партийную ячейку колхоза. За указание секретаря ячейки на безобразные действия Самсонова последний самым грубым образом обзывал его бюрократом и жандармом. Доказывая всячески свою бескорыстную преданность колхозу, он старался взвалить все неполадки в колхозе на счет правления, на счет коммунистов и комсомольцев. Остальные исключенные компаньоны Самсонова менее видные, но и они много навредили колхозу. Глухова, в прошлом шинкарка (маленький помещик, как выражаются колхозники), имела батраков в своем кулацком хозяйстве. Перед вступлением в колхоз разбазарила все свое имущество. Будучи в колхозе, пользуясь слабой труддисциплиной, имеет массу невыходов на работу без всяких уважительных причин, являясь опорой Самсонова, всей его вредительской работы в колхозе. Кирилова – шинкарка, имеет массу прогулов без уважительных причин, являлась прочной подкулачницей – опорой Самсонову в создании всяких недоразумений как между членами колхоза, так и между членами и правлением колхоза. Дорохов Владимир – быв. торговец, есть упорные слухи, что он имел в годы гражданской войны близкие связи с врангелевскими отрядами. В колхозе являлся прогульщиком, вел подрывную работу против колхоза. Забегаев Петр – ярый подкулачник, и в колхозе тоже был противником всяких мероприятий советской власти, пьянствовал и вел подрывную работу. Топтыгин Сергей – злостный прогульщик, активный сектант, сын активиста-сектанта, члена знаменитого кулацко-сектантского колхоза “братцев-чуриковцев”, и, будучи колхозником, Топтыгин самовольно зарезал обобщественного жеребенка, старался подорвать колхоз и демонстративно подал заявление о выходе из колхоза. Строков – в прошлом, будучи секретарем Нагишевского сельсовета, сумел растратить 500 руб. общественных денег, за что был судим в г. Туле, отбывал шестимесячное тюремное заключение. По выходе из тюрьмы Строков старался показать себя активистом и при организации колхоза в с. Нагиши пролез туда. В колхозе Строков стал счетным работником, но занимался систематическим пьянством, запустил счетное дело и подрывал труддисциплину в колхозе. <...> Надо отметить, что исключение чуждых не обошлось без

примиренческих выступлений колхозниц Архиповой и Марьяшиной, голосовавших против исключения кулацких элементов. Не обошлось и без кулацких угроз Самсонова, пытавшегося, хотя безрезультатно, угрозами сорвать голосование о его исключении. Но смелые большевистские руки выдернули сорную кулацкую траву из колхозного поля. Бедняки и середняки с. Нагиши, не колхозники полностью одобряют исключение вредителей из колхоза...»¹

Тогда же, в начале 1930-х гг., в Нагишах были раскулачены и высланы из села обширные крестьянские семьи Логина Андреевича Зотова (1890–?) и Герасима Ивановича Костикова (1882–?). После «очищения рядов» нагишевские колхозники активно включились в процесс коллективизации села. «Ленинская искра» под заголовком «Перестроим старую, дедовскую деревню» опубликовала «обращение колхозников с. Нагиши ко всем единоличникам, беднякам и середнякам Горловского района». В нем, в частности, говорилось: «Декабрьский пленум ЦК и ЦКК решил в третьем году пятилетки коллективизировать сельское хозяйство Советского Союза на 50 процентов. Это значит, что половина крестьянских хозяйств нашей страны начнет строить свою жизнь по-новому, на коллективных началах. Нашему району к предстоящему весеннему севу нужно иметь в колхозах 45 проц., и в районе деятельности МТС – 60 проц. В нашем селе Нагиши МТС организует тракторную колонну из 14 тракторов с прицепами. Это даст полную возможность бедняцко-середняцкой части села освободиться от эксплуатации кулацко-зажиточной частью деревни. <...> Годичная работа нашего колхоза показала, что он не убыточен, что доходность колхозника выше единоличника, мы приобрели скот, инвентарь, возвели часть построек и т. д. Сейчас мы по-ударному готовимся ко второй большевистской весне. Уже полностью отсортированы семена, сейчас сортируем сверх плана. Отремонтировано 30 плугов, 3 триера и 2 сортировки, 1 клейтон, обтянуто 5 колес и т. п. Для наших стальных коней мы готовим 56 трактористов. Организуем образцовую столовую, 3 дет. ясли, 2 детплощадки и закрытый распределитель. Все это улучшит быт колхозника и облегчит ему работу. Мы, колхозники, обращаемся к вам: не слушайте кулацкой агитации – вступайте в колхоз. Помните, что всякая оттяжка в этом деле только на руку классовым врагам...»²

Весной 1931 г. второй районный съезд Советов принял решение премировать новым трактором колхоз района, лучше других подготовившийся к весеннему севу. Основным соперником нагишевцев в этом состязании стал клетковский колхоз им. И.В. Сталина. Интересную картину смотра готовности колхоза «Новый путь» к севу дает статья «Достойный премии» в горловской районной газете: «...Нагишевские колхозники не забыли о своем большевистском решении завоевать трактор – по-ударному подготовиться к весеннему севу. День 15 марта был решающий. В этот день колхоз перед лицом общественности, перед лицом нескольких тысяч единоличников села сделал генеральный смотр своей подготовки – проводил пробный выезд.

Еще с раннего утра к правлению колхоза начали стекаться колхозники и единоличники села. Первыми прибежали пионеры. Притащили два больших красных полотна и водрузили их на стены дома. “За большевистскую подготовку к севу!” – гласил один из них. “Вон из колхоза кулака и подкулачника!” – бросал клич другой. На лицах людей была написана праздничная радость. Приходили колхозники, любовно оглядывали выстроившиеся словно на парад необыкновенно чистые, блестящие плуги, бороны, сеялки... Некоторые трогали руками инвентарь, поглаживали лошадей. Все в порядке, ничего не забыто.

¹ Ленинская искра, № 4 (29 января 1931).

² Ленинская искра, № 9 (22 февраля 1931).

Пришла молодежь со своим вечным спутником – гармоникой, завели пляску – тут же, на площади, на морозе. В 12 часов – митинг. Предколхоза тов. Оводенков рапортует: “В борьбе за большевистский сев наш колхоз поборол большие трудности. Работали мы не покладая рук. Свыше 13 тонн семян было нами отсортировано в несколько суток. Не хватило веревок. Колхозники вытащили из всех уголков веревки, цепи, ремни, пеньку, собрали 166 рублей. На основе встречного плана мы увеличиваем посев на 40 га, вводим новые культуры. Наш путь – путь борьбы с классовым врагом внутри и вне колхоза. Мы решительно выбросили из колхоза кулаков, рвачей, лодырей и пьяниц. Только на основе действительного энтузиазма, только благодаря решительной борьбе с классовым врагом мы достигли того, что сегодня с гордостью заявляем: мы к севу готовы...”¹

Несколько дней спустя «Ленинская искра» писала: «Нагишевский колхоз “Новый путь” в борьбе за коллективизацию, за первую премию шефбазы – трактор, в последние дни достиг громадных результатов. После смотра готовности колхоза к выходу в поле, который прошел очень удачно, в колхоз начался прилив. Почти ежедневно в колхоз поступали пачками заявления единоличников о том, что они полностью осознали преимущества коллективного хозяйства и хотят быть в рядах колхоза. В результате бурного прилива в колхоз на 2 апреля село Нагиши коллективизировано на 80 проц., плюс на этот день было 100 неразобранных заявлений»². Итоги этого процесса подвел торжественный рапорт правления колхоза «Новый путь», опубликованный районной газетой под заголовком «Нагиши – сплошной колхоз»: «В результате разъяснений решений 6-го съезда Советов, нагишевский колхоз “Новый путь” увеличился до 880 хозяйств, т. е. за исключением кулацкой части села – коллективизировано на 100 проц.»³.

Усилия нагишевских колхозных активистов не пропали даром. По итогам весенне-полевой кампании 1931 г. нагишевский колхоз «Новый путь» взял первое место среди колхозов Горловского района, был награжден Красным знаменем и премирован трактором «Интернационал»⁴.

Массовый прилив крестьян в нагишевский колхоз, по всей видимости, вызвал ряд конфликтных ситуаций в селе. Некоторые из его жителей считали, что «Новому пути» требуется новая «чистка рядов». Весной 1932 г. в районной газете появилась статья с характерным заголовком «Выгнать кулаков из колхоза», в которой сообщалось: «В нагишевском колхозе “Новый путь” под маской колхозников укрывлось несколько кулаков и ведут кулацкую агитацию. Канаев С.В. имел до 1929 года ветряную мельницу, просорушку, торговал мясом. В 1930 году Канаев пролез в колхоз и даже пробрался на руководящую работу. В колхозе он заведует мельницей, шерстобиткой и др. Агуреев Н.И. – имел в компании ветряную мельницу, просорушку, половину маслобойки. Кроме того, имел пасеку в 20 ульев и нанимал батраков. Овечкин Л. – имел с братьями ветряную мельницу до 1929 года, от которой получал большие доходы. Имел собственный фруктовый сад. Затмили И.С. – бывший владелец ветряной мельницы. Заведующим колхозными МТФ и СТФ состоит зажиточный Сарвин А.И. Фермы Сарвин обезличкой и уравниловкой привел в очень плохое состояние. На СТФ имеется сильный отход поросят. Сгноил до 8000 пудов корнеплодов. Эти “колхозники” ведут работу, направленную на подрыв колхоза. Правление совместно с колхозниками должно не-

¹ Ленинская искра, № 15 (23 марта 1931).

² Ленинская искра, № 18 (8 апреля 1931).

³ Ленинская искра, № 20 (18 апреля 1931).

⁴ Ленинская искра, № 57 (10 мая 1932).

медленно исключить эти кулацкие хозяйства»¹. Неизвестно, однако, имела ли эта публикация какие-либо последствия.

В начале 1930-х гг. в крестьянской среде все еще была сильна укорененная традицией религиозность, с которой новым властям приходилось постоянно бороться. Характерной приметой времени является опубликованная в «Ленинской искре» накануне Пасхи 1932 г., совпавшей с праздником 1 Мая, заметка председателя нагишевского колхоза Оводенкова «В поповско-кулацкую пасху – ударная работа в поле». Она гласила: «Нагишевские колхозные бригады, обсудив вопрос о проведении 1 Мая, постановили в этот день организованно выехать в поле. Бригады обязуются выйти на работу на 100 % и выполнить полностью задания»².

Большое внимание уделялось в Нагишах народному образованию. Еще в 1931 г. – раньше, чем во многих других селах Горловского района, в местной школе 1-й ступени были организованы горячие завтраки для учащихся³. Осенью 1932 г. горловская районная газета сообщила: «Образец боевой подготовки к новому учебному году показывает нагишевская школа. При входе в классные комнаты сразу виден хозяйственный глаз. Все печи перекалены. На стенах аккуратно развешены плакаты. Имеется трудовой уголок, который хорошо обеспечен всевозможными инструментами. Нагишевская школа умело держит связь с шефами. Шефы оборудовали рабочую комнату, сейчас новый шеф – Дзержинский район – также обещает снабдить школу необходимыми пособиями...»⁴

«Ленинская искра» не проходила мимо негативных явлений сельской жизни, подвергая их беспощадной критике. На ее страницах можно встретить и такие заметки: «Фельдшер нагишевской амбулатории Козловцев частенько организует в помещении амбулатории пьянку. Так, на 1 Мая в амбулатории Козловцев пьянствовал с собутыльниками всю ночь. Райздравотделу необходимо принять по отношению к нему соответствующие меры и прекратить эти безобразные явления. Буянов»⁵. «Руководители нагишевского сельпо (пред. правления – Канаев, продавец – Тюнин, счетовод – Бутузкин) систематически обманывали потребителя. В практике их работы имелись случаи массового нарушения розничных цен на нормированные товары – были большие накладки. Так, например, сахар вместо 2 руб. 45 коп. продавался по 2 руб. 70 коп. и по 4 руб. за кило, для стимулирования предназначенный сахар продавался по 4 руб. 25 коп., песок продавался с 3-процентной накидкой. На пшено была накидка 30 процентов, тогда как она должна быть не более 20 процентов. <...> За систематическое превышение цен нормированных товаров, грубое извращение политики цен и наценок, руководители нагишевского сельпо – Канаев, Тюнин, Бутузкин – с работы сняты и привлечены к судебной ответственности»⁶.

Однако все же наибольшее внимание районная газета уделяла трудовым будням нагишевских колхозников. Например, в статье селькора Ширшова «Помочь стахановцам в их борьбе за рекордный урожай» сообщалось: «В колхозе “Новый путь” Нагишевского сельсовета стахановское движение охватило широкие массы колхозников и колхозниц. Многие звенья женщин взяли обязательства получить рекордный урожай картофеля – 250 центнеров с гектара. В тринадцатой бригаде звено рекордисток из 6 человек вместе со звеньеводкой Александрой Яковлевной Ширшовой упорным и энергичным трудом добивается выполнения сво-

¹ Ленинская искра, № 44 (19 апреля 1932).

² Ленинская искра, № 51 (28 апреля 1932).

³ Ленинская искра, № 16 (16 февраля 1932).

⁴ Ленинская искра, № 99 (14 августа 1932).

⁵ Ленинская искра, № 71 (9 мая 1934).

⁶ Ленинская искра, № 165 (14 сентября 1931).

их обязательств. Посадку картофеля произвели с большим успехом <...> Не менее важная и ответственная задача стоит перед стахановками сейчас – это прополка. И тут мы встречаем пренебрежение к инициативе стахановцев. Бригадир той же тринадцатой бригады Апестин совершенно не хочет создать условий, которые позволили бы развернуть подлинные методы стахановской работы. Разве не является безобразием тот факт, когда за звеньями не закреплены определенные участки прополки, в результате чего в день по нескольку раз приходится переходить с одного участка на другой, причем выработка не записывается по нескольку дней, установлена оплата за прополку 1 гектара 0,15 трудодня при любой засоренности. Факт издевательства над стахановками был 2 мая. Апестин дал участок прополки, который уже прополочило звено Перескоковой, и женщинам пришлось полдня проходить без работы. Парторг Боначев, а также предколхоза Барабанов знают, что Перескокова наносит разные оскорбления стахановкам, но молчат, а ведь кто, как не парторганизация должна возглавить стахановское движение?»¹

За работой нагишевские колхозники находили время для культурного досуга. Об одном из районных смотров художественной самодеятельности, проходившем осенью 1936 г., «Ленинская искра» в статье «Юные танцовщицы» писала: «Активное участие в смотре художественной самодеятельности приняли и школьники старших классов. Вот на сцену выходят ученицы 7 класса нагишевской неполной средней школы. Их тепло встречает зал. Юные и способные девочки – Мшенская и Сидорова – смело, бойко, в такт музыки, изумительно легко исполняют русскую. Зрители внимательно следят за пластичными движениями рук и ног танцующих девочек.

– Так, так, молодцы! Ай да девочки! Вот она, молодежь-то наша какова, что ни человек – то клад, – горячо аплодируя, говорит старичок-колхозник. С лиц зрителей не сходила радостная улыбка. В зале было весело, оживленно. Всем хотелось рассмотреть лучше и запомнить каждое движение, каждый удачный жест девочек.

Чувствуя одобрение и поддержку зрителей, танцовщицы еще энергичнее, искуснее и смелее отстукивали маленькими каблучками танец. Девочки давно кончили танцевать, а в зале нарастала буря аплодисментов.

– Бис!!! Браво!!! – неслось со всех концов зала.

Вот каких талантливых, боевых, подвижных и умных детей растит наша великая социалистическая родина. Наши дети свободно развивают свои способности. Они всюду получают поддержку взрослых. наших детей любит партия, правительство, Сталин. Им предоставлено все, что есть лучшего в нашей стране. В нашем районе десятки таких же талантливых детей, как Мшенская и Сидорова. Многие из них умеют строить модели самолетов, паровозов, электростанций, прекрасно играют на гармонии, гитаре, скрипке, балалайке, танцуют и играют на сцене»².

В ходе т. н. «безбожной пятилетки» 1932–1937 гг. Воскресенская церковь была закрыта и преобразована в колхозный зерносклад. При нем же была устроена и крупорушка. В эти годы также исчезла часовня, отмечавшая место деревянной церкви XVII–XVIII вв. Видимо, ее кирпич был разобран на хозяйственные нужды.

В годы «большого террора» погиб последний священник Воскресенской церкви в Нагишах – Алексей Иванович Соколов (1899–1937). Он был уроженцем села Висляево Московской губернии. После закрытия Воскресенской церкви продолжал жить в Нагишах, где и был

¹ Ленинская искра, № 65 (5 июня 1936).

² Ленинская искра, № 126 (12 ноября 1936).

арестован 30 сентября 1937 г. А.И. Соколов был осужден тройкой УНКВД по Рязанской области по обвинению в систематической контрреволюционной деятельности и расстрелян в Рязани 17 или 18 октября 1937 г. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. он был посмертно реабилитирован.

Жертвами репрессивной политики советской власти пали и некоторые другие жители села. Степан Алексеевич Мартынов (1885–1937) работал мастером фруктовых вод райпотребсоюза. 26 августа 1937 г. он был арестован в Нагишах и 10 сентября осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению «в антисоветской агитации, направленной против решений партии, и систематической контрреволюционной пропаганде среди населения». 21 сентября 1937 г. С.А. Мартынов был расстрелян на Бутовском полигоне в Подмосковье. Там же завершился жизненный путь уроженца села Нагиши Ивана Григорьевича Тюнина (1879–1938). До революции он служил городовым, в 1930-х гг. работал в г. Коломне извозчиком артели «Возрождение». Его арестовали в Москве 25 января 1938 г., осудили в начале февраля по обвинению в «систематической контрреволюционной агитации и антисоветской пропаганде» и расстреляли 8 февраля 1938 г.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг. имеется перечень населенных пунктов Горловского района «с характеристиками их по состоянию на 1939 г.». Согласно этому документу, в селе Нагиши, административном центре одноименного сельсовета, насчитывалось 561 жилое строение, 557 хозяйств и 2657 чел. населения. Из промышленных заведений отмечены две ветряные мельницы (обе построены в 1918 г.) и одна механическая (открыта в 1938 г.), конная просорушка (действовала с 1936 г.) и конная маслобойка (работала с 1934 г.). В Нагишах действовало почтовое отделение с телефонной станцией. Из социокультурных учреждений в селе имелись начальная-средняя школа, изба-читальня, медицинский пункт и два магазина¹. Если в 1933/1934 учебном году в нагишевской начальной-средней школе насчитывалось 448 учащихся (172 мальчика и 276 девочек), то в 1939/1940 их было уже 628 (320 мальчиков и 308 девочек).

Топографические карты РККА 1941 г. (съёмки 1939 г.) свидетельствуют, что в первой половине XX в. село Нагиши достигло своих наибольших размеров. Накануне Великой Отечественной войны в селе насчитывалось 559 дворов. За крестьянскими домами на левом берегу р. Мокрая Табола работала мукомольная мельница. К этому времени окончательно оформились составные части села: Кириллова слобода (центральная часть села), Бутузкина слобода (район совр. ул. Кутузова), Самара (район совр. Самарской ул.).

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала этапным событием в истории Нагишей. Война в той или иной степени затронула практически все семьи его жителей. В ноябре-декабре 1941 года, после прорыва фронта 50-й советской армии к северу от Тулы, Нагиши вместе с окрестными населенными пунктами несколько недель находились на территории, оккупированной немецко-фашистскими войсками. В сельской школе разместился немецкий полевой госпиталь. Для его отопления оккупанты разобрали деревянное здание сельского клуба. Через Нагиши на Горлово и Михайлов проходили колонны вражеской пехоты и бронетехники. Пострадало от оккупантов и население села. «Немецкие стервятники в селе Нагиши избы колхозников И. Каптыгина, В. Дубенкова, К. Шишкиной облили бензином и подожгли. Расстреляли колхозника артели им. Сталина Д. Вахромеева, сына гражданки Качаниковой.

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристиками их по состоянию на 1939 год.

Трудоспособных уводили к себе в тыл»¹. Нацисты оставили село в первых числах декабря 1941 г., вскоре после начала контрнаступления частей 10-й армии Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова. Боев в самом селе и его ближайших окрестностях не было.

Из уроженцев села Нагиши, принимавших участие в Великой Отечественной войне, наибольшей известностью пользуется генерал-майор Михаил Андреевич Панков (1903–1989). Он служил в РККА с 1921 г., в 1937 г. окончил Военно-инженерную академию им. В.В. Куйбышева, с апреля 1943 г. участвовал в Великой Отечественной войне. В 1944–1945 гг. гвардии подполковник М.А. Панков занимал должность старшего помощника начальника штаба инженерных войск 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта, был ответственным руководителем от штаба инженерных войск по переправе воинских частей через водные преграды, лично руководил переправами при форсировании рек Северный Донец, Ингул, Ингулец, Южный Буг, Днестр, Турья и Западный Буг. 1 августа 1944 г. с выходом войск к р. Висла подполковник М.А. Панков за двое суток под огнем противника осуществил переправу 4 артиллерийских полков, до 2 стрелковых дивизий, 58 самоходных артиллерийских установок и 40 танков. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм гвардии подполковник М.А. Панков был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». После войны М.А. Панков продолжал службу в Советской армии, до выхода в запас в 1964 г. был начальником факультета Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева в Москве.

Среди уроженцев Нагишей, оставивших след в истории Великой Отечественной войны, стоит также отметить гвардии рядового Николая Павловича Истомина (1923 –?), разведчика 129-й отдельной разведывательной роты 155-й стрелковой Станиславской дивизии 3-го Украинского фронта. Свой боевой путь он начал в апреле 1942 г. на Ленинградском фронте, затем сражался на Калининском, 1-м Украинском, 4-м Украинском и 2-м Украинском фронтах. За годы войны Н.П. Истомин был три раза ранен, стал кавалером орденов Славы 2-й и 3-й степеней. В январе 1945 г. он принимал участие в боях за взятие столицы Венгрии – города Будапешта. «Рядовой Истомин 19 января 1945 г., находясь в составе группы по штурму парламента венгерского правительства города Будапешт, показал себя смелым и решительным разведчиком. В рукопашном бою лично уничтожил 18 немецко-венгерских солдат и взял в плен 12 солдат и офицеров. Под огнем противника входил в группу и водрузил над парламентом венгерского правительства красный флаг»². За этот подвиг гвардии рядовой Н.П. Истомин был награжден орденом Красной Звезды.

Мирная жизнь в пострадавшем от войны селе налаживалась трудно. В 1943 г. из нагишевского колхоза «Новый путь» были выделены три самостоятельных хозяйства с патристическими названиями – им. Кутузова, «Заветы Ильича» и «Заречье». В 1950 г. они вновь объединились в укрупненный колхоз «Новый путь», с которым слился также колхоз «Большевик» соседней деревни Купчая³.

С упразднением Горловского района в 1959 г. его территория вошла в Скопинский район Рязанской области. В его составе Нагиши остаются и поныне.

¹ Ленинская искра, № 76 (10 декабря 1942).

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 690306, д. 578, л. 273.

³ Архив Скопинского района, ф. 268, л. 1.

С распадом Советского Союза начался новый этап в истории российского села. В 1993 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» в нагишевском колхозе «Новый путь» была проведена приватизация земли и его реорганизация. В результате колхоз был преобразован в АОЗТ, сохранившее прежнее название. В 1997 г. АОЗТ «Новый путь» было перерегистрировано как сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК). Он специализировался на молочном животноводстве. 9 марта 2007 г. СПК «Новый путь» был ликвидирован на основании решения арбитражного суда о завершении конкурсного производства.

В начале 1990-х гг. был окончательно разорен главный нагишевский памятник старины – Воскресенская церковь. Здание стоит без дверей и кровельной жести, постепенно разрушаясь под воздействием атмосферных осадков. На стенах покинутой церкви до сих пор сохраняются фрагменты фресковой живописи второй половины XIX в. В 2000-х гг. в селе по случайности был разрушен оригинальный памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. жителям села Нагиши и деревни Купчая. Сейчас на его месте самодельный монумент без признаков архитектурно-художественной ценности.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Нагиши было включено в Горловское сельское поселение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в селе в то время постоянно проживали 370 человек – 162 мужчины и 208 женщин. В 2015 г. в Нагишах действовали администрация сельского поселения, медпункт, почта, дом культуры, сельская библиотека и магазин.

НАУМОВО

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Первое упоминание о деревне Наумовской относится к концу XVI в. В платежных книгах Пехлецкого стана Рязского уезда за 1595–1597 гг. отмечено: «...За Иваном Матвеевым сыном Тютчева – деревня Наумовская, да жеребей в деревне Ретюнская, да жеребей в деревне Кропоткине»¹. Однако само поселение, скорее всего, древнее этой даты на полтора-два столетия. Археологические данные свидетельствуют о том, что оно несколько раз исчезало и возобновлялось. В непосредственной близости от современной деревни выявлены пять селищ, условно датированных XIV–XVII вв.: «Селище-1» находится в 1 км к юго-востоку от северной окраины Наумова на небольшом всхолмлении в пойме противоположного правого берега р. Рановы, «Селище-2» – в 0,5 км к юго-востоку от центра деревни на мысовидном выступе противоположного берега реки, «Селище-3» – на западной окраине деревни в надпойменной террасе левого берега Рановы, «Селище-4» – в 0,5 км к юго-востоку от центра села на всхолмлении противоположного правого берега реки и «Селище-5» – в 0,4 км к востоку от центра деревни на возвышенном участке поймы противоположного берега Рановы. В культурном слое всех селищ выявлены фрагменты различных видов позднесредневековой гончарной керамики – сероглиняной, красноглиняной, белоглиняной, чернолощеной и мореной, преимущественно XVI–XVII вв.² Название деревни восходит к имени первопоселенца.

Упоминание о «деревне Наумовской» имеется в переписной книге 1646 г.³ Очевидно, название ее произошло от одного из помещиков – Наума Иванова сына Парфенова, имевшего земельную дачу к соседнему селу Боровому⁴.

В черновике переписных книг 1710 г. сообщается, что деревня Наумовская состоит «за стольником Лукьяном Ивановым сыном Тютчевым, двор его вотчинников, в нем прикащик Тимофей Иванов сын Вьюнов 35 лет, у него жена <...>, в другой избе кобальный человек Афонасей Афонасьев сын Чураев 21 году, у него жена <...>, повар Мартин Герасимов 30 лет, у него брат <...>, в третьей избе конюх Петр Микитов 15 лет, у него жена <...>, иноземец татарин Михайло Метров сын Маметов 17 лет, Матвей Артемьев 17 лет, Гаврила Карин 15 лет, да русские (всего 4 души. – *Примеч. авторов*), двор скоцкой, в нем скотники <...>, да крестьянские дворы» – всего четыре⁵.

По сказке (доношению) 1719 г. деревня Наумовская являлась собственностью «вдовы Устиньи Яковлевой дочери Лукинской жены Тютчева», по сказке 1723 г. – «поручика Ивана Евтифьева сына Усова»⁶.

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 135.

² Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. 1996. С. 122.

³ РГАДА, К. 385 (по МАМЮ), л. 291 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 2, л. 284 об.

⁵ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 349, лл. 244 об – 249.

⁶ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2865, л. 328.

Согласно ревизской сказке 1745 г. деревня Наумовская принадлежала отставному поручику Ивану Евтифьеву сыну Усову, а прежде была владением его тещи, вдовы Устиньи Яковлевой, дочери Тюгчевой, и «вдовы дворянской жены Лукерьи Кондратьевой дочери Матвеевой жены Айдаровой», которая унаследовала свою часть от отца Михаила Айдарова. Всего за помещиками в деревне в подушном окладе значился 61 крепостной крестьянин¹.

В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., деревня названа селцом Наумовским, которое состояло «за гвардии прапорщиком Афонасим Ивановым сыном Усовым, жены его Марьи Ивановой дочери». Сельцо описано лежащим «на левом берегу речки Мошки, на коей пруд, по течению ее на левой стороне». В нем имелся «дом господский деревянный». По последней на момент составления экономических примечаний 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в Наумовском было 15 дворов, в которых проживали 68 мужских и 69 женских крепостных душ. В 1779 г. было отмечено: «А ныне в наличности 88 душ (мужских)». Земельные угодья при селце Наумовском простирались на 343 десятины 368 сажений (375 га). Из них на пашню приходилось 160 десятин 1308 сажений (175 га), на сенные покосы – 30 десятин 1286 сажений (33,3 га), на лес – 100 десятин (109 га). Крестьяне были на изделье и запахивали на помещика 30 десятин (32,7 га) земли.

На чертеже (плане) Генерального межевания от 19 (30) октября 1779 г. отмечено, что в даче «сельца Наумовского под селением, огородами, конопляниками и гуменниками состоит 6 десятин». Сельцо представляло собой единственную улицу протяженностью до 150 сажений (320 м), проходившую вдоль левого берега р. Мошки. Восточная оконечность поселения примыкала к плотине, напротив которой находился хлебный магазин (амбар для хранения зерна). Далее на восток, ближе к р. Ранове, располагались постройки помещичьей усадьбы².

По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. сельцо Наумовское являлось собственностью «князей коллежского асессора Ивана, титулярного советника Михайлы, штабс-капитана Романовых детей Ухтомских». Им здесь принадлежали 85 крепостных душ³.

Согласно окладной книге 1834 г. в Наумовском проживали 32 души мужского пола и 2 дворовых человека коллежского асессора князя Ивана Романовича Ухтомского (в 1844 г. были исключены из оклада) и 62 поселянина и 11 дворовых людей штабс-капитана князя Николая Романовича Ухтомского (в 1844 г. к ним были добавлены в оклад еще 27 душ)⁴.

По записям окладной книги 1850 г. штабс-капитану князю Николаю Романовичу Ухтомскому до 1854 г. в Наумовском принадлежали 108 мужских крестьянских душ и 15 дворовых людей. После его кончины в 1854 г. вдова штабс-капитанша княгиня Варвара Дмитриевна Ухтомская владела в селце 97 душами поселян и 5 дворовыми людьми. С того же 1854 г. прапорщице Любови Андреевне Даниловой здесь принадлежали 81 мужская крепостная душа и 10 дворовых людей⁵.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в середине XIX в. в селце Наумовском был 21 двор. Оно располагалось на левом берегу р. Мошки, неподалеку от ее впадения в

¹ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2872, лл. 512–525.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 72; д. 1241, л. 221 об. ; Ф. 1354, оп. 411, оп.1, Н-2 кр.

³ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164 л. 98.

⁴ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, л. 321 об. 322.

⁵ ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, л. 87 об. 88, 344–350.

р. Ранову. На противоположном берегу Мошки стояли избы села Борового. В восточной части поселения, ближе к р. Ранове, находилась помещичья усадьба с обширным садом, протянувшимся с севера на юг вдоль берега Рановы¹.

Традиционно в клировых ведомостях прихожане сельца показывались общим числом с прихожанами села Борового. Например, в 1858 г. в Боровом было 23 домохозяина, а в Наумовском 31, а ранее в клировой ведомости за 1850 г. в приходе Богородице-Рождественской церкви села Борового они были как 51 двор².

По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., сельцо Наумовское принадлежало помещицам княгине В.Д. Ухтомской и Л.А. Даниловой, за которыми числились 31 домохозяин, 124 души мужского пола и 96 – женского³.

В начальный период крестьянской реформы «в Наумовском 13 (25) мая 1861 г. временнообязанные княгини Ухтомской отказались выполнять барщинные работы по Положению от 19 февраля 1861 г. В село был послан исправник»⁴. При образовании в Скопинском уезде волостей сельцо было включено в Боровскую волость.

Манифестом об отмене крепостного права предусматривалось написание уставных грамот, в которых по каждому сельскому обществу или имению указывалось количество земли, предоставляемой крестьянам в постоянное пользование, а также размер их повинностей в пользу бывшего помещика. Составлялась она помещиком или мировым посредником и согласовывалась с крестьянским обществом. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1863 г., значится: «Скопинск[ого] уез[да] участка мир[ового] посредника Александровского, село Боровое и с[ель]цо Наумовское, супруги прапор[щика] Л.А. Даниловой, 91 д[уш]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 1067 саж[еней]; повинность издельная. Грамота написана помещицей»⁵.

Похоже, наумовские помещицы не ладили между собой. В разделе «Объявления и извещения» газеты «Рязанские губернские ведомости» за 1863 г. сообщалось о вызове «для ответа против прошения» в Скопинский уездный суд «вдовы штабс-капитана княгини Варвары Дмитриевой Ухтомской» «для ответа против прошения жены прапорщика Любови Андреевой Даниловой по делу о взыскании последнею с первой денег. При нем суд предвзывает княгиню Ухтомскую, что в случае непредставления ею требуемого ответа в назначенный срок без достаточных законных к тому препятствий дело это, согласно последующей за тем 290 ст., решится по имеющимся в нем доказательствам»⁶. Тяжба позднее разбиралась губернскими инстанциями. По газетам известно, что на 14 (26) декабря 1866 г. к докладу присутствию Рязанской палаты гражданского суда было назначено дело «о взыскании помещицей Даниловою с княгини Ухтомской за рамы и проч. денег». Дело поступило из Скопинского уездного суда⁷.

¹ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

² Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходо- и церковно-земельных дел Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорожье, 1998. С. 546.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 68.

⁴ Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М.: Наука, 1967. С. 110–111.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 30 (27 июля 1863).

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 33 (17 августа 1863).

⁷ Рязанские губернские ведомости, № 98 (7 декабря 1866).

Согласно переписи населения 1882 г., в сельце Наумовском насчитывалось 55 домохозяйств. Всего в сельце проживали 180 мужчин и 171 женщина, грамотными были 13 мужчин и 1 мальчик. Жители деревни были поделены на два общества – «б. кн. Ухтомской» и «б. Даниловой», причем крестьяне первого оставались временнообязанными, а второго уже стали к этому времени полноправными собственниками. По величине наделов, качеству земли и количеству скота на двор бывшие даниловские крестьяне находились в лучшем положении. Сумма же ежегодных платежей временнообязанных крестьян княгини Ухтомской в пользу бывшей помещицы составляла 23 рубля в год на каждого работника¹.

Такая ситуация была связана с тем, что в 1881 г. была заключена уставная грамота «помещицы вдовы прапорщика Любови Андреевны Даниловой с временнообязанными крестьянами села Борового, Наумовского тож, Скопинского уезда», по которой предоставлялся «крестьянам в числе 91 души в выкуп земли из дачи села Борового, Наумовское тож, 170 д[есятин] 2321 с[ажень] удобной и 9 д[есятин] 1590 с[ажень] неудобной. Выкупной ссуды на это имение испрашивается от правительства 7520 руб. 32 коп.»². Бывшие крепостные княгини В.Д. Ухтомской сделали это позже – в 1882 г. Газеты сообщили о заключении выкупной сделки «помещицы Скопинского уезда вдовы штабс-капитана княгини Варвары Дмитриевны Ухтомской с крестьянами сельца Наумовского, Боровское тож, в числе 31 души; ссуда разрешена с 1-го января 1883 г., под выкупаемые 83 дес[ятины]. 1200 саж[еней], в количестве 3403 руб. 33 коп.»³.

В 1905 г. в сельце Наумовском Боровской волости насчитывалось 66 дворов, в которых проживали 252 мужчины и 229 женщин. В поселении действовала мелочная лавка. При сельце по-прежнему находилась усадьба княгини Ухтомской, в полутора верстах от него появился также хутор (усадьба) купца Морозова с принадлежавшей ему же лесной сторожкой. Сельцо располагалось в 3 верстах от волостного правления в селе Боровом и в 13 верстах от ближайшего врачебного пункта в селе Поляны⁴.

Крупными землевладельцами при сельце накануне революции были боровские помещики Лихаревы. В списках потомственных и личных дворян, имеющих право на участие в выборе гласных на земском собрании Скопинского уезда, в 1913 г. значились дворянин Дмитрий Дмитриевич Лихарев, владевший 174 десятинами 1000 саженьей (ок. 192 га) земли при селах Наумовском и Боровом, а также дочь статского советника Ольга Дмитриевна Лихарева, которой принадлежали там же 157 десятин 139 саженьей (ок. 172 га)⁵.

В 1917 г. в сельце Наумовском Боровской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 93 двора, население составляли 271 мужчина и 304 женщины. В этом году при нем в последний раз упоминалась усадьба княгини Ухтомской⁶.

О дореволюционной жизни и событиях 1917 г. наумовский крестьянин С.Я. Соколов к 20-летию Октябрьской революции вспоминал: «Помню как сейчас, в семье жили плохо, бедно, зарабатывать вовсе негде. Однажды мы, несколько мужиков, пошли просить работы к барину Лихареву (в усадьбу при селе Боровом. – *Примеч. авторов*). Барин предложил нам

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 68–73.

² Рязанские губернские ведомости, № 75 (7 января 1891).

³ Рязанские губернские ведомости, № 72 (6 сентября 1886).

⁴ Населенные места Рязанской губернии / составлены под ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 6126.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 43 (8 июня 1913).

⁶ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, лл. 138–138 об.

обрабатывать его землю. За обработку десятины барской земли получали по пяти рублей. А в эту обработку входило: три раза вспахать, а когда вырастет хлеб скосить его, связать, привезти на барское гумно, сложить в скирды, только тогда можно было получить пять рублей. Народ начал открыто говорить, что все теперь наше. Земля, леса, даже, говорят, и власть-то наша. В самом деле, вскоре помещика Терскова (видимо, имеется в виду владелец бывшей усадьбы княгини Ухтомской. – *Примеч. авторов*) выгнали. Хлеб передали комитету бедноты. Его раздали самым бедняцким хозяйствам»¹.

Ему вторил колхозник наумовского колхоза «Верный путь» Игнат Григорьевич Малашин, являвшийся непосредственным участником событий 1917 г.: «Стояла темная октябрьская ночь. Мы сидели в тепло натопленных комнатах просторного барского дома. Волостной (Боровский. – *Примеч. авторов*) исполком поручил нам охрану помещичьей усадьбы. Накануне мы выгнали из поместья барыню Терскую, взяли ее имение и землю в свои руки. Вдруг среди ночи раздался выстрел. Некоторые из нас выбежали на двор. Ночь была, хоть глаз выкали. Незаметно мы оказались окружены офицерским отрядом. Нас арестовали. Отряд возглавил офицер, брат выгнанной помещицы. Он тут же начал осмотр усадьбы. Убедившись, что все в целости, решил обойтись с нами милостиво: “Вы расходитесь по домам, мужички, ведь на печке отдыхать-то лучше”. Мы помалкивали. Одному крестьянину удалось избежать ареста. Он убежал на село сообщить о налете. Пока мы вели переговоры с офицером, раздался набатный звон. Все село, собравшись на площади, направилось на выручку к нам. Отряд понял, что ему несдобровать, и поспешил уехать. Нам удалось задержать лишь одного участника налета. Вслед за этим разгромили усадьбу помещика Попова (видимо, имеется в виду хутор, ранее принадлежавший купцу Морозову. – *Примеч. авторов*), поделили добро и поместье земского начальника Лихарева. Имущество помещиков делила вся волость. На одно селение доставалось несколько коров и лошадей. Их раздавали бедняцким семьям села»².

Во второй половине 1918 г. в связи с переименованием села Борового в Володарское (в память убитого в июне 1918 г. большевика В. Володарского) Боровская волость также стала Володарской. Но это название не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным. Сельцо было включено в территорию Боровского (Володарского) сельсовета.

С укрупнением уездов и волостей Рязанской губернии в октябре 1925 г. Наумовское перешло из Скопинского уезда в Рязский. Газета «Коллектив» в связи с этим писала: «Согласно нового административного деления Рязанской губернии (постановление ВЦИК от 31 августа 1925 г.) из бывшей Володарской волости в Рязкую волость [переводятся] селения: Боровое (Володарское), Дегтярка, Дымово, Дымово-Государственное, Есаково, Кузьминка, Лыково I, II и III, Марчуки, Наумовское, Полотебное, Пиково, Пиковский Хутор, Уланово, Ураково, Шелемишево, Шелемишевские Выселки»³. В 1929 г. Рязский уезд был преобразован в район, вошедший в состав Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. Деревня была центром Наумовского сельсовета, куда входили также соседние деревни Уланово и Ураково⁴.

В 1930 г. на волне массовой коллективизации в Наумове была создана сельхозартель «Верный путь». Весной 1930 г. яровой клин составил 72 га. О нераспорядительности и воло-

¹ Колхозная правда, № 122 (7 ноября 1937).

² Там же.

³ Коллектив, № 87 (23 сентября 1925).

⁴ Экономическая карта Рязского района Московской области. 1931, М 1:100 000.

ките того времени ряжская районная газета «Колхозник» писала: «Колхоз “Верный путь” Боровского сельсовета получил распоряжение от района везти капусту на станцию Желтухино. Первую партию капусты колхозники отправили 21 октября. Приемщик не принял, заявив, что “нет распоряжения принимать”. Колхозники обратно капусту не повезли и оставили “на произвол судьбы”. На следующий день снова повезли, считая, что там есть распоряжение, так как уполномоченный района, уезжая в Ряжск, обещал выяснить и дать распоряжение о приеме капусты. Так и лежали 500 пудов на станции убранный с полей, но неизвестно когда принятой капусты»¹.

К 1 ноября 1931 г. в наумовский колхоз «Верный путь» входило 101 хозяйство (503 едока), из которых трудоспособными считались 271 человек. Посевная площадь колхоза составляла 316 га, из которых 11 га занимали огородные культуры, 36 га – технические. Кроме того, колхоз располагал 107 га сенокосных лугов и фруктовым садом (видимо, бывшим помещичьим) площадью 8 га. В Наумове было обобществлено 48 лошадей, 4 жеребенка, 7 коров, 4 теленка и 11 свиней.

Перед распределением доходов по трудодням колхоз должен был рассчитаться с государством по обязательным поставкам сельхозпродукции по фиксированным ценам, выделить продовольствие в спецфонд для учителей, агрономов и других работавших по найму специалистов, семьям колхозников и отходчиков, в которых было мало трудоспособных членов. В 1931 г. колхоз «Верный путь» сдал государству 175 ц ржи, 12 ц овса, 150 ц проса, 800 ц картофеля, 50 ц гороха, 166 ц капусты, 180 ц лука-севка. В спецфонд было выделено 66 ц ржи, 41 ц проса и 83 ц картофеля. По итогам распределения оставшихся доходов колхоза на трудодни колхозникам на каждый из них пришлось 2,16 кг ржи, 0,73 кг проса, 1,77 кг картофеля, 0,18 кг пшеницы, 4,2 кг соломы, 0,62 кг сена и 49 копеек деньгами. Некоторые колхозники, трудившиеся ударно, зарабатывали немало. Например, житель деревни Степан Дмитриевич Соколов выработал к 1 ноября 1931 г. 671 трудодень, а к концу года – 839².

В 1935 г. деревня Наумово в составе Боровского сельсовета вошла в состав Желтухинского района Московской области, в 1937 г. вместе с районом была передана из Московской области в новообразованную Рязанскую. Топографические карты РККА 1941 г. (съёмки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Наумове было 115 строений. В селе выросла новая улица, протянувшаяся к северу. Ее крайние строения почти примыкали к околице близлежащей деревни Уланово.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. уроженцы Наумова сражались на разных фронтах. Старшина 2-й статьи Павел Андреевич Акимов (1921–?) с 1940 г. служил в ВМФ, в 1945 г. был старшиной отделения на минном заградителе «Аргунь» Отдельного дивизиона минных заградителей Тихоокеанского флота. Ему довелось отличиться на фронте борьбы с императорской Японией. В августе 1945 г. П.А. Акимов участвовал в отражении атаки вражеской авиации на корабль и сбил японский самолет. За этот боевой успех моряк из Наумова был награжден медалью Нахимова.

В 1956 г. Желтухинский район Рязанской области был упразднен, а населенные пункты Боровского сельсовета, включая Наумово, вошли в состав соседнего Скопинского района. В 1958 г. Боровский сельсовет был объединен с Шелемишевским. В укрупненное административно-территориальное образование вошли села Шелемишево, Боровое, Дымово-Волконское, Дымово-Государственное, деревни Наумово, Уланово и Ураково.

¹ Колхозник, № 29 (25 октября 1930).

² Колхозник, № 61 (25 ноября 1931).

В 1965 г. на территории Шелемишевского сельсовета работали молокозавод, больница со стационарным лечением, аптека, средняя школа, 1 начальная и 2 восьмилетние школы, дом культуры, 2 сельских клуба, 2 библиотеки, 2 детских яслей, детский сад, медпункт¹.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Наумово была включена в Шелемишевское сельское поселение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в деревне постоянно проживают 15 человек – 8 мужчин и 7 женщин. С сокращением населения оказалось полностью заброшено историческое ядро деревни – на улице, идущей вдоль р. Моши, остались лишь развалины старых домов. Жилые строения сейчас концентрируются на северной окраине Наумова – ближе к домам деревни Уланово.

---

¹ Архив Скопинского района. Ф. 96. Л. 2.

НЕМЕРОВО

село

(сельское поселение Успенское)

В межевой грамоте Великого князя Московского Василия III Ивановича от 15 марта 1522 г., подтверждавшей «за Семеном и Василием Федоровичами Верхдеревскими старинья земли», одна из межей их вотчинных владений описана так: «...А от врага прямо лесом к липягу, кото[ро] й из Немировского отрогу вышол...»¹ Неизвестно, был ли упомянутый в документе Немировский отрог назван по уже существовавшему в то время селению, или же по имени кого-либо из окрестных помещиков. В конце XVI в. в Пехлецком стане землевладельцы с именем Немир встречались нередко – например, Немир Момаев сын Мелекшин, владелец деревни Угловой. Была некогда и речка, протекавшая рядом с селением, – Немеровка, приток Опочи, впадающей в р. Мошу.

Во 2-й половине XVI в. местностью, прилегающей к современному селу, владели помещики Зеленины. О владениях одного из них, Ивана Зеленина, в межевой выписи от 11 июня 1567 г. сказано следующее: «...Сказали про тот лес тутошние крестьяне Семен Чемодановской да Сидор Бородовица да Федка Лукерья, что дали писцы Григорей Плещеев того лесу <...> поперег полверсты, а длина от речки от Козловки да кругом обоих слободок за речку за Кушуновку по прудища по Иванову землю Зеленина, а прудище вышло из болшово лесу да впало в речку Кушуновку»².

Основание «деревни Немировой», видимо, относится к середине XVI в. Земельные угодья не имели ценности без обработки, так что, владея землей, помещики старались населить ее крестьянами, для чего и создавались новые поселения. Селение в 10 дворов по тем временам уже считалось значительным.

Первое документальное упоминание о деревне содержится в платежных книгах письма и меры Третьяка Григорьевича Вельяминова 1594–1597 гг.: «...За Михаилом за Федоровым сыном Зеленина да за ево братьею, за Васильем да за Степаном – деревня Немирова без жеребья и с тем, что им Михаилу з братьею поступилися Данила да Федор Зеленены по их полюбовной челобитной...» Был у деревни и еще один помещик: «За Михаилом Васильевым сыном Коренева – жеребей в деревне Немировой, – приданоя ево вотчина...»³

Переписная книга города Рязьска и Пехлецкого стана Рязьского уезда переписи И.И. Румянцева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. свидетельствует, что помещики Зеленины продолжали владеть деревней и полвека спустя: «...За резанцом за Федором Михайловым сыном Зеленина в деревне Немерова на ево жеребье <...> всего за ним крестьянских пятнадцать дворов, а людей в них тритцать девять человек»⁴.

¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1964. С. 97.

² Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: Сб. документов [сост. А.В. Антонов]. Т. 2. М.: Археограф. центр, 1998. С. 389–390.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 153, 155.

⁴ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, лл. 87 об, 88 об.

По свидетельству И.В. Добролюбова, ок. 1700 г. в деревне была построена деревянная Христорожественская церковь¹. Однако селом она при этом почему-то не стала и в последующих документах по-прежнему упоминалась как деревня.

Согласно переписной книге 1716 г., к этому времени деревня Немерово перешла во владение представителей знатного дворянского рода Кошелевых. Она была записана «за урядником за Федором Никитиным сыном Кошелевым, двор ево помещиков на вотчинной земле, а в нем дворовые люди мужска полу шесть да женска полу четыре человека, а по переписной книге 710 года <...> в нем дворовых людей мужска полу пять, да женска полу шесть, да крестьянских сем дворов, в их мужска полу осмнатцать, женска полу семнатцать, да двор скотцкой, в нем людей мужска полу два да женска полу два. За Степаном Нефедьевым сыном Кошелевым двор ево помещиков, а в нем дворовые живут люди в трех избах, да крестьяны, взятые за одиночеством в помещиков двор два человека; морского флота за поручиком за Иваном Михайловым сыном Кошелевым двор ево помещиков построен вновь, в нем дворовые люди мужска полу три человека <...>, да женска полу два <...>, по переписным книгам 710 года написано <...> дворовых людей мужска полу четыре, да женска полу десять человек, да поляков мужска полу три, двор скотцкий, в нем людей мужска полу два, а по летам <...> да женска полу один, да крестьянских три двора, в них людей мужска полу одинатцать, да женска полу семнатцать...»².

Среди упомянутых выше помещиков Кошелевых петровской эпохи – дядя и брат придворного деятеля и крупного землевладельца Родиона Михайловича Кошелева (1683–1760), который к середине XVIII в. стал их наследником. Он выдвинулся на придворной службе благодаря тому, что стал зятем пастора Иоганна-Эрнста Глюка, в доме которого воспитывалась Марта Скавронская, будущая императрица Екатерина I. При ее коронации в 1724 г. капитан-поручик Лейб-гвардии Преображенского полка Р.М. Кошелев первым в истории получил учрежденный в соответствии с «Табелью о рангах» придворный чин шталмейстера. В годы царствования Екатерины I он стал обер-шталмейстером (чин III класса), но после смерти императрицы перешел на военную службу и вышел в отставку в 1746 г. в чине генерал-лейтенанта. Год спустя он был пожалован кавалером ордена Св. Александра Невского. Благодаря щедрым дарам императриц Екатерины I и Елизаветы Петровны его семье Р.М. Кошелев стал обладателем значительного состояния.

Известно, что в 1742 г. генерал-лейтенант Р.М. Кошелев разделил свои имения в Рязском уезде Переяслав-Рязанской провинции, Козловском уезде Тамбовской провинции и Каширском уезде Московской провинции между детьми. При этом, однако, деревню Немерово он оставил за собой. Об этом свидетельствует сохранившееся «доношение» Рязскому воеводе об организации караулов и рогаток на проезжих дорогах и в населенных пунктах Рязского уезда для борьбы с ворами и разбойниками: «1756 года июня 21 дня³ Рязкому уезду Мошенского разъезду деревни Немерово лейтенанта генерала Родиона Михайлова сына Кошелева староста ево Никифор Мецдеряков, сержанта Дементья Степанова сына Кошелева ево староста Иван Алексеев и со крестьяны, присланной из Рязкой воеводской канцелярии с прописанием Тамбовской провинциальной канцелярии указа императрицы иметь предосторожности от разбойнической порчи, присматревании о поимке злодеев – слышали и по оной исполнять

¹ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 212.

² РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 3, лл. 284, 287 об, 118 об.

³ 2 июля по новому стилю.

во всем непременно, в чем и подписуемся»¹. Совладельцем деревни был, видимо, племянник Р.М. Кошелева.

В конце 1750-х гг. Немерово перешло к сыну предыдущего помещика подполковнику Родиону Родионовичу Кошелеву (? – до 1786). К этому времени деревня, похоже, уже стала сельцом с усадьбным домом. В 1750-х гг. на средства немеровского помещика Р.Р. Кошелева вместо деревянной церкви во имя Рождества Христова, построенной в 1700 г., был возведен каменный Христорождественский храм с Архангельским приделом, ставший памятником раннего классицизма². Из служивших в нем в XVIII в. священников известен только Пахомий Ильин, упоминавшийся в 1770-х гг.³

В 1757 г., в ходе Семилетней войны, немеровский помещик подполковник Р.Р. Кошелев получил отпуск из действующей армии по состоянию здоровья и проводил его в своем имении. 23 сентября (3 октября) 1758 г. в Рязскую воеводскую канцелярию поступило «доношение» от его служителя Филиппа Теплякова, который сообщил, что «по присланному императорскому указу велено отпущенным с воинской службе всяким чинам немедленно явиться к своим полкам», но его господин и помещик подполковник Р.Р. Кошелев «за ево тяжкой болезни в прошлом 757 году в марте месяце отпущен для лечения тех его болезней сроком на два года, и по указу Государственной коллегии ис полку выключен, а по прошествии срока велено явитца ему в реченную коллегию». Так как срок не вышел и «за оной тяжкой болезней ехать ему нежели в Москву или в Санкт-Петербурх, но и в Ряску самому о себе доложить» невозможно, служитель просил освидетельствовать своего господина в имении, чтобы тот «не мог понести впредь какого невинного ответа». Для проведения освидетельствования в Немерово прибыли полковник Иван Левашов, секунд-майор Дмитрий Лихарев, отставной капитан Андрей Бурцев и служитель Рязской воеводской канцелярии отставной прапорщик Макей Филатов. В докладе, составленном этим последним, подтверждалось: «...По свидетельству и осмотру оказалось реченный подполковник Кошелев подлинно обстоит в тяжкой болезни и именно одержим вседневною пружестокою лихорадкою, и от оной болезни болезнь умножастца, и от того ни малого движения не имеет»⁴.

В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., сообщается, что в селе Немерово в это время было 27 дворов, которые населяли 92 души мужского пола и 92 – женского. Селение занимало площадь 27 десятин 1658 сажень (30,2 га), при нем имелось 563 десятины 2155 сажень (616 га) пашни, 24 десятины 200 сажень (26,3 га) покосу, 482 десятины 550 сажень (527 га) леса и 58 десятин 138 сажень (63,5 га) неудобий. В документе сообщалось: «Село Немерово владения Родиона Родионовича Кошелева, лежит по обе стороны речки Немировка, на которой пять прудов, в коих рыба караси, церковь каменная во имя Рождества Христова с пределом Архистратига Божия Михаила, дом господский с каменным служебным флигелем, при нем сад. Земля чернозем, хлеба и покосы хороши. Крестьяне состоят на изделе, на помещика пахут 50 десятин земли»⁵.

Немеровский помещик отставной бригадир Р.Р. Кошелев был отцом тамбовского и тобольского губернатора Дмитрия Родионовича Кошелева (? – 1815) и дедом публициста-славянофила Александра Ивановича Кошелева (1806–1883). Однако его потомки не унаследовали Немерово. Возможно, имение было продано наследниками вскоре после кончины владельца.

¹ РГАДА. Ф. 566, оп. 1, ч. 2, д. 91, л. 31.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 212–213.

³ Там же. С. 213.

⁴ РГАДА. Ф. 566, оп. 1, ч. 3, д. 111, лл. 1–4.

⁵ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 49.

В окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. «село Немерово, Софьино тож» значится как владение породнившихся семей тульских помещиков графов Девиер, потомков первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга петровских времен португальца А.М. Девиера, и дворян Херасковых. Графине Софье Петровне Девиер в селе принадлежали 12 крепостных душ, статской советнице Елизавете Петровне Херасковой – 123 души (с учетом вновь причисленных и затем проданных 23 марта 1825 г. майорше графине С.П. Девиер), майору графу Михайлу Михайловичу Девиеру – 33 души (в 1819 г. он перевел их в Пронский уезд), Петру Петровичу Хераскову – 2 души¹.

Как видно, второе название Немерово – Софьино – было дано ему новыми владельцами по имени графини С.П. Девиер, урожденной Херасковой (1790–1830), супруги подполковника графа М.М. Девиера (1775–1828). Упомянутая в документе Е.П. Хераскова, урожденная графиня Девиер (1744–1829), была матерью помещицы, приходившейся своему мужу двоюродной сестрой. Упомянутый в документе П.П. Херасков – брат старшей графини, сын Петра Матвеевича Хераскова (ок 1732–?), служившего в Банковой конторе для дворянства в Санкт-Петербурге.

По окладной книге 1834 г. 126 душ поселян и 12 дворовых людей в Немерово все еще числились собственностью умершего к тому времени графа М.М. Девиера. С 1839 г. их владелицей (кроме 14 душ, вывезенных в другие имения) стала корнетша княгиня Ольга Петровна Мещерская, урожденная Козлова (1813–1891)². Она была дочерью помещика сельца Кочугурки Скопинского уезда майора П.Ф. Козлова. Мужем новой немеровской барыни стал отставной корнет князь Андрей Павлович Мещерский (1802 – до 1852), помещик Рязанской губернии.

По окладной книге 1850 г. корнетша княгиня О.П. Мещерская владела в Немерово 171 крестьянской душой мужского пола и 19 дворовыми людьми³. Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в середине XIX в. в Немерово было 33 двора. Центральной осью села был каскад из трех прудов. Вдоль него с юго-восточной стороны располагался протяженный порядок крестьянских домов, к которым с задов примыкали огороды. На противоположном берегу системы прудов стояла Христорождественская церковь, за которой находились строения господской усадьбы, окруженные обширным садом. С северо-западной стороны церковь фланкировал еще один, меньший порядок домов с огородами. Выделенная церковная земля находилась к северу от села, при проезжей дороге из Пронска в Скопин. При Немерово действовали три ветряные мельницы – две стояли за его северной околицей, и еще одна – за западной, при проселочной дороге, связывавшей село с Пронским трактом⁴.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в «селе Немирово корнетши княгини Мещерской» было 40 домохозяйств, в которых проживали 182 души мужского пола и 178 – женского⁵.

Манифест об отмене крепостного права 1861 г. предусматривал составление т. н. «уставных грамот», в которых указывалось по каждому сельскому обществу или имению количество земли, предоставляемой крестьянам в постоянное пользование, и размер их повинностей в пользу помещика на период их пребывания во временнообязанном состо-

¹ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 99–100.

² ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 70 об-71, 118 об – 119.

³ ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 199 об – 200.

⁴ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 20.

янии. Составлялись она помещиком или мировым посредником и согласовывались с крестьянским обществом. В «Ведомости о выкупных сделках, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1863 г.», значится: «Скопинск[ого] уезд[да] участка мир[ового] посредника Вердсревского с[ела] Немерово княгини О.П. Мещерской, 182 душ. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 342 саж[еней]; повинность издельная. Грамота написана помещицей»¹.

Только в 1876 г. «Рязанские губернские ведомости» уведомили об утверждении выкупной сделки «княгини Ольги Петровны Мещерской с крестьянами Скопинского уезда села Немерова в числе 182 душ; ссуда разрешена с августа 1876 г. под выкупные 379 дес[ятин] 685 саж[еней] земли в количестве 16282 руб. 93 коп.»².

При организации в Скопинском уезде волостей в начале 1860-х гг. село Немерово было включено в Сергиевскую волость.

С начала XIX в. в Христорождественской церкви в Немерове служили священники Леонтий Иоаннов (в 1807–1824 гг.), Дмитрий Леонтиев Херасков (в 1824–1835 гг.), Иоанн Александров Покровский (в 1835–1860 гг.) и Дмитрий Иванович Грацианский (ок. 1873–1904 гг.). В 1884 г. И.В. Добролюбов писал: «Церковной земли при ней состоит, со включением 34 десятин, перешедших в 1836 г. от упраздненной церкви сельца Рождествина, 69 десятин 1180 кв. саженей (75,9 га), на каковую землю, впрочем, у причта никаких документов не имеется. В состав прихода, кроме села Немерова с 71 двором, входит сельцо Рождествино (в 3 верстах) с 74 дворами и деревня Кательная (в 2 верстах) с 55 дворами, в коих мужского пола 739, женского пола 760. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 1 псаломщик»³.

Известны имена нескольких церковных старост Христорождественского храма 2-й половины XIX в. В 1860–1872 гг. эти обязанности исполнял крестьянин Иван Тихонов, в 1872–1879 гг. – крестьянин княгини Мещерской Иван Васильев.

В 1878 г. Христорождественский храм был возобновлен на средства княгини О.П. Мещерской, пожертвовавшей на его ремонт 12 000 рублей. Трапезная церкви была отремонтирована в 1881 г. на собственные приходские средства⁴. В церковной жизни села случались и происшествия уголовного характера. Например, в 1868 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «В ночь с 17 на 18 апреля Скопинского уезда села Немерова из церкви чрез взлом железной решетки в окне и замка у денежного ящика неизвестно кем украдены 5 руб. 30 коп.»⁵.

Чаще, чем приходская церковь, страдали от краж дворы зажиточных крестьян. В 1886 г. в главной губернской газете писали: «В ночь на 9 ноября в селе Немерове Скопинского уезда у крестьян Михаила Павлова и Ивана Федорова украдены со двора 4 лошади, стоящие 200 руб. Виновный в краже крестьянин того же села Аким Куприянов задержан с уворованными им лошадьми»⁶. Нередко в хронике происшествий Немерово упоминалось в сообщениях о масштабных пожарах, оставлявших без крыши над головой десятки крестьянских се-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 15 (13 апреля 1863).

² Рязанские губернские ведомости, № 81 (13 октября 1876).

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 213.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 589–590.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 39 (18 мая 1868).

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 93 (5 декабря 1886).

мей. В 1881 г. в газете сообщалось: «7 октября Скопинского уезда в с. Немерове сторело от неизвестной причины 24 крестьянских дома с надворными строениями; убытка понесено на 5445 руб.»¹.

По переписи населения 1882 г. в Немерове насчитывалось 81 домохозяйство, в которых проживали 293 мужчин и 262 женщины. Грамотными среди них были только 27 мужчин и 8 учащихся мальчиков. Земля при селе была черноземной на глубину «до трех четвертей аршина», на ревизскую душу ее приходилось 2,7 десятины (2,9 га), поэтому больше половины жителей села арендовали 261 десятину (284,5 га) пашни, за что платили 3740 рублей, и 27 десятин (29,4 га) лугов, за что «вывозили в поле весь навоз со двора». Безземельных в селе было 8 дворов, без лошади и коровы обходились жители 17, просто без лошади – 30. На 14 крестьянских дворах держали по три и более лошадей. Лишь 8 из 70 изб села топились «по-белому». Местными промыслами занимались 47 семей, 37 сельских мужчин уходили в отход. В селе действовали 2 промышленных заведения, в том числе ветряная мельница о двух поставах². По сведениям за 1893 г. она принадлежала крестьянину Степану Осиповичу Жиркову³.

После кончины княгини О.П. Мещерской в 1891 г. владельцем немеровской усадьбы стал ее сын князь Андрей Андреевич Мещерский (1837–?).

С 1888 г. в Немерове действовала земская школа. Она располагалась в двух помещениях площадью 27 и 99 квадратных аршин (13,7 и 50,1 кв. м). Изначально школа была однокомплектной с трехлетним курсом обучения, где разделенные на три отделения дети разных возрастов одновременно занимались в одной классной комнате с одним учителем.

20 февраля (4 марта) 1893 г. ревизию в местной школе проводили помещик деревни Коноховки, член земского училищного совета Д.А. Леонов и чиновник от Министерства просвещения. В своем отчете они записали: «Здание школы холодное, и самая школа содержится чрезвычайно небрежно и неприятно: оконные стекла разбиты, скамейки сломаны. Избранный общественный попечитель, местный крестьянин Жарков, не утвержден училищным советом, учительницею состоит кончившая курс в Скопинской женской прогимназии Храпова, Закон Божий преподает местный священник Грацианский. Учеников в школе всего 51. Школа может быть названа неудовлетворительно во всех отношениях: мальчики имеют чрезвычайно запуганный вид, чрезвычайно не развиты и, по заявлению самого законоучителя, намеренно избегают посещать школу в те дни, когда он преподает Закон Божий. В младшем отделении некоторые из учеников совершенно не умеют читать, не знают даже «Отче наш», остальные же читают очень плохо и знают кое-какие молитвы. Среднее отделение читает довольно неудовлетворительно, кое-как решает легкие устные задачи и знает по Закону Божию немногие отрывки исключительно из Ветхого Завета, так как Новый Завет в немеровской школе не преподается среднему отделению вовсе. В старшем отделении только 3 из 8 написали диктант удовлетворительно, эти же 3 недурно отвечали по Закону Божию и по арифметике. Экзамен в немеровской школе производился членом училищного совета от министерства И.М. Кирилловым. К экзамену были представлены 3 учеников, которые все выдержали. Законоучитель Грацианский за небрежное отношение к своим обязанностям подвергнут училищным советом взысканию, заключающемуся в удержании содержания за год»⁴.

¹ Рязанские губернские ведомости, № 86 (10 ноября 1881).

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 20–25; Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 582–583.

³ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 808, лл. 15 об – 16.

⁴ Журналы Скопинского уездного собрания XXX очередного созыва 1894 г. Скопин, 1895. С. 85, 86.

В 1894 г., согласно результатам ревизии Скопинского уездного земства, в школе официально числились 37 учеников, в действительности же учились лишь 11 человек, из которых 7 приходились на старшее отделение. Земский ревизор сообщал: «По словам самой учительницы, общество запрещает ребятам ходить в школу. Попечительство над школой согласился принять немеровский помещик князь А.А. Мещеряков (так в тексте. – *Примеч. авторов*)». К экзамену С.Н. Худекову из 7 человек представлено было 5 учеников, который выдержали 4»¹.

В XIX в. Христорождественский храм в Немерове поддерживали своими пожертвованиями не только состоятельные прихожане, но и местные жители скромного достатка. Например, в 1896 г. «вдовою бывшего дворового человека княгини Мещерской Марией Александровой» было «пожертвовано в свою приходскую церковь 150 рублей в вечное поминание покойного мужа с условием пользования процентами с пожертвованных денег причту и церкви по равной части»².

С конца XIX в. усадьбой в Немерове владел отставной поручик Константин Михайлович Донцов. Он был бессменным попечителем земской школы. В 1899 г. К.М. Донцов на свои средства и при участии земства построил в селе здание земской школы³. В память о выдающихся заслугах помещика земской школе в Немерове было присвоено его имя.

Помещик К.М. Донцов занимался коневодством. В списке частных коннозаводских предприятий на 1904 г. упоминается принадлежавший ему конный завод при «селе Немерове Сергиевской волости», который существовал с 1897 г. и где разводились верховые и упряжные породы (полукровная английская, орловская рысистая)⁴. В конюшне завода было 2 жеребца и 20 кровных кобыл. Среди лошадей, бежавших на скачках и выигрывавших призы в 1901–1910 гг., упоминается жеребец помещика К.М. Донцова по кличке Подарок, взявший «призовую вещь»⁵. Такие скромные результаты едва ли можно признать хорошими, с учетом того, что лошади других коннозаводчиков, особенно Рязанского и Пронского уездов, выигрывали в эти же годы призы до нескольких сотен тысяч рублей.

В 1906 г. в Немерове насчитывалось 115 дворов, в которых проживали 260 мужчин и 270 женщин. В селе действовали земская школа и ветряная мельница⁶. В 1910 г. в селе открылся кирпичный завод крестьянина Михаила Маркина, но вскоре сторел⁷.

К 1908 г. в Немерове было 582 жителя, в земской школе обучались 38 детей. С 1902 г. ее попечителем был купеческий сын В.Г. Брежнев⁸. Интересно, что в это же время и в последующие годы старостой Христорождественской церкви в селе был ряжский купец Василий Брежнев⁹. Видимо, речь идет об одном и том же человеке.

В 1904 г. священник Христорождественского храма в Немерове Д.И. Грацианский был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени по случаю 50-летия его пастырского служения. После этого упоминания о нем из документов исчезают. В 1912–1914 гг. в храме

¹ Журналы Скопинского уездного собрания XXX очередного созыва 1893 г. Скопин, 1894. С. 90.

² Рязанские епархиальные ведомости. № 20 (Октябрь 1896 г.). С. 372.

³ Журналы Скопинского уездного собрания XXXV очередного созыва 1899 г. Скопин, 1900. С. 120

⁴ Список частных конских заводов в России на 1904 год. СПб., 1905. С. 577.

⁵ Алфавит коннозаводчиков, лошади коих бежали и выигрывали на всех ипподромах России с января 1901 по 1-е полугодие 1910. СПб., 1911. С. 32.

⁶ Населенные места Рязанской губернии / составлены под ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 608–609.

⁷ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. Скопин, 1913. С. 381.

⁸ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 42–43.

⁹ Рязанские епархиальные ведомости, № 9 (1 мая 1902 г.). С. 147; № 7 (1 апреля 1905 г.). С. 138.

во имя Рождества Христова в Немерове служил священник Николай Иванович Крестов¹. К церкви была приписана 1 десятина (1,09 га) усадебной земли, куда был включен и погост, и 33 десятины (36,05 га) земли пахотной. При церкви имелась библиотека – правда, всего на 30 книг – духовного содержания. В приходе насчитывалось 88 дворов, в которых проживали 399 мужчин и 454 женщины².

Дворянин К.М. Донцов оставался крупным землевладельцем при селе Немерове вплоть до революционных лет. Он упоминался в списках потомственных и личных дворян, имевших право участия в выборе гласных на земском собрании Скопинского уезда в 1913 г. Согласно документу, при селе К.М. Донцову в то время принадлежали 142 десятины 1800 саженой (ок. 156 га) земли³.

В 1917 г. в селе Немерове Сергиевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 175 дворов, население которых составляли 509 мужчин и 543 женщины. В этом году при селе в последний раз упоминалась усадьба дворянина Донцова⁴. В 1918 г. Немерово было включено в сферу ответственности Рождественского сельсовета. С укрупнением волостей уездов Рязанской губернии в 1925 г. административный центр Сергиевской волости был перенесен в село Ерлино, и сама волость стала Ерлинской.

В годы Гражданской войны в Немерове неожиданно ключом забила культурная жизнь. Крестьяне с интересом тянулись к новому, велико также было, видимо, и стремление людей отвлечься от безотрадной повседневности. Скопинские уездные «Известия» писали: «В селе 2-го января 1919 г. организовался культурно-просветительный кружок, который решил начать свою деятельность со спектаклей. 8-го января в здании местной школы был устроен спектакль. Были разыграны и несколько сценок из 2-х и 3-х лиц, пение, декламация и мелодекламация под шитру. Успех получился неожиданный, публика отнеслась более чем сочувственно. Была масса недовольных тем, что небольшое помещение школы не могло удовлетворить желающих. То же самое было поставлено вторично 9-го января.

14, 15 и 19-го января были еще поставлены спектакли, ставили «На песках», пьеска в двух действиях, несколько сценок мелких, декламация, мелодекламация и пение. После спектакля были танцы для желающих»⁵.

В 1920-х гг. прежде темная крестьянская масса искренне стремилась к знаниям. Корреспондент скопинской уездной газеты «Коллектив» З. Харнский в 1925 г. с удовлетворением отмечал: «Бывало, в 1919 году на волостных съездах какой-нибудь спец с научным докладом лучше не показывайся: и слушать не станут, и сорвут докладчика. Даже самого близкого и родного крестьянам спеца-агронома – не слушали. А ведь на съезды выбирались передовые крестьяне. Теперь же – картина изменилась. 24 февраля на общем собрании села Немерова делали доклады агроном Фруллини и землемер Кривошеков. Первый говорил о необходимости перехода с трехполья на многополье с травосеянием, и второй – о необходимости скорейшего землеустройства. Крестьяне с жадностью ловили каждое слово докладчиков, благодарили их и просили чаще навещать. Безусловно, доклады дадут плодотворные результаты»⁶.

¹ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань 1914. С. 447.

² Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным кривых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. – Рязань: Узорочь, 1998. С. 589–590.

³ Рязанские губернские ведомости, № 43 (8 июня 1914).

⁴ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 151.

⁵ Известия, № 16 (9 марта 1919).

⁶ Коллектив, № 33 (25 марта 1925).

Советская власть открыла широким массам крестьянской молодежи доступ к культуре и образованию, сделав для них реальной перспективу заниматься интеллектуальной работой. Показательны в этом плане краткие сведения, которые в 1925 г. сообщил о себе немеровский селькор скопинской газеты «Коллектив» Носов: «Родился я в селе Немерове Ерлинской волости в 1905 г. в бедной крестьянской семье. В сельскую школу пошел учиться в 1914 г. и кончил ее в 1917 г. Очень люблю читать книги и газеты, и в 1922 г. стал принимать участие в работе культпросвета. В 1923 г. вступил в комсомольскую ячейку села Немерова. С 1 декабря работаю по избранию гражданами секретарем кресткома. Теперь я состою редактором стенной газеты “Сеятель”»¹. Из среды подающих надежды представителей сельской молодежи – таких, как селькор Носов – выдвигались лояльные новой власти руководители низшего и среднего звена.

В 1921 г. несколькими крестьянскими семьями, выселившимися из Немерова, была организована коммуна «Заря» – наиболее успешное предприятие из всех сельскохозяйственных кооперативов, появившихся до начала массовой коллективизации. Коммуна, конечно, пользовалась поддержкой властей, которым было необходимо пропагандировать успехи внедрения коллективных начал в сельскую жизнь, но и сама по себе она была довольно успешным хозяйством. «Заря» просуществовала до 1935 г., когда была разделена на три колхоза – булычевский «Коммуна», мамоновский «Красная заря» и воронковский им. В.И. Чапаева.

С отменой исторического административно-территориального деления на волости, уезды и губернии в 1929 г. Рождественский сельсовет, в который входило село Немерово, был включен в Пронский район Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую².

Круговая порука была издавна укоренившейся особенностью русского крестьянского быта. Неписанным правилом «своих не выдавать» руководствовались и первые руководители многих сельсоветов. За это они нередко подвергались критике. В 1930 г. газета «Авангард» писала о председателе Рождественского сельсовета: «Любят его все, а церковники, подкулачники прямо без него ни шагу. “Выпьем, что ли, по маленькой?” – предлагают ему. Сначала поломается, а потом идет. Да и как ему не пить, когда вино само в рот льется? В Немерово местный поп хлеб недовывез. Председатель и ухом не ведет. Расчет простой. Зачем ссорится, когда попы и церковники помогают ему раскладывать сельхозналог. Пил. Со школьного участка законтрактованный картофель, вместо того, чтобы сдать в кооперацию, продал на сторону зажиточному крестьянину. Пропил. Зав. Немеровской школой решила созвать родительское собрание. “И что ты еще вздумала собрать?.. Успеется... Дело не медведь, в лес не уйдет”. Завшколой послушалась – собрание не созвала. Дети в школу не ходят. Вопросы повисли в воздухе. На радости выпил»³. Зачастую конфискационные требования новой власти выполнялись лишь формально. При этом, правда, сельсоветы рисковали нарваться на проверку со стороны вышестоящих органов. В 1931 г. так и произошло в Рождественском сельсовете: «Мельница кулака Жиркова перешла в общественное пользование. Рождественский сельсовет взял ее под руководство и назначил заведующим мельницей зятя кулака Жиркова, который с 1926 г. живет вместе с ним. Все было шито-крыто, пока ревкомиссия не проверила – выяснилось, что из квитанционной книжки вырвано 7 квитанций о приеме гарнцевого сбора»⁴.

¹ Коллектив, № 48 (5 мая 1925).

² Архив Скопинского района. Ф. 393, л. 1.

³ Авангард, №5 (25 октября 1930).

⁴ Авангард, №5 (25 января 1931).

Вскоре после перехода Немерова в Пронский район в 1930 г. в селе был создан колхоз «Луч». Начало его работы было трудным. Весной 1932 г. у хозяйства было лишь 40 % семян, необходимых для сева ярового клина. Колхозники оценивали состояние дел перед севом таким образом: «Сельхозинвентарь и сбрау до сего времени не отремонтированы, имеющийся шорник в колхозе вместо починки сбрау посылается в Рязкск за вином. Председатель Ершов Д. на правлении заявил, что “план сева нереален и мы его не выполним”. Правление промолчало»¹. Нормальное функционирование колхоза удалось обеспечить лишь к концу 1930-х гг.

Постановлением Президиума Мособлсполкома № 29/89 от 31 июля 1937 г. село Немерово из Рождественского сельсовета Пронского района было передано Вердеревскому сельсовету Скопинского района, в составе которых до конца года вошло в новообразованную Рязанскую область.

В 1930-х гг. в Немерове была закрыта Христорождественская церковь. В годы «большого террора» погиб один из уроженцев села Дмитрий Никифорович Никитин (1903–1937), проживавший в Саратове. Он был арестован 29 июля 1937 г. и 14 сентября был осужден тройкой УНКВД по Саратовской области по обвинению в антисоветской деятельности. Д.Н. Никитин был расстрелян в Саратове 21 сентября 1937 г. и много лет спустя посмертно реабилитирован по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г.

Согласно материалам Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., в это время село Немерово входило в состав Вердеревского сельсовета Скопинского района. В четырех населенных пунктах сельсовета – Вердереве, Большом и Малом Кушунове и Немерове – в совокупности насчитывалось 567 жилых строений. В это время в них работали 4 колхоза – вердеревский, два кушуновских и немеровский. На 1937 г. в Немерове было 152 жилых строения. В начале 1938 г. в трех колхозах Вердеревского сельсовета (без немеровского) состояло 397 дворов, сельсовет считался коллективизированным на 93,7 %. Колхозная площадь под озимыми по всему сельсовету составила 981,2 га, под яровыми – 1208,9 га, под огородно-бахчевыми культурами – 51,89 га, под картофелем – 342 га, под кормовыми культурами – 552 га, под садами, в которых выращивались яблони, груши, сливы, вишни, по учетным данным июля 1937 г. – 14,5 га. Колхозы имели 361 лошадь, 62 коровы, 150 свиней, 313 овец². В немеровском колхозе «Луч» насчитывалось 58 лошадей, 16 голов крупного рогатого скота, 10 свиней, 11 овец. К концу 1938 г. поголовье возросло, составив 68 лошадей, 20 голов крупного рогатого скота, 18 свиней и 9 овец³.

Предвоенные годы стали временем наивысшего расцвета села. Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в Немерове в это время было 169 строений. Выросли новые порядки домов на месте бывшей усадьбы и за северной окраиной села, ранее существовавшие заметно удлинились в сторону дороги из Скопина в Пронск. Пересох центральный пруд из некогда разделявшего село надвое каскада.

Большинство немеровских мужчин защищали Родину на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В их отсутствие основная тяжесть колхозных работ легла на плечи оставшихся в тылу женщин, стариков и подростков. Об одной из немеровских тружениц

¹ Пронский колхозник, №17 (23 марта 1932).

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6. д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6. д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района на 1.01.1939 г.

военной поры районная газета «Сталинец» в 1943 г. писала: «Среди колхозников, косарей и вязальщиц колхоза «Луч» Вердеревского сельсовета работает молодая девушка Катя Канунникова. Она – бригадир огородной бригады, но в горячую пору уборочных работ решила помочь колхозу в косовице. Вместо нормы 0,5 Катя выкашивает 0,8 га, не оставляя ни одного колоса после своей работы. Катя – лучший косец в колхозе и лучший товарищ среди своих сверстниц. Она всегда найдет общий разговор, растолкует любой вопрос и всегда хочется к ней обратиться»¹.

О подвигах уроженцев Немерова на полях сражений можно судить по боевой биографии гвардии младшего сержанта Ивана Николаевича Матвеева (1925–?). Он находился в рядах РККА с января 1943 г., с марта 1944 г. воевал на 1-м Украинском фронте в составе моторизованного батальона автоматчиков 61-й гвардейской танковой Свердловско-Львовской Краснознаменной ордена Суворова бригады. В боях на территории Польши в июле 1944 г. был ранен, заслужил орден Красной Звезды.

В период боевых действий на территории Германии весной 1945 г. «при обороне города Потсдам командир отделения связи гвардии младший сержант тов. Матвеев проявил исключительную смелость и отвагу. В течение двух суток обороны на южной окраине канала на подступах к городу Потсдам тов. Матвеев находился на наблюдательном пункте батареи с трофейным пулеметом и уничтожал противника. При этом он лично уничтожил до 15 немецких солдат и офицеров. При обороне города Белитц тов. Матвеев обеспечивал связью батарею с командным пунктом батальона. Неоднократно от вражеского обстрела связь рвалась, но тов. Матвеев лично сам под обстрелом исправлял порывы и обеспечивал бесперебойную связь»². За участие в этих двух боевых эпизодах И.Н. Матвеев был удостоен второго ордена Красной Звезды.

Однако более всего гвардии младший сержант И.Н. Матвеев отличился в уличных боях в другом городе поверженной нацистской Германии. «При взятии города Нойштадт тов. Матвеев проявил образцы мужества и отваги. Батарее было приказано очистить от противника одну из улиц города и занять оборону на его противоположной окраине. Тов. Матвеев из трофейного пулемета бесперебойно вел огонь, тем самым обеспечивая продвижение батареи вперед. При достижении цели тов. Матвеев занял наблюдательный пункт на 3-м этаже крайнего дома, наблюдал за противником и <...> вел из пулемета огонь по подходящему противнику. Он уничтожил до 20 солдат и офицеров противника. Противник, видя незначительные силы на окраине города, окружил батарею и со всех сторон жал, но тов. Матвеев, умело маневрируя со своим пулеметом, не допускал противника на огневую позицию батареи. Тов. Матвеев, видя, [что] подходит штабная машина противника, подпустил ее на 200 метров и пустил очередь по машине, убил шофера, офицера и вывел машину из строя. Тов. Матвеев, видя, что подходит подкрепление противника силой до роты, быстро подбежал к орудию и открыл огонь, действуя за наводчика, тем самым не допустил противника»³. За взятие Нойштадта гвардии младший сержант И.Н. Матвеев был награжден орденом Славы 3-й степени.

В 1943–1946 гг. Скопинский район находился в административном подчинении Московской области, затем был возвращен в Рязанскую. О работе колхоза «Луч» Вердеревского сельсовета в 1948 г. газета «Сталинец» сообщала: «В плане была уборка озимых с 245 га. По утвержденному распорядку, работы должны были начинаться в 6 и заканчиваться в 8 вечера.

¹ Сталинец, № 60 (13 августа 1943).

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 690306, д. 1953, л. 317.

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690306, д. 2122, л. 461.

Реально начинались с восходом солнца и до позднего вечера. В артели 130 трудоспособных, в жатве принимало участие около 150 человек. На поле работало 35 косцов, 40 вязальщиц, 2 жатки, кроме того 15 женщин в возрасте от 58 до 72 лет вышли жать серпами. В уборке участвовали и огородные звенья. В этот год в жатве особенно отличились косцы: Андрей Степанович Канунников, Иван Васильевич Зенухин на жатках, выкашивавшие по 7 га. Косцы Николай Иванович Матвеев, Иван Архипович Канунников, Василий Федорович Маркин, Павел Яковлевич Агафонов, Ульяна Степановна Зенухина, Татьяна Прокофьевна Маркина, Екатерина Тимофеевна Жиркова, Анна Вуколовна Ершова, выкашивавшие до 0,8 га в день. Жницы Христинья Степановна Серегина, Аграфена Степановна Корякина, Марфа Григорьевна Жиркова. Вязальщицы Вера Шмонова, Мария Перевалкина, Екатерина Ермакова»¹.

В 1965 г. в Вердеревский сельсовет Скопинского района входили села Вердереево, Немерово и Кушуново. На территории сельсовета располагались школы: в Вердерееве – восьмилетняя, в других селениях – начальные, 3 клуба, библиотека, 2 медпункта, а также колхоз им. С.М. Кирова, в котором работали жители Вердереева и Кушунова. В Немерово располагалось отделение плодоводческого совхоза им. И.В. Мичурина². Оно функционировало до 1993 г., когда на волне новых веяний в жизни страны совхоз был преобразован в акционерное общество.

В соответствии с Постановлением № 15 от 17 мая 1995 г. «О некоторых изменениях административно-территориального устройства в Рязанской области» в Скопинском районе был образован Успенский сельсовет, в который село Немерово было переведено из подчинения Вердеревской сельской администрации³.

В 1980–1990-е гг. здание Христорождественской церкви в Немерово, долгие годы использовавшееся для колхозных нужд, было окончательно заброшено. Ценный для Скопинского района памятник архитектуры раннего классицизма елизаветинской эпохи находится в тяжелом состоянии, и надежды на его восстановление уже нет. Тем не менее православный приход в селе ныне существует. Верующие собираются в небольшом молитвенном доме.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Немерово было включено в Успенское сельское поселение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в селе постоянно проживает 71 человек – 33 мужчины и 38 женщин.

---

¹ Сталинец, № 67 (9 июля 1948).

² Архив Скопинского района. Ф. 86, л. 1.

³ Архив Скопинского района. Ф. 487, лл. 1, 3.

НИКОЛО-СКОПИН

село

(сельское поселение Успенское)

Основание села Николо-Скопин относится ко 2-й половине XVII в. Его изначальное название – «деревня Никольская». Согласно окладной книге 1676 г., она входила в приход Богородицерождественской церкви села Вердереево, о котором И.В. Добролюбов сообщает: «В приходе, кроме села, состояли деревни: Выползово, Галинка, Никольская, Дроковская, Ерлинка, Кудашева и Кушунова, в коих числилось 6 дворов помещиков, 217 дворов крестьянских, 28 бобьльских и всего с 3 дворами причта 254 двора»¹.

По сведениям И.В. Добролюбова, в 1691 г. «в новоселебном селе Никольском» стольником Иваном Ивановичем Вердеревским была построена «каменная церковь во имя преподобного Сергия Радонежского Чудотворца с приделом великомученицы Варвары»². Как отмечается в окладных книгах, впервые она была «обложена [данью] в 202 (1694) г.» в сумме 2 рублей 30 алтын 4 денег. Далее в документах сообщается: «У тое церкви двор попа Варфоломея, двор дьячков. Церковные пашенные земли двенадцать четвертей в поли, а в дву по тому ж. Сенных покосов тридцать копен. Да в приходе к той церкви: три двора помещиковых, сто шесть дворов крестьянских, два двора бобьльских. Всего сто сорок один двор»³.

В переписной книге 1716 г. Николо-Скопин упоминается как «село Сергиевское, что была деревня Никольская, в том селе церковь во имя Преподобного отца Сергия, у той церкви двор попа Потапа Ворфоломеева, 36, вдов, у него сын Ефрем 12, да дочь девка Наталья 10 лет, а по переписной книге 710 года в том дворе написан отец ево поп Ворфоломей Ильин, он постригся в Троицкий монастырь города Скопина в 712 году. <...> В том же селе за стольником за Петром Григорьевым сыном Вердеревским двор ево помещиков на вотчиной земле, а в нем староста Андрон Коморев. Итого в том селе за стольником Петром Григорьевым сыном Вердеревским в нем староста да выборной живут с переменою, в них людей мужеска полу семдесят три, да женска восемьдесят пять, обоих полов сто пятьдесят восемь»⁴.

Согласно экономическим примечаниям к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленным в 1779 г., «села Вердереево, Рождественно, Архангельское, Никольское, Чижово, сельцо Моховое, деревни Рюмки, Ендовище тож, Дроково, Галино, Брынец, Деменщина» были имением «общего владения вдовствующей генеральши Елисаветы Петровны Ивенской; вдовы прапорщицы Катерины Ивановой дочери, гвардии поручика князь Сергея, гвардии сержанта князь Николая Алексеевых детей Хилковых, бригадира Ивана Иванова, поручика Петра Александрова, статского советника Алексея Алексеевича детей Вер-

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 180.

² Там же. С. 181.

³ Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при пресвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков]. Рязань: Александрия, 2004. С. 365–366.

⁴ РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 3, л. 321.

деревских, полковника Василия Ивановича Толстого; полковника князя Сергея Ивановича Одоевского, Василия Васильевича Маркова с вырезанною церковною землею»¹. По данным 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в Никольском было 65 крестьянских дворов, в которых проживали 220 мужских и 192 женские крепостные души. О селе в документе сообщалось, что оно лежит «реки Марьинки, отвершков безымянных на левой (на речке пруд) а безымянного оврага на правой (в нем пруд), и по обе стороны двух безымянных отвершков (на одном два пруда); в том селе церковь каменная Сергея Радонежского Чудотворца»².

Упомянутая в документе «генеральша Ивенская» – Е.П. Ивинская (? – 1793), вдова генерал-майора Матвея Михайловича Ивинского (1718 – после 1764), владельца имения Ерлино Рязского уезда Переслав-Рязанской провинции Московской губернии. В 1741 г. он служил фурьером в Лейб-гвардии Преображенском полку и принимал участие в возведении на престол императрицы Елизаветы Петровны, которая пожаловала его потомственным дворянством и гербом с девизом «За верность и ревность». В годы елизаветинского царствования он был произведен в капралы, а затем в вице-сержанты Лейб-кампании, отвечал за караулы во внутренних покоях Зимнего и Летнего дворцов. В 1743 г. М.М. Ивинский некоторое время прослужил в Шлиссельбургском и Рязанском пехотных полках в чине премьер-майора, но затем вновь вернулся в Лейб-кампанию и в 1746 г. был произведен в сержанты этого дворцового подразделения. В 1762 г. при раскассировании корпуса Лейб-кампании М.М. Ивинский был уволен из бригадиров в чине генерал-майора и посвятил свои последующие годы украшению усадьбы Ерлино в Скопинском уезде Рязанской губернии. Еще один никольский помещик, полковник граф В.И. Толстой (1718–1785) – один из внуков петровского дипломата и первого графа Толстого, в молодости в чине гоф-юнкера состоял при комнатах царевен Екатерины и Прасковьи Иоанновны, в 1750-х гг. служил прокурором Сысского приказа, позднее числился то на военной, то на гражданской службе и закончил карьеру в чине действительного статского советника.

По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. в «селе Сергиевском, Никольском тож» гвардии прапорщику Дмитрию Матвееву сыну Ивенскому принадлежали 63 ревизские души. Д.М. Ивинский (1764–1821), как и его отец, служил в Лейб-гвардии Преображенском полку. После выхода в отставку в 1785 г. постоянно проживал в Ерлине. Согласно приписке в окладной книге, в 1832 г., т.е. уже после кончины помещика, его невестка Аграфена Ивенская перевела в Никольское 15 принадлежавших ей крепостных душ из Тульской губернии³.

Согласно окладной книге 1834 г. в Сергиевском-Никольском проживали 56 душ поселян и 4 дворовых человека гвардии поручицы Ирины Ивановны Ивенской и ее сына подполковника Александра Дмитриевича Ивенского, а также 28 душ поселян подполковницы Аграфены Ивановны Ивенской⁴. И.И. Ивинская (? – 1847) – вдова Д.М. Ивинского и мать их единственного сына А.Д. Ивинского (1799–1877). Находясь на военной службе, подполковник Ивинский постоянно проживал в Москве и редко бывал в своих скопинских имениях. Он слыл повесой, проматывавшим свое состояние. По воспоминаниям современников, А.Д. Ивинский был неглупым, веселым, но нетрезвым человеком и творил «ребяческие, а

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, лл. 24 – 24 об.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1241, лл. 47 – 47 об.

³ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 126.

⁴ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 113 об – 114, 117 об – 118.

иногда нелепые шутки». Это, однако, не помешало ему в 1830–1835 гг. избираться Скопинским уездным предводителем дворянства.

По плану межевания 1850 г. и окладной книге того же года в Сергиевском-Никольском 42 крестьянские души, 2 дворовых человека и около 240 десятин (262 га) земли принадлежали подполковнику Александру Дмитриевичу Ивинскому и его жене. Подполковница Аграфена Ивановна Ивинская владела здесь 41 крепостной душой мужского пола. Еще 144 души и 669 десятин (731 га) земли были собственностью артиллерии поручика Владимира Петровича Вердеревского¹.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в это время в селе Никольском было 40 дворов. Строения села располагались преимущественно вдоль берега запруженной р. Марьинки. На нем также стояла Сергиевская церковь, к берегу выходили и находившиеся в западной части села строения господской усадьбы, окруженной обширным садом. На выезде из Никольского при дороге в деревню Галино находились кирпичный завод и две мельницы².

Согласно последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., селом Никольским (Сергиевским) Скопинского уезда Рязанской губернии владели помещики Ивинский и Вердеревские. В селении насчитывалось 40 домохозяйств, в которых проживали 210 душ мужского пола и 205 – женского³.

Манифест об отмене крепостного права 1861 г. предусматривал составление т.н. «уставных грамот», в которых указывалось по каждому сельскому обществу или имению количество земли, предоставляемой крестьянам в постоянное пользование, и размер их повинностей в пользу помещика на период их пребывания во временнообязанном состоянии. Составлялись они помещиком или мировым посредником и согласовывались с крестьянским обществом. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1863 г., значится: «Скопинск[ого] уезд[а] участка мир[ового] посредника Вердеревского, [село] Сергиевское, Никольское тож, подполк[овника] А.Д. и супруги его А.И. Ивинских, 86 [душ]. Душевой надел прежний – 3 дес[ятины] 2227 саж[еней]; повинность издельная. Грамота написана помещиком»⁴.

После погашения задолженности по выкупным платежам никольские крестьяне приобрели статус свободных сельских обывателей. Они составили два сельских общества – крестьян «б. Ивинского» и «б. Вердеревского».

В 1861 г., при образовании в Скопинском уезде новых волостей помещичьих крестьян, село стало административным центром Сергиевской волости. В материалах ревизии Скопинского уезда Рязанским губернским земством в 1875 г. о нем сообщалось следующее: «В самом Сергиеве (Никольское тож) волостное правление <...>. Камера мирового судьи от волостного правления в селе Вердереве в 5 верстах, а станова квартира в г. Скопине в 12 верстах. Два раза в неделю, по понедельникам и четвергам, приходит земская почта, сдает и получает корреспонденцию <...>, время ее прихода – вечер, между 7 и 8 часами, тут же и ночлег для почтальона. Корреспонденция, которая адресована в селения, лежащие на пути маршрута, передается непосредственно почтальоном, в селения же, лежащие в стороне от пути следования почты, передается чрез волостное правление сельским старостам, а этими последними – по адресу. Судьи неграмотны, равно как и сельские старосты, последние совмещают с своей

¹ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 2, л. 38; ГАРО, ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 139 об – 140.

² Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 20.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 12 (23 марта 1863).

должностью должности сборщиков и магазинных смотрителей. Старшина Григорий Никитин несколько грамотен, состоит уездным гласным. Школ в волости нет. Больница в Скопине, фельдшерского пункта нет»¹.

Из священников Сергиевской церкви, помимо упоминавшихся в 1694 г. Варфоломея и в 1716 г. – его сына Потапа Варфоломеева, известны Иоанн (упоминался в 1734 г.), Перфилий (упоминался в 1753 г.), Алексей Никифоров (служил в 1784–1810 гг.) Георгий Петров (в 1810–1848 гг.), Иоанн Петров Рудинский (в 1848–1876 гг.) и Алексей Афанасьевич Покровский (ок. 1876–1914 гг.). В 1884 г. И.В. Добролюбов писал о храме: «В настоящее время при Сергиевской церкви земли состоит 33 десятины 1200 кв. саженой (ок. 37 га), кроме того в пользу причта идут проценты с неприкосновенного капитала в 2450 рублей. В приходе, кроме села Никольского с 81 двором, значится также деревня Дрокова (в 2 верстах) с 62 дворами, в коих мужского пола 498, женского пола 515. В причте по штату 1873 г. положены 1 священник и 1 псаломщик»². В 1848–1879 гг. старостой храма являлся артиллерии отставной поручик Владимир Петрович Вердеревский.

По переписи населения 1882 г. в Сергиевском-Никольском было 91 домохозяйство, в которых проживали 295 мужчин и 303 женщины. На ревизскую душу приходилось 2,5 десятины (2,7 га) земли – суглинка и мелкого чернозема с песком. Помимо наделной, 40 семей арендовали 120 десятин земли (131 га) на общую сумму 1854 рублей. Безземельными были 6 дворов (32 едока), обитатели 19 дворов не могли себе позволить содержание ни лошади, ни коровы, 31 двора – только лошади. Всего в селе насчитывалось 87 изб, при них 77 плетневых дворов, а также 9 горниц, 58 амбаров, 74 риг и овинов. Местными промыслами занимались 62 семьи, 22 мужчины находились в отхожих промыслах³. По данным Скопинского уездного земства, в 1893 г. при селе Никольском действовали ветряная мельница крестьянина Тимофея Николаевича Зотова и кузницы скопинского мещанина Федора Васильевича Фадеева и крестьянина Тимофея Ломова⁴.

В 1889 г. скончался бывший никольский помещик и староста Сергиевской церкви отставной артиллерии поручик Владимир Петрович Вердеревский. В его духовном завещании, опубликованном в «Рязанских епархиальных ведомостях», было оговорено следующее: «...В ту церковь, при которой похоронено будет тело его, 730 руб., из коих 365 на церковные расходы, а 365 причту; 1000 руб. на построение часовни над его могилой, а если он будет похоронен в приделе церковного храма во имя Св. великомученицы Варвары, то вместо построения часовни на покупку чугунной плиты на его могилу и лампы к образу пред могилой, оставшиеся затем деньги должны быть внесены в кредитное какое-либо учреждение с тем, чтобы на проценты с них исправлялись могилы его родственников, иконы Спасителя, Скорбящей Божией Матери с мощами, последняя в церкви села Никольского, 2000 рублей на построение местной церковной школы и 2000 на содержание ее»⁵.

Видимо, В.П. Вердеревский все же был похоронен в Варваринском приделе Сергиевской церкви, поскольку уже в мае 1890 г. Скопинское уездное земство на своем экстраординарном собрании обсуждало следующий вопрос: «Душеприкащик умершего землевладельца на-

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. Москва, 1877. С. 464–465.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 181–182.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 20–25; Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 584–585.

⁴ ГАРО. Ф. 7 оп. 1, д. 808, лл. 16 об – 17.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 7 (1 апреля 1890 г.). С. 342.

шего уезда В.П. Вердеревского гласный собрания В.П. Всеволодов заявил управе, что согласно воле г. Вердеревского, выраженной в его завещании, утвержденном Рязанским окружным судом 28 октября (9 ноября) 1889 г. он предполагает выстроить в селе Никольском, Сергиевское тож сельскую школу. На постройку здания он назначает согласно завещания 2000 руб. а две тысячи руб. внести в управу для того чтобы % с этих денег шли бы на содержание школы. Согласно постановления собрания 1888 г., им представлен план предполагаемого здания. Но так как от общества крестьян села Никольского не поступило заявления о желании их иметь в селе школы, а рано и приговора о принятии ими участия в расходах на уплату жалованья учителям школы, согласно постановления 5 октября 1884 г. а также о принятии ими обязанности отапливать, освещать, ремонтировать и содержать сторожа при здании училища, то председатель управы сделал дознание на месте. Собранный сельский сход села Никольского, при любезном участии г. земского начальника, на предложение председателя выразить приговором свое желание иметь школу в селе имени покойного Вердеревского, а равно согласие их принять участие в расходах на содержание ея, ответил отказом»¹. Предложение крестьян о том, чтобы деньги пошли на содержание выстроенного ими церковно-приходского училища, было отвергнуто земством. Похоже, отношения местных крестьян с бывшим помещиком при его жизни были далеко не идиллическими, раз они не захотели принять даже его посмертную благотворительность.

Русско-японская война 1904–1905 гг. и случившийся в 1905 г. неурожай, по многим свидетельствам оказавшийся не менее сильным, чем в голодном 1892 г., нанесли удар по финансовому благосостоянию и Скопинского уездного земства, и сельских обществ. В 1904 г. крестьяне общества «б. Ивинского» села Сергиевского, собранные на сход старостой Григорием Тереховым в количестве 35 домохозяев из 38, обратились в земскую управу с просьбой о ссуде в 300 рублей на ремонт плотины через речку Марьинку (со спуском воды и конным проездом), которая должна была быть возвращена в течение 4 лет. Крестьяне писали, что если не отремонтировать плотину, то они «обречены будут испытывать полный недостаток в воде как для себя, так и для скота, так как реки и колодцы, последние хотя бы рытые, в нашем селе положительно отсутствуют». Затратив в 1891–1892 гг. несколько тысяч рублей на возведение при селе плотины и прочие работы, Скопинское уездное земство не смогло выделить значительно меньшую сумму даже в долг. Крестьяне получили отказ. Если учитывать, что образовавшийся перед плотинной пруд находился на земле ерлинского помещика С.Н. Худекова, а денег на рытье и ремонт колодцев не было, становится понятно, что крестьяне оказались в весьма затруднительном положении².

Безденежье и неустроенность, с одной стороны, и складывавшаяся в стране революционная ситуация, – с другой, находили отклики в сердцах тех селян, кто бывал на заработках в городах в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Возвращаясь в родное село, они нередко становились распространителями революционных идей. В донесении скопинского исправника прокурору Рязанского окружного суда от 30 ноября (11 декабря) 1905 г. сообщалось: «29 сего ноября крестьянин села Никольского Скопинского уезда Михаил Степанов Кирюшин, возвратившийся с заработков из г. Москвы, зайдя в чайную Павлова в г. Скопине, предлагал для прочтения привезенные им из Москвы прокламации: 1) Всероссийского

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания экстренного созыва от 22 мая 1890 г. Скопин, 1890. С. 20–21.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XL созыва 1904 года. Скопин, 1905. С. 193.

крестьянского союза – “Чего хотят люди, которые идут с красным флагом” и 2) воззвание к народу члена Всероссийского крестьянского союза священника Стефана Сребрянского, каковые были читаны крестьянином того же села Иваном Михайловым Гусевым. Производство по сему делу вместе с отобранными двумя прокламациями вместе с сим переданы начальнику Рязанского губернского жандармского управления»¹.

Количество крестьян-отходников из селений Скопинского уезда, отправлявшихся за пределы Рязанской губернии, было значительным. Каждый из них привозил прокламации или рассказы об увиденном или услышанном – об уличных боях, забастовках, погромах, демонстрациях. В телеграмме рязанского губернского и скопинского уездного предводителей дворянства и гласных губернского земства министру внутренних дел П.Н. Дурново от 9 (22) декабря 1905 г. сообщалось: «[В] Скопинском уезде крестьяне громят владельческие усадьбы, войск нет. Просим ваше высокопревосходительство принять немедленно меры прекращения дальнейших беспорядков, грозящих уничтожением частного землевладения [в] уезде»².

На 1905 г. в селе Никольском было 107 дворов, в которых проживали 350 мужчин и 418 женщин. В селе действовали церковно-приходская школа, казенная винная лавка, волостное правление, ветряная мельница. Село находилось в 2 верстах от ближайшего врачебного пункта в деревне Дроково. Усадьба, находившаяся в селе, в это время принадлежала дворянину Добротворскому³.

К 1908 г. при 816 жителях в селе насчитывалось 73 ребенка школьного возраста, но из них учились в Никольской земской школе только 50⁴. В 1914 г. школа помещалась в доме местного священника, в ней обучались 42 мальчика и 10 девочек⁵.

В 1914 г. в Сергиевской церкви по-прежнему служил престарелый священник Алексей Афанасьевич Покровский⁶. Его многолетнее пастырское служение в 1898 г. было отмечено камилавкой, а в апреле 1903 г. – наперсным крестом от Св. Синода. В приходе храма, кроме села Никольского с 125 дворами, в которых проживали 401 мужчина и 383 женщины, по-прежнему входила деревня Дроково с 83 дворами и населением в 250 мужчин и 263 женщины. При церкви имелась библиотека на 153 книги⁷.

В 1917 г. в селе Никольско-Сергиевское Сергиевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывался 141 двор, а население состояло из 383 мужчин и 373 женщин. В этом году при селе в последний раз упоминается усадьба дворянина Добротворского⁸.

В 1918 г. в селе был создан Никольский сельсовет. При укрупнении волостей уезда в 1925 г. он вошел в Ерлинскую волость. В начале 1920-х гг. в селе добывали торф, который, видимо, использовался для отопления. Несоблюдение техники безопасности при торфодобыче приводило к трагедиям. В 1925 г. скопинская газета «Коллектив» сообщала: «27 июля

---

¹ Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции: (Документы и материалы). Рязань: Кн. изд-во, 1960. С. 102.

² Там же. С. 260.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 608–609.

⁴ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 40–41.

⁵ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 591.

⁶ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань 1914. С. 447.

⁷ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 591.

⁸ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 151.

с. г. в селе Никольском Ерлинской волости утонул 9-летний мальчик. Граждане второй год роют торф на улице на расстоянии 10 саженей от изб, делая обрывистые ямы глубиной до 3-х аршин. Эти ямы наполняются водой. Вот в этих-то ловушках погиб мальчик, и гибнут люди и скот. А местный Никольский сельсовет, несмотря на распоряжения ВИКа, никаких мер не принимает»¹.

Современное название села – Николо-Скопин – оформилось после отмены традиционного административного деления на волости, уезды и губернии в 1929 г. Тогда оно было включено в Пронский район Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В новом районе оказалось сразу четыре села с названием Никольское. Для того, чтобы отличать одно от другого, их стали именовать поселками Ново-Никольский, Старо-Никольский, Никольский-Бычок и Никольский (Скопинский). Это название позже трансформировалось в Николо-Скопинский и Николо-Скопин.

В 1931 г. на волне массовой коллективизации в селе был создан колхоз «Мировой Октябрь». Одним из его первых председателей был Александр Васильевич Гусев².

В ходе т. н. «дела офицеров» в августе 1937 г. в Скопине был арестован счетовод туберкулезного диспансера Аркадий Васильевич Добротворский (1881–1937), бывший штабс-капитан Русской императорской армии, в 1918–1924 гг. служивший в РККА помощником начальника штаба дивизии а затем военруком Скопинского РВК. 10 декабря 1937 г. он был приговорен к расстрелу тройкой УНКВД по Рязанской области по ст. 58–10 и 58–11 УК РСФСР как участник антисоветской военно-офицерской организации. Авторам, однако, неизвестно, имел ли он какое-либо отношение к последнему владельцу усадьбы в селе Никольском.

В 1937 г. Пронский район был передан из Московской области в новообразованную Рязанскую. Топографические карты РККА 1941 г. (съёмка 1939 г.) свидетельствуют, что в селе Никольском в то время было 211 строений. Село заметно расстроилось в северном и восточном направлениях. В селе по-прежнему находился большой пруд с плотиной, на берегу которого стояли закрытая в 1930-х гг. Сергиевская церковь и строения бывшей усадьбы.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. многие уроженцы Никольского сражались за свободу и независимость Родины в рядах РККА. О героизме жителей села можно судить по красноармейцу Василию Яковлевичу Филину (1922–?), который с января 1942 г. служил в 392-й отдельной разведроты 325-й стрелковой дивизии. О нескольких боевых эпизодах с его участием известно следующее: «В ночном поиске с 19 на 20 августа [1942 г.] тов. Филин был в группе обеспечения. Разминировав минное поле и проделав проход в проволочном заграждении противника, он в проделанный проход за группой захвата тащит телефонный провод для связи. В момент атаки дзота от взрыва гранаты был порван провод, тов. Филин, под огнем противника быстро ликвидировал обрыв, наладил связь. В этой операции был захвачен раненый пленный с документами, пулемет, убито 10 немцев. В ночь с 9 на 10 сентября 1942 г. в проводимом ночном поиске тов. Филин был в отсекающей группе из группы захвата, в момент атаки дзота тов. Филин первым бросился к нему, вытащил оттуда пулемет и с помощью товарищей доставил его на оборону. В этой операции был захвачен раненый пленный, документы, пулемет и др. трофеи. В боевой операции с 23 на 24 сентября [1942 г.] тов. Филин был в группе обеспечения, бесшумно проделал проход в проволочном

¹ Коллектив, № 75 (12 августа 1925)

² Архив Скопинского района. Ф. 389, л. 1.

заграждении противника, в момент действия группы захвата он из автомата прикрывал отход с пленным и трофеями. В этой операции был взят пленный, документы, убито 35 немцев»¹. В 1943 г. за успешную боевую работу разведчик В.Я. Филин был награжден медалью «За отвагу».

В 1943 г. колхоз «Мировой Октябрь» Николо-Скопинского сельсовета старался и показывал ударные темпы работ. Его отмечали на первых страницах районной газеты по косьбе трав в июле на площади 60 га, по севу озимых в середине августа на площади 124 га. Николо-скопинских колхозников ставили в пример другим хозяйствам по распорядительности в соблюдении установленных директивных сроков полевых работ².

Оставшиеся в тылу работники колхоза обеспечивали функционирование хозяйства в неблагоприятных условиях военного времени. Наряду с ответственным подходом к работе бывали и случаи безалаберности, вред от которых многократно увеличивался, если ее проявляли руководители. Но и с них в военные годы спрашивали строго. Например, в марте 1944 г. прокурор Пронского района Купряшин через районную газету сообщал: «Бывший председатель колхоза «Мировой Октябрь» Николо-Скопинского сельсовета Сериков А.Я. допустил разбазаривание кормов, в результате чего конское поголовье доведено до истощения и 7 лошадей пало. В настоящее время Сериков арестован по ст. 109 Уголовного кодекса, следствие закончено и дело передано в народный суд для рассмотрения в судебном заседании»³.

В 1952 г. в рамках линии на укрупнение хозяйств Рязанской области николо-скопинский колхоз «Мировой Октябрь» и рождественский «Урожайный» были объединены в крупный колхоз им. С.М. Кирова. В 1954 г. был ликвидирован Николо-Скопинский сельсовет, а само село подчинили Рождественскому сельсовету Пронского района. В декабре 1961 г. Рождественский сельсовет был переведен в Старожиловский район, а в марте 1962 г. – в Скопинский. Колхоз им. С.М. Кирова стал называться колхозом «Дружба». Он имел 3100 га земли. В 1965 г. на территории Рождественского сельсовета работали Рождественская восьмилетняя и Николо-Скопинская начальная школы, 2 клуба, 2 медпункта, библиотека, 2 магазина и колхоз «Дружба»⁴.

В 1980-х гг. в Рождественском сельсовете числились «108 хозяйств с 255 жителями, магазин, медпункт, клуб, начальная школа, был водопровод, ежедневно ходил рейсовый автобус Скопин–Михайлов. Его территорию занимали земли колхоза «Дружба», где [было] 2 коровника и свиноферма (600 голов крупного рогатого скота, в т. ч. 100 коров, и 1300 свиней). В колхозе работали 80 человек, занимавшихся и личным подсобным хозяйством. В сентябре 1986 г. закрылась школа, в 1991 г. – клуб. В декабре 1992 г. колхоз был реорганизован в АОЗТ «Дружба», где продолжали работать 12 человек, функционировала свиноферма (500 голов). На 1 января 2000 г. в селе было 78 хозяйств со 159 жителями, в том числе 30 работоспособными, остальные пенсионеры и дети. У населения было 6 лошадей, 42 коровы, 35 свиней и 72 овцы». ⁵ Основным занятием жителей было выращивание скота и продажа мяса, молока, творога и сметаны. В селе также действовали магазин и медпункт.

В начале XXI в. предпринималось несколько попыток восстановить Сергиевский храм в Николо-Скопине, но ни одна из них не увенчалась успехом. В советские годы в историческом церковном здании XVII в. – единственном на территории Скопинского района – размещался

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, д. 2258, л. 66.

² Пронский колхозник, № 43 (22 июля 1943; Пронский колхозник, № 47 (19 июля 1943).

³ Пронский колхозник, № 17 (14 апреля 1944).

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 393, л. 1; ф. 389, л. 1.

⁵ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. Рязань, 2006. С. 250–251.

склад химических удобрений, чем ему был нанесен непоправимый ущерб. В настоящее время уникальный памятник архитектуры находится в крайне тяжелом состоянии и продолжает разрушаться. В начале 2010-х гг. храм лишился куполов и крестов. На кладбище, примыкающем к церковному зданию с северной стороны, сохранились надгробные плиты XIX в.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Николо-Скопин было включено в Успенское сельское поселение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в нем постоянно проживали 85 человек – 33 мужчины и 52 женщин. В 2010-х гг. в рамках программы развития Скопинского района село было газифицировано.

В 1,5 км к северу от села находится уникальная посадка лиственниц, называемая в народе Митина роща. В диком виде лиственница в Скопинском районе не растет, деревья по собственной инициативе высаживал в середине XX в. местный житель по имени Дмитрий. Роща страдает от бесконтрольной вырубki и нуждается хоть в каком-нибудь охранном статусе.

НОВИКОВО

деревня

(городской округ город Скопин)

Как свидетельствуют данные археологии, в XIV–XVII вв. современная юго-западная окраина города Скопина и местность вокруг примыкающей к городу деревни Новиково была довольно густо населена. Здесь на правом берегу р. Верды выявлены три позднесредневековых селища, застраивавшиеся в разное время. Селище «Новикова слобода-1» находится к востоку от моста на автодороге в поселок Миловское. Оно имеет размеры 250 x 100 м и протянулось вдоль берега реки. Толщина культурного слоя этого поселения доходит до 0,5 м. Селище «Новикова слобода-2» лежит на том же берегу к юго-востоку от первого, имеет размеры 260 x 200 м и культурный слой до 0,3 м. Наконец, селище «Новикова слобода-3» было обнаружено в 0,14 км к западу от железнодорожного моста, имеет размеры 190 x 150 м и культурный слой до 0,25 м. На всех селищах была найдена позднесредневековая гончарная керамика, в т. ч. сероглиняная, чернолощенная и мореная, преимущественно XV–XVII вв. и более позднего времени¹. Возможно, это остатки одного (несколько раз возрождавшегося на новом месте) или нескольких поселений, обитатели которых стали первыми жителями скопинского острожка.

С конца XVI в. «деревня Новикова» входила в скопинскую вотчину бояр Романовых. Первое документальное упоминание о ней относится к 1631 г. В переписных книгах Рязского уезда письма, меры и межевания Григория Киреевского со товарищи 1629–1631 гг. в Пехлецком стане сообщалось: «...За боярином Иваном Никитичем (Романовым. – *Примеч. авторов*) в вотчине деревня Новикова, а в ней крестьянских дворов: во дворе Данилка Исаев, во дворе Емельянка Ширяев, во дворе Гришка Рябкин, во дворе Сенка Биризев, во дворе Иванка Кремлев, Ерка Прибытков, во дворе Иванка Рудомет, во дворе Савка Ланин, во дворе Сафонка Ланин, во дворе Сафонка Прибытков, во дворе Иванка Прибытков, во дворе Артюшка Долгой, во дворе Микитка Галкин, во дворе Ортюшка Ширяев, во дворе Оська Иванов»².

По Рязским переписным книгам 154 (1646) г. в деревне указаны 54 двора крестьянских и 2 бобыльских. По переписным книгам 1675 г. в деревне было 23 двора крестьянских и 4 бобыльских, в которых проживали 55 душ мужского пола.

В 1654 г. вотчину скончавшегося боярина И.Н. Романова унаследовал царь Алексей Михайлович, при котором она превратилась в Скопинскую дворцовую волость. С 1663 г. в ней по указу царя была введена десятинная пашня. В 1675 г. жители Новиковой запахивали на царя 20 дворцовых десятин в одном поле. Они также ежегодно поставляли столовые запасы для нужд царского двора: свиного мяса – 15 пудов (2,4 ц), 8 баранов, 10 гусей, 20 уток и 15 сушеных кур³.

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. 1996. С. 106.

² РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 7.

³ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 135.

С середины XVII в. и вплоть до 1830 г. «деревня Новикова» находилась в приходе Покровской церкви города Скопина.

По данным 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в деревне Новиковой было 38 дворов, в которых проживали 97 душ мужского пола и 94 – женского. О местоположении селения в экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., сообщалось: «...Лежит по обе стороны реки Верды и при большой дороге из Скопина в Рязск и Епифань»¹. Чертежи (планы) Генерального межевания показывают, что деревня в это время представляла собой один порядок изб на правом берегу реки, обращенный окнами к воде. С «задов» к крестьянским жилищам примыкали огороды.

Карты Менде 1850 г. свидетельствуют, что в это время деревня Новиково получила второе название – Восейкова. В ней насчитывалось 76 дворов. У моста через р. Верду и далее вдоль большой дороги из Скопина в Рязск за прошедшие годы выросло еще одно селение – «деревня Винюкова» (Венюково). В ней было 56 дворов. Дорога в Рязск в этом месте упиралась в кладбище и поворачивала на юг². Появление второго названия свидетельствует о проживании в деревне частновладельческих крестьян дворян Восейковых, ставших в последствии крестьянами-собственниками.

В материалах последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., «деревня Венюкова, Новикова тож» была показана как пригородная слобода при уездном городе Скопине. В ней было 67 домохозяйств, в которых проживали 267 душ мужского пола и 267 – женского³. По сведениям 1859 г., в «Новиково (Восейково), деревне казенной при речке Верде», лежавшей в 1 версте от уездного города, насчитывалось 76 дворов и проживали 253 мужчины и 257 женщин⁴.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. деревни с обществами казенных и частновладельческих крестьян были включены в Корневскую волость. В хронике происшествий по губернии «Рязанских губернских ведомостей» за 1864 г. сообщалось: «Из Скопинского уезда – 4 октября. Скопинского уезда в дер. Венюковой сгорели 4 крестьянские дома с надворными строениями и три гумна с хлебом на сумму 1150 руб. В произведении этого пожара изъявлено подозрение на отставного рядового Петра Епифанова»⁵.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует о том, что в конце 1870-х гг. в Новикове (Восейкове), «деревне бывшей государственной», находившейся при р. Верде, насчитывалось 80 дворов и 626 жителей. В деревне действовали 2 лавки и 2 канатных завода⁶.

Со временем Новиково-Восейково и Новиково-Венюково слились в одно селение, неофициально называвшееся Новиковой слободой. В материалах ревизии Скопинского уезда, проводившейся Рязанским губернским земством в 1875 г., отмечалось, что «в слободе г. Скопина Новиковой и в селе С. Кельдах занимаются валяльным производством. Из кислой шерсти выделывают так называемый коровий войлок, идущий для пакли, обивки дверей и стен,

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 17; д. 1241, л. 113.

² Карта Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 2.

⁴ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 128.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 43 (24 октября 1864).

⁶ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 329.

укупорки товаров и проч., а из осенней шерсти и поярка – хороший войлок для полостей, подкладок для хомутов, для теплых сапог. Женщины бедного мещанского населения города и пригородных слобод занимаются ручным плетением кружев как по заказу приезжих торговцев из Москвы из привозимого ими материала, так и из собственного шелка, шерсти, бумаги, ниток. Цена кружев до 15 руб.»¹.

Согласно переписи населения 1882 г., в Новиковой слободе было 136 домохозяйств, в которых проживали 388 мужчин (из них в возрасте от 18 до 60 лет 206 человек) и 359 женщин (из них в возрасте от 16 до 55 лет 207 человек). Грамотными среди них были 82 мужчины, 1 женщина и 19 учащихся мальчиков. Надельной земли (чернозема) приходилось 3,2 десятины (3,5 га) на ревизскую душу. На 49 деревенских дворах не держали ни лошадей, ни коров, просто безлошадными были 70 дворов. Из 165 изб деревни лишь 12 топились «по-белому». На всю деревню имелся лишь 1 каменный дом, все остальные были деревянными избами, крытыми соломой. До 1876 г. из Новиково выселились 7 семей, в период с 1877 по 1882 гг. – 17. В слободе работали трактир и 2 промышленных заведения².

Во 2-й половине XIX в. при деревне Новиково на р. Верде действовала принадлежавшая местному сельскому обществу водяная мукомольная мельница, построенная около 1830 г. Ее, как правило, сдавали в аренду, а доход направляли на общественные нужды. По данным за 1893 г. арендатором мельницы был скопинский купец П.С. Брежнев³.

Основным занятием местных женщин на рубеже XIX и XX вв. оставалось плетение кружев. По данным 1892 г., в Скопине и окрестностях этим промыслом занимались 224 мастерицы по 8 месяцев в году. Девочек начиная с 7-летнего возраста приучали к обращению с подушкой и коклюшками и «сильно принуждают скорее выучиться этому “рукоремеслу”, потому что даже самое узенькое кружево, изготовляемое ими, дает им возможность зарабатывать себе несколько копеек в день». Для того, чтобы освоить все премудрости дела, требовалось около двух лет. Все деньги, зарабатываемые женщинами, составляли их неотъемлемую собственность. В домах более зажиточных, начиная с 14 лет девушки из заработанного откладывали себе на приданое. Отмечалось: «Работают они очень усидчиво с 5 часов утра и до 12 ночи, летом – от 6 до заката солнца. Днем отдыха, кроме времени обеда, не полагается».

Краткое описание деревни того времени: «Обитатели его, государственные крестьяне, владеющие наделами около 3-х десятин на душу, находят в обработке земли главные источники своих доходов. Местоположение и размежевка, не говоря уже о качестве земли (всюду чернозем), чрезвычайно способствуют успешному ведению хозяйства. Село вытянуто в одну прямую линию, по правую сторону бревенчатых изб находятся поля, по левую – на скате пологого берега небольшой речонки роскошные, обширные и богатые огороды. Скота крестьяне эти держат вообще немного, но, по-видимому, живут без нужды».

Что касается сбыта, то им занимались так называемые торговцы. До 1880 г. спрос был велик, так что, рассказывали, «в Москве в бабьем ряду или иконном Гостиного двора ни одно кружево так ни сходит с рук, как скопинское». Картину прошедшего и более позднего времени рисует другой торговец: «Пока не было чутунки, наберешь, бывало, ранец кружев,

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. М., 1877. С. 422.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С.2–8.

³ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 45 – 45 об.

да и пойдешь в Москву. Дорога станет недорого, кружево плелось тонкое, и сбыв был самый ходкий, да и цены хорошие, пока нас мало ходило. Ноне дорога в Москву и назад стоит 10 рублей, да там надо прожить дня три, чтобы разделаться с товаром. На харчи да на простой уж мало клади, а все рубля два слишком выйдет. Вот, значит, рублей 12 из кармана и выложишь. На большом количестве, конечно, это свое вернешь, а у кого товару есть рублей на 150 или 200, так только расходы окупятся, “а хлопоты-то и останутся в барышах”. Теперь, ежели нас много найдет, товару разного – и хорошего, и худого навезут – так и ходишь, ходишь набиваешься по рядам. Хорошо, как в Гостином-то возьмут! А то, ежели останется товар на руках, чтобы не проживаться, приходится идти к Семену Николаеву, что за Москвою-рекою лавку имеет. Он всегда кружево берет, никого откату нет, только уж не на деньги, а на товар меняет. Сейчас расчет делает, товару всякого отпустит, в ящик уложит! Только и товар-то какой! Что ни на есть самая дрянь фабрики Иванова. Вот как наменяешь так-то, потом и возись с товаром как знаешь¹.

В 1905 г. в Новикове был 151 двор, в которых проживали 428 мужчин и 473 женщины. В деревне находилась квартира урядника. Крестьяне занимались извозным промыслом и плетением кружев².

Арендаторы старой водяной мельницы 1830-х гг. постройки, принадлежавшей обществу крестьян деревни Новиково, нечасто утруждали себя ее ремонтом, и к 1908 г. она «пришла в полную ветхость». В Скопине к этому времени заработали 4 новые мельницы, причем 3 из них паровые, принадлежавшие купцам Воронину и Бороздину. При такой конкуренции неудивительно, что объемы помолов на мельнице новиковских крестьян резко упали³.

Из-за близости к уездному городу крестьянам Новикова приходилось отбывать подводную повинность в значительно больших объемах, чем жителям других селений Корневской волости. На это положение в 1908 г. деревенский староста Петр Антонович Насонов жаловался в Скопинское уездное земское собрание: «Селение <...> наряжает подводы жандармам от 35 до 50, воинским чинам от 25 до 30 и по требованию полиции от 200 до 3000 конных и пеших ежегодно, подводы и проводники требуются от нас по трактам... Такое количество подвод и проводников в нашем уезде не отбывает не только какое-либо селение, но даже целая волость. За подводы жандармам и воинским чинам хотя и выдаются прогоны, в летнее время за 20 верст – 60 копеек, тогда как по дороговизне продуктов стоит прокормить лошадь дороже. Подводы же и пешие проводники по требованию полиции и вовсе не оплачиваются, таким образом общество наше несет убытка ежегодно до 400 рублей⁴. Жандармы оплачивали подводы и перевозку земскими купонами из расчета 3–4 копейки за версту в зависимости от времени года. В целом же, по мысли государственных мужей, вводивших подводную повинность, она и не должна была быть источником доходов для крестьян, но неприятной обязанностью, расходы на которую компенсировались лишь частично.

Долгие годы в конце XIX – начале XX вв. печально известной «достопримечательностью» деревни Новиково являлся мост через р. Верду на Скопинско-Рязском тракте. Время от времени его ремонтировали местные крестьяне в счет дорожной повинности, потом за это дело брались подрядчики, но он стабильно оставался в удручающем состоянии. Временами мост

¹ Давыдова С.А. Русское кружево и русские кружевницы. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1892. С. 32, 35–36.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 634–635.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIV созыва 1908 года. Скопин, 1909. С. 268.

⁴ Там же. С. 264.

вовсе не имел перил, а если они и были, то далеко не всегда обеспечивали безопасность при переезде. Нередки были случаи, когда проезжающие падали в реку вместе с лошадьми и повозками. Лишь в первые годы XX в. Скопинским уездным земством были выстроены два новых надежных деревянных моста: перед слободой Венюковой, длиной 64,5 и высотой 5,25 сажени, стоивший 1703 рубля, и в слободе Венюковой, длиной 107 и высотой 8,25 сажени, стоивший 2372 рубля.

На праздник Крещения Господня 6 (19) января священнослужители и прихожане всех скопинских церквей устраивали крестный ход к иордани («ордани»), прорубавшейся во льду р. Верды близ мостов деревни Новиково. Вдоль дороги выстраивались солдаты 140-го пехотного Зарайского полка, стоявшего в городе с 1864 г. При проходе крестного хода через деревню в небо выпускали голубей.

Еще одной приметой дореволюционного быта были массовые драки молодежи из Скопина и пригородных слобод. В этих конфликтах нередко доходило до эксцессов. В 1911 г. газета «Рязанский вестник» сообщала о поножовщине между скопинскими парнями и парнями деревни Новиковой на почве ревности: «Вечером 13 октября 1908 г. в деревне Новиковой, близ Скопина в доме крестьянина Алексея Спорьихина местная молодежь устроила вечеринку. Сюда же пришли молодые парни и из Скопина. Появление щеголеватой городской молодежи местные парни встретили очень недружелюбно. Это усиливалось по мере того, как городские парни все более завоевывали симпатии девушек. Уже раздавались голоса, что городских “надо вытащить”. А Сергей Спорьихин уже шепнул сестре, что один парень обошелся с ним очень и у них “будет дело”. Поздно вечером скопинские парни пошли с вечеринки по домам. Через некоторое время новиковские парни бросились за ними в погоню. Догнав их, Сергей Спорьихин выделился из толпы товарищей и бросился на скопинских парней с криком: “Крой день от темной ночи!” И сейчас раздался его отчаянный крик: “Меня зарезали!”. Когда к Сергею подбежали его товарищи, он уже находился в предсмертной агонии и вскоре умер. Как оказалось, у него была глубокая рана, проникающая в сердце. Как только началось следствие, к судебному следователю явился 19-летний мещанин гор. Скопина Николай Александров Кожаринов и заявил, что рану ножом Спорьихину нанес он. Свое нападение Кожаринов подтвердил и на суде, объяснив при этом, что когда за ними погнались новиковские парни, товарищи его бросились в бегство, а он убежать не успел. Спорьихин бросился на него с кулаками. Обороняясь, он выхватил нож и стал отмахиваться им, и в это время совсем неожиданно даже для себя нанес ему рану. Свидетельскими показаниями обстоятельства дела подтвердились после недолгого совещания вынесли Кожаринову оправдательный приговор»¹. Корреспонденция эта в подзаголовке редакцией была названа «Дикие нравы».

В 1914 г. в деревне Новиково было 117 дворов, население составляли 444 мужчины и 483 женщины. Все они являлись прихожанами Георгиевской церкви села Старый Келец. В приходе с 1914 г. действовала земская школа².

В 1917 г. в деревне Новиково Корневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 123 двора, в которых проживали 585 мужчин и 658 женщин³. В 1918 г. в ней был создан комитет бедноты, позднее появился Новиковский сельсовет.

¹ Рязанский вестник, № 48 (23 февраля 1911).

² Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным кривых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 610–611.

³ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

В начале 1919 г. старинная водяная мельница на р. Верде, принадлежавшая новиковскому сельскому обществу, все еще была цела. Заметка о злоупотреблениях ее работников, написанная Павлом Мецсеряковым для скопинских уездных «Известий» дает яркую картинку быта села в годы Гражданской войны: «16-го февраля с. г. в деревне было общее собрание сельского совета. Обсуждался вопрос о том, как поступить с прикащиком мельницы Н.И. Моховым, которому по его уродству доверили ведение хозяйства на общественной мукомольной мельнице.

С 13-го октября 1918 г. и до 16-го февраля с. г. правил хозяйством Мохов. Конечно, прежний совет “контролировал” Н.И. Мохова каждую субботу; комиссия, состоявшая из председателя комитета бедноты и председателя совета производила учет. Из вырученных мельничных денег делилось все “по-Божью”. Н.И. Мохов дарил учетчикам по сороковке, и все у него шло благополучно, как нельзя быть лучше. И стал наш Н.И. Мохов толстеть и богатеть; как видно, мельница порядком зарабатывала для него лично. Но обществу мельница стала уже приносить большие убытки, так рублей 300 в месяц.

Тут-то и стало общество думать, отчего же это убыток-то получается? Наконец догадались дать предписание совету внимательно следить за прикащиком. Назначили контрольную комиссию в лице в лице С. Носова, Сергея Мохова и Ивана Мохова. Эта комиссия, как говорится, на смаз не пошла, а в скором времени грешинку за прикащиком нашла.

Едут крестьяне с мельницы, везут 27 пудов муки, а в корешке им ничего не записано, или только 5 пудов. Конечно, для прикащика Николая это очень хорошо: за размол полагалось 60 коп. с пуда, да еще 1 фунт ржицы, которая на приход не попадала, а проходила куда следует по спекулятивной цене; хоть он и хромой, но с хорошей головой. Еще при царизме он хорошо умел отделяться от подобного рода обвинений, всю торговал денатуратом, но как урод, не способный к труду, ареста миновал. А в этот раз отделался Мохов еще чище, на сельском собрании он объяснил свое злоупотребление самой простой вещью: видите ли, нужно было произвести ремонт, так вот за починку веретена Мохов вместо денег и заплатил кузнецу мучицей. Но интересно то, что факты злоупотребления обнаружены раньше, чем производился ремонт. Почему же Мохов мог знать, будет ли ремонт или нет? И многие из граждан, как видно, сочли его за “прозорливого” или какого святого, узнающего будущее. Общее собрание, выяснив все это, постановило устранить Н.И. Мохова от занимаемой им теплой должности и заменить его членом совета Владимиром Беляевым, чтобы новый прикащик не был «прозорливым», поступал по совести честного гражданина.

А Николай Мохов, не долго думая, выпросил у совета удостоверение в том, что он никогда не состоял на полицейской и охранной службе и записался в партию коммунистов. Я по своему убеждению считаю это неправильным, таким в партии коммунистов не место. Для таких людей есть места более подходящие¹.

К середине 1920-х гг. хозяйственная жизнь разрушенной Гражданской войной страны стала налаживаться. В период нэпа вновь оказалась востребована работа скопинских кружевниц. В Новикове в это время работали до 200 мастериц. Кроме них, в пригородной деревне трудились еще 6 сапожников².

До начала массовой коллективизации в Скопинском уезде было зарегистрировано несколько коллективных хозяйств. К 1928 г. функционировали Залесно-Чулковский совхоз, который принадлежал скопинскому Земуправлению, а также 6 товариществ по со-

¹ Известия, № 17 (16 марта 1919).

² *Ильинский В.Н.* Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии). Скопин, 1929. С. 42–43.

вместной обработке земли и машинных товариществ. На 15 мая 1929 г. уже 11 коллективных хозяйств – сельхозартелей, машинных товариществ и товариществ по совместной обработке земли. В Новикове было создано товарищество по совместной обработке земли «Дружба»¹.

В 1929 г. ушло в прошлое историческое административное деление на волости, уезды и губернии. Деревня Новиково стала населенным пунктом Скопинского района, включенного в Центрально-Промышленную область, до конца года переименованную в Московскую.

Среди хозяйств Скопинского района новиковский колхоз «Дружба» был на хорошем счету. Организовался он в конце 1928 г., когда вернувшаяся с районных курсов сельского актива крестьянка Мохова создала в деревне инициативную группу. К тому времени у нее был уже собственный опыт: муж, вернувшийся из рядов Красной Армии, создал с соседями объединенное хозяйство, а сама Мохова тесно общалась с колхозниками первого тогда в районе павелецкого колхоза². Уже по итогам 1931 г. колхоз «Дружба» выполнил и перевыполнил все планы. По трудодням он имел один из лучших результатов. Стоимость полученных колхозниками на 1 трудодень продуктов составила 71 копейку, всего же деньгами к выдаче на каждый трудодень пришлось по 1 рублю 11 копеек. Ушли те времена, когда Мохова плела кружева, чтобы купить сбрую для лошади: в колхозе она стала лучшей ударницей, и ее избрали делегатом на областной слет колхозников-ударников. Вдвоем с мужем за 1932 г. она заработала 1265 трудодней. Старшая ее дочь училась в техникуме в Москве, младшая – на электрослесаря, а сын – в школе³.

22 мая 1932 г. новиковский колхоз торжественно отпраздновал открытие детсада и столовой⁴. К концу 1932 г. в сельхозартели было более 200 колхозников и 11 единоличников. В опубликованной в газете «Побединский ударник» заметке председатель колхоза Янин писал: «В 1931 г. работали плохо, никто ни за что не отвечал, за урожай не боролись. В текущем году были организованы бригады. Теперь трудодень стоит вместо 1 рубля 56 копеек уже 2 рубля 40 копеек. Перед государством полностью рассчитались. Только парники и огороды дали 72 тыс. рублей. Отстроили показательную кузницу»⁵.

Пригородный колхоз был на виду у районного начальства. В этом были свои преимущества – руководству трудно было скрывать случаи неблагоприятного поведения, да и колхозникам, в случае чего, было куда пожаловаться на произвол своего руководства. Но были и недостатки – приходилось проводить все инициированные сверху кампании. Так в 1933 г. получилось с борьбой против засилья кулаков в колхозах. «Дружба» к этому времени стала отставать. На трудодень в 1933 г. колхозники получили только 2 кг ржи вместо 4 кг в 1932 г. И это при том, что хозяйство заметно окрепло – в «Дружбе» было уже 69 лошадей, 2 сеялки, 2 сортировки, конная молотилка, конные грабли, 5 косилок. Свалить недостатки управления решили на «саботаж» бывших кулаков. В новиковской «Дружбе» таких было 12 – все вступили в колхоз, спасаясь от раскулачивания и высылки. На общем собрании колхозники проголосовали за исключение только 9. Тогда «вычистили» М. Андросова и Д. Андросова, имевшего до революции 10 га купчей земли, трех батраков и торговавшего кожей. Долго противились новиковцы исключению бригадира колхоза С.И. Мохова, в хо-

¹ Статистико-экономический обзор Скопинского, Горловского, Милославского и Чернавского районов. Тула, 1930. С. 47, 48, 49.

² Побединский ударник № 52 (5 марта 1933).

³ Побединский ударник, № 12 (23 января 1932); № 52 (5 марта 1933).

⁴ Побединский ударник, № 102 (30 мая 1932).

⁵ Побединский ударник, № 219 (29 октября 1932).

зайстве которого в дореволюционное время также работали батраки, а сам он занимался в Скопине извозом. Инициаторам кампании пришлось напомнить о его связи с раскулаченным Егоровым и то, что бригадир записывал лишние трудодни своим сыновьям. Колхозники вспомнили и о сгоревшем по его вине большом количестве овса, и что потом кормил лошадей гнилой мякиной. В итоге за его исключение проголосовали 43 колхозника. При этом остался в колхозе И.М. Спорыхин, который до революции имел наемных рабочих из Лопатина и занимался торговлей: за его исключение было подано 5 голосов и 57 – против. Председатель колхоза, член ВКП (б) с 1924 г. Янин все время молчал: он сам был сыном торговца, и это ему тоже могли припомнить¹.

На 20 ноября 1935 г. в колхозе «Дружба» имелись СТФ, где содержались 6 свиней, и МТФ с 78 головами крупного рогатого скота. МТФ разместили на скотном дворе, сооруженном в 1933 г. Здание, однако, было еще не достроено: в нем были деревянные полы и неутепленный потолок, вследствие чего помещение было холодным. Здесь же, на скотном дворе, временно помещались и свиньи: под свинарник приспособлялся нежилой дом, привезенный с бывшей водяной мельницы. Ответственным за фермы был Егор Иванович Спорыхин, бывший середняк деревни Новиково. Работал он третий год, но теоретической подготовки никакой не имел. Заинтересованности в создании ферм у крестьян не было, так как в случае их организации фуражное зерно, вместо распределения по трудодням, скармливалось скоту. Поэтому многие колхозники заявляли председателю Шмонову и правлению колхоза, что «это не верно», и передавать корма на ферму по актам не торопились².

В 1937 г. Скопинский район был передан из Московской области в новообразованную Рязанскую. Примерно тогда же был ликвидирован Новиковский сельсовет – деревня была включена в территорию Старо-Келецкого сельсовета, куда, помимо самого села, входила также деревня Гуменки. Колхоз в деревне был реорганизован и стал называться им. С.М. Кирова. К концу 1938 г. в нем было 229 дворов. После выхода 31 двора в 1938 г. (видимо, это были жители села Старый Келец, перешедшие в корневский колхоз) в колхозе им. С.М. Кирова осталось 198 дворов с населением в 844 человека. Еще 253 жителя деревни оставались вне колхоза. После распределения 41,9 % прибыли за 1938 г. каждый колхозник получил на 1 трудодень 1,4 кг зерна и 75 копеек деньгами. Каждый из 274 трудоспособных колхозников в среднем выработал по 107 трудодней. Из 748 га колхозных площадей, подлежащих уборке в 1938 г., на зернобобовые культуры приходилось 686 га, на картофель – 49 га, на другие овощи и бахчевые культуры – 16 га³. По отчету за 1938 г. в колхозе им. С.М. Кирова было 107 лошадей и 25 жеребят, 93 коровы и 46 телят, 11 свиней и 73 поросенка, 47 овец и 28 ягнят. В том же году пало 3 жеребенка, 2 теленка и 6 поросят. В личные хозяйства колхозников было продано 46 поросят⁴.

В годы «большого террора» пострадал уроженец Новикова Александр Дмитриевич Спорыхин (1913–1937), проживавший в Ленинграде. Он был осужден Особой тройкой УНКВД по Ленинградской области и 19 ноября 1937 г. расстрелян.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что на первую половину XX века пришелся период наибольшего расцвета деревни. В ней было 233 двора

¹ Побединский ударник, № 221 (26 сентября 1933).

² ГАРО. Ф. 1437, оп. 1, д. 88, л. 158.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

Границы Новикова раздвинулись до железнодорожного моста через р. Верду на севере, окраины города Скопина на востоке и села Старый Келец на юге.

С 1938 г. в селе возводился трубно-прутковый завод, который должен был стать первым элементом крупного промышленного кластера. Однако начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война заставила отложить проект до лучших времен. Летом первого года войны оборудование трубно-пруткового завода было эвакуировано в Челябинск¹.

С началом Великой Отечественной войны многие жители Новикова отправились защищать Родину. Война пришла и в саму деревню – 25 ноября 1941 г. вследствие прорыва советского фронта к северу от Тулы Скопин и его окрестности были захвачены немецко-фашистскими войсками. На следующий день после вступления в город оккупанты приступили к поиску скрывшихся бойцов истребительного отряда, оказывавшего им сопротивление на протяжении нескольких часов. В Скопине были схвачены и расстреляны уроженцы деревни Новиково Алексей Васильевич Нестеров (1904–1941) и Василий Ильич Губанов (1881–1941), работавшие в Скопине пекарями, и Алексей Николаевич Спорыхин (1889–1941), рабочий трубно-пруткового завода. Гибель А.В. Нестерова оставила в суровые военные годы без кормильца его жену и ребенка. Без отца остались и 7 детей А.Н. Спорыхина.

В 1944 г. один из сыновей убитого гитлеровцами скопинского рабочего Семен Алексеевич Спорыхин (1926–?) был призван в армию. Огнеметчик 8-го отдельного ордена Александра Невского батальона красноармеец Спорыхин воевал сначала на 3-м Прибалтийском, затем на 1-м Белорусском фронтах. Он отличился в боях за Берлин 27 апреля 1945 г.: «Действуя в составе штурмовой группы, [тов. Спорыхин] получил задание выбить из дома немцев, оказывавших автоматнo-пулеметным огнем сильное сопротивление. Невзирая на опасность, под огнем противника установил фугасный огнемет, направив его в дом гитлеровцев. Подрывом огнемета здание загорелось, и были сожжены 3 пулемета и 8 гитлеровцев, 15 гитлеровцев в панике стали удирать и были уничтожены автоматным огнем»². В этом бою сам С.А. Спорыхин был тяжело ранен, так что свой орден Отечественной войны 2-й степени он получил в госпитале.

В 1944–1949 гг. в деревне Новиково действовал спецгоспиталь НКВД № 47–91 для военнопленных и интернированных лиц. Он размещался в зданиях барачного типа, часть из которых сохранилась до наших дней и до недавнего времени использовалась как жилье. В госпиталь направляли заключенных из отделений лагеря № 178–454 («Рязань–Дягилево»), а также некоторых других лагерей Рязанской, Тульской и др. областей, где содержались военнопленные солдаты и офицеры вермахта и армий стран-сателлитов гитлеровской Германии. 4 июля 1947 г. в госпитале погиб интернированный в СССР комендант Люблинского округа Армии Крайовой полковник Казимеж Тумидайский (1897–1947). Он был ветераном Первой мировой войны (сражался в австро-венгерской армии), кавалером многих наград за участие в Советско-польской войне 1919–1921 гг. С 1939 г. полковник находился на подпольной работе в оккупированной нацистами Польше (проживал по фальшивым документам на имя Казимежа Грабовского), после освобождения Люблина советскими войсками в 1944 г. согласился на разоружение подчиненных ему сил Армии Крайовой, а сам был арестован и доставлен в Москву, откуда переведен в Харьков, а затем под Рязань. В дя-

¹ Славный город Скопин. Юбилейное издание к 420-летию г. Скопина и 80-летию образования Рязанской области. Скопин, 2017. С. 27.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 6524, л. 180.

гилевском лагере К. Тумидайский стал одним из инициаторов голодовки заключенных, был переведен в спецгоспиталь в Новиково и здесь при попытке насильственного кормления подавился горячей кашей и умер.

К. Тумидайский был похоронен под фиктивным именем, под которым был известен советской администрации, на лагерном кладбище при спецгоспитале № 47–91, находившемся на поле в 2 км от деревни Новиково. Оно стало местом последнего упокоения 264 военнопленных и интернированных лиц, умерших в спецгоспитале или на пересыльном этапе в конце 1940-х гг., – 201 немца, 46 поляков, 9 венгров и 8 австрийцев. К концу 1980-х гг. кладбище было заброшено и заросло травой. Некоторые захоронения пострадали от мародеров (среди местных жителей бытовал устойчивый миф, что там хоронили вражеских генералов с орденами и золотыми саблями). В 1990 г. кладбище было обнаружено членами рязанского отделения общества «Мемориал», ими была проведена работа по идентификации индивидуальных захоронений. Так была найдена могила К. Тумидайского, останки которого в 1991 г. перевезли в Польшу. На родине он был возведен в ранг национального мученика: в 1994 г. Президент Польши Л. Валенса посмертно присвоил ему воинское звание бригадного генерала. В 2011 г. К. Тумидайский вновь посмертно был награжден командорским крестом ордена Возрождения Польши.

С 1943 г. Скопинский район вновь временно входил в Московскую область, в 1946 г. он вернулся в состав Рязанской. Во 2-й половине 1940-х гг. на сохранившихся с довоенного времени стройплощадках началось возведение стекольного завода и центральной обогащительно-доводочной фабрики, преобразованной впоследствии в гидрометаллургический завод. Предприятия были пущены в эксплуатацию в 1948–1949 гг. Стройки приобрели всесоюзное значение, и сюда стали приезжать специалисты со всех концов страны. Для них требовались жилье и необходимая инфраструктура. В 1953 г. при гидрометаллургическом заводе был построен дом культуры. Встал вопрос о строительстве школы, которая была открыта 1 сентября 1954 г. Сегодня это средняя общеобразовательная школа № 3 г. Скопина¹.

Послевоенные годы в колхозе им. С.М. Кирова прошли под знаком дефицита сельхозтехники и рабочего скота. В 1948 г. в хозяйстве было только 30 лошадей, поэтому если не пахать, то бороновать приходилось на бычках или коровах. О масштабе работ и об уровне их технического обеспечения можно судить по распределению обязанностей весной того года. В колхозе были организованы 3 бригады. Первая полеводческая – бригадира Тимофея Михайловича Чувинова – имела 3 звена по 7–12 человек в каждом. За ней были закреплены участки земли, 3 рабочих лошади и полный комплект сельскохозяйственных инструментов. Вторая полеводческая – бригадира Ивана Ивановича Спорыхина – имела два звена по 12 человек в каждом, в одном 5, а в другом 4 лошади и комплекты инструментов. Третья огородная – бригадира Марии Михайловны Моховой, в которой было 3 звена. Звеньевой первого была Любовь Михайловна Нестерова. За ним закрепили 3 га капусты, 1 га помидоров, 170 рам для парников, а также лошадь и бычка для боронования. Звеньевой второго стала Варвара Ильинична Панкратова. За ним были закреплены 1 га помидоров, 1 га моркови и 3 га капусты, лошадь и бычок. Третье звено возглавила Елизавета Михайловна Спорыхина. За ним были закреплены 6 га капусты, 2 га огурцов, 1 га моркови, 1 га чеснока, лошадь и бычок².

¹ Славный город Скопин. Юбилейное издание к 420-летию г.Скопина и 80-летию образования Рязанской области. Скопин, 2017. С. 59, 82.

² Сталинец, № 33 (26 марта 1948).

До 1949 г. колхоз им. С.М. Кирова считался одним из передовых в районе, затем стал сдавать свои позиции. Одной из причин этого стала низкая энергооснащенность хозяйства. Другой стало снижение заинтересованности работников. На промышленных предприятиях райцентра, окраины которого находились буквально в двух шагах от деревни, местные жители имели возможность зарабатывать значительно больше, чем в колхозе. «Некоторые вовсе не вырабатывали положенного числа трудодней. Правление стремилось оживить работу. На полевых работах применялась сдельщина»¹.

В 1949 г. работники колхоза им. С.М. Кирова, председателем которого был П. Радин, получили хороший урожай. «Убирали озимых: на 198 га ржи и 30 пшеницы. Яровых: пшеницы на 21 га, овса на 116 га, гречихи на 14 га, проса на 32 га, гороха на 15 га, вики на 10 га, горчицы на 10. Комбайном МТС было убрано 180 га, своими пятью жатками 48 га. Вручную косили 15 косарей с крюками с 40 вязальщицами. В артели была машина-четырёхтонка, повозки для доставки зерна. Молотили на одном току круглые сутки двумя молотилками»².

В 1950 г. колхозы «3-й решающий» и им. С.М. Кирова Старо-Келецкого сельсовета объединили с корневским «Красным горняком», который имел полеводческо-животноводческое направление. В 1958 г. председателем укрупненного колхоза был Я.М. Савин, старшим агрономом – А.Б. Поль³.

В советские годы Новиково стало важным промышленным пригородом г. Скопина. В 1960–1980-е гг. на его территории вырос целый городской микрорайон, известный сегодня как «Металлург». При постройке промышленных объектов и жилых кварталов было ликвидировано Новиковское сельское кладбище. Сегодня на его месте находятся несколько двухэтажных зданий и часть территории школы. Благодаря современным на тот момент предприятиям жители получили интересную работу и стабильный заработок, но приходится признавать, что вредное производство нанесло заметный ущерб местной экосистеме: от отходов заводского производства пострадали прежде всего рр. Верда и Старый Келец.

С 1965 г. в состав Корневского сельсовета входили села Корневое, Старые Кельцы, Пупки, поселки Красный Городок и Кирпичного завода, деревни Новиково, Гуменки. На его территории располагались корневский детский сад, 2 медпункта, восьмилетняя школа, 3 библиотеки, 2 магазина и колхоз «Красный горняк»⁴. В таком составе сельсовет просуществовал до конца советской эпохи. Председателем колхоза в 1990 г. был Сергей Иванович Клевцов.

В 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» в колхозе «Красный горняк» была проведена приватизация земли и его реорганизация. В результате колхоз преобразовался в АОЗТ «Горняк», а его сельскохозяйственные угодья были бесплатно переданы в коллективно-долевую собственность бывших работников. В 2002 г. АОЗТ было перерегистрировано как СПК «Горняк», который работал до 2011 г.

¹ Сталинец, № 53 (19 мая 1949).

² Сталинец, № 8 (13 июля 1949).

³ Архив Скопинского района. Ф. 29, лл. 1–3.

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 12, лл. 1–2.

В 1992 г. находящееся близ деревни Новиково Скопинское кладбище военнопленных и интернированных решениями администраций Рязанской области и Скопинского района было признано мемориальным. Усилиями рязанского отделения общества «Мемориал», ряда местных коммерческих структур, а также при финансовой поддержке Немецкого народного союза по уходу за могилами жертв войны и Польского совета охраны памятников борьбы и мученичества на нем был создан Мемориальный комплекс жертв войны и репрессий, который был торжественно открыт 18 июня 1996 г. Здесь были установлены памятные знаки немецким, венгерским и польским военнопленным, интернированным полякам, а также плита на месте могилы К. Тумидайского.

По Закону Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 77-оз «О наделении муниципального образования – городской округ город Скопин статусом городского округа и установлении его границ» деревня Новиково была включена в состав этого территориального образования. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в ней насчитывалось 435 жителей – 194 мужчины и 241 женщина. Новиково воспринимается как неотъемлемая часть г. Скопина.

НОВО-АЛЕКСАНДРОВО

село

(сельское поселение Горловское)

Появление села Ново-Александрово скорее всего относится к концу XVIII или к первым годам XIX вв., так как на плане Генерального межевания Скопинского уезда 1779 г. оно еще не отмечено. Основателем его, судя по всему, был коллежский асессор Александр Васильевич Грушецкий (1746–1813), также владевший крестьянами в селе Богослове Елифанского уезда Тульской губернии¹. Название села указывает на имя первого помещика.

По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. сельцо «Ново-Александровка, Грушица тож» с 210 крепостными душами было собственностью «гвардии ротмистра и кавалера Ивана Александра сына Грушецкого»². Поручик Лейб-гвардии Гусарского полка И.А. Грушецкий (1791–?) участвовал в сражениях Отечественной войны 1812 г., впоследствии вышел в отставку в чине гвардии подполковника.

К началу 1830-х гг. владение сельцом перешло от семьи Грушецких к Нарышкиным. По окладной книге 1834 г. сельцо Ново-Александровка с 234 душами поселян и 10 дворовыми людьми принадлежало надворному советнику Алексею Ивановичу Нарышкину³. А.И. Нарышкин (1795–1868) был представителем знатного рода российского нетитулованного дворянства – сыном сенатора Ивана Александровича Нарышкина (1761–1841), дяди Н.Н. Гончаровой, супруги поэта А.С. Пушкина.

По окладной книге 1850 г. в «сельце Ново-Александровском, Грушице тож» за надворным советником А.И. Нарышкиным числились 274 души мужского пола и 9 дворовых людей⁴. На картах А.И. Менде 1850 г. указано второе название селения – «Потеревка». В нем в это время насчитывалось 70 дворов. Сельцо представляло собой два порядка крестьянских домов, вытянувшихся вдоль проезжей дороги из Михайлова в Данков. В северной части селения находилась небольшая усадьба с господским домом, напротив которой стояла ветряная мельница. Еще три мельницы стояли при дороге за южной околицей сельца⁵.

В материалах последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., селение упоминается как сельцо Ново-Александровка (Потеревка) помещика Нарышкина, в котором было 72 домохозяйства и проживали 302 души мужского пола и 334 – женского⁶.

Об условиях хозяйствования в имении А.И. Нарышкина накануне отмены крепостного права можно узнать из 3-го тома справочного издания «Сведения о помещичьих имениях» (в нем, правда, помещик ошибочно назван Львом Ивановичем). По данным книги, в «сельце Граница (видимо, искаженное «Грушица.» – *Примеч. авторов*), Новоалександровском тож»

¹ Ныне в Скопинском районе Рязанской области.

² ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 10 об.

³ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 193 об-194.

⁴ ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 223 об-224.

⁵ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 122.

ему принадлежали 302 мужские крестьянские души и 9 дворовых людей. Крестьяне проживали в 73 дворах и составляли 100 оброчных тяг. В пользовании у них находилось 35 десятин (38,2 га) усадебной земли (0,12 десятины, или 0,13 га, на душу), 600 десятин (655 га) пахотной земли (по 1,99 десятины, или 2,17 га, на душу) и 214 десятин (233,8 га) сенокоса. Денежный оброк с тягла в пользу помещика составлял 30 рублей в год¹.

С образованием в Скопинском уезде волостей в начале 1860-х гг. Ново-Александровское вошло в состав Горловской волости.

Известны некоторые подробности выхода новоалександровских крестьян из крепостной зависимости после 1861 г. В ходе реформы помещики и их крепостные составляли уставные грамоты, которые были предусмотрены Высочайшим манифестом от 19 февраля 1861 г. В них отражались количество и местоположение земли, предоставляемой бывшим помещиком крестьянам, а также размер повинностей временнообязанных в пользу своего бывшего барина. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1863 г., значится «Скопинск[ого] уез[да] участка мир[ового] посредника Жилинского с[ель]цо Грушицы – Новоалександровское тож надвор[ного] совет[ника] А.И. Нарышкина, 299 д[уш]. Душевой надел: прежний – 4 ½ дес[ятины] (4,9 га), по грамоте 2 дес[ятины] 2272 саж[ени] (3.2 га); повинность оброчная. Грамота написана помещиком»².

Немногом ранее, в конце 1862 г., Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие рассматривало на своем заседании дело об удалении крестьянина Московнина из местного сельского общества: «Скопинский мировой посредник 4-го участка Жилинский представил единогласный приговор общества сельца Новоалександровского, помещика Нарышкина, об удалении из оногo крестьянина Ивана Михайлова Московнина, 38 лет, с женою и тремя малолетними детьми, за развратное поведение, кражу, буйство и угрозы односельцам. Мировой посредник, признавая с своей стороны удаление Московнина полезным для общественного спокойствия, представил в подтверждение отношении Скопинского земского исправника, в котором последний изъясняет, что прибыв в мае прошлого года в сельцо Новоалександровское для побуждения крестьян к уплате оброка он узнал, что Московнин возмущал крестьян и подговаривал их не платить оброк помещику. К делу не было приложено документа о согласии помещика на удаление Московнина из общества, почему губернское присутствие просило посредника доставить оный. Ныне посредник препроводил в присутствие письмо поверенного г Нарышкина камер-юнкера Черткова, в котором он по доверенности владельца имения изъясняет свое согласие на представление в распоряжение правительства крестьянина Московнина с семейством. Московнин содержится при Михайловском земском суде под полицейским надзором. Определено: приговор крестьян сельца Новоалександровского об удалении из общества крестьянина Московнина вместе с семейством, как правильно составленный, утвердить, а дело передать на распоряжение Рязанского губернского правления»³.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Ново-Александровском, «бывшем сельце государственном (ошибка составителей, т. к. в действительности оно было владельческим. – *Примеч. авто-*

¹ Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Том III. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям. СПб., 1860. С. 62–63.

² Рязанские губернские ведомости, № 6 (9 февраля 1863).

³ Рязанские губернские ведомости, № 45 (10 ноября 1862).

ров)», насчитывалось 135 дворов и 921 житель. В селении была построена часовня, действовала торговая лавка¹.

У некоторых жителей села, безусловно, имелась предпринимательская жилка, развитию которой способствовал переход России к капиталистическим отношениям. Но их коммерческие инициативы порой вступали в противоречие с нормами имперского законодательства. В 1882 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «Скопинское уездное полицейское управление разыскивает имения и капиталы, принадлежащие крестьянам села Новоалександровки Титу Ефимову и Наталье Алексеевой, на пополнение числящихся на них за беспатентную торговлю вином в селе Горлово 30 рублей»².

Пожары, бывшие частым бедствием русского села, не обходили стороной и Ново-Александровку. О наиболее крупных из них в 1870–1880-х гг. рязанская губернская газета писала: «5 мая [1876 г.] Скопинского уезда в сельце Ново-Александрове сгорело от неизвестной причины 7 крестьянских домов; убытка понесено на 310 руб.»³. Позднее газета уточнила, что в тот же день там сгорели «еще 8 домов с надворными строениями, убытка понесено на 1900 руб.»⁴. «9 июля [1882 г.] Скопинского уезда в деревне Новоалександровке сгорело от неизвестной причины 9 крестьянских домов с надворными строениями и 4 ригами, убытка понесено на 4020 руб.»⁵. И еще: «В ночь с 7 на 8 июня [1883 г.] Скопинского уезда в сельце Новоалександровке сгорело от неизвестной причины 5 крестьянских домов с надворными строениями; убытка понесено на 570 руб.»⁶

По данным переписи населения 1882 г., в Ново-Александровке насчитывалось 153 домохозяйства, в которых проживали 530 мужчин и 524 женщины. Из них грамотными были только 55 мужчин и 8 учащихся мальчиков. На ревизскую душу приходилось лишь по 2,6 десятины (2,8 га) наделной черноземной земли, поэтому 110 семей местных жителей арендовали 250 десятин (273 га) пашни и 70 десятин (76,5 га) лугов. 33 крестьянских хозяйства не имели ни лошадей, ни коров. Безлошадными числились 50 дворов, с одной лошадью – 44 двора, с двумя лошадьми – 39 дворов, с тремя и более лошадьми – 20 дворов. В сельце было 26 каменных домов и 127 деревянных изб, все под соломенными крышами. В отхожих промыслах числились 172 местных мужчины. В сельце действовали три промышленных заведения, кабак и две лавки⁷.

Данные за 1893 г. уточняют информацию о местных промышленных заведениях и их владельцах. В Ново-Александровке в это время действовали кузница крестьянина Павла Ивановича Фурина, ветряные мельницы крестьян Петра Юдиновича Гребенькова, Сергея Юдиновича Гребенькова, Василия Петровича Барычова, Федора Андрияновича Бакокина и Петра Васильевича Гребенькова, ветряная толчея Климона Юдиновича Гребенькова и просорушка Афонасия Васильевича Гребенькова⁸.

В XVIII–XIX вв. Ново-Александровка входила в приход Дмитриевской церкви села Горлова, куда относилась также близлежащая деревня Даниловка. Сельский деревянный храм во

¹ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 328.

² Рязанские губернские ведомости, № 29 (24 апреля 1882).

³ Рязанские губернские ведомости, № 45 (9 июня 1876).

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 50 (26 июня 1876).

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 63 (21 августа 1882).

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 50 (6 июля 1883).

⁷ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 122–127; Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 584–585.

⁸ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 809, л. 17 об.

имя Св. Иоанна Предтечи был построен и освящен 15 (27) октября 1900 г. благочинным 2-го Скопинского округа священником Василием Волковым.

В 1905 г. в «Ново-Александровке, Грушице и Потеревка тож» было 214 дворов, в которых проживали 731 мужчина и 753 женщины. В селе действовали церковь деревянная, земская школа, основанная в 1897 г., 2 ветряные мельницы и церковный кирпичный завод¹.

Действовавшие при селах и деревнях уезда промышленные заведения должны были уплачивать промысловый налог в пользу Скопинского уездного земства. Однако из-за нередко плачевного состояния своих мельниц и лавок и их низкой доходности крестьяне-предприниматели постоянно оказывались в долгах и возбуждали ходатайства о сложении с них накопленной задолженности. В 1914 г. управляющий Рязанской казенной палатой статский советник Г.Б. Питанов сообщал Скопинской уездной земской управе: «Скопинским податным инспектором по соглашению с земским начальником 4-го участка было возбуждено ходатайство о сложении недоимок окладных сборов с крестьянина села Ново-Александрова Горловской волости Семена Павлова Веденева в сумме 8 руб. 45 коп., ввиду того, что уплатить эту недоимку он не может, так как сам очень стар, имеет 70 лет, а сын ведет нетрезвый образ жизни, надельная же земля сдана в аренду на 12 лет и из арендной платы погашаются ежегодные оклады поземельных сборов. Из приведенной суммы часть упадет на казенные сборы – 6 руб. 23 коп., а часть – 2 руб. 22 коп. – на земские...» Чиновник сообщал о том, что казенные сборы с крестьянина сложены, и просил управу сложить и земские. Скопинское земское собрание ходатайство поддержало².

В июне 1909 г. сильным градом были выбиты посевы в Горловской, Затворнинской и Павелецкой волостях на общей площади в 3779 десятин (4128,6 га). С целью поддержки пострадавшего населения Скопинское уездное земство исходатайствовало 15 000 руб. на проведение общественных работ, которые продолжались с осени 1909 г. по август 1910 г. Всего в волостях было возведено 22 объекта – в основном плотины и мосты. Кроме того, удалось провести «осушение болота при селе Потеревке, замощение дороги там же, постройка 4-х мостов, из них три небольших – 2 в селе Рудинке и 1 на дороге из Рудинки в Потеревку...»³

В 1914 г. приходом Иоанно-Предтеченской церкви в Ново-Александровском руководил священник Дмитрий Георгиевич Сапожков⁴. К храму были приписаны 3 десятины (3,3 га) усадебной земли, 20 десятин (21,8 га) пахотной и 10 десятин (10,9 га) сенокосной. В церковной библиотеке было 54 книги, в приходе также действовала церковно-приходская школа, в которой учились 78 мальчиков и 48 девочек. Всего же в селе в это время насчитывалось 192 двора, в которых проживали 789 мужчин и 770 женщин. Кроме того, в селе проживали 12 человек «духовных лиц»⁵.

В августе 1915 г. начался сбор средств на строительство в Ново-Александрове каменного храма. Церковный староста Иоанно-Предтеченского храма Андрей Михайлович Калашников и священник села Горлова Иван Яковлевич Архангельский пожертвовали по 100 рублей, а

¹ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 630–631.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIX созыва 1913 года созыва. Скопин, 1914. С.244–245.

³ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. Скопин, 1911. С. 62–63.

⁴ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань, 1914. С. 445.

⁵ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 592–593; Рязанские епархиальные ведомости, № 22 (1 ноября 1900 г.). С. 439.

проживавшая в Москве купчиха Анна Прокопьевна Самарина – 1000 рублей¹. Тем не менее, похоже, до революции приступить к строительству здания не успели.

В 1917 г. в селе Ново-Александрово Горловской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 274 двора, в которых проживали 937 мужчины и 929 женщин².

В 1918 г. был образован Ново-Александровский сельсовет. В его территорию вошла также близлежащая деревня Писаревка. После отмены дореволюционного административного деления на волости, уезды и губернии в 1929 г. Ново-Александрово стало населенным пунктом Горловского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

С началом массовой коллективизации на Ново-Александровский сельсовет, согласно общепринятой тогда практике, была возложена работа с единоличниками, не вступившими в колхоз. Сельсовет должен было доводить до них посевные планы, следить за засыпкой семян, контролировать сев, отслеживать своевременную уплату налогов. Особо тщательно сельсовет был обязан контролировать исполнение т. н. «твердых заданий» бывшими кулаками и наиболее зажиточными середняками – «твердозаданцами». Объем таких заданий определялись на местах довольно произвольно, за чрезмерное усердие с сельсоветов строго не спрашивали. Власти фактически ставили перед сельсоветами задачу либо задавить единоличника, либо загнать его в колхоз. Основная проблема в Ново-Александрово заключалась в том, что село было относительно зажиточным: колхоза здесь долго создать не удавалось. Для урезонивания строптивцев приходилось прибегать к испытанному еще в годы Гражданской войны средству – суду и репрессиям. Так, Горловский народный суд, «разобрав 24 марта 1932 г. дела об отказе засыпать в семфонд по твердым заданиям, приговорил жителей села [Ново-Александрово]: Никитина – к 1 году принудительных работ с конфискацией дома и коровы; Сорокина К.П. – к штрафу в 300 рублей; Ермакова – к высылке за пределы Московской и Ленинградской областей и ЦЧО сроком на 2 года, а также к конфискации 2 амбаров, коровы и телка»³.

Однако и после этого дело не сразу сдвинулось с мертвой точки. В 1932 г. районным властям приходилось всячески подгонять Ново-Александровский сельсовет критическими публикациями в районной газете «Ленинская искра», вроде такой: «Председатель сельсовета Фомин личным примером не мобилизует, член сельсовета Сименков М.А. и член президиума Сечкин на собрание пришли пьяные. Из 11 кулацких хозяйств никто не выполнил твердых заданий»⁴. Создать колхоз в Ново-Александрове удалось только в 1934 г. Он был назван в честь С.М. Кирова, погибшего в том году от руки убийцы⁵.

В 1934 г. в новоалександровском колхозе им. С.М. Кирова состояло 58 хозяйств. Ему принадлежало 221 га посевных площадей. Всего в сельхозартели было 9 лошадей, из сельхозинвентаря – 8 плугов, 9 борон, 6-конная молотилка, 2 веялки, жатка, сенокосилка, 8 повозок. Сельские единоличники имели 563 га пашни, в их хозяйствах содержались 80 лошадей, 48 голов крупного рогатого скота, 12 свиней и 95 овец⁶.

Как и в дореволюционное время, предпринимательские таланты оставались отличительной особенностью новоалександровских крестьян. Но только то, что прежде называлось коммерцией, отныне превратилось в уголовно наказуемую спекуляцию. Газета «Ленинская

¹ Рязанские епархиальные ведомости, № 15 (1 августа 1915 г.). С. 578.

² ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 140.

³ Ленинская искра, №26 (27 марта 1932).

⁴ Ленинская искра, № 31 (1 апреля 1932).

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 249, л. 1.

⁶ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 7. Рязань, 2006. С. 253.

искра» сообщала: «На базаре села Горлово 15 декабря 1935 г. был задержан спекулянт галошами Шамин Семен Иванович, деревни Ново-Александрово, который продавал галоши по 32 рубля за пару, на руках у него обнаружено только 2 пары, а 10 пар находилось в доме Куликовой Елены»¹.

До революции во многих крестьянских семьях с малолетства приобщали детей к труду – это диктовалось экономической необходимостью. По этой причине во многих сельских школах посещаемость была низкой. При советской власти заставлять ребенка работать вместо того, чтобы отправить его в школу, уже выглядело дикостью. В 1935 г. новоалександровские дети писали в районную газету: «Мы, ученики 4-го класса начальной школы, возмущены поступком Сечкина М.П., который иногда не пускает сына в школу и заставляет его пахать, а сам в это время пьянствует»².

Ок. 1935 г. новоалександровский колхоз был переименован в «Память Куйбышева». Согласно материалам Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., в начале 1937 г. в Ново-Александровском сельсовете, куда входили село Ново-Александрово и деревня Писаревка, в колхозах состояли 213 дворов, т. е. сельсовет был коллективизирован на 94,7 %. Посевная площадь двух колхозов (включая усадьбы колхозников) составляла 2819,7 га, чисто колхозными были 2693,6 га земли. Земля единоличников занимала 3,2 га. В хозяйствах жителей села содержались 145 голов крупного рогатого скота, 70 свиней, 81 овца и 7 коз, у единоличников было 6 голов крупного рогатого скота, 7 овец и 3 козы³.

В 1937 г. Горловский район был передан из Московской области в новообразованную Рязанскую. В годы «большого террора» погибли несколько жителей Ново-Александрова. Василий Осипович Лушкин (1881–1937) был рабочим питомника Горловского райлесхоза. Его арестовали 26 августа 1937 г., менее месяца спустя тройка УНКВД по Московской области осудила его по обвинению в «контрреволюционной агитации и систематической антисоветской пропаганде». 16 сентября 1937 г. В.О. Лушкин был расстрелян на Бутовском полигоне в Подмосковье. 17 сентября 1937 г. там же закончился жизненный путь его односельчанина Михаила Ивановича Сосина (1910–1937). Уроженец Ново-Александрова Илья Исаевич Гребеньков (1890–1937) при советской власти стал народным судьей Весъегонского района. Он проживал в г. Весъегонске Калининской области. И.И. Гребеньков был арестован 17 июля 1937 г. Его имя фигурирует в т. н. «сталинском списке» от 15 сентября 1937 г. с пометкой: «категория 1». 28 сентября 1937 г. И.И. Гребеньков был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в контрреволюционной агитации и контрреволюционной организационной деятельности, в тот же день расстрелян и захоронен на Донском кладбище в Москве. В 1960 г. И.И. Гребеньков был посмертно реабилитирован.

На 1 января 1939 г. в Ново-Александрове было 215 дворов. 211 из них с 980 жителями находились в колхозе «Память Куйбышева», 150 человек оставались вне его. Крупный рогатый скот держали в 182 хозяйствах села. 356 жителей села находились в трудоспособном возрасте (от 16 лет и старше). В течение 1939 г. из колхоза выбыло 6 дворов. В 1939 г. общая площадь, обрабатывавшаяся колхозом, составляла 654 га. Под зерновые было отведено 608 га, под картофель – 9 га, под другие овощи – 2 га. В 1939 г. новоалександровские кол-

¹ Ленинская искра, № 213 (18 декабря 1935).

² Ленинская искра, № 80 (15 мая 1935).

³ Архив МГУ. Ф.42, оп. 6. д. 59. Основные показатели плана 1938 г. по сельсоветам Горловского района Рязанской области.

хозники получили с гектара 5,4 ц зерновых, 36 ц картофеля, 14 ц других овощей. В среднем каждый колхозник выработал 100 трудодней, каждый из которых после распределения 92 % денежных доходов колхоза конвертировался в 0,2 кг зерновых и 19 копеек деньгами. На административно-хозяйственные нужды колхоза было выделено 11 % средств денежного дохода¹. В селе работали начальная школа, изба-читальня, магазин и мельница². Также в колхозе «Память Куйбышева» имелись 28 голов крупного рогатого скота (в том числе 17 коров), 5 овец и 94 лошади (в том числе 52 рабочие)³.

Топографические карты РККА 1941 г. (съёмки 1939 г.) свидетельствуют, что к началу 1940-х гг. по сравнению с серединой XIX в. село выросло едва ли не вдвое. В нем насчитывалось 202 двора. В центре села на проезжей дороге все еще стояло здание часовни XIX в. К востоку от нее за порядком крестьянских домов находилось деревянное здание церкви, закрытой с начала 1930-х гг. Напротив них также в центральной части села работала мукомольная мельница.

Мирное развитие села прервала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава. Ново-Александрово провело почти две недели в условиях немецко-фашистской оккупации.

Подробности пребывания в селе вражеских войск известны по свидетельству местного колхозника Гаврилы Петровича Савина, 56 лет, записанному вскоре после освобождения села: «...Фашисты пришли в воскресенье 23 ноября и поселились во всех домах. <...> По дороге в Ново-Александрово убит 13-летний сын его Савин Николай. <...> Зарезана корова и взяты вещи. <...> Изнасилована дочь Савина 25 ноября 1941 г. в его собственном доме»⁴.

С началом контрнаступления советских войск немцы оставили село. 9 декабря 1941 г. к 20.00 передовой отряд наступавшей на этом участке 346-й стрелковой дивизии 61-й армии генерал-лейтенанта М.М. Попова – 1-й батальон 1164-го стрелкового полка – занял райцентр Горлово и сразу организовал оборону его и Ново-Александрова. В эти дни на территории Новоалександровского сельсовета произошло боестолкновение с разведкой отступавшего противника. В описании боевого пути 346-й мотострелковой дивизии сообщается, что в эти дни «командование <...> дивизии послало в Ново-Александровку 10 человек разведчиков на грузовой автомашине. Бойцы под командованием лейтенанта Дядина и боевого испытанного комиссара – прикомандированного из политотдела старшего инструктора т. Абушахметова подпустили разведку противника к селу и метким пулеметным огнем остановили машину. В короткой огневой схватке было уничтожено 6 фашистов и 4 захвачено в плен. Ни одному фашистскому разведчику не удалось уйти. В этом бою пал смертью храбрых командир взвода сержант Бабич. Это были первые пленные фашисты, захваченные <...> частью. Одежье в потрепанные летние френчи, дырявые сапоги, легкие шинели и пилотки ефрейтор Корн Вольфганг, принадлежащий моторазведывательному батальону 10-й мотодивизии, Лейкат Иозеф, ст. ефрейтор Шнирле Вольдемар и солдат Лейпель Штефан, принадлежащие 3-й роте моторазведывательного батальона 10-й мд предстали пред на-

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния по состоянию на 1939 год.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района. Наличие скота по колхозам каждого сельсовета на 1.01.1939.

⁴ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, к. 10, д. 24, лл. 4–5.

шими бойцами». В документе с гордостью отмечалось: «С занятием станции Павелец, разъезда Топилы, Горлово, Ново-Александровки дивизия и вся наша армия установила прочные связи с соседями. Стык между армиями был укреплен, попытки немцев просачиваться в этот стык успеха не имел. Путь фашистам для обхода Москвы со стороны Рязани был закрыт»¹.

Об этом же эпизоде под Ново-Александровом в оперсводке штаба 346-й стрелковой дивизии штабу 61-й армии № 15 от 11 декабря 1941 г. отмечалось: «ПО № 2 имел столкновение с разведкой противника в составе 10 человек – 6 убиты, 4 взяты в плен. Захвачены: 1 мотоцикл, 1 разбитая машина, 1 ручной пулемет, 1 винтовка, 3 пистолета, гранаты и патроны. Убит мл. сержант Бабич»².

В разведсводке штаба 346-й стрелковой дивизии, находившегося к этому времени в Чернаве, на 19.00 13 декабря 1941 г. сообщалось, что «из захваченного приказа по санслужбе германской армии установлено: 10 декабря 1941 г. в Чернаве находилась 10-я мотострелковая дивизия. <...> От захваченных 10 декабря 1941 г. в Ново-Александровке немецких солдат установлено: пленные принадлежали 18-й мотострелковой дивизии, в составе этой дивизии входят: 52 ап, 161 пп, 103 пп и моторазведывательный батальон. Маршрут этой дивизии: Орел, Мценск, Елифань, на которую ставили задачу по обеспечению охранения рубежа –Зубовка, Скопин. В Елифани находится штаб указанной дивизии. По сведениям местных жителей установлено: противник отходит, боясь окружения частей. При отходе оставляет машины, мотоциклы»³.

За первым эшелоном и на стыках наступавших 61-й и 10-й советских армий действовали кавалерийские дивизии. Двигаясь походным маршем по маршрутам Высокое – Казинка – Безрезнига – Мшанка – станция Кремлево – Хворощавка – Ново-Александровка – Семенское и Высокое – Чурики – Катино – Дмитриево, 57-я кавалерийская дивизия 10-й армии генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова к исходу дня 13 декабря 1941 г. вышла на рубеж Горлово – Рудинка – Ново-Александрово. Из района сосредоточения в 22.00 15 декабря 1941 г. 225-й кавалерийский полк – передовой отряд дивизии, а за ним и 212-й кавалерийский полк выдвинулись по маршруту: окраина Рудинки – Троице-Лыково (видимо, имеется в виду Троице-Орловка. – *Примеч. авторов*) – Алмазово – Исаковские выселки, а 218-й кавалерийский полк – по маршруту Ново-Александрово – Муравлянка – Молоденки – южная окраина Красное для сосредоточения на рубеже Задонщина – Милославщина – Матвеевское. Справа действовала 41-я кавдивизия 10-й армии, слева – 83-я кавдивизия 61-й армии⁴.

Отправляясь на войну, Николай Александрович Никитин из Ново-Александровка говорил: «Я им за отца мстить буду, которого они убили в 1916 г.» Но случилась так, что он стал санитаром, а фронтовая газета написала о подвиге, который он совершил: «За два дня боев он вынес из боя 75 бойцов и командиров с оружием. За что был представлен к награде»⁵. Но в конце ноября немцы, ворвавшись «в родное село, разрушили дом, убили брата жены, которого воспитывал Николай Александрович, ранили мать и жену». Об этом вскоре узнал Никитин, и счет мести увеличился⁶.

¹ ЦАМО. Ф. 418, оп. 10696, д. 4а, л. 142; ф. 1665, д. 17, лл. 1–5.

² ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 41.

³ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 38.

⁴ ЦАМО. Ф. 3581, оп. 1, д. 1, лл. 29–32.

⁵ Красноармеец-санинструктор Н.А. Никитин (1912–?) «в период боев с 8 августа по 18 августа 1942 г. в районе южнее Краснопогоново на западном берегу р. Дон, будучи санинструктором 7-й стрелковой роты, под ураганным пулеметным, минометным и артиллерийским огнем вынес с поля боя с оружием 71 человека раненых бойцов и командиров, переправил через р. Дон на ПМП» и был награжден орденом Красного Знамени (ЦАМО. Ф. 33, оп. 682524, д. 1003, л. 56.).

⁶ Ленинская искра, № 50 (6 сентября 1942).

Еще один яркий пример воинской доблести в годы Великой Отечественной войны дал в 1944 г. житель села рядовой Николай Васильевич Бурьихин (1925–?), стрелок 3-й роты 3-го мотострелкового батальона 16-й механизированной бригады 7-го мехкорпуса 2-го Украинского фронта: «В бою 25 апреля 1944 г. на правом берегу Днестра южнее роши «Квадратная», действуя десантом на танке, рядовой Бурьихин в глубине обороны противника от неожиданного рывка упал с танка и остался один. В это время, [так] как танк пошел дальше, сидевшие в окопах немцы, пропустив танк, обрушились на Бурьихина. В полный рост с автоматами наготове 10 немцев шли к окопу, где находился Бурьихин. Подпустив их на расстояние 90 метров, тов. Бурьихин бросил противотанковую гранату и открыл огонь из автомата. Семь гитлеровцев ранеными остались на месте, а трое бросились бежать. Поднявшись, Бурьихин преследовал их, пока в магазине не стало ни одного патрона, и только 2 из 10 удалось уйти живыми»¹. Храбрый стрелок из Ново-Александрова был удостоен медали «За отвагу».

Летом 1942 г. большинство колхозников сельхозартели «Память Куйбышева» Ново-Александровского сельсовета работали не за страх, а за совесть, стремясь поддержать своим трудом сражавшуюся страну. «Скирдовали и ночью, Кондрашин В.С. скирдовал днем, остался работать в ночь. Фомочкина А.В. день вязала, в ночь работала на скирдовке. После трудового дня вышли на скирдовку В.И. Фомочкин, П.П. Говорков, П.И. Костилова и другие. За ночь заскирдовали 30 копен, а на утро все снова были на работе»². Но не все вдохновлялись высокими патриотическими идеями. Районная газета «Ленинская искра» в 1942 г. сообщала: «В колхозе «Память Куйбышева» председатель Сечкин присвоил 3150 рублей, счетовод Паркасов – 55 рублей, счетные книги не велись»³.

В 1943 г. в рамках линии на разукрупнение хозяйств Рязанской области большой колхоз «Память Куйбышева» был разделен на два – им. С.М. Кирова и «Память Куйбышева». Эти два колхоза продолжали работать в Ново-Александрове и после войны. Несмотря на большое количество лугов в окрестностях села, поголовье скота в них уменьшалось. Причину усматривали в том, что половина работников колхозов не выработывали положенного минимума трудодней: «Например, в семье Ларина А.И. жена и дочь не имели трудодней, он сам [отработал] 10. Семья имела корову, телку, овец, птицу. Колхоз распахивал им приусадебный участок 0,3 га, за счет которого и жили, не обременяя себя. Семья Лушкина А.Д. пользовалась двумя участками по 0,5 га. М.И. Серегин, И.Е. Серегин, В.Д. Морозов ушли работать в заготскот. Единоличница Кондрашина П.Д., имея экономическую и хозяйственную возможность и слабую заинтересованность правления, вовсе сумела поставить дело так, что к ней шло правление на поклон. Где денег взять займы, где возовой веревкой разжиться»⁴.

Послевоенная жизнь села была трудной. Регулярной зарплаты в колхозах в то время не получали, паспорта колхозникам выдавались лишь в случае направления в город на учебу или на работу, долгое время после войны жители села, начиная с 12-летнего возраста, должны были отработывать в своих колхозах повышенный минимум трудодней, установленный еще в военное время. Тем, кто не справлялся, грозило лишение приусадебного участка – зачастую главного источника доходов семей колхозников. Колхозы сдавали продукцию государству по заниженным ценам, и лишь остатки подлежали распределению по трудодням.

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 2928, л. 156.

² Ленинская искра, № 41 (9 августа 1942).

³ Ленинская искра, № 40 (6 августа 1942).

⁴ Ленинская искра, № 43 (4 мая 1948).

В 1950 г. два новоалександровских хозяйства вновь объединились в колхоз им. С.М. Кирова. В укрупненной сельхозартели «числились 209 дворов, в которых было 220 трудоспособных. За колхозом было закреплено 1723 га земли, в том числе 1389 пашни, 231 га сенокоса. Насчитывалось 70 лошадей, 59 голов крупного рогатого скота, 12 свиней и пр.»¹.

В 1953 г. сельсовет в Ново-Александрове был ликвидирован, а его территория, вместе с бывшим Хворощавским сельсоветом, отошла к соседнему Затворнинскому. В 1958 г. территории бывших Ново-Александровского и Хворощавского сельсоветов, а также совхоз МЮД были переподчинены Горловскому сельсовету².

В 1950-х гг. горловская районная пресса уделяла много внимания повышению качества жизни и бытового обслуживания жителей села. В Ново-Александрове в этой сфере имелись проблемы. «Ленинская искра» в 1956 г. писала: «Продавцом в Ново-Александровке работает К.П. Сечкина. Больше занимается личным хозяйством, закрывает магазин в 12 часов, обеденный перерыв продолжается до 4 часов дня, а может до 7 часов вечера»³.

В 1958 г. новоалександровский колхоз им. С.М. Кирова слился с Горловским колхозом им. XX партсъезда. В 1959 г. был упразднен и Горловский район, объединенный с соседним Скопинским районом Рязанской области.

В 1964 г. колхоз им. XX партсъезда Горловского сельсовета включал в себя село Горлово и деревню Ново-Александрово, его сельскохозяйственные угодья составляли 5298 га⁴. В 1965 г. в Горловский сельсовет входили Горлово, Ново-Александрово, Дмитриево, деревни Большой Луг и Даниловка. На территории сельсовета действовали 2 клуба, 2 школы, 2 медпункта⁵.

В 1980 г. в селе Ново-Александрово было 74 жителя. Из них 9 человек работали в горловском колхозе им. XX партсъезда. В селе находилась молочнотоварная ферма и магазин. В силу оттока сельских жителей в более комфортные для проживания города, где и средние доходы были выше, Ново-Александрово постепенно обезлюдело. К 1990 году в нем оставалось 29 жителей. В 1992 г. колхоз им. XX партсъезда был реорганизован в АОЗТ «Горлово»⁶.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Ново-Александрово было включено в Горловское сельское поселение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в нем постоянно проживали 10 человек – 6 мужчин и 4 женщины (все пенсионеры).

В настоящее время Ново-Александрово все больше приобретает черты урочища. Фундаменты разрушенных построек зарастают травой и кустарником. Жизнь теплится лишь в нескольких домах в южной части некогда большого села, где доживают свой век последние местные старики.

Исчезающий населенный пункт пользуется большой популярностью среди любителей рыбной ловли и экологического туризма. В 12 км к юго-востоку от него на территории Милославского района Рязанской области располагается другое село, также носящее название Ново-Александрово, что иногда вызывает путаницу.

¹ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. Рязань, 2006. С. 253.

² Архив Скопинского района. Ф. 415, лл. 1–2.

³ Ленинская искра, № 44 (31 мая 1956).

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 249, л. 1.

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 412, л. 1.

⁶ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. Рязань, 2006. С. 253–254.

НОВОБАРАКОВО, СТАРОБАРАКОВО

села

(сельское поселение Шелемишевское)

Результаты археологических исследований окрестностей сел Старобараково и Новобараково свидетельствуют о том, что люди селились здесь с очень древних времен. В 0,2 км от западной окраины села, на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Верды при вхождении в ее пойму оврага было выявлено поселение эпохи бронзы. Оно было идентифицировано по найденным фрагментам лепной плоскодонной керамики с прямыми и слегка отогнутыми наружу венчиками, орнаментированной под горлом овальными вдавлениями. Еще одно поселение времен неолита и бронзы находится к северо-западу от окраины села на мысовидном выступе берега Верды, примерно в полукilометре от ее русла. Также в окрестностях есть селища, датируемые ранним железным веком и XIV–XVII вв.¹

Первое упоминание о будущем селе Старобараково содержалось в не сохранившемся до наших дней, но исследованном и опубликованном в 1916 г. подлиннике описания Рязско-Рановского оборонительного участка в 1610–1620 гг. В разделе о дозоре Рязско-Рановской засеки среди селений названа «деревня Буракова»². На основании упоминания можно сделать предположение, что она возникла в конце XVI или в первые годы XVII вв. Название селения, скорее всего, является производным от фамильного прозвища первого владельца. Записей о нем в документах не сохранилось, но в книгах Моржовского стана Рязского уезда (включал также территории современного Пронского района. – *Примеч. авторов*) письма и меры князя Ивана Андреевича Львова и подьячего Ивана Русинова за 1628–1629 гг. упоминается один помещик с фамилией, созвучной с названием деревни: «...Да за Силюю ж отца ж ево поместье пустышь, что была деревня Черниковская на речке на Ладенке, выставлена была из деревни Осовы и ис Степановского поместья Баракова ...» Речь в данном случае идет о «кошеряине (уроженце Каширы. – *Примеч. авторов*) Иване Степанове сыне Барыкове», который, согласно переписным книгам 1595–1597 гг., владел в Моржовском стане «пустошью, что была деревня Осова на речке на Осовке» и половиной пустоши, «что была Нечаевская, Сушково тож на речке на Красноселке»³.

На рубеже 1620-х – 1630-х гг. деревня чаще называлась «слободой Бараково». Подробно о ней говорится в выписи из книг Рязского уезда письма, меры и межевания Григория Киреевского с товарищи 1629, 1630 и 1631 гг. в Пехлецком стане: «...В поместьях, написанных за князь Иваном, да за князь Андреем княж Петровыми детьми Гагариными в слободе Бараково на реке на Верде отца их жеребей, а на их жеребьи место дворовое помещиков, пашни паханы дватцать четь, перелогом петнатцать четь, дикого поля двести тритцать четь <...> под Федоровой статьею Голицыной грамоты, и выписи на то поместье неположено, а

¹ Археологическая карта России: часть 3, сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко, Институт археологии РАН. 1996. С. 123.

² Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в 17 веке. Москва, 1916. С. 24–25.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 205; Писцовые книги Рязанского края. XVI–XVII вв. / под ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 3. Рязань, 1904. С. 832.

под Федоровой статьею Иванова сына Голицына написано: сена всех помещиков вопче тысяча копен, и хоромного, и дровенного верстано в Рановском лесе, а мосты и прогоны всех помещиков вопче, межа слободы Бараковой: поместные земли Федора Голицына да Василя Федюкина с товарищи того ж слободы Бараковой от полковых казаков земли: у дубового дому старой столб, <...> а на нем грани, в поле ево яма, по тем же граням и по урочищам той слободы Бараковой полковых казаков земли, да подноволоцких деревень разных помещиков земли, межа слободы Бараковой – со другой стороны поместные земли Федора Голицына, да Василя Федюкина, да Якова Воронина с братьями от реки Верды к речке Перке к вязу (на нем две грани) <...>, а по праву по тем граням и по урочищам тоже дикое поле Дмитриевского монастыря села Пичина да деревни Ермоловской земли <...> межа государева, отписная земля села Баракова беломестных новопробыльых казаков...». В выписи упомянуты и другие местные помещики: Макар Федюкин, Яков, Артемий и Воин Воронины.

Из переписной книги 1646 г. известно, что деревня перешла от князя Ивана Петрова сына Гагарина к его детям и племянникам, и затем, во времена царя Алексея Михайловича, в 1670 г. князя «Авдоким, да князь Василий Ивановы дети Гагарины, то свое писанное поместье Ряское <...> в слободе Бараковой поступились за сестрой своей родной, за девицей княжной Марьей...»¹. Речь в документе идет как о помещиках-владельцах Баракова, так и о беломестных казаках, поселенных здесь для защиты рубежей государства.

В подлинной переписной книге переписи Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля 1646 г. «В слободе Боракове за ряшены детьми боярскими за Денисом, да за Игнатьем Еремеевыми детьми Топильгиных, на их жеребьях <...> один крестьянской двор, а в нем людей пять человек. В той же слободе за резанцом, за Федором Ивановым сыном Галицыным на ево жеребье <...> крестьянских семь дворов, в них людей тридцать один человек»². Один двор числился «в пусте, а в нем жил крестьянин Титко Степанов, а живет он в Козловском уезде в городке Ельяновом в стрельцах»³. За ряшаниным сыном боярским Макаром Елистратьевым сыном Федюкиным на его жеребье «крестьянских восемь дворов, а людей в них двадцать один человек»⁴. За ряшанином за Васильем Офанасьевым сыном Федюкиным на его жеребье «четыре крестьянских дворов, а людей в них тринадцать человек»⁵. В той же слободе ряшанин Ортимон Алексеев сын Ретюнский «на своем жеребье живет, однодворец. Крестьян и бобылей за ним нет». За резанцем Титом Семеновым сыном Безумовым на его жеребье «двор крестьянской в пусте»⁶. За ряшанином Игнатьем Матвеевым сыном Свиридовом «крестьянской двор, а людей в них шесть человек». Всего 26 дворов и 70 человек⁷.

В 1676 г. в Баракове впервые упоминается деревянная Георгиевская церковь. В окладной книге 1676 г. «при означенной церкви показано “церковныя пашни двадцать четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на пятьдесят копен”». В приходе, кроме села, состояла в XVII столетии деревня Выселки, в коих было «девять дворов помещиков рязанцов и ряшен детей боярских, восемьдесят дворов драгунских, пять дворов захребетников, двенадцать дворов крестьянских и всего сто семь дворов. Дани по окладу 1676 г., вместо рубля двадцати пяти алтын, положено платить “два рубля двадцать алтын три денги”». Первыми

¹ РГАДА. Ф. 281, оп. 15, д. 10127, лл. 1–7.

² РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, л. 58 об.

³ Там же. Л. 59.

⁴ Там же. Л. 59 об.

⁵ Там же. Л. 60.

⁶ Там же. Л. 61.

⁷ Там же. Л. 46 об.

священниками нового храма служили Михаил Игнатьев (в 1676–1680 гг.), Прокопий Игнатьев (с 1680 г.), Матфей Васильев (в 1690–1695 гг.) и Тихон Емельянов (в 1695–1700)¹.

В отказной грамоте 1684 г. Федора Афонасьева сына Потулова, выданной в соседнем селе Костемерове рязанцу Миките Большому Прокофьеву сыну Сонцеву, показан «на отказе» крестьянин Дениска Филиппов стольника Микифора Захарьева сына Фустова, одного из владельцев Баракова, записанного как деревня². Другие жители села и владельцы более скромных наделов перечислены в переписной книге 1720 г.: «Села Баракова рейторской службы Афонасий Иванов сын Ретюнский, Московского драгунского полка драгун Максим Ларинов сын Федюкин, прописной беглый солдат Ермола Лукьянов сын Журавкин, городской службы солдат Самсон Проворотов сын Кожаринов, городской службы солдат Назар Данилов сын Суханов, прописной дворянин Федор Исаков сын Дымов»³.

В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, проводившихся в 1779 г., «сельцо Перки с деревнями Бараковской и Конюховкой» упоминаются как неразделенное владение «генерала-поручика и кавалера Матвея Васильевича Муромцева, надворного советника Соломона Михайловича Маркова, майора Василия Иванова сына Гагина, дворянина Никиты Миронова сына Голицына, Дмитрия Васильева сына Лихарева, князя Тимофея Петровича Волконского⁴, князя Сергея Никитича Долгорукого, князя Ермолая Дмитриевича Голицына и однодворцев этого сельца и деревень». По данным 3-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в сельце Перки был 31 двор, в которых проживали 130 мужчин и 134 женщины, в деревне Бараково – 9 дворов и 78 душ обоего пола, в Конюховке – 7 дворов и 61 душа⁵.

Как свидетельствует И.В. Добролюбов, в 1795 г. вместо обветшавшей деревянной Георгиевской церкви в Баракове «построена была новая, в которой в 1834 г. устроен был новый иконостас; перестроенная в 1871 г. заново, она существует и доселе (т. е. до 1884 г. – *Примеч. авторов*)». В Георгиевской церкви села Баракова в XVIII – XIX вв. служили священники Александр Михайлов (с 1700 г.), Ипатий (ум. в 1736 г.), Исидор Севастьянов (с 1736 г.), Евтихий Матвеев (упоминался в 1751 г.), Евфимий Иоаннов (с 1795 г.), Федор Елисеев (с 1814 г.), Димитрий Евфимиев Палладин (в 1840–1873 гг.) и Алексей Андреевич Одоев (ок. 1873–1884 гг.).

По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. селение впервые упомянуто с названием Старое Бараково. В нем проживали 5 крепостных душ коллежской регистраторши Аграфены Яковлевой дочери Давыдовой, 8 душ подпоручика Петра Никитина сына Голицына, а также 4 души однодворцев (приписано: «из дворян». – *Примеч. авторов*) солдатских детей Меркула и Емельяна Ивановых детей Никоновых. Возле последних – пометка от 18 (30) января 1826 г.: «Эти души исключены в однодворческий оклад этого же села»⁶.

Согласно окладной книге 1834 г. в селе Старое Бараково жили 6 дворовых людей майора Ивана Семеновича Лушкова, 4 крепостные души майорши Натальи Григорьевны Лушковой,

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 245.

² РГАДА. Ф.1209, оп. 2, ч. 1, д. 13941, лл. 550–552.

³ РГАДА, ф. 350, оп. 2, ч. 1, д. 2860, л. 24–28.

⁴ Волконский Тимофей Петрович (1728 – до 1801) – князь, коллежский советник, в 1765–1778 гг. был прокурором Переслав-Рязанской провинции Московской губернии, в 1778–1782 гг. – губернский прокурор Рязанского наместничества.

⁵ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 22 об; д. 1241, л. 130 об, 131.

⁶ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 15 об., 16.

50 душ поселян и 25 дворовых людей прапорщика Александра Ивановича Леонова (приписано: «с 1846 г.»), 3 дворовых человека корнета Якова Ивановича Свиридова и еще 2 дворовых – малолетнего Ивана Яковлевича Свиридова¹.

Судя по прибавлению к названию села Баракова эпитета «Старое», в 1816 г. уже существовало село Новое Бараково (нынешнее Новобараково). К 1850 г. в нем было уже 62 двора, в которых проживали 226 душ мужского пола и 232 – женского². На картах А.И. Менде 1850 г. оба села обозначены довольно четко. В селе Старое Бараково было 22 крестьянских двора. Оно представляло собой единственную улицу, состоявшую из двух противоположащих порядков изб на левом берегу р. Верды. К речному берегу спускалась широкая полоса огородов. Село Новое Бараково находилось на правом берегу реки. В нем было 50 домов, выстроившихся тремя параллельными порядками (два первых образовывали главную улицу села) вдоль берега р. Верды. С западной стороны из села выходила проселочная дорога в соседнее селцо Конюховку, а его восточные окраины почти примыкали к селу Костемерово. При Новом Баракове находилась и Георгиевская церковь. Она стояла в поле к югу от дороги из Новобаракова в Конюховку.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в селе Старо-Бараково Скопинского уезда Рязанской губернии было 15 домохозяйств, в которых проживали 11 государственных душевых крестьян и 4 государственных крестьян четвертного права – потомков однодворцев. Первые имели в своем распоряжении 266 десятин (290,6 га) общественной земли, вторые – 35 десятин (38,2 га) четвертной земли. Поэтому у первых на ревизскую душу приходился надел в 8,6 десятины (9,4 га), а у последних – 2,7 десятины (2,9 га). Однако земля близ Верды считалась плохой – песчаной... В селе Ново-Бараково по 10-й ревизии (1858 г.) было 46 домохозяйств государственных душевых крестьян, в которых проживали 276 мужчин и 272 женщины³.

С образованием в Скопинском уезде волостей в процессе крестьянской реформы 1861 г. Старо- и Ново-Бараково были отнесены к Боровской волости. Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Ново-Баракове Боровской волости, «селе бывшем государственном» при р. Верде, насчитывалось 94 двора и 612 жителей. В селении действовала православная церковь⁴. О Георгиевском храме в 1884 г. И.В. Добролюбов писал: «...Земли во владении причта состоит 35 десятин (38,2 га), кроме того, при церкви села Костемерева, приписанной к селу Баракову – 36 десятин (39,2 га), в числе коих 16 десятин (17,4 га) считается неудобной. В состав прихода ныне входят: село Бараково с 97 дворами, деревня Конюховка (в 1 версте) с 20 дворами, деревня Старое Бараково (в 1 версте) с 25 дворами, деревня Перьки (в 3 верстах) с 39 дворами, село Костемерево (в 2 верстах) с 88 дворами и деревня Молва (в 3 верстах) с 18 дворами, в коих мужского пола 1062, женского пола 1070. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 2 псаломщика»⁵.

В 1860-х гг. новобараковские государственные крестьяне решали свои имущественные споры цивилизованным образом – через суд. Об этом свидетельствует объявление, опубли-

¹ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, л. 170 об., 171, 167 об., 168, 168 об., 169, 241 об.

² Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 543.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 68.

⁴ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 328.

⁵ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 245.

кованное в «Рязанских губернских ведомостях» в 1864 г. о вызове «для ответа против прошения» в Скопинский уездный суд: «Государственные крестьяне Скопинского уезда, сел: Питомши – Семен Сидоров, Дементий Иванов, Илья Павлов Шаровы, Козьма Еремеев и Яков Данилов Щекутевы, Нового Баракова – Алексей Сергеев, Григорий Иванов Моргуновы и государственная крестьянка того села Нового Баракова Аксинья Федорова согласно 289 ст. 2 ч. X т. Св. зак. гражд. (изд. 1857 г.), в двухмесячный срок, считая оный со дня получения ею повестки, которая для передачи ей отослана в Скопинское уездное управление 29 февраля с. г. – для ответа против прошения государственного крестьянина села Нового Баракова Ильи Козьмина Журавкина по делу о спорной между ними земле. При чем суд предваряет означенных лиц, что в случае непредставления ею требуемого ответа в назначенный срок без достаточных законных к тому препятствий, дело это, согласно последующей затем 290 ст., решится по имеющимся в ней доказательствам»¹.

По переписи населения 1882 г. в Старо-Баракове было 21 домохозяйство, в которых проживали 86 мужчин и 82 женщины. В 1 беднейшем хозяйстве не держали скота, 3 двора были безлошадными, жители 6 дворов имели по 3 и более лошадей. Все избы бывших государственных крестьян четвертного права топились «по-белому» – их было 9 из 20. Торговых или промышленных заведений в селении не было².

В это же время в Ново-Баракове было уже 108 домохозяйств, проживали 391 мужчина и 383 женщины. Грамотными среди них были 12 мужчин и 1 учащийся мальчик. На ревизскую душу по раскладу приходились 3,3 десятины (3,6 га) общественной земли – в основном песчаной, но частично черноземной. Кроме общественной земли у некоторых семей была и собственная: 225 десятин (245,8 га) пашни и лугов, а также арендовалась внеадельная земля. Урожай ржи и овса новобараковских крестьян считались в уезде довольно высокими – «сам-пят» и «сам-четверт» (т. е. количество собранного зерна в 5 и 4 раза превосходило посеянное). Без коров и лошадей обходились обитатели 19 сельских дворов, 42 двора были просто безлошадными. На 18 дворах держали по одной лошади, на 17 – по две, жители 27 дворов держали трех и более лошадей. Из 106 сельских изб, крытых соломой, только три топились «по-белому». В селе действовал кабак. 70 местных мужчин числились в отхожих промыслах. Для подавляющего большинства все же основным источником доходов был земледельческий труд³.

По данным за 1893 г. в Ново-Баракове действовала кузница, принадлежавшая местному крестьянину Трофиму Егоровичу Сафонову⁴. Периодически здесь открывал торговлю Андрей Михайлович Комаров. Последний период работы в селе его лавки пришелся на 1908–1909 гг. По сведениям Скопинского уездного земства, он «прекратил торговлю в 1910 г., сам выехал куда-то в Сибирь»⁵.

В 1893 г. в Ново-Баракове была организована первая земская школа. Общая площадь ее учебных помещений составляла 80 кв. аршин (40,5 кв. м). В 1902 г. учителем в ней служил И.Е. Попов, а попечителем был дворянин Дмитрий Алексеевич Леонов (1865–?), владелец усадьбы в соседней Конюховке. Он был известным земским деятелем, много потрудившимся

¹ Рязанские губернские ведомости, № 14 (4 апреля 1864).

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 68–73.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 68–73; Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 602–603.

⁴ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 808, лл. 3 об – 4.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 398–399.

для развития народного образования в Скопинском уезде. Вершиной его политической карьеры стало избрание членом III Государственной думы (1907–1912 гг.) от Рязанской губернии. В Думе Д.А. Леонов входил во фракцию октябристов. В 1907 г. Скопинское уездное земство в 1907 г. просило его ходатайствовать перед министром народного просвещения о выделении дополнительного пособия для содержания учителей и 11200 рублей на строительство 28 школ в Скопинском уезде в качестве первых шагов в сторону введения в нем всеобщего обучения.

Из учителей Ново-Бараковской земской школы начала XX в. известен также М.П. Тишенинов. В сохранившемся прошении в Скопинскую уездную земскую управу, датированном 1 (13) сентября 1908 г., он писал: «С 20 октября 1893 г. по 1 сентября 1908 г., следовательно около 15 лет, я состоял на службе Скопинскому земству в должности народного учителя, причем 6 лет моей службы приходится на Бараковское училище, а 9 лет на Покровское Чуриковской волости. В настоящее время я ухожу учиться в Московский учительский институт. Так как я принят своекоштным, то, кроме своего содержания, я должен внести 50 руб. за право обучения». Ходатайство М.П. Тишенинова об ассигновании ему 50 руб. было земством удовлетворено, как и аналогичное прошение учителя Секиринской земской школы, подававшееся в 1904 г.¹

К 1908 г. в Ново-Бараковской земской школе было 95 учеников. Ее также посещали дети из Старо-Баракова и Конюховки. Во всех трех селениях на тот период было 158 детей в возрасте от 8 до 11 лет². В 1908 г. в школьном здании действовала также воскресная школа для крестьян. В Скопинском уезде в то время их было немного, помимо Ново-Баракова – только в Ильинском, Муравлянке, Катине и Корневом³.

В 1905 г. в Старо-Баракове было 28 дворов и 249 жителей, в Ново-Баракове – 179 дворов, в которых проживали 643 мужчины и 668 женщин⁴.

В 1914 г. настоятелем Георгиевской церкви в Ново-Баракове был священник Дмитрий Иванович Комаров⁵. Здание было деревянным, построено в 1795 г. и капитально перестроено в 1871 г. Вокруг церкви находилась каменная ограда с железными решетками. Накануне 1917 г. началось строительство кирпичного церковного здания, однако завершить его, похоже, так и не успели. В 1914 г. к храму были приписаны 2 десятины (2,2 га) усадебной земли, 28 десятин (30,5 га) пахотной и 2 десятины (2,2 га) сенокосной. В церковной библиотеке было 20 книг. В самом селе Ново-Баракове в год начала Первой мировой войны было 159 дворов, в которых проживали 627 мужчин и 632 женщины⁶.

31 мая (12 июня) 1915 г. в рамках обзорной поездки по Скопинскому уезду в село Ново-Бараково прибыл преосвященнейший Амвросий (Смирнов), епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии. Встречая уважаемого гостя, местный священник Дмитрий Комаров говорил, что в летописи ново-бараковского храма до сей поры не было каких-либо сведений

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLIV очередного созыва 1908 года. Скопин, 1909. С. 252.

² Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 4–5; Журнал Скопинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 17 ноября 1907 года. Скопин, 1908. С. 61.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года созыва. Скопин, 1909. С. 66.

⁴ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 614–617.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань, 1914. С. 445.

⁶ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным кривых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков.– Рязань: Узорочье, 1998. С. 543.

о его посещениях епископами. Владыка Амвросий обращался к прихожанам со словом назидания и утешения ввиду продолжавшейся Первой мировой войны, осматривал строительство нового здания церкви. «Рязанские епархиальные ведомости» сообщали о том, что «недавно в новобараковский храм Алексеем Павловичем Беляевым было пожертвовано разной церковной утвари на 1000 рублей»¹. Но скоро наступила совсем другая эпоха...

В 1917 г. в деревне Старо-Бараково Боровской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 35 дворов, население составляли 134 мужчины и 111 женщин. В селе Ново-Бараково было 205 дворов. В них проживали 725 мужчин и 734 женщины².

Советская власть в селе, как и во всей Боровской волости, была установлена в декабре 1917 г. Во второй половине 1918 г. в связи с переименованием села Борового в Володарское (в память убитого в июне 1918 г. большевика В. Володарского) Боровская волость также стала Володарской. Но это название не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным. В 1918 г. был создан Новобараковский сельсовет, в территорию которого вошли села Новобараково, Старобараково, Костемерево, деревня Конюховка и поселок Полянские выселки³.

Дореволюционные традиции оказывали определяющее влияние на сельский быт 1920-х гг. На Рождество по-прежнему устраивались кулачные бои «стенка на стенку». Молодежь села Новобараково обычно билась со сверстниками из Костемерева. Советская власть считала такое развлечение пережитком прошлого и стремилась искоренить, но это было непростым делом. Из села в газету «Коллектив» сообщали:

«Ново-бараковские мужички ждут – не дождутся «Рождества». Почему? – спросите Вы.

– А как же, с испокон веку, значит, установлено в этот день на кулачках биться... В «стенке» принимают участие и граждане соседних деревень.

– А милиция, чего же, смотрит? – поинтересуется кто-нибудь из возмущенных граждан.

– Чего милиция: приедет, посмотрит, да и повернет оглобли назад – успокаивают новобараковцы. Сознательные граждане все-таки не теряют надежды, что в нынешнем году на безобразников сумеют узду надеть»⁴.

Сказывалось дореволюционное наследие и в управленческих практиках низовых органов власти. В 1925 гду скопинская газета «Коллектив» писала: «Председатель Ново-Бараковского сельсовета Володарской волости тов. Антипов недавно получил семсуду на весь район в количестве 1680 пудов. Недолго думая, на другой же день председатель смастерил весы с кирпичами и кадушками без клейма и без проверки, и по собственному усмотрению стал развешивать, кому два, кому три, кому пять пудов. На провес он оставлял с каждого пуда по 1 фунту, что со всего района составит 42 пуда. На этот провес в количестве 42 пудов и неправильную раздачу был составлен акт зав. ВЭХО, случайно прибывшим на место действия. Кроме того, подано в ВИК много заявлений граждан о неправильных действиях и о грубом обращении тов. Антипова. Акту и заявлениям надо дать ход, чтобы они не попали под сукно»⁵. Это было не последним «художеством» председателя. На следующий год «Президиум Скопинского УИКа постановил объявить выговор председателю Ново-Бараковского сельсовета Антипову за дискредитирование власти, выразившееся в выдаче в пьяном виде неразбочи-

¹ Рязанские епархиальные ведомости, № 15 (1 августа 1915 г.). С. 607–611.

² ГАРО. Ф.7, оп. 1, д. 1310, л. 138.

³ Архив Скопинского района. Ф. 94, л. 1.

⁴ Коллектив, № 4 (13 января 1926).

⁵ Коллектив, №79 (26 августа 1923).

вого удостоверения гр. Ретюнской для зарегистрирования брака»¹. В 1926 г. скопинская газета «Коллектив» писала: «В селе Ново-Бараково в конце декабря было отчетное собрание сельсовета, на котором делала доклад ревизионная комиссия, из 1481 человек собрали 64. Выяснили, что председатель растратил 27 рублей, а уполномоченный – 46 рублей. Тогда они оба поклонились собранию, и растрату им простили»².

В 1929 г. историческое административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Новобараковский сельсовет был включен в Рязский район Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В годы Гражданской войны зажиточно-кулацкая часть населения Старобаракова и Новобаракова относилась к революционной власти откровенно враждебно. В начале массовой коллективизации и раскулачивания здесь отмечались массовые антисоветские выступления крестьян³. Известно, что в начале 1930-х гг. в Старобаракове были раскулачены и высланы Мария Павловна Брежнева (1855–?) и ее сыновья Василий Петрович (1896–?) и Николай Петрович (1901–?).

22 января 1931 г. в Новобараково приехала бригада по подготовке к весеннему севу и организации колхоза. В это время кулаки вели усиленную агитацию среди бедняков и середняков, чтобы сорвать собрание. Первое не состоялось, и «23 января вечером во время собрания вспыхнул пожар, загорелась рига с просорушкой, которая по постановлению РИКа была предназначена колхозу. Собрание было сорвано»⁴.

В Старобаракове, по версии газеты «Авангард» от 30 июня 1931 г.⁵, события развивались следующим образом: «Кулаки – отец и сын, совершили террористический акт над сельскими активистами – членами комиссии содействия заготовкам и членами инициативной группы по организации колхоза. Ретюнский Алексей Федорович имел 16 десятин наделной земли, 3 лошадей, 4-конную молотилку, занимался скрытой эксплуатацией. Его сын Василий Алексеевич до революции учился в духовной семинарии на священника. Во время войны – дезертир, был приговорен к расстрелу, но избежал. В 24 года в сельсовете. Будучи предсельсовета разбазарил муку, назначенную для раздачи бедноте. Ретюнские агитацией развалили колхоз, организованный весной 1931 г. Когда индивидуально обложили его родню без их ведома, они решили отомстить членам комиссии. В ночь на 22 июня 1931 г. они нанесли члену налоговой сельской комиссии бедняку Ретюнскому М.А. тяжелые побои кольями. Не застав дома члена комиссии содействия заготовкам Гуркина Я.А., избили его жену, что привело к выкидышу полуторамесячного ребенка. Другой женщине-члену комиссии сломали руку. Расправа продолжалась до 3 часов ночи, пока органы ОГПУ не пресекли их действия». На следующий день на новом общем собрании вновь было принято решение о создании колхоза, в который вошли 35 хозяйств из 52. Шефство над новой сельхозартелью взяла районная газета «Авангард»⁶, поэтому ее так и называли – колхоз «Авангард». В Новобаракове в это же время был организован колхоз «КРАФТ», названный так в честь Красной армии и Красного Военно-морского флота.

В первых лет образования колхозов стало понятно, что поддерживаемые государством коллективные хозяйства на лучших землях, конфискованных у бывших помещиков и кулаков,

¹ Коллектив, №7 (23 января 1926).

² Коллектив, № 21 (13 марта 1926).

³ Колхозная правда, № 82 (1 октября 1942).

⁴ Авангард, №7 (5 февраля 1931).

⁵ Орган Побединского РК ВКП (б) и РИКа, РСФСР Московской области.

⁶ Авангард, №36 (30 июня 1931).

способны прокормить страну в условиях форсированной индустриализации и, при постепенном повышении уровня жизни тружеников села, смогут стать массовыми потребителями промышленной продукции городов. Уровень поставок сельхозпродукции государству гарантировали введением минимума трудодней, которые должен был за год выработать каждый колхозник. С учетом специфики сельхозработ для этого порой требовалось расширять рамки рабочего времени. Один из руководителей Рязского района писал в передовой статье газеты «Колхозник» от 25 июня 1931 г.: «Многие партийцы сейчас становятся на ложный путь, вводя ограничения работы колхозников. Нет ничего зазорного, если будет работа по 8, 10, 14 часов, а может быть и 20 часов»¹. Официоз предлагал рассматривать труд как героический подвиг, конечной целью которого было благо страны.

На 1 января 1935 г. в старобараковский колхоз «Авангард» вступили 71% крестьянских хозяйств². Колхозники и единоличники не только уплачивали государству налоги – сельскохозяйственный, культурный, налог самообложения, но и обязаны были сдавать ему определенное количество продукции по фиксированным закупочным ценам (колхозники – через колхоз, единоличники – в индивидуальном порядке). За выполнением спускавшихся сверху планов поставок следили сельсоветы. Уклонение от уплаты налогов и невыполнение планов госпоставок, допустим, по мясу, расценивалось как саботаж. Например, в 1936 г. в Новобаракове «единоличница Гаврикова Анна, как утверждалось, имея возможность уплатить, задолжала 2500 рублей». В таких же категориях рассматривалось и «уклонение от сева» на выделенной земле другой колхозницей. Первая была приговорена к 1 году исправительных работ, вторая – к штрафу в сумме 500 рублей³. Те, кто не вел своего хозяйства, должны были сначала заработать где-то деньги, чтобы на них закупить необходимую для сдачи сельхозпродукцию. Нередко людям было легче поступать так, чем работать в колхозе. Многие предпочитали трудиться на собственных приусадебных участках, продавая урожай на базаре. Еще более высокие доходы обещало самогоноварение, широко распространившееся со времен Первой мировой и Гражданской войн, но те, кто отваживался на этот опасный промысел, рисковали столкнуться с советскими правоохранительными органами. В 1936 г. в селе Новобараково были раскрыты «притоны шинкарей» М.М. Каплина, С.Ф. Тамикова, А.П. Гаврикова и Н.А. Журавина, занимавшихся этим ремеслом немало лет. Нарушители государственной монополии на торговлю алкоголем были отданы под суд⁴.

С 1935 г. Новобараковский сельсовет входил в состав Желтухинского района Московской области. Он был образован 21 февраля 1935 г. постановлением № 258 Мооблсполкома из части территории Рязского района Московской области. В него вошли 23 сельсовета – Боровский, Гореловский, Городецкий, Ивановский, Кузьминский (позже названный 2-м), Летовский, Наумовский, Новобараковский, Полянский, Рановский и Шелемишевский. В 1937 г. в составе Желтухинского района Новобараковский сельсовет был передан новообразованной Рязанской области.

Годы «большого террора» стали одним из пиков антирелигиозной пропаганды в Советском Союзе. В середине 1930-х гг. была закрыта Георгиевская церковь в Новобаракове. Репрессиям подвергались представители духовенства и церковные активисты. Так, 21 сентября 1937 г. в Новобаракове была арестована Мария Михайловна Томина (? – 1937), с 1930 г.

¹ Колхозник, №30 (25 июня 1931).

² Колхозная правда, №82 (1 октября 1942).

³ Колхозная правда, № 80 (12 июля 1936).

⁴ Колхозная правда, № 14 (31 января 1936).

бывшая членом церковного совета. 21 ноября 1937 г. она была осуждена тройкой УНКВД по Рязанской области по обвинению в контрреволюционной и религиозной агитации и 2 декабря расстреляна в Рязани.

В конце 1930-х гг. рязанские колхозы окрепли, жизнь их работников стала вольготнее и легче. В сентябре 1940 г. желтухинская районная газета «Колхозная правда» писала: «В новобараковском колхозе в поле ежедневно работает 36 женщин. Хорошо работают колхозницы М.П. Гальцева, А.П. Ретюнская, Д.И. Ретюнская, А.П. Гальцева. Урожай нынешнего года намного выше прошлого и составляет примерно 150–175 ц. В колхозе предположительно выдают на каждый трудодень по 12 кг картофеля. Сейчас колхозники получают аванс по 4 кг на трудодень. Колхозники С.М. Ретюнский, Ф.С. Гуркин уже получили по 2,5 тонны картофеля. Семьи Гальцева, Я.Н. Гуркина, М.Г. Ретюнского уже получили по 2 тонны каждая»¹. В ноябре 1940 г. газета сообщала: «Уже за 10 месяцев этого года колхоз получил доход, почти вдвое превышающий доход прошлого. Колхозник И. Федюкин рассказывал: “Семья моя состоит из шести человек, самому старшему из детей 7 лет. Работаю в колхозе я один. Колхоз отпускает на побочные заработки. Благодаря этому за три месяца – январь, июнь и сентябрь я заработал 6800 рублей. Кроме этого я заработал в колхозе 250 трудодней, на работе перевыполнял норму. Из колхоза получил 2000 кг картофеля, 375 кг зерновых, 250 кг овощей, 750 кг кормов и более 300 рублей деньгами”. Колхозник Гуркин: “В нынешнем году я заработал 648 трудодней. На эти трудодни я получил зерновых 648 кг, 5184 кг кормовых. Кроме того, получил картофель. Предположительно еще получу 324 кг зерновых и уже получил 810 рублей деньгами”»².

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Старобаракове было 70, а в Новобаракове – 26 строений. В Новобаракове действовало почтовое отделение. Здания Георгиевской церкви в селе уже не было.

Рост благосостояния жителей сел, обеспеченный успехом коллективизации, был прерван войной. Многие местные мужчины отправились по мобилизации в действующую армию. Оставшиеся в тылу женщины, старики и подростки обеспечивали сражавшуюся страну сельхозпродукцией, принимали и выполняли повышенные обязательства, стремясь своим трудом поддержать Родину. 27 октября 1942 г. «собрание колхозников колхоза «Авангард» <...> постановило сдать сверх плана картофеля 150 ц, из них 133 от колхозников и 17 ц от колхоза. Усилить сбор теплых вещей: валенок 10 пар, полушубков 2, телогреек 8, ватных брюк 10, варежек 50 пар»³.

В годы Великой Отечественной войны свое родное село Старобараково прославил гвардии старший сержант Александр Петрович Ретюнский (1922–1986). Он служил в РККА с 1940 г., так что в войне участвовал с самого ее начала. В октябре 1941 г. А.П. Ретюнский в составе 201-й воздушно-десантной бригады принимал участие в боевой десантной операции в районе Орла. Под ударами превосходящих сил противника десантникам пришлось отойти в район реки Истья у села Воробьи и держать там оборону до начала контрнаступления советских войск под Москвой. Тогда из 300 десантников в батальоне, в котором воевал А.П. Ретюнский, осталось 80 человек. В декабре 1941 г. А.П. Ретюнский принимал участие в новой десантной операции в районе Медыни, которая закончилась успехом. В составе 39-й гвардейской стрелковой дивизии А.П. Ретюнский принимал участие в Сталинградской бит-

¹ Колхозная правда, № 112 (29 сентября 1940).

² Колхозная правда, № 127 (3 ноября 1940).

³ Колхозная правда, № 82 (1 октября 1942).

ве, в ходе которой был ранен осколком снаряда. С осени 1942 г. гвардии сержант Ретюнский занимал должность командира телефонного отделения роты связи 3-го гвардейского воздушно-десантного стрелкового полка 1-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. В 1943–1944 гг. он принимал участие в боях южнее города Старая Русса в Новгородской области, в Криворожской наступательной операции, в Корсунь-Шевченковской операции, в Уманско-Ботошанской операции, в Яско-Кишиневской операции и в освобождении Чехословакии.

Особо гвардии старший сержант А.П. Ретюнский отличился в ходе Будапештской операции при форсировании р. Тисы в ночь с 4 на 5 ноября 1944 г. Для обеспечения войск связью он переправился через Тису с передовой группой разведчиков у населенного пункта Тисаселлеш (южнее г. Тисафюред в Венгрии). Сильным артиллерийско-минометным огнем и пулеметным огнем противника связь была нарушена. Стоя в ледяной воде, А.П. Ретюнский вторично навел линию связи, чем дал возможность разведчикам связаться со штабом. Еще четыре раза бесстрашный гвардии старший сержант, используя бревна, обломки лодок и плотов, преодолевал реку и восстанавливал связь. Своими геройскими решительными действиями он обеспечил успешный захват и расширение плацдарма на правом берегу р. Тиса.

10 ноября 1944 г. в ожесточенном бою за деревню Бешеньетелек после девяти ожесточенных контратак противнику удалось вклиниться в боевые порядки наших войск и потеснить их. При этом гвардии старший сержант Ретюнский с пятью бойцами, находясь в здании мельницы, был отрезан от боевых подразделений полка и окружен. Приказав собрать все боеприпасы в одном месте и «драться не на жизнь, а на смерть», он продолжал упорно отбивать атаки противника. В упорном бою группой советских солдат было отбито пять контратак противника, но, несмотря на многочисленные потери, нацисты упорно шли вперед. Оборонявшимся, трое из которых были выведены из строя, было предложено сдаться в плен. Гвардии старший сержант А.П. Ретюнский приказал бойцам: «Умереть, но не сдаваться!» После седьмой контратаки на поле боя остались лежать 45 солдат и офицеров противника, а раненых враги вывозили автомобилями. А.П. Ретюнский, оставшись с одним бойцом, свой рубеж не сдал и удерживал его, пока не подоспела помощь.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. за героизм и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками при форсировании реки Тиса, захват и расширение плацдарма, гвардии старшему сержанту А.П. Ретюнскому было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В августе-сентябре 1945 г. А.П. Ретюнский также принимал участие в разгроме милитаристской Японии на Дальнем Востоке. В 1945 г. он был уволен в запас по состоянию здоровья, до конца своих дней жил и работал в подмосковном Реутове. На доме, где он проживал, в 1995 г. была установлена мемориальная доска. А.П. Ретюнскому посвящен один из памятников на Аллее Героев, открытой в Реутове в 2005 г.

О героизме местных уроженцев на полях сражений можно судить и по боевой биографии рядового Петра Васильевича Савельева (1912 –?) из Новобаракова. С 1943 г. он служил в составе 3-й батареи 1693-го зенитно-артиллерийского полка 10-го танкового Днепропетровского корпуса, воевал на 1-м Украинском, затем на 3-м Прибалтийском фронтах. В 1943 г. за сбитый вражеский самолет зенитчик Савельев был награжден медалью «За боевые заслуги». В 1944 г. командир полка подполковник Шумилов писал о нем так: «Тов. Савельев мужественный и храбрый воин, работая на своем орудии заряжающим за свою боевую службу не имел ни одной задержки при стрельбе, будь то ожесточенная воздушная бомбардировка или наземный обстрел. Не обращая внимания на это, тов. Савельев хладнокровно ставил обойму за обоймой в магазин. 23 сентября [1944 г.] батарея находилась на марше, дорогу начали

штурмовать десятки самолетов противника. Тов. Савельев обеспечил прямо с хода непрерывный огонь, при этом был сбит один “Фокке-Вульф 190”, остальные же, набросав бомбы где попало, тут же улетели, не причинив вреда нашим войскам. 28 сентября [1944 г.] батарею штурмовали вражеские самолеты. Тов. Савельев, сохраняя спокойствие, во весь рост продолжал заряжать орудие. В результате непрерывности и интенсивности огня был подбит еще один “Фокке-Вульф 190”, а батарею не было причинено никакого вреда. Орудие, где работает тов. Савельев заряжающим, имеет на своем счету 6 сбитых самолетов врага»¹. За 2 сбитых немецких самолета рядовой П.В. Савельев был награжден медалью «За отвагу».

1950-е гг. прошли в селах под знаком административных реформ. В 1954 г. в Новобараковский сельсовет вошли деревни Дмитриевский хутор, Гудовка, 19-й разъезд и железнодорожные будки. В 1956 г. был упразднен Желтухинский район, а его населенные пункты переданы соседнему Скопинскому. В 1958 г. в связи с линией на укрупнение сельских Советов к Новобараковскому был присоединен Полянский сельсовет, а в 1960 г. – еще и Городецкий с селом Городецкое и деревней Журавлихой. Все колхозы сельсовета объединились в «Авангард» с центральной усадьбой в селе Костемерево. В апреле 1960 г. колхоз «Авангард» Новобараковского сельсовета был включен в совхоз им. В.И. Чапаева Шелемишевского сельсовета².

В 1960–1970-х гг. на территории Новобараковского сельсовета действовали 3 восьмилетние и 2 начальные школы, 3 клуба, 3 библиотеки, 3 магазина, Полянская больница, 2 медпункта и 4-е отделение совхоза им. В.И. Чапаева³.

«В 1980 г. в Новобаракове 155 хозяйств и 325 жителей. Средний возраст 45–50 лет, трудоспособных 75 жителей, детей 41. До 1987 г. село было центром Новобараковского сельсовета, в нем действовала начальная школа, медпункт, почта, дом культуры, библиотека, магазин. Село относилось к 3-му отделению совхоза «Нива». Население работало в совхозе, в бюджетной сфере и на Скопинском машиностроительном заводе. Закрыли школу в 1985 г., магазин в 1998 г. В 1987 г. Новобараковский сельсовет объединили с Шелемишевским. В 2000 г. построили асфальтированную дугу Московка–Костемерево–Новобараково, не стало проблем со сбором молока у жителей и приездом автолавки. В селе 110 жителей, из них 11 трудоспособных и 2 детей, имеется почта»⁴.

Деструктивные процессы в сельском хозяйстве на закате советской эпохи фатальным образом сказались на демографии обоих поселений. В 1995–1996 гг. Старобараково окончательно лишилось жителей и в настоящее время является безлюдным урочищем без малейших признаков жилья. С 2000-х гг. в перечнях населенных пунктов Скопинского района умершее село более не упоминается.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Новобараково было включено в Шелемишевское сельское поселение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в нем в это время постоянно проживали 54 человека – 24 мужчины и 30 женщин.

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 5942, л. 244.

² Архив Скопинского района. Ф. 373, л. 1.

³ Архив Скопинского района. Ф. 94, л. 1; ф. 314, л. 1.

⁴ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. Рязань, 2006. С. 254.

НОВОЕ

село

(сельское поселение Вослебовское)

Новое, изначально бывшее помещичьим селом с маленькой усадьбой, по всей видимости было основано на землях Скопинского уезда на рубеже XVIII–XIX вв. По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. село Новое принадлежало статской советнице Александре Семеновне Годесиновой, за которой в нем числились 86 крепостных душ мужского пола. Эта же помещица владела 96 душами поселян и 12 дворовыми людьми в деревне Щелево¹.

По окладной книге 1850 г. в деревне Новой за девицей Любовью Ивановной Годесиновой состояла 81 душа мужского пола и 9 дворовых людей². Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в это время в ней было 23 крестьянских двора. Селение представляло собой один порядок крестьянских домов при р. Моше. Близ него с юго-восточной стороны находился небольшой усадебный дом с садом. Перед фасадами изб стояли 3 ветряные мельницы (одна рядом с усадебными постройками).

По последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в деревне Новой было 13 домохозяйств, в которых проживали 82 души мужского пола и 56 – женского³. По сведениям 1859 г., в «Новой, деревне владельческой и казенной при реке Моше», лежавшей в 9 верстах от уездного города, насчитывалось 25 дворов и проживали 55 мужчин и 70 женщин⁴.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. и образования в Скопинском уезде волостей деревня Новая была приписана к Яблоневской волости. Известны некоторые подробности выхода местных крестьян из крепостного состояния. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1863 г., опубликованном в «Рязанских губернских ведомостях», значится: «Скопинск[ого] уезд[а] участка мир[ового] посредника Вердеревского, с[ель] цо Новая деревня, супруги поруч[ика] Л.И. Хмыровой, 80 д[уш]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 2088 саж[еней] (3,1 га); повинность издельная. Грамота написана по обоюдному согласию»⁵. В ведомости о выкупных сделках, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие с 16 (28) сентября по 15 (27) октября 1863 г., под 27 сентября (8 октября) упоминается сделка помещицы Л.И. Хмыровой «по обоюдному желанию с крестьянами Яблоневской волости сельца Новая деревня, 80 душами, с размером наличных денег – 9253 руб. 33 коп.»⁶. Имение значилось заложенным в Московской сохранный казне.

¹ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 54 об – 55.

² ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 73 об – 74.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 86.

⁴ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 126.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 12 (23 марта 1863).

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 50 (14 декабря 1863).

В 1864 г. поручица Л.И. Хмырова продала свое имение. В рязанской губернской газете было опубликовано следующее сообщение: «Скопинский уездный суд объявляет, что 14 июля 1864 г. статским советником Иваном Матвеевым Соколовым явлена в оный суд ко вводу во владение крепость, совершенная в 2-м департаменте Московской гражданской палаты 23 июня сего года на купленное им у жены артиллерии поручика Любови Ивановой Хмыровой недвижимое имение, состоящее из деревень Новой и Воздвиженки Скопинского уезда с принадлежащими к ним угодьями»¹.

Владельцем усадьбы в Новой деревне в 1864–1872 гг. был статский советник И.М. Соколов (1816–1872), доктор медицины и хирургии, профессор Императорского Московского университета в 1853–1869 г. Сын сельского священника из Рязанской губернии, он обучался в Рязанской духовной семинарии, но, уволившись в 1839 г. из духовного сословия, поступил на медицинский факультет Московского университета, где учился у известного хирурга профессора Ф.И. Иноземцева. Окончив его в 1843 г., И.М. Соколов был оставлен при кафедре сравнительной анатомии и физиологии «для подготовки к профессорскому званию». В 1853 г. он стал экстраординарным, а в 1859 г. – ординарным профессором университета. И.М. Соколов одновременно преподавал в различных учебных заведениях Москвы и занимался общественной деятельностью – в 1861 г. он был избран первым председателем Общества русских врачей в Москве.

В 1872 г. сельцо Новая деревня стало селом – в нем появилась приходская церковь. И.В. Добролюбов по этому поводу сообщает: «Покровская деревянная церковь в селе Новом построена в 1872 г., тогда же отчислены были к ней в приход деревни, состоявшие дотеле при разных церквях, по просьбе владельца села Нового доктора медицины Ивана Матвеевича Соколова. Церковной земли при Покровской церкви состоит 49 десятин (53,4 га), на что имеется у причта план и межевая книга; дома у причта выстроены прихожанами и стоят на церковной земле. В состав Покровского прихода, кроме села Нового с 29 дворами, входят деревни: Летова (в 1 версте) с 51 двором, Козловка (в 1 версте) с 101 двором, Здвиженка (Воздвиженка. – *Примеч. авторов*) (в 3 верстах) с 18 дворами, Аннинская, Гудовка тож (в 3 верстах) с 27 дворами, Лихоревские хутора (в 4 верстах) с 39 дворами и Чулкова (в 4 верстах) с 1 двором, в коих мужского пола 908, женского пола 893. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 1 псаломщик. <...> Священником при Покровской церкви со времени образования при ней особого прихода состоит Петр Иоаннович Теологов»². В 1864–1872 гг. он был священником Покровской церкви села Яблонево, в Новом же служил до 1894 г., в 1874 г. за свое пастырское служение был награжден набедренником. П.И. Теологов также был утвержден «законоучителем при училище сельца Чулкова, Скопинского уезда» как «священник села Нового, к коему принадлежит Чулково»³. В 1890 г. вместо него как законоучитель в Чулковском земском сельском училище упоминается уже дьякон села Новое Николай Васильевич Никандров, служивший в Покровской церкви в 1888–1892 гг.⁴ Старостой новинского храма в 1875–1879 гг. был «кандидат права Иван Тарасенко-Отрешков» – помещик деревни Свистовки.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Новом, «бывшем селе владельческом», насчитывалось 29 дво-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 40 (3 октября 1864).

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 190.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 24 (15 августа 1872 г.). С. 494.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 17 (1 сентября 1890 г.). С. 835.

ров и 166 жителей. В селе действовала «церковь православная»¹. Крестьяне занимались кустарными промыслами, крестьянки – плетением кружев².

По переписи населения 1882 г. в селе Новом проживали 95 мужчин и 68 женщин – все полноправные крестьяне-собственники. Грамотными среди них были 11 мужчин и 2 мальчика. Душевой земельный надел в селе составлял 2,8 десятины (3 га), на работника приходилось 4,2 десятины (4,6 га). Половина домохозяев были безлошадными. При 27 избах села имелись 24 плетневых двора, 13 горниц и клетей, 6 амбаров и сараев, 17 риг и овинов. В селе упоминается одно промышленное заведение (видимо, ветряная мельница)³.

Как вскоре выяснилось, не все окрестные жители приходили в Покровский храм в Новом с чистыми помыслами. В 1886 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «В ночь на 2-е число минувшего ноября месяца в селе Новом Скопинского уезда из церкви через взлом замка у наружной двери и 4-х замков у денежного ящика неизвестными злоумышленниками похищен денег медною монетою 1 руб. 50 коп. и церковные вещи серебряно-вызолоченные: дискос, сосуд, 2 тарелочки, лжица, ковчег, крест, звездаца, стаканчик и крышки с двух евангелий – и медные: два стаканчика, ковшик и крест, всего на 300 руб.»⁴.

С 1880 г. в Новом действовала земская школа⁵. В ходе ее инспекции в 1887 г. представитель Скопинского уездного земства записал: «Новосельская школа. Содержится чрезвычайно опрятно заботами учительницы, отопляется и освещается на средства попечительницы Софьи Николаевы Отрешковой. Всех учащихся детей: мальчиков 43, девочек 1. Экзамен производил и. д. председателя дворянства Отрешков. Представлено к экзамену: 5 мальчиков – все выдержали. Старшее отделение: читают хорошо и прочитанное толково рассказывают, задачи решают удовлетворительно. Среднее: читают удовлетворительно, в арифметике слабы. Младшие читают очень хорошо. В школе ежедневно производятся вечерние занятия старшего отделения»⁶.

К 1893 г. новосельская школа производила несколько иное впечатление. 12 февраля ревизию производили чиновник из министерства и земский деятель и конноховский помещик Д.А. Леонов, который обстоятельно записал: «Школа помещается в одном здании с караулкою при Новосельской церкви. Здание ветхое, построенное лет 13 тому назад на общие средства прихода и ныне несостоятельного Залесно-Чулковского ссудо-сберегательного товарищества. Учительницею в школе состоит г-жа Васильева, Закон Божий преподает местный священник Теологов, попечительницею числится г-жа Отрешкова, которая, впрочем, школы не посещает и, вопреки данному ею земскому собранию, при избрании ее попечительницею, обещанию, денег для школы не дает. Учеников в школе, собирающихся из разбросанных на несколько верст селений Нового села, Летова, Воздвиженки, Желтухина, Елотинки, Зеленых хуторов, Гудовки и Свистовки – 50. Отдаленность большинства из этих селений от школы имеет результатом то, что школа посещается весьма неаккуратно (например, во время ревизии в школе занимались всего лишь 29 человек). Это обстоятельство, по всей вероятности, отчасти влияет и на успешность занятий, так как познания и развитие громадного большин-

¹ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 330.

² Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 584–585.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 86–91.

⁴ Рязанские губернские ведомости, №93 (5 декабря 1886).

⁵ Сведения о начальных училищах в 1902 году. Скопин: Тип. Благих, 1904. С.44.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания XXIII очередного созыва 1887года. Скопин, 1888. С. 14.

ства учеников новосельской школы слабы. Младшее отделение недурно читает, справляется с самыми легкими устными задачами и знает несколько молитв, не умея, однако, их объяснить. Среднее отделение, которое, впрочем, в момент ревизии состояло лишь из 4 учеников, очень плохо читает, еще хуже решает устные задачи и почти ничего не знают по священной истории. Вообще заметно, что в новосельской школе в отношении преподавания Закона Божия обращено внимание лишь на старшее отделение, подготовляемое к выпускному экзамену, 5 учеников этого отделения удовлетворительно отвечали на вопросы, касающиеся богослужения и толкования Символа веры, но диктант написали довольно слабо, а заданную им письменную задачу на 4 действия так и не могли решить самостоятельно. Слабость учеников новосельской школы в правописании объясняется отсутствием у них знаний, каких бы то ни было грамматических правил, например, они даже не знают на какой вопрос отвечает тот или другой падеж и вследствие этого страшно путают их окончания. Чистописание преподается в школе вполне успешно. К экзамену, произведенному членом училищного совета от министерства И.М. Кирилловым были представлены 4 ученика, которые все выдержали»¹.

По данным за 1893 г., в селе Новом Яблоневской волости действовали 2 ветряные мельницы, принадлежавшие местным крестьянами Егору Зотову и Василию Зотову².

В 1903 г. на средства прихожан и благотворителей в селе Новом возвели кирпичное здание Покровской церкви. Среди жертвователей был воздвиженский помещик дворянин Наркиз Алексеевич Корчагин³, который «на укрепление за церковь села Нового Скопинского уезда Рязанской епархии» пожертвовал земельный участок площадью в 2 десятины (2,2 га), бывший частью земельной дачи, которая в материалах Генерального межевания фигурировала как «дача проданной земли из казенной Рановской засеки, на которой поселена деревня Воздвиженская»⁴. Освящение правого придела новой церкви в честь Крещения Господня состоялось 22 сентября (4 октября) 1903 г.⁵ В 1906 г. было закончено строительство колокольни храма⁶. В 1909 г. дворянин Н.А. Корчагин завещал «вечным вкладом в церкви сел Дымова и Нового Скопинского уезда по 200 рублей <...>, кроме того <...> церкви <...> села Дымова 500 рублей, а если в оном селе будут перестраивать храм, то еще 500 рублей...»⁷.

Вскоре после завершения строительства основного объема Покровской церкви, 21 марта (3 апреля) 1905 г., староста села Василий Антонович Волков собрал сход, на который явились 21 из 30 домохозяев, имевших право голоса. На нем крестьяне решили построить новое здание для земской школы, для чего обратились с просьбой к Скопинскому уездному земскому собранию выдать кредит в размере 1000 рублей, в том числе 400 руб. безвозмездно, «а шестьсот заимобразно <...> деревням: Свистовке, Гудовке, Дмитриевой и селу Новому на пять лет беспроцентно». Крестьяне просили уездное земство «устроить школу в нашем Новом селе на земле, нашему обществу принадлежащей, против священнослужителей, на свободном выгоне вдоль канавы земли бывшей владелицы Павловой, по гра-

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XXIX очередного созыва 1893 года. Скопин, 1894. С. 83, 84.

² ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 808, лл. 2 об – 3.

³ В 1913 г. его сын дворянин Алексей Наркизович Корчагин владел 80 десятинами (87,4 га) земли при селе Дмитриевском, Лихаревские хутора тож. (Рязанские губернские ведомости, № 43 (8 июня 1913).

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 19 (1–15 сентября 1899 г.). С. 226.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 21 (1 ноября 1903 г.). С. 312.

⁶ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 593.

⁷ Рязанские епархиальные ведомости, № 21 (1 ноября 1909 г.). С. 581.

нице проезжей дороги, невдалеке от нового храма. <...> Разведение сада и огорода, если того пожелает Скопинская управа, может производиться на близлежащей церковной земле, имеющейся в количестве 2-х десятин, на что со стороны прихода и духовного начальства, вероятно, не будет никогда препятствия»¹.

В утреннем заседании чрезвычайного созыва Скопинского уездного земского собрания от 20 февраля (5 марта) 1905 г. управой были прочитаны заявления летовских помещиков: жены врача В.И. Ягодковской и дворянина надворного советника М.И. Елютина о желании их пожертвовать землю под постройку школы села Нового. Земля ранее принадлежала их отцу Ионе Михайловичу Елютину, а после его смерти – их матери Елизавете Васильевне, и «находилась между принадлежащим им садом и землей крестьянина Ивана Семенова Коростелева». Земское собрание согласилось с управой и приняло решение в случае необходимости совершить купчую с жертвователями².

Земская школа в Новом была выстроена обществом во многом за свой счет и открыта, главным образом, по инициативе местного священника Твердова, который и в самой постройке ее принимал деятельное и живое участие. В архивных фондах Скопинской уездной земской управы сохранилось поданное 13 (25) декабря 1906 г. прошение священника и церковного старосты села Нового Яблоневской волости, в котором они сообщали, что «материал – 200 штук досок стоимостью 130 рублей, употребленный в 1905 г. для постройки земской школы, взят из колокольни храма по разрешению епархиального начальства»³. Доски были приняты по расписке подрядчиком стройки – крестьянином села Горлова Иваном Петровичем Ганюшкиным, и священник просил земство компенсировать их стоимость.

В 1905 г. в селе Новом было 34 двора, проживали 118 мужчин и 113 женщин. В селе имелись «церковь каменная, земская школа смешанная, ветряная мельница». Местные «предприниматели» нередко были так бедны, что оставляли «дело» в наследство детям вместе с неподъемными для экономически слабых крестьянских хозяйств долгами по промысловому налогу. Так, в 1913 г. Скопинская уездная земская управа, обследовав хозяйство наследников бывшего собственника ветряной мельницы крестьянина села Нового Семена Ивановича Зотова, к 1912 г. умершего, на предмет взыскания накопленной им задолженности, установило, что по наследству от него они получили лишь корову, лошадь, ригу, двор, оцененный всего в 20 рублей, и развалившуюся мельницу. Яблоневский волостной старшина объяснил, что указанное имущество продаже не подлежит, и земство сделало вывод, что взыскивать долги с наследников мельника «по их недостатку невозможно»⁴. Иным деловым крестьянам приходилось и вовсе скрываться от земских налогов. Так, Авдотья Гришина-Григорьевна, имевшая в селе Новом торговую лавку, накапливала задолженность по земским сборам с 1905 г. В 1912 г. уплата числившихся за ней недоимок была рассрочена на 3 года. Но уже в 1913 г. дознанием земства было установлено, что «Гришиной в Новом нет, как и самой торговой лавки»⁵.

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва от 17 июня 1905 года. Скопин, 1906. С. 33, 64.

² Журнал Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва от 20 февраля 1905 года. Скопин, 1905. С. 40, 41.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва от 1 марта 1907 года. – Скопин, 1907. С. 13, 14.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. Скопин, 1913. С. 392–393.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. Скопин, 1914. С. 544–545.

К 1908 г. в селе Новом насчитывалось 238 жителей. В земской школе в селе в это время обучались 55 детей. Школу планировали перевести в Свистовку, так как там в это время было 85 детей школьного возраста, многие из которых ходили учиться в школу села Нового¹.

Ок. 1898–1914 гг. в Покровской церкви села Нового служил священник Сергей Иванович Твердов². К церкви было приписано 5 десятин (5,45 га) усадебной земли и 37 десятин (40,3 га) пахотной. При храме имелась библиотека, в которой насчитывалось 86 книг. В селе было 25 дворов, в которых проживали 73 мужчины и 83 женщины³. Накануне Первой мировой войны на средства прихожан села Нового была покрашена крыша их приходской церкви⁴.

Накануне Первой мировой войной в списках потомственных и личных дворян, имеющих право на участие в выборе гласных на земском собрании Скопинского уезда в 1913 г., значился дворянин Иван Иванович Европин, владевший 180 десятинами 1575 саженьями (ок. 198 га) «при деревне Новой»⁵.

В 1917 г. в селе Новом Яблоневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 45 дворов, население которых составляли 114 мужчин и 131 женщина⁶. В 1918 г. в селе был создан Новинский сельсовет.

В 1925 г. в связи с укрупнением волостей уездов Рязанской губернии Яблоневская волость была ликвидирована, а село Новое вошло в увеличившуюся в размерах Ерлинскую волость. В 1929 г. было упразднено историческое административное деление на волости, уезды и губернии. В это время село Новое стало населенным пунктом Рязского района, включенного в Центрально-Промышленную область, до конца года переименованную в Московскую.

В 1931 г., на волне массовой коллективизации, в селе Новом был создан колхоз «6-й съезд Советов». О его первых шагах можно судить по публикациям в рязской районной газете «Колхозник». В августе 1931 г. газета сообщила: «Общее собрание колхоза имени 6-го съезда Советов в Новом селе из отчета председателя колхоза тов. Волкова М.Н. выяснило, что уборочной грозит срыв. Плана нет. Уборочная идет самотеком. Размер вступительных взносов установлен уравнильно по 10 руб. Число батрацко-бедняцких хозяйств не установлено. Труд книжки на руки колхозникам не выданы. Вступительные взносы поступают слабо. Труддисциплина расшатана. Пред. колхоза «выпивает» и груб с колхозниками. Запись в труд книжках вызывает массу недоразумений. Как сделан перевод часов в трудодни, пред. колхоза объяснить не смог. После бурных прений общее собрание постановило снять с работы пред. колхоза тов. Волкова. Предколхозом избран тов. Шилов. <...> Ревкомиссии поручено в 3-хдневный срок произвести ревизию денежных средств и выявить разбазаривших сельхозинвентарь до вступления в колхоз. Настроение поднялось. “Давно пора было так сделать”, – говорят колхозники»⁷.

В начале 1930-х гг. дореволюционные традиции все еще оказывали решающее влияние на быт местных жителей. Продолжал отмечаться престольный праздник сельской церкви – день Покрова Богородицы. Только теперь, поскольку праздник был религиозный, чрезмер-

¹ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 48–49.

² Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г., Рязань 1914. С. 447.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 593.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости №13–14 (1–15 июля 1914 г.). С. 594.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 43 (8 июня 1913).

⁶ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 154.

⁷ Колхозник, № 38 (5 августа 1931).

но усердствовавшие в создании праздничного настроения представители местных властей беспощадно критиковались на страницах районной газеты. Согласно ряжскому «Колхознику», в октябре 1931 г. «секретарь сельсовета Пронин пьянствовал три дня и не являлся на работу. Не отставал и председатель колхоза. В результате ни одной борозды картофеля вырыто не было. Председатель колхоза имени 6-го съезда Советов 16 октября, на третий день праздника, напившись пьяный до бесчувствия, изругал колхозниц, не сумел приготовить сох и телег, и в результате, собравшимся женщинам пришлось разойтись. Разгулявшийся председатель договорился до того, что объявил себя Столыпиным»¹.

Вообще духом модной в те годы «большевистской самокритики» пропитано большинство публикаций районной прессы. В том же 1931 г. селькор, предусмотрительно скрывшийся за инициалами В.К. в заметке «Необходима смена руководства» писал: «На территории Новинского сельсовета существуют три комсомольские ячейки, но ни одна из них не работает. Никакого участия в ходе хоз-политкампании ячейки не принимают. Работа колхоза проходит мимо внимания ячеек. Взять хотя бы ячейку при колхозе имени Войкова. Колхоз значительно засорен кулацкими элементами, которые пролезли к руководству, занимаются вредительством. На глазах у комсомольцев сорвали силосную компанию. Но ячейка не только не сигнализировала о кулацких проделках, а наоборот, выступавший на суде секретарь ячейки ВЛКСМ Астахов в качестве свидетеля явно замазывал недочеты, притворяясь незнайкой»².

Руководство района требовало от сельских комсомольских ячеек большей энергии в проведении политики властей. Но местные комсомольцы, похоже, больше руководствовались правилами вековой крестьянской трудовой поруки и не торопились подхватывать любую спущенную сверху кампанию, оглядываясь на мнение односельчан. Тогда из Ряжска потребовали «оздоровить новинские ячейки» ВЛКСМ. Газета «Колхозник» констатировала: «Очередные боевые задачи комсомола и похода за колхозного коня и мобилизации средств ни в одной из ячеек не проработаны и в жизнь не проводятся. Секретарь ячейки при колхозе имени Войкова Астахов жалуется на отсутствие молодежи для вербовки в комсомол. Между тем, заявления о принятии в комсомол от двух парней из дер. Воздвиженки Астахов таскает около месяца в кармане и не рассматривает. На политзанятия у комсомольцев нет времени, но зато регулярно 1–2 раза в неделю проводятся вечеринки с танцульками, и секретарь принимает в них самое активное участие»³.

На этом фоне, однако, трудовые успехи новинских колхозников постепенно пошли в гору, во многом – благодаря энтузиастам крестьянского труда. Ряжский «Колхозник» в 1932 г. сообщал: «Член колхоза имени 6-го съезда Советов Андреев М.И. со своей группой по уборке гороха добились высоких показателей производительности труда. Организовав отдельную группу подростков в количестве 18 человек в возрасте от 8 до 13 лет, он сумел обеспечить выборку гороха с 4 га ровно за два дня»⁴.

В 1935 г. Новинский сельсовет был передан новообразованному Желтухинскому району Московской области. В 1936 г. в селе была разобрана так и не достроенная, но действовавшая Покровская церковь. Ее кирпич был использован при строительстве новой школы, 3 конных дворов и зерносклада⁵. В 1932–1936 гг. настоятелем новинского храма был архи-

¹ Колхозник, № 54 (20 октября 1931).

² Колхозник, № 60 (20 ноября 1931).

³ Колхозник, № 66 (20 декабря 1931).

⁴ Колхозник, № 64 (14 августа 1932).

⁵ Колхозная правда, № 92 (12 августа 1936).

мандрит Василий (Цветков) (1867–1937), настоятель Данковского Покровского монастыря в 1916–1918 гг., с 1930 г. служивший священником в Георгиевской церкви села Старый Келец (Старые Кельцы). Осужденный за борьбу против советской власти и расстрелянный в 1937 г., архимандрит Василий был реабилитирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г., а 7 мая 2003 г. постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви был причислен к лику святых Новомучеников Российских для общецерковного почитания.

В 1937 г. была образована Рязанская область, куда из Московской перешел и Желтухинский район со всеми своими населенными пунктами. Кажется, в это время был ликвидирован Новинский сельсовет, а село Новое вошло в состав Летовского.

В предвоенные годы на пастбищах и дугах при селениях Летовского сельсовета Желтухинского района нередко появлялись волки, которые нападали на пасшихся в ночном лошадей колхозов им. П.Л. Войкова, «Новая жизнь» и «Новый путь». Борьбе с хищниками придавалось немаловажное значение. В хронике происшествий за 1937 г. сохранилось упоминание о следующем эпизоде: 13 октября «колхозники колхоза “6-й съезд Советов” села Новое И.В. Трофимов и В.И. Маришин, направляясь через огороды в поле, увидели лежащего в канаве волка. Они вернулись в село, захватили вилы и топор и пошли к канаве. Один ловким ударом пригнул голову волка к земле, второй же в это время нанес удар топором»¹.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемка 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Новой деревне Летовского сельсовета насчитывалось 75 строений, действовала школа.

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война прервала мирное развитие села. Многие его жители отправились защищать Родину в рядах РККА. В ноябре–декабре 1941 г., когда линия фронта пролегла через Горловский и Скопинский районы Рязанской области, отдельные вражеские разведгруппы доходили до села Летово и даже просачивались дальше. В военные годы, пока мужчины сражались на фронте, основную тяжесть колхозной работы приняли на себя женщины, старики и подростки. Жители Нового демонстрировали образцы трудового героизма и самоотверженности. В 1942 г. желтухинская районная газета писала: «В колхозе “6-й съезд Советов” стал работать бригадиром 16-летний Ваня Волков. Отличился колхозницы Лазарева В.Г., Гудкова О.М., Железнова А.Н., Железнова А.И., Андрианова М.Н., Маришина М.П.»².

Однако будущее страны все же решалось на полях сражений. И здесь новинцам также довелось сказать свое слово. Уроженец скопинского села Новое Андрей Андреевич Повасин³ (1926–?) был призван в армию в июле 1944 г. Вяземским РВК Смоленской области. Рядовой Повасин служил в 1-м стрелковом батальоне 653-го стрелкового Минского Краснознаменного ордена Александра Невского полка 220-й стрелковой Оршанской Краснознаменной дивизии, воевал на 3-м Белорусском фронте. «В бою 19 октября 1944 г. в районе деревни Столупянка Сувалковского уезда (Польша), когда враг превосходящими силами контратаковал наши боевые порядки, тов. Повасин на поле боя проявил исключительное мужество, бесстрашие и стойкость, смело и решительно действуя личным оружием (автоматом) уничтожил более десяти немецких солдат»⁴. За этот бой рядовой А.А. Повасин был награжден орденом Красной Звезды.

¹ Колхозная правда, № 59 (2 июня 1937); № 115 (23 октября 1937).

² Колхозная правда, № 68 (13 сентября 1942).

³ Он был сыном уроженца села Новые Кельцы Андрея Андреевича Повасина (1902–1942), перед войной жившего и работавшего в Москве и пропавшего без вести на фронте в марте 1942 г.

⁴ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 3608, л. 67.

В 1950 г. в рамках линии на укрупнение рязанских хозяйств колхозы «6-й съезд Советов» (Новое), им. П.Л. Войкова (Летово), «Пролетарский труд» (Савиловка) и «13-й Октябрь» (Воздвиженка) были объединены в один – колхоз им. П.Л. Войкова, центральной усадьбой которого стала деревня Летово. В 1956 г. с ликвидацией Желтухинского района Летовский сельсовет был передан Скопинскому району Рязанской области. В 1958 г. местный колхоз им. П.Л. Войкова был объединен со свистовским колхозом «Новая жизнь».

По административному делению 1970 г. село Новое вместе с деревнями Большая и Малая Косыревка, Воздвиженка, Говорово, Гореловка, Гусиловка, Дегтярка, Дубровщина, Желтухино, Ивановково, Ключеревка, Козловка, Кондауровка, Кузьминка-2, Летово, Ленинка, Шелемишевские хутора, Петровка, Рановка, Савиловка, Свистовка, поселками железнодорожных станций Желтухино и Говорово, а также центрального отделения совхоза «Желтухинский» относились к Желтухинскому сельсовету Скопинского района Рязанской области¹.

В 1971 г. был восстановлен Новинский сельсовет с центром в селе Новое, в который вошли деревни Воздвиженка, Летово и Савиловка². Реорганизованный в сельский округ в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации от 28 августа 1995 г., он просуществовал до начала XXI в.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Новое было включено в Вослебовское сельское поселение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в нем в это время постоянно проживали 39 человек – 16 мужчин и 23 женщины.

---

¹ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С. 97.

² Архив Скопинского района. Ф. 104, л. 1.

НОВЫЕ КЕЛЬЦЫ

село

(сельское поселение Корневское)

Местность, в которой находится село Новые Кельцы (Келецкие выселки, Новый Келец, поселок Новокелецкий), была обжита еще в эпоху Позднего Средневековья. Археологические данные свидетельствуют о том, что к северу от населенного пункта на расстоянии 1,5 км от водонапорной башни на правом берегу безымянного ручья, впадающего слева в реку Старый Келец, находится селище XIV–XVII вв. Памятник, имеющий размер 190 x 150 м при высоте над поймой 10–15 м, был выявлен в 1990 г. Его культурный слой толщиной до 0,3 м был нарушен распашкой, но все же в нем уцелели фрагменты позднесредневековой гончарной керамики, в т. ч. белоглиняной¹.

Найденное археологами поселение было заброшено еще в допетровскую эпоху. Дата же основания ныне существующего села на землях Рязского уезда, приписанных к дворцовой Конюшенной канцелярии, устанавливается по документам довольно точно – речь идет о 1740 г.

В 1741 г. в переписке Скопинской и дворцовой Конюшенной канцелярий упоминается о начале приготовлений к строительству деревянной конюшни на Вороновском пастбище и ремонту Келецкой конюшни: «От мосту, что чрез реку Верду, вниз по оной реке Верде до десятинной пашни, до Келецкой конюшни и до речки Кельца, на котором место было село Келец и несколько из оногo выселили вверх по реке Кельцу. А протчие поньне живут на том прежнем месте, а пашенной земли вблизиности не имеют...»².

Как видно из документов, выселение крестьян из села Келец было произведено в связи с тем, что по соседству с ним находился Келецкий конный завод. В ходе проведенной дворцовой Конюшенной канцелярией ревизии выяснилось, что крестьянский скот, бегающие по окрестностям собаки и проезжающие по лечебному лугу повозки являются источником инфекционной опасности для лошадей. Местному управителю в связи с этим было дано указание выселить из села тех крестьян, которые не имели отношения к конному заводу. По ревизской сказке 1748 г., относящейся ко 2-й ревизии податного населения Российской империи, новое поселение называлось Выселком Кельца. В нем проживали 100 душ конюшенных крестьян мужского пола. Материалы 3-й ревизии, проводившейся в 1761–1765 гг., в селе, фигурирующем под названием «Кельца выселок», указаны «83 души мужского пола, к оному прибыло новорожденных 38 душ», т. е. к упомянутому в ходе предыдущей ревизии добавились еще 38 душ, всего стало 121 душа мужского пола. При этом в документе были отмечены не только умершие и отданные в рекруты, но и то, что за прошедшее с 1748 г. время «бежало 2, сослано на каторгу по воровским делам 2, переведено в оной же волости в город Скопин к градским новоприверстанным крестьян 2»³.

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. 1996. С. 123.

² РГАДА. Ф. 1239, оп.47, д. 8, л.70.

³ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2. д. 3182, л. 233; д. 3182, л. 36.

По сообщению И.В. Добролюбова, «первоначальное построение в селе Новом Кельце деревянной Георгиевской церкви относится к 1754 г.»¹. Из служивших в ней в XVIII в. священников известны Роман Данилов (с 1767 г.) и Иоанн Григорьев (с 1796 г.).

В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., село упомянуто под названием Келецкие выселки. В них «по ревизии 1762 г.» насчитывалось «47 дворов и 121 душа мужского и 108 душ женского пола». О селении и его окрестностях в документе говорится: «Лежат на левой стороне речки Кельца и по обе стороны верха Березового. В реке плотва, пескарь, гольцы, ерш и язь. Церковь деревянная Святого Великомученика Георгия Победоносца»². На карте (чертеже) Генерального межевания 1779 г. строения Келецких выселок располагаются в виде тупого угла, образованного слиянием ручья Березовый верх с Кельцом. Огороды крестьянских домов повсеместно спускались к воде. Ниже по течению Кельца, на восточной окраине села, стояла деревянная Георгиевская церковь³.

В соответствии с указом Правительствующего Сената от 7 (18) августа 1797 г. «О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего управления ими» скопинские владения дворцового коннозаводства образовали Коннозаводскую (Военно-коннозаводскую) волость, позднее в три коннозаводские волости: Павелецкую, Новоалександровскую и Казинскую.

Из священников сельской Георгиевской церкви, служивших в XIX в., известны Емельян Космин Светилин (в 1835–1839 гг.), Филипп Прокофьевич Соловьев (в 1839–1853 гг.) и Дмитрий Филиппович Соловьев (в 1854–1899 гг.). Ф.П. Соловьеву принадлежит честь открытия в Келецких выселках первой школы, состоявшегося в 1840 г.⁴ Она размещалась в собственном доме священнослужителя. Учебное заведение функционировало либо до кончины Ф.П. Соловьева в 1853 г., либо было закрыто несколько лет спустя при его преемнике.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в это время в Келецких выселках было 145 дворов. В селении имелись три четко структурированные улицы, одна из которых шла параллельно течению Кельца, а две другие – перпендикулярно. При Келецких выселках работали 2 ветряные мельницы: одна стояла у западной околицы села, другая – с правой стороны при дороге в деревню Ванючка (Стрелецкая дубрава), находившуюся к северу от Келецких выселок. На восточной окраине села стояла деревянная Георгиевская церковь, за которой располагалась кладбище. Далее к востоку, близ места впадения ручья Ванючка в Келец, находилась приписанная к храму церковная земля. На самом ручье выше по течению были устроены 2 водяные мельницы.

По данным последней в истории России, 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в Келецких выселках проживали государственные крестьяне – 570 душ мужского пола и 607 – женского⁵. По сведениям 1859 г., в «Новом Кельце, селе казенном при реке Кельце», лежавшем в 9 верстах от уездного города, насчитывалось 164 двора и проживали 574 мужчины и 609 женщин⁶.

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 174–175.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 11.

³ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 1, В-32 кр.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 174–175.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 2.

⁶ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 132.

С освобождением крестьян от крепостного права в 1861 г. в Скопинском уезде были образованы волости. Село Новый Келец (Келецкие выселки) вошло в состав Корневской волости.

В 1861 г. священником Д.Ф. Соловьевым была возобновлена работа церковно-приходского училища в селе Новый Келец. Оно по-прежнему размещалось в доме священнослужителя, который получал жалование от волостного правления. Средства на его содержание до 1875 г. предоставлялись Палатой государственных имуществ. В 1866 г. в новокелецком сельском училище обучались 25 мальчиков¹.

К началу 1860-х гг. деревянная Георгиевская церковь 1754 г. постройки изрядно обветшала. По свидетельству И.В. Добролюбова, «существующая ныне (в 1884 г. – *Примеч. авторов*) каменная <...> Георгиевская церковь начата постройкою в 1860 г. и окончена в 1862 г.» Позднее храм был окружен каменной оградой с железными решетками. И.В. Добролюбов писал о новокелецком храме: «Церковной земли во владении причта ныне значится 39 десятин (42,6 га), но на нее нет у причта ни плана, ни межевой книги. В состав прихода, кроме села с 255 дворами, входит деревня Стрелецкая дуброва (в 3 верстах) с 64 дворами, в коих мужского пола 1121, женского пола 1224. <...> В Георгиевском причте по штату 1873 г. положены 1 священник и 1 псаломщик»². Из церковных старост храма 2-й половины XIX в. известны Иван Авдеевич Салагубов (ок. 1865 г.), и Василий Личунов (1872 г.).

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Новом Кельце (Келецких выселках), «бывшем селе государственном при речке Кельце», насчитывалось 239 дворов и 1740 жителей. В селе были «церковь православная» и часовня, видимо, отмечавшая место нахождения деревянной Георгиевской церкви XVIII в.³

По переписи населения 1882 г. в Новом Кельце было 270 домохозяйств, в которых проживали 971 мужчина и 989 женщин. Грамотными среди них были лишь 47 мужчин, 2 женщины и 3 учащих мальчика. Душевой надел в местном сельском обществе составлял 4 десятины (4,4 га) черноземной земли. В крестьянских хозяйствах села содержались 320 рабочих лошадей и 55 жеребят, 209 коров и 139 телят, 1535 овец, 114 свиней. Безлошадными были 99 дворов – 37 % от общего числа крестьянских хозяйств Нового Кельца. 191 местный крестьянин числились в отхожих промыслах. При селе действовали 6 промышленных заведений, в числе которых были 3 ветряные мельницы и трактир⁴.

В 1884 г. новокелецким священником Д.Ф. Соловьевым была основана церковно-приходская школа. В 1885/1886 учебном году она размещалась в выделенном сельским обществом деревянном доме площадью 48 кв. аршин (24,3 кв. м) с 5 окнами и под соломенной крышей, имевшем для отопления печь. Обучение проводилось в двух группах: младшей и средней. Учились 58 мальчиков в возрасте от 8 до 15 лет в течение 3 лет. Библиотеки при школе не было. Плата за обучение не взималась. Преподаватели жалования не получали. Содержание школы обходилось Новокелецкому сельскому обществу в 70 рублей в год. Законоучителем в ней состоял священник Д.Ф. Соловьев, учителем – выпускник Рязанской духовной

¹ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 238–239.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 174–175.

³ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 329.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 2–8.

семинарии И.Д. Соловьев¹. По итогам 1888/1889 учебного года Рязанский епархиальный училищный совет единственным из всего Скопинского уезда отметил студента-семинариста Ивана Соловьева как «заявившего свое особенное усердие по исполнению своих учительских обязанностей». За что, в качестве поощрения ему было дано «архипастырское благословение его высокопреосвященства Феохиста, архиепископа Рязанского и Зарайского»². Священник Георгиевской церкви и законоучитель школы в 1889 г. был награжден наперсным крестом Святейшего Синода.

Жители Нового Кельца временами страдали от разрушительных пожаров. Об одном из них, довольно крупном, случившемся в 1882 г., «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «В ночь с 24 на 25 апреля (с 6 на 7 мая) Скопинского уезда в селе Новом Кельце сгорело от неизвестной причины 6 крестьянских домов с надворными строениями и имуществом, причем сгорел скот. Убытка понесено на 2070 руб.»³. Однако и водная стихия нередко была не менее опасной. В 1905 г. «Рязанский вестник» писал: «5 августа в селе Новом Кельце прошел сильный паводок, после которого пастух этого села Михаил Васильев Васильев, 70 лет, переходя взбушевавшийся ручей, был сбит с ног водою и унесен в реку, где и утонул. Труп его остался не разысканным»⁴.

В 1905 г. в селе Новый Келец (Келецкие выселки) насчитывалось 356 дворов, в которых проживали 1260 мужчин и 1280 женщин. В селе действовали «церковь каменная», мужская церковно-приходская школа, две рушалки. Крестьяне занимались добычей горшечной глины⁵.

В феврале 1908 г. новокелецкий сельский староста Николаев собрал на сход 208 из 290 имевших право голоса домохозяев. Крестьяне «имели суждение о том, что наша церковно-приходская школа в настоящее время пришла в крайнюю ветхость и становится по числу размноженности учащихся детей очень тесной, почему обществу необходимо означенную школу отремонтировать и разбавлять, так что, не производя разбавки таковой, много детей наших останутся совершенно не учеными...». Собравшиеся приняли обращение в Скопинскую уездную управу с просьбой переименовать местную школу в земскую. Скопинское уездное земское собрание приняло решение включить ее в очередь на переименование в 1909 году⁶. В 1908 г. в Новом Кельце было 2774 жителя, из них 250 детей школьного возраста, но возможность учиться в церковно-приходской школе имели только 106 из них⁷. В 1910 г. школа в Новом Кельце все же стала земской двухкомплектной и в качестве таковой упоминается в справочном издании 1916 г.⁸

Временно проживавшие в Москве крестьяне-отходники из Нового Кельца, если им везло в делах, не забывали своего приходского храма, направляя ему щедрые пожертвования. Одним из интересных даров стало полученное «от прихожан, временно проживающих в г. Москве <...> изображение Божией Матери и Иоанна Богослова, вырезанные на дереве, жи-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. Москва: Ряз. губ. земство, 1889. С. 14–19, 26.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 2 (15 января 1890 г.). С. 65.

³ Рязанские губернские ведомости, №40 (2 июня 1882).

⁴ Рязанский вестник, № 61 (4 сентября 1905).

⁵ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 634–635.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года созыва. Скопин, 1909. С. 88.

⁷ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 18–19.

⁸ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 171.

вописной работы – к ним подсвечники и лампада и на престольное выносное евангелие в металлическом вызолоченном окладе»¹.

В 1910–1918 гг. настоятелем Георгиевской церкви села Новый Кельц служил священник Петр Александрович Орлов². К церкви были приписаны 30 десятин пахотной земли (32,7 га), 4 десятины (4,4 га) усадебной и 3 (3,3 га) – сенокосной. При церкви имелась библиотека на 55 книг. В приходе действовали 2 школы – земская в Новом Кельце, основанная в 1910 г. (в 1914 г. в ней обучались 29 мальчиков и 81 девочка) и церковная в деревне Стрелецкая дубрава, основанная в 1907 г. В Новом Кельце в рассматриваемое время насчитывалось 497 дворов, население которых составляли 1582 мужчины и 1648 женщин³.

Из церковных старост Георгиевского храма начала XX в. известны Владимир Иванович Харитонов (1890–1911 гг.) и Дмитрий Антипов (с 1911 г.). О работе на этом посту В.И. Харитонova в 1912 г., по случаю его кончины, новокелецкий священник П.А. Орлов писал в «Рязанских епархиальных ведомостях»: «Вступление его на должность церковного старосты пришлось, как раз, к большому делу. Приступлено было к расширению местного храма. Трапезная была сломана до основания с целью расширения в боках. Колокольня тоже была разобрана. На возведение стен трапезной средства были приобретены через отдачу местными крестьянами участка земли в аренду, а руководить постройкой был представлен особый попечитель из местных крестьян. После возведения стен вчерне все дальнейшее благоустройство храма обязано исключительно ревностной деятельности Владимира Ивановича. Благодаря этой ревности, через его руки прошли большие деньги, более 30 тыс. рублей, изысканных прямо из ничего, большей частью собранных и сбереженных копейками! Благодаря собранным деньгам и трудам В.И. Харитонova была покрыта трапезная церковь, оштукатурены стены, настланы полы, устроен был правый придельный алтарь и в 1896 г. он был уже освящен. В нем был сооружен иконостас, стоивший 3 тыс. рублей, устроен тамбур в дверях, устроена стеклянная двойная перегородка в арке, ведущей из трапезной в настоящую церковь, стоимостью более 800 руб., переделан иконостас в настоящей церкви, что стоило около 7 тыс. руб., расписаны стены в трапезной, устроен левый алтарь, иконостас в нем, устроены 3 балдахина – сени над престолами, устроена каменная ограда с железными решетками стоимостью около 3 тыс. руб., приобретен колокол в 65 пудов. Сколько дел совершено Владимиром Ивановичем на благоустройство и благолепие нашего храма!

Все это стоило больших денег и больших нравственных усилий при изыскании средств и все это совершил рядовой, неграмотный крестьянин, не имевший в своем распоряжении собственных денег в количестве хоть ста рублей, а собиравший тысячи – на храм!

Приход наш небогатый, крестьяне живут кое-как, перебиваются. И прежние старосты церкви едва усиливались уплачивать только церковные взносы. Остатков же в церковном ящике в течение годов бывало очень мало. Значит, средства, затраченные на благоустройство нашего храма, обязаны своим изысканием исключительно ревностной деятельности Владимира Ивановича, его изумительно умелой находчивости и большой бережливости церковной копейки!»⁴

¹ Рязанские епархиальные ведомости, № 13 (1 июля 1900 г.). С. 254.

² Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г., Рязань 1914. С. 446.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 594.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 18 (15 сентября 1912 г.). С. 789–791.

К началу XX в. окончательно сложилась внутренняя топонимика села. Вплоть до 1960-х гг. порядки сельских домов официально носили названия Большой, Пажа, Суходол, Гудовка, Заболотье, Богдановка и Хутора¹. После введения стандартных советских названий сельских улиц наименования порядков еще долго (вплоть до сего дня) употреблялись в быту.

В 1917 г. в селе Новый Келец Корневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 549 дворов, в которых проживали 1680 мужчин и 1738 женщин². Установление советской власти в селе прошло в целом безболезненно. В 1918 г. в селе был образован комитет бедноты, позднее возник Новокелецкий сельсовет³.

В ноябре 1918 г. Рязанская губернская ЧК возбудила дело в отношении священника Георгиевской церкви в Новом Кельце П.А. Орлова. Он был обвинен в «пререкании и нежелании исполнить предписание Скопинского уездного Совнаркома о предоставлении в семидневный срок статистических метрических сведений, мотивируя отказ отсутствием письменных принадлежностей»⁴. 18 ноября 1918 г. дело было направлено в Рязанский губернский революционный трибунал, а сам священнослужитель – в Рязанскую губернскую тюрьму. Только 13 мая 1919 г. ревтрибунал прекратил дело о в отношении П.А. Орлова, а сам он был освобожден из-под стражи⁵.

О первых послереволюционных годах Нового Кельца скопинский краевед В.Н. Ильинский в 1929 г. писал: «В селе до революции были земская и церковная школы, население отсталое, свержение самодержавия принято с тупым равнодушием, и, так как в округе не было помещичьих усадеб, никакого массового выступления не было. Были организованы сельский Совет и комитет бедноты, в 1922 г. культурно-просветительский кружок и ликпункт, позже еще один и изба-читальня. В 1924 г. организуется сельскохозяйственное кредитное товарищество, в 1926 г. в нем состояло уже 216 человек. Кооперация получила дальнейшее развитие с образованием райпотребсоюза. В 1928 г. в кооперативе села состояло 428 человек, в селе была кооперативная лавка, а в деревне Стрелецкая дубрава ее отделение»⁶.

В.Н. Ильинский также оставил следующее описание храмового праздника села Новый Келец – дня памяти св. Георгия Каппадокийского: «Местным престольным праздником в селе является “Георгий Победоносец”, празднующийся 16 ноября. Хлопотами и заботами наполняются дни, предшествующие празднику, зажиточные начинают готовить продукты к празднику – режут скот на мясо, заготавливают муку и т. п. Беднота же, голодая перед этим, продает что-нибудь из имеющегося и покупает хотя бы немного мяса, белой мучицы и даже вина. Наступает праздник. Рано-рано засвечиваются огоньки в хатках. Под звуки церковного колокола, зазвучавшего рано по заказу заботливого попа, спешат хозяйки готовить обед. Молодежь, одевая свои лучшие костюмы, спешит в церковь. Церковь переполнена. Рано кончается обедня, и из церкви во все стороны ползут кучки народа, их ждет безотлагательный обед. Пришедшие переодеваются и усаживаются за стол “всяк на свое место”. Старший член семьи вооружается “монахом”, если удалось выгнать, или несколькими бутылками хлебного вина и одной чашкой. Наливает и выпивает сперва сам, а потом подносит всем по очереди (в зависимости от старшинства). Подносят вина и малышам. Выпивши, приступают к еде.

¹ Сталинец, № 122 (22 октября 1950).

² ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

³ Архив Скопинского района. Ф. 127, л. 2.

⁴ ГАРО. Ф. Р-2639, оп. 1 д. 379, л. 6.

⁵ ГАРО. Ф. Р-2639, оп. 1 д. 379, л. 38.

⁶ *Ильинский В.Н.* Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии), Скопин, 1929. С. 68–69.

Обед состоит из следующих блюд: 1) квас со студнем, 2) жирные щи, 3) лапша, 4) пшеник и 5) каравайцы. После обеда старшие ложатся отдыхать, а молодежь идет “на улицу”, которая выражается в том, что разодетые парни, девушки и “молодые” идут по порядку толпой и под звуки играющих гармошек поют “страдательные”. Иногда забираются в избу и играют в “веревочку”. Игра бессмысленна, состоит только в поделухах. В это время старшие, выславшись, посылают за гостями «позыватого» или отправляются в гости сами. Угощение состоит в том, что перед рассевшимися за столом гостями “ломают курник” (в сеяный хлеб запекается курица), мясо курника ломается руками и раскладывается на взрезанном хлебе. После курника стол заставляется сразу всеми угощениями: мясом, ветчиной, курятиной, студнем, каравайцами, белым хлебом, нарезанным кубиками. Почетным гостям пекут по паре яиц. Вино пьют с самого начала угощения, тоже из одной чашки. Хозяин, выпивши сам, по просьбе гостей угощает старших членов семьи, а потом, начиная с “переднего угла”, угощает по очереди гостей. Отгостившись в одном доме, сейчас же отправляются в другой, где следует угощение в таком же порядке. Подобное угощение ведется 2 дня, а на третий “гуляют” уже более зажиточные»¹. Особенностью празднования храмовых дней было то, что по этому поводу собирались все члены и родственники больших крестьянских семей. Замужние дочери шли в гости в отчий дом с мужьями и со всеми детьми. Зятьев встречали с почетом, для них «четверть на стол ставили».

В 1920-х гг. отдельные энтузиасты пытались приобщить крестьянское население к высокой культуре. Удалось это поначалу не без трудностей. В 1925 г. селькор скопинской газеты «Коллектив», скрывавшийся под псевдонимом «Наблюдающий», сообщил: «В селе Новом Кельце при избе-читальне организовался драм-кружок, который ставит спектакли. Население охотно посещает спектакли, но ведет себя очень шумно, и многие приходят в пьяном виде. А председельсчета вместо того, чтобы навести порядок – сам пришел 27 февраля на спектакль в пьяном виде и еще больше наделал шуму...»² Кстати к этому времени в Скопинском уезде уже работала кинопередвижка. По графику в селе демонстрировались две картины: «Борьба за жизнь» и «Теплая компания».

В 1929 г. ушло в прошлое историческое административное деление на волости, уезды и губернии. Село Новый Келец стало одним из населенных пунктов Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В 1929 г. в Ново-Келецком сельсовете был образован колхоз им. В.И. Ленина. В начале 1930-х гг. ударник новокелецкой сельхозартели Иван Улитин, один из лучших работников этого хозяйства, член сельсовета и делегат первого областного съезда колхозников-ударников, проходившего в 1933 г. в Москве, вспоминал: «Как сейчас помню, в 1929 г. представитель РИКа Ялдышев начал говорить нам, беднякам, о колхозе; многие смеялись, не верили ему, говорили, что это вымысел. Активисты Терехин Иван и Гавриков записались в нашу группу и стали организовывать колхоз. Всего было 30 хозяйств»³.

Зажиточные новокелецкие крестьяне с первых месяцев существования сельхозартели не скрывали своего враждебного отношения к ней. Порой оно проявлялось в постановочных сценах абсолютно средневековой стилистики, поражавших не избалованных зрелищами сельских жителей. Об одном из таких эпизодов, относящемся к весне 1930 г., журналист скопинской газеты «Авангард» Г. Неклюдов писал: «Не дремали, а где-то в темных, глубоких

¹ *Ильинский В.Н.* Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии), Скопин, 1929. С. 76–78.

² Коллектив, № 28 (11 марта 1925).

³ Побединский ударник, № 45 (24 февраля 1933).

норах и углах хитро и умело плели паутину те, которым молодой колхоз (в деревне Велемья. – *Примеч. авторов*) стал поперек дороги, наступил на горло. Вон по начавшему таять снегу в соседнем селе Ново-Кельцах в стальном шлеме шествует какой-то босоногий странник. За ним толпятся любопытные. Осеня широким крестом, входит он в избу, которая покрепче. Быстро окинул он плутоватыми, бегающими как у мыши глазами темную женскую массу, завел очи горе, под самый потолок, и точно пригоршнями бросает отравленные злобой семена-словечки: “Подождите, скоро... скоро... под Паску Христову брызнет кровь колхозная... Разговорятся ею православные...”»¹

Первоначально многие жители села относились к колхозу как к очередной причуде властей, инородному изобретению, которое неведь откуда пришло и неизбежно канет в Лету. Поэтому никто не торопился портить отношения со своими зажиточными односельчанами. Колхоз-то, скорее всего, со дня на день развалится, как многие другие начинания властей, вроде товариществ или кооперативов, а с соседями-кулаками придется жить и дальше. В докладе секретаря Скопинского райкома ВКП (б) Хоченкова на собрании партактива 11 декабря 1932 г. говорилось, что председатель колхоза им. В.И. Ленина Знобищев, член партии, пытался защищать кулаков и говорил: «Без них мы пропадем. Это единственный источник дохода в колхозе»². Из 380 крестьянских дворов села Новый Келец кулацко-зажиточными считались 24, и все их обитатели числились членами местного колхоза.

Некоторых бывших кулаков из колхоза все же исключили. Месть бывших «лучших людей» села не заставила себя долго ждать. В мае 1933 г. в колхозе им. В.И. Ленина было вскрыто систематическое воровство картофеля, «организатором которого был зажиточный и исключенный из колхоза Тимохин С.П. К нему примкнули единоличник-средняк Панкратов И.Ф. и колхозники Панкратов Ф.И. и Улитин П.Ф. Сообща они подпавали сторожа овощехранилища А.Ф. Улитина и воровали под его прикрытием. Вскрыли воровство сами колхозники. Всего разворовали около 2 тонн. Все они были отданы под суд»³. В том же месяце новокелецкие колхозники поймали другого «расхитителя, колхозника Панкратова В.И.», который «во время перевозки семенного материала украл 1,5 пуда (24 кг) зерна. Его исключили из колхоза и материал передали в суд, а за раскрытие преступления Улитин М.С. был премирован»⁴.

С дореволюционных времен в непосредственной близости от села разрабатывались шахты Подмосковского угольного бассейна. Многие жители Нового Кельца трудились на шахтах, одновременно являясь членами колхоза им. В.И. Ленина. Доходы семей шахтеров в среднем получались выше, чем у простых колхозников, поэтому в селе их, похоже, недолюбливали. Прохладно относилось к ним и колхозное руководство: защищенные руководством шахт и отраслевым профсоюзом рабочие были недоступны для дисциплинарных мер воздействия, которые можно было применить к простому колхознику в случае неповиновения. Кроме того, председателям окрестных колхозов приходилось следить и за тем, чтобы не все сельские жители перебежали работать на шахты, соблазнившись более высоким заработком. Поэтому порой шахтеров в селе в той или иной степени дискриминировали. Об одном из таких случаев в Новом Кельце газета «Побединский ударник» писала: «Правление новокелецкого колхоза им. В.И. Ленина летом 1932 г. приступило к нарезке усадебных участков. В первую

¹ Авангард, №9 (20 ноября 1930).

² Побединский ударник, № 251 (15 декабря 1932).

³ Побединский ударник, № 122 (30 мая 1933).

⁴ Побединский ударник, № 181 (12 сентября 1932).

очередь нарезали своим колхозникам, не связанным с рудником. На просьбу рабочего шахты председатель Знобищев заявил: «Вам нарезку усадебных участков будем производить после всех, так как вы связаны с шахтами и не имеете достаточного количества трудодней»¹. В июле того же года забойщик П.И. Панюшкин из Нового Кельца жаловался на страницах районной газеты: «Я работаю забойщиком на 42-й шахте, состою в новокелецком колхозе. Весной я приготовил свой огород для посадки картофеля, то есть обработал землю на своем участке, и 10 мер картошки, предназначенной как семенной материал, порезал на части. Вдруг в избу прибегает председатель колхоза Знобищев и кричит: «Ты огород свой не занимай, он отошел колхозу». Когда я спросил о том, куда девать изрезанную картошку, он ответил: «Куда хочешь, туда и девай». Мой огород так и остался не засеян. Знобищев только покричал, а огород не использовал. Вопросы о том, прав ли Знобищев, распорядившийся об изъятии огородной земли возле дома колхозника, и кто возместит убытки Панюшкину, остались без ответа»². Похоже, таким отношением колхозного руководства заражались и другие жители села, что отражалось на членах семей шахтеров. Едва не закончился трагедией следующий случай, описанный на страницах «Побединского ударника» летом 1932 г. забойщиком 42-й шахты Потаповым: «Мой сын Алексей, 3-х лет, ушел из яслей в неизвестном направлении. Нянька не заметила, только когда за сыном пришла жена, в яслях поднялся переполох. Ребенка искали семь часов. Только к вечеру девушки случайно наткнулись на малыша, который заблудился во ржи»³.

В годы форсированной индустриализации, когда страна нуждалась в дешевой сельхозпродукции для обеспечения населения бурно развивавшихся промышленных центров, сельсоветы были обязаны следить за выполнением плана ее поставок как колхозами, так и крестьянами-единоличниками. В 1932 г. новокелецкий единоличный сектор должен был продать государству по фиксированным закупочным ценам «7145 центнеров [зерна], а сдал к середине сентября только 855, и за август в районе находился на последнем месте»⁴. «В начале 1933 г. единоличники были оштрафованы за невыполнение заготовок, но штрафы с них не взыскали и к весне. Кулаки Сологубов В.Д., Сологубов В.И. и Зосимов агитировали среди крестьян против засыпки семян. К ответственности их не привлекали, поскольку не засыпали и члены сельсовета»⁵. Как видно, сельская администрация, как и во многих других местах, стремилась выгораживать зажиточных односельчан, руководствуясь вековым крестьянским правилом круговой поруки.

Кроме контроля за выполнением единоличниками норм поставок зерна, мяса, молока и других продуктов государству, сельсоветы следили за осуществлением ими засыпки зерна в семфонд и проведением сева в соответствии с утвержденными посевными планами, а также за своевременностью уплаты ими налогов – сельскохозяйственного, культурного и налога самообложения. С колхозниками в плане налогов дело обстояло легче – среди них было много бедняков, для которых утвержденные объемы госпоставок и ставки налогов были значительно ниже, а с некоторых и вовсе не взымались. Среди единоличников же были зажиточные крестьяне и бывшие кулаки, настроенные против колхозов и советской власти вообще. Задача сельсовета состояла в том, чтобы заставить середняка вступить в колхоз, а кулака раскулачить или задавить налогами и «твердыми заданиями».

¹ Побединский ударник, № 181 (12 сентября 1932).

² Побединский ударник, № 133 (12 июля 1932).

³ Побединский ударник, № 141 (22 июля 1932).

⁴ Побединский ударник, № 181 (12 сентября 1932).

⁵ Побединский ударник, № 45 (24 февраля 1933).

К 1 января 1935 г. в Новых Кельцах было 655 крестьянских хозяйств, из которых 345 состояло в колхозе им. В.И. Ленина. В течение января 1935 г. в колхоз вступили еще 60 хозяйств. Среди зажиточных крестьян, чьи интересы были ущемлены коллективизацией села, недовольство советской властью не ослабевало, но дальше разговоров дело не шло. В докладной записке «О приливе в колхозы и антисоветских настроениях по деревне Скопинского района МО» Скопинского райотдела УНКВД по Московской области от 5 февраля 1935 г. на имя секретаря Скопинского райкома ВКП (б) Агеева сообщалось: «Во время засыпки единоличниками семян к весенней посевной 24 января в доме Канищева Егора Андреевича собралась группа единоличников: Канищев Иван Андреевич, Николаев Василий Филиппович и Ерошин Василий Петрович. Первым начал Николаев: “Ну, опять негодяи завозились, опять начинают ходить по домам и по окнам – пишишь в колхоз; когда эти сволочи от нас отстанут?” Обращаясь к собеседникам, Ерошин поддержал: “Неправда, когда-нибудь они от нас отстанут, придет время, мы своего добьемся, недолго они еще существуют, мы им тогда покажем”. Николаев продолжал: “Я два дня тому назад говорил с отцом Федором (Липягов Федор Семенович – поп). Он мне говорил и даже заверил, что скоро вы все отмучаетесь, в этом году должна быть перемена власти, этим палачам будет конец, еще потерпите годок, кто перетерпит – тот будет спасен”. Оживился Канищев Иван, поддерживая последнего с восхищением: “Конечно, отец Федор – он все знает, я лично сам в колхоз не пойду и другим не советую входить. Колхоз это ведь крепостное право, войти в колхоз – это значит закабалить себя на всю жизнь, лучших людей из колхоза вычищают и гонят работать на шахты; значит, решено – в колхоз мы не пойдем”. Единоличник Ракчеев Андрей Семенович подал заявление о вступлении в колхоз, об этом узнала его мать – Ракчеева Аксинья, бабка-повитуха. Обращаясь к сыну, она кричала: “Сволочь, что ты делаешь надо мной, ты, собака, ведь меня теперь дьяволу в руки отдал! Ах ты, нечистая сила, ты знаешь, что мне сказал брат (Федор Щербаков, раскулачен)?” Назидательно, выговаривая каждое слово: «Аксютка, смотри, не попадись к дьяволу в руки». Через день Аксинья, прибежав к попу Федору Липягову, заявила: “Батюшка, я ведь попала к дьяволу в руки, что мне теперь делать?” Липягов, развертывая принесенный тещей Мишенина какой-то подарок, изредка посматривая на Ракчееву, монотонно говорил: “Ты ведь не первая вошла в колхоз, Господь дотерпитя и этих сокрушителей изгонят. Отвечать будет тот, кто вошел в колхоз первым, а в особенности организаторы его”¹. К весне давление на единоличников еще более усилилось. Неудивительно, что в это время происходили довольно странные вещи. «В планировании весеннего сева 1935 г. по единоличному сектору в Новокелецком сельсовете план РайЗО был спущен на 214 га, и сельсовет засыпал семена в соответствии с этим. Тогда как план надо было спустить на 379 га. РайЗО недоучло 165 га»².

Враждебное отношение к советской власти некоторых колхозников непроизвольно передавалось их детям. В докладной записке Скопинского райотдела УНКВД по Московской области от 21 февраля 1935 г. «О состоянии начальных и средних школ по Скопинскому району» сообщалось: «6/ХП-34 г. в школе с. Новые Кельцы во время перерыва двое школьников: Трофимов Владимир, 11 лет, сын колхозника, и Ведищев Владимир, 11 лет, сын колхозника – свернули из бумаги папиросы, начали прикладывать к лицу портретов вождей тт. Бубнова и Сталина, предварительно проткнув пальцем отверстия. В этот же день в 3-м классе упомянутой школы в связи с убийством тов. Кирова среди учащихся прорабатывалась его

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 20–21.

² ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 10.

биография, после урока учащаяся Степанова Прасковья, 12 лет, дочь колхозника, в присутствии других школьников сказала: “Хорошо его застрелили, нужно было бы их застрелить всех”»¹.

В период спровоцированного властями массового прилива сельских жителей в колхозы весной 1935 г. села Ново-Келец, Лопатино и Вослебово были в числе отстающих. Скопинский райотдел УНКВД докладывал: «В сельсовете Ново-Кельца на собрании единоличников 24 января 1935 г. при обсуждении вопроса засыпки семян к весеннему севу Николаев Василий Филиппович, середняк, заявил: “Опять засыпка семян, что это значит? Это значит, нас насильно загонят в колхоз, когда это от нас отстанут?” Ерошин Василий, продолжая мысль Николаева, говорил: “Время придет, дождемся и мы своего положения, тогда мы им покажем, как загонять в колхоз”². В Новых Кельцах «поп Липягов, Животов и церковный староста Ермакова систематически вели агитацию против колхоза: распространяли провокационные слухи о гибели советской власти, о царствовании Михаила, о том, что социализм враждебен христианству, и наоборот – христианство враждебно социализму, о неизбежности войны СССР с Японией и гибели колхозов»³.

Надо сказать, что притоку селян в новокелецкий колхоз им. В.И. Ленина не способствовали сами реалии этого хозяйства. Райотдел УНКВД в докладной «О подготовке к зимнему периоду животноводческих колхозных ферм» от 20 ноября 1935 г. о внутренней ситуации в нем сообщал: «МТФ – 15 голов, СТФ – 35 голов. Помещение для рогатого скота и свиней отремонтировано, имеющиеся телята истощены, фураж для ферм не сдан. По словам зав. МТФ и СТФ, никто не идет работать на фермы, т. к. председатель колхоза игнорирует все санитарные правила – какие должны быть на кухне. Кухня не утеплена, не застеклена, везде сквозняки, воды теплой нет, доставленный для СТФ картофель замерз, котлов не хватает... Есть такие настроения, что свиноводы не нужны, у нас и так нет корма. Председатель колхоза Стеничкин не возражал бы ликвидировать свиноводство»⁴.

В середине 1930-х гг. Георгиевская церковь в Новом Кельце была закрыта, ее помещения переданы колхозу им. В.И. Ленина для использования под зернохранилище и склад.

В 1937 г. Скопинский район со всеми населенными пунктами, включая Новые Кельцы, был передан новообразованной Рязанской области. В обстановке острой внутрипартийной борьбы за власть в руководстве советского государства даже представителям сельской интеллигенции было трудно разобраться в быстро менявшейся политической обстановке, когда известные революционеры и партийные деятели в одночасье объявлялись врагами народа. В докладной записке «О политических настроениях единоличников Скопинского района МО» Скопинского райотдела УНКВД от 16 сентября 1935 г. сообщалось: «Школьная работница Новокелецкой школы Тетеркина у граждан дер. Гуменки Старокелецкого сельсовета так построила беседу по приговору над Московским центром, что ребята стали говорить, что “Зиновьев и прочие тоже вожди рабочего класса”»⁵.

Материалы Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., свидетельствуют о том, что проблемы в колхозном строительстве в Новых Кельцах и близлежащих селениях не исчезали и в предвоенное время. По составленному участниками экспедиции обзору выполнения плана народного хо-

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 25 об.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 120.

⁴ ГАРО. Ф. 1437, оп. 1, д. 88, л. 160.

⁵ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 24 об.

зяйства Скопинского района за 1938 г. видно, что по отдельным колхозам («Победа» – село Победное, «Верда» – Чулковские выселки, им. В.И. Ленина – Новый Келец) значительная часть яровых культур оказалась неубранной. Особенно затянулся обмолот хлебов, который производился по большинству колхозов до глубокой зимы, а по колхозам им. ОГПУ, им. В.И. Ленина не был закончен и до момента составления документа (весна 1939 г.). В связи с этим колхозы имели массовые потери зерна и низкий сбор урожая. Средний сбор зерновых по району составил 5,69 ц, картофеля – 16 ц, овощей – 31,9 ц. Средняя выдача на 1 трудодень составила 1,47 кг зерновых, 0,025 кг картофеля и 28 копеек деньгами. Отдельные колхозы не только не имели возможности производить выдачу на трудодень, но и не обеспечили себя полностью семенами, не расплатились с государством и натурой с МТС, не обеспечили себя полностью фуражом для содержания обобщественного скота. В колхозах с хорошей организацией труда урожай по всем зерновым за тот же период составил от 8,9 до 12,4 ц, картофеля – от 48,7 до 70,8 ц и выдача на 1 трудодень составила от 5 до 4,6 кг зерна и от 50 до 96 копеек деньгами. К числу лучших хозяйств относились колхозы им. 1 Мая (поселок Верстаковка), «3-й решающий» (деревня Гуменки), «7-й съезд Советов» и «Горняк»¹.

В конце 1937 г. в Новокелецком сельсовете, состоявшем из одного села, было 550 дворов. Сельсовет был коллективизирован на 93,3 %. Его посевные площади составляли 1814,3 га, из которых на колхоз им. В.И. Ленина приходилось 1680,5 га, на единоличников – 9,47 га. Под озимые было отведено 524,2 га, под яровые – 736,4 га, под технические культуры – 3,9 га, под кормовые – 285,8 га. На огородно-бахчевые культуры приходилось 37,5 га, из которых к личным хозяйствам колхозников относились 36,1 га, единоличников – 0,01 га. Под картофелем в колхозном секторе было 226,5 га, в том числе у колхозников – 104,5 га, а у единоличников – 8,75 га. Общая площадь садов на территории Новокелецкого сельсовета составляла 23,4 га, из них на колхоз приходился 21 га. В колхозе им. В.И. Ленина было 149 рабочих лошадей, у единоличников – 1, крупного рогатого скота в колхозе – 64 головы, у колхозников 277, у единоличников 16. В колхозе было 115 свиней, у колхозников – 130, у единоличников – 4. Овец в колхозе насчитывалось 2, у колхозников – 175, у единоличников – 17. В селе также действовали неполная средняя школа с 489 учащимися, сезонные ясли-сад на 35 детей и торговая точка².

К концу 1938 г. в Новом Кельце было уже 556 дворов. За 1938 г. в колхоз вступили 3 двора, вышли из него 28. Всего в местном колхозе им. В.И. Ленина состояло 489 дворов, в которых проживали 2805 человек. 382 жителя села находились вне колхоза. Каждый из 720 трудоспособных колхозников за год в среднем выработал 89 трудодней. После распределения 19,2 % каждый трудодень конвертировался в 880 граммов зерна и 10 копеек деньгами. Общая уборочная площадь колхоза составила 1396 га. Средний урожай зерновых и бобовых составлял ок. 4,9 ц с га³. В колхозе держали 178 лошадей и 40 жеребят, 64 коровы и 32 теленка, 30 свиней и 343 поросенка, 2 овца. В 1938 г. пали 1 жеребенок, 4 теленка и 11 поросят. В хозяйства колхозников по льготным ценам было продано 280 поросят⁴.

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6. д. 91, тетрадь №1 лл.7 об, 10 об., 53, 55 об.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6. д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6. д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6. д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

18 ноября 1938 г. в селе Новые Кельцы родился Алексей Сергеевич Труфилов (1938–2005) – поэт, журналист, литератор, член Союза писателей СССР и России. В 1956 г. он окончил Скопинский горный техникум, после службы в Советской армии работал бетонщиком и монтажником в различных регионах СССР, одновременно сотрудничал с районными газетами, был участником всесоюзных молодежныхстроек. В 1969 г. А.С. Труфилов заочно окончил Литературный институт им. М. Горького, в 1979 г. стал членом Союза писателей СССР, в 1991 г. – членом Союза писателей России. Он регулярно публиковался в центральной и местной печати, в журналах «Смена», «Огонек», «Молодая гвардия», газетах «Комсомольская правда», «Литературная Россия».

Свои первые стихи Алексей Труфилов написал в 11 лет. Произведения юного поэта были напечатаны в скопинской районной газете и получили высокую оценку земляков. Основные темы его произведений – гражданственность, социальная справедливость, патриотизм, сопричастность к судьбе Родины, внимание к человеку-труженику. А.С. Труфилов постоянно проживал в г.Собинка, работал в редакции местной газеты, на городском радио. Избирался депутатом Собинского городского Совета народных депутатов и депутатом Законодательного собрания Владимирской области. Активно выступал за экологическую безопасность региона, поддерживал сельские библиотеки и дома культуры, оказывал помощь молодым писателям и поэтам.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в селе Новый Келец, центре Новокелецкого сельсовета, насчитывалось 650 строений. Село заметно расширилось в восточном направлении: его улица, проходившая параллельно р. Старый Келец, была продолжена и застроена вплоть до бывшего ручья Вонючка, который на этих картах имеет название «ручей Старая Гать».

Мирное развитие села было прервано начавшейся в 1941 г. Великой Отечественной войной. В ноябре-декабре 1941 г. село Новый Келец на несколько недель оказалось за линией фронта и даже стало местом ведения боевых действий. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 23 ноября нацисты вошли в Горлово, 25 ноября – в Скопин, а к 26 ноября вышли на рубежи Мордвес – Себрянские Пруды – Михайлов – Павелец – Чернава.

26 ноября 1941 г. в захваченном Скопине немцы искали скрывшихся бойцов истребительного отряда, несколько часов не дававших им вступить в город. Оккупантами был схвачен и расстрелян комбайнер Скопинской МТС Петр Петрович Терешин (1914–1941), уроженец села Новые Кельцы, заподозренный в связях с партизанами.

28 ноября 1941 г. Скопин и еще три населенных пункта были освобождены от оккупантов решительным ударом батальона 84-й отдельной стрелковой бригады¹. Накануне советская Ставка Верховного главнокомандования приняла безотлагательные меры по выдвиганию в полосу прорыва соединений 61-й резервной армии под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова. Первый эшелон с ее частями прибыл в Рязск в 10.00 29 ноября 1941 г. Армия сосредотачивалась на рубеже Кораблино – Чирково – Зезюлино – Татищево – Зыково – Черное – Чичерин. Часть сил готовилась совершить марш

---

¹ Бригада формировалась Чердаклинским РВК ПривВО с 26 октября по 13 ноября 1941 г. по штату отдельной стрелковой бригады. Приказом НКО № 0512 от 27 декабря 1941 г. она получила наименование 84-й морской стрелковой бригады. См. ЦАМО. Ф. 1891, оп.1, д. 1, л. 1.

двумя дивизиями в районы Лебедяни и Липецка¹. В первой же разведсводке, подготовленной к 19.00 2 декабря 1941 г. оперативной группой штаба 346-й стрелковой дивизии, разместившейся в управлении военного коменданта станции Рязьск и возглавлявшейся капитаном Дьячковым, докладывалось, что в 12.30 2 декабря 1941 г. разведкой, высланной от ПО №1 (передового отряда), обороняющего Скопин, было установлено, что «в роще, 600 м западнее Новый Келец, сосредотачивается до 500 человек пехоты противника, мотоциклы, автомашины неустановленной численности. В 15.00 3 декабря 1941 г в Секирино обнаружено скопление до 40 человек пехоты противника. Разведка продолжается в направлениях Павелец, Новые Кельцы, Секирино»². Начальник 2-го отделения штаба 346-й стрелковой дивизии капитан Беловодов в приказе по разведке от 6 декабря 1941 г. отмечал: «В течение 3, 4 и 5 декабря 1941 г. разведка противника неустановленной численности отмечалась в пунктах: Новый Келец, Пупки, Секирино, Павелец, Павелецкий. В районе Горлово, Липяги, Бугровка, Чернава – скопление пехоты неустановленной численности. На восточной окраине Кремлево противником роются окопы. Ставилась задача вести разведку полкам. Впереди действовала разведрота дивизии по маршруту Скопин – Стрелецкая дубрава – Павелец – ст. Кремлево – Горлово».

Разведдонесение штаба 346-й стрелковой дивизии от 6 декабря 1941 г. сообщало: «4–5 декабря по показаниям возвращающихся пленных: на станции Павелец, Новые Кельцы немцы собирают теплые вещи, кур, свиней. В 14.00 по сведениям наших солдат, сумевших освободиться из плена и пробравшихся в тыл, «в [Новом] Кельце 1 машина и 5 человек пеших немцев»³. Вечером 5 декабря разведчики от полков вступили в столкновение с противником в районе сел Новые Кельцы и Пупки⁴. К 18.00 5 декабря «разведывательное подразделение дивизии встретило мелкие группы противника на рубеже Новые Кельцы–Пупки. В результате перестрелки противник отошел на запад, оставив кровавые пятна на снегу»⁵. «К 19.00 7 декабря 1-й батальон 1164-го стрелкового полка достиг Пупки и вел разведку на Новый Келец. К утру 8 декабря ПО в составе 1-го стрелкового батальона 1164-го стрелкового полка с 6-й батареей достиг Новый Келец и установил разведкой, что в 4.00 7 декабря 1941 г. станция Павелец немцами оставлена»⁶. Контрнаступление советских войск в битве под Москвой было продолжено и привело к полному освобождению от врага занятых им районов Рязанской области.

В 1942 г. Скопинский район с целью скорейшего восстановления подорванного войной хозяйства вновь был передан в административное подчинение Московской области. В Рязанскую он вернулся только в 1946 г. В суровые военные годы колхозники и колхозницы села, как и все труженики Скопинского района, стремились помочь Красной армии всем, чем только могли. Летом 1942 г. районная газета «Сталинец» сообщала своим читателям об ударной работе жителей Нового Кельца. Так, на косовице в колхозе им. В.И. Ленина «Дьячкова Анна Михайловна, Картюшина Анастасия Ивановна выполняли полторы нормы. Алексей Степанович Ермаков и Кондрашин Василий выпаживали при норме 1,2 га, по 1,5 га»⁷.

¹ ЦАМО. Ф. 418, оп. 10695, д. 4, л. 3.

² ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 1.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 23.

⁷ Сталинец, №61 (6 августа 1942).

Но самый главный вклад в Победу, разумеется, вносили на фронте. Уроженец села Новые Кельцы Иван Иванович Харитонов (1910–?) воевал с 1942 г. сначала на Карельском, затем на 2-м и 3-м Украинском фронтах. В июле 1944 г. гвардии старший сержант Харитонов, командир 76-мм орудия 2-й батареи 243-го гвардейского артиллерийского полка 100-й гвардейской Свирской стрелковой дивизии заслужил свою первую медаль «За отвагу» за то, что «21 июня 1944 г. в боях за форсирование реки Свирь под сильным минометно-орудийным огнем противника трижды исправлял порывы линии телефонной связи наблюдательного пункта командира батареи с огневой позицией, чем обеспечил выполнение батареией поставленной боевой задачи»¹. Второй медали «За отвагу» артиллерист из Новых Кельцов был удостоен после того, как «в бою 6 апреля 1945 г. при поддержке наступления на населенный пункт Бидерманнсдорф (Австрия) меткими выстрелами из орудия его расчет уничтожил два полевых орудия и подавил три пулеметные точки противника, чем помог наступающему подразделению быстро продвинуться вперед до назначенного рубежа»². Последний раз в ходе Великой Отечественной войны гвардии старший сержант Харитонов отличился 11 апреля 1945 г. при штурме австрийской столицы. «Переправившись через канал в г. Вены первым из взвода с орудием под снайперским огнем противника, [тов. Харитонов] обнаружил на противоположном берегу канала пять огневых точек противника, открыл огонь из своего орудия по ним. Враг начал крепко обстреливать орудие, тогда Харитонов приказал расчету подавать только побыстрее снаряды, а сам сел за панораму. Не прошло и пяти минут, как все 5 огневых точек молчали – были подавлены. Этим самым [он] дал возможность пехоте без потерь продвигаться вперед»³. За участие в штурме Вены И.И. Харитонов был награжден орденом Славы 3-й степени.

С 1943 г. новокельцкий колхоз был разделен на три хозяйства: колхозы им. В.И. Ленина, им. М.И. Кутузова и им. Богдана Хмельницкого⁴. И в военные, и в послевоенные годы местным колхозникам приходилось трудиться в условиях острого дефицита рабочего скота и сельхозтехники. Например, в 1949 г. в колхозе им. М.И. Кутузова на бороновании озимых смогли задействовать лишь 4 лошадей. «Для того, чтобы ускорить эту работу, труженики артели решили бороновать поля вручную, выходили по 45–50 человек»⁵.

В 1950 г. три новокельцких колхоза вновь объединились в колхоз им. В.И. Ленина. К этому времени подорванная войной сельская жизнь начала постепенно налаживаться. В селе закончили строительство свинарника на 100 голов, большого телятника, строили коровник на 30 голов, капитально отремонтировали свинарник на 60 голов. Под огородные культуры отвели 35 га, колхозный сад расширили до 50 га, обновив его 800 саженцами яблонь, также посадили 2 га ягодников⁶.

До сколько-нибудь обустроенной жизни Новым Кельцам было еще очень далеко. В селе не было ни электричества, ни радио. Единственный магазин находился в запущенном состоянии, в нем давным-давно надо было делать ремонт. Но, несмотря на неустроенность, жители села тянулись к прекрасному. До 1952 г. в Новых Кельцах существовал народный хор под руководством И.М. Маркина. Он пользовался популярностью. Созданная в этом коллективе в 1936 г. песня «Колхозница Пелагея» вошла в репертуар Государственного русского народного

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 5130, л. 14.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 690306, д. 3092, лл. 42 об – 43.

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690306, д. 1118, л. 350.

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 38, л. 2.

⁵ Сталинец, № 48 (22 апреля 1949).

⁶ Сталинец, № 107 (10 сентября 1950).

хора им. М.Е. Пятницкого. В 1956 г. в Новых Кельцах был открыт сельский клуб на 250 мест, построенный на средства колхозников¹. Годом ранее в село наконец-то провели радио, чем закончили радиофикацию Скопинского района.

В 1960 г. Новокелецкий сельсовет был упразднен. Село вошло в состав Лопатинского сельсовета. В 1960-х гг. его население начало реально ощущать улучшения условий жизни, внимание к своему тяжелому труду и заботу со стороны властей. Простая доярка В. Сидорина писала в 1963 г. в районную газету «Ленинское знамя»: «Работаю я дояркой в колхозе имени Ленина. Это в селе Новые Кельцы Скопинского района. Вместе с Анной Улитиной и Верой Аннушкиной доим коров на “елочке”. И решили мы так трудиться в новом году, чтобы ферма наша стала одной из лучших в районе. Интересно теперь жить и работать на селе. А как машины облегчили труд полеводов и животноводов! В прошлом году мы втроем обслуживали на “елочке” 120 коров и надоили 2300 центнеров молока. Каждый центнер его обошелся в 8 руб. 24 коп. Почти в два раза ниже государственной закупочной цены. Стали к нам приезжать за опытом животноводы других хозяйств. Пожалуйста, говорим, секретов у нас нет. Смотрите, учитесь, чтобы вместе нам быстрее наполнить чашу коммунистического изобилия. Много лет живу в своем родном селе, знаю наших людей, вижу, как многие с душой работают и на фермах и в поле, как достаток приходит в семьи тех, кто дорожит честью хлебороба и любит свою профессию. Анна Улитина – доярка немолодая, ей идет шестой десяток, а с фермы уходит не собирается. Радует, что на фермы приходит такая молодежь, как комсомолка Мария Кондрушина. Труд на ферме стал намного легче. Работаем теперь по 7–8 часов в сутки. За неделю теперь каждая из нас получает выходной. Все мы побывали в отпуске. Да и на заработки не обижаемся: по 60 рублей в месяц получаем. Посоветовались работники фермы с председателем правления Николаем Филипповичем Ромашиным – скажу прямо, большой души человек, во все дела вникающий хозяин и решили мы в новом году надоить от каждой коровы по 2600 кг молока... Уже сейчас у каждой из нас много свободного времени, но все оно уходит на домашние дела. И можно себе представить, как заживут люди, когда в селе выстроят общественную баню, прачечную, детский сад и ясли»². В этом же году жители Новых Кельцов Мурзина, Шмонова, Сафонов писали: «Просторно, чисто и уютно в Ново-Келецком сельмаге. Здесь во всем чувствуется хозяйская забота. В магазине круглый год в продаже товары повседневного спроса. За прилавком супруги Гордсевы. Они вежливы с покупателями, всегда готовы удовлетворять их запросы»³

В 1971 г. Новокелецкий сельсовет был восстановлен⁴. Интересно отметить, что здание Новокелецкой земской школы начала XX в. использовалось для размещения местной средней общеобразовательной школы вплоть до 1970-х гг. Позднее было возведено новое школьное здание.

«В 1980-е гг. в селе 455 жителей, общеобразовательная школа, магазин, медпункт, ДК, которые работали и в 2001 г., центральная усадьба колхоза им. В.И. Ленина, который занимался животноводством, выращиванием зерновых культур, сахарной свеклы. В декабре 1992 г. реорганизован в АОЗТ «им. В.И. Ленина». В 1996 г. при реорганизации хозяйства был образован СПК «Борец», где работали 53 жителя»⁵.

¹ Сальников А. Новые Кельцы // Ленинское знамя, № 94 (7 августа 1990).

² Ленинское знамя, №2 (4 января 1963).

³ Ленинское знамя, №43 (26 марта 1963).

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 127, л. 2.

⁵ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. Рязань, 2006. С. 258.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Новые Кельцы было включено в Корневское сельское поселение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в нем в это время постоянно проживали 268 человек – 123 мужчины и 145 женщин.

В 2015 г. в Новых Кельцах работало ООО «Зерновое аграрное объединение “Ленино”» (генеральный директор – Татьяна Николаевна Фетисова), занимающееся растениеводством, администрация, дом культуры, сельская библиотека, медпункт, магазин¹. Ни в 1990-е, ни в 2000-е гг. не удалось восстановить храм во имя Св. Георгия Победоносца в Новых Кельцах. Его здание, хотя и считается объектом культурного наследия Российской Федерации, остается заброшенным – разрушен один ярус колокольни, провалилась крыша (хотя своды здания целы), полностью сгнили полы. Несмотря на это, в селе предпринимаются попытки возрождения церковной жизни.

---

¹ По материалам Скопинской районной библиотеки.

НЮХОВЕЦ

село

(сельское поселение Горловское)

Первое упоминание о селе Нюховец относится к середине XVII в. «Лета 7176 (1667) июля 28 дня» царь Алексей Михайлович грамотой из Поместного приказа повелел «...списанскому писцу Андрею Акинфову, дьяку Григорию Богданову в Рязанском уезде в Моржевском стане пустошь Нюховец, что ныне деревня, съездить, описать, измерить и межевать, и на дачи помещикам и вотчинникам отмерить...». Согласно грамоте, тогда было отмерено «резанцам Матвею Максиму сыну, Григорию Степанову сыну, Василью Лаврентьеву сыну, Кузьме Григорьеву сыну, Борису да Прокофью Федоровым детям Сазоновым ш[ес]ти человек. Матвею да Григорию да Василью по сту четь человеку. Кузьме да Борису да Прокофью по пятьдесят четь человеку. Итого на их дачи два жеребья с четвертью деревни Нюховца на речке на Нюховце, а в ней на них два жеребья сорок пять мест дворовой крестьянской пашни пахано шездесят чети перелогом и дикого поля и лесом поросло доброй земли триста девяносто чети. Всего пашни паханной и перелогом, и дикого поля, и лесом поросло доброй земли чтыреста пятьдесят чети в поле, а в дву по тому ж. Сена по лоскам и дубравам и по реке Волшутке деветь сот копен, лесу дубавна сто десять вопче с вотченики той деревни Нюховца. Да в той же деревни Нюховце отмерено на вотчины дачу Семену Милославскому да Федору Матюшкину усадьбы на речке на Нюховце, а в ней на их жеребье двадцеть мест дворовых крестьянских, пашни паханы сто чети перелогом, и дикого поля, и лесом поросло сто ж чети. Всего пашни паханы и перелогом, и лесом поросло добрые земли двести чети, а в поле в дву по тому ж, сена по реке по Керде и по реке Волшутке, по Ржавцу чтыреста копен, лес дубавный вопче с помещиком с Матвеем Сазоновым с товарищи»¹.

Свое название пустошь и деревня получили, видимо, от протекающего в окрестностях ручья. Любопытно, что сходное название встречается в исторических свидетельствах 1480 г. об отступлении войск царевича Муртазы, сына ордынского хана Ахмата, после знаменитого стояния на реке Угре: «Московские земли нимало не занял, разве, прочь идучи, проходил царев сын Амуртоза на Конин да на Нюхово», две волости при городе Алексине². При этом интересно отметить, что до XVII в. в русском словоупотреблении не было глагола «нюхать» (во всяком случае, в письменных источниках до этого времени он ни разу не встречается). Видимо, это понятие выражалось глаголом «чуютъ» или каким-либо еще. Исходными для названия рек, пустошей и селений могли быть глаголы «нюкати» – побуждать – и «нюкнути» – крикнуть, побудить. Представление об их употреблении дает, например, Рогожская летопись, описывающая встречу русских и татарских войск у реки Вожи: «Не по мнозех же днех, таторове пересхаша на сю сторону и ударица в кони свои и скочища вборзе, и нюкнуше гласы своими, и поидоша на грунах и тъкнуша на наших». Или описание действий засадного полка: «И нюкнув князь великий Владимир Андръевич гораздо и скакаше на рати полцех поганых

¹ РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, д. 13389, лл. 525–527.

² *Скрябинников Р.Г.* Святители и власти. Л.: Лениздат, 1990. С. 105.

татарских...»¹ Точными данными авторы не располагают, но можно предположить, что гидронимика окрестностей Нюховца связана с какими-то аналогичными военными событиями прошлых веков.

С 1676 г. в селе Нюховец упоминается Никольская церковь. О ней И.В. Добролюбов сообщает: «Николаевская церковь в селе Нюховец или Нюхонце, принадлежавшем к Моржовскому стану, упоминается в окладных книгах 1676 г., где при ней церковной земли значится 9 четвертей, сенных покосов на 50 копен, в приходе 52 двора, в том числе 4 двора боярских...»² Из священников этого храма, служивших в XVII в., известны Иларион (упоминался в 1676 г., умер в 1687 г.), Иоанн Кондратов (с 1687 г.), Иоанн Иларионов (с 1689 г.) и Иоанн Афанасьев (с 1697 г.)³.

По переписным книгам 1678 г. за московским дворянином Михайлом Прокофьевым сыном Сазоновым в селе Нюховец числились 4 двора крестьянских и бобьльских; за Федором Григорьевым сыном Сазоновым 6 дворов, «ис того числа подаче за Михеем Федоровым сыном Сазоновым три двора <...>, а востальные три двора за Иваном Осиповым сыном Сазоновым»; за резанцем Прохором Васильевым сыном Сазоновым 9 дворов; за рязанцами Алексеем и Данилой Козмиными детьми Сазоновыми 5 дворов; за Дмитрием Григорьевым сыном Казначеевым 5 дворов; за Михеем и за Федором Матвеевыми детьми Сазоновыми 8 дворов, «ис того числа по даче за Акимом Ивановым сыном Фомина 2 двора»; за Яковом, Михайлой и Федором Матвеевыми детьми Сазанова 2 двора; за Борисом Федоровым сыном Сазоновым 6 дворов; за стольником Петром Андреевым сыном Дуловым 5 дворов»⁴.

Позднейшие приписки к переписной книге 1678 г. свидетельствуют о безотрадных крепостных реалиях петровской эпохи, когда проводившиеся царем масштабные реформы в сочетании с активной военной политикой легли тяжелым бременем на плечи крестьянства. «По свидетельствам и по скаскам сторонних людей» крепостные крестьяне у каждого из помещиков подавались «в бега» целыми семьями, вымирали от эпидемических заболеваний так, что целые дворы «за пустотою оставались». Крестьян из Нюховца часто переводили в другие селения помещиков Сазоновых в Переяславском, Михайловском, Шацком, Пронском и Рязском уездах. На их место переводили других из Пронского уезда.

По переписной книге 1716 г. Кобьльского и Моржовского станов Михайловского уезда в селе стояла «деревянная во имя Чудотворца Николая» церковь, при которой, кроме попа, обозначены четыре души женского пола. В селе также находился «двор помещиков Михайла Прокофьева сына Сазанова, за ним обоих полов 5 душ, за Михеем Федоровым сыном Сазоновым в селе Нюховец один двор, в нем людей <...> обоих полов 5 человек, за Иваном Осиповым сыном Сазоновым числился один двор, в нем людей обоего пола 9 человек, двор помещиков стольника Дмитрия Григорьева сына Казначеева, а в нем людей обоего пола 25 человек, двор помещиков Акима Иванова сына Фомина, в нем людей обоего пола 28 человек, двор помещиков Фадея Федорова сына Сазанова, в нем людей обоего пола 2 человека, двор помещиков Василья Дементьева сына Сазанова, людей в нем обоего пола 13 человек, двор помещиков Дмитрия Алексева сына Сазанова, людей в нем обоего пола 20 человек»⁵.

¹ Словарь русского языка XV–XVII в.в., вып.11. М.: Наука, 1986. С.448, 453.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, со списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями. Т. I. Зарайск: тип. А.Н. Титовой, 1884. С. 319.

³ Там же.

⁴ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч.2 д. 421, лл. 56–59.

⁵ РГАДА. Ф. 350, оп. 1, д. 242, лл. 56–59 об.

Переписная книга Михайловского уезда 1748 г. сообщает: «...Село Нюховец, церковь Николая Чудотворца с приходским попом Семеоном Дмитриевым сыном с приходскими людьми...» Село находилось во владении нескольких помещиков. Местные крепостные крестьяне были записаны за «отставным драгуном Дмитрием Алексеевым сыном Сазоновым; драгунами Елисеем и Казьюмою Михайловыми детьми Сазоновыми; коллежским ассессором Иваном Ивановым сыном Гагиным; девицей Авдотьей Акимовой дочерью Фоминой; вахмистром Яковом Никитиным сыном Сафоновым; Марьей Ивановой дочерью Ипатьевской женой Семенова сына Яковлева; майором Васильем Дементьевым сыном Сазоновым; майором Иваном Осиповым сыном Сазоновым; князем Алексеем Васильевичем Дуловым». По сравнению с предыдущей ревизией ранее написанных, но не положенных в оклад, отданных в рекруты, находившихся в бегах и переведенных в другие вотчины в Пронский, Михайловский, Рязский и Переяславский уезды крестьян насчитывалось 128 душ¹.

В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Михайловского уезда, составленных в 1772 г., село Нюховец описано как владение «Михайлы Львовича Измайлова; Федора, Петра Прокопьевых, Ивана Никонова, Василия Иванова детей Сазоновых; Матрены Степановой дочери Гагиной, Марфы Никитиной дочери Алтуфьевой; князя Алексея Васильева сына Дулова; Ивана Алексеева сына Лихарева; Марфы Акинтьевой Полубояриновой». При Нюховце также был участок «вырезанной церковной земли». Село лежало «на правой стороне речки Нюховец и по обе стороны безымянного истока, на нем пруд. Церковь Николая Чудотворца, дом господский деревянный. Церковная земля на суходоле, земля чернозем. Хлеб родится хорош, покосы средствены. Лес дровяной. Крестьяне на пашне». В селе было 30 крестьянских дворов, в которых проживали 133 души мужского пола и 124 женского пола. Господская усадьба и крестьянские дворы занимали площадь 26 десятин 1196 сажений (28,9 га). Крестьяне обрабатывали 1212 десятин 1029 сажений (1324,6 га) пашни. При селе также были 123 десятины 2229 сажений (135 га) сенных покосов и леса 35 десятин 1713 сажений (39 га) леса. 73 десятины 483 сажени (79,9га) земли были признаны «неудобиями»².

Упомянутый в документе генерал-поручик М.Л. Измайлов (1734–1797), кавалер орденов Св. Александра Невского и Св. Анны, один из участников дворцового переворота 1762 г., был одним из совладельцев огромной вотчины дворян Измайловых с центром в селе Хитровщина Елифанского уезда. Фамилии помещиков Гагиных, Лихаревых и Полубояриновых часто встречаются на различных должностях уездной и рязанской губернской администрации.

В 1797 г. «в Михайловском уезде волнение крестьян было в вотчине подпоручика И.Н. Сазонова в селе Нюховец. Об этом волнении мы узнаем только из прошения крестьян и из их «объяснения» на него, представленного Сазоновым генерал-прокурору. Крестьяне в своей жалобе обвиняют помещика в пьянстве, в насилии над женщинами, в разграблении имущества крестьян: например, у подавшего прошение Иванова отнял двух лошадей и 39 колодок пчел. В своем ответе Сазонов отрицает справедливость этих обвинений, объясняя жалобу на него Иванова желанием избавиться от помещичьей власти»³.

¹ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 1, д. 1784, л. 11.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1220, лл. 39 об – 40.

³ *Трифильев Е.П.* Очерки из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла Первого. Харьков: Тип. «Печатное дело» кн. К.Н. Гагарина, 1904. С. 229.

В XVIII–XIX вв. в Никольской церкви села Нюховец служили следующие священники: Симеон Дмитриев (1708–1748 г.), Михаил Симеонов (с 1748 г.), Иоанн Васильев (упоминается в 1800 г.), Петр Михайлов (с 1804 г.), Косма Николаев (с 1806 г.), Симеон Парфенов Весельчаков (в 1836–1849 г.), Алексей Чельцов (в 1849–1871 г.)¹.

Согласно плану специального межевания дачи села Нюховец Михайловского уезда Рязанской губернии от 5 (17) февраля 1842 г. его помещиками в это время были губернский секретарь Владимир Федорович Рахманин, за которым были записаны 54 души мужского пола и 265 десятин (288,5 га) земли, Московского университета кандидат Николай Иванович Сазонов, за которым числились 109 душ мужского пола и более 866 десятин (946 га), и генерал-майор Федор Васильевич Сазонов, владевший 35 душами мужского пола и более 148 десятинами (161 га). Земельные дачи к селению имели также полковник граф Александр Дмитриевич Толстой и дворянка девица Вера Александровна Тарасова².

Генерал-майор Ф.В. Сазонов (1780 – после 1839) был ветераном наполеоновских войн. Он родился в семье надворного советника В.И. Сазонова, владельца вотчины в Рязанской губернии, которой царь Алексей Михайлович пожаловал его предка Бориса Федоровича Сазонова. После нескольких лет пажеской службы при дворе Ф.В. Сазонов начал военную карьеру в чине поручика Лейб-гвардии Егерского батальона, которым в то время командовал генерал-майор князь П.И. Багратион. В 1803 г. поручик Сазонов стал батальонным адъютантом. В 1805 г. он принимал участие в сражении при Аустерлице, был ранен в ногу и попал в плен к французам. Позднее за проявленные мужество и стойкость в бою он был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». В 1806–1807 гг. штабс-капитан Сазонов воевал с французами в Пруссии, но после контузии в сражении при Гуттштадте вернулся в Санкт-Петербург, получив по итогам кампании орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. В ходе Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. полковник Сазонов командовал 11-м егерским полком, был комендантом крепости Браилов. В Отечественной войне 1812 г. он блестяще проявил себя во главе полка в сражении при Островно, за что был удостоен ордена Св. Анны 2-й степени, в обороне Смоленска, в Бородинской битве, за которую был награжден золотым оружием «За храбрость» (в сражении он был ранен). За взятие крепости Модлин в 1813 г., в ходе Заграничного похода Русской армии, Ф.В. Сазонов был пожалован алмазными знаками к ордену Св. Анны 2-й степени и в 1814 г. произведен в генерал-майоры. В 1816 г. заслуженный военный вышел в отставку «с мундиром и полной пенсией».

Другой упомянутый в документе помещик Николай Иванович Сазонов (1815–1862) также был личностью примечательной. В 1830–1834 гг. он учился на физико-математическом факультете Императорского Московского университета. Учившийся с ним в те же годы будущей идеолог славянофильства К.С. Аксаков в своих «Воспоминаниях студенчества» отмечал, что Сазонов считался первым по успехам и слыл за человека очень умного, многосторонне образованного и чрезвычайно начитанного. Он свободно владел четырьмя языками, прекрасно знал иностранную литературу и всеобщую историю, отличался некоторым фразерством, любил эфффекты и умел придавать себе вес в глазах других. В университете Н.И. Сазонов входил в либеральный кружок А.И. Герцена и Н.П. Огарева и не был арестован вместе с ними лишь по недостатку улик. В начале 1840-х гг. Н.И. Сазонов отправился в эмиграцию. Он жил большей частью в Париже, занимался публицистикой, был членом редакции газеты «Народная трибуна» польского поэта А. Мицкевича, сотрудничал

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 1. С. 319.

² РГАДА. Ф. 1354, оп. 405, л. 39.

с газетой «Голос народа» Ж. Прудона. Сблизившись с социалистами-утопистами, в 1848 г. Н.И. Сазонов принимал активное участие в свержении «июльской монархии» во Франции и установлении Второй республики. На требование русского правительства возвратиться на родину он ответил отказом, поэтому по «высочайше утвержденному 14 (26) декабря 1850 г. мнению Государственного совета» и согласно приговору Сената был лишен прав состояния и признан навсегда изгнанным из отечества. Его имущества были конфискованы. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. Н.И. Сазонов анонимно издал в Париже политический памфлет «Правда об императоре Николае» и брошюру «Родной голос на чужбине», обращенную к русским военнопленным во Франции, в которой выдвигал требования свержения самодержавия, отмены крепостного права и предоставления независимости Польше. В последующие годы переписывался с К. Марксом, испытал определенное влияние его идей, но остался на позициях утопического социализма. В 1856–1857 гг. Н.И. Сазонов публиковал критические и политико-экономические статьи в русских изданиях «Отечественные записки» и «Петербургские ведомости» (всегда под псевдонимами). В 1858 г. он обратился к императору Александру II с прошением о помиловании и разрешении вернуться в Россию. Обращение Н.И. Сазонова было удовлетворено, но по пути на родину (в Женеве) он скончался.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в это время в Нюховце насчитывалось 30 крестьянских дворов. Село представляло собой единственную улицу, протянувшуюся с запада на восток, в центре которой на небольшой округлой площади стояла деревянная Никольская церковь. К северу от строений стояла ветряная мельница, близ которой располагалось кладбище, а за ним начинался участок церковной земли.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в Нюховце за помещиком Сазоновым¹ числились 30 душ мужского пола и 31 женского, за помещицей Полуденской – 133 души мужского пола и 109 женского². В 4 верстах от села в Лужковской волости Михайловского уезда находились Нюховецкие выселки – поселение, где в 1858 г. проживали 113 крестьянских душ помещика Рахманина, выселенных в 1-й половины XIX в. из Нюховца³.

По сведениям 1859 г., в «Нюховцах, деревне владельческой при прудах», лежавшей в 33 верстах от уездного города, насчитывалось 50 дворов и проживали 259 мужчин и 262 женщины⁴.

Подробности освобождения нюховецких крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. неизвестны. В ходе реформы село было включено в Лужковскую волость Михайловского уезда Рязанской губернии. Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Нюховце, «бывшем селе владельческом», насчитывался 51 двор и 398 жителей. В селе действовала «церковь православная»⁵. В 1866–

¹ Имеется в виду отставной штабс-капитан Лейб-гвардии Егерского полка Дмитрий Федорович Сазонов (1825 – после 1860), отец дипломата Сергея Дмитриевича Сазонова (1860–1927), министра иностранных дел Российской империи в 1910–1916 гг.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии, Т.4. Москва: Ряз. губ. земство, 1886. С. 106.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 4. Москва: Ряз. губ. земство, 1886. С. 107–113.

⁴ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 74.

⁵ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 320.

1879 г. церковным старостой нюховецкого Никольского храма служил «крестьянин госпожи Полуденской Петр Федоров Хомутов».

В пореформенные годы жители Нюховца были разделены на два сельских общества – крестьян б. Полуденской и б. Сазонова. По описанию 2-й половины XIX в. село «расположено частью на косогоре, частью на плоском возвышении у ручья. От г. Михайлова в [...] верстах. В селе имеется школа. Из не приписанных к обществу крестьян – в Нюховце проживают две семьи священнослужителей, которые состоят из 2 мужчин и 2 женщин.

Община крестьян, бывших г. Полуденской.

Землевладение общинное. Земля разделена по числу ревизских душ. Общих переделов не было. Надел находится в чересполосице с землями других владельцев и состоит из двух отдельных участков. Фигура надельной земли представляет продолговатый треугольник, в углу которого расположен поселок. Дальние полосы отстоят от усадеб на 4 версты. Пашня разделена на 18 участков. Душевые полосы имеют в ширину от 2,5 до 5, а в длину от 60 до 80 сажень. Земля очень порядочна. Почва черноземная, а частью суглинистая. Пашни ровные и удобные. Луга суходольные. По документам их значится 30 десятин. Выгон возвышенный, хотя и ровный. Есть мелкий лесок. В один надельный участок прогоны удобны, а в другой, чересполосный, прогонов нет; 25 домохозяев из 59 снимают в аренду 62 десятины пахотной земли, платя за десятину от 10 до 16, чаще 13–14 рублей. Кроме того две десятины арендуются исполу. Душевые наделы сдаются различно: за подати с приплатою от 1 рубля 50 копеек до 2 рублей верхов, а также за плату 10 руб. Обработка одного душевого надела посредством найма обходится в 10–12 рублей. В общине есть пруд и 4 колодца, вода в колодцах солонцеватая, хотя и постоянная. Топят соломой. Сбыт хлеба производится большею частью на станции Клекотках, иногда в г. Скопине. Местные промыслы исключительно земледельческие, 24 лица имеют подесятинные заработки у купчих Овчинниковой и Леоновой, получая за обработку и уборку одной пары хлеба 12 рублей. Всего под заработками 39,5 десятины ржи и 37,5 десятины овса на сумму 462 рубля. Кроме того 19 человек живут в работниках, один служит прикащиком в роще, один сельский писарь, один пастух и две работницы. Отхожими промыслами занимаются 22 мужчины и 16 женщин. Большинство мужчин, человек 17, отходят в степи за гуртами, а большинство женщин, 9 человек, работают на торфяниках в Московской губернии. Остальные при разных занятиях. В общине есть одна ветряная мельница. В 1870 г. истреблено пожаром 28 дворов и 25 риг с хлебом, а в 1878 г. 4 двора и 3 гумна с хлебом. Школа – в квартире местного священника, который и занимается обучением детей в течение 6 месяцев. Из общественных построек общине принадлежат: хлебный амбар и дом, занимаемый священнослужителями.

Община крестьян, бывших г. Сазонова.

Землевладение общинное. Земля после освобождения разделена была по числу ревизских душ и с тех пор не переделывалась. Надел находится в одной отрубной меже и имеет фигуру узкую. Поселок расположен скраю надела. Дальние полосы отстоят от усадеб на 1,25 версты. Пашня состоит из 18 участков. Душевые полосы имеют в ширину от 1 до 3, а в длину 80 сажень. Земля довольно хорошая. Почва сероватая, а местами суглинистая. Пашни для обработки удобны. Луга низменные. По документам их значится 8 десятин. Выгон на возвышенности, становится тесным по причине заселения. Лес мелкий. Прогоны удобны, 10 домохозяев из 16 арендуют 23 десятины пашни по различной цене, от 13 до 18 рублей за десятину. Всей аренды приходится на сумму 323 руб. Душевые наделы сдаются различно: исполу, за подати и за плату 8–10 рублей. В общине есть пруд и 4 колодца с порядочною и постоянною водою. Отопление производится соломой. Хлеб сбывается на станции Клекот-

ках, в г. Скопине и в селе Горлове. Местные промыслы земледельческие, 7 человек живут в работниках и 8 имеют подесятинные заработки у купчих Овчинниковой и Леоновой, получая за обработку и уборку 23 дес. ржи и овса 138 рублей или по 12 рублей за каждую пару хлеба. Отхожими промыслами занимаются 7 мужчин и 3 женщины, из них пять человек работают на торфу, кучер, дворник, две кухарки и работница, все в Москве. В 1870 г. сгорело 13 дворов и несколько риг с хлебом, а в 1876 г. 7 дворов. Школа и общественные постройки общие с предыдущей общиной»¹.

Согласно переписи населения 1885 г., в Нюховце было 75 домохозяйств, в которых проживали 201 поселянин мужского и 186 женского пола. При 57 избях имелись 53 плетневых двора, 22 горницы (клетки), 5 амбаров и 42 риги. В крестьянских хозяйствах содержались 94 рабочие лошади с 22 жеребятами, 58 коров, 51 теленок, 254 овцы, 32 свиньи. Безлошадность у крестьян общества «б. Полуденской» составляла 44 %, у крестьян «б. Сазонова» – ок. 50 %².

О Никольской церкви в Нюховце И.В. Добролюбов в 1884 г. писал: «Время построения существующей ныне в селе Нюховце деревянной Николаевской церкви, пришедшей в ветхость и приписной к селу Лужкам с точностию не известно. Земля при ней в пользовании причта села Лужков, значатся 36 десятин (39,2 га)»³.

В 1884 г. в Нюховце священником П. Муретовым была основана церковно-приходская школа. В конце 1880-х гг. училище размещалось в доме священника, в нем обучались в двух группах 1 кулеческий мальчик и 7 крестьянских в возрасте от 10 до 14 лет. Учебный год начинался в октябре и заканчивался 1 апреля. Школьное помещение представляло собой трехоконную избу под соломенной крышей общей площадью 75 квадратных аршин (40 кв. м). В справочном издании того времени отмечалось: «Средств к содержанию школы не имеется, попечителя нет, законоучитель и учитель с 1886 г. В.П. Муретов». При школе на средства священника была создана библиотека, в которой насчитывалось 100 книг⁴.

В 1905 г. в селе Нюховец Лужковской волости Михайловского уезда Рязанской губернии насчитывалось 75 дворов, в которых проживали 269 мужчин и 258 женщин. В селе действовали деревянная Никольская церковь, церковно-приходская школа и мелочная лавка⁵. В 1914 г. в Никольской церкви в Нюховце по-прежнему служил священник Василий Петрович Муретов⁶.

В 1918 г. в селе был создан Нюховецкий сельсовет. В ходе административных реформ начала 1920-х гг. Михайловский уезд в Рязанской губернии был упразднен, а его бывшие волости укрупнены. Как селение Михайловской волости с 1926 г. Нюховец входил в состав увеличенного Скопинского уезда. В 1929 г., когда окончательно ушло в прошлое дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии, Нюховец стал населенным пунктом Горловского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

Нюховецкий сельсовет исторически тяготел к Михайлову, поэтому в Горлове, похоже, на него смотрели косо и не упускали возможности к чему-либо придраться. В 1932 г. ревизия

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 4. Москва: Ряз. губ. земство, 1886. С. 220–221.

² Там же. С. 107–113.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 1. С. 319.

⁴ Народное образование в Рязанской губернии. Рязань, 1889. С. 234–245.

⁵ Населенные места Рязанской губернии, под ред. И.И. Проходцова, Рязань, 1906. С. 67.

⁶ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань 1914. С. 327.

этого сельсовета обернулась скандалом районного масштаба после того, как вскрылся факт растраты его руководством более 1000 рублей. Горловская районная газета «Ленинская искра» писала, что в работе нюховецкого предсельсовета Чулина имелся «ряд перегибов, дискредитирующих советскую власть». Беспорядочное пьянство председателя привело сельсовет к полному развалу. Обвиняли предсельсовета и в «левых загибах», выразившихся в выдаче «твердых заданий» середняцким хозяйствам. Кроме того, Чулин укрывал от налогообложения своих родственников. Предсельсовета в итоге с работы был снят, а дело о его «художествах» передали в прокуратуру¹.

Весной 1933 г. в селе Нюховец был создан колхоз «15 лет РККА». Публикации о нем в горловской районной газете также пронизаны критикой. Например, в ноябре 1933 г. «Ленинская искра» сообщала: «Предправления Лагутин почти ежедневно выпивает с членами правления Мышонковым и Подьюсовым. Пьянка требует средств, и в добывании их эта компания идет даже на преступление. Так, 25 октября Подьюсов с колхозного гумна утащил мешок ржи в шинок, но его заметили колхозники, и рожь была возвращена»².

В июле 1934 г. из 124 крестьянских хозяйств села Нюховец в колхозе «15 лет РККА» состояло лишь 41. Но доходы членов колхоза в среднем по району смотрелись весьма неплохо: так, на 1 трудодень местные колхозники в это время получили 9,5 кг зерна и 7,4 кг картофеля³.

Согласно материалам Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., по состоянию на 1939 г. Нюховецкий сельсовет состоял из одноименного села и поселка Завал (колхоз им. Н.К. Крупской), где было 18 жилых строений и 89 жителей. В самом Нюховце количество домов перевалило за 106. В селе было 93 хозяйства с 440 жителями, действовали начальная школа, просорушка и маслобойка⁴. По всему сельсовету, включая хозяйства колхозников, числились 114 голов крупного рогатого скота (в т. ч. 67 коров), 28 свиней, 150 овец, 77 лошадей (из них 48 рабочих)⁵. Общая площадь земель колхоза составляла 1005,8 десятины, в том числе под огородами – 48,2 десятины, пашней – 791,9, сенокосом – 70,1, лесом – 39 и болотами – 29⁶.

Согласно топографическим картам РККА 1941 г. (съёмки 1939 г.), в Нюховце было 100 строений. В северной части села параллельно главной улице выросло несколько рядков крестьянских домов. В восточной части села появился колхозный сад, отделявший его от поселка Завал с 18 строениями.

В 1941 г. мирное развитие села было прервано началом Великой Отечественной войны. В ноябрьские дни 1941 г. вражеские войска и бронетехника проходили мимо Нюховца по дороге на Михайлов. С началом советского контрнаступления на фронте под Москвой в первых числах декабря им пришлось этой же дорогой отступать в Богослово и далее в Горлово и Клекотки.

Некоторым уроженцам Нюховца довелось внести весомый вклад в победу над нацизмом. Николай Павлович Куликов (1917–?) служил в РККА с 1938 г., принимал участие в боевых действиях с июля 1941 г. Сражаясь на различных фронтах, он пережил шесть ранений, из них два тяжелых, был награжден медалью «За отвагу». Весну 1945 г. гвардии старший сержант

¹ Ленинская искра, №34 (4 апреля 1932).

² Ленинская искра, № 116 (2 ноября 1933).

³ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. Рязань, 2006. С. 261.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния по состоянию на 1939 год.

⁵ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Количество скота по сельсоветам на 1939 год.

⁶ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Таблица.

Куликов, командир отделения 4-й стрелковой роты 314-го гвардейского стрелкового полка 102-й гвардейской стрелковой Новгородской Краснознаменной ордена Суворова дивизии 40-го гвардейского Краснознаменного корпуса 19-й армии, встретил на территории Польши. «Тов. Куликов в боях с немецкими захватчиками за безымянную высоту на подступах к Гдыне 24 марта 1945 г. во время атаки первым поднял свое отделение и в рукопашной схватке уничтожил трех гитлеровцев и двух взял в плен. В этом же бою при отражении контратаки противника был выведен из строя командир взвода. Тов. Куликов смело взял на себя командование взводом и отразил две контратаки противника, одну за другой. В боях за населенный пункт Айхенберг (воеводство Гдыня) 3 апреля 1945 г. первым ворвался в населенный пункт со своим взводом, где захватил в плен 5 гитлеровцев и автоматным огнем уничтожил 3 фашистов. В боях за населенный пункт Коссекау 4 апреля 1945 г. в тот момент, когда противник перешел в контратаку, тов. Куликов был ранен. Среди бойцов случилось замешательство. Будучи раненым, он не покинул поле боя, дал команду «ни шагу назад», а сам лег за пулемет и открыл ураганный огонь по контратаковавшей пехоте противника. Контратака была отбита. По приказу «в атаку» тов. Куликов первым поднялся, своим личным примером отваги и мужества увлек остальных бойцов на выполнение приказа командования»¹. За этот бой гвардии старший сержант Н.П. Куликов был награжден орденом Красного Знамени. Находясь на излечении в эвакогоспитале № 1071, он получил и следующую свою награду – орден Отечественной войны 2-й степени.

Послевоенные годы оказались непростым временем для колхоза «15 лет РККА» Нюховецкого сельсовета. Хозяйству не везло с председателями. В 1947–1949 гг. его возглавлял Конкин. За семь месяцев 1948 г. колхозники надоили от каждой коровы 688 литров молока, что составляло 60 % от среднего показателя по району. По плану колхоз должен был иметь 100 голов крупного рогатого скота (в том числе 40 дойных коров), 143 свиньи, 150 овец, 1600 птиц. Но реально удалось выполнить лишь «по свиньям 6 %, птице – 13 %, скоту – 51 %». В 1947 г. от 2 свиноматок получили 7 поросят, а в следующем ни одного. По личному усмотрению председатель забил свиноматку и продал. Принял на ферму истощенного телка из своего хозяйства, а взамен выдал овцу. Телок же был забит, а овца оказалась у председателя. Второго телка тоже пустили на мясо, третьего продали на рынке. Продав двух овец, а вырученные деньги пошли ему на зарплату и на приобретение семян колхозу»².

В 1950 г. в рамках линии на укрупнение колхозов Рязанской области оба хозяйства Нюховецкого сельсовета – «15 лет РККА» и им. Н.К. Крупской – объединились в одно. В укрупненном колхозе им. Н.К. Крупской Нюховецкого сельсовета стало 102 двора, а количество трудоспособных членов увеличилось до 184. Хозяйство располагало 1109 га пашни и 26 га сенокоса. В колхозе работали три полеводческих бригады, насчитывалось 60 лошадей и 66 голов крупного рогатого скота. Несмотря на это, колхоз в 1950-х гг. постоянно числился в отстающих³.

В послевоенные годы в Нюховецке долго не удавалось наладить культурную жизнь. В 1948 г. «Ленинская искра» писала: «В Нюховецком сельсовете иногда целыми днями никого не было. Председателем работал Фадеев. Его жена руководила без особых успехов избой-читальней, которая в зимний период почему-то не работала»⁴. Изба-читальня оставалась главным мест-

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 3317, л. 119.

² Ленинская искра, № 97 (11 августа 1949).

³ Материалы и исследования порязанскому краеведению, Т. 7, Рязань, 2006. С. 261.

⁴ Ленинская искра, № 54 (29 мая 1948).

ным очагом культуры, т. к. полноценного клуба в селе еще долго не было, а то, что было, в середине 1950-х гг. больше походило на заброшенный склад. Сельская молодежь жаловалась на сельсовет по комсомольской линии, но в селе, похоже, никто особо не стремился что-либо делать для улучшения жизни людей. В 1955 г. ситуация лучше не стала. Горловская районная газета писала: «Заведующим Нюховецкой избой-читальней работает Гуськов А.А. Молодежь недовольна его работой. В избе-читальне заведующий бывает редко, часто без него там творятся безобразия. В помещении жгут бумаги, гребешки, в незастекленные окна бросают комья грязи»¹. «Беда в том, что заведующая избой-читальней Фадеева не хочет организовывать культурный отдых для молодежи, – писали в райцентр из села. – Вот уже продолжительное время в избе-читальне не читаются лекции, не смотрит население кинофильмы. Вначале Фадеева свою бездеятельность объясняла тем, что изба-читальня была засыпана хлебом. Правление колхоза «Культура» вывезло зерно»². Похоже, уже в это время нюховецкий колхоз им. Н.К. Крупской был влит в колхоз «Культура» в соседнем селе Богослово.

В 1959 г., с упразднением Горловского района, Нюховец стал населенным пунктом Скопинского района Рязанской области.

На основании решения Скопинского райисполкома от 24 ноября 1970 г. на базе земель и имущества колхозов «Культура» Богословского сельсовета и «Победа» Горловского сельсовета был образован совхоз «Культура» Богословского сельсовета с центральной усадьбой в селе Богослово. Он объединил хозяйства 5 населенных пунктов: сел Богослово, Дмитриево, Нюховцы, Суровцы и поселка Красный Май³.

«В 1980-е годы село входило в состав Богословского сельсовета, являлось отделением совхоза «Культура». На 1 января 1992 г. 94 жителя. В 1992 г. совхоз «Культура» реорганизовали в АОЗТ «Богослово», ферма ликвидирована. В 2000 г. в селении 22 жителя, все пенсионеры, занимались подсобным хозяйством и огородничеством»⁴.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Нюховец было включено в Горловское сельское поселение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в нем в это время постоянно проживали 19 человек – 7 мужчин и 12 женщин. В настоящее время многие сельские дома используются как дачи жителями близлежащих городов. На месте разрушенной в 1930-е гг. Никольской церкви в 2000-х гг. был установлен металлический крест.

---

¹ Ленинская искра, № 63 (7 августа 1955).

² Ленинская искра, № 95 (25 ноября 1956).

³ Архив Скопинского района. Ф. 461, лл. 1–3.

⁴ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. Рязань, 2006. С. 261.

ОКтябрьский микрорайон (город Скопин)

В начале XX в. местность, на которой сейчас находится микрорайон города Скопина Октябрьский, была известна под названием Корневское поле и относилась к Корневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии.

Материалы Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., свидетельствуют о том, что первые жилые строения появились здесь в 1923 г., когда началась разведка угольных шахт Подмосковского бассейна¹. Это были будущие шахты №№ 39, 40, 41 и 42. Их пуск состоялся в 1927 г.

Уголь был хлебом промышленности и транспорта тех лет, а в условиях начавшейся в стране форсированной индустриализации потребность в нем каждый год возрастала в разы. Задаче повышения уголедобычи советское правительство уделяло приоритетное внимание. Большевистская партия и комсомол стимулировали приток инициативной молодежи, стремившейся внести свой вклад в преобразование страны, в перспективную отрасль экономики. Для работы на шахтах в разраставшийся при них поселок массово приезжали будущие горняки из Москвы, Тулы, Рязани и других городов, в основном комсомольцы и коммунисты. Группа работников шахты № 39, спускаясь в забой по случаю 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции в ноябре 1927 г., выступила с инициативой в честь годовщины назвать строящийся поселок Октябрьское поле. Она была принята². Вместе с поселками станции Коготково, шахт №№ 44, 46 и 48 (Комсомольский) новый населенный пункт подчинялся Побединскому рудоуправлению.

В 1929 г., когда было упразднено историческое административное деление на волости, уезды и губернии, поселок Октябрьское поле стал населенным пунктом Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1931 г. в нем уже действовали клуб «Ударник» и рабочая столовая. Становление нового поселка сталкивалось с колоссальными трудностями. Во многом они были следствием дефицита грамотных управленческих кадров, способных справиться со сложными административными задачами в стране, с трудом приходившей в себя после разрушительной Гражданской войны. Скопинская газета «Коллектив» откровенно и в духе модной в те годы большевистской самокритики писала о насущных бытовых проблемах первых жителей поселка: «...Поселковый совет Октябрьского поля не справился с заданием. Состав членов совета – 78 человек – только на бумаге. Медпомощь хромает. С водоснабжением из рук вон плохо. Новое жилищное и шахтное строительство опаздывает. Кооперация не перестраивается. Примерно за стаканом чая приходится стоять по целым часам»³.

Характерной особенностью нового советского быта, повсеместно пробивавшего себе дорогу в обществе, стал широкий доступ рабочего класса и крестьянства к культуре и образо-

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь III.

² ГАРО. Ф. Р-6713, оп. 1, д. 15, л. 51.

³ Коллектив, № 14 (19 мая 1931).

ванию (чего прежде никогда не было – более того, правительство, например, Александра III даже вводило меры по ограничению доступа к образованию представителей непривилегированных сословий). Эта черта особенно привлекала стремившуюся к знаниям рабоче-крестьянскую молодежь, превращая ее представителей в искренних сторонников новой власти. В 1931 г. в поселке Октябрьское поле открылась первая школа 2-й ступени. Она расположилась в специально построенном деревянном здании, в которое приходили на занятия дети как из поселка, так и из окрестных деревень.

Организация культурного досуга шахтеров также стала одной из насущных забот администрации нового населенного пункта. Решением президиума рудкома в мае 1932 г. в поселке Октябрьское поле был создан парк культуры, для размещения которого отвели старый сад колхоза села Пупки. В нем были организованы «читальня, открытая сцена, кино, цветник, качели, спортплощадка, буфет и прочее. Для освещения было предусмотрено 200 электроламп»¹. Яркое электрическое освещение выглядело особенно привлекательно для жителей района, в подавляющем большинстве сел и деревень которого в 1932 г. избы в лучшем случае освещались керосином. В том же году в поселке Октябрьское поле прошла первая в Скопинском районе премьера звуковой кинокартины – зрители увидели фильм режиссера Н.В. Экка «Путевка в жизнь».

Развитие производственных предприятий и общественного сектора социальных учреждений было очевидным приоритетом местной администрации. Гораздо меньше внимания уделялось жилищному комплексу, а в нем было немало проблем. От их обилия некоторые управленцы мечтали сбежать без оглядки, и некоторым это удавалось. В сентябре 1932 г. газета «Побединский ударник» сообщила: «На днях исполнится три месяца как поссовет на Октябрьском поле фактически не существует, его председатель тов. Давыдов выбыл в неизвестном направлении. Секции не работают, пленум поссовета не собирался полгода. Десятки забойщиков не могут обратиться с жалобами, он и при Давыдове фактически не существовал. И все это на виду у рудничной районной организации, райкома партии, находящихся рядом, напротив милиции, где в соседней комнате находится теперь поселковый совет»². О бытовых проблемах жителей наспех построенных домов поселка свидетельствует письмо домохозяйки, опубликованное местной газетой в том же месяце: «...В рабочих бараках Октябрьского поля все стекла плохо закреплены, и потому разбиваются. Детишки синеют от холода и режут, а хозяйственники спокойно отсиживаются в теплых застекленных помещениях. Бараки снаружи хороши, но внутри щитовые»³. Впрочем, некоторым даже о таких щитовых бараках приходилось лишь мечтать. В действовавшей в поселке прачечной трудились шесть прачек и сушильщица. О проблемах последней газета писала: «Сушильщица Колосова с ребенком живет прямо в сушилке, которая протекает, от мокрого белья в сушилке постоянно влажный воздух. Квартиру в бараке ей не дают»⁴. Эти и многие другие проблемы требовали скорейшего решения, и усилий выбывавшей из сил администрации было явно недостаточно для того, чтобы справиться со всем.

Постепенно решалась задача снабжения населения поселка продуктами питания: открылся овощной киоск совхоза Овощестреста, заработал и собственный базар. Местная газета отмечала: «Базар был беднее скопинского, на него приезжали пупковский, новоче-

¹ Побединский ударник, № 105 (4 июня 1932).

² Побединский ударник, № 172 (2 сентября 1932).

³ Побединский ударник, № 193 (27 сентября 1932).

⁴ Побединский ударник, № 171 (1 сентября 1932).

лецкий, корневский, чулковский колхозы и совхоз Овощтреста»¹. Но и с ним жизнь стала заметно легче. Красочное описание первого дня работы поселкового базара весной 1932 г. оставил журналист Н. Майский в очерке «На колхозном базаре»: «8 часов утра. Место действия – площадь первого колхозного базара на Октябрьском поле. Первой открывается палатка райплодоовощсоюза. Мед, сухие овощи и ядреные, сочные 25-копеечные огурцы – вот что привлекает первых покупателей. Скрипящие на всю колонию подводы горПО выбрасывают рядом с палаткой пальто, брюки, кепи и другие товары ширпотреба. Немного дальше, вправо, расположился ларек ОДС. Пояски, ремешки и шнурки, раскачиваемые ветром, как бы стараются достать своих соседей из магазина культтоваров – гармонии, балалайки и мандолины.

Время – 9. На площадку базара прибывают все новые колхозные возы, открываются палатки, ларьки. Пестрая, празднично одетая толпа покупателей бродит около возов, торгуется, кричит. В лавке игрушек толпа ребятишек покупает броненосцы, сделанные из жести. Всеобщее внимание привлекает появление на базаре палатки Союзрыбы. Пока раскупоривают первые 3 бочки дешевой, но вкусной камсы около прилавка создается очередь. Камса торжествовала! Она бесчисленным количеством партий, каждая в килограмм весом, уплывала из тесных бочек Союзрыбы в заботливые руки покупателей.

В корзинке у единоличника из Н.-Келец диким голосом заливается на всю площадь пестрый поросенок. Куры, сидящие рядом, испуганно мигают красными глазками на воинственного соседа. Поросенок стоит 150 рублей. Его никто не покупает – слишком дорого. Хозяин пестрого поросенка хочет спекулировать... Молоко, принесенное из села Пупок, берется нарасхват. Четверть молока стоит недорого – всего 1 рубль. Яйца, стоящие 3 рубля десятком, быстро находят покупателей. Героем дня был новиковский колхоз. Под стеклом парников в колхозе вызрели зеленые хрустящие овалы огурцов и серебристые клубни лука, переходящие в зелень. Три больших ящика “Дружбы”, наполненные огурцами, помидорами, капустой и луком с утра осаждались женами горняков. Вот если бы так заботился каждый колхоз о ранних овощах! Совхоз Овощтреста и домзак уступают в организованности новиковским колхозникам, но они тоже вывезли на базар овощи высокого качества. Колхозы [им.] ОГПУ, Н.-Келец, Пупки и Лопатино плохо реализуют историческое решение ЦК партии о развертывании колхозной торговли. Выехать на первый базар в колонию Октябрьского поля у них не хватило “пороху”.

Первый колхозный базар открылся. На состоявшемся митинге колхозники дали горнякам обязательство снабжать их продуктами питания. Горняки обещали в ближайшее время ликвидировать прорыв в угледобыче. Но первый блин оказался во многих местах непропеченным. Бросается в глаза недальновидность райнаба и поссовета при выборе базарной площади. Выбор места для базара, окруженного рабочими общежитиями, около которых постоянно играют дети, во всяком случае, противоречит элементарным требованиям санитарии. Не чувствуется также системы и организованности со стороны торгующих организаций. Неужели нельзя построить палатки и ларьки, ввести систему при расположении товаров, различные выставки. Смешно смотреть на людей, которые, имея все возможности построить палатки, торгуют с рук и возов. ЗРК Октябрьского поля вместо того, чтобы привезти весы к началу базара, привез их к 11 часам. Полянские единоличники не стали ждать, когда раскатаются кооператоры. Они, не дождавшись весов, уехали в свое село, ругая тех, кто заставил их 40 верст “киселя хлебать”. Сельсоветы тоже должны учесть уроки первого базара. Ряд фак-

¹ Побединский ударник, № 177 (8 сентября 1932).

тов говорит о том, что население плохо знает не только решения ЦК партии о колхозной торговле, но и об открытии базаров в Скопине, Побединке и Октябрьском поле. Сравнительная малочисленность выехавших на базар свидетельствует об этом.

Вечером в нарядной 39-й шахты группа горняков вела разговор. Говорил пожилой забойщик: «Колхозный базар – это хорошее дело. Теперь цены здорово понизятся. Можно во все дни недели, кроме понедельника, ехать за продуктами или в Скопин, или в Побединку, или на Октябрьское поле. Стыдно будет нам, если мы не ликвидируем прорыв в угледобыче». С ним согласились все без исключения»¹.

Согласно постановлению Президиума Мособлсполкома от 21 июля 1931 г., предусматривалось упразднение Скопинского района. Создавался новый Побединский район из части бывшего Скопинского района: 21 сельсовет и рабочий поселок Побединский. Какое-то время Скопинский район и назывался Побединским, ближе к его шахтам планировалось перенести и административные органы². В сентябре 1932 г. в поселке Октябрьское поле строилось здание РИКа³. Но потом все-таки пришли к выводу, что оставить статус райцентра бывшему уездному городу все же практичнее. В 1934 г. Октябрьское поле официально получило статус рабочего поселка и было подчинено Скопинскому горсовету.

В 1-й половине 1930-х гг. партком шахты № 42 при поселке Октябрьское поле издавал газету «Изотовец», получившую свое название в честь донбасского шахтера Н.И. Изотова (1902–1951), одного из предтеч и зачинателей Стахановского движения. Газета пропагандировала социалистический быт и новое отношение к труду. В сентябрьском спецвыпуске 1935 г., приуроченном к Международному юношескому дню, газета писала о работниках окрестных угольных шахт из числа передовой молодежи. Статья В. Никульшина «В первых рядах» сообщала: «Быть комсомолкой – значит непрерывно расти, поднимать свои знания, быть всегда и во всем передовиком, примером для остальных». Только так понимает свои обязанности комсомолка Муза Рожкова. Только так стремится она жить и работать.

В горпромуче Муза была одной из первых учениц. Придя со школьной скамьи на 42-ю шахту и став машинисткой кольцевой лебедки, Рожкова стала образцовой работницей. Она лучше других ухаживала за машиной, добилась образцовой чистоты в камере. Переведенная на компрессор, Муза и тут завоевала славу лучшей машинистки.

Работая на шахте, Муза Рожкова не прекращает учебы. Сейчас она перешла на третий курс рабфака, имея по трем предметам оценку на “хорошо”.

Комсомол выбрал Музу – свою передовую ударницу – членом комитета комсомола. Больше ответственности почувствовала на себе Рожкова, еще лучше, еще старательней стала относиться к работе, одновременно ведя большую работу среди молодежи.

Когда 28 августа на шахте произошло самовозгорание угля, Муза первая пошла в аварийную бригаду, первой спустилась в шахту. В шахте Рожкова не сидела без дела – подносила песок, огнетушители.

В 8 час. вечера бригада закончила работу, а в 3 час. ночи комсомол объявил набор во вторую бригаду. Опять первой пошла Рожкова. Надо было срочно поднести песок к перемычкам. Муза первая взялась за работу и до 9 час. носила песок. Она быстрее других возвращалась за песком, больше других приносила песку к перемычке. Рожкова работала за троих.

¹ Побединский ударник, № 104 (3 мая 1932).

² В 1920 г. был создан Побединский РК ВКП(б) по производственному типу. В 1933 г. он слился со Скопинским РК ВКП(б). ГАРО. Ф. П-1434, оп. 1, д. 1А, л. 1; д. 28, л. 1–9.

³ Побединский ударник, № 178 (9 сентября 1932).

Вечером 29 августа новый набор в бригаду застал Музу на военных занятиях.

– Нужно 5 человек в шахту, – объявил комсорг тов. Никульшин. – Кто пойдет?

– Я пойду, – первая откликнулась Рожкова и, пока другие товарищи еще собирались, она была уже на шахте.

Большая любовь к своей шахте – части социалистической стройки, любовь, воспитанная комсомолом, руководит Рожковой, это помогает ей и на небольшом участке делать великое и нужное дело»¹.

Другой работнице угольных шахт, проявившей нетривиальное отношение к порученному ей труду, была посвящена корреспонденция П. Фена «Одна из многих»: «Все шахты в нашем районе одинаковы. Вода, грязь. Низенькие и узкие штреки. Лебедки, камероны стоят в середине штрека по самый корпус мотора зарытые в грязь. Лебедки кольцевых откаток убраны в камеру, но камеры низкие. Крепежные рамы перекошены. В раму упирается косо поставленный шемпель. На мотор и в шестерни сыпется порода. Темно, грязно. Такова картина почти на всех шахтах.

Ничем не отличалась от других и наша 43-я шахта. Все так же. Бесконечные аварии. По минутно звонки, требующие остановки откатки. Нет смены, в которой не было бы аварии с кольцевой лебедкой нулевого штрека. Не было хорошей работы механизмов, не было и добычи.

Но вот на шахту пришла новая мотористка – Мотя Михалева. Поставили Мотю на самый ответственный агрегат, на нулевую откатку. Поработала она неделю-другую, и не вытерпела.

– Нельзя так работать. Какая же это работа, когда то и дело аварии? То отлетит футеровка, то болт выскочит, то контргруз соскочит. При каждой аварии прибегают десятники, ругаются, требуют, чтобы немедленно исправили машину, потому что срывается добыча, а слесаря в темноте, тесноте и грязи с каждой пустяковой работой возятся по 2–3 часа. Все злятся, нервничают, а дело не двигается.

Невозмогу стало. Поговорила с подругами, нельзя ли навести порядок в машинной. Мотю подняли на смех. Ведь это шахта, – говорили ей, – а ты хочешь чистоту навести. Может быть, ты и цветы захочешь здесь развести? Не сдавалась Мотя. Ходила к механику, к инженеру и настояла на том, чтобы камеру раскрепили и обшили горбылями. На следующую смену Мотя спустилась с ведром известки и начала белить. Помогла ей сменщица, и камера была побелена. На следующий день взяли за машину. Обмыли ее, вычистили и смазали. Выпросили у монтера лампочку побольше. Посыпали пол опилками, и камера заблестела.

В один из прекрасных летних вечеров Мотя спустилась в шахту с большим букетом цветов и поставила их в банку с водой. Понравилось девчатам, и каждую смену стали спускаться с цветами.

По примеру девчат нулевой откатки сделали девчата и на диагональной. Затем на новых откатках 19-го и 39-го штреков. Так и повелось. Время от времени белят, цветы не перевозятся. Зимой девчата делают цветы из бумаги. Вот и доказала Мотя, что в шахте могут быть и цветы. Уменьшились аварии, а затем и совсем прекратились. Так по инициативе Моти Михалевой камеры кольцевых откаток 43-й шахты стали образцовыми не только в нашем районе, но и для всего бассейна.

Три года назад приехала из деревни к сестре и потсупила на 41-ю шахту камеронщицей тихая неграмотная девочка. Это была Мотя Михалева, которая через год, уже работая на 43-й шахте, сделала свое рабочее место, машинную кольцевой откатки, самым образцовым в районе.

¹ Изотовец, объединенный выпуск (1 сентября 1935).

Тогда она еще была неграмотна, работала на самых простых механизмах, знала, как надо включать и выключать рубильник. Больше ничего. Коллектив и машина воспитывают. Мотя начала расти. Окончила ликбез, вступила в комсомол и начала овладевать техникой.

Мотя самая активная комсомолка на 41-й. Не раз премируется за образцовое состояние механизмов. Затем общественно-технический экзамен она сдает на “хорошо”.

41-я шахта выработалась, и Мотя вместе с семьей перешла на 43-ю шахту. О ее работе на 43-й мы уже знаем. Вся зима прошлого года у Моти ушла на интенсивную учебу на повышенных курсах механического цеха. Курсы она кончает с оценкой “отлично”, и экзаменационная комиссия вынесла заключение, что Михалева вполне может работать электрослесарем.

Сейчас она поступила в школу среднего образования. Свой отпуск она проводит за игрой в духовом оркестре. Сдала нормы ГСО.

Таков путь нашей советской девушки. Моте и тысячам других девушек нашей прекрасной Родины не надо беспокоиться о завтрашнем дне. Впереди у них радостное будущее»¹.

В 1935 г. в ведомстве Октябрьского жилищного управления находилось население в 2098 человек. Построенные наспех из некачественных материалов дома рабочего поселка уже тогда начали нуждаться в ремонте. Задача обеспечения насущных нужд работников шахт считалась столь важной, что за ее выполнением следил Скопинский райотдел УНКВД по Московской области. В секретной докладной записке начальника райотдела УНКВД Лазарева на имя секретаря Скопинского обкома ВКП (б) Агеева отмечалось, что «капитальный и текущий ремонт проводится очень медленно, из имеющихся 65 домов на поселке Октябрьское поле и при шахтах № 44–46–16 домов требуют капитального и 44 дома текущего, а ремонтируется только один дом – дом приезжих. Не хватает материалов, лошадей и квалифицированных рабочих. Директор жилищного управления Назаров вопросами ремонта не занимается, переделал члену ВКП (б) завхозу Иванову – бездарная личность»². Для частичного решения проблемы намечалось строительство 3 новых бараков при шахтах №№ 44–46 и 2 домов для инженерно-технических работников. В другой докладной сообщалось: «Ремонт задерживается из-за отсутствия материалов, как-то: олифы, белил, лазури, дверных петель, оконных ручек, извести, алебастра и т. п., а также из-за недостатка рабочей силы, вместо полагающихся 182 чел. рабочих имеется 132 чел. Вместо 130 000 руб. на все виды ремонта выделено 3000 руб. Кроме несвоевременного финансирования и дефицита материалов, не хватало на новое строительство 15 лошадей, 10 каменщиков, 20 плотников, 4 штукатуров»³.

В школе поселка Октябрьского поля, где учились дети шахтеров, несмотря на проведенный ремонт, из-за недоустановленного оборудования стоимостью всего в 25 рублей и недостатка угля (это в районе угольных шахт!) зимой 1934–1935 гг. было холодно, мерзли и дети, и шесть учителей, квартиры которых находились при школе. «В их коллективе, – отмечалось в следующей докладной начальника Скопинского райотдела УНКВД, – два социально чуждых: Исаев Иван Николаевич – по учету значится из крестьян, в действительности же сын кулака из д. Великая Лука. <...> Отец в 1929–1930 гг. раскулачен и до начала сентября был в школе заведующим, потом категорически отказался»⁴; Федюкина Мария Ивановна – дочь дворянина, кулака с. Пупок. Отрицает всякое организационное и методическое руководство.

¹ Изотовец, объединенный выпуск (1 сентября 1935).

² ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 76–77.

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 144.

⁴ Видимо, профессиональные качества учителя И.Н. Исаева со временем все же перевесили подозрительность Скопинского райотдела УНКВД по Московской области – в 1939 г. за успешную работу он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Ее брат Федюкин Н.И., ранее работавший в Пупковской школе, был снят за агитацию против заготовок в 1932/1933 учебном году...»¹

В соответствии с постановлением пленума ЦК ВКП (б) от 7 декабря 1934 г. в СССР с 1 января 1935 г. была отменена карточная система продажи хлеба, действовавшая с 1929 г. Местный ОРС – Отдел рабочего снабжения – не сразу сориентировался в новых условиях, Скопинский райотдел УНКВД зафиксировал имевшие место перебои в снабжении, факты продажи недоброкачественного хлеба. Так, например, «7 января 1935 г. в магазине ОРСа на Октябрьском поселке завмаг Сидоров при наличии мягкого хлеба рабочим Сбытову и Коновалову отпускал черствый, лежавший 3 дня; 15 января в магазине ОРСа при шахте № 46 завмаг Пеньков продавал также зачерствелый хлеб»². Помимо снабжения, доклады райотдела УНКВД обращали внимания и на другие бытовые проблемы местных жителей, причем практически у каждой из них, по меткому замечанию сталинского наркома Л.М. Кагановича, имелись «фамилия, имя и отчество». В Октябрьском рабочем поселке «производился ремонт котла в бане, и вместо 2–3 дней ремонтировался 6 дней, в результате с 21 по 27 января 1935 г. рабочим шахтерам негде было мыться. Для производства ремонта бани завхоз шахтоуправления Иванов, член ВКП (б), не выделил 2–3 рабочих, а послал только одного...»³.

В 1937 г. Скопинский район был выведен из подчинения Московской области и передан новообразованной Рязанской. По итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г. в рабочем поселке Октябрьский насчитывался 2481 житель, взрослое население по своему социальному составу подразделялось следующим образом: рабочие – 462 мужчины и 467 женщин; служащие – 278 мужчин и 131 женщина; колхозники – 14 мужчин и женщин; кооперированные кустари – 7 мужчин; некооперированные кустари – 1 мужчина и 11 женщин. Из всего населения поселка по национальному составу 2251 человек – русские, 130 – украинцы, 72 – татары, 28 – другие национальности. Жилой фонд поселка составлял 11106 кв. м, 42 дома были подключены к электричеству, протяженность освещенных улиц составляла 1 км (всего было освещено 10 улиц). Действовали 2 артезианских и несколько прочих буровых колодцев и скважин. Протяженность водопроводной сети поселка составляла 30 метров с одной колонкой. Канализации не было. Действовала баня с одновременной вместимостью в 40 человек. Работала прачечная с производительностью 20 кг сухого белья за 7 часов⁴.

Довольно полная характеристика поселка Октябрьское поле и прилегавших к нему территорий на рубеже 1930-х и 1940-х гг. сохранилась в материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг.: «Число домов (построек – 205), в том числе жилых домов 93, квартир 609. Почта имеется в самом поселке, она обслуживает Октябрьский поселок, Пупки, Корневое, Н. Кельцы. В поселке имеется телефонная станция, радиоприемники, около 70 точек. Ближайшая железнодорожная станция – Скопин, от поселка 7 км. Ближайшая река – Быстрик в 2 км от поселка, река Верда в 4 км. Во время половодья не заливает. Лес ближайший – около шахт № 44–46, в 4 км от поселка, грунт глинистый. Водоснабжение – водопровод (колонки), водокачка, артезианская скважина.

Постройки деревянные стандартные, двухэтажные и одноэтажные рубленые. Дома покрыты толем и фюзеритом. В 1939 г. достроено 7 домов – дома одноэтажные, шлакоблочные

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 117, 145.

² ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 13, 144.

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 15.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь III.

и 2 деревянных. На Октябрьском поле разбит сквер, посажено 2000 деревьев. До станции Коготково мостится дорога, проектируется установка радиоприемника на 46-й шахте, спортплощадки, водопровод. Имеется два раза в неделю колхозный рынок как на шахте № 46, так и в Октябрьском поле. Подвоз продуктов из Н. Кельцов, Корневого и Пупков. На рынок шахты № 46 подвоз из Пупки, Корневое, Велемье, Кучугурки, Ольшанка. Торговая сеть: универмаг, дежурный магазин (продуктовый), хлебный магазин, фруктовый магазин, ларек продажи вод, ларек ОГИЗа (книжный). При шахте № 46–44: дежурный магазин, универмаг, отделение универмага.

При шахте № 51–47: универмаг, хлебный магазин. Станция Коготково: универмаг. Шахта № 29 – отделение универмага. Эта торговая сеть обслуживает горняцкий поселок и все окружающие поселки. При поселке имеется 5 столовых (одна в поселке Октябрь, одна при шахте № 46, по одной при шахте № 44, № 51–47 и станции Коготково).

Амбулатория расположена в поселке Красный Октябрь. На шахтах №№ 46, 51, 44 пункты медицинской помощи. В поселке Октябрьское поле роддом на 5 коек, дом отдыха № 5 около села Корневое, специально для шахтеров. В поселке имеется двое яслей и 2 детсада, начальная и неполная средняя школа. В начальной 120 человек, в неполной средней 600 человек. Школы построены в 1933 г., существуют с 1935 г.

Культурные учреждения: 4 клуба, общий клуб, клуб ИТР. На шахте № 46–1, станции Коготково – 1. В поселке имеется библиотека – 3000 книг, драматический кружок и музыкальный. Освещение электрическое, поселок освещен недостаточно. Бани: поселок, шахта № 46 и ст. Коготково. В поселке прачечная, парикмахерская, также по одной на шахтах № 46 и 51. Дом для приезжих на 9 коек, аптека.

Всего населения 2317 человек, около 800 человек работает на шахтах. Площадь жилого фонда – 14108 кв. м. Канализации нет, водопровода нет, на весь поселок две колонки. При тресте два автобуса, курсируют с Октября на Скопин и на шахту № 43»¹.

Мирную жизнь поселка прервала Великая Отечественная война, начавшаяся в 1941 г. К концу первого года войны линия фронта пролегла по скопинской земле. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 25 ноября 1941 г. передовой отряд немцев вошел в Скопин. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава. Возникла угроза продвижения противника к Рязску. Поселок Октябрьское поле временно оказался на оккупированной врагом территории. Перед приходом нацистов окрестные шахты едва успели вывести из строя.

Из разведанных советских войск можно сделать вывод, что постоянного контингента немецких войск в Октябрьском не было. Видимо, в него время от времени наезжали вражеские разведгруппы, возможно, проходили какие-то подразделения. Но ущерб инфраструктуре поселка все равно был нанесен немалый. В докладной записке от 21 января 1942 г. в адрес исполкома Рязанского областного совета депутатов трудящихся сообщалось: «Несмотря на кратковременную оккупацию в районе произведены большие разрушения и расхищение зданий и имущества <...> в результате чего нормальная работа школ, больниц и других учреждений в районе нарушена, а в отдельных случаях полностью прекращена... Центральное здание Октябрьской средней школы, где обучалось 450 учеников, выведено из строя. В этом здании выведено из строя паровое отопление, поломаны двери, рамы, выбиты стекла, расхищен

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь III.

частично инвентарь, полностью расхищено оборудование учебных комбинатов и школьная библиотека, Октябрьская амбулатория»¹. Отдельные сведения, позволяющие оценить общую обстановку в поселке после ухода немцев в декабре 1941 г., содержатся в протоколах первичной парторганизации Октябрьского поссовета: «Штаб на 5 марта 1942 г. коммунального отдела 46 чел., свободной площади 1600 кв. м. В качестве транспорта имелось 10 лошадей. Электроэнергия была дана с 22 января дней на 20, но потом из-за поломки прекращена, так что ее не хватало даже на шахтах, хотя в окружающих деревнях свет был. Налажено водоснабжение от водокачки, которая работала тоже с перебоями. Планировалось запустить баню. Детсад и ясли были отремонтированы и были готовы к работе. В поселке не работала ассенизация из-за отсутствия человека. Угля не хватало. Общежитие и клуб требовали ремонта»².

Кое у кого в дни прихода немцев сдали нервы. 16 марта 1942 г. на собрании первичной парторганизации поселка Октябрьский слушалось личное дело тов. Корякина, ранее работавшего председателем в одном из окрестных колхозов, члена ВКП (б) с 1931 г., утратившего свой партбилет. Выяснилось, что «во время прихода в район немцев [Корякин] вынужден был скрываться, а жена испугалась, сожгла всю литературу и партийный билет, который был в «Кратком курсе истории ВКП (б)», паспорт, военный билет. Профсоюзный билет захватил с собой, а партийный билет оставил...» Инцидент сочли недопустимым для коммуниста проявлением малодушия. Из партии Корякин был исключен³.

После ухода немцев нормальная жизнь быстро восстанавливалась. В январе-феврале 1942 г. в Октябрьском уже работали шахты, столовая, амбулатория, химлаборатория, механический цех, детсад, горноспасательная станция, электроцех и средняя школа⁴. В целях содействия восстановлению дезорганизованного войной хозяйства на 1942–1946 гг. Скопинский район был временно изъят из Рязанской области и вновь переподчинен Московской. 2 апреля 1942 г. секретарь Скопинского райкома ВКП (б) Н.Ф. Старостин докладывал первому секретарю Московского городского и областного комитетов ВКП (б) А.С. Щербакову: «Наш район временно подвергнулся оккупации немецко-фашистской грабьармии. Хотя немецкие захватчики были у нас не так долго, но за это короткое время ущерб для каменноугольных шахт треста «Октябрюголь» принесли большой.

За исключением 2 шахт сожжены копры на всех шахтах, почти полностью уничтожены все надшахтные здания, во всех шахтах большое количество горных выработок выведено из строя, и т.д. На основании приказов народного комиссара угольной промышленности СССР за №№ 287 и 327 трест «Октябрюголь» с 25 декабря 1941 г. приступил к восстановлению основных и подсобных предприятий.

Райком и исполком партии мобилизовали парторганизацию района и все ресурсы района на быстрое восстановление шахт. Возьмите такой пример, как строительство копров: почти все копры были построены из лесоматериала, взятого из колхозов, большое количество собрано у населения инструментов и другого необходимого материала.

С первых дней восстановления шахт начали оформляться первичные парторганизации, развертываться политико-массовая работа, соцсоревнование. Все это вместе взятое дало возможность в установленные сроки пустить шахты, и на I/IV с. г. пущена в эксплуатацию последняя шахта № 29. Таким образом, трест «Октябрюголь» с 15 января 1942 г. начал вы-

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 27, л. 1.

² ГАРО. Ф. П-2326, оп. 1, д. 1, л. 3–4.

³ Там же. ЛЛ. 18–19.

⁴ Там же. ЛЛ. 15–15 об.

давать уголь нагора, постепенно увеличивая ежесуточную добычу, довел ее до 2000 тонн. В настоящее время мы имеем по тресту «Октябрьуголь» ряд шахт, перевыполняющих план по добыче, например – шахты №№ 12, 22, 35 и 48 дают за сутки сверх плана 200 тонн угля»¹.

Немало жителей поселка защищали Родину на фронтах Великой Отечественной войны. Примером их боевой работы может служить ефрейтор Василий Павлович Устюшин (1924–?). Уроженец села Корневого, с сентября 1943 г. он воевал на 1-м Украинском фронте, перенес два ранения. К концу войны В.П. Устюшин был командиром огневой точки 1-го отдельного моторизованного противотанково-огнеметного батальона 60-й армии. В период боевых действий на территории Германии весной 1945 г., «участвуя в уличных боях в городе Ратибор»², под пулеметным огнем противника установил в 40 метрах от огневой точки немцев 3 огнемета. По сигналу подорвал огнеметы, выведя из строя огневую точку, не дававшую возможности подойти к опорному пункту врага. Вместе с отделением пошел на штурм опорного пункта, вскочил в подвал каменного здания и очередью из автомата уничтожил немецкого пулеметчика»³. За этот бой ефрейтор В.П. Устюшин был награжден орденом Славы 3-й степени.

В военное время проблемами жилого фонда поселка, разумеется, не занимались – не до того было. Но и в послевоенное время они никуда не делись, а только усугубились. В 1946 г. забойщик шахты № 41 Орлов писал в районную газету «Сталинец»: «Я с семьей проживаю в доме № 5 поселка Октябрьское поле. Начался дождь, крыша вся протекла и в квартире нет сухого местечка. Мое прошение о починке крыши, с которым я обращался к десятнику ЖКО, осталось без ответа»⁴. И это, к сожалению, был не единичный случай.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в поселке городского типа, Октябрьский проживали 2617 мужчин и 3057 женщин. С 1963 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об укрупнении сельских районов, об образовании промышленных районов и городов Рязанской области» было изменено административное подчинение поселка. Город Скопин стал центром сельского и промышленного районов г. Скопин. В состав промышленного вошли: Скопин, рабочие поселки Горняк, Металлург, Октябрьский, Побединский (с 1963 г. – Заречный), Поплевинский и Центральный. Сельский район включал территорию Скопинского и Милославского районов. Однако уже в 1964 г. (после смещения Н.С. Хрущева с руководящих постов в партии и государстве) из-за неэффективности эта реформа была свернута, а разделение на сельские и промышленные районы ликвидировано.

К началу учебного года 1 сентября 1958 г. в Октябрьском открылось новое трехэтажное благоустроенное здание средней школы. Однако население поселка росло быстрыми темпами, и уже десять лет спустя детям приходилось учиться в три смены. В 1974 г. к основному школьному зданию была сделана пристройка, в которой разместились начальные классы.

«К 1966 г. на территории поселения располагались: Центральная механическая мастерская треста «Октябрьуголь», Скопинская автобаза Московского совнархоза, материально-техническая база треста «Октябрьуголь», домоуправление «Октябрьуголь», шахты №№ 1, 6 и 8, Скопинский завод силикатного кирпича, построенный в 1955 г., Скопинский завод электромоторов и электронасосов, основанный в 1960 г., Скопинская межколхозная строительная организация, созданная в 1962 г., отряд охраны треста. На территории Октябрьского

¹ ГАРО. Ф. П-2326, оп. 1, д. 1, лл. 32–33.

² Ныне Радибуж в Польше.

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690306, д. 3437, л. 177.

⁴ Сталинец, № 62 (11 августа 1946).

поселкового поселения было три клуба: “Железнодорожник” (поселок станции Коготково), “Победа” (поселок Комсомольский), “Ударник” (поселок Октябрьский). Два детских сада в Октябрьском, по одному в Коготково и Комсомольском. Школы: в Комсомольском – начальная и средняя с интернатом, Октябрьская средняя и рабочей молодежи, при шахте № 6 для умственно отсталых детей. Ясли: в Комсомольском – на 30 мест и в Октябрьском на 60 мест. Магазины: в Комсомольском – 4, Коготково – 3, Октябрьском – 5 и три палатки. А также 3 столовых и один филиал, комбинат бытового обслуживания, 3 почтовых отделения, три бани, амбулатория и 8 здравпунктов»¹.

В 1963 г. врач амбулатории М. Ломцова с гордостью сообщала в районной газете «Ленинское знамя»: «Жители поселка Октябрьское поле и близлежащих пунктов в начале января получили хороший подарок: для лечения больных открыто стационарное терапевтическое отделение на 25 коек. Много потрудились по его организации шахт и медицинский персонал»².

Работавший в поселке с 1960 г. Скопинский завод электромоторов и электронасосов поставлял свою продукцию во все республики СССР и в социалистические страны за рубежом. Его работники не оставались равнодушными к значимым событиям международной жизни. В 1964 г. районная газета «Ленинское знамя» с гордостью писала в статье «Скопинские моторы для Кубы»: «Секретарь партийной организации Скопинского завода электромоторов и электронасосов Алексей Иванович Канищев рассказал нашему корреспонденту:

– Коллектив нашего завода, как и все советские люди, с огромной радостью воспринял приезд в Советский Союз делегации революционной Кубы во главе с ее вождем Фиделем Кастро Рус. В честь этого волнующего события машиностроители встали на трудовую вахту мира и дружбы народов. По плану поставок завод должен в I-м квартале отправить на Остров Свободы 46 моторов и насосов. Подсчитав свои возможности, мы решили выполнить наряды для кубинских друзей в январе. Успешно несет вахту бригада коммунистического труда слесарей-сборщиков Ивана Полякова. Она работает с перевыполнением сменных норм, собирает машины с отличным качеством. С начала года завод выпустил для Кубы десятки моторов и насосов сверх плана».

Октябрьский имел регулярное автобусное сообщение с близлежащими поселками и г. Скопином. Об одном из таких рейсов сообщала в 1968 г. жительница поселка Л. Антонова: «К остановке на Октябрьском поселке подошел автобус. Началась посадка. Пассажиры входя в обе двери. Водитель автобуса Алексей Сергеевич Самохин вежливо предупредил:

– Товарищи, передняя дверь служит для выхода, но не для входа.

Посадка окончилась, и автобус стал набирать скорость, он шел в Скопин. На пути, между Корневым и Коготково, Самохин вдруг остановил автобус:

– Минуточку, – сказал он, обращаясь к пассажирам, – что-то случилось.

С ключом в руках вышел из кабины. И вскоре вернулся. Спина у него была вся в снегу. Видно, что ремонт он произвоил под машиной. Извинился перед пассажирами и дальше пошел автобус. Все были довольны»³.

Не меньшее удовлетворение высказала на странице газеты «Ленинское знамя» пенсионерка А. Мещанинова по поводу продуктового магазина: «Богатый ассортимент продуктов в нашем продовольственном магазине № 22 на поселке Октябрьский. И еще больше нас, жителей поселка, радует доброе, отзывчивое, культурное и вежливое отношение к

¹ Архив Скопинского района. Ф. 9, л. 2.

² Ленинское знамя, № 15 (27 января 1963).

³ Ленинское знамя, № 14 (3 февраля 1968).

покупателям, особенно престарелым, самих работников прилавка. Спасибо вам, Анна Семеновна Салтанова, Пелагея Семеновна Жаркова, Зинаида Романовна Семина. Разве можно не выразить свою признательность Екатерине Вышневецкой? Она без отрыва от производства окончила торговый техникум»¹.

Жители болели за родной поселок. Это чувствуется даже в критических заметках, обращавших внимание на имевшиеся недостатки. Местная жительница З. Николаева писала в 1968 г.: «Менее чем за полвека горяцкий поселок превратился в большой населенный пункт. На базе шахт создаются крупные предприятия. Построены многоэтажные дома, школа, клуб, амбулатория, административные здания, магазины. Есть большое спортивное поле. Все это радует. Но вот беда. Воздвигались жилые дома, а о строительстве подсобных помещений никому дела не было. И рядом с красивыми зданиями поналепили кто из чего мог сарай и изгороди. Поселок растворился во множестве этих построек»².

В соответствии с административно-территориальным делением Рязанской области на 1 января 1970 г. поселок Октябрьский подчинялся Скопинскому горсовету. На основании указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 апреля 1974 г. «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании хронических алкоголиков» и приказа МВД СССР № 320 от 14 ноября 1973 г. «Об открытии лечебно-трудовой профилактория в Рязанской области» в поселке Октябрьский на базе шахты № 8 открылся лечебно-трудовой профилакторий № 2 для лечения больных алкоголизмом. Лечащиеся работали на ближайшей шахте, на заводах железобетонных изделий и силикатного кирпича, других предприятиях Скопинского района. Собственными силами строились жилые и производственные помещения. Развивалось производство и подсобное хозяйство.

В июле 1994 г. в соответствии с приказом по УВД Рязанской области № 12 от 19 января 1994 г. лечебно-трудовой профилакторий № 2 был реорганизован с открытием на его материально-технической базе исправительно-трудовой колонии строгого режима № 3 с лимитом наполнения 550 человек. Были произведены строительно-монтажные работы, переоборудованы внешняя и внутренняя запретные зоны, инженерно-технические средства охраны и надзора. Построили здания караульного помещения, КПП, общежитие для сотрудников, комнаты для проведения длительных и краткосрочных свиданий осужденных с родственниками. В августе 2002 г. учреждению был изменен вид режима с общего на строгий – для осужденных бывших работников судов и правоохранительных органов.

В наши дни исправительная колония № 3 стала производственно-хозяйственным комплексом. Здесь работают и производят продукцию швейный и обувной цеха, прикухонное хозяйство. Имеется собственный сельскохозяйственный учебно-производственный участок, где занимаются содержанием и разведением крупного рогатого скота, свиноводством, растениеводством. В колонии создаются все условия для организации быта и досуга осужденных, отбывающих наказание, профилактики нарушений режима. Работает радиозузел, регулярно проводятся культурно-массовые и спортивные мероприятия. На территории колонии построен храм Святителя Николая Чудотворца, где совершаются богослужения, молебны.

Решением Скопинского городского Совета депутатов от 9 декабря 2004 г. № 94/16 «О наименовании жилых районов Октябрьский и Заречный, территорий бывших поселков Коготково, Комсомольский города Скопина Рязанской области» поселок Октябрьский стал одноименным микрорайоном города Скопина. В 2006 г. население микрорайона Октябрю-

¹ Ленинское знамя, № 54 (23 мая 1968).

² Ленинское знамя, № 144 (10 декабря 1968).

ский составило 3145 человек, из них трудоспособного возраста – 1854 человека, старшего возраста – 818 человек, учащихся – 256 человек (в том числе от 7 до 14 лет – 216 человек), дошкольного возраста – 217 человек. На его территории действовали средняя общеобразовательная школа, детский сад, больница на 50 коек, поликлиника, стадион, Дом культуры, 11 предприятий торговли, баня, СМУП ЖКХ № 2, администрация по работе с территориями микрорайонов Октябрьский, Комсомольский и Коготково. В микрорайоне насчитывалось 186 одноэтажных зданий, 30 двухэтажных, 1 четырехэтажное секционное и 3 пятиэтажных. Водопровод и газ были проведены в 90 % домов, канализацией обеспечены 60 %.

В конце 2015 г. в микрорайоне Октябрьский города Скопина располагались средняя школа (с 2011 г. – филиал Скопинской средней общеобразовательной школы № 1), действующий с 1987 г. клуб, в котором работают кружки рисования и хореографии, филиал городской библиотеки № 32, завод силикатного кирпича, детский сад «Колокольчик», поликлиника, баня, котельная, водонапорная башня. Имеются продуктовые магазины, магазин автозапчастей¹.

По данным за 2017 г. в микрорайоне Октябрьский, среди прочего, работают отделение «Почты России», магазин стройматериалов, спортивная площадка, аптека, супермаркет «Магнит». В 2016 г. была запущена станция очистки воды. В начале XXI в. из ветхого здания в новое переехала Октябрьская амбулатория. Действует садово-огородное товарищество. Продолжает работать и Скопинский завод электронасосов. В данный момент он специализируется на производстве низконапорных вертикальных центробежных полупогружных электронасосов для подачи СОЖ в металлорежущих станках с целью охлаждения режущего инструмента.

В 2012 г. по благословению епископа Скопинского и Шацкого Владимира² в микрорайоне Октябрьский города Скопина был заложен храм Всех святых, в земле Российской просиявших. В настоящее время его возведение и благоустройство продолжается усилиями прихожан и настоятеля – иерея Евгения Борисовича Герасимова. 3 июля 2016 г. в стенах воздвигающегося деревянного храма была совершена первая архиерейская Божественная литургия, которую возглавил епископ Скопинский и Шацкий Матфей.

---

¹ По материалам Скопинской районной библиотеки.

² Владимир (Самохин) (р. 1979) – епископ Скопинский и Шацкий в 2011–2014 гг., с 2016 г. – митрополит Хабаровский и Приамурский.

ОСИНОВО-ШИЛОВО

поселок

(сельское поселение Корневское)

Поселок Осиново-Шилово образовался на территории Скопинского уезда Рязанской губернии в начале 1920-х гг. вследствие слияние поселков Шилово и Осиново, появившихся близ торфяника при урочищах Шилово и Орлово. Название Шилово, помимо урочища, применялось также к близлежащей к нему местности Шилова гора (в 1926 г. там действовала каменоломня).

Первым появился поселок Шилово. Условное время его основания – 1921–1922 гг. В это время Скопинский уездный исполнительный комитет проводил работу по борьбе с «черезполосностью» и дальноземельем. Для этой цели проводилось расселение крупных сел и строительство новых крестьянских поселков, находившихся ближе к обрабатывавшимся ими земельным угодьям. Крестьяне-выселенцы пользовались серьезной государственной поддержкой. Им выдавались так называемые «домоводческие кредиты», организовывалось снабжение новоустрояемых поселков водой – рылись колодцы, бурились скважины, выкапывались пруды. Для обеспечения новых поселений строительными материалами возводились черепичные заводы. Помогали даже лошадьми.

Поселок Шилово появляется на топографических картах Скопинского уезда уже в 1921 г. Он представлял собой единственную улицу, протянувшуюся с юго-запада на северо-восток, по обеим сторонам которой стояли 16 крестьянских домов. Позднее – видимо, ок. 1925 г., – появился и примыкавший к Шилову с юга поселок Осиново. Уже на картах конца 1920-х гг. он обозначался как «поселок Осиново-Шиловский», «Шилово-Осиново» или «Осиново-Шилово». В 1926 г. в нем было указано 37 строений.

В 1929 г., когда было упразднено историческое административное деление на волости, уезды и губернии, поселок стал населенным пунктом Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1935 г. в нем был образован колхоз «7-й съезд Советов». В 1937 г. вместе с районом поселок был передан в новообразованную Рязанскую область.

В поселке Шилово-Осиново, входившем в Князевский сельсовет, на 1 января 1939 г. насчитывалось 39 дворов, из жителей которых 205 человек состояли в колхозе «7-й съезд Советов», а еще 28 человек оставались за его рамками. На колхозников приходилось 105 га уборочных площадей, в том числе под зерновыми и бобовыми – 92 га, картофелем – 10 га, овощами и бахчевыми культурами – 3 га. В 1938 г. местные колхозники собирали с 1 га 9,7 ц зерновых, 48,1 ц картофеля и 44,7 ц овощей. Каждый из 97 трудоспособных колхозников за 1938 г. выработал в среднем 62 трудодня, на каждый после распределения более 40 % доходов колхоза получил к выдаче 458 г зерна и 48 копеек деньгами¹. По отчету за 1938 г. в колхозе «7-й съезд Советов» в это время было 23 лошади и 3 жеребенка, 1 корова, 45 овец и 34 ягнят².

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

Согласно топографическим картам РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) в поселке Шилово–Осиново было 37 строений, которые четко делились на две группы – собственно Шилово и Осиново.

В 1941 г., несмотря на военное время, колхозу «7-й съезд Советов» Князевского сельсовета, которым руководил председатель И.Г. Костиков, удалось собрать неплохой урожай, рассчитаться по обязательным поставкам мяса и зерна с государством. Во многом это помогло жителям поселка относительно спокойно пережить лихую годину. Например, один только рядовой колхозник Егор Гаврилович Сережин, 63 лет, получил на свои 400 выработанных трудодней 74 пуда зерна (1,19 т), более 5 т картофеля, 5 пудов (80 кг) капусты, 14 кг меда, 4 кг шерсти, 120 пудов (1,9 т) грубых кормов и 12 пудов (1,9 ц) сена¹.

В 1950 г. разделенные во время Великой Отечественной войны князевские колхозы «Красная армия», «Красная заря» и «Красный прогресс» вновь объединились под названием «Красный прогресс»². К ним присоединился и колхоз «7-й съезд Советов» поселка Осиново–Шилово.

В январе–феврале 1963 г. все колхозы Князевского сельсовета, к которому в 1954 г. присоединились и населенные пункты упраздненного Петрушинского сельсовета, объединились в большой колхоз «Заря коммунизма». Его центральная усадьба находилась в селе Князево³. «Председателем нового колхоза избрали М.М. Демидова. Площадь хозяйства превысила 4000 га»⁴. В 1967 г. на территории Князевского сельсовета работали 2 клуба (в Осиново–Шилово был построен как раз в 1967 г.), 2 библиотеки, 2 медпункта, 2 начальные школы – Князевская восьмилетняя и Петрушинская средняя, а также колхоз «Заря коммунизма»⁵.

По административно–территориальному делению Рязанской области 1970 г. поселок Осиново–Шилово значился в Князевском сельсовете, включавшем также села Князево, Петрушино и деревню Велемью⁶.

К концу 1980-х гг. Осиново–Шилово превратилось в неперспективную деревню – молодежь разъехалась в соседние села и города, а в поселке остались преимущественно пенсионеры. В 1990-х гг., с началом нового этапа в жизни страны, кризис сельского хозяйства лишь усугубился – с развалом колхозов и совхозов работать стало негде.

Жизнь в Осиново–Шилове теплилась до самого конца XX в. Последней жительницей поселка стала 89-летняя Анна Ивановна Шершнева, покинувшая его в 2000 г.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» поселок Осиново–Шилово был включен в Корневское сельское поселение. Это решение носило чисто формальный характер – населенный пункт к этому времени фактически перестал существовать. В настоящее время территория бывшего поселка быстро зарастает лесом, скрывающим последние развалины давно покинутых жителями домов.

¹ Сталинец, №25 (29 марта 1942).

² Архив Скопинского района. Ф. 39, л. 2.

³ Архив Скопинского района. Ф. 38, л. 2.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 173.

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 39, л. 2.

⁶ Рязанская область. Административно–территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С. 96.

ПАВЕЛЕЦ

село

(городское поселение Павелецкое)

Окрестности современного села Павелец были облюбованы человеком еще в незапамятные времена – это подтверждают данные археологических исследований. В 1928 г. советский археолог Н.П. Милонов зафиксировал близ села курганный могильник неопределенной древности, находившийся на правом берегу р. Верды. Также в районе Павельца в 1990 г. были локализованы три средневековых селища, датируемые XIV–XVII вв. «Селище-1» находится в 1,8 км в северо-востоку от центра села, на правом пологом берегу р. Верды, имеет размеры ок. 260 x 170 м и толщину культурного слоя до 0,2 м. «Селище-2» располагается в 2,2 км к северо-востоку на мысовидном выступе надпойменной террасы той же реки (в 0,5 км от «Селища-1»), имеет размеры 330 x 250 м и культурный слой до 0,3 м толщиной. Наконец, «Селище-3» было выявлено в 2 км к востоку от села и в 1 км к северу от станции Павелец-I между р. Вердой и берегом небольшого озера. Площадь этого памятника – ок. 220 x 175 м, толщина культурного слоя до 0,5 м. На всех трех селищах были обнаружены фрагменты позднесредневековой гончарной керамики, в т. ч. чернолощеной и мореной XVI–XVII вв., а в культурном слое «Селища-3» – еще и остатки керамических литейных форм¹.

Основание самого села Павелец на землях Скопинской дворцовой волости царя Алексея Михайловича относится к середине XVII в. Видимо, первоначально оно было деревней, но в 1669 г., со строительством приходской Архангельской церкви, стало селом. В окладных книгах монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненных при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 г. значится: «Архангельская церковь, двор попа Симеона, двор дьячков, двор церковного бобыля. В приходе 78 дворов крестьянских, 7 дворов бобыльских, церковной пашни 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на 50 копен»². И.В. Добролюбов, со ссылкой на те же окладные книги, сообщает, что возведенная в 177 (1669) г. Архангельская церковь «в том же году и обложена была данью в количестве 2 руб. 6 алтын и 2 денег. «А преж того, – замечено в тех же окладных книгах, – с тое церкви дани не было. Приход выселился внове из тутошних окольных сел и старых приходов»³.

Не исключено, что появление села Павелец, как и, например, села Мшанки, лежащего на противоположном берегу Верды, было связано с введением десятинной пашни в Скопинской дворцовой волости в 1663 г. В это время возросшие расходы на ведение Русско-польской войны 1654–1667 гг. потребовали расширения местного пашенного хозяйства. По этому поводу царь Алексей Михайлович наказывал: «...А поля бы все учинить от скопинских

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. 1996. С. 123–124.

² Книги окладные монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков]. Рязань: Александрия, 2004. С. 355–356.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 196.

пашень особо»¹. Это требование приводило к тому, что если существовавшие на момент реорганизации пашенных полей селения мешали их расположению в соответствии с царским наказом, то их сносили, землю распахивали, а крестьян переселяли в другие места. Возможно, воспоминание именно о таком событии легло в основу «народной этимологии» происхождения названия Павелец – оттого, дескать, что «царь повелел» крестьянам переселиться сюда.

В действительности же наиболее убедительно выглядят две версии появления названия села. В соответствии с первой предполагается, что оно отсылает к имени первопоселенца – Павел, с уменьшительным суффиксом *-еу*. Вторая же выводит топоним из названия «речки Павелец», на которой было основано селение (в некоторых документах она упоминается как «ржавец Павелец», т. е. ручей из болота, содержащий окислы железа). Объясняя же смысл гидронима Павелец, нелишним будет вспомнить, что «павел» – это не только имя собственное, но еще и диалектное название паука. В.И. Даль упоминает его среди других диалектизмов и эвфемизмов, употреблявшихся в России применительно к паукообразным: «...Павук, павок, павко, павел, мизгирь, муховор, сетник, кошель, тенетник»². Последняя версия начинает выглядеть еще более привлекательно после анализа картографического материала. При размежевании местных земель по указу Алексея Михайловича с учетом необходимости организации десятинного пашенного хозяйства лица, его проводившие, неизбежно должны были иметь на руках какой-то чертеж близлежащих земель. Ни одной карты окрестностей Павельца XVII в., разумеется, не сохранилось, однако при взгляде на планы Генерального межевания 1779 г. бросается в глаза следующая особенность: край изобилует водой, и в р. Павелец еще в XVIII в. вплоть до места ее впадения в Верду вливалось множество безымянных ручьев – 11 по левому берегу и 12 – по правому. Эти ручьи складывались на плане в фигуру, очень напоминающую расположение конечностей паукообразного членистоногого. Возможно, именно данное обстоятельство дает ключ к разгадке смысла названия Павелец.

Так или иначе, избранное для поселения место оказалось на редкость удачным. По переписной книге 1675 г. в селе Павелец было уже 78 дворов крестьянских и 4 бобыльских, в которых проживали 365 душ мужского пола. Жители запахивали на царя 47 дворцовых десятин земли в одном поле. Ежегодно крестьянами поставлялось к царскому двору 75 пудов свиного мяса (1,2 т), 47 баранов, 47 гусей, 94 утки и 70 сушеных кур³. Как правило, поставка оброчных баранов (живых) осуществлялась «к Петрову дни, другой половины к Успеневу дни»: «Того ж числа (20 (30) июня 1666 г. – *Примеч. авторов*) по отписке с Скопина воеводы Андрея Мерчукова прислано с целовальником и с погонщиками с Корнюшкою Прохоровым с товарищи первую половину племянных овец 70 баранов, оброчных со крестьян 458 баранов, и те бараны велено ис Хлебного приказу отослать во дворец...» Свиные туши и битую птицу отправляли в Москву в ноябре-январе, сушеных кур – чаще всего по весне. Так, например, в мае 1664 г. скопинский воевода Денис Остафьев отписывал в Тайный приказ: «...Собрано Скопина з горотцких и с уездных крестьян и стрельцов, ис казаков, и с посатцких люди и прислано к Москве столовых запасов 1541 курица с полукурицею сушеных...»⁴

¹ Заозерский А.И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917. С. 99.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 3. М.: Астрель: АСТ, 2001. С. 23.

³ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 143.

⁴ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. СПб., 1907. С. 1014, 1063, 1205–1206.

В переписной книге 1710 г. о Павельце сообщалось: «...В том селе церковь во имя Архистратига Михаила, у тое церкви поп Василий Самсонов, у него попадья Евдокия Павлова <...>, дьячок Герасим Семеонов <...> дьячок Давид Семеонов <...>, пономарь Петр Петров <...>, против 186 (1676) года семнатцать дворов убьло, а тех де дворов жители после переписи 186 года с тяглыми своими жеребьями сошли в Скопинский же уезд в село Мшанка»¹.

Согласно ревизской сказке 1-й ревизии податных сословий России, проводившейся ок. 1719 г., старостой села Павелец был Емельян Иванов сын Гутаров. «Старожилами села» считались крестьяне Мирон Хиров, Ананий Свиных, Осип Федоров, Андрей Мартинов, Филипп Ульянов, Иван Антонов, Борис Осипов, Яков Федоров, Панкратей Шелемов, Сергей Григорьев, Ермошка Королев, Козма Гаврилов, Савелий Антонов, Сергей Назаров, Емельян Кобузов, Данила Акимов, Петр Денисов, Матвей Титов, Кондратей Антонов, Федор Архипов. Всего в Павельце в это время насчитывалось 37 дворов².

В 1732 г. Павелец вместе с другими селениями Скопинской дворцовой волости перешел в ведомство дворцовой Конюшенной канцелярии, а его жители, бывшие ранее дворцовыми, стали конюшенными, или коннозаводскими, крестьянами. Работа на десятинной пашне превратилась в их основное занятие.

О приходской церкви села Павелец И.В. Добролюбов сообщает: «В 1734 г. при Архангельской церкви значатся уже два попа, хотя количество дворов осталось то же, какое было при ней в XVII столетии. В 1762 г. марта 20 (31) прихожане просили дозволения на построение вместо прежней, существовавшей более ста лет и обветшавшей, новой деревянной церкви в прежнее храмоименование, которая через два года была окончена. В 1764 г. октября 26 (ноября 6) иерей Даниил Васильев просил об освящении новопостроенной в селе Павельце церкви, что и предписано было исполнить Рязского Дмитриева монастыря игумену Герману»³. Из священников, служивших в павелецкой Архангельской церкви в XVII–XVIII вв., известны, таким образом, Симеон (упоминался в 1676 г.), Василий Семеонов (в 1705–1734 гг.), Даниил Васильев (с 1734 г.), Иоанн Федоров (с 1734 г.), Илья (упоминался в 1792 г.) и Петр Ильин (с 1799 г.)⁴.

В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., в селе Павелец значится «по последней ревизии 91 двор, 298 душ мужского пола и 299 женского. Лежит реки Верды на правой, а речки Павельца на левой сторонах, и по обе стороны большой дороги из города Епифани в Скопин, церковь деревянная во имя Архистратига Божия Михаила»⁵. Селение было вписано в изгиб речки Павелец близ ее впадения в Верду и разделялось проходившей через него большой дорогой так, что огороды напротив главного порядка с отдельными дворами располагались между дорогой и Вердой, а по другую сторону дороги с внешней стороны стояла приходская церковь в центре и главный порядок крестьянских домов протяженностью в 200 сажений (426 м), примыкавший к речке Павелец перпендикулярно. На правом берегу р. Павелец также располагались до 5 крестьянских дворов⁶.

В соответствии с указом Правительствующего Сената от 7 (18) августа 1797 г. «О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего управления ими» скопинские

¹ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 589, 600.

² РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 3175, л. 52.

³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 196.

⁴ Там же. С. 197.

⁵ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 15 об; д. 1241, л. 6.

⁶ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 1, В-32 кр.

владения дворцового коннозаводства образовали Коннозаводскую (Военно-коннозаводскую) волость. По другим данным, казенных волостей было пять, и в их числе три коннозаводские: Павелецкая, Новоалександровская и Казинская.

В 1827 г. берг-гешворен (чиновник XI класса Горного департамента) Вершинин открыл месторождение бурого угля «между селами Павельцем, Мшанкой, Хворощевкой и Делеховым, кои приписаны к казенным заводам...»¹ Однако в то время никакого экономического эффекта это открытие не произвело, и ему пришлось еще несколько десятилетий дожидаться своего часа.

С начала XIX в. в Архангельской церкви села Павелец служили священники Иоанн Ильин (с 1815 г.), Иоанн Варфоломеев и Прокопий Харитонович Успехов (в 1840–1890 гг.)². Последнему выпала честь стать пионером местного образования. В 1847 г. по инициативе П.Х. Успехова в Павельце была открыта сельская приходская школа, которая помещалась в его собственном доме и содержалась на сумму, отпускавшуюся Палатой государственных имуществ³.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в это время в Павельце насчитывалось 185 дворов. Село лежало при большой дороге из Скопина в Епифань, через него протекал впадавший в Верду ручей Павелец, а его восточная граница проходила по ручью Лихой. Церковная земля сельского Архангельского храма находилась как раз при слиянии последнего ручья с Вердой. На западной окраине села при дороге в Епифань стояли три ветряные мельницы – 1 к северу от дороги и 2 – между дорогой и ручьем Павелец⁴. По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения Российской империи в селе Павелец Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 156 домохозяйств государственных душевых крестьян, в которых проживали 889 душ мужского пола и столько же женского⁵. По сведениям 1859 г., в «Павельце, селе казенном при р. Верде», лежавшем в 16 верстах от уездного города, насчитывалось 195 дворов и по-прежнему проживали 889 мужчин и 889 женщин⁶.

После отмены крепостного права в 1861 г. село стало центром Павелецкой волости Скопинского уезда. Эпоха реформ Александра II ознаменовалась для села двумя знаковыми событиями. Во-первых, 16 (28) июля 1856 г. от удара молнии в Павельце сгорело старое здание Архангельского храма. В «Описи Михайло-Архангельской церкви», составленной священником П.Х. Успеховым в 1880 г. и сохранившейся в рукописи у павелецкого краеведа В.Н. Аносова, сообщаются следующие подробности: «Первоначально на место сгоревшей церкви была построена временная деревянная церковь-часовня вблизи сгоревшей церкви, которая находилась на том месте, где в настоящее время стоит училище Министерства народного просвещения. Временная церковь была посвящена во имя Св. Николая Чудотворца Мирликийского. Из ней <впоследствии> иконостас был перенесен в придельную каменную церковь, а стены были проданы в село Горлово Рязского уезда». Возможно, нетрадиционное для села

¹ Цитата из неизвестного источника содержится в анонимном конспекте одного из участников Рязанской комплексной географической экспедиции, проводившейся МГУ им. М.В. Ломоносова в 1939–1940 гг. Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Рукопись описания Горлового района, л. 16.

² Там же. С. 197.

³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 197; Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год, Рязань, 1868. С. 238, 239.

⁴ Карта А.И. Менде 1850 года. 1 см – 420 м.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 26.

⁶ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 74.

храмоименование для временной деревянной церкви было избрано в память об императоре Николае I, скончавшемся в 1855 г., или же по святому покровителю наследника престола цесаревича Николая Александровича (1843–1865), старшего сына царствовавшего монарха.

В 1859 г. в селе началось возведение кирпичного здания новой Архангельской церкви с Никольским приделом. Строительство, по свидетельству П.Х. Успехова, осуществлялось «иждивением прихожан, с пособием от добротных дателей, по плану и фасаду Рязанскою губернскою строительною комиссию одобренному и утвержденному 1859 г. февраля 11 (23) дня Рязанским архиепископом Смарагдом»¹, и продолжалось до 1867 г. «Освящен настоящий храм, – писал далее П.Х. Успехов, – в 1867 г., октября 8 (20) дня Скопинским соборным протоиереем Иоанном Антизитровым». Известны имена первых церковных старост нового храма: в 1860–1869 гг. эти обязанности исполнял местный крестьянин Василий Давыдов, в 1869–1879 гг. – Анисим Борисов Назаров.

В 1880 г. павелецкий священник, основываясь на «описи 1869 г.», сообщал о церковном здании следующее: «Михаило-Архангельская церковь зданием каменная, двухпристольная, с одним пристолом, деревянными сводами – как в настоящей, так и в пристольной, покрыта вся железом с одною главою на настоящей. Фонарь на своде настоящей деревянный, обитый простым железом. Глава и яблоко покрыты белым железом. Крест на главе железный, вызолоченный червонным золотом. <...>. Придельная или трапезная церковь одноэтажная, пристроена вплоть к западной стене настоящей, в проходе в которую вставляются на зиму двойные деревянные двери с большими стеклами <...> Между придельною церковью и колокольнею помещается притвор, в нем два окна без решеток, из колокольни в притвор – деревянная дверь, обшита листовым железом. <...> Колокольня каменная четырехэтажная, покрытая железом, пристроена вплоть к притвору с запада, отстроена она в 18[...] году. Занимает она площадь 12 квадратных аршин, а вышина ей [...] аршин, крест на ней деревянный, обшитый белым листовым железом <...>. На ней в четвертом этаже шесть колоколов следующие: Праздничный, большой колокол, отлитый в 1870 году января 30 дня, весом в 207 пудов 13 фунтов. Полиелейный колокол, средний колокол весом в 52 пуда, отлитый в том же 1870 году. Будничный колокол, отлитый в 1857 году, весом в 14 пудов 37 фунтов. Малый колокол, весом в 4 пуда 2 фунта. Малый колокол весом в 1 пуд 20 фунтов. Самый меньший колокол весом [...]. Весь иконостас сделан в 1867 году; иконы писал скопинский живописец Александр Васильев, а столярную и резную работу производил столяр Скопинский мещанин Иван Степанов Федосеев». <...> Иконы жертвовались московскими водовозами в 1885 году, крестьянкою села Павельца Параскевою Зенкиною, петербургской белошвейкою Марией Востоковой».

В 1884 г. И.В. Добролюбов писал об Архангельской церкви в Павельце: «При ней церковной земли состоит 35 десятин (38,2 га). В приходе, состоящем только из одного села, <...> при 258 дворах числится мужского пола 1014, женского пола 1052. <...> По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 1 псаломщик»².

Во-вторых, в непосредственной близости от села Павелец пролегла линия Рязско-Вяземской железной дороги. Начало ее строительству было положено созданием Общества Скопинской железной дороги, которое было учреждено 26 июля (6 августа) 1869 г. 8 (20) декабря 1870 г. был открыт для движения участок железной дороги от Рязска до Скопина. Второй участок от Скопина до станции Павелец был открыт для движения 10 (22) марта

¹ Смарагд /Крыжановский/ (1796–1863) – архиепископ Рязанский в 1858–1863 гг.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 197.

1872 г. В том же году была введена в эксплуатацию железнодорожная станция Павелец (позднее Павелец–Сызранский или Павелец-2), при которой начал разрастаться пристанционный поселок. В 1874 г. была открыта линия Павелец – Узловая – Тула – Вяземская – Калуга – Алексин – Вязьма.

Включение Павельца в маршрут железной дороги не было случайностью. С конца 1860-х гг. в окрестностях села разрабатывались каменноугольные залежи, открытые в 1827 г. Первые разведки и добыча каменного угля были осуществлены компанией К.И. Мангольда, И.Г. Рыкова и Е.М. Бернарда в конце 1860-х гг. Главным распорядителем был инженер-техник А.А. Иордан. В описании Павелецкого рудника в 1870 г. сообщалось, что уголь залегал в холмистой местности, «начинающейся от самого села и продолжающейся к югу до пересекающего ее большого оврага. В этом пространстве, имеющем до пяти верст протяжения, в настоящее время заложена шахта и две буровые скважины, шахта находится в южной части описываемого холма, непосредственно примыкающей к оврагу и составляющей его пологую сторону. Уголь открыт тут на глубине 15 аршин <...>. Тамошний угольный пласт составляют собственно шесть слоев, разделенных между собою незначительными прослойками синей глины»¹. Для разработки местных залежей каменного угля в 1872 г. было образовано «Акционерное общество каменноугольной промышленности Московского бассейна». Д.Г. Оника в своей книге «Подмосковный угольный бассейн. 1855–1955» (1956) отмечает: «Павелецкий рудник имел две шахты и добывал в год свыше миллиона пудов угля. Временами количество рабочих доходило до 300 человек. Уголь сбывался главным образом железной дороге»². Планы акционерного общества были грандиозны. В изданной им перед реализацией капитала рекламной брошюре (Московский каменноугольный бассейн и Павелецкие копи, СПб., 1872), количество каменного угля в Павельце определялось в 1 миллион пудов (16 тыс. т) с десятины. Заарендовано же было обществом 10 тыс. десятин (10,9 тыс. га)³. За три года работы (1871–1873 гг.) он дал 65 тыс. т угля⁴. Тем не менее общество скоро распалось, а рудник закрылся, как считали современники – вследствие авантюрной стратегии ведения бизнеса одним из компаньонов – скопинским банкиром И.Г. Рыковым.

В связи со случившимся в 1882 г. крахом Скопинского городского общественного банка в ходе судебного процесса против его владельца всплыли и некоторые обстоятельства закрытия Павелецких каменноугольных копей. Рязанский помещик действительный статский советник Е.М. Берnard, некоторое время служивший в Рязанском губернском по крестьянским делам присутствии, показывал: «...Что касается неумения его вести коммерческие дела, то он достаточно доказал эту неспособность тем, что погубил предприятие каменноугольных копей. Погублено было это предприятие отчасти сумасбродными выходками Рыкова, непроизводительными затратами и, наконец, окончательным уничтожением предприятия лишь вследствие того, что ему понадобились деньги на операции банка. В доказательство самодурства Рыкова и неумения его вести дело представляю при сем уцелевшее у меня письмо на мое имя заведовавшего работами на каменноугольных копиях инженера Кочержинского, ныне умершего...»⁵

¹ *Щуровский Г.Е.* О новых разведках каменного угля в Рязанской губернии. М.: тип А.И. Мамонтова и Ко, 1870. С. 25–26.

² *Оника Д.Г.* Подмосковный угольный бассейн. 1855–1955, М.: Московский рабочий, 1956. С. 39.

³ Рязанско-Уральская железная дорога и ее район. СПб.: Правление О-ва Рязан.-Урал. ж. д., 1913. С. 93–94.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района, л. 16.

⁵ *Коростелев В.А.* Царская вотчина во второй половине XVII – в первой половине XVIII века: очерки. М.: Сам Полиграфист, 2013. С. 134.

Письмо М. Кочержинского от 25 августа (5 сентября) 1874 г. было изложено в протоколе от 22 марта (2 апреля) 1883 г. в ходе предварительного следствия: «Из содержания письма видно, что Кочержинский, заведя работами на Павелецких угольных копях, жалуется на самодурство, грубость и невежество Рыкова, говорит о его неумении вести дело, о том, что он безо всякого смысла бросает десятки тысяч и урезывает гроши на серьезные дела, рассказывает, что принял на себя заведование на Павелецких рудниках, уверяет, что сделал это только для Бернарда. Затем пишет, что работы идут недурно, что могли бы идти гораздо лучше, если бы Рыков не умудрялся пакостить этому делу, а в конце концов просит Бернарда устроить его удаление от заведования работами на руднике ввиду невозможности далее оставаться вследствие безумных выходов Рыкова»¹.

Е.М. Бернарду вторил инженер-техник А.А. Иордан, в 1880-х гг. проживавший в селе Печерники Сызранского уезда Симбирской губернии: «Я заведовал копиями (с момента их основания) год на правах хозяина и не знал, что Мангольд (К.И. Мангольд, бывший метрдотель двора великого князя Николая Николаевича-старшего, в качестве доли имел вексель Скопинского банка на 50 000 рублей), отстраняя меня, пригласил Рыкова и Бернарда, я узнал об этом, когда Рыков стал вмешиваться в дела, тут же мне Рыков предложил отказаться от этих копей за 8 тысяч рублей. Разработка каменного угля в Павельце была неубыточна, а выгодна, я еще в свое время продал на Саратовскую и Воронежскую дорогу каменный уголь больше 2 млн пудов, продал же я уголь по 13 копеек, тогда как вся выработка его составила всего 4 копейки с пуда»².

В ходе строительства и первых лет эксплуатации Рязско-Вяземской железной дороги (с 1890 г. – Сызрано-Вяземской) также было выявлено немало упущений. Например, много-раскосный мост через р. Ранову «вследствие подмыва и повреждения одного его устоя весенними водами был перестроен в 1879 г. <...> весенними водами в 1880 г. бык моста был вновь разрушен». На участке от Вязьмы до станции Павелец были уложены стальные рельсы длиной 20 футов, а от Павельца до Рязька – 26-футовые железные рельсы, которые с 1875 г. пришлось менять³. Всего на Рязско-Вяземской железной дороге было устроено 44 остановочных пунктов. Все станции, кроме Рязька-товарного и разъездов, имели отдельные пассажирские здания, причем на станциях Калуга, Павелец, Скопин и Желтухино при них имелись и помещения для служащих. На 1 января 1880 г. станция Павелец относилась к 4-му классу, включала одноэтажное здание, две стрелочных будки и товарные помещения: крытых – 40, открытых – 70. Для заправки водой использовался ключевой колодезь, состоявший из системы двух водоемов. Между станциями Павелец и Скопин был устроен постоянный телеграфный пост. Все станционные водопроводные трубы были чугунными, соединенными раструбами на свинце и отчасти на специальной мастике. В 1900 г. на станции Павелец грузилось одного только хлеба до 60 тыс. пудов (960 т)⁴.

В 1870 г. Министерством народного просвещения было основано Павелецкое двухклассное смешанное училище. Его здание было возведено на средства Павелецкого сельского общества с «пособием от министерства». Школа в Павелецкой волости по своему оборудованию считалась лучшей во всем Скопинском уезде.

В 1875 г. Рязанское губернское земство проводило ревизию ряда уездов губернии, в число которых попал и Скопинский. В отчетных материалах ревизии сохранилось подроб-

¹ Коростелев В.А. Царская вотчина во второй половине XVII – в первой половине XVIII века: очерки. М.: Сам Полиграфист, 2013. С.135.

² Там же. С.136.

³ Рязско-Вяземская железная дорога. СПб., Б.и., 6/г. С. 2, 8–9.

⁴ Рязско-Вяземская железная дорога. СПб., Б.и., 6/г. С. 18–19, 30–31, 44.

ное описание Павелецкой волости, составленное анонимным представителем земства: «На 18-й версте от г. Скопина по Елифанскому тракту, на правом берегу р. Верды лежит село Павелец, раскинувшись версты на 1½ по обе стороны большой дороги в длину ся. Это село составляет центр волости, общества которой расположены в селах Мшанке, Лазинке и Хворощавке. Первые два села на левом берегу Верды, в 1-й и 2-х верстах от Павельца. По этому же берегу прошла Рязско-Вяземская железная дорога, окаймленная с обеих сторон дугами этих обществ. Более благоприятных условий, чем те, в которых находится население этой волости, трудно приискать: поля крестьянского надела окружают общества, грунт черноземный, дуга поемные, наконец, минеральные богатства, о которых будет сказано ниже, речка Верда и железная дорога. Не достает одного леса, но как топливо он легко может замениться каменным углем, разрабатываемым на Павелецкой шахте, или торфом, которым изобилуют берега р. Верды, но о котором при обилии каменного угля нет оснований много заботиться. Как строительный материал и как растительность, обуславливающая климат – лес, конечно, был бы весьма желателен. Всего в волости 3237 ревизских душ мужского и 3279 душ женского пола; по метрическим книгам – 3580 душ мужского пола и 3735 душ женского пола; следовательно, после ревизии <1858 г.> население возросло на 799 душ, т.е. более чем на 12 %. Количество душ по обществам: село Павелец – по ревизии 889 мужского пола, 889 женского; по метрическим книгам 913 мужского пола и 955 женского пола. <...>

Между обществами постоянное сообщение по устроенному на р. Верде мосту, только в полую сильную воду иногда мост сносится, и тогда на 1 неделю езда приостанавливается впредь до постройки нового. С городом волость сообщается большою Елифанскою дорогою, где стан и камера мирового судьи. Земская почта посещает волостное правление каждую среду и субботу.

Волостной суд, сельские и волостные сходы преимущественно открываются по праздникам, а если в будничные дни, то только вследствие накопления дел или в случае особых дел, не терпящих отлагательства, как например, по предложению исправника или непременно члена. Из сведений, собранных мною вообще при ревизии, я получил убеждение, что волостные суды большею частью стоят в зависимости от старшины и другого начальства, что самостоятельность в судьях проявляется в весьма редких случаях, да если она иногда и проявляется, то только на бумаге, потому что все решения приводятся в исполнение не особым органом суда, а теми же старостами и старшинами, которые всегда имеют возможность не только не вполне привести в исполнение решение суда, несогласованное с их взглядом, но и вовсе не исполнять, особенно если старшина пользуется нравственным кредитом у начальства. Примеров тому можно привести почти во всякой волости: достаточно обратить внимание на графу, в которой делается отметка о времени исполнения решений, и из которой видно, что почти половина их совсем не приводится в исполнение, хотя решения вошли давно в законную силу. Подобное обстоятельство встречается и в книге Павелецкого волостного суда, где истец крестьянин с. Павельца Семен Михайлов по делу о выделе ему части из движимого имущества отца его выслушал решение еще 21 июля (2 августа) 1874 г. и тем должен был удовлетворяться до сего времени; старшина Крючков не сочувствует этому решению, и оно остается решением, вошедшим в законную силу – и только, а Михайлов может сколько угодно обращаться с жалобами к членам присутствия и даже получать следующие записки: “Поручаю Павелецкому волостному правлению к 1 июля исполнить решение волостного суда о выделе части Семену Михайлову 17 (29) июля” – а решение все остается и до сего времени только решением, давно вошедшим в законную силу. Другой пример по делу о взыскании ко-

нохом Харитоном Ивановым денег за проданную конюховскую квитанцию, по которому суд 16 (28) марта сего года постановил взыскать с братьев 100 руб. в пользу Харитона Иванова. (Иванов знал, что квитанция эта продана за 800 руб., просил особо Уездное по крестьянским делам присутствие об уплате ему этой суммы, т. к. квитанция передана была его родным за его смертью, но он состоит сам в живых). Но решение это оставлено без исполнения, хотя также вошло в законную силу и вовсе не было обжаловано, потому, как сказано в отметке, что жалоба Харитона Иванова на действие сельского схода, предоставившего квитанцию за его, будто бы, смертью родным его, оставлена без уважения уездным присутствием. Словом, из 28 приговоров волостного суда, состоявшихся за последнее время, приведено в исполнение только три приговора. Причину неисполнения этих решений старшина объясняет неисправностью старост. Кстати, по поводу конюховских квитанций не лишним будет сказать несколько слов. Павелецкая волость, как и многие другие, прежде принадлежала к коннозаводскому управлению, которое при упразднении весь свой архив передало в Павелецкое волостное правление; в архиве этом отыскано было 14 квитанций разных сельских обществ за крестьян, поступивших вместо рекрут в конюхи казенных заводов. Квитанции эти при общем рекрутском наборе зачитывались своевременно за рекрут, подлежащих к сдаче этими обществами, но, не зная последнего обстоятельства и предполагая, вероятно, что квитанции эти могут быть зачтены, волостное правление 9 (11) марта 1874 г. за № 110 донесло посреднику, что при уборке старых дел найдены 14 квитанций, которые переданы в разные общества для выдачи по принадлежности. 17 (29) мая за № 4514 Казенная палата требовала, чтобы волостное правление представило все дела, при которых найдены эти квитанции, на что правление 12 (24) июня за № 276 ответило, что исполнить требования палаты не может, потому что квитанции не были подшиты ни к каким делам, а были разбросаны в общей куче старых дел. 6 (18) августа за № 819 г-н исправник спрашивал волостное правление, не хранятся ли квитанции конюхов Казинской волости Герасима Лукина и Семена Васильева и Гремячинской волости Ильи Пафнутьева, причем предвещал, что вообще сокрытие квитанций с целью воспользоваться неопытностью владельцев будет преследоваться уголовным порядком. На это 12 (24) августа за № 418 правление донесло, что требуемых квитанций нет, а оказавшиеся 14 квитанций переданы в общества.

Этим кончается вся переписка о квитанциях в волости; по сельским же приговорам квитанции эти предоставлялись обществом родным конюхов, в числе которых была и квитанция Харитона Иванова, проданная, как объясняет его жена в прилагаемом прошении, за 800 руб. По слухам, и остальными квитанциями шла довольно деятельная торговля: вышито было немало вина и сделано много расходов на маклерство, конечно, ввиду больших выгод, так как цены на квитанции доходили до 10 и более тысяч. Недолго, однако, пришлось обольщать себя надеждой, разочарование не замедлило явиться в виде разъяснения Министерства государственных имуществ, что квитанции эти уже зачтены.

Старшина Федор Акинфиев Крючков грамотен, также и сборщики податей, старосты же все неграмотные.

На площади близ церкви помещается двухклассная образцовая школа. В бытность мою учащиеся и учителя пользовались каникулярным временем, и познакомиться с делом учения я не мог. Само же помещение просторное и сухое: липовый дом с мезонином, крытый железом, 18 арш. длины и 15 арш. ширины; внутреннее размещение состоит внизу из зала, где учатся дети младшего класса, рядом комната учителя, затем кухня и две мастерские столярной и токарной работы; наверху в одной большой комнате помещается учитель старших классов, а рядом в меньшей комнате – другой учитель учащихся в школе мальчиков, мест-

ных крестьянских детей. Школа снабжена небольшим количеством учебных пособий; книг, кроме учебников, нет; инструментов мало, особенно, как объяснял попечитель этой школы Никифор Васильевич Кормилицын, бывший старшина, при той охоте мальчишек к ремеслам, которая берет даже верх над учебною частью. Школа состоит в ведении Министерства народного просвещения, содержится на счет казны с незначительною помощью от общества. <...>

Больницы местной нет, в крайних случаях пользуются городской или на каменноугольной шахте. Земский врач посещает 1 раз в неделю, по понедельникам, волостное правление, куда собираются к нему больные, которые снабжаются лекарствами, хранящимися вместе с архивом коннозаводского управления в отдельной комнате волостного правления не в лучшем против последнего порядке: склянки и банки без ярлыков и надписей, с достаточным количеством пыли.

В селе живет от земства акушерка, занимающаяся также оспопрививанием; к обеим ее специальностям крестьянское население обращается весьма охотно.

На вопрос мой о сифилисе мне объяснили, что об нем не слышать, дурная же болезнь бывает, а потому она дурная, что переседает носы, мест ее распространения указать не могли, равно и о мерах, принимаемых против нее. К доктору с этою болезнью не являются, а лечатся где-то на стороне.

В 1870 г. была холера: в с. Павельце умерло человек 30, и столько же умерло в селах Мшанке и Хворощевке; доктор в то время бывал часто в с. Павельце, но в Мшанку и Хворощевку не ездил.

Все общества Павелецкой волости остаются на натуральном обеспечении народного продовольствия (т.е. на случай неурожая засыпали зерно в амбары, называвшиеся магазинами – *примеч. авторов*). Дело это, как я слышал, в волости шло весьма исправно при заведывании ею коннозаводским управлением: в магазинах состояло полное количество хлебной пропорции, каждую осень хлеб обменивался, и только к весне дозволялось в обыкновенные годы разбирать половинную часть запаса, которая осенью же возвращалась, но с переходом волости в ведение мировых по крестьянским делам учреждений запасы уничтожились, но когда и вследствие каких общественных бедствий опустели житницы с 6000 четвертей хлебного запаса – предание молчит.

В с. Павельце два магазина, каждый в 22 арш. длины и 10 арш. ширины, один в 16, а другой в 18 закровов; часть соломенной крыши снесена ветром; внутренне устройство амбаров напоминает его лучшее прошлое, но не время произвело разрушение, а течь, сырость стноила перерубы и местами обрушился пол. Хлеба найдено полное количество, показанное в ведомости Скопинской управы, т. е. 2 четверти 7 мер ржи и 11 четвертей 6 мер овса.

Земельный надел сам по себе хорошего качества, и так как поля окружают селения, то, по мере возможности, удобряются навозом; размер надела следующий: в с. Павельце 3034 дес. 1800 кв. саж., на душу приходится по 3 дес. 960 кв. саж.; из этого количества 400 дес. крестьянами выкуплено в полную собственность, и эта часть не облагается оброчною податью, на ней производится разработка каменного угля. <...> Урожай предвидится плохой вследствие весенних засух; десятина ржи дает не более 4 копен кругом, и то плохого зерна, овсы также редки и низки. Для собрания сведений о количестве засыпки был в нынешнем году в Павелецком волостном правлении член уездной управы, но магазин не осматривал.

Я нахожу уместным объяснить, что многими крестьянами мне заявлялось о том, что в прежние годы, т. е. во время коннозаводского управления, хлеб засыпался с особо отведенных общественных земель, засеваемых обществом, и весь сбор хлеба поступал в магазины. Теперь же старосты и сборщики без всякого согласия общества засевают ежегодно, как и в

настоящем году, по 4 десятины общественной земли в свою пользу, действуют они в этом случае совершенно самоуправно, несмотря на протест целого общества; крестьяне постоянно жалуются старшине Крючкову, но он не принимает от них никаких жалоб. На вопрос мой старшина Крючков объяснил, что это – обычай исстари заведенный, а потому он не требует никаких подтверждений согласия крестьян или общественных приговоров.

По обязательному страхованию в Павелецкой волости принят способ внесения за всю половину года страховой премии из общественных сумм за все общества. Таким образом, очистив половину оклада, плательщики являются уже недоимщиками не перед земством, а перед обществом, и, по мере уплаты ими заимствованной из общественного капитала ссуды, они получают квитанции. Казалось бы, что подобный способ вноса страховой премии вполне должен обеспечивать страхователей, потому что, получая полную сумму из общественных денег, сборщик имеет всегда возможность своевременной уплаты, т. е. до 1 (12) марта. Но, хотя по всем обществам взнос произведен за целый год, и только по Хворощевскому обществу осталось 2-й половины оклада 88 руб. 31 коп., но только по обществу села Лазинки премия внесена до 1 марта, именно по годовому окладу 114 руб. 30 коп. поступило 13 февраля 114 руб. 18 коп., и осталось от 1874 г. переплаченных 12 коп.; по всем же остальным обществам взносы были в марте месяце. Следовательно, не средства общества причиною несвоевременного взноса денег, а простое нерадение сельского начальства – нерадение, которое может весьма грустно отзываться на обществе в случае пожара в 1-й половине года.

Осмотрены следующие №№ по обязательному страхованию села Павелец:

№ 235. Никифора Васильева Кормилицына деревянная 5-стенная изба с плетневым двором и каменной кладовой оценены в 165 руб., приняты в 110 руб. 2-му разряду, так как тут помещается трактирное заведение.

№ 236. Крестьянина Алексея Васильева деревянная изба с плетневым двором и плетневая рига оценены в 53 руб., приняты в 35 руб.

№ 119. Егора Сергеева деревянная изба с сениями, горница, двор плетневый и рига, все оценено в 105 руб., принято в 70 руб., по случаю близости питейного заведения премия повышена на $\frac{1}{4}$ %.

№ 244. Ульяны Ивановой деревянный дом и каменная лавка под одной железной крышей, в первом помещается питейный дом; дом оценен в 300 руб., принят в 200 руб. с премией $1\frac{7}{8}$ %; лавка оценена в 300 руб., а принята также в 200 руб. с премией 1 %.

№ 116. Петра Трофимова изба с двором и рига оценены в 22 руб. 50 коп., приняты в 15 руб.

№ 115. Назара Дмитриева изба с двором и рига расценены одинаково с № 116.

При волостном правлении устроен сарай, в котором хранятся пожарные инструменты, заведенные коннозаводским управлением, состоящие из 2 пожарных труб, не действующих уже 5 лет: одна совершенно изломана, а другая без рукавов; тут же на дрогах стоят две бочки с водою, 1 багор и два рога, все это находится под надзором особого пожарного старосты, стоящего на особом жаловании. <...>

Волостной старшина объяснил, что предписание управы относительно мер предосторожности от пожаров было объявлено по обществам через старост, но особых приговоров не составлялось.

Усадьбы крестьян распланированы довольно просторно, между кварталами существуют прожоги, но разной ширины вследствие того, что понемногу стали уже застраиваться; планы на селения, говорят, есть и утверждены законным порядком, но в волостное правление не высланы.

По добровольному страхованию осмотрены мною: деревянный дом священника Прокопия Успехова, крытый железом, 12 арш. кругом, при нем кухня, крытая деревом; все расценено в 770 руб., принято в 510 руб.; премии платится, как видно из квитанции, 5 руб. 45 коп.

Дьячка Василия Смирнова 5-стенная изба, амбар и рига, все крыто соломою, оценено в 450 руб., а принято на страх в 300 руб. по исчислении премии, как видно из красной квитанции, в 6 руб. Срок страхования истекает 12 (24) июня, но не возобновлен потому, как говорит хозяин, что он не добьется толку в волостном правлении, в город же ехать некогда.

На каменноугольных коях осмотрено страхование купца Павла Савича Чамова, состоящее из 2 корпусов, в которых помещается завод серной кислоты, оцененный в 14 000 руб. и принятый по 2-му разряду в 9800 руб. 11 (23) июля кончился срок страхования. Один из этих корпусов с паровой печью.

Страховое дело в волости поверилось при составлении страховых списков агентом; до того времени эта часть никем никогда не поверялась.

Подводная повинность по Павелецкой волости на свои нужды исправляется подрядом за 450 руб. Лица, командируемые земскою управою, ездят на обывательских лошадях по билетам земской управы, из которых вырезаются талоны, оплачиваемые деньгами.

Дорожная повинность состоит из исправления полотна большой дороги, идущей от Скопина к с. Павельцу. Расстояние это рассчитано по 3 версты на Павелец и Мшанку, 2 версты на Лазинку и 3 ¼ версты на Хворощевку. Кроме того, на обществах казенных крестьян всех волостей бывших коннозаводских лежит исправление 4-х мостовых сооружений и проселочных дорог. Эта повинность исполняется по подряду скопинским купцом Афанасовым, обыкновенное содержание этих сооружений отдается в 600 руб.; в текущем же году эта повинность сдана в 1738 руб. потому-де, что явилось много неисправностей, требующих единовременных затрат. С крестьян Павелецкой волости на эту повинность сходит 176 руб. Кроме того, мост между сс. Мшанкою и Павельцом содержится особо на счет крестьян этих селений.

Постоянная повинность отбывается в случае прохода войск или арестантских партий весьма редко и натурой, т. е. отводами квартир у обывателей; сколько отбытых дней – неизвестно, потому что письменных сведений в правлении не имеется.

Кроме рассчитанных казенных и земских сборов, душевых поземельных и оброчных, с крестьян Павелецкой волости сходит по 58 ½ копейки с души волостного сбора на волостные нужды; следовательно, всего с 3237 душ 1882 руб. 64 ½ коп.; кроме того, сельского сбора падает на общества: Павелецкое – 72 коп. с ревизской души, а с 889 душ – 650 руб. 8 коп.; Мшанское – 41 коп., а на 824 души 337 руб. 84 коп.; Лазинское – 30 коп., а на 607 душ – 182 руб. 10 коп.; на Хворощевку 41 ¼ коп., а на 917 душ – 378 руб. 26 ¾ коп. Итак, в Павелецкой волости волостные и сельские нужды обходятся крестьянам в 3430 руб. 93 коп. Причина такой разительной несоответственности между обложением обществ сельскими сборами объясняется участием крестьян сс. Павельца и Хворощевки в расходах на школы: на павелецкую образцовую школу общество жертвует по 20 коп. с души, а на хворощевскую общество дает 90 руб. Но и за всем тем резко бросаются в глаза цифры павелецкого и мшанского сборов. <...>

При ревизии книг волостного правления мною освидетельствованы были книги:

Окладные на 1875 г. с показанием как текущих платежей, так и недоимки, с отметкой поступления сборов по квитанциям казначейства.

Книга мирских сумм для поступления волостного и сельских сборов. Прихода за текущий год 1506 руб. 83 коп., расхода 1417 руб. 9 коп., остается неизрасходованных 89 руб. 73 коп. В эту

книгу вносится расход собственно на жалованье старшине, писарю, сельским старостам, магазинным смотрителям, пожарным старостам, сборщикам, сотским, десятникам, и проч., и проч.

Книга для мостовых денег, по которой показан остаток от прежних лет 334 руб. 16 коп. и приход 176 руб., которые сданы под квитанцию земской управы от 6 марта № 21, которая заведует сдачей мостов с подряда.

Книга переходящих сумм, в которую поступают все суммы, временно поступавшие в волостное правление, а также вознаграждения погорельцам. В текущем году прихода с остатком 1874 г. 304 руб. 44 коп., расхода 168 руб. 20 коп., остается неизрасходованных 136 руб. 24 коп.

Всего денег по этим книгам должно состоять налицо 225 руб. 93 коп. Из них оказалось хранящимися в сундуке волостного правления 190 руб. 15 коп., а 35 руб. 82 коп., как объяснил старшина, израсходованы, но еще не выведены по книгам, а именно: на покупку канцелярских принадлежностей 4 руб. 80 коп., содержателю лошадей 5 руб. и 26 руб. 2 коп. дано в счет жалованья волостному писарю. Кроме того, в сундуке найден хранящийся билет Скопинского городского банка на 80 руб. на имя крестьянской девицы села Лазинки Устиньи Ильиной, но билет этот ни где не значится по книгам.

На требование мое отчета в сборе денег на отдачу рекрут мне была представлена книга 1874 г., по которой видно, что от 1873 г. осталось 156 руб. 29 коп. в 1874 г., с 15 января по 15 февраля собрано 453 руб., которые выведены в то же время в расход без обозначения предметов, а просто под общей рубрикой «передано на расход отдатчику», точно так же занесены и деньги, собранные в ноябре того же года – 488 руб. 40 коп.

На все мои требования представить какие-либо данные о приходе и расходе денег, получаемых обществом за разные доходные общественные статьи, так, например, денег, получаемых за аренду земли, занятой постройками каменноугольной компании, денег за добываемый в шахтах уголь – ½ копейки с пуда, за аренду каменных копей жернового камня г. Рыковым, за содержание питейных заведений и проч. – я должен был удовлетвориться единственным ответом, что деньги эти собираются самим обществом и им же расходуются без составления особых приговоров и раскладки.

Между тем, статьи эти, особенно в павелецком и мшанском обществах, должны бы, по собранным сведениям, превышать все платежи этих обществ, как земские, так казенные и общественные. <...>

Торговым пунктом для сбыта произведений Павелецкой волости служит местный базар в с. Павельце, хотя незначительный, но необходимый для обыденных потребностей; затем в 14 верстах базар в с. Горлове и в 18 верстах в г. Скопине – для более крупного оборота. Кроме того, в с. Затворном 8 (20) июля на ярмарке – сильная торговля скотом.

На местный заработок населения большой спрос со стороны железной дороги и каменноугольной копи, а отхожий промысел – степь, куда ходят в прасола за быками. Всего по волости выходит до 1000 паспортов, много также занимаются развозкою горшков по базарам и по округе, которые покупают у горшечников в Скопине и в Павельце, где работает 5 горнов; некоторые по привычке ходят под Москву на разработку торфа.

Ценность земли здешним крестьянам неизвестна, так как частной продажи не бывает, а под полотно железной дороги земля продана по 100 р. за десятину, но денег за ветвь к шахте еще и до сего времени не получили, как рассказывают, “по своей глупости: как только старики загомонят, то тут их винцом попят, а там на церковь пожертвуют и начальство убогуют”.

Надельная душевая земля снимается по 10 руб. озим. десят., а луговая по 15 руб.

Поденная цена рабочему мужчине 30 коп., женщине – 10 коп., но на шахтах сдельно некоторые мужчины вырабатывают и по 50 коп. Существует также наем помесечно, и хороше-

му работнику платят по 17 руб. в месяц на его харчах. Сдельной работы подневной не бывает между крестьянами, а работник годовой нанимается от 35 до 40 руб.

При посещении Павелецкого каменноугольного рудника я не мог воспользоваться такими подробными сведениями, как в рудниках чулковских, может быть, потому, что самая контора не особенно охотно сообщила мне эти сведения, а может быть, и потому, что способ ведения работ поставлен совершенно в другое, более замкнутое положение, доступное только для лиц, имущественно заинтересованных в деле, где система коммерческой тайны лишает неспециально знакомых с производством возможности ознакомиться с делом настолько, чтобы с большею или меньшею достоверностью судить о результате. Вот некоторые сведения, которыми я мог заручиться. Уголь добывается из 2-х шахт: в одной работа идет подъемом угля из рудника тем же способом, как и в Чулкове, из глубины на пространстве до 40 арш. с той только разницею, что сила употребляется не паровая, а лошадиного привода. Другая шахта – «штольная», т. е. такая, где пласт выходит к поверхности дна оврага, образуя тоннель в гору, оттуда по рельсам уголь вывозится на лошади в вагончиках к платформе, где просевается через грохот и грузится в вагоны. Количество рабочих, занятое ломкою угля в зимнее время достигает 300 человек, комплектуемых для сего из местных крестьян окружающих волостей. Размещаются рабочие в казарме и в близлежащих селениях на вольных квартирах. Близ каменноугольной конторы устроено помещение для заблывающих и приглашен фельдшер, а один раз в неделю посещает медик. Угля по сведениям, сообщенным мне в конторе, добывается от 1 500 000 до 2 000 000 пудов; из него местными жителями и на разные производства при шахтах потребляется до 400 000 пудов. Количество затраченного капитала, сумму, расходуемую ежегодно, пространство площади, эксплуатируемой компаниею, а также и количество вырученной прибыли я узнать в павелецкой каменноугольной конторе не смог.

Уголь павелецкий, хотя и той же младшей формации, что и в Чулкове, но достоинством далеко уступает чулковскому вследствие большего процентного содержания колчедана серно-железного соединения.

Из числа добываемого каменного угля на павелецкой шахте поступает на местную продажу и потребляется заведениями с различным производством до 400 тыс. пудов; на эти же производства поступает уголь-брак, за который не получается владельцами попудных денег, производства эти следующие: 1) кирпичный завод подпятачного и наливного кирпича; 2) завод для выделки плиты из белой глины (лещатки) и гжельского кирпича; 3) обжижка извести из камня, добываемого внизу оврага, и наконец, завод купца Чамова для выгонки из колчедана, добываемого с углем, серной кислоты, для чего на заводе устроена особая печь, которая для накаливания наполняется каменным углем, и потом в нее набрасывается измельченный колчедан; серные пары поступают через проведенную трубу в камеры, где, соединяясь с водою, образуют раствор серной кислоты слабого качества, который потом для выпаривания воды разливается в стеклянные колбы, накаляемые в песочной ванне. Каждый раз из печи добывается от 27 до 35 пудов серной кислоты, поступающей в продажу. Из остатков обработанного таким образом колчедана г. Чамов со временем намерен добывать железный купорос. При этом докладе мною представлено в губернскую управу 10 образцов каменного угля из обеих павелецких шахт и 5 образцов колчедана, как в природном его виде, так и остатков после выгонки серной кислоты, годных к обработке железного купороса»¹.

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. М., 1877. С. 432–445.

В 1885/1886 учебном году школа в Павельце оставалась двухклассной с 5-ю отделениями, с пятилетним сроком обучения. Учились в ней 71 мальчик и 9 девочек из четырех окрестных селений. Преподавание вели законоучитель и два учителя. Подавляющее большинство учащихся были детьми местных крестьян, 6,3 % учеников составляли дети мещан, купцов и лиц духовного звания. Продолжительность учебного дня составляла 4–5 часов. В 1886 г. 7 % мальчиков и 11 % девочек окончили училище с получением свидетельств. Здание школы было двухэтажным, деревянным под железной крышей, отапливалось оно двумя железными печами (русской и голландской). Объем учебных помещений составлял 586 кубических аршин (210,8 куб. м), площадь – 158 кв. аршин (80 кв. м)¹. Содержание школы обходилось в 1184 руб. 62 коп. в год, из которых Павелецкое сельское общество собирало 178 руб. (по 20 коп. с ревизской души), еще 10 руб. собирались с 10 учеников других селений. При школе имелась 1 десятина (1,09 га) земли, приносящая в год 5–6 руб. дохода. Методический материал, которым располагала школа, и «пособия для наглядного обучения хорошие, библиотека состоит из 2566 экземпляров книг, ежегодно пополняется». При училище действовала сапожная мастерская, где местный крестьянин обучал ребят своему ремеслу. Земство констатировало: «Учится 6 человек в послеобеденное время, вообще дело идет плохо». Попечителем школы с 1880 г. был местный крестьянин И.У. Благих, законоучителем с 1870 г. – сельский священник П.Х. Успехов, учителями служили Александр Людвигович Матон (с 1875 г.) и Иван Николаевич Александров (с 1882 г.), оба окончившие курс Алферовской учительской семинарии². К этому можно добавить, что павелецкий приходской священник П.Х. Успехов в 1888 г. был награжден орденом Св. Анны 3-й степени – видимо, прежде всего за успехи на ниве народного просвещения.

В следующий раз Павелецкое училище было обревизовано Скопинским уездным земством в 1894 г. По итогам ревизии отмечалось: «Всего учеников 113. Классное помещение вполне удовлетворительно, но квартира учителя страшно сыра и холодна. <...> Первая группа младшего отделения плоха по всем предметам. Старшая недурно читает, вполне удовлетворительно считает и пишет диктант, довольно сильно Закон Божий, но общее развитие учеников в старшем отделении слабо. Законоучитель Можаров представлен училищным советом к награде»³.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Павельце, «бывшем селе казенном при речке Верде», насчитывалось 290 дворов и 2091 житель. В селе действовали волостное правление, православная церковь, школа, станция железной дороги лавка и «торжок». В 6 верстах от села на дороге из Скопина в Ешифань был постоялый двор⁴.

По переписи населения 1882 г. в селе Павелец насчитывалось 314 домохозяйств, в которых проживали 1174 мужчины и 1139 женщин. 15 домохозяев числились бездомовными, 11 сельских семей (39 едоков) значились не имеющими работников. Грамотой в селе владели 201 мужчина, 15 женщин, 53 учащихся мальчика и 10 девочек. Площадь надела на ревизскую душу в Павелецком сельском обществе составляла 3,7 десятины (4 га). Безземельными

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. М., 1877. С. 2–13.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. Москва: Ряз. губ. земство, 1889. С. 2–13, 21.

³ Журналы Скопинского уездного собрания XXX очередного созыва 1894 г. Скопин, 1895. С. 82–91

⁴ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 329.

были жители 6 сельских дворов. Скота в Павельце держали много: в хозяйствах жителей села имелись 421 рабочая лошадь, 64 жеребенка, 231 корова, 226 телят, 1740 овец и 220 свиней. При этом обитатели 56 дворов не имели ни лошадей, ни коров, а 87 дворов числились просто безлошадными. В селе было 5 каменных домов и 303 деревянные избы, 56 из них топились «по-белому»¹.

Хроники происшествий в «Рязанских губернских ведомостях» последних десятилетий XIX в. дают представление о тяготах и опасностях крестьянской жизни той эпохи. В этом отношении жители Павельца практически ничем не отличались от своих соседей по уезду. В 1869 г. главная газета губернии сообщала: «В ночь с 29 на 30 апреля Скопинского уезда в селе Павельце сгорело крестьянское гумно от умышенного поджога, произведенного крестьянином того села Григорием Курковым»². Богатым на происшествия стал 1883 г. «26 февраля [1883 г.] Скопинского уезда в 3 верстах от села Павельца в поле найден мертвым крестьянин деревни Стрелецкой дубравы Иван Дерюгин»³. «25 июня [1883 г.] Скопинского уезда в селе Павельце крестьянская девочка Ольга Аксенова закушена свиньею»⁴. «24 августа [1883 г.] Скопинского уезда в селе Павельце сгорела от неосторожного обращения с огнем крестьянская рига; убытку понесено на 250 руб.»⁵ «3 ноября Скопинского уезда в селе Павельце сгорели 2 крестьянских риг с хлебом; убытка понесено на 800 р. При дознании заявлено, что пожар произошел от поджога, виновных не обнаружено, но на одно лицо имеется подозрение»⁶.

В селе Павелец было немало зажиточных крестьян, активно пользовавшихся плодами земской реформы Александра II и избиравшихся гласными Скопинского уездного земского собрания. Например, в трехлетний период с 1883 по 1886 г. в его составе было сразу четыре представителя Павелецкого сельского общества: крестьяне Ульян Иванович Благих, Григорий Иванович Иванов, Степан Кузьмич Козьмин и Константин Матвеевич Комаров⁷. Последний на рубеже XIX и XX вв. был бессменным Павелецким волостным старшиной в течение многих лет. До 1907 г. в селе упоминалась принадлежавшая ему торговая лавка⁸. Вспоминали о нем (правда, не совсем добрым словом) даже в советское время. В 1950 г. горловская районная газета «Ленинская искра» публиковала интервью с павелецким старожилом Максимом Тимофеевичем Сухарниковым, посвященное дореволюционным традициям волостных выборов: «На семь сел – Павелец, Мшанку, Вязовенку, Лазинку, Кремлево, Крыжи, Стрелецкую дубраву – старшину Павелецкой волости Комарова Константина Матвеевича выбирали 22 года подряд (в действительности 24! – *Примеч. авторов*). Перед выборами обыкновенно мужиков подпайвал. Даст по 20 копеек, как раз на полбутылку водки, чтобы за него голоса отдавали. Сейчас поднимешь руку, выдвигаешь кандидатов, по бюллетенем тайное голосование. А тогда все шумом, гамом делалось. По углам на сходе заранее горластых законоперчиков ставили, чтобы всех перекричать смогли. Сначала их под-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 26–31.

² Рязанские губернские ведомости, № 44 (18 июня 1869).

³ Рязанские губернские ведомости, № 23 (23 марта 1883).

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 8 (3 августа 1883).

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 79 (15 октября 1884).

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 96 (14 декабря 1883).

⁷ Журналы Скопинского уездного земского собрания XIX очередного созыва 1883 года. Скопин, 1883. С. 43.

⁸ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года, Скопин, 1913. С. 389.

поют, и они шумят: “Хотим Комарова!” Он и распускал нити среди крестьян. Так подойдут и тихонько скажут: “Комарова, дескать, избрать надо. Много будет...” Под словами “много будет” понимался налив. В наливе считалось четыре четверти водки. После избрания старшина ставил два-три таких налива. Когда земли, луга делили, лучшие участки при помощи разных махинаций Комарову доставались, да его “активу” – Кольшкину и другим. Поэтому при дележке, когда в кепке номерки трясли, свои номера зажимали до тех пор, пока к хорошему паю подойдут. Разбогател Комаров на доходном месте. <...> Пять лошадей в конюшне стояли, скота крупного и мелкого целый двор имел, кирпичный завод выстроил, кирпич на Павелецкую дорогу поставлял, а железная дорога ему шпалы для обжига. Трех работников держал»¹.

Потомки казенных крестьян, местные земледельцы и купцы уже в конце XIX в. не испытывали большого пиетета перед титулованной землевладельческой аристократией, с середины столетия постепенно сдававшей свои экономические позиции. Немало свидетельств тому находится в протоколах заседаний Скопинского уездного земского собрания. Например, на заседании 30 сентября (11 октября) 1883 г. председательствовавший в собрании скопинский уездный предводитель дворянства отставной поручик Дмитрий Александрович Лихарев сообщил о желании помещика села Желтухино князя Александра Сергеевича Оболенского баллотироваться в почетные мировые судьи от уездных землевладельцев. Не утруждая себя сбором необходимых для формальной процедуры представления кандидатуры документов, князь в личном письме на имя предводителя дворянства предложил верить себе на слово, что в 1869 и 1871 гг. был мировым судьей Ардатовского уезда Нижегородской губернии и имеет требуемый для этой должности опыт. На это заявление Д.А. Лихареву возразил представлявший скопинское купечество гласный Сергей Сергеевич Попов, который заявил, что «по закону могут быть допущены до баллотировки только такие лица, которые представили все надлежащие документы, а так как этого нет», то кандидатура князя А.С. Оболенского рассматриваться не может. За это решение проголосовали и павелецкие крестьяне»².

Сведения о фабриках и заводах по Сапожковскому и Скопинскому уездам за 1893 г. содержит перечень жителей села Павелец, бывших собственниками местных «промышленных заведений» – мельниц и кузниц. Ветряные мельницы при селе принадлежали крестьянам Ивану Ильюшину, Ивану Грубову, Филипу Мачалину, Константину Зенкину, просорушки – Николаю Макарову и Василию Гуськову. Также в селе действовали кузницы скопинских мещан Василия Жалина и Прокопия Переславцева³. По сведениям за 1894 г. водяную мельницу Павелецкого сельского общества арендовал С. Мочалов, трехконные просорушки принадлежали В.Д. Гусеву и Н. Макарову⁴.

В 1898 г. в Архангельской церкви в Павельце служил священник Василий Егорович Победин, отец скопинского краеведа К.В. Победина (1891–1962), директора Скопинского краеведческого музея (с 1925 г.). Впоследствии ок. 1912–1914 г. В.Е. Победин был настоятелем Входоиерусалимской церкви в Скопине и одновременно законоучителем Скопинской низшей ремесленной школы.

¹ Ленинская искра, №134 (14 ноября 1950).

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XIX очередного созыва 1883 года. Скопин, 1883. С. 175.

³ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 23 об – 24.

⁴ Мартынов Н.Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год. Рязань, 1895. С. 74, 90.

Значимым событием для села стало открытие первой в Скопинском уезде библиотеки. В докладе общей комиссии Скопинскому уездному земскому собранию сообщалось: «В своем приговоре от 12 июня 1896 г. Павелецкий волостной сход, постановив открыть в память священного коронования их величеств при местном волостном правлении бесплатную народную читальню и ассигновать на содержание этой читальни 61 руб. 80 коп. одновременно и по 25 рублей ежегодно, вместе с тем ходатайствует перед земским собранием об ассигновании суммы денег, необходимой для снабжения библиотеки ею в будущем, о назначении содержания заведующему библиотекою, о возбуждении надлежащего ходатайства на предмет разрешения открыть библиотеку и утверждения ее устава, а также и об избрании для библиотеки ответственного для правительства лица»¹. Комиссия предложила собранию после того, как будет дано разрешение, выдать читальне книг на сумму 75 рублей и ежегодно, начиная с 1897 г., на пополнение ее выделять 25 рублей, на содержание заведующему – 36 рублей, избрать в Совет библиотеки члена от земства². Им единогласно выбрали Дмитрия Алексеевича Леонова, конюховского помещика, впоследствии члена III Государственной думы³.

Из года в год в нескольких селениях Скопинского уезда в летние месяцы открывались ясли-приюты. Сначала они функционировали на деньги земства, а с 1906 г. средства на них выдавались Попечительством о трудовой помощи под покровительством государыни императрицы Александры Федоровны, скопинским земством и частными жертвователями. Например, для организации приюта в селе Корневое местная помещица Г. Гирс через учительницу Е.Н. Срезневу передавала 50 рублей⁴. В то время на эти деньги можно было купить лошадь. В докладе управы Скопинскому уездному земскому собранию сообщалось: «В текущем 1910 г., по примеру ряда предыдущих лет, в Скопинском уезде функционировали ясли-приюты. Открыты они были в следующих 8 селениях уезда: Пупках, где им руководила учительница г. Коблова; Потеревке, где яслями-приютом заведовала учительница г. Ланчеева; Корневом, где заведовала учительница г. Срезнева; Воскресенском, учительница г. Штереншис; Высоком, учительница г. Волкова; Катине, учительница г. Жалина; Казинке, учитель г. Зайцев, и Павельце, где заведующей была временно проживающая в том селе учительница Пронского уезда г. Мостинская». Ясли работали совсем непродолжительное время, в течение трех недель в июле, когда крестьяне убирали хлеб. В 1910 г. в Павельце они работали только с 15 по 24 июля, приняв 100 сельских ребятишек самого младшего возраста. Но жители села, имевшие маленьких детей, были рады и таким новшествам⁵. В 1913 г. яслями в Павельце заведовала учительница лазинской школы г. Егина. В них было уже 117 детей⁶.

В 1900 г. было завершено строительство линии Москва–Павелец Рязано–Уральской железной дороги. К юго-западу от села появилась вторая железнодорожная станция с поселком, также получившая наименование Павелец. Именно по ней, а следовательно – и по скопинскому селу были названы Павелецкий вокзал в Москве (с середины 1940-х гг.), а позднее –

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XXXII очередного созыва 1896 года, Скопин, 1896. С. 12, 13.

² Там же.

³ Там же. С. 547.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года, Скопин, 1911. С. 46.

⁵ Там же.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLI X очередного созыва 1913 года, Скопин, 1914. С. 20.

Павелецкое направление Московской железной дороги. Впоследствии, уже в советские годы, новая станция стала узловой и получила название Павелец-Узловая (позднее – Павелец-Тулеский или Павелец-1). Станция же Сызрано-Вяземской железной дороги, находившаяся ближе к селу, стала именоваться Павелец-Сызранский, позднее – Павелец-2. Известны имена нескольких начальников станции Павелец Сызрано-Вяземской железной дороги: ок. 1902–1907 гг. эту должность занимал мещанин Василий Иванович Бессонов, ок. 1909–1914 гг. – мещанин (позднее – потомственный почетный гражданин Иван Алексеевич Воробьев. В 1911–1912 гг. помощниками начальника станции служили мещане Сергей Васильевич Токарев и Николай Александрович Барш, в 1914 г. – дворянин Константин Станиславович Шостак и мещанин Михаил Алексеевич Курбатов.

В 1905 г. в Павельце было 409 дворов, в которых проживали 1564 мужчины и 1655 женщин. В селе действовали церковь каменная, волостное правление, школа Министерства народного просвещения, 2 кирпичных завода, казенная винная лавка, приют, врачебный пункт, 3 ветряные мельницы. Казенную винную лавку содержал Константин Матвеевич Комаров. Ему же принадлежал и трактор, о чем в постановлениях Скопинского уездного земства имеется запись о их переоценке: лавки – «с 2750 руб. на 1500 руб. и трактора с 3150 руб. на 1500 руб., и земский сбор с повышенной оценки в 55 руб. 75 коп. – сложить».

По понедельникам на центральной сельской площади проводились еженедельные базары. В непосредственной близости от села продолжал развиваться поселок при станции Павелец Сызрано-Вяземской железной дороги. На 1 января 1905 г., согласно спискам Павелецкого волостного правления, в нем проживали 31 мужчина и 38 женщин. Станция относилась к 5-му земскому участку и располагалась в 3 верстах от здания администрации Павелецкой волости¹.

В годы Первой русской революции 1905–1907 гг., по воспоминаниям уроженца села, бывшего скопинского реалиста, а после 1917 г. председателя местного волостного исполнительного комитета Ивана Васильевича Кормильцева², действовала подпольная организация – «сугубо конспиративная, охватившая основные пункты уезда – значительную часть станций железных дорог, депо станции Павелец-2, Побединский рудник, кожзавод, ряд деревень по уезду, связавшаяся с различными категориями служащих и ремесленников в городе...»³ Он упоминает слесаря депо станции Павелец-2 Федорова, через которого держалась связь с Тульским комитетом РСДРП, «время от времени присылавшим в Скопин своих пропагандистов и агитаторов, снабдившим <...> небольшим количеством патрон к приобретенным» пяти наганам⁴. Туляки усиленно снабжали скопинцев литературой и своей подпольной газетой, за распространение которой «по Казинской волости пострадал павелецкий крестьянин Иван Максимович Самороков, арестованный и осужденный на 8 месяцев крепости»⁵.

Близость важного железнодорожного узла повысила мобильность местного населения, расширила возможности местных жителей по поиску дополнительного заработка в Москве и других крупных промышленных городах. Отдельные мелкие предприниматели успешно ис-

¹ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 638–639.

² На IV Скопинском съезде Советов 25–27 февраля 1919 г. он был избран в состав уездного исполкома. Известия, № 15 (2 март 1919).

³ 1905 год в Рязанской губернии, Рязань, 1925. С. 169.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ Там же.

пользовали станцию для извлечения прибыли. Вплоть до начала Первой мировой войны мещанин Иван Иванович Разуваев имел здесь бакалейную лавку, рейнский погреб и трактирное заведение¹.

Но и в самой Павелецкой волости технический прогресс показывал свои преимущества. В 1908 г. мельник из села Павелец Фома Грубых (держал буфет при станции Павелец), обращаясь к Скопинскому уездному земству с просьбой о снижении ставки земского промышленного сбора, которым облагалась его ветряная мельница, жаловался: «В двух верстах от нашего села в селе Мшанка начала действовать мельница, принадлежащая Василию Ивановичу Дроздову и Афанасию Савельевичу Тимошкину, с керосиновым двигателем в 12 сил», и поэтому-де его собственная «мельница осталась без работы, потому что все помольщики везут хлеб для размолы на ту мельницу, и не только из нашего села, но даже из других ближайших селений...»²

К 1908 г. в Павельце было 3210 жителей, из них 288 детей школьного возраста, однако в министерской двухклассной школе имели возможность обучать только 174 ученика. В ней преподавали законоучитель – местный приходской священник – и два учителя³. При школе также действовала библиотека-читальня⁴.

Засушливым летом 1908 г. Павелец посетило непривычное для средней полосы России бедствие. «В ураган, бывший в селе Павельце 14 (27) сего июня 1908 г. снесло верх, <...> уничтожило весь до основания товар» в лавке крестьянина Леонтия Митрофановича Соболева, находившейся на базарной площади. Пострадало и хозяйство бывшего павелецкого волостного старшины К.М. Комарова. Ему был нанесен ущерб на сумму в 300 рублей, но самое прискорбное – от несчастного случая, вызванного ураганным ветром, погиб единственный сын хозяина. На старости лет К.М. Комарову пришлось взяться за воспитание оставшихся без отца пятерых малолетних внуков⁵.

К началу XX в. заметно обветшало здание павелецкой сельской школы 1870 г. постройки. В 1907 г. инспектор народных училищ 7-го участка Рязанской губернии статский советник Вячеслав Михайлович Рихтер сообщил Скопинской уездной земской управе о том, что «помещение Павелецкого Министерства народного просвещения училища по своей ветхости и тесноте не удовлетворяет своему назначению, а потому на постройку нового здания <...> казна выделяет 3000 рублей, постройка может начаться немедленно <...> в том случае, если Павелецкое общество крестьян внесет 4000 рублей на постройку, согласно приговора в настоящее время оно заготовило строительные материалы более чем на 1500 рублей, а в скором времени заготовит еще на 500 рублей. Таким образом, обществу не достает только 2000 рублей для того, чтобы начать стройку»⁶. Чиновник ходатайствовал о выдаче крестьянам Павелецкого сельского общества ссуды, что по решению Скопинского уездного земского собрания и было сделано. В 1912 г. Скопинское уездное земство и Павелецкое сельское общество приступили к строительству каменной, двухкомплектной, двухклассной

¹ Рязанские губернские ведомости, № 43 (8 июня 1913).

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIV созыва 1908 года. Скопин, 1909. С. 241–246.

³ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 36–37.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года созыва. Скопин, 1909. С. 66.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIV созыва 1908 года. Скопин, 1909. С. 241–246, 265.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIII 1907 года созыва. Скопин, 1908. С. 90.

земской школы. Для чего земство выдало 4000 рублей в пособие, еще 2400 в ссуду и, наконец, 1600 рублей из земских средств. Школа строилась в соответствии с уездным планом всеобщего образования¹. В 1912 г. попечителем земской школы в Павельце был бывший волостной старшина К.М. Комаров².

В первые годы XX в. Скопинское уездное земство, при своих небольших возможностях, как могло старалось содействовать совершенствованию здравоохранительной инфраструктуры Павелецкой волости. В 1905 г. в селе действовала земская больница, располагавшаяся в доме учителя Трофимова. Для строительства новой больницы Скопинское земство поставило условие, что выделит на эти цели в 1906 г. 5000 рублей, если кроме выделенного на основании решения волостного схода Павелецкой волости участка под ее постройку площадью в 900 кв. сажен (ок. 0,45 га), Павелецким сельским обществом будет также пожертвован дом для проживания врача и будет «предоставлена в безотчетное расходование» на строительство сумма в 1200 рублей³. К постройке нового здания больницы на 8 кроватей земство смогло приступить лишь в сентябре 1908 г. В итоге получился целый комплекс сооружений – рядом с главным больничным корпусом выросли три служебные постройки: амбулатория, квартира помощников врача и помещение для больничной прислуги, в котором также находились кухня, ванная и клозеты⁴.

Из-за близости двух железнодорожных станций частыми гостями села стали ремонтеры кавалерийских полков Русской императорской армии, наезжавшие в уезд для пополнения конского состава своих подразделений. В связи с этим постоянная повинность превратилась для местных крестьян в довольно обременительную обязанность. 16 (29) сентября 1908 г. волостной старшина Павелецкой волости Кострецов направил Скопинской уездной земской управе ходатайство о возмещении 34 рублей, потраченных на отвод «квартиры кавалерийской ремонтной комиссии, для господ офицеров, полковника, писарей воинской команды и конюшни на 20 лошадей с яслями, и, кроме того, для проезда для начальствующих и канцелярии 10 подвод со станции Павелец в село Павелец». Земский начальник приказал волостному старшине «приступить к постройке ясель в помещении, подысканном приставом 2-го стана». Также по предписанию исправника тот должен был выполнить некоторые строительные работы по отделению «квартиры полковника с его канцелярией <...> от других офицеров». Скопинское уездное земское собрание, однако, отклонило прошение павелецкого волостного старшины с той мотивировкой, что «отвод квартир и поставка подвод составляли для населения обязательную повинность, что же касается других расходов, управа отписала старшине», что «специальное приспособление квартир и устройство ясель» вовсе не являлись обязательным расходом⁵.

В июне 1909 г. сильным градом были выбиты посевы в Горловской, Затворнинской и Павелецкой волостях общей площадью до 3779 десятин (4119 га). С целью поддержки пострадавшего населения Скопинское уездное земство исходатайствовало 15 000 руб. на организацию в этих волостях общественных работ, которые осуществлялись в период с осени

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 3 июля 1912 года, Скопин, 1913. С. 11.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 273.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 20 февраля 1905 года. Скопин, 1905. С. 103.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года созыва. Скопин, 1909. С. 158.

⁵ Там же. С. 241–243.

1909 г., по август 1910 г. В рамках этой программы было сооружено 22 объекта – в основном плотины и мосты, в том числе большой мост длиной 12 сажен (26 м) через р. Верду на дороге из Лазинки в Павелец¹.

Отличительной чертой села Павелец на фоне других окрестных населенных пунктов в начале XX в. было бурное развитие в нем пчеловодства. Местный пчеловод-любитель Кормилицын начал было издавать журнал по этой отрасли, но дальше первого номера дела не пошло. Пчеловодство было сопряжено с определенными трудностями, о которых поведал местный священник о. Константин Тюшевский в прошении Скопинскому уездному земскому собранию 30 сентября 1911 г.: «В последнее годы в селе Павельце стало довольно успешно развиваться пчеловодство; у крестьян появляются рамочные ульи всевозможных систем и вообще заметно стало стремление их к ведению рационального пчеловодства. В истекшее лето в селе Павельце было до 15 пасек, на которых имелось более 400 ульев. Занятия пчеловодством не требует большого труда и больших денежных затрат; но в хорошие годы пчеловод выручал от продажи меда порядочные суммы. Принимая во внимание малые денежные затраты и небольшое количество труда должно признать, что пчеловодство есть одна из важных отраслей сельского хозяйства, на которую очень благовременно бы обратить внимание земского собрания, с целью поднятия пчеловодства во всем уезде на должную высоту. К несчастью, нынешний год для местных пчеловодов – очень тяжелый год, меда почти совсем нет, пчелы гибнут массами, а если не принять теперь необходимых мер, пчеловодство в нашем селе почти окончательно погибнет. На моей пасеке в течении сентября погибло половина пчел (от 13 ульев осталось 7). По справкам оказалось, что и у других наших пчеловодов замечается тоже. Следовательно к весне 1911 г. пчеловодство в нашем селе или совершенно исчезнет или же останется самое незначительное количество пчел. Доводя о сем до сведения Скопинского очередного земского собрания, долгом своим почитаю покорнейше просить собрание, не найдет ли оно возможным придти на помощь пчеловодам села Павельца, ассигновав для подкормки пчел необходимую сумму, или же исходатайствовать пред Правительством об отпуске пчеловодам потребного количества безакцизного сахара. Кроме сего, лесные пчеловоды усерднейше просят собрание при Скопинском Земском сельскохозяйственном складе торговлю пчеловодными принадлежностями пчеловодной литературой»². Земство просьбу отклонило, но направило ходатайство властям.

С 1913 г. в селе действовало Павелецкое кредитное товарищество. На 1 января 1914 г. в нем состояли 377 членов, председателем был местный крестьянин Афанасий Савельевич Тимошин³. В 1914 г. также было создано Павелецкое общество потребителей, объединившее 33 члена⁴. Лавкой общества заведовал школьный учитель А.Л. Матон, секретарем служил Михаил Родионович Тихомиров⁵.

В 1912–1914 г. в Архангельской церкви села Павелец служил священник Константин Дмитриевич Тюшевский, ранее бывший диаконом церкви села Городно Зарайского уезда⁶. При церкви имелось земли усадебной (с погостом) – 4 десятины (4,36 га), пахотной – 20 десятин

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. Скопин, 1911. С. 62–63.

² Журнал Скопинского уездного земского собрания XXLVII очередного созыва 1911 года. Скопин, 1912. С. 263.

³ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань 1914. С. 451.

⁴ Справочник по Рязанской губернии: Вып. 1 / Экон. отд-ние Ряз. губ. земской управы. Рязань, 1915. С. 58–59, 82–83.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань, 1914. С. 457.

⁶ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань 1914. С. 447.

(21,8 га), сенокосной – 1,5 десятины (1,64 га). Также была библиотека на 155 книг. В приходе храма действовали двухклассное министерское училище, основанное в 1875 г., и земское начальное училище, основанное в 1912 г. В 1914 г. в Павельце насчитывался 461 двор, население которых составляли 1789 мужчин и 1801 женщина¹.

К 1915 г. Павелецкое волостное правление обзавелось, в числе других семи по уезду, прямой телефонной связью с г. Скопином. Правда, остается неизвестным, где был установлен сам телефонный аппарат. Изначально, из-за нехватки помещения, его планировали разместить в больнице, так как со временем в ней хотели разместить дополнительный коммутатор для связи с другими селениями².

Д.И. Журавлев, автор документальной семейной хроники династии священнослужителей из села Лопатино, в очерке «Павелец» сообщает о том, что в начале XX вв. в селе «жил знаменитый человек Максим Синичкин. Это что-то вроде московского «Ивана Яклеча»³, сектант – не сектант, юродивый – не юродивый. В моем представлении – человек умный. Он пользовался громадным авторитетом в народе. К нему шли во всяких трудных случаях жизни за советом, за пророчеством. Его почитали множество поклонников и особенно поклонниц... Помню одно его пророчество. В разгар Гражданской войны и разрухи он говорил: «Россию спасут двое – дворянин и попович». Пророчество исполнилось: одну из двух мировых сверхдержав создали дворянин Ленин и попович Сталин...»⁴ Могила местночтимого старца Максима находится на Павелецком кладбище.

В 1917 г. в селе Павелец Павелецкой волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 573 двора, в которых проживали 2108 мужчин и 2026 женщин⁵.

В декабре 1917 г., как и повсеместно в Скопинском уезде, в селе была установлена советская власть. Тогда же, в последние дни 1917 г., был создан Павелецкий сельсовет⁶. При этом село по-прежнему оставалось административным центром одноименной волости. С целью укрепления влияния советской власти на население, в начале августа 1918 г. председатель Скопинского уездного комитета РКП (б) Сгибнев обратился в волостным партийным комитетам с просьбой «организовать при волостях партийчейки из сочувствующих коммунистам, в эти ячейки должны входить особенно члены комитетов бедноты, при волостных советах необходимо сочувствующим коммунистам организовать фракции...»⁷ В начале сентября 1918 г. в Скопине прошел съезд уездных комитетов бедноты совместно с партконференцией местных большевиков. Роль комбедов в условиях хозяйственной разрухи и разгоравшейся Гражданской войны особо оговаривалась в резолюции мероприятия: «...Одной из главных задач комитетов деревенской бедноты является изъятие хлебных излишков из рук кулаков и богатеев, спекулирующих на голоде городских и деревенских пролетариев...»⁸ В ноябре 1918 г. были введены также должности политических комиссаров, подчинявшихся только уездной

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 596–597.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания ХLI X очередного созыва 1913 года, Скопин, 1914. С. 24, 26; Отчет Скопинской уездной земской управы за 1914 год. Скопин, 1915. С. 430.

³ Имется в виду Корейша Иван Яковлевич (1783–1861) – известный московский юродивый, почитавшийся многими современниками в качестве ясновидящего, прорицателя и блаженного.

⁴ Пенская Е.Н. Свидетель и хроникер // Новый мир, № 8, 2016. С. 43–68.

⁵ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 149.

⁶ Архив Скопинского района. Ф. 324, л. 1.

⁷ ГАРО. Ф. П-1436, оп. 1, д. 2, л. 11.

⁸ Известия, № 198 (22 сентября 1918).

Чрезвычайной комиссии и входивших в состав волостных советов с правом решающего голоса. Еженедельно они письменно отчитывались перед ЧК. Без согласия комиссаров в волостях ни одного решения не принималось¹.

Такие чрезвычайные меры объяснялись поистине катастрофической ситуацией с продовольствием в Скопинском уезде. В начале 1918 г. в Скопине тысячные толпы приходили к уездному и городскому советскому начальству за продуктами и хлебом и «пытались учинить насилие»². К лету 1918 г. такая же тяжелая ситуация сложилась и в уезде, и первую очередь от нее страдала сельская беднота. Секретарь Скопинского уездного комитета РКП (б) И.И. Батраков в это время констатировал: «В конце июня <...> городской Совет рабочих депутатов и городского продовольственный комиссариат просил об отпуске, хотя каких-нибудь продовольственных продуктов, ибо уже четыре дня не выдается никакого хлеба в городе, последние несколько дней в начале выдавалось по 1/8 фунта суррогатов хлеба, <...> зарегистрирован целый ряд заболеваний тифом на почве абсолютного голода. За последнее время очень обострилось отношение между уездным и городским комиссариатами продовольствия»³. Брожения отмечались даже среди солдат формировавшегося в городе полка им. III Интернационала.

В таких условиях новой власти приходилось прибегать к насильственным реквизициям продовольствия у зажиточных сельских обывателей. От продразверстки эпохи военного коммунизма страдали и крестьяне-середняки. Скопинские уездные «Известия» писали: «Из-за изъятия хлеба 1917 года среднее крестьянство Павелецкой волости было крайне недовольно, но до открытых выступлений в 1918 г., как в Чуриковской и Курбатовской волостях, не дошло»⁴.

В условиях слабой власти и большого количества оружия на руках у жителей в 1918 г. в Скопинском уезде махровым цветом расцвел бандитизм. Преступники любили маскироваться под представителей новой власти. Например, 7 сентября [1918 г.] в селе Павельце четверо неизвестных, вооруженных револьверами, постучались около полуночи в дом гражданина Максима Григорьевича Силкина и «обманным путем под видом розыска известного в волости преступника Андрея Батова были впущены в дом». Домочадцы были связаны. Сумма всего похищенного, включая вещи и наличные деньги, составила около 6600 рублей⁵.

Налетчик Андрей Батов в 1918 г. был известным на весь Скопинский уезд бандитом-рецидивистом, ревнителем сомнительной славы скопинских разбойников XVII–XVIII вв. Чуркина, Веревкина и Цветкова. Терроризировал он в основном Павелецкую волость – здесь, близ двух железнодорожных станций, даже в голодное время было чем поживиться. Но слава Батова оказалась короткой. В августе 1918 г., после ряда громких ограблений, он скрылся от Скопинской УЧК, поступив «по переселенческому билету» в Красную Армию, и вновь появился в уезде лишь летом 1919 г. В ночь с 17 на 18 июня 1919 г. А. Батов вновь заявил о себе, устроив налет на станцию Павелец-1, где было складировано большое количество мануфактуры. Однако теперь власти лучше контролировали обстановку в уезде – уже на следующий день бандит был арестован в селе Кремлево⁶. О его дальнейшей судьбе сведений нет, но догадаться о ней, с учетом нравов революционного времени, несложно.

¹ ГАРО. Ф. П-1436, оп. 1, д. 2, лл. 131–132.

² Известия, № 21 (1 декабря 1918).

³ ГАРО. Ф. П-1436, оп. 1, д. 2, лл. 3–4.

⁴ Известия, № 17 (17 ноября 1918).

⁵ Известия, № 7 (9 октября 1918).

⁶ Известия, № 38 (27 июня 1919).

В сентябре 1918 г. оформилась ячейка партии большевиков и при станции Павелец. В ней первоначально насчитывалось 28 членов¹.

В годы Гражданской войны, в условиях острой нехватки угля для транспорта и промышленности, советские органы власти предприняли попытку возобновления угледобычи на Павелецком руднике. Однако его дальнейшая разработка, похоже, была признана экономически нецелесообразной: после нескольких разведочных бурений, проводившихся в 1920–1922 гг., шахты в окрестностях села были вновь закрыты в августе 1922 г.²

В первые годы советской власти общий уклад сельской жизни мало отличался от дореволюционного. Этнограф А.А. Мансуров в одном из сборников Общества исследователей Рязанского края привел описание праздничного наряда девушек села Павелец, сделанное в 1920 г. Л.А. Худзинской: «Коты с отделкой из красных шнурков, белые чулки. Рубаха с широкими рукавами, с белой подставкой. На рубаху надевается темно-синяя шупка; сверх нее – яркий фартук, расшитый шелком. Шупка в талии подпоясана шелковым поясом, завязанным сбоку. На голове платок «петушком», на лбу узенькая лента. Бусы носят редко. Сзади по плечам широкие ленты. В косе – отдельная лента. Верхней одеждой служат плисовые безрукавки»³. В то время были еще живы многие вековые крестьянские традиции, но время быстро менялось.

В 1924 г. в селе появилось первое, во многом еще экспериментальное коллективное хозяйство – Павелецкое кредитное сельскохозяйственное товарищество, в которое вступили 34 человека. «Приобрели семирядную сеялку, сортировку. Куплено было семенной ржи 896 пудов (14,3 т) и яровой пшеницы 1232 пуда (19, 7 т), 1000 пудов (16 т) овса и семь быков. По инициативе товарищества был открыт в Павельце ветпункт. На 1 июня 1925 г. было уже 500 человек»⁴. Однако уже весной 1925 г., как свидетельствует опубликованное в скопинской газете «Коллектив» письмо павелецких крестьян, они мучительно раздумывали «над вопросами: “чем прокормить до травы скот, где раздобыть семян для посева, как прокормиться людям? Видны на урожай ржи плохие, много придется пересевать. Рожь не уродилась, картофель, да овес, а там, может быть, государство поддержит”, – вот слова, которые можно было услышать на сходах»⁵. Редакция уездной газеты, в свою очередь, отвечала: «У государства мало средств для оказания крестьянам широкой материальной помощи. С неба тоже не сыпется семена, корма и другие нужные вещи. Крестьянам надо самим вылезать из беды. В Павельце будет переделка земли; надо воспользоваться этим моментом и перейти всем селом на многопольный севооборот. В Павельце есть сельскохозяйственное кредитное товарищество; оно должно кредитовать беднейших крестьян семенами, фуражом, деньгами. Крестьяне должны немедленно организовать общество взаимопомощи и вступить в него коллективно, всем селом. Наконец, необходимо создать сельхозартели, где требуется меньше инвентаря и где все легче приобрести и сработать. Крестьяне должны помнить, что только коллективный труд приведет к восстановлению и улучшению сельского хозяйства»⁶. Вскоре, однако, помощь была оказана. Сначала Павелецкой волости было выделено 1000 пудов

¹ *Кравченко М.Ф., Спорожева А.М.* Борьба за установление и укрепление советской власти в Рязанской губернии (1917–1920 гг.). Рязань, 1957. С. 381.

² Архив МГУ. Ф.42, оп. 6, д. 91. Тетрадь №1, л. 16.

³ *Мансуров А.А.* Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Вып. XV, Рязань, 1928. С. 42.

⁴ Коллектив, № 67, 1925.

⁵ Коллектив, №28 (11 марта 1925).

⁶ Коллектив, № 28 (11 марта 1925).

(16 т) из средств Наркозема и Райселькредитсоюза, расчет за нее был сбором с крестьян как деньгами, так и возвратом зерна. Еще через некоторое время на уезд из губернии получил около 60 000 пудов»¹.

До революции пьянство было одним из немногочисленных развлечений русской сельской жизни. При всеобщей бедности и тяготах крестьянского труда алкоголь являлся единственным известным и доступным народу антидепрессантом. Но то, что до революции было естественным и лишь слегка порицалось, в советские годы стало постыдным пороком, заслуживавшим общественного осуждения. В начале 1925 г. скопинская газета «Коллектив» сообщила: «26 февраля в селе Павелец на перевыборное собрание явился секретарь месткома станции Павелец-Узловая Лев Зенкин в пьяном виде. По записке одного из граждан ему предложили удалиться вон из президиума собрания, что он и вынужден был сделать. Вот так шеф села Павелец!» В том же номере газеты была и вторая заметка на эту же тему: «26 февраля в селе Павелец производили перевыборы волсовета. Председатель сельсовета Коротаев после собрания ходил ночью по улице пьяный, распевая песенки, нисколько не стесняясь граждан. Пьянка происходила у гр-на Хирова Ф.Е., где был председатель кооперации тов. Шариков»². В апреле 1925 г. с секретарем Павелецкого ВИКа Арпьевым случился казус: в состоянии опьянения он потерял один из символов своей власти – браунинг. Опасаясь быть высмеянным на страницах уездной газеты, он «решил перехватить корреспонденцию, что и сделал 27 апреля, в почтовом вспомогательном отделении»³. «Административный ресурс» в данном случае не помог – заметка об этом случае все же появилась на страницах газеты.

Квалифицированных, а иногда и просто честных и порядочных кадров для новых советских административных органов не хватало. На ответственные посты нередко выдвигались люди подходящего социального происхождения, но не обладавшие управленческими навыками. Порой уездные власти давали местным исполнительным органам прямые инструкции через уездную газету. Например, такие: «Павелецкому ВИКу – прочистить дымовые трубы, где галки свили гнезда, здание ВИКа стало похоже на коптильню, да и пожар может случиться при таком положении вещей»⁴. «Павелецкому сельскохозяйственному кредитному товариществу – понизить цены на лесной материал, не дожидаясь пока он весь погниет от непогоды; по назначенным ценам на него едва ли охотники найдутся»⁵.

В неудачах новых начинаний уже в 1920-х гг. старались видеть «происки врагов». В 1925 г. скопинская газета «Коллектив» обращала внимание на то, что работавший в селе Павелецкий комитет крестьянской взаимопомощи «до сего времени собрал только 23 рубля 50 копеек, а ведь членами состоит все общество, в котором 550 домов. Взнос небольшой – 25 копеек, а средства комитета не увеличиваются; происходит это потому, что пользуются темнотой и неорганизованностью бедноты, на собраниях верховодят зажиточные горлопаны – церковный староста П.Я. Царьков, который на всех собраниях из кожи лезет вон, чтобы провалить всякие начинания власти»⁶.

Одной из инициатив кресткома стала добыча местного камня. Павелецкий селькор Д. Марков в заметке «Беднота объединяется» рассказывал на страницах уездной газеты: «Работа и деятельность Лопатинской артели каменщиков начинает будоражить бедноту уезда.

¹ Коллектив, № 28 (11 марта 1925).

² Коллектив, № 28 (11 марта 1925).

³ Там же.

⁴ Коллектив, № 48 (5 мая 1925).

⁵ Коллектив, № 61 (20 июня 1925).

⁶ Коллектив, № 67. 1925.

Вслед за лопатинцами – павелецкий сельквостком. Несмотря на стужу и метель, беднота села Павелец производит раскопки на поле “Крыжок” и обнаруживает 2 ½ арш[ин] залежи синекремнистого камня, идущего на работы Мосстроя. По поручению бедноты ходок Соболев с образцами прибыл в Скопин.

– Мне приказали добиться его сбыта. Мы нуждаемся в руководстве и анализе камня Нам нужны средства на первое время. Их нет.

Перед УККОВ-ом должен стать вопрос теперь же, во всю широту, об объединении вновь возникающих артелей, как по руководству, так и по изысканию сбыта. Ключ брошен – будущее принадлежит производственным артелям бедноты»¹.

В 1926 г. в селе Павелец в составе укрупненного Скопинского уезда было 594 двора и 3548 жителей. В селе имелись 8 родников, 6 выкопанных прудов, озеро, запруды на ручье и р. Верде. Населения занималось земледелием, отходом, гончарным производством, работой на цементном заводе, в каменоломнях, 50 человек выезжали трудиться на торфоразработки².

Несмотря на то, что в Павельце с дореволюционных времен работала бывшая земская больница, в народной среде все еще бытовали традиционные крестьянские подходы к здравоохранению. Анализируя нравы села с этой точки зрения, врач Н. Зайцев в 1927 г. писал: «Распространение знахарства невелико; наличие бабок и «костаправок». Число абортот незначительно. Болезни: Сифилис довольно распространен; заносится, главным образом, с торфоразработок. Количество больных туберкулезом сравнительно небольшое. Трахома встречается редко. Алкоголизм не в очень сильной степени»³.

В очередном сборнике Общества исследователей Рязанского края этнограф А.А. Мансуров привел сведения о распространении знахарства в селе Павелец по результатам исследования, проведенного Иваном Семеновичем Трофимовым в 1928 г.: «В селе существует больница, куда население и обращается за медпомощью. Очень небольшое число предпочитает лечиться у знахарок и бабок. Лечат сибирку, бессонницу, грыжу, вывихи, золотуху, волосень или костоеду, рожу, чесотку, “миришину” (сифилис и др.). Из лекарственных средств, употребляемых знахарками, известны: мать-мачеха, мята, “катушки” на березе, подорожник, ясене-вый лист, сушеная малина. Лечат и заговорами. Приведены слова заговора от грыжи: “Едет Господь на золотом коне, на серебряном седле. Встречается грызь. “Ты куда, грызь, бежишь? Ангельскую душку грызть. Нет, ангельская душка крещена, крещена и миром помазана. Ты беги, грызь, в лес на левую сторону, стоит там лев, он не крещен, не крещен и миром не мазан, и грызи его, грызь, до века веков. Аминь”. При родах иногда тоже помогают бабки, но чаще роженицы идут в больницу»⁴.

В 1929 г. дореволюционное административное деление Центральной России было упразднено. Волости, уезды и губернии ушли в прошлое. Павелецкий сельсовет вошел в состав Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В 1929 г. село стало одним из населенных пунктов Горловского района Московской области.

Еще до начала массовой коллективизации, в 1928 г., в Павельце существовало товарищество по совместной обработке земли «Новый быт»⁵. В 1929 г. в селе был организован колхоз

¹ Коллектив, № 13 (13 февраля 1926).

² Архив МГУ. Ф.42, оп. д. 59. Черновик Сводной таблицы населенных пунктов Горловского района.

³ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Вып. XXXIX. Рязань, 1930. С. 22.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Статистико-экономический обзор Скопинского, Горловского, Милославского и Чернавского районов. Тула, 1930. С. 47.

им. В.И. Ленина, в который вступила вся беднота. Он стал первым колхозом, образованным в Горловском районе с начала всеобщей коллективизации.

О положении в колхозе зимой 1931 г. местный селькор, скрывшийся под псевдонимом Свой, писал на страницах районной газеты «Ленинская искра»: «В Павелецком колхозе семстрахфонды собраны на 100 %. С ремонтом сельскохозяйственных машин и инвентаря также обстоит благополучно, за исключением 8 телег. Работу колхоза тормозят попавшие в него кулацкие элементы Ефтеев и Кулев. Первый в прошлом осужден за растрату ржи в Кремлевском сельсовете и растрату в столовой райпо. Второй разложил колхоз на Урале и старается разложить этот, но сделать это им не удастся, ибо колхозники за ними не пойдут. Руководства над колхозом и весеннее-посевной кампании ни от кого нет, колхоз варится в своем соку. Местный совет не руководит работой колхоза»¹.

Осенью 1932 г. павелецкий колхоз им. В.И. Ленина вспахал под озимые 500 га, сдал государству 50 тонн картофеля² и первым в районе выполнил план поставок сельхозпродукции государству. Об успехах павелецких колхозников «Ленинская искра» писала: «Построили две новые конюшни на 80 лошадей, свинарник на 25 голов, баню и произвели капитальный ремонт двух ветряных мельниц. На один трудодень колхозники получили по 3,5 кг ржи, 0,75 кг проса, 3 кг картофеля, 0,6 кг овсяно-просяной смеси, 2,5 кг озимой соломы, 1,5 кг сена, 1,2 кг просяной и овсяной соломы, 1 кг капусты, 60 г лука, 20 г моркови и 57 копеек деньгами. Например, колхозник Муравьев Сергей Алексеевич до вступления в колхоз был бедняком, которому раньше не хватало хлеба до нового урожая, на 1 ноября 1932 г. с семьей выработал 462 трудодня и получил на них: 1617 кг ржи, 346,5 кг проса, 1386 г картофеля, 272,2 овсяно-просяной смеси, 1155 кг озимой соломы, 613 кг сена, 550 кг овсяно-просяной соломы, 462 кг капусты, 27,7 кг лука, 5,24 кг моркови и 263 рубля 34 копейки»³. Другой житель села Александр Григорьевич Аносов, «до революции, живший в ветхой избушке на курьих ножках, семья из десяти человек <...>, хлеба своего никогда не хватало, перебивались кое-как не далее чем до января. Нужда, голод, холод, заставляли семью ходить побираваться по селам за кусочками, жена и дети ходили разутые и раздетые», в 1933 г. с двумя сыновьями выработал 554 трудодня, на которые получил 225 пудов (3,6 т) зерна, 190,5 пудов (3,04 т) картофеля, 566 пудов (9,06 т) разной соломы, 139 пудов (2,2 т) разных овощей, построил новую избу, купил корову и поросенка⁴. «Председателем павелецкого колхоза с февраля 1933 г. был Николай Иванович Самораков, член ВКП (б) с 1932 г., по социальному происхождению крестьянин-середняк, образование сельское. С 1925 по 1929 гг. работал на железной дороге раздатчиком сборных грузов»⁵. В это время в селе уже была своя партячейка, в состав которой входили 7 коммунистов и 7 кандидатов в члены партии.

В начале 1930-х гг. в Павельце был раскулачен и выслан из села Николай Фомич Грубов (1876–?) и члены его семьи. Остальным представителям сельской дореволюционной элиты пришлось либо вступать в колхоз, либо оставаться в единоличниках. С началом массовой коллективизации на Павелецкий сельсовет, согласно общепринятой тогда практике, была возложена работа с единоличниками, не вступившими в колхоз. Сельсовет должен был доводить до них посевные планы, следить за засыпкой семян, контролировать сев, отслеживать своевременную уплату налогов. Особо тщательно сельсовет был обязан контролировать испол-

¹ Ленинская искра, № 8 (17 февраля 1931).

² Ленинская искра, № 121 (6 октября 1932).

³ Ленинская искра, № 133 (18 ноября 1932).

⁴ Ленинская искра, № 112 (26 октября 1933).

⁵ ГАРО. Ф. П-1115, оп. 1, д. 75, 68 об.

нение т. н. «твердых заданий» бывшими кулаками и наиболее зажиточными середняками – «твердозаданцами». Объем таких заданий определялись на местах довольно произвольно, за чрезмерное усердие с сельсоветов строго не спрашивали. Власти фактически ставили перед сельсоветами задачу либо задавить единоличника, либо загнать его в колхоз.

Павелецкий сельсовет даже устраивал соцсоревнования между единоличниками соседних сел. Например, по почину сельсовета местные единоличники вызывали единоличников соседнего села Мшанки «провести ранний сев, рационально использовать своего коня с тем, чтобы во время всех полевых работ конь имел хорошую среднюю упитанность»¹. Это делалось отнюдь не «для галочки» – такими путями крестьянин-единоличник вовлекался в общественную жизнь, в новый экономический уклад. В начале 1930-х гг. в селе еще сохранялось значительное количество безлошадных крестьянских хозяйств вне колхоза. Поэтому единоличникам, имевшим лошадь, рекомендовали заключать договора с безлошадными. С другой стороны, до 1934 г. единоличники, в отличие от колхозников, могли официально иметь лошадь, которую они использовали для перевозки грузов или распашки огородов соседям, получая за это определенный доход. В результате колхозники оказались в положении пострадавших и ущемленных, тем более что положенное по новым правилам выделение колхозной лошади для личных нужд, на которое он имел право, полностью зависело от воли председателя колхоза.

В начале 1937 г. в Павелецком сельсовете Горловского района Московской области большинство – 413 крестьянских дворов – состояло в двух колхозах: в павелецком им. В.И. Ленина и мшанском им. К. Маркса. Колхозная посевная площадь, включая усадьбы колхозников, составляла 2402 га, в том числе собственно колхозов – 2292 га, единоличников – 2 га².

В 1937 г. Горловский район вместе со всеми населенными пунктами был передан из Московской области в состав новообразованной Рязанской. В эти годы «большой террор» не обошел уроженцев Павельца. На полигоне НКВД СССР «Объект Бутово» в Подмосковье были расстреляны и похоронены Иван Васильевич Милешин (1920–1937) и Сергей Зотович Лабутин (1879–1937).

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции, проводившейся МГУ им. М.В. Ломоносова в 1939–1940 гг., имеется следующее описание села в предвоенные годы: «...К северу от рабочего поселка старейшее село Павелец – 2684 человека, именем которого назван один из железнодорожных вокзалов г. Москвы. Село, следуя за игриво изви- вающейся р. Вердой, четырехкилометровым порядком вытягивается вдоль берегов, другими порядками выходит на областную дорогу Тула–Рязск. Западные окраины села, приближаясь к станции Павелец, почти касаются железнодорожного полотна, в этом месте железная доро- га пересекает р. Верду. На левом берегу, который несколько поодаль, возвышается соседнее село Мшанка. Село Павелец с северо-восточной, низменной стороны окружено торфяными болотами. Центральная часть села, наоборот, возвышенная, окраины овражисты. Ближе к станции Павелец прослеживаются выходы известняков, <...> местами выходят глины. Еще дальше к западу в овраге следы старой штольни Московуголя. Выявленное в этом месте ме- сторождение угля имеет промышленное значение. Между станциями Кремлево и Павелец на поверхность выходят недавно широко эксплуатировавшиеся жерновые песчаники³. В Па- вельце одноименного сельсовета 592 жилых строения, хозяйств 618, в них жителей 2704.

¹ Ленинская искра, № 41 (28 марта 1934).

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59 Основные показатели плана 1938 г. по сельсоветам Горловского рай- она Рязанской области.

³ Архив МГУ. Ф.42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района. С. 20.

Мельниц 3, черепично-кирпичных заводов 2, просорушка, неполная средняя школа – директор Данилов Алексей Кузьмич, изба-читальня, медпункт, магазин, почтовое отделение связи с телефонной станцией»¹.

Согласно материалам экспедиции, в селе Павелец Павелецкого сельсовета на 1 января 1939 г. было 372 двора. 348 дворов с совокупным населением в 2104 человека были членами колхоза им. В.И. Ленина, вне его оставались 140 человек. Крупный рогатый скот держали в 237 хозяйствах. 1176 членов колхоза находились в трудоспособном возрасте от 16 лет и старше. В течение 1938 г. в павелецкий колхоз вступили 3 хозяйства. Общая площадь земель, обрабатывавшаяся колхозом, составляла 2056 га, из которых под зерновые было отведено 1650 га, под картофель – 189 га, под прочие овощи – 33 га. Урожайность зерновых в 1938 г. составила 5,7 ц с га. В среднем каждый колхозник в 1938 г. выработал по 52 трудодня. После распределения 20 % доходов колхоза его члены получили к выдаче на каждый трудодень 1,1 кг зерновых и 18 копеек деньгами. На административно-хозяйственные нужды пошло 3 % средств денежного дохода². В павелецком колхозе им. В.И. Ленина насчитывалось 26 голов крупного рогатого скота (в т.ч. 8 коров), 70 свиней (в т.ч. 14 свиноматок), 101 овца, 217 лошадей (в т.ч. 139 рабочих)³.

Топографические карты РККА 1941 г. (съёмки 1939 г.) свидетельствуют, что в селе Павелец в это время было 542 строения. На плане села обращает на себя внимание образовавшаяся с начала XX в. длинная улица, переходившая в дорогу к станции Павелец–Сызранский (Павелец-2).

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война прервала мирное развитие села. Многие его жители были призваны в РККА. А в конце первого года войны Павелец даже на некоторое время оказался на оккупированной врагом территории. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 25 ноября 1941 г. передовой отряд немцев вошел в Скопин. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава. Возникла угроза продвижения противника к Рязкску.

Вспоминая о буднях оккупации, «Ленинская искра» в 1942 г. писала: «Немецко-фашистские изверги глумились над мирным населением. В селе Павелец один из бандитов вырвал у гражданки Е. Кочетковой плачущего ребенка и избил его, а затем выгнал на улицу мать с избитым ребенком»⁴. «В поселке Большой луг, артель “Дружба”, Ивана Баранчикова заставили снять валянные сапоги и своими же руками надеть на ноги иноземному душегубу. Среди мороза разули гражданку Зенкину и многих других»⁵.

28 ноября 1941 г. Скопин и еще три населенных пункта были освобождены от оккупантов решительным ударом батальона 84-й отдельной стрелковой бригады⁶. 6 декабря 1941 г.

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния на 1939 год.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59 Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59 Основные показатели... Наличие скота по колхозам каждого сельсовета на 1.01.1939.

⁴ Ленинская искра, № 76 (10 декабря 1942).

⁵ Там же.

⁶ Бригада формировалась Чердаклинским РВК ПривВО с 26 октября по 13 ноября 1941 г. по штату отдельной стрелковой бригады. Приказом НКО № 0512 от 27 декабря 1941 г. она получила наименование 84-й морской стрелковой бригады. См. ЦАМО. Ф. 1891, оп.1, д. 1, л. 1.

советские войска перешли в контрнаступление, завершившее в их пользу битву под Москвой. Линия фронта быстро покатилась на запад, Скопинский и Горловский районы были полностью освобождены.

Для восстановления подорванного боевыми действиями хозяйства районов на период с 1942 по 1946 г. они были вновь переведены в административное подчинение Московской области. В отсутствие воевавших мужчин основную тяжесть крестьянского труда приняли на себя женщины, старики и подростки. Летом 1942 г. в поле трудились все жители села. «Ленинская искра» писала: «В Павельце 75-летний колхозник колхоза им. Ленина, где был председатель С. Синельников, Антон Максимович Ворсобин, вручную веет зерно, ежедневно 11 тонн, которое прямо с тока направляется государству. Говорил он так: “Старик я, но есть еще силы для борьбы с врагом, и я, не жалея, их отдаю Родине, Красной Армии. Ведь зерно нужно фронту, как пули и снаряды, как танки и самолеты”¹.

В 1942 г. колхозы Павелецкого сельсовета разукрупнили, и их стало четыре: «Красная деревня», «Московский большевик», им. В.И. Ленина и «Правда». К первой жатве в разукрупненном колхозе им. В.И. Ленина приготовили «7 жаток, 2 конных граблей, 2 веялки, 2 триера и 110 крюков. Полностью выполнили государству зернопоставки, сена скосили на 20 га больше обычного. На косьбе наравне с мужчинами выделялись Анна Пимкина и Анна Самохвалова»².

Война не обошла стороной практически ни одну семью. Из трех сыновей павелецкого крестьянина Максима Тимофеевича Сухарникова двое не вернулись с фронта. Сержант Иван Максимович Сухарников (1917–1942) погиб в бою во время неудачной попытки прорыва блокады Ленинграда. Его брат младший лейтенант Петр Максимович Сухарников (1915–1942) был военным летчиком, служил в 611-м штурмовом авиаполку 215-й авиадивизии. В 1950 г. его мать Анастасия Фоминична вспоминала: «Прилетал в родное село. Покружил и сбросил письмо, в другой раз сел на Болотах, идет с московским товарищем. “Как же тебе разрешили?”. “Разрешили, мама”. Обрадовалась я несказанно, бросилась к нему, обняла и крепко к груди прижала. Зашли в избу. Поговорили минут пятнадцать. И стал Петя прощаться. Спешить ему надо. Проводила я их с товарищем. На дорогу сдобных пышек в карманы насовала. Смеются. С тех пор улетел на фронт и больше мой Петя не вернулся»³. 1 июля 1942 г. самолет П.М. Сухарникова выполнял боевое задание в небе над Выходским районом Смоленской области⁴. С задания он не вернулся. Но летчику все же удалось довести боевую машину до территории, контролируемой советскими войсками. Он умер 2 июля 1942 г. в эвакогоспитале № 2751 от ран и травм, не совместимых с жизнью, и был похоронен на городском кладбище в Калуге⁵. В заключение интервью 1950 г. А.Ф. Сухарникова сообщала: «Самый младший сын Дмитрий от Сталинграда на запад все страны прошел и из Германии живой вернулся»⁶. Старший сержант Д.М. Сухарников (1924–?) служил в 446-м гаубичном артиллерийском полку 40-й гаубичной артиллерийской Ясской бригады 11-й артиллерийской Кировоградской Краснознаменной дивизии РКК 27-й армии 2-го Украинского фронта. Он вернулся с войны кавалером медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги».

¹ Ленинская искра, № 76 (10 декабря 1912).

² Ленинская искра, №37 (26 июля 1942).

³ Ленинская искра, № 134 (14 ноября 1950).

⁴ ЦАМО. Ф. 58, оп. 818883, д. 1615, л. 1.

⁵ ЦАМО. Ф. 58, оп. А-83627, д. 4818, л. 8 об.

⁶ Ленинская искра, № 134 (14 ноября 1950).

Заметный вклад в общую победу в войне внесли и другие уроженцы села Павелец. Гвардии ефрейтор Михаил Иванович Благих (1923–?) служил линейным надсмотрщиком в 58-м гвардейском отдельном Керченском батальоне связи. Он воевал с мая 1942 г. сначала на 1-м Прибалтийском, затем на 3-м Белорусском фронтах, в 1943 г. был награжден медалью «За боевые заслуги». «В боях по уничтожению окруженной группировки противника на Земландском полуострове 13 апреля 1945 г. под ураганным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем противника, вслед за наступающими танками, презирая опасность, через минные поля, тов. Благих своевременно навел боевую линию связи от НП 11 ГвСКК (с. Вайтنيкен) до НП. 213-й танковой бригады (западнее 2 км с. Вайтникен). 16 апреля <...> под сильным минометным и пулеметным огнем противника, не считаясь с опасностью для жизни, тов. Благих в самый разгар боя устранил 13 порывов линии связи, идущей от НП 11 ГвСКК (с. Ленгнитен) до НП 213-й танковой бригады (с. Гермау) в минимальные сроки времени. На всем протяжении наступательных боев с 13 по 17 апреля <...> тов. Благих все время находился на линиях связи, обслуживающих командование корпуса и танковой бригады, по несколько суток в пламени огня тов. Благих выполнял порученные задания. Командование не имело ни одного случая срыва в переговорах, всегда своевременно и отлично наводились и обслуживались линии связи, что способствовало успеху операций наших войск»¹. За бои в Восточной Пруссии гвардии ефрейтор М.И. Благих был награжден орденом Красной Звезды.

В послевоенные годы жизнь павелецких колхозников была трудной. Желания ударно работать у большинства не было, и на то были веские причины. В послевоенные годы труд колхозников оплачивался чисто символически. Многие работали мало, живя на доходы от приусадебного участка. Поэтому еще до войны был введен обязательный минимум выработки трудодней для трудоспособных работников. С 1942 г. действовал введенный на период войны обязательный повышенный минимум трудодней. В случае его невыполнения колхозники могли лишиться приусадебного участка, а он-то и был основным источником доходов. При такой ситуации колхозники при первой возможности устраивались работать на железную дорогу, в кооперативы, в госучреждения. Типичной была такая ситуация: житель села «Петранин П.З. работал в лесничестве. Его дочь – в пошивочной мастерской, а жена, числясь в колхозе “Правда” Павелецкого сельсовета, не выработывала трудодней, так как занималась своим подсобным хозяйством, имея 0,4 га». Судя по публикации в «Ленинской искре» за 1949 г., стоял вопрос о лишении семьи приусадебного участка².

Упадок колхозов в конце 1940-х гг. отразился и на состоянии местного клуба. Районная газета писала: «Павелецкий клуб стал разваливаться. Когда-то в нем демонстрировались кинофильмы. Выступал местный драмтеатр. Колхоз им. Ленина стал хранить в нем мякину и лузгу, а магазин привозил непропеченный хлеб прямо на санях»³. Случаи произвола со стороны колхозного начальства также не способствовал оздоровлению атмосферы. Например, в 1948 г. «Ленинская искра сообщила о том, как председатель колхоза им. В.И. Ленина Н.В. Соболев «без ведома правления пришел на ферму, забрал 10 поросят, продал, деньги положил в карман»⁴.

В советское время станция Павелец–Сызранский (Павелец-2) и поселок при ней достигли наибольшего развития. В 1947 г. на собрании работников профсоюза всех служб станции

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 7198, л. 107.

² Ленинская искра, № 42 (12 апреля 1949).

³ Ленинская искра, № 14 (15 февраля 1948).

⁴ Ленинская искра, № 126 (18 ноября 1948).

Павелец-2 присутствовали 65 человек. В это время, пожалуй, на станции работал крупнейший коллектив за всю ее историю. Ведомственная газета «Железнодорожник» в 1947 г. обращала внимание: «На таком крупном узле нет красного уголка, ни парикмахерской, ни бани»¹. Однако впоследствии рост объемов проходившего через это направление грузопотока остановился, лишив тем самым станцию Павелец-2 дальнейших перспектив развития.

В конце 1940-х гг. работники станции Павелец-2, входившей в то время в один железнодорожный узел со станцией Павелец-1, дали немало примеров ответственного отношения к своему делу. Ведомственная газета «Железнодорожник» сообщала: «19 июня 1947 г. поезд, который вел машинист Лункин А., при входе на станцию Павелец-2 был принят на занятый подвижным составом путь. Столкновение не произошло благодаря бдительности А. Лункина, который остановил поезд, не доезжая 100 метров до стоящих на пути приема вагонов. Прием поезда на занятый путь произошел по вине дежурного по станции и старших стрелочников»². В 1950 г. начальник станции Павелец-2 А. Петров не без гордости за своего сотрудника сообщил: «Старший стрелочник тов. Силягин в свободное время от работ на шести стрелочных постах отремонтировал печи, подправил штукатурку, произвел побелку внутри помещений и привел в образцовый порядок территорию вокруг стрелочных будок»³.

В селе Павелец до середины 1950-х гг. официально употреблялись следующие названия улиц и порядков: Бутырки, Заречье, Вениково, Погореловка, Центральная, переулок Хорина⁴.

В 1958 г. павелецкий колхоз им. В.И. Ленина получил собственные трактора и комбайны, перестав нуждаться в услугах МТС. После упразднения Горловского района в 1959 г. колхоз им. В.И. Ленина вошел в число хозяйств Скопинского района Рязанской области.

В состав Павелецкого сельсовета с февраля 1958 по май 1960 гг. входило село Мшанка. В 1965 г. к сельсовету вновь относилось и село Мшанка. В него входил поселок Широкий⁵.

В феврале 1964 г. павелецкий колхоз был переименован в «Ленинское знамя». В это время его председателем был Петр Трофимович Халимов⁶.

К концу 1960-х гг. на селе ощутили рост благосостояния, но вместе с тем чувствовался и присущий этому времени дефицит в материальной сфере, сменившийся спустя десятилетия дефицитом духовности в отношениях властей предрежущих и народа. О первом в газете «Ленинское знамя» писал в 1968 г. житель села В. Поздняков: «В магазине села Павелец большой выбор товаров. По заказу жителей заведующий магазином К.С. Грошев доставил и продал много телевизоров, стиральных машин, радиоприемников. В магазине чисто и светло. Но надо же быть такой досадной мелочи: еще в январе было заказано 25 ведер для жителей села, но их до сих пор нет.

– Ведер нет на базах Лопатинского сельпо.

Вот и приходится павельчанам за мелким товаром ездить в Скопин»⁷.

С распадом Советского Союза начался новый этап в истории российского села. В 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке

¹ Железнодорожник, № 30 (10 апреля 1947).

² Железнодорожник, № 60 (27 июля 1947).

³ Железнодорожник, № 65 (13 августа 1950).

⁴ Ленинская искра, №11 (26 января 1950).

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 324, л. 1.

⁶ Архив Скопинского района. Ф. 289, л. 1.

⁷ Ленинская искра, №59 (23 мая 1968).

реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» в павелецком колхозе «Ленинское знамя» была проведена приватизация земли и его реорганизация. В результате колхоз был преобразован в АОЗТ «Павелец». Во исполнение Указа Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 октября 1993 г. № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» и в соответствии с постановлением главы администрации Скопинского района Рязанской области от 27 июля 1994 г. № 338 бывшим членам колхоза и работникам социальной сферы были выданы свидетельства на право собственности на землю согласно списку владельцев земельных и имущественных паев АОЗТ «Павелец». Впоследствии его деятельность была приостановлена.

К началу 1990-х гг. историческое здание Архангельской церкви в Павельце, закрытой с конца 1930-х гг., использовавшееся для нужд местного колхоза, окончательно пришло в упадок. В настоящее время памятник архитектуры 2-й половины XIX в. находится в руинированном состоянии.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Павелец было включено в городское поселение Павелецкое с административным центром в поселке городского типа Павелец (при станции Павелец-1). В это же городское поселение входит поселок при железнодорожной станции Павелец-2, примыкающий к западной окраине села.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в селе Павелец в это время постоянно проживали 272 человека – 116 мужчин и 156 женщин. Население поселка при станции Павелец-2 составляли 108 человек – 47 мужчин и 61 женщина.

В 2015 г. в селе действовали дом культуры, сельская библиотека, почта, медпункт, молокозавод¹.

---

¹ По материалам Скопинской районной библиотеки.

ПАВЕЛЕЦ

поселок городского типа (городское поселение Павелецкое)

В последние годы XIX в. через территорию Павелецкой волости Скопинского уезда Рязанской губернии пролегла линия Рязано-Уральской железной дороги – одной из крупнейших в то время частных железных дорог Российской империи. В 1897 г. управлявшее железной дорогой общество получило разрешение императора Николая II на прокладку путей от Москвы до Павельца. 15 (27) сентября 1899 г. началась эксплуатация железнодорожной линии на участке Загорье¹ – Павелец.

Официальное открытие линии Павелец – Москва состоялось 31 января (11 февраля) 1900 г. От станции Ожерелье до Москвы она была двухпутной. Первоначально линия заканчивалась на станции Загорье, которая была соединена веткой со станцией Царицыно, поэтому первое время пассажирские поезда прибывали в Москву на Курский вокзал. 1 (13) сентября 1900 г. в Первопрестольной завершилось строительство и состоялось торжественное открытие Саратовского (с середины 1940-х гг. – Павелецкого) вокзала, куда с 15 (27) октября того же года начали прибывать все пассажирские поезда.

В 1900 г. также была открыта станция Павелец Рязано-Уральской железной дороги. В описании, датированном 1913 г., о ней сказано: «238 верст от Москвы, в Скопинском уезде. Недалеко от станции – село Павелец, расположенное при р. Верде и имеющее до 3500 жителей. Село это приобрело известность месторождениями каменного угля и строительного камня, нашедшего применение даже при постройке храма Христа Спасителя в Москве (выстроена из него лестница к Иордани). Для разработки каменного угля образовано было в 1872 г. «Акционерное общество каменноугольной промышленности Московского бассейна», но оно скоро распалось. В изданной этим обществом рекламной брошюре (Московский каменноугольный бассейн и Павелецкие копи, СПб., 1872) перед реализацией капитала, количество каменного угля в Павельце определялось в 1 миллион пудов с десятины. Заарендовано же был обществом 10 тыс. десятин.

По берегам Теменки, близ Павельца, находится месторождение чистой серы. Пласт серы от ½ до 4 дюймов толщины обнаружен горным инженером Романовским, но подробно не обследован и практическое его значение не выяснено.

На станции – оборотное депо с паровозным зданием на 13 стоек, врачебный приемный покой и двухклассное смешанное училище на 200 человек. В ближайших окрестностях Павельца есть несколько крупных сел: Делехово – в 3 верстах с 2100 жителями, Хворощевка – в 5 верстах, 3000 жителей, Новоалександровское – в 8 верстах с 2300 жителями и Вязовенка – с 2400 жителями в 4 верстах»².

Открытая в 1900 г. станция Павелец стала второй железнодорожной станцией с таким названием на территории Павелецкой волости – с 1872 г. в ней уже действовала станция Павелец Сызрано-Вяземской железной дороги.

¹ Ныне район Бирюлево г. Москвы (в черте города с 1960 г.).

² Рязанско-Уральская железная дорога и ее район. СПб.: Правление О-ва Рязан.-Урал. ж. д., 1913. С. 93–94.

Первым известным начальником станции Павелец Рязано-Уральской железной дороги в 1900 г. был потомственный почетный гражданин Иван Петрович Розонов. Ок. 1902–1904 гг. эту должность занимал «сын коллежского асессора Николай Васильевич Боголепов».

После открытия движения по новой линии железной дороги многие неграмотные жители окрестных сел устраивались сюда на работу стрелочниками, кондукторами, грузчиками. Тех, кто имел двух-трехклассовое образование, обучали на путевых обходчиков, бригадиров пути, дежурных по станции.

При новой станции Павелец быстро вырос поселок железнодорожных служащих и работников паровозного депо. В 1905 г. его население составило 805 человек – 282 мужчины и 523 женщины. Поселок при станции Рязано-Уральской железной дороги относился к 5-му участку земского начальника и находился на расстоянии 3 верст от волостного правления в селе Павелец¹.

Революционные идеи быстро распространялись в рабочей среде. По воспоминаниям старого большевика Ивана Васильевича Кормильцева, «в октябрьскую железнодорожную забастовку в 1905 г. в забастовочный комитет участка Рязань – Клепики Сызрано-Вяземской железной дороги входили два товарища со станции Павелец-1; один из них Казаков В.Т. – машинист, член нашей организации, один из тех, через кого шла к нам литература и газеты Тульского комитета»².

В 1910-х гг. станция Павелец Рязано-Уральской железной дороги превратилась в важный транспортный узел. Ок. 1911–1912 гг. начальником 22-й дистанции здесь служил инженер-строитель и межевой инженер Евгений Евгеньевич Сафонов, его помощником – инженер-строитель Александр Владимирович Бобров, начальником станции – личный почетный гражданин Михаил Иосифович Чувевский. В 1914 г. должность начальника дистанции занимал инженер путей сообщения Николай Иванович Смирнов, его помощника – потомственный почетный гражданин Андрей Георгиевич Игнатович, начальника станции – личный почетный гражданин Павел Афанасьевич Лавров.

Одновременно с прокладкой железнодорожной линии были построены паровозное депо, вокзал, почта. Одной из первых улиц нового поселка стала Невская (ныне ул. Интернациональная). До 1924 г. на ней находилась контора дистанции пути (ныне в этом здании поликлиника). В доме № 13 размещалось двухклассное училище для детей железнодорожников (сейчас это жилой дом). Была в пристанционном поселке и своя церковь (часовня?), возможно, освященная в честь Св. Александра Невского (в советское время ее перестроили в складское помещение).

В 1918 г. Рязано-Уральская железная дорога была национализирована и перешла под управление Народного комиссариата путей сообщения РСФСР. В первые годы своего существования слабая советская власть не могла в полной мере обеспечить общественный порядок в охваченной Гражданской войной стране. В Скопинском уезде махровым цветом процветала преступность. В 1918 г. Павелецкую волость терроризировал бандит-налетчик Андрей Батов. Объявленный в розыск уездной ЧК в августе 1918 г., он скрылся, вступив в Красную армию по подложным документам, и вновь появился в родных местах летом 1919 г. «...Однако, кем он был, тем и остался, – сообщила скопинская милиция в заметке о павелецком налетчике в

¹ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 638–639.

² Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции: (Документы и материалы). Рязань: Кн. изд-во, 1960. С. 139.

уездной газете «Известия». – В ночь с 17-го по 18-е сего июня Батов устроил разграбление награбленной на станции Павелец Рязано-Уральской железной дороги мануфактуры. Батовым была брошена бомба, которой был ранен гр-н села Кремлево Иван Шамонов»¹. Преступник крупно ошибся: за прошедший за время его отсутствия год советская власть заметно окрепла и более плотно контролировала ситуацию в уезде. На следующий день после налета на станцию Батов был арестован скопинской милицией в селе Кремлево. О его дальнейшей судьбе сведений нет, но догадаться о ней, зная нравы сурового послереволюционного времени, несложно.

В 1920-х гг. продолжавший разрастаться поселок при станции Павелец официально назывался поселком Железнодорожников². В 1926 г. в нем был создан поселковый совет. С 1927 г. населенный пункт официально именовался рабочим поселком Павелецкий. К этому времени станция бывшей Рязано-Уральской железной дороги превратилась в узловую, поэтому чаще упоминалась под названием Павелец-Узловая. В 1929 г., когда было упразднено дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии, рабочий поселок Павелецкий стал одним из населенных пунктов Горловского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. С 1929 г. Горловский район входил в Тульский округ области и оставался в его составе вплоть до отмены системы округов в 1931 г. Видимо, к этому времени относится появление названия станции Павелец-Тульский (позднее – Павелец-1). Так ее отличали от также относившейся к Московско-Донбасской железной дороге станции бывшей Сызрано-Вяземской железной дороги, получившей название Павелец-Сызранский (позднее – Павелец-2).

В 1931 г. при станции Павелец-Тульский действовали паровозное депо, слесарно-механическая мастерская, кузница, система водоснабжения и электростанция. Все механизмы были еще дореволюционными. К депо было приписано 10 паровозов, кроме того, систематически ремонтировались проходящие. На электростанции работали 12 человек, работали почтово-телеграфное отделение с телефоном, столовая при станции, баня с электричеством³. Эти предприятия и учреждения составляли основную производственную и социально-бытовую структуры рабочего поселка Павелецкий. При станции Павелец-Тульский существовали 4 партячейки (депо, поселка и др.) общей численностью в 120 членов и кандидатов в члены ВКП (б). Партийной учебкой были охвачены 82 человека⁴.

К поселку и станции тяготели близлежащие населенные пункты. В 1933 г. в Горловском районе действовали 6 молокозаводов и 32 связанных с ними молочных сливочных пунктов. Один из таких молокозаводов работал при станции Павелец-1, к нему были приписаны кремлевский, вязовенский, жерновский, топильский, делеховский и хворощевский сливочные пункты. «В соответствии с постановлением Горловского райисполкома от 5 января 1933 г. были определены нормы сдачи молока в год с каждой коровы: с МТФ и общественного стада колхозов по 400 литров; с колхозников, где имелись в колхозах МТФ, по 120 литров; с колхозников, не имеющих МТФ, по 150 литров; с единоличников по 200 литров и кулацко-закиточных колхозников по 400 литров»⁵.

Поселок расширялся – после 1924 г. началась застройка новых улиц, получивших названия Шанхай и Пекинская. С годами совершенствовалась социально-бытовая инфраструктура

¹ Известия, № 38 (27 июня 1919).

² Архив Скопинского района. Ф. 407, лл. 1–2.

³ Ленинская искра, № 20 (18 апреля 1931).

⁴ Ленинская искра, № 10 (4 февраля 1932).

⁵ Ленинская искра, № 3 (7 января 1933).

Павелецкого: в 1931 г. в деревянном здании на месте современного отделения «Сбербанка» был открыт детский сад. Появились поликлиника и радиоузел. На месте нынешнего крытого рынка располагался поселковый клуб с летней площадкой, где временами играл духовой оркестр. Около водонапорной башни появились роддом на 5 коек и прачечная.

В 1937 г. Горловский район был передан из Московской области в новообразованную Рязанскую. Вместе с ним в подчинение Рязанского облисполкома перешел и рабочий поселок Павелецкий.

В документах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., рабочему поселку при станции Павелец-Тульская Московско-Донбасской железной дороги дана следующая характеристика: «В 1938 г. поселок при станции Павелец входил в Хворощавский сельсовет, функционировали неполная средняя школа, средняя школа, магазин. В районе нет городов, если не считать рабочего железнодорожного поселка Павелец при ж/д станции Павелец-Тульская с населением 2452 человека, являющегося центром для юго-востока района. Образование Павельца относится к середине прошлого столетия и связано с постройкой в 1856 г. (дата ошибочна. – *Примеч. авторов*) паровозоремонтного депо и вагоноремонтного пункта. Значение Павельца для железной дороги усилилось с ликвидацией железнодорожной передаточной ветки, соединявшей ст. Павелец-Сызранский со ст. Мшанкой и ветки на участке ст. Павелец-Тульский – Павелец-Сызранский. Транспортные предприятия насчитывают около 300 рабочих. В зоне тяготения к Павельцу производится добыча песка, известняка.

Пос. Павелец, являющийся сосредоточением цензовых предприятий с единственным в районе компактным пролетарским ядром, влияет на направление хозяйства тяготеющих к нему колхозов. Последние перестраивают сельское хозяйство в сторону товарных культур огородничества, садоводства. Эти колхозы теснее, чем где-либо в районе, связаны с павелецкими предприятиями. Доля заработков колхозов от работы на последних (извоз и пр.) в общеколхозном доходе колеблется между 9 и 35 %, в то время как в целом по району она исчисляется единицами процентов»¹.

С 1931 г. председателем поселкового совета и секретарем партячейки поселка Павелецкий работала Екатерина Ивановна Алексеева (1881–?). В материалах, собранных участниками экспедиции МГУ, ей была дана следующая характеристика: «...Дочь рабочего, образование низшее, в 1929 г. была исключена [из партии] за склоку и торговлю ОК РКК при чистке партии, но была восстановлена с заменой выговором. До 1931 г. была домохозяйкой»².

В середине 1930-х гг. при депо в поселке Павелецкий был создан коопхоз, небольшое подсобное хозяйство. В 1937 г. он завершил уборочную кампанию со следующими показателями: урожай ржи составил 7 ц с га, картофеля – 5 т с га. В материалах, собранных сотрудниками МГУ, отмечалось, что овощехранилище не было должным образом подготовлено и собранный картофель сырел. Свиньи, кролики и молочный скот коопхоза находились «в крайне неудовлетворительном состоянии»³.

По данным экспедиции, в 1939 г. в поселке Павелецкий при станции Павелец-1 Московско-Донбасской железной дороги насчитывалось 276 жилых строений, «хозяйств 437, в них

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59.

² МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района, л. 15.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния на 1939 год.

жителей 2157. Мельница, просорушка»¹. Также отмечалось: «В поселке имеется постоянно действующий детский сад из 30 детей. В школе один учебник на 5 человек»².

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. население поселка Павелецкий составляло 2400 человек. Топографические карты РККА 1941 г. (съёмки 1939 г.) свидетельствуют, что в поселке в это время насчитывалось 241 строение. В это время он представлял собой всего лишь четыре улицы, располагавшиеся вдоль линии путей, – современные Интернациональная, Ленина, Первомайская и Пекинская.

После начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. многим павелецким железнодорожникам приходилось работать по 16 часов в сутки для обеспечения своевременной перевозки военных грузов, движения воинских эшелонов. В ноябре–декабре 1941 г. станция Павелец-1 на несколько недель оказалась за линией фронта. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 23 ноября нацисты вошли в Горлово, 25 ноября – в Скопин, а к 26 ноября вышли на рубежи Мордвес – Серебряные Пруды – Михайлов – Павелец – Чернава. Перед приходом оккупантов депо в Павельце было сожжено, 27 ноября 1941 г. был взорван вокзал станции Павелец-1.

С приходом оккупантов партийное руководство Горловского района перешло на подпольный режим работы, были организованы партизанские отряды. Позднее, в 1942 г., первый секретарь Рязанского обкома ВКП (б) С.Н. Тарасов докладывал в ЦК ВКП (б): «...Заведующий Горловским райземотделом тов. Савкин при вступлении немцев в район ст. Павелец вступил в бой один против 4 фашистов, стойко дрался и погиб от вражеской пули»³.

После внезапного прорыва советская Ставка Верховного главнокомандования приняла безотлагательные меры по выдвигению в полосу прорыва соединений 61-й резервной армии под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова. Первый эшелон прибыл в Рязкск в 10.00 29 ноября 1941 г. Армия сосредотачивалась на рубеже Кораблино, Чирково – Зезюлино – Татищево – Зыково – Черное – Чичерин. Силами двух дивизий готовился марш на Лебедянь и Липецк⁴.

Директивой № 116 Ставки ВГК от 25 ноября 1941 г. 00.45 61-й резервной армии предписывалось сосредоточиться по железной дороге в районе Рязкск – Раненбург – Мичуринск – Старо-Юрьево. Сосредоточение планировали осуществить к 5 декабря. Справа к исходу дня 2 декабря 1941 г. должно было завершиться сосредоточение 10-й резервной армии под командованием генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова⁵. Одновременно приказом командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова предписывалось «создать полосы сплошных заграждений, эшелонированных в глубину, в которых оставлялись проходы для своих войск, эти проходы прикрывались отрядами заграждения». В числе прочих значимых для будущей контрнаступательной операции рубежей указывалась линия Кагино – Павелец – Лопатино – Секирино – Трухачево⁶.

28 ноября 1941 г. Скопин и еще три населенных пункта были освобождены от оккупантов решительным ударом батальона 84-й отдельной стрелковой бригады. 29 ноября 1941 г.

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния на 1939 год.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района, л. 15.

³ Немеркнущий подвиг: Сб. документов и материалов / Парг. арх. Рязан. обкома КПСС, Гос. арх. Рязан. обл. М.: Московский рабочий, 1982. С. 100.

⁴ ЦАМО. Ф. 418, оп. 10695, д. 4, л. 3.

⁵ ЦАМО. Ф. 3, оп. 11556, д. 4, лл. 136–137.

⁶ ЦАМО. Ф. 208, оп. 2513, д. 85а, л. 449.

3-й батальон 1164-го стрелкового полка (передовой отряд – ПО) 346-й стрелковой дивизии под командованием старшего лейтенанта Серскова, разгрузившись, выдвинулся в район Скопина и к 18.00 занял оборону на западной и юго-западной окраинах города. Освобождение Скопина стало прелюдией к масштабному контрнаступлению советских войск, решившему исход битвы под Москвой.

В донесении ПО, оборонявшего Скопин, отправленном вечером 2 декабря 1941 г., докладывалось, что, согласно собранным в течение дня данным, «красноармейцы, бывшие в германском плену на Брянском фронте, проходящие через Скопин, сообщают, что противник концентрируется в [районе станции] Павелец. Видели до 40 танков, до 45 мотоциклов, около 50 автомашин с пехотой и подтягивающуюся с запада к Павельцу пехоту. В течение 2 декабря разведка в Стрелецкой дубраве, Корневое, Кельцы, Октябрьский, Вороновка, Чулково – противника не обнаружила»¹.

В разведдонесении штаба 346-й стрелковой дивизии от 6 декабря 1941 г. отмечалось: «4–5 декабря, по показаниям возвращающихся пленных, на ст. Павелец, Новые Кельцы немцы собирают теплые вещи, кур, свиней»². В сведениях поста ВНОС 1166-го стрелкового полка от 6 декабря 1941 г. сообщалось: «По сведениям 3-го батальона 1164-го стрелкового полка в Павельце до 200 человек пехоты противника, 30 лошадей. 3 декабря 1941 г. в Епифани стоял штаб»³.

В этот же день 6 декабря 1941 г. 346-я стрелковая дивизия получила приказ двумя усиленными передовыми отрядами двигаться в направлении станции Павелец и разъезда Топилы, в дальнейшем Горлово, с задачей овладеть райцентром Горлово. ПО дивизии в составе 1-го батальона 1164-го стрелкового полка со 2-й батареей 916-го артиллерийского полка, двумя отделениями роты автоматчиков и минометной ротой было приказано выступить в 9.40 6 декабря 1941 г. по маршруту Шелемишево – Перки – Чулково-однодворцы – Новиково – Стрелецкая дубрава и к 20.00 7 декабря сосредоточился в районе Павельца⁴. В дальнейшем к вечеру 6 декабря 1941 г. задача была уточнена, и передовой отряд совершил марш по маршруту: Шелемишево – Новобараково – Чулково – Лихарево – Пупки – Новый Келец с задачей захватить станцию Павелец⁵.

Подробности освобождения железнодорожной станции Павелец-1 Московско-Донбасской железной дороги и поселка Павелецкий сохранены в рукописи «Боевой путь 346-й сд», хранящейся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации: «6 декабря 1-й батальон 1164-го стрелкового полка под командованием капитана Сорокина и прикомандированным комиссаром батальона ст. инструктором политотдела тов. Наякшиным выступил на выполнение боевого задания по маршруту Шелемишево – Перки – Свиноушки – Чулковские выселки – Октябрьское поле – Новый Келец – Кремлево – Павелецкий. Одновременно получил задачу 1-й батальон 1166-го стрелкового полка ст. лейтенанта Дядина, находящийся в Побединском, выступить по маршруту: Первомайское – Кочугурки – Кочугуровские выселки – разъезд Топилы. Перед отправкой 6 декабря в 7.00 в Шелемишево прибыл командующий 61-й армией генерал-лейтенант Попов М.М. и командир 346-й стрелковой дивизии полковник Давидовский, поздравили бойцов с высокой честью первыми из дивизии вступить в бой с врагом. В 11.00 6 декабря 1941 г. батальон выступил на выполне-

¹ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 5.

² ЦАМО. Ф. 1665, оп.1, д. 12, л. 12.

³ ЦАМО. Ф. 1665, оп.1, д. 12, л. 11.

⁴ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 10.

⁵ Там же. ЛЛ. 11–12.

ние задачи. Руководство операцией было возложено на начальника 2-го отделения штаба капитана Беловодова. За несколько километров до ст. Павелец батальон рассредоточился и начал охват станции с трех сторон. Немцы поспешно оставили станцию Павелец и окружающие населенные пункты. 7 декабря 1941 г. в 20.00 передовой отряд вышел на рубеж ст. Павелец – разъезд Топилы и овладел им. При это были захвачены первые трофеи: 2 автомашины, груженные снаряжением и 1 легко-машинная рация. В автомобилях оказались награбленные вещи, как-то: скатерти, шали, домашнее белье, ковры и прочие домашние вещи, награбленные у местного населения. Станция Павелец сгорела, разрушена, жители ограблены. Разместившись в новых квартирах рабочих, фашисты превратили их в логово, а перед уходом разбили все стекла, сломали двери, печи, выломали полы»¹.

В разведсводке от 9 декабря 1941 г. штаб 346-й стрелковой дивизии докладывал начальнику штаба 61-й армии генерал-майору М.И. Глухову, что «по сведениям командира ПО, 1164-й стрелковый полк к 20.00 8 декабря овладел ст. Павелец и Павелец; через местных жителей установлено, что при подходе ПО противник отошел на Горлово. Захвачены трофеи: 1 мотоцикл с коляской, 2 автомашины грузовые, одна из них с р/станцией, 3 телефонных аппарата, 2 катушки телефонного кабеля и не снятые телефонные линии, 1 строевая лошадь с санями. Захвачено до 1,5 пуда разной переписки, приказы и газеты. Продолжаю вести разведку в направлении ст. Павелец-Сызранский и Горлово»².

В 1942–1946 гг. рабочий поселок Павелецкий вновь фигурировал среди населенных пунктов Московской области – для более эффективного восстановления разрушенного войной хозяйства Горловский район был временно изъят из административного подчинения Рязанской области. На 1943 г. станция Павелец-1 входила в Павелецкий железнодорожный узел Московско-Донбасской железной дороги, который включал 15-ю, 16-ю и 18-ю дистанции пути, погрузочно-разгрузочную контору, вагонный участок, дистанцию сигнализации и связи, вагонно-ремонтный пункт, паровозное депо, склад топлива и восстановительный поезд³. В трудное военное время подавляющее большинство работников павелецких предприятий честно трудились, способствуя приближению победы над врагом. Но были среди них и те, кто занимался незаконными махинациями. Такие явления пресекались жестко. В 1943 г. «Военный трибунал Московско-Донбасской дороги рассмотрел дело по обвинению гр. Луканиной Е.А., работающей нарядчиком Павелецкого паровозного депо, в незаконном присвоении продуктов. В процессе следствия было установлено, что Луканина, работая вместе со своим свекром Авдохиным в депо, получала за него продуктовые карточки, в то время как Авдохин был переведен на склад топлива и карточки стал получать по новому месту. Продукты были получены за январь и февраль 1943 г. Военный трибунал приговорил ее к 1 году исправительных работ с удержанием 25 % заработка и взысканию ущерба по рыночной цене. За злоупотребление хлебными карточками военный трибунал приговорил помощника машиниста Мохова М.И. к 3 годам тюремного заключения с отбытием заключения после окончания военных действий»⁴.

Однако решающий вклад в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. уроженцы поселка при станции Павелец-1 внесли непосредственно на полях сражений. Самым известным ветераном войны из Павелецкого стал гвардии сержант Сергей Иванович Иванов

¹ ЦАМО. Ф. 418, оп. 10696, д. 4а, л. 140, 141.

² ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 24.

³ Политотделец, № 5 (6 февраля 1943).

⁴ Политотделец, № 11 (16 апреля 1943).

(1922–1966). До войны он был работником Краснооктябрьской МТС. Мобилизованный в РККА в 1941 г., он окончил курс Муромского училища связи и с 1942 г. в качестве радиста воевал на Брянском, Воронежском и Центральном фронтах. В 1943 г. гвардии сержант Иванов был радистом мотострелкового батальона 51-й гвардейской танковой бригады 6-го гвардейского танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. В сентябре 1943 г. он отличился в боях за освобождение Киева и Фастова. Представляя бойца к награде, командир батальона капитан Зубков писал: «Иванов С.И. вместе с передовой группой бойцов батальона переправился через Днепр на западный берег и быстро наладил связь со штабом бригады, которая находилась на восточном берегу. В течение 4-х суток жаркого боя держал непрерывную связь по радио, передавая данные о противнике и его огневых средствах»¹. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм гвардии сержанту С.И. Иванову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В послевоенные годы С.И. Иванов продолжал службу в Вооруженных силах СССР. После выхода в запас в звании капитана в 1960 г. жил в г. Кадиевке Ворошиловградской области Украинской ССР, работал в местном управлении движения трамваев.

Не меньшим героизмом и самопожертвованием отличались на фронте и другие жители поселка. Младший сержант Анатолий Николаевич Федосеев (1925–?), помощник командира взвода 4-й стрелковой роты 519-го стрелкового полка 81-й стрелковой дивизии 61-й армии, участвовал в боевых действиях с апреля 1943 г. «Во время боевых наступательных операций на село Домомерки Брагинского района Гомельской области 13 ноября 1943 г., когда вышел из строя командир взвода, тов. Федосеев А.Н. принял командование на себя и с оставшимися бойцами в количестве 12 человек с криком «Ура!» бросился в атаку и штурмом овладел западной окраиной села. В результате смелых, решительных, быстрых и отважных действий тов. Федосеева А.Н. его бойцами было частично уничтожено и обращено в бегство до двух взводов гитлеровских солдат, и, когда немцы перешли в контратаку, тов. Федосеев А.Н. со своими бойцами два раза отразил превосходящие силы наступающего противника»². За этот бой уроженец поселка Павелецкий был награжден орденом Красной Звезды.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 мая 1946 г. в Московской области путем выделения из Горловского района был образован Павелецкий район. Его административным центром стал рабочий поселок Павелец, которому подчинили еще 11 сельсоветов: Береняговский, Вязовенский, Делеховский, Казинский, Катинский, Кремлевский, Лазинский, Мшанский, Павелецкий, Стрелецко-Дубравский и Хворощевский. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 10 июня 1946 г. часть территории Московской области, в том числе Горловский район, была возвращена Рязанской области³. 7 октября 1946 г. Павелецкий район Рязанской области был ликвидирован, а его сельсоветы возвращены Горловскому району.

В первые послевоенные годы председателем Павелецкого поселкового совета работала А. Ленева. При поселке в это время работали «паровозное депо, <...> конторы «Плодоовощ», «Заготзерно», железнодорожная прокуратура, общежитие паровозного хозяйства, общежи-

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 793756, д. 19, л. 129.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, д. 3967, л. 277.

³ Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. М.: Кучково поле, 2011. С. 104–105.

тие железнодорожного МВД, ветпункт. В Павелецкой железнодорожной школе № 21 действовала школа рабочей молодежи, где по программе за 5–10-е классы средней школы обучались работники поселковых предприятий¹.

Моральный облик граждан был в то время одной из сфер ответственности административной комиссии Горловского райсовета. Следили за этим строго. Например, в 1947 г. ее постановлением был приговорен «к одному месяцу исправительно-трудовых работ с вычетом из зарплаты в доход государства 25 % Козырев Иван Матвеевич, житель поселка Павелец, работавший электромонтером на станции Павелец-1», за то, что он, «будучи в нетрезвом виде, выражался нецензурными словами в буфете станции»².

Даже год спустя после засухи 1946 г. в сфере снабжения продуктами питания в районе ощущалась некоторая напряженность. Трудовые коллективы решали проблему обеспечения своих работников путем организации подсобных хозяйств или установления взаимовыгодных «шефских» отношений с близлежащими сельхозпредприятиями. К южной окраине поселка Павелец примыкал поселок им. Сталина³, в котором с 1929 г. существовал колхоз «Путь к социализму». «В 1947 г. работники железнодорожного узла Павелец-1, а именно вагоноремонтного пункта, в период подготовки к уборочной отремонтировали колхозу «Путь к социализму» жатку и сенокосилку, выделен был шофер и передана лошадь. Коллектив дистанции связи в помощь колхозу выделили семь человек, и кроме этого работники смен после дежурства работали по 2–3 часа. Медицинские работники ежедневно посылали всех свободных от дежурства медсестер. Паровозное отделение обязалось на своей машине перевезти одному из колхозов села Кремлево 100 тонн зерна и выделить на время уборки хлеба 10 человек. Паровозное депо отремонтировали колхозную электростанцию в селе Павелец. Колхоз «Краснофлотец» Кремлевского сельсовета руководство дистанции пути обеспечило лесоматериалами для ремонта повозок»⁴. В конце 1940-х гг. за станцией Павелец-1 было также закреплено и подсобное хозяйство – в нем, например, имелось 5 га картофельных полей, урожай с которых поступал на стол железнодорожников. Была и станционная лошадь, которую начальник станции, как правило, отдавал для вспашки личных огородов своим сотрудникам⁵.

До декабря 1947 г. в СССР действовала введенная с началом войны карточная система снабжения промышленными и продовольственными товарами. В условиях дефицита продуктов отдельные граждане пытались решать проблемы своего продовольственного обеспечения незаконными путями. Такие попытки даже после войны пресекались по всей строгости военного времени. В 1947 г. на станции Павелец-1 военный трибунал рассмотрел два дела. «Техник хладотранспорта Шмелев А.З. за хищение соли в количестве 30 кг во время своего ночного дежурства 4 июня был приговорен к 7 годам лишения свободы. Заведующая хлебопекарней ст. Павелец-1 Павелецкого ОРСа Стародубцева Н.Н., пекарь Яров П.М. и подручный пекаря Анохина М.А. за хищение хлеба из пекарни 4, 8 и 10 июня были приговорены к срокам от 7 до 10 лет»⁶.

Подавляющее же большинство сотрудников служб и предприятий станции Павелец-1 послевоенного времени демонстрировали очень ответственное отношение к своему труду и месту работы. Об этом можно судить по случаю, когда зимой 1947 г. всему коллективу станции

¹ Железнодорожник, № 95 (23 октября 1947).

² Железнодорожник, № 30 (10 апреля 1947).

³ Ныне поселок Южный Скопинского района Рязанской области.

⁴ Железнодорожник, № 60 (27 июля 1947).

⁵ Железнодорожник, № 42 (22 мая 1947).

⁶ Железнодорожник, № 60 (27 июля 1947).

и населению поселка пришлось бороться с непогодой, препятствовавшей ее нормальному функционированию. Газета «Железнодорожник» по этому случаю писала: «К вечеру 15 февраля 1947 г. начала бушевать сильная метель, которая продолжалась двое суток. Создалось напряженное положение на станционных путях и складе топлива станции Павелец-1. В ночь на 16 февраля метель еще более усилилась. Были посланы две бригады для борьбы со снегом. На узле стало создаваться угрожающее положение, тогда руководство обратилось ко всем железнодорожникам и членам их семей с призывом выйти на помощь путейцам. Несмотря на воскресный день, на борьбу со снежной стихией вышли паровозники, связисты и работники других служб, всего 244 человека. Для очистки путей от снега пришли колхозники колхоза «Восход» Кремлевского сельсовета. Они работали весь день 15 февраля и добровольно остались в ночь на 16 и, не отдыхая, проработали весь следующий день. В ночь на 16 февраля вышли дети бывшего начальника дистанции пути, погибшего в Великую Отечественную войну Дягелев Г.И. и Дягелева Т.И. По инициативе завуча школы тов. Воловикова В.М. на очистку снега вышли школьники. Активно работали на очистке снега домохозяйки. Старый железнодорожник пенсионер Платонов Ф.Е., как только началась метель, вооружился деревянной лопатой и пришел на станцию. Очищали пути работники амбулатории, возглавляемые тов. Череватским, майор госбезопасности тов. Кириченко с женой и другие. Дружные усилия обеспечили нормальную работу всего узла Павелец-1»¹.

В послевоенные годы на месте старого депо был построен завод станочных узлов и деталей. В 1947–1950 гг. поселок «вырос в количественном отношении более чем на 1100 человек. Отстроили Новостроящуюся улицу. Число индивидуальных застройщиков дошло до 140 домов. Электрифицированы были дома по Новостроящейся улице, Кировской, Полевой и Первомайской. Решили вопрос с водоснабжением, построили пять колонок. Организовали вновь молокозавод, оборудовали ветеринарный пункт. Озеленили и благоустроили Вокзальную и Ленинскую улицы. Перевели рынок в более удобное место, открыли книжный киоск»².

С 1950 г. председателем Павелецкого поселкового совета был Г. Грызлов³, с 1956 г. – Пономарев. Несмотря на проведенные восстановительные работы и новое строительство, поселок Павелец во времена их руководства нельзя было назвать полностью благоустроенным населенным пунктом. Выступая на партийной конференции в Горлове в 1955 г., мастер паровозного депо Пустовалов откровенно говорил о бытовых проблемах его жителей: «В рабочем поселке Павельце на отдельных улицах осенью нельзя пройти из-за грязи. Плохо работает водопровод. Жильцы с некоторых улиц ходят за водой за 2 км»⁴. На станции Павелец-1 в магазине нередко не бывало керосина, а если он и продавался, то «торговля организована на железнодорожных путях. Часто маневровый поезд делает маневры, и платформу, на которой организуется торговля, гоняет из стороны в сторону»⁵. Были и другие проблемы. «Павелецкую среднюю школу № 21 в послевоенные годы, до 1956 года, закончило около 400 учащихся, девушки были не устроены и сидели дома. В школе не было мастерских и кабинетов»⁶. Но было общее стремление к улучшению быта людей, к благоустройству поселка. В той же средней школе активно работало тимуровское движение под руководством учителя Неонилы Михайловны Галушкиной. В 1955 г. ее класс взял шефство над домом № 76 по Первомай-

¹ Железнодорожник, № 14 (20 февраля 1947).

² Железнодорожник, № 1 (1 января 1951).

³ Железнодорожник, № 1 (1 января 1951).

⁴ Ленинская искра, № 43 (29 мая 1955).

⁵ Ленинская искра, № 26 (29 марта 1956).

⁶ Ленинская искра, № 102 (20 декабря 1956).

ской улице, где проживал 70-летний пенсионер В.Д. Дугин, потерявший зрение. На страницах горловской районной газеты «Ленинская искра» он признавался: «Я слепой, но теперь, когда обеспечена моя старость и оказывается большая помощь тимуровцами-пионерами, хочется еще и еще пожить»¹. В 1955 г. в Павельце возводились новые восьмиквартирные дома. С 1943 г. в поселке работали детские ясли, причем в те годы на постоянной основе ясли функционировали только в райцентре Горлово и поселке Павелец. В мае 1956 г. открылась узловая больница станции Павелец-1, в составе которой был стационар с хирургическим, терапевтическим, родильным, гинекологическим отделениями, а также физиотерапевтическим и рентгеновским кабинетами, поликлиникой. На территории больницы был посажен яблоневый сад, здесь появились скульптуры, веранды и фонтаны.

В 1953 г. Московско-Донбасская железная дорога была укрупнена и превратилась в Московско-Курско-Донбасскую. В 1956 г. в связи с этим укрупнением отделение железной дороги в Павельце, которое координировало работу всех предприятий и учреждений местного железнодорожного узла, было ликвидировано². 14 июля 1959 г. в соответствии с приказом Совета Министров СССР № 748 от 13 июля 1959 г. «Об укрупнении железных дорог» и приказом МПС СССР № 42Ц от 14 июля 1959 г. Павелецкий железнодорожный узел стал частью Московской железной дороги.

В 1959 г. изменилось и административное подчинение поселка Павелец – был упразднен Горловский район, а его населенные пункты переданы Скопинскому району Рязанской области. Поселок продолжал расти. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. в нем постоянно проживали 4986 человек (2236 мужчин и 2750 женщин), а реально наличное население составляло 5904 человека.

«В 1965 г. в поселке Павелец располагались учреждения транспортного подчинения: дистанция пути, дистанция сигнализации и связи, паровозное депо, вагонное депо, материальный склад, электроподстанция, военизированная охрана, отделение милиции, поликлиника, больница со стационарным лечением на 75 коек и родильным отделением, домоуправление, клуб, 2 библиотеки, школа рабочей молодежи, 10 магазинов, столовая, школа №21, баня, парикмахерская, сапожная мастерская, фотография, 2 интерната. В 1963–1964 гг. были введены: хлебозавод на 18 тонн хлебных изделий в сутки, детский комбинат, ясли-сад на 140 мест, средняя школа на 640 мест с мастерскими и лабораториями. Кроме того, имелись учреждения районного подчинения: ветеринарный участок, молокозавод, почтовое отделение, аптека, пошивочная мастерская»³.

В 1968 г. Скопинским комбинатом быта было построено здание поселкового дома быта, в котором разместились пошивочная мастерская на 13 рабочих мест, фотография, мастерская по ремонту обуви и комплексный приемный пункт. Нашлось в нем место и для женской и мужской парикмахерских. Всего в поселке работали 4 парикмахерских Павелецкого ОРСа⁴.

В конце 1967 г. в Павельце появился монумент в память о разгроме немецко-фашистских захватчиков зимой 1941–1942 гг. Скопинская газета «Ленинское знамя» писала: «В канун славного 50-летия Октября по Скопину прошли пушки. В грозные годы войны они начали свой путь со скопинской земли. Бойцы одной из них отражали яростные атаки немцев на станции Павелец-1. История другой связана со славой и героизмом расчета братьев Сер-

¹ Ленинская искра, № 45 (3 июня 1956).

² Архив Скопинского района. Ф. 407, лл. 1–2.

³ Архив Скопинского района. Ф. 407, л. 1, 2.

⁴ Ленинское знамя, № 54 (21 января 1969).

гея и Николая Овчинниковых из села Чернавы. Сергею посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а Николай награжден орденом Ленина. По решению Генерального штаба Вооруженных сил страны одно из орудий установлено на постаменте у станции Павелец-1 как символ боевой славы во имя победы над фашистской Германией»¹.

К концу 1970-х гг. наметилась тенденция к оттоку поселковой молодежи в другие города. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. в поселке городского типа Павелец Скопинского района Рязанской области проживали только 3452 человека – 1518 мужчин и 1934 женщины. В последующие годы эта тенденция усугубилась, приняв наиболее значительные масштабы уже в постсоветское время.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав», рабочий поселок Павелец стал административным центром городского поселения Павелецкое, в которое вошли поселки Южный, Красная Деревня, поселки станций Кремлево, Мшанка, Павелец-2, села Кремлево, Вязовенка, Делехово, Хворощевка, и Павелец.

В 2005 г. градообразующим предприятием поселка было вагонное депо «Павелецкое», работал завод станочных узлов. В 2008 г. ОАО «Российские железные дороги» в очередной раз выставило на торги свои непрофильные активы, в том числе – убыточные вагонные ремонтные депо, среди которых было и депо станции Павелец. Его новым собственником стало ООО «Дальвагонремонт». Производственные мощности предприятия были значительно реконструированы, установлено новое оборудование. Сегодня обособленное подразделение «Вагонное ремонтное депо Павелец» ООО «Дальвагонремонт» играет важную роль в экономической и социальной жизни Скопинского района.

На 1 января 2009 г. в Павельце было 1085 жителей. Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала дальнейшее падение демографических показателей. По ее данным, в поселке оставалось 1004 жителя – 449 мужчин и 555 женщин.

В настоящее время в поселке Павелец продолжают работать предприятия железнодорожного транспорта, стоит закрытым завод станочных узлов и деталей, действуют молочный завод, а также завод по производству замков и консервных банок, хлебозавод и элеватор.

---

¹ Ленинское знамя, № 53 (9 мая 1968).

ПЕРИКИ деревня (сельское поселение Полянское)

Деревня Перики (Перки) появилась на территории Рязского уезда на рубеже XVII–XVIII вв. Ее название производится от имени протекающей в этой местности р. Перки. Оно, как и название реки Пра, левого притока Оки, происходит от глагола «переть» или «прать». Согласно В.И. Далю, «они так близки по корню и по значенью, что сливаются; напр. жестоко противу рожна прати; или; агнды и унды, быстро путь перуше, попираючи; это и переть и прать. -ся, страдат. Стены сильно прутся сводом. Вопри распорку в стену. Морозом выперло сваю. Один не допрешь, не донесешь. Запри ворота. Лед напреет, все сопрет... Пру, корень обширный, к коему надо причислить: перу (прать) и Перун; кроме сего: пырять, пря, спор, упрек, поперек. против; правый, прямой, простой; прочь, прок, прапор и прочее, а может быть также: пруд, прыскасть и пр.»¹. Таким образом, название речки, по всей видимости, указывает на ее «строптивый» характер, возможность буквально «переть» массой воды весной или во время продолжительных дождей. Перка довольно протяженная, ее истоки находятся у деревни Подмакарьево. В верховьях она окружена многочисленными нисходящими оврагами, ручьями, которые способны резко наполнять ее, делая в нижнем течении внезапно полноводной, при разливе же способной «быстро путь перуше, попираючи». В Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.) значение глагола «прети, пер/оу, -еть» истолковывается как «быстро двигаться, нестись»².

На начальном этапе своего существования сельцо Перки принадлежало хорошо известным историческим деятелям, родственникам правившей династии Романовых и представителям высшей придворной аристократии. Первое упоминание о сельце Перках находится в переписных книгах 1710 г. В нем «за князь Петром Алексеевичем Голицыным» был записан «двор помещиков, в нем конюхов мужска полу четырнадцать, да женску полу семнадцать, обоих полов тридцать один человек. Двор скотцкой, в нем скотников мужска восемь, женску полу семь, обоих полов пятнадцать человек, да три двора крестьянских в них мужска полу девят человек, женску полу одиннадцать человек». «За боярами за Александром, да за Иваном Львовичами Нарышкиными» по тем же переписным книгам был записан «двор помещиков, в нем дворовые люди мужеска полу шесть человек <...>, да женску пола семь <...>, да двор скотцкой, в нем скотников мужеска пола три <...>, женску пола нет»³.

Князь П.А. Голицын (1660–1722) был братом князя Бориса Андреевича Голицына, воспитателя Петра I, и пользовался большим доверием царя. В 1701–1706 гг. он направлялся с дипломатическими миссиями в Вену и в Рим с предложениями посредничества в переговорах России и Швеции, но больших успехов не достиг. Кавалер ордена Св. Андрея Первозванного (1710) и сенатор (1711), он в 1708–1711 гг. был архангелогородским губернатором, в 1713–1718 гг. – рижским губернатором, в 1719–1722 гг. – киевским губернатором.

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 2. М.: Астрель: АСТ, 2001. С. 114.

² Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. VIII. М.: Азбуковник, 2008. С. 313.

³ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2871, лл. 99 об – 102.

А.Л. Нарышкин (1694–1746) и И.Л. Нарышкин (1700–1734) – сыновья боярина Льва Кирилловича Нарышкина, главы Посольского приказа в 1697–1702 гг., и двоюродные братья Петра I. В 1708–1721 гг. братья Нарышкины учились за границей, подолгу жили в Англии, Голландии, Италии и Франции. Старший в 1726–1727 и 1731–1733 гг. возглавлял Коммерц-коллегию, в 1733 г. стал сенатором и окончил службу в чине действительного тайного советника (1740), кавалером орденов Св. Александра Невского (1734) и Св. Андрея Первозванного (1742). Младший, «флота капитан», известен как отец графини Екатерины Ивановны Разумовской (1729–1771), фрейлины, с 1746 г. – статс-дамы императрицы Елизаветы Петровны, а затем Екатерины II, супруги генерал-фельдмаршала и последнего гетмана Украины графа К.Г. Разумовского.

В переписных книгах 1716 г. сельцо Перки показано как собственность тех же помещиков: «...За князь Петром Алексеевичем Голицыным двор помещиков, а в нем конюхи Федор Зотов ш[ес]ти десяти шести <...> итого <...> в том сельце Перках двор помещиков, а в нем конюхов мужеска полу шесть человек <...>, да женску пола сем человек. Двор скотцкой, а в нем скотников мужеска полу один <...>, женску полу один...» За братьями Нарышкиными числились «двор помещиков, а в нем дворовых людей мужеска полу четыре <...>, да женску полу четыре <...>. Двор скотцкой, в нем скотники мужеска пола три <...>, женску пять человек...» К ним, однако, за прошедшие годы прибавился еще один помещик, также состоявший в родстве с царской династией, – знаменитый победитель шведов при Гангуте: «Тайного советника, генерала-адмирала, кавалера и губернатора графа Федора Матвеевича Апраксина, двор ево в том же сельце Перках, для приезду крестьян, а в нем дворовый человек Назар Свиридов, в доме у него дочь Марина <...> обоих полов два человека. А с 1710 году дворовых людей мужеска полу померло три, бежало два, сведены в ыные губернии один, да женску полу померло два, бежало две, сведены в ыные губернии три...»¹

По переписной окладной книге Рязжского уезда в 1721 г. в сельце Перках было 2 помещичьих дома, 12 крестьянских дворов и всего «дворовых и всякого звания» 91 человек, а «по доношению 719 года бояричев Александра да Ивана Львовичей Нарышкиных в скаске дворовый их человек Спиридон Данилов объявил дворовые и деловые люди и скотники»: 49 человек и 10 новорожденных, не вошедших в оклад. «Князь Петра Алексеева сына Голицына в скаске человека ево Семиона Алексеева объявил дворовые, деловые люди пашни своей не имеют, пашут на помещика», всего 42 человека и 19 новорожденных, не вошедших в оклад².

В 1744 г. в сельце всего было положено в подушный оклад 139 дворовых и крестьян. Его следующей помещицей стала фрейлина императрицы Екатерина Ивановна Нарышкина, унаследовавшая написанные «в прежней ревизии за отцом ее Иваном да за дядей Александром Львовичами Нарышкиными» 77 крепостных душ. Со времени прежней ревизии в Перики были переведены крестьяне из деревни Поплевиной Рязжского уезда и деревни Ольховца Епифанского уезда. За прапорщиком Петром Ивановым сыном Топильским числились написанные в прежней ревизии за князем П.А. Голицыным 62 окладные души³.

В донесении рязжскому воеводе от местных помещиков по поводу «присланной из Рязжской воеводской канцелярии с прописанием Тамбовской провинциальной канцелярии указа императрицы, иметь предосторожности от разбойнической порчи, присматривании о поимке злодеев» имеется следующая запись: «1756 года июня 18 дня, Рязжского уезду Вердеревского

¹ РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 3, лл. 99–105.

² РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864. лл. 358–359 об, 361, 365–365 об.

³ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2871, лл. 69–79.

разъезду сельца Перек помещика высокографского сиятельства староста ево Ерофей Андреев, помещика поручика Александра Иванова сына Тописького, староста ев, Ивана Семенова ...» докладывали, что об этом все «слышали, и по оной исполнять во всем непременно» обязались¹.

Согласно экономическим примечаниям к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленным в 1779 г., в сельце Перки с деревнями Бараковской и Конюховкой проживали крепостные крестьяне «владения генерала-поручика и кавалера Матвея Васильевича Муромцева, надворного советника Соломона Михайловича Маркова, майора Василия Иванова сына Гагина, дворянина Никиты Миронова сына Голицына, Дмитрия Васильева сына Лихарева, князя Тимофея Петровича Волконского, князя Сергея Никитича Долгорукого, князя Ермолая Дмитриевича Голицына и однодворцев этого сельца и деревень»². По данным 3-й ревизии податных сословий Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в сельце Перки был 31 крестьянский двор, в которых проживали 130 душ мужского пола и 134 – женского. В описании местоположения сельца и наличия в нем усадебных строений было отмечено: «... Лежит на берегах речки Перки, в нем дома господские»³.

О следующем поколении местных помещиков сообщает окладная книга о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. В сельце Перки у «девицы Лукии Александровой дочери Тописькой по окладу числилось 85 душ. В 1824 г. за помещиками Тописькими были записаны следующие крепостные жители сельца: «за девицей Настасьей – 3 души, за девицей Надеждой – 2 души», а в 1828 г. «за малолетними Сергеем 17 душ и Николаем 16 душ». Последние 16 душ с 27 июня (8 июля) 1830 г. «по разделу велено считать за поручицей Варварой Николаевою Зверинскою». Кроме того, 17 (29) марта 1823 г. в сельце были причислены «покупных полковницею Анною Лихаревою⁴ у господ Васильчиковых 52 души, да переведенных из Пронской округи 32 души»⁵.

В 1834 г. крепостные жители сельца Перки были распределены между своими владельцами следующим образом: поручицы Варвары Николаевны Зверинской – 46 душ поселян и 1 дворовый, полковницы Анны Никифоровны Лихаревой – 88 душ поселян и 3 дворовых, коллежской секретарши Анны Ларионовны Стрекаловой – 59 душ поселян и 13 дворовых (указывались только души мужского пола, которые и облагались подушной податью)⁶. Земельная дача при сельцах Перки, Конюховка и деревне Бараковой охватывала местность шириной 2,5–3 версты от северо-восточной окраины деревни Поплевино вдоль правого берега реки Перки и уходила далее за р. Верду, продолжаясь северо-западнее и севернее деревни Гудовки. С юга от сельца Перки находилась земля полковницы Анны Никифоровны Лихаревой – ок. 240 десятин (262 га), ей принадлежали 100 крепостных душ мужского пола. Южнее этого владения лежали 100 десятин прапорщика Александра Ивановича Леонова и других собственников, а дальше, восточнее Дмитриева, – еще 260 десятин (284 га), принадлежавшие А.Н. Лихаревой. Юго-восточнее сельца находились земельные владения малолетних Николая и Елизаветы Васильевичей Зверинских – 225 десятин (246 га) и 47 душ. К востоку от сельца начиналась земля коллежской ассессорши А.Л. Стрекаловой – 275 десятин (300 га) и 72 души. Еще восточнее, за стрекаловской землей, располагались 55 десятин

¹ РГАДА. Ф. 566, оп. 1, ч. 2, л. 29.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 22 об; д. 1241, лл. 130 об – 131.

³ Там же.

⁴ О ней см. примечание к очерку «Костемерево».

⁵ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 114–115.

⁶ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, л. 106 об, 164 об – 165, 281 об.

(60 га) мелких собственников: майорши Натальи Григорьевны Лушковой (ей принадлежали 9 душ), поручика Филиппа Ивановича Безумова и коллежского асессора Василия Андреевича Шишкина. Также землю и крепостных крестьян в этих селениях имели: коллежский регистратор Илья Алексеевич Давыдов – 7 душ мужского пола, дворянин Иван Яковлевич Свиридов – 5 душ, подпоручик Петр Никитич Голицын – 10 душ. Казенные крестьяне Баранова, Летова и Победного – 36 душ – обрабатывали свою землю на 397 десятинах (433 га)¹. Как свидетельствуют материалы специального межевания 1845 г., к этому времени картина душе- и землевладения при Перках принципиально не изменилась.

По окладной книге 1850 г. в Перках за малолетними Николаем, Василием Васильевичами Зверинскими и женой канцеляриста Елизаветой Васильевной Фетудиновой состояли в окладе 52 мужские крепостные души и 1 дворовый человек, за малолетней дочерью полковника М.Д. Лихарева Елизаветой Михайловной – 44 души и 1 дворовый человек, за коллежской асессоршей А.Л. Стрекаловой – 75 душ и 12 дворовых².

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в середине XIX в. в сельце Перки было 33 крестьянских двора. Они располагались одним порядком в виде буквы Г, вытянувшимся вдоль течения р. Перки. Близ реки строений не было, к ней спускались лишь крестьянские огороды. На юго-западной и северо-восточной окраинах сельца располагались две небольшие помещичьи усадьбы, окруженные садами. Границами селения служили два оврага, спускавшиеся к р. Перке³.

В «Ведомости о произошедших изменениях во владельцах, произошедших по разным уездам [Рязанской губернии] за январскую треть 1857 г.» отмечен переход собственности при селе в виде 45 душ крестьян и дворовых людей с принадлежащей им землей от поручицы Елизаветы Михайловны Александровской к поручику Александру Григорьевичу Александровскому «по раздельному акту»⁴.

Согласно последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., деревня Перки, лежащая по правую сторону тракта Скопин–Рязьск близ постоялого двора, принадлежала помещикам Стрекалову, Леонову и Александровскому. Всего в деревне насчитывалось 42 домохозяйства, в которых проживали 171 душа мужского пола и 164 – женского⁵.

Во время крестьянской реформы 1861 г. деревня Перки была включена в Чулковскую волость Скопинского уезда Рязанской губернии. Подробности освобождения ее жителей от крепостного права известны лишь в отношении крестьян поручика А.Г. Александровского. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1863 г., значится: «Скопинск[ого] уез[да] участка мир[ового] посредника Засс, с[ель] цо Перик, поруч[ика] А.Г. Александровского, 53 д[уши]. Душевой надел: прежний – 2 дес[ятины] 826 саж[еней] (2,6 га); повинность издельная. Грамота написана помещиком»⁶.

В «Ведомости о поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие с 8 ноября по 31 декабря 1866 г. выкупных сделках», упоминается таковая в имении сельцо Перики Чулковской волости между помещиком А.Г. Александровским и 53 душами

¹ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 2, лл. 43–45.

² ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 127 об – 128, 194 об – 195, 298 об – 299.

³ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁴ РГАДА. Ф. 1355, оп. 2, д. 229, л. 321 об.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 32.

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 6 (9 февраля 1863).

его бывших крестьян. Сумма выкупной сделки составила в 5384 руб. 80 коп¹. В конце марта 1869 г. выкупная сделка поручика Александровского была утверждена, указанная ссуда под выкупаемые крестьянами 129 десятин 1788 саженьей (141 га) земли была разрешена с 1 ноября 1868 г.²

В материалах ревизии Скопинского уезда, проводившейся Рязанским губернским земством в 1875 г., в деревне Перки отмечено существование двух сельских обществ: «бывш. г-жи Стрекаловой» – 76 душ мужского пола и 75 женского и «бывш. г. Александровского» – 55 душ мужского пола и 59 женского³. Если временнообязанные крестьяне б. Александровского были издельными, то стрекаловские – оброчными. Это означало, что кроме земских, душевых и казенных платежей крестьяне этого сельского общества до окончательного расчета по выкупным платежам были обязаны платить еще и оброк бывшему помещику. Например, в Стрекаловском сельском обществе на 72 души было не более 177 десятин (193 га) земли. Принимая в расчет размер душевого надела, документы констатировали: «Ложится оброка на душу 7 рублей 67 копеек»⁴.

Имение отставного поручика А.Г. Александровского при селце Перки было заложено в Скопинский городской общественный банк И.Г. Рыкова. Свой долг банку помещик вовремя погасить не сумел, и весной 1882 г. в «Рязанских губернских ведомостях» появилось следующее объявление: «В Правлении Скопинского городского общественного банка будет продаваться принадлежащая поручику Александру Григорьевичу Александровскому земля, со всеми находящимися на той земле разного наименования строениями. Означенной земли 161 д[есятина] 1200 с[аженьей], из ей пахотной 136 д[есятин], луговой 12 д[есятин], усадебной 10 д[есятин] 600 с[аженьей], упомянутая земля находится Скопинского уезда в дачах сельца Перек и пустоши Свиридовой, которая земля заложена Скопинскому банку за выданную ссуду в 7267 руб.; вышеозначенное имение описано за неплатеж Скопинскому банку капитального долга в 7267 руб. с следующими процентами и пенею, это имение оценено в 12 350 руб., с этой суммы начнется торг, который назначен 5 июля сего года с переторжкой чрез три дня»⁵.

По переписи населения 1882 г. в деревне Перки было 66 домохозяйств, в которых проживали 232 мужчины и 231 женщина. Грамотными среди них были 23 мужчины и 3 учащийся мальчик. Душевой надел местной земли – чернозема с примесью песка – составлял 2,6 десятины (2,8 га) и 4,2 десятины (4,6 га) на работника. Две крестьянские семьи имели в собственности 20 десятин (21,8 га) земли. Несколько деревенских семей арендовали дополнительно 152 вненадельные десятины (166 га). Безземельными были жители двух дворов, безлошадными – 27 дворов, без лошади и коровы обходились в 13 домах. Из 63 изб лишь 5 топились «по-белому». В крестьянских хозяйствах было 50 плетневых дворов, 23 горницы и клетки, 32 амбара и сарая, 41 рига. В отхожих промыслах числились 24 мужчины. При деревне действовали 3 промышленных заведения и кабак⁶.

Историческое разделение на несколько сельских обществ крестьян, до отмены крепостного права принадлежавших разным помещикам, отразилось и на планировке деревни, сло-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 37 (20 мая 1867).

² Рязанские губернские ведомости, № 25 (2 апреля 1869).

³ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского уездов в 1875 году. М., 1877. С. 517.

⁴ Там же. С. 517

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 19 (10 марта 1882).

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 32–37.

жившейся к началу XX в. В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов пишут: «Деревня Перики имела радиальный (круговой) тип планировки с ярко выраженным местом сбора всех жителей. Здесь располагались кузница, позже школа и клуб, другие постройки, имеющие общественное значение. От центра расходились три улицы: барина Стрекалова (Стрекаловка) барина Леонова (Леоновка), барина Александровского (Александровка). Потом параллельно Леоновке образовалась новая улица Сигаловка»¹.

В 1905 г. в деревне Перки было уже 98 дворов. При ней находилась «госпожи Харнской владельческая усадьба»². Муж местной помещицы отставной подполковник Петр Петрович Харнский, активный земский деятель, возглавлявший Скопинскую уездную земскую управу ок. 1904–1909 гг., во многом способствовал появлению в деревне земской школы. Местные крестьяне «по распоряжению сельских старост Едунова, Денисова и Едунова собрались на сход в числе 57 домохозяев» и 12 (25) января 1905 г. приняли решение о строительстве школьного здания. Обращаясь в Скопинское уездное земское собрание, они писали: «...В нашем селении нет школы для обучения наших детей, в которой является неотложная необходимость, но на постройку школы мы по своей бедности средств лично не имеем, а детей учебного возраста у нас находится больше 60 человек. Места под постройку школы у нас нет, но его нам жертвует полковник Петр Петрович Харнский, которого мы просим быть и попечителем нашей школы. При постройке школы и перевозке для нея всех материалов – подводы будут все наши, крестьян, куда бы не потребовалось. Содержание все вообще <...> принимаем на себя»³. Землю под постройку школы безвозмездно предоставила помещица Маргарита Филипповна Харнская, ее же земство в итоге и выбрало попечительницей. К 1908 г. в Перках проживали 646 жителей, из них 58 детей школьного возраста. В земской школе обучались 40 человек⁴.

В начале XX в. в Перках действовали торговые предприятия – незначительные, порой быстро исчезающие. По сведениям Скопинского уездного земства, в 1908 г. в деревне действовали две торговые лавки, принадлежавшие Екатерине и Анне Фаддеевым. Однако, когда в 1911 г. земство попыталось взыскать с предпринимательниц недоимки по налогам и сборам, выяснилось, что местожительство первой определить не удалось, а вторая, по словам члена земской управы, «в крайней бедности, имея от роду 60 лет, ввиду этого причитающуюся с нее суммы она уплатить не в состоянии». Существовала в деревне еще одна торговая лавка, принадлежавшая Ивану Мироновичу Трифонову, но она была уничтожена пожаром в 1908 г., поэтому, заключало земство, «живет он крайне бедно, имея семью в 5 человек, а земли только на 1 душу, и более ничего нет, взыскать недоимку с него не представляется возможным»⁵.

Накануне Первой мировой войны подполковник Петр Петрович Харнский владел 20 десятинами (21,8 га) земли при деревне Перики, а его супруга Маргарита Филипповна Харнская – 154 десятинами и 334 саженьями (ок. 168,5 га) при деревнях Перики и Княжей⁶.

¹ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 151–152.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 626–627.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва 20 февраля 1905 года. Скопин, 1905. С. 41.

⁴ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 38–39.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVII очередного созыва 1905 года. Скопин, 1905. С. 454, 455, 460, 461.

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 43 (8 июня 1913).

В 1914 г. деревня Перки входила в приход Георгиевской церкви села Бараково (Новобараково), в ней было 55 крестьянских дворов, в которых проживали 212 мужчин и 196 женщин. В деревне действовала земская одноклассная школа¹ (в 1916 г. упоминалась как одноклассная – т. е., в соответствии с «Положениями о начальных народных училищах» 1864 и 1874 гг., представляла собой учебное заведение с трехлетним курсом обучения, где дети всех возрастов, разделенные на три отделения, одновременно занимались в одной классной комнате с единственным учителем).

В 1917 г. в деревне Перки Полянской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 105 дворов, население которых составляли 210 мужчин и 226 женщин. В этом году при ней в последний раз упоминалась владельческая усадьба помещика Харнского². По некоторым данным, заслуженный земский деятель П.П. Харнский после революции остался жить в Скопинском уезде.

В апреле 1918 г. в деревне был создан Периковский сельсовет³. В 1920-х гг. местные крестьяне активно «осваивали» конфискованные в их пользу бывшие помещичьи лесные угодья. Селькор А.П. Кузин в марте 1925 г. сообщал в скопинскую газету «Коллектив»: «В Периковском и Поплевинском лесу была рубка леса, граждане неорганизованным порядком с жадностью бросились рубить лес, причем на двух десятинах собралось 350 человек рубильщиков. В результате гр. Ермаков В.Д. был убит деревом, и многие были изувечены: у кого глаз выбит, у кого нога переломлена. За всякое дело надо браться с умом, да с толком»⁴.

Похоже, у зажиточных крестьян деревни и их более бедных соседей были разные планы на использование древесины. Газета «Коллектив» сообщала: «7 марта [1925 г.] в Периках на собрании по вопросу о лесе бедняки попросили себе леса, предлагая поделить его по дворам. Кулачье на них набросилось и даже полезло в драку. Так и не поделили лес. Бедноте надо сплотиться и быть организованной силой»⁵. Также «при распределении леса на собрании граждан в селе Периках было внесено предложение об отчислении леса на колодцы и пожарный сарай. Благодаря противодействию кулачков, отчисление леса отклонили»⁶. Скопинские уездные власти посылали деревенским советским органам через газету такие рекомендации: «Периковскому сельсовету – побудить граждан исправить колодцы, чтобы не приходилось более пить воду из ручья, в который стекает всякая грязь и зараза»⁷.

Впрочем, в деревне в срочном ремонте нуждались не только колодцы, но и объекты поважнее. Здание земской школы 1905 г. постройки оказалось недолговечным. Селькор Г.С. Трифонов сообщал: «В деревне Перики Победенской волости школа представляет из себя печальное зрелище: фундамент разваливается, печи развалились и стекла powyбиты, сарая для топлива нет. Настает новый учебный год, а школа не отремонтирована. Есть и лес для ремонта школы, отпущенный еще в 1922 г., 65 бревен, но он лежит и гниет без пользы. Гр-не о ремонте школы и не думают, сельсовет спит, а волоно и ВИК, очевидно, совсем забыли о школе. А ведь скоро наступят холода и дети будут мерзнуть!»⁸

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 543–561.

² ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 150.

³ Архив Скопинского района. Ф. 156, л. 1.

⁴ Коллектив, № 33 (25 марта 1925).

⁵ Коллектив, № 35 (29 марта 1925).

⁶ Там же.

⁷ Коллектив, № 63 (27 июня 1925).

⁸ Коллектив, № 84 (12 сентября 1925).

В 1930 г. жители деревни наконец-то начали возведение нового школьного здания, но стройка шла не так быстро, как хотелось бы. В этих условиях еще больше возросла нагрузка на и без того разваливавшееся старое земское здание: «В 1930 г. в школе занимались в три смены, вместо доски перевернутая крышка стола. Печи, потолок, пол у строящейся школы к концу ноября еще отсутствовали»¹.

В 1929 г. было упразднено дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии. Перки стали населенным пунктом Скопинского района, включенного в Центрально-Промышленную область, до конца года переименованную в Московскую. В эти годы также был ликвидирован Перковский сельсовет, а деревня была передана в состав Ермоловского сельсовета Скопинского района Московской области.

В период массовой коллективизации в 1931 г. в деревне был создан колхоз «Волна». В те годы многие, в том числе и некоторые периковские крестьяне, полагали, что советская власть – это не надолго, а плод экспериментов новой власти – колхозы – неизбежно должны скоро развалиться. Однако в этой сфере любители посаботировать действия властей сталкивались с суровыми реалиями советского правосудия. «В открытом заседании сессия народного суда 160 участка Рязского района 28 сентября 1933 г. рассмотрела уголовное дело граждан деревни Перики Ермоловского сельсовета: Кузина Ивана Николаевича, 30 лет, грамотного, к тому времени исключенного из партии, женатого, в семье 6 человек, по социальному положению середняк, работавшего в должности председателя колхоза «Волна»; Куликова Якова Дмитриевича, 40 лет, грамотного, члена партии, семья состояла из семи человек, по социальному положению середняк, завхоз этого колхоза; Свистушкина Алексея Андреевича, 32 года, грамотного, беспартийного, судимого, семья, состоявшая из 8 человек, из имуществва имевший дом, двор, а из скота корову и 4 овец, состоял в колхозе членом правления; Воробьева Егора Ивановича, 27 лет, грамотного, беспартийного, ранее судимого, семья из 3 человек, состоявшего в должности члена ревизионной комиссии и бригадира. Установил, что Кузин и Куликов, пользуясь служебным положением, производили систематические пьянки на глазах трудящихся колхозников. Кузин до вступления в должность председателя колхоза, будучи председателем сельсовета, растратил 3536 рублей госсредств, кроме того, вместе с Куликовым растратил 1185 рублей. Кузин присвоил 500 рублей от реализации займа. Куликов, как завхоз, отпускал хлеб Кузину, последний продавал, а вырученные деньги пропивали. Умышленно украв 322 пуда (5,3 т) ржи и 44 пуда (7,04 ц) проса, они их растратили. На глазах колхозников председатель пропил мешок хлеба, отпущенного завхозом. Это происходило во время сдачи зерна государству, при этом заявив колхозникам, что “это не ваше дело”. За шпено в лесничестве для личных нужд Куликов приобретал стройматериалы, построив приличный дом. В систематических пьянках участвовал и Свистушкин, начислял незаконно трудовни. Неоднократно производил хищения и Воробьев. Кузина приговорили к 7 годам с отбывтием в исправительно-трудовом лагере с взысканием 3536 рублей. Куликова и Воробьева к 1 году, Свистушкина к 6 месяцам принудительных работ»².

31 декабря 1933 г. постановлением Мособлсполкома из Скопинского района в Рязский были переданы два сельсовета – Ермолинский с селом Ермолово и деревней Перка, и Полянский с селом Поляны³. К 1933 г. в колхозе «Волна» были построены рига, картофелехранилище, сбруйно-шорно-фуражное помещение⁴.

¹ Авангард, № 10 (25 ноября 1930).

² ГАРО, Ф. П-44, оп. 1, д. 5, лл. 25–26.

³ Колхозник, №4 (10 января 1933).

⁴ ГАРО, Ф. П-44, оп. 1, д. 5, л. 4.

Постановлением Президиума Мособлисполкома № 607 от 11 апреля 1934 г. Скопинскому району были возвращены Ермоловский и Полянский сельсоветы из Рязского района Московской области.

Вскоре сельхозартель в Перках была переименована в честь Н.С. Хрущева. Скорее всего, это произошло ок. 1935 г., когда он занял пост первого секретаря Московского областного комитета ВКП (б). А в 1937 г. Скопинский район, а с ним и деревня Перки, были включены в новообразованную Рязанскую область.

Материалы Рязанской комплексной географической экспедиции, проводившейся МГУ им. М.В. Ломоносова в 1939–1940 гг., свидетельствуют, что на 1 января 1939 г. в периковском колхозе им. Н.С. Хрущева из 145 дворов деревни числились 139. Население «колхозных» дворов составляло 759 человек, в 124 хозяйствах местных колхозников содержался крупный рогатый скот. Вне колхоза находились 165 деревенских жителей. В 1938 г. каждый из 244 трудоспособных колхозников заработал в среднем по 79 трудодней. На трудодни колхоз смог отчислить лишь 3,6% своего дохода, поэтому на 1 трудодень местные колхозники получили лишь по 1,27 кг зерновых и по 3 копейки деньгами (но и те решили не выдавать). На административные расходы было потрачено 5,8 % доходов колхоза. В 1938 г. подлежали сбору зерновые и бобовые на 407 га, картофель – на 53 га, овощи и бахчевые – на 7 га. Реальный урожай с них составил 1772 ц зерновых и бобовых, 1062 ц картофеля и 392 ц овощей и бахчевых¹. В периковском колхозе в это время было 60 лошадей и 4 жеребенка, 6 коров и 28 овец².

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда в обескровленных колхозах Рязанской области не хватало не то что тракторов, но и рабочих лошадей, молотилок, косилок и прочей сельхозтехники, в периковском колхозе вспомнили о навыках молотбы дедовскими цепами. В дни жатвы 1942 г. «в колхозе им. Н.С. Хрущева – 40 человек взяли полузабытые цепы и молотили рожь»³. Не считаясь с собственными трудностями, местные колхозники стремились выполнить план поставок сельхозпродукции сражавшейся стране.

Жители деревни Перки отличались не только в трудовом тылу, но и на фронте. Здесь вклад в общую победу отдельных ее уроженцев выглядел даже весомее. Капитан Алексей Михайлович Заусайлов (1912 –?) был парторгом 961-го стрелкового полка 274-й стрелковой дивизии, в 1942–1944 гг. вместе с полком принимал участие в боях на Северо-Западном и Сталинградском фронтах. «Тов. Заусайлов в боях за нашу социалистическую Родину показал себя стойким, храбрым и мужественным политработником. Личным примером увлекал бойцов и командиров на выполнение боевых приказов командования по разгрому немецких оккупантов, проявляя при этом героизм и отвагу. В сентябре 1942 г. в боях под Сталинградом после выхода из строя командира батальона лично возглавил атаку, батальон успешно выполнил боевую задачу, за что тов. Заусайлов награжден медалью «За оборону Сталинграда». За время Отечественной войны тов. Заусайлов четыре раза ранен <...>, после второго ранения продолжал оставаться в строю и выполнять боевую задачу»⁴. До конца войны уроженец деревни Перки капитан А.М. Заусайлов был награжден орденом Красного Знамени (1944) и орденом Отечественной войны 2-й степени (1945).

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

³ Сталинец, №1 (4 января 1942).

⁴ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 1658, л. 142.

В 1950 г. в результате взятой линии на укрупнение хозяйств Рязанской области периковский колхоз им. Н.С. Хрущева был присоединен к колхозу «Красная новь» Дмитриевского сельсовета вместе с другими окрестными сельхозартелями – «1-я пятилетка», им. К.Е. Ворошилова, им. М.И. Калинина и им. И.В. Сталина¹.

В 1964 г. деревня Перики по-прежнему входила в состав Ермоловского сельсовета (вместе с селами Ермолово, Дмитриево и деревнями Жмурки, Свинушки). В ней в это время насчитывалось 108 хозяйств, действовали начальная школа, клуб, магазин. Жители деревни трудились в колхозе «Красная новь»².

Демографический спад российского Нечерноземья 1970-х – 1980-х гг. и в еще большей степени – острый кризис отечественного сельского хозяйства, которым ознаменовался закат советского периода истории России, нанесли по небольшой деревне удар, от которого она уже не смогла оправиться. Молодежь разъехалась по городам, поселкам и крупным селам, в Периках остались доживать свой век одни пенсионеры.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Перики была включена в сельское поселение Полянское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в ней в это время проживали 7 человек – 3 мужчины и 4 женщины. В настоящее время бывшая деревня завершает свое превращение в урочище. Несколько домов в ней еще стоят, но, похоже, в них уже никто постоянно не живет.

---

¹ Архив Скопинского района. Ф. 169, л. 1.

² Архив Скопинского района. Ф. 156, л. 1.

ПЕТРОВКА

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Деревня Петровка (Желтухинские выселки, Петровские хутора) появилась на землях Скопинского уезда Рязанской губернии ориентировочно в 1840-х гг. С XVIII в. окрестные земли принадлежали помещикам Перекусихиным – брату и сестре: Василию Саввичу (1724–1788), обер-прокурору 4-го департамента Правительствующего Сената в 1765–1777 гг., тайному советнику (1777), сенатору (1785), и Марье Саввишне (1739–1824), доверенной камер-юнгфере императрицы Екатерины II. В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, датируемых 1779 г., место будущей деревни описано так: «...По обе стороны верха и речки Тянки и четырех безымянных отвершков, земля чернозем, хлеб средственный». Здесь было более 232 десятин (253 га) пашни, 967 десятин (1056 га) леса, а всего на этом пространстве вплоть до деревни Желтухиной помещикам Перекусихиным принадлежало 1210 десятин 972 сажени (1323 га) земли¹.

С 1820-х гг. эти земли принадлежали желтухинским помещикам: дочери В.С. Перекусихина Екатерине Васильевне Торсуковой (1772–1842), ее внучке Марии Ардальоновне Кикиной (1787–1828) и правнучке княгине Марии Петровне Волконской (1816–1856) – супруге князя Дмитрия Петровича Волконского (1805–1859), церемониймейстера Высочайшего двора и действительного статского советника.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в это время примерно на месте современной деревни уже располагался хутор Желтухинские выселки, в котором было 12 крестьянских дворов. Он представлял собой один порядок крестьянских изб, вытянутый с севера на юг. При хуторе имелся круглый копаный пруд, к западу от жилищ на довольно значительном расстоянии находился скотный двор помещиков князей Волконских. Хутор был связан проселочной дорогой с селцом Желтухино, на которой, примерно на полпути в помещичью усадьбу, на запруженном ручье, протекавшем вдоль опушки леса, действовала водяная мельница².

Еще одно название, под которым упоминаются Желтухинские выселки в конце 1850-х гг., – Петровский хутор. Видимо, оно указывает на сына помещиков князя Петра Дмитриевича Волконского (1845–1919). Не исключено, что основание поселения было приурочено к его рождению, и тогда датой появления будущей скопинской деревни Петровка следует считать 1845 г. В царствование Александра II князь П.Д. Волконский находился на придворной службе, до своей отставки в 1878 г. был шталмейстером двора цесаревича Александра Александровича (будущего Александра III). Впоследствии, дослужившись до чина тайного советника по Министерству финансов, он избирался Подольским уездным предводителем дворянства (по своим имениям в Московской губернии). Среди заслуженных князем отличий были ордена Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени,

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 45 об.

² Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

Св. Станислава 2-й степени, а также датский орден Данеборга 1-й степени, Большой командорский крест греческого ордена Спасителя и офицерский крест французского ордена Почетного легиона. Жизнь князя П.Д. Волконского прошла вдали от Скопинского уезда и названной в его честь деревни. Он скончался в Ялте в годы Гражданской войны, на 75-м году жизни.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в селении Петровский хутор помещиков князей Волконских в Скопинском уезде Рязанской губернии насчитывалось 14 домохозяйств, в которых проживали 74 крепостные души мужского пола и 72 – женского.

После отмены крепостного права в 1861 г. Петровский хутор был включен в Яблоневскую волость Скопинского уезда. Об условиях освобождения проживавших в нем бывших крепостных князей Волконских известно по уставной грамоте, упоминающейся в опубликованном в «Рязанских губернских ведомостях» списке документов, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие с 1 (13) июня по 1 (13) июля 1862 г.: «Скопинск[ого] уезд[а] участка мир[ового] посредника Вердеревского, с[ело] Желтухино и хутор Петровский наследников умершей княгини М.П. Волконской, 296 д[уш]. Душевой надел прежний – 3 дес[ятины] 924 саж[ени], по грамоте – 3 дес[ятины]; повинность оброчная. Грамота написана помещиками»¹.

Точное время перехода местных крестьян из временнообязанного состояния в категорию полноправных крестьян-собственников неизвестно. К концу 1860-х гг. относятся упоминания о действовавшем при Петровском хуторе кирпичном заводе.

По переписи населения 1882 г. в Петровском хуторе было 32 домохозяйства крестьян-собственников, в которых проживали 101 мужчина и 106 женщин. Надел местных крестьян составлял 3 десятины (3,27 га) на ревизскую душу, 4,5 десятины (4,9 га) на работника. В селении насчитывалось 8 бездомовных домохозяев и 13 безлошадных дворов. Без коровы и лошади обходились в 12 домохозяйствах. На хуторе был 1 кирпичный дом и 23 деревянные избы. Из всех крестьянских жилищ «по-белому» топились только 2. При них было 22 плетневых двора, 8 горниц и клетей, 20 амбаров и сараев, 20 риг и овинов².

Большой проблемой деревни было отсутствие близких к жилью источников проточной питьевой воды. В ходатайстве местного сельского общества, поданном в 1904 г. Скопинскому уездному земству от имени 33 домохозяев, говорилось: «...При неимении у нас колодца, воды становится для нас недостаточно, а из пруда вода является для пищи совершенно непригодной». ³ Кажется, в эти годы усилиями земства в селение была обеспечена подача воды с помощью какого-то примитивного устройства.

В 1905 г. деревня упоминается под названием «сельцо Желтухино, Петровский хутор тож». В ней было 34 двора, проживали 113 мужчин и 125 женщин. Деревня лежала в 2 верстах от ближайшей железнодорожной станции и в 7 – от волостного правления в селе Яблоневе. При ней действовали водокачка, казенная лавка, ветряная мельница. Крестьяне занимались местными промыслами, крестьянки – плетением кружев⁴.

¹ Рязанские губернские ведомости, № 27 (7 июля 1862).

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 86–91.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XL 1904 года. Скопин, 1905. С. 192.

⁴ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 622–623.

По санитарному расписанию селений Скопинского уезда за 1907 г. деревня Петровка была приписана к фельдшерскому пункту в Летове¹. Недостаток качественной свежей воды нередко приводил к распространению инфекционных заболеваний. Например, в 1907–1908 гг. одним только брюшным тифом здесь переболели 29 человек (немалое количество, если принять во внимание небольшое население)².

В 1914 г. деревня Петровский хутор была включена в приход строившегося в селе Желтухино храма Св. Василия Великого, который был освящен 25 сентября (7 октября) 1915 г. Это было деревянное здание с колокольней, стоявшее на каменном фундаменте. В Петровском хуторе в это время было 33 двора, в которых проживали 107 мужчин и 106 женщин³.

Первая мировая война сказалась на демографической ситуации в деревне лишь незначительным сокращением мужского населения – в 1917 г. в Петровском хуторе Яблоневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 48 дворов, население которых составляли 97 мужчин и 100 женщин⁴.

В 1918 г. Петровский хутор был включен в территорию Желтухинского сельсовета. До 1926 г. деревня оставалась в составе укрупненного Скопинского уезда Рязанской губернии. С отменой исторического административного деления на волости, уезды и губернии в 1929 г. она стала населенным пунктом Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В 1920-х гг. в деревне появилась первая школа. Однако обследование Рязского района, проведенное в конце 1930 г., выявило, что обстановка в учебном заведении носила явно нездоровый характер: «В Петровско-Хуторской школе выявлено самое безобразное, даже преступное отношение со стороны сельской организации. В школе холод, ребята сидят одевшись. Занятия производятся в разные часы. Когда собираются – в 9, и 10, и 12 часов. Школьная работница, вместо того, чтобы снабжать детей бедноты обувью, ею торгует. Ученице Гришиной проданы ботинки по 5 рублей и сказано: “Молчи, никому не говори, я, может быть, охлопочу тебе бесплатно”⁵.

В 1931 г. на волне массовой коллективизации в деревне Петровка Желтухинского сельсовета был создан колхоз «13 лет Октября». Первые колхозники активно зазывали в свою артель соседей. Рязская газета «Колхозник» сообщила: «29 июля общее собрание колхозников и единоличников деревни Петровки Желтухинского сельсовета Рязского района совместно с бригадой селькоров Нижней Волги обсуждало вопрос о коллективизации. Многие высказывались против колхоза, но после массовых разъяснений бригады послышались голоса бедняков и середняков: “Даешь колхоз, даешь подписной лист!”. Тут же записались 8 бедняков и середняков. После собрания поступило еще несколько заявлений»⁶.

Однако эйфория колхозного строительства быстро прошла, а суровые будни выявили неспособность местных руководителей наладить колхозную жизнь. Посетившая деревню в

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва от 17 ноября 1907 года. Скопин, 1908. С. 72.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года созыва. Скопин, 1909. С. 373.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 562.

⁴ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 154.

⁵ Авангард, № 13 (10 декабря 1930).

⁶ Колхозник, № 38 (5 августа 1931).

марте 1932 г. бригада Рязской КК-РКИ отмечала, что «в петровском колхозе «13 лет Октября» ни сдельщины, ни учета труда, ни правильной его организации нет. В колхозе есть члены партии, которые спокойно относятся к подобным безобразиям»¹. В том же месяце рязская районная газета «Колхозник» писала, что «в колхозе им. 13 лет Октября Желтухинского сельсовета план посадки картофеля полностью не обеспечен семенами. Это случилось потому, что правление неправильно распределило по трудодням и вновь вступившие колхозники не засыпали свою долю. При наличии хороших кормов колхозные кони истощены, побиты. Вплоть до 14 марта на колхозной конюшне работал кулак Тишков П.А., злостный несдатчик, прятавший хлеб во время хлебозаготовок, окормивший рожью лошадь, которая пала. Собрание собиралось снять его с должности и исключить, но местные коммунисты не поддержали это. Работал счетоводом, как сказано, при поддержке коммунистов братьев Филимоновых, Гришин К.А., раскулаченный»². Видимо, даже получив партбилеты ВКП (б), местные жители сохраняли верность вековой крестьянской этике, основывавшейся на круговой поруке.

В 1935 г. Петровка стала населенным пунктом новообразованного Желтухинского района. В его составе в 1937 г. она перешла из Московской области в Рязанскую.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в деревне Петровские хутора насчитывалось 55 строений. При взгляде на карту возникает ощущение, с начала XX в. селение было перенесено на север, к опушке леса, где в середине XIX в. имелась запруда на ручье и работала водяная мельница. Видимо, так была решена проблема водоснабжения. Деревня представляла собой один ряд домов, вытянувшийся вдоль образовавшегося здесь пруда с юго-запада на северо-восток.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. уроженцы Петровки, как и большинство наших соотечественников, с оружием в руках отстаивали свободу и независимость Родины. Сергей Петрович Гришин (1921–?) был кадровым офицером РККА. Он вступил в войну в августе 1941 г., в 1941–1942 гг. пережил два ранения на различных фронтах. В январе 1945 г. старший лейтенант С.П. Гришин командовал стрелковым батальоном 1345-го стрелкового полка 399-й стрелковой Новозыбковской ордена Суворова дивизии 42-го стрелкового корпуса 48-й армии 2-го Белорусского фронта. «В бою при прорыве глубокоэшелонированной обороны противника у деревни Держаново Пултуского уезда, Польша 14 января 1945 г. батальон тов. Гришина во время сильной контратаки немцев на фланге нашей группы прорыва стойко защищал занятые рубежи. Пулеметно-минометным огнем батальон тов. Гришина истребил во время этой операции более 40 немецких солдат, а остальных заставил поспешно отступить, чем обеспечил беспрепятственное продвижение вперед нашей группы прорыва. Развивая успех прорыва, тов. Гришин смело вклинился с батальоном в расположение противника и перерезал шоссейную дорогу Пултуск–Макув – важную магистраль врага, чем дезорганизовал сопротивление немецкой пехоты на этом участке и закрепил достигнутый успех. В этом бою тов. Гришин был ранен»³. В январе 1945 г. старший лейтенант С.П. Гришин был награжден орденом Красного Знамени.

Послевоенные годы стали временем упадка немалого числа рязанских колхозов. Труд колхозников оплачивался чисто символически, поэтому многие работали мало, живя на доходы от приусадебного участка. В Петровке, как выяснилось, пример такого отношения к

¹ Колхозник, № 14 (1 марта 1932).

² Колхозник, № 34 (25 марта 1933).

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690306, д. 3108, л. 142.

работе подавало руководство местной партийной организации и колхоза. В 1948 г. желтухинская газета «Колхозная правда» сообщала: «В колхозе «13 лет Октября» Желтухинского сельсовета и. о. председателя Мишуров, многие колхозники лишь числились на бумаге. По списку было 45 трудоспособных, а в производстве участвовало 15–20. Остальные отсиживались дома»¹. Некоторое время спустя, анализируя причины создавшегося положения, районная газета констатировала: «В желтухинском колхозе «13 лет Октября» плохо организован труд колхозников. На работу выходят не все трудоспособное население, плохая выработка. Все это не случайно. Секретарь партийной организации тов. Андреева стала на путь личной наживы, раздувания своего хозяйства. Живя вместе с матерью, Андреева пользовалась несколько лет дополнительным приусадебным участком в 0,15 га. А в текущем году самовольно захватила 0,17 га. Таким образом, Андреева обработала колхозными лошадьми и посеяла 0,52 га без разрешения правления. Секретарь сельсовета, тоже Андреева, пользуясь служебным положением, освободила от налога свою семью. Исполняющий обязанность Мишуров незаконно пользовался участком 0,06 га, имея усадьбу 0,39 га. Мишуров ввел на ней севообороты, в том числе и посевы ржи. В колхозе пахари Клубков, Андриянов за день вспахали по 0,06 га. 31 мая пахари Клубков и Воробьев не выехали на работу и сорвали посадку картофеля – 15 женщин, просидев до обеда, ушли с работы. К этим срывщикам работ в колхозном производстве никто не принял мер»². Надо полагать, оргвыводы из сообщения газеты были сделаны, но на общую ситуацию наказание отдельных руководителей, виновных в мелких злоупотреблениях, повлияло мало. Достаточно безотрадно выглядела в колхозах и животноводческая отрасль. На пленуме Желтухинского райкома ВКП (б) в 1950 г. отмечалось, что животноводческие фермы района «не укрупнены. Необходимого количества скота, и особенно маточного, нет. Яркой картиной служил колхоз “Сознание”, здесь числилась МТФ, но на ней не было ни одной коровы. В колхозе “13 лет Октября” только 4 поросенка»³.

В 1956 г. Желтухинский район был упразднен, а его населенные пункты включены в соседние Скопинский и Рязанский районы Рязанской области. В 1960 г. в состав Желтухинского сельсовета входили села Желтухино, Новое, деревни Свистовка, Ивановково, Летоно, Кондауровка, Козловка, Ленинка, Петровские хутора, Косыревка, Савиловка, Воздвиженка и Гусиловка⁴.

В 1961 г. был расформирован совхоз им. В.И. Чапаева с центральной усадьбой в поселке Желтухинский. Его хозяйство разделилось на три: Желтухинское, Гореловское и Чапаевское. Вскоре на базе совхоза им. Чапаева был создан совхоз «Желтухинский». В Желтухинское отделение совхоза вошли колхозы: «Красный богатырь» деревни Гусиловка, «Красные всходы» деревни Ивановково, «Сознание» деревни Малая Косыревка, «Дружба» деревни Большая Косыревка, им. Литвинова деревни Желтухино, им. Дзержинского деревни Козловка, «13 лет Октября» деревни Петровские хутора, «Советская волна» поселка Ленинский, «Новый путь» деревни Кондауровка⁵.

По административному делению 1970 г. деревня Петровка входила в Желтухинский сельсовет. Это было довольно значительное территориальное образование как по занимаемой площади, так и по количеству населенных пунктов. В его составе были Большая и Малая Косыревки, Воздвиженка, Говорово, Гореловка, Дегтярка, Дубровщина, Желтухино, Ключе-

¹ Колхозная правда, № 20 (31 мая 1948).

² Колхозная правда, № 23 (17 июня 1948).

³ Колхозная правда, № 25 (18 мая 1950).

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 98, л. 1.

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 445л. 1, 2.

ревка, Козловка, Кондауровка, Кузьминка-2, Летоно, Ленинка, Шелемишевские хутора, Петровка, Рановка, Савиловка, Свистовка, поселки железнодорожных станций Желтухино и Говорово, центральное отделение совхоза «Желтухинский» и село Новое¹.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Петровка вошла в состав Шелемишевского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Петровке в это время было 6 постоянных жителей – 2 мужчин и 4 женщины. Многие деревенские дома в настоящее время используются как дачи.

---

¹ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С. 97.

ПЕТРУШИНО

село

(сельское поселение Горловское)

Село Петрушино на р. Булак¹ – еще один населенный пункт Скопинского района, исторически связанный с Тульским краем. Его возникновение на территории Клобуковского стана Елифанского уезда ориентировочно можно отнести к середине XVII в. В прамбуле к ревизской сказке 1764 г. он упоминается как «деревня Петрушина, что ныне село»². Данный факт, а также то обстоятельство, что в XVII – первой половине XVIII вв. жители Петрушина являлись прихожанами Воскресенской церкви в соседнем селе Лебяжки Усады, Нагиши тож, дает основания видеть в нем выселок из этого села – центра обширной елифанской вотчины князей Черкасских³.

В 1712 г., после кончины князя Михаила Яковлевича Черкасского, ближнего боярина и последнего воеводы тобольского, владение «деревней Петрушиной», как и соседними с ней населенными пунктами – селами Лебяжки Усады и Орловка – унаследовала его дочь княжна Анна Михайловна Черкасская (1692–1737). Елифанская вотчина стала приданым княжны и в 1721 г. досталась ее мужу, князю Никите Ивановичу Долгорукову (? – 1737). Потомкам этой пары – князьям Сергею Никитичу (1724–1802), Никите Сергеевичу (1768–1842) и Сергею Никитичу (1811–1876) Долгоруковым⁴ – принадлежали все жители упомянутых сел вплоть до отмены крепостного права в 1861 г.

Название села Петрушина местные предания связывают с именем Петра I. Видимо, на них же ссылается и составитель сборника «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей» (1895) П.И. Малицкий, сообщивший в нем, что «свое название это село получило, по преданию, оттого, что в этой местности останавливался Петр Великий, проезжая с Куликова поля»⁵. Жители села до сих пор рассказывают передававшуюся из поколения в поколение историю о том, как примерно в середине 1670-х гг. через село проезжал поезд царицы Натальи Кирилловны, в котором везли также малолетнего царевича Петра Алексеича. Поезд якобы остановился «в центре села, у церкви», чтобы перепеленать младенца. Название «Петрушино», таким образом, истолковывается как воспоминание об умлении сельских крестьян при виде царского сына.

Обе версии, к сожалению, не выдерживают критики. Петр I посещал Куликово поле в 1702 г.⁶ Вряд ли 30-летнего царя в это время кто-либо из подданных мог назвать Петрушей. Что же касается устного предания, то никаких данных о перемещении царицы Натальи Кирилловны с младенцем-царевичем по Елифанскому и Скопинскому уездам в 1672–1674 гг. не имеется. Вызывает сомнения и остановка царского поезда у церкви – первый храм в Петрушине появился только в 1770-х гг.

¹ Приток р. Мартынца.

² ГАТО. Ф. 367, оп. 1, д. 1, л. 293.

³ О них см. статью «Нагиши» настоящего издания.

⁴ См. там же.

⁵ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 180.

⁶ Юдин В.А. Кимовск. Тула: «Пересвет», 2007. С. 15.

Комментируя информацию, приведенную П.И. Малицким, современный исследователь Т.В. Майорова в статье «Топонимия в «Приходах и церквях Тульской епархии»: комментарии» замечает, что составителю книги «пришлось привести не только предание, связанное с Петром I (он, а также Екатерина II – самые популярные персонажи топонимических легенд в Центральной России), но и время возникновения села – до XVIII в., т. е. до того времени, когда в этих краях появился Петр I. Петрушино – название отфамильное или от гипокористики Петруша (вряд ли так называли Петра I) с топоформантом *-ино*; такое же есть в Алексинском уезде»¹. К сказанному можно только добавить, что село с таким же названием имеется и гораздо ближе – Петрушино Корневского сельского поселения Скопинского района Рязанской области, исторически относящееся к Скопинскому уезду Рязанской губернии. Поставленный скопинскими краеведами вопрос о взаимосвязи названий этих населенных пунктов пока остается открытым². Название же села Петрушино Горловского сельского поселения, скорее всего, связано с каким-то местным Петром, жившим в XVII в. Наиболее вероятным кандидатом в настоящее время считается «боярина Якова Куденетовича Черкасского человек Петрушко Шелкунов», упоминающийся в грамоте царя Алексея Михайловича от 1 (10) июля 1666 г. в контексте спора за земли «села Хворошова и деревни Горловы»³.

Впрочем, некоторые исторические основания для упоминания Петра I в контексте сельской истории все же имеются. Царь неоднократно посещал Тульский край в годы строительства Ивановского (Епифанского) канала и шлюзов – и в 1699⁴, и в 1701–1703 гг. Есть достоверные свидетельства того, что в окрестностях Петрушина – в частности, в селе Богоявленском (Хитровщине)⁵, вотчине Лефортов, – он действительно бывал. В 1702 г. Петр I дважды посещал Хитровщину, которой тогда владели вдова Ф.Я. Лефорта Елизавета и сын Генрих (Андрей), бомбардир-лейтенант, год спустя скончавшийся от болезни во время осады крепости Ниеншанц⁶. Однако, как представляется, название села все же относится к XVII в. и связано с каким-то другим, местным Петром.

П.И. Малицкий, рассматривая историю Петрушина через призму прошлого сельского церковного прихода, сообщает: «Ранее 18 стол[етия] приход этого села входил в состав прихода села Нагишей, но с 1770 г. он становится самостоятельным, что видно из межевого плана на церковную землю, данного около этого времени»⁷. Причину этого он объясняет ниже: «Первый храм выстроен был в этом приходе в 1776 г. Это видно из храмозданной грамоты от 1770 года. Этот храм был деревянный и однопрестольный в честь Св. Димитрия Ростовского чудотворца...»⁸ В приход новой церкви, помимо Петрушина, вошли село Богослово и деревня Васильевка (Суровцы). При храме, находившемся на окраине села, вскоре выросло кладбище.

¹ Майорова Т.В. Топонимия в «Приходах и церквях Тульской епархии»: комментарии // Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 518.

² Сальников А. Петрушино // Ленинское знамя (Скопин) 1990. 20 сентября; Солнышкин П. Старая Бугровка // Скопинский вестник (26 августа 1997).

³ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. СПб., 1907. С. 1210–1211.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 102 (26 декабря 1892).

⁵ Ныне в Кимовском районе Тульской области.

⁶ Юдин В.А. Кимовск. Тула: «Пересвет», 2007. С. 15.

⁷ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 180.

⁸ Там же. С. 180.

Генеральный план Епифанского уезда Тульской губернии (ч. 1), составленный в ходе межевания 1776–1780 гг., свидетельствует, что в это время село Петрушино представляло собой два больших порядка крестьянских домов, располагавшихся по обе стороны запруженной р. Мартынец. Такое наименование в XVIII в. носила протекающая через село р. Бурлак, в то время как современная р. Мартынец на плане имеет название «Гнилой Мартынец». Северо-восточный порядок домов расположен вдоль большой проезжей дороги и соответствует позднейшей Большой слободе. Видимо, в ней правильно видеть историческое ядро села – «деревню Петрушину» XVII в. Юго-западный порядок примерно соответствует позднейшей слободе Рыбинка. Видимо, своим появлением он обязан запруживанию реки. Кроме того, несколько отдельно стоящих строений показаны при большой дороге к югу от Большой слободы. Там же на плане обозначена и деревянная церковь Св. Димитрия Ростовского.

Экономические примечания к планам Генерального межевания Епифанского уезда сообщают, что село Петрушино «князь Сергия Никитина сына Долгорукова» лежит «пообе стороны речки Мартынца безымянного отвершка, накоех попруду, и большой дороги из города Венева в город Скопин». На окраине села находилась «церковь деревянная Демитрия Митрополита Ростовского Чудотворца». В селе насчитывалось 97 дворов, в которых проживали 348 мужчин и 337 женщин. Земля в окрестностях села – «черная, хлеб средственный, покосы хороши, лес строевой дубовой, березовой и осиновой, крестьяне напашне»¹.

Согласно документу, «писцовая церковная земля села Петрушина церкви Димитрия Митрополита Ростовского Чудотворца священно церковно служителей» располагалась «направой стороне речки Клабучка ипри большой дороги изгорода Венева вгород Скапин». Площадь участка составляла 35 десятин 1955 саженой (39,13 га). Под пашню было отведено 34 десятин 795 саженой (37,5 га), под сенокос – 1 десятина 840 саженой (1,47 га). Экономическое приложение отмечает: «Земля черная, хлеб средственный, покосы худы»².

Как пишет П.И. Малицкий, в 1815 г. деревянный храм Св. Димитрия Ростовского «сгорел, и прихожане в течение 10 лет со своими духовными нуждами обращались в церковь села Нагиши. Но затем прихожане совместно с князем Никитою Долгоруковым в 1819 г. испросили храмозданную грамоту на построение нового каменного храма, который и окончен был в 1826 году»³. Церковь Вознесения Христова стала памятником провинциального русского классицизма и отличалась легкостью и изяществом архитектурных форм.

В 1833 г. в семье служившего в Воскресенской церкви дьякона Н.П. Кедрова родился сын Иоанн, будущий протоиерей Иван Никифорович Кедров (1833–1908), настоятель соборной Троицкой церкви города Тулы и благочинный 1-го Тульского округа в 1884–1902 гг. В 1859–1877 гг. он был известен своей прозелитической деятельностью, в ходе которой, в частности, «просветил в святое крещение одного еврея и одного магометанина и присоединил к православной церкви двух католиков и одну лютеранку».

Сведения о Петрушине и его населении в середине XIX в. можно найти в статистических сборниках, издававшихся накануне Крестьянской реформы 1861 г. В частности, статистический справочник «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.», вышедший под редакцией

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1793 лл. 15 – 15 об.

² Там же. Л. 15 об.

³ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 180.

академика П.И. Кепшена, сообщает, что в рассматриваемое время население села Петрушина, стоявшего «при прудах и колодце», составляло 1470 человек «помещичьих крестьян»¹. Согласно изданному в 1862 г. списку населенных мест Тульской губернии, Петрушино являлось «селом владельческим» и находилось «при ручье Плочке». В нем насчитывалось 194 двора, в которых проживали 779 мужчин и 775 женщин².

Военно-топографическая карта Тульской губернии 1863 г. свидетельствует, что в рассматриваемое время село Петрушино представляло собой неправильный прямоугольник слобод, сгруппированных вокруг запруженной реки Бурлак (на карте она обозначена уже под этим названием). В порядках крестьянских домов можно узнать Большую слободу, Огневку, Рыбинку, Самару и Чанаевку.

Карта свидетельствует, что в середине XIX в. в селе насчитывалось шесть ветряных мельниц (все деревянные). Две из них располагались вдоль главной улицы Большой Слободы, около здания Вознесенской церкви. Еще три – на противоположном от церкви берегу запруженной реки, перед фасадами домов Рыбинки. Одна стояла за околицей села к югу от Вылетовки, слева от дороги на село Горлово.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. село Петрушино стало центром Петрушинской волости. В нее вошло близлежащее село Богослово, а также окрестные деревни Измайловка, Поповка³, Клобучки и Васильевка (Суровцы). Известны имена нескольких волостных старшин Петрушинской волости: Никита Данилович Шкетов (ок. 1867 г.), Терентий Зиновьевич Скотников (ок. 1879 и ок. 1888 г.), Сергей Артамонович Самойлов (ок. 1882 г.), Лука Павлович Федоров (ок. 1890 г.) и Федор Иванович Горбунов (ок. 1891 г.). В 1891 г. пост председателя волостного суда занимал петрушинский крестьянин Григорий Першин.

На эпоху отмены крепостного права приходится и появление в Петрушине первых образовательных учреждений – церковно-приходских школ. По сообщению «Тульских епархиальных ведомостей», на 1 (13) января 1862 г. в селе действовали «шесть школ», располагавшихся в собственных домах священнослужителей Вознесенской церкви. Священник И.Г. Базаров обучал 16 мальчиков, Маккавеев – 2, дьякон Покровский – 3, педагогической деятельностью занимались и причетники храма. Всего в Петрушине обучались 22 мальчика⁴.

С отменой крепостного права по Манифесту от 19 февраля 1861 г. зависимость крестьян от помещиков полностью не исчезла. Бывшие крепостные получали землю не в собственность, а в аренду с правом последующего выкупа. Полноправным собственником землепашец становился только после погашения всех выкупных платежей, причем не только за свой надел, но и за землю бывшего помещика. До выкупа себя и своей семьи крестьянин оставался на положении временнообязанного.

Петрушинские крестьяне, таким образом, получили статус «бывшего помещика князя Долгорукова временнообязанных». Недееспособность последнего помещика – слабоумного князя Сергея Никитича Долгорукова – привела к значительной проволочке с заключением мировой сделки с его бывшими крепостными. В статусе временнообязанных они оставались до конца 1878 г.

¹ Северов В.И. Города и селения Тульской области в XIX веке. Тула, 2006. С. 88.

² Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862. С. 70.

³ Ныне не существует.

⁴ Тульские епархиальные ведомости. № 13 (1 июля 1862 г.). С. 12.

Земская статистика зафиксировала, что в 1866 г. все 757 человек мужского населения Петрушина оставались временнообязанными оброчными крестьянами бывшего помещика князя С.Н. Долгорукова. Общая площадь обрабатывавшейся местными жителями земли равнялась 1708 десятинам 523 сажням (1866,8 га). По состоянию на 1 января 1867 г. за ними числилась недоимка по помещицкому оброку в сумме 482 руб.¹

В начале 1860-х гг. по штату в церкви Вознесения Христова села Петрушина числилось семь священно- и церковнослужителей. При храме имелись 35 десятин земли (38,23 га). Количество прихожан мужского пола составляло 1318 чел.². Известно имя одного из церковных старост середины XIX в.: в 1866–1867 гг. им был «села Петрушина отставной солдат Гурий Солдатов»³.

Из священников Вознесенской церкви второй половины XIX в. хорошо известен Иван Георгиевич Базаров. Он служил в петрушинском приходе ок. 1855–1870 гг. Когда в 1865 г. в Елифанском уезде впервые прошли выборы в уездное земское собрание, о. Иоанн Базаров был избран одним из его гласных от землевладельцев⁴. Он присутствовал при открытии уездного земского собрания, состоявшегося в городе Елифани 10 декабря 1865 г., и последующие три года принимал участие в его заседаниях. В 1866 г. «за усердное прохождение пастырской должности» И.Г. Базаров был награжден набедренником⁵.

В 1875 г. вторым приходским священником в село Петрушино «во внимание к многочисленности прихода и заявленной местным священником Иоанном Базаровым и прихожанами потребности»⁶ был назначен Иван Петрович Боженов. Он служил в Вознесенской церкви до 1890-х гг. и также подвизался на ниве общественной деятельности – в 1879–1882 гг. избирался гласным Елифанского уездного земского собрания. В 1891 г. по инициативе о. Иоанна Боженова в петрушинском приходе было создано общество трезвости, ставшее влиятельным элементом сельской общественной жизни. В 1882–1893 гг. ему сослужил священник Михаил Соболев, также в метрических книгах 1882–1884 гг. упоминается пономарь Григорий Сергеевич Нащекин.

«2 (14) августа 1864 г. по инициативе Святейшего Синода был принят закон об устройстве приходских попечительств при православных церквях. Закон разрешал открывать церковные попечительства, по сути являвшиеся благотворительными обществами, «постепенно, и по мере удобств и надобности». Создавались попечительства с целью заботы о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви, начальном обучении детей, а также благотворительных деяний в рамках прихода»⁷. В 1867 г. такое попечительство появилось и в приходе Вознесенской церкви в Петрушино. «Тульские епархиальные ведомости» опубликовали следующий «приговор» петрушинских прихожан: «1867 г., апреля 2 (14) дня, мы, нижеподписавшиеся, Елифанского уезда села Петрушине, сельца Богослова, деревень Васильевки и Клабуков, Вознесенской церкви приходские люди, как временнообязанные крестьяне, так и крестьяне-собственники в числе 200 человек по предложению местного нашего отца благочинного и по неоднократному внушению приходских наших священни-

¹ По данным имеющегося в распоряжении авторов неидентифицированного печатного издания, содержащего сведения земской статистики за 1866 г. по уездам Тульской губернии.

² Памятная книжка Тульской губернии. Тула, 1864. Отдел IV. С. 50.

³ Тульские епархиальные ведомости, № 4 (15 февраля 1866 г.). С. 48.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 40 (2 октября 1865).

⁵ Тульские епархиальные ведомости, № 5 (1 марта 1866 г.). С. 51.

⁶ Тульские епархиальные ведомости, № 21 (1 ноября 1875 г.). С. 398.

⁷ *Якубсон Е.В.* Церковно-приходские попечительства Тульской губернии в конце XIX – начале XX века // Тульский краеведческий альманах. 2008. С. 50.

ков Иоанна Базарова и Николая Маккавеева об учреждении при нашей Вознесенской церкви приходского попечительства согласно высочайше утвержденному Положению о приходских попечительствах – с истинною готовностью соревнуя воле благопопечительнейшего нашего монарха – изъявили на то полное наше желание и согласие. Посему означенного числа собрались мы в храм к божественной литургии, по окончании которой священником Николаем Маккавеевым произнесена была к нам речь, объясняющая цель и пользу открываемого попечительства, мы принесли благодарственное Господу Богу молебствие о здравии и спасении государя императора, пекущегося о нашем благе, с возланием ему и всему царствующему дому многолетия. Вслед за тем, собравшись в волостное правление и выслушав еще Положение о приходском попечительстве, по единодушному между нами совещанию избрали в председателя старшего нашего священника Иоанна Базарова; в непременные члены: второго священника Николая Маккавеева, церковного старосту Гурия Солдатова, волостного старшину Никиту Данилова Шкетова, всегдашнего нашего прихожанина г. Елифани купца Николая Степановича Смирнова и управляющего имением по доверенности помещика князя Сергея Никитича Долгорукого Федора Ивановича Большакова. Во временные члены: временнообязанного крестьянина села Петрушина сельского старосту Макея Григорьевича Маликова, Игнатия Кириллова, Самойла Иванова, Василия Евпланова, Прокопия Захарова, Сергея Артамонова, Афанасия Иванова, Фому Никифорова, Никифора Григорьева, Козьму Максимова, Григорья Миронова, сельца Богослова крестьян-собственников сельского старосту Евфимия Карнеева, Агафона Сергиева, Андрея Петрова, Петра Челнокова, Петра Егорова и Тимофея Павлова; деревни Васильевки сельского старосту Никиту Максимова и Никиту Артемонова; деревни Клубуков сельского старосту Николая Агапова, крестьян-собственников Илью Егорова, Пантелеймона Степанова – людей самых благонадежных и честных. Срок службы временным членам назначаем трехлетний»¹. 15 (27) мая 1867 г. приговор петрушинских крестьян был утвержден архиепископом Тульским и Белевским Никандром (Покровским) с оговоркой, что купец Н. С. Смирнов и управляющий имением Ф.И. Большаков могли быть избраны лишь временными членами попечительства.

В 1869 г. началось строительство ветки Вязьма–Павелец Рязско-Вяземской железной дороги. Ее полотно пролегло между селами Петрушино и Нагиши. Первый поезд по новой трассе был пущен 16 декабря 1874 г. Ближайшими к Петрушину станциями стали Клекотки и Кашино (после 1900 г. переименованная в Миллионную) при селе Горлове Скопинского уезда Рязанской губернии.

Петрушино было довольно крупным селом, поэтому сведения о происходивших в нем событиях нередко попадали на страницы губернской прессы. По этой причине одним из важнейших источников информации по истории села являются хроники происшествий по губернии, регулярно печатавшиеся в газете «Тульские губернские ведомости» за 1860–1870-х гг.

Весной 1865 г. в разделе «Происшествия 1-й пол. апреля месяца 1865 г.» появилась следующая информация: «Ел[ифанского] у[езда] в селе Петрушине у временнообязанных крестьян 4 ч[исла] от неосторожности крестьянина Горбунова сгорело 9 дворов. Убытку понесено на 1350 р.»²

Упомянутый в газетном сообщении Арефий Иванович Горбунов (1838–1915) был сельским кузнецом и приходится прапрадедом одному из авторов этой книги М.А. Российскому.

¹ Тульские епархиальные ведомости, № 13 (1 июля 1867 г.). С. 403–405.

² Тульские губернские ведомости, № 21 (22 мая 1865).

Его неосторожность с огнем, по-видимому, объясняется эмоциональными причинами – в начале 1865 г. он похоронил свою первую жену, оставшись в одиночестве с двумя малолетними детьми. Однако разоренные пожаром односельчане, видимо, не пожелали войти в положение вдовца и подали на него в суд, рассчитывая законным путем получить возмещение ущерба. Не желая дожидаться явно неблагоприятного для себя вердикта, А.И. Горбунов предпочел скрыться.

Осенью 1865 г. на страницах главной губернской газеты трижды появлялось грозное объявление: «Вызов в Епифанский уездный суд. – Временнообязанный крестьянин села Петрушина князя Долгорукова Арефий Иванов Горбунов по делу о пожаре, бывшем в селе Петрушине; если Горбунов где окажется на жительстве, то обязать его подпискою с тем, чтобы он со дня дачи им подписки явился в оный суд в течение месяца для выслушания решения, подписку же его изложить согласно 497 ст. XV т. II части и IV прод. (изд. 1863) и прислать в суд»¹.

Подробности того, как А.И. Горбунов вышел из довольно сложного положения, с точностью не известны, но каким-то образом ему удалось удовлетворить погорельцев. В конце той же осени он вновь проживал в селе и 8 ноября 1865 г. венчался в Воскресенской церкви со своей второй женой Зиновией Андреевной. На память об этой истории осталось только прозвище «Арефий-каторжник», которым его на всю жизнь наградили пострадавшие от пожара односельчане.

В декабре 1866 г. «Тульские губернские ведомости» опубликовали очередной список присяжных заседателей на 1867 г. В нем, в частности, сообщалось, что одним из присяжных заседателей Епифанского уездного суда на третью четверть года были избран крестьянин Петрушинской волости Андрей Иванов Максимов, а на четвертую четверть года – житель той же волости Прокоп Андреев Ермаков².

Весной 1869 г. «Тульские губернские ведомости» опубликовали заметку «О пропавшей печати», в которой по рапорту Епифанского уездного полицейского управления сообщалось «о пропавшей 3-го числа сего марта из Петрушинского волостного правления печати сельского старосты Петрушинского сельского общества»³.

Среди происшествий 2-й половины августа 1869 г. есть такое сообщение: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Петрушине в ночь на 16 ч[исло] от неосторожного обращения с огнем сторел омет соломы священника Базарова. Убытку понесено на 30 р.»⁴

В хронику происшествий по губернии 2-й половины января 1870 г. главная губернская газета включила и следующее сообщение: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Питрушине крестьянин Осип Матвеев, 57 л[ет], 22 ч[исла] умер от излишнего употребления вина»⁵.

В августе 1870 г. в Петрушине произошел инцидент, связанный с какими-то претензиями сельчан к бывшему сельскому старосте Конону Иванову. «Тульские губернские ведомости» сообщили о нем в хронике происшествий за 2-ю половину месяца: «Неповиновение властям. Епифанского уезда пристав 1-го стана⁶, прибыв в с[ело] Петрушино для отобрания, согласно решению съезда мировых посредников Епифанского округа, от крестьян Семена и Карпа Кузьминых и Тимофея Вуколова разного имущества, захваченного ими у бывшего

¹ Тульские губернские ведомости, №№ 38–40 (18, 25 сентября, 2 октября 1865).

² Тульские губернские ведомости, № 49 (3 декабря 1866).

³ Тульские губернские ведомости, № 16 (19 апреля 1869).

⁴ Тульские губернские ведомости, № 37 (13 сентября 1869).

⁵ Тульские губернские ведомости, № 7 (14 февраля 1870).

⁶ В 1870 г. эту должность занимал губернский секретарь Александр Ильич Кедров.

сельского старосты Конона Иванова, хотел пройти на гумно, где хранилась рожь, снятая с земли Иванова, но означенные крестьяне, не допустив к гумну приготовленных приставом для вывоза ржи подвод с лошадьми, затворили самое гумно и, став у двери его, кричали приставу, что не позволят вывезти рожь. А затем, хотя, по убеждению пристава, они пропустили его одного в гумно, куда в то же время подъехали с другой стороны подводы, но требуемой от них ржи все-таки не выдали. Тогда пристав приказал сотскому влезть на гумно и вытащить оттуда рожь, но крестьянин Тимофей Вуколов до 4 раз отталкивал его, а другие крестьяне кричали приставу, что с ним то же будет. Вследствие сего приставом 1-го стана был составлен акт о сопротивлении крестьян и отослан для произведения следствия судебным следователем»¹.

В августе 1871 г. село Петрушино значится среди населенных пунктов Епифанского уезда, по которым прокатилась эпидемия холеры². В сентябре распространение болезни пошло на убыль, и из списков затронутых ей волостей упоминание о селе исчезло.

Среди происшествий по губернии за 1-ю половину августа 1871 г. имеется следующее сообщение: «8 августа Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Петрушине временнообязанный крестьянин Иван Чернышев скоропостижно умер. При производстве дознания явилось подозрение, что крестьянин Чернышев умер от насильственной смерти, причиненной ему своим сыном Федотом Ивановым. Дознание передано судебному следователю»³.

В марте 1872 г. в печати появилось распоряжение губернского начальства, отмечавшее эффективность органов крестьянского самоуправления. Оно гласило: «И. д. Епифанского и Белевский уездные исправники донесли мне, что по волостям: Каменской и Петрушинской Епифанского уезда и Володьковской Белевского уезда все подати, выкупные платежи и прочие сборы за 1-ю пол с. г. старанием местных старшин – Макарова, Солдатова и Чернова, сполна взысканы и внесены в уездные казначейства. За такое успешное взыскание податей и прочих повинностей объявляю волостным старшинам Макарову, Солдатову и Чернову мою благодарность. 2 марта 1872 г. Губ[ернатор] Арсеньев»⁴.

В 1870-х гг. петрушинские крестьяне регулярно привлекались для исполнения обязанностей присяжных заседателей Епифанского уездного суда. В марте 1872 г. «Тульские губернские ведомости» опубликовали очередной список присяжных заседателей на текущий год. В нем, в частности, сообщалось, что на вторую четверть года были избраны крестьяне села Петрушина Петрушинской волости Прокл Андреев Судаков и Петр Кирьянов Мартынов. Запасным присяжным заседателем на третью четверть года стал их односельчанин Ефим Корнеев⁵. В 1873 г. П.А. Судаков вновь был избран для исполнения тех же обязанностей в суде на вторую четверть года⁶. В 1875 г. присяжными заседателями на первую четверть года стали петрушинские крестьяне Алексей Павлов, Сергей Артамонов, Иван Григорьев, Дмитрий Гаврилов, Назар Прокофьев и Пимен Андреев⁷, в 1876 г. на тот же срок был избран житель села Елизар Павлов, на вторую четверть года – Терентий Максимов⁸.

В начале 1870-х гг. в Епифанском уезде активно развивалось табаководство. Петрушинская волость в этом промысле, однако, была одной из наиболее отстающих в уезде – в ней

¹ Тульские губернские ведомости, № 39 (12 сентября 1870).

² Тульские губернские ведомости, № 62 (18 августа 1871).

³ Тульские губернские ведомости, № 64 (29 августа 1871).

⁴ Тульские губернские ведомости, № 17 (4 марта 1872).

⁵ Тульские губернские ведомости, № 18 (8 марта 1872).

⁶ Тульские губернские ведомости, № 1 (3 января 1873).

⁷ Тульские губернские ведомости, № 9 (29 января 1875).

⁸ Тульские губернские ведомости, № 9 (31 января 1876).

насчитывалось всего 5 плантаций, на которых выращивался амерсфортский сорт табака (ма-хорка). Их совокупная площадь не превышала 1600 сажень (0,73 га). В 1870 г. крестьяне волости собрали 80 пудов (1,3 т) табачного листа. Однако ввиду удаленности от места пере-работки его цена оказалась невысокой – 1 р. 20 к. за пуд¹. В небольшом количестве табак для промышленного производства выращивался в Петрушинской волости вплоть до 1910-х гг., когда был окончательно вытеснен более выгодными для крестьян культурами – мятой и све-клой.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетель-ствует, что в конце 1870-х гг. в Петрушине, «бывшем селе владельческом», насчитывалось 250 дворов и 1616 жителей. В населенном пункте размещалось волостное правление, рабо-тали две лавки².

В 1891 г. в Петрушинской волости насчитывалось 7 селений, 1 церковь и 4 шко-лы. В ее селах и деревнях в общей сложности насчитывалось 622 крестьянских и 6 не-крестьянских дворов. Крестьянское население волости составляло 2200 мужчин и 2189 женщин (всего – 4389 чел.), некрестьянское – 29 мужчин и 32 женщины (все-го 61 чел.). Таким образом, всего в Петрушинской волости проживало 4450 человек³. В Епифанском уезде она считалась одной из малонаселенных и в рамках местной адми-нистративной реформы в 1891 г. была присоединена к соседней Клекотковской волости. Волостное правление в Петрушине было упразднено. Новообразованная Клекотковско-Петрушинская волость просуществовала в неизменном виде до административных ре-форм советского времени.

Однако главным событием общественной жизни села Петрушина в 1891 г. стало соз-дание в нем общества трезвости. «Тульские епархиальные ведомости», сообщая о нем, воспроизвели официальное донесение на имя архиепископа Тульского и Белевского Ни-кандра⁴, направленное, по-видимому, благочинным 2-го округа Епифанского уезда свя-щенником села Клекотки П.П. Рудневым: «В селе Петрушине Епифанского уезда, благо-даря стараниям местного священника о. Божанова и внушениям его прихожанам, чтобы они уменьшали излишнее употребление вина при разных случаях, как то: при крещении младенцев, при похоронах, свадьбах, сельских сходках, празднествах и т. п., и, наконец, целому ряду бесед и поучений, в которых разъяснялся весь вред и пагуба от пьянства, 25 марта положено начало обществу трезвости. Многие из прихожан тотчас после литургии записались в книгу с решительностью не пить водки, кто пока один год, а большая часть – совсем никогда не пить. В этот день записалось 70 человек мужчин и женщин. Затем еже-дневно число членов общества трезвости все более и более возрастало, а ко дню Святыя Пасхи увеличилось до 309 человек. Условия поступления в общество трезвости: 1) не пить никакого вина и водки целый год непременно, какие бы не предстояли случаи дома или где на стороне; 2) внушать другим и убеждать, чтобы оставили водкопитие, а тем более пьянство; 3) члены общества трезвости не должны потчевать, а тем более приневоливать других, своих гостей и родных при разных событиях в жизни: при крестинах, похоронах, свадьбах и празднествах, хотя и не лишать предложения им вина, если они любят выпить; 4) члены общества обязываются собираться в храм по праздникам, в особенности осеннее

¹ Памятная книжка по Тульской губернии на 1872 год. Тула, 1872. Отдел III. С. 393.

² Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 76.

³ Памятная книжка по Тульской губернии на 1891 год. Тула, 1891. Отдел III, С. 18–19.

⁴ Никандр (Покровский) (1816–1893) – архиепископ Тульский и Белевский в 1860–1893 гг.

и зимнее время, к богослужению и слушанию молебнов сладчайшему Иисусу, Пресвятой Богородице, Св. Иоанну Крестителю, евангелисту Иоанну Богослову и святителю Димитрию Ростовскому, в каждый праздник по очереди. По окончании молебна на эктении произносятся имена членов общества трезвости, а потом многолетие Государю Императору, Государыне Императрице, Наследнику и всему царствующему дому, Святейшему Правительствующему Синоду, Высокопреосвященнейшему Никандру, архиепископу Тульскому и Белевскому и членам общества трезвости. При молебне поют певчие из мальчиков, учащихся в сельской школе, и членов общества трезвости. В общество трезвости, кроме своих прихожан, пожелали поступить лица соседних сел и деревень. Члены общества трезвости, кроме записи в книгу, переписываются свящ. Божановым в особую тетрадь для поминовения о здравии при совершении проскомидии, с тою целью, чтобы Господь Бог помог им отстать от греха пьянства и укрепиться в добром предприятии.

Открытие общества трезвости, как видно, возымело свое благодетельное влияние на крестьян села Петрушина: они редко стали пить водку и даже составили приговор, чтобы совсем не иметь в своем селе кабака, о чем заявили уже земскому начальнику и земской управе. Сообщая об открытии общества трезвости Вашему Высокопреосвященству, покорнейше прошу Вашего святительского благословения на дальнейшее развитие и укрепление сего общества. На сие донесение последовала резолюция Его Высокопреосвященства: «Сердечно молю Бога об укреплении и процветании новоучрежденного общества трезвости»¹.

В 1891–1892 гг. Елифанский уезд оказался частью Тульской губернии, наиболее сильно пострадавшей от голода, который охватил 17 губерний Черноземья и Среднего Поволжья. В отчете уполномоченного Особого комитета Красного Креста по Тульской губернии егермейстера И.П. Балашова² сообщалось, что «неурожай был в уезде повсеместный, и недостаток встречался не только в пище, но и в топливе, даже в воде, которая высыхала в колодцах и прудах вследствие небывалых засух. Все это отразилось и на благосостоянии людей, и на санитарном положении населения, равно на убыли скота, как рабочего, так и убойного. Наряду с этими недостатками и в связи с ними произошло естественное сокращение всех заработков и наплыв повсюду нищих»³.

По линии Красного Креста, общественных организаций и частных благотворителей в уезде была развернута сеть питательных заведений, оказывавших бесплатную помощь голодающим. И.П. Балашов отмечал: «Попечительство устроило на свои средства 36 бесплатных столовых, из коих 6 в гор. Елифани, а 30 в уезде, в более нуждающихся селениях. В этих столовых получают пищу всего 1380 человек. Независимо от этого в уезде существуют 63 столовых, устроенных на частные средства на 2230 человек, всего же имелось 99 столовых на 3600 человек. Частные столовые открыты на средства следующих лиц: графа Л.Н. Толстого – 40 столовых в 28 селениях, на 1320 лиц; Н.И. Тулинова и Г.А. Полякова – 13 столовых в 6 селениях, всего на 600 человек; графа М.П. Толстого⁴ – 6 столовых в 5 селениях, на

¹ Тульские епархиальные ведомости, № 19 (1 октября 1891).

² Балашов Иван Петрович (1842–1919) – обер-егермейстер Высочайшего двора, член Государственного совета, помещик, заводчик и общественный деятель. Состоял вице-директором Общества поощрения художеств. В годы русско-японской и Первой мировой войн был одним из главноуполномоченных Красного Креста в действующей армии.

³ Тульские губернские ведомости, № 50 (27 июня 1892).

⁴ Имеется в виду Толстой Михаил Павлович (1845–1913) – граф, генерал-майор свиты Его Императорского Величества, помещик села Хитровщины Елифанского уезда Тульской губернии (ныне в Кимовском районе Тульской области).

170 человек; г-жи Башмаковой – 1 столовая на 40 человек, графа А.П. Толстого – 1 столовая на 30 человек»¹.

В отчете И.П. Балашова подчеркивалось: «Особых трудов стоила попечительству [Красного Креста] медицинская помощь, сопряженная с большими затратами и с трудностью найти достаточный врачебный персонал. Были приглашены 2 врача, несколько фельдшеров и 4 сестры милосердия Московской общины «Утоли моя печали». Весь этот персонал был послан в селения, более в этого рода помощи нуждавшиеся, а именно: в Нагиши, Александровку, Петрушино, Липовку, Муравлянку, Хитровщину...»² Во всех упомянутых селах население страдало от эпидемии тифа, ставшей следствием резкого ухудшения санитарных условий жизни людей.

В этих непростых условиях общественные организации активно оказывали помощь бедствовавшим крестьянам. «Хроники Красного Креста» в газете «Тульские губернские ведомости» сообщали: «В нескольких попечительствах [Красного Креста] (Хованском, Молоденском, Петрушинском, Орловском, Старо-Куликовском, Богдановском) открыто было по несколько «разливных» или «детских котлов», как их прозвал народ; в этих разливных варится молочная каша для грудных детей и каша на масле для более взрослых, и затем эта каша приходящими за ней матерями разносится детям по дворам. Таковых разливных насчитывается до 50»³.

Церковные власти также оказывали материальную помощь нуждавшимся сельским клирикам. Так, например, по линии Епархиального комитета для вспомоществования голодающим в декабре 1891 г. псаломщик Вознесенской церкви села Петрушина Григорий Нащекин получил единовременное пособие в размере 10 руб.⁴

Вышедший под редакцией П.И. Малицкого сборник «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских ведомостей» (1895) содержит следующее описание населенного пункта: «Село Петрушино расположено на ровной низменной местности, бедной проточной водой и лесами. Оно находится в 5 верстах от станции *Клекопки* Сызрано-Вяземской жел. дороги, при двух больших дорогах, идущих в гг. Данков и Михайлов Рязанской губернии. От г. Тулы оно отстоит в 100 верстах и от г. Елифани в 27 верстах»⁵. О Вознесенской церкви в селе книга сообщает следующее: «Храм выстроен трехпрядельный, причем все алтари в ряд: средний – главный алтарь во имя Вознесения Господня, по правую сторону – в честь апостола и евангелиста Иоанна Богослова, а по левую – в честь Св. Димитрия Ростовского, чудотворца. [...] Этот храм существует в своем первоначальном виде. Из икон в этом храме особенно чтится Иерусалимская икона Божией Матери. В пользу церкви существует капитал на сумму 3751 р. 50 к. Причт состоит из двух священников, диакона и двух псаломщиков. % с капитала 246 р. 43 коп. поступают в пользу причта. Земли при храме находится 36 десятин. С 1879 года открыта земская школа в селе, а в деревне Суровцах и сельце Богослове есть школы грамоты. На приходском кладбище есть каменная часовня»⁶⁷.

¹ Тульские губернские ведомости, № 50 (27 июня 1892).

² Там же.

³ Тульские губернские ведомости, № 46 (13 июня 1892).

⁴ Тульские епархиальные ведомости, № 2 (15 января 1892).

⁵ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 180.

⁶ Имеется в виду построенная в 1820-х гг. часовня, отмечающая место створившей в 1815 г. деревянной церкви Св. Димитрия Ростовского.

⁷ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 180–181.

Из священно- и церковнослужителей Вознесенской церкви в Петрушине конца XIX – начала XX вв. известны священники Алексей Соловьев (служил в 1897–1904 гг.), Алексей Петрович Воскресенский¹ (в 1902–1915 гг.) и Иоанн Виноградов (ок. 1908 г.), а также дьякон Вукол Соколов (в 1902–1909 гг.), дьякон Введенский (в 1902–1915 гг.), и. д. псаломщика В. Чекрыжев (ок. 1904 г.). Известно, что в 1891 г. в должности церковного старосты на трехлетний срок резолюцией архиепископа Тульского и Белевского Никандра был утвержден крестьянин Павел Маликов.

Клировые ведомости Тульской епархии за 1915–1916 гг. сообщают, что в последние предреволюционные годы в петрушинской церкви служили священники Владимир Иванович Введенский (1857–?) и Афанасий Мефодиевич Рождественский (1856–?), дьякон Филипп Никанорович Переведенцев (1881 – после 1945), и. о. псаломщика Алексей Пахомиевич Буздинов (1881–?), и. д. псаломщика Петр Александрович Полетаев (1881–?). Церковным старостой был крестьянин Иван Кондратьевич Орешкин.

По данным клировых ведомостей Тульской епархии в 1915–1916 гг. в селе Петрушине насчитывалось 374 двора, в которых проживали 1558 мужчин и 1659 женщин. В это время в петрушинском приходе действовали два образовательных учреждения – церковно-приходская школа и министерская школа².

«Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождения их поместий в Тульской губернии», помещенный в IV (XIII) томе сборника «Дворянское сословие Тульской губернии», сообщает о том, что в начале XX в. единственной дворянкой-землевладелицей в окрестностях Петрушина была «дочь губернского секретаря Зинаида Алексеевна Кошкарева, ныне Кирьякова». В 1903–1909 гг. ей принадлежало 175 десятин (191,19 га) пахотной земли³.

По воспоминаниям жителей Петрушина, крупнейшим хозяйством накануне Октябрьской революции 1917 г. владели братья Маликовы. Представителей этой крестьянской семьи в селе даже звали «помещиками». По данным опубликованного в 1905 г. имущественного ценза лиц, имевших право участвовать в выборах в Государственную думу, Павел Макеевич Маликов владел 149 десятинами 1313 саженьями земли (162,79 га), его брат Алексей Макеевич – 29 десятинами 1313 саженьями (32,28 га)⁴. Маликовы жили на хуторе ниже по течению р. Бурлак, неподалеку от линии Сызрано-Вяземской железной дороги. Десять семей зажиточных петрушинцев владели наделами в 10–20 десятин (10,9–21,9 га). Многие из них – два рода Солдатовых, Зобнины, Горбуновы, Казанковы, Блюдины, Исаевы – были потомками отставных унтер-офицеров и солдат николаевского времени. 3-й том сборника «Материалы для оценки земель Тульской губернии», посвященный Елифанскому уезду, сообщает, что в 1911 г. наделы большинства крестьян составляли около 6 десятин (6,5 га). Всего же в Петрушине в это время насчитывалось 520 хозяйств, «517 приписных и 3 посторонних». Среди построек в хозяйствах упоминаются 237 риг, 82 сарая, 317 амбаров, 436 изб и домов. 23 хозяйства не имели жилых построек⁵.

¹ В 1915 г. он упоминается как благочинный 3-го округа Елифанского уезда.

² Антонов Д.Н., Антонова И.А. Новый Кепшен: приходы Тульской губернии. 1915–1916 годы. Справочник. Тула, 2014.

³ Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождения их поместий в Тульской губернии / Дворянское сословие Тульской губернии, т. IV (XIII). М., 1910.

⁴ Тульские губернские ведомости, № 209 (12 октября 1905).

⁵ Елифанский уезд / Материалы для оценки земель Тульской губернии. Том III. Вып. 1. Тула, 1914. С. 412.

В 1904–1905 гг. уроженцы Петрушина принимали участие в Русско-японской войне. Наибольшей известностью среди них пользуется Иван Сысоевич Исаев (1883–после 1959). Он был сыном отставного унтер-офицера Лейб-гвардии Его Величества Уланского полка Сысоя Ивановича Исаева (1830–1884), возвратившегося в родное село после 18 лет службы в Санкт-Петербурге в 1865 г. В начале XX в. матрос И.С. Исаев служил в Российском императорском флоте, был одним из комендоров броненосца «Победа». В 1904–1905 гг. он принимал участие в обороне Порт-Артура, был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. После сдачи крепости И.С. Исаеву пришлось провести 2 года в японском плену. По возвращении в Петрушино он занимался добычей карьерного камня, после 1959 г. проживал у внука в Челябинске.

Рубежом XIX–XX вв. можно условно датировать окончательное оформление внутренней топонимики Петрушина. До настоящего времени названия слобод и порядков крестьянских домов дошли в практически неизменном виде. Северо-восточная оконечность села, главной магистралью которой является совр. ул. Центральная, известна под именем *Большая слобода*. Южная окраина Петрушина в районе совр. ул. Зеленой называется *Вьлетовкой*. У юго-восточной околицы села располагается *Самара*, примыкающая к дороге на село Горлово. На левом берегу р. Бурлак в районе совр. ул. Школьной находится *Киселевка*. Там же, вдоль западной и юго-западной окраины села, в районе совр. ул. Заречной, протянулись *Огневка* и *Рыбинка*. В северной части Петрушина, между ул. Центральной и р. Бурлак, локализуется *Чанаевка*. Наконец, к северу от Большой Слободы, по обе стороны от дороги в деревни Кашино, Галицкое и село Хитровицину, лежит *Воробьевка*.

Планы Генерального межевания Епифанского уезда, составленные в 1770–1776 гг., свидетельствуют, что уже в это время Петрушино приобрело узнаваемые сегодня очертания. Сопоставление планов середины XVIII в. с топографическими картами 1860-х гг. дает примерную картину динамики развития населенного пункта и его составных частей.

Имеются достаточно серьезные основания видеть в Большой слободе историческое ядро села. Оно примерно соответствует порядку крестьянских изб вдоль большой дороги из Венева в Скопин (историческая ул. Большая Слобода, современная ул. Центральная), которым, собственно, и являлась «деревня Петрушина» конца XVII – начала XVIII вв.

Название «Вьлетовка» возникло, скорее всего, по аналогии с крайней западной слободой села Богослова, называвшейся Влетовкой. Военно-топографическая карта 1863 г. свидетельствует, что в это время окраины двух сел были связаны прямой проселочной дорогой. Примерное время утверждения этого топонима – 2-я половина XIX в.

Название «Самара» применительно к отдельной сельской слободе или самостоятельному населенному пункту нередко встречается в окрестностях Петрушина. Известна слобода с таким названием в соседнем селе Нагиши, а также деревня на р. Проне к северу от Петрушина, в Михайловском уезде Рязанской губернии¹, а также в ряде населенных пунктов Скопинского уезда. Видимо, оно связано с отходом жителей этих слобод на заработки в Самарскую губернию.

Качество рисованных карт XVIII в. не позволяет однозначно ответить на вопрос, существовал ли уже в 1770-х гг. порядок домов, ныне известный под названием Киселевки. Сам по себе топоним указывает на проживание в этой части села представителей известной в Петрушине крестьянской семьи Киселевых. На совр. ул. Школьной до настоящего времени стоит дом, принадлежащий ее прямым потомкам. В метрических книгах храма Вознесения

¹ Ныне в Михайловском районе Рязанской области.

Христова эта фамилия начинает упоминаться с марта-апреля 1865 г. Возможно, ранее она бытовала в крестьянской среде неофициально. На данном основании можно предположить, что появление Киселевки следует отнести ко 2-й половине XIX в.

Планы Генерального межевания 1770-х гг. свидетельствуют, что уже в это время два порядка крестьянских домов, соответствующих современным Огневке и Рыбинке, существовали практически в нынешних границах. Однако вопрос о том, в какой исторический период возникли их названия, остается открытым. Топоним «Рыбинка», скорее всего, связан с появлением пруда на р. Бурлак. Видимо, правильным будет отнести это событие к первым десятилетиям истории «деревни Петрушиной». Происхождение названия «Огневка» остается достаточно неясным.

Название слободы Чанаевка указывает на ее основание старинным петрушинским родом Чанаевых. Планы Генерального межевания 1770-х гг. свидетельствуют, что в рассматриваемое время слобода находилась на северной границе жилых построек. Материалы 4-й и 5-й ревизий податного населения Российской империи позволяют отнести появление фамилии Чанаевых ко 2-й половине XVIII в. В ревизской сказке, составленной петрушинским старостой Симеоном Ивановым в мае 1782 г., против записи о детях бесфамильного крестьянина Лукояна Яковлева (1713–1765) – Николая (1733–1804), Игната (1745–1783), Андрея (1767–?) и Агапа (1774–?) Лукояновых – имеется отметка: «по мирскому прозванию Чанаевы»¹. Видимо, история слободы началась с компактного проживания в ней семей этих четырех братьев во 2-й половине XVIII в.

Удовлетворительного объяснения происхождению названия «Воробьевка» также пока нет. На военно-топографической карте 1863 г. этой слободы еще нет. Ее расположение «на отшибе» может косвенно указывать на то, что она является последней по времени возникновения. Таким образом, примерное время появления Воробьевки – конец XIX – начало XX вв.

В 1914–1917 гг. многие петрушинцы по мобилизации принимали участие в Первой мировой войне. Сын петрушинского мельника Иван Родионович Исаев (1892–1979), призванный еще в 1913 г., прошел всю войну в составе 25-го саперного батальона Русской императорской армии: в 1914 г. участвовал в операциях 25-го армейского корпуса в Галиции, в 1916 г. – в Брусиловском прорыве.

Советская власть в Петрушине, как и повсюду в Елифанском уезде, была установлена в декабре 1917 г. Процесс становления новой администрации, насколько известно, протекал бесконфликтно. В 1918 г. в селе был создан сельсовет.

В 1919 г. в семье петрушинских крестьян родился Василий Васильевич Соколов (1919–2017) – отечественный философ, крупный специалист по зарубежной философии. За годы научной деятельности он стал профессором МГУ им. М.В. Ломоносова (с 1994 г. – заслуженным профессором), автором множества монографий, был удостоен почетного звания заслуженного деятеля науки РСФСР (1980). В селе прошли детские годы В.В. Соколова, о которых он в начале XXI в. вспоминал в интервью для архива мемуарных бесед Фонда развития гуманитарных исследований «Устная история».

При районировании Тульской губернии в 1924 г. Петрушино было включено в Бучальско-Молоденский район Богородицкого уезда. Изданный в 1925 г. справочник «Вся Тула и Тульская губерния» сообщает, что в это время Петрушинский райсельсовет возглавляли П.П. Локтев (председатель) и Д.С. Агуреев (секретарь). В селе существовала школа 1-й ступени (видимо, это были бывшие сельские церковно-приходская и министерская школы,

¹ ГАГО. Ф. 366, оп. 1, д. 1, л. 584.

преобразованные в соответствии с декретом ВЦИК «О единой трудовой школе РСФСР» от 16 октября 1918 г.), при которой действовал пункт ликвидации неграмотности. Работала бакалейная лавка Петрушинского потребительского общества¹.

В 1926–1929 г. село входило в Клеветковский район Тульской губернии. В 1929 г. Петрушино вместе с другими окрестными населенными пунктами было включено в Горловский район Тульского округа Центрально-Промышленной области, в том же году переименованной в Московскую. В составе Горловского района село попеременно относилось то к Московской (в 1929–1937 и в 1942–1946 гг.), то к Рязанской областям (в 1937–1942 и в 1946–1959 гг.).

В конце 1930 г. 25 беднейших крестьянских хозяйств села Петрушино объединились в сельхозартель, реорганизованную в следующем году в колхоз «13-й Октябрь»². В нем трудились практически все жители села вплоть до конца советской эпохи. Активное участие в организации колхоза принял многолетний председатель Петрушинского сельсовета Дмитрий Макарович Шилкин, о котором у жителей села сохранились самые теплые воспоминания.

В это же время в селе появилась ячейка ВКП (б). Однако не все ее члены вели себя большевистски. В 1931 г. в критической заметке «Клюеву в партии не место» горловская районная газета «Ленинская искра» писала: «Член партии петрушинской ячейки ВКП (б) объездчик Клюев в ячейку не является совершенно, окопался в лесу, нагрузки никакой не несет и вдобавок ко всему пьянствует. Отец его облагался индивидуально. По мясозаготовкам его отцу дано 2 овцы. Узнав об этом, Клюев с угрозой написал сельсовету: «Дайте мне объяснение, на каком основании берете у моего отца 2 овцы». Спрашивается, нужен ли для партии разлагающийся в мелкой собственности Клюев? Мы думаем, что нет»³.

Коллективизация сельского хозяйства в Петрушине проходила не без затруднений. В 1931 г. горловская районная газета свидетельствовала: «Петрушинский и Богословский сельсоветы, расположенные в районе деятельности <Горловской> МТС, не выполнили задания 60 проц. коллективизации. В Петрушинском сельсовете коллективизировано только 44,4 проц. крестьянских хозяйств, а в Богословском 53,2. Во время сева сельсоветы совершили ряд правооппортунистических ошибок. Кулацкие вылазки часто недооценивались»⁴.

В начале 1930-х гг. петрушинским колхозом были закуплены два трактора. Первыми трактористами села стали комсомольцы Степан Мишин⁵ и Георгий Абрамов.

Будням петрушинских колхозников посвящено немало публикаций «Ленинской искры». Летом 1931 г. газета писала: «Колхоз «13-й Октябрь» приступил к уборке с 21 июля. Перед выходом в поле середняк Орешкин подал заявление о вступлении в колхоз с обобществлением озимого и ярового посевов. В первый день уборки 8 жатками скошено 30 гектаров и подвязано 170 копен. Урожай – около 15 центнеров с гектара. Настроение колхозников и колхозниц бодрое»⁶. Схожая картина наблюдалась и в следующем году: «В петрушинском

¹ Вся Тула и Тульская губерния. Справочная книга. Тула: Издательство Тульского губисполкома, 1925. С. 173–174.

² Ленинская искра, № 4 (29 января 1931).

³ Ленинская искра, № 12 (8 марта 1931).

⁴ Ленинская искра, № 35 (10 июня 1931).

⁵ В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Степан Иванович Мишин (1910–1944) стал на короткое время председателем колхоза «13-й Октябрь». Позднее он был призван в РККА, участвовал в боях за освобождение Крыма. Старший сержант С.И. Мишин погиб 22 апреля 1944 г. под Севастополем.

⁶ Ленинская искра, № 39 (30 июля 1931).

колхозе «13-й Октябрь» на весенне-посевной работают три бригады. На 3 мая в колхозе поднято 39 га земли. Между бригадами развернуто соцсоревнование и ударничество. Впереди идет бригада Богачева Ивана Павловича, которая по-большевистски выполняет дневное задание. Плохо налажена труддисциплина в бригаде Зобнина, которая в первый день пахоты не явилась в поле. Исправляя на ходу недочеты, петрушинский колхоз сегодня начинает сев»¹. В конце того же месяца статья «Равняйтесь по бригаде Богачева» сообщала: «В петрушинском колхозе на 31 мая бригада № 1 засеяла 162,28 га, бригада № 2 – Зобнина – 150,57 га и бригада № 3 опередила всех – засеяла 201,4 га. В чем же преимущества третьей бригады, почему она пахала и сеяла лучше остальных двух бригад? В том, что бригадир Богачев правильно расставил силы внутри бригады. Работали в бригаде все время все плужки. Невыходов на работу не было. Колхозники бригады поняли огромное значение успешного проведения сева в укреплении их колхоза. Конюхи бригады бережно относились к коню, хорошо за ним ухаживали. А в бригаде Зобнина имелись невыходы на работу. Бригадир почти не бывал в своей бригаде, а сидел все время в правлении. Кроме того, конюха в этой бригаде пьянствовали и за лошадьми ухаживали очень плохо. Если бы все бригады работали как бригада Богачева, то колхоз не имел бы прорыва, который сейчас имеется (не засеяно 125 га занятого пара). <...> Сейчас все бригады должны равняться по бригаде Богачева. Занятый пар должен быть засеян силосными культурами»². Осенью 1932 г. «Ленинская искра» сообщала в заметке «Петрушинские колхозники работают ударно»: «Петрушинский колхоз план хлебозаготовок на сегодня выполнил на 63 %. Колхозники обещают, что готовый план хлебозаготовок выполнят к 20 сен. сто проц., для наверстания темпов хлебозаготовок усилили за последние дни молотьбу, бригады работают ударно. Тов. Перевезенцев (секретарь партячейки) заявляет: “Не знаю, как можно выразить тот энтузиазм колхозников, который наблюдается после выдачи авансов. Одним словом, работают превосходно!” Колхозники дали обязательство закончить копку картофеля вместо 20 дней по плану в 7 дней на площади в 60 га»³.

Один из петрушинских крестьян, избранный в 1932 г. председателем колхоза «13-й Октябрь», стал героем отдельной публикации в районной газете – «Гаврил Никифорович Черепнин стал хорошо жить только в колхозе». В ней, в частности, отмечалось: «Черепнин Гаврил Никифорович до вступления в петрушинский колхоз «13-й Октябрь» имел бедняцкое хозяйство: была одна корова, но хлеба Черепнину никогда не хватало, приходилось покупать, перебивался пудиками и фунтами с семьей в 7 человек. Но вот в Петрушине организовался колхоз. Черепнин первый осознал, что коллективное хозяйство – это единственный выход из его вечной нужды. Черепнины в колхозе пример всем. Добросовестно работая вместе с женой и 12-летним сыном, Гаврил Никифорович имеет на 1 сентября 376 трудодней. В первый аванс Черепнин получил 7 цент. 52 кг ржи, 2 цент. 25 кг муки, 75 кг гороха и 10 мер огурцов. Семья Черепниных еще до конца хозяйственного года имеет полную возможность заработать 115 трудодней и при окончательном расчете получит 24 цент. хлеба, 96 кг гороха, 4 цент. 91 кг пшена и гречи, а для необобщественной коровы получит также достаточное количество корма по трудодням. Для снабжения семьи Черепнину потребуется 14 цент., следовательно 10 цент. он может вывезти после выполнения хлебозаготовительной кампании на колхозный рынок на расходы своей семьи. Этот пример на семье Черепниных говорит ясно

¹ Ленинская искра, № 53 (4 мая 1932).

² Ленинская искра, № 72 (2 июня 1932).

³ Ленинская искра, № 111 (16 сентября 1932).

за то, что коллективное хозяйство растет и крепнет, что коллективное хозяйство это единственный выход из нужды единоличника, что путь бедняка, середняка один – это путь социалистический, через колхозы!»¹

Руководство петрушинского колхоза, по всей видимости, стремилось снизить накал классовой борьбы в селе, за что нередко подвергалось критике в районной прессе. Например, в начале 1932 г. «Ленинская искра» отмечала: «По постановлению президиума Петрушинского сельсовета от 18 марта твердые задания по посеву даны только трем кулацко-зажиточным хозяйствам. “Больше кулаков мы не нашли”, – так заявил предсельсовета Абрамов. Секретарь партиячейки Перевезенцев также присоединяется к мнению предсельсовета, и вообще в их работе заметно примиренчество к кулаку, так как, несмотря на постановление от 18 марта о даче твердого задания этим хозяйствам, задание до сих пор не доведено»². К этой теме газета вновь вернулась осенью того же года в статье «Шилкин М.И. и Исаев И.С. говорят кулацким языком». В ней сообщалось: «“Ленинская искра” писала о том, что петрушинский колхоз им. 13-й годовщины Октября засорен чуждыми кулацкими элементами. Редакция требовала от РКС срочного выезда комиссии для проверки колхоза, но на это требование РКС еще до сих пор не откликнулся. В колхозе до сих пор продолжают орудовать кулацко-зжиточные элементы, которые всячески стараются затормозить работу колхоза, помешать хозяйственно-политическому укреплению его. Расшатывают трудовую дисциплину. Некоторые колхозники, поддавшись под кулацкое влияние, решили не сдавать (продавать) государству картофель со своих приусадебных участков. Казалось бы, что правление колхоза должно возглавить большевистскую борьбу за картофель, но этого нет. Члены правления Шилкин И.М., Исаев И.С. вместо мобилизации колхозников на выполнение самообязательств, выступают с явно кулацкими разговорами, заявляя: “План велик, выполнять нечем и т. д.” Этим выступлениям не дает должного отпора ни партиячейка, ни сельсовет. Пролезшие в колхоз кулаки Боначев Д.И., Лентяев Д.Г., Буздин А.П., Польвин Д. всеми мерами стараются сорвать заготовки. Предколхоза Черепнин является в их руках игрушкой, поэтому неудивителен прорыв работы по картофелезаготовкам. Положение дальше терпимо быть не может. РКС должен немедленно выслать в петрушинский колхоз своего представителя и очистить колхоз от чуждых элементов. Кроме этого надо особо проверить работу членов правления Шилкина и Исаева, играющих своей работой на руку классового врага»³.

Однако, несмотря на умиротворительную линию колхозного руководства, без инцидентов в этой сфере не обходилось. Об одном из них районная газета писала: «Бывший владелец купчей земли, имевший кулацкое хозяйство, каким-то образом пробравшийся в петрушинский колхоз Боначев И.И. преследует нашего селькора Локтева. 10 июля Боначев явился в правление колхоза и начал неприличными словами ругать тов. Локтева за то, что он, Локтев, ведет систематическую работу по реализации займа 4-го завершающего года пятилетки. 12 июля на общем колхозном собрании Боначев призвал колхозников не слушать тов. Локтева и не подписываться на заем. Кроме того, Боначев подговаривает колхозников на то, чтобы всеми мерами устранить тов. Локтева из правления колхоза. Таким кулацким выходкам Боначева нужно немедленно положить конец. Колхозники должны поставить вопрос о его исключении из колхоза. Редакция газеты “Ленинская искра” настаивает

¹ Ленинская искра, № 113 (20 сентября 1932).

² Ленинская искра, № 26 (27 марта 1932).

³ Ленинская искра, № 135 (24 ноября 1932).

вает перед органами прокуратуры срочно расследовать этот возмутительный факт и привлечь Боначева к ответственности»¹.

Районная газета уделяла внимание и проблемам культурной работы в селе. В статье «В Петрушине не выполняют решения МК и РК ВКП (б) о культпросветработе», опубликованной зимой 1936 г., указывалось: «Партийные организации, советы, правления колхозов должны возглавить движение за внедрение высокой советской культуры в работу и быть колхозной деревни. Задача партийных и советских организаций состоит в том, чтобы решительно улучшить систему политико-просветительной работы и поднять ее качество соответственно выросшим потребностям колхозного села. Так сказано в постановлении бюро Московского комитета партии о культурно-просветительской работе в деревне на зимний период 1936 года. Петрушинская первичная партийная организация 27 декабря провела партийно-комсомольское собрание с участием колхозного актива, где обсуждалось это постановление. В решении партийно-комсомольского собрания сказано: развернуть работу избы-читальни; организовать кружки: хоровой, драматический, музыкальный, ОСО, агрокружок. Со дня этого решения прошло много времени, однако решение до сих пор остается только на бумаге. Правда, организованы кружки, но плановой, систематической работы в них не ведется. Возьмем хоровой кружок. В нем занимается 18 человек исключительно колхозников. Среди них есть Буздин Ал. Пах. – 55 лет, Абрамов Ст. Аф. – 52 лет, Азарнов Ник. Гав. – 36 лет и другие. Руководит кружком комсомолец Качуганов Митя. Но в течение этих дней кружок не выступал, и выступит ли он 10 января на вечере колхозной самодеятельности – об этом Перевезенцев говорил неуверенно. Возьмем драматический кружок. Он сейчас репетирует пьесу «Поднятая целина», но кружку нет помощи. Учителя, которых в Петрушине больше 12 человек, кружку помощи не оказывают. То же нужно сказать о кружках музыкальном и ОСО. Правда, кружок ОСО имел практические занятия на лыжах, но у него нет винтовки, противогаза, плакатов и других пособий, а между тем в Горловском госбанке на это дело лежит 400 рублей. Демобилизованный красноармеец Мишин Ст. Ив. – прекрасный физкультурник, хорошо знает военное дело, но мешает ему развернуть работу неповоротливость председателя колхоза Черепнина и парторга Перевезенцева. Исключением является агрокружок, руководителем которого состоит агроном МТС Аксанова и колхозник Бабкин Вас. Ив. Они любят свое дело, сумели привлечь колхозников, ими проведено уже 4 занятия. Колхозники тянутся к избы-читальне. Так, по их настоянию в избы-читальне организована громкая читка произведения Новикова-Прибоя «Цусима», на каждой читке бывает по 80–100 человек. Решили организовывать читки каждый день. Большим недостатком в работе парторганizations является то, что слабо развернута политическая, массовая работа среди колхозного актива. В комсомольской политшколе записано 40 человек, но до сих пор в ней проведено только одно занятие. К изучению решений VII конгресса Коминтерна еще не приступали. Все факты говорят о том, что петрушинская парторганизация не выполняет свои собственные постановления, не ведет по-большевистски борьбы за выполнение решений МК ВКП (б) и бюро РК ВКП (б) о культпросветработе в колхозе»².

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг. имеется перечень населенных пунктов Горловского района «с характеристиками их по состоянию на 1939 г.». Согласно этому документу, в селе Петрушине, административном центре одноименного сельсовета, насчитывалось 367 жилых строений,

¹ Ленинская искра, № 91 (17 июля 1932).

² Ленинская искра, № 6 (14 января 1836).

349 хозяйств и 1457 чел. населения. Из промышленных заведений отмечены механическая мельница (построена в 1937 г.) и конная просорушка (действовала с 1931 г.). В селе работало агентство отделения связи. Из социокультурных учреждений в Петрушине имелись начальная-средняя школа, изба-читальня, медпункт и магазин¹. Если в 1933/1934 учебном году в петрушинской начальной-средней школе насчитывалось 240 учащихся (46 мальчиков и 194 девочки), то в 1939/1940 их было уже 400 (42 мальчика и 358 девочек).

В 1937 г. в Петрушине был закрыт храм во имя Вознесения Христова. Некоторые из его священнослужителей продолжали жить в селе и выполняли свои функции неофициально. До самого начала 1940-х гг. похороны петрушинских старожилов не обходились без отпевания в церкви и заупокойных служб. Однако были и присущие времени антирелигиозные эксцессы. По воспоминаниям жителей села, накануне Великой Отечественной войны один из бывших священнослужителей погиб насильственной смертью при невыясненных обстоятельствах².

Были среди уроженцев Петрушина и жертвы «большого террора». 2 сентября 1937 г. на Бутовском полигоне под Москвой был расстрелян Кузьма Кузьмич Баландин (1902–1937). Возможно, он был осужден и казнен в соответствии с оперативным приказом народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г.

Топографические карты РККА 1941 г. (съёмки 1939 г.) свидетельствуют, что в послевоенные годы началось постепенное сокращение населения Петрушина, хотя село и достигло максимальных в своей истории размеров. В нем теперь насчитывалось только 322 двора. На картах все еще отмечен хутор Маликов, к этому времени уже заброшенный.

В 1936–1941 гг. в Петрушине проживал Федор Андрианович Полетаев (1909–1945), уроженец соседнего села Катино, будущий участник итальянского движения Сопротивления, национальный герой Италии и Герой Советского Союза (1962). Он работал кузнецом в колхозе «13-й Октябрь». Писатель С.С. Смирнов, первым открывший для советской общественности подвиги Ф.А. Полетаева, по итогам общения с петрушинцами включил в свой очерк «Загадка далекой могилы» следующие строки: «Все вспоминают, каким работником он был – безотказным в любом порученном ему деле, неутомимым до самозабвения в своем нелегком труде кузнеца, мастером – золотые руки, настоящим рабочим-умельцем. А о его богатырской силе рассказывают буквально легенды. Говорят, что норовистых лошадей он ковал «на весу», поднимая на своем плече. Около кузницы в Петрушине до сих пор лежит большой мельничный жернов пудов на 25–30. Как-то на праздник здесь собрались мужики, беседуя и дымя самокрутками, и один из них, слегка подвыпивший, стал хвастаться, что он, мол, самый сильный в деревне. Федор слушал по обыкновению молча, а потом, усмехнувшись, показал на жернов, глубоко вдавшийся в землю, и коротко предложил хвосту:

– Подними!

Все засмеялись, а озадаченный силач все же решил попробовать. Но сколько он ни топтался и ни пыжился, ему не удалось приподнять жернов ни на миллиметр. Наконец, красный, сконфуженный, он сказал, что ни один человек не справится с такой тяжестью. Тогда Федор, не говоря ни слова, подошел к жернову, расправил плечи и, широко расставив ноги, склонился над камнем. Заходили, напряжились под рубахой мускулы, лицо и шея кузнеца побагровели от натуги, и вдруг рывком он приподнял жернов. Столпившиеся вокруг товари-

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристиками их по состоянию на 1939 год.

² Сообщение Т.П. Молодцовой.

щи одобрительно зашумели. Федор выпустил камень и отошел, посмеиваясь и утирая раскрасневшееся лицо. С тех пор незадачливый силач уже не осмеливался хвастаться в его присутствии.

Федор единственный в округе мог “поцеловать кувалду” – выполнить профессиональный фокус кузнецов, доступный только самым сильным людям. Держа в вытянутой руке тяжелую кузнечную кувалду, человек медленным движением кисти наклоняет ее на себя, пока она не коснется губ. Надо было иметь поистине железные мускулы, чтобы за конец деревянной рукоятки удержать массивную кувалду, нависшую над твоим лицом и грозящую вот-вот сорваться и расквасить тебе физиономию.

Могучей силой настоящего русского богатыря обладал Федор. И это была добрая сила – он никогда не употреблял ее во зло и, как рассказывают, с детства не любил драк и ссор. Только против врага, против фашистов обратил он эту богатырскую силу и отдал ее всю без остатка вместе со своей простой, чистой и светлой жизнью»¹.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны, в августе 1941 г., Ф.А. Полетаев был мобилизован Горловским райвоенкоматом. В действующую армию он отправился из Петрушина.

Многие мужчины села также были призваны в РККА. Осенью 1941 г. через Петрушино перегоняли колхозный скот из соседних районов Тульской области, которым грозила оккупация.

23 ноября – 7 декабря 1941 г. Петрушино подверглось кратковременной немецко-фашистской оккупации. В село вошло подразделение вражеских войск. По всей видимости, оно принадлежало 40-му полку связи 2-й танковой армии вермахта, штаб которой расположился в г. Михайлове Рязанской области. По воспоминаниям жителей села, оккупанты особо не бесчинствовали.

Немцы покинули село утром 7 декабря 1941 г., примерно через сутки после начала контрнаступления советских войск. Как свидетельствуют старожилы, отступившие из Петрушина гитлеровцы закрепились на высоте, господствующей над дорогой из Петрушина в Горлово, у поворота на село Богослово². Здесь их атаковали воины 170-го кавалерийского полка 41-й отдельной кавдивизии под командованием майора И.Г. Фактора³. В схватке гитлеровцы были разгромлены, оставшиеся в живых отступили к селу Клекотки. Во время боя жители Петрушина – старики, женщины и дети – прятались в своих погребах и землянках, но и там слышали стрельбу и разрывы снарядов.

Суровые лишения военной поры были определяющим фактором жизни петрушинцев в 1942–1945 гг. Дефицит продовольствия сопровождался нехваткой топлива: в эти годы на растопку пошли даже старинные дубовые кресты с сельского кладбища. Многие представители сельской молодежи, не подлежавшие призыву в действующую армию, трудились на шахтах Сталиногорского угольного бассейна⁴. В 1943 г. петрушинский колхоз был разделен – до конца десятилетия в селе одновременно работали колхозы «13-й Октябрь», «Светлый путь» и им. А.В. Суворова.

Немало представителей петрушинской молодежи защищало Родину в тяжелые дни войны. Не всем из них было суждено вернуться домой. Показательна в этом плане судьба Ива-

¹ Смирнов С.С. Рассказы о неизвестных героях. М.: Советский писатель, 1985. С. 86.

² На картах РККА 1941 г. она обозначена как высота 206,4. Жители окрестных сел называют это место Дубровкой.

³ О нем см. статью «Богослово» настоящего издания.

⁴ Сообщение Т.П. Молодцовой.

на Кузьмича Зобнина (1922–1944), младшего сына садовода петрушинского колхоза «13-й Октябрь». В годы войны комсомолец И.К. Зобнин добровольцем поступил в Черниговскую военную авиационную школу пилотов. По окончании обучения он был направлен в 275-ю истребительную авиадивизию. Младший лейтенант И.К. Зобнин погиб в воздушном бою с самолетами противника 28 июня 1944 г. у местечка Репола на Карельском перешейке¹. Ему было всего 22 года.

В годы войны петрушинцы сражались в буквальном смысле слова «на земле, в небесах и на море». Старший лейтенант Николай Федорович Киселев (1917–?) был кадровым военным летчиком, командовал 3-й авиаэскадрилей 907-го истребительного авиационного полка особого назначения. В июле 1944 г. он был награжден третьим орденом Красного Знамени. О результативности его боевой работы свидетельствуют строки наградного листа: «В июле месяце произвел 8 вылетов на боевые задания, провел 5 воздушных боев лично. Сбил 5 самолетов противника, из них 4 ночью и 1 днем (разведчик). Летчики эскадрильи за месяц провели 13 воздушных боев и сбили 8 самолетов противника. Своих потерь не было»².

Ефрейтор Александр Захарович Лагаев (1926–?) служил стрелком 292-го стрелкового полка 115-й стрелковой Холмской Краснознаменной дивизии, в начале последнего года войны сражавшейся в составе 1-го Прибалтийского фронта. «В наступательных боях в Восточной Пруссии с 19 по 28 января 1945 г. [он] проявил себя смелым, мужественным и решительным. При наступлении на Шетлебен (Тильзит) 19 января 1945 г. при прорыве обороны противника первым ворвался во вражеские траншеи и забросал гитлеровцев гранатами, при этом уничтожил 5 солдат противника. В бою 22 января 1945 г. при наступлении на Лидендорф противник четыре раза бросался в контратаки, 2 пушки противника стояли на прямой наводке и вели огонь по нашим подразделениям, тогда тов. Лагаев совместно со Степановым подкрались к немецким пушкам и гранатами забросали их, истребив оба расчета, и захватили две 45-мм пушки. Повернув их в сторону противника, они открыли по нему огонь, этим самым создав в рядах врага панику. В это время из кустов немцы открыли огонь из пулеметов, тогда тов. Лагаев прямой наводкой из орудия уничтожил 2 станковых пулемета противника вместе с прислугой, чем обеспечил продвижение нашим подразделениям. Противник в панике бежал, оставив на поле боя шесть 45-мм пушек, 4 трактора, 1 автомашину, 20 подвод, груженных военным имуществом и боеприпасами, и потерял убитыми до 40 гитлеровцев. За отвагу, мужество, смекалку и находчивость, за решительные действия в бою, за уничтожение живой силы и техники противника, за захваченную материальную часть и вооружение противника»³ ефрейтор А.З. Лагаев был награжден орденом Красного Знамени.

Гвардии сержант Александр Алексеевич Молодцов (1918–?) в июле 1944 г. воевал на 1-м Украинском фронте, служил заместителем командира отделения знаменного взвода 29-й гвардейской ордена Богдана Хмельницкого 1-й степени мотострелковой бригады 10-го гвардейского Львовского добровольческого танкового корпуса. А.А. Молодцов «в боях за Родину отличился на путях к городу Львов, где показал смелость и отвагу. 19 июля 1944 г. под деревней Славита Львовской области взвод попал под сильный минометный огонь. Гвардии сержант Молодцов А.А., будучи ранен, вынес боевое и гвардейское знамена из-под минометного огня»⁴. За этот подвиг отважный воин был удостоен медали «За боевые заслуги».

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 11458, д. 359, л. 228, а также д. 609, л. 122.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 5274, л. 205.

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 3070, л. 58.

⁴ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 6594, л. 208.

Старший краснофлотец Алексей Гаврилович Кочугаев (1926–?) служил на Краснознаменном Балтийском флоте с ноября 1943 г., был минером тральщика МБТЩ-378, в 1944 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования был награжден орденом Красной Звезды. «За время навигации 1945 г. [тов. Кочугаев] имеет 75 выходов на боевое траление ответственных ФВК и минных полей, во время чего проявил смелость, мужество и находчивость, благодаря чему все боевые задания командования по тралению выполнялись образцово, без единой аварии или списания материальной части. <...> При выборке трала 1 июня [1945 г.] в нем оказалась мина, не подсеченная резаком, и попытки освободиться от последней не увенчались успехом. Проявляя личную инициативу, [тов. Кочугаев] на шлюпке подошел к мине и перерубил под водой минреп, рискуя собственной жизнью этим самым освободил трал и обеспечил бесперебойное выполнение кораблем задания командования»¹. Наградой бесстрашному моряку из Петрушино стала медаль Ушакова.

Здание Вознесенской церкви в селе пережило нацистскую оккупацию и достояло до конца войны. В 1946–1949 гг. храм был разобран на кирпич. Из высококачественного старинного стройматериала перпендикулярно бывшей церкви возвели 2-этажное здание средней школы. На втором этаже располагался интернат для детей из села Богослово, деревень Клобучки и Измайловка. Первым директором новой школы стал Николай Александрович Лебедев. Коренные петрушинцы до сих пор с благодарностью вспоминают учительницу начальных классов Елизавету Дмитриевну Глаголеву и ее коллег, работавших в интернате: Марию Дмитриевну Ляпину и Тамару Петровну Молодцову. В начале 1950-х гг. в селе также действовал клуб, в котором имелась библиотека и проводились бесплатные кинопоказы.

В 1950 г. петрушинские колхозы «13-й Октябрь», «Светлый путь» и им. А.В. Суворова были вновь объединены в один с традиционным для села названием «13-й Октябрь». В него также вошел колхоз «Борец» деревни Клобучки². В 1954–1958 гг. Петрушино входило в состав Клеткотковского сельсовета³.

В 1960-е гг. в селе было возведено новое здание правления колхоза, появились медпункт, МТС, новые фермы, овоще- и зернохранилища. Библиотека сельского клуба продолжала оставаться средоточием культурной жизни.

В 1980 г. на землях колхоза «13-й Октябрь» были обнаружены залежи угля и голубой глины. С открытием Тульского шахтного разреза началась добыча угля в промышленных масштабах. Глина стала сырьем для Новомосковского кирпичного завода. Из белого новомосковского кирпича в эти годы были сооружены здания ферм, магазина, столовой, библиотеки, детского сада. Напротив старого сельского клуба возвели 2-этажный культурный центр: на первом этаже располагались помещения сельсовета, клуба и почтового отделения, второй этаж занимали школа и школьная библиотека. Старая школа после этого была заброшена. Кирпич из ее стен активно разбирался жителями на хозяйственные нужды.

1980-е гг. запомнились жителям села как эпоха относительного благосостояния. Население увеличилось за счет притока переселенцев из различных городов, автономных и союзных республик СССР (Украины, Башкирии, Дагестана, Чечено-Ингушетии и др.), устраивавшихся работать на шахты. На улицах Петрушина выросло немало новых домов для шахтерских

¹ ЦВМА. Ф. 3, оп. 1, д. 1374, л. 205.

² Архив Скопинского района. Ф. 251, лл. 1–2.

³ Архив Скопинского района. Ф. 410, л. 1.

семей. В колхозе «13-й Октябрь» собирали хорошие урожаи зерновых и картофеля, имелась собственная пасека. Уровень жизни колхозников неуклонно повышался¹.

1990-е гг. обернулись катастрофой для Петрушина. В конце десятилетия прекратил свое существование колхоз «13-й Октябрь», преобразованный в АОЗТ. Начался отъезд семей переселенцев, за которым последовала деградация инфраструктуры обезлюдевшего села: здания ферм, общежитий, библиотеки, детского сада, жилых домов разбивались на кирпич и вывозились. Закрылась школа, здание культурного центра было заброшено и в 2012 г. разрушено.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Петрушино вошло в состав Горловского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Петрушине в это время постоянно проживали 124 человека – 59 мужчин и 65 женщин. Многие дома в селе используются жителями близлежащих городов как дачи.

Остается лишь сожалеть о том, что в советские годы Петрушино утратило свою основную историческую достопримечательность – Вознесенскую церковь, памятник провинциального русского классицизма XIX в. Лишь добротные кирпичные дома крестьян конца XIX – начала XX вв., каких еще немало осталось на улицах села, и изящный мост, построенный Епифанским уездным земством в 1908 г., дают представление о мастерстве местных каменщиков.

---

¹ Сообщение Н.П. Шенной.

ПЕТРУШИНО

село

(сельское поселение Корневское)

Первое упоминание о «деревне Петрушиной» относится к 1-й половине XVII в. В тарханной грамоте царя Михаила Федоровича от 5 (15) марта 1623 г., данной Рязанскому архиепископу Антонию, упоминается «в Пехлецком стану <...> деревня Петрушина, Верда тож, на речке на Велемке, пашни паханые, и наезжие, и перелогом, и дикого поля двесте пятьдесят четвертей в поле, а в дву по тому ж, сена две тысячи копен, лесу черного в длину на полторы версты, а поперег на версту»... Документ освобождал церковного феодала от ряда государственных повинностей и обязанностей. В нем, в частности, отмечалось: «...И по нашему государеву указу, богомолца нашего Антония архиепископа вотчины, с сел и с деревень и с починков его архиепископским крестьяном наших никаких податей и денежных поборов и козачьих кормов с сошными людьми не давати, опричь ямских денег и стрелецких хлебных запасов и городского и острожного дела <...>, кто будет на Резани наместников их и тиунов всяких приказных людей <...> и наших дворцовых сел приказчики <...> не судят ни в чем, и приставов своих не посылают, и поборов своих не берут, и наших данных, и полонениных, и ямщины, и мостовщины, и всяких платежей никаких не платят...»¹ Как видно из этого текста, крестьяне архиепископской вотчины не освобождались от присылки материалов и людей для строительства укреплений, от стрелецкой подати, взимавшейся сначала хлебом, а потом деньгами, и направлявшейся на содержание стрелецкого войска, и от ямской подати, использовавшейся для содержания почтовой службы. Все это объясняется ее близостью к Большой Засечной черте – системе укреплений, защищавших южные пределы Русского государства от набегов крымских и ногайских татар.

«Дух боевого пограничья», похоже, нашел отражение и во втором названии «деревни Петрушиной» – Верда, которое на первый взгляд может показаться удивительным, поскольку река с таким названием протекает достаточно далеко от села. Как представляется авторам, рассматриваемый топоним может оказаться не связанным с гидронимом Верда, или же связанным с ним довольно опосредованно. Но обо всем по порядку.

Как известно, в конце XV – начале XVI вв. в районе современного Скопина располагалась сеть пограничных сторожевых постов – «сторожков» Великого княжества Рязанского, на которые отряжались служилые люди для наблюдений за местностью. О них упоминает великий князь Московский Иван III Васильевич в своих грамотах 1501 г., адресованных последнему великому князю Рязанскому Ивану Ивановичу (правил в 1500–1521 гг.), «княгине Огрофене и владыке Пратасью», в которых, в связи с возвращением из Москвы крымского посольства, он просил, чтобы «проводили гонцов до степи». В них, в частности, сказано: «Августа 6 дня отпустил князь великий к Менгли-Гирею царю его человека Кутуша, а с ним послал ко царю с грамотою своих татар <...>, и как приедут на Резань, и вы бы часа того послали своих людей, колко будет пригож, а велели бы есте их проводить до Верды, до своих сторожков, чтобы им от наших людей, от заполян, лиха никоторого не было...»² Для объясне-

¹ Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб., 1875. С. 408–409, 416–417.

² Сборник исследований Российского исторического общества, Т. 41. С. 363, 366.

ния упомянутого в документе XVII в. второго названия «деревни Петрушиной» уместным будет вспомнить о приводимых в Словаре древнерусского языка глаголе «въярдити» и отглагольном существительном «веряда» (в простречии – «верьда»), современная форма которого – «вырядить», и о выражении «въярдити в навороп», буквально означавшем «снарядить в разведку»¹. Возможно, топоним Верда применительно к Петрушину правильно будет интерпретировать как указание на место несения сторожевой службы². Впоследствии эти название забылось в связи с переносом сторожевых застав далее на юг, на земли Дикого поля.

Такой подход ко второму названию «деревни Петрушиной» позволяет, кстати, задумать-ся о смысле и происхождении гидронима Верда. Нельзя исключать, что название этой реки не является реликтом дославянской эпохи, а стало следствием рассмотрения бассейна реки как района несения сторожевой службы. Кстати, река с таким названием протекает и в Сараевском районе Рязанской области, где также в XV–XVI вв. располагались сторожевые посты против набегов степняков.

Из предложенной интерпретации топонима Верда можно вывести и смысл основного названия «деревни Петрушиной», предположив, что среди часто наряжавшихся на существовавший здесь сторожевой пост казаков мог находиться некий Петруша или «сын Петрушин». Однако более логичным объяснением представляется принадлежность земель, на которых ранее находилась сторожевая застава, какому-то мелкому землевладельцу XVI–XVII вв. по имени Петр. Такой действительно был: в 1-й половине XVII в. в соседнем с Петрушином селе Князево-Займище упоминается однодворец Петр Михайлов сын Коростелев. Однако точных указаний на принадлежность ему земельной дачи на месте будущего села Петрушино обнаружить не удалось.

В переписной книге Пехлецкого стана Рязского уезда письма Ивана Ивановича Румянцова и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. «деревня Петрушина» названа среди селений вотчины архиепископа Рязанского³.

В 1672 г. рязский воевода Иван Сонцов межвал митрополичьи вотчины и оставил в межевых книгах информацию о соседях владыки: «Приехав в Рязком уезду в Пехлецкого стану преосвященного Илариона, митрополита Рязанского и Муромского, в село Княжево, Владычня тож, по речке по Велемке под Велемским лесом, в деревню Тошила, деревню Петрушину на речке Мещерке, взяв с собой тутошних и сторонних людей старост и целовальников, и крестьян, и старожилков, и велеть к себе быть сел и деревень, которые с митрополию вотчин смежны, помещикам и вотчин, и прикащикам, и старост, и крестьян. Межа митрополюя вотчинная земли села Князева и деревни Петрушиной по выписи с писцовых и межевых книг письма и межевания Григория Киреевского с товарищи писана от вотчин и земли боярина Ивана Никитича Романова села Вязовенка и иных сел и деревень и от разных помещиков деревни Велемской и села Пупок от казацкой земли в лесу Велемском. <...> По праву земля и леса митрополюя, а по леву земля и лес велемских помещиков, да межа митрополюя земли от пупковских помещиков земли старые межником от речки от Мещерки и от столба з гранями. <...> И по тем граням и по урочищам от речки Мещерки и от столбы з гранями до черного кургана поправу земли и леса Рязанского митрополита сел Князево-Займище, да

¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. V. М.: Азбуковник, 2001. С. 131; Т. II. М.: Русский язык, 1989. С. 25; Т. I. М.: АН СССР. Ин-т рус. яз., 1989. С. 13.

² По версии скопинского краседа А.В. Сергина, гидроним «Верда» все же имеет неславянское происхождение и связан с финским словом «virta» (течение, поток, река).

³ РГАДА. К. 385, л. 61.

деревни Петрушиной, а по леву по тем же граням и по урочищам земля ж и сенные покосы пупковских помещиков и пупковских казаков»¹.

В переписной книге 1710 г. «деревня Петрушина» числилась «за Преосвященным Стефаном, митрополитом Рязанским и Муромским, <...> крестьянских тринадцать дворов. В них людей <...> обоих полов пятьдесят семь человек, а вдовых и нищенских два двора, людей в них женка полу три человека»².

Согласно переписной окладной книге, составленной не позднее 1724 г., в «деревне Петрушиной» было 22 крестьянских двора, в которых проживали 155 душ, положенных в подушный оклад, и 16 новорожденных. В поданном старостой деревни доношении упоминаются крестьяне Петр Иванов сын Селев, Алексей Яковлев сын Шишкин, Степан Кирилов сын Гласков, Федот Харламов сын Мухин, Савостьян Иванов сын Еремин, Илья Автономов сын Казмин, Зиновий Ермолов сын Еремин и другие³.

В середине XVIII в. петрушинские крестьяне приняли участие в волнениях, которыми сопровождалась секуляризация владений православной церкви. Реформа церковного землевладения была инициирована императрицей Елизаветой Петровной в 1757 г. Основной ее причиной стало чрезмерное распространение церковных земель, не облагавшихся государственными налогами, из-за чего снижались доходы казны. Император Петр III ускорил подготовку реформы и указом от 21 марта (1 апреля) 1762 г. объявил о полном изъятии церковных земель в пользу государства. Для управления бывшими церковными вотчинами воссоздавалась Государственная коллегия экономии. Вместо прежних повинностей крестьяне церковных имений обязывались платить рублевый оброк сверх семигривенного подушного оклада. В пользование крестьянам отдавалась земля, которую они пахали на церковь, мельницы и различные угодья предписывалось отдавать в оброк желающим. Этим актом Петр III окончательно испортил свои отношения с церковной иерархией и еще более настроил против себя русское общество. После переворота, приведшего на престол Екатерину II, указ был отменен, а конфискованная земельная собственность и крестьяне возвращены церкви. Однако проблема изъятых из налогообложения церковной собственности оставалась, поэтому в конце того же 1762 г. императрица приступила к подготовке будущей секуляризационной реформы 1764 г.

В обстановке неопределенности, созданной принятием указа от 1762 г. и его последующей поспешной отменой, среди церковных крестьян стали распространяться слухи, истолковывавшие перемены в пользу крестьянства. Циркулировали и подложные «императорские манифесты», обычно обещавшие раздачу крестьянам всей церковной земли. Из письма экономического игумена вотчины Рязанского митрополита, присланного 9 (20) апреля 1763 г. в Рязскую воеводскую канцелярию, известно, что «неоднократно посланными из оной Катедральной канцелярии в Рязскую воеводскую канцелярию промемориями» извещалось о происходящих в ней беспорядках и непослушании, которые выражались в том, что крестьяне разбирали архиепископский скот, сено, семена и прочее.

Среди документов Рязской воеводской канцелярии имеется и доношение о беспорядках «прикащика Ивана Федорова сына Протопопова вотчин святейшего Палладия, архиепископа Рязанского и Муромского, Рязского уезда села Князева-Займища». К нему был приложен реестр крестьян, расхищавших сено. В нем были перечислены «деревни Петрушиной кре-

¹ РГАДА. Ф. 281, оп. 15, д. 10138, лл. 1–3, 17.

² РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 3, лл. 131 – 131 об.

³ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, лл. 519, 522–525 об.

стьяне Василий Григорьев, Петр Афонасьев, Иван Макеев, Яков Иванов, Никита Рекуванов, Назар Никитин, Федот Стрюков, Герасим Алямяев, Авдей Кузмунев»¹. В другом письме от мая 23 (июня 3) дня 1763 г. экономический игумен Александр выслал реестр состоявших «в противности к послушанию крестьян, кроме раньше показанных возмутителей». Среди них упоминались жители «деревни Петрушиной» Автоном Савостьянов, Федот Струков, Иван Макеев, Петр Афонасов, Иван Максимов, Никита Рекувсков, Григорий Наумов, Давыд Козмин и Агафон Авдеев².

В инструкции от «мая 28 дня 1763 года из Рязской воеводской канцелярии отставному капралу Федору Османову» было предписано «привести и объявить в Рязкую воеводскую канцелярию при репорте» очередных крестьянских бунтовщиков. Рапорт, подписанный капралом Федором Копытовым, сообщал: «Сего 1763 мая 28 дня <...> велено поехать с командою. И того взятых сорок человек, а за оными взятыми остались не взятые за ниже означенными случаями: села Князево-Займище земской Степан Шишкин, крестьяне Моисей Михеев, Максим Фролов, Ерофей Григорьев и с того села бежали. Осип Степанов лежит присмерти, Павловского Зиновий Никифоров бежал, деревни Петрушиной Назар Никитин, Иван Макеев, Григорий Нефедов бежали». Позже экономический игумен в письме от 16 (27) июня 1763 г. сообщал, что крестьяне «сысканы за противности и наказаны плетью, и возмутителей Зеновия Никифорова и товарищей».

Действия властей и неоднократные наказания не остановили князевских и петрушинских крестьян. 29 июня (9 июля) 1763 г. в селе Князево-Займище «после отпетия литургии и по выходе <...> показанного села диакону велено всенародно читать незнаемо какую фальшивую копию якобы с указа печатного того июня 8 дня об отрешении от монастырей вотчин, по разверстании казенных земель крестьяном и оплате рублевого оброка в городах при подушных зборах». По докладу приказчика вотчины в «Катедральную канцелярию» архиепископа «от копии оной вотчины крестьян в послушании учинилось велико сметение, почему тако ж <...> для забраня крестьянина Семенова, также и бывших при том той вотчины старост...» были направлены прапорщик Федор Карпов «да дому его пресвященства подканцелярист Яков Воробьев», которые и прибыли на место 16 (27) июля 1763 г. и отыскав копию фальшивого приказа «оной Воробьев» рапортом доложил, что она «содержит со включением многих вымышленных непристойностей и совсем фальшивая». Чтобы «впредь не могло произойти каково спору и сумнительства», за подписями читавшего дьякона, подканцеляриста, прапорщика, крестьянина Семенова «и бывших при чтении той копии крестьянских старост села Князево Займище Ерофея Гаврилова и деревни Петрушиной Петра Афанасьева» было составлено прилагавшееся к рапорту свидетельство о ее подложном характере.

О происшедшем рязанский епископ Палладий в очередной раз сообщал в Коллегию экономии, направив 17 (28) июля 1763 г. «при доношении» бунтовавших крестьян: «... Села Князево Займище старосту Ерофея Гаврилова, крестьянина Михея Семенова, деревни Петрушиной старосту Петра Афанасьева». Из допросов в Коллегии экономии стало известно, что подложные копии указа принес Тамбовского уезда села Малого Ломовца крестьянин Андрей Григорьев сын Добряков, который показал, что «в Петров день имелся он в Москве для прошения в магистрате на коломенского купца Луппа Елистратова в причененных ему, Андрею, обидах, и по приходе в Москву стоял на квартире в Рогожской

¹ РГАДА. Ф. 566, оп. 1, ч. 3 д. 42, л. 4 об.

² Там же. Л. 10.

слободе у крестьянина Тимофея Леонтьева на постоялом дворе обще <...> с села Князево Займище крестьянами Данилою Васильевым да Михеем, а чей сын не знает, в тож время против их на другой квартире стояли Тульского уезда монастыря [...], которые друг к другу похаживали. За один день до ево из Москвы отлучки из оных тульских крестьян пришел к оным на квартиру и объявил в монастырских вотчинах указ, с которым они все [пошли] для прочтения к стоящему в той же слободе на особливой квартире дьячку, оной указ <...> прочел, и они, села Князева Займище крестьяне, тому дьячку с оного велели списать, да он, Добряков, себе по копии...» Князевские крестьяне в Москве отдали свою копию Добрякову с поручением передать ее своему сельскому старосте, за что тамбовец получил вознаграждение – 10 копеек. После долгих допросов и выяснений в Коллегии экономии крестьяне села Князево Ерофей Гаврилов, Петр Афанасьев и Михей Семенов «за неимением при Коллегии надлежащей команды» были отосланы в Московскую губернскую канцелярию, а 2 (13) декабря 1763 г. были отправлены оттуда в Переяславскую провинциальную канцелярию для дальнейшего следствия и наказания. Их освободили только после указа императрицы Екатерины II от 24 марта (4 апреля) 1764 г., которым предписывалось, чтобы «означенные крестьяне долговременно под караулом не содержались и от того подушного платежа и положенных на них доходов не отбывали, а колодников не умножалось, в оной канцелярии определено учинить им, как они люди подлые и силы указов не знающие, наказание плетью и, обязав подписать, что б они на таковых копиях не уверялись властям, были в послушании...»¹.

Указ Екатерины II о секуляризации церковных владений вышел 26 февраля (8 марта) 1764 г. В соответствии с ним все учреждения церкви отстранялись от управления имениями. Земельные владения Святейшего Синода, епархиальных кафедр, монастырей, и приходов поступали в казну и передавались в управление Государственной коллегии экономии. Монастырям были оставлены только небольшие сады, огороды и пастбища. Крестьяне, проживавшие в бывших церковных имениях, также передавались Государственной коллегии экономии и впредь именовались «экономическими крестьянами». С 1 (12) января 1764 г. вместо барщины и оброков они переводились на подушный оклад в размере 1,5 руб. с человека в год, который уплачивался казне через Государственную коллегию экономии. Из доходов коллегии выделялись суммы на содержание церковных учреждений.

Казалось бы, новые условия хозяйственной деятельности экономических крестьян давали им больше возможностей для повышения своего благосостояния. Но это произошло далеко не сразу. Как выяснилось, сумма подушного оклада не была фиксированной и со временем начала возрастать. Уже в 1768 г. он достиг 2 руб. 70 коп. с мужской души, а в 1783 г. – целых 3 рублей. Исчезла и привычная сельским жителям возможность занять у церковных властей инвентарь, лошадь, зерно или деньги в счет будущего урожая. Крестьяне остались наедине с государственными чиновниками.

В 1778 г. в ходе административных реформ Екатерины II был создан Скопинский уезд, включенный в состав Рязанского наместничества. В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., «село Озерня, Павловское, Топилы, Князево-Займище и деревня Петрушина» значились как «владения бывшего дома Рязанского архиерея, а ныне ведомства государственных крестьян. Всего земли под селениями вместе с усадебной 154 десятины 1118 саженой (168,8 га), пашни 8621 десятина 437 саженой (9419 га), леса 1100 десятин 1500 саженой (1202 га), а вместе с лугами и недо-

¹ РГАДА. Ф. 280, оп. 1, ч. 1, д. 223, лл. 48 – 48об.

бьями 10738 десятин 375 сажений (11732 га)». По данным 3-й ревизии податных сословий Российской империи, проводившейся в 1761–1765 г., в «деревне Петрушиной» проживали 143 души мужского пола и 144 – женского. Селение было описано лежащим «по обе стороны речки Мещерки, на коей пруд, и двух безымянных отвершков, на одном пруд, крестьяне промышляют хлебопашеством, <...> землю сию запахивают на себя, женщины сверх полевых работ упражняются в рукоделии, прядут лен, поскон, шерсть, ткнут холст и сукно для своего и употребления и на продажу»¹.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют о том, что в деревне к этому времени было 85 дворов. Селение имело достаточно нерегулярную планировку, обусловленную, по всей видимости, изрезанным рельефом местности².

Согласно данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в деревне Петрушино Скопинского уезда Рязанской губернии проживали государственные крестьяне – 352 души мужского пола и 372 – женского³. По сведениям 1859 г., в «Петрушино, деревне казенной при ручье», лежавшей в 12 верстах от уездного города, насчитывалось 90 дворов⁴.

В 1861 г. деревня была включена в состав Князевской волости Скопинского уезда. К 1875 г. Петрушинское сельское общество располагало земельными угодьями площадью в 1235 десятин (1346 га). В материалах ревизии волостей Скопинского уезда, проведенной в том году Рязанским губернским земством, отмечались проблемы крестьян деревни Петрушино, вызванные дальнеземельем. В них отмечалось: «Бугры и овраги много препятствуют вывозке удобрения на дальние поля. <...> Большая часть земли петрушинских крестьян – в 10 верстах расстояния»⁵.

По данным переписи населения 1882 г. в Петрушине было 151 домохозяйство, в которых проживали 516 душ мужского пола и 546 – женского. Уровень грамотности местных уроженцев был вопиюще низким – читать и писать в деревне умели лишь 5 мужчин. Размер надела в Петрушинском сельском обществе составлял 3,9 десятины (4,25 га) преимущественно черноземной земли на ревизскую душу. В 29 хозяйствах деревни не держали ни коров, ни лошадей, почти треть домохозяев числилась безлошадными. В Петрушине насчитывалось 140 изб, три из которых топились «по-белому». При них имелось 136 плетневых дворов, 105 горниц и клетей, 73 амбара и сарая, 131 рига и овин. В селе работали 5 мастеровых, действовали 2 промышленных заведения и кабак, около 90 мужчин ежегодно отправлялись трудиться в отхожих промыслах⁶.

В 1887 г. Петрушино стало селом – в его центральной части был возведен приходской храм – Архангельская церковь. О ней И.В. Добролюбов в 1891 г. сообщал: «Архангельская деревянная церковь с такою же колокольнею построена в селе Петрушине, в качестве деревни первоначально принадлежавшем к приходу села Князева-Займища, в 1887 г. При ней земли состоит: под церковью и кладбищем 1 десятина (1,09 га), усадебной ½ десятины (0,6 га),

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 20 об; Ф. 1355, оп. 1, д. 1241, лл. 26 об – 27.

² Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 80.

⁴ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 132.

⁵ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спаского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. Москва, 1877. С. 475–476.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 80–85.

пахотной 33 десятины (36 га). Причт, состоящий из священника и псаломщика, помещается в деревянных церковных домах, стоящих на церковной земле. В состав прихода входят: село Петрушино и деревня Велемья, в коих при 242 дворах числится мужского пола 917, женского пола 974. Священник Николай Дмитриевич Антипатров состоит с 1888 г.»¹ В этом приходе он служил как минимум до 1898 г.

По сведениям за 1893 г. в селе Петрушино значились следующие «промышленные заведения»: ветряная мельница крестьянина Ильи Васильевича Кулькова, построенная ок. 1870 г., и кузница мещанина Николая Дмитриевича Князева².

Среди протоколов заседаний Скопинского уездного земского собрания сохранилось ходатайство петрушинцев об открытии в селе земской школы: «1896 года апреля 9 (21) дня, сельский сход Скопинского уезда Князевской волости села Петрушина в составе 130 человек от 147 домохозяев, имеющих право голоса, под председательством сельского старосты Семена ИONOва обсуждал следующее обстоятельство: наш местный священник обнарудовал нам Высочайший манифест о предназначенном священном короновании Его Императорского Величества государя императора Николая Александровича. Движимые беспредельными чувствами любви и верноподданнической преданности к священной особе своего возлюбленного монарха, мы все единогласно постановили: такое священное, имеющее историческое значение для всей Великой России торжество ознаменовать в своем обществе открытием сельского приходского училища, от которого мы для детей своих в надежде ожидать больше пользы, нежели от школы другого типа, по отзывам соседей наших, где есть и церковно-приходские, и земские школы. А так как средств у нас на постройку училищного здания нет, то мы совместно с обществом крестьян деревни Велемья, составляющим вместе с нами один приход в 1000 наличных мужского пола душ, приговорили просить Скопинское уездное земское собрание открыть в нашем селении земское училище и дать нам взаймы на постройку одну тысячу рублей, которую мы обязуемся возвратить в пятилетний срок, начиная с будущего 1897 г., по равной части. На получение ссуды, если она нам будет разрешена, и для заведования постройкой училищного здания с помещением в нем квартиры для учителя мы избрали из среды нашей и попечителя крестьянина Дмитрия Тимофеевича Заболоцкого. По открытии школы содержание сторожа при ней, а также ремонт здания, отопление и освещение его мы принимаем на свой счет»³. Ходатайство петрушинцев было удовлетворено. По предложению гласного уездного земского собрания конюховского помещика Д.А. Леонова⁴ петрушинскую школу решили назвать в память «священного коронования Их Императорских Величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Федоровны»⁵.

Земская школа в Петрушине открылась в 1897 г. Площадь ее помещений составляла 95 кв. аршин (48 кв. м). К 1908 г. в Петрушине насчитывалось 1412 жителей, из них 128 детей школьного возраста, но в земской школе было только 80 учеников. В 1902 г. учителем в

¹ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, со списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст и библиографическими указаниями. Т. 4. Рязань: тип. В.О. Тарасова, 1891. С. 453.

² ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 809, л. 18.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания экстренного созыва от 9 июля 1896 г. Скопин, 1896. С. 7–8.

⁴ О нем см. статью «Конюховка» настоящего издания.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания экстренного созыва от 9 июля 1896 г. Скопин, 1896. С. 13.

ней состоял П.И. Лычагин, попечителем был крестьянин Д.Г. Лукахин.¹ В 1912 г. новым попечителем школы в Петрушине стал Павел Степанович Лохов².

В 1905 г. в селе Петрушино насчитывалось 184 двора, в которых проживали 674 мужчин и 643 женщины. В селе имелись церковь деревянная, земская школа, ветряная мельница, просорушка, кузница, 2 мелочные лавки³. Ветряная мельница, видимо, принадлежала местному крестьянину Кириллу Матвеевичу Нефедову. В 1910 г. Скопинское уездное земское собрание постановило ее «переоценить с 600 руб. на 400 руб. и с повышенной оценки оклад с. г. 3 руб. 85 коп. сложить»⁴.

Село в это время состояло из двух улиц – Мозоловка и Беляева угла – и одного порядка под названием Малинки.

Одним из симптомов напряженности в сельских районах страны в период Первой русской революции 1905–1907 гг. стала волна ограблений храмов, прокатившаяся по Рязанской епархии. В 1906 г. явление достигло апогея – было зарегистрировано 55 криминальных эпизодов. Тогда были ограблены Богоявленская церковь г. Скопина, приходские храмы в селах Гремячке и Мшанке. Похищавшиеся суммы в основном были довольно скромными – в пределах 30 рублей. В октябре 1906 г. ограблению подверглась Архангельская церковь села Петрушина. Здесь добыча преступников оказалась крупной – похищенная сумма составила 1575 рублей. Несмотря на усилия следствия, в случае с петрушинским храмом, как и в большинстве других аналогичных эпизодов в Рязанской губернии, обнаружить похитителей так и не удалось⁵.

В 1912–1914 гг. в храме во имя Св. Архистратига Михаила в селе Петрушине служил священник Александр Григорьевич Князев⁶. Деревянная церковь снаружи была обшита тесом и окрашена, ее железная крыша была выкрашена медянкой. В 1914 г. при храме была 1 десятина 516 саженьей (1,33 га) усадебной земли и 32 десятины 332 сажени (35 га) пахотной. В селе было 205 дворов, в которых проживали 783 мужчины и 793 женщины⁷.

Среди уроженцев Петрушина, принимавших участие в Первой мировой войне 1914–1918 гг., стоит отметить Федора Александровича Батуркина (1894–?), с января 1914 г. служившего в 24-м саперном батальоне Русской императорской армии. В 1916 г. он стал кавалером Георгиевского креста 4-й степени и был произведен в младшие унтер-офицеры⁸.

В 1917 г. в селе Петрушино Князевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 212 дворов. Население села возросло до 849 мужчин и 816 женщин⁹.

Советская власть в селе, как и повсеместно в Скопинском уезде, была установлена в декабре 1917 г. В 1918 г. был создан Петрушинский сельсовет. Интересной жанровой зарисовкой, весьма точно характеризующей атмосферу жизни в Петрушине в первые годы советской

¹ Сведения за 1902 год. Скопин, 1904. С. 44; Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 22–23.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 274.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 632–633.

⁴ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. Скопин, 1911. С. 222

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 23 (1 декабря 1906 г.). С. 563–564, 567.

⁶ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань, 1914. С. 446.

⁷ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 597–598.

⁸ ГАРО. Ф. Р-2657, оп. 4, д. 177.

⁹ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 146.

власти, является с юмором написанная заметка «После съезда», появившаяся в скопинских уездных «Известиях» в марте 1919 г.: «Ага! Вот и Фетис Митриев, тоже товарищи!» – крикнул молодой человек. “А ну-ка, Митриев, расскажи, что там у вас было?” – раздался голоса. “Кого вы там выбрали? Кто в продовольствие-то влез? А в земельный-то кто, Чубаров что ли?” И засыпали разными вопросами нашего Митрича, который был избран на перевыборы совета в г. Скопин. А он стоит и не знает, кому и на какой вопрос ответить. “Да что вы его спрашиваете, коли он сам не знает зачем ездил!” – с жаром сказал средних лет мужик. – “Небось они знают, когда пришлют им бумажку взять чего-нибудь с нашего брата, лошадей, тялеги, или еще чего-нибудь”. И вместо того, чтобы выслушать делегата, пошли разные споры, кто и про что мог. Но вот помаленьку утихли и нашелся один молодой парень, который и спросил толком: “Ну что же, кого избрали-то?”. “Да я, право, не помню всех, – ответил Митриев, – но слышал, кого-то арестовали и даже не одного, а несколько, и упреки некоторым давали за то, что самогонку пили, и еще кое о чем были прения”. С этим закончил свой доклад наш выборный Митрич. Теперь я бы спросил нашу волость, неужели во всей волости не нашлось людей, которые соответствовали бы своему назначению? И я скажу, что есть такие. Но почему-то они прячутся и не хотят послужить для блага народа, а даже смеются...»¹

В 1925 г. волости Скопинского уезда укрупнили, и с тех пор Петрушино относилось к Побединской волости. Весна 1925 г. оказалась неудачной для местных земледельцев. Скопинская газета «Коллектив» с тревогой сообщала: «В селе Петрушино Побединской волости озимых погибло четвертая часть, и за недостатчей яровых семян поля почти не пересеяны. Деревня в настоящее время переживает голод, из 246 домов только в 35 есть продовольствие до нового урожая»².

Многие проблемы сельской жизни были следствием дефицита грамотных управленческих кадров. В Петрушине бесхозяйственность была серьезной проблемой, за которую в уездной прессе не раз критиковали руководство сельсовета. Так, например, заметка анонимного селькора «Плохой хозяин», появившаяся в скопинской газете «Коллектив» в марте 1925 г., с первых строк расставляла точки над «и»: «Председатель Петрушинского сельсовета Ларин Г.П. – плохой хозяин района. Пожарный обоз у него расхищен: нет ни бочек, ни рукавов, ни багров, а машина стоит под открытым небом и портится. Обиднее же всего то, что на ремонт обоза были собраны с граждан деньги еще в 1923 г. Мосты везде разрушены, проезжие дороги – неисправны. Лесная дача тает с каждым днем. А председатель Ларин и в ус не дует, он способен только на выпивку. Ненавидит Ларин того, кто пишет про него в газету: “Эх, если бы я узнал, кто меня в газете протаскивает! Я бы уж справился с ним”. От редакции: Вряд ли удастся Ларину узнать имя селькора. А вот насчет “расправы”, надеемся, что она не заставит себя долго ждать, только... кого она коснется?»³

В 1929 г. историческое административное деление на волости, уезды и губернии ушло в прошлое. Петрушино стало населенным пунктом Скопинского района, включенного в Центрально-Промышленную область, которую до конца года переименовали в Московскую.

Свет на историю создания местного колхоза проливают статьи под общим заголовком «Рождение колхозов», опубликованные журналистом Г. Неклюдовым в газете «Авангард» за

¹ Известия, № 17 (16 марта 1919).

² Коллектив, № 55 (28 мая 1925).

³ Коллектив, № 29 (12 марта 1925).

1930 г.: «Из густонаселенных и малоземельных скопинских сел и деревень каждой весной, как стаи перелетных птиц, тянулся на север, под Орехово-Зуево, на шатурские и прочие болота, торфушки. Уезжают в Тверь, Воскресенск кирпичники и землекопы. Пустеют весной и летом Петрушино и Велемья.

Не интересовались здесь так, как в других районах, кормилицей-землей. Легко, «за дешевую копейку» переходила она от сезонников к многолошадникам. Туговато приходилось беднякам, проедавшим свой заработок, полученный на торфах. Еще хуже было тем, кто вынужден был остаться дома, а не имел ни сохи, ни бороны. Зато пожитуха была для кучки зажиточных, для съемщиков и испольщиков, быстро перераставших в кровососов-кулаков. За счет урожая с со съемной земли с каждым годом все больше и больше обрастали жирком, кряжистее становились «благодетели». Росли у них кирпичные, под железом, избы и <...> дворы, множился скот. Трудно было в одиночку бороться с «благодетелями» бедноте.

Но вот зимой в 1929 г. подул и над Петрушиным свежий колхозный ветер. Заговорили настойчиво о колхозе активисты-батраки и бедняки. Зашушукались кулаки и подкулачники. Слушки разные пускать стали. Запугать пробовали.

И все же 5 февраля 1929 г. родилось Петрушинское товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ) на 30 дворов, при 6 лошадях. Кулачье, как воронье, каркало:

- Не жилец он на белом свете, до весны и то не дотянет.
- Ишь, голоштанники, что задумали – сопча обрабатывать.
- Под нас, под «ренду» нашу подкоп вести норовят....
- Плюнь, куманек, на них. Все равно толков не будет. Подерутся меж собой на шабаш...
- На чем в поле-то поедут? Верхом на палочке штоль?

Готовились ранней весной 1929 г. к выезду в поле колхозники. «Готовились» и кулаки. Откололи от колхоза 12 хозяйств...

Апрельское солнце, как добрая мать, ласково облило все поле теплыми лучами. Улыбка-ми заиграло по лицам колхозников, первыми выехавших в поле. Под колхозными плужками и сохами покорно расступается по сторонам борозд осушенная солнышком и весенним ветерком земля. Гребни влажных черных волн ложатся отвалами по краям широкого поля.

Но что это?

В бешеной ярости вдруг забился о медные бока колокола железный язык. «Бам... бам... бам...» – Пожар! Повалили на набат петрушинцы... Вон на околице большим пятном замаячила толпа. Постояла с минуту и черной лохматой волной сюда на пашню, на первую колхозную борозду повалила.

Окружили горсточку красных пахарей. Как злые осы загудели настроенные кулаками подкулачники. Бывший лишенец Батуркин перед толпой машет бумажкой и орет во всю глотку: «Не давать пахать!»

– Вот, смотрите, что в бумажке написано: «Без обчества не имеют права отрезать нашу землю...»

«Верно... правильно!» – несетя из толпы.

– Чего там рассусоливать, по шеям их!

Гонят с поля горсточку колхозную распоясавшиеся горлопаны. С кулаками и колями наступают подголоски кулачные. Избивать агронома и колхозников было начали.

По 6 годков заработали себе на суде Батуркин, Ионкин и другие главари, но посеянное ими семя вражды к колхозу долго еще выширало из косых взглядов и крепких глоток «крепышей» и обманутой ими части середняков и бедняков.

Так из ТОЗа родился петрушинский колхоз “Красная звезда”¹.

«...Семенной фонд по всему Петрушину и Велемье был сыпан в петрушинской церкви. Значит, спокойно можно ждать первого большевистского весеннего сева – семена есть. Но в апреле, перед самым почти севом, опять зашушукались в Велемье и Петрушине кулаки, подкулачник и из подголки

– Жу!.. Жу!.. Церковь овсом загадили!

Как в котле опять забурлило... Заклокотало... Бабы в кучки собираться начали. А потом и “сплошное собрание устроили”.

Коноводом у них родственница раскулаченного Лягушина, горластая Федосья. Вон они уже и около церкви толпятся. Много их, за три сотни перевалило. Стрекочут, как галки взбудораженные, охочие до церкви и до слухов разных.

– Церковь Божию костомольцы опоганили, гвоздей в иконы святые набили!

– Правда истинная! – Ну, что ты говоришь? Вот тебе Христос, кума Аксинья, в окошко видала...

– Открывай церковь!

– Овес вышвыривай!

Больше всех кричала Федосья. Открыли им церковь, пустили туда “делегаток”. Перекрестили свои губы и животы «делегатки» – глазами как сверлами во все впились.

Овес как овес, лежит себе и теплых весенних деньков дожидается. Оглядели все стены и иконы. Ни одного свежевбитого гвоздочка нет...

– А это, мои милые, што такое? Глянь-ка, кума!

Из-под отвалившейся масляной краски выглянули две головки старых, ржавых гвоздей.

– Да это ж при царе горохе-вышивохе.

Все осмотрели внимательно:

– А говорили, костомол весь изгадил пол... А тут мышинное только...»²

Как выяснилось позднее, за активным сопротивлением петрушинцев деятельности 13 бедняцких хозяйств по организации колхоза в 1930 г. стояли местные кулаки Михаил Егоров, Иван Балабонов, Евсюхин, Ионов и другие. Егоров, Евсюхин и Нефедов были организаторами противодействия первой колхозной пахоте. Несмотря на их усилия, весной 1931 г. в колхозе «Красная звезда» состояло 253 хозяйства, а к весне 1933 г. – 379 хозяйств³. Михаил Дмитриевич Егоров (1861–?) и члены его семьи были раскулачены и высланы из села.

В 1930-х гг. «передовым бригадиром петрушинского колхоза был Егоров Иван Степанович, бессменный, начиная с 1924 г., член сельсовета. Его брат ушел добровольцем и погиб на деникинском фронте. Егоров И.С. был также в армии, в переменном составе в течение нескольких месяцев, где его политически «подковали». За 1932 г. он заработал 270 трудодней, а, например, другие бригадиры: Е. Глазков – 257, А. Глазков – 254, А. Клейменов – 247, А. Глазков с апреля 193 трудодня»⁴. К весне 1933 г. в колхозе «Красная звезда» работали 290 мужчин, 297 женщин и 196 подростков. Всего в нем было 9 бригад: 5 полеводческих, огородная, животноводческая, культурно-бытовая и обслуживания⁵.

В 1937 г. Петрушино вместе со Скопинским районом перешло из Московской области в новообразованную Рязанскую. На 1 января 1938 г. в Петрушинский сельсовет входило село

¹ Авангард, № 8 (15 ноября 1930).

² Авангард, № 10 (25 ноября 1930).

³ Побединский ударник, № 52 (5 марта 1933).

⁴ Побединский ударник, № 45 (24 февраля 1933).

⁵ Побединский ударник, № 61 (16 марта 1933).

Петрушино и деревня Велемья. В каждом из населенных пунктов работало по колхозу, имелось по одной торговой точке¹.

Согласно данным, собранным участниками Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, которая проводилась в 1939–1940 гг., в петрушинском колхозе «Красная звезда» по итогам 1938 г. было 124 лошади и 22 жеребенка, 30 коров и 10 телят, 78 свиней и 593 поросенка, 54 овцы и 56 ягненка. В течение года пали 1 жеребенок, 57 поросят и 5 овец, были проданы колхозникам по льготным ценам 415 поросят, 14 овец и 1 теленок². При колхозе действовал черепичный завод (находился к северу от села), на котором трудились 19 человек.³ На 1 января 1939 г. в Петрушине насчитывалось 264 двора, из них 254 с совокупным населением в 1237 человек состояли в колхозе «Красная звезда». За рамками колхоза оставались 219 жителей села. На трудодни колхозникам в 1938 г. было отчислено 14,2 % прибыли. Каждый из 508 трудоспособных колхозников выработал в среднем по 82 трудодня. Но «весили» они немного: на 1 трудодень в местном колхозе пришлось 0,8 кг зерновых и бобовых и 3 копейки деньгами...⁴

В первые месяцы начавшейся в 1941 г. Великой Отечественной войны забот у колхоза прибавилось, нужно было срочно перестраивать работу на новый лад, причем в условиях вызванного мобилизацией дефицита мужских рабочих рук. Приходилось и убирать урожай, и сразу же сеять озимые. Пожилые колхозники Ледихин Т.Н. (65 лет), Клименов М.С. (70 лет), Инночкин С.И. (72 года) показывали пример всем работникам. Комбайнов было мало, поэтому, не дожидаясь МТС, косили и вязали в снопы вручную. Основная нагрузка легла на женщин-колхозниц. Некоторые из них – А. Почтеннова, П. Евсюхина и другие – вязали по семь копен в дневную норму⁵. В 1942 г. для ускорения обмолота и эту работу пришлось выполнять по старинке, вручную. За 5 дней почти одни только женщины и подростки обмолотили рожь и овес с 105 га⁶.

В военные годы в петрушинском колхозе «Красная звезда» выпускалась стенгазета «За высокий урожай». В 1943 г. скопинский «Сталинец» писал о ней: «Газета призывает женщин: “Овладейте мужскими профессиями! Замените ушедших на фронт!” Отмечает хорошую работу колхозных стариков – шорника Видехина Т.И. и других. Стенгазета ставит в пример хорошую подготовку к севу в бригаде № 1, где заботливый бригадир Глазкова А.Е. Пишет о плохой подготовке коней в бригаде № 3, о нерадивости конюха Бадашкова А.М. Наступила пора весеннего сева, и стенная газета так же боевито продолжает свою почетную работу коллективного пропагандиста, агитатора и организатора масс.

– Всеми мерами добиться первенства в соревновании с колхозом “Восход”, – ставит задачу стенгазета и резко критикует тех, кто мешает выполнению этой задачи.

– В бригаде № 3 не выходят на работу Нефедова В., Глазков Ф.М., Балабанова Е.А. У них нет ни одного трудодня. Эти люди не хотят крепить тыл. Позор лодырям! В пример всем колхозникам стенгазета ставит отличную работу пахарей, женщин на копке земли вручную, сеяльщиков. Практикует выпуск специальных листов “Молния” в которых сообщает о замечательных делах колхоза или клеймит позором лодырей.

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Основные показатели народнохозяйственного плана 1937–1939 гг.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

⁵ Сталинец, № 131 (17 августа 1944).

⁶ Сталинец, № 1 (4 января 1942).

– Тракторист тов. Ионов, – сообщает, “Молния”, – за смену 24 апреля вспахал 7,11 га, выполнив задание на 280 %. Тов. Ионов, ты заслужил фронтовое спасибо! Стенгазета выпускает в тракторной бригаде боевой листок, где рассказывает об опыте тракториста Ионова, который не только сам хорошо работает, а и обучает еще молодых трактористов, затрачивая время сверх своей смены... Пишет о личном примере бригадира тов. Носова, который сам становится на работу, показывая молодежи как надо ее проводить. О хороших пахарях и сеяльщиках. О замечательной инициативе комсомольско-молодежного звена высокой урожайности, заслужившего авторитет у колхозников своей прекрасной работой на прикрепленном участке... Резкой критикой недостатков и передачей лучшего опыта работы стенгазета оказывает колхозу большую помощь в успешном разрешении стоящих перед ним задач. В первые дни сева пахарь Глазков Емельян лениво работал, не выполнял норм. Стенгазета резко поставила вопрос: “Лодырь – предатель. В военное время так не работают”. Заметка подействовала Глазков Е. стал одним из лучших пахарей. Снижает качество газеты масса грамматических ошибок. В этом повинен коллектив учителей села Петрушина, который, кстати сказать, совсем не ведет агитационной работы в колхозе. Учителя должны помочь редакции в оформлении стенгазеты»¹.

Нисколько не принижая вклада петрушинских колхозников в дело приближения победы над врагом, необходимо все же признать, что решающее слово здесь все же принадлежало их ушедшим на фронт односельчанам. Некоторым из них удалось вписать имя родного села в историю не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны.

Александра Федоровна Акимова (1922–2012) на момент начала войны училась в Московском педагогическом институте. В июне 1941 г. она подала заявление о зачислении добровольцем в РККА, но была направлена на строительство оборонительных укреплений. В октябре 1941 г., когда был издан приказ о формировании женских авиационных частей, А.Ф. Акимовой удалось добиться своего зачисления в 588-й легкомобильный женский авиаполк ВВС. Поначалу она работала авиатехником, готовила самолеты к вылету, но стремилась летать сама и вновь добилась своего – старший сержант технической службы Акимова была переведена в стрелки-бомбардиры, а в марте 1943 г. стала штурманом авиаэскадрильи своего полка (обучилась новой профессии без направления в тыл, в перерывах между боевыми вылетами). Летчицы наносили ночные бомбовые удары по позициям и тылам врага. За доблесть и массовое героичество личного состава полк получил гвардейское знамя и стал именоваться 46-м гвардейским, позднее ему было присвоено почетное наименование «Таманский». Он 22 раза отмечался в приказах Верховного главнокомандующего И.В. Сталина.

Старший лейтенант А.Ф. Акимова в составе полка обороняла Дон и Северный Кавказ, затем освобождала Краснодарский край, участвовала в боях за освобождение Таманского полуострова, в Керченско-Эльтигенской, Крымской, Белорусской, Висло-Одерской и Берлинской наступательных операциях. К концу войны число боевых вылетов старшего лейтенанта А.Ф. Акимовой достигло 710 (по некоторым источниками – 715). Она была награждена орденами Красного Знамени (1944), Отечественной войны 1-й и 2-й степеней (1945), Красной Звезды (1943), медалью «За отвагу» (1942). В апреле 1945 г. летчица была представлена к званию Героя Советского Союза, но ее путь к высшему воинскому отличию оказался более трудным, чем ожидалось...

В октябре 1945 г. А.Ф. Акимова демобилизовалась из армии, окончила Московский педагогический институт и с 1952 г. преподавала гуманитарные дисциплины в Московском авиационном институте. В 1992 г. доцент А.Ф. Акимова вышла на пенсию. Лишь к 50-летию Великой Победы была восстановлена справедливость в отношении ее военных заслуг: ука-

¹ Сталинец, № 36 (9 мая 1943).

зом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина № 2259 от 31 декабря 1994 г. за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., старшему лейтенанту в отставке А.Ф. Акимовой было присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением знака особого отличия – медали «Золотая Звезда». До конца своих дней А.Ф. Акимова была активной участницей ветеранского и военно-патриотического движения.

Другому уроженцу Петрушина довелось внести решающий вклад в «заключительный аккорд» Второй мировой войны – боевые действия против императорской Японии на Дальнем Востоке. Леонид Сергеевич Миронов (1915–1991) с 1934 г. служил в Военно-Морском флоте, куда попал по комсомольскому набору. По окончании Высшего военно-морского училища им М.В. Фрунзе в Ленинграде он был направлен на Тихоокеанский флот, где служил на эсминце «Расторопный». В 1942–1943 гг. старший лейтенант, а затем капитан-лейтенант Л.С. Миронов командовал БЧ-2 эсминца «Разъяренный», который в составе отряда боевых кораблей ЭОН-18 выполнял боевые задачи Северного флота по конвоированию караванов судов СССР и союзников с военно-промышленными грузами. В 1943–1945 гг. на эсминце «Разъяренный» он участвовал в 44 боевых и набеговых операциях, в т. ч. по обстрелу вражеского порта Варде в оккупированной Норвегии, в 10 десантных операциях, в т. ч. в Петсамо-Киркенесской наступательной операции 1944 г.

В мае 1945 г. капитан-лейтенант Л.С. Миронов с группой офицеров убыл на Аляску (США), где принял под свое командование переданный советской стороне по ленд-лизу патрульный фрегат RF-34 «Лонг Бич», включенный в состав Тихоокеанского флота под названием «ЭК-2». 13–16 августа 1945 г. фрегат участвовал в десантной операции Тихоокеанского флота с целью овладения японской военно-морской базой Сейсин (ныне г. Чхонджин, КНДР). Л.С. Миронов «с мостика лично руководил огнем артиллерии по поддержке частей десанта. Огонь артиллерии был эффективен и точен. Только на одном направлении было уничтожено 19 дзотов, 7 пулеметных и 19 огневых точек, убито 19 офицеров и около 100 солдат». За двое суток боев на фрегат поступило большое количество раненых, которых по приказанию командира 13-й бригады фрегат Л.С. Миронова доставил во Владивосток. А 22–23 августа 1945 г. командир фрегата «ЭК-2» капитан-лейтенант Л.С. Миронов успешно высадил десант на южной оконечности острова Сахалин в порту Маока (ныне г. Холмск Сахалинской области). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 г. за мужество и героизм, проявленные в борьбе с японскими милитаристами, капитан-лейтенанту Л.С. Миронову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В послевоенные годы Л.С. Миронов продолжал службу в ВМФ СССР, сначала на Тихом океане, затем в составе Краснознаменного Балтийского флота. В 1960 г. он вышел в запас в звании капитана 1-го ранга и до конца своих дней жил в Риге (Латвийская ССР).

В 1943–1946 гг. село Петрушино в составе Скопинского района вновь находилось под юрисдикцией Московской области, затем было возвращено Рязанской области. В 1950 г. в рамках линии на укрупнение рязанских хозяйств к петрушинскому колхозу «Красная звезда» присоединили колхоз «Восход» деревни Велемья. Новое большое хозяйство получило в свое распоряжение 2000 га земли и 500 трудоспособных колхозников, крупные животноводческие фермы, мельницу, просорушку, лесопилку. Его председателем стала Варвара Мартыновна Юдина¹. К 1951 г. в укрупненной «Красной звезде» было 233 головы крупного рогатого скота, 201 поросенок, 257 овец².

¹ Сталинец, № 86 (25 июля 1950).

² Сталинец, № 103 (7 сентября 1951).

В 1954 г. был ликвидирован Петрушинский сельсовет. Село Петрушино и деревня Велемья стали населенными пунктами укрупненного Князевского сельсовета. В 1958 г. петрушинский колхоз «Красная звезда» располагал 1550 га пахотной земли. Урожай в нем собирались невысокие: ржи – по 7,4 ц с га, зеленой массы кукурузы – по 300 ц с га, сахарной свеклы – и вовсе 70 ц с га¹.

В 1963 г. все колхозы Князевского сельсовета слились в один – «Заря коммунизма», куда, помимо Князева, Петрушина и Велемья вошла также деревня Осиново-Шилово. На территории сельсовета в 1967 г. действовали 2 клуба, 2 библиотеки, 2 медпункта, 2 начальные школы, Князевская восьмилетняя школа и Петрушинская средняя школа, колхоз «Заря коммунизма»².

В начале 1990-х гг. колхоз «Заря коммунизма» был преобразован в акционерное общество «Заря».

Начало XXI в. в селе Петрушине ознаменовалось настоящей экологической катастрофой в связи с распространением борщевика Сосновского. В середине XX в. это растение культивировалось как силосное. Впоследствии выяснилось, что оно легко дичает и проникает в естественные экосистемы. Листья и плоды борщевика богаты эфирными маслами, содержащими фуранокумарины – фотосенсибилизирующие вещества, которые при попадании на кожу могут повысить чувствительность к ультрафиолету, что может привести к ожогам (солнечным). Эти обстоятельства побудили к отказу от попыток его промышленного культивирования. Выделившая и описавшая вид ботаник-систематик И.П. Манденова назвала его в честь исследователя флоры Кавказа Дмитрия Ивановича Сосновского (1885–1952). По некоторым оценкам, борщевик в наши дни занимает более 1 млн га в Европейской части России.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Петрушино было включено в состав Корневского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в селе в это время постоянно проживали 218 человек – 83 мужчины и 135 женщин.

---

¹ Сталинец, № 148 (17 декабря 1958).

² Архив Скопинского района. Ф. 39, л. 2.

ПИСАРЕВО

деревня

(сельское поселение Горловское)

Основание помещичьего деревни Писаревки на землях Скопинского уезда Рязанской губернии относится к 1-й половине XIX в. Впервые она упоминается в окладной книге 1834 г. как собственность мичмана Алексея Александровича Писарева, в котором ему принадлежали 57 крепостных душ¹.

Основатель деревни отставной мичман флота А.А. Писарев (? –1856), владелец усадьбы в селе Орловке Епифанского уезда Тульской губернии, был представителем старинного дворянского рода, ведущего свою историю с XV в. Рано вышедший в отставку в небольшом чине, в 1830–1835 гг. он служил по выборам Епифанским уездным предводителем дворянства, был отмечен орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1835–1850 гг. А.А. Писарев был почетным смотрителем Епифанского уездного училища. При этом в 1843 г. он поступил на гражданскую службу в чине губернского секретаря, в 1845 г. был произведен в коллежские секретари, а в 1850 г. – в титулярные советники, был награжден орденами Св. Анны 3-й степени (1840) и Св. Станислава 2-й степени (1841).

В окладной книге 1850 г. «сельцо Писаревка» значится именем «титулярного советника Алексея Александровича Писарева». В селении за ним числились 44 крепостные души мужского пола и 18 дворовых людей². Карты Менде 1850 г. свидетельствуют, что в Писареве в это время насчитывалось 8 дворов. Хотя окладная книга и называет его «сельцом», но усадебного дома здесь еще не было, он появился позднее. Крестьянские избы располагались двумя короткими противоположащими порядками, протянувшимися с запада на восток. При селении действовала ветряная мельница, стоявшая к югу от дороги в село Хворощевку³.

В фондах Государственного архива Липецкой области имеется дело от 31 мая (11 июня) 1856 г. о взятии в опеку имения Лебедянского уезда коллежского асессора А.А. Писарева, помещика Тульской, Рязанской, Тамбовской и других губерний. В деле имеется «Опись недвижимому и движимому имению, <...> учиненная по случаю смерти означенного г-на Писарева и оставшихся после его малолетних детей: Рафаила, Сергея, Александры, Софьи и Лидии, опекунами: женой умершего, а ныне по второму мужу гвардии поручицей Софьей Ивановой Раевской, и гвардии поручиком Владимиром Артемьевым Раевским»⁴.

Следующим владельцем деревни стал губернский секретарь Рафаил Алексеевич Писарев (1850–1905), помещик Тульской губернии, владелец 1200 десятин (1308 га) земли в Епифанском уезде. В Писаревке, по данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., было 11 домохозяйств, в которых проживали 73 души мужского пола и 67 – женского⁵. По сведениям 1859 г., накануне отмены крепостного права

¹ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 204 об – 205.

² ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 248 об – 249.

³ Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

⁴ ГАЛО. Ф. 77, оп. 2, д. 168.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 122.

в «Писаревке, деревне владельческой при колодцах», лежавшей в 30 верстах от уездного города, насчитывалось 12 дворов, а население составляли 79 мужчин и 70 женщин¹.

После Крестьянской реформы 1861 г. Писаревка была включена в Горловскую волость Скопинского уезда Рязанской губернии. Известны некоторые подробности о выходе ее жителей из крепостной зависимости. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1862 г., значится «Скопинск[ого] уез[да] участка мир[ового] и.д. посредника Сафонова дер[евня] Писаревка наслед[ников] кол[лежского] ас[ессора]. А.А. Писарева, 73 д[уши]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 1857 саж[еней]. Грамота написана помещиком»². Так местные крестьяне стали «бывшего помещика Писарева временнообязанными». В 1876 г. между ними и наследником прежнего помещика была заключена выкупная сделка. Главная губернская газета сообщила о ее утверждении: «...Губернского секретаря Рафаила Алексеевича Писарева с крестьянами Скопинского уезда деревни Писаревки. Выкупной ссуды за это имение испрашивается от правительства 8 767 руб.»³.

Во 2-й половине XIX в. помещик деревни Писаревки губернский секретарь (ок. 1882 г. – коллежский советник, ок. 1888 г. – надворный советник) Р.А. Писарев проявил себя как видный деятель Епифанского уездного земства соседней Тульской губернии. В 1875–1895 гг. он исполнял обязанности почетного мирового судьи, как минимум с 1879 г. был гласным уездного земского собрания, с 1882 г. являлся одним из директоров уездного Попечительного о тюрьмах отделения, в 1886–1888 гг. избирался Епифанским уездным предводителем дворянства. С 1882 г. и до конца своих дней он упоминается как гласный Тульского губернского земского собрания от Епифанского уезда. В 1896–1905 гг. он был членом Сельскохозяйственной комиссии и комиссии по народному образованию при Тульской губернской земской управе, избирался их председателем.

Р.А. Писарев хорошо известен благодаря своим близким отношениям с семьей графа Л.Н. Толстого. Его сестра Софья Алексеевна была тещей сына писателя. В статье А.Л. Шемякина «В поисках прототипов. Раевские и Лев Толстой (География вопроса)», опубликованной в «Славянском альманахе» за 2007 г., с опорой на семейную хронику Толстых сообщается следующее: «...В 1888 г. второй сын Льва Николаевича, Илья, женился на Софье Николаевне Философовой. Ее матушка Софья Алексеевна происходила из фамилии Писаревых – “давних, – как указывает семейная хроника, – знакомых Толстых”. Кто же были эти Писаревы? В поисках ответа воспользуемся записками старшей дочери Ильи Львовича, Анны Ильиничны Толстой-Поповой. Для нас они просто бесценны.

«В очень давние времена, – начинает автор, – в 30–40-е гг. прошлого века (т. е. XIX в. – А.Ш.) жили два брата Иван и Владимир Артемьевичи Раевские. Второй брат, Владимир Артемьевич, никогда официально не был женат, но, оказывается, все пять человек детей Писаревых были его детьми. Сосед его по имению, старый и немощный Писарев, женился на молоденькой. Владимир Артемьевич совершенно открыто ездил к этой молоденькой красавице Писаревой. Каждого вновь появившегося ребенка старик Писарев усыновлял, и так шла жизнь...» И в итоге – «Владимир Артемьевич Раевский завещал свои земли незаконным детям», которые получили хорошее образование. Я всех их знала, людей всесторонне образованных и передовых... Лев Николаевич, – следует резюме, – со всеми встречался и со

¹ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 132.

² Рязанские губернские ведомости, № 38 (22 сентября 1862).

³ Рязанские губернские ведомости, № 102 (29 декабря 1876).

всеми был в хороших отношениях». <...> И здесь позволим себе одно уточнение к рассказу А.И. Толстой-Поповой, вполне достойное всей романтике сюжета. Утверждая, будто “Владимир Артемьевич никогда официально не был женат”, мемуаристка ошибается. После смерти старого Писарева вдова вышла-таки замуж за любимого человека, обвенчавшись с ним “в московской Николаевской церкви, что в Гнездняках”. Справка из Консистории подтверждает сей факт. “1856 года, февраля 17 числа, – читаем в ней, – женился отставной Лейб-гвардии Конного полка поручик Владимир Артемьев Раевский первым браком, 46 лет, взял за себя вдову коллежскую ассессоршу Софию Иванову Писареву, 41 года...” Но прожили вместе новобрачные недолго – в конце 1857 или самом начале 1858 г. В.А. Раевский скончался. Вдова же его, «гвардии поручица София Ивановна Раевская», обратилась в январе 1858 г. с прошением причислить ее “к роду покойного мужа со внесением в Дворянскую родословную книгу Тульской губернии”, что год спустя и было сделано. <...> Одна из этих «потаенных» Раевских – Софья Алексеева Писарева – и оказалась со временем в ближайшем в родстве с Л.Н. Толстым, на уровне же внуков – Ильичей – оба рода вообще пересеклись. Любопытны его отношения со старшим сыном Владимира Артемьевича Раевского Рафаилом Алексеевичем Писаревым <...>. О них “Семейная хроника” сообщает: “Еще молодым он был знаком с Львом Николаевичем, бывал гостем в Ясной Поляне”. Но однажды, в конце 60-х гг., “дядя Рафаше Писареву из жгучей ревности к Софье Андреевне Лев Николаевич подал лошадей в Ясной Поляне, взбешенный тем, что тот слишком уж весело и небрежно разговаривал с его молоденькой женой. Он поступил с гостем совершенно так, как сам описал это в “Анне Карениной” в истории с Васенькой Весловским. Впрочем, впоследствии старые недоразумения сгладились»¹.

Известный мемуарист, наследник епифанских помещиков князь С.М. Голицын в своих «Записках уцелевшего» сообщает о семейной истории Писаревых несколько иначе (впрочем, его сообщение отличается неточностью в именах, поэтому может исказить и какие-то события): «Из-за своей непомерной толщины отец Рафаила Алексеевича – Алексей Алексеевич Писарев (в действительности Александрович. – *Примеч. авторов*) не мог справляться со своими супружескими обязанностями. А к ним в Орловку постоянно ездил сосед, помещик Владимир Артемьевич Раевский... Был он холостяк, судя по портрету, жгучий брюнет с пышными черными усами и шевелюрой и видимо, считался неотразимым. И вот на удивление всего уезда, дети Писаревы стали рождаться тоже жгучими брюнетами. Одна из дочерей толстяка – Анна Алексеевна (в действительности Александра. – *Примеч. авторов*) – вышла замуж за графа Алексея Павловича Бобринского, и большинство его потомков, живущих у нас и живущих за границей, тоже брюнеты... Младший сын толстяка Сергей прославился иным путем. Приехав в Ясную Поляну в гости к Толстому, он вздумал ухаживать за его женой, и тогда ревнивый великий писатель посадил его в простую телегу и самым бесцеремонным образом изгнал из своего дома. А впоследствии этот эпизод он описал в “Анне Карениной”. Однако лица, знавшие Сергея Алексеевича Писарева, утверждали, что он совсем не был похож на незадачливого ухажера, выведенного Толстым под именем Васеньки Весловского»².

К сказанному остается лишь добавить, что А.А. Писарев и его семья постоянно проживали не в скопинской Писаревке, а в усадьбе на Дону при селе Орловке Епифанского уезда

¹ Шемякин А.Л. В поисках прототипов. Раевские и Лев Толстой (География вопроса). // Славянский альманах 2007. М: Изд-во «Индрик», 2008. С.291–293.

² Голицын С.М. Записки уцелевшего / Наше наследие. 2000. № 55. С. 99–175.

Тулской губернии, где и происходили все описанные выше события. Отношения же Р.А. Писарева и Л.Н. Толстого, насколько известно, до конца его жизни развивались нормально, он неоднократно посещал Ясную Поляну и не покидал круга постоянного общения писателя.

По переписи населения 1882 г. в Писаревке насчитывалось 25 домохозяйств, в которых проживали 78 мужчин и 80 женщин. Грамотными среди деревенских жителей были лишь 2 мужчин. На ревизскую душу приходилось 3 десятины (3,27 га) черноземной земли, на работника – около 6 десятин (6,56 га). Писаревские крестьяне дополнительно арендовали 70 десятин (76,5 га) пашни и лугов. 3 деревенских домохозяина считались бездомными, 3 крестьянских двора – безземельными, 6 – безлошадными, жители 4 дворов держали по три и более лошадей. В деревне был 1 каменный дом, топившийся «по-белому», все остальные 22 деревянные избы – «по-черному». При крестьянских жилищах было 17 плетневых дворов, 1 клеть, 1 амбар, 15 риг и овинов. Местными промыслами занимались 5 семей, в отхожих промыслах числились 16 местных мужчин¹.

Неурожаи 1891–1892 гг., похоже, серьезно подорвали скопинское помещичье хозяйство Р.А. Писарева при деревне Писаревке. Имение было заложено в Дворянском земельном банке, и случившийся недород не позволил ему погасить банку необходимые платежи по кредиту. В 1891 г. скопинское уездное земство отметило в своем финансовом отчете «случайный приход» в сумме 2 руб. – «с почты от дворянина Писарева на высылку ему удостоверения о неурожае в его имении»². А в апреле 1891 г. «Рязанские губернские ведомости» опубликовали следующее объявление: «Совет особого отдела Государственного дворянского земельного банка – за невзнос причитающихся платежей по кредиту было назначено к продаже имение при д. Писаревке Скопинского уезда Писарева Рафаила Алексеевича»³. Однако каким-то образом потери имения удалось избежать, т. к. он продолжал владеть им и в дальнейшем.

Как деятель Елифанского уездного земства, Р.А. Писарев активно сотрудничал с графом Л.Н. Толстым в работе на голоде 1891–1892 гг. В дневнике писателя, относящемся к 1892 г., имеется следующая запись: «На покупку хлеба: куплено через посредство Рафаила Алексеевича Писарева для столовых Рязанской и Тульской губерний 19 вагонов ржи и 2 вагона пшеницы <...>, 8 вагонов ржи для Самарской губернии...»⁴

По данным за 1905 г. в деревне Писаревка было 35 дворов, в которых проживали 113 мужчин и 98 женщин. При деревне существовал «господина Писарева хутор», где было 5 дворов и проживали 9 человек обоого пола⁵.

В 1908 г. в Писаревке насчитывалось 266 жителей. В деревне с конца 1906 г. работала земская школа, в которой учились два десятка детей. Школа была построена «при бесплатной перевозке со стороны сельского общества лесных материалов». Попечителем ее состоял крестьянин Иван Филиппович Гришин⁶.

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 122–127.

² Отчет о состоянии и движении земских сумм, состоящих в ведении Скопинской уездной земской управы за 1891 год. Скопин, 1892. С. 14–15.

³ Рязанские губернские ведомости, № 25 (3 апреля 1891).

⁴ Толстой Л.Н. ПСС. Т. 29 [юбилейное изд. 1828–1928]. С. 153.

⁵ Населенные места Рязанской губернии / составлены под ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 630–631.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIII 1907 года созыва. Скопин, 1908. С. 68; Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года созыва. Скопин, 1909. С. 319.

В 1914 г. жители Писаревки, в которой насчитывалось 35 дворов, а население составляли 131 мужчину и 125 женщин, являлись прихожанами Христорождественской церкви села Затворного¹.

В 1917 г. в деревне Писаревке Горловской волости Скопинского уезда Рязанской губернии значилось 45 дворов, в которых проживали 151 мужчина и 154 женщины². По данным за 1926 г. в деревне было уже 57 дворов, в которых проживали 289 человек³.

С отменой исторического административного деления на волости, уезды и губернии, в 1929 г. Писаревка стала населенным пунктом Горловского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

Колхоз в Писаревке образовался ок. 1930 г., однако его названия, похоже, менялись несколько раз. Весной 1931 г. горловская районная газета «Ленинская искра» писала о том, что в писаревском колхозе «Красная заря» весной было 3 лошади, 2 плуга, 2 бороны и прочее оборудование. В мае 1931 г. газета сообщала: «Писаревский колхоз “Красный поворот” закончил весенний сев. Полевые работы прошли с большим энтузиазмом колхозников. Сейчас перед колхозом боевая задача – увеличить свои ряды, доказав единоличникам на своих первых положительных примерах выгоду коллективного хозяйства»⁴. В 1933 г. писаревский колхоз был переименован в честь А.А. Андреева.

В 1937 г. деревня Писаревка Ново-Александровского сельсовета в составе Горловского района была передана из Московской области в новообразованную Рязанскую.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., имеется следующая характеристика Писаревки: «Местность ровная, слегка возвышенная и сравнительно сухая. Земля – чернозем с глубиной $\frac{3}{4}$ вершка, подпочва глина. Пруд и 9 колодцев, глубина 2–4 аршина. Занятие: земледелие и отход на торф»⁵.

Как свидетельствуют топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.), в деревне Писаревка в это время насчитывалось 47 строений. Планировка населенного пункта стала напоминать замкнутый прямоугольник.

К концу первого года Великой Отечественной войны деревня Писаревка на некоторое время оказалась на оккупированной врагом территории. По счастью, до начала советского контрнаступления в битве под Москвой в первых числах декабря 1941 г. в деревню успели заглянуть лишь несколько немецких разведгрупп.

После изгнания фашистов люди искренне стремились оказать посильную помощь сражавшейся Красной армии. В Писаревке «каждый колхозник <...> стремился сдать хлеб из личных запасов. Балабанов Д.Т. сдал 12 пудов, М.Ф. Долгих 6 пудов. Председатель колхоза Грачев 18 пудов, а всего 100 пудов». Колхозники сельхозартели им. А.А. Андреева Ново-Александровского сельсовета сдали государству 40 ц зерна. Таков был вклад жителей Писаревки в снабжение фронта в одном только в декабре 1942 г.⁶

«У Акулины Дмитриевны Адовой на фронте было 2 сына, и она на всякое мероприятие откликалась. Собирали деньги на танковую колонну “Рязанский колхозник”, пришла старая

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 564.

² ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 140.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик Сводной таблицы населенных пунктов Горловского р-на

⁴ Ленинская искра, № 26 (23 мая 1931).

⁵ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59.

⁶ Ленинская искра, № 31 (27 декабря 1942).

женщина и попросила: “Возьмите от меня 100 рублей на танки. Ведь много танков будет, и немца скорей побьют, и соколы мои родные домой вернутся”. Председатель сельсовета Е.С. Степанова внесла свой двухмесячный заработок». Таким примерам следовали и многие другие окрестные жители¹.

На фронте за родную деревню сражались немало ее уроженцев, в том числе гвардии ефрейтор Степан Григорьевич Фомин (1923 –?), минометчик минометной роты 127-го гвардейского стрелкового полка 42-й гвардейской Краснознаменной Прилуцкой стрелковой дивизии Воронежского фронта. В октябре 1943 г. он был награжден медалью «За боевые заслуги» за то, что «на правом берегу Днепра при отражении контратак противника храбро сражался за занятый огневой рубеж и отстоял его»².

В первые послевоенные годы председателем колхоза им. А.А. Андреева был В. Семенов. В 1946 г. горловская районная газета «Ленинская искра» сообщила о работе хозяйства: «В колхозе им. Андреева отремонтированы и убраны в надлежащие помещения, все бороны, плуги и сохи. Конюхи – демобилизованный Г.Е. Фомин и инвалид войны И.И. Фомин добросовестно относятся, приходят в ночное время задать корм»³.

В 1953 г. к Затворнинскому сельсовету были присоединены Ново-Александровский и Хворощавский сельсоветы (позднее Ново-Александрово перешло в Горловский сельсовет, а Писаревка осталась в Затворнинском). В июле 1958 г. писаревский колхоз им. А.А. Андреева был присоединен к колхозу «Память Ильича» села Затворное. Общая площадь земельных угодий укрупненного колхоза к 1964 г. составляла 4068 га⁴.

В 1959 г. в Рязанской области был ликвидирован Горловский район. Его населенные пункты, в том числе и деревня Писарево, вошли в состав соседнего Скопинского района.

В 1965 г. Затворнинский сельсовет включал село Затворное и деревню Писарево. В Затворном работала восьмилетняя школа, клуб, медпункт, в Писареве – начальная школа⁵. Колхоз «Память Ильича» просуществовал до 1993 г. Позднее в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» он был преобразован в акционерное общество.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Писарево была включена в состав Горловского сельского поселения.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в селе в это время постоянно проживали 5 человек – 3 мужчины и 2 женщины. Однако жилых домов в небольшой деревне сейчас около 10. Видимо, некоторые из них используются потомками местных жителей как дачи.

¹ Ленинская искра, № 79 (20 декабря 1942).

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, д. 1109, л. 235.

³ Ленинская искра, № 5 (20 января 1946).

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 256, лл. 1–2.

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 415, л. 1.

ПОБЕДИНКА

поселок городского типа

(городское поселение Побединское)

Появление поселка Побединка тесно связано с эпохой реформ императора Александра II – отменой крепостного права, состоявшемся в 1861 г., и последующим переходом страны на капиталистический путь развития. Динамичное развитие промышленности и транспорта, прежде всего – сети железных дорог, резко повысило спрос на основной энергоноситель эпохи – каменный уголь.

Сталинский нарком угольной промышленности Д.Г. Оника в своей книге «Подмосковный угольный бассейн. 1855–1955» (1956) отмечает: «До середины XIX в. разведка и разработка подмосковных углей велись крайне нерегулярно. Вслед за энергичными поисками и испытаниями углей, попытками их промышленного использования работы забрасывались на годы и целые десятилетия. Это объяснялось не только трудностями сжигания многозольных углей Подмосковья, но главным образом общей технической отсталостью страны»¹.

В 1860–1870-х гг. ситуация изменилась – на подмосковный уголь появился устойчиво растущий спрос, и в уездах Московской, Тульской и Рязанской губерний одна за другой начали открываться шахты. Д.Г. Оника пишет: «В 1868 г. вступили в эксплуатацию Оболенская копь (около деревни Новоселебной) и Чулковская (около деревень Чулково и Побединка)»². «Побединские шахты существовали с 1869 г.»³, в унисон ему подтверждали местные жители скопинской газете «Сталинец» в 1950 г. В любом случае, к началу 1870-х гг. какое-то поселение при шахтах Чулковской компании каменноугольного производства в близ села Воскресенского, Победное тож Корневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии уже должно было существовать. Оно, скорее всего, состояло из административного здания компании и немногочисленных землянок горняков. Как отмечает Д.Г. Оника, «над шахтой обычно строили невысокие деревянные здания с конюшнями для лошадей, вращающих конные ворота. Вблизи шахты ставилось небольшое рубленое или засыпанное землей строение – шахтная контора; тут же – несколько землянок. <...> Подмосковный горняк тогда не был кадровым рабочим. Будучи занят на шахте обычно не весь год, он не терял связи со своим крестьянским хозяйством. Рабочие набирались из окружавших рудники деревень. Шахтовладельцы, пользуясь этим, не строили для них жилищ. <...> Землянки строились лишь для небольшого числа пришлых рабочих. Горнякам приходилось спать вповалку, на нарах. Здесь, в грязи и духоте, они готовили себе пищу, ели, отдыхали, сушили одежду и обувь. Сюда же забегали на время – отогреться – и рабочие, жившие в деревнях»⁴.

Первый пик добычи угля на шахтах Подмосковного бассейна пришелся на время открытия Рязско-Вяземской железной дороги в 1874 г. и период резкого повышения грузооборота железнодорожного транспорта во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В середине

¹ Оника Д.Г. Подмосковный угольный бассейн. 1855–1955. М.: Московский рабочий, 1956. С. 35.

² Там же. С. 36.

³ Сталинец, №104 (3 сентября 1950).

⁴ Оника Д.Г. Подмосковный угольный бассейн. 1855–1955. М.: Московский рабочий, 1956 – С. 48.

1880-х гг. добыча угля здесь была значительной, «достигая на Чулковской копи 11,5 миллионов пудов, а на Побединской – 1 200 000 пудов»¹. Однако <...> начиная с 1880 г. производительность Подмосковского бассейна снова начала падать... <...> Это объясняется появлением в Московском и Тульском промышленных районах бакинского нефтяного топлива, которое своей низкой ценой вытесняло местный уголь. Подмосковский бассейн не выдержал конкуренции Баку и рудники вынуждены были сокращать добычу и даже закрываться»². Так, например, с 1 ноября 1890 г. прекратило работу Товарищество Побединских каменноугольных копей «Шибает, Тиль и Воронин», работавшее на землях селений Чулковские выселки, Побединка, Секирино и Чулковская шахта. На этих шахтах трудились около 1200 выходцев окрестных сел Победное, Чулково, Чулковские выселки, Секирино, Корневое, Дмитриево, Ермолино, Олышанка, Поплевино и др. «В 1897 г. в бассейне действовали только шахты на Товарковском, Побединском и Ясиновском рудниках с среднегодовой добычей в 11 млн. пудов (180 тыс. т) угля»³.

Криминогенная обстановка в стихийно выросшем шахтерском поселке была напряженной. В разделе происшествий «Рязанских губернских ведомостей» то и дело упоминались случившиеся здесь инциденты. Традиционным для русской деревни способом сведения счетов был поджог. Побединские шахтеры, не утратившие связей с крестьянским миром, в конфликтных ситуациях поступали так же. В январе 1882 г. губернская газета писала: «В ночь с 8 на 9 декабря Скопинского уезда на Побединских каменноугольных копиях в доме, занимаемом служащими в конторе, загорелся от неизвестной причины потолок, но пожар был вскоре прекращен; убытка понесено на 250 руб.»⁴.

В 1899 г. Чулковская компания каменноугольного производства была солидным предприятием, основной капитал которого равнялся 750 тыс. руб. В Московско-Рязанском горном округе она владела Чулковской буроугольной копью, в Орловско-Тульском – Бобрик-Донской каменноугольной копью и до 1899 г. – Чулковской каменноугольной копью в Области Войска Донского, которая впоследствии перешла к Горнопромышленному обществу на Юге России⁵.

На рубеже XIX и XX вв. шахты Чулковской компании стали собственностью немецкого, а затем бельгийского капитала. В 1898 г. было создано Бельгийское акционерное общество каменноугольных копей при селе Победном, получившее известность за рубежом под названием *Charbonnages de Pobedenko*. Конечно, бельгийские акционеры заботились преимущественно о собственной прибыли, получение которой при слабо разработанных месторождениях и избытке чрезвычайно дешевой неквалифицированной рабочей силы большого труда не составляло. Об условиях труда скопинских горняков они задумывались не более, чем другие их соотечественники, эксплуатировавшие коренное население Бельгийского Конго. О состоянии побединских шахт нелегальная газета «Искра», орган Российской социал-демократической рабочей партии, в 1902 г. писала: «Довольно яркую картину того, как живет нашему рабочему, можно найти в положении рабочих в горном промысле. Вот как, например, живут рабочие на Побединском руднике Рязанской губернии. Начну с благоустройства

¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова. Т. 2. СПб., 1902. С. 487.

² *Оника Д.Г.* Подмосковский угольный бассейн. 1855–1955. М.: Московский рабочий, 1956. С. 40–41.

³ Там же. С. 41.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 2 (2 января 1882).

⁵ Список главнейших русских горнопромышленных компаний и фирм по официальным данным. (сост. И. Попов). СПб., 1899. С. 158–159.

шахт. Спускаться в них (30–50–60 аршин) приходится без помощи, так как таковая предназначена только для подъема угля и начальства. Лестницы – вертикальные, деревянные: сверху с боков течет целыми ручьями грязь – смесь воды с углем. Не удивительно, если, сделав это путешествие, окажешься достаточно измученным. Вода и в шахте, вода и в штольнях. По дну их прорыты канавы, местами до трех четвертей аршина, они всегда наполнены водой и никогда не прикрыты. В них часто приходится принимать холодную ванну. Так как шахты не “газовые”, то работают с простыми лампочками, от которых идет страшный чад и дым, что еще более чувствительно, потому что вентиляция везде “естественная”.

Часть рабочих живет в окрестных деревнях, в своих разоренных избах (работа на руднике не только не улучшает жизни крестьян, а напротив, вытягивает все жилы). Другая часть живет в казармах, причем на 18 кв. аршин одноэтажного здания приходится до 100 человек жильцов. Является вопрос: где же, собственно, лучше этому рабочему – под землей или на земле? – Никаких развлечений, ни одного просветительного учреждения, кроме близлежащей «казенки» (казенной винной лавки. – *Примеч. авторов*). Нет даже близко школы – она стоит верстах в семи. В добавление ко всему этому заработная плата нищенская. Забойщики (аристократия рудничных рабочих) получают за 12-часовой рабочий день 80 коп. зимой и 1 рубль летом. Колебание платы обусловлено уходом части рабочих на лето домой. Этим же объясняется и изменение количества рабочих: летом их 800–900, а зимой до 1500...»¹

В 1904–1917 г. директором-распорядителем Бельгийского акционерного общества каменноугольных копей при селе Победном работал бельгийский горный инженер Максимилиан-Пьер-Альфред Анкар (1871–1933). Он был уроженцем города Левена (Лувена), административного центра Фламандского Брабанта. Его профессиональная деятельность началась ок. 1895 г. на угольной шахте компании «Госсон-Лягасс» в местечке Монтене-Лес-Льеж. Вскоре подающий надежды молодой горный инженер был приглашен на работу в Россию, где изменил свое имя на русский манер, став Максимом Альфредовичем Ганкаром. Сначала он трудился на шахтах Донецкого угольного бассейна – на Прохоровских каменноугольных копях с главной конторой в Юзовке² Екатеринославской губернии, затем на шахтах Алмазного каменноугольного акционерного общества близ Кадиевки³. Позднее работал для Таганрогского металлургического общества, занимал должность заместителя управляющего каменноугольных копей с коксовой фабрикой при селе Макеевка⁴ Таганрогского округа Донской области, принадлежавших Русскому Донецкому обществу каменноугольной и заводской промышленности. Оттуда М.А. Ганкар перешел на работу в Скопинский уезд. В 1904–1917 г. он одновременно являлся начальником узкоколейной Чулковской железной дороги, построенной в конце XIX в. для подвоза добытого в шахтах угля к станции Скопин-Чулковский Сызрано-Вяземской железной дороги. С именем М.А. Ганкара связана целая эпоха в истории дореволюционной Побединки.

Низкая оплата труда толкнула рабочих побединских шахт к выступлению против администрации во время Первой русской революции 1905–1907 гг.: «22 мая (4 июня) 1905 г. в 10 часов вечера на Побединском руднике Бельгийского акционерного общества рабочие шахты № 8 в числе 120 человек прекратили работу, они предъявили администрации шахт требование об увеличении платы за сдельные работы по выработке угля. Директор-рас-

¹ Искра, №23 (1 августа 1802).

² Ныне г. Донецк (Украина / ДНР).

³ Ныне г. Стаханов (Украина / ЛНР).

⁴ Ныне город (Украина / ДНР).

порядитель Ганкар согласился прибавить по 0,03 руб. за каждый добытый вагончик угля, после чего работы возобновились. Но вскоре встала шахта 37, при этом рабочие ссылались на шахту № 8, где оплата была повышена. Ссылаясь на то, что дела рудника находятся в плохом состоянии, Ганкар отказал. Рабочие, не удовлетворившись, с песнями и импровизированным флагом (к палке был прикреплен красный платок или рубаха) направились к шахте № 8 и склонили их на свою сторону. По прибытию на шахты из Скопина роты солдат 1 (13) июля волнения на время улеглись, но на другой день возобновились, в ночь на 13 (26) августа 1905 г. рабочие шахты № 8 потребовали увольнения штейгера Баженова, который крайне грубо обращался с рабочими и добились своего. Вновь директор-распорядитель сообщил о новой готовящейся забастовке уже 2 (14) октября исправнику, который прибыл на шахту № 8 с ротой солдат в 6 часов вечера. Исправник остался до следующего дня, утренняя смена заступила в половинном составе. Ночная смена также полностью не пришла. Было предъявлено требование об увеличении расценок за работы. Директор в прибавке отказал, 4 (16) октября к работе не приступили. Денная смена примкнула к ночной. Возбужденные рабочие сделали некоторые повреждения в первом отделении шахт и направились к конторе. Но дорогу им пресекла воинская команда. Рабочие жаловались на значительную тяжесть новых вагонеток и требовали увеличения расценки. Директор категорически отказал в этом. На шахты был вызван горный инженер Колыбаев для технических разъяснений. Во второй половине октября 1905 г. рудником был получен аванс от Сызрано-Вяземской железной дороги в сумме 28 000 рублей. Это дало возможность продолжать работу полным ходом, 22 октября (4 ноября) исправник с воинской командой вернулся с рудников в Скопин и телеграфировал губернатору: «Все рабочие на руднике, за весьма малым исключением, встали на работу и ведут себя покойно».

Среди рабочих рудников в основном были крестьяне окрестных сел, которые в обосновании своих требований не отличались грамотностью. Полиция, учитывая их местное жительство, всегда имела об организаторах нужную информацию и возможность воздействия на них. Поэтому в силу неорганизованности выступлений они квалифицировались как привлеченные «за беспорядки». В Рязанском окружном суде за 1907 г. находились три дела. Привлеченные за беспорядки, фигурировали рабочие Василий Михайлович Прохорюшкин, Егор Иванович Беспаликов, Иван Ефимович Бурчихин, Павел Иванович Солдатов, Иван Никитич Сырцов и др. Однако все они за недостаточностью улик в предъявленном обвинении за подстрекательство к забастовке по суду были оправданы¹.

О жизни в поселке в 1900-х гг. можно судить по рубрикам происшествий губернских газет. В 1907 г. одна из них сообщала: «11 (23) августа в 2 ч. ночи в помещение кассы при конторе Воскресенского товарищества каменноугольных копей при селе Победном забрались воры. Разбивши стекла в окнах и перерезав телефонный провод, воры покушались взломать в конторе нестораемый шкаф, где хранилось около 300 рублей. Но это им оказалось не под силу, и они, никем не замеченные, скрылись»². «11 (23) сентября на руднике Акционерного общества каменноугольных копей при селе Победном во время работы на шахте № 10 упал в шахту на глубине 27 аршин крестьянин села Корневого Григорий Титов Чекмачев, 18 лет, получивший во время падения перелом левой ноги и перелом одного ребра. Пострадавший помещен на излечение в заводскую больницу»³.

¹ 1905 год в Рязанской губернии. Рязань, 1925. С. 130–131.

² Рязанский вестник, № 215 (19 августа 1907).

³ Рязанский вестник, № 248 (23 сентября 1907).

Побединские копи были одним из основных поставщиков угля для Сызрано-Вяземской железной дороги. В отчетном докладе 1910 г., посвященном взаимодействию с железной дорогой, М.А. Ганкар отмечал: «Акционерное общество состоит уже более сорока лет одним из самых крупных поставщиков топлива на Сызрано-Вяземскую железную дорогу. <...> ... Представительствуемые мной копи занимают до 2000 рабочих и довольно большой штат служащих, имеют мастерские, депо для паровозов, имеют своих 5 паровозов и 90 вагонов, идущих в обмен»¹.

С подачи М.А. Ганкара, на Побединских копиях ставились опыты брикетирования местного угля. Для изготовления угольных брикетов из мелочи в 1911 г. был построен завод на станции Брикетная, вблизи Скопина. Однако первое время он работал нерегулярно. В 1912 г. М.А. Ганкар, ходатайствуя перед Скопинским уездным земством о сложении с завода земского сбора «вследствие бездействия его», писал: «Брикетный завод, пущенный в ход в конце 1911 г., встретил большие затруднения ввиду того, что наш уголь особенно труден для брикетирования. Решили сделать изменения – мыть уголь и смешивать его с некоторым количеством донецкого»². Как подтверждает в своей книге Д.Г. Оника, проведенные опыты «показали, что при небольшой примеси мелочи донецкого угля марки «Г» (газовый) из подмосковной мелочи получаются брикеты удовлетворительного качества»³. Скопинское уездное земское собрание, почувствовав перспективный характер начинания, отклонило прошение о сложении сборов. «Однако, чтобы не допустить конкуренции подмосковного брикета, синдикат «Продуголь», контролировавший сбыт почти всей добычи Донецкого бассейна, поднял цену на мелочь марки «Г», и брикетный завод, не проработав года, был остановлен»⁴.

Начало 1910-х гг. стало временем застоя для угольной промышленности Подмосковного бассейна. В условиях конкуренции со стороны донецкого угля и бакинской нефти местный бурый уголь находил сбыт лишь до тех пор, пока не доставало транспортных средств для дешевой перевозки этих энергоносителей в Центральную Россию. Тем не менее, в жизнь скопинских шахтеров постепенно приходили новые явления, делавшие ее если не комфортной, то более сносной. Так, как минимум с 1911 г. при Побединском руднике действовала больница. Ей руководил врач Самуил Исаакович Коган, в подчинении у которого находился фельдшер Дмитрий Пантелеймонович Бодеев⁵. Тем не менее общая картина местного быта и нравов оставалась удручающей. Вспоминая о дореволюционной Побединке, почетный шахтер Е.Б. Чесноков писал: «В те годы отец мой, Борис Васильевич, жил в Побединке и работал на руднике. Когда мне исполнилось 16 лет, пришлось вместе с ним спуститься в шахту. Жили мы тогда в полуразвалившейся избенке, в семье было 10 человек. Трудно было отцу прокормить нас. Вот он и взял меня на рудник. Бывало, отработаем в шахте 12 часов, а после снова гнем спину на нищенском клочке земли, чтобы как-нибудь свести концы с концами. Условия труда на руднике были тяжелые, все делали вручную, о машинах и помину не было. Весь наш

¹ Доклад директора-распорядителя Акционерного общества Каменноугольных копей в Побединке Рязанской губернии Скопинского уезда Максима Альфредовича Ганкар по вопросу о покупке С.-В. ж.д. подмосковного угля, Тула, 1910. С. 4.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. Скопин, 1913. С. 211.

³ *Оника Д.Г.* Подмосковный угольный бассейн. 1855–1955. М.: Московский рабочий, 1956. С. 42–43. Автор, правда, относит открытие завода к 1907 г., что не подтверждается архивными фондами Скопинского уездного земства.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Рязанский адрес-календарь. 1911 год. Рязань, 1911. С. 650.

инструмент состоял из лома и кайла. Забои освещались плохо, в выработках постоянно царил могильный мрак. Примитивная лампочка, которую шахтеры иронически называли “Бог-помощь”, представляла собой плошку, заполненную обычной нефтью и снабженную фитилем. Плошка страшно коптила, в забое стоял невыносимый чад. Для проветривания забоев использовались скважины. На поверхности над ними ставили трубы с железными колпаками. В зависимости от направления ветра они повергивались так, чтобы в них поступал свежий воздух. Нечего и говорить, что при таких условиях труда шахтер был малопродуктивен. Проработав 10–15 лет на шахте, мы, здоровые от природы люди, выходили из строя, становились инвалидами на всю жизнь. Лишения и тяготы ожидали шахтеров на каждом шагу. День проходил в мрачном подземелье, короткие часы отдыха жизнь тоже не баловала. Бывало, придешь домой, а отдохнуть негде. Отцовская избенка топилась по-черному. Вся семья – постоянно в дыму да в угаре. Шахтеры из дальних деревень ютились в небольших грязных землянках, где было еще хуже, чем в нашей избе. <...> Дневной заработок забойщика не превышал рубля. В довершение ко всему нас штрафовали по всякому поводу. Неплотно насыпал уголь в вагонетку – плати, замешкался – плати, да всего и не припомнишь. Лишь в пасхальные дни шахотвладелец Ганкар проявлял “милость”, удостаивал своей снисходительностью углекопов. Когда группа углекопов приходила к его дому, он выходил на крыльцо и высокомерно бросал им в шапку жалкие гроши на вышивку...»¹

Еще один скопинский шахтер с дореволюционным стажем В. Лушанкин в 1950-х гг. вспоминал о работе на старом Побединском руднике: «До революции я работал у бельгийского капиталиста Ганкара на шахте № 13 в Скопинском уезде. Первое время был дворником, открывал и закрывал дверь во время проезда вагончика. Затем стал водоотливщиком. Качал воду ручным насосом, называемым “лягушкой”. Работал потом вагонщиком. Шахтеры работали в две смены, по 12 часов в сутки. Ходили на работу пешком, а жили за 4–9 км от шахты.

До наряда, т. е. в 6 часов утра, в первой смене забойщики доставляли лес-крепь к шахтному стволу и спускали его в шахту. Вагонщик отжигал в кузнице инструмент – два лома и два кайла, а потом спускался в шахту по лестнице. На поверхность поднимались тоже по лестницам с зажженными лампами-копилками, заправленными нефтью. Очень редко давали на заправку ламп плохое подсолнечное масло, которое рабочие экономили, чтобы поджарить картофель.

Вентиляторов в шахте не было, ловили воздух колпаками. Можно представить, какой воздух был в шахте, тем более что шахтерские лампы коптили от нефтяного фитиля. Рабочие из шахты выходили черными, видны были только одни зубы.

Никакой спецовки предприятие не давало. Работали кто в чем мог, покупали сами лапти и веревочные чуни. О технике безопасности и говорить нечего. Капиталист не заботился о здоровье горняков. Был только один фельдшер. Больничного пособия за время болезни не платили. Курортов и домов отдыха не было. Никаких поощрений рабочим не делалось, а их только штрафовали за разные пустяки.

Лав тогда не было. Работали два забойщика и делали подбойку ломами. Для этого подбирались забойщики такие – один работал с правой руки, а другой – с левой мог рубить уголь. Вагонщики гоняли вагонетки на расстояние до 400 метров, а там их брала конка. Оплата производилась за вагонетку по биркам и описи десятника. Заработок угольных рабочих равнялся 22–30 рублям. Платили один раз в месяц.

¹ Чесноков Е.Б. На прежней Побединке / О прошлом и настоящем скопинских шахтеров. Скопин: «Скопинский шахтер», 1957. С. 6–7.

Имелась при шахте лавка. Рабочие по книжкам брали в ней недоброкачественные муку, масло, керосин и прочее. В результате такого хитрого сплетения всех средств эксплуатации в царской России они даже не могли свободно тратить свой нищенский заработок.

Шахтеры по шесть дней жили в казармах с двярусными нарами, постельных принадлежностей не имели, спали кто как мог. Питались рабочие очень плохо, больше жарили картошку. В казарме бегали крысы и мыши, было холодно. Мылись рабочие только раз в неделю, по воскресеньям, у себя дома. Получку, как правило, получали под воскресенье на всю шестерку, т. е. на забой. Расчет производили на дому пропорционально выходам, на каждый выход поровну. С получкой начиналось пьянство.

В деревне не было никаких культурных учреждений. Имелись лишь кабаки и лавка. Жили очень бедно, даже не имели возможность купить часы-ходики. Ходили на шахту по петушину крику. Подавляющая часть рабочих находилась в долгу у кулаков»¹.

Д.Г. Оника пишет: «Значительного подъема достиг Подмосковный бассейн во время Первой мировой войны, когда транспорт России оказался не в состоянии доставлять достаточное количество донецкого угля в центральные районы. К тому же Россия лишилась Домбровского угольного бассейна (на территории Польши), прекратился ввоз иностранного угля. Поневоле пришлось снова обратить внимание на подмосковное топливо. Война вызвала в бассейне спекулятивную горячку. Цены на уголь непрерывно росли. Например, в феврале 1915 г. пуд угля стоил 13 копеек, в мае – 18, а в ноябре – 52 копейки (около 32 рублей за тонну). В 1916–1917 гг. подмосковный уголь потребляли (в количестве до 1,5 миллиона пудов в месяц) четыре железные дороги, примыкавшие к Москве, и около 40 фабрично-заводских предприятий Центрального промышленного района, переделавших свои топки»².

Первая мировая война ухудшила и без того тяжелые условия труда скопинских горняков. Они теперь работали в шахтах запертыми на замок. Была введена военизированная охрана, выстроен особый барак, куда рабочих сажали под арест за малейшее неповиновение. Секиринский горняк Н.В. Ларюшкин в 1950 г. вспоминал: «В германскую войну стали запирали шахты на замок. Работаешь – не работаешь, все равно сиди под замком. Что такое? Почему? И тут стали мы сшибать замки, стали ругаться на начальство. Пришли солдаты с винтовками, а мы что? С голыми руками! И забрали всех рабочих в Скопин, посадили в барак двухэтажный. Жены придут, мы им спустим веревочку, они навяжут узелки с провизией – тем и сыты»³.

В начале 1915 г. шахты Бельгийского акционерного общества близ Побединки перешли в собственность Угольно-промышленного акционерного общества Подмосковного бассейна («Углепор»), преследовавшего цель электрификации Московского района на базе подмосковного угля. К концу 1916 г. на Побединском руднике трудились 1994 рабочих, в том числе 1753 военнопленных, также было много женщин и детей. В это время его описывали так: «Рудник – это несколько шахт, находится на Чулковской ветви Сызраньско-Рязанской ж. д. Единственная ветка, соединявшая Побединский рудник с ж. д. была построена так, что паровоз больше 2–3 вагонов не тянул. Все шахты действовали от главной конторы на расстоянии 3–5 километров, до самого удаленного пункта работ 15 километров»⁴. Сотни строений, в том числе шахтная контора, мастерские, больница располагались не только компактно в поселке

¹ Пономарев Ф.С. Забота партии и правительства о повышении материального и культурного уровня шахтеров. / О прошлом и настоящем скопинских шахтеров. Скопин: «Скопинский шахтер», 1957. С. 28–29.

² Оника Д.Г. Подмосковный угольный бассейн. 1855–1955. М.: Московский рабочий, 1956. С. 43–44.

³ Сталинец, №104 (3 сентября 1950).

⁴ Углекоп № 1–2. 1918. С. 7–9.

при селе Побединке, где проживали семьи шахтеров, была соответствующая инфраструктура при каждой из шахт. Трудившиеся на шахтах военнопленные – в основном австрийские – также жили в поселке в казармах.

Рязанский губернатор Н.Н. Кисель-Загорянский докладывал в МВД, что «5 (18) января 1917 г. на Побединских каменноугольных копиях Скопинского уезда, принадлежащих Бельгийскому акционерному обществу, поставляющих на Сызрано-Вяземские железные дороги, рабочие шахты № 16 в числе пятисот человек из местных крестьян и военнопленных австрийцев, отказались от работы, требуя повышения заработной платы. Инцидент был исчерпан после того, как 11 января директор (все тот же М.А. Ганкар. – *Примеч. авторов*) согласился на требуемую прибавку»¹.

В последние дни существования Временного правительства в Скопинском уезде было неспокойно. Московский районный уполномоченный по топливу телеграммой от 6 (19) октября 1917 г. сообщал командующему войсками Московского военного округа: «Согласно сообщению Совета съезда углепромышленников, начался разгром помещичьих имений в Скопинском уезде. Администрации соседних рудников подмосковного угля угрожают уже разгромом. Принимая во внимание всю важность Подмосковного бассейна, являющегося последней опорой Центрального промышленного района и железных дорог, прошу принять срочные меры к предупреждению разгрома рудников»². Но уже совсем скоро наступила совсем другая эпоха, принесшая с собой совсем другие проблемы...

По данным за 1917 г. в Побединке было 635 строений, а ее население составляли 2102 мужчины и 2187 женщин³. Советская власть в поселке, как и повсеместно в Скопинском уезде, была установлена в декабре 1917 г.

«Значение Подмосковного бассейна во время Гражданской войны, когда Донбасс и Баку были отрезаны от центральной части России, неизмеримо выросло. По существу, он был основным поставщиком топлива для весьма важных оборонных предприятий и железных дорог центральной части России. Между тем, добыча угля в Подмосковном бассейне в первых месяцах 1918 г. начала падать. Не было рабочей силы. Не было продуктов для снабжения рабочих. Не было транспорта для вывозки угля. <...> Из-за нехватки сырья и топлива останавливались многие предприятия Москвы и Центрального промышленного района, снабжавшего фронт вооружением, боеприпасами, снаряжением»⁴. Задача повышения добычи угля, таким образом, для новой власти перешла в разряд стратегических. «Вначале советское правительство пыталось привлечь к этой работе и промышленников, предлагая им необходимые средства и помощь. Но шахтовладельцы с первых дней Великой Октябрьской революции стали саботировать мероприятия советской власти. Союз углепромышленников Средней России, возглавлявшийся К.К. Филиповичем, всячески срывал работу шахт. 25–26 марта 1918 г. совещание углепромышленников приняло решение о сокращении добычи угля. Предприниматели стали закрывать шахты. Добыча угля в Подмосковном бассейне сократилась в 1918 г. до 383 тыс. тонн против 703 тыс. тонн, полученных в 1917 г. Чтобы не допустить полного прекращения работы, местные органы советской власти приступили к частичной национализации шахт. <...> 28 июня 1918 г. был принят ленинский декрет о национализации. Собственностью Советской республики объявлялись “все принадлежащие акционерным обществам и паевым

¹ ГАРФ. Ф. 102, 4-е д-во, оп. 1916, д. 58, ч. 2, л. 1 – 1 об.

² Борьба за установление и укрепление советской власти в Рязанской губернии (1917–1920 гг.), Рязань, 1952. С. 104.

³ ГАРФ. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

⁴ *Оника Д.Г.* Подмосковный угольный бассейн. 1855–1955. М.: Московский рабочий, 1956. С. 54.

товариществам предприятия, добывающие минеральное горючее (каменный и бурый уголь, lignит, горючие сланцы, антрацит и проч.” На основании этого декрета Совета Народных Комиссаров все частные, акционерные и паевые предприятия каменноугольной промышленности Подмосковного района были переданы в ведение и управление Главного угольного комитета Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). <...> После национализации, закончившейся к концу 1918 г., было создано Центральное управление каменноугольной промышленности Подмосковного бассейна, а позднее был организован трест “Москвоуголь”. Из разрозненных, конкурирующих между собой отдельных предприятий бассейн превратился в Центральный горнопромышленный район, руководимый единым центром. Все действовавшие в бассейне рудники были сгруппированы в отдельные хозяйственные единицы по территориальному признаку. Их оказалось шесть, по числу главных районов: Побединский, Товарковский, Бобриковский, Щекинский, Оболенский и Готовский»¹.

«В сентябре 1918 г. на Побединских рудниках возникла ячейка большевиков-коммунистов. Численность ее составляла 48 членов»². В декабре 1918 г., сразу после национализации, каменноугольные копи бывш. Бельгийского акционерного общества «при селе Победино» были обследованы скопинским инспектором труда. О ситуации на Побединском руднике газета «Правда», орган ЦК РКП (б), писала: «Копи раскинуты на протяжении 10 верст, причем работы проводятся в 15 отдельных местах. Всего работает около 4500 рабочих, из которых около половины работает под землей. Особые специфические вредности работы заключаются, между прочим, в употреблении сырой нефти при отсутствии вентиляции, а также в крайней сырости при неполучении сапог и брезентовой обуви.

Малолетних и подростков всего 220: шестичасовой рабочий день для последних удастся в скором времени провести полностью и безболезненно. Наоборот, снять с работы малолеток сейчас не представляется возможным, так как у большинства из них на иждивении находятся иногда весьма многочисленные семьи, и потому никакие мероприятия нельзя проводить без одновременного их материального обеспечения.

Весьма тяжелое впечатление производят рабочие жилища. В казармах, при страшной темноте, имеются исключительно сплошные нары; нет умывальников, нет кипятку, нет обшей кухни, и каждый рабочий сам готовит себе свою скудную трапезу.

Очень плохо обстоит дело в области культурно-просветительной деятельности. В этом отношении работа вовсе не ведется, нет никаких учреждений в этой области. Единственный на всех рудниках кружок составился исключительно из интеллигентных служащих. Больничная касса имеется, выдает пособия в размере $\frac{2}{3}$ заработка. Страхование от безработицы не проведено, безработные пособий не получают.

Совершенно не составлялись до сих пор протоколы, за последние два месяца до сих пор не выплачена рабочим заработная плата.

Вообще в области охраны труда здесь совершенно непочатая новь. Сейчас производится обследование всего Подмосковного каменноугольного района специальной комиссией из центра, в которой принимает участие один из местных инспекторов труда»³.

Образованный в 1919 г. Побединский район объединил 10 шахт, включая Князевский рудник. Половина шахт была с паровым подъемом, остальные с конным. На них ежегодно

¹ *Оттика Д.Г.* Подмосковный угольный бассейн. 1855–1955. М.: Московский рабочий, 1956. С. 54–57.

² Борьба за установление и укрепление советской власти в Рязанской губернии (1917–1920 гг.): сборник документов. Рязань, 1957. С. 381.

³ Правда, № 33 (13 февраля 1919).

добывалось около 8 млн пудов угля. В мае 1919 г. заработал сушильный завод на станции Брикетной. На 1 января 1920 г. в районе работали 914 забойщиков, 868 подземных рабочих и 3312 наземных¹.

Большинство местных рабочих и служащих проживали в поселке Побединка. Здесь же находились главные ремонтные мастерские, управление рудниками, больница. Сам поселок к началу 1919 г. представлял собой небольшое селение из нескольких десятков небольших деревянных одноэтажных домиков, расположенных без какого-либо плана. В основном жилые дома были сосредоточены в поселке, однако незначительное их количество находилось и рядом с шахтами. Жилые помещения были двух типов: бараки с отдельными квартирами, состоявшие из 2–3 комнат, и казармы для одиноких. Состояние жилых и производственных помещений поселка и рудника описаны в медико-санитарном обследовании, проведенном по просьбе Главугля в январе 1919 г. Бытовая неустроенность местных жителей поразила даже комиссию, выдавшую виды в разоренной Гражданской войной стране. По свидетельству авторов документа, жилые помещения – бараки – «заполнены до невозможности, часто в одной квартире помещаются две семьи, все они лишены самых примитивных удобств, полное отсутствие вентиляции, отсутствие печей, а имеющихся – дающих тепло только при топке и тотчас же остывающих после нее... Чугунные полосы шириною в 1 аршин, неплотно пригнанные друг к другу, дают возможность проникать в помещение копоти и угольной пыли. Во многих помещениях полы настланы прямо на земле, без подстила. Всюду жалуются на холод, во многих помещениях зимние рамы отсутствуют, разбитые окна...

Но из всех помещений поражают казармы для пришлых рабочих около шахты № 13 и № 14. Окна, забитые досками, <...> внутри темно, грязно, пол земляной, по бокам вплотную стоят грязные нары, на которых, не раздеваясь, друг около друга спят целую неделю приходящие из деревень шахтеры...

Амбулатория состоит из ожидальни, приемной и аптеки. Ожидальня представляет собой темный, узкий, длинный 4 х 2 метра коридор, являющийся проходом в больницу. В этом темном коридоре, прижавшись друг к другу, а более тяжелые больные – лежа на полу, дожидаются приема с 8 часов утра до 4 часов дня. Больным приходится стоять или лежать под ногами других, так как скамеек нигде поставить. Из этого темного коридора ожидальни ведет дверь в приемную комнату, размером 3 х 4 метра. В этой комнате происходит одновременно запись больных, перевязка и прием тремя врачами, причем мужчин вместе с женщинами, для гинекологического исследования имеются ширмы... Напротив приемной находится аптека, комната величиною 5 х 4 метра. Здесь поражает полное отсутствие самых необходимых предметов для изготовления лекарства. Все медикаменты помещаются в небольшом шкафчике с несколькими полками. Для характеристики постановки дела достаточно указать, что дистиллированная вода в прежние годы, как уверяет фельдшер, заведующий аптекой, привозилась из уездного города Скопина в бутылках, сейчас же этого нет, как и своего перегонного куба. Полное отсутствие перевязочного материала, каких-либо мазей и сердечных средств; то, что имеется – все в очень ограниченном количестве.

Терапевтическое отделение состоит из двух мужских комнат размером 15 х 8 метров каждая, одной небольшой женской, выходящих в тот самый темный коридор. Палаты поражают своей неопрятностью. Стены выкрашены клеевой серовато-грязного цвета краской. Пол крашеный и зияет грязными, плохо вымытыми выбоинами, окна покрыты толстым сло-

¹ Филитович К.К. Подмосковный каменноугольный бассейн в 1919 году. М., 1920. С. 25–26.

ем пыли, а по углам в изобилии висит паутина. Форточки отсутствуют. Не менее поражает и обстановка палат: деревянные, полуокрашенные кровати, покрытые скверными, рваными ситцевыми одеялами, из дыр коих торчит пакля... Больные ходят на босу ногу в лаптях, так как туфель и носков не имеется, равно как совершенно белья. Посуда такова, как и вся обстановка... Со всей этой грязной средневековой обстановкой вполне гармонирует ухаживающий персонал, состоящий из санитаров, ходящих в шапках и грязных халатах. Больные кладутся немывтыми и таковыми же выпускаются. Белье стирается в корыте, причем из заразного барака и терапевтического отделения вместе. Бань совсем нет, так что мыться приходится либо в русской печи, где имеется таковая, либо просто в холодной комнате»¹.

В таких ужасающих условиях приходилось не только жить, но и работать, и даже учиться. «Ремонтные мастерские находились в конце поселка и помещались в одноэтажном бревенчатом старом бараке на земляном полу с деревянной крышей. В кузнечном отделении размером 6 x 8 м стояло пять горнов на расстоянии менее полутора аршина друг от друга. Механические мастерские являлись продолжением кузницы, в помещении 16 x 8 м помещалось десять станков. Работали в тулупах и шапках, освещение керосиновое семилинейными лампами. Костыльная мастерская помещалась в небольшом сколоченном из досок бараке с деревянной протекающей крышей.

В первых числах февраля 1919 г., недалеко от поселка, в бывшей казарме для военнопленных при шахте №13/14 открылась школа горных десятников. Обучавшиеся жили в общежитии с питанием. Преподавали после выполнения основных обязанностей два горных инженера, инженер-механик, врач, штейгер, студент 5 курса университета, партийный работник и также при нем находился и бухгалтер. Освещение было двумя лампами по 16 свечей»². Бытовые неудобства, похоже, считались временными и нисколько не мешали людям, вдохновленным идеей строительства новой жизни, не похожей на прежнюю.

«В 1919 г. Подмосковный бассейн посетил «всероссийский староста» М.И. Калинин, совершавший поездку во главе агитпоезда “Октябрьская революция”. <...> 5 сентября М.И. Калинин прибыл на Побединские угольные копи. Положение на руднике было крайне тяжелым – добыча угля упала до 15 тысяч пудов в сутки, тогда как в 1916 г. копи давали до 75 тысяч пудов из одной только шахты № 13. Газета “К победе!”, издававшаяся агитпоездом “Октябрьская революция”, содержит следующее описание пребывания Михаила Ивановича на шахте № 13:

«В одежде рудокопов, гуськом, шлепаем по мокрой земле, скользим на рельсах подземной ж. д. для откатки угля. Мерцают лампочки в руках наших спутников, журчит вода и чернеют боковые галереи. В последнем забое т. Калинин просит одного из рудокопов:

– А ну-ка, товарищ, начните работу. – Тот берется за лом.

– Ух, ух, – громко дышит он, чтобы облегчить работу. Сыплются куски угля.

– А ну-ка, теперь я сам попробую, – и лом в привычных рабочих руках главы рабоче-крестьянской Республики.

Лампочка поставлена на землю.

– Ух, ух, – вылетает теперь из груди Председателя ВЦИК.

На заключительном митинге т. Калинин призывает рудокопов к напряжению всех сил для спасения пролетарской революции. Напоминает, что хозяева всему, благодаря этой революции, только рабочие и крестьяне.

¹ Горнорабочий, № 1–2, 1919. С. 27–29; № 3–4, 1919. С. 29–31.

² Горнорабочий, № 1–2, 1919. С. 30.

На фронте или в шахтах, на полях и фабриках – они защищают только свои интересы, строят только свое же лучшее будущее.

Рудокопы клянутся поднять производительность копей, не жалея своих сил»¹.

О других обстоятельствах визита в Побединку председателя ВЦИК РСФСР по воспоминаниям очевидцев газета «Скопинский шахтер» полвека спустя писала: «День был солнечный и теплый. Шахтеры уставшие после работы, расположились полудежа на лужайке перед трибуной. Среди них в такой же позе находился и «всероссийский староста»... Разговор был настолько непринужденным, что рабочие не чувствовали никакого стеснения...»²

«В результате этой поездки М.И. Калинин обратился с письмом к В.И. Ленину, в котором высказал соображения по поводу Подмосковского угольного бассейна, о мероприятиях по улучшению работы Побединских рудников. Среди ряда мер, предлагалось со всей спешностью, минуя обычную волокиту, прислать и внимательно распределить производственную и специальную одежду и обувь для всех шахтеров, выдать всем мыло, прислать двух ответственных работников профессионального движения в качестве инструкторов, могущих немедленно войти в бюро отдела профсоюза, провести энергичную кампанию пропаганды и организации среди шахтеров. Не дожидаясь, пока “Главуголь” или другие центры приступят к реализации давно намеченной программы строительства жилищ для рабочих, разрешить рудничному управлению, совместно с местным отделом профессионального союза, с участием исполкома, приступить немедленно к постройке некоторого количества жилищ. Предложить Всероссийскому совету профессиональных союзов пересмотреть пункт тарифа, гарантирующий минимум заработка шахтера, связав его с премиальной системой.

М.И. Калинин сообщал В.И. Ленину, что осуществление перечисленных в письме мероприятий в значительной степени усилит производительность рудников, даст возможность в более нормальной обстановке поставить на очередь сложный основной вопрос о более рациональной форме управления рудниками и вывести рудники из жалкого положения.

В своем письме М.И. Калинин сообщал В.И. Ленину о том, что со своей стороны в пути раздобыл 250 пудов мыла в Моршанске и отправил его спешно на Побединский рудник»³.

Причины падения добычи угля выяснились довольно быстро. Рудничный комитет, на основании бесед с шахтерами, установил, что, во-первых, заведующий шахтой С.В. Павлов, «выполняя указания своих прежних хозяев, сознательно сдерживал добычу. С этой целью он направлял всех шахтеров в самые отдаленные от ствола забои». Во-вторых, начал действовать так называемый госминимум. Если даже шахтеры не вырабатывали норму, независимо от этого они получали не меньше определенной ставки. В результате почти равную зарплату получали и те, кто почти ничего не делал. Госминимум отменить было трудно, тогда «было принято решение взять на строжайший учет все промтовары, которые имелись в кооперации. Рабочим было объявлено: все, кто перевыполняет нормы, будут получать премию промтоварами. Первый же месяц дал неплохие результаты»⁴.

Вскоре после приезда М.И. Калинина местным властям пришлось задуматься об обороне района побединских шахт. «Осенью 1919 г. прорыв Мамонтова на Южном фронте создал реальную угрозу Побединке. Конный корпус Шкуро занял станцию Кочетовку, которая находилась в 90 км от поселка. Был создан вооруженный отряд ревкома. В окопах с южной сто-

¹ *Оника Д.Г.* Подмосковский угольный бассейн. 1855–1955. М.: Московский рабочий, 1956. С. 57–58.

² Скопинский шахтер, № 117 (1 октября 1958).

³ *Маслов В.И.* Развитие угольной промышленности в Рязанской области / О прошлом и настоящем скопинских шахтеров. Скопин: «Скопинский шахтер», 1957. С. 11–12.

⁴ Там же.

роны поселка были установлены пулеметы, и бойцы ночью уходили в разведку...»¹ Однако до Побединки фронт Гражданской войны так и не дошел.

Руководитель партии большевиков и Советского государства В.И. Ленин «лично уделял Мосбассу большое внимание. 2 января 1920 г. Совет Обороны принял подписанное Лениным постановление «О поднятии производительности в Подмосковном угольном бассейне». Проведение этого постановления в жизнь было поручено управлению Подмосковного бассейна, политком бассейна обязывался оказать управлению самое энергичное содействие. Высшему Совету по перевозкам поручалось принять экстренные меры для доставки крепежного леса в Подмосковный угольный бассейн из брянских и других близлежащих районов. Совет Обороны поручил Комиссариату здравоохранения обратить самое серьезное внимание на улучшение санитарных условий в Подмосковном угольном бассейне.

«...» В апреле 1920 г. состоялся I Всероссийский учредительный съезд горнорабочих, на котором выступил В.И. Ленин. 21 июля 1920 г. Совет Труда и Обороны своим решением отнес шахты Подмосковья, наряду с шахтами других бассейнов, к числу ударных, обеспечивающихся в первую очередь рабочей силой, транспортом и продовольствием»².

«Статистический справочник по Тульскому округу» (1929) отмечал, что по сведениям за 1920 г. население Побединки составляло 1797 человек. Итоги переписи владений, строений и квартир в городах и поселках городского типа в 1923 г. показали в заводском поселке Побединский рудник 123 жилых (в них 284 квартиры) и 391 нежилое строение. Общая площадь застроенных владений составила 22,2 тысячи саженей, т. е. приблизительно 45 000 кв.м. Подавляющее большинство строений – одноэтажные, двухэтажных два, каменных три и смешанных два. Нежилые также почти все деревянные, каменных 20, смешанных 6. По переписи 1926 г. в поселке проживали 1090 человек (536 мужчин и 554 женщины), из них 1061 человек – постоянно. Поселение официально называлось «фабрично-заводской поселок Побединский рудник», позднее – рабочий поселок Побединский. В жилых строениях проживали 267 семей, работал рабкооп, чайная, столовая. На 1 декабря 1928 г. население поселка составляло 1228 человек. К началу 1929 г. в нем находились: рабочий клуб, столовая, больница на 40 кроватей, четыре пункта первой помощи, один пункт консультационный, детская профилактическая амбулатория, в них 3 врача, 12 специалистов среднего звена, 3 медсестры и 27 прочих работников»³. При бурном жилищном строительстве и возведении общественных зданий в поселке бывали и случаи долгостроя. Местная газета «Рабочий клич» в 1926 г. писала о том, что Побединское рудоуправление в 1920–1922 гг. построило целый поселок для рабочих, «...а вот на 4 дома, как видно, средств не хватает. Стоят они недоделанные уже 4 года, и доделывать их не собираются»⁴.

Объяснимы были трудности этого периода и в кооперации, у руля которой нередко находились люди, нечистые на руку и мало заинтересованные в повышении культуры растущего поселка и соседнего села Побединки. Об этом рассказывал в районной газете автор заметки «Кооперацию к порядку!», подписавшийся Посетитель: «Победенский рабкооп содержит чайную в середине Победенки, которая обслуживает рабочих сев[ерного] куста, крестьян Победенки и посетителей Победен[ского] ВИКа, находящегося напротив.

¹ *Маслов В.И.* Развитие угольной промышленности в Рязанской области / О прошлом и настоящем скопинских шахтеров. Скопин: «Скопинский шахтер», 1957. С. 11–12.

² *Маслов В.И.* Развитие угольной промышленности в Рязанской области / О прошлом и настоящем скопинских шахтеров. Скопин: «Скопинский шахтер», 1957. С. 12–13.

³ Статистический справочник по Тульскому округу. Тула, 1929. С. 70.

⁴ Рабочий клич, №110 (18 мая 1926).

Но очень часто случается, что крестьянин заглянет в чайную, глядь – кипятка нет. Правление очень мало уделяет внимания своей чайной, очень мало отпускает ей нужных продуктов. В помещении грязь, вонь, “с год” немывтые полы, за прилавком грязные, сопатые ребята – кроме отвращения подобное “заведение” ничего не внушает. Зато торговля пивом развита на пять – “распивочно и на вынос”. По соседству есть торговля (подпольная) самогонном, и часто вечером посетитель, отправляясь от самогонного угара, опохмеляясь пивом подливает в него самогона. От такой чайной толку мало, нужно что-нибудь одно: или ее закрыть, или улучшить ее состояние»¹.

Но и на этом злключения ВИКа и расположенного рядом почтового отделения не закончились. Через полгода «в ночь на 24 октября п[рошедшего] г[ода] из помещения Победенского ВИКа была совершена кража сундука почтового пункта, в котором хранился все оправдательные документы по депешным операциям. Эта кража послужила поводом к проверке денежных сумм, причем оказалось, что наличные 1500 руб. и ценные пакеты на 110 руб. остались нетронутыми в несгораемом шкафу ВИКа. По восстановлении лицевых счетов выяснилось, что за последний период отчетности зав. пунктом Грушевским было получено 20 783 руб. 52 коп., из каковой суммы, по заявлению Грушевского, им было выдано 19 173 руб. 52 коп., остаток же в сумме 1500 руб. и ценных пакетов на 110 руб. оказались налицо в несгораемом шкафу ВИКа, но претензия лиц, не получивших до сих пор денег по повесткам, выразилась в сумме 1705 руб. Таким путем оказалась недостача суммы 205 руб., за что заведующий почтовым Победенским пунктом Н.А. Грушевский и предстал 11 января <1926 г. > пред нарсудом 2-го участка. Недостачу свою Грушевский на предварительном следствии объяснил растратой». Нарсуд приговорил его к 1 году лишения свободы². Интересно, что 17 сентября 1925 г. комсомолец Крючков К.М., работавший в этой же почтовой конторе почтальоном, получил такой же срок за растрату 638 рублей, при этом он инсценировал свое ограбление по дороге в село Поляны в так называемом урочище Пичулино³ – 1,5–2 км от Побединки⁴

В годы нэпа быт поселка постепенно налаживался. В целом удалость решить проблему снабжения населения продуктами. «В поселке работал Победенский Ц.Р.К. с 1400 членами, имел 2 магазина на Победенском руднике, отделение в селе Секирино и хорошо поставленную хлебопекарню и колбасную. «Частные торговцы, – писал в 1924 г. журнал «Наше хозяйство», – вытеснены с рынка. Закупки товаров ведутся исключительно у госорганов и кооперативных организаций»⁵.

Интересно сложилась после революции судьба бывшего директора-распорядителя Бельгийского акционерного общества М.А. Ганкара. Он остался в Советской России и в начале 1919 г. с подачи профессора К.В. Кирша⁶ был приглашен в Москву на должность управляющего отделом оборудования треста «Главуголь». В сентябре 1921 г. в ходе III съезда ответственных сотрудников треста «Москвоуголь», проходившего в Товаркове Тульской губернии, М.А. Ганкар праздновал свое 50-летие. Чествуя юбиляра, Управляющий отделом эксплуатата

¹ Коллектив, №17 (27 февраля 1926).

² Коллектив, № 7 (23 января 1926).

³ Возможно, там находилось монастырское село Пичино, упоминавшееся в писцовой книге 1629–1631 гг. и затем выселенное в связи с размещением здесь казаков (РГАДА. Ф. 281, оп. 15, д. 10131, л. 1).

⁴ Коллектив, № 88 (26 сентября 1925).

⁵ Наше хозяйство, № 7 (июль 1924). С. 70.

⁶ Кирш Карл Васильевич (1877–1919) – один из основателей московской научной теплотехнической школы, адъюнкт-профессор Императорского Московского технического училища (1915), в 1918 г. возглавлял Тепловой комитет при Политехническом обществе.

дии треста К.К. Филиппович отмечал: «М.А. Ганкар представляет собой яркий пример спеца, для которого интересы промышленности существуют независимо от того, кто ею владеет. Кажется, что все достаточно уже убедились, что эти спецы не были прислужниками капитала, как их в свое время называли. Они работают только в интересах промышленности и производства»¹.

Управляющий трестом «Москвоуголь» С.А. Гецов говорил о нем: «Можно удивляться и поражаться его энергии. Он без преувеличения является самым вдохновенным работником Москвугля, несмотря на то, что во время этой работы потерял свое зрение»². В ходе съезда заведующий Побединским районом Т.Ф. Филатов констатировал: «Все проекты Максима Альфредовича отличаются жизненностью и дальновидностью. Так, при создании электростанции на р. Верда у него имелся проект сушилки угля перегретым паром. Чтобы ознаменовать работу и личность Максима Альфредовича, предлагаю железнодорожную станцию Верда, где начата электрическая станция, где намечается постройка мастерских и паровозного депо, которое будет центром, откуда будет исходить вся энергия и распределяться движение по железной дороге – эту станцию впредь наименовать «Ганкарово»³. Однако это так и не было сделано.

В середине 1920-х гг. М.А. Ганкар проживал в Москве, работал старшим инженером при Президиуме Всероссийского теплотехнического института, которым руководил один из выдающихся теплотехников XX в. профессор Л.К. Рамзин⁴. Бельгиец публиковал научно-исследовательские статьи о Подмосковном бассейне и оптимальных способах использования его угля. «Шахтинское дело» (1928 г.) заставило советские правоохранительные органы пристальнее присмотреться к деятельности бывших сотрудников Бельгийского акционерного общества, которых стали подозревать во вредительской деятельности, инспирированной прежними владельцами предприятий на территории СССР. В феврале 1929 г. М.А. Ганкар вызвался на допрос в ОГПУ, в июле того же года был на короткое время арестован, после чего ему было объявлено о запрещении проживания в шести крупнейших городах СССР сроком на 3 года. 1 августа 1929 г. М.А. Ганкар направил в ЦИК СССР, НКВД, Госплан, ВСНХ и ряд других органов заявление с просьбой разрешить ему возвращение на родину в Бельгию. В нем он отмечал: «Административная ссылка в отношении меня приобретает особо тяжелый характер: мне 58 лет, я слепой и могу заниматься умственным трудом исключительно в обстановке, в которой я был до сих пор, т. е. служба в тех учреждениях, где мои познания были полезными и с помощью надлежащего сотрудника. При отсутствии этого условия я становлюсь совершенно к труду не способным. В довершение всего я живу здесь один, так как вся моя семья находится в родном городе Льеже в Бельгии (сам я бельгийский подданный). Мое домашнее хозяйство также основано на помощи окружающих меня людей, и переселение мое в другой город оставляет меня почти без помощи. <...> Прошу обратить особое внимание на это последнее обстоятельство: принятые против меня меры превосходят несомненно все то, что можно придумать и могут объясниться только

¹ Чествование инж. М.А. Ганкара // Труды Третьего съезда ответственных сотрудников Москвугля в Товаркове (Тульской губ.) 26–30 сентября 1921 г. Москва, 1922. С. 135.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 135.

⁴ Рамзин Леонид Константинович (1887–1948) – профессор (1920), основатель и первый директор (в 1921 – 1930 гг.) Теплоэнергетического научно-исследовательского института им. В.И. Гриневецкого и К.В. Кирша, впоследствии – Всесоюзного теплотехнического института им. Ф.Э. Дзержинского, изобретатель первого отечественного прямоточного котла оригинальной конструкции.

тем, что принявшие решение лица не задумались над последствием этой меры в данном случае и при специальных условиях, в которых я нахожусь. Кроме того, если даже остаться в убеждении в том, что я в чем-нибудь виновен (что я категорически отрицаю), дело, о котором идет речь, не имело, как я мог понять, никаких вредных последствий для СССР, тогда как вся моя деятельность в продолжении 31 года была посвящена развитию каменноугольной промышленности России и особенно, с 1904 г. к созданию этой промышленности в Подмосковном бассейне»¹.

В декабре 1930 г. М.А. Ганкар при содействии Бельгийского Общества Красного Креста вернулся на родину, где к этому времени проживала вся его семья, и три года спустя скончался в Льеже. Интересно отметить, что в «московский период» жизни дочь инженера Паула-Клотильда Ганкар (1900–?) вышла замуж за Нила Алексеевича Смирнова, сына московского священника Алексея Сергеевича Смирнова (1870–1938), служившего в церкви Св. Николая в Плотниках на Арбате. В 1938 г. свекор бельгийки был осужден по обвинению в контрреволюционном заговоре и расстрелян в Бутове, а в 2001 г. прославлен Русской Православной Церковью в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской и в Соборе Бутовских новомучеников. Проживающие в настоящее время в Бельгии потомки М.А. Ганкара являются одновременно и потомками русского святого новомученика.

В 1929 г., когда было упразднено историческое административное деление на волости, уезды и губернии, поселок Побединский стал населенным пунктом Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В 1931 г. в поселке открылась ученическая школа массовых профессий ШУМП. Центральный рудничный комитет 1 февраля 1931 г. организовал совхоз, в котором было 75 коров с 23 телятами, 12 рабочих лошадей и 11 породистых свиней². Действовавший в поселке рабочий клуб – очаг местной культурной жизни – иногда гордо называли театром (хотя в нем было всего 15 рядов кресел). На его сцене выступали артисты-любители Победенского рудничного культурно-просветительного кружка³.

В 1935 г. в докладной записке на имя секретаря Скопинского РК ВКП(б) т. Агеева начальник Скопинского райотдела УНКВД по Московской области Лазарев докладывал: «В Побединском жилуправлении (одноименного шахтоуправления. – *Примеч. авторов*) в 1935 г. проживает 900 человек. <...> Из имеющихся 25 домов в рабочем поселке Побединка – 3 дома (№№ 2, 14, 21) только что капитально отремонтированы к 1 мая 1935 г., а остальные (6, 70, 71) требуют капитального ремонта, и 19 домов текущего ремонта – ремонт крыш, полов, потолков, перекладки печей, оштукатурка и побелка комнат, ремонт уборных и т. д. Вместо 200 человек имеются только 95 чел., но администрация и общественные шахтные организации этим делом не занимаются, считают не своим делом, а делом прораба Малахова, который персонально за это отвечает»⁴.

В 1937 г. рабочий поселок Побединский в составе Скопинского района был передан новообразованной Рязанской области. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в рабочем поселке Побединский насчитывалось 1165 жителей (русские – 1095, украинцы – 43, татары – 1, немцы – 1, мордвин – 1, прочие – 24). Основная концентрация немцев отмечена в Скопине – 60 и Скопинском районе – 107 человек⁵. Топографические карты РККА 1941 г.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409, оп. 1, д. 365, л. 179.

² Коллектив, №3 (3 марта 1931).

³ ГАРО. Ф. П-1436, оп. 1, д. 2, л. 133.

⁴ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 144, л. 78.

⁵ Выписка из Всесоюзной переписи населения 1959 года. ... (письмо Рязаньстата от 4.02.2014 г. № 06–32, 47).

(съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в нем в это время насчитывалось 315 строений. Обращает на себя внимание, что в это время поселок был центром разветвленной железнодорожной сети, основной задачей которой была транспортировка угля.

Мирную жизнь поселка прервала Великая Отечественная война, начавшаяся в 1941 г. К концу первого года войны линия фронта пролегла по скопинской земле. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 25 ноября 1941 г. передовой отряд немцев вошел в Скопин. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава. Возникла угроза продвижения противника к Рязьску. Поселок Побединский оказался временно оккупирован врагом. Перед приходом нацистов окрестные шахты едва успели вывести из строя.

С началом контрнаступления советских войск под Москвой в первых числах декабря 1941 г. нацисты были изгнаны с территории Скопинского района. Началось восстановление дезорганизованного войной хозяйства. 13 декабря 1942 г. секретарь Скопинского райкома ВКП (б) Н.Ф. Старостин подводил итоги проделанных с начала года восстановительных работ в областной газете «Сталинское знамя»: «Работа предстояла очень большая и сложная... Но прежде чем направить уголь столице, требовалось восстановить разрушенную железнодорожную линию, мосты. Проходящие войска Красной армии нужно было снабжать печеным хлебом, овощами, мясом, картофелем, и подвозить боеприпасы, снаряжение, готовить колхозы к весеннему севу.

Эту сложную и ответственную задачу районная партийная организация решила с честью. В течение пяти дней была восстановлена нормальная работа всех районных учреждений, сельсоветов и колхозов. В 15 дней восстановлены все школы и дети приступили к учебе. Мосты, железнодорожные станции, стрелочное и путевое хозяйство восстановлены в 30 дней. Шахтеры и колхозники района без всякой оплаты, без спецодежды спасли горевший уголь и отгрузили Москве по железнодорожному транспорту более 85 тыс. тонн. Шахты, электростанция, несмотря на отсутствие стройматериалов, восстановлены и пущены в ход досрочно. Шахтеры, мужчины и женщины, проявляли подлинные чудеса в труде. Работали на 30-градусном морозе, по пояс в воде, без достаточного количества воздуха, не получая зарплаты, питания и спецодежды, давали по 2–3 нормы¹.

В условиях, когда уголь Донбасса оказался недоступен вследствие вражеской оккупации, значение Подмосковского бассейна для экономики тыла воюющей страны неизмеримо возросло. В 1942 г. для более плотного контроля над работами по восстановлению нарушенного войной хозяйства Скопинского района он вновь был передан Московской области.

В апреле 1943 г. группа руководителей угольных трестов Мосбасса и партийных органов соответствующих районов, среди которых были начальник комбината «Москвоуголь» Д.Г. Оника и секретарь Скопинского РК ВКП (б) Н.Ф. Старостин, в письме на имя руководителя Коммунистической партии и Советского государства подводили итоги проделанной работы: «Москва, Кремль, товарищу Сталину И.В. Дорогой Иосиф Виссарионович! Горняки Московского угольного бассейна, охваченные единым желанием разгромить немецко-фашистских захватчиков, выполнили установленный правительством мартовский план добычи угля. Лучшие шахты бассейна: № 4 треста «Молотовуголь», № 19 и № 21 треста

¹ Немеркнущий подвиг: Сб. документов и материалов / Парт. арх. Рязан. обкома КПСС, Гос. арх. Рязан. обл. М.: Московский рабочий, 1982. С. 112.

“Красноармейскуголь”, № 13 и № 27 треста “Октябрьуголь”, № 15 треста “Сталиногорскуголь”, № 23 треста “Донской уголь” – дали в марте сверх плана в фонд Главного командования Красной Армии 17 000 тонн угля. Одновременно с этим, воодушевленные героическими подвигами Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны рабочие, инженерно-технические работники и служащие Московского бассейна, поддерживая инициативу советских патриотов, собрали из личных сбережений на танковую колонну “Московский шахтер” 2 508 000 рублей. Сбор средств продолжается. От имени коллектива горняков комбината “Москвоуголь” мы заверяем Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, что московские шахтеры отдадут все свои силы на выполнение заданий Государственного комитета обороны на ускорение победы над врагом. Горняки московской кочегарки шлют Вам, дорогой товарищ Сталин, шахтерский привет и желают долгих лет жизни на благо нашей любимой Родины»¹. Опубликованный в газете «Сталинец» ответ главы государства гласил: «Прошу передать рабочим, работницам, инженерно-техническим работникам и служащим Московского угольного бассейна, собравшим 2 508 000 рублей на строительство танковой колонны “Московский шахтер” мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин»².

Внимание руководителя партии и правительства вызвало в местной прессе шквал публикаций, исполненных оптимизма. Парторг шахты № 13 Молчанов в том же выпуске районной газеты писал: «С огромной радостью встретили шахтеры 13-й шахты приветственную телеграмму товарища Сталина горнякам Подмосковья. Один за другим выступают стахановцы с обязательствами сверхплановой добычи. Коммунист главный инженер Бобылев выступил с предложением дать к 1 мая сверх плана 2200 тонн угля. Это предложение было единодушно было принято всем коллективом шахты. В выполнении взятых обязательств впереди идут коммунисты и комсомольцы. Лично я, как парторг ЦК ВКП (б) обязуюсь развернуть среди шахтеров широкую политико-массовую работу. Доведу слово вождя до каждого рабочего, служащего, технического работника, всех мобилизую на перевыполнение плана угледобычи. Но кроме этого я сам пойду в шахту и дам к 1 мая 40 тонн угля. Так сделают и все коммунисты нашей партийной организации. Объявим на шахте военно-фронтovou декаду и будем работать не покладая рук, по-военному»³. Заметка от имени забойщика 13-й шахты Ушакова вторила парторгу: «Приветственная телеграмма товарища Сталина шахтерам Подмосковья зовет нас на усиление помощи нашей героической Красной Армии в разгроме ненавистного врага. 32 года я работаю в шахте, но с таким подъемом я никогда не работал. Сейчас задание я выполняю на 180–200 % ежедневно. В ответ на благодарность товарища Сталина за хорошую работу в марте я в апреле даю дополнительно к выполняемому плану 60 тонн угля»⁴. Конечно, газетные материалы были насковзь пропитаны официальной пропагандой, но надо признать, что в годы войны она во многом соответствовала внутреннему мироощущению многих советских людей.

Жители поселка ярко проявили себя не только в тылу, но и на фронтах Великой Отечественной войны. Побединский комсомолец Валентин Васильевич Рычев (1922–?) отправился на фронт добровольцем в сентябре 1941 г., был направлен на службу во 2-й мотострелковый полк Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР. Рядовой

¹ Сталинец, № 30 (16 апреля 1943).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Рычев «с 7 апреля по 9 августа 1942 г. находился с отрядом в глубоком тылу противника на выполнении специальных заданий командования. Разведка отряда установила, что немецкое командование по железной дороге перебрасывает свои войска с Северо-Западного фронта за Западный фронт. Командованием была поставлена задача воспрепятствовать переброске войск путем диверсии на железной дороге. Выполняя приказ командования, тов. Рычев в составе группы бойцов 17 июня 1942 г. подорвал полотно железной дороги в двух местах – в районе станции Торшино, в результате чего произошло крушение воинского эшелона с танками и живой силой противника. Было разбито много вагонов с танками и убито около 300 солдат и офицеров. Движение на железной дороге было приостановлено на 32 часа»¹. За этот подвиг рядовой В.В. Рычев был награжден медалью «За отвагу».

Другой уроженец Побединского поселка гвардии ефрейтор Иван Илларионович Машников (1907–?), помощник наводчика станкового пулемета 1-й пулеметной роты 1-го стрелкового батальона 230-го гвардейского ордена Кутузова стрелкового полка 80-й гвардейской стрелковой Уманской ордена Суворова дивизии, участник обороны Сталинграда, отличился на 3-м Украинском фронте. «В боях 26 января 1945 г. в районе села Замоль (Венгрия) при отражении атак противника выдвинулся со своим станковым пулеметом вперед на 150 метров и принял бой с пехотой противника. Во время боя заменил раненого наводчика и продолжал вести бой. В этом бою огнем станкового пулемета тов. Машников уничтожил до 25 гитлеровцев»² и был впоследствии награжден медалью «За отвагу». «19 марта 1945 г., отражая яростные атаки немцев в районе севернее города Секешфехервар (Венгрия), несмотря на сильный артиллерийский огонь противника, тов. Машников выкатил свой пулемет на фланг батальона и, пользуясь складкой местности, которая скрывала его от наблюдения противником, начал уничтожать кинжальным огнем пулемета контратакующую пехоту противника. Три яростных контратаки было отбито, уничтожено до 100 немецких солдат и офицеров. Лично сам тов. Машников в этом бою уничтожил до 50 немецких солдат огнем из своего пулемета»³ и стал кавалером ордена Славы 3-й степени.

В первые послевоенные годы социальная сфера в поселке находилась в упадке – уделяя в военное время приоритетное внимание выполнению производственных задач, ее отодвинули на второй план. Районная газета «Сталинец» в 1946 г. посвятила этой проблеме серию критических публикаций, обращая внимание, например, на то, что «на Побединском рабочем поселке была хорошая баня, парная, душ. Была при бане парикмахерская. Никто из посетителей не боялся, что к его одежде и белью приделают ноги. Теперь нет ни парной, ни душевой, а в единственном банном зале действуют всего лишь 2 крана с полудюжиной шашек. Образуется очередь сперва в раздевалку, потом за шайкой, потом у крана. Наиболее беспокойные посетители то и дело выбегают посмотреть, цела ли их одежда...»⁴ «Клуб в поселке Побединском славился отличной работой, а сейчас нет хорошего хозяина, – писал в газету в том же году К. Данилкин, – никто не следит за чистотой. В зале клуба часто бывает кино, но администрация не позаботилась о достаточном количестве скамеек. Не проходит ни одного киносеанса без ссоры зрителей из-за мест. Единственным развлечением, кроме кино, бывают танцы, но и здесь наслушаешься ругани, и никто не останавливает хулиганов»⁵.

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, д. 1309, л. 187.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 616, л. 114.

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 687572, д. 264, л. 92.

⁴ Сталинец, № 28 (31 июня 1946).

⁵ Сталинец, № 11 (31 января 1946).

В 1946 г. рабочий поселок Побединский вместе со всем Скопинским районом вернулся в Рязанскую область. С 1950 г. он был административно подчинен Поплевинскому поселковому совету. В 1951 г. в поселке начали проводить водопровод, «в каждом доме было радио, но слышимость была отвратительная»¹.

О состоянии поселка в 1956 г. секретарь Скопинского райкома КПСС Ф. С. Пономарев в статье «Культурная жизнь шахтеров» писал: «Взять, к примеру, старейший поселок скопинских шахтеров – Побединский. Здесь уже не осталось ни одного старого барака, ни одной старой конуры, в которых ютились до революции семьи рабочих. На этом месте сейчас выросли целые улицы домов с большими окнами и верандами. В поселке имеется больница на 90 коек, амбулатория, аптека, два магазина, столовая, детский сад, детские ясли, средняя школа, почта, телеграф и телефон, радиопузел. Летом нынешнего года на поселке сдан в эксплуатацию новый клуб»².

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в рабочем поселке Побединский проживали 2169 мужчин и 2215 женщин³. К 1964 г. поселки Поплевинский и Побединский располагали 47000 кв. м жилой площади. На территории Поплевинского поселкового совета работали клубы «Мир» и «Горняк» (всего на 500 мест), средняя школа на 1200 учащихся, восьмилетняя школа на 800 человек, школа рабочей молодежи на 300 человек, а также больница-стационар на 115 коек, 2 амбулатории и горняцкий профилакторий на 25 мест, 2 детских сада на 250 детей, 2 яслей на 110 детей, 2 продовольственных и 2 промтоварных магазина, мастерская бытового обслуживания, почта, телеграф и телефонная станция⁴. По административно-территориальному делению 1970 г. поселок Побединский подчинялся поселковому совету поселка Поплевинский⁵.

Последние побединские угольные шахты были выработаны и закрылись к концу 1980-х гг. Население поселка тяжело переживало экономический и социальный кризис 1990-х гг., связанный с переходом от советского периода истории к современной России. Были трудности с трудоустройством, при урезанном финансировании ветшал жилой фонд поселка.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» рабочий поселок Побединка стал административным центром Побединского городского поселения, включающего, помимо него, рабочий поселок Поплевинский, поселки Большак, Отрада, села Победное, Секирино, Чулково, деревни Подмакарьево и Кочугурки.

В 2009 г. Побединка получила статус поселка городского типа. Численность его населения в последние годы остается стабильной: в 2007 г. она составляла 1360 чел., в 2010 г. – 1456, в 2012 г. – 1466, в 2014 г. – 1455, в 2016 г. – 1448.

С 2000-х гг. в Побединке продолжается возведение храмового комплекса церкви Воскресения Словущего. Она числится по 1-му Скопинскому благочинию Скопинской епархии Рязанской митрополии. Настоятелем прихода является игумен Амвросий (Калабухов).

¹ Сталинец, № 19 (15 февраля 1950).

² Пономарев Ф.С. Культурная жизнь шахтеров / О прошлом и настоящем скопинских шахтеров. Скопин: «Скопинский шахтер», 1957. С. 46–48.

³ Выписка из Всесоюзной переписи населения 1959 года. (письмо Рязаньстата от 4.02.2014 г. № 06-32,47).

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 310, л. 1.

⁵ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С. 14.

В 2013 г. в рамках государственной программы Рязанской области по переселению граждан из аварийного жилищного фонда в Побединке были построены 14 многоквартирных жилых домов и еще 5 домов в поселке Поплевинский общей площадью 1 647,8 кв. м. В новые благоустроенные квартиры были переселены 98 жителей из 15 аварийных многоквартирных жилых домов. В 2017 г. начата реконструкция Парка Победы.

В настоящее время в поселке работают завод «Строймаш», средняя школа, детский сад, больница, дом культуры, поселковая модельная библиотека, церковь Воскресения Словущего, продовольственные магазины¹. Коллектив ООО «РЗСМ «Строймаш-Центр» (директор Лариса Юрьевна Абрамова) состоит из 295 человек. Основными видами выпускаемой продукции являются бетононасосы, чугунное литье, запасные части, пыльные цепи. Также в поселке функционирует предприятие ООО «Мосбасуголь» (генеральный директор Юрий Анатольевич Хренов). На нем заняты 166 человек. Действует также ООО «УК Брусна», занимающаяся жилищным строительством.

В 2014 г. поселок Побединка Скопинского района был отнесен к монопрофильным муниципалитетам, в которых есть риск ухудшения социально-экономической ситуации. В 2017–2018 гг. он должен получить статус территории опережающего развития. Данный статус предусматривает налоговые льготы и упрощенные административные процедуры, которые призваны помочь создать в моногородах новые альтернативные производства.

---

¹ По материалам Скопинской районной библиотеки.

ПОБЕДНОЕ

село

(городское поселение Побединское)

В описании дозора Рязско-Рановской засеки 1610–1620 гг. какое-либо упоминание о поселении в этих местах отсутствует. Видимо, оно возникло в 1620–1630-х гг. и изначально было помещичьей деревней, которая позднее, после поселения рядом казаков, стала называться слободой. Одно из первых упоминаний о ней содержится в отказной книге 1638 г. рязского писца сына боярского Игнатя Матвеева сына Свиридова, в которой он «отказал поместье рязшанину Василью Тимофееву сыну Юдину, Степаново, поместья Лунина, жеребей слободы Воскресенская, Победная тож»¹.

О названии селения И.В. Добролюбов в 1884 г. писал: «На месте нынешнего села Победного (Побединка), по народному преданию, великий князь Дмитрий Донской, по возвращении с Куликовской битвы, дал роздых своему войску, праздновал одержанную им над татарами победу и принимал рязанских бояр, явившихся к нему с хлебом-солью»². Как представляется, это довольно поздняя традиция, не прослеживающаяся ранее XIX в. Логичнее выглядит связь второго названия будущего села с протекающей через него р. Победенкой (Побединкой). В словаре В.И. Даля: «Победа, победка ж. победы мн. победушка, ж. – небольшая беда; беда другая, третья, беда малая, как последствие главной. *Лиха беда беде придти, а победы с ног собьют! Не так беды, как победушки, докугают. Беды угат, а победы мугат. Беду-то с хлебом съедим, не одолели б победы. Победны (обидны, завидны, бедуют) в поле горох да репа, в свете (в мире) вдова да девка. Пресвятая моя Богородица! Покрый мою победную головку жемгужным кокошником, золотым подзатыльником!*»³ То же в Словаре русского языка XI–XVII вв., где слово «победный – несчастный, находящийся в беде (1535): [Архиепископ] много печалования творя из своей архиепископии о церквах божиих, и о победных людех...»⁴ Победенка в летнее время довольно мелководная, но из-за многочисленных стоков (только крупных – около десяти) в весеннее и дождливое время выходила из берегов, принося окрестным жителям если не большие беды, то уж точно маленькие «победки». Местность вокруг села, очевидно, заливалась водой, чему способствовал довольно резкий изгиб реки, который задерживал нарастающий поток воды.

В отказной книге 1640 г. сообщается: «Лета 7138 апреля по грамоте ис Поместного приказа <...> и по наказной памяти воеводы Ивана Степанова сына Волкова рязшанин Василий Неретин <...> рязшанам Игнатию Матвееву сыну, Лукьяну Игнатьеву сыну Свиридову <...> в слободе Воскресенской Яковлевское поместье Огламазова, да Меньшого поместья Булатова два жеребья в пустоши, что была слобода Воскресенская, сто девяносто три, а в дву по тому ж...» Об угодьях местных жителей в документе сообщается: «Вниз по речки Победенке из усад едучи в поле, по праву земли казаков Чюлковой слободы, а по левой стороне земли Вос-

¹ РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, ч. 1, д. 13918, лл. 29 – 29 об.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 240.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 3. М.: Астрель: АСТ, 2001. С. 114.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М.: Наука, 1989. С. 122.

кресенской слободы казаков, а сему меж поль, и по заполью, и по дикому полю, и по дубравы вопче со всеми помещиками слободы Воскресенской». Земельная дача слобод простиралась «в урочищах дикое поле, под конец полей сел Чулково и Воскресенское, Победное тож, за дальнею речкою Полотебною»¹.

Судя по упоминанию Воскресенского как села похоже, что к этому времени в бывшей слободе уже было возведено первое деревянное здание Никольской церкви. Первое же конкретное упоминание о ней относится к 1670-м гг. И.В. Добролюбов сообщает: «Село Воскресенское, Победное тож, находящееся по правую сторону дороги, идущей из Скопина на Рязск, упоминается в окладных книгах 1676 г., где при находившейся в нем «церкви Воскресения» показано «церковныя пашни дватцетъ четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов тритцетъ копен, да в приходе к той церкви: восемь дворов помещиковых, сорок один двор козачьих, восемь дворов задворных слуг и два двора бобыльских». По окладу 1676 г. дани с Воскресенской церкви положено «рубль дватцетъ четыре алтына с денгою. А преж сего, – добавлено в тех же окладных книгах, – та церковь данью не была обложена, тое церкви поп данные денги платил села Чулково с Никольским попом Васильем сопча, потому что село Воскресенское выселилось из того села Чулково». <...> В селе Воскресенском находилась вотчинная земля Рязского Дмитриева монастыря – «два места дворовых, пашни десетъ четвертей в поле, а в дву по тому ж, со всеми угоды», которую в 1698 г. «променили Дмитриева монастыря Селунского игумен Селиверст с братиею стольнику Михаилу Петрову сыну Измайлову в вотчину, а сено, и лес, и рыбные ловли в той их монастырской промененной вотчинной земле в селе Воскресенском, Победное тож, владеть ему, стольнику Михаилу Измайлову, с помещики и вотчинники вопче по дачем и по писцовым книгам»².

По переписным книгам 1710 г. в селе насчитывался 31 двор «служилого чину солдат», в которых проживали «обоих полов сто пятьдесят человек»³.

И.В. Добролюбов относит к 1740 г. появление в селе Никольской церкви, пришедшей на смену обветшавшей Воскресенской⁴. Однако документы свидетельствуют, что местный приходской храм назывался Никольским уже в 1716 г. О селе Воскресенском, Победном тож, в переписной книге Рязского уезда 1716 г. сообщается: «...В том селе церковь во имя Николая Чудотворца, в той церкви двор попа Алексея Евсева сына, ш[ес]ти десяти лет, вдов, у него дети <...>, дьячок Самойла Евстатьев сын Попов, сорока шести лет, у него жена...» «Село Воскресенское, Победное тож» было записано «за стряпчим Протасием Дмитриевым сыном Лошаковым, двор помещиков, а в нем дворовые люди Иван Елистратов сын Требяков, тритцать шесть лет, у него жена <...>, итого двор помещиков, в нем дворовые люди мужска полу два <...>, да женску полу три <...>, да крестьянский один двор, в нем людей мужска полу два <...>, да женску полу один... За жильцом Павлом Осиповым сыном Хотяинцевым <...> двор помещиков, а в нем дворовые люди <...> обоих полов 10 человек»⁵.

В переписной и окладной книге Туровского и Низрановского разъездов Рязского уезда, составленной не позднее 1724 г., в селе «Воскресенское, Победное тож» упоминаются три двора церковников, два двора помещиков, четыре двора однодворцев, пять солдатских и два крестьянских. По сказкам 1719–1722 гг. в селе проживали «пятидесятник Кондрат Володин», рядовые солдаты «Семен Гаврилов сын Мучников, Андрей Афонасьев сын Семенов,

¹ РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, ч. 1, д. 13918, лл. 184–185.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 240–241.

³ РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 1, лл. 287 об.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 241.

⁵ РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 3, л. 110–111 об.

Пимен Иванов сын Худков, Логин Козьмин сын Резаков и «скитающиеся бездворные Потап Федоров сын Латков, Андрей Афонасьев сын Семенов, Афонасий Алексеев сын Чесноков, Анофрей Иванов сын Володин, Филип Еремеев сын Немых, Иван Афонасьев сын Тарасов». Был в нем также «солдатской службы Матвей Агафонов сын Кирьянов, той Матвей прислан из бегов ис Скопина, прислан по указу в Рязк к комиссарству, а от комиссарства отдан в то село...»¹.

Среди побединских помещиков упоминаются участники войн и походов петровского времени: «...Жилец Павел Осипов сын Хотяинов и Протасий Дмитриев сын Лошеков, а также однодворцы, среди них отставной драгун Иван Никитин сын Климов, у него дворовый человек Леонтий Фомин, оной Леонтий явился поляк, а допросом показал, что уроженец местечка Святы, и тому лет 13 из того местечка пришел волею своей от голоду, жил Смоленского полку драгуна Ивана Климова и был принят, года четыре и после того, солдат ево в дом свой <...>, и по ноне жевет у него и по желанию отдан ему, Климову, в оклад». Всего в окладе по селу числились три отставных церковника, 38 дворовых и крестьян, 70 однодворцев, 2 помещика, 1 отставной драгун. Вне оклада состояли 5 церковнослужителей, 12 новорожденных и 9 однодворцев, числившихся в бегах².

Как видно, сельские однодворцы частично были потомками беломестных казаков, владевших небольшими участками земли и переведенных в это сословие, а также других служилых людей, жалованных землей за службу в более раннее время. В XVII в. ими управлял рязжский воевода через атамана, позднее управителя, который собирал налоги, выделял конвои и команды для борьбы с разбойниками и «ворами», следил за порядком. Однодворцы, как и их предки казаки, в случае угрозы набега степняков были готовы в кратчайший срок отразить нападение. В Рязжском уезде они преимущественно служили в ландмилиции – пограничной страже, чьей задачей было быстрое отражение внезапного набега. Кроме управителей, в Победенке были два пятидесятника и десятники, которые в мирное время выполняли обязанности старост.

В 1744 г. по переписной книге однодворцев, помещичьих, монастырских, дворцовых крестьян Верденского разъезда Рязжского уезда в селе Воскресенском, Победном тож, были положены в подушный оклад 69 однодворцев и 32 дворовых людей и помещичьих крестьян. За «отставным капитаном Михайлой Павловым сыном Хотяинцевым» числились 9 душ, «написанных в прежней ревизии за отцом, жильцом Павлом Осиповым сыном Хотяинцевым». К поручику Федору Протасьеву сыну Лошакову перешли написанные в прежней ревизии за его отцом Протасьем Дмитриевым сыном Лошаковым 22 души дворовых людей³.

В 1778 г. в результате административных реформ императрицы Екатерины II был образован Скопинский уезд, ставший частью Рязанского наместничества. В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., села «Воскресенское, Победное тож» и «Богословское, Ольшанка тож» показаны как «владения генерал-поручика Николая Лаврентьевича Шетнева, майора Дмитрия Васильева сына Лихарева, что ныне сына ево гвардии подпоручика Ивана Дмитриева сына Лихарева, прапорщицы Прасковьи Федоровой дочери Кареевой, гвардии прапорщика Александра Андриянова сына Лопухина, что ныне действительного камергера князя Алексея Яковлева Шеховского, капитана Сидора Иванова сына Трухачева, статского советника Евграфа Васильевича Тати-

¹ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, лл. 386, 388–389, 393–394, 396–396 об, 399 об.

² РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, лл. 383, 386, 396.

³ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2871, лл. 106–113 об.

щева, губернского секретаря Алексея Степанова сына Полтева, прапорщика Михаила Степановича Кошелева, подполковника Ивана Васильевича Толстого, помещика Никифора Федорова сына Каширина, унтер-офицера Михаила Ларионова сына Климова, генеральши Софьи Павловны Гурьевой, майора Никиты Андреева сына Карташева жены ево Кристины Николаевой». О селе Воскресенском, Победном тож, в документе сообщается: «...Лежит на берегу речки Победенки по течению ее на правой стороне, на коей пруд, церковь Николая Чудотворца с выделенной церковной землей. Земля чернозем с серью, покосы и хлеба средственны, лес строевой и дровяной <...>. Дворов крестьянских по [3-й] ревизии 1762 г. 18, в коих 40 душ мужского и 31 женского пола». Села занимали 31 десятина 1395 сажень (34,5 га) «усадебной земли». Помещики располагали 1033 десятинами 2092 саженьями (1129 га) пашни и 70 десятинами леса (76 га). Общая же площадь всего имения «с лугами и неудобьями» составляла 1181 десятина 1267 сажень (1291 га). При селе также существовала «деревня Воскресенская слобода, Победная тож», находившаяся во владении однодворцев. О ней сообщалось: «Лежит по обе стороны Сухого оврага, в коем пруд, дача простирается по берегам речки Ольшанка, оврагов Рубленова <...> на правой речки Перки». Это селение располагалось на площади в 7 десятин 288 сажень (7,7 га). При нем имелось 548 десятин 1419 сажень (599 га) пашни, 34 десятины 1900 сажень (38 га) покосов, 454 десятины 1190 сажень (496 га) леса. В слободе насчитывалось 25 дворов, в которых проживали 51 душа мужского пола и 51 – женского¹.

В 1790 г. Никольская церковь в селе, по свидетельству И.В. Добролюбова, «была распротрансна». В XVII–XVIII вв. в ней служили священники Евсигней (упоминается в 1676 г.), Алексий Евсигнеев (в 1681–1700 гг.), Пантелеймон Алексиев (в 1700–1743 гг.), Иаков Пантелеймонов (с 1743 г.)².

По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. в селе значились «покойной прапорщицы Прасковьи Федоровой дочери Кареевой 36 душ». 22 марта (3 апреля) 1824 г. по купчей с полковником Михаилом Лихаревым 16 душ были исключены в другое имение. 5 (17) февраля 1832 г. в пользу капитана Дмитрия Иванова Кареева в то село были исключены оставшиеся 9 душ, «добравшихся по разделу от матери прапорщицы Прасковьи Кареевой»³.

По окладной книге 1834 г. в селе Воскресенском, Победном тож, проживали крепостные крестьяне помещиков Кареевых: капитана Дмитрия Ивановича – 15 душ, майора Владимира Ивановича – 5 душ (в 1845 г. были вывезены в Спасск) и корнета Андрея Владимировича (с 1845 г.) – 5 душ. Полковнику Михаилу Дмитриевичу Лихареву принадлежали 35 душ поселян и 3 дворовых человека⁴. Кроме того, в селе было 30 дворов однодворцев, позднее ставших государственными крестьянами. При селе также упоминаются землевладельцы из крестьян. Например, в 1856 г. земля «при селе “Побединке, Воскресенском тож”, бывшая прежде за поручиком Александром Максимовичем Лихаревым, по купчей крепости была продана государственным крестьянам села Чулковские выселки Дмитрию Федорову, Федору Артамонову, Климону Фокину, Андрею Григорьеву, Никите Семенову, Ивану Матвееву и села Секирина Филиппу Филимонову, Федору Семенову, Ивану Поликарпову, Ивану Федорову «в количестве 120 десятин (131 га)»⁵.

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 22 об; д. 1241, л. 141 об.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 241.

³ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 35 об.

⁴ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 162 об – 163, 128 об – 130, 163 об – 164.

⁵ РГАДА. Ф. 1355, оп. 2, д. 229, л. 252 об.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в это время в селе Воскресенском насчитывалось 96 дворов. Строения села располагались на обеих берегах р. Победенки извилистыми порядками (видимо, повторявшими контуры спускавшихся к реке оврагов). Никольская церковь находилась в центре села на левом берегу реки¹.

В селе «Воскресенское, Победное тож» по данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., насчитывалось 45 домохозяйств государственных душевых крестьян, в которых проживали 232 души мужского пола и 251 женского, а также 5 домохозяйств четвертных крестьян (бывших однодворцев), в которых проживали 18 душ мужского пола и 18 – женского². По сведениям 1859 г., накануне отмены крепостного права в «Воскресенском, Победном тож, селе казенном при колодцах», лежавшем в 10 верстах от уездного города, насчитывалось 57 дворов, в которых проживали 235 мужчин и 251 женщина. К селу также примыкала «Победное, деревня казенная», в которой было 3 двора и проживали 9 мужчин и 9 женщин³.

После отмены крепостного права в 1861 г. село и деревня были приписаны к Корневской волости. В 1857 г. деревянная приходская Никольская церковь была «возобновлена». С начала столетия в ней служили священники Тихон Стефанов, Иаков Иоаннов (упоминался в 1813 г.), Прокопий Гаврилов Ерошкин (в 1813–1849 гг.), Алексей Иванович Дубровин (в 1849–1871 гг.) и Илья Борисович Борисов (ок. 1873–1898 гг.). В 1884 г. И.В. Добролюбов писал о церкви: «Земли во владении причта при ней состоит 36 десятин (39,2 га), на каковую землю имеется план и межевая книга. В состав прихода ныне входят: село Воскресенское с 85 дворами и деревня Подмакарьевка (в 4 верстах) с 24 дворами, в коих числится мужского пола 433, женского пола 498. По штату 1873 г. Никольская церковь значится приписною к церкви села Чулково без отдельного причта»⁴.

В 1860–1870-х гг. на прилегающих к селам Победное и Чулково землях Корневской волости Скопинского уезда началась разработка залежей бурого угля. С этого времени в окрестностях села появился и начал расти поселок Побединка. На шахты Побединского рудника устраивались работать местные крестьяне. Тогда само слово «шахта» было для многих в новинку. «Начались шахты, когда я был еще маленьким, – вспоминал в 1950 г. старик А.П. Машников – Что это значит, шахта? Мы шагаем, вот тебе и шаг-та». Крестьяне из ближайших сел возвращались на ночь домой, из дальних – оставались в шахтных бараках. В темных бараках с двухъярусными нарами спали, готовили пищу, сушили одежду. «Внизу едят, а наверху обуваются – сор в щи сыпется, – рассказывал старый горняк К.М. Ларюшкин. – Хлеб, картошка с грязью и пылью. Из шахты вылезешь – одни зубки белеют, а помыться негде». Быт и нравы горняков нашли отражение и в местном фольклоре. Сохранилось немало сказок-анекдотов об обманутом десятнике и хитром горнорабочем. Одну из них рассказал в 1950 г. А.П. Гоголев из села Победное: «Один рабочий-бедняк никак не мог устроиться на работу. Просил, просил, а ему говорят: “Не нужны рабочие”. Вот он и пообещал штейгеру одной шахты барана. После этого его устроили на работу. Нужно значит рассчитывать. Приводит рабочий на дом обещанного барана. А дело-то было ночью. Штейгер послал прислугу открыть сарай, рабочий пустил барана и поехал домой. Утром

¹ Карта А.И. Менде 1850 г., 1см – 420.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 2.

³ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 130.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 241.

штейгер приходит на шахту и посылает одного рабочего с шахты резать барана. Рабочий идет, штейгеру не поперечишь. Открывают ему сарай, а из сарая как выпрыгнет огромная собака, чуть не сшибла с ног резака! Зашли в сарай. Смотрят – барана нет. Вот штейгер жене и говорит: “Это собака барана съела, и как рвала его аккуратнo – во всем сарае ни одной капли крови и шерсти клочка нет!” Ну, а после об этом узнали, что не баран достался штейгеру, а собака»¹.

Основная же масса происшествий в жизни Победного, если судить по соответствующему разделу в «Рязанских губернских ведомостях», не отличалась от соседних сел и деревень. Страшным бедствием для крестьян были пожары, приобретавшие значительные масштабы в условиях отсутствия серьезной противопожарной охраны. Например, в 1876 г. губернская газета сообщала: «27 августа Скопинского уезде Корневской волости в селе Победном сгорело от неизвестной причины 6 крестьянских домов с надворными строениями, причем на соседнем с местом пожара доме сломана крыша; убытка понесено на 1180 руб.»²

По данным переписи населения 1882 г. в селе Победном в 112 домохозяйствах проживали бывшие государственные душевые крестьяне – 334 мужчины и 388 женщин. Из них грамотными были всего 9 мужчин. Всего в селе насчитывалось 110 изб, «по-белому» топились лишь 1. При крестьянских жилищах имелось 105 плетневых дворов, 54 горницы (клетки), 25 амбаров и сараев, 98 риг и овинов. В местном сельском обществе на ревизскую душу приходилось 4,6 десятины (5 га) земли – мелкого чернозема, большей частью глины. 6 семей имели собственную землю – 55 десятин. Без лошади и коровы обходились обитатели 15 беднейших дворов, жители 11 наиболее зажиточных крестьян содержали по 3 и более лошадей. Еще в 8 домохозяйствах села проживали бывшие государственные крестьяне четвертного права – 17 мужчин и 20 женщин. У них на ревизскую душу приходилось 4,7 десятины (5,1 га), однако на работника – 9,3 десятины (10,2 га). Потомки местных однодворцев жили в 8 избах, при которых было 6 плетневых и один заборный (каменный) двор, 7 горниц, 1 амбар, 7 риг (овинов). Местными промыслами занимались 5 семей, 2 мужчин числились в отхожих промыслах. В селе действовал кабак³.

«Главный новоустроенный храм в селе Победном <...> во имя Святителя Николая, Мирликийского чудотворца» был освящен местным благочинным священником села Ермолова Иоанном Незлобиным в январе 1891 г.»⁴. Видимо, прихожанами этой деревянной церкви становились и работники Побединского рудника. Во всяком случае, управляющий одной из побединских угледобывающих компаний Иван Иванович Воронин в 1900 г. делал на ее нужды щедрые пожертвования⁵.

В 1905 г. в селе Победном насчитывалось 143 двора, население составляли 490 мужчин и 510 женщин. На расстоянии 1 версты от села располагался поселок «Акционерного общества каменноугольных копей» с 5 шахтами и 3 казармами для рабочих – всего в нем насчитывалось 23 строения. Также здесь действовала ж/д станция и будки, находилась квартира урядника. В поселке жили 44 мужчины и 47 женщин⁶.

¹ Сталинец, №104 (3 сентября 1950).

² Рязанские губернские ведомости, № 78 (2 октября 1876).

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 2–8.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 1 (1 января 1891 г.). С. 4.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 14 (15 июля 1900 г.). С. 267.

⁶ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 634–637.

С 1901 г. в Победном работала земская школа. В 1905 г. ее попечительницей была Акулина Ивановна Морозова, жена товарища-распорядителя «Товарищества каменноугольных копей при селе Воскресенском» крестьянина Федора Семеновича Морозова. Через год инженер путей сообщения А.А. Тюнтин¹. Позднее его сменил на этом посту назначенный в 1904 г. директором-распорядителем Бельгийского акционерного общества каменноугольных копей при селе Воскресенском горный инженер М.А. Ганкар.

К 1908 г. в Победном было 1071 жителей, из них 96 детей школьного возраста. В земской школе, где преподавали законоучитель и учительница, обучались 94 ученика. В эту же школу ходили дети из находившейся на расстоянии 1 версты деревни Ереминой, где было 102 жителя. 21 октября (3 ноября) 1908 г. учительница школы в Победном г-жа Башнева обратилась в Скопинскую уездную земскую управу с просьбой «о назначении <...> второй учительницы ввиду того, что из-за имеющихся 94 учащихся занятия для одной учительницы представляются очень затруднительными». Одновременно с заявлением учительницы в управу поступило заявление попечителя этой школы г-на Ганкара о том, что «пока он будет состоять управляющим Побединских копей, им будет предоставляться комната для второй учительницы». С 1 ноября 1908 г. к занятиям в Побединской земской школе приступила окончившая женское епархиальное училище Ольга Степановна Теплова².

В 1910-х гг. в селе Победном действовал ряд «промышленных заведений». Известна чайная лавка, принадлежавшая Прасковье Ракиной, которая в 1912 г. уехала в Пензенскую губернию, оставив по себе задолженность по земским сборам (местный пристав докладывал Скопинскому уездному земству, что их она «по своей бедности уплатить не может»³. Была в селе также торговая и пивная лавка Ивана Ивановича Аксенова, в 1912 г. также переселившегося в Пензенскую губернию, не погасив своей задолженности перед скопинским земством. По поводу взыскания с него промышленного налога уполномоченный представитель докладывал скопинскому уездному земскому собранию, что И.И. Аксенов «живет очень бедно, из имущества кроме избы с сениями и одной лошади ничего не имеет»⁴. Ведение дознаний, связанных с взысканием задолженностей по налогам на промышленные заведения, чаще всего занимались члены Скопинской уездной земской управы. Так, например, член управы Н.А. Кареев выяснял, что значившаяся в земских реестрах как работающая в селе Победном торговая лавка Василия Яковлевича Полякова к 1912 г. уже не существовала⁵.

Для повышения доходов скопинского уездного земства в 1910-х гг. рассматривались планы облагать налогом не только «промышленные заведения», но и земли, приносящие доход «от добывания каменного угля». За основу бралась попудная (с пуда) арендная плата предприятия различным собственникам, в том числе крестьянам села Победного, деревень Чулковские выселки и Поплевиной. Исходя из данных 1911 г. сумма такого обложения составила бы эквивалент земского сбора с пяти хорошо оснащенных водяных мельниц⁶. Сдачей в аренду земель для угодобычи в Победном занималась даже местная церковь, в которой в 1912-

¹ Сведения за 1902 год. Скопин, 1904. С. 31.

² Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 18-19; Журнал Скопинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 17 ноября 1907 года. Скопин, 1908. С. 60.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. Скопин, 1913. С. 401.

⁴ Там же. С. 404-405.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. Скопин, 1914. С. 556-557.

⁶ Там же. С. 261-262.

1914 г. служил священник Петр Дмитриевич Фелонов. Церковная земля находилась между двух оврагов к западу от села, выше по течению р. Победенки. В 1913 г. «от процентных отчислений в пользу причта из доходов от разработки на церковно-причтовой земле каменного угля» были оштукатурены и расписаны внутренние стены церкви, исправлены оконные рамы, обшивка наружных стен, пополнена ризница на сумму 2150 рублей¹. Однако, к сожалению для скопинского земства, церковные доходы налогами не облагались...

В 1913 г. земство запланировало постройку кирпичного «нового здания для двухкомплектной школы в с. Побединке, – 4000 руб. в пособие, 2400 в ссуду, 1600 руб. из земских средств по смете 1913 г. Существующее деревянное здание крайне неудобно, тесно, низко и не имеет квартир для учительниц. Перестройка и расширение этого здания стоили бы лишь порядочных денег, но удовлетворительного школьного здания все равно не дали бы»².

Перед началом Первой мировой войны в 1914 г. в Победном был 151 крестьянский двор, которые населяли 560 мужчин и 623 женщины³. Рядом с селом находились Побединский рудник и казарма «Товарищества каменноугольных копей», где жили 87 человек. По территории соседней Полянкой волости проходила линия Побединско-Шахтинской железной дороги, в казарме и будках при которой жили еще 10 человек⁴.

Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. отличился уроженец села Егор Дмитриевич Львов (1889–?). Он был призван в ряды Русской императорской армии в первые дни конфликта, на фронте был ранен. В 1916 г. Е.Д. Львов был награжден Георгиевским крестом 4-й степени и произведен в вахмистры⁵.

Бельгиец М.А. Ганкар оставался попечителем земской школы в Победном до конца 1917 г.⁶ В 1916 г. она была двухкомплектной. В условиях дороговизны и дефицита угля в годы Первой мировой войны близость к угольным шахтам позволила обеспечить школе бесперебойное отопление. По итогам 1916 г. на него пошло 1500 пудов (24 т) угля. На ремонт школы в течение года было потрачено 9 руб. 40 коп., на освещение – 21 руб., на страхование – 10 руб. 23 коп., на учебные пособия и библиотеку – 105 руб. 2 коп., на содержание сторожей – 114 руб⁷.

В 1917 г. в селе Победном Корневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 246 дворов, которые населяли 746 мужчин и 787 женщин⁸. Советская власть в селе, как и повсеместно в уезде, была установлена в декабре 1917 г., первые выборы в сельсовет состоялись в следующем году.

В эпоху нэпа основным развлечением местного населения стали азартные игры. Скопинская газета «Коллектив» в 1925 г. писала: «В селе Победном сильно развилась картежная игра, иногда с очень плачевными результатами. Был даже случай, когда в Победенский

---

¹ Рязанские епархиальные ведомости, № 7 (апреля 1913 г.). С. 256; Журналы Скопинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 20 февраля 1905 года. Скопин, 1905. С. 87, 107.

² Журнал Скопинского уездного земского собрания внеочередного созыва 3 июня 1912 года, Скопин., 1912. С. 13.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 599–600.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. Скопин, 1914. С. 512.

⁵ ГАРО. Ф. Р-2657, оп. 4, д. 185.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 274.

⁷ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 178.

⁸ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

ВИК вбежал с воплем: “Караул, ограбили”, – раздетый и разутый гражданин. Нарядили следствие и выяснили, что гражданина попросту обыграли в одном из притонов. Где карты – там и растраты, и другие преступления. Победенским крестьянам, в особенности которые познательней, надо бы повести борьбу с этим злом»¹. Еще одна публикация того же года вышла под характерным заголовком – «Карты и самогон»: «В селе Победенке 25 марта у гражданина Володина И.А. играли в карты пьяные: Гришаев В. из села Секирина и Пимкин из села Дмитриева. Игра дошла до того, что Гришаев проиграл Пимкину сапоги и пошел домой босиком. Вызванная милиция захватила пьяную компанию. Вот до чего доводят карты и самогон»².

Уездная пресса писала и о других проблемах местного населения: «В селе Победенке около церкви идет дорога на Победенский рудник; к ней подходит овраг, который скоро совсем разделит деревню на две части, так что ездить негде будет в больницу. Рост оврага остановить ведь не так уже трудно...»³

В 1929 г. дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Село Победное (Победенка) стало населенным пунктом Скопинского района, который был включен в Центрально-Промышленную область, до конца года переименованную в Московскую.

В июне 1929 г. в Побединском сельсовете был организован колхоз «Победа». В него первоначально вошло 175 хозяйств, из них бедняцких 67, середняцких 106, кулацких 2. В 1930 г. местные власти довели уровень коллективизации села до 100 %, однако после выхода в свет статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» и последовавшим за ней постановлением ЦК ВКП (б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» местный колхоз развалился – в нем осталось всего 12 хозяйств. Доходы в побединской сельхозартели распределяли не по трудодням, а по количеству едоков. В 1931 г. в колхоз «Победа» вступило 40 хозяйств, в их числе 4 бывших твердозаданца. Председателем колхоза стал Чесноков, допустивший гибель посевов вики (на 10 га) и посадок картофеля (погнило ок. 100 ц). В хозяйстве имел место и недосев, за что колхозный полевод Панин был осужден сроком на 3 года. В 1932 г. из колхоза «Победа» вычистили 5 кулацких хозяйств. В 1932 г. побединский колхоз имел в своем распоряжении 17 плугов двухкорпусных, 2 сеялки тринадцатирядных, сеялку семирядную, 2 косилки, 4 жнэйки, 3 сортировки, четырехконную молотилку, 2 соломорезки, конную соломорезку, 56 телег, 40 саней и т.д. Среди его хозяйственных построек были 2 овощехранилища, свинарник на 86 голов, 2 склада, зернохранилище, конный двор на 56 голов, 2 сарая, кузница⁴. Колхоз стал надежной гарантией от голода и бедствий для самых бедных крестьянских хозяйств. Жительница села Мария Чеснокова в 1933 г. вспоминала: «Семья моя была из семи человек, сама я вдова. До колхоза бедствовала и мучилась, но в 1929 г. заработала 70 пудов хлеба. Работала беспощадно по 20 часов, старалась, нас было тогда 38 хозяйств. Кулаки говорили: “Куда гольтепа прете, все равно сгибните в колхозе, пропадете как черви”. Тогда у нас была одна лошадь, но потом государство помогло деньгами, и на них мы купили 7 лошадей и справили инвентарь. Теперь у нас 180 хозяйств. В этом году я работаю поваром в детских яслях»⁵.

Председатель Побединского сельсовета Живетин, который должен был контролировать выполнение зажиточными односельчанами посевных планов и отвечать за выполнение ими

¹ Коллектив, № 39 (8 апреля 1925).

² Коллектив, № 45 (24 апреля 1925).

³ Коллектив, № 61 (20 июня 1925).

⁴ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 48.

⁵ Побединский ударник, № 54 (8 марта 1933).

норм сдачи сельхозпродукции государству, сам попал под их влияние. Стремясь предохранить односельчан от дискриминационного обложения, он сообщал властям о том, что в селе кулацких хозяйств не было. «При проверке оказалось 9 кулаков, из них 6 имели посев. Составленные списки по вручению твердых заданий прошли мимо кулаков». Володин М.В. и Чесноков И.Я. в списках не числились, все остальные по обязательствам проходили как единоличники¹.

В 1933 г. газета «Побединский ударник» отметила еще одно «прегрешение» местного председельсовета. «На пути явного обмана партии – председатель Живетин», – писала она. В 1933 г. «вместо 798 га засеяли 753, а остальные не засеяны, так как земля не была разделена (в соответствии с посевными планами единоличников. – *Примеч. авторов*)»².

Главной проблемой в колхозе «Победа» в это время стала недостача тягловой силы. «На 45 имеющихся лошадей, приходилось по 16 га на каждую лошадь, а также не хватало рабочих рук в колхозе, так как многие были связаны с работой на шахтах. В силу чего затянулась весеннее-посевная и уборочная. В 1934 г. основным тормозом был также недостаток лошадей, отсутствие кормов, нехватка рабочих и плохая организация труда. В течение 1934 г. с работы были сняты 2 председателя. Первый, Машников – за нераздачу фуража колхозникам, и второй, Гаврилов – за разложение: систематическое пьянство и бездеятельность. За период с 1929 по 1934 г. в колхозе сменилось 7 председателей. В феврале 1935 г. колхоз не был готов к севу, например, из 77 имеющихся лошадей, непригодных к работе в силу возраста от 17 до 28 лет, было 14 голов, и 35 лошадей ниже средней упитанности. На лошадь приходилось 12 га. Не хватало инвентаря»³.

С учетом низкого уровня технической оснащенности хозяйств районов Московской области, в каждом с началом коллективизации были организованы по одной-две МТС, где была сконцентрирована сельхозтехника, предназначенная для их обслуживания. 15 августа 1931 г. была организована Побединская МТС. При ней существовала мастерская капитального ремонта, обслуживавшая 25 колхозов, ежегодный посев под зерновые, свеклу, картофель и прочие культуры в которых составлял 23 532 га. «В общем перечне работ была не только вспашка, боронование, уборка, но и молотыба, иногда транспортные услуги. На 1 января 1938 г. числилось 42 колесных трактора ХТЗ и СТЗ, в 1939 по актам было выбраковано 8 единиц, 8 колесных универсалов, 7 гусеничных «Сталинец», 12 комбайнов, 4 автомобиля «Форд», ГАЗ, ЗИС, один легковой. Кроме того, в МТС на балансе состояли 15 двигателей переменного тока, плуги, сеялки, молотилки, тара и прочее оборудование, в том числе пожарная машина на конной тяге. Все необходимое хранилось и ремонтировалось в сарае площадью 3417 кв. м.

В начале 1930-х гг. о клириках Никольской церкви в Победном районная пресса писала лишь в уничижительном ключе. Скопинский «Коллектив» сообщал: «Пономарев Максим Трофимыч, дьячок села Победного, лишен избирательных прав. Раньше имел наемный труд, шерстобитку, имеет деньги, гребет лопатой. Есть у него сын Александр. С целью отделения (от отца) вступил в партию. Для поддержки дьячка участвовал в сельсовете и был судьей, штрафовал. А про шерстобитку и разговора нет... Колхозники подавали заявление – не помогает. Живут дьячок с сыном по-старому, агитируют втихомолку»⁴. Некоторое время спустя Никольская церковь была закрыта.

¹ Побединский ударник, № 54 (8 марта 1933).

² Побединский ударник, № 160 (15 июля 1933).

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 48–49.

⁴ Коллектив, № 9 (18 апреля 1931).

Несмотря на достигнутые советской властью серьезные успехи в деле обеспечения всеобщей грамотности населения, в образовательной сфере Скопинского района в 1930-е гг. имелось немало проблем. Итоговые данные за 4-ю четверть 1934/1935 учебного года и данные проверочных испытаний за учебный год дали следующие показатели по району и городу Скопину: из общего количества учащихся по району на 1 сентября 1934 г. – 10 200 человек, из школ по разным причинам выбыли 980 человек. В основном это происходило из-за выездов семей учащихся из района, болезней и отсева детей по успеваемости. Некоторые же не ходили в школы потому, что не всегда имели подходящую одежду и обувь. В Побединской школе из общего количества учащихся – 503 человека – выбыли 86, из них в другие школы 41. Также значительный процент падал на отсев из 5-х классов детей из Рогового и Поплевина. По данным за 1935 г., «Побединская школа (директор Шмидт) – осталось на 2-й год 28 учащихся и испытания отложены на осень у 104 учащихся от общего количества 463 человека. Особенно плохое преподавание учителя Тараскина по русскому языку – подлежит немедленной замене»¹.

В 1937 г. Победное вместе со всем Скопинским районом вошло в новообразованную Рязанскую область. В это время несколько жителей села пострадали от «большого террора». Макей Михеевич Володин (1884–1937) на момент ареста в августе 1937 г. трудился разнорабочим на строительстве. 2 сентября 1937 г. он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению «в систематической контрреволюционной пропаганде» и на следующий день расстрелян на полигоне в подмосковном Бутове. Его посмертная реабилитация состоялась по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. Та же судьба постигла Трифона Кузьмича (1888–1937) и Петра Трифионовича (1909–1937) Гусевых, погибших там же 26 сентября 1937 г. Скорее всего, они пали жертвами оперативного приказа народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г.

В конце 1930-х гг. урожай зерновых во многих хозяйствах Скопинского района были низкими. Среди причин этого явления были и массовый отход крестьян на заработки в города, и низкая культура земледелия. Районные правоохранительные органы, однако, действуя в духе времени, предпочитали видеть «корень зла» во вредительстве работников Скопинского районного земельного отдела. Согласно справке НКВД СССР о недочетах в ходе подготовки к весеннему севу по данным на 25 апреля 1938 г., «в Скопинском районе ликвидирована контрреволюционная группа, в состав которой входили: Масленников А.И. – ст. агроном районного ЗО, в прошлом офицер царской армии; Григорьев А.М. – ст. землемер ЗО, бывший офицер царской армии; Саунин А.И. – землемер, сын кулака; Фруллини Г.Э. – ст. агроном сельбазы, бывший офицер царской армии; Пинделин П.Э. – ст. агроном МТС, сын кулака; Фадеев П.Н. – ст. землемер районного ЗО; Ушаков С.А. – зав. райЗО; Пехачек И.И. – зав. участком, бывший офицер царской армии». Как утверждается в документе, «члены группы осуществляли вредительство в области ведения севооборотов, планировании, семеноводстве и т. д. Вредительская работа в области севооборотов сводилась к тому, что земельные массивы колхозов делились на равные участки без учета посевов по культурам, в результате посев производился хлебом по хлебу. <...> По отдельным колхозам в результате этого урожайность по зерновым была снижена в среднем до 3 ц с га. В области семеноводства вредительская деятельность сводилась к тому, что сортовые семена смешивались с рядовыми. На недоброкачественный семенной материал выдавались сортовые свидетельства. Семенные участки дро-

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 95–96.

бились на мелкие клочки и располагались среди рядовых посевов. В целях сокращения скота травосеяние в севооборот не включалось, а луговые и пастбищные угодья распахивались. За 1937 г. распахано таких земель 450 га». Дело слушалось в Скопине в ходе открытого показательного судебного процесса в конце 1937 г.¹

Материалы Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., сообщают о Победном следующее: «Побединский сельсовет включает одноименное село. Местный колхоз «Победа» в 1937 г. включал 100 % крестьянских хозяйств. Посевная площадь под различными культурами (колхозная, включая усадьбы колхозников) составляла 1428,7 га, в том числе под картофелем на личных участках колхозников 62,8 га. В колхозе 61 лошадь, 6 голов крупного рогатого скота и 24 овцы, у колхозников 100 коров, 36 свиней и 281 овца. В селе одна торговая точка, неполная средняя школа с 560 учащимися, сезонные ясли-сад на 25 детей»². В 1939 г. в Побединский сельсовет входили также шахта №49. В районной сводке она вместе с селом названа Побединской колонией. В селе и на шахте действовали торговые точки»³.

На 1 января 1939 г. в колхозе «Победа» Побединского сельсовета состояли 167 дворов. 880 из 1000 жителей села Победного были членами колхоза, но трудоспособными среди них были лишь 176 человек. В 88 дворах содержался крупный рогатый скот. В 1938 г. с площади 335 га было собрано 1585 ц зерновых и бобовых, с 45 га – 180 ц картофеля, с 5 га – 113 ц овощей и бахчевых. На трудодни было отчислено 21,2 % прибыли колхоза, на административные расходы – 9,3 %. В среднем каждый колхозник выработал за год по 103 трудодня. 1 трудодень в местном колхозе «конвертировался» в 1,61 кг зерна⁴. В колхозе «Победа» по отчету за 1938 г. было 70 лошадей и 14 жеребят, 10 коров и 4 теленка, 24 овцы и 21 ягненок⁵.

На Побединской МТС на 1 января 1939 г. работали 12 комбайнеров, 16 машинистов на молотилках, 16 весовщиков, 4 механика, 15 бригадиров тракторных бригад, 79 трактористов, 7 агрономов, 15 служащих, 2 шофера, 12 ремонтных рабочих»⁶.

Уже в конце 1930-х гг. взрослые мужчины-колхозники старались устраиваться работать на шахты или промышленные предприятия, где заработки были выше. В колхозах оставались женщины и молодежь. О дефиците работников-мужчин свидетельствует следующий факт: «В соседнем колхозе «Верда» (Чуловские выселки) подыскали двух бригадиров-мужчин, те в первые же дни сева напились пьяными, избili подростков и перестали выходить на работу»⁷.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время село Победное воспринималось не как самостоятельный населенный пункт, а скорее как часть большого рабочего поселка Побединский, выросшего при окрестных шахтах.

В 1941 г. мирная жизнь страны была прервана Великой Отечественной войной. На ее фронтах сражались и многие уроженцы Победного, в том числе Григорий Филиппович Симанкин (1914–1996). Он жил и работал в г. Донском Тульской области, в 1940 г. был призван в РККА, в следующем году окончил курсы младших лейтенантов. С июля 1941 г. Г.Ф. Симан-

¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 4, Москва, 2012. С. 612.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Таблица. Населенные пункты Скопинского района.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

⁵ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

⁶ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь МТС, лл. 1–3, 7–11.

⁷ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91, Тетрадь № 1, лл. 43 об, 53.

кин воевал на Северном (позднее – Ленинградском) и 2-м Белорусском фронтах. Капитан Г.Ф. Симанкин, командир батальона 461-го стрелкового полка 142-й стрелковой Краснознаменной дивизии 23-й армии Ленинградского фронта, особо отличился в ходе Выборгско-Петрозаводской наступательной операции при форсировании р. Вуоксы на Карельском перешейке и в боях на захваченном плацдарме на северном берегу реки. 9 июля 1944 г. он умело организовал форсирование реки на подручных средствах. Переправившись, батальон под его командованием очистил от противника передовые траншеи, углубил в его расположение на 2 км, расширил плацдарм до 3 км по фронту и занял важную развилку дорог, чем способствовал дальнейшему развитию наступления. Будучи раненым, Г.Ф. Симанкин не покинул поле боя и продолжал командовать батальоном.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. за умелое командование подразделением, мужество и героизм, проявленные в Выборгско-Петрозаводской операции, капитану Г.Ф. Симанкину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». После войны Г.Ф. Симанкин вышел в запас и до конца своих дней жил и работал в г. Донском.

В 1942–1946 гг. Скопинский район вновь находился в составе Московской области, после чего вернулся в Рязанскую. В послевоенное время побединский колхоз «Победа» не был в числе передовых хозяйств района. В 1957 г. он был объединен с колхозом им. Н.М. Шверника Чулковского сельсовета. На общем собрании новый колхоз решено было назвать «Путь Ильича». Его председателем избрали Г.Г. Бурчихина. В 1963 г. в связи с дальнейшим укрупнением хозяйств в Скопинском районе оказалось два колхоза с таким названием, поэтому чулковско-побединскую сельхозартель переименовали в «Заветы Ильича». Председателем колхоза тогда стал А.С. Моргунов¹.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Победное было включено в состав Побединского городского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в нем в это время постоянно проживал 161 человек – 72 мужчины и 89 женщин.

---

¹ Архив Скопинского района. Ф. 162, лл. 1 – 1 об.

ПОДМАКАРЬЕВО деревня (городское поселение Побединское)

Деревня Подмакарьево появилась на территории Ряжского уезда в самом начале XVIII в. Изначально она была помещичьим селцом. Первое упоминание об этом селении относится к материалам 1-й ревизии податных сословий, проводившейся в Ряжском уезде в 1710 г. Подмакарьево получило свое название по месту своего расположения: подле пустоши Макарьевской, имевшей площадь 206 десятин (225 га) и лежавшей «верха Ржавца на правой, а речки Полотебны на левой сторонах»¹...

Согласно переписным книгам Ряжского уезда 1716 г. селцо Подмакарьево состояло «за Лейб гвардии Семеновского полку за урядником Федором Никитиным сыном Кошелевым <...>, Преображенского полку за солдатом Степаном Нефедьевым сыном Кошелевым <...>, за Минаем Саввиным сыном Шестемеровым <...>, за драгуном Алексеем Елфимовым сыном Лушиновым <...>, за рязанцем Гаврилой Осиповым сыном Дубовицким <...>, за капитаном Дмитрием Казьминым сыном Шетневым...» За каждым числился «сво двор помещиков» и дворовые люди, у некоторых – крепостные крестьяне. Например, за А.Е. Лушиным были записаны 8 человек дворовых людей, у Г.О. Дубовицкого «дворовые люди переведены <...> из деревни Дубовицкой, <...> обоих полов десять человек, а по переписным книгам 710 года написано <...> в нем дворовых людей мужска пола пять, женска пола два <...>, да крестьянский двор в нем, <...> обоих полов тринадцать человек»².

По сказке 1719 г. старосты местного помещика капитана Степана Нефедьева сына Кошелева, за ним числился «двор помещиков, в нем дворовые деловые люди» – 12 человек. По сказке 1722 г. Ивана Шепелева, дворового человека капитана Дмитрия Козмина сына Шетнева, за последним был записан «двор помещиков, а в нем дворовые и деловые люди, два человека, а те дворовые люди пашни своей не имеют, пашут на помещика и кормяца месячно». По сказкам «Гаврилы Осипова сына Дубовицкого дворового его человека Зота Филимонова» в оклад за помещиком были положены 9 дворовых; за Лейб-гвардии Семеновского полка урядником Федором Никитиным сыном Кошелевым в подушном окладе был 21 человек крепостных крестьян и дворовых; за драгуном Алексеем Елфимовым сыном Лушиным – 5 дворовых людей; за Минаем Савиным сыном Шестемеровым – 11 дворовых и крестьян. Всего же в подушном окладе по селцу состояли 70 крестьян и дворовых людей³.

По 2-й ревизии селений Ряжского уезда Переслав-Рязанской провинции, проводившейся в 1744–1745 гг., Подмакарьево было собственностью «вдовы Екатерины Алексеевой дочери капитана Степановой жены Киреева сына Кошелева и детей ее прапорщиков Сергея и недоросля Михайлы Степановых детей Кошелевых» за ними 11 душ, по предыдущей ревизии 1722 г. бывшие «помещика Степана Афонасьева сына Кошелева». В селце проживали также 21 крепостная душа «порутчика Лаврентия Казмина сына Шетнева», по прежней ревизии

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 89.

² РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 3, лл. 172, 179 об.

³ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, лл. 708 – 712 об, 714–715.

принадлежавшие его брату Дмитрию Казмину Шетневу. У «отставного гренадера Лариона Гаврилова сына Дубовицкого» в сельце было 13 душ, у «шкипера Михайлы Михайлова сына Хирина жены сво Матрены Федоровой – 27 душ» (по предыдущей ревизии они состояли за Лейб-гвардии Семеновского полка урядником Ф.Н. Кошелевым), у «отставного поручика Василия Савина сына Свиридова» – 15 душ, «прежде бывших за Минаем Савиным Шестирировым». Всего же в селении окладных душ, дворовых и крестьян 87¹.

В 1778 г. в ходе административных реформ императрицы Екатерины II был образован Скопинский уезд в составе Рязанского наместничества. В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г. Подмакарьево описано как сельцо «общего владения генерал-поручика и кавалера Николая Лаврентьевича Шетнева, подполковника Родиона Родионовича Кошелева, капитанши Ирины Ивановой дочери Трухачевой, прапорщика Михаила Степанова сына Кошелева, поручика Михайлы Леонтьева сына Потолова, вдовы поручицы Матрены Яковлевой дочери Савостьяновой, Николая Васильева Петрово-Соловова» и еще 9 помещиков. О Подмакарьево сказано: «Положение имеет на берегу оврага Панина, в коем два пруда, в них рыба щука и карась. Дома господские полковника Кошелева и генерал-поручика Шетнева, при них сады». В сельце было 9 дворов, в которых проживали 71 душа мужского пола и 68 – женского. Селение располагалось на площади 8 десятин (8,7 га). При нем было 471 десятина 163 сажени (515 га) пашни, 98 десятин (107 га) леса, 29 десятин (31,6 га) сенокоса – всего вместе с «неудобьями» 611 десятин 857 сажений (668 га) земли².

Среди владельцев сельца – помещик села Серезева в Рязком уезде генерал поручик Н.Л. Шетнев³, немеревский помещик подполковник Р.Р. Кошелев⁴, представители рязанских губернских дворянских фамилий Трухачевых, Потоловых и Петрово-Соловова.

По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. в сельце Подмакарьево во владении статского советника Алексея Николаевича Шетнева находились 29 крепостных душ. Из этого количества 7 (19) июня 1830 г. было «причислено подполковнице Татьяне Ивановой Трескиной» 8 душ. Штабс-капитану Федору, капитану Дмитрию, подпоручику Василью и малолетнему Николаю Ивановым детям Трухачевым принадлежали 20 душ. Также в сельце числились «покойного действительного статского советника и кавалера Дмитрия Родионовича Кошелева малолетних сыновей» Александра – 2 души, Родиона – 7 душ, его же дочерей Матрены – 1 душа, Маргариты – 2 души, Варвары – 3 души, переведенные в 1822 г. в Саратовскую губернию⁵.

Согласно окладной книге 1834 г., к сельцу Подмакарьево в 1844 г. были причислены 50 поселян поручицы Марьи Никифоровны Александровой. В нем проживали также 18 душ подпоручика Алексея Сергеевича Кошелева, которые в 1843 г. были вывезены в Сапожковский уезд. Полковнику Михаилу Дмитриевичу Лихареву в селении принадлежали 11 душ поселян, подполковнице Татьяне Ивановне Трескиной – 12 душ, корнетше Варваре Ионовне Шотт – 12 душ поселян и 3 дворовых человека. В 1837 г. были исключены из оклада (карандашом приписано: «в Рязань.» – *Примеч. авторов*) 29 душ штабс-капитана Николая Ивановича Трухачева⁶.

¹ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2871, лл. 301–309.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 38 об; д. 1241, л. 160 об.

³ О нем см. статью «Большая Косыревка» настоящего издания.

⁴ О нем см. статью «Немерово» настоящего издания.

⁵ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 107 об – 109.

⁶ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 4 об – 5, 142 об – 143, 163 об – 164, 297 об – 298, 304 об – 305, 362 об – 363.

По окладной книге 1850 г. «за умершей поручицей Марьей Никифоровной Александровской» (супругой помещика сельца Перки) показано 35 душ поселян и 6 дворовых; за штабс-капитаном Николаем Ивановичем Трухачевым «мужского пола 27 душ». Корнетше Варваре Ивановне Шотт до 1852 г. о в сельце принадлежали 33 души мужского пола и 3 дворовых человека¹.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в сельце в это время было 22 двора. Оно представляло собой два противлежащих порядка домов, вытянувшихся параллельно протекавшей в овраге р. Перке. На выезде из сельца у дороги в деревню Роговую стояла ветряная мельница. С западной стороны к крестьянским огородам примыкал обширный сад, на уровне которого на р. Перке был устроен пруд. В саду располагались постройки барской усадьбы. В поле перед господским домом находилась часовня².

В плане специального межевания 1855 г. при сельце Подмакарьево обозначены земли следующих владельцев: поручика Федора Ивановича Усова, коллежского асессора Ивана Михайловича Никифорова, поручицы Евгении Яковлевны Алабиной, действительного студента Федора Николаевича Трухачева, поручика Александра Григорьевича Александровского с детьми, капитана Сергея Степановича Селезнева (помещика соседнего Елифанского уезда Тульской губернии), майорши Натальи Григорьевны Лушковой с детьми и дворянки Аксины Темишевой. Ф.Н. Трухачев был собственником ок. 60 десятин (65 га) земли, Е.Я. Алабина – более 119 (130 га), С.С. Селезнев – более 100 (109 га) и А.Г. Александровский – более 256 (280 га)³.

В фондах РГАДА сохранились некоторые документы о переходе земельной собственности при сельце: «За январскую и майскую треть 1856 г. в сельце Подмакарьево имение, прежде принадлежавшее поручику Александру Григорьевичу Александровскому, <...> ныне по купчей крепости дошло до капитана Сергея Степанова Селезнева» в количестве 100 десятин пахотной земли. В 1857 г. 132,5 десятины (144,8 га) земли, которые «преж были коллежского советника Николая Ивановича Зан, а ныне дошли московскому мещанину Евгению Яковлевичу Красовскому»⁴.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., сельцо Подмакарьево принадлежало помещикам Трухачеву и Александровскому. В нем насчитывалось 19 домохозяйств, в которых проживали 65 душ мужского пола и 70 – женского⁵.

По сведениям 1859 г., в «Подмакарьево, деревне владельческой при ручье», находившейся в 17½ верстах от уездного города, было 12 дворов и проживали 74 мужчины и 74 женщины⁶.

После отмены крепостного права в 1861 г. сельцо Подмакарьево было приписано к Измайловской волости. Известны некоторые подробности освобождения бывших владельческих крестьян помещиков Александровских. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1863 г., значится: «Скопинск[ого]

¹ ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 8 об – 9, 329 об – 330, 389 об – 390.

² Карта А.И. Менде 1850 года, 1 см – 420 м.

³ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 2, лл. 45 – 45 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1355, оп. 2, д. 229, лл. 364 об, 247 об.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 50.

⁶ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 131.

уезд[да] участка мир[ового] посредника Засс, дер[евня] Подмакарьева, наслед[ников] умершей супруги поруч[ика] М.Н. Александровской, 32 д[уши]. Душевой надел: прежний – 3 дес[ятины] 212 саж[еней], по грамоте – 3 дес[ятины]: повинность издельная. Грамота написана опекуном»¹.

По переписи населения 1882 г. в деревне Подмакарьево числились 33 домохозяйства, в которых проживали 103 мужчины и 83 женщины. В среднем на ревизскую душу в местных сельских обществах приходилось 2,4 десятины (2,6 га) земли, причем надел бывших крестьян помещика Александровского составлял около 2 десятины, но дополнительную вненадельную землю в количестве 58 десятины (63,4 га) арендовали крестьяне «б. Александровской» и «б. Трухачева». 3 двора в деревне были безземельными, 14 – безлошадными, причем в 8 из них не держали также и коров. В деревне было 2 каменных дома и 25 деревянных изб, 31 местный мужчина числился в отхожих промыслах, при деревне действовало одно промышленное заведение (видимо, отмеченная в 1850 г. ветряная мельница)².

Иногда в маленькой деревне разыгрывались поистине шекспировские трагедии «с местным колоритом». В 1887 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «Утром 5 декабря в деревне Подмакарьевской Скопинского уезда под сараем на дворе крестьянина Тимофея Иванова повесился ночевавший у Иванова крестьянин деревни Казначеевки Степан Голованов, 50 лет. Причина самоубийства, как объясняют родственники Голованова, по всей вероятности, была та, что он боялся явиться к отцу и брату без денег, вырученных 4 декабря на базаре в г. Скопине через продажу привезенного им хлеба, и в тот же день им пропитых»³.

В 1905 г. в деревне Подмакарьево было 27 дворов, которые населяли 98 мужчин и 97 женщин. При селении продолжала работать ветряная мельница. Местные крестьяне занимались отхожими промыслами⁴.

В Подмакарьево своей школы не было. К 1908 г. из 199 жителей деревни 18 были детьми в возрасте от 8 до 11 лет, многие из них ходили в земскую школу села Ольшанки (Богословского) за 2,5 версты⁵. В 1914 г. в Подмакарьево было 34 двора и 211 жителей, которые были прихожанами Никольской церкви села Победного⁶.

В 1917 г. в деревне Подмакарьево Измайловской волости Скопинского уезда насчитывалось 26 дворов, в которых проживали 83 мужчины и 99 женщин⁷. После установления советской власти деревня попала под юрисдикцию Ольшанского сельсовета.

После ликвидации в 1929 г. дореволюционного административного деления Подмакарьево стало населенным пунктом Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

На волне массовой коллективизации в деревне был организован колхоз им. К. Либкнехта. Точная дата его создания не известна, но весной 1932 г. он уже действовал. В 1932 г. местный селькор, скрывшийся под псевдонимом Доброжелатель, сообщил газете «Победин-

¹ Рязанские губернские ведомости, №6 (9 февраля 1863).

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 50–55.

³ Рязанские губернские ведомости, № 2 (7 января 1887).

⁴ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 624–625.

⁵ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 14–15.

⁶ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 600.

⁷ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 143.

ский ударник» о том, что в колхоз им. К. Либкнехта «недавно вернулся раскулаченный П. Свиридов, употребляющий все усилия чтобы войти в колхоз. В нем немало его родственников»¹. «Подмакарьевский колхоз засорен кулаками, – сообщила газета, – которые открыто выступают против хлебозаготовок. 22 августа общее собрание колхозников под давлением кулацкой агитации не приняло план хлебозаготовок. В Подмакарьево есть Свиридов, который до революции имел кучую землю и наемный труд. Выступал против хлебозаготовок и член Ольшанского сельсовета Медведев П.В.»². Бывшие зажиточные крестьяне противодействовали не только словом. Некоторые из них не считали для себя зазорным запустить руку в «закрома Родины». Нередко это заканчивалось для них плачевно. Так, например, житель деревни Подмакарьево Егор Матвеевич Федоров, «имевший до вступления в колхоз кулацко-зажиточное хозяйство, за кражу 1,5 пуда (24 кг) ржи был приговорен к лишению свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на 10 лет с конфискацией имущества, за исключением деревянной избы»³.

1932 г. выдался для подмакарьевского колхоза им. К. Либкнехта трудным. Многие считали нововведение властей временным недоразумением и потому работали в сельхозартели спустя рукава. «Егорова М.Ф. с подводы, направляемой на ссыпной пункт, украла рожь и продала в Скопине на базаре»⁴. Наказания она не боялась – в правлении колхоза заседали одни ее родственники, включая председателя колхоза Егорова. Но и те, кто не мог рассчитывать на родственную поддержку правления, поступали не лучше. В мае 1932 г. «председатель колхоза Егоров послал завхоза Иванова в одно из ближайших сел. Вечером он возвратился пьяным и без лошади. Где оставлена лошадь никому не известил. Председателю сказал – утопла»⁵.

Многие скопинские дворяне-землевладельцы после революции остались на родине. Не всем удавалось вписаться в новую жизнь страны. Утратив привычные социальные привилегии, некоторые из них становились на скользкий путь. В 1932 г. в Побединке «при огромном стечении рабочих и крестьян рассматривалось дело М. и В. Трухачевых, обвиняемых в краже госимущества». Как сообщалось в публикации, «М. Трухачев имел доступ к складу геологоразведки, где совместно с братом похитил 104 горбыля, 2 кг гвоздей, ватные телогрейки и другие материалы. Суд приговорил обоих к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества»⁶.

К 1933 г. административная деятельность председателя колхоза им. К. Либкнехта Егорова начала вызывать все больше и больше вопросов. Газета «Побединский ударник» писала: «Частые пьянки приводят к тому, что дела колхоза идут день ото дня хуже. Егоров сгноил семенные фонды проса и вики, на посев пришлось занимать эти семена у соседних колхозов. Добыли только просо, рискнули все же посеять свои попорченные вики, она не взошла. Известно, что его отец был крупный лесоторговец. Уже после революции имел шерстобитку, жнейку и другие сельхозорудия, которые не может иметь середняк. Егоровы арендовали сад помещика Барабанова»⁷. Дело передали на рассмотрение РКС на предмет решения о возможности дальнейшего пребывания Егорова в колхозе.

¹ Побединский ударник, № 139 (20 июля 1932).

² Побединский ударник, № 203 (10 октября 1932).

³ Побединский ударник, № 197 (3 октября 1931).

⁴ Побединский ударник, № 189 (2 сентября 1932).

⁵ Побединский ударник, № 83 (7 мая 1932).

⁶ Побединский ударник, № 237 (28 ноября 1932).

⁷ Побединский ударник, № 149 (5 августа 1932).

В соответствии с постановлением ВЦИК от 10 декабря 1932 г. Президиумом Мособлсполкома была проведена реорганизация: Милославскому району из состава Скопинского были переданы Кочугуровский, Кочугуро-Выселесский и Ольшанский сельсоветы.

В условиях начинавшегося в отдельных районах страны голода в 1933 г. отдельные колхозы не торопились рассчитываться по поставкам хлеба с государством, придерживая зерно. Власти через прессу требовали «дать решительный отпор кулацким попыткам придержать хлеб». Газета «Колхозная трибуна» Милославского района писала: «54 колхоза до сих пор еще не приступили к выполнению планов по зернопоставке. Колхозы “Красная звезда”, “Красный пахарь” <...> им. Карла Либкнехта и др. преступно затягивают выполнение районного плана и медлят с хлебосдачей... Партийные ячейки и сельсоветы должны будут дать решительный отпор кулацким настроениям руководителей ряда колхозов»¹.

В 1934 г. в подмакарьевском колхозе был уже другой председатель, но общей обстановки в нем это не оздоровило. Газета «Колхозная трибуна» писала: «В колхозе им. Карла Либкнехта Ольшанского сельсовета имеется пасека. Правление колхоза забыло о ее существовании. В результате отсутствия охраны недавно из ульев похищено 5 рам меду. Председатель колхоза Маркин решил скрыть от колхозников этот факт.

– Я хозяин, а не вы, – говорит Маркин. Все это привело к тому, что мед стали похищать целыми ульями. Так было похищено три улья. Мы просим РУМ вмешаться в это дело и виновных в расхищении колхозной пасеки привлечь к суровой ответственности. Ершов А.Т., Колчанов»².

Однако пасекой злоупотребления нового председателя не ограничились. «Колхозная трибуна» сообщала: «Сторож Подмакарьевской рощи Иванов В.Д. расхищает государственный лес. Он нарубил себе самовольно деревьев на постройку двора, и за эту работу заплатил Маркину А. лесом. По накладной Маркин выписал 2 куб. метра дров, а Иванов отпустил ему 4 куб. метра. Иванов сменял свою избу с Фонасеевой, в придачу последней он дал 4 куб. м леса. Прокурор должен положить конец жульничеству Иванова, привлечь его к ответственности по закону от 7 августа 1932 г. Нефедов М., Полков И., Нефедов Ф.»³.

Колхозная жизнь в Подмакарьеве более-менее стабилизировалась лишь к концу 1930-х гг., уже после того, как в 1937 г. деревня в составе Милославского района вошла в новообразованную Рязанскую область. Как свидетельствуют топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.), в «деревне Подмакарьевке» насчитывалось 45 строений. К этому времени в деревне действовала построенная уже в советские годы школа.

Жители деревни наравне с остальными соотечественниками защищали Родину во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ефрейтор Петр Афанасьевич Панков (1912–?), старший телефонист взвода управления командующего артиллерией 332-й стрелковой дивизии, за годы войны заслужил две медали «За отвагу» и орден Красной Звезды. В представлении к последней награде, которую П.А. Панков получил в августе 1944 г., о его боевой работе сообщалось: «Красноармеец Панков в бою 17 июля 1944 г. по прорыву обороны противника в районе станций Бигосово и Шатрово под сильным артиллерийским огнем обеспечил своевременную связь между командующим артиллерией и командиром 891-го артполка. В течение боя <...> под артиллерийско-минометным огнем устранил 12 обрывов линии связи и, продвигаясь за командиром артполка обеспечивал

¹ Колхозная трибуна, № 76 (5 августа 1933).

² Колхозная трибуна, № 214 (25 октября 1934).

³ Колхозная трибуна, № 38 (18 марта 1934).

бесперебойную и своевременную связь, чем способствовал управлению огнем артиллерии, уничтожившей до 250 солдат противника».

В послевоенные годы началось активное освоение Полевинского угольного месторождения. Вблизи Подмакарьева возник горняцкий поселок Полевинский. Многие жители связывали с ним большие надежды. Так, районная газета «Сталинец» в 1950 г. писала: «Жители Подмакарьева радуются, что поселок придвигается к ним все ближе и ближе. Бригадир слесарей Иван Яковлевич Нефедов, проживающий в Подмакарьевке, мечтает о том, когда поселок сольется с его деревней.

– Наш лес, – говорит он, – будет парком культуры и отдыха, построим бетонную плотину для пруда, разведем рыбу. Недолго придется ждать этого времени.

Иван Яковлевич 40 лет работает на шахтах. За долголетний и безупречный труд во имя Родины он награжден орденом Ленина и тремя медалями...»

Послевоенная судьба колхоза им. К. Либкнехта с точностью неизвестна. Скорее всего, в рамках линии на укрупнение хозяйств Рязанщины в начале 1950-х гг. он был объединен с каким-либо ближайшим колхозом.

Общий кризис сельского хозяйства на закате советской эпохи лишил небольшую деревню будущего. Молодежь разъехалась по городам и крупным поселкам. Немногочисленные местные пенсионеры постепенно замещались дачниками.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Подмакарьево была включена в Побединское городское поселение. Однако уже тогда населенный пункт агонизировал. Ко времени Всероссийской переписи населения 2010 г. постоянного населения в нем уже не оставалось. В наши дни бывшая деревня – поросшее лесом урочище. О том, что здесь несколько веков жили люди, можно догадаться лишь по нескольким запаханным участкам (видимо, дачники пока еще заглядывают сюда) и постепенно зарастающей плотине на р. Перке.

ПОЛЯНСКИЕ ВЫСЕЛКИ

поселок

(сельское поселение Шелемишевское)

Поселок Полянские выселки с колхозом «Красный Октябрь» впервые появился на карте Желтухинского района Московской области в 1935 г.¹ Он примыкал к селу Новобаракову и относился к территории Новобараковского сельсовета. Название указывает на то, что сюда отселились жители села Поляны, исторически связанного со Старо- и Новобараковым. Являясь частью Желтухинского района, в 1937 г. небольшой поселок вошел в число населенных пунктов новообразованной Рязанской области.

На топографических картах РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) Полянские выселки показаны как не самостоятельный населенный пункт, но как часть села Новобаракова.

В решении Желтухинского исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся от 20 октября 1950 г. по выборам в районный Совет депутатов трудящихся Полянские выселки упоминаются в Новобараковском избирательном округе с селами Бараковым и Новобараковым².

В 1954 г. в Новобараковский сельсовет вошли деревни Дмитриевский хутор, Гудовка, 19-й разъезд и железнодорожные будки. В 1956 г. был упразднен Желтухинский район, а его населенные пункты переданы соседнему Скопинскому. В 1958 г. в связи с линией на укрупнение сельских советов к Новобараковскому был присоединен Полянский сельсовет, а в 1960 г. – еще и Городецкий. Все действовавшие на территории сельсовета сельхозартели объединились в колхоз «Авангард» с центральной усадьбой в селе Костемерева. В апреле 1960 г. колхоз «Авангард» Новобараковского сельсовета, в свою очередь, был включен в совхоз им. В.И. Чапаева Шелемишевского сельсовета³.

В 1960–1970-х гг. на территории Новобараковского сельсовета действовали 3 восьмилетние и 2 начальные школы, 3 клуба, 3 библиотеки, 3 магазина, Полянская больница, 2 медпункта и 4-е отделение совхоза им. В.И. Чапаева⁴. Согласно административно-территориальному делению Рязанской области на 1 января 1970 г. поселок Полянские выселки находился в составе Новобараковского сельсовета с центром в селе Новобаракове⁵.

В середине 1980-х гг. жители Полянских выселок пользовались социальной инфраструктурой Новобараковского сельсовета. В селе Новобаракове действовали начальная школа, медпункт, почта, дом культуры, библиотека, магазин. Полянские выселки относились к 3-му отделению совхоза «Нива». Жители поселка работали в совхозе, в бюджетной сфере и на Скопинском машиностроительном заводе⁶. Деструктивные процессы в сельском хозяйстве

¹ Административно-экономическая карта Желтухинского района Московской области, 1935, М: 75000.

² Колхозная правда, № 46 (22 октября 1950).

³ Архив Скопинского района. Ф. 373, л. 1.

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 94, л. 1; ф. 314, л. 1.

⁵ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С. 99.

⁶ Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.7. Рязань, 2006. С. 254.

на закате советской эпохи фатальным образом сказались на демографической ситуации небольшого поселка, быстро терявшего население.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» поселок Полянские выселки был включен в Шелемишевское сельское поселение. Ко времени Всероссийской переписи населения 2010 г. постоянных жителей в нем не осталось.

ПОЛЯНЫ

село

(сельское поселение Полянское)

Село Поляны появилось на рубеже XVII–XVIII вв. как поселение лично свободных солдат-однодворцев. Первое упоминание о деревне Поляны содержится в переписной книге 1716 г. В ней отмечено, что по переписным книгам 1710 г. «в той деревне служилого чину солдат сорок четыре двора, в них людей мужеску полу сто четырнатцать человек, да женску пола восемьдесят пять человек, обоих полов сто девяносто девять, да вдовьих два двора, в них людей женска полу два человека»¹.

Как представляется, название селения восходит к упоминаемой в писцовых книгах конца XVI в. пустоши Овечкина Поляна, принадлежавшей Ивану Матвееву сыну Тютчеву, «из рязских детей боярских». Имея значительные размеры, она лежала по обе стороны р. Питомши. От наименования пустоши получили свои названия село Большое Подовечье, находившееся на ее южной окраине, и деревня Поляны, возникшая близ ее северных границ².

В переписной окладной книге Туровского, Низрановского разъездов Рязского уезда в деревне Поляны отмечены 20 дворов солдатских (однодворческих), а в них «по скаске 719 года солдаты»: пятидесятник Давыд Никитин сын Томин, десятник Мартин Федоров сын Конопатов, Дементей Степанов сын Кобелев, Иван Петров сын Гирин, Сава Никитин сын Томин, Архип Савельев сын Подковырин, Михайла Иванов сын Жданов, а также «скитающиеся и безземельные» Семен Степанов сын Подковырин, Акинфей Афонасьев сын Подковырин, Родион Мелентьев сын Неверов». При определении в оклад существовали строгие требования, и без специального документа отсылали и малых, и семейных в те селения, где они ранее были определены в оклад. Например, Никиты Куприянова сына Конопатова зять Михайла Иванов сын Окунев, как выяснилось при освидетельствовании, был «уроженец Скопинского уезду села Кремлева волостной крестьянин, и по тому допросу он, Михайла, и сын Прохор отосланы и отданы на прежнее жилище в оное село Кремлево, и о приеме имеется квитанция, того ради их здесь не числить». Также и Павел Максимов сын Гречишников, зять однодворца Исая Максимова сына Маслова, уроженец села Вязовенки, был «отдан на прежнее жилище». То же произошло и с зятем еще одного местного жителя Прокофием Петровым сыном Бочаровым, 55 лет, с детьми. Как «пришлый уроженец города Скопина, новоприверстанный солдат» он также был отправлен по прежнему месту проживания. Всего же в деревне в рассматриваемое время проживали 145 однодворцев и 1 отставной драгун³.

В 1744 г. по переписной книге однодворцев, помещичьих, монастырских, дворцовых крестьян Верденского разъезда Рязского уезда Переслав-Рязанской провинции по селу Поляны были положены в подушный оклад 164 однодворца. Среди них упоминаются Лука Фе-

¹ РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 1, л. 248.

² Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 135.

³ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, лл. 342–342 об, 350–352, 355, 357 об.

доров сын Конопатов, Зот Киприянов сын Конопатов, Крисандр Ермолаев сын Томин (правая нога в ранах), Иван Трофимов сын Коровников и др. Со времени предыдущей ревизии петровских времен в Поляны перешли на свои земельные угодья несколько однодворцев из сел Полотебна и Городецкое¹.

В 1778 г. Поляны стали селением Скопинского уезда, образованного в составе Рязанского наместничества в ходе административных реформ Екатерины II. Экономические примечания к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленные в 1779 г., описывают «село Поляны с деревней Бараковой» как «владения однодворцев». О селе Поляны в документе сказано: «Лежит на речке Мошки по левой, в коей три пруда, а Каменного оврага на правой сторонах, в нем пять прудов». В Полянах было 56 дворов, в которых проживали 242 души мужского пола и 111 – женского, в Баракове – 39 дворов и 190 душ обоего пола. Селения располагались на площади 53 десятин (58 га). При них имелась 1991 десятина 1062 сажени (2176 га) пашни, всего же вместе с покосами, лесами и «неудобьями» площадь земельной дачи составляла 2805 десятин 302 сажени (3065 га). В селе отмечена «церковь деревянная во имя Св. великомученика Георгия» (хотя И.В. Добролюбов относит ее строительство к 1793 г., документы однозначно показывают, что в 1779 г. она уже существовала)².

Планы Генерального межевания 1779 г. показывают, что в это время село Поляны состояло из отдельных хуторов, разбросанных по берегам р. Мошки и ее притока. Между ними на широком лугу находилась Георгиевская церковь. В каждой части села было по три пруда. Вся местность вокруг села была изрезана оврагами: на севере – Каменным, на юго-востоке – оврагом Орлик, на западе и востоке – безымянными оврагами, спускавшимися к двум ручьям. Между оврагами и строениями можно насчитать до десятка открытых луговых полей (именно это слово использовалось в XVIII в. в межевых документах). Возможно, именно это обилие свободных пространств придавало дополнительный смысл названию села.

В 1793 г. в селе было освящено новое здание Георгиевской церкви, также деревянное. Оно обветшало через полвека и в 1843 г. было заменено новым. С начала XIX в. в полянском храме служили священники Иоанникий Иоаннов (с 1803 г.), Василий Стефанов (в 1815–1820 гг., утонул), Сергей Васильев Полянский (в 1830–1842 гг.), Петр Васильев Вознесенский (с 1842 г.), Александр Васильев Трейеров (с 1852 г.) и Павел Петрович Архангельский (с 1876 г.)³.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в это время в селе Поляны насчитывалось 170 дворов. Село было четко структурировано на ряд геометрически правильных рядков. На широком лугу в центре села, у края которого стояла Георгиевская церковь, находилась также часовня, отмечавшая, скорее всего, место предыдущего церковного здания 1793 г. постройки⁴.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в селе Поляны Скопинского уезда насчитывалось 113 домохозяйств, в которых проживали 560 душ мужского пола и 537 – женского⁵. По сведениям 1859 г., в «По-

¹ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2871, лл. 56, 67–68.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 38; д. 1241, л. 163а

³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 264.

⁴ Карта А.И. Менде 1850 года, 1см – 420 м.

⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 32.

лянах, селе казенном при пруде», лежавшем в 16 верстах от уездного города, насчитывалось 180 дворов и проживали 560 мужчин и 537 женщин¹.

В 1861 г., при организации в Скопинском уезде волостей, село Поляны стало центром одноименной волости. В нее, помимо самого селения, вошли окрестные села Ермолово, Питомша и Подनावолок.

В 1861 г. в Полянах усилиями местного священника и при деятельном участии Палаты государственных имуществ открылось церковно-приходское училище. В нем в 1866 г. обучались 30 мальчиков. Училище помещалось в доме сельского общества, плата за помещение, а также деньги на содержание училища и жалование наставнику выдавались из волостного правления².

Среди школ Скопинского уезда, содержавшихся от сельских обществ и частных лиц, в 1875 г. упоминается Полянское мужское училище (46 мальчиков), где законоучителем и учителем состоял священник Михаил Гаврилович Владимиров. Для полянского сельского общества оно было бесплатным, от земства на его содержание выделялись 100 рублей в год³.

По переписи населения 1882 г. в Полянах было 240 домохозяйств, в которых проживали 772 мужчины и 763 женщины. Грамотными в селе были 103 мужчины, 1 женщина и 81 учащийся мальчик. Местная земля была черноземной с примесью глины, наряду с общественной при селе имелось еще 28 десятин (30,5 га) четвертной. С учетом ее на ревизскую душу приходилось 3,6 десятины (3,9 га). Кроме этого, 16 семей жителей села владели 171 десятиной (186,8 га) собственной земли и еще 82 семьи арендовали дополнительно 396 десятин (432 га) земли. В селе было 12 бездомовных домохозяев, 1 безземельный двор. 110 дворов были безлошадными, причем обитатели 77 из них обходились также и без коров. Из 240 деревянных изб и 1 каменного дома «по-белому» топились 38 жилищ. При домах местных крестьян было 207 плетневых дворов, 123 горницы (клетки), 173 амбара (сарая), 180 риг (овинов). Местными промыслами занимались 45 семей, в селе работали 10 промышленных заведений, кабак и лавка⁴.

Судя по публикациям «Рязанских губернских ведомостей», происшествия, время от времени случавшиеся в Полянах, ничем не выделяли это село на фоне остальной крестьянской России. Например, в августе 1883 г. губернская газета сообщала: «25 июня Скопинского уезда в деревне Микулиной крестьянин села Полян Федор Козьмин умер от излишнего употребления вина»⁵. То же касалось и традиционно высокой пожароопасности русских сел, что также находило отражение в хронике происшествий: «23 августа [1883 г.] Скопинского уезда в селе Полянах сторело от неизвестной причины 6 крестьянских домов с надворными строениями; убыток понесено на 1000 руб.»⁶.

В 1880 г. по инициативе полянского сельского общества в селе было основано земское училище. По описанию 1888 г., оно размещалось в деревянном пятиконном здании под соломенной крышей общей площадью 88 кв. аршин (44,5 кв. м) и объемом 308 куб. аршин (111 куб. м). Содержание училища обходилось обществу в 342 рубля в год. В трех отделени-

¹ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 130.

² Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 236–237.

³ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. М., 1877. С. 430.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 32–37.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 58 (3 августа 1883).

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 79 (15 октября 1883).

ях – младшем, среднем и старшем – обучались 42 мальчика в возрасте 8–14 лет, причем среди них были 1 сын купца и 1 сын священника. Продолжительность обучения составляла три года. Также отмечалось, что «учительница имеет помещение при школе, есть небольшая библиотека, учрежденная на средства земства. Плата за обучение не берется; за исключением жалования учителям и учебных пособий, получаемых от земства, все расходы производятся обществом. Попечителя при школе не имеется. Законоучитель – священник В.А. Фортунин, учительница – окончившая курс в Рязанском доме трудолюбия М.И. Воинова»¹.

В конце XIX в. произошло окончательное оформление внутренней топонимики села. Оно состояло из порядков и улиц с такими названиями, как Теменки, Невзорово, Курган, Центральная, Собачий хутор, Горобки, Милкин порядок.

По данным за 1894 г. в Полянах известны следующие «промышленные заведения»: шерстобитки с одноконными приводами крестьян И.С. Гусарова и Г.Ф. Мамонова, овчинные заведения Л.Н. и Н.Н. Томиных, двухконные просорушки Н.Ф. Жданова, И.И. Веникова, С.С. Дронова и М.Ф. Баранова, одноконные маслобойки И.С. и И.Е. Гусаровых и Н.Ф. Жданова².

В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов пишут: «Жители села были известны тем, что многие из них занимались одним отхожим промыслом – строительством железных дорог во всех концах страны. По подсчетам местных жителей, с участием полянских рабочих в России было построено 22 железные дороги различной протяженности. Причем интересно отметить, что выходцы из Полян участвовали в стройках не только рабочими. Уроженцем Полян, в частности, был один из известных инженеров-железнодорожников Я.М. Веников. Полянские женщины, как правило, отхожими промыслами не занимались. В свободное время они ткали поневы. Большой частью для собственных нужд. Однако некоторые изделия местных рукодельниц продавались на ярмарках и базарах»³.

По данным за 1905 г. в селе Поляны насчитывалось 297 дворов, а население составляли 1220 мужчин и 1168 женщин. В селе действовали церковь деревянная, волостное правление, смешанная земская школа, земские аптека и фельдшерский пункт, 2 ветряные мельницы, 3 маслобойки, 4 крупорушки и казенная винная лавка. Дьячок Георгиевской церкви владел паровой мельницей⁴. Крестьянам Сергею Спиридоновичу Царькову и Федоту Ивановичу Рябову принадлежала ветряная мельница, которую продали на слом в 1907 г. крестьянину села Секирина Ионе Борисову. Пивная лавка в Полянах принадлежала Марфе Афонасьевне Паниной⁵. Ульяна Михайловна Маслова имела в селе чайную, но с 1912 г. она не работала⁶.

В 1902 г. в полянской школе учителем состоял И.М. Львов, попечителем – дворянин Николай Алексеевич Кареев, помещик сельца Перки и земский начальник 3-го участка Скопинского уезда. В Полянах к 1908 г. проживали 2451 человек, из 220 детей только 143 обуча-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. Москва: Ряз. губ. земство, 1889. С. 8–13, 22.

² Мартынов Н.Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год. Рязань, 1895. С. 10, 60, 90.

³ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 156.

⁴ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 626–627; Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XL созыва 1904 года. Скопин, 1905. С. 205.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. Скопин, 1913. С. 404–405.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. Скопин, 1914. С. 572–573.

лись в «двухклассной Министерства народного просвещения, а ныне земской школе». Кроме законоучителя – местного священника – в школе работали еще два учителя¹. Попечителем полянской земской школы в 1912 г. оставался коллежский секретарь Н.А. Кареев². В 1916 г. школа стала трехкомплектной. На ее отопление уходило 1650 пудов (26,4 т) угля в год стоимостью 514 руб., на ремонт – 19 руб., освещение – 9 руб., страхование – 24 руб. 38 коп., содержание сторожа – 18 руб.³

«Особого рассказа заслуживают события революции 1905–1907 гг., в которых принимали участие жители Полян. Правда, крупных волнений в селе не происходило. Объяснялось это тем, что местные крестьяне никогда не состояли в крепостных и в силу отдельных обстоятельств жили несколько лучше своих собратьев по классу в других селах и деревнях губернии. Тем не менее, революция 1905–1907 гг. в истории села занимала особое место. В 1905 г. уроженец села Поляны С.Я. Неверов участвовал в восстании железнодорожных рабочих города Читы, во время которого и погиб. Его революционные воззрения перенял брат К.Я. Неверов, передавший их, в свою очередь, сыну покойного брата Александру. Но рассказ об этом относится уже к революционным событиям 1917 г., поэтому к нему мы еще вернемся. А теперь о событиях Первой русской революции в самих Полянах.

В 1907 г. здесь учительствовал И.М. Игнатов, человек передовых взглядов, хорошо знавший крестьянский быт и его многочисленные беды. Частенько в доме или у дома, где он поселился, собирались крестьяне, с которыми учитель вел разговоры о положении крестьянства в России, о самодержавии, о партиях, ведущих борьбу за власть. Крестьяне, в свою очередь, возмущались существующими порядками, произволом помещиков. По воспоминаниям старожилов, особый гнев местных жителей вызывали действия помещика Леонова, жившего в Периках. Действуя незаконно и нагло, он практически отнял у полянских крестьян принадлежавшие им 150 десятин пашни и леса. В 1907 г. за учителем И.М. Игнатовым установили негласный полицейский надзор. Но до его ареста дело все же не дошло. Это объясняется, прежде всего, тем, что к концу 1907 г. революционное движение в России пошло на убыль. Меньше стало выступлений и в Рязанской губернии»⁴.

В 1905 г. в Полянах началось строительство земской больницы. В приговоре схода «государственных крестьян в числе 175 человек из общего числа 237 домохозяев», созванного старостой Петром Краюшкиным 14 (27) января 1905 г., сообщалось о том, что крестьяне, «выслушав предложение <...> господина земского начальника 3-го участка Скопинского уезда Николая Алексеевича Кареева» о постройке в селе Поляны больницы, изъявили полное согласие «без всякого на то вознаграждения» на выделение сельским обществом земли под постройки: «занять представляем сколько таковой потребуется»⁵.

Несмотря на первоначальное расположение крестьян к проекту, вскоре выяснилось, что работы не могут начаться, так как жители Полян не разрешили бесплатно пользоваться водой и песком, за что земству пришлось заплатить 200 рублей. Часть кирпича – 50 тысяч штук – приобреталась в Полянах, еще 250 тысяч было закуплено в Бахаровке. По завершении стро-

¹ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 38–39.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 274.

³ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 178.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 156.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва 20 февраля 1905 года, Скопин, 1905. С. 132.

ительства больничного здания с 1 февраля 1908 г. в селе начал работать 6-й врачебный участок Скопинского уезда, при котором состоял также фельдшерский пункт в селе Боровом. К участку были прикреплены 1 врач, три фельдшера и одна фельдшерица-акушерка. Здесь работали врачи Александр Иванович Зуев (1908–1911 гг.) и Владимир Михайлович Воскресенский (1914 г.), фельдшеры Алексей Васильевич Синяев (1908–1909 гг.), Василий Сергеевич Игнатъев (1911 г.), Яков Васильевич Подковыров (1911–1914 гг.), Кондратий Алексеевич Добровольский (1912–1914 гг.) и Яков Иванович Гальцов (1914 г.), а также акушерки Мария Григорьевна Павлова (1908–1909) и Юлиания Григорьевна Сарычева (1911–1912 гг.).

Больница открылась 5 (18) октября 1908 г. Она состояла из ожидальни, приемной или кабинета врача, операционной, перевязочной, аптеки, ванной и палат: мужской и женской, всего на 10 коек. Палаты комплектовались 2–3 койками. В ванной стояла колонка на 12 ведер с чугунной печкой, при колонке имелся кран-смеситель и «над ванной дождевой душ». Вода была проведена из колодца, устроенного во дворе больницы. Она поднималась на высоту 7 аршин в водоемное здание, помещавшееся над колодцем, где стоял бак на 400 литров. Насос приводился в действие ручной лебедкой двумя рабочими. К больничному зданию примыкала квартира доктора. При больнице имелись прачечная и баня для персонала, к которым была подведена вода, а также комната для проживания дворника. Освещение в палатах, коридоре, комнатах, кухне обеспечивалось двумя 12-, 20- и 25-линейными керосиновыми лампами, в комнатах у сиделок, ванной и водяных клозетах 5-, 7-, 10-линейными. Фонарей перед больницей не было. Больничное здание отапливалось голландскими и русскими печами. Топка печей в больнице была закреплена за дворниками, топка куба в кухне и ванной колонки – за одной из сиделок по очереди, прачечную топила прачка. Кроме того, был погреб, где хранилась капуста. В одном из отделений больничного сарая складывались дрова, в другом уголь, три остальных находились в пользовании персонала. В первый год работы из-за проблем с тамбурами, окнами и печами температура в помещении порой опускалась до + 6°.

Продукты питания для больных приобретались у местного торговца небольшими партиями. Мясо хранилось в погребе, а крупы, сахар, чай и прочее – на кухне. По утрам больным давали пить чай с белым хлебом, на обед в 12 часов дня – щи из свежей или кислой капусты, различные супы (картофельный, рисовый, из пшенной или гречневой крупы, вермишели, куриный). На второе предлагалась каша с маслом или молоком. Также давали котлеты, просто жареное мясо, яйца, молоко или кисель. В 15.30 давался чай, а в 7 часов вечера – ужин, на который выдались те же продукты, что и в обед. В 1910 г. скопинское уездное земство провело ревизию больницы, произведшей в целом хорошее впечатление благодаря опытному врачу А.И. Зуеву, который пользовался уважением местного населения¹.

Под влиянием А.И. Зуева персонал больницы начал проявлять известную инициативу в повышении своих профессиональных навыков. На заседании скопинского уездного земского собрания управой было зачитано следующее заявление фельдшера Подковырова: «Имею честь покорнейше просить Скопинскую уездную земскую управу разрешить мне с 20 ноября сего 1913 г. отпуск на три месяца с сохранением содержания, который необходим мне для поездки в Москву и сдачи экзаменов в Старо-Екатерининской больнице на звание школьного

---

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. Скопин, 1911. С. 124–130; Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLI 1905 года. Скопин, 190. С. 6200; Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года созыва. Скопин, 1909. С. 323.

фельдшера. За три года службы моей в Скопинском земстве я отпуском не пользовался ни разу». Земская управа полагала удовлетворить прошение, но, учитывая свое стеснительное финансовое положение, разрешить «с сохранением содержания двухмесячный отпуск». Земское собрание, однако, проявило щедрость и постановило «разрешить фельдшеру Подковырову отпуск с сохранением содержания на три месяца»¹.

С 1911 г. в селе действовало Полянское кредитное товарищество, в котором на 1 (14) января 1914 г. состояли 412 членов. Крестьяне имели право на ссуды на сумму до 3229 рублей².

Наиболее состоятельные и предприимчивые жители Полян в 1910-х гг. обзавелись паровой мельницей. Ей владели местный псаломщик Гавриил Григорьевич Велеслов и крестьянин Иван Яковлевич Веников. Оцененная скопинским земством для взимания сборов в 2500 руб., в 1911 г. она была переоценена в 1000 руб³. То ли мельница действительно не оправдала надежд «предпринимателей» в плане доходности, то ли ушлые сельчане специально приbedнялись перед земством, чтобы меньше платить...

В 1914 г. в Полянах было построено и освящено каменное здание Георгиевской церкви с колокольней. В храме по-прежнему служил священник Василий Алексеевич Фортунин. К храму было приписано земли усадебной 4 десятины (4,4 га), пахотной – 33 десятины (36 га). В церковной библиотеке насчитывалось 40 книг. В селе в это время насчитывался 351 двор, население составляли 1406 мужчин и 1398 женщин⁴.

В 1917 г. в селе Поляны Полянской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 388 дворов, в которых проживали 1379 мужчин и 1261 женщина⁵. Последние месяцы года двух революций выдались беспокойными: жизнь селян характеризовалась протоварным голодом и разгулом бандитизма. Скопинские уездные «Известия» в начале 1918 г. сообщали: «В ночь с 25 на 26 ноября [1917 г.] в селе Полянах у гражданина Маслова Василия Осипова была совершена кража 25 холстов полотна, 3 холста шерстяных для шушпанов, 3 холста для понев, 2 дамских пальто, 2 шубы, 2 пары кожаных сапог, 5 мер пшеницы, 10 фунтов коровьего масла, 2 поддевки, разное белье, платки и т. п. Вору разбили стекло у рамы нежилой избы, отворили раму и проникли внутрь, где взломали сундуки и взяли почти все, что могли и находили более ценным. Кроме того, в холстах попали и 750 руб. денег, погрузили на сани запряженные парой лошадей и скрылись. У соседа Морева был сломан замок у кладовой, раскрыты сундуки, но похитили только 1 шаровары, которые лежали сверху; очевидно, кто-нибудь помешал захватить остальное. Общий убыток исчисляется в 15 000 руб. меры к розыску грабителей приняты»⁶.

Заметную роль в революционных событиях в селе сыграл А.С. Неверов, сын упоминавшегося выше читинского железнодорожного рабочего С.Я. Неверова. «В это время А.С. Неверов находился на военной службе. С началом революции 1917 г. он принимал в ней самое активное участие. После ее победы решением полкового комитета А.С. Неверов направля-

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года, Скопин, 1914. С.154.

² Справочник по Рязанской губернии: Вып. 1 / Экон. отд-ние Ряз. губ. земской управы. Рязань, 1915. С. 58.

³ Скопинского уездного земского собрания XLVII очередного созыва 1911 года., Скопин, 1911. С. 243.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 605.

⁵ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 150.

⁶ Известия, № 24 (12 февраля 1918).

ется в родное село Поляны для установления там советской власти. Решение было не случайным. К нему подтолкнули письма родных из Полян, где они сетовали на то, что в селе нет реальной власти, которая могла бы отобрать землю у помещиков и раздать ее крестьянам.

В Поляны А.С. Неверов приехал в начале ноября (1917 г.). В тот же вечер ему удалось собрать народ на сельский сход. На нем полянцы приняли решение направить ходоков в Петроград к Ленину с тем, чтобы он помог разобраться в сути происходивших событий. Ходоками сход выбрал двух человек: А.С. Неверова и А.А. Маслова. С большими трудностями они добрались до Петрограда, где провели в общей сложности 10 дней в самой гуще событий, в Смольном. С Лениным ходокам встретиться так и не удалось, однако поездка не прошла даром. Полянцы узнали, что в скором времени выйдет Декрет о земле, по которому она перейдет в собственность крестьян. Кроме того, ходоки привезли из Петрограда массу впечатлений и два мешка различной литературы, разъясняющей существо происходящих в России событий. Вскоре собрали второй сход, на котором А.С. Неверова избрали председателем революционного комитета. Одним из важнейших дел сельского ревкома стала организация доставки в Поляны из Данковского уезда двух вагонов ржи¹.

В 1918 г. в селе началась новая эпоха – был организован Полянский сельсовет. Чтобы подчеркнуть разрыв «нового мира» со стариной, к первой годовщине Октябрьской революции его депутаты решили переименовать основные улицы села. Скопинские «Известия» писали: «Бюро комитета советских служащих Полянского совдепа в заседании от 1 ноября 1918 г. постановило: переименовать все улицы села Поляны в честь революции и борцов революции». Протокол был оглашен на общем собрании граждан села Поляны и был принят ими единогласно. В соответствии с ним переименовывались: «Слобода Невзорова: Большой порядок – Малая Ленинская; Большой хутор – Большая Троицкая; Малый хутор – Малая Троицкая; Поповская улица – Урицкая. Слобода Темникова: Большой порядок – Большая Ленинская; Большак – Революционная; Малый хутор – Большая Свободная; Собачий хутор – Малая Свободная; Большой хутор – Октябрьская и площадь Полян – Советская площадь»².

Раньше, чем во многих других окрестных селениях, в Полянах появилась и своя ячейка партии большевиков. «Полянская ячейка ВКП(б) организовалась еще в 1919 г. Число ее доходило до 30 человек». Однако не все они оказались твердыми приверженцами марксистских идей. «В момент наступления Мамонтова отдельные коммунисты спасовали, побросали свои партийные билеты и не пошли на фронт»³.

В 1919 г. позиции полянских кулаков были все еще сильны. Пользуясь слабостью советских властей, они бесконтрольно продолжали дореволюционную практику постепенного перевода общинных («мирских») земель в личную собственность (за что их и звали «мироедцами»). Поводом для таких действий могли служить и требования новых властей. Скопинские уездные «Известия» в июле 1919 г. сообщали: «...Гражданам села Полян Скопинским исполкомом неоднократно было предписано, чтобы выслать 50 подвод на Побединский рудник для подвоза угля. И тогда граждане собрались на сход. Начальник 5-го участка милиции заявил, что он арестует председателя сельсовета, если граждане не согласятся возить уголь. Председателя решили выручить. “Раз мы председателя выручаем за целое общество, то мы должны взять что-либо с общества, возьмем за это дугов” – рассудили крестьяне. Так как большин-

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 157.

² Известия, № 116 (14 ноября 1918).

³ ГАРО. Ф. П-44, оп. 1, д. 1, лл. 1, 7 – 7 об.

ство схода состояло из кулаков, то, несмотря на заявление одного из бедняков, крестьянина Краюшкина, что “лугов у бедняков брать нельзя, что когда нужно было привести для больницы дров, то лошадные за это у бедняков взяли землю, что, пожалуй, дойдет до того, что кулаки возьмут и рожь у бедняков и что беднота будет жаловаться на кулаков”. Сход все-таки заявил: “Твоя летом не возьмет, так как вся гольтьба собирается только зимой, а теперь ты один замешался меж нами, лошадными”. Значит, так и постановили: “Взять луга за подвозку угля”¹.

«В начале 1920-х гг. в Полянах организуется несколько кружков ликбеза, в середине 1920-х гг. открывается первая изба-читальня. В ней выписывалось около двух десятков наименований различных газет, журналов, брошюр, а также другой литературы. Со 2-й пол. 1920-х гг. широкое распространение получили кружки художественной самодеятельности. Среди активных организаторов таких кружков можно назвать И.С. Канищева и Г.А. Томина. Они подбирали пьесы для постановки, нередко писали агитки на злобу дня, доставали необходимый реквизит»².

Сельхозкооператив в Полянах организован 26 июня 1924 г. В первое время в него вступили только 8 человек, сумма взносов которых составила 11 рублей. С этим и начали торговлю. Год спустя в кооперативе уже состояло 130 человек (в том числе 4 женщины). Бедняков было 108, середняков – 18 человек³.

Медицинское обслуживание полянских крестьян, в 1920-х гг. было организовано из рук вон плохо. Старая земская система рухнула, новая, призванная ее сменить, еще только выкристаллизовывалась. «Подвешенным» состоянием местных селян пользовались нечистые на руку эскулапы. Но и им время от времени приходилось держать ответ за содеянное. Так, в начале июня 1925 г. в помещении полянской сельской школы, переполненной крестьянами, состоялось выездное заседание суда Скопинского 2-го участка. На скамье подсудимых оказался местный уроженец, фельдшер бывш. Полянской земской больницы Я.В. Подковыров. Его обвиняли в том, что, «пользуясь темнотой крестьян, занялся врачеванием населения негодными медикаментами, заставляя крестьян платить натурой в виде обработки земли, возки хвороста». На суде выяснилось, что он сумел собрать с крестьян до 300 пудов (4, 8 т) хлеба. Фельдшер также делал подпольные аборты (кстати, с 1924 г. их практика ограничивалась циркуляром Наркомздрава СССР), «жертвой, которых стала одна женщина деревни Барановки». Присутствовавшие на суде крестьянские женщины с большим вниманием выслушали речь эксперта врача Дьяконова, который простым языком обрисовал весь вред, приносимый абортами крестьянской женщине. Суд приговорил Подковырова по 187 и 146 ст. 2 ч. УК к двум годам лишения свободы»⁴.

Наряду с печальными, случались в жизни села и анекдотические истории, достойные пера Шолохова. В конце мая 1925 г. скопинская газета «Коллектив» рассказывала о том, как «полянские кооператоры Калинин П.В., Подковыров Ф.Н. да Краюшкин товара в Скопине для своего кооператива честь честью отобрали, все что крестьянству на потребу и восвоеси двинулись. Скопинские соблазны уже далеко позади остались, вот и село Ермолово среди зеленых лугов привольно раскинулось. Осторожно ковыляют по изуродованной плотине члены кооператива, бережно везут потребительское добро, разморило, засыпало их пылью

¹ Известия, №43 (25 июля 1919).

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 157.

³ Коллектив, № 65. 1925.

⁴ Коллектив, № 57 (6 июня 1925).

придорожной. Тут вот, недалеко, у кривой тетки Маланьи самогон добре хорош, маленечко с устатку не мешало бы. А покамест кооператоры развлекались, мальчишки тоже не зевали и, взобравшись на телегу, открыли дешевую распродажу рыбы, сельдей, баранок и прочего. Конкуренции опасаться не приходилось, так как товар раздали в долг без отдачи. Так случилось – полянские кооператоры торговали, а товары у них под носом воровали. Как потом себя кооператоры чувствовали когда прочухались – об этом история умалчивает. Одно только, рассказывают, что кооперативный коняга, который за товарами ездил – уж на что тварь бессмысленная, и тот на своем лошадином языке такую резолюцию положил: “Таких кооператоров и близко к кооперации подпускать не следует”¹. Правда, через пару номеров в той же газете появилось следующее послесловие к заметке: «От предправления Калинкина поступило опровержение, так как гр-не Краюшкин и Подковыров не имеют никакого отношения к кооперации»².

Вообще скопинские газеты 1920-х гг. изобилуют жалобами местных жителей на произвол и злоупотребления «на местах». Такая практика в то время поощрялась, считалась проявлением «большевистской самокритики». Благодаря этим публикациям сохранилось немало ярких картинок, характеризующих быт и нравы эпохи. Например, весной 1925 г. селькор Недовольный писал в скопинский «Коллектив»: «27 марта в селе Полянах Победенской волости на общем собрании граждан решено для покрытия задолжности сельсовета продать сад с усадьбой бывш. Львова одному гражданину. Меж тем, эта усадьба была 2 года тому назад отдана обществом в культфонд школы. Некоторые граждане протестовали на сходе против такого постановления о продаже имущества культфонда и просили председельсовета Неверова занести в протокол протест. Но тов. Неверов пустил их “по матушке” и добавил: “Идите жалуйтесь”»³. О бесхозяйственности местного сельсовета в «Коллектив» сигнализировали: «В селе Полянах Победенской волости шесть прудов, и при них шесть плотин, на которые в [19] 24 г. было отпущено по 32 шт. дубов и по несколько возов хвороста. Лес был вывезен из полянской лесной дачи, но до настоящего времени о починке плотин никто и усом не ведет, а ведь подходит страда, интересно знать, где гр-не села Полян будут проезжать с поля возами и думает ли сельсовет приступить к починке плотин?»⁴

В 1929 г. было упразднено дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии. Село Поляны стало населенным пунктом Скопинского района Тульского округа Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

Первый колхоз в Полянах был организован в 1929 г., однако он вскоре распался. Документы бывшего Рязанского областного партархива помогают понять, почему это произошло. Грамотные, ответственные управленцы были в то время на вес золота, и на Поляны людей с соответствующими деловыми качествами, похоже, не хватило. Зато хватило совсем других. О них – в материалах заседания комиссии по чистке Полянской ячейки Рязского райкома от 3 октября 1933 г.: «С переходом Полян в Милославский район в 1929 г. были сняты с работы секретарь партийной ячейки и председатель колхоза. Работа ослабла. В это время руководил ячейкой и колхозом Ульянов. За продажу одного воза ржи на рынке он был снят с работы, исключен из партии и отдан под суд. За систематическую пьянку снят с работы председатель сельсовета Фоломеев и исключен из партии»⁵.

¹ Коллектив, № 57 (6 июня 1925).

² Коллектив, № 62 (24 июня 1925).

³ Коллектив, № 44 (22 апреля 1925).

⁴ Коллектив, № 61 (20 июня 1925).

⁵ ГАРО. Ф. П-44, оп. 1, д. 1, лл. 1, 7 – 7 об.

Второй полянский колхоз, получивший имя В.М. Молотова, был создан весной 1931 г. Первыми в него вступили 40 середняков и бедняков. «На одном из собраний несколько колхозников выдвинули предложение о присвоении колхозу имени шелемишевской активистки А.Г. Макаровой, широко известной в то время своей деятельностью по организации колхозов. Ее же предлагали пригласить в колхоз на должность председателя. Однако большинство полянцев это предложение не поддержало. Колхоз стал называться именем Молотова, а председателем его стал Я.М. Маслов»¹.

В 1932 г. колхозники оборудовали помещение для свинофермы. Крестьяне почувствовали выгоду от колхозной работы: так, например, член колхоза И.П. Неверов получил за заработанные трудодни 15,5 ц ржи – почти по 4 ц ржи на едока. Для ископков веков жившей впроголодь сельской бедноты это было почти богатство. Передовой бригадир Е.П. Канищева за заработанные 200 трудодней получила 10 ц ржи. До ноября 1932 г. председателем колхоза и секретарем партячейки был Маслов. По отчетам парторганизации, он «сросся с кулаками, потерял классовое чутье, пьянствовал». В итоге предколхоза Маслов был снят с работы, исключен из ВКП (б) и отдан под суд, который приговорил его к 5 годам лишения свободы. С 21 ноября 1932 г. председателем колхоза и секретарем партийной ячейки стал Николай Дмитриевич Неверов (1897–?), в прошлом – красный партизан. По его отчету за 1933 г., «численность ячейки – 6 человек. Вся ячейка политически близорука, в результате чего в колхозе орудовали кулаки». Новому председателю удалось навести в хозяйстве порядок. В 1932 г. план колхоза по сдаче зерна государству был выполнен полностью, по картофелю – на 63 %. По мнению колхозников, свиноферма была нерентабельна – «только картофель зря скармливают, а колхозникам не достает по трудодням». Единичники также выполнили план по зерну, но по картофелю – только на 50 %. Из колхоза им. В.М. Молотова «вычистили» и отдали под суд 6 кулаков, после чего начался массовый прилив жителей Полян в сельхозартель. К моменту посевной в местном колхозе состояли уже 374 дворов. «Хозяйство даже помогло в весенний сев спяхать 70 га городецкому колхозу. Закончена была стройка овощехранилища, риг, закачивалась постройка конюшни на 75 голов, был заложен фруктовый сад»².

В 1933 г. постановлением Мособлсполкома Полянский и Ермоловский сельсоветы из Побединского района (так некоторое время назывался Скопинский район) были переданы в Рязский, а в 1935 г. они были включены в Желтухинский район. На 1 января 1933 г. в Полянах было 499 крестьянских хозяйств, в которых проживали 2177 человек. Ежегодно 200 человек уходили из села на сезонные земляные работы. Колхоз им. В.М. Молотова за несколько первых лет своего существования вырос с 59 хозяйств до 381. «Зажиточные крестьяне, осенью вступившие в колхоз, пришли к руководству и осенью 1932 г. засеяли 140 га негодными семенами озимой ржи. Вступили и состоятельные крестьяне Калинин И.Ф., Жилкин П.Е., Маслов П.Т., предварительно распродав лошадей. В партийной ячейке насчитывалось 5 кандидатов в партию. Было хорошее здание школы первой ступени, хорошо оборудованная больница. Кроме того, ШКМ, изба-читальня, просорушка, шерстобитка, кузница, сельпо, телефон»³. В 1931 г. школа в Полянах стала пятиклассной. В 1933 г. ее преобразовали в два учебных заведения: обычную школу-пятилетку и в действовавшую при ней школу

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 157.

² Там же.

³ Колхозник, № 4 (10 января 1933).

колхозной молодежи (ШКМ), куда принимали после окончания пятилетки¹. В 1936 г. в селе уже работала неполная средняя школа².

В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов отмечают: «Как известно, первые годы существования колхозов шла борьба, переходившая в открытые репрессии. В первую очередь, это относилось к тем, кто не пожелал вступить в колхоз. Большинство из них приумножали свое благосостояние исключительно за счет собственного труда. Вот имена лишь некоторых “раскулаченных” в те годы крестьян села Поляны. Это К.М. Дронов, имевший мельницу и маслобойку и управляющий на них исключительно собственной семьей. Другой “кулак” А. Подковыров на скопленные с большим трудом деньги купил дополнительный клин земли, на котором также управлялся своей семьей. Под раскулачивание попали также кузнец Е. Канищев и крестьянин В. Томин, который выделывал шкуры. У всех у них имущество было полностью конфисковано, а их сослали в отдаленные области.

Согласно постановлению № 258 Мособлисполкома из части территории Рязского района Московской области 21 февраля 1935 г. был создан Желтухинский район. В него вошли 23 сельсовета: Боровский, Гореловский, Городецкий, Ивановский, Кузьминский (позже, названный 2-м), Летовский, Наумовский, Новобараковский, Полянский, Рановский и Шелемишевский³.

В 1935 г. колхоз им. В.М. Молотова заключил договор с образованной в то время Шелемишевской МТС Желтухинского района на обработку земли тракторами. В том же году хозяйство приобрело первую автомашину-“полторку”. Таким образом, материальная база хозяйства стала укрепляться техникой⁴.

К 1936 г. в Полянах очень остро стоял вопрос водоснабжения населения. При продолжавшемся росте населения села на 486 дворов имелось только 14 колодцев. Многим колхозникам приходилось брать воду из непроточного пруда⁵.

Передовые тенденции и наследие «темного прошлого» еще долго шли рука об руку в повседневном быту полянцев. Газета «Побединский ударник» сообщала о таком случае: «Конюхи колхоза им. Молотова 23 мая 1933 г. гнали с пастбища лошадей. Одна лошадь забежала на огород колхозника Якушина. Увидев это, жена Якушина схватила вилы и вонзила в бок лошади. Лошадь пробежала с вилами в бок около 100 метров, упала. Самого Якушина не раз исключали за халатное отношение к работе и имуществу. Дочь, как вышедшую замуж за зажиточного, тоже, падчерицу также, за подрывную работу. На следующий день всю семью исключили из колхоза и передали дело в следственные органы»⁶.

Одновременно с такими дикими случаями «культурная жизнь в Полянах также понемногу налаживалась – организовали хор из 35 человек, из них 10 человек пожилого возраста, и проводились вечера массовых танцев, которыми руководила массовик Ретюнская»⁷.

Подъем уровня жизни подавляющего большинства полянских крестьян за 20 лет советской власти был очевиден. Простые люди также получили доступ к образованию и, следо-

¹ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 158.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 64.

³ Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. М.: Кучково поле, 2011. С.150, 516.

⁴ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 158.

⁵ Колхозная правда, № 83 (19 июня 1936).

⁶ Побединский ударник, № 123 (1 июня 1933).

⁷ Колхозная правда, №9 (19 января 1936); №13 (24 января 1936).

вательно, серьезно расширили круг своих возможностей в плане самореализации. Председатель Полянского сельсовета Г. Канищев в 1937 г., вскоре после того, как Желтухинский район перешел из Московской области в Рязанскую, отмечал: «Наши односельчане – Федор Георгиевич Гирин и Иван Иванович Суханов работают инженерами, Александр Егорович Жданов окончил историко-философский институт, восемь парней и девушек окончили педагогические училища. Иван Федорович Нефедов – летчик, Волков – комиссар батальона, Иван Иванович Гирин работает районным секретарем комитета комсомола. Появился хороший клуб, неполная средняя школа, где учится 420 детей и 12 учителей. Сельская библиотека насчитывает 1500 книг. В селе все живут зажиточно, не осталось семей бедняков»¹. По данным Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., в полянском колхозе по состоянию на 1938 г. было 146 лошадей (в том числе рабочих 108) и 33 головы крупного рогатого скота, (в том числе 11 коров), 102 свиньи и 188 овец. В личных хозяйствах колхозников содержалась 221 голова крупного рогатого скота (в том числе 161 корова), 93 свиньи, 524 овцы и 32 козы².

В 1941 г., с началом Великой Отечественной войны, «большинство полянских мужчин призвали на фронт в первые же месяцы. Боевые действия села не коснулись, хотя в своем наступлении на Москву немцы были остановлены лишь в нескольких десятках километров от него. Но все тяготы военного времени местные жители, конечно же, испытали»³. В отсутствие мужчин основная тяжесть колхозной работы легла на оставшихся в тылу женщин, стариков и подростков. О трудовых подвигах полянских колхозниц желтухинская «Колхозная правда» в 1942 г. писала: «Женщины-косцы колхоза им. Молотова Полянского сельсовета Томина В.Я., Томина Е.И., Моргунова П.С., вместо нормы 0,7 га скашивали по 0,93»⁴. В тылу женщины-механизаторы встали на место ушедших на поля сражений мужчин: Т.Т. Бахарева, А.М. Хренова, А.М. Калинкина. На фронтах Великой Отечественной войны «погибло 144 жителя села. Многие полянцы за мужество и доблесть в битвах с врагом были удостоены высоких правительственных наград. В их числе И.А. Линьков, И.С. Моргунов, А.П. Липатов, И.Ф. Елисеев, В.Я. Никитин, П.И. Канищев, А.М. Неверов»⁵.

Примерами воинской доблести уроженцев Полян могут служить Н.С. Ульянов и Е.П. Подковыров. Гвардии лейтенант Николай Степанович Ульянов (1909–?) служил в РККА с июня 1941 г. Он воевал на Волховском, 2-м Прибалтийском и Ленинградском фронтах, в сентябре 1942 г. пережил легкое ранение, был награжден медалью «За оборону Ленинграда». К концу войны Н.С. Ульянов командовал взводом 1-й стрелковой роты 121-го гвардейского стрелкового полка 43-й гвардейской Латгшской стрелковой Рижской дивизии. «В боях на Карельском перешейке 8 апреля 1944 г. 1-й стрелковый батальон 22-го стрелкового полка 92-й стрелковой дивизии попал в окружение и имел безнадежное положение. Для связи с окруженным батальоном был послан взвод пешей разведки дивизии во главе с командиром взвода тов. Ульяновым – с задачей найти скрытные пути к батальону и вывести его из окружения. 12 июня 1944 г. взвод разведки нашел батальон и, установив связь с КП полка, вывел ба-

¹ Колхозная правда, №122 (7 ноября 1937).

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д.64. Похозяйственный список по переписи скота сельских местностей на 1 января 1938 г. Сведения о наличии поголовья на 1 июня по сельсоветам (по колхозам).

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 158.

⁴ Колхозная правда, № 55 (2 августа 1942).

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 158.

тальон из окружения, забрав всю матчасть и 30 раненых бойцов и командиров. Благодаря храбрости и находчивости тов. Ульянова батальон был выведен без потерь»¹. За этот подвиг Н.С. Ульянов в 1945 г. был удостоен ордена Красной Звезды.

Гвардии младший сержант Евгений Петрович Подковыров (1924–?) служил наводчиком орудия. Он воевал с 1942 г. сначала на Воронежском, затем на 1-м Украинском фронте в составе 314-го гвардейского минометного полка. В бою 5 июля 1943 г. «под сильным артиллерийско-минометным обстрелом противника орудие, где наводчиком тов. Подковыров, выехало на открытую огневую позицию и прямой наводкой дало залп по наступающей пехоте противника. В результате залпа уничтожены 3 автомашины и более 40 человек пехоты противника»². За этот бой Е.П. Подковыров был награжден медалью «За отвагу». В 1945 г. он участвовал в наступательных операциях советских армий в Германии, форсировал р.Шпрее. В конце войны гвардии младший сержант Подковыров был удостоен ордена Красной Звезды.

В 1944 г. полянский колхоз им. В.М. Молотова был разукрупнен и разделен на четыре самостоятельные сельхозартели – им. В.М. Молотова, «Красная заря», «Ленинский путь» и «Вперед». «Председателями названных колхозов выбрали соответственно А.В. Гирина, И.Ф. Тарасова, И.С. Чинкова и Р.П. Подковырова»³. О трудностях послевоенной жизни в селе вспоминала годы спустя жительница села Поляны Клавдия Ивановна Никитина (Томина) (1930–?): «Жили в саманном доме-четырёхстенке. Пол – земляной, крыша – соломенная, два окна и русская печка. Саман изготавливали из глины и соломы. Делали это так: ровняли землю, очищая от травы, вырывали небольшое ровное углубление и утрамбовывали, обычно используя домашний скот. Засыпали туда глину, измельченную солому, все это заливали водой и месили ногами. Кто побогаче, трамбовал лошадью. Смесь оставляли на сутки, прикрыв сверху соломой, чтобы не высыхала. Потом делали прямоугольную форму из досок: 50 см в длину, 30 в ширину. Заливали туда полученную смесь и переворачивали на землю. Образовывались соломенно-глиняные «кирпичики», их укладывали в ряд, высушивали, а затем строили из них дом. Я спала с мамой на кровати, другие дети спали на полу и на печке, подстилая солому вместо матраса, которой утром растапливали печь. В доме был обеденный стол, скамейка, висело несколько старинных икон из разрушенной церкви: икона Спасителя, Пресвятой Богородицы, преподобного Серафима Саровского и мученика Вонифатия. Их не прятали и не скрывали. По вечерам зажигали керосиновую лампу. Она висела в центре потолка. Воду брали из колодца. Мыла не было. Мылись без мыла. Стирали «целоком», золу заливали водой, потом процеживали, и она становилась «мягкой».

Одни валенки были в семье, их носили по очереди. Сахар был в дефиците, постоянно хотелось чего-нибудь сладкого. Варили свеклу и пили «свекольник» с хлебушком. Пили чай, заваривая смородиновым листом и луговыми травами. Хлеб пекли сами в русской печке»⁴.

Скудный и безрадостный послевоенный быт иногда толкал крестьян на преступный путь. От него порой не мог отвлечь даже страх перед чрезмерно суровым наказанием. В областной газете «Сталинское знамя» в 1947 г. появилась статья «В Желтухинском районе покровительствоуют расхитителям урожая», в которой описан случай, происшедший при посещении областным начальством одного из полянских колхозов: «...Секретарь райкома партии Овечкин и рай-

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690306, д. 2891, л. 392.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, д. 187, л. 101о

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 15

⁴ Воспоминания жителей села Рязанской области о послевоенной жизни. www.history-ryazan.ru/node/12758.

онный уполномоченный Министерства заготовок Абрамов свернули на ток полянского колхоза «Ленинский путь». На току вдалеке от села их поразило запустение. Около вороха с зерном сиротливо стоят веялки. Они удивились, неужели ток без охраны? Но неожиданно из-за веялки показался человек, смущенный и растерянный внезапным появлением районных руководителей, он назвался сторожем. Внимание приезжих привлекли объемистые корзины, стоящие около веялки и сверху закрытые половой. Оказалось, что человек, которому была доверена охрана тока с хлебом, насыпал корзину зерна, чтобы, как и всегда, под покровом ночи переправить ее в село. На дому у него был обнаружен целый склад с хлебом. Дело это было передано в следственные органы и... маринуют по сей день. Вскоре в Полянах председатель сельсовета тов. Калинкина натолкнулась на украденные из этого же колхоза около 30 пудов хлеба. Вор был пойман с поличным, Калинкиной пришлось проявить немало настойчивости, чтобы этим занялось районное отделение милиции, но и это дело осталось не доведенным до конца. В позорной роли опекуна расхитителей выступает председатель артели тов. Чинков»¹.

О колхозной работе местная жительница К.И. Никитина (Томина) вспоминала: «В колхозах работало все село. Колоски стребали, снопы таскали. Четкого разделения мужского и женского труда не было. Денег не платили. Но никто не возмущался, все боялись чего-то. На огородах сажали картофель. По воду ходили в колодезь на другой конец деревни. Отношения с администрацией были приемлемыми. Ясное дело, ощущалась дистанция. Жили они лучше, получше одевались. Да и дети все их в город уехали: кто в институт, кто в техникум. Уважаемые люди были председатель сельского Совета и председатель колхоза. Против власти с речами не выступали, Сталина не обсуждали и не осуждали.

Тяжело давили налоги. Каждой семье в год надо было сдать определенное количество шерсти, яиц, мяса и т. д. Покупали и сдавали. Так восстанавливали народное хозяйство. Сено для скотины тайно заготавливали. Запрещали косить, мол, земля государственная. Могли и корову отобрать, а иногда и пороли кнутом.

Зря говорят, что мы, бабки, причитаем. Все нам не так, все нам не этак. Но жизнь тогда была куда тяжелее. Современные политики ругают советскую власть... Жили мы тяжело, но была у нас вера в будущее. Нынче о будущем не говорят, лишь бы утром проснуться, а вечером заснуть. Живем одним днем, вот что пугает. Тяжелую войну пережили. После победы мы были готовы терпеть какие угодно лишения, лишь бы не было войны. Это – любовь к Родине! Надеюсь, когда-нибудь это все осознают. Никакой идейной опоры нет у молодежи. А без крепкого фундамента дом не устоит...»²

В 1950 г. все четыре колхоза Полянского сельсовета Желтухинского района Рязанской области были вновь объединены в колхоз им. В.М. Молотова. «Председателем его избрали М.И. Чинкова. В колхозе насчитывалось немногим более 1700 га пашни, примерно треть которой отводилась под зерновые культуры»³. В 1956 г. Желтухинский район был ликвидирован, и Поляны стали селом Скопинского района. В 1957 г., после неудачной попытки группы членов Политбюро ЦК КПСС сместить Н.С. Хрущева с поста руководителя партии, полянский колхоз был переименован в им. 40 лет Октября. В связи с укрупнением сельских Советов в 1958 г. Полянский сельсовет был упразднен, а его территория передана Новобараковскому сельсовету.

¹ Сталинское знамя, №194 (1 октября 1947).

² Воспоминания жителей села Рязанской области о послевоенной жизни. www.history-ryazan.ru/node/12758.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 159.

В 1960 г. полянский колхоз им. 40 лет Октября слился с новобараковским колхозом «Авангард». Новое крупное агрообъединение стало называться колхозом им. В.И. Чапаева с центральной усадьбой в селе Шелемишеве. Три года спустя вернулись к прежней структуре, колхоз снова уменьшился, а его центральной усадьбой стали Поляны. Основным направлением хозяйства стало выращивание птицы. В 1963 г. в Полянах была организована восьмилетняя школа, которая спустя два года получила новое, специально для нее построенное здание¹.

В 1968 г. местная жительница Т. Жданова писала в газету «Ленинское знамя»: «Село наше Поляны – центральная усадьба четвертого отделения совхоза имени Чапаева. В канун 51-й годовщины Великого Октября собрались мы в своем клубе, чтобы подвести итоги работы, отметить лучших. Директор совхоза Петр Николаевич Рагулин поздравил нас с наступающим праздником, а потом управляющий отделением Тимофей Григорьевич Волобоев рассказал, кто и как из нас работал и что нам предстоит сделать в свете решений октябрьского Пленума ЦК КПСС. Затем и подарки. Получила и я отрез на платье. И на душе радостно, что вот тепло отмечают наш скромный труд.

– Работали вы, Татьяна Сергеевна, честно, добросовестно, – сказал управляющий, вручая мне отрез на платье, – вот за это вам и скромный наш подарок. Желаю новых успехов в труде и крепкого здоровья.

Я работаю телятницей. Воспитываю их от 6 месяцев до года. За 10 месяцев ежесуточный привес каждого теленка составлял 800 граммов, а на собрании заверила, что в оставшиеся месяцы до нового года буду добиваться среднесуточного привеса каждого теленка 850 граммов. И слово свое сдержу.

В селе Поляны немало молодежи. Парни и девушки все еще раздумывают: кем быть? А чего тут понапрасну время терять? Идите в животноводство, полюбите эту профессию. Труд животновода почетен и хорошо оплачивается. Заработок мой не бывает ниже 120 рублей в месяц. В телятнике тепло и светло. Корма подвозят разнообразные. Поим телят теплой водой, потому что к зиме подготовились по-хозяйски. Поэтому-то настроение у меня хорошее и работать хочется лучше»². В первом квартале 1968 г. полянские птицеводческие фермы продали государству полмиллиона яиц. В отделении насчитывалось 27,5 тыс. кур, в том числе 15 тыс. несушек, и хозяйство расширялось³.

В соответствии с приказом по Рязанскому областному управлению сельского хозяйства № 43 от 26 февраля 1971 г. было проведено разукрупнение совхоза им. В.И. Чапаева Шелемишевского сельсовета, «в целях более эффективного использования земель и специализации сельскохозяйственного производства». На базе его центральной усадьбы в селе Шелемишеве был создан совхоз «Нива», а полянское отделение № 4 превратилось в самостоятельный совхоз им. В.И. Чапаева Полянского сельсовета с центральной усадьбой в селе Поляны. Совхоз стал подчиняться Рязанскому тресту Птицепрома, основное направление – птицеводство. Площадь выделенных совхозу земель составляла 1649 га. Директором совхоза был Т.Г. Волобоев⁴.

В 1972 г. в Скопинском районе был восстановлен Полянский сельсовет. На его территории действовали 2 школы, клуб, медпункт, библиотека, совхоз им. В.И. Чапаева⁵. «1970-е

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин: Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин, 1996. С. 157–159.

² Ленинское знамя, №136 (21 ноября 1958).

³ Ленинское знамя, №7 (18 января 1958).

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 462, л. 1–2.

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 101, л. 1.

и 1980-е гг. стали периодом интенсивного производственного и социально-бытового строительства в Полянах. Здесь возводятся птичники, животноводческие фермы, механические мастерские, баня, ежегодно сдавалось в эксплуатацию по две новые квартиры»¹.

К концу 1980-х гг. население Полян существенно уменьшилось. По данным 1990 г. в селе проживало 725 человек. Из них 415 женщин и 310 мужчин. <...> Тем не менее, Поляны являлись одним из немногих населенных пунктов района, где показатель рождаемости превышал показатель смертности»². В 1990 г. в Полянах насчитывалось 312 дворов, из них на 68 держали домашний скот. В 1993 г. местным совхоз им. В.И. Чапаева был преобразован в акционерное общество.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Поляны стали административным центром Полянского сельского поселения, куда, помимо самого села, входят села Ермолово, Дмитриево, деревни Перики и Свиноушки. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Полянах насчитывалось 515 жителей – 236 мужчин и 279 женщин.

В начале 2010-х гг. начались восстановительные работы в храме Св. великомученика Георгия 1914 г. постройки, закрытом с 1930-х гг. За годы советской власти он утратил колокольню и венчания, пришел в аварийное состояние. Усилиями сельчан-энтузиастов храм возрождается к жизни. Он действует и числится по 1-му Скопинскому благочинию Скопинской епархии Рязанской митрополии. Настоятелем Георгиевской церкви в Полянах является протоиерей Николай Звонов.

В 2015 г. в селе действовали дом культуры, общеобразовательная школа, детский сад, сельская библиотека, почта, фельдшерско-акушерский пункт, церковь. В Полянах работает СПК «Полянская птицефабрика» (генеральный директор – Вадим Нугзарович Джейранов). Предприятие занимается разведением сельскохозяйственной птицы, яичным птицеводством, выращиванием зерновых, технических и прочих сельхозкультур, а также разведением крупного рогатого скота. Также в селе действовали ООО «УК Брусна», «АНП – Скопинская нива» (управляющий – П.В. Пименов), магазин «ИП Подковыров»³.

---

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 159.

² Там же.

³ По материалам Скопинской районной библиотеки.

ПОПЛЕВИНСКИЙ

поселок

(городское поселение Побединское)

Шахтерский поселок Поплевинский – один из самых молодых населенных пунктов на карте Скопинского района. Он появился лишь в конце 1940-х гг. Однако и у него есть богатая предыстория.

Название поселка восходит к фамильному прозвищу местных помещиков Поплевиных, живших на рубеже XVI–XVII вв. Видимо, в годы Смутного времени они оказались среди сторонников Лжедмитрия II, и в 1609 г. царь Василий IV Шуйский своей «ввозной грамотой» передал их поместья в Пехлецком стане Рязского уезда другим владельцам: «От царя и великого князя Василья Ивановича всея Руси в Ряской уезд в Пехлецкой стан в жеребей деревни Зезюлиной, в жеребей деревни Мякишевы, в жеребей слободы Городенье, что были те жеребьи деревень и жеребей слободы в поместье за Правым Поплевиным да за Ивашком Старыниным, да за Якимком Климовым Поплевиным, и Правой и Ивашко и Якимко нам изменили, – а в росписи за приписью дьяка нашего Миклуая Новокщенова нынешнего 117-го году, какову роспись дали ряшаня дети боярские за своими руками, в той росписи написано: Правой Савинов сын Поплевин, Иван Максимов сын Старынин Татаринов, Якимко Тыронов сын Климов в ызмене; – всем крестьяном, которые в том Правого поместье да в Ывашкове да в Якимкове в их жеребьях деревень живут. Пожаловали есмя тем Правому поместьем Поплевина да Якимовым Климова да Ивашковым Старынина Семена Петрова сына Шарова да Микифора Матвеева сына Рукина к резанскому их поместью...»¹

Памятью о землевладельцах Поплевиных остались село Поплевино в Рязском уезде² и одноименная деревня в Скопинском³. Последняя, кстати, временами приходила в запустение и исчезала, но потом снова заселялась. В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., о ней сообщается: «Деревня Поплевина, что была пустошь, общего владения действительного камергера Василия Семеновича Васильчикова⁴, майорши Катерины Васильевой дочери Чернышовой, майорши Татьяны Васильевой дочери Жихаревой, порутчицы Марьи Федоровой и дочери девицы Елисаветы Григорьевой дочери Севостьяновой, порутчицы Натальи Максимовой дочери Смирновой, подпорутчика Николая Петрова сына Усова, капитана Сидора Иванова сына Трухачева, секретаря Николая Васильева сына Петрово-Соловова жены ево, прапорщика Фоки Петрова сына Безумова и однодворцев»⁵. В ней в то время было 35 дворов, в которых проживали 100 душ крепостных крестьян. Земельная дача при деревне простиралась по берегам р. Питомши, где местные крестьяне обрабатывали 53 десятины (58 га).

¹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: Сб. документов [сост. А.В. Антонов]. Т. 2. М.: Археограф. центр, 1998. С. 405.

² Ныне в Рязском районе Рязанской области.

³ Ныне в Милославском районе Рязанской области.

⁴ О нем см. статью «Гудовка» настоящего издания.

⁵ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 187.

По сведениям 1859 г., накануне отмены крепостного права в «Поплевино, деревне владельческой и казенной» в Скопинском уезде Рязанской губернии, было 26 дворов, в которых проживали 117 мужчин и 120 женщин¹.

Развитие капитализма в России пробудило интерес к необходимым промышленности и транспорту полезным ископаемым. Во 2-й половине XIX в. было открыто Поплевинское угольное месторождение, получившее свое название по имени скопинской деревни, возле которой проводились первые исследования.

В 1949 г. скопинская газета «Сталинец», рассказывая о новом шахтерском поселке, писала: «Поплевинское месторождение имело большую историю. Геологические исследования здесь начались в 70–80-е гг. XIX столетия, а разведочные с начала 1900 г. Но из-за низкой оснащенности богатые угольные залежи не были освоены»².

В 1920-х гг. за освоение месторождений бурого угля в Подмосковном бассейне взялись всерьез. К югу от деревни Поплевино, в 1929 г. вошедшей в Милославский район Центрально-Промышленной (позднее Московской) области, появилась опытная шахта. В августе 1931 г. скопинская районная газета «Коллектив» писала о ней: «На опытной шахте (Поплевино) ведутся контрольные исследования и подготовительные работы с 1 мая, но проходка еще не начата. Между тем, на опытной шахте лежат под открытым небом насосы, трубы, подъемные машины, лебедки ...»³

На топографических картах РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) видно, что при шахте в Поплевино уже тогда был небольшой поселок (не более 5 строений). К нему была протянута линия узкоколейной железной дороги из поселка Побединский. Перед приходом немецких оккупантов в ноябре 1941 г. местная шахта, как и все в округе, была выведена из строя и затоплена.

Поспешный уход немецко-фашистских захватчиков из Скопинского района Рязанской области в декабре 1941 г. поставил вопрос о скорейшем восстановлении побединских шахт. В эти годы как никогда пригодился опыт осушения, наработанный за предвоенные годы на шахтах Поплевинского месторождения. Упомянутая выше газета «Сталинец» писала: «В 1931 г. в северной части месторождения была заложена шахта № 49. На протяжении 15 лет своего существования она несколько раз затоплялась. Поэтому в Скопине была создана специальная контора «Союзшахтоосушения», которая прежде всего должна была заняться осушением Поплевино. У нового начальника, назначенного в 1947 г. И.А. Лаврова, было много трудностей. Он сумел создать крепкий, дружный коллектив, который решил проблему шахт, находящихся близ деревни Поплевино. Постановлением Совета Министров СССР И.А. Лаврову с группой работников была присуждена Сталинская премия за разработку и внедрение нового метода глубокого осушения водообильных угольных месторождений»⁴. В 1949 г. были сданы в эксплуатацию сначала шахта № 49, затем № 50. Южнее последней появилась шахта № 53.

В 1947–1950 гг. на Поплевинском месторождении был отстроен горняцкий поселок Поплевинский. С весны 1949 г. масштабные работы здесь вело Скопинское стройуправление. «Летом было построено 15 стандартных домов и каменное общежитие, восстановлен шестнадцатиквартирный дом»⁵.

¹ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 130.

² Сталинец, № 55 (7 мая 1949).

³ Коллектив, №24 (8 августа 1931).

⁴ Сталинец, № 55 (7 мая 1949).

⁵ Сталинец, № 63 (26 мая 1949).

Весной 1950 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Поплевинский получил статус поселка городского типа¹. В марте 1950 г. в нем прошли первые выборы в поселковый совет депутатов трудящихся. С этого времени рабочий поселок Побединский в административно-территориальном отношении стал подчиняться Поплевинскому поселковому Совету.

С начала 1950-х гг. бытовые и транспортные инфраструктуры поселка постоянно улучшались и совершенствовались. В 1950 г. в Поплевинском восстановили и дооборудовали детский сад, летнюю сцену и спортивные площадки². В 7 часов утра 14 июня 1951 г. были пущены первые рейсовые автобусы по маршруту Скопин – Коготково – Чулково – Побединка – Поплевинский³. В горняцком поселке вырос клуб «с большим зрительным залом, фойе, комнатами для кружков, библиотекой. Демонстрировались кинокартины и выступала самодеятельность, проводили лекции и молодежные вечера»⁴.

В 34-м томе 2-го издания Большой советской энциклопедии, вышедшем в свет в 1955 г., Поплевинский удостоился отдельной статьи. В ней сообщалось: «Поплевинский, поселок городского типа, расположен в Подмосковном угольном бассейне в 16 км. от ж. д. станции Скопин, в поселке предприятие по добыче угля, средняя школа, горнопромышленное училище, клуб, 2 библиотеки»⁵.

В 1957 г. секретарь Скопинского райкома КПСС Ф. С. Пономарев, рассказывая о поселке Поплевинском, отмечал: «...Шахтерский поселок, выстроенный в годы послевоенных пятилеток на Поплевинском угольном месторождении <...>, отличается от старых горняцких поселков своей красивой планировкой, продуманным расположением жилых домов и зданий культурно-бытового назначения. Этот поселок – по сути дела современный советский городок. В нем имеется несколько широких улиц с большими двухэтажными домами, две школы, больница, аптека, три магазина, детский сад и детские ясли, почта, пошивочная мастерская, прачечная, горнопромышленная школа. В центре поселка красуется большое здание Дворца культуры. Улицы поселка асфальтируются и озеленяются. В дома шахтеров проведены водопровод, электрический свет и радио»⁶.

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. в поселке городского типа Поплевинский проживали 7218 человек – 3213 мужчин и 4005 женщин. На территории Поплевинского поселкового совета располагались шахты №№ 50, 53 и Скопинский завод строительных машин Московского совнархоза⁷.

С 1963 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об укрупнении сельских районов, об образовании промышленных районов и городов Рязанской области» было изменено административное подчинение поселка. Город Скопин стал центром сельского и промышленного районов г. Скопина. В состав промышленного вошли: Скопин, рабочие поселки Горняк, Металлург, Октябрьский, Побединский (с 1963 г. – Заречный), Поплевинский и Центральный. Сельский район включал территорию Скопинского и Милославского районов. Однако уже в 1964 г. (после смещения Н.С. Хрущева с руководящих постов в партии и государстве)

¹ Сталинец. № 119 (13 октября 1950).

² Сталинец, № 1 (1 января 1950).

³ Сталинец, № 68 (15 июня 1951).

⁴ Сталинское знамя, № 108 (3 июня 1955).

⁵ Поплевинский // Большая советская энциклопедия: [в 50 т.]. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1955. С. 157.

⁶ *Пономарев Ф. С.* Культурная жизнь шахтеров. / О прошлом и настоящем скопинских шахтеров. Скопин: «Скопинский шахтер», 1957. С. 48.

⁷ Архив Скопинского района. Ф. 310, л. 1.

из-за неэффективности эта реформа была свернута, а разделение на сельские и промышленные районы ликвидировано.

К концу 1960-х гг. местная молодежь могла получить хорошую строительную специальность, не уезжая из поселка. В 1968 г. строительное училище выпустило 150 квалифицированных специалистов. Мастерами производственного обучения и преподавателями в нем работали В.Е. Малютин, В. Смирнов, В.С. Волков, В.И. Римский, Е. Фролов, В. Давыдов, директором – И.А. Шмакова¹.

По административному делению Рязанской области на 1 января 1970 г. поселок городского типа Поплевинский входил в Скопинский район². Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., в нем проживали 2257 мужчин и 2494 женщины.

Добыча бурого угля на шахтах Поплевинского месторождения полностью прекратилась в конце 1980-х гг. 1 июля 1989 г. закрылась находившаяся близ поселка шахта № 53 – одна из последних действовавших в Скопинском районе угольных шахт. С ней ушла в историю более чем вековая эпопея скопинских каменноугольных копей. Поселок, оставшись без шахт как основных градообразующих предприятий, в 1990-х гг. начал приходить в упадок.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» поселок городского типа Поплевинский был включен в городское поселение Побединское. С 2009 г. он считается поселком сельского типа. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Поплевинском проживают 485 человек – 229 мужчин и 256 женщин.

К началу XXI в. многие жилые дома и общественные здания послевоенной постройки Поплевинского обветшали и начали разрушаться. В 2013 г. по региональной адресной программе переселения граждан из аварийного жилищного фонда в поселке были возведены 5 современных многоквартирных жилых домов. В 2014 г. в рамках адресной программы Рязанской области по переселению граждан из аварийного жилищного фонда в Поплевинском появились еще 4 дома.

В настоящее время в поселке работает ООО «УК Брусна», занимающееся жилищным строительством, действуют почта, фельдшерско-акушерский пункт, филиал аптеки № 128, начальная школа, детский сад, поселковая библиотека, продуктовый магазин «ЧП Тихонов»³.

---

¹ Ленинское знамя, №99 (24 августа 1968).

² Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С. 14.

³ По материалам Скопинской районной библиотеки.

ПУПКИ

село

(сельское поселение Корневское)

В датированной 1568 г. сотной грамоте царя Ивана IV Грозного епископу Рязанскому и Муромскому Филофею на «села, деревни, починки, селища, бортные ужожи, истоки, луга <...> в новом Рязком городе, в Пехлецком стану» владыке отписаны «три деревни, два починка, а в них владычных детей боярских дватцать человек, а дворов двенатцать, а бортничьих крестьянских девять дворов»¹. Было ли среди них будущее село Пупки, доподлинно не известно. Так или иначе, оно возникло на территории, которая в 1568–1592 гг. принадлежала рязанскому митрополиту, позднее же здесь по царскому указу были поселены на какое-то время казаки (бывшие стрельцы и другие служилые люди), поселение которых стало именоваться слободой Пупки. Рядом со слободой проживали мелкие землевладельцы.

В челобитных царю Петру I, направлявшихся от имени преосвященного Авраамия, митрополита Рязанского и Муромского, 8 (18) июня 1699 г. и 11 (22) сентября 1700 г., имеется указание на то, что в 1592 г. «по указу блаженные памяти великого государя и великого князя Федора Ивановича всея России, взято из домовых вотчин Пресвятые Богородицы у преосвященного Митрофана, архиепископа Рязанского и Муромского, к Рязкому городу ново-приборным казакам на реке на Верде село Корневое, да Подвелемье, да село ж Секирино, деревня Гуменная, село Пупки, а в них пашни перелогу дикого поля 3850 четвертей, а вместо тех вотчин дано в Коломенском уезде в Маковском стану вотчины боярина Федора Васильевича Шереметева...»²

В писцовых книгах, данных преосвященному Авраамию, митрополиту Рязанскому и Муромскому, на вотчинную его землю в слободе Пупки и Подвелемье, отмечается, что в книгах «Рязкого уезду письма и меры Григория Киреевского с товарищи 136 и 137 и 138 годов в Пехлецком стане в поместьях написано за Иваном Афанасьевым сыном Тюньевым в жеребье в слободе Пупках на речке на Пупках Ивановский жеребей Есипова, что был тот жеребей за Анваром Айдаровым Тоноковым, а на ево жеребье двор помещиков, пашни паханой десять четь, перелогом дватцать четь, дикого поля сорок четь, обо его пашни паханой и перелогу дикого поля семдесят четь в поле, а в дву по тому ж, сено и лес писан под Ивановой статьей Филиповой, а под Ивановой статье Порошина сына Филипова написано сено меж поль, и по заполю, и по дикому полю, и по дубравам все помещики вопче тысяча копен, а лес той слободы сказано и помещики вопче; во 168 (1660) году Ивана Тюнсева под Конотопом убили, поместье ево в жеребье слободе Пупок в 186 (1678) справлен за Михайлой, да за Савину Обакумовыми детми, да за Ефимом Петровым сыном, да Яковым, да за Иваном Степановым детьми, да за Яковом, Никоновым сыном Тюняевым по двенатцать четь бес полтретника в поле, а в дву по тому ж на жеребье. И в нынешнем сем году резанец Яков Степанов сын Тюнсева поместье свое в Рязком уезде в Пехлецком стане, в жеребье слободе Пупках двенатцать

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVI–XVII вв. / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 2. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1900. С. 425.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 172.

четыре бес полтретника в поле, а в дву по тому ж, со всеми угоды променил преосвященному Авраму, митрополиту Рязанскому и Муромскому, в домовые вотчины...»¹

В другом документе этого же времени, писцовых книгах, данных преосвященному Авраамию, митрополиту Рязанскому и Муромскому, на вотчинную его землю в слободе Пупки и Подвелемье, сообщалось: «Слобода Пупки на речке Пупках, а в ней за помещиком за резанцом за Иваном Порошиным сыном Филиповым жеребей, а на ево жеребье место помещиково, да за ним бобьльских дворов: двор Петрушка Федоров, да у него брат Данилко <...>, всего четыре двора². <...> А лес той слободы с казаки и помещиков вопче, межа слободы Пупкам поместные земли помещика Ивана Филипова с товарищи, от Кореновой слободы полковых казаков и от Велемской слоботки и от архиерея Рязанского деревни Петрушиной³. По леву земли села Пупок детей боярских Ивана Филипова с товарищи, а по праву по тем граням, по урочищам слоботки Кореновой и боярина Ивана Никитича Романова села Кельца и слоботки подвелемской архиерея Рязанского деревни Петрушиной, а по другой стороне межа слоботки Пупок помещиков, от казацкой земли от Иванова крестьянина Филипова, от Петрушина Егорова Федорова столб, а на нем грани. <...> Межа слободы Пупкам вотчинной земли Ивана Тюняева той же слободы Пупок от поместной земли Ивана Филипова с товарищи, у Данковской дороги столб...»⁴

Таким образом, в Пупках жили помещики – дети боярские (видимо митрополичьи) и поселенные рядом казаки. Если в ранних переписных книгах Пупки обычно назывались селом или слободой, то в более поздних место жительства помещиков стало обозначаться как «сельцо Пупки, Кочугурки тож». Находившееся рядом с ним селение, где проживали казаки, потомки которых со временем стали однодворцами, называли «селом Пупки».

В подлинной переписной книге посадских дворов и людей города Рязьска, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в Пехлецком стане письма Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. слобода Пупки записана за «поместного приказа подьячим Максимом Венюковым на его жеребье пять дворов крестьянских, в них девять человек»⁵. «В той же слободе за ряшенином Тимофеем Ивановым сыном Перекусихином на ево жеребье <...> крестьянских девять дворов, а людей в них дватцать восемь человек»⁶. Там же числились «...за резанцом за Семеном Федоровым сыном Попова на ево жеребье <...> два двора крестьянских, а в них людей четыре человека»⁷, «за ряшенином за Исаем Степановым сыном Фроловым на ево жеребье крестьянских два двора, а людей в них пять человек»⁸. «В той же слободе за ряшенином за Нечасем Степановым сыном Фроловым на ево жеребье <...> всего за ним один крестьянский двор, а в нем три человека, <...> за ряшенином за Сергеем Микифоровым сыном Кузмищовым на ево жеребье <...> крестьянских четыре двора, а людей в них девять человек»⁹. «...За резанцом за Иваном Филиповым на ево жеребье <...> крестьянских четыре двора, а людей в них двенатцать человек»¹⁰. «В той же слободе за Протасьем Назаровым сыном Неплюевым на ево жеребье <...> крестьянских

¹ РГАДА. Ф. 281, оп.1 5, д. 10129, лл. 1–2.

² РГАДА. Ф. 281, оп. 15, д. 10128, л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ РГАДА. Ф. 281, оп. 15, д. 10128, лл. 3–8.

⁵ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, лл. 81 об – 82.

⁶ Там же. Л. 83.

⁷ Там же. Л. 83 об.

⁸ Там же. Лл. 83 об-84.

⁹ Там же. Л. 84 об.

¹⁰ Там же. Л. 85.

два двора, а людей в них восемь человек...»¹, «...за Дмитрием Федоровым сыном Чюбаровым на ево жеребье <...> крестьянских дворов четыре, а людей в них одиннадцать человек»², «...за Иваном Сидоровым сыном Тонюковым на ево жеребье <...> два двора крестьянских, а людей в них пять человек»³. В той же слободе имелся также «жеребей» «за резанцом за Иваном Афонасьевым сыном Тоюновым», но он был пуст, т. к. все его крестьяне «бежали к разным помещикам»⁴.

В выписи из книг Рязкого уезда межевания рязского воеводы Ивана Сонцова 186 (1676) г. говорится о селе и о слободе Пупках: «Приехав в Рязком уезду в Пехлецкого стану преосвященного Илариона митрополита Рязанского и Муромского в село Княжево, Владычня тож, на речке на Велемке под Велемским лесом, в деревню Топила, деревню Петрушину на речке Мещерке, взяв с собой тутошних и сторонних людей, старост и целовальников, и крестьян, и старожилов, и велеть к себе быть сел и деревень, которые с митрополию вотчин смежны, помещикам и вотчин, и прикащикам, и старост, и крестьян. Межа митрополю вотчинная земли села Князева и деревни Петрушиной по выписи с писцовых и межевых книг письма и межевания Григория Киреевского с товарищи, писан от вотчин и земли боярина Ивана Никитича Романова села Вязовенка и иных сел и деревень и от разных помещиков деревни Велемской и села Пупок от казацкой земли в лесу Велемском... По праву земля и леса митрополю, а по леву земля и лес велемских помещиков, да межа митрополю земли от пупковских помещиков земли старые межником от речки от Мещерки и от столба з гранями... И по тем граням и по урочищам от речки Мещерки и от столбы з гранями до Черного кургана поправу земли и леса Рязанского митрополита сел Князево-Займище, да деревни Петрушиной, а по леву по тем же граням и по урочищам земля ж и сенные покосы пупковских помещиков и пупковских казаков. А от дуба з гранями Дехтянского ржавцу да вниз по ржавцу на Жерновскую поляну, а на поляне дуб подле Велемского лесу, а на нем грани...» На межевании среди прочих были «слободы Пупков казак пятидесятник Дмитрий Григорьев сын, да Иван Кузмин сын Белоусов, Семен да Игнатейка Пусниковы с товарищи»⁵.

И.В. Добролюбов сообщает: «В окладных книгах 1676 г. село Пупки именуется Пуповской слободой, а при находившейся в той слободе Покровской церкви показано “два двора поповых, церковныя пашни по писцовой выписи дватцет пять четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на шестьдесят копен”. В приходе к Покровской церкви, состоявшем из села Пуповской слободы и деревни Велемьи, было “два двора помещиковых, а в них живут прикащики и деловые люди, четыре двора помещиковых же, сорок три двора драгунских, шестьдесят четыре двора крестьянских, семь дворов бобыльских, и всего сто двадцать два двора”. По окладу 1676 г. с Покровской церкви дани положено было “три рубли восемь алтын две денги”. Но из этой суммы “в 202 (1694) г. мая 14 (24) по указу преосвященного митрополита, данных денег было сбавлено дватцет семь алтын две денги» потому, что за убылью дворов в селе Пупках и в деревне Велемьи к тому времени состояло только 72 двора»⁶.

Время от времени помещики-землевладельцы менялись. Например, в 1684 г. «Иваново поместье Ивтифьево сына Перекусихина жеребей слободы Пупок променил стольнику

¹ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, лл. 86.

² Там же. Л. 86 об.

³ Там же. Л. 87.

⁴ Там же. Л. 87 об.

⁵ РГАДА. Ф. 281, оп. 15, д. 10138, л. 1–3, 22.

⁶ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 172–173.

Ивану Иванову сыну Вердеревскому, и в нем пашни на шестнадцать четей в поле, а в дву по тому ж, <...> на отказе были деревни Чюлковой Гаврилы Евтифьева сына Перекусихина крестьянин...»¹ В 1686 г. «жеребей слободы Пупок на реке на Пупках <...> пашни на сто на двенадцать четей» помещик Семен Дмитриев сын Чюбаров отказал преосвященному Павлу, митрополиту Рязанскому и Муромскому, в домовые вотчины. В книге значатся «четырнадцать мест дворовых пустых со огорода и подгуменники <...>, а сено косить меж поль и по заполью по большим и малым речкам Брусинкой, и по речке Пупкам, и по реке Кельце. На отказе села Пупок [помещиков] Ульяна Иванова сына Фролова-Багреева крестьянин Куприян Гаврилов сын Тихонов, крестьянин Андрей Федоров сын Филиппов <...>, к сим отказным книгам села Пупок покровский поп Федот [руку приложил]»².

«Из грамоты, данной в 7205 (1697) г. марта в 6 (16) день царем Петром Алексеевичем», видно, что в то время Пупки и деревня Подвелемье перешли снова в число владения архиепископского посредством промена. «Стольник наш, – сказано в грамоте – Сидор Григорьев сын Кабяков, да резанец Яков Степанов сын Тюнеев променили богомольцу нашему преосвященному Аврамию митрополиту в Рязком уезде в Пехлецком стану, Сидор в деревне Велемье на реке на Велинке двадцать шесть чети с третником, а Яков Тюнеев в слободе Пупках по обе стороны речки Брусны двенадцать чети без пол-полтретника, всего тридцать восемь чети с пол-полтретником в поле, а в дву по тому ж со всеми угоды; а богомольца нашего преосвященного Аврамия стряпчие Кузма Олтухов, да Иван Терехов против того проминили им, Сидору и Якову из домовые вотчины в Рязанском уезде в Перевицком стану в пустоши Евсеевской Сидору полчетверика, Якову осмину; а меняютца они теми землями полюбовно пусто на пусто, они, Сидор и Яков, с переходими четями, а за переходие чети взяли у него, богомольца нашего Аврамия митрополита, казенных денег Сидор пятьдесят два рубля, Яков двадцать пять рублей»³.

В переписной книге 1716 г. о Пупках сказано: «...В том селе церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, у той церкви поп Федор Афонасьев сын, пятьдесят шесть лет, у него попадья Ирина Прокофьева <...>, дьячок Борис Романов сын Попов, сорок один год, у него жена Ульяна Ананьева <...>, пономарь Данила Карпов, сорока шести лет, у него жена Анна Яковлева, тридцати шести лет, по переписным книгам 710 года написано в том селе Пупки служилого чину солдат тридцать восемь дворов, в них людей мужеску полу шестдесят пять, женску шестдесят шесть <...>, однодворцев два двора, людей мужеска полу два, женску два, обоих четыре, да дворовых людей мужеска полу семь человек да женску полу пять человек, обоих двенадцать человек»⁴.

В следующей переписной окладной книге, составленной не позднее 1724 г., в селе Пупок показан 1 двор поповский, 3 дьячковых, 2 помещичьих, 5 однодворческих и 19 солдатских. Всего же в окладе по селу значились 16 отставных дьячков, числившихся в однодворцах, 142 однодворца, 23 дворовых человека. В оклад не включались также жившие в селе 6 церковников и новорожденные. Среди однодворцев упомянуты «Аким Алексеев сын Фролов-Багреев, Юда Ермилов сын Чюбаров, подпорутчик Степан Никитин сын Рославлев, Федот Иванов сын Рождественский, Федос Антипов сын Савостьянов, того села служилые люди пятидесятник Петр Кирьянов да десятник Кондрат Капустин»⁵.

¹ РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, ч. 1, д. 13941, лл. 448 – 449 об.

² РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, ч. 1, д. 13941, лл. 804 – 805 об.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 173.

⁴ РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 1, л. 308 об.

⁵ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, лл. 465 – 465об, 470–471, 478 об – 479 об, 482, 484.

По переписной книге однодворцев, помещичьих, монастырских и дворцовых крестьян Верденского разезда Рязанского уезда 1744–1745 гг. в Пупках проживали: «отставной поручик Степан Минин сын Рославлев, вдова Агафья Афонасьева жена Чюбарова, отставной капрал Петр Акимов сын Фролов-Багреев и скопинский коношленный нарядчик Петр Васильев сын Бычков». Всего в подушном окладе по селу состояло 200 человек (учитывались только мужчины), в том числе 155 однодворцев и 45 помещичьих дворовых и крестьян¹.

В 1778 г. в ходе административной реформы императрицы Екатерины II был создан Скопинский уезд в составе Рязанского наместничества. В экономических примечаниях к планам Генерального межевания нового уезда, составленных в 1779 г., село Пупки и сельцо Пупки, Кочугурки тож, показаны раздельно. Село Пупки описано как «владение того села однодворцев», оно располагалось «по обе стороны речки Пупки, на коей пруд, и двух безымянных оврагов». В селе действовала деревянная «церковь Покрова Пресвятой Богородицы». В селе было 50 дворов, 170 душ мужского пола и 190 – женского. Под селением находилось 39 десятин (42,6 га) земли, под пашней – 1153 десятины 372 сажени (1260 га), под покосами 50 десятин 1140 сажени (55 га). Лес в земельной даче при селе занимал 327 десятин 2000 сажений (358 га), «неудобия» – 29 десятин 2066 сажени (33 га). О земельной даче в документе сказано: «Дача простирается по берегам речек Пупки, Говенки, Кудеяровки, отвершка безымянного, Ольшанки, Тихоморца». В летнее время «речки Пупки, Говенка, Тихоморец в верхах совсем пересыхают». В окрестных лесах водились волки, лисицы, зайцы...²

На карте (чертеже) межевания 1779 г. детально прорисовано расположение села. Перпендикулярно истоку р. Пупки, в 80 сажнях от его начала, располагались 10 дворов: 7 по левому берегу реки, 3 двора, развернутые огородами к истоку, по правому. Перед этими порядками домов, разделенными истоком, находился небольшой пруд. Далее по левому берегу, через пролет начиналась улица длиной в 140 сажений (298 м). Ее образовывал порядок из 7 дворов, стоявших огородами к запруженной р. Пупки. По другую сторону улицы располагались только огороды, в 50 сажнях (106,5 м) от них проходила большая дорога Скопин – Данков. Улица заканчивалась напротив плотины, и далее через пролет начиналась уже другая улица. По ее левую сторону стояли 6 дворов с огородами, по правую – только огороды, на некотором отдалении от речки. Вдоль правого берега речки, от 3 дворов в истоках и вплоть до плотины, вытянулся порядок из 9 дворов с огородами. Протяженность его составляла около 160 сажений (341 м), которые заканчивались также напротив плотины, от которой шла дорога из Пупков в село Кореневое. От плотины перпендикулярно реке, вдоль впадающего ниже плотины ручья, тянулся порядок в 12 дворов с небольшими огородами. Через ручей огородами к нему располагались 6 дворов, а за ним церковь. Под селением, огородами, гумениками и конопляниками, в том числе церковнослужителей, состояло 39 десятин (42,5 га), под церковью и кладбищем 900 сажений (0,45 га)³. Далее за церковью лежало небольшое сельцо «Пупки, Кочугурки тож». Оно располагалось ниже по течению р. Пупки и с севера ограничивалось впадающим в реку ручьем Родной колодезь и проходящей за ним дорогой Скопин–Данков. По данным 3-й ревизии податных сословий Российской империи, проводившейся в 1761–1765 гг., в сельце проживали капитана Рославлева семь душ, полковника Вердеревского одна, однодворческих восемь⁴.

¹ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2871, лл. 170 – 183 об.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 20.

³ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, П–13 кр.

⁴ Там же.

В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда 1779 г. селцо Пупки и деревня Кочугурки (сельцы Пупки и «яко Кочогурки» в черновике) описаны как «общее владение Лейб-гвардии капитанши-поручицы Ольги Ивановой дочери Козловой с детьми ее, прапорщика Ивана Терентьева, дворянина Василия Савина, капрала Ивана Романова детей Фроловых-Багреевых, помещицы Крестины Ивановой дочери Мишуревой, майорши Натальи Васильевой дочери Конкоровой, секунд-майора князя Федора Федоровича Волконского, Дмитрия Васильева сына Лихарева, «секунд-майорского рангу экипаж мейстера» Михаила Петрова сына Бычкова, полковников Алексея Алексеевича Вердеревского, Якова Яковлева Беклемишева, жены его Ульяны Александровны, капитана Ивана да подпоручиков Василья и Петра Степановичей Рославлевых, бригадира Ивана Ивановича, поручика Петра Александровича Вердеревских, прапорщика Никиты Семенова сына Бунина и тех селений однодворцев и казенного ведомства деревни Велемьи». Селцо лежало по обе стороны р. Пупки при дороге из Скопина. По 3-й ревизии 1761–1765 гг. в сельце Пупки было 5 дворов, в которых проживали 16 душ мужского пола и 17 женского. В Кочугурках насчитывалось 35 дворов, которые населяли 148 душ мужского пола и 150 женского. При обоих селениях имелось 1643 десятины 718 сажений (1795 га) пашни, 131 десятина 1200 сажений (144 га) покосов, 684 десятины 1600 сажений (748 га) леса, «неудобий» 44 десятины 1420 сажений (49 га). Селцо Пупки лежало «речки Пупки на правой, а речки Раднова колодезя на левой стороне»¹ На карте (чертеже) межевания 1779 г. оно было изображено в виде примыкающих друг к другу под прямым углом, равновеликих, в 60–70 сажень линий домов. Одна линия шла вдоль р. Пупки, вторая – вдоль Родного колодезя. Сопряжение порядков находилось на удаленном от реки конце Родного колодезя, образуя вместе с огородами квадрат. К югу от сельца, через улицу, под углом располагались огороды. Ближе к речке Родной колодезь с северной стороны к квадрату примыкали еще два двора. Ниже по течению р. Пупки ее пересекала большая дорога Данков – Скопин. По данным 3-й ревизии податных сословий 1761–1765 гг., в сельце Пупках помещиков Рославлевых «семь душ мужского пола, полковника Вердеревского одна, однодворческих восемь»².

По окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1816 г. в сельце Пупки проживали «коллежского секретаря Николая, Макара, Антона Андреевых детей Шлишпенбаховых 5 душ, прапорщицы Домны Григорьевой дочери Никоновой 2 души, подпоручицы Натальи Тимофеевой дочери Фроловой-Багреевой 4 души, подпоручика Антона Ермилова сына Фролова-Багреева 6 душ, помещицы Софьи Ермиловой дочери Федюкиной 2 души, малолетних Ильи и девицы Елены Васильевых детей Васильевых 2 души, титулярной советницы Аграфены Никитиной дочери Баландиной 3 души, помещицы Василисы Ивановой дочери Федюкиной 2 души»³.

Согласно окладной книги 1834 г. в сельце Пупки в это время жили «девиц Натальи, Пелагеи и Аграфены Ивановых Баландиных 8 дворовых людей» (в 1837 г. они были переведены в другие селения губернии), «губернской секретарши Елены Васильевой с детьми 1 дворовый человек» (в 1848 г. был переведен в другую губернию), «прапорщицы Домны Григорьевны Никоновой 1 дворовый человек», прапорщика Егора Саввича Федюкина 1 душа, прапорщицы Анны Васильевны Федюкиной 5 дворовых людей, «подпоручицы Фроловой-Багреевой 1 дворовый человек», Антона Ермиловича Фролова-Багреева с женой Натальей Тимофеев-

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 29.

² РГАДА. Ф. 1209, оп. 411, П-14 кр.

³ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 101–102.

ной 3 души поселян и 9 дворовых людей, унтер-офицерши Ольги Аксеновой Шараповой 6 дворовых людей¹. Необходимо отметить, что сельцо Пупки-Кучугурки и деревня Кучугурки располагались в одной земельной даче. Возможно, этом обстоятельству владельческое сельцо Пупки обязано вторым названием Кучугурки, по которому его также отличали от села Пупки.

По окладной книге 1850 г. за дворянкой Натальей Андреевной Вениуковой в «сельце Пупки, Кочугурки тож» числился «мужского пола 1 крестьянин». Прапорщице Анне Васильевне Федюкиной в нем принадлежали 7 крепостных крестьянских душ мужского пола, подпоручице Наталье Тимофеевне Фроловой-Багреевой и детям ее – коллежскому секретарю Ивану, коллежским регистраторам Тимофею и Федору, канцелярскому служителю Григорию, девицам Анисье и Татьяне Антоновым – «мужского пола крестьян 4 души и 8 дворовых людей», унтер-офицерше Ольге Аксентьевне Шараповой – 2 души поселян и 3 дворовых мужского пола².

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в это время существовали село Пупки с 96 дворами и сельцо Пупок со 122 дворами, разделенные ручьем Пупки так, что село большей частью лежало на его левом берегу, а на правом его строения находились только к югу от церкви. Сельцо Пупок располагалось к северу от церкви на правом берегу ручья и состояло из 3 порядков крестьянских домов. На восточной и южной окраинах села стояли 2 ветряные мельницы, а в самом селении на ручье действовала мельница водяная.

В селе Пупки по последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., насчитывалось 80 домохозяйств, в которых проживали 342 души мужского пола и 357 – женского. В находившемся рядом с ним сельце Пупки (Кочугурках) было 3 домохозяйства бывших государственных четвертных крестьян (однодворцев), население которых составляло 20 мужчин и 15 женщин³. По сведениям 1859 г., в «Пупках, селе казенном при колодцах», лежавшем в 8 верстах от уездного города, насчитывалось 122 двора, в которых проживали 342 мужчины и 357 женщин. В находившейся рядом с ним «деревне владельческой и казенной Пупки (Кочугурки)», находившейся на расстоянии 7 верст от уездного города, было 13 дворов, а население составляли 48 мужчин и 44 женщины⁴.

В 1854 г. деревянное здание Покровской церкви в селе Пупках сгорело. Из священников, служивших в нем со дня основания, известны Мирон и Гавриил (упоминаются в 1676 г.), Федор Афанасьев (ок. 1683–1719 гг.), Захарий Романов (уволен в 1741 г.), Андрей Федоров (упоминается в 1734 г.), Евдоким Стефанов (с 1741 г.), Мирон Иоаннов (в 1753–1779 гг.), Григорий Миронов (в 1779–1808 гг.) и Максим Григорьев (в 1808–1855 гг.)⁵.

В 1855–1871 гг. пупковским приходом руководил священник Александр Евдокимович Морозов. При нем в 1857 г. было приобретено и перевезено в Пупки старое деревянное здание однопрестольной церкви Св. великомученицы Варвары из села Орловка-Троицкое Елифанского уезда Тульской губернии⁶. Этот храм был возведен в 1771 г. на средства местного помещика отставного капитана князя Сергея Никитича Долгорукова и освящен в честь святой покровительницы его супруги княгини Варвары Никитичны Долгоруковой, урожденной

¹ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 9 об – 10, 24 об – 25, 199 об, 330 об – 331, 333 об – 334 об.

² ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 39 об – 40, 346 об – 347, 353 об – 354, 378 об – 379.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 2.

⁴ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 131.

⁵ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 174.

⁶ Ныне село Троице-Орловка Скопинского района Рязанской области.

Щербатовой (? –1820). По сведениям П.И. Малицкого, после переезда в Пупки храм «был вновь построен и освящен во имя Св. великомученицы Варвары»¹, однако И.В. Добролюбов по-прежнему называет его Покровской церковью².

В 1861 г. по инициативе священника А.Е. Морозова и при деятельном участии Палаты государственных имуществ в Пупках открылось сельское училище. Содержание училища, размещавшегося в доме наставника, обеспечивалось местным сельским обществом. В 1866 г. в нем обучались 38 мальчиков³.

Отмена крепостного права в 1861 г. стала в буквальном смысле слова спасением для крестьян и дворовых людей мелкопоместных владельцев, со стороны которых они подвергались наиболее бесчеловечным формам эксплуатации. С ростом цен на зерно в середине XIX в. они нередко присваивали себе земли принадлежавших им немногочисленных крепостных, а самих крестьян переводили на месячину – продуктовое содержание, являвшееся вознаграждением за шестидневную барщину. Такая форма организации крепостного имения напоминала античное рабство или позднейший концлагерь. Именно так было организовано хозяйство у обедневших дворян Фроловых-Багреевых, проживавших в сельце Пупки.

27 ноября (8 декабря) 1862 г. мировой посредник 3-го участка Скопинского уезда отставной поручик А.Г. Александровский отношением представил на утверждение Рязанского губернского по крестьянским делам присутствия приговор об освобождении «от обязательных отношений» двух семейств дворовых людей г. Фроловых-Багреевых, помещиков сельца Пупки, за жестокое с ними обращение. Дело слушалось в заседании присутствия 19 (31) декабря 1862 г. «В приговоре объяснено: 1861 г. ноября 26 дня мировой посредник Александровский разбирал словесную жалобу, принесенную ему 19 числа сего ноября дворовыми людьми Петром Дмитриевым и Матвеем Григорьевым, которые жаловались на то, один из помещиков их, коллежский секретарь Тимофей Антонович Фролов-Багреев, прибил 13 ноября – Петра Дмитриева, 19 ноября Матвея Григорьева, а 18 ноября – сестру первого из них, Федосью Дмитриеву; что свидетелем побоев, нанесенных Федосье был государственный крестьянин села Корневого Алексей Михайлов, работавший в то время в риге ворота в сельце Пупках у г. Фроловых-Багреевых, и что он же, Михайлов, вероятно, видел также, как был прибит Петр Дмитриев. Для разбирательства это дела мировой посредник вызвал означенных дворовых людей, государственного крестьянина Алексея Михайлова и г. Фролова-Багреева особыми повестками к 30 числу сего ноября за № 74. К разбирательству был вызван и опекун над имением г. Фроловых-Багреевых, дворянин Шарапов, но явились только дворовые Петр Дмитриев и Матвей Григорьев и государственный крестьянин Алексей Михайлов. Г. же Фролов-Багреев и опекун Шарапов не прибыли и письменных отказов не прислали. Посему посредник, на основании ст. 48 Положения о губернских и уездных учреждениях, приступил к разбирательству дела без ответчика, причем государственный крестьянин Алексей Михайлов, по сделанном[у] ему внушению, чтобы он рассказал по чистой совести, без утайки, все ему известное, показал, что он действительно видел как Тимофей Антонович Фролов-Багреев бил дворовую девку Федосью Дмитриеву, но бил ли он также Петра Дмитриева того он не видал, потому что был в риге когда г. Фролов-Багреев бранил Петра за ригю на гумне, что эту брань он слышал, но не мог видеть дрался ли помещик со своим

¹ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 169.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 173.

³ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 238–239.

дворовым человеком. За неимением других доказательств жестокого обращения г. Фролова-Багреева с дворовыми людьми Петром Дмитриевым и Матвеем Григорьевым мировой посредник предложил этим людям принять справедливость данных ими показаний на душу, т. е. подтвердить их клятвою, в присутствии священника, призвав во свидетельство своих слов слово Божие, что они, по сделанному им перед тем от священника увещании, и исполнили. Тогда мировой посредник признал коллежского секретаря Фролова-Багреева виновным в жестоком обращении с своими дворовыми людьми; а как таковые действия случались уже не в первый раз, ибо в начале октября сего года тот же Петр Дмитриев жаловался посреднику, что тот же г. Фролов-Багреев прибил его, но тогда они между собою помирились и Петр Дмитриев дал подписку, что он случившееся по христианскому чувству оставляет и забывает, то посредник, руководствуясь ст. 18 Положения об устройстве дворовых людей, решил: освободить от обязательных отношений к владельцам оба семейства означенных дворовых людей, а именно – Петра Дмитриева с женою, двумя дочерьми, сестрой Федосьей Дмитриевой, которая также была прибита помещиком, и холостым братом, и Матвея Григорьева с женою, двумя сыновьями и тремя дочерьми – и выдать им увольнительные акты...»¹. Губернское присутствие нашло решение посредника правильным и утвердило его.

Потеря нескольких семей крепостных работников была чувствительным ударом для более чем скромного хозяйства Фроловых-Багреевых. В конце мая 1862 г. пупковский помещик коллежский секретарь Т.А. Фролов-Багреев «вошел в ходатайство в губернское присутствие с прошением, в котором жаловался на мирового посредника Александровского, показывая, что последний в свое время неправильно произвел дознание»... На что после разбирательства было вынесено определение: «Прошение г. Фролова-Багреева оставить без уважения, о чем объявить ему чрез земскую полицию». По объяснениям посредника известны некоторые детали быта крестьян сельца. Например, «прибыв для открытия сельского общества в июле прошлого года в сельцо Пупки, где находятся имения 4-х мелкопоместных владельцев, в том числе гг. Фроловых-Багреевых, он, посредник, встретил затруднения в выборе сельского старосты, ибо все временнообязанные и дворовые живут во дворе помещиков на месячном продовольствии, ежедневно работают на барщине и никто из владельцев не соглашался освободить от своих работ того, кто будет выбран в старосты, показывая, что им староста не нужен, ибо люди их получают приказания о работах прямо от своих господ...»²

Однако время дворянского произвола в Пупках заканчивалось. Как свидетельствуют документы, мировой посредник А.Г. Александровский лично озаботился скорейшим переводом оставшихся четырех крестьян Фроловых-Багреевых во временнообязанное состояние. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1864 г., значится: «Скопинск[ого] уез[да] участка мир[ового] посредника Александровского [сель] цо Пупки тит[улярного] совет[ника] И., кол[лежского] секр[етаря] Т., губ[ернского] секр[етаря] Ф., кол[лежского] регист[ратора] Г. и д[еви] ц К. и Т.А. Фроловых-Багреевых, 4 д[уши]. Душевой надел прежний – 3 дес[ятины] 450 саж[еней] (3,5 га), по грамоте – 3 дес[ятины]; повинность издельная. Грамота написана посредником»³.

По межеванию от 7 (19) июля 1867 г. земли при сельцах Кочугурки и Пупки ее собственниками показаны титулярный советник Иван Тимофеевич Фролов-Багреев (ок. 268 десятин – 293 га), полковник Александр Петрович Хрущев (ок. 66 десятин – 72 га),

¹ Рязанские губернские ведомости, № 12 (24 марта 1862).

² Рязанские губернские ведомости, № 46 (17 ноября 1862).

³ Рязанские губернские ведомости, № 10 (7 марта 1864).

княгиня Ольга Петровна Мещерская (более 498 десятин – 544 га) и казенные крестьяне (бывшие четвертного права. – *Примеч. авторов*) сельца Пупок – 80 десятин (87 га)¹. В материалах ревизии Скопинского уезда, проводившейся Рязанским губернским земством, в реестре сельских обществ, за которыми числились недоимки в оклад уездного земского сбора за 1875 г., показано сельцо Пупок господ Фроловых-Багреевых². В 1868 г. в сельце Пупки–Кочугурки Корневской волости наряду с бывшими государственными (б. четвертными) показаны и временнообязанные крестьяне: всего 10 дворов, 31 душа мужского пола и 27 – женского³.

Дворяне Шараповы и Фроловы-Багреевы фактически утратили свои земельные владения при сельце Пупки к началу 1880-х гг. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «22 сентября 1882 г в 10 час. утра при Скопинском съезде мировых судей, будет продаваться с публичного торга право крестьянки деревни Малой Истобенки Прасковьи Ивановой на ½ часть из недвижимого имения заключающегося в 39 десятинах 699 сажнях земли разного наименования, находящейся Скопинского уезда при сельце Пупках, Кочугурки тож, в общем владении с дворянами Абрамом и Семеном Ефимовыми Шараповыми. Имение это нигде не заложено. Право это оценено в 450 руб. с каковой оценки и начнется торг»⁴. В следующем году газета писала: «Судебный пристав Скопинского уезда мировых судей 1-го участка Ф. Трофимов, живущий в Скопине, объявляет, что: а) на удовлетворение взыскания вдовы губернского секретаря Натальи Алексеевой Фроловой-Багреевой, 5 октября 1883 г. в 10 час. утра, при Скопинском съезде мировых судей будет продаваться с публичного торга недвижимое имение, заключающееся в 25 десятинах земли разных угодий, находящееся Скопинского уезда при сельце Пупках, Кочугурках тож, в чересполосном владении, принадлежащее наследникам умершего губернского секретаря Федора Антонова Фролова-Багреева, отставному поручику Николаю, губернскому секретарю Алексею, топографу Михаилу Федоровым Фроловым-Багреевым, малолетним Ольге, Софье и Антону Федоровым Фроловым-Багреевым и дворянке Александре Федоровой Масютиной. Имение это нигде не заложено и оценено в 450 руб., с каковой оценки и начнется торг»⁵.

По данным переписи населения 1882 г. в селе Пупки Корневской волости насчитывалось 164 двора, которые населяли 494 мужчины и 494 женщины. Грамотой из них владели только 38 мужчин и 7 учащихся мальчиков. Душевой надел в Пупковском сельском обществе составлял 4,5 десятины (4,9 га) земли – мелкого чернозема. 6 семей владели и купленной землей – в общей сложности 100 десятинами (109 га). В аренде у местных крестьян находились 120 десятин (131 га) пашни и 56 десятин (61 га) лугов. Жители 123 дворов (42 % населения села) были безлошадными, из них на 49 дворах не держали и коров. В то же время на 28 дворах села держали по три и более лошадей. Из 164 изб села 151 топилась «по-черному», из «холостых строений» при крестьянских домах упоминаются 136 плетневых дворов, 70 горниц, 73 амбара и сарая, 112 риг и овинов. 21 местный житель числился в отхожих промыслах. В селе действовали трактир и три «промышленных заведения»⁶.

¹ РГАДА. Ф.1354, оп. 411, ч. 2, л. 46.

² Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязанского в 1875 году. Москва, 1877. С. VI.

³ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 602, 603.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 56 (28 июля 1882).

⁵ Рязанские губернские ведомости, №67 (3 сентября 1883).

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 2–8.

В селѣ Пупки в это же время насчитывалось 5 домохозяйств, в которых проживали 19 мужчин и 18 женщин. Никто из взрослых жителей селѣ грамотой не владел, читать и писать умели лишь 3 учащихся мальчиков. Наряду с четвертной землей при селѣ имелась и общественная. Две семьи владели купленной землей – в общей сложности 12 десятинами (13,1 га). Три семьи арендовали 3 десятины (3,27 га) пашни. Обитатели 1 двора были безлошадными, жители 3 наиболее зажиточных хозяйств держали по три лошади. Всего в селѣ насчитывалось 5 изб, при каждой имелись плетневый двор и горница (клеть), а также 3 амбара и 4 риги (овина)¹.

Основным местным промыслом жителей села была добыча горшечной глины. Еще в середине XIX в. отмечалось, что «с давних времен Скопин известен деланьем в большом количестве глиняных горшков, развозимых для продажи не только в соседственные, но даже и дальние города других губерний, где продавцы горшков часто меняют их на хлеб и яйца. Глина для делания горшков привозится крестьянами из казенных сел – Корневого и Пупок, отстоящих от города в 6 верстах, она находится на глубине от 1 до 3 сажень; ее копают осенью, а зимой отвозят в Скопин, где она идет на деланье горшков»². Попутно с горшками, конечно, продавались другие гончарные изделия: блюда, солонки, нехитрые скульптурки и, наконец, свистульки, получив которые деревенские мальчишки разбегались в разные стороны и свистом оповещали крестьян о прибытии продавца. Кроме горшечного промысла некоторые крестьяне владели небольшими «промышленными заведениями». Жители Пупок М. Никитин и С. Селиверстов в 1894 г. имели одноконные просорушки³.

С 1875 г. в Покровской церкви села Пупки служил священник Емельян Иванович Надеждин. В 1885 г. им была основана сельская церковно-приходская школа. В 1885/1886 учебном году она размещалась под железной крышей в пятиконном деревянном доме площадью 63 кв. аршина (32 кв. м), который принадлежал Пупковскому сельскому обществу. В школе обучались 22 крестьянских мальчика и 1 – из семьи разночинцев. Средств на содержание школы не имелось. Учебных пособий было мало. Е.И. Надеждину приходилось выполнять функции и законоучителя, и учителя⁴. Впоследствии за свои труды, в т. ч. и на ниве народного образования, он удостоился благословения Св. Синода с грамотой (1895) и был награжден камилавкой (1901).

О Покровской церкви в Пупках И.В. Добролюбов в 1884 г. сообщал следующее: «Церковной земли состоит усадебной 3 десятины (3,27 га), пахотной 44 десятины 811 кв. сажень (48,3 га), из коих ок. 4 десятин (4,36 га) заняты дорогами; план и межевая книга на означенную землю сгорели в 1854 г., как сказано в клировых ведомостях за 1860 г. В приходе при 169 дворах значится мужского пола 532, женского пола 529. <...> По штату 1873 г. в причте Покровской церкви положены 1 священник и 1 псаломщик»⁵.

В 1895 г. Покровская церковь подверглась капитальной перестройке. Под храм подвели кирпичный фундамент, его венчания переделали в более современных для конца XIX в. формах. Новое здание Покровской церкви в Пупках, крытое железом и окруженное решетчатой

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 2–8.

² Баранович М.С. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. СПб.: тип. товарищества «Общественная польза», 1860. С. 117.

³ Мартынов Н.Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год. Рязань, 1895. С. 89.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. Москва: Ряз. губ. земство, 1889. С. 14–19, 26.

⁵ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 173.

оградой, в октябре 1895 г. было поручено освятить помощнику благочинного 1-го Скопинского округа священнику Димитрию Соловьеву¹.

К 1903 г. жители села Пупки осознали необходимость строительства в нем церковно-приходской школы и начали предпринимать для этого конкретные шаги. «Рязанские епархиальные ведомости» в связи с этим сообщали: «В Скопинском уезде устраивается новое школьное здание. Доселе в селе Пупках школа помещалась в церковной сторожке (с 1885 г.), в здании ветхом, тесном и не имеющей квартиры учителю. Прихожан в селе 1390 душ обоего пола, детей школьного возраста 130–140 человек. Теперь крестьяне желают устроить новое поместительное школьное здание размером 28 x 12 аршин на 60–70 человек, общей стоимостью 2800 руб. На эту постройку у них имеется на сберкнижке 472 руб. 93 коп., по приговору 1902 г. они обязались внести 824 руб. Всего, таким образом, предвидится местных средств 1296 руб. 93 коп., не достаёт 1503 руб.»². Сельский сход, который собрал староста Лобанов 17 (30 марта) 1905 г., принял решение строить церковно-приходскую новую школу, но по причине недостатка средств селянам пришлось обращаться в Скопинское уездное земство. В своем ходатайстве в адрес уездного земского собрания крестьяне писали: «...Ввиду маловместимости и ветхости <...> школы, мы в настоящем году приступили к постройке нового здания <...> в большом размере – длиной 28 аршин, а шириной 12 аршин, священник успокоил, что он спросит денег на половину училища из Святейшего Синода. Купили камня на бут, кирпича на фундамент, лесного материала и наняли мастеров. Школа вчерне сделана, т. е. стены вырублены и более половины покрыты железом, какие у нас были деньги все израсходованы, а выдали из епархиального отделения (вместо 1000 рублей) 399 руб. 75 коп. <...>, а потому постановили церковно-приходскую школу переименовать в земскую...» Назначив попечителем на время строительства богатого крестьянина Никиту Тихоновича Тихонова, владевшего 6 мельницами, сельское общество получило согласие земства на выделение 1000 рублей беспроцентного кредита, в том числе 400 рублей безвозмездно³. Строительство школы, таким образом, было благополучно завершено.

В 1905 г. в селе Пупки было 177 дворов, в которых проживали 682 мужчины и 705 женщин. В селе действовали церковь деревянная, мужская церковно-приходская школа, 2 ветряные мельницы. Как отдельное поселение на северо-восточной окраине села продолжало существовать «село Пупки-Кочегурки». В нем насчитывалось всего 15 дворов и 94 жителей⁴.

С началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. в действующую армию были призваны жители села Пупки Василий Митрофанович Вуколов, Иван Давыдович Ротнов, Петр Лукич Старшинов, Григорий и Иван Филипповичи Штатовы, Андрей Тимофеевич Устинов. На время отсутствия мобилизованных их семьи остались без средств к существованию. Поэтому по справке Скопинской уездной земской управы с них были сложены все казенные и земские сборы, а также недоимки по предыдущим платежам⁵.

Вообще же Скопинскому уездному земству нередко приходилось прибегать к подобной процедуре в отношении владельцев местных «промышленных заведений». Их прибыли были столь скромны, а экономические возможности столь ограничены, что даже скромные суммы земских

¹ Рязанские епархиальные ведомости, № 20 (15 октября 1895 г.). С. 797.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 7–8 (1–15 апреля 1903 г.). С. 232.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва от 17 июня 1905 года. Скопин, 1905. С. 32–33, 64.

⁴ Населенные места Рязанской губернии / составлены под ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 634–635.

⁵ Журнал Скопинского уездного земского собрания от 17 июня 1905. Скопин, 1905. С. 68.

сборов в чрезвычайных обстоятельствах могли превратиться для них в неподъемный груз. К примеру, в сентябре 1911 г. была «уничтожена пожаром»¹ ветряная мельница крестьянина села Пупки Петра Федоровича Терешина. 25 ноября (7 декабря) 1911 г. скопинский уездный исправник, препровождая протокол о несостоятельности мельника из села Пупки, просил сложить с него недоимку по земскому сбору за ветряную мельницу. Произведенным приставом 3-го стана дознанием было установлено, что «мельница Терешина в сентябре 1911 г. сгорела <...>, и после пожара он остался в таком безвыходном положении, что с трудом пропитывает семью, и вообще уплатить недоимки <...> не в состоянии»². Задолженность П.Ф. Терешина земству пришлось простить. Иногда по обстоятельствам крестьянские «промышленные заведения» переоценивались земством. Например, в том же 1911 г. владелец паровой мельницы Никита Тихонович Тихонов обращался к земству с просьбой снизить величину обложения его земским сбором. Члены управы, убедившись в том, что двигатель на его мельнице подержанный, согласились прошение удовлетворить. В результате мельницу переоценили, а сумму сбора с нее понизили³.

По данным за 1912 г. в селе Пупки проживали 1559 человек, а в сельце Пупки-Кучугурки – 74⁴. В этом году была составлена одна из последних купчих крепостей землевладельцев-собственников сельца Пупки. По ней местный крестьянин А.М. Полунин приобрел у помещика А.В. Фролова-Багреева и его тетки 19 десятин (20,7 га) пахотной земли⁵.

В 1914 г. в Покровской церкви села Пупки по-прежнему служил престарелый священник Е.И. Надеждин⁶. К храму были приписаны 3,5 десятины (3,8 га) усадебной и 37 десятин (40,3 га) пахотной земли. При церкви действовала библиотека, в которой имелось 24 книги духовного содержания⁷.

К 1908 г. в селе Пупки из 1553 жителей насчитывалось 132 человека детей в возрасте 8–11 лет, в сельце Пупки-Кучугурки было 125 жителей, из них 11 детей школьного возраста. Однако в Пупковской земской школе могли обучаться только 75 учеников. Преподавали им законоучитель Е.И. Надеждин и 2 учителя.⁸ В 1914 году в земской школе обучались 60 мальчиков и 29 девочек⁹. В сведениях за 1916 г. земская школа показана двухкомплектной, с четырехлетним периодом обучения. На ее отопление в том году пошло 1100 пудов (17,6 т) угля на сумму 388 руб., на ремонт – 8 руб. 15 коп., на инвентарное имущество – 14 руб. 21 коп., на содержание сторожей – 45 рублей, на страхование – 10 рублей 3 коп., на освещение – 9 рублей, на доставку воды – 22 рубля¹⁰.

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. Скопин, 1913. С. 394.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. Скопин, 1913. С. 220.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVII очередного созыва 1911 года. Скопин, 1911. С. 508–509.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 349.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. Скопин, 1913. С. 352.

⁶ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань, 1914. С. 446.

⁷ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 605; Рязанские епархиальные ведомости, № 20 (15 октября 1895 г.). С. 797.

⁸ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 18–19.

⁹ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 605.

¹⁰ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 178.

К середине 1917 г. в селе Пупки Корневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 257 дворов, его население составляли 856 мужчин и 879 женщин. В сельце Пупки-Кочугурки насчитывалось 10 дворов, в которых проживали 41 мужчина и 40 женщин¹. В первые послереволюционные годы сельцо Пупки-Кочугурки, которое уже задолго до того воспринималось как часть большого села Пупки, окончательно слилось с ним. Изредка один из сельских порядков по старой памяти называли Кочугурками, да и это вскоре забылось. До конца 1950-х гг. оставались неизменными основные порядки села: Погорелое, Крутое, Кулишки, Тишкин, Гулынки, Беломесы².

В 1918 г. в селе был организован Пупковский сельсовет. В 1929 г., когда ушло в прошлое историческое административное деление на волости, уезды и губернии, он вошел в Скопинский район Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В 1930 г. в селе Пупки был создан колхоз «Свет Октября». Поначалу в него вступали не только местные бедняки, но и бывшие «хозяева жизни». До 1917 г. почти все батраки села Пупки работали у кулака Н.И. Федюкина. С началом массовой коллективизации он получил «твердое задание» по поставкам сельхозпродукции государству, выполнение которого контролировал сельсовет. Побыв некоторое время в незавидном положении «твердозаданца», сообразительный «крепкий хозяин» понял, что надо вступать в колхоз, иначе могут и раскулачить. В 1931 г. его даже выбрали в сельсовет, где поручили курировать школу. Однако бывший кулак, похоже, прохладно относился ко всему, что не приносило прибыли. Как писали о нем семеро односельчан на страницах газеты «Побединский ударник», «он не только не вел никакой работы, но и старался провалить хлебозаготовки, и сам к ноябрю 1932 г. не выполнил свое задание»³.

Местная пресса сообщала: «На сентябрь 1933 г. в пупковском колхозе 256 членов (не считая детей и подростков), из них 66 горняков. Работало в колхозе меньше половины. Бригады, хотя и были, но на звенья не распределены. На начало сентября из 800 копен ржи и овса было заскирдовано 250 копен. Сеяли вручную при наличии сеялки. По плану хранения было 42,5 тонны картофеля, а хранилищ только на 30»⁴.

К марту 1935 г. на весь Скопинский район осталось около 900 хозяйств крестьян-единоличников. Большинство вступавших в колхоз старались перед этим распродать скот и сельхозинвентарь. Например, из 195 единоличников села Вослебово отдали колхозу своих лошадей 40–45, в Лопатине из 280 – около 50 человек. Семена ими тоже не засыпались⁵. «За четыре предшествующие месяца в селе Пупки [в колхоз] вступило 179 хозяйств, из них лошадей имели 79, из которых 77 имели ниже средней упитанность, 2 сразу подвесили на веревки. Принадлежали Щербакову Сергею Андреевичу и Суханову Василию Никитовичу, раньше имели горшечное производство и лишались избирательных прав. Вновь вступивший в колхоз бывший земельный уполномоченный Кулачев Павел Тихонович, зажиточный, 3 марта говорил: “Мужики, вы знаете, что на днях райком собирал всех коммунистов, и на пленуме говорили, что никто не имеет права держать в колхозе. Так что сейчас можно брать из колхоза лошадей, инвентарь и семена”. При этом он был назначен бригадиром 6-й бригады, и сам фураж и семена при вступлении не сдал. По сведениям, Кулачев имел укрытый от сельсовета озимый посев – 4 га»⁶.

¹ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

² Сталинец, № 122 (22 октября 1950).

³ Побединский ударник, №232 (22 ноября 1932).

⁴ Побединский ударник, № 207 (9 сентября 1933).

⁵ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 52.

⁶ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 52–53.

Из вновь вступивших два колхозника, Фомин Александр и Богачев Павел Андреевич, обобществили лошадей, но в колхоз их не сдавали. Фомин Александр среди новых колхозников говорил: «В колхоз-то я вступил, но жалко лошадь сдавать, сдашь лошадь – с голоду подохнешь, ведь очень плохо живется в колхозе, я лошадь сдавать подожду». Оставшиеся вне колхоза 40 хозяйств единоличников были к весеннему севу не подготовлены. Имели они всего 19 лошадей, в большинстве слабой упитанности. Сельсовет не контролировал засышку ими семян, поэтому каждый единоличник имел семена дома, что давало возможность использовать их как захочется¹.

Конечно, материальная база колхоза «Свет Октября» в первые годы его существования была слабой. Но уже с первых лет деятельности от него требовалось продавать государству сельхозпродукты по заниженным закупочным ценам. Колхозники и единоличники обязаны были сдавать мясо, зерно, молоко вне зависимости от того, имелось ли у них приусадебное хозяйство, или нет. Единоличниками руководил сельсовет, определяя им твердые задания, посевные планы и собирая налоги. В связи с утверждением устава сельхозартеля 25 июня 1935 г. в колхозе «Свет Октября» Пупковского сельсовета на собрании колхозников около клуба, при обсуждении устава выступающий в прениях Матросов Гавриил Иванович, в прошлом торговец горшками, говорил: «Предложение о развитии свиноводства принимать нам не нужно, в нашем колхозе развитие свиноводства это прямой убыток, мы все будем отдавать свиньям, а сами из-за них погибнем с голоду»².

В 1934 г. в докладной записке Скопинского райотдела УНКВД о политическом настроении колхозников, единоличников и приливе в колхозы учительница школы 1-й ступени села Пупки Говорова была квалифицирована как «дочь кулака и склочница»³.

1937 г. собрал обильную жатву среди уроженцев села. Жертвой «большого террора» пал и последний священник Покровской церкви в Пупках Владимир Яковлевич Козлов (1889–1937). Он был уроженцем села Семеновского Пронского уезда Рязанской губернии. 13 сентября 1937 г. священник В.Я. Козлов был арестован в селе Пупки и 10 октября осужден тройкой УНКВД по Московской области «по обвинению в систематической антисоветской агитации и контрреволюционной пропаганде». 13 октября 1937 г. В.Я. Козлов был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. Его посмертная реабилитация состоялась в 1989 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 ноября. В том же году и в том же месте погибли Матвей Григорьевич Авдеев (1880–1937), перед арестом работавший сторожем Пупковского сельпо, колхозник Степан Матвеевич Гомазков (1880–1937), Андрей Антонович Каштанов (1877–1937), Алексей Петрович Терехин (1892–1937), колхозник Семен Лукич Титов (1896–1937), возчик Иван Сергеевич Тихонов (1888–1937), верховой десятник шахты № 51 Иван Иванович Федюкин (1895–1937) и счетовод коммунального отдела Октябрьского шахтоуправления Сергей Иванович Федюкин (1901–1937). Все они были осуждены по обвинению в контрреволюционной пропаганде и агитации, «распространении клеветы на советскую власть», «враждебном отношении к коммунистам». Реабилитировали их в разное время – в 1957, 1989 и 1997 гг.

Культурная жизнь Страны Советов не проходила мимо жителей Пупок. Так, например, в 1937 г. в СССР широко отмечалось 100-летие со дня гибели на дуэли поэта А.С. Пушкина. Скопинская районная газета «Сталинец» в контексте юбилейных торжеств сообщала:

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 53.

² ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 110.

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 25.

«Житель села Пупок Тихонов (любитель-самоучка) изготовил к пушкинским дням из глины скульптуру А.С. Пушкина». К сожалению, не сохранилось даже изображений работы первого известного пупковского скульптора-самородка, поэтому судить о ее художественных достоинствах невозможно.

В 1937 г. Пупки вместе со всем Скопинским районом были переданы из Московской области в новообразованную Рязанскую. По данным Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., Пупковский сельсовет в 1937 г. был коллективизирован на 94,6 %. На территории сельсовета имелось 1069,1 га посевных площадей, в том числе колхоза «Свет Октября» – 986,4 га, единоличников – 32,2 га, остальная приходилась на индивидуальные хозяйства колхозников. Лошадей у колхоза было 133, у единоличников – 9. В пупковском колхозе были 34 головы крупного рогатого скота и 33 свиньи, в хозяйствах колхозников – 236 голов КРС и 103 свиньи, у единоличников – 9 голов КРС и 4 свиньи. В хозяйствах колхозников насчитывалось 358 овец, у единоличников – 28 голов. В селе действовали торговая точка, начальная школа с 244 учащимися и 1 промышленное предприятие¹ – черепичный завод, на котором трудились 9 человек².

К концу 1938 г. в Пупках насчитывалось 338 дворов, жители которых поголовно состояли в колхозе «Свет Октября». Из 1769 жителей села, состоявших в колхозе, трудоспособными были 343, каждый из них в среднем заработал за год по 94 трудовня. На каждый трудовень при распределении 18,6 % прибыли каждый колхозник получил 1,62 кг зерна и 11 копеек. Общая уборочная площадь различных культур составила 954 га, в том числе под зерновыми и бобовыми – 722 га, картофелем – 70 га и другими овощами и бахчевыми – 4 га. Урожайи зерновых и бобовых были очень низкие, в среднем 5,3 ц.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в селе Пупки в рассматриваемое время насчитывалось 420 жилых строений. Село находилось в достаточно оживленном районе – близ него находились большое село Корневое и горняцкий поселок Октябрьское поле. В окрестностях находились несколько угольных шахт, связанных линиями узкоколейной железной дороги.

В ноябре-декабре 1941 г., в ходе первого года Великой Отечественной войны, территория села Пупки несколько дней была оккупирована врагом. С началом зимнего контрнаступления советских войск под Москвой от немцев очистили весь Скопинский район.

В первые годы войны председателем пупковского колхоза был Никулушкин. В январе 1942 г. скопинская районная газета «Сталинец» писала о положении дел в сельхозартели «Свет Октября»: «Недостает семян яровых. Отремонтировано 3 плуга из 17. Из трех сеялок ни одна была не пригодна. Из 20 телег починено только 5»³. При дефиците мужских рабочих рук основная тяжесть колхозного труда легла на плечи женщин. Осенью 1942 г. труженицы колхоза «Свет Октября» постановили вывезти на поле 370 тонн навоза, организовать звено пахарей, взять на откорм 35 телят, вырастить для Красной армии 50 кур и засеять дополнительно 3 га картофеля, собрать на строительство танка «Женщины-патриотки Родины» 3000 рублей⁴. Из мужчин в селе оставались в основном подростки и старики. Но и они

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь. Основные показатели народно-хозяйственного плана 1937–1939 гг.

³ Сталинец, № 7 (20 января 1942).

⁴ Сталинец, № 25 (29 марта 1942).

старались трудиться ударно, помогая Родине приближать победу. Так, престарелый местный колхозник Никифор Ефремович Косоруков засеивал 6 га вместо положенных по нормам четырех¹.

При всей скудости военного быта люди не жалели средств на помощь сражавшейся Красной Армии. В 1942 г. «Сталинец» сообщал: «Учащиеся Пупковской начальной школы собрали 600 рублей на танк “Скопинский пионер”. В сердцах маленьких патриотов кипит ненависть к фашистским извергам. Ученик 4-го класса Косоруков Вася, внося 15 рублей, сказал: “Пусть наш танк давит врага беспощадно”. Ученицы Шарапова, Терешина М. и Лобанова А. внесли по 10 рублей».

Но не все местные жители трудились на совесть, были среди них и исключения. Об одном из них селькор К. Спорыхин писал в 1943 г. в заметке «Вредительская пахота», появившейся в скопинском «Сталинце»: «Савкин – бригадир тракторной бригады в колхозе “Свет Октября”, преступно отнесся к работе по подъему зяби. С его ведома трактористы пахали на глубину 10 сантиметров. При этом Савкин оправдывал вредительскую пахоту тем, что плуги якобы глубже не идут. Потребовалось вмешательство районных организаций, чтобы заставить трактористов пахать как следует. Поставили плуги на 20 сантиметров, и они отлично пошли. За вредительскую пахоту руководство МТС должно привлечь Савкина к уголовной ответственности»².

Уроженцы села Пупки, мобилизованные в РККА, дали немало примеров подлинного героизма и самопожертвования. Особо хотелось бы отметить среди них кадрового офицера-артиллериста Георгия Яковлевича Тихонова (1920 –?). Он воевал с самого первого дня войны, в 1942 г. получил легкое ранение, был награжден медалью «За боевые заслуги». О результативности его боевой работы в период Сталинградской битвы красноречиво свидетельствует представление к ордену Отечественной войны 1-й степени, которым гвардии капитан Г.Я. Тихонов, командир 2-й батареи 5-го гвардейского Краснознаменного артиллерийского полка 4-й армидивизии, был награжден в начале 1943 г.: «В боях за г. Сталинград в районе села Котлубань-Вертячий с 1 октября по 1 декабря 1942 г. огнем своей батареи уничтожил: 3 пульгнезда, 2 дзота, подавил 3 артиллерийские и 3 минометные батареи, за что от командующего 1-й гвардейской армией получил звание «истребитель немецких дзотов». В боях с 1 по 25 декабря уничтожил: 2 дзота, 2 окопа с пулеметным расчетом, НП, подавил 2 артбатареи»³.

С такой же интенсивностью гвардии капитан Г.Я. Тихонов воевал и в ходе боев за освобождение Украины: «Тов. Тихонов, работая командиром дивизиона, умело подготовил свой личный состав на успешное выполнение боевых задач, стоящих перед дивизионом. В боях за освобождение Донбасса и других районов Украины с 18 августа по 4 октября 1943 г. тов. Тихонов огнем дивизиона подавил и уничтожил: 19 артбатарей, 4 шестиствольных миномета, подбил 5 танков, разрушил 8 дзотов, 5 НП, уничтожил 7 станковых пулеметов с прислугой и истребил до 50 гитлеровцев»⁴. Наградой отважному артиллеристу стал орден Красной Звезды.

В апреле 1944 г. гвардии майор Г.Я. Тихонов освобождал Крым. «В период прорыва обороны немецко-румынских войск на Сиваше и дальнейшего преследования противника тов.

¹ Сталинец, № 71 (10 сентября 1942).

² Сталинец, № 76 (21 октября 1943).

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, д. 1843, л. 35.

⁴ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, д. 272, л. 65.

Тихонов проявил себя умелым и решительным командиром. <...> Управляя огнем дивизиона, тов. Тихонов образцово обеспечил выполнение боевой задачи по прорыву обороны противника и этим самым дал возможность нашей пехоте продвигаться вперед. Только с 8 по 12 апреля 1944 г. огнем дивизиона было уничтожено и подавлено: 18 артбатарей (из них одна уничтожена), 4 зенитных батареи, 2 узла сопротивления, 6-ствольный миномет. Рассеяно и уничтожено до роты вражеской пехоты»¹. За бои в Крыму Г.Я. Тихонов был удостоен ордена Красного Знамени.

В 1945 г. «в период прорыва Кенигсбергских укреплений противника и взятия нашими войсками гор. Кенигсберга тов. Тихонов, находясь на ПНП полка, хорошо организовал и осуществлял взаимодействие с пехотными частями, умело корректировал огонь дивизионов по вражеским батареям, скоплениям танков и пехоты противника, тем самым обеспечивал успешный штурм и прорыв укреплений противника и продвижения нашей пехоты. В боях по прорыву Кенигсбергских укреплений огнем полка было подавлено и уничтожено: артбатарей – 15, орудий ПТО – 3, разрушено дзотов – 3, разгромлено узлов сопротивления – 3, рассеяно и частично уничтожено до 2 рот вражеской пехоты. Тов. Тихонов проявил себя умелым и решительным командиром в бою. За образцовое выполнение боевого задания командования и проявление при этом мужества, отваги, высокой организованности»² гвардии подполковник Г.Я. Тихонов был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

В первые послевоенные годы у пупковских колхозников были успехи и неудачи, но общее положение дел в сельском хозяйстве, конечно, накладывало отпечаток. К работе в колхозе теперь относились как к обременительной «обязаловке», стараясь побольше времени уделять приусадебным участкам, которые и приносили колхозникам основной доход. Когда колхозом стали уж совсем пренебрегать, последовал гневный окрик районных властей. В 1950 г. Скопинский райком ВКП (б) издал постановление «О неудовлетворительном ходе уборки в колхозе «Свет Октября», в котором с негодованием отмечалось следующее: «23 июля вместо 59 косцов по плану участвовало 16. Вместо 104 вязальщиц и сборщиц колосьев работало 40. На косовице и вязке отсутствовал элементарный порядок в организации труда и сельщинке. За два дня в колхозе убрано всего 10 га. За качество бригадиры не борются, в результате с первых дней огромные потери. До 50 колосков на квадратный метр». Отвечать за односельчан пришлось председателю колхоза Мамошкину»³.

В 1958 г. Пупковский сельсовет был ликвидирован, а село стало одним из населенных пунктов Корневского сельсовета. В 1960 г. колхоз «Свет Октября» был объединен с корневским колхозом «Красный горняк». Обрабатываемые этим хозяйством площади сразу возросли до 3448 га. К 1964 г. корневский колхоз вобрал в себя все прежние хозяйства села Пупки, деревень Новиково, Гуменки и Ивановка, а также поселка Красный городок⁴. После объединения пупковцы не потерялись в новом хозяйстве. Пупковская комплексная бригада занимала в колхозе «Красный горняк» первое место, собрала в 1962 г. по 16,7 центнера зерна с гектара. Отдельные участки озимой пшеницы дали до 40 ц с га. За высокую урожайность полей бригада была занесена на областную Доску почета, а ее бригадир Александр Васильевич Коршунов избран депутатом Рязанского сельского областного Совета депутатов трудящихся⁵.

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 3968, л. 9.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 3837, л. 62.

³ Сталинец, № 86 (25 июля 1950).

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 12, лл. 1–2.

⁵ Ленинское знамя, № 20 (5 февраля 1963).

Колхоз «Красный горняк» проработал до самого конца советской эпохи. В 1992 г., в духе вехи времени, он был преобразован в АОЗТ «Горняк», а его сельскохозяйственные угодья были бесплатно переданы в коллективно-долевую собственность бывших работников. В 2002 г. АОЗТ было перерегистрировано как СПК «Горняк», который работал до 2011 г.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Пупки было включено в сельское поселение Корневское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в нем проживали 448 жителей – 189 мужчин и 259 женщин.

Закрывая в начале 1930-х гг. Покровская церковь села Пупки впоследствии была заброшена и встретила XXI в. в руинированном состоянии. «Эта церковь является уникальной для Рязанского региона. Большинство подобных памятников сохранилось лишь в северных областях, где климатические условия оказывают благоприятное влияние на консервацию постройки. По состоянию на конец XX – начало XXI вв. церковь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Пупки – единственный сохранившийся в Скопинском районе Рязанской области деревянный храм. В Рязанской области сохранилось несколько деревянных церквей, но ни одна не может сравниться с Покровской по времени постройки. Можно с уверенностью говорить, что этот храм является единственным в своем роде во всем Скопинском и одним из немногих во всей Рязанской области. В 1971 г. он был внесен в список объектов культурного наследия регионального значения. <...> Современное состояние храма является весьма плачевным. Храм утрачен на 95 %. На данный момент целыми остались только стены алтаря, фрагменты стен трапезной и несколько ярусов колокольни»¹. 17 июля 2014 г. произошло обрушение верхнего яруса колокольни Покровской церкви. Неравнодушными к судьбе храма энтузиастами, а также общественностью Скопинского района Рязанской области предпринимаются усилия для спасения этого памятника культурного наследия регионального значения.

---

¹ *Киселева А.И., Савостина А.А., Боронцова М.А.* Реконструкция церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Пупки Скопинского района. / Новые технологии в учебном процессе и производстве. Материалы XIII межвузовской научно-технической конференции. (под. ред. Паршина А.Н.). Рязань: «Первопечатник», 2015. С. 89–90

РАНОВКА деревня (сельское поселение Шелемишевское)

Основание деревни Рановка, в начале своей истории бывшей хутором, выселенным из деревни Нагорной на противоположном берегу р. Рановы, относится к 1-й половине XVII в. Первое упоминание об этом селении содержится в подлинной переписной книге посадских дворов и людей города Рязьска поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в Пехлецком стане и дворов вотчин боярина Н.И. Романова – города Скопина с деревнями (Пехлецкий стан) переписи Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (3 марта) 1646 г. В «сельце Рановом за ряшенином за Бесчастным Фроловым» числилось 8 дворов крестьянских и 1 бобьльский¹.

В переписной книге 1716 г. «за Московской губернии канцелярии за подьячим за Федором Варламовым сыном Ушаковым» в сельце Раново значатся «двор ево помещиков на поместной земле, в нем дворовые люди <...> обоих полов пять человек <...>, а по переписным книгам 710 года написан двор помещиков, в нем дворовые люди <...> обоих полов восемь человек. За <...> рязанцем Иваном Клементьевым сыном Кашинцевым двор помещиков, в нем дворовый один человек, да после переписи 710 года в том селе запустел Ивана Яковлева сына Чевкина двор один помещиков, а дворовые люди, Никифор Иванов сын с женою Анною и дочерью померли...»²

Название селения связано с именем протекающей близ него реки. Раново лежало в непосредственной близости от Большого Рановского залива. К северу от селения находилось озеро Круглое, с востока – болото Клюковое, на котором во 2-й половине XVIII в. была проложена гать. Улица селения, длиной около 60 сажений, была обращена своими строениями к заливу. Через залив, между протоками р. Рановы, находилось семь безымянных озер. Единственная проселочная дорога шла из Шелемишево³.

Так как деревней Нагорной и ее выселком Рановой владели одни и те же помещики, оба селения нередко воспринимались как единое целое. Так, в экономических примечаниях к планам Генерального межевания Рязьского уезда 1779 г. Ранова упоминается как «деревня Нагорная, вотчина Петра и Бориса Михайловых детей Салтыковых». В документе сообщается: «Оная деревня состоит в двух местах: по обе стороны безымянного ключа, на коем пруд, и большой дороги, лежащей из города Рязьска в город Скопин; вторая на левом стороне реки Рановой, земля черноглинистая, хлеб и покосы средственны, лес строевой и дровяной дубовой, березовой, осиновой, крестьяне на пашне» (в черновиках примечаний отмечено: «Крестьяне на изделье»). По данным 3-й ревизии податных сословий Российской империи, в 1761–1765 гг. в Нагорной насчитывалось 89 дворов, в которых проживали 246 душ мужского пола и 254 – женского. При деревне было усадебной земли 22 десятины (24 га), пашни – 187 десятин (204 га), покосов – 105 десятин (114,5 га), леса – 1855 десятин 500 сажений (2026,5 га), «неудобий» – 211 десятин 1851 сажень (232 га)⁴.

¹ РГАДА. Ф. 385, лл. 155 об, 162 об.

² РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 3, л. 574.

³ РГАДА. Ф. 1354, оп. 408, ч. 2, л. 11–13 син.

⁴ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 6 об.

Упомянутый в документе «Петр Михайлов сын Салтыков» – в действительности Петр Васильевич Салтыков (1724 – после 1796), сын генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга. Он имел придворное звание камергера и чин тайного советника, находился на службе при дворе в царствование Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II.

Следующим владельцем деревни был сын П.В. Салтыкова действительный статский советник Василий Петрович Салтыков (1750–1807). В 1777 г. он вступил в брак с княжной Евдокией Михайловной Белосельской (1748–1824), фрейлиной великой княгини Натальи Алексеевны, первой супруги наследника престола великого князя Павла Петровича. После кончины мужа в 1807 г. Е.М. Салтыкова унаследовала все его имения, включая деревню Нагорную в Рязском уезде Рязанской губернии.

Е.М. Салтыкова завещала свое рязжское имение племяннику, князю Эсперу Александровичу Белосельскому-Белозерскому (1802–1846). Он был товарищем М.Ю. Лермонтова по службе в Лейб-гвардии Гусарском полку, участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и в боевых действиях против горцев на Северном Кавказе в 1833–1843 гг., с 1835 г. был флигель-адъютантом императора Николая I. Генерал-майор князь Э.А. Белосельский-Белозерский умер от тифа, которым заразился в ходе ревизии лазаретов Николаевской железной дороги.

К 1830 г. относится описание конного завода князя Э.А. Белосельского-Белозерского в селении Нагорном. Основанный в 1790 г. завод был переведен сюда из одного из прежних имений князя Александра Михайловича Белосельского. Здесь содержались лошади «старого завода кн. А.М. Белосельского, арабские скакуны, подаренные наследным принцем персидского престола генералу А.П. Ермолову в 1819 г., кровные английские лошади, бравшие на скачках призы. Кроме скаковых пород, в заводе содержались знаменитые рысаки из конезаводов графа А.Г. Орлова и графа Кутайсова»¹.

С 1831 г. князь Э.А. Белосельский-Белозерский был женат на одной из первых светских красавиц николаевской эпохи фрейлине Елене Павловне Бибиковой (1812–1888), падчерице графа А.Х. Бенкендорфа. По окладной книге 1850 г. собственниками крепостных крестьян деревень Нагорной, Еленовки и части Рановки (все Рязжского уезда Рязанской губернии) указаны «князь Константин, княгини Елизавета и Ольга Эсперовы Белосельские-Белозерские² и вдова статская советница княгиня Елена Павловна Кочубей» (после кончины своего первого мужа в 1847 г. вдовствовавшая княгиня Е.П. Белосельская-Белозерская вторым браком вышла замуж за статского советника князя В.В. Кочубея, но в 1850 г. овдовела снова). За ними числились 484 души поселян мужского пола и 19 дворовых людей мужского пола. Также они владели деревней Александровка с 96 душами мужского пола³.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в «деревне Ранова, Нагорная тож» насчитывалось 32 двора. Деревня представляла собой два порядка крестьянских домов – один шел параллельно руслу р. Рановы, а второй, расположенный восточнее, отклонялся от него к северо-востоку. Примерно в полутора верстах от деревни ниже по течению Рановы на реке был наведен мост близ которого работала водяная мельница⁴.

25 июля (6 августа) 1855 г. княжна О.Э. Белосельская-Белозерская вышла замуж за корнета Лейб-гвардии Конного полка графа Павла Андреевича Шувалова (1830–1908)⁵. Дерев-

¹ Подробные сведения о конских заводах в России, доставленные о коннозаводстве Российском от местных начальств и частных владельцев. СПб., 1830. С. 519–520.

² О них см. статью «Гореловка» настоящего издания.

³ ГАРО, Ф. 129, оп. 46, д. 192, лл. 40 об – 41.

⁴ Карта А.И. Менде 1850 года, 1 см – 420 м.

⁵ О нем см. статью «Гореловка» настоящего издания.

ня Ранова в Рязском уезде отошла к мужу княжны в качестве приданого. По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в ней проживали 332 крепостные души обоих полов.

По сведениям 1859 г., в «Нагорном, селе владельческом при р. Ранове» (видимо, лежавшем на Скопинском тракте в 9 верстах от уездного города) насчитывалось 156 дворов и проживали 581 мужчина и 610 женщин¹ (очевидно, здесь Раново вновь рассматривается как «за-речная» часть села Нагорного. – *Примеч. авторов*)

С освобождением от крепостного права в 1861 г. деревня Рановка была приписана к Журавинской волости Рязского уезда Рязанской губернии. Населявшие ее бывшие крепостные крестьяне перешли в категорию «помещика графа Шувалова временнообязанных».

В 1864–1865 гг. в селе Нагорном была возведена Константино-Еленинская церковь, в приход которой вошла и находившаяся в 2 верстах от Нагорного деревня Рановка. В 1865 г. при храме открылось приходское училище, помещавшееся в церковном доме. При этом, правда, отмечалось, что «средств на [его] содержание <...> никаких нет»².

Согласно отчету Рязанского губернского земства о проведенной им в 1875 г. ревизии Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского уездов, в деревне Рановке Журавинской волости проживали 166 душ (мужского пола), от волостного правления ее отделяло расстояние в 11 верст, от становой квартиры и мирового судьи – 10 верст. Незадолго до ревизии в деревне случился пожар, уничтоживший несколько крестьянских домов. Воду для личного употребления и других целей жители брали из р. Рановы. Как отмечалось в документах ревизии, «сношение волостного правления с обществами удобно и производится на лошадях, содержащихся при волостном правлении». В селе Нагорном, находившемся на противоположном от деревни берегу р. Рановы, крестьяне устроили дом для училища. За медицинской помощью жители обращались в Рязск, где лекарства им выдавали бесплатно³.

Выкупная сделка помещика графа Павла Павловича Шувалова⁴ «с временнообязанными ему крестьянами села Нагорного и деревень: Рановой, Александровки и Еленовского посада Рязского уезда» была заключена лишь в конце 1882 г. По ней крестьянам в числе 669 душ были представлены в выкуп земли из дач села Нагорного, деревни Рановой, Александровки и деревни Еленовского посада 1839 десятин 1800 сажений (2010,5 га) удобной и 150 десятин 1352 сажени (164 га) неудобной. Выкупной ссуды за это имение «от правительства было ипрошено 62 440 руб.»⁵ Ссуда помещику была разрешена с 1 января 1883 г.⁶

По переписи населения 1887 г. в Рановке насчитывалось 95 домохозяйств и 554 жителя, из них грамотными были только 29 мужчин. За бывшими крепостными графа Шувалова числилось 457 десятин (499 га) наделной земли. 56 семей арендовали дополнительную вненадельную землю, безземельными были 4 семьи. 2 деревенских домохозяина не имели ни земли, ни дома. При этом урожай в окрестностях Рановки собирали неплохие: рожь и овес урождались

¹ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 114.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 10, Вып. 1. Москва: Ряз. губ. земство, 1888. С. 114–121; Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 218–219.

³ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. М., 1877. С. 576–577.

⁴ Шувалов Павел Павлович (1859–1905) – граф, генерал-майор (1898), Одесский градоначальник в 1898–1903 гг., Московский градоначальник в 1905 г. В июне 1905 г. был убит эсером-террористом П.А. Куликовским во время приема посетителей в доме градоначальника на Тверском бульваре.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 92 (1 декабря 1882).

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 91 (26 ноября 1883).

«сам-четверт». Безлошадных в деревне было 27 дворов, бескоровных – 22 двора, без лошади и коровы – 16 дворов. Всего же в Рановке содержались 104 рабочих лошади, 79 коров, 70 телят, 430 овец и 70 свиней. Кроме того, в деревне было показано и 30 колод пчел.

В конце XIX в. время от времени Рановка упоминалась в хронике происшествий «Рязанских губернских ведомостей». Например, в августе 1891 г. газета сообщала о том, что «на днях в имении гр. Шувалова в сосновой роще, находящейся от города (Рязька. – *Примеч. авторов*) в 6 верстах, была сделана облава на волков, причем охотники взяли живьем 6 молодых волчат, старики же ушли невредимыми и продолжают время от времени заявлять о своем существовании разбойничьими проделками»¹.

К 1901 г. конного завода графа П.П. Шувалова в Нагорном уже не было – до этого времени он был переведен на хутор Максимовский Сапожковского уезда Рязанской губернии. Судя по общей сумме призов, взятых лошадьми графского завода в 1901–1910 гг. – а это 82 071 рубль! – его конский состав был превосходным. Один только жеребец Ахтур, участвовавший в это время в бегах на ипподромах России, взял призовых на сумму 25 042 рубля².

В начале XX в. единственным «промышленным заведением» Рановки была кузница крестьянина Петра Семеновича Фадеева. Ее доходность была невелика и мало чем отличалась от прибылей, которые в то время приносили своим владельцам рушалки³.

В 1905 г. в деревне Рановке Нагайской волости было 104 двора, в которых проживали 333 мужчины и 324 женщины. Ближайшая к деревне железнодорожная станция Желтухино Сызрано-Вяземской железной дороги находилась в 7 верстах, волостное правление – в 9 верстах. Недалеко, на расстоянии около 1 версты от деревни, находился «хутор графа Шувалова», состоявший из 4 дворов⁴.

В докладе о состоянии народного образования в уезде и о школьном строительстве в сентябре 1909 г. сообщалось: «В настоящее время выстроена деревянная однокомплектная школа в деревне Рановке на средства общества (400 руб. денег, 500 руб. земской ссуды и подвоз материала) и земства»⁵. Она стала первой из возведенных в уезде «школ сети всеобщего обучения» и по своему плану служила «образцом для дальнейших построек». Ее строительство обошлось Рязьской уездной земской управе почти в 2000 рублей. Попечителем школы стал единогласно избранный жителями деревни крестьянин Иван Дмитриевич Трофимов, а первым учителем – Филимонов. Однако качество обучения в дореволюционных сельских школах нередко оставляло желать много лучшего. В 1909 г. гласный Рязьского уездного земского собрания А.Ф. Филатов отмечал: «Мне часто приходится слышать от отцов учеников, что, обучаясь в земской школе 3 года, по окончании курса ученики не могут ни прочесть письмо, ни написать толковое письмо»⁶.

В рязьском имении графа П.П. Шувалова, по крайней мере, с начала 1890-х гг. работала хорошо оборудованная водяная мельница, которую арендовал крестьянин Ерофеев⁷. По-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 59 (17 августа 1891).

² Алфавит коннозаводчиков, лошади коих бежали и выигрывали на всех ипподромах России с января 1901 по 1-е полугодие 1910 гг. СПб., 1911. С. 127.

³ Журналы Рязьского уездного земского собрания XXXVIII очередного созыва с приложениями 29 и 30 сентября 1901 года и экстренного созыва 25 ноября 1901 года. Рязьск, 1902. С. 50–51.

⁴ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 396–397.

⁵ Журналы Рязьского уездного земского собрания 45-го очередного созыва 29 и 30 сентября 1909 года. Рязьск, 1910. С. 139.

⁶ Журналы Рязьского уездного земского собрания XXXX очередного созыва 27, 28 и 29 сентября 1908 года и экстренного 29-го ноября 1908 года. Рязьск, 1909. С. 181.

⁷ Мартынов Н.Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. С. 3, 74.

сле 1905 г. она принадлежала наследникам графа. Имея 6 поставов с ссыпным амбаром, эта мельница оценивалась очень дорого – в 15 000 рублей. Управляющий графа Шувалова, некий г-н Скорб, в одном из своих обращений в Рязскую уездную земскую управу упоминал, кроме нее, еще толчею для конопли и пшена, а также просорушку и сукновалку¹. Мельница, однако, не надолго пережила своего владельца: пристав 3-го стана Рязского уезда, освидетельствовав ее 26 мая 1908 г., отношением подтвердил уездной земской управе, что «она 25 мая с. г. сгорела дотла»².

В 1917 г. в деревне Рановке Нагайской волости Рязского уезда Рязанской губернии было 147 дворов, в которых проживали 412 мужчин и 402 женщины³.

В 1918 г. в деревне был создан Рановский сельсовет. Информации о первых годах его деятельности найти не удалось. Возможно, это косвенное свидетельство того, что она протекала в более спокойной обстановке, чем в соседнем селе Нагорном, где борьба с новшествами советской власти порой приобретала довольно острый характер. Так, например, в 1919 г. газета «Наш путь» сообщила: «В селе Нагорном Фофановской волости в 1918 г. организовалась сельскохозяйственная коммуна, благодаря заботам коммуниста тов. Бокова; коммуна эта приобрела себе на [19] 19 г. всевозможный живой и мертвый инвентарь; в 1918 г. этой коммуне уземотделом с участием советского землемера отведена земля по средней волостной в одном месте. Дело как будто наладилось, но кулаки не дремали, они с 1918 г. готовили свое гнусное дело и подстрекали темную массу, подмывали своими гадкими ухищрениями, не стесняясь даже подкупом советских работников уезда, снабжая их сенцом и т. д., чтобы они причислили им, что им полезно; те так и сделали. Но вот подошла рабочая пора, овсяной сев, коммунисты Нагорнской коммуны «Луч» 6-го сего мая, выехали на святой труд – пахоту. Вдруг появились нагорненские граждане, вооруженные дрекольями, как некогда темные евреи на Христа, подстрекаемые фарисеями и книжниками, и давай сгонять с работы тружеников коммунистов; но им мало этого было, что их с работы прогнать, им необходимо было убить организатора тов. Бокова, и вот эта толпа стала его окружать, но борец-коммунист по духу выдержал натиск окружающей толпы, пробил себе дорогу уехать от разъярившейся толпы, но не тут-то было, толпа вдарилась за ним в погоню, чтобы застигнуть его в лесу и свершить свое гнусное дело убийства, и таковая погоня была до города Рязьска 10 верст; несчастному страдальцу пришлось сбросить по дороге сапоги и бежать, бежать от разъяренной толпы»⁴.

В 1924 г. один из местных селькоров отправил в уездную газету «Советская деревня» сатирическую зарисовку, посвященную деятельности Рановского сельсовета: «Около озера за ригой секретарь нашего сельсовета гнал самогон, где присутствовал и председатель. Секретарь, увидев двух приближающихся неизвестных лиц, одного из них, в галифе, сочли их за комиссаров. Изломали все приспособления и стали расходиться, но подошедшие незнакомцы оказались простыми гражданами. Председатель прочитал им нотацию, чтобы впредь не пугали и не вводили в убыток»⁵.

Под контролем сельсоветов в 1920-х гг. находилась и сельская кооперация. В 1926 г. о деятельности местного кооператива «Советская деревня» писала: «В лавке Рановского обще-

¹ Журналы Рязского уездного земского собрания XXXX очередного созыва 27, 28 и 29 сентября 1904 года и экстренного 29-го ноября 1904 года. Рязск, 1906. С. 50.

² Журналы Рязского уездного земского собрания 44-го очередного созыва 27, 28 сентября 1908 года и экстренного 29-го ноября 1908 года. Рязск, 1909. С. 94.

³ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 89.

⁴ Наш путь, № 91 (8 мая 1919).

⁵ Советская деревня, № 36 (4 октября 1924).

ства потребителей приказчик Звонов В.И. сбывает товар, привозимый частными лицами из Москвы: ситец, резиновые галоши... <...> Кооператив существует не для того, чтобы подерживать спекулянтов»¹. Несколько дней спустя, получив, видимо, нагоний от уездных властей, местные кооператоры отчитывались: «Правление Рановского общества потребителей принимает самые энергичные меры к тому, чтобы население окружающих деревень было кооперировано. С начала декабря 1925 г. число пайщиков доведено до 300 человек. <...> На всех собраниях села Шелемишева и деревень Рановка, Говорова и Кузьминки отмечают добротность товаров»².

В 1929 г. дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Рановка стала населенным пунктом Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В годы массовой коллективизации сельсоветы следили за выполнением крестьянами-единоличниками спускавшихся сверху планов сельхозработ и норм сдачи сельхозпродукции государству. К Рановскому сельсовету у районных властей было немало претензий. В феврале 1931 г. в Рязске отмечали: «Посевной план до двора не доведен, страхсезон не создан, твердые задания кулацко-зажиточным хозяйствам не даны. Председатель сельсовета Урюпин клянется, что у него зажиточных нет. Также настроена и беднота»³. Видя настрой жителей села на традиционную крестьянскую круговую поруку, районные власти приступили к показательным репрессиям. Районная газета «Колхозник» сообщила: «Выездная сессия народного суда, разобрав дела “твердосдатчиков”, Барышева И.Г., имевшего в прошлом купчую землю, арендовавшего землю у бедняков до 1930 г. и занимавшийся ростовщичеством», приговорила за злостное укрытие излишков и невыполнение твердого задания к 6 месяцам принудительных работ и штрафу в 300 рублей. К суду были привлечены две крестьянки-среднячки Бандурина П.Г. и Завьялова, не выполнившие контрактационных договоров. На суде выяснилось, что хозяйства обеих были вполне способны выполнить договоры, и единственным объяснением случившегося является их стремление “сбыть хлеб и картофель на рынке” по более высокой цене. Суд приговорил первую к 2 месяцам принудительных работ с конфискации овцы, вторую – к конфискации телка и овцы. У обеих в соответствии с договором были изъяты запасы зерна»⁴. Противники советской власти в деревне отвечали на репрессии вредительством. «Единоличник Антонов Я.Л. 7 августа 1933 г. привез на пункт Заготзерно для сдачи государству рожь. При проверке лабораторией оказалось наличие примеси речного песка, такой же результат в зерне у твердозоданца села Городецкого Набатчикова И.А.»⁵, – писала газета «Колхозник».

В начале 1931 г. в Рановском сельсовете был создан колхоз «Борец». К концу года это хозяйство продемонстрировало свой первый успех: вместо 180 ц картофеля с га по обязательствам местные колхозники получили по 202 ц, за что были премированы Райсельхозсоюзом⁶.

В начальный период коллективизации многие неудачи молодых колхозов было принято списывать на «пробравшихся» на ключевые посты в хозяйствах «кулаков-вредителей». Иногда, впрочем, обвинения были не беспочвенны – любить советскую власть таким людям было особо не за что, хотя, конечно, не каждый из них отважился встать на путь прямого

¹ Советская деревня, № 3 (5 февраля 1926).

² Советская деревня, № 11 (24 апреля 1926).

³ Колхозник, № 10 (17 февраля 1931).

⁴ Колхозник, № 60 (20 ноября 1931).

⁵ Колхозник, № 100 (9 августа 1933).

⁶ Колхозник, № 53 (14 октября 1931).

противодействия, ведь страдало-то от него не абстрактное государство, а, в первую очередь, соседи-односельчане. Об одном из таких саботажников весной 1933 г. ряжский «Колхозник» писал: «В колхозе «Борец» Рановского сельсовета до последнего времени заведовал работой кулак Матвеев. До революции имел крахмальный завод, скупал скот. Воровал колхозное сено, менял его на мясо, на вино, спаивал колхозников и в пьяном угаре прокатывался по селу. Посылал работать колхозников на колхозных лошадях на сторону, а деньги пропивали. Вырученные деньги – 577 рублей за возку льда – были пропиты»¹.

В 1935 г. Рановский сельсовет вошел в состав новообразованного Желтухинского района. Местная районная газета «Колхозная правда» приняла у ряжского «Колхозника» эстафету в описании вредительской деятельности бывших кулаков: «Гражданин деревни Рановки Матвеев Ф.А. систематически не выполняет государственных обязательств. Еще раньше Матвеев был лишен избирательных прав. Как выяснилось на суде, во время коллективизации он вел антисоветскую агитацию»².

В 1937 г. Рановка вместе со всем Желтухинским районом вошла в состав Рязанской области. Но на повседневных проблемах колхозной жизни это никак не отразилось. Много трудностей создавал запрет колхозникам держать в личных хозяйствах лошадей. Он ограничивал селян в передвижении и создавал препятствия в ведении индивидуальной трудовой деятельности, а главное – ставил колхозников в полную зависимость от руководства колхозов. Такая ситуация создавала почву для злоупотреблений.

4 августа 1937 г. колхозницы колхоза «Борец» Рановского сельсовета В. Урюпина, Д. Урюпина и А. Сегина собрались в город Рязьск, чтобы продать картофель. Для того чтобы не отрывать от работы несколько лошадей, решили ехать группой на одной. Колхозницы обратились с этой просьбой к бригадиру, который ответил, что «завтра лошадей давать никому не будем, будем возить снопы с поля». А получилось совсем другое. Утром запрягли лошадей председатель колхоза тов. Урюпин, счетовод Матвеев и поехали на базар с картофелем. Первый захватил с собой ребенка, а второй жену, будто бы в больницу». Как утверждал местный житель С.И. Урюпин, оставшиеся ни с чем простые «колхозницы были вынуждены идти пешком за 10–12 км, и нести картофель на своих плечах»³.

К работе в колхозе, где по трудовым выдавались в основном зерно, овощи, сено, солома, у некоторых начало вырабатываться равнодушное отношение. Например, для сбора яблок правление колхоза выделило Сегина С.П., который «привез яблоки в кладовую с возчиком Михалкиным Е.В., яблоки они оставляют без охраны в возах и их растаскивают кто попало. Некоторые члены правления и колхозники стали говорить ему о беспечном отношении к колхозной собственности, он же отвечал: “Пусть берут, ведь они не мои”⁴. Попытки «попридержать» зерно, овощи, чтобы в первую очередь выдать их крестьянам в качестве аванса, наталкивались на шквал обвинений в адрес руководителей хозяйств. Желтухинская районная газета грозила: «Как скрытый саботаж председателя колхоза Матвеева посчитали отправку в Заготзерно только по 2–3 подвод зерна»⁵.

По итогам 1937 г. рановский колхоз «Борец» собрал хороший урожай зерновых. Колхозники получили на каждый трудодень по 6 кг зерна. Некоторые семьи заработали таким об-

¹ Колхозник, № 30 (15 марта 1933).

² Колхозная правда, № 3 (5 января 1936).

³ Колхозная правда, № 87 (11 августа 1937).

⁴ Колхозная правда, № 90 (18 августа 1937).

⁵ Колхозная правда, № 110 (25 сентября 1940).

разом свыше 300 пудов (4,8 т)¹. Правда, отдельные колхозницы при этом жаловались, что в, казалось бы, урожайный год трудодни за несколько дней работы им вовсе не писали².

Уже в середине 1930-х гг. развитие образования существенно повысило культурные запросы сельских жителей. Многим стало понятно, что без внимания к эстетической стороне развития личности молодежь в колхозах будет не удержать. От внимания к этой стороне быта отвлекали лишь более неотложные дела. В Рановке в конце 1930-х гг. не было своего клуба, местным очагом культуры являлась изба-читальня. «Старый председатель колхоза Романов Я.С. не смог осилить его строительство, да и растратился на 556 рублей, так что привлекли к уголовной ответственности»³. В феврале 1937 г. в соседнем селе Нагорное закрыли Константино-Еленинскую церковь, переоборудовав ее здание под клуб⁴. Вдохновляемая примером соседей, деревенская молодежь ходила с просьбами за новым председателем Урюпиным приобрести хотя бы музыкальные инструменты. На что тот, понимая всю необходимость становления культуры и отдыха в деревне, им отвечал: «Вот управлюсь с полевыми работами, все вам куплю»⁵. Но выполнение обещанного раз за разом откладывалось...

Большим успехом советской власти на селе стало открытие крестьянским детям доступа к среднему, профессиональному и высшему образованию. В 1940 г. «Колхозная правда» писала о рановцах: «Много детей учится в начальной и неполной средней школах. Недавно отправились на учебу в ремесленное училище и школу ФЗО Захаров А.В., Захаров И.Н., Захаров С.И. и Завьялов И.П.» А ведь совсем недавно это была глухая деревушка с одной лишь начальной школой!⁶

Постепенно развивался и богател рановский колхоз «Борец». В 1938 г. в его собственности находились 50 лошадей, в том числе 35 рабочих, 42 головы крупного рогатого скота, в том числе 14 коров, 52 овцы. В личных хозяйствах деревенские колхозники держали 47 коров, 38 свиней и 157 овец⁷.

Мирное развитие деревни было прервано начавшейся в 1941 г. Великой Отечественной войной. В конце ноября – в первых числах декабря первого года войны Рановка и ее окрестности оказались в опасной близости от линии фронта, в полосе развертывания 346-й стрелковой дивизии 61-й армии генерал-лейтенанта М.М. Попова. В боевом приказе командира дивизии полковника И.Е. Давидовского от 4 декабря 1941 г. перед ней ставились следующие боевые задачи: «346-я стрелковая дивизия имеет задачу упорной обороной на рубеже: отм. 141,7 – Шелемишевский хутор – Шелемишево – Зезолино не допустить выдвижения противника в направлении Рязска. Всеми мерами обеспечивая удержания рубежа: Скопин – Подноволоки, имея ввиду предстоящие активные действия дивизии на запад с этого рубежа». Кроме огневой поддержки частей дивизии ее артиллерии ставилась задача воспрепятствовать движению противника по дорогам Стрелецкая дубрава – Новиково – Князево – Корнево – Кочугуровские выселки – Подноволоки и не допустить сосредоточения противника на западной окраине Новиково, Пупок, Секирина, обратив особое внимание на Октябрьское поле и лес южнее Пупок. Кроме того, командир дивизии приказывал подготовить ПТОЗ по

¹ Колхозная правда, № 112 (15 октября 1937).

² Колхозная правда, № 107 (1 октября 1937).

³ Колхозная правда, № 127 (23 ноября 1937).

⁴ Колхозная правда, № 14 (5 февраля 1937).

⁵ Колхозная правда, № 125 (23 октября 1937).

⁶ Колхозная правда, № 140 (5 декабря 1940).

⁷ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 64. Похозяйственный список по переписи скота сельских местностей на 1 января 1938 г. Сведения о наличии поголовья на 1 июня по сельсовстам (по колхозам).

дороге Городецкое – Шелемишево, воспрепятствовать сосредоточению противника в Дмитриевом, Петровском хуторе, Кузьминоке-2, Дегтярке, Журавлихе и подготовить ПТОЗ по дороге Петровский хутор – Шелемишевский хутор, а также поддерживать контратаки в направлении Александровка – Чирково. Район огневых позиций артиллерии был определен как Гореловка – Рановка – колхоз им. Мичурина¹.

После освобождения города Скопина от оккупантов к 10.00 4 декабря 1941 г. 3-й батальон 1164-го стрелкового полка – ПО № 1 дивизии – продолжал удерживать Скопин, штаб полка находился в это время в Рановке, 1-й батальон 1166-го стрелкового полка – ПО № 2 – в ночь на 4 декабря вытупил на рубеж Большак – Чулково – Одинодворцы – Побединский – Роговое с целью не допустить продвижения противника на восток. Штаб 346-й стрелковой дивизии выгрузился из эшелона и развернулся на восточной окраине села Нагорное².

Дни начала советского контрнаступления в битве под Москвой в декабре 1941 г. были для жителей маленькой деревни самыми тревожными, но и одновременно самыми радостными. С освобождением от врага Скопинского и Горловского районов Рязанской области линия фронта откатилась от нее далеко на запад.

Многим жителям деревни довелось внести свой собственный вклад в Великую Победу. Уроженец Рановки старший сержант Андреян Федорович Монкин (1921–?) находился в строю с 1941 г., в 1943 г. был ранен на Ленинградском фронте, награжден медалью «За оборону Ленинграда». В завершающие годы Великой Отечественной войны он служил командиром расчета 1-й минометной роты 880-го стрелкового полка 189-й стрелковой Кингисеппской дивизии, воевавшей на 3-м Прибалтийском фронте. В ходе боев за освобождение Советской Эстонии А.Ф. Монкин стал кавалером двух медалей «За отвагу». Первой из них он был удостоен за то, что, участвуя в наступательных боях полка по освобождению Эстонской ССР, в бою за населенный пункт Суур-Кюлло 15 августа 1944 г., прицельно ведя огонь по переднему краю вражеской обороны, подавил огневую точку противника и уничтожил трех немецких солдат³. Вторую медаль он заслужил за то, что «9 октября 1944 г. при отражении контратак противника в районе реки Пуска огнем из миномета со своим расчетом уничтожил расчет станкового пулемета противника и способствовал отражению контратаки»⁴.

Работа рановского колхоза «Борец» в послевоенные годы на первый взгляд была довольно успешной. В 1948 г. на общем собрании членов колхоза «Борец» Рановского сельсовета его председатель Яков Степанович Романов отчитывался перед колхозниками. В 1947 г. хозяйству удалось досрочно рассчитаться по хлебопоставкам государству, сверх плана было сдано 300 пудов (4,8 т) зерна. На треть был перевыполнен план по мясу. Окрепла трудовая дисциплина, снова зашел разговор о переходе на сдельную работу. Были и неудачи – плана по росту скота колхоз не выполнил. Вместо плановых 1200 литров молока от каждой коровы в среднем получилось 960 литров. Урожай зерновых составлял 6–7 ц с га. По итогам отчетного собрания Я.С. Романов был переизбран председателем колхоза⁵.

Однако системные недостатки послевоенной колхозной организации ощущались и в «Борце». Осенью того же 1948 г. председателю рановского колхоза Я.С. Романову был вынесен строгий выговор. Проверка показала, что в колхозе «работа днем продолжается 6–7 часов. Обед 3 часа. Из 68 трудоспособных ежедневно бывает на работе от 20 до 25 человек,

¹ ЦАМО. Ф.1665, оп. 1, д. 11, лл. 2–3.

² ЦАМО. Ф.1665, оп. 1, д. 12, л. 6.

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 3122, л. 155.

⁴ ЦАМО. Ф. 33, оп. 687572, д. 2416, л. 224.

⁵ Колхозная правда, № 3 (21 января 1948).

более 12 человек не выработало минимума трудодней. Из 44 га картофеля убрано 5 га. В основном колхозники занимались на своих приусадебных участках»¹. В дополнение к этому 11 марта 1948 г. во время топки на колхозной ферме возник пожар, «огонь уничтожил как крышу, так и стены из глины, но остались телята целы»².

В 1956 г. Желтухинский район был ликвидирован и Рановский сельсовет вошел в Скопинский район Рязанской области. В 1958 г. колхозы деревень Рановки, Дубровщины, Ключеревки, Гореловки и Говорова были объединены в один колхоз им. М. Горького. В 1958 г. председатель колхоза Белозеров подводил итоги его работы за год: «На корову получено 3945 кг молока. Прибавка по сравнению с 1956 г. составила 967 кг... Урожай зерновых 7–8 центнеров. Совсем недавно урожай проса и овса во всех бригадах составлял 16–18 центнеров с гектара, а теперь эти культуры не возделываются...» Достраивался коровник на 110 голов, а конюшни в Рановке, Дубровщине и Ключеревке приспособлялись под телятники. Но при этом в колхозе не было хорошего клуба, бани, детских яслей³. В 1959 г. колхозу предстояло вдвое и более увеличить количество по видам скота и птицы. Хозяйство должно было иметь 350 голов крупного рогатого скота (в том числе 115 коров), 260 свиней, 410 овец, 2000 голов птицы. Ставилась задача поднять урожайность зерновых до 10 ц с га, картофеля – до 110 ц с га. Для ее решения нашли выход – колхоз был готов покупать телят из личных хозяйств своих членов⁴.

В 1961 г. был расформирован желтухинский совхоз им. Чапаева. Его хозяйство было разделено на три: Желтухинское, Гореловское и Чапаевское⁵. 1 сентября 1961 г. в Скопинском районе на базе бывшего совхоза им. Чапаева был создан совхоз «Желтухинский». При его организации были объединены все окрестные колхозы – им. Дзержинского (деревни Козловки), «Новый путь» (деревни Кондауровки), «Советская волна» (поселка Ленинский), им. Литвинова (деревни Желтухино), «13 лет Октября» (деревни Петровские Хутора), «Дружба» (деревни Большая Косыревка), «Сознание» (деревни Малая Косыревка), «Красные всходы» (деревни Иваново), «Красный богатырь» (деревни Гусиловка), «Авангард», ранее «КРАФТ» (Новобараковского сельсовета), им. М. Горького (деревни Гореловки), «Россия» (села Шелемишева с близлежащими деревнями), им. В. Володарского (деревни Уланово), «Красное знамя» и «15 лет РККА» (оба села Городецкого)⁶.

В 1960-х гг. северо-восточнее Рановки пролегла автомагистраль Москва–Волгоград. Ныне это федеральная автомобильная дорога Р-22 «Каспий». Близ деревни на трассе в настоящее время работает придорожное кафе «У Рафа».

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Рановка была включена в сельское поселение Шелемишевское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в ней постоянно проживают 28 человек – 11 мужчин и 17 женщин. Многие дома деревни используются как дачи.

¹ Колхозная правда, № 38 (16 сентября 1948).

² Колхозная правда, № 10 (19 марта 1948).

³ Сталинец, № 17 (7 февраля 1958).

⁴ Сталинец, № 17 (7 февраля 1958); №18 (9 февраля 1958).

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 445, лл. 1–2.

⁶ Там же.

РОЖДЕСТВЕНО

село

(сельское поселение Успенское)

Рождествено впервые упоминается в межевой грамоте великого князя Московского Василия III Ивановича от 15 марта 1522 г., подтверждающей «за Семеном и Василием Федоровичами Верхдеревскими¹ старинныя земли, пожалованныя предку их Ивану-Салахмирю Мирославичу еще великим князем рязанским Олегом Ивановичем», сообщается об их правах на владение «очиною Верхдеревскою сельцом Докутовским, да сельцом Рожественным, да деревнею Милолюбью да селищем Выползовым, да селищем Дроковым, да селищем Чижевым, да селищем Марьиным с пустоши и с лути...»².

В платежных книгах Пехлецкого стана Рязжского уезда за 1595–1597 гг. показана «за Васильем Никитиным сыном Вердерескова да за его детьми за Юрьем да за Глебом – половина села Рожественного, да полдеревни. <...> За вдовою за Огафьёю за Романовою женою Вердерескова да за ее сыном за Яковом – полсела Рожественнова да полдеревни...»³

В 1-й половине XVII в. Вердеревские делили владение Рождественом с князьями Хилковыми. В переписной, отказной книге писца Василия Фатьяновича Неретина вдове боярина Ивана Никитича Романова Ульяне Федоровне, ее сыну стольнику Никите Ивановичу «ноября 26 дня 1640 года» сообщается, что при отказе были, среди прочих, «села Рожествено Рожественский поп Сафрон, того ж села Рожественно князя Ивана Васильевича Хилкова староста Митька Васильев, да того ж села Игнатъева крестьянин Вердеревского Матюшка Лукьянов сын Белокопытов»⁴.

Упоминающийся в документе князь И.В. Хилков (1571–1655) – известный военный и государственный деятель XVII в. Еще в 1605 г. по приказу царя Бориса Годунова он собирал рязанских дворян на борьбу с Лжедмитрием I. В 1613 г. стольник князь И.В. Хилков участвовал в Земском соборе, избравшем на царский престол Михаила Федоровича Романова. В 1630-х гг. он выполнял различные дипломатические поручения, в 1647 г. был пожалован в окольничие, а в 1651 г. – в бояре. Во время похода царя Алексея Михайловича против Речи Посполитой оставался вторым «ведать Москву».

В вотчинных книгах Поместного приказа имеется также дело 1642 г. «О записи за стольником князем Андреем Ивановым сыном Хилкова по рядной князя Григория Андреева сына Волконского приданной вотчины его жены Оксиньи Васильевой дочери Вердеревского (родовой и выслуженной вотчины ее деда Юрия Васильева сына Вердеревского и отца) половины села Гульнки с деревнями и половины сельца Воскресенское в Каменском стане, четверти села Глебово городище в Кобыльском стане Рязанского уезда, половины села Рождественное и половины сельца Чижово в Пехлецком стане Рязжского уезда». В выписке из дела 1634 г.

¹ О них см. статью «Вердерезово» настоящего издания.

² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1964. С. 97.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. I. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 134.

⁴ РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, ч. 1, д. 13918, л. 520 об.

мая 18 изложена послушная грамота «Оксинье Васильевой дочери Вердеревского на вотчину ее отца <...> село Рождественное и сельцо Чижово на речке Чижовке в Пехлецком стане Рязского уезда»¹. В подлинной переписной книге Пехлецкого стана переписи Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. село Рождествено было записано за «князь Ондрей князь Иванова сына Хилкова – 23 двора, в них 71 человек, и Игнатием Львовым сыном Вердеревским»².

Как отмечает И.В. Добролюбов, «Христорождественская церковь в селе Рождествине упоминается в окладных книгах 1676 г., где при ней показано «церковныя пашни десеть четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на пятьдесят копен». В приходе состояла, кроме села, деревня Немерова, в которых было «три двора помещиковых, сто дватцеть дворов крестьянских, тритцеть дворов бобыльских и всего сто тритцеть девять дворов». По окладу 1676 г. вместо «рубля шести алтын трех денег» дани с Христорождественской церкви положено было «три рубли пять алтын одна денга»³. Из служивших в ней до конца XVII в. священников известны Лазарь (упоминается в 1676 г.), Варфоломей Григорьев (упоминается в 1681 г.), Гавриил Алексиев (с 1690 г.) и Иоанн Григорьев (с 1692 г.)⁴.

В переписной книге 1716 г. о селе Рождествене сообщается: «В том селе церковь во имя Рожества Христова, у той церкви двор попа Терентия Иванова, осми десяти лет, у него попадья Татьяна Михайлова дочь, петьдесят один год. <...> В том же селе за стольником за князь Федором князь Андреевым сыном Хилковым двор ево скоцкой, в нем живут скотники <...>, да крестьянских десять дворов, а по переписным книгам 710 года написано в том селе двор помещиков, в нем людей мужеска полу два <...>, женска полу три <...>, двор скоцкой, в нем скотники мужеска полу два <...>, женска полу два, да крестьянских дватцать два двора. За стольником за Федором Петровым Вердеревским крестьянских два двора <...>, за стольником Петром Григорьевым сыном Вердеревским крестьянских пять дворов...»⁵.

Из более позднего по времени донесения в Рязскую воеводскую канцелярию известны следующие владельцы села: «1756 года июня 21 дня, Рязкого уезду Мошенского разъезду села Рождественно прапорщика князя Петра Петрова сына Филкова (Хилкова. – *Примеч. авторов*) старосты ево Филата Прокофьева, князя Алексея Иванова сына Филкова, староста ево Бориса Денисьева и со крестьяны, присланной из Рязкой воеводской канцелярии с прописанием Тамбовской провинциальной канцелярии указа императрицы иметь предосторожности от разбойнической порчи, присматревании о поимке злодеев – слышали и по оной исполнять во всем непременно в чем и подписуемся»⁶.

В 1778 г. село вошло в Скопинский уезд в составе Рязанского наместничества, образованный в ходе административных реформ Екатерины II. Согласно экономическим примечаниям к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленным в 1779 г., «села Вердереево, Рожественно, Архангельское, Никольское, Чижово, сельцо Моховое, деревни Рюмки, Ендовище тож, Дроково, Галино, Брынец, Деменщина» были «общего владения вдовствующей генеральши Елисаветы Петровны Ивенской; вдовы прапорщицы Катерины Ивановой дочери, гвардии порутчика князь Сергея, гвардии сер-

¹ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг.; под ред. А.В. Антонова, А. Береловича, В.Д. Назарова. М: Древнехранилище, 2010. С. 724–725.

² РГАДА. К.385, лл. IX об, 80 об.

³ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 212.

⁴ Там же.

⁵ РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 3, л. 290 об.

⁶ РГАДА. Ф. 566, оп. 1, ч. 2, л. 31 об.

жанта князь Николая Алексеевых детей Хилковых; бригадира Ивана Иванова, поручика Петра Александра, статского советника Алексея Алексеича детей Вердеревских; полковника Василия Ивановича Толстого; полковника князя Сергея Ивановича Одоевского; Василия Васильевича Маркова с вырезанною церковною землею». В Рождествене по материалам 3-й ревизии податных сословий 1761–1765 гг. насчитывалось 73 двора, которые населяли 203 души мужского пола и 197 – женского. В документе также сообщалось: «...В селе церковь во имя Рождества Христова, двор господский деревянный вдовы княгини Хилковой, при нем сад с плодовыми деревьями яблоневыми, черной и красной смородиной, а в пруде караси»¹.

И.В. Добролюбов сообщает: «Церковь в селе Рождествине в начале XIX столетия была упразднена, а самое село Рождествино с того времени значитя уже селцом, принадлежащим к селу Немерову»².

По окладной книге 1816 г. в селце ««Рождествино, Кастелино тож» проживали девицы Катерины Федоровны Хитровой 111 душ, премьер-майора Дмитрия Федотовича Щукина 248 душ; полковника князя Михаила Петровича Хилкова 90 душ, из которых 12 (24) декабря 1831 г. была причислена за статской советницей Екатериной Васильевной Вердеревской 51 душа и из деревни Галина 2 души, доставшиеся ей по разделу после смерти князя Михаила Хилкова; статской советницы княгини Катерины Алексеевны Одоевской 47 душ; девицы Анны Матвеевны Ивенской 28 душ, с 12 (24) июня 1825 г. числившихся за майором Александром Дмитриевичем Ивенским; девицы Катерины Матвеевны Ивенской 42 души; девицы Ольги Матвеевны Ивенской 38 душ»³.

Согласно окладной книге 1834 г. в «селе Рождествино» проживали статской советницы Катерины Васильевны Вердеревской 63 души поселян и 6 дворовых людей; полковника Алексея Васильевича Голощапова 122 души поселян и 6 дворовых людей; подполковницы Аграфены Ивановны Ивинской 66 душ поселян и 8 дворовых людей, с 1850 г. – 54 поселянина; подполковника Валентина Степановича Рачинского с 1843 г. 57 душ, с 1850 г. исключенных из оклада; Катерины Алексеевны Одоевской, по 2-му мужу Сеченовой, 56 душ, в 1843 г. изъятых из оклада⁴. Кроме того, в отдельно лежавшей части села, называвшейся «Рождествино, Кателино тож», также жили девицы Катерины Матвеевны Ивенской 29 душ поселян и 11 дворовых людей, в 1844 г. вывезенных в другое имение губернии, лейб-гвардии поручицы Ирины Ивановны и сына ее подполковника Александра Дмитриевича Ивенских 64 душ поселян и 5 дворовых людей, подполковника Александра Дмитриевича Ивенского с 1844 г. 40 душ, поручика Петра Петровича Сомова 60 душ⁵.

По межеванию 1850 г. титулярному советнику Николаю Ивановичу Анненкову, поручику Петру Петровичу Сомову и полковнику Алексею Васильевичу Голощапову принадлежали 178 душ мужского пола. В собственности Н.И. Анненкова находилось около 411 десятин (449 га) земли, П.П. Сомова – 355 десятин (388 га), А.В. Голощапова – 227 десятин (248 га). Кроме того, около 150 десятин (164 га) земли находилось в общем пользовании трех помещиков⁶.

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, л. 24, д. 1240; д. 1241, л. 47.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 212.

³ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 30 об – 31, 60 об – 61, 119–119 об, 120 – 121.

⁴ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 113 об – 114, 239 об – 240, 244 об – 245.

⁵ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 113 об–114, 115 об – 116, 117 об – 118, 119 об – 120, 205 об – 206, 239 об – 240, 244 об – 245.

⁶ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 2, л. 51.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в селе Рождествене в это время было 84 двора. Оно представляло собой несколько довольно удаленных друг от друга слобод, разделенных в соответствии с принадлежностью крестьян разным помещикам. При северной слободе имелись два пруда. На ручье к северу от села работала водяная мельница¹.

По данным 9-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1850 г., в селе Рождествено за губернским секретарем Н.И. Анненковым показано 60 душ поселян и 5 дворовых людей, за полковником Алексеем Васильевичем Голощаповым – мужского пола 116 душ и 4 дворовых людей, за поручиком Петром Петровичем Сомовым – 51 крепостной крестьянин мужского пола и 8 дворовых людей². Также в сельце «Рождествино, Кателино тож» за подполковницей Аграфеной Ивановной Ивинской проживали мужского пола 42 души, за подполковником Александром Дмитриевичем Ивинским мужского пола 99 душ и 1 дворовый человек³.

По материалам последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., «село Рождественно» принадлежало помещикам Голощапову, Ивинскому (принадлежавшая ему часть имела собственное название – Кателино), Анненкову и Сомову, во владении которых состояли 91 домохозяйство, 369 душ мужского пола и 366 женского. В Скопинском уезде помещики Алексей Дмитриевич и Аграфена Ивановна Ивинские, кроме села Рождествена, владели крепостными в селениях Ерлино, Чижово, Никольское и Александровские выселки. Всего в их собственности находилось 98 дворов⁴.

С отменой крепостного права в 1861 г. село Рождествено было приписано к Моховской волости. Известны подробности выхода части местных крестьян их крепостной зависимости. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1862 г., значатся «Скопинск[ого] уезд[да] участка мир[ового] посредника Вердеревского с[ельцо] Рождествино подполковника А.Д. и супруги его А.И. Ивинских, 148 д[уш]. Душевой надел прежний – 3 дес[ятины] 215 саж[еней] (3,3 га), по грамоте 3 дес[ятины], повинность издельная. Грамота написана помещиками»⁵ и «Скопинск[ого] уезд[да] участка мир[ового] посредника Засса с[ель]цо Рождествено надв[орного] совет[ника] Н.И. Анненкова, 64 д[уши]. Душевой надел прежний – 3 дес[ятины] 1346 саж[еней] (4 га), по грамоте – 3 дес[ятины], повинность издельная. Грамота написана помещиком»⁶. В 1864 г. газета сообщила о выкупной сделке между крестьянами сельца Рождествено Моховской волости (284 души) и помещиком Н.И. Анненковым. По обоюдному согласию ее сумма была определена в размере 7680 р. При этом «помещик изъявил желание получить ссуду на основании правил от 27 июня (8 июля) 1862 г. и 5 % безыменными билетам. Ранее имение было заложено у частного лица»⁷.

В 1870-х гг. рождественские крестьяне управлялись тремя старостами, «которые стояли во главе трех сельских обществ: Анненского, Сомовского и Голощаповского. Каждое из обществ стремилось к самостоятельности, что проявлялось во всех сферах жизни, начиная от организации работ и кончая бытом»⁸.

¹ Карта А.И. Менде 1850 года, 1 см – 420 м.

² ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 2 об, 54 об – 55, 62 об – 63, 287 об – 288.

³ ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 137–138, 140 об – 141.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 20.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 27 (7 июля 1862).

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 38 (22 сентября 1862).

⁷ Рязанские губернские ведомости, № 43 (24 октября 1864).

⁸ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 195–196.

Хроника происшествий по селу 2-й половины XIX в. типична не только для Скопинского уезда, но и для всей крестьянской Рязанщины. Губернская пресса сообщала: «В ночь с 1 на 2 июня [1876 г.] Скопинского уезда в селце Воскресенском сторел от неизвестной причины крестьянский дом с имуществом; убытка понесено на 200 руб., а в селце Рождествине сторело, будто бы от поджога, 6 крестьянских риг с хлебом; убытка понесено на 760 руб.»¹. «2 сентября [1881 г.] Скопинского уезда в селце Рождествине сторело от неосторожного обращения с огнем 29 крестьянских домов с 15 ригами с хлебом; убытка понесено на 9780 руб.»².

По переписи населения 1882 г. в Рождествено насчитывалось 177 домохозяйств, в которых проживали 494 мужчины и 506 женщин. Из них грамотными были только 6 мужчин. «Земля чернозем, глубиной до $\frac{3}{4}$ аршина, урожай ржи и овса «сам-пят» (т. е. урожай в 5 раз превосходил посеянное). Средний душевой надел в селе составлял ок. 3 десятины (3,3 га). Более трети домохозяйств арендовали дополнительно 284 десятины (310 га) земли на сумму 4213 рублей. Безземельными считались 8 дворов, безлошадными – 63, без коров и лошадей обходились жители 50 дворов. При этом на 44 дворах держали по 3 и более лошадей. При 153 избах имелись 104 плетневых и 28 заборных (каменных) двора, 23 горницы (клетки), 117 амбаров (сараяв), 120 риг (овинов). Совокупная сумма недоимок по налогам и сборам с жителей села составляла 1013 рублей. Местными промыслами занимались 111 семей, в отхожих числились 11 мужчин. В Рождествено действовали 2 кабака и лавка³. К 1894 г. здесь появились шерстобитка с одноконным приводом, принадлежавшая крестьянину А.Ф. Голованову, и трехконная просорушка крестьянина Е.С. Прошина⁴.

В 1885 г. при опашке поля в окрестностях Рождествено был найден клад XVII в., состоявший более чем из 200 серебряных копеек и денег. Самая старая монета была отчеканена при Иване IV Грозном, самая новая – в период правления царя Михаила Федоровича. «Большая часть найденных монет (почти 120 штук) хранится сейчас в Рязанском краеведческом музее»⁵.

В 1880-х гг. крупной земельной собственностью при селце владел скопинский дворянин Иван Аполлонович Тарасенко-Отрешков. Ему принадлежало 238 десятин (259 га) пахотной земли, сдававшейся в аренду местным крестьянам⁶. Однако в 1891 г. в «Рязанских губернских ведомостях» появилось следующее объявление: «Правление С.-Петербургско-Тульского поземельного банка доводит до всеобщего сведения, что за неплатеж следуемых банку взносов, на основании параграфа 21 устава, будут продаваться с торгов, без переторжки, 21 мая (2 июня) 1891 г. принадлежащие коллежскому секретарю И.А. Тарасенко-Отрешкову 238 десятин земли при селе Рождествине, Котелино тож»⁷.

В 1895 г. на заседании Скопинского уездного земского собрания рассматривался вопрос о строительстве в Рождествене школы. Был зачитан следующий доклад земской управы: «Земледелец Скопинского уезда Всеволод Павлович Всеволодов 25 января сего года за-

¹ Рязанские губернские ведомости, №56 (17 июля 1876).

² Рязанские губернские ведомости, №75 (3 октября 1881).

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 20–25.

⁴ *Мартьянов Н.Н.* Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год. Рязань, 1895. С. 10, 90.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 195.

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 75 (2 октября 1882).

⁷ Рязанские губернские ведомости, № 25 (3 апреля 1891).

явил управе, что его дочь Ольга Всеволодовна желает выстроить в сельце Рождествине, при имени Всеволодова, на свои средства здание для помещения в нем земской школы, если таковую Скопинское земство согласится открыть в означенном сельце на существующих основаниях. При этом г. Всеволодов заявляет, что ремонт здания школы, отопление, освещение и наем сторожа Ольга Всеволодовна принимает на свое обеспечение с тем, что в случае ее отказа от продолжения этого, она обязуется внести в земство капитал, проценты с которого могли бы покрыть расходы по принятым ею на себя обязанностям. Из приложенного плана видно, что здание школы предполагается построить деревянное, длиною 23 и шириною 12 арш., в коем будут помещаться: классная комната 10 x 12 арш., кухня, передняя и сени; помещение очень удобно и весьма достаточное по размерам»¹. Несмотря на всю привлекательность предложения, школа в Рождествине в то время так и не появилась.

На судьбу сельского храма в Рождествине проливает свет информация из «Листка объявлений» Скопинского уезда за 1907 г.: «В 1834 г. храм сгорел. Помещики не пришли к соглашению о постройке храма. Причт был причислен к церкви Немирова. По почину землевладельца Всеволода Павловича Всеволодова совершались иногда службы. В 1906 г. Синод разрешил построить храм во имя Рождества Христова и Алексея Божия в честь наследника цесаревича Алексея Николаевича. Три землевладельца и три общества крестьян отдали 1 десятину земли под храм. Но все деньги ушли на хлопоты. Иконостас обещали пожертвовать. Председателем церковностроительного комитета был Петр Родионович Марсаков в Скопине»². В 1905 г. жителям Рождествина епархиальным начальством было разрешено построить «в оном сельце молитвенный дом по утвержденному строительным отделением Рязанской губернии правления проекту»³.

По сведениям за 1905 г. в «селе Рождествино, Котельное тож» было 217 дворов, в которых проживали 470 мужчин и 503 женщины, деревянная часовня, ветряная мельница, просорушка. В 2 верстах от села находился хутор скопинского купца Брежнева⁴. Продолжала действовать торгово-развлекательная инфраструктура села в виде продуктовой лавки и кабаков. В 1912 г. торговая лавка в Рождествине принадлежала крестьянину Дмитрию Минаевичу Липелкину⁵.

Первая трехклассная земская начальная школа появилась в Рождествине лишь в 1911 г. В 1912 г. ее попечителем был местный помещик дворянин Владимир Николаевич Кареев⁶. В 1916 г. школа в Рождествине показана трехклассной, однокомплектной. На ее отопление тратилось 1040 пудов (16,5 т) угля в год, содержание сторожей обходилось в 54 руб., освещение – в 18 руб., страхование – в 20 руб. 45 коп.⁷

В дореволюционные годы «село славилось в округе довольно мощной по тем временам паровой мельницей. Кроме нее имелось три «ветряка». Торговля [была] развита слабо. <...> Из

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания экстренного созыва от 16 февраля 1895 года. Скопин, 1895. С. 22.

² Листок объявлений [Скопинского уезда], №25 (27 августа 1907).

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 19 (1 октября 1906 г.). С. 425.

⁴ Населенные места Рязанской губернии / составлены под ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 608–609. По данным за 1913 г. купцу Григорию Лукичу Брежневу при селе Рождествине принадлежало 238 десятин (260 га) земли (Рязанские губернские ведомости, № 43(8 июня 1913).

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 394–395.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 274.

⁷ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 178.

собственных кустарных производств широкую известность приобрели мастера, которые занимались плетением лаптей. По свидетельству очевидцев, скопинские базары были постоянно завалены лаптями, изготовленными рождественскими крестьянами. Они отличались не только крепостью и удобством, но и особым изяществом. Далеко в округе был известен также мастер по выделке овчин крестьянин Фролов. С заказами к нему приезжали за сотни верст.

Избы в Рождествене, в отличие от близлежащих сел, строили исключительно из дерева. Брали его в Худековском лесу, принадлежавшем барину Худекову, усадьба которого располагалась в соседнем Ерлино. Почти все избы крылись соломой и топились «по-черному». Отличительной чертой жителей села было и то, что они практически не занимались отхожим промыслом. В этом лишний раз выражалась их особая привязанность к земле и работе на ней.

Но, по свидетельству старожилов, и эти забито-смирные трудолюбивые крестьяне начинали бунтовать, когда жить им становилось нелегко. Такие случаи в Рождествене отмечались во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг. Из-за почти полного отсутствия мужских рабочих рук большая часть земель не обрабатывалась, и многие семьи обрекались на голод. После окончания войн далеко не все солдаты приходили домой. Так, после Первой мировой в Рождествене не возвратилось более 80 человек. Подобные обстоятельства, вкупе с агитацией, которую вели возвращавшиеся домой солдаты, способствовали проявлению революционных настроений даже в таких смирных селах.

Это характерно и для событий 1917 г. О влиянии этих факторов на унастроения крестьян рассказывает человек уникальной судьбы, один из старейших жителей села Рождествене И.И. Абрамкин. Он пережил три революции, лично участвовал в одной из них, а также в трех кровопролитнейших войнах, пройдя их без единой царапины.

– Перед началом первой революции 1917 г. меня призвали в армию. Служить довелось в Москве, в артиллерийской части. Когда мы узнали о свержении царя, среди солдат началось брожение. Чувствовалось, что приближаются большие перемены в жизни. Большинство солдат были крестьянами, и потому нас больше всего волновал вопрос о земле. Он тогда горячо обсуждался на митингах, которые проходили по несколько раз в день. В часть проникало много агитаторов, которые говорили о революции, о земле. Те, кто выступал от имени Временного правительства, призывали продолжать войну до победного конца. О земле говорили так: что она перейдет крестьянам, но за выкуп. Агитаторы представляли разные партии, но ближе всех нам, солдатам, были большевики, которые убеждали, что войну надо кончать, а землю раздать крестьянам без всякого выкупа. Это и понятно, война нам всем надоела, а землю выкупать было не на что.

В октябрьские дни, когда Временное правительство свергли и власть перешла в Советы, солдатское волнение еще более усилилось. Офицеры покинули казармы, предоставив нас самим себе. Эти революционные дни запомнились на всю жизнь еще и тем, что на тогдашних митингах мне довелось слышать немало замечательных ораторов. <...> Вскоре после войны, как и многие другие, вернулся домой. Перемен у нас было много. Во-первых, уехали неизвестно куда все окрестные помещики. Крестьяне села Рождествене самостоятельно взяли землю и разделили ее между собой. Заметно увеличился у нас и наплыв городского населения. Как ни плохо было в ту пору в деревне, это не шло ни в какое сравнение с тем, как голодал народ в городах. В то время появились у нас на селе и первые большевики. Сначала люди приезжие, кого посылали для работы в деревне. Но потом и наши»¹.

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 196–197

В 1917 г. в селе Рождествене Сергиевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 237 дворов, которые населяли 716 мужчин и 810 женщин¹. В 1918 г. был образован Рождественский сельсовет, в территорию которого вошло также соседнее село Немерово. Его первым председателем стал «грамотный, уважаемый в народе Макар Альвухин»².

Первые советские управленцы на селе не отличались высоким профессионализмом. Нередко уездным властям приходилось давать им рекомендации через газеты. Так, например, в 1925 г. скопинская газета «Коллектив» настоятельно рекомендовала Рождественскому сельсовету «привести в порядок помещение сельсовета, очистить от пыли и мусора и повесить портрет Ленина вместо имеющейся божницы. На собранные деньги – купить пожарный рукав и бочки и поставить под навес пожарную машину, которая портится под открытым небом»³.

Методы работы сельсовета поначалу мало отличались от дореволюционной администрации. Но, в отличие от предыдущей эпохи, теперь газеты беспощадно бичевали все вскрывавшиеся злоупотребления. В 1926 г. в «Коллективе» писали: «В селе Рождествене Ерлинской волости (укрупненной. – *Примеч. авторов*) в 1925 г. приступили к раздаче семенных ссуд. На общем собрании председатель ставит вопрос: “Кто возьмется раздавать ссуду, но чтоб не было провеса или обвеса?” Никто не взялся, тогда председатель сельсовета заявил: “Я, граждане, возьмусь, но только по четверти с пуда скинуть на правление”⁴. И еще: «В селе Рождествине Ерлинской волости занятия в укрупненном сельсовете бывают редко, не более 2 раза в неделю.

– Где же сельсовет? – спрашивают приходящие граждане села Немерова и Ивенского общества у живущих возле канцелярии граждан.

– Секретаря Федюкина взяли в кумовья на «кстины», и, ввиду этого, занятия сегодня не производятся.

Отвечаю, граждане. Рождественскому сельсовету надо подтянуться и не манкировать делом»⁵.

Крестьянская старина продолжала довлеть над жителями села вплоть до конца 1920-х гг. В описании санитарного состояния села Рождественна, сделанном в 1927 г. слушательницей Рязанского медицинского техникума О.Д. Апушкинской, о нем сообщается следующее: «Село Рождественно находится в 12 верстах от Скопина. Больницы, медпункта не имеет. Многие пользуются услугами бабок и знахарей, лечащих от чахотки, простуды, расстройства желудка, удушья (сухого кашля), нарывов, желтухи, сибирки, золотухи, чирьев, ячменей, жабы, грудницы, грыжи, детского крика, (младенческой) сыпи, сопровождающейся жаром, и др. Они же вправляют вывихи, уничтожают горбы, помогают при родах. От чахотки употребляют сок молодой редьки: лечение производится прямо на огороде. Срезают с редьки ботву, и тут же, в земле, на корню вырезают отверстие в форме стакана, которое через несколько минут наполняется соком. В первый день больной должен выпить один корень, во второй два – и так далее до десяти корней. По принятии сока больного укрывают шубами и одеялами, и он тут на земле засыпает. Спит около часа, после чего чувствует себя очень слабым. Приводится случай, как был вылечен таким образом в

¹ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 151.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 197.

³ Коллектив, № 40 (10 апреля 1925).

⁴ Коллектив, № 26 (1926).

⁵ Коллектив, № 50 (13 мая 1925).

1915 г. один безнадежный больной 35 лет. Кроме того, лечат чахотку тrefолью и молодой крапивой. От грыжи употребляется кора черемухи и заговор: “Стоит у реки престол, за этим престолом сидит Божья Мать и Христос Спаситель, и Божья мать просит своего Спасителя: уничтожь младенцу Николаю, Господи, скорбь, и сорока молитвами победи сорок врагов”. Читается три раза на утренней и вечерней заре. Заговор от жабы: “Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять”, после чего надо топнуть. Читается три раза. Заговор от сибирской язвы: “Спаси, Господи, Владимиру душу”. Сибирка заговаривается на камушке. Этот камушек принес с Сионских морей. В этом камушке 12 апостолов, они заговаривают сибирку “односуточную”. Читается 12 раз, причем во второй раз говорится “двухсуточную” и т. д. Другой заговор: «Николай угодник, Христов помощник, помоги пособи мне, рабе божьей Ольге, Казанская Пресвятая Богородица, Тихонская Пресвятая Богородица, Покров Пресвятая Богородица и Кузминная Пресвятая Богородица, Сисцельная Пресвятая Богородица, сосцели и помилуй Николаеву душу. Скажи, сибирка, с чего ты напала, с черного ли глаза, с желтого ли глаза, с жажды ли напала, с воды ли или с еды, или с ветра, или с бури ли. Я тебе желаю выйти с белого тела, с желтых костей и из синих пожилков. Я тебя посылаю на сине море, там стоит избушка, в этой избушке живет старушка, она поит, кормит и будь этим доволен”. Заговор от младенческого крика: “Заря, зарница, три красные девицы – 1-я Дарья, 2-я Марья и 3-я, как звать. Сойди крик с младенца Михаила денной, ночной и полуночной”. Повторять 3 раза на вечерней и утренней заре. Кроме того, заговаривают разными молитвами воду и хлеб, дуют на них и дают больным людям и животным. Кровь заговаривается молитвами. Известно употребление трав в качестве лекарств, а именно: череда – от сыпи маленьких детей; чистяк – от чесотки; рябинки от удущья, расстройства желудка и от простуды; цвет крапивы и тrefоль от чахотки; калина от золотухи, жабы и от воспаления горла; крапива – при прекращении месячных, дают мед от простуды. Сначала парятся, а потом им натираются; капустный сок и морковь от желочи; пресное тесто, замешанное на холодной воде и смазанное топленным маслом – от золотухи. Все травы в большинстве случаев готовятся так: завариваются кипятком, томятся в печке, студятся. Бабки помогают роженицам следующим образом: перед родами и после родов парят в печке. Ребенка купают. После родов правят животы. Асептика и антисептика – отсутствуют. При поперечном положении сгоняют ниже лежащую часть к выходу таза. Вправление вывихов в месте вывиха перехватывают туго веревкой, а вывихнутую часть (например, ногу) водят из стороны в сторону и потягивают. Когда кость становится на место, то издается хруст»¹.

Примитивными были представления местного населения не только о медицине, но и о ветеринарии. Примером может служить следующий курьезный случай, описанный газетой «Коллектив» в 1925 г.: «У гражданина села Рождествина Петра Волчкова заболел мерин. Навязался к нему деревенский “лекарь” Петр Аникин вылечить мерина, “с ручательством”, за бутылку самогонки. Аникин стал что есть силы вдвухать воздух в мочевоу канал и дул туду целых полчаса. “Фу! Даже в глазах темно стало!” – заявил Аникин, кончая дуть. “Сейчас мочевоу пузырь развернется, пойдет моча и мерин твоу будет, как встрепанный”. Но... на утро после этой операции мерин сдох. И остался бедняк Волчков к яровому севу без лошади... Хорошая наука для граждан! Всем надо запомнить раз навсегда, что в случае болезни домашних животных следует обращаться за помощью к ветеринару, а “лекарей” и “коновалов” – гнать

¹ Мансуров А.А. Описание рукописей этнологического архива общества исследователей Рязанского края. Вып. XXXIX, Рязань, 1930. С. 6–7.

по шее вон. “Надул” и мерина, и хозяина»¹. Правда, через некоторое время поступило опровержение – мол, не было этого.

В 1929 г. было упразднено историческое административное деление на волости, уезды и губернии. Рождественский сельсовет был включен в Пронский район Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. Эстафету критики руководства сельсовета от скопинского «Коллектива» приняла другая межколхозная районная газета – «Авангард». Она сообщала: «В Рождествено в 1931 г. выбрали на второй срок председателем Серегина», который «якшался с попами и кулаками и пытался протащить в сельсовет церковного старосту. В новый состав прошла дочь кулака-мельника Жаркова и некто Парфенов, который, сдав тонну бедняцкого хлеба, получил за него промтовар и положил к себе в сундук»².

В начале 1930-х гг. в Рождествено была закрыта церковь. В ее здании разместили школу – дореволюционная земская согрела в 1920-х гг. Жизнь в селе в 1930-х гг. характеризовалась большой неустроенностью. Газета «Пронский колхозник» в 1934 г. писала: «Редко в Рождественском сельпо увидишь нужные потребительские товары. Обычно покупателей встречают пустые полки. Здесь не увидишь зимней обуви и одежды. Сахара, хозпосуды, стекла и других товаров тоже нет. Покупатели ходят в моховское сельпо за 10 километров. <...> Учителя рождественской и немеровской школ за 3 месяца не получали муки, сахара и рыбы...»³

В 1930 г. в Рождествено был организован колхоз, получивший название «Урожайный». В него первоначально вошли 12 беднейших хозяйств села, «которые избрали своим председателем М.И. Тишкина»⁴. Второй колхоз на территории сельсовета – «Луч» – работал в селе Немерово. К 1934 г. «в колхозе состояло более 90 % рождественских крестьян. <...> Председателем избрали А.Ф. Фирсанова. К концу 1930-х гг. в нем были 4 трактора ХТЗ, несколько десятков лошадей, 1000 га пашни. В этот период заложили первую животноводческую ферму, дойное стадо которой составляло всего 12 голов.

С началом войны фронт быстро приблизился к Рождествену, причем так опасно, что колхозное имущество, в основном скот, эвакуировали в направлении города Сасова. Обстановка несколько нормализовалась после того, как началось наступление наших войск под Москвой. Но до самого конца войны оно оставалось очень тяжелым»⁵. Особенно трудными выдались для местных колхозников весна и осень 1942 г. В мае «образцы хорошей работы показывали пахари Панина Т.М. и Фролова А.Ф. колхоза “Урожайный”, вспахивали по 1,35 га в день»⁶. На косовицу ржи осенью в отсутствие мобилизованных на фронт мужчин вышли преимущественно одни женщины. В первый день «скосили 6 га и связали в копны». Газета «Пронский колхозник» отмечала: «Большое внимание заслуживает работа учительниц Рождественской начальной школы Прозоровой И.М. и Гальцевой П.П. За летний период Прозорова заработала 82 трудодня. Оба учителя работали без выходных, выполняли любую работу, которую давала им бригадир»⁷.

К сожалению, у местных колхозников в военное время не всегда получалось работать ударно. Отвечать за промахи приходилось руководству колхоза. В 1943 г. «Пронский колхозник»

¹ Коллектив, № 38 (5 апреля 1925).

² Авангард, № 4 (20 января 1931).

³ Пронский колхозник, № 221 (24 ноября 1934), № 236 (1 декабря 1934).

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 198.

⁵ Там же.

⁶ Пронский колхозник, № 43 (5 мая 1942).

⁷ Пронский колхозник, № 69 (20 августа 1942).

сообщал: «29 марта бюро райкома партии заслушало отчет председателя колхоза “Урожайный” Рождественского сельсовета т. Голубкова о ходе работы по подготовке к севу в период декадника. Из отчета Голубкова выяснилось, что напряженной работы по изысканию семян не проводилось, за декадник не изыскано ни одного центнера семян и даже не взыскана задолженность зерна с колхозников за прошлые годы, в то время как в колхозе недостает 53 ц зерна.

Выступившие на бюро товарищи вскрыли преступные действия Голубкова, о которых он умолчал в своем отчете. Выявились безобразнейшие факты разбазаривания семенных фондов. Голубков, пользуясь своим служебным положением, расходовал на удовлетворение своих личных нужд и пропывал колхозные семена.

Голубков не возглавил руководство колхозом и допускал факты преступной бесхозяйственности. В колхозной конюшне лошади здоровые и больные находятся вместе. Трупы павших лошадей несколько дней не убирались из конюшни. В конюшне невообразимая грязь. На скотном дворе и птичнике положение не лучше. Не говоря уж о том, что здесь процветала антисанитария, наблюдались факты, когда куры не кормились по двое суток, потому что кто-то утерял ключ от кладовой, где находился корм.

За преступную бесхозяйственность, допущенную Голубковым в колхозе, в результате чего колхоз не обеспечен семенами и кормом для скота, за разбазаривание семенных фондов, за систематическую пьянку на колхозные средства бюро райкома партии исключило Голубкова из партии. С работы председателя колхоза Голубков снят. Райпрокурору поручено расследовать преступные действия Голубкова и других членов правления и привлечь виновных к ответственности»¹.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. жители села Рождествена дали немало примеров воинской доблести. Рядовой понтонер Алексей Григорьевич Мартышкин (1907 –?) находился в рядах РККА с 1941 г., ближе к концу войны он служил в 3-й ударной армии. «Красноармеец Мартышкин 6 августа 1944 г. выполнял боевое задание по наведению 16-тонного понтонного моста через р. Айвиексте в р-не деревни Пекотыни. Несмотря на пулеметный и минометный обстрел противником места переправы, тов. Мартышкин показал себя мужественным и храбрым понтонером. Не считаясь с трудностями, он решительно действовал на сборке паромов и смыкании их в линию моста. Своими образцовыми действиями и примером он увлекал бойцов на быстрейшее выполнение боевого задания»². Рядовой А.Г. Мартышкин был удостоен медали «За боевые заслуги».

«В 1952 г. колхозы “Мировой Октябрь” села Николо-Скопин и “Урожайный” села Рождествено слились и новый колхоз, который стал называться колхозом им. С.М. Кирова Рождественского сельсовета Пронского района. После реорганизации Пронского района, в декабре 1961 г. колхоз отошел в Старожилковский район. В марте 1962 г. колхоз им. С.М. Кирова был передан Скопинскому району. Тогда он стал называться колхозом “Дружба” Рождественского сельсовета, имел 3100 га земли»³.

В 1954 г. в Рождественский сельсовет вошло село Николо-Скопин. «С начала 1960-х гг. в рождественском колхозе начинается создание новой производственно-технической базы. Здесь построили правление колхоза, дом культуры, коровник. В дома колхозников провели электроэнергию, радио»⁴.

¹ Пронский колхозник № 19 (1 апреля 1943).

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 5834, л. 96.

³ Архив Скопинского района. Ф. 389, л. 1.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 198.

С послевоенного времени в Рождествене не было школы. Местные дети ходили учиться в село Вердерево. «Новую школу здесь заложили лишь в 1961 г. Она состояла из трех зданий. В 1969 г. к ним пристроили еще 4 классные комнаты и столовую, а в 1980 г. – спортивный зал. В таком виде рождественская школа действует и сейчас»¹.

На территории Рождественского сельсовета в 1964 г. действовали: Рождественская восьмилетняя и Николо-Скопинская школы, 2 клуба, библиотека, 2 медпункта, 2 магазина и колхоз «Дружба»². «Периодом наиболее активного развития села и местного колхоза стали 1970-е и 1980-е гг. <...> В 1970-е гг. значительно возрос уровень благосостояния рождественских колхозников. По сравнению с серединой 1960-х гг., когда ввели денежную систему оплаты труда, она увеличилась здесь у различных категорий работников в 2–2,5 раза. Ежегодно хозяйство в целом стало получать чистого дохода более полумиллиона рублей»³.

В 1990 г. в Рождествене работали клуб, библиотека, школа, детсад, медпункт, колхоз «Дружба». В 1993 г., в свете новых реалий постсоветской России, он был преобразован в АОЗТ.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Рождествено было включено в сельское поселение Успенское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в нем постоянно проживали 522 человека – 222 мужчины и 300 женщин. В настоящее время в Рождествено работают сельхозпредприятия: СПК «Андреевский» (директор А.М. Тарасов) и ООО «КАДЕ-Агро» (директор Е.А. Кирьянов), ООО «Хлебсервис» (директор Е.В. Шатилов), ИП Глава КФХ «Мардян Эдик Гайкович» (директор Э.Г. Мардян).

---

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 198.

² Архив Скопинского района. Ф. 393, л. 1.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 198.

РУДИНКА

село

(сельское поселение Горловское)

История села Рудинка прослеживается с середины XVII в. Она тесно связана с окрестными населенными пунктами – Хворощевкой и Горловом.

В переписных Рязских книгах 154 (1646) г. стольника Никиты Ивановича Романова впервые упоминается новый «починок Хворощевский», в котором было 16 крестьянских дворов¹. К сожалению, документы не позволяют с определенностью утверждать, идет ли речь о будущем селе Хворощевке, или же о Рудинке.

В окладных книгах монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненных при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 г., в Рязском уезде упоминаются два села с названиями Хворощевка. В обоих к этому времени были приходские церкви в одно и то же храмоименование. В первом находилась построенная в 1674 г. «церковь мученика Дмитрия Салунского, двор попа Иуды, двор дьячков, двор пономарский. В приходе: 57 дворов крестьянских, 5 дворов бобыльских. Церковной пашни 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на 100 копен»². Во втором – «церковь мученика Дмитрия Салунского, двор попа Дорофея, двор дьячков Астафьев. В приходе: 110 дворов крестьянских, 12 дворов бобыльских. Церковной пашни 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на 60 копен»³.

В переписной книге 1710 г. в селе Хворощево упоминаются священники местной Свято-Дмитриевской церкви «...поп Иосиф Юдин сын, у него попадьа Прасковья Иванова <...>, поп Харламий Юдин, у него попадьа Анна Фомина...»⁴. Они также известны и по другим источникам, в т. ч. И.В. Добролюбову⁵. Данное обстоятельство позволяет однозначно отождествить первое из упомянутых сел с современной Хворощевкой. В таком случае, другую Хворощевку, где в Свято-Дмитриевской церкви служили поп Дорофей и дьячок Астафий, следует признать будущей Рудинкой.

Получается, что Свято-Дмитриевская церковь этого Хворощева до 1671 г. была приходской и для деревни Горлово, впоследствии развившейся в одноименное село. В окладных книгах 1676 г. о построенной в нем церкви, также Дмитриевской, сообщается: «А преж сего с той церкви дани не было, церковь построена и освещена в прошлом во 179 (1671) году, а данные денги с того приходу тот поп Макарей по се число (т.е. по 1676 г. – *Примеч. авторов*) платил села Хворощева с Дмитриевским попом Дорофеем сопча, для того что приход был один»⁶.

¹ РГАДА. Ф. 1209, д. 13901, л. 382.

² Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков]. Рязань: Александрия, 2004. С. 357–358.

³ Там же, С. 358.

⁴ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 552 об, 567–568.

⁵ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 199.

⁶ Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков]. Рязань: Александрия, 2004. С. 358–359.

Это означает также и то, что упоминания о селе Хворощево или Хворощевке в контексте деревни Горлово в документах более раннего времени также относятся не к современной Хворощевке, а к Рудинке, т.к. оба селения входили в один церковный приход. Среди них, например, можно вспомнить грамоту царя Алексея Михайловича от 1 (10) июля 1666 г., посланную «на Скопин к воеводе, села Хворошова с крестьяны: Микишкою Томилиным ис Анкифорком Череневым <...> о сыске про спорных землю село Хворошова и деревни Горловы против челобитья того села и деревни крестьян, которою землю спорят боярина Якова Куденетовича Черкасского человек Петрушко Шелкунов да Елифанцы дети боярские Терентей Алтухов с товарищи, и про их Терентьевы с товарищи обиды и налоги и смертное убийство»¹.

«Спорные земли» Хворощева-Рудинки и Горлова в итоге стали частью Скопинской дворцовой волости царя Алексея Михайловича. По более поздним переписным книгам 1675 г. известно, что жители села ежегодно поставляли к царскому двору свиного мяса 135 пудов (2,2 т), 82 барана, 90 гусей, 180 уток и 135 сушеных кур².

Введение в волости с 1663 г. десятинной пашни (в 1675 г. запахивалось на царя 90 дворцовых десятин в одном поле) местные крестьяне, видимо, восприняли как новую тяготу, и потому в 1666 г. охотно присоединялись к участникам казачьих волнений под предводительством атамана Василия Уса³. В ходе Русско-польской войны 1654–1667 гг. донской атаман В.Р. Ус с товарищами «подал на Москве челобитье великому государю. Просили казаки принять их на службу, а писали так: «И войско, великий государь, стоячи на степе, помирают голодною смертию, а я, холоп твой Васька, с 13-ю человеки скитаемся меж двор на Москве. А как мы, холопи твои, подымалися на твою великого государя службу, и мы, холопи твои, одолжали великими долги для твоего государева подьема». Однако все повернулось не так, не стали казаки ждать посланную в Москву свою станицу, скрытно сняли курени из-под Воронежа и ушли на север, а уже в начале июля из Скопинского уезда пришли о казаках новые вести. Доносил скопинский воевода Андрей Мерчуков, что «наезжают казаки на помещичьи деревни и творят всякое дурно, договаривают крестьян идти с ними, казаками, на Москву проситься на государеву службу»⁴.

К казачьему войску, шедшему с Дона походом к Москве, прибывались многие воронежские, рязанские и тульские крестьяне. «Рязанские помещики в своих посланиях царю по этому поводу доносили: “Казаки донские прибрали себе людей и крестьян наших, которые от нас сбежали. Приезжают и деревнишки наши разоряют всяким разореньем”. А скопинский воевода А. Мерчуков писал царю следующее: «Ко мне приходили Скопинского уезду села Хворощевки да деревни Горлова староста Пронька Синицын с товарищами и сказали: казаки у них, хворощевских и горловских крестьян, детей и братьев многих подговорили с собой: Ромашку Пужая, Ивашку Сотникова...»⁵ В 1670 г. беглый скопинец В. Панов на допросе показал, что местные крестьяне совместно с донскими казаками, нападали на помещичьи имения и «били де дворян и детей боярских»⁶. Видимо, некоторые из жителей будущей Рудинки в 1670–1671 гг. принимали участие и в Крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина.

¹ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. СПб., 1907. С. 1210–1211

² РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 114.

³ О нем см. статью «Горлово» настоящего издания.

⁴ Сахаров А.Н. Степан Разин. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 49.

⁵ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 232.

⁶ Фуксин Ю.В. Города и районы Рязанской области. М.:Московский рабочий, 1990. С. 413.

В переписной книге 1710 г. впервые упоминается второе название села, ставшее впоследствии основным – «Хворощовка, Рудинка тож». Согласно документу, «в том селе церковь во имя Великомученика Димитрия, у той церкви поп Василий Григорьев, у него попадья Татьяна Иванова, у него ж сын дьякон Игнатей тридцети семи лет, у Игнатья жена Фекла Петрова дочь тридцети пяти лет, у него сын Григорий осми лет...»¹. Позже, в 1723 г., следующий местный священник отмечал: «...Да в тех поданных скасках прописано было у меня, попа Григория, отец Василий Григорьев, девеноста четыре года за старостью...»² Переписная книга 1710 г. также сообщала: «В том селе Хворощево, Руденке тож, крестьянских шездесят четыре двора, в них людей мужеско полу сто девеносто три человека, в том числе женатых сто восем человек <...>, женску полу сто шездесят четыре. По сравнению с 186 (1678) г. убьло тридцать пять дворов, пять дворов и тех же дворов жители после переписи вышли с тягол в Скопинский же уезд в село Жерновки, четырнатцать дворов живут в том селе Жерновках, на Битюг вывезено на житье з детми тяглых крестьян два двора, а девятнатцать дворов жители в прошлых годах померли, а в которых годах неупомнют, а после них детей и свойственников в тех домах никого не осталось»³.

С начала XVIII в. основным названием села становится Рудинка (Руденка). Хворощевка (Хворощево), видимо, ушло в пассив в связи с тем, что в окрестностях было еще одно селение с таким же названием, и это приводило к путанице. Топоним «Рудинка» выводится из местного гидронима – так называется протекающая через село речка. У этого названия есть два возможных объяснения. Толковый словарь В.И. Даля среди производных от прилагательного «рудой» в значении «красный, красноватый» называет существительное «рудянка» в значении «родник»⁴. Его можно понимать как намек на питающий речку десяток бьющих в окрестностях села ключей. Их вода, богатая окислами железа, могла придавать реке характерный красноватый оттенок. Кроме того, словарь Д.Н. Ушакова приводит слово «рудяк», которое означает «твердое каменистое образование в почве в виде прослойки, получающееся вследствие сцепления песчаных частиц окисью железа...»⁵. Пласт такой породы имеется и в окрестностях села. С давних пор этот красноватый камень служил местным крестьянам строительным материалом. Не исключено, что топоним со значением «красный», ставший наиболее часто употреблявшимся названием села, относился как к камню, так и к воде.

В материалах 1-й ревизии податного населения, проводившейся в Рязском уезде в 1719 г., в «селе Руденке» перечислены крестьяне, жившие в нем с самого его основания: староста Кондратей Кобузов и старожилы Борис Салтанов, Дрон Ослюзов, Ульян Полухин, Петр Дружинин, Никита Никулин, Ефим Сосулин, Василий Феферов, Володемер Дружинин, Кондратей Бучнев, Иван Колобовников, Григорий, Дементей и Ульян Синицыны – всего 26 дворов. Кроме того, в селе упомянуты бездворные Максим Михайлов сын Назаров, Фома Петров сын Шемонов, Назар Никулин сын Кленов, Филипп Сапронов сын Гречишников, а «на государевом гумне Обросим Федоров сын Обезьянин пятьдесят пять, у него дети...»⁶.

В 1732 г. Скопинская волость была приписана к дворцовому Конюшенному ведомству. Крестьяне ее сел и деревень стали называться конюшенными, или коннозаводскими. Спе-

¹ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 524 об.

² РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 3180, л. 81 об.

³ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 543.

⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 3. М.: Астрель: АСТ, 2001. С. 535.

⁵ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. М.: Астрель : АСТ, 2000. С. 1395

⁶ РГАДА. Ф. 3175, оп. 2, ч. 2, д. 3175, лл. 67, 69.

цифика их деятельности заключалась не только в запашке десятинной пашни, но и в обеспечении функционирования Келецкого и Вороновского конных заводов. За плату они заготавливали строительные материалы, подвозили их к нужным местам и строили новые или ремонтировали имевшиеся здания конюшен. Крестьяне косили и привозили сено, поставляли иной фураж. Общее руководство волостью, включая работы на десятинной пашне, осуществляли управитель и его помощник. Конюшнями заведовал подчиненный управителю шталмейстер. Весь учет по волости был сосредоточен в Скопинской канцелярии. Управителю подчинялись стремянный, отвечавший за надзор за конюшнями, задворные конюхи, нарядчики, хлебоустроители, прочие служители, в деревнях и селах – старосты. Работу управителя контролировала дворцовая Конюшенная канцелярия. Например, в 1741 г., после доклада ей посланным в Скопин ассессором Хитрово отписан был следующий указ: «При селе Рудинке потолоченные лошадьми посеянные десятины, освидетельствовав, списать, и за оное определенных к присмотру того хлебоустроителя при собрании против наказания учинить батожьем, и во время жнитва велеть с тех десятин хлеб сжать и обмолотить, и чего против прочего хлеба на тех потолоченных десятинах неуродитца, оное на хлебоустроителях взыскать, записать в приход и о том в Конюшенную канцелярию обстоятельно репортовать...»¹

В 1774 г. обветшавшая за прошедшее столетие Дмитриевская церковь в Рудинке была отстроена заново. Из служивших в этом храме в XVIII–XIX вв. священников известны Григорий Васильев (ок. 1723–1734), Иоакимф Романов (упоминается в 1760 г.), Меркурий Иоакимфиев (уволен в 1781 г.), Евстафий Симеонов (в 1789–1815 гг.) и Иосиф Молчанов².

В 1778 г. в ходе административных реформ Екатерины II был создан Скопинский уезд, включенный в состав Рязанского наместничества. Согласно экономическим примечаниям к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленным в 1779 г., село Рудинка «ведомства Дворцовой Конюшенной канцелярии» располагалось «на левой стороне двух безымянных отвершков и по обе стороны речки Рудинки и большой дороге из Скопина в Елифань». В селе находилась «церковь деревянная во имя Великомученика Дмитрия Солунского». По 3-й ревизии податного населения, проводившейся в 1761–1765 гг., в селе было 108 дворов, в которых проживали 284 души мужского пола и 291 – женского³. На чертеже Генерального межевания 1779 г. село показано лежащим на перекрестье большой дороги из Скопина в Елифань и речки Руденки. Порядки домов села выстраивались вдоль берегов реки. Большая часть домов находилась к северу от тракта. Примечательно, что деревянное церковное здание стояло в то время не к северу от дороги, как ныне сохранившееся каменное, а к югу. Левый берег Руденки, судя по широким противопожарным прожогам, был заселен позднее правого⁴.

В соответствии с указом Правительствующего Сената от 7 (18) августа 1797 г. «О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего управления ими» скопинские владения дворцового коннозаводства образовали Коннозаводскую (Военно-коннозаводскую) волость. В начале XIX в. известен округ казенных селений, куда вошло пять волостей, из них три коннозаводских.

С начала XIX в. в Скопинском уезде Рязанской губернии отмечалось значительное количество раскольников и сектантов. Местная секта духоборов, или духовных скопцов, сформирова-

¹ РГАДА. Ф. 1239, оп. 47, д. 8, лл. 79 об – 80.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 201.

³ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 16; д. 1241, л. 9.

⁴ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 1, В-32 кр.

ривалась летом 1822 г., когда склонный к мистицизму рязанский помещик А.П. Дубовицкий начал самостоятельную миссионерскую деятельность в скопинских селах Липяги и Горлово. К увлеченным им в секту крестьянам примкнули также жители сел Рудинки, Затворного и деревни Дмитриево.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в «селе Руденке» в это время насчитывалось 190 дворов. Центром села был мост через р. Руденку на проезжей дороге из Скопина в Елифань. Возле моста на возвышении к северу от дороги показано каменное церковное здание. Порядки домов сельских жителей выстраивались преимущественно вдоль берегов местной речки. За исключением одного в восточной части села, выстроенного вдоль проезжей дороги, и другого, располагавшегося параллельно ему чуть севернее. На впадающем в р. Руденку в южной части села ручье действовала водяная мельница. Однако большинство мукомольных заведений при селе использовали силу ветра. За южной околицей села при дороге в село Муравлянку стояли 3, а на холме в северной части села – еще 6 ветряных мельниц¹. Церковная земля при селе была разделена на два неравных участка к северу и к югу от его пределов.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в селе Рудинке в 158 домохозяйствах государственных душевых крестьян проживали 804 мужчины и 840 женщин². По сведениям 1859 г., в «Рудинке, селе казенном при колодцах», находившемся в 34 верстах от уездного города, был 191 двор и проживали 807 мужчин и 843 женщины³.

После отмены крепостного права в 1861 г. Рудинка была приписана к Горловской волости Скопинского уезда. С 1844 г. в селе действовало церковно-приходское училище, открытое местным священником. В 1866 г. оно размещалось в частном доме священнослужителя, в нем обучались 65 мальчиков. Средства, необходимые для его содержания и обеспечение учебного процесса, предоставлялись Палатой государственных имуществ⁴.

По сообщению И.В. Добролюбова, «существующая ныне в селе Рудинке каменная Троицкая церковь с приделами Св. великомученика Димитрия Мироточивого и преподобной Домники освящена в 1869 г. архиепископом Палладием»⁵. Однако карты А.И. Менде 1850 г. показывают, что она уже существовала за 19 лет до этого. Кроме того, архитектурный стиль храма также свидетельствует о более ранней дате постройки. С 1848 г. в храме служил священник Сергей Иванович Молчанов. И.В. Добролюбов отмечал: «Земли при ней (Троицкой церкви в Рудинке. – *Примеч. авторов*) состоит 37 десятин (40,5 га). В приходе при 205 дворах числится мужского пола 1220, женского пола 1256. <...> По штату 1873 г. в Троицком причте положены 1 священник и 1 псаломщик»⁶.

В середине XIX в. быт рудинских государственных крестьян отличался большей зажиточностью от условий жизни их соседей из крепостных имений Елифанского уезда Тульской губернии. Однако и у них бывали трудные годы. Например, в 1866 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «28-го июня Скопинского уезда в селах Горлове и Руденке выбито гра-

¹ Карта А.И. Менде 1850 года, 1 см – 420 м.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 122.

³ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 133.

⁴ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 236–237.

⁵ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 201.

⁶ Там же.

дом крестьянского ярового хлеба 500 десятин»¹. Ликвидация последствий такого бедствия, конечно, потребовала совместных усилий всего сельского общества.

В хронике происшествий главной газеты Рязанской губернии за 1860-е гг. можно найти и следующую примечательную картинку из быта рудинских крестьян: «Молодая крестьянка села Рудинки Горловской волости купила в Горлове на базаре, 2 апреля, мужу в гостинец калач с дужкою (они повенчаны только в октябре прошлого года), который он не хотел сей же час съесть, а просил его прибрать до другого времени. На другой день, т. е. 3-го числа, он со своим родным братом вздумал полакомиться, разломили пополам калач и при разломе заметили в нем какие-то беленькие камешки, которые они выкинули и предположили, что это, должно быть, находилось в муке. Кончивши калач, через несколько минут они почувствовали себя дурно, потом с ними сделалась резь в желудках и страшные судороги. К счастью, один из членов их семьи предложил сей же час поить их теплым молоком, что и делали в продолжении почти 2-х суток, в которые они с трудом оправались. К раскрытию этого происшествия, говорят, приняты меры»². Каким образом яд попал в калач и не имела ли к этому отношения супруга рудинского молодожена, так и осталось в итоге неизвестным.

В материалах ревизии Скопинского уезда, проводившейся Рязанским губернским земством в 1875 г., о селе сказано следующее: «Нельзя не обратить внимание на село Руденку, в котором кварталы отделены довольно широким пространством, жилые постройки деревянные, надворные же каменные – из камня, добываемого в горе самого селения. Гуменные постройки отнесены на далекое пространство – сажень за 100 и более. Это пространство занято огородами и конопляником, составляющими значительную доходную статью для жителей. Вообще в Руденке заметно довольство и зажиточность, почти на каждом гумне стоят кладушки старого хлеба, а на некоторых <...> и по три довольно больших скирда»³.

О хозяйствах жителей Рудинки можно судить по документам страхования их жилищ. Их характерной особенностью было использование природного камня для заборов и нежилых строений. «Крестьянина Степана Семенова деревянная изба, каменный двор и плетневая рига, все крыто соломой, оценено в 135 рублей; Дмитрия Семенова деревянная изба, плетневая рига и каменный двор, все крыто соломой, оценено в 135 рублей; Анисима Андриянова две избы, одна деревянная, другая каменная с каменным двором и амбаром, оценено в 162 рубля»⁴.

В материалах земской ревизии 1875 г. также упоминается о действовавшем в Рудинке мужском сельском училище, в котором обучались 68 местных мальчиков. Законоучителем и учителем в нем был священник Сергей Иванович Нарцисов. Училище почти полностью содержалось на его средства, от Рудинского сельского общества на его содержание ничего не поступало, Скопинское уездное земство выделяло на его функционирование 100 рублей в год⁵.

Ко 2-й половине XIX в. Рудинка стала одним из значимых местных центров гончарного производства. С какого времени местные крестьяне начали эксплуатировать имевшиеся при селе залежи горшечных глин, остается с точностью неизвестным. Но в середине XIX в. они уже были ходовым товаром на ярмарках в соседнем селе Горлове, пользовались заслуженной

¹ Рязанские губернские ведомости, № 57 (16 июля 1866).

² Рязанские губернские ведомости, № 29 (22 апреля 1867).

³ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спаского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. Москва, 1877. С. 504–505.

⁴ Там же. С. 505–506.

⁵ Там же. С. 431.

славой в близлежащих селениях как Скопинского уезда Рязанской губернии, так и Елифанского уезда Тульской губернии. В 1864 г. в селе были учреждены регулярные ярмарки – как представляется, не в последнюю очередь для сбыта продукции местных гончаров. Главная газета губернии сообщала: «Разрешено учредить в означенном селе Руденке трехдневные ярмарки: 1-ю в день Преполовления и 2-ю в день Рождества Пресвятой Богородицы»¹.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Рудинке, «селе бывшем государственном», насчитывалось 300 дворов и 2262 жителя. В селе отмечены две православные церкви (видимо, это ошибка составителей сборника), 7 горшечных заводов, 1 кирпичный, ярмарки на Преполовенье и 8 (20) сентября².

По переписи населения 1882 г. в Рудинке насчитывалось 353 домохозяйства, в которых проживали 1333 мужчины и 1296 женщин. Грамотными в селе были 175 мужчин, 1 женщина и 29 учащихся мальчиков. Надельной земли (чернозема) приходилось по 3,9 десятины (4,3 га) на ревизскую душу, местные жители дополнительно арендовали вненадельную землю – 72 десятины (78,5 га). Урожай ржи и овса с полей рудинских крестьян оценивался как «сам-четверт» (т.е. собранное в 4 раза превосходило посеянное). Обитатели 76 дворов обходились без лошади и коровы, 123 домохозяина были просто безлошадными. В селе было 3 каменных дома и 343 деревянные избы. Наиболее распространенными параметрами крестьянских жилищ были 7 x 8 аршин (4,9 на 5,7 м), но было также около трех десятков изб, имевших размеры до 9 x 10 аршин (6,4 на 7,1 м) и более. В отхожих промыслах числилось 382 местных мужчины (многие жители села нанимались на работы в помещичьи имения Елифанского уезда Тульской губернии, в т. ч. в усадьбу Самариных при селе Молоденки. В селе работали 15 мастеровых, действовали 9 промышленных заведений, 4 лавки и кабаки. Всех годовых платежей (государственных, земских, волостных, общественных и прочих сборов) на Рудинское сельское общество приходилось 7626 руб., или 9 руб. 20 коп. на окладную душу³.

В 1880 г. в Рудинке было основано земское училище. Ревизовавший его в 1884 г. представитель Скопинского уездного земства оставил душераздирающее описание ужасных условий, в которых детям рудинских крестьян приходилось приобщаться к благам образования: «...Помещение небольшое с квартирой для учителя. Внутренняя обстановка школы плоха до невозможности, именно: скамьи, на которых сидят ученики, а равно и столы для учеников так ветхи, что перекошились. Доски в столах лежат одна выше другой, и писать на них весьма трудно. Доска, на которой пишут и решают задачи, расклеилась и совсем стерлась. Попечителя при школе совсем нет. Несмотря на мои предложения и даже упрасивания лучших крестьян селения принять на себя звание попечителя никто не согласился. <...> Отопление и наем сторожа за счет общества. Всех учеников 90, но посещают школу не более 50, отсутствуют частью по хозяйственным причинам, главным же образом от плохого ведения учителем своего дела. В старшем отделении 10, в среднем 40, в младшем 40 учащихся. Ученики младшего отделения читать и писать не умеют. Многие списывают с книги, употребляют частью письменные, частью печатные буквы, так что в одном слове стоят рядом и те, и другие буквы. По Закону Божию половина учеников совсем ничего не знает. Ученики среднего от-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 30 (25 июля 1864).

² Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 329.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 122–127.

деления читают и пишут плохо, арифметических задач не только не умеют решать, а даже совсем не понимают. По Закону Божию также весьма слабы. В старшем отделении арифметические задачи решают до невозможности плохо, также плохо пишут диктант и весьма слабо отвечали по Закону Божию. В настоящее время как отец законоучитель, так и учитель этой школы отказались от преподавания в этой школе, и в нее помещен новый учитель из окончивших курс духовной семинарии. Выпускной экзамен выдержало 7 мальчиков. Экзамен производили член от министерства и г-н исправник»¹.

Описание рудинской школы, сделанное в 1888 г., менее драматично, но по ряду признаков можно понять, что состояние школы к лучшему не изменилось. Она размещалась в деревянном здании под железной крышей и имела для отопления две печи (в т. ч. одну русскую). «При школе имеется помещение и для учителя, но помещением этим не пользуется, а живет в доме своего отца священника села Рудина. Есть небольшая библиотека, учрежденная на средства земства. Плата берется только с тех учеников, родители которых не принадлежат к местному населению. От крестьян поступило 58 руб., которые израсходованы на отопление и ремонт училища и наем сторожа. Попечителя не имеется, законоучитель, он же и учитель, окончивший курс Рязанской духовной семинарии Н.С. Нарцисов». В трех группах обучались 102 мальчика и 5 девочек из двух селений в возрасте 8–15 лет и старше. Вместе с детьми крестьян обучались выходцы из семей купцов и священнослужителей. Срок обучения составлял 3 года. По каким-то обстоятельствам 1885/1886 учебный год начался 6 октября и закончился 7 мая. По его итогам получил свидетельство об окончании курса 1 мальчик².

Несмотря на традиции широкого применения природного камня в строительстве, в конце XIX в. Рудинка регулярно страдала от пожаров. Их масштабы впечатляют – иногда в одночасье выгорало до четверти домов села. В 1883 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщили: «22 июня (3 июля) Скопинского уезда в селе Рудинке сгорело от неизвестной причины 62 крестьянских дома с надворными строениями; убытка понесено на 9565 руб.»³. Несколько лет спустя Скопинская уездная земская управа докладывала: «В 1889 г. в Рудинке было 8 пожаров с причитавшейся суммой по убыткам 4544 руб., это около 50 сгоревших домов с надворными строениями»⁴.

Неурожайные годы и вызванный ими голод были частым явлением в крестьянской России. Особенно неурожайными выдались 1891–1892 гг., когда от сильного недорода пострадал ряд центральных губерний России. Для борьбы с голодом были мобилизованы значительные государственные средства и частные пожертвования. Многие частные благотворители, не доверяя официальным структурам, предпочитали передавать свои взносы пользовавшимся авторитетом общественным деятелям, прилагавшим свои усилия параллельно с государством. Одним из них был известный писатель граф Л.Н. Толстой. На собранные им пожертвования в Рудинке было развернуто 6 бесплатных столовых для голодающих крестьян⁵.

В эти же годы прошедший по Скопинскому уезду ураган повредил крышу и главку Троицкой церкви. Видимо, она притянула к себе воздушный вихрь, находясь на возвышении и

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XX очередного созыва 1884 года. Скопин, 1885. С. 180–181.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. Москва: Ряз. губ. земство, 1889. С. 8–13, 22.

³ Рязанские губернские ведомости, № 55 (23 июля 1883).

⁴ Отчет о состоянии и движении земских сумм, состоящих в ведении Скопинской уездной земской управы за 1889 г. и первую половину 1890 г. Скопин, 1890. С. 177.

⁵ Толстой Л.Н. ПСС. Т. 29 [юбилейное изд. 1828–1928]. С. 162–163.

имея колокольню высотой почти 60 метров. В августе 1893 г. епархиальное начальство дало разрешение «причту и церковному старосте села Рудинки <...> на средства прихожан исправить главу и кровлю на храме, поврежденные бурей»¹.

По статистическим данным за 1894 г. в Рудинке в это время работали кирпичные производства крестьянина И.В. Шинкарева, два кирпичных завода (по 2 стола и по 2–3 рабочих) держал З.А. Рожков. Также в селе действовали одноконные маслобойки того же З.А. Рожкова и И.В. Делеховского².

В 1902 г. Рудинка удостоилась упоминания в книге «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», вышедшей под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского. В ней сообщалось: «В 3 верстах к юго-западу от села Горлова находится село Руденка, имеющее до 2500 жителей, ярмарку и горшечные заводы, выделяющие горшки из встречающихся здесь и разрабатываемых глин юрской системы»³.

Имея полномочия по поддержанию и совершенствованию транспортной инфраструктуры уезда, Скопинское земство уделяло внимание поддержанию в проезжем состоянии проходившего через Рудинку участка дороги из Скопина в Елифань. В 1904 г. Скопинское уездное земское собрание постановило «произвести обследование пути в селе Рудинке по Новому порядку и порядку Вылетовка. В ненастное время и в случае малопроездного этого пути, составить новую смету <...> на приведение его в проездное состояние»⁴.

В годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. многие жители села были мобилизованы в действующую армию. На время боевых действий остались без кормильцев семьи «Сергея Кирилова Комарькова, Василия Никифорова Замыслова, Василия Абрамова Никулина, Филиппа Григорьева Кольшкина, Алексея Алексева Замыслова, Матвея Алексева Замыслова, Сергея Абрамова Гаврюшина, Сергея Ильина Капочкина, Федора Власова Никульшина, Архипа Сергеева Самохвалова, Ильи Андреева Лозгачева»⁵. Оставшимся без стабильного заработка и всяких средств существования членам семей отправившихся на Дальний Восток воинов Скопинское уездное земство выплачивало установленные законом пособия. Таких по четырем селениям Горловской волости числилось 62 семьи. Кроме того, земское собрание совместно с податным инспектором В.А. Дарковым, обсудив вопрос о сложении с этих семей недоимок и казенных платежей, по предложению гласного С.Н. Худекова решило его положительно⁶.

В 1905 г. в Рудинке насчитывалось 506 дворов, которые населяли 1862 мужчины и 1910 женщин. В селе имелись церковь каменная, церковно-приходская школа, проводились две ярмарки (8 сентября и в Преполование), действовали 5 ветряных мельниц, казенная винная лавка, кирпичный завод, 5 горшечных заводов⁷. Одна из мельниц при селе принадлежала крестьянам Николаю Алексеевичу Замышляеву и Михаилу Петровичу Шинкареву. По документам Скопинского уездного земства известно, что она слома-

¹ Рязанские епархиальные ведомости, № 16 (15 августа 1893 г.). С. 592.

² Мартынов Н.Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. С. 42, 102.

³ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова. Т. 2. СПб., 1902. С. 484.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XL 1904 года созыва. Скопин, 1905. С. 127.

⁵ Журнал Скопинского уездного земского собрания от 17 июня 1905 года. Скопин, 1905. С. 67.

⁶ Там же. С. 15, 16.

⁷ Населенные места Рязанской губернии / составлены под ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 630–631.

лась в 1906 г.¹ До 1913 г. торговой лавкой в селе владел Степан Александрович Дегтярев². С 1910 г. существовало Рудинское потребительское общество³. В 1910–1914 гг. его лавкой заведовал священник Троицкой церкви Михаил Васильевич Парнасов, секретарем общества была его супруга Клавдия Сергеевна Парнасова. Кассиром общества подвизался крестьянин Егор Никитич Ассоров⁴.

Главными бедами села в начале XX в. были голод и эпидемические заболевания. Неурожайным был 1905 г., не менее тяжелым оказался и 1909 г., когда из-за сильного града в июне оказались выбиты посевы в Горловской, Затворнинской и Павелецкой волостях на площади до 3779 десятин (4119 га). С целью материальной поддержки пострадавшего населения за счет Комитета трудовой помощи были организованы общественные работы, продолжавшиеся до августа 1910 г. Крестьяне были задействованы на 22 объектах: занимались копкой и чисткой прудов, осушением болота и замощением дороги при «селе Потеревке»⁵, постройкой 4 мостов (из них 3 небольших: 2 в селе Рудинка и 1 на дороге из Рудинки в Потеревку; а также большого длиной 12 сажень /25,9 м через р. Верду на дороге из села Лазинки в Павелец), 2 плотин: в селе Муравлянке (для образования пруда) и в селе Затворном на ручье Тоболе (с бетонным водосливом)⁶.

Эпидемические заболевания были частыми гостями в крестьянских домах. Против большинства болезней тогда еще не было эффективных лекарств, а общая антисанитария и почти полное отсутствие представлений о гигиене способствовали их быстрому распространению. По данным Скопинского уездного земства, в 1910 г. в уезде было зарегистрировано 1278 случаев кори, треть из которых приходилась на Павелецкий врачебный участок, и почти столько же на Горловский. Сыпным тифом переболели 418 человек, на 150 меньше, чем в 1909 г. «Особенно многочисленны случаи были в селениях: Дмитриевское – 31, Липяги – 54, Рудинка – 59, Ермолowo – 86, Роговое – 22». За тот же период заболевших оспой в Казинке было 163, умерло 36 человек, в Ильинском – 76, умерло 8 человек, в Рудинке – 56...»⁷

В 1908 г. в Рудинке насчитывалось 3863 жителя, из них детей в возрасте от 8 до 11 лет было 347 человек. При этом в местной церковно-приходской школе обучались только 229 детей⁸. В 1916 г. Рудинская ЦПШ показана двухкомплектной. На ее отопление в год тратилось 1200 пудов (19, 2 т) угля на сумму 435 руб. 85 коп., на ремонт – 30 руб. 61 коп., на инвентарное оборудование – 1 руб. 17 коп., на содержание сторожей – 37 руб. 49 коп., на освещение – 9 руб., на страхование – 15 руб. 9 коп.⁹.

В 1911 г. гласный земского собрания и член ревизионной комиссии волостной старшина Комаров докладывал Скопинскому уездному земскому собранию: «На Михайловском тракте за селом Горловым к Богослову две каменных трубы, у обоих арки в полуразрушенном со-

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. Скопин, 1914. С. 231.

² Там же. С. 558–559.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. Скопин, 1914. С. 82–83.

⁴ Рязанский адрес-календарь. 1911 год. Рязань, 1911. С. 653; Рязанский адрес-календарь. 1912. Рязань, 1912. С. 766; Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань, 1914. С. 457.

⁵ Имсеется в виду Ново-Александрово в Скопинском районе Рязанской области.

⁶ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. Скопин, 1911. С. 63.

⁷ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVI очередного созыва 1910 года. Скопин 1911. С. 139–140, 274–276.

⁸ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 8–9

⁹ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 178.

стоянии, на будущей год требуют переделки, кирпичные наполовину расхищены, следует рекомендовать вообще управе на перила вместо кирпича употреблять менее ценный материал, дикий камень, это будет более прочно и не так соблазнительно для хищения. На Елифанском тракте в селе Руденке мост близ церкви – при усиленном проезде часто обиваются въезды, следует подмостить их камнем, починить настил на мостиках, на переездах через мостовую на выезде из села по направлению к Елифани следует замостить камнем лошину на расстоянии около 20 саж. длины, где в сырую погоду дорога разбивается и делается почти непроездной; там же, в Рудинке, усмотрено близ означенного моста, что одним крестьянином занято огородам около 5 сажень ширины и 50 длины по большой дороге, это место отгорожено канавой с валом. Об уничтожении этого захвата, по словам мостового сторожа, состоялось решение земского начальника года два тому назад, но это решение, к соблазну тамошних крестьян, до сих пор не приведено в исполнение...»¹

В годы Первой мировой войны в Троицкой церкви села Рудинка продолжал служить священник М.В. Парнасов². В 1914 г. в селе было 405 дворов, в которых проживали 2251 мужчина и 2212 женщин. (При таком населении во время призыва в армию в 1914 г. село моментально покинули до 200 человек – почти целая стрелковая рота, укомплектованная по штатам военного времени!) Согласно клировой ведомости 1914 г. Троицкая церковь была «вновь возведена в 1869 г. Здание церкви из кирпича с колокольней, крытые железом, окончены в 1891 г.» (? – *Примеч. авторов*). При церкви имелось земли усадебной – 4,5 десятины (4,9 га), пахотной – 30 десятин (33 га), сенокосной – 1 десятина (1,09 га). Церковная библиотека насчитывала 40 книг. В селе действовали церковно-приходская школа, учрежденная в 1891 г., и земская школа³.

О Рудинке начала XX в. местные старожилы – супруги Аграфена и Николай Воробьевы – в конце 1980-х гг. вспоминали: «Дворов в Рудинке тогда было примерно 800. Они делились на три порядка и три улицы. Порядки назывались: Большой, Штыков и Погорелый, заканчивающийся Собачьим концом. Улицы назывались Нечаевка, Катяшино, Влетовка. Имелась еще и Красная слобода. Приметные места вокруг села: большой овраг Гремучий, Калачев лес, осинник, просторное низкое место Гаи, которое сельчане особенно любили за чистые ключи и сочные луговые травы. А еще большой луг, гектаров на 40. На нем тоже косили траву и торф добывали, который шел для своих нужд, на топку. Недалеко от села ломали камень. Рыли до каменного пласта шахты, а потом измельчали, поднимали наверх. Из этого камня строили сараи, погреба, которые стоят до сих пор. Кто пообористей, камень тот и на сторону продавал.

Но на строительство жилья он не шел. Вообще кирпичных домов у нас было всего 5–6. Предпочитали строить из леса, который покупали в Горлове на складе. Деревянные избы часто горели. Выгорали целыми улицами и порядками. Отсюда и название – Погорелый порядок. Пожары не всегда начинались из-за неосторожного обращения с огнем. Нередко «красного петуха» пускали друг другу по злобе. А остальные без вины страдали.

Случались напасти и пострашнее пожаров. Болезни косили крестьян целыми семьями и даже улицами. О таких хворях теперь мало кто знает. Скажем, о лихорадке или куриной сле-

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVII очередного созыва 1911 года. Скопин 1911. С. 276.

² Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань, 1914. С. 445.

³ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 606–607.

поте. А тогда они отправляли на тот свет сотнями. Особенно много помирало детей. В иной семье из десяти душ только 4–5 в живых оставалось.

В 1915 г. поставили у нас в Рудинке новую четырехклассную школу. Но ребятишек на учебу ходило мало. Да и грамотных в селе было раз-два и обчелся. Только паренек или девчушка к учебу приладутся, а родители их из школы забирают. Работать надо, отцу-матери помогать или детей малых нянчить. На том и вся наука».

К началу XX столетия большинство рудинских изб топились уже по-белому. Многие крестьяне имели лошадей. В каждой семье водили скотину: коров, телят, овец, свиней и птицу. Хотя мясо в обычной крестьянской семье видели всего несколько раз в год, за праздничным столом. Мясо берегли работникам, на страдную пору – пахоту, жатву.

Интересны рассказы старожилов о самом процессе, можно даже сказать – обряде еды, истари принятом в крестьянских семьях. В тесноте крохотной избы разместиться всем на обед невозможно. За стол садились хозяин и основные работники, как их называли – «ядренные». Детское население избы, «мелкота», помещалось на задней лавке. Еду начинали по команде старшего. В праздники или страдные дни он же делил между едоками мясо, которое можно было взять из миски, только когда он ударит по ней ложкой. Те же старожилы сохранили в памяти имена наиболее искусных рудинских гончаров. Это были семьи Арепьевых и Тришиных. Обливная посуда у них ярко «горела» на солнце. Их горшки, махотки, кувшины отличались отменным узором, разноцветными переливами глазури. К этому необходимо добавить, что в глиняной посуде продукты подолгу не портились, сохраняя свои вкусовые качества. Особенно хорошо хранились молоко, сметана, творог. По свидетельству специалистов, по многим своим качествам рудинская керамическая посуда не уступала знаменитой скопинской. Поэтому, несмотря на то, что на ярмарки эта посуда привозилась возами, она всегда раскупалась.

Сегодня многое из тогдашнего быта рудинских крестьян кажется нам странным. Вот, например, такая характерная деталь. Даже в начале XX столетия в Рудинке не было яблоневых садов. Яблоки покупали местные жители только на ярмарке, по штукам, как гостинцы ребятишкам. Не росло в огородах местных крестьян и некоторых привычных сегодня овощей, например – капусты. Ее крестьяне покупали или выменивали на то, что росло в их огородах»¹.

В 1917 г. в селе Рудинке Горловской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 679 дворов, в которых проживали 2311 мужчин и 2239 женщин². В декабре 1917 г., с установлением в уезде советской власти, был образован Рудинский сельсовет. Его первым председателем стал Фрол Петрович Никулин. В январе 1918 г. губернская газета «Искра» сообщила: «На общем собрании граждан села Руденки Горловской волости Скопинского уезда Рязанской губернии был организован сельский совет. Граждане выразили приветствие Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и поддержку народным комиссарам, а также приветствовали все декреты о земле, о войне и мире и о рабочем и промышленном контроле»³. Рудинка считалась зажиточным селом, поэтому в 1918 г. советская власть здесь в течение некоторого времени опиралась еще и на сельский комитет бедноты. Однако он не успел проявить себя какими-либо достойными упоминания действиями. Центром агита-

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 240–241.

² ГАРО, Ф.7, оп.1, д. 1310, л. 140.

³ Борьба за установление и укрепление советской власти в Рязанской губернии (1917–1920 гг.), сборник документов, Рязань, 1957. С. 164, 165.

ции за советскую власть была и местная школа, в которой работали учителя П.Т. Зайцев, Е.И. Зверев и С.И. Зверева.

«Из событий послереволюционных лет следует отметить посещение села в 1924 г. известным этнографом Н.И. Лебедевой. Она собирала образцы старинной одежды для Рязанского музея. Надо сказать, что экспедиция в Рудинку стала для нее удачной. Местные крестьяне с пониманием отнеслись к ее важной миссии. Многие принесли этнографу старинной работы лапти, домотканые, ярко расшитые праздничные одежды и другие предметы крестьянского быта XIX в. Впоследствии многие из них заняли достойное место среди экспонатов рязанских музеев»¹.

Традиции крестьянской старины все еще довели над жителями Рудинки в середине 1920-х гг. Характерную картинку местного быта дала скопинская газета «Коллектив» в опубликованной в марте 1925 г. заметке «Долой суеверия!»: «У гражданина села Рудинки Горловской волости Оленина Петра Петровича внезапно заболел теленок. Хозяин по своему невежеству обратился к “бабке” Олениной Елене, которая охотно принялась за “лечение” отчитыванием и обрызгиванием водой. Разинув рот, бегая по избе, Оленина приговаривала: “Сглазили, сглазили”. Теленок приходил к концу. Тогда хозяин решился его зарезать. И что же? Вместо болезни у теленка в брюхе оказался сверток конапей, приготовленный для пряжи. Гражданам пора сбросить суеверия и ближе стать к науке»².

Новый быт пробивал себе дорогу. Проводниками его выступали сельсовет и восприимчивая к прогрессивным тенденциям молодежь. В июне 1925 г. газета «Коллектив» сообщала: «В селе Руденки Горловской волости председатель сельсовета Дронов совместно с комсомольцами устроили субботник – привели в полный порядок мосты, запрудили пруды, исправили для общества проездные дороги, которые были в ухабах»³.

По данным за 1926 г., «в Руденке 729 дворов, 2 вырытых пруда, 7 родников, безымянный ручей, 217 колодцев и речка Руденка. Занятие населения – земледелие и огородничество. С 1 мая в отход уходят около 500 человек. Несколько человек занимаются горшечным производством»⁴.

«Рудинка относится к числу немногих скопинских сел, в которых принципы коллективного ведения хозяйства стали испытываться на практике не в 1929–1930 гг., а несколько раньше. Так, в 1927 г. тут создали артель по совместной обработке земли. Среди ее организаторов были М.М. Ассоров, Н.И. Арпьев. Возглавил артель приехавший в село рабочий-коммунист Николаев»⁵.

В 1929 г. ушло в прошлое историческое административное деление на волости, уезды и губернии. Рудинка стала населенным пунктом Горловского района, вошедшего в Центрально-Промышленную область, до конца года переименованную в Московскую.

В том же году в Рудинке появилась группа бедноты, ставшая инициативным ядром создания в селе колхоза. Ее члены обсуждали планы сева, расширения посевных площадей, увеличения поголовья скота, а также «вовлечение в товарищества и колхозы»⁶. Весной 1929 г.

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 241–242.

² Коллектив, № 32 (22 марта 1925).

³ Коллектив, № 61 (28 июня 1925).

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик Сводной таблицы населенных пунктов Горловского района.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 242.

⁶ Ленинская искра, № 1 (12 января 1931).

в списке бедноты села было 27 хозяйств. Но группа была неоднородной по составу. В хозяйствах М.М. Зайцева, П.Д. Похановой, И.И. Свиридова, И.П. Морозова, М.Г. Карпушина имелись риги, амбары, лошади, коровы, мелкий скот. В хозяйствах С.П. Ларина и вдов П.Е. Стединой, Е.П. Корывоновой, А.К. Ассоровой, Н.К. Бусахиной не было ни лошадей, ни коров. Из 27 бедняцких хозяйств 9 имели лошадей, а 21 – коров и мелкий скот. Только 13 имели ригу или амбар¹. Благодаря инициативе рудинской бедноты, «в январе 1931 г. была создана инициативная группа по организации колхоза, на 13 января в него записались 11 домохозяев – бедняки и середняки»². В заметке «Рудинцы впереди других», опубликованной в горловской районной газете «Ленинская искра» директор Горловской МТС Н. Романов сообщал: «13 января рудинские колхозники первые по району проработали договор с МТС. Колхозники единогласно решили договор принять и выбрали тройку в составе Большова, Осорова и Оренова для подписания договора. Вопреки кулацкой агитации, руденские бедняки и середняки вступают в инициативную группу по организации колхоза. На 13 января уже записалось 11 домохозяев»³.

Название колхозу дали по местному оврагу – «Гремучий». «Первым председателем стал М.М. Ассоров. Как это было и в некоторых других селах, первые колхозники покинули Рудинку и образовали неподалеку поселок, ставший частью села»⁴. «Ленинская искра» сообщала: «Рудинский колхоз “Гремучий”, несмотря на ожесточенную классовую борьбу, доходившую весной прошлого года до отдельных фактов избиений колхозников кулаками и порчи сельхозинвентаря, к отчетно-выборной кампании пришел окрепшим, с большими достижениями. <...> Благодаря своим достижениям колхоз “Гремучий” еще в начале отчетной кампании получил новый прилив. Так, после отчета правления на собрании колхозников в колхоз вступили 4 семьи бедняков и организовалась инициативная группа из 11 человек по организации общественной запашки земли»⁵.

Однако вслед за первыми успехами коллективизация села застопорилась. В мае 1931 г. местный селькор, скрывавшийся за псевдонимом “Знающий”, писал в районную газету: «Село Рудинка сильно отстает от других селений района. Коллективизация там проводится очень слабо, коллективизировано всего 9,9 % хозяйств. Отдельные члены колхоза, как например, Березина В., ведут антиколхозную пропаганду среди крестьян-единоличников. На мельнице колхоза дело обстоит также плохо. Механик Дектерев С. сильно пьянствует, за машиной не смотрит, в результате последняя часто останавливается. Плохо в Рудинке и с культурой. Изба-читальня почти всю зиму не работала, а если она и была открыта, то в ней никакой культурно-просветительной работы с массами не велось. Избач Пахомов старался только получать зарплату, а работа его меньше всего тревожила...» За недостаточную работу с единоличниками пришлось отвечать руководству сельсовета. Селькор Свой писал в «Ленинскую искру» в мае 1931 г.: «Сев застал врасплох Рудинский сельсовет. Он не позаботился своевременно довести посевной план до двора, не принял мер к обеспечению сева фуражом и тягловой силой. За такую “работу” снят с работы предсельсовета Мишин. Не место таким у руководства»⁶.

¹ ГАРО. Ф. П-1117, оп. 1, д. 9, л. 134.

² Ленинская искра, № 2 (17 января 1931).

³ Там же.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 242.

⁵ Ленинская искра, № 3 (22 января 1931).

⁶ Ленинская искра, № 24 (13 мая 1931).

В 1931–1932 гг. районные власти были недовольны работой колхоза «Гремучий». Горловская районная газета писала: «Рудинский колхоз – кулацкое гнездо, хлебозаготовки он не выполнил и на 50 %. Уборка осенью 1931 г. значительно затянулась. Картофеля государству колхоз сдал всего 2 воза, а на 7 га он сгнил. В колхозе имеется свиноводческая ферма и общештвенная часть скота. За последнее время в колхозе нет кормов, и это привело к гибели 90 поросят, 120 овец, 3 телок, 4 коров и 6 лошадей. Кормов же не хватало потому, что еще осенью большая их часть была роздана по домам без всякого распределения по трудодням. Мука, выделенная конюхам для скота, пропивалась <...> К такому состоянию колхоз привела кучка кулаков, которая взяла бразды правления. <...> Вот счетовод И.И. Арепьев, до революции имел стольпинский участок свыше 40 га, горшечную мастерскую с двумя наемными мастерами, в хозяйстве 3-х батраков; завхоз колхоза Стенин О.М., бывший городской, арендовал землю, применял наемный труд; зав. мастерской И.Я. Арепьев до 1917 г. имел два стольпинских участка, двух батраков с 1917 до 1928 гг., горшечную мастерскую, арендовал землю у крестьян; Дронов – председатель ревизионной комиссии, имел мясную торговлю; Шинкарев – бывший трактирщик. Урожай распределяли не по трудодням, а по едокам. В результате львиная доля была засыпана в их амбары. По слухам, на мельнице, где хозяйничал Шинкарев, устраивались вечера и резались колхозные свиньи. Секретаря партийной ячейки Пахомова они под себя подмяли, так что он, обещая разобраться, и сам участвовал в пьянках»¹.

Сначала показательные репрессии коснулись сопротивлявшихся политике властей крестьян-единоличников. Выездная сессия Горловского народного суда 8 апреля 1932 г., рассмотрев ряд уголовных дел в отношении жителей села, постановила: «Зайцева С.Н. за злостное уклонение от засыпки по твердому заданию [приговорить] к высылке на 3 года за пределы Московской и Ленинградской областей, ЦЧО с конфискацией одного сруба в 300 рублей и 10 сосновых досок стоимостью 100 рублей; Серьякова Я.И. – к 1 году принудительных работ с конфискацией дома и амбара; Демидова С.И. – к 1 году принудительных работ; Серегина С.О. за халатное отношение, как члена сельсовета, отвечающего за засыпку, к 6 месяцам принудительных работ; Арепьеву М.Т. за уклонение от засыпки и злостную агитацию – к 1 году принудительных работ условно с испытательным сроком 2,5 года»². Ответ противников советской власти не заставил себя долго ждать: ночью 17 июня 1932 г. сгорела механическая мельница колхоза³.

Потом взялись и за руководство колхоза «Гремучий». Его первому председателю М.М. Ассорову припомнили то, что до революции он владел зажиточным хозяйством, арендовал помещичью землю, затем поповскую, имел просорушку, конную молотилку, косилку и прочие сельскохозяйственные машины. В советскую систему он вроде бы успешно вписался – вступил в ВКП (б), стал председателем рудинского колхоза. Как писала позднее «Ленинская искра», «его методы: где-то обмануть начальство, где-то приукрасить, дали вначале результаты, и он, как руководитель передового колхоза, был выдвинут в район и стал председателем РКС – Райколхозсоза. Затем, когда дела в его бывшем колхозе пошли плохо, так как у руля оставались те, кто не был заинтересован в укреплении колхозного строя, вскрылось, что он давал ложные сведения. Это дискредитировало и районное начальство, «на открытом партийном собрании 14 апреля 1932 г., проведенном парттройкой, где при-

¹ Ленинская искра, № 33 (3 апреля 1932).

² Ленинская искра, № 38 (11 апреля 1932).

³ Ленинская искра, № 83 (22 июня 1932).

существовало около 250 колхозников», М.М. Ассоров был исключен из партии. Не помогли заверения односельчан в том, что «в настоящее время он никакой не кулак», а имеет «трудовое хозяйство, а не кулацкое, таких, как Ассоров, в нашем колхозе много»¹. Одной из причин его падения стало то, что, будучи главой Райколхозсоюза, на IV партийной конференции Горловского района 15–17 января 1932 г. он открыто заявил: «В ряде колхозов в пылу хлебозаготовок вычистили семена под метелку, в результате чего многие колхозы не имели семян». Это было правдой, с которой не хотел мириться секретарь Горловского райкома ВКП (б). Он одернул не в меру зарвавшегося председателя РКС: «Ассоров договорился до того, что, по его мнению, государство обобрало колхозы, колхозы остались без семян. Это выступление есть кулацкое выступление, ему нельзя дать другой оценки. Мы должны решительно осудить его и принять специальный пункт в постановлении о немедленном укреплении РКС». После чего его руководитель был снят со своего поста. Сменилось также и руководство колхоза «Гремучий»².

О рудинской сельхозартели «Ленинская искра» писала: «В октябре 1932 г. в колхозе было 23 рабочих лошади, 12 коров, 1 бык и 4 теленка. На свиноферме 46 свиноматок и 50 поросят различных возрастов. Механическая мельница, кирпичный завод, гончарная мастерская и кузница. Если в 1931 г. местные колхозники получили на трудодень по 2,3 кг ржи, 1 кг проса, деньгами по 60 копеек, то в 1932 г. по 1 рублю 17 копеек, также по 4 кг ржи, 6,5 кг соломы, 3,7 кг мякины, 0,5 кг проса, 300 гр. капусты, 350 гр. огурцов, 600 гр. сена. Добросовестно работавшие колхозники получили только одной ржи: Ассоров Тихон на 594 трудодня – 2375 кг, Ассоров Илья на 635 трудодней – 2540 кг, Тришин Никита на 734 трудодня – 2944 кг. С 10 декабря по 10 января принято в колхоз 150 новых хозяйств, и всего стало 213 хозяйств, или третья часть от всех хозяйств села. Наряду с имеющейся мельницей, кирпичным заводом расширилась горшечная мастерская, открыта вновь бондарная и кузня»³.

В 1934 г. у рудинских единоличников было 75 рабочих лошадей. За своевременную вспашку, посев и сдачу ими сельхозпродукции государству, а также за уплату налогов нес ответственность Рудинский сельсовет и его председатель Ассоров. За некоторыми жителями села числились «грехи», ставшие причиной судебного разбирательства. «Суд, разбирая дело об уклонении граждан Замысляева К.А. и Тихонова И.П. по мясопоставкам государству, выяснил, что ими не засыпано зерно в страхфонд, приговорил каждого к 1 году исправительных работ с немедленным взысканием налогов»⁴. Через три дня после суда предсельсовета Ассоров из кандидатов в члены партии был исключен, дело «о саботаже по мясопоставкам» было передано в следственные органы, а районному прокурору предписано «в трехдневный срок закончить следствие по сельсовету, РИКу направить бригаду по налаживанию работы сельсовета и выполнению плана мясопоставок»⁵.

Горловская «Ленинская искра» в 1934 г. сообщала, что в то время, когда колхозы района включились «в поход имени тов. Кагановича за высокие урожаи», единоличники Рудинки на 16 мая еще не досеяли 473 га, и председатель сельсовета Мишин «оппортунистически» заявлял о том, что «не сеяли зеленого пара раньше, не будем и теперь». И вместо настоящей работы – организации соцсоревнования среди единоличников – при посещении сельсовета товарищами из Москвы председатель сельсовета «лежал на печи пьяным». Районная газета

¹ Ленинская искра, № 42 (17 апреля 1934).

² ГАРО. Ф. П-1115, оп. 1, д. 48, лл. 8, 10.

³ Ленинская искра, № 123 (24 октября 1932); № 4 (10 января 1933).

⁴ Ленинская искра, № 35 (17 марта 1934).

⁵ Ленинская искра, № 39 (24 марта 1934).

констатировала: «В колхозе чувствуется работа классового врага. Кладовщик, бывший поповский приказчик Пахомов в колхозную столовую отпускает исключительно недоброкачественное пшено, и повару приказывает варить из него обед». Однако и без этих происков «в бригаде № 5 из 18 членов 7 – прогульщики»¹.

До конца 1930-х гг. некоторые жители Рудинки стали фигурантами еще нескольких судебных процессов по делам о «кулацком саботаже» и противодействии политике властей. Раскулачена и выслана из села была всего одна семья – Ильи Гавриловича (1868–?) и Соломонины Ивановны (1873–?) Горячкиных. Трое уроженцев Рудинки в 1937 г. пали жертвами «большого террора»: Яков Дмитриевич Арепьев (1905–1937), Алексей Ильич Кольшкун (1909–1937) и Григорий Иванович Свиридов (1902–1937). 22 января 1938 г. был также арестован проживавший в поселке Кусково Ухтомского района Московской области сторож домов Высшего инженерного управления РККА Антон Михайлович Арепьев (1889–1938). Он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в контрреволюционной агитации и 7 апреля 1938 г. расстрелян на Бутовском полигоне – там же, где годом ранее были похоронены трое его односельчан.

В 1937 г. вместе с Горловским районом Рудинка вошла в состав новообразованной Рязанской области. Местный колхоз к этому времени получил новое наименование – им. Я.М. Свердлова.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., осталось следующее описание села, лежавшего «в 4-х км на юго-запад от Горлова в низменной и частью всхолмленной местности, вдоль областной дороги на Елифань и по обе стоны реки Руденка. Село Руденка, известное в районе по горшечно-черепичному производству из глины, с многочисленными колодцами (217), в большей части которых вода жесткая и неприятного вкуса. Примерно половина населения удовлетворяется водой из семи родников. Рудинское сельпо обслуживает также соседние селения»². В других заметках участников экспедиции отмечалось: «Число жилых строений 510, хозяйств 463, в них жителей 2236. Мельница, черепично-кирпичный завод. Восьмилетняя школа, изба-читальня, магазин»³.

На 1 января 1939 г. в селе Рудинке Рудинского сельсовета насчитывалось 405 дворов. 2137 жителей села были членами колхоза им. Я.М. Свердлова, 190 человек оставались вне его. Крупный рогатый скот держали в 217 хозяйствах. В трудоспособном возрасте (от 16 лет и старше) находились 1182 человека. В колхоз в течение 1938 г. вступило 2 хозяйства, было исключено 9. В 1938 г. общая обрабатываемая колхозом площадь составляла 2021 га. С гектара было получено 8,8 ц зерновых, 19 ц картофеля. В среднем каждый колхозник выработал по 64 трудодня, на каждый из них после распределения 30 % денежных доходов колхоза причитались 2,8 кг зерновых и 35 копеек деньгами. На административно-хозяйственные нужды было выделено 2,3 % денежного дохода⁴. Крупного рогатого скота в колхозе было 55 голов (в том числе 20 коров), 203 свиньи (в т. ч. 27 свиноматок), 285 овец, 246 лошадей (в т. ч. 126 рабочих)⁵.

¹ Ленинская искра, № 48 (7 апреля 1934).

² Архив МГУ. Фф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района, л. 12.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния по состоянию на 1939 год.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района.

⁵ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Наличие скота по колхозам каждого сельсовета на 1.01.1939.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Рудинке насчитывалось 474 строения. Село заметно разрослось как к югу, вдоль берегов р. Рудинки, так и вдоль старой дороги из Скопина в Епифань – как в сторону Горлово, так и Троице-Орловки.

В 1941 г., с началом Великой Отечественной войны, около 200 мужчин из Рудинки были мобилизованы в РККА¹. В ноябре 1941 г. линия фронта прошла по территории Горловского района. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава. На две недели территория Рудинка оказалась оккупированной врагом.

Об оккупации в 1950 г. вспоминала ученица 10-го класса рудинской школы Л. Кастерова: «Я хорошо помню, как в село въехали два немецких танка. Это была разведка врага. На следующий день ворвались немецкие солдаты, они расположились на квартирах у мирных жителей и занялись грабежом. Фашисты отбирали все, вплоть до белья, чтобы замаскировать свои машины от советских бомбардировщиков. В школу поставили лошадей. Парты, учебники, художественную литературу, карты, глобусы выкинули на улицу, стали все рубить, рвать, жечь. Две недели кабалы показались долгими годами. Но советские летчики уничтожили много вражеских машин. Однажды на моих глазах советские летчики бросили бомбу и попали в немецкую машину, которая загорелась»².

6 декабря 1941 г. советские войска перешли в контрнаступление, решившее исход битвы под Москвой. Со стороны Горлово на Епифань наступала 61-я армия Юго-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова. Рудинка оказалась в полосе выдвижения 346-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник И.Е. Давидовский. Передовой отряд дивизии – 1-й батальон 1164-го стрелкового полка – в 20.00 9 декабря 1941 г. занял райцентр Горлово, организовал оборону сел Горлово и Ново-Александрово³. Рудинка, по всей видимости, была освобождена 9–10 декабря. За передовыми отрядами выдвигались другие части дивизии. Действуя во 2-м эшелоне, через Рудинку прошла походным маршем 57-я кавалерийская дивизия. К исходу дня 13 декабря 1941 г. кавдивизия вышла на рубеж Горлово – Рудинка – Ново-Александрово. Справа от нее действовала 41-я кавалерийская дивизия 10-й армии, слева – 83-я кавалерийская дивизия⁴.

Уроженцы Рудинки воевали далеко от родного села. Свой первый орден Красной Звезды политрук Роман Павлович Ассоров (1912–?), военком минометной роты 82-мм минометов минометного батальона 7-й мотострелковой бригады, получил в августе 1942 г. на Донском фронте. «Благодаря отваге, мужеству и умелому управлению боем 2-й ротой под командованием политрука Ассорова в боях за рощу, что южнее отметки 218,7, с 9 по 18 августа 1942 г. в районе Перекоповки было уничтожено 2 минометных батареи, пулеметный взвод, подавлен огонь двух минометных и одной артиллерийской батареи. Отбито 6 контратак пехоты и автоматчиков противника. Частично уничтожено до 2 рот пехоты противника»⁵. Свою следующую награду он получил на 1-м Украинском фронте. «В боях по расширению плацдарма на правом

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 242.

² Ленинская искра, № 35 (23 марта 1950).

³ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 32.

⁴ ЦАМО. Ф. 3581, оп. 1, д. 1, лл. 29–32.

⁵ ЦАМО. Ф. 33, оп. 682525, д. 176, л. 390.

берегу р. Днепр с 14 по 30 октября [1943 г.] / севернее Киева / гвардии старший лейтенант тов. Ассоров Роман Павлович проявил образцы гвардейской смелости и отваги. 20 октября в бою за населенный пункт Раковка тов. Ассоров проявил стойкость и находчивость. Превосходящими силами противник потеснил наши пехотные подразделения. Гитлеровцы, продвигаясь вперед, начали обстреливать ружейным и пулеметным огнем ОП роты, где находился тов. Ассоров. Он приказал стрелять до последней мины, и рота нанесла по противнику губительный удар. Когда гитлеровцы, разъяренные упорством минометчиков, попытались обойти роту, тов. Ассоров организовал круговую оборону, и из автоматов и гранат рота уничтожила до 150 немцев, организовано отойдя на новый огневой рубеж. В другом бою тов. Ассоров организовал задержание отходящей пехоты и, приняв на себя инициативу боя, уничтожил до 100 гитлеровцев, подавил 5 станковых пулеметов, одну минометную батарею. Тов. Ассоров умело и с пользой проводит партийно-политическую работу, вследствие чего батальон устойчив, крепок в боях и наносит врагу большой урон в живой силе и технике, сохранив свою материальную часть и потеряв лишь 4 чел. убитыми»¹. За этот бой он был удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени. В августе 1944 г. Р.П. Ассоров стал кавалером ордена Отечественной войны 1-й степени за бои у белорусского города Борисова. Гвардии капитан Ассоров окончил войну на 2-м Белорусском фронте в должности заместителя по политчасти командира минометного батальона 2-й гвардейской мотострелковой Минской краснознаменной ордена Суворова бригады. В 1945 г. он был удостоен второго ордена Красной Звезды.

Младший брат Р.П. Ассорова старший лейтенант Василий Павлович Ассоров (1918–?), оперуполномоченный отдела контрразведки «СМЕРШ» по 834-му батальону аэродромного обслуживания, отличился на менее заметном, но от этого не менее важном фронте. «Старший лейтенант Ассоров, будучи с первых дней войны на контрразведывательной работе, умело, четко и оперативно организовывал ее, направляя все свое чекистское внимание на вскрытие и разоблачение шпионов, пробравшихся в ряды Красной Армии, лиц, проводящих контрреволюционную агитацию, намеревающихся изменить Родине, дезертировать из Красной Армии, и всех прочих лиц, враждебно относящихся к советской власти. За время работы в 71-м батальоне аэродромного обслуживания и в 157-м отдельном автотранспортном батальоне ст. лейтенант Ассоров проделал большую работу по изъятию из среды личного состава частей контрреволюционного элемента, по предотвращению случаев измены Родине и дезертирства. Так, только летом 1942 г. им были предотвращены три случая измены Родине военнослужащими Красной Армии, разоблачены несколько человек, проводивших контрреволюционную агитацию»². В 1944 г. В.П. Ассоров был награжден орденом Красной Звезды, в 1945 – орденом Отечественной войны 2-й степени.

Среди уроженцев Рудинки – пулеметчик 12-го гвардейского кавалерийского полка 3-й гвардейской кавалерийской дивизии 2-го гвардейского кавалерийского корпуса младший сержант Марк Алексеевич Белкин (1911–1995), полный кавалер ордена Славы. Свое первое воинское отличие он заслужил в июле 1944 г. в боях под польскими городами Хелм и Седльце, где его пулемет способствовал отражению пяти контратак противника. За участие в боях на территории Германии в январе-марте 1945 г. он был отмечен орденом Славы 2-й степени. Ордена Славы первой степени М.А. Белкин был удостоен уже по итогам войны в 1946 г. С 1932 г. уроженец Рудинки жил и работал в Алтайском крае, туда же он и возвратился по окончании войны. До конца своих дней ветеран жил в Новосибирске.

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 1920, л. 19.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 4686, л. 50.

Ушедших на фронт мужчин в колхозе им. Я.М. Свердлова практически на всех участках работы заменили женщины. «Несколько из них освоили профессию механизаторов. Вот имена некоторых рудинских женщин, ставших на время войны трактористками. Это М.Т. Замасляева, Д.И. Никулицина, А.П. Гаврюшина, работавшие в то время на Горловской МТС. Даже после окончания войны отдельные женщины продолжали работать на тракторах, комбайнах и другой техники, ведь в родное село не вернулось в общей сложности около 100 местных мужчин»¹.

В 1942 г. Горловский район был выведен из подчинения Рязанской области и до 1946 г. находился в составе Московской. С 1942 г. в Рудинке было четыре колхоза. «Улица Нечаевка и Штыков порядок образовали колхоз им. Я.М. Свердлова, где председателем стал Ф. Улитин. В колхоз «Красная Армия» вошли улицы Костяшино и Погорельный порядок. Здесь председателем избрали Н.Д. Никулицина. Г.П. Бусахин стал председателем в колхозе «Красный луч», в который объединились Большой порядок и Красная слобода. Образовался свой колхоз и на Влетовке. Он стал называться «За власть Советов». А председателем в нем избрали И.И. Гаврюшина»². В колхозе им. Я.М. Свердлова работали «на единственной молотилке в 2 смены, комсомолец Николай Казаков <...> хорошо ее отрегулировал. Он спал около нее. Тракторист Михаил Зайцев смотрел, чтобы мотор работал исправно, ну а барабанщица Домна Ивановна Никулицина с большим проворством выполняла свою работу»³. В войну работали ударно, так как понимали, что трудятся ради общей победы.

В послевоенные годы в рязанских колхозах ощущался сильный дефицит лошадей. Колхозники не имели права владеть конным транспортом, в случае необходимости его им должен был выделять колхоз. Решение об этом принимал председатель колхоза и, в случае каких-либо трений между ним и заинтересованным лицом, могли возникать некрасивые истории, вроде той, что произошла в Рудинке в 1948 г. Колхозник П.С. Свиридов честно и добросовестно трудился в колхозе им. Я.М. Свердлова, но серьезно заболел, и врачи дали ему направление в московскую больницу. Для поездки в столицу надо было довести больного до станции Миллионная. Обратились к председателю колхоза Жаркову, но тот заявил: «Нет у меня свободных лошадей». Председатель Рудинского сельсовета Кульгашов попытался урезонить коллегу – мол, неправильно поступаешь. Но председатель колхоза Жарков тут же запряг пару лошадей в повозку, положил на нее личную телочку и вместе с сыном отправился в Горловскую ветлечебницу. Больного П.С. Свиридова на станцию, конечно, привезли, но на лошади, выделенной председателем колхоза «Красная Армия» Никулициным⁴.

«В послевоенные годы во многих рязанских хозяйствах стали осваивать новую культуру – кок-сагыз. Это было вызвано тем, что в стране стала ощущаться острая нехватка сырья для производства каучука, необходимого для изготовления шин для автомобилей и тракторов. Тогда сырьем для получения каучука служили только растения. Одно из них – кок-сагыз, в наших широтах никогда ранее не произраставший.

Интересны воспоминания о «кок-сагызовой эпопее» в рудинских колхозах одного из местных старожилов И.И. Пугачева.

– Трудно было в послевоенные годы поднимать хозяйство. Женщинам да пацанам нельзя было как следует обработать поля. Многие из них вообще не пахали и не удобряли. Зерна-то собирали по 6–7 ц с га. А тут еще этот кок-сагыз. Растение привередливое, южное. Ему нужны особые

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 242.

² Там же. С. 242–243.

³ Ленинская искра, № 44 (20 августа 1942).

⁴ Ленинская искра, № 38 (22 апреля 1948).

почвы. Но приказ есть приказ. И пришлось же нам помучиться с этим кок-сагызом! Спрашивали за него, наверное, строже, чем за зерно. А чтобы получить какой-то урожай, требовалась только ручная обработка. Проще говоря, буквально на коленях вокруг каждого стебелька ползали, но плохо рос у нас этот кок-сагыз. В душе каждый эту диковинку проклинал. Но разве можно было об этом сказать? Хорошо, что скоро ученые придумали искусственный каучук.

В 1951 г. здешние колхозы вновь соединили в один. Он стал называться им. Я.М. Свердлова. Председателем избрали здесь Г.П. Бусахина. Руководители хозяйства часто менялись, поэтому до середины 1950-х гг. колхоз им. Я.М. Свердлова оставался очень слабым. Некоторые перемены к лучшему наметились здесь лишь в 1955–1956 гг. Важную роль в этом сыграло то, что хозяйство подключили к линии электропередач¹.

В 1959 г. в Рязанской области был упразднен Горловский район, а его населенные пункты, включая Рудинку, отошли к Скопинскому району. Тогда же к рудинскому колхозу им. Я.М. Свердлова был присоединен колхоз «Красное знамя» Троице-Орловского сельсовета². В 1965 г. территория Рудинского сельсовета охватывала села Рудинку, Троице-Орловку и Алмазово. В Рудинке работали восьмилетняя школа, клуб, библиотека, медпункт³.

Вплоть до начала 1970-х гг. колхоз им. Я.М. Свердлова находился в числе наиболее слабых скопинских хозяйств. «Только в 1975 г. в колхозе <...> начало разворачиваться капитальное строительство. До 1980 г. здесь построили: молочный комплекс на 400 голов, зерноочистительный комплекс, зернохранилище, новую подстанцию, боле 30 квартир и общежитие. Это сразу сказалось на демографической обстановке в колхозе. Число трудоспособного населения в нем увеличилось более чем на 20 человек. Реализация строительной программы продолжалась. В начале 1980-х гг. в колхозе им. Я.М. Свердлова построили картофелехранилище и еще один зерносклад, сдали в эксплуатацию баню, ясли-сад, школьный интернат, асфальтированную дорогу до Горлово, водопровод, внутриколхозную телефонную связь, более 20 жилых домов, составивших целую улицу в центре Рудинки.

В начале 1980-х гг. колхоз стал впервые за многие годы получать прибыль от реализации своей продукции. Почти на 35 % возрос фонд заработной платы. За выполнение и перевыполнение планов реализации сельхозпродукции многие колхозники удостоились правительственных наград: орденов Ленина, Трудовой Славы, [Трудового] Красного Знамени и других. В их числе: доярки М.М. Кудинова, Р.С. Зайцева, механизаторы П.П. Селезнев, М.М. Козлов, И.С. Яничкин, А.Н. Мишин, В.С. Путятин и другие.

В этот период значительно омолодился контингент работников массовых профессий, особенно механизаторов и водителей. Каждый третий работник этой специальности был не старше 33–35 лет. Появились в хозяйстве и свои стипендиаты в высших учебных заведениях и техникумах, а также профессионально-технических училищах. Но к концу 1980-х гг. в связи с общим ухудшением положения в сельском хозяйстве колхоз им. Я.М. Свердлова вновь стал утрачивать свои экономические позиции как в полеводстве, так и в животноводстве⁴. В 1990 г. в Рудинке успели построить новую школу. В селе работали детский сад, библиотека, колхоз имени им. Свердлова⁵.

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 243.

² Архив Скопинского района. Ф. 302, л. 1.

³ Архив Скопинского района. Ф. 411, лл. 1 – 1 об.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 243–244.

⁵ Ленинское знамя, № 128 (25 октября 1990).

С распадом Советского Союза начался новый этап в истории российского села. В 1993 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» в рудинском колхозе им. Я.М. Свердлова была проведена приватизация земли и его реорганизация. В результате колхоз был преобразован в АОЗТ «Рудинка».

Кризис 1990-х гг. отрицательно сказался на демографии села. В то время, как в АОЗТ «Рудинка» росла задолженность по зарплате, многие молодые семьи стали уезжать из села в поисках достойной оплаты своего труда. В конце 1990-х гг. АОЗТ «Рудинка» реорганизовалось в СПК «Троицкий», в который вошли члены бывшего АОЗТ со своими земельными и имущественными паями. Хозяйство к тому времени имело очень большую задолженность не только перед своими работниками, но и перед Агропромбанком. В середине 1990-х гг. СПК «Троицкий» вошел в ООО «Фермерская зерновая компания “Семья”».

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Рудинка было включено в сельское поселение Горловское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в нем постоянно проживают 188 человек – 87 мужчин и 101 женщина.

В 2008 г. В.Н. Маркин организовал в селе сельхозпредприятие ООО «Рудинка-Инвест», которое специализировалось на выращивании пивоваренного ячменя. В 2016 г. на базе ООО «Рудинка-Инвест» было создано сельхозпредприятие ООО «АПК Горловский» (генеральный директор И.В. Балабанов). Предприятием введено в оборот 5500 га залежных земель, создано 150 рабочих мест на сельской территории, направляются инвестиции в социальную сферу.

РЮМКИ деревня (сельское поселение Успенское)

Изначальное название деревни, известное по документам конца XVII в., – Ендовище. В.И. Даль в своем Толковом словаре упоминает это слово как костромской диалектизм, имевший значение «впалая поляна или луговина, обширная плоская впадина»¹ (по аналогии с ендовой – старинным низким и вместительным сосудом для хранения и употребления пива, браги или меда). Но, как свидетельствуют документы XVIII в., оно употреблялось в том же значении и на Рязанщине. Например, в экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленным в 1779 г., о пустоши Дикое поле владения генерал-майора Алексея Степановича Есакова сказано: «Лежит на речке Сухая Полотебна <...> и по обе стороны ендовища и пяти безимьянных отвершков»².

Карты XVIII–XIX вв. свидетельствуют, что изначальное местоположение деревни отличалось от современного. Еще в 1850 г. она лежала при проезжей дороге из Скопина в Пронск севернее Мамоновских выселок³. В этом месте имеется характерная впадина с оврагом по дну, уходящим в сторону р. Сухая Галина, и округлая складка местности в направлении деревни Чурики. Видимо, по ним деревня и получила свое первое название. Современный топоним Рюмки известен с 1750-х гг.

Первое упоминание о деревне находится в переписной книге петровского времени, составленной после 1710 г. В ней сообщается, что «деревня Ендовище <состоит> за Петром Григорьевым сыном Вердеревским, за стольником за Федором Григорьевым сыном Вердеревским, в вотчине двор вотчинный, людей в них 5 человек, крестьянских 2 двора, людей в них 12 человек, бобыльских 5 дворов, людей в них 14 человек, итого 7 дворов, людей в них 26 человек <...>, а в переписных книгах 710 года написано за стольниками Вердеревскими два скотских двора и при них четырнадцать человек обоего пола, да тринадцать крестьянских дворов, в них 120 человек обоего пола»⁴.

Следующие владельцы деревни известны по документам Рязской воеводской канцелярии середины XVIII в.: «В Зарайскую воеводскую канцелярию 11 (22) января 1756 года старостой Иваном Ивановым деревни Гололобовой вотчины статского советника князя Даниила Андреева сына Друцкого вдовствующей жены ево княгини Анны Андреевой приведены два человека с двумя лошадьми, ис которые де одна украдена ими вотчины госпожи ево деревни Егольниковой у крестьянина Афиногена Максимова». Один «приводной», крестьянин – Василий Емельянов – сбежал. Второй на допросе показал, что «зовут его Осип Емельянов сын, прозванием Игнатъев, крестьянин он Рязкого уезду дворянина Алексея Петрова сына Вердеревского деревни Ендовище, Рюмки тож, <...> накануне праздника Рождества Христова послан он, Осип, ис той деревни Ендовищ с прикащиком помещика своего Спиридоном Лари-

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 1. М.: Астрель: АСТ, 2001. С. 471.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 204.

³ Ныне деревня Мамоново в Пронском районе Рязанской области.

⁴ РГАДА. Ф. 350, д. 350 а, л. 2 об; ч. 3, л. 356 об.

оновым да кузнецами села Вердерева Василием Елисеевым, Козьмою Федоровым для отвозу столового запаса Переяславского уезду в село Храпово, <...> и по отвозу того запаса ехали обратно в ту деревню Ендовище, останувся в деревне Егольниково для завтраку и корму лошадей». Также крестьянин показал, что «оных де лошадей, мерина гнедого, в 1755 году купил у того же Рязкого уезда помещика Ивинского, и каково он званию и по имени и отчеству не знает, села Ерлина у крестьянина ево Ивана Алексеева сына Чюрина ценою за два рубли, а покупки той лошади в конские книги не записаны, <...> а ему, Осипу, сказал, что он, Алексеев, тое лошадь купил присталою того ж Рязкого уезду у проезжающего у них в том селе Еринах липских заводов у крестьянина, а как по имени того ему, Осипу, не объявил». После допроса в Зарайске в Рязскую воеводскую канцелярию, вместе с прочими документами, было отправлено описание О.Е. Игнатъева: от роду ему, по его словам, «лет с пятьдесят, а подлинно сказать не упомнит, <...> он был осматриван, явился росту среднего, волосы на голове русые с седеною, борода небольшая русая, лицом смугл, сухощав, глаза темно-серые, нос продолговатый, телом смугл, а подозрительных признаков на нем, Осипе, не оказалось». До прибытия по этому делу в Рязскую воеводскую канцелярию поверенных лиц в отношении О.Е. Игнатъева было принято решение его, «сбрав надежные поруки, с надлежащей запискою из под караула 14 (25) октября 1756 года освободить»¹.

Экономические примечания к планам Генерального межевания Скопинского уезда, датированные 1779 г., описывают села Вердеревое, Рожественно, Архангельское, Никольское, Чижово, селцо Моховое, деревни Рюмки, Ендовище тож, Дроково, Галино, Брынец, Демьшино как «общее владение вдовствующей генеральши Елисаветы Петровны Ивенской, вдовы прапорщицы Катерины Ивановой дочери, гвардии поручика князь Сергея, гвардии сержанта князь Николая Алексеевых детей Хилковых; бригадира Ивана Иванова, поручика Петра Александрова, статского советника Алексея Алексеевича детей Вердеревских, полковника Василия Ивановича Толстого, полковника князя Сергея Ивановича Одоевского, Василия Васильевича Маркова с вырезанною церковною землею». В деревне Рюмки Ендовище тож было 44 двора, в которых проживали 139 душ мужского пола и 104 – женского. О местоположении деревни в документе сообщалось: «При большой дороге из города Скопина в Пронск, лежит по обе стороны безымянного верха, в нем два пруда, в них рыба караси. Дом господский статского советника Вердеревского»².

Согласно окладной книге о числе поселян помещичьих имений Рязанской губернии за 1816 г. в деревне Рюмки, Ендовище тож, проживали «подпоручика Данилы Алексеева сына Вердеревского 70 душ, флота капитан-лейтенанта и кавалера Ильи и жены его Авдотьи Сергеевой Вердеревской 97 душ»³.

По окладной книге 1834 г. в той же деревне проживали «корнета Нила Николаевича Вердеревского 37 душ поселян и 4 дворовых; малолетних Федора, Василья, Анны, Варвары и Настасьи Ильиных Вердеревских 105 душ поселян и 9 дворовых, с 1838 г. прапорщика Федора Ильича Вердеревского 117 поселян; коллежской ассессорши Гривцовой Ольги Ивановны 37 душ поселян и 8 дворовых»⁴.

По окладной книге 1850 г. в Рюмках, Ендовище тож, числились «за подпоручиком Федором Ильичем Вердеревским мужского пола 101 поселянин и 12 дворовых, за гвардии по-

¹ РГАДА. Ф. 566, оп. 1, ч. 3, д. 115, лл. 1–23.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 24; д. 1241, лл. 47 – 47 об.

³ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164, лл. 121 об – 122.

⁴ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 28 об – 29, 32 об – 33, 39 об – 40, 62 об – 63.

ручи́ком Николаем Нило́вичем Верде́ревским 27 посе́лян; за на́дворной советни́цей Ольгой Ива́новной Гривцо́вой 36 душ и 6 дворовых»¹. Во всех окладных книгах учитывались только облагавшиеся налогом души мужского пола.

Владение землей и крепостными душами «сельца Рюмки», согласно материалам межевания 1850 г., распределялось следующим образом: подпоручик Федор Ильич Вердеревский имел свыше 455 десятин (497,1 га) земли и 121 душу мужского пола, надворная советница Ольга Ивановна Гривцова – 48 душ и свыше 200 десятин (218,5 га), гвардии поручик Николай Нилович Вердеревский – 186 десятин (203,2 га)².

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в деревне Рюмки (Ендовище) в это время было 28 дворов. Она представляла собой три удаленные друг от друга слободы, разделенные по принадлежности помещикам. При самой западной из них, порядок домов которой шел параллельно дороге из Скопина в Пронск, находилась миниатюрная барская усадьба с круглым копаным прудом (видимо, принадлежавшая Вердеревским)³.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., деревня Рюмки, Ендовище тож, принадлежала помещикам Вердеревским и Гривцовой. В ней насчитывалось 30 домохозяйств, в которых проживали 110 душ мужского пола и 99 женского⁴. По сведениям 1859 г., в «Рюмках, деревне владельческой при колодце», находившейся в 18 верстах от уездного города, было 56 дворов и проживали 142 мужчины и 145 женщин⁵.

С освобождением от крепостного права в 1861 г. сельцо Рюмки было приписано к Сергиевской волости Скопинского уезда. Известны подробности освобождения части владельческих крестьян деревни. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие с 15 февраля по 1 марта 1862 г., значится: «Скопин[ского] уез[да] участка мир[ового] посредника Засса с[ель]цо Рюмки – Ендовище тож надв[орной] сов[етни]цы О.И. Гривцовой, 27 д[уш]. Душевой надел прежний – 1 дес[ятина] 2259 саж[еней] (2,1 га); повинность издельная. Грамота написана помещицей»⁶.

В 1865 г. «Ведомость о переменах владельцев, произошедших по разным уездам в течении 1845–1865 гг.» зафиксировала, что земли в дачах сельца Рюмки перешли по купчим крепостям другим помещикам: «До 200 десятин (218,5 га) от поручика Николая Нилова Вердеревского вдове поручице Софьи Николаевы Вердеревской, недвижимого имения надворной советницы Ольги Ивановны Гривцовой дошло подпоручице Софьи Николаевы Вердеревской»⁷.

Небольшая деревня нечасто попадала в хронику происшествий по губернии, печатавшуюся в «Рязанских губернских ведомостях». Хотя, казалось бы, основания для этого были – дорога из Скопина в Пронск была местом оживленным. Однако жизнь в деревне в 1860–1870-х гг. отличалась большим спокойствием, которое лишь изредка нарушалось происшествиями, подобными следующему: «Скопинское уездное полицейское управление объявляет, не окажутся ли кому принадлежащими набежавшие 11 (23) ноября 1865 г. к

¹ ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 32 об – 33, 36 об – 37, 72 об – 73.

² РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 2, л. 52.

³ Карта А.И. Менде 1850 года, 1 см – 420 м.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 26.

⁵ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 126.

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 11 (17 марта 1862).

⁷ РГАДА. Ф. 1355, оп. 2, д. 229, л. 1093.

временнообязанному крестьянину села Рюмок Скопинского уезда г. Гривцовой Афанасию Герасимову Кириюшину два жеребенка – 1-й караковый, белоглазый, 2-х лет, между ноздрями белизна, обе задние ноги по щетку белые, и 2-й караковый, 2-х лет, с сединой на лбу, белая звездочка с проточиной»¹.

По переписи населения 1882 г. в Рюмках было 66 домохозяйств, в которых проживали 192 мужчины и 201 женщина. Грамотных на всю деревню было 7 мужчин, 1 женщина, 1 учащийся мальчик и 1 девочка. Земли – чернозема и чернозема с глиной – на ревизскую душу в среднем приходилось по 2,2 десятины (2,4 га), урожай ржи – «сам-четверг», овса – «сам-третей» (т. е. собранное в 4 и 3 раза превосходило посеянное). В деревне насчитывалось 9 безземельных дворов. 46 семей ее жителей арендовали 132 десятины (144 га). Без коровы и лошади обходились обитатели 14 дворов, 16 дворов были безлошадными. В отхожих промыслах числились 36 мужчин. Все 57 изб деревни топились «по-черному», при них были 52 плетневых двора, 20 горниц (клетей), 42 амбара и 50 риг (овинов)².

В период между 1882 и 1905 гг. произошло разделение деревни – часть ее жителей переселилась южнее, в место, где деревня Рюмки находится и поныне. По сведениям 1905 г. в это время существовали деревня «Рюмки, Ендовище тож», где было 15 дворов и проживали 103 мужчины и 99 женщин, и деревня Большие Рюмки, где насчитывалось 43 двора и проживали 43 мужчины и 40 женщин³.

Во время аграрных волнений в Скопинском уезде в июне 1907 г. жители деревни Рюмки принимали участие в разгроме и поджоге усадьбы помещика И.А. Голощапова, бывшего Скопинского уездного предводителя дворянства, при селе Моховом. Секретное донесение Рязанского губернатора В.А. Левашова министру внутренних дел П.А. Столыпину от 22 июня (1 июля) 1907 г. сообщает о том, что «собравшиеся на пожар из соседних сел Мохового, Рюмок и деревни Галиной крестьяне растаскивали с пожара имущество. <...> Исправник с помощью стражников при участии чинов жандармской полиции произвел в перечисленных селениях повальные обыски, во время которых у восьми крестьян села Мохового и Рюмок были найдены некоторые вещи, похищенные из имения Голощапова, ввиду чего эти крестьяне привлечены к судебной ответственности»⁴.

К аграрным волнениям периода Первой русской революции 1905–1907 гг., очевидно, следует отнести и следующее происшествие: «В ночь на 11 (24) июля [1907 г.] в имении землевладельца П.Н. Брежнева при деревне Рюмках от поджога произошел пожар, истребивший соломенную крышу на каменной риге и молотилку. Убыток 1000 рублей. На тушение пожара из соседних сел никто не явился, о чем прикомандированным помощником Рязанского исправника г. Огороковым составлен протокол для привлечения виновных к ответственности за неисполнение обязательного постановления губернатора от 18 июня»⁵.

В 1913 г. крупнейшим землевладельцем при деревне Рюмки был скопинский купец Николай Павлович Брежнев. Ему здесь принадлежали 431 десятина 871 сажень (ок. 471 га) земли, а в Скопине – три дома, лавка и завод⁶.

¹ Рязанские губернские ведомости, № 23 (19 марта 1866).

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 26–31.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 608–609.

⁴ Крестьянское движение в России в XIX – начале XX века: Сб. документов (июнь 1907 – июль 1914 гг.). М.: Соцэкгиз, 1966. С. 70.

⁵ Рязанский вестник, № 189 (21 июля 1907).

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 43 (8 июня 1913).

В 1914 г. жители деревни Рюмки (65 дворов, 188 мужчин и 189 женщин) были прихожанами Крестовоздвиженской церкви села Моховое¹.

На 1917 г. в деревне Большие Рюмки Сергиевской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 69 дворов, в которых проживали 177 мужчин и 202 женщины².

В 1918 г. Рюмки были включены в Мамоновский сельсовет. В связи с укрупнением волостей Скопинского уезда в 1925 г. деревня оказалась в увеличившейся в размерах Ерлинской волости.

В 1929 г. историческое административное деление на волости, уезды и губернии было упразднено. Рюмки стали населенным пунктом Пронского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В 1930 г. на волне массовой коллективизации в деревне был создан колхоз «Борьба». Первые шаги сельхозартели были трудными. В правлении колхоза оказались люди, противодействовавшие обобществлению собственности. Известны, по крайней мере, два жителя деревни, осужденные за саботаж и противодействие властям: Федор Владимирович и Григорий Михайлович Юдины. Случаи бесхозяйственности в колхозе порой действительно граничили с саботажем. Вот один из примеров: «Рюмкинский колхоз Мамоновского сельсовета молотили рожь зимой 1931–1932 гг. без предварительной просушки, зерно оказалось сырым. Правление ссыпало его в закрома, где оно сгорело. Когда зерно стали раздавать колхозникам, оно на 80–90 % оказалось негодным»³.

Однако с началом в 1941 г. Великой Отечественной войны колхозники сельхозартели «Борьба» Мамоновского сельсовета, по свидетельству пронской районной газеты, «замечательно работали, <...> они собрали в текущем году урожаем зерна 9,7 ц с га и полностью рассчитались, выполнили план по картофелю»⁴. Также местные жители «вносили свои сбережения в фонд Красной армии. Председатель колхоза Потапов внес 1000 рублей, колхозники Архипкин – 500 руб., Ерохина А.П. и Рябчикова П.М. – по 300 рублей»⁵. По итогам 1942 г. рюмкинский колхоз был представлен для занесения на областную доску почета. Вот как его описывала газета «Пронский колхозник»: «Скотный двор – 28 телят. Во всем чувствуется заботливая рука колхозных животноводов. Особая чистота и порядок на свиноферме. Всюду на конюшне, скотном дворе, в свинарнике, птичнике (95 кур) видна любовь к животноводству»⁶. Летом 1943 г., однако, руководство местного колхоза подверглось критике. «Пронский колхозник» писал: «В сельхозартели «Борьба» предколхоза Потапов за все время уборки урожая не организовал сбор колосьев. Бюро РК ВКП (б) за это дало выговор Потапову и предупредило его, чтобы он немедленно перестроился в работе и организовал сбор колосьев, а также выправил положение со сдачей зерна государству и закончил зернопоставки к 1 сентября сего года»⁷.

Жители деревни Рюмки вносили свой вклад в Великую Победу не только в глубоком тылу, но и в непосредственной близости от фронта. Красноармеец Анастасия Петровна Рябчикова (1922–?) с июля 1942 г. служила санитаркой полевого подвижного госпиталя № 3 7-го

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 583–584.

² ГАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 151.

³ Пронский колхозник, № 15 (14 марта 1931).

⁴ Пронский колхозник, № 90 (7 ноября 1942).

⁵ Пронский колхозник, № 102 (5 декабря 1942).

⁶ Пронский колхозник, № 95 (26 ноября 1942).

⁷ Пронский колхозник, № 48 (26 августа 1943).

гвардейского стрелкового корпуса. «Благодаря настойчивости и упорству в учебе и желанию оказать наиболее квалифицированную помощь раненым тов. Ряпчикова выросла из санитарки до уровня сестры. Она овладела такими сложными манипуляциями, как переливание крови, дача наркоза, внутривенные инъекции. Работая в перевязочной и операционной, она освоила также всю технику сестры перевязочной и операционной. В дни боев августа-сентября 1943 г. тов. Ряпчикова не выходила из операционной и перевязочной несколько суток. Своей самоотверженной работой она способствовала сохранению жизни многим раненым»¹. В октябре 1943 г. А.П. Ряпчикова была награждена медалью «За боевые заслуги».

В 1950 г. были объединены в одно хозяйство колхозы «Ударник» села Мохового, «Борьба» деревни Рюмки, «7-й съезд Советов» деревни Гривцы (обе Мамоновского сельсовета) «2-я пятилетка» деревни Деменьшино и «Светлый путь» деревни Галино (обе Моховского сельсовета). После слияния колхоз стал называться «Светлый путь» Моховского сельсовета Пронского района.

В декабре 1962 г. Рюмки вместе с Мамоновским сельсоветом были переданы из Пронского района в Старожиловский, а оттуда в марте 1963 г. – в Скопинский. Сельхозугодья колхоза «Светлый путь», в котором в это время трудилось большинство жителей деревни, простирались на 2 993 га². В 1964 г. в населенных пунктах Моховского сельсовета, куда входили село Моховое и деревни Галино, Гривцы, Деменьшино и Рюмки, действовали клуб, медпункт, библиотека, магазин, ларек³.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Рюмки была включена в сельское поселение Успенское. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года в ней в это время постоянно проживали 8 женщин.

---

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, д. 841, л. 16.

² Архив Скопинского района. Ф. 388, л. 1.

³ Архив Скопинского района. Ф. 391, л. 1.

САВИЛОВКА

деревня

(сельское поселение Вослебовское)

По окладной книге 1850 г. подпоручице Екатерине Евдокимовне Савиловой и Александре Петровне Алабиной в деревне Чулково (Козловка) Скопинского уезда Рязанской губернии принадлежали 55 крепостных крестьян и 33 дворовых человека¹. Между 1850 и 1858 гг. крестьяне первой помещицы отселились на хутор, находившийся ближе к земельным владениям помещицы. По более позднему межеванию 1868 г. в дачах при деревне Чулково ей принадлежали 295 десятин (322 га) земли, по межеванию 1870 г. – более 55 десятин (60 га) и при селе Яблонево². По фамилии душевладельцы он получил название Савиловский хутор или Савиловские хутора. Новое поселение первоначально лежало примерно в 3 км восточнее современного села Залесное-Чулково и значительно севернее позднейшего местоположения Савиловки. По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в Савиловском хуторе насчитывалось 12 домохозяйств, в которых проживали 51 душа мужского пола и 53 – женского³.

С отменой крепостного права в 1861 г. Савиловские хутора были приписаны к Яблоневской волости Скопинского уезда.

По переписи населения 1882 г. в деревне числилось 21 домохозяйство, население которых составляли 54 мужчины и 59 женщин – все временнообязанные крестьяне бывшей помещицы Савиловой. Грамотой среди них владел только 1 мужчина. Средний душевой надел на жителя деревни составлял ок. 3 десятины (3,3 га). В Савиловских хуторах было 17 изб, при которых имелись 16 плетневых дворов, 2 клетки, 1 амбар, 14 риг и овинов. В деревне работал 1 мастерской⁴.

Как и повсюду в крестьянской России, наиболее распространенным способом мести среди здешних крестьян был поджог имущества. В хронике происшествий по губернии в «Рязанских губернских ведомостях» за 1881 г. можно прочесть такую новость: «В ночь с 1 на 2 октября Скопинского уезда в деревне Савиловских хуторах сгорело 2 крестьянских риги с хлебом; убытка понесено на 950 руб. При дознании заявлено, что пожар произошел от поджога, но виновных не обнаружено и подозрение ни на кого не заявлено»⁵. Даже в подобных случаях традиционная крестьянская этика требовала: своих не выдавать.

В «Списке населенных местностей Рязанской губернии за 1888 год» деревня упомянута под названием Савиловский (Чулковский) хутор. Указано, что она находилась в 12 верстах от уездного города Скопина и в 9 – от ближайшей железнодорожной станции Желтухино⁶.

¹ ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 5 об – 6.

² РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 2, лл. 62 об, 66.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 80.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 80–85.

⁵ Рязанские губернские ведомости, №85 (7 ноября 1881).

⁶ Список населенных местностей Рязанской губернии за 1888 год, Рязань, 1888. С. 294.

В 1904 г. Савиловское сельское общество обратилось в Скопинскую уездную земскую управу со следующим ходатайством: «1904 году января 9 дня <...> по распоряжению нашего сельского старосты Егора Ломакина был собран на сельский сход, состоящий из 19 домохозяев, на котором сходе имели суждение о своих общественных нуждах, и, имея ввиду, что в нашем обществе является недостаток воды, так как имеющийся пруд во время весны совсем пересыхает, а зимой вода в нем вымерзает, так что становится очень трудно пропитать свои семьи и скот в продолжении всего года». Крестьяне просили у земства ссуду в 150 рублей на устройство 2 колодцев «по числу 19 домов, в которых числится 50 ревизских душ, а наличных обоего пола 105 душ». Однако по недостатку у Скопинского уездного земства денежных средств это прошение было отклонено¹. Позднее крестьяне не раз задумывались о возможности переселения ближе к источнику воды.

В 1905 г. деревня значится под названием «Чулково, сельцо госпожи Савиловой». В ней было 20 дворов, в которых проживали 87 мужчин и 101 женщина. Деревня находилась в 2 верстах от волостного правления в селе Яблонево и в 4 – от ближайшего фельдшерского пункта в деревне Летоно. Основным занятием местных жителей были кустарные промыслы и плетение кружев. Рек или ручьев поблизости от деревни не имелось, и крестьяне страдали от недостатка воды. Это стало основной причиной переноса деревни ближе к берегу р. Моши, но сделали это лишь в начале 1930-х гг.²

О дореволюционной жизни в деревне исследование В.А. Соболева, В.Н. Егорова и А.Ф. Крылова сообщает: «Большой известностью в округе пользовался огородник И.И. Гулин, который имел 80 га овощных плантаций под деревней Савиловкой. Он [был] из разбогатевших крестьян. Славился хозяйской сметкой и организаторскими способностями. Сам Гулин жил в Скопине. Однако на своих овощных плантациях бывал постоянно, осуществляя общее руководство сотней сезонных рабочих, которые летом и осенью сходились к нему со всей округи. За день работы на овощных плантациях Гулина женщины, например, получали по 20 копеек»³. Возможно плантации были расположены ближе к р. Моше.

С 1914 г. в приходе Покровской церкви села Яблонево упоминается деревня Савиловские выселки с 19 дворами и 135 жителями.⁴ В списке населенных мест Скопинского уезда Рязанской губернии за 1917 г. она значится в Яблоневской волости как деревня Чулково – бывшая госпожи Савиловой с 19 дворами и 147 жителями⁵.

С отменой в 1929 г. исторического административного деления на волости, уезды и губернии деревня Савиловские хутора в составе Скопинского района вошла в Центрально-Промышленную область, до конца года переименованную в Московскую.

К 1931 г. у р. Моши возник поселок Запольный, часть дворов переселилась с хутора к реке⁶. Новое название так и не прижилось, просуществовав несколько лет, поселение вновь стало Савиловкой или Савиловским хутором. В это время здесь был создан колхоз: сначала

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XL 1904 года. Скопин, 1905. С. 190.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 620–621.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 220.

⁴ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 626–627.

⁵ ГАРО. Ф. 7, оп.1, д. 1310, л. 154.

⁶ Карта Скопинского района Московской области, 1931, 1 см – 1200м.

он назывался «Путь бедняка», позднее «Пролетарский труд». В Рязский район населенный пункт перешел в составе Желтухинского сельсовета по распоряжению Мособлисполкома в начале июля 1931 года¹.

В 1935 г. в Московской области был образован Желтухинский район, в который Савиловские хутора перешли как населенный пункт уже Летовского сельсовета². В 1937 г. вместе с районом деревня была передана новообразованной Рязанской области. По топографическим картам РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) видно, что в Савиловских хуторах в это время было 28 жилых строений.

О доблести и героизме жителей Савиловки во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. можно судить по примеру боевого пути гвардии рядового Ивана Михайловича Чернышева (1912–?), наводчика 345-го артиллерийского минометного Городокского Краснознаменного полка. Он воевал с сентября 1941 г., был два раза ранен, в 1943 г. заслужил медаль «За боевые заслуги». На завершающем этапе войны И.М. Чернышев отличился во время боевых действий в Восточной Пруссии. «24 апреля 1945 г. в боях при выходе на косу Фриш-Нерунг расчет, в котором работает тов. Чернышев наводчиком, уничтожил 2 станковых пулемета вместе с прислугой, 2 наблюдательных пункта, поджег автомашину с боеприпасами, рассеял и частично уничтожил до взвода немецких солдат и офицеров»³. За проявленные отвагу и мужество гвардии рядовой И.М. Чернышев был награжден орденом Красной Звезды.

В 1950 г. в рамках линии на укрупнение рязанских хозяйств колхозы «6-й съезд Советов» (Новое), им. П.Л. Войкова (Летово), «Пролетарский труд» (Савиловка) и «13-й Октябрь» (Воздвиженка) были объединены в один – колхоз им. П.Л. Войкова, центральной усадьбой которого стала деревня Летово. В 1956 г. с ликвидацией Желтухинского района Летовский сельсовет был передан Скопинскому району Рязанской области. В 1958 г. местный колхоз им. П.Л. Войкова был объединен со свистовским колхозом «Новая жизнь».

По административному делению 1970 г. деревня Савиловка вместе с селом Новое, деревнями Большая и Малая Косыревка, Воздвиженка, Говорово, Гореловка, Гусиловка, Дегтярка, Дубровщина, Желтухино, Ивановково, Ключеревка, Козловка, Кондауровка, Кузьминка-2, Летово, Ленинка, Шелемишевские хутора, Петровка, Рановка, Свистовка, поселками железнодорожных станций Желтухино и Говорово, а также центрального отделения совхоза «Желтухинский» относились к Желтухинскому сельсовету Скопинского района Рязанской области⁴.

«Со 2-й пол. 1960-х гг. колхоз “Новая жизнь” уверенно вышел в число лучших не только в Скопинском районе, но и в области. <...> Однако уровень жизни колхозников поднимался все же значительно медленнее, чем у горожан, что привело в конце 1970-х гг. к массовому оттоку сельского населения. К началу 1980-х гг. в Летово осталось немногим более 30 дворов, в Савиловке – чуть более десятка». В начале 1990-х гг. «ликвидировали, как убыточную, овцеводческую отрасль в Савиловском отделении колхоза. <...> В 1993 г. колхоз «Новая жизнь» был преобразован в акционерное общество “Новая жизнь”»⁵.

¹ Колхозник, №24 (24 августа 1931).

² Административно-экономическая карта Желтухинского района Московской области, 1935. М 1:75000.

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 4242, л. 30.

⁴ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С. 97.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 223.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Савилровка вошла в состав сельского поселения Вослебовского. Вскоре после этого, однако, история деревни подошла к концу. Всероссийская перепись населения 2010 г. показала, что населения в ней не осталось. В настоящее время территория бывшей деревни представляет собой урочище с редкими остатками когда-то стоявших здесь домов.

СВИНУШКИ

деревня

(сельское поселение Полянское)

Деревня Свинушки появилась на земле Полянской волости Скопинского уезда Рязанской губернии в 1880-х гг. Изначальное ее название – Дмитриевские выселки или Новый поселок – скоро было вытеснено другим, производным от находившейся близ деревни лощины Свинушки. Происхождение этого топонима, относящегося к XVIII-XIX вв., доподлинно не известно: возможно, он связан с появлением здесь в определенное время года (чаще всего весной) грязевых потоков. Под вопросом остается и его возможная связь с одним из названий села Старое Тишево, Новоархангельское, Свинушки тож, Раненбургского уезда Рязанской губернии¹.

Первыми жителями деревни стали переселенцы из села Дмитриево, лежащего на противоположном берегу р. Верды. Рост Дмитриева с северо-восточной стороны ограничивался большим оврагом, который к концу XIX в. достиг протяженности в 350 сажени (746 м) из-за постоянного размыва дождями и тальми водами почв, состоявших из «лессовидной глины с значительным содержанием извести»². Расширяясь, овраг поглощал крестьянские наделы, а потоки грязи постоянно заливали находившиеся близ него крестьянские дома. Однако на противоположном берегу Верды дмитриевские крестьяне столкнулись с аналогичной проблемой. Деревня Дмитриевские выселки лежала ниже, чем находившаяся рядом лощина Свинушки, которая весной и в сильные дожди заливала ее потоками грязи. Проблема была решена в более позднее время со строительством отводящих воду инженерных сооружений.

Через лощину Свинушки проходил Скопино-Рязский тракт, поэтому в 1883 г. Скопинским уездным земством, в чью сферу ответственности входило благоустройство местных транспортных коммуникаций, при деревне Дмитриевские выселки был выстроен каменный мост «на 15-й версте <...> с трубой и подгатком, длиной 4,5 и высотой 2 сажени»³. Так как строительные материалы, особенно цемент, по причине ограниченности средств уездного земства были в недостатке, мост прослужил недолго. В 1894 г. его пришлось отстраивать заново, одновременно с мостами через р. Вослебку по Пронскому тракту, в селе Князево-Займище на рр. Велемья и Колодезь, на р. Брусне, в селе Липяги по Данковскому тракту, на выезде из села Горлова на р. Тоболе по Епифанскому тракту, а также в деревне Гуменки. На устройство нового моста было израсходовано 2000 шт. кирпича, 17 четвертей извести и прочие материалы. Устроили насыпь, переложили вновь устои из бутового камня и свод моста, сделали водоотводную канаву. Включая плату каменщикам и за подвоз материалов, все строительство обошлось в 156 руб. 82 коп.⁴

¹ Ныне село Калинино Александровского района Рязанской области.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XL 1904 года созыва. Скопин, 1905. С. 347.

³ *Бодолев И.* Сборник сведений, данных и результатов по дорожным сооружениям Рязанской губернии. Вып. 2. Скопин: Тип. Благих, 1885. С. 78.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XXX 1894 года созыва. Скопин, 1895. С. 249, 250.

В документах Скопинского уездного земства за 1896 г. на 15-й версте Рязско-Скопинского тракта «против Дмитриевских выселок, на долине Свиноушки» вновь упоминается мост – «каменная на глине труба с земляными подгатками». В 1896 г. работы по его поддержанию, включавшие прочистку снега, поправку перил, исправление поперечных водомоин (вместе с использованными материалами) обошлись земской управе в 5 руб. 66 коп¹.

В 1900 г. в Свиноушках, фигурирующих под именем «Нового поселка с. Дмитриева», впервые упоминается земская школа (62[двора] – 23 [детей])².

По сведениям за 1905 г. в деревне Свиноушки было 98 дворов, в которых проживали 328 мужчин и 334 женщины. Местные крестьяне занимались преимущественно отхожими промыслами. В 3 верстах от деревни располагались казарма и будка Побединской шахтной железной дороги³.

В начале XX в. деревню нередко по-прежнему воспринимали как отдельно лежащую часть села Дмитриево. Например, в «Листке объявлений» Скопинского уездного земства за 1906 г. упоминается «село Дмитриево с выселками» Полянской волости⁴.

Отчетные документы Скопинского уездного земства свидетельствуют о том, что в 1912 г. в деревне шло строительство новой земской школы. Надо полагать, как минимум с 1913 г. она начала свою работу⁵.

В 1914 г. в Свиноушках было уже 145 дворов, которые населяли 454 мужчины и 520 женщин. Все они были прихожанами Дмитриевской церкви села Ермолова. В деревне действовала одноклассная земская школа⁶.

На 1917 г. в деревне Свиноушки Полянской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 174 двора, в которых проживали 489 мужчин и 569 женщин. При деревне по-прежнему существовала казарма Побединской шахтной железной дороги⁷.

В 1918 г. деревня была включена в территорию Дмитриевского сельсовета. В 1929 г., когда дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии было упразднено, Свиноушки в составе Дмитриевского сельсовета стали населенным Скопинского района Рязанского округа Центрально-Промышленной области с центром в Москве. До конца года область была переименована в Московскую. В 1930 г. в Свиноушках была построена новая школа.

Деятельность Дмитриевского сельсовета применительно к Свиноушкам сводилась преимущественно к контролю местными крестьян-единоличников, к выдаче твердых заданий бывшим кулакам, доведению до единоличников посевных планов и отслеживанию выполнения ими спущенных сверху планов поставок сельхозпродукции государству. Газета «Побединский ударник» сохранила описание одного из общих собраний местных жителей: «22 октября 1932 г. – общее собрание в Свиноушках. Вопрос один – ход сдачи картофеля».

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания экстренного созыва от 9 июля 1896 г. Скопин, 1896. С. 177–178.

² Журнал Скопинского уездного земского собрания XXXVI очередного созыва 1900 года, Скопин, 1901. С. 142.

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 626–627.

⁴ Листок объявлений [Скопинского уезда], №19 (5 июля 1906).

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 274.

⁶ Писцовые книги Рязанского края. XVIII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 56.

⁷ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, лл. 150 – 150 об.

готовок государству. Ждали докладчика из сельсовета; когда пришел докладчик, член партии Зудин, собрание не началось, потому что Зудин был слишком пьян...»¹

Использование традиционных форм крестьянской мести в Скопинском районе в 1930-х гг. было изжито еще не полностью, поэтому руководители советских органов «на местах» нередко рисковали если не головой, то всем нажитым имуществом. В том же 1932 г. местная пресса сообщала: «13 августа в селе Свинушки был произведен злоумышленный поджог имущества председателя сельсовета тов. Иванова, пожаром были уничтожены жилые и нежилые постройки. В поджоге был уличен известный преступник односельчанин Иван Сашников. Сашников произвел поджог для того, чтобы отомстить Иванову за то, что последний, когда совершил побег от судебно-следственных органов, активно участвовал в его поимке»². Поэтому нередко местные власти покрывали проделки односельчан, опасаясь навлечь на себя их гнев. В ноябре 1932 г. селькор «Побединского ударника» сообщал: «...Представитель ФЗУ Побединского мехзавода с милицией провели обыск у граждан деревни Свинушки Замараева и Власова, у которых обнаружено казенное имущество: доски, стекло, дранка, гвозди, железные лопаты, печные приспособления и другие материалы. Все это прошло бесследно»³.

Председатели сельсовета менялись часто. Скопинский райком ВКП (б) требовал выполнения планов госпоставок продовольствия, посевных планов крестьян-единоличников. Для выполнения последних запахивались пары, что при отсутствии минеральных удобрений грозило в ближайшем будущем истощением почвы. Протест единоличников выразился в отказе распаивать пары. Чтобы погасить сопротивление, председатель сельсовета отдал под суд несколько десятков бедняков и середняков⁴.

С 1929 г. в деревне Свинушки Дмитриевского сельсовета работал колхоз им. К.Е. Ворошилова. Сельсовет отвечал за уплату колхозниками налогов, выполнение ими планов госпоставок и производственных планов так же, как и за единоличников. В 1933 г. «Побединский ударник» сообщал: «...Правление дмитровского колхоза им. Ворошилова (колхозы часто именовались по сельсоветам. – *Примеч. авторов*) и в первую очередь председатель Посевкин дали преуменьшенный посев яровых культур, а новый предсельсовета Бобылев не проверил»⁵.

Похоже, руководство колхоза им. К.Е. Ворошилова несколько перегнуло в следовании старинному крестьянскому правилу своих не выдавать, так что оказалось в поле зрение Скопинского райотдела УНКВД по Московской области. В записке на имя секретаря Скопинского райкома партии Агеева, датированной 1935 г., начальник райотдела Лазарев докладывал: «Предколхоза им. Ворошилова Дмитриевского сельсовета Янин Василий Данилович укрывает в колхозе кулаков, раскулаченных, подсудимых воров, жуликов и т. д. Анисин Михаил Осипович в 1923 г. переселился в Милославский район, где занимался спекуляцией лошадьми и хлебом, в 1930 г. Милославским РО ОГПУ Анисин был раскулачен, отобран хлеб в количестве 100 пудов, Анисин сбежал и пристроился с помощью своего брата Анисина Ивана Осиповича, который был в колхозе предревкомиссии, в 1932 г. Анисин Михаил попался с колхозной мукой, за что дали 1 год принудительных работ, его сын Анисин Василий Михайлович украл в 1934 г. осенью из колхоза пшеницу в количестве 36 пудов (5,7 ц) при сдаче выпол-

¹ Побединский ударник, № 219 (19 октября 1932).

² Побединский ударник, № 166 (26 августа. 1932)

³ Побединский ударник, № 231 (21 ноября 1932).

⁴ Побединский ударник, № 116 (22 июня 1932).

⁵ Побединский ударник, № 160 (15 июля 1933).

нения хлебозаготовок, за что получил 10 лет. Анисин Михаил Осипович в настоящее время состоит в колхозе, является старшим конюхом, также ворует, тащит все, что попадет. Об этом хищении знает его сосед Кондрашин-Ушаков Иван. Анисин М.О. в колхозе наносит вредительство, колхоз заключил договор со столовой мехзавода, но Анисин запрягает лошадь, что есть хуже, которая с трудом доходит до базы, на базе кладут продукты не под силу лошади, в следствии чего лошадь пройдя полпути становится, нанимают другую (так было 7 января 1935 г.), заплатив 25 руб. Об этом знает кладовщик Жариков, возчик Камаев и Сафонов. А когда встречается с работниками столовой Анисин, ехидно смеясь, говорит: “Ну как довели продукты, плохо, ну вот, если вы мне будете из столовой что-либо давать, то я вам всегда буду выделять хорошую лошадь и сани, а так и будете мучиться, нанимать, а это ведь вам невыгодно”. Об этом знает Ушаков Иван, Колодин П.Т.»¹.

Многие работы в колхозах, а именно вспашка, частично уборка урожая выполнялись техникой МТС. За выполненную работу колхоз рассчитывался с МТС сельхозпродукцией по расценкам высококвалифицированного труда, поэтому колхоз старался выполнить максимум работ своими силами. Колхозники получали по трудодням то, что оставалось после расчета по поставкам государству, расчета с МТС и засыпки в спецфонд. Из последнего снабжались продуктами учителя сельских школ, иждивенцы и некоторые другие категории граждан. Скопинская МТС, обслуживавшая колхозы района, имела в своем распоряжении 33 трактора разных марок. Райотдел УНКВД выявлял серьезные недочеты и здесь: «В январе 1935 г. были готовы к работе, отремонтированы только 16 тракторов. Молотилок МК-1100, например, было 5 шт., и все требовали среднего ремонта. Молотилок ВДО-34–17 штук, и все требовали капитального ремонта, не ремонтировались из-за отсутствия запчастей. Сеялок было 21, отремонтированных 9 штук»².

Основной задачей, которую руководство страны ставило перед местными властями, было объединение подавляющего большинства крестьян в колхозы и совхозы. От райкомов партии требовалась соответствующая отчетность о выполнении планов коллективизации. Выход из щекотливого положения нашелся благодаря традиционной крестьянской смекалке – в отчетах начали указывать подворное членство в колхозах, хотя по уставам сельхозартелей оно было индивидуальным. Статистические показатели сразу улучшились...

Многие из местных крестьян-единоличников, не работавших в колхозе, устраивались на Скопинский механический завод. В середине 1930-х гг., когда предприятием руководил директор Н.Э. Битинский, впоследствии репрессированный, рабочим нередко приходилось сталкиваться с произволом начальства. Волонтаристские действия руководства предприятия порой вызывали протестные настроения в рабочей среде, которые фиксировались райотделом УНКВД. В его доклады иногда попадали и уроженцы Свинушек: «Калядин Егор, село Свинушки, единоличник, зольщик литцеха, 9 января 1935 г. в присутствии рабочих и мастера сказал: “Нас заставляют работать 7 часов вместо 5 часов, вся бригада наша в феврале с работы уйдет”»³.

В 1937 г. один из жителей деревни попал под каток «большого террора». Иван Павлович Сидоров (1889–1937) был рабочим магазина Мособлторга при Скопинском механическом заводе. 11 августа 1937 г. он был арестован в родной деревне, а уже 8 сентября осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в «систематической антисоветской

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 10.

² Там же. Л. 11.

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 17.

агитации среди рабочих завода и активной контрреволюционной пропаганде пораженческого характера». 9 сентября 1937 г. И.П. Сидоров был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой. В 1958 г. он был посмертно реабилитирован.

В 1937 г. Свиноушки в составе Скопинского района перешли из подчинения Московской области в новообразованную Рязанскую. В материалах проводившейся в 1939–1940 гг. Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова о деревне Свиноушки Дмитриевского сельсовета остались следующие сведения. На 1 января 1939 г. ней был 101 двор. В колхозе им. К.Е. Ворошилова состояло 100 дворов, в которых проживали 507 человек, из них трудоспособного возраста (старше 16 лет) 157 человек. 232 человека находились вне колхоза. По данным за 1938 г. в колхозе им. К.Е. Ворошилова для нужд растениеводства использовались 292 га, из них четверть была отведена для разведения овощей. Урожай картофеля составил около 1,9 т с га. В течение года колхозники выработали в среднем по 81 трудодню. После распределения 23,4 % доходов колхоза на каждый из них к выдаче пришлось 1,52 кг зерновых и бобовых и 58 копеек деньгами¹. В колхозе также имелись 45 лошадей, 1 корова и 8 голов молодняка, 40 овец².

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в деревне Свиноушки в рассматриваемое время насчитывалось 260 жилых строений. Деревня находилась близ Побединских угольных шахт, связанных сетью узкоколейных железных дорог.

К концу первого года Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. фронт вплотную приблизился к Свиноушкам. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 23 ноября нацисты захватили Горлово, 25 ноября – Скопин, а к 26 ноября вышли на рубежи Мордвес – Серебряные Пруды – Михайлов – Павелец – Чернава.

Опасное приближение линии фронта к деревне сопровождалось явлениями, не характерными для подавляющего большинства населенных пунктов Скопинского района. Часть имущества местного колхоза им. К.Е. Ворошилова еще накануне оккупации была стихийно разграблена самими колхозниками. Можно было понять их желание предотвратить попадание скота в руки нацистов, однако, как сообщают документы 1942 г., в колхозе им. К.Е. Ворошилова один из колхозников, работавший кладовщиком и ставший в ноябре 1941 г. одним из зачинщиков грабежа, «...и после изгнания немцев награбленное зерно и двух поросят назад не возвратил...»³.

Одновременно с прорывом немцев на территории Скопинского района оказались массы беженцев с занятых врагом территорий, затем – группы дезертиров, и, наконец, группы советских солдат и офицеров, бежавших из плена и искавших выхода к своим частям. Наибольшую опасность представляли вооруженные дезертиры, грабившие мирное население. Ликвидацией их банд после изгнания немцев в ходе советского контрнаступления под Москвой в декабре 1941 г. занялось партийное руководство Скопинского района. Эта задача была поручена сформированному под его руководством партизанскому отряду в составе 38 человек, надобность в котором после отступления врага отпала. По поручению Скопинского райкома ВКП (б) группой членов отряда во главе с командиром была ликвидирована «сгруппировав-

¹ Архив МГУ. Ф.42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год.

² Архив МГУ. Ф.42, оп. 6, д.91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 38.

появляющаяся банда (дезертиров, мародеров) в количестве 11 человек в деревне Свинушки Ермоловского сельсовета. Во время ликвидации со стороны банды было оказано сопротивление, вплоть до применения огнестрельного оружия (дробовик)»¹.

О доблести уроженцев деревни, проявленной на фронтах Великой Отечественной войны, можно судить по примеру младшего лейтенанта Ивана Михайловича Бирюкова (1914–?). Он воевал с лета 1943 г., в завершающие месяцы войны служил в должности командира танка Т-34 2-го танкового батальона 108-й танковой Бобруйской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова бригады, которая в составе 9-го танкового корпуса была оперативно подчинена 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. «Тов. Бирюков, участвуя в боях при прорыве обороны противника на близких подступах к Берлину с 16 апреля 1945 г. своим танком уничтожил до 30 немецких солдат и офицеров. В бою действует смело и решительно, в сложной обстановке ориентируется быстро. В боях за овладение г. Берлин на окраинах города метким огнем из танка уничтожил две противотанковые пушки противника с расчетами и до 20 немецких солдат и офицеров»². На улицах вражеской столицы офицер-танкист из Свинушек получил легкое ранение. По результатам этих боев он был награжден орденом Красной Звезды, а по итогам всей кампании в сентябре 1945 г. – орденом Красного Знамени.

В 1942–1946 гг. Свинушки вместе со всем Скопинским районом административно подчинялись Московской области, затем возвратились в Рязанскую. В конце 1940-х гг. особый отпечаток на жизнь деревни накладывал неправильный кадровый подбор председателей местного колхоза. Районная газета «Сталинец» писала о председателе колхоза им. К.Е. Ворошилова И.И. Анисине: «23 июля 1948 г. во время перерыва отослал бригадиров в поле, ответственного по току отпустил обедать, а сам начал насыпать рожь, без веса и накладной, якобы на мельницу для обмола жерновов. С того же тока без веса и накладных отпустил нескольким колхозникам по одному, по два и по три воза соломы. Правлением было разрешено отпустить Н.С. Каткову один воз, а председатель отпустил ему четыре воза. Катков – зять Анисина, работавший в колхозе кладовщиком и кассиром. Редкий день И.И. Анисин был трезвым, а 19 июля устроил попойку с группой своих любимчиков. Съели 5 кг колхозного меда и 5 хлебов. Спьяну он распорядился заскирдовать сырые снопы ржи, даже не лежавшие в крестцах. Рожь в скирдах загорелась. Дело дошло до того, что членам правления и бригадирам пришлось следить за председателем, чтобы он чего не натворил, и оберегать от него колхозное добро»³. Беспорядков в колхозе было много. Хозяйство не выполнило план по сдаче зерна государству, не засыпало семенной фонд... К весеннему севу сельскохозяйственный инвентарь оказался не готов. «Из 150 трудоспособных на работу выходило 20–30 человек. В колхозе не было правильной организации труда. Все сельскохозяйственные работы выполнялись скопом. В результате сроки весеннего сева были растянуты. Качество обработки общественных полей было низкое, удобрений в почву вносили мало, уход за посевами плохой. Уборка урожая производилась неорганизованно, с опозданием. Урожай зерновых составил в среднем 4 ц с га»⁴. Во многом поэтому в марте 1949 г. И.И. Анисин не был переизбран председателем. Общее собрание колхозников не нашло в его действиях корыстных целей, указало ему на недостатки, а его родственника – зятя – освободило от обязанностей кассира.

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, лл. 18–19.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 687572, д. 2769, л. 204

³ Сталинец, № 80 (11 августа 1948).

⁴ Сталинец, № 29 (8 марта 1949).

Следующий председатель колхоза им. К.Е. Ворошилова Дмитриевского сельсовета Ушаков «встал на антигосударственный путь разбазаривания колхозного скота, несмотря на предупреждение сельхозотдела распродал породистых поросят, в том числе взял себе лично одного поросенка». За что получил выговор с указанием в суточный срок вернуть поросят колхозу¹. Колхозники П. Самойлов и Д. Прибылов так писали в газете о деятельности своего руководителя: «В 1949 г. колхоз им. Ворошилова Дмитриевского сельсовета собрал низкий урожай зерновых и овощей. В начале января провели собрание, где поручили правлению до 1 января выделить бригадиров и создать, наконец, постоянные производственные звенья. Ничего не сделали. В результате инвентарь ремонтировать не начинали, не хватает семян для ярового клина. Бывший председатель Ушаков незаконно взял 3 пуда муки, яйца, мясо и 475 рублей. Ревизия выявила на складе недостачу 1340 кг зерна»². «В июле 1950 г. в колхозе им. Ворошилова Дмитриевского сельсовета была приведена ревизия. Выручку от продажи скота на расчетный счет в Госбанк не вносили, а оставляли в кассе колхоза. Кладовщик Катков согласно устава должен иметь 0,25 га, а он самовольно запахал еще 0,15»³. Были у работников претензии и к новому председателю колхоза Ермакову.

В 1950 г. в процессе укрупнения рязанских хозяйств колхоз им. К.Е. Ворошилова из Свиноушек вместе с другими окрестными хозяйствами – колхозами «1-я пятилетка», им. М.И. Калинина, им. И.В. Сталина, им. Н.С. Хрущева – был присоединен к ермоловскому колхозу «Красная новь»⁴. В 1964 г. в Свиноушках насчитывалось 383 хозяйства, в деревне действовала начальная школа⁵.

По административному делению Рязанской области на 1 января 1970 г. Свиноушки входили в Ермоловский сельсовет наряду с селами Дмитриево, Ермолово, а также деревнями Жмурки и Перики. На территории сельсовета работал колхоз «Красная новь»⁶.

Кризис отечественного сельского хозяйства в начале 1990-х гг. ударил и по Свиноушкам. Неустроенность, заброшенность стала в те годы характерным признаком сельской жизни. В 1990–2000-х гг. Свиноушки, а вместе с ними и р. Верда часто страдали от регулярных поломок очистных сооружений расположенного выше поселка Заречный, в 2004 г. преобразованного в микрорайон г. Скопина. В 2015 г. при попытке прочистить забитую канализацию здесь погиб рабочий.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Свиноушки вошла в состав Полянского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в ней в то время проживали 652 человека – 284 мужчины и 368 женщин.

¹ Сталинец, № 28, (6 марта 1949).

² Сталинец, № 112 (22 сентября 1950).

³ Сталинец, № 5 (13 января 1950).

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 169, л. 1.

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 156, л. 1.

⁶ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С. 98.

СВИСТОВКА

деревня

(сельское поселение Вослебовское)

По справке Вотчинного департамента от 18 сентября 1797 г. № 927 известно, что января 9 (20) дня 1709 г. «бил челом морского флота подпоручик Ипат Калинин сын Муханов, и в челобитье и в скаске за ево рукою написано в Ряском де уезде в Пехлецком стану вниз по речке Дубайки вверх по речки по Моши и от тех речек до Скопинского рубежа с урочищи Дикое поле на двести четвертей лежит порозжо, и никому неотдано, и никто не владеет, а ему из дикого поля нигде не дано...»¹ Уже 25 апреля (6 мая) того же года в мерных и отказных книгах Рязской приказной избы подьячим Василием Елгозиным была сделана запись: «Написано, измерено и отказано Ипату Калинин у сыну Муханову в Ряском уезде в Пехлецком стану порозжей земли Дикаго поля от устья речки Дубайки (по более поздним экономическим примечаниям к планам Генерального межевания 1779 г. речка Свистовка впадала в Дубайку, приток Б. Моши. – *Примеч. авторов*) вверх по речки Моши по обе стороны по урочищам до засечной черты Старой засеки и до речки Стригани (Стригань впадала в Б. Мошу. – *Примеч. авторов*) до земель старых помещиков и до Скопинского рубежа на двести четвертей в поле, а в дву потомуж, со всеми угодьями»². По грамоте из Адмиралтейского приказа в Азовскую губернию от 17 (28) октября 1711 г. землю эту отмежевали. Кроме того, января 11 (22) дня 1709 г. флота подпоручик И.К. Муханов выменял у кушунковского помещика думного дворянина Степана Савича Нарбекова «из поместья ево в Ряском уезде в Пехлецком стану в пустоши, что была деревня Козловка, а Чемоданова поляна тож, на речке на Козловке сорок одна четверть с осминою, а ему против того променил из поместья своего в Ряском же уезде в Пехлецком стану в деревни Каширской, Коптевская тож, четверик...»³

Первое упоминание о Свистовке появляется в переписной книге 1716 г., в которой о ней сообщается: «Деревня в пустоши Козловке морского флота за поручником за Ипатом Калинин сыном Мухановым, двор помещиков, а в нем дворовой приказной человек Леонтий Прокофьев сын Дулашев дватцати лет, <...>дворовые люди мужска полу семь<...> да женска полу пять, <...> да крестьянских четыре двора...»⁴

Со старинным русским дворянским родом Мухановых связаны не только начальные страницы истории, но и предыстория этого селения. Первые Мухановы упоминаются в Пехлецком стане Рязского уезда в конце XVI в. – недалеко от нынешней Свистовки: «В той же деревне Рогу [в Колузьевском селище] жеребей за Иваном за Гавриловым сыном Муханова – отца его поместье; на его жеребей сошного письма в живущем и в пуге пол-полчети сохи, да в переходе 7 четвертей пашни, а платити ему с живущего с 5 четвертей»⁵. И.Г. Муханов погиб на царской службе в 1597 г. Его сына Степана Ивановича, 17 лет от роду, в том же году за-

¹ *Сиверс А.А.* Материалы к родословию Мухановых. СПб., 1909. С. 28.

² *Сиверс А.А.* Материалы к родословию Мухановых. СПб., 1909. С. 31–32.

³ Там же. С. 30–31.

⁴ РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 3, л. 334.

⁵ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 124.

числили новиком на осадную службу. Он провел всю свою жизнь в боях и походах. Из прошения вдовы его Маланьи от 4 (14) марта 1629 г. известно, что «мужа ее взяли нагайские люди»¹. По прошению же она получила прожиточное поместье (как по умершему) на воспитание малолетнего сына Алферия, который был зачислен на службу в 1635 г. Из поместья С.И. Муханова – 200 четвертей с осьминою в Пехлецком стане Рязжского уезда деревни Рог Колузенской с пустошами – Алферий Степанович при зачислении в службу получил 100 четвертей из отцовских, а в 1658 г., уже отправляя службу на коне, по смерти матери приобрел и вторую половину наследства. А.С. Муханов погиб в Чигиринском походе 1678 г., одним из эпизодов Русско-турецкой войны 1672–1681 гг., в котором принимали участие многие жители Рязжского уезда и Скопина.

Калина Алферьевич Муханов (? –1689) 22 июля (1 августа) 1678 г. был записан в рейтары Рейтарского полка Павла Менезия. В списках Владимирского стола о нем сообщается: «7187-го генваря в 31 день по указу великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича и по списку из разряду стольник Лука Володимирович Ляпунов да подьячий Перексихин в Рязком у разбору ряшен дворян и детей боярских и рейтар всех на лицо пересмотрели и разобрали, а по разбору и покладчиковым и по их скаскам из тех дворян и детей боярских <...> написан в рейтарскую службу <...> Калина Алферов сын Муханов<...>, поместной ему оклад пять сот четьи, поместья за ним с братьями вопче с Иваном Большим да с Иваном Меньшим, в Рязком уезде семдесят четьи, во дворе деловых людей три человека, на службе будет он на коне, ружья, сабля, да пара пистолей, да человек вкошу с бердышем»². К.А. Муханов прослужил в полку боле 10 лет и умер в 1689 г. во время Второго Крымского похода под руководством боярина князя В.В. Голицына.

Основатель деревни Свистовки Ипат Калинович Муханов (1677–1729) был четвертым и самым известным из сыновей К.А. Муханова. С детских лет он был знаком с царем Петром. «Дом Мухановых был в нынешнем Армянском переулке (в Москве. – *Примеч. авторов*), против дома боярина Матвеева, где часто в своем детстве бывал Петр I. Когда боярин Матвеев ложился отдыхать после обеда, молодой Петр Алексеевич перебежал через улицу к Мухановым поиграть с Ипатом. <...> В течении всей жизни царь очень любил его и всегда держал при себе. Муханов был его денщиком и ночью спал у него на пороге»³.

И.К. Муханову выпала интересная и насыщенная жизнь. Малоземельный дворянин, оставшийся в 12 лет сиротой, затем один из «потешных» юного царя, солдат Преображенского полка, в 1697 г. он был отправлен в Голландию «в третьем десятке, волонтером» для изучения морского дела, служил матросом на иностранном корабле. После 1700 г. ему довелось участвовать в ряде сражений Северной войны, 1705–1707 гг. он провел в шведском плену (был захвачен «при переезде берегом между Петербургом и Шлиссельбургом»), а по освобождении был вознагражден чином подпоручика. В 1709 г. поручик И.К. Муханов, командуя двумя бригаantinaми, возил Петра I на Миус в ходе осмотра им Азовского моря. Возможно, именно к этому времени относится известный исторический анекдот, согласно которому Муханов, когда царь начал распорядиться на вверенном ему корабле, сказал: «Во всем ты умен, Петр Алексеевич, но дело морское я лучше тебя разумею, а потому не мешай мне». В 1710 г. И.К. Муханов участвовал в Выборгском походе. После Гангутского сражения 1714 г., в котором он командовал шнявой «Принцесса», ему было поручено конвоировать захваченные

¹ *Сиверс А.А.* Материалы к родословию Мухановых. СПб., 1909. С. 6–7.

² Там же. С. 12–13.

³ Там же. С. 57, 58.

шведские корабли до Выборга. В 1715 г. капитан-поручик Муханов сопровождал Петра I в поездке в Копенгаген. В 1719 г., произведенный в капитаны 3 ранга, он командовал кораблем «Арондель», который находился в авангарде русской эскадры при встрече с английским флотом, вошедшим в Балтийское море. В 1721 г. И.К. Муханов был произведен в капитаны 1 ранга, в 1723 г. «принял в заведование морские команды в Петербурге», а в конце года был назначен начальником Навигацкой школы в Москве. Интересно отметить, что всю свою жизнь он сохранял близкие отношения с царем. В 1712 г. на свадьбе Петра I и Екатерины I И.К. Муханов исполнял обязанности шафера. Петр I часто бывал у него дома и в 1716 г. стал крестным отцом его дочери Анны. В 1726 г. капитан-командор И.К. Муханов вышел в отставку по болезни (известие о смерти Петра I, которому он был предан всей душой, вызвало у него апоплексический удар) с чином контр-адмирала и с сохранением пожизненно своего жалования в 40 руб. в месяц. Заслуженный моряк скончался в Москве и был погребен вместе со второй супругой – урожденной княжной Марьей Ивановной Шаховской – в московском Златоустовском монастыре¹. При уничтожении монастырских зданий в начале 1930-х гг. его захоронение было утрачено.

При И.К. Муханове в Свистовке в 1718 г. был основан один из старейших конных заводов Рязанского края, существовавший до середины XIX в.

В 1741 г. деревня Свистовка упоминается в одном из доношений дворцовой Конюшенной канцелярии, в управлении которой с 1732 г. находилась соседняя Скопинская дворцовая волость: «...Стряпчие и стадные конюхи Аким Андреев с товарищи скаскою показали: в скопинских дачах имютца пазбищные луга, на которых прежде паслись заводные лошади под деревней Свистовкою, за речками Мошею и Стрегоном и до самой Рязжской засеки верст шездесят, и тому лет с пять, в бытность в Скопине шталмейстера Лопухина, то пазбище распахали разных помещиков крестьяне»².

В 1778 г. деревня стала одним из селений Скопинского уезда, созданного в составе Рязанского наместничества в ходе административной реформы императрицы Екатерины II. В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., она упоминается под названием «сельцо Высокое, Козловка тож, с пустошами» – к этому времени здесь появилась помещичья усадьба. Сельцо состояло «во владении полковника Ильи Ипатова сына Муханова». О нем в документе сообщалось: «Оное сельцо положение имеет по обе стороны речки Большой Моши, на которой пруд, и безымянного оврага, дом господский деревянный на каменном фундаменте, и при нем сад с плодовыми деревьями яблоневыми, грушами, вишнями, красной и черной смородины, с которых плоды собираются для господского обихода. Земля чернозем, хлеб хорош, покосы средственные, лес строевой и дровяной дубовой, березовой, крестьяне на пашне». В сельце насчитывалось 40 дворов, его население составляла 141 крепостная душа. Сельцо занимало площадь 45 десятин 1000 сажений (50 га), пашни при нем – 882 десятины 2079 сажений (964,5 га), сенные покосы – 20 десятин 400 сажений (22 га), лес – 363 десятины 1220 сажений (397 га), «неудобия» – 25 десятин 1800 сажений (28 га). О земельных владениях сообщалось: «Дача простирается на берегах речки Большой Моши, лоска Горелого, речки Малой Моши, Крутова лоску, оврага Песоченского на левой стороне речки Большой Моши, Дубенки, Свистовки, оврага Крутова и четырех безымянных отвершков»³.

¹ *Сиверс А.А.* Материалы к родословию Мухановых. СПб., 1909. С. 27–28.

² РГАДА. Ф. 1239, оп. 47, д. 8, л. 186.

³ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1241, л. 18.

Владелец сельца И.И. Муханов (1721–1799), сын сподвижника и друга Петра Великого, служил в Лейб-гвардии Конным полку в Санкт-Петербурге. По преданию, в 1744 г. он находился в числе офицеров конвоя, сопровождавших невесту наследника престола великого князя Петра Федоровича принцессу Софию Августу Фредерику Ангальт-Цербстскую – будущую императрицу Екатерину II – при ее въезде в российскую столицу. В 1764 г. И.И. Муханов вышел в отставку в чине полковника, много времени уделял своим имениям во Владимирском наместничестве. 24 марта (4 апреля) 1766 г. прошением в Вотчинную коллегию «Илья Ипатов сын Муханов челобитьем объявил, что состоит за ним недвижимое имение в Ряском уезде Мошенского разъезду в деревне Высокой, Козловка тож, в коей по 3-й ревизии (1761–1765 гг.) написано за ним мужеска полу сто пятьдесят восемь душ, и просил, чтоб ис прикосновенной ко оной деревни казенной Ряской Рановской засеки и в урочищах от засечной черты вверх по речке Большой Моши до устья впадающей речки Стрыгону и до дач Дмитриева монастыря Ермоловой земли пятьсот десятин в вечное и потомственное владение ему продать...», что и было сделано по определению Московской губернской межевой канцелярии от 5 (16) августа 1771 г.¹ Известно, что в 1790 г. И.И. Муханов на некоторое время возвращался на гражданскую службу в чине статского советника.

Согласно окладной книге о числе поселян помещичьих имений Рязанской губернии 1816 г., в это время сельцо Высокое, Козловка тож (Свистовка) Скопинского уезда, являлось собственностью «тайного советника, сенатора и кавалера Алексея Ильича Муханова», которому в нем принадлежали 226 крепостных душ².

А.И. Муханов (1753–1832) в 9-летнем возрасте был записан на службу в Лейб-гвардии Конный полк. В чине подполковника он принимал участие в Русско-турецкой войне 1787–1792 гг. В 1789 г. за боевые отличия А.И. Муханов был произведен в полковники, в 1791 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «за отличную храбрость, оказанную в сражении с турецкой армией на Кубани» (он командовал 2-й колонной корпуса генерал-аншефа И.В. Гудовича во время штурма Анапы, в ходе которого был ранен вражеской пулей), в 1792 г. был пожалован Золотым оружием с надписью «За храбрость». В 1793 г. А.И. Муханов был произведен в бригадиры с назначением правящим в должность обер-прокурора Правительствующего Сената, в должности обер-прокурора 1-го департамента Правительствующего Сената он состоял в 1795–1797 гг. К этому времени относится исторический анекдот о том, как «однажды, увидав на столе указ о налоге на соль, он взял его и преспокойно положил себе в карман, к ужасу прочих сенаторов. По окончании присутствия он поехал во дворец и просил тогдашнего любимца государыни графа Платона Александровича Зубова доложить государыне, что этот указ может быть пагубен как для благоденствия народа, так и для славы императрицы, что народ может сказать: видно уж матушка наша очень обеднела, что начала торговать солью. Императрица так была этим довольна, что на первом куртаге, подозвав Алексея Ильича к своему столу и вставши со своего места, низко кланяясь, благодарила его за то, что он спас ее славу». В 1797 г. по случаю коронации Павла I А.И. Муханов был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, однако уже осенью того же года уволен со службы в чине действительного статского советника. Тем не менее в 1799 г. указом Сенату император повелел ему быть президентом Московского городского управления, а в 1800 г. назначил присутствующим в 6-м департаменте Правительствующего Сената с пожалованием в тайные советники. В том же году рескриптом императрицы Марии Федоровны А.И. Муханов был назначен почетным

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1241, лл. 66, 72.

² ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 164, л. 35.

опекуном при Московском воспитательном доме. Его служба на этом поприще в 1818 г. была отмечена орденом Св. Александра Невского, а в 1822 г. – чином действительного тайного советника¹. Примечательно, что родной брат А.И. Муханова действительный статский советник Александр Ильич (1766–1815) в 1806–1811 гг. занимал пост рязанского губернатора.

По окладной книге 1834 г. следующим помещиком «сельца Высокое, Козловка тож» был камергер Высочайшего двора полковник Александр Алексеевич Муханов, которому здесь принадлежали 208 душ поселян и 36 дворовых людей². В сельце продолжал функционировать основанный И.К. Мухановым конный завод, на котором содержались 18 кобыл азиатских пород, судя по всему – верхового сорта³.

Помещик А.А. Муханов (1802–1834) известен не только своей военной службой, но и литературной деятельностью. В службу он вступил в 1819 г. в Лейб-гвардии Измайловском полку, позднее продолжал ее в уланах (в 1822 г. корнет Оренбургского уланского полка Муханов был переведен в Лейб-гвардии Уланский полк), в 1820-х гг. служил адъютантом сначала у губернатора Финляндии генерал-адъютанта графа А.А. Закревского, затем у командующего 2-й армией фельдмаршала графа П.Х. Витгенштейна. В составе Лейб-гвардии Семеновского полка он принимал участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. В 1830 г. А.А. Муханов вышел в отставку в чине гвардии капитана (по армии – подполковника). Поступив на службу по Министерству иностранных дел, он провел 1830–1831 гг. в командировке в Яссах и Бухаресте. Возвратившись в Москву в 1833 г. в чинах камергера Высочайшего двора и полковника состоял при Московском Главном архиве МИД⁴.

Литературная деятельность А.А. Муханова ограничилась лишь критической статьей на книгу Ж. де Сталь «Десять лет изгнания» (1820), напечатанной в журнале «Сын Отечества» в 1825 г. Ему тогда резко возразил А.С. Пушкин статьей «О г-же де Сталь и о г. А. Муханове» (1825), появившейся в «Московском телеграфе». Впоследствии А.А. Муханов входил в круг общения поэта в Москве. Сам он в письме брату Николаю признавался: «Я часто выдаю Александра Пушкина: он бесподобен, когда не напускает на себя дури»⁵. Весной 1827 г., когда А.С. Пушкин отправлялся в Петербург, А.А. Муханов передал через него письмо своему брату, в котором писал: «Александр Пушкин, отправляющийся нынче в ночь, доставит тебе это письмо. Постарайся с ним сблизиться; нельзя довольно оценить наслаждение быть с ним часто вместе, размышляя о впечатлениях, которые возбуждаются в нас его необычайными дарованиями. Он стократ занимательнее в мужском обществе, нежели в женском...»⁶ Однако с тех пор до самой своей смерти он с поэтом не виделся. А.А. Муханов внезапно скончался от воспаления легких в Санкт-Петербурге в августе 1834 г., в день своей планировавшейся свадьбы со светской красавицей А.К. Шернваль.

Наследники А.А. Муханова избавились от имения в Скопинском уезде. В 1850 г. в качестве владельца ранее принадлежавших ему здесь 208 душ крепостных крестьян и 32 дворовых упоминается полковник Аполлон Иванович Тарасенко-Отрешков⁷. По окладной книге 1850 г. всего в сельце «Высокое, Козлова тож» А.И. Тарасенко-Отрешкову принадлежали

¹ *Сиверс А.А.* Материалы к родословию Мухановых. СПб., 1909. С. 77, 78.

² ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 189 об. 190.

³ Статистическое обозрение коннозаводства России. СПб., 1847. С. 113.

⁴ *Щукинский Сборник*, (Письма А.А. Муханова; Из бумаг А.А. Муханова), Вып. IV, М., 1905. С. 133, 148, 161.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ *Щукинский Сборник*, (Письма братьев Мухановых 1824–1827 гг.), Вып. X, М., 1912. С. 353.

⁷ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 189 об. – 190, 209 об. – 210.

269 душ мужского пола и 10 дворовых людей¹. Он же в 1854 г. значился владельцем конного завода, на котором содержались 1 жеребец и 7 кобыл – английские и скаковые².

Помещик А.И. Тарасенко-Отрешков (1809–?) начал военную службу в Лейб-гвардии Семеновском полку, куда вступил унтер-офицером в 1826 г. В чине гвардии прапорщика принимал участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., в частности – в осаде Варны. В 1832 г. гвардии подпоручик А.И. Тарасенко-Отрешков был переведен штабс-капитаном в Московский драгунский полк, где прослужил до июня 1841 г., когда в майорском чине был переведен в Драгунский полк принца Александра Нидерландского, а оттуда в конце того же года – в Гусарский полк великого князя Михаила Павловича, где в 1843 г. был произведен в подполковники. С 1845 г. А.И. Тарасенко-Отрешков находился в бессрочном отпуске, а в 1848 г. вышел в отставку в чине полковника «с мундиром и пенсионом». За годы службы он был отмечен орденами Св. Анны 3-й степени (1834), Св. Владимира 4-й степени (1837), Св. Станислава 2-й степени (1841) и Св. Анны 2-й степени (1847). Как помещик Скопинского уезда в 1859 г. А.И. Тарасенко-Отрешков был внесен в VI часть Дворянской родословной книги Рязанской губернии.

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в сельце Высоком (Козловке) насчитывалось 54 двора. В это время оно состояло из четырех порядков крестьянских домов – трех, стоявших в один ряд, на правом берегу р. Моши, и одного – на левом. Близ последнего находилась ветряная мельница. Ниже сельца по течению р. Моша была запружена, на ней действовала водяная мельница. На опушке леса к северу от мельницы находились строения господской усадьбы³.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., в деревне Свистовке Скопинского уезда Рязанской губернии помещика Тарасенко-Отрешкова насчитывалось 65 домохозяйств, в которых проживали 289 крепостных душ мужского пола и 278 – женского⁴.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. сельцо Высокое, Козловка тож, было приписано к Яблоневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии.

В 1864 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщили о выкупной сделке «Вердеревской волости в сельце Высоком, Козловке тож», между крестьянами – 284 души – и помещиком А.И. Тарасенко-Отрешковым. По обоюдному согласию ее сумма составила 29 674 руб. 80 коп. «При этом помещик изъявил желание получить ссуду на основании правил от 27 июня (8 июля) 1862 г. и 5 % безименными билетами. Ранее имение было заложено в Московской сохранной казне»⁵. Более года спустя главная газета губернии опубликовала сообщение о том, что по выкупной сделке «полковника Аполлона Ивановича Тарасенко-Отрешкова с крестьянами Скопинского уезда сельца Высокого-Козловка тож в числе 284 душ ссуда разрешена с 1 (13) февраля 1865 г. под выкупаемые 720 десятин (785 га) земли в количестве 29 674 руб. 74 коп.»⁶.

С постройкой в 1872 г. в селе Новом церкви во имя Крещения Господня жители Свистовки стали ее прихожанами. Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европей-

¹ ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 334 об – 335.

² Список частных конских заводов в России 1854 г. СПб., 1855. С. 80.

³ Карты А.И. Менде 1850 года, 1 см – 420 м.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 86.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 43 (24 октября 1864).

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 61 (4 декабря 1865).

ской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в селе Высоком (Козловке, Свистовке), «бывшем селе владельческом», насчитывался 91 двор и 631 житель¹.

По переписи населения 1882 г. в Свистовке в 114 домохозяйствах проживали крестьяне-собственники – 337 мужчин и 304 женщины. Грамотными среди них были лишь 15 мужчин и 8 учащихся мальчиков. Средний душевой надел в местном сельском обществе составлял 2,3 десятины (2,5 га). Ввиду его недостаточности крестьяне были вынуждены арендовать как пашенные, так и луговые земли. В деревне было 9 безземельных дворов. Больше половины домохозяев были безлошадными, жители 44 дворов обходились не только без лошадей, но и без коров. В деревне работали 5 мастеровых, действовали 1 промышленное заведение (мельница) и кабак. Крестьяне занимались в основном местными промыслами, в том числе земледельческими².

О незамысловатой жизни свистовских крестьян в конце XIX в. можно судить по хронике происшествий в «Рязанских губернских ведомостях». Летом 1882 г. газета сообщала: «Скопинское уездное полицейское управление разыскивает хозяев лошади: мерина чалой масти, трех лет, грива на левую сторону, набежавшей 17 июня сего года к крестьянину деревни Свистовки Андрею Нистратову Чиркову»³. Август следующего года обернулся для некоторых местных жителей страшным бедствием. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «23 августа Скопинского уезда в дер. Свистовке сгорело от неизвестной причины 26 крестьянских домов с надворными строениями и 11 риг с хлебом; убытку понесено на 7955 руб. Во время этого пожара получила обжоги крестьянка Любовь Нистратова, но жизнь ее находится в неопасном положении»⁴. Но на этом история не закончилась. Тот же номер газеты сообщал: «30 августа Скопинского уезда в дер. Свистовке сгорела от неосторожного обращения с огнем крестьянская рига с хлебом; убытка понесено на 400 руб.»⁵.

По сообщению «Рязанских губернских ведомостей», в 1886 г. за долги Московскому земельному банку выставлялось на продажу имение коллежского секретаря Ивана Аполлоновича Тарасенко-Отрешкова при селе Высоком, Козловке тож, при котором имелось 403 десятины (440 га) земли. Задолженность помещика банку приближалась к 22 тыс. руб. Несмотря на это, он и его дети оставались владельцами усадьбы при Свистовке до самого 1917 г.

И.А. Тарасенко-Отрешков (1849–?) родился в скопинском имении своего отца и был крещен в Богородицерождественской церкви села Вердерева. Он учился в Императорском Московском университете, в 1873–1874 гг. некоторое время служил по МВД и МИД. На рубеже 1880–1890-х гг. коллежский секретарь И.А. Тарасенко-Отрешков активно занимался земской работой – он был гласным Скопинского уездного земского собрания, в 1888–1892 гг. возглавлял Скопинскую уездную земскую управу. Ок. 1892–1894 гг. коллежский ассессор, а затем надворный советник Тарасенко-Отрешков служил земским начальником 2-го участка Скопинского уезда, включавшего Яблоневскую, Вослбскую и Боровскую волости. Ок. 1894–1907 гг. он избирался почетным мировым судьей, с 1900 г. упоминается как имеющий чин статского советника. В 1906–1908 гг. И.А. Тарасенко-Отрешков занимал

¹ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 330.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 86–91.

³ Рязанские губернские ведомости, № 64 (25 августа 1882).

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 79 (15 октября 1883).

⁵ Там же.

пост тамбовского вице-губернатора, в 1909 г. был произведен в действительный статские советники (видимо, при выходе в отставку).

По сведениям о промышленных предприятиях Скопинского уезда за 1893 г. в сельце «Высоком, Свистовке тож» находился винокуренный завод коллежского асессора Тарасенко-Отрешкова. Но в это время он бездействовал¹.

Согласно данным за 1905 г. в «селе Высокое, Козловка, Свистовка тож» при р. Моше насчитывалось 104 двора, в которых проживали 468 мужчин и 432 женщины. Местные крестьяне занимались кустарными промыслами, крестьянки – плетением кружев. В 1 версте от села находился «хутор дворянина Отрешкова» с 1 двором, где проживали 7 человек. При нем же располагался винокуренный завод².

В предреволюционное время усадьбой при Свистовке владели сыновья И.А. Тарасенко-Отрешкова – губернский секретарь Николай Иванович (1880–?) и отставной лейтенант флота Иван Иванович (1882–?). Н.И. Тарасенко-Отрешков в 1909 г. занимал должность земского начальника 2-го участка Скопинского уезда, включавшего волости Яблоневскую, Вослебовскую и Курбатовскую, затем ок. 1911–1914 гг. возглавлял уездное отделение земского Комитета по тюрмам, а в 1913 г. был избран гласным Скопинского уездного земского собрания, входил также в состав Скопинской городской думы и уездного землеустроительного комитета. Он проживал в собственном доме на 2-й Мещанской улице в Скопине. И.И. Тарасенко-Отрешков ок. 1911–1914 гг. стал преемником брата в должности земского начальника, проживал большей частью «в имении при д. Свистовке».

Смутные воспоминания о братьях Тарасенко-Отрешковых бытовали среди старожилов Скопинского района еще в конце 1980-х гг. На них основывается нижеследующий фрагмент книги В.А. Соболева, В.Н. Егорова и А.Ф. Кривола, в котором, правда, перепутаны имена, чины и должности обоих помещиков, а местами им даже приписаны дела их отца: «Известным на всю округу был владелец деревни Свистовка, председатель Скопинского уездного комитета И.И. Отрешков. Его знали как любителя веселой жизни, среди крестьян он прослыл и самодуром, хотя вместе с этим являлся рачительным хозяином.

В подтверждение первой характеристики можно привести случай, рассказанный одним из старожилов П.А. Сорокиным:

– У нас в семье все хорошо знали такую историю. Как-то мой дядя Семен Тамбов, направляясь в деревню Кушуново, прошел по земле Отрешкова. Барин заметил это и сильно избил его, в результате дядя на всю жизнь остался глухим.

А то, что барин был действительно хозяйственным, подтверждают следующие факты. Все 400 га своих угодий он содержал в образцовом порядке, причем нередко на своей земле работал и сам. В конце XIX – начале XX вв. И.И. Отрешков построил на своей земле винокуренный завод, являвший собой образец передовой для того времени технологии. Эти качества и сыграли решающую роль при избрании его председателем Скопинского уездного комитета. К сказанному можно добавить, что именно Отрешков одним из первых скопинских помещиков проложил до города каменную дорогу.

Не меньшей известностью пользовался и брат Отрешкова, отставной флотский капитан. В имении он появлялся наездами, так как в основном жил в Скопине. Однако его приезды в Свистовку крестьянам надолго запоминались несусветной руганью и мордобоем. Во время

¹ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 807, лл. 41 об – 42.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 620–621.

прибытия отставного капитана в Свистовку большинство крестьян предпочитало не попадать ему на глаза»¹.

Земская школа в Свистовке впервые упоминается в 1910 г. в связи с утверждением в ней законоучителем священника села Нового Сергея Ивановича Твердова². С учреждением при скопинских земских училищах ремесленных отделений «осенью 1912 г. на школьных участках в селах Старом Баракове, Секирене, Чулкове и Свистовке были посажены корзиночная ива и другие ценные породы деревьев с целью последующего заготовления материалов для ремесленных отделений». При свистовской школе тогда было «посажено ясеня 1000 и клена 1000 штук». При старобараковской школе также ивы 8000 штук (42 сортов) «с помещением ярлычков названий»³.

В 1913 г. крупнейшей землевладелицей при селце Свистовке была вдова действительного статского советника Софья Николаевна Тарасенко-Отрешкова, которой здесь принадлежали 566 десятин 372 сажени (ок. 619 га) земли⁴.

В 1916 г. земская школа в Свистовке показана однокомплектной, трехклассной. На ее отопление ежегодно затрачивалось 1100 пудов (17,6 т) угля на сумму 366 руб., на текущий ремонт – 13 руб. 79 коп., на инвентарь – 20 руб. 82 коп., на содержание сторожей – 81 руб. 66 коп., на страхование – 13 руб. 45 коп.⁵

В годы Первой мировой войны население деревни Свистовки Яблоневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии продолжало расти. Если в 1914 г. в деревне было 107 дворов, в которых проживали 361 мужчина и 351 женщина⁶, то по данным за 1917 г. количество ее дворов возросло до 157, а население увеличилось до 440 мужчин и 454 женщин⁷.

«Местные крестьяне жили, в основном натуральным хозяйством. Лишь некоторые подрабатывали ремесленничеством. Так, известными в округе плотниками сьбли летовский крестьянин плотник-колесник Д.В. Ретюнский, свистовские крестьяне Григорий Грибов и его сын Иван. Последние занимались плотницким делом не только в окрестных селах, но и выезжали на заработки в дальние города, например – Ташкент.

В селах и деревнях, о которых идет речь, широкое распространение получил обжиг кирпича. Для собственных строительных нужд его изготовляли в большинстве крестьянских дворов. Глину брали из местных ям, сохранившихся до сих пор, например, около Свистовки. А с мая по август здесь собирались артели для работы на торфяниках, в основном в подмосковной Шатуре. Мельница в округе действовала одна. Принадлежала она крестьянину К.И. Силкину, мужику хозяйственному и трудолюбивому, обходившемуся при работе на мельнице силами своей семьи. И лавка здесь торговала всего одна. Принадлежала она свистовскому крестьянину Грибову и продавала лишь мелочный товар: спички, соль, пряники, селедку, семечки. За более крупными покупками ездили в Скопин.

После революции 1917 г. в селах и деревнях начали создаваться партийные ячейки. В Свистовке, например, организатором ее стал большевик В.П. Макаров. Впоследствии он –

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 219–220.

² Рязанские епархиальные ведомости, № 22 (15 ноября 1910 г.). С. 702.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIX созыва 1913 года созыва. Скопин, 1914. С. 309.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 43 (8 июня 1913).

⁵ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 178.

⁶ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 593.

⁷ ГАРО. Ф. 7, оп.1, д. 1310, лл. 154 – 154 об.

один из активных проводников в селе культурной революции, которая выражалась в организации курсов ликбеза, открытии изб-читален, клубов, налаживании работы самостоятельных кружков»¹.

В 1918 г. Свистовка была подчинена Летовскому сельсовету. В годы Гражданской войны жизнь в деревне, как и повсюду в уезде, была скудна и неустроенна. Однако трудные внешние обстоятельства не повлияли на традиции гостеприимства местных крестьян. Об этом свидетельствует следующее письмо в редакцию скопинских уездных «Известий», опубликованное на страницах газеты в конце 1918 г.: «Гражданин редактор! Не откажите поместить письмо военнопленных, проезжавших через Скопин из австрийского проклятого ига. Мы как солдаты 25-го полка были в плену 2 года 4 месяца, терпели самые невыносимые условия жизни для человека и, думали, погибнем под этим ярмом, но пробил час, и судьба сказала, что, товарищи, вы на свободе. Не веря в истину этих слов, все-таки мы оказались ближе к родине. Мало того, что нас принял Скопин хорошо, мы, не довольствуясь этим, пошли в деревню узнать, как смотрят на нас и вообще на ход современных событий момента, и что же? К счастью нашему мы встретили самые братские для нас отношения, где нас встретили так тепло, что мы не можем выразить своего чувства в этих маленьких строках. Кроме этого, отдаем привет и благодарность гр-ну деревни Свистовки Ивану Фокевичу Захарову, у которого мы ночевали с 10 на 11-ое декабря за его хлеб-соль и душевный прием»².

Заслуживает внимания и появившаяся на страницах той же газеты в марте 1919 г. заметка анонимного автора «Свистовский кружок самообразования Яблоневской волости», описывающая происшествие в деревенской школе и дающая яркую картинку быта и нравов эпохи: «Пользуясь слухом, что Свистовский культурно-просветительский кружок самообразования 15 февраля нов. ст. будет показывать туманные картинки с объяснительным чтением, мне захотелось посмотреть и послушать. Прихожу в школу, публики было полно. Еще не начинали. Спрашиваю члена кружка, скоро ль начнут? “Не все еще готово, то полотно вот никак не найдешь, да вот еще книги нет для того, чтобы объяснить картины”. Постоявши в дверях, я зашел в комнату учительниц. Некоторое время спустя в комнату, покачиваясь во все стороны, вошел заведующий Яблоневским продовольственным отделом В.И. Сергушин и тоном местного начальника спрашивает учительницу Давыдову: “Почему у вас сегодня не показываются туманные картины, а собрались как будто бы для вечера?” На что учительница Давыдова ответила, что она пользуется недельным отпуском и ничего не знает, а потому предложила ему справиться у правления кружка. Сергушин, не обращая никакого внимания на слова учительницы от излишка хваченного им самогона, стал еще громче кричать: “Я не допускаю собирать собрание, если не будете показывать туманных картин, вы понимаете, я – коммунист и не допускаю этого”. Неужели у нас для того организована в волости ячейка, чтобы записавшись в коммунисты более свободно было пробраться к власти, как партийному, и делать, что вздумается? Такие работники и такие коммунисты только грязнят партию: они подрывают доверие граждан к партии, они просто тормозят работу Советской власти.

После его слов я спросил у него партийный билет. Он его не показал, а нанося мне всевозможные оскорбления вышел в коридор, опираясь на двери. Пользуясь темнотой коридора, Сергушин подобрал себе партию пьяных товарищей и, не зная на ком сорвать свою злобу и показать свою удаль, они вызвали тов. Волпова, который и вошел к ним. Партия пьяных на

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 221.

² Известия, № 25 (5 декабря 1918).

минуту растерялась, но, собравшись с духом, они бросились на него. В это момент выбегает из комнаты учительница Давыдова, они сбили и ее в угол темного коридора. Кое-как выбравшись из толпы пьяных, учительница вбегает в школу и заявляет членам кружка, что больше не допустит в школе собрания ввиду того, что в коридоре партия пьяных людей устраивает драку. Конечно, виноваты и члены кружка в этих беспорядках, но вся ответственность лежит на заведующем волостным отделом по народному образованию Василии Макарове, который был на собрании кружка и чтобы удалить пьяных никаких мер не принял. Еще мне хотелось бы спросить Яблоневскую волостную ячейку коммунистов, почему она не обращает никакого внимания на заявления. Неужели она не считает это преступлением для советского работника, который стал у власти только затем, чтобы пить каждый день допьяна самогонку, в такие тяжелые минуты, когда многие умирают с голоду?»¹

В 1929 г. историческое административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Свистовка стала населенным пунктом Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В 1931 г. в Свистовке Летовского сельсовета был создан колхоз «Новая жизнь». Название было дано ему единогласным решением крестьянского схода².

В августе 1931 г. в связи с передачей части сельсоветов из Скопинского района в Рязанский районная газета «Колхозник» отмечала: «В состав Рязанского района в начале июля, согласно распоряжения Мособлисполкома, вошли следующие сельсоветы: 1. Желтухинский (319 хозяйств и 1655 едоков); 2. Городецкий (578 хозяйств и 3011 едоков); 3. Новинский (448 хозяйств и 2349 едоков) и 4. Ново-Бараковский (637 хозяйств и 3184 едоков). Всего 1982 хоз. и 10 279 человек. <...> Общее количество крупного рогатого скота равняется 2274 гол. Обеспеченность конской тяговой силой относительно удовлетворительная, примерно на 100 хозяйств, в среднем приходится 60 рабочих лошадей. Имеется 12 колхозов, объединяющих 406 хозяйств или 2028 едоков, коллективизировано 20,48 %. При учете объектов единого сельхозналога было зафиксировано 17 кулацких хозяйств и в заготовительную кампанию прошлого года твердые задания были даны 72 хозяйствам. Из учреждений культурно-социальной группы на территории перечисленных сельсоветов имеются следующие: фельдшерский пункт в Желтухине, пункт первой помощи в Костемерове, по 2 яслей в Желтухинском и Новинском сельсоветах, 9 школ 1-й ступени, по 3 школы в Новинском и Н. Бараковском сельсоветах, 2 школы в Желтухинском, 1 в Городецком и 3 детплощадки. Вблизи с. Желтухино проходит М.-К. жел. дор. со станций Желтухино. Через село Городецкое и по территории Н. Бараковского сельсовета проходит грунтовой тракт Рязанск–Скопин»³.

С 1935 г. деревня входила в Желтухинский район, в составе которого в 1937 г. была передана из Московской области в новообразованную Рязанскую.

Согласно топографическим картам РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) в Свистовке в это время насчитывалось 120 строений. Деревня представляла собой одну улицу, вытянувшуюся вдоль берега р. Моши. На противоположном берегу реки все еще сохранялись строения бывшей усадьбы Тарасенко-Отрешковых.

Примером боевой доблести уроженцев Свистовки в годы Великой Отечественной войны может служить рядовой Петр Никитович Филимонов (1902–1943), минометчик 1-й минометной роты 585-го стрелкового полка 213-й стрелковой дивизии. Он находился в рядах

¹ Известия, № 16 (9 марта 1919).

² Архив Скопинского района. Ф. 113, л. 1.

³ Колхозник, № 24 (24 августа 1931).

РККА с 1941 г., был награжден медалью «За боевые заслуги». В 1943 г. он находился на Воронежском фронте и отличился в боях за освобождение Украины. «В ночь с 26 на 27 сентября 1943 г. тов. Филимонов, действуя вместе с расчетом, первым форсировал реку Днепр и огнем из своего миномета поддерживал нашу наступающую пехоту. 5 октября 1943 г. в жестокой схватке под селом Калюжное Днепропетровского направления он, также действуя с расчетом, отбил три атаки врага, при этом истреблено до 40 гитлеровцев»¹. За участие в этих боях П.Н. Филимонов был награжден орденом Красной Звезды. Минометчик из Свистовки не успел получить заслуженную награду. 14 октября 1943 г. он пропал без вести на территории Верхнеднепровского района Днепропетровской области УССР.

В послевоенные годы колхоз «Новая жизнь» Летовского сельсовета Желтухинского района нередко подвергался критике в прессе. В 1948 г. газета «Сталинское знамя» писала: «Кое-кто из уполномоченных райкома вообще считают свое пребывание в колхозах в решающие дни хлебозаготовок лишней обузой, ставят свои узковедомственные интересы выше, чем борьба за хлеб. Тов. Аверин, например, был прикреплен к первому Кузьминскому сельсовету. Туда он выезжал как дачник – отдохнуть. Теперь его прикрепили к колхозу «Новая жизнь» Летовского сельсовета, но и здесь его влияние не чувствуется. Председатель Тамбов, чтобы затянуть сдачу хлеба государству, задерживает обмолот, плохо руководит работой, пьянствует. Ему все это сходит с рук»². В итоге по некоторым направлениям работы колхоза Желтухинский райисполком издал в 1948 г. постановление «О разбазаривании трав на корню в колхозе “Новая жизнь” Летовского сельсовета». О председателе колхоза Макарове в нем говорилось: «Вместо того, чтобы охранять общественное добро, он допустил выкос трав на парах отдельными колхозниками для личных нужд, тем самым совершил преступление». Председателя колхоза собирались снять с работы, но, учитывая его обещание возвратить колхозное сено, ограничились взысканием»³.

В 1950 г. в рамках линии на укрупнение рязанских колхозов в свистовский колхоз «Новая жизнь» влились «6-й съезд Советов» и «15 лет Октября»⁴. В 1956 г. Желтухинский район Рязанской области был упразднен, а его населенные пункты переданы соседнему Скопинскому району. В составе новой административной единицы укрупнение колхозных хозяйств было продолжено. В начале 1958 г. колхоз «Новая жизнь» объединился с летовским колхозом им. П.Л. Войкова. Новый крупный колхоз, унаследовавший общее название «Новая жизнь», объединил жителей деревень Свистовки, Воздвиженки, Савиловки, Летова и Новой. Его председателем стал С.А. Сурков. Общая площадь обрабатывавшихся колхозниками земель составляла 2860 га⁵.

«За счет развития животноводства колхоз стал многоотраслевым. Кроме крупного рогатого скота начали выращивать также свиней и овец. Но в начале 1960-х гг. приняли решение о постепенной ликвидации птицеводства и свиноводства. Тот период был отмечен в колхозе активным ведением капитального строительства. В 1960-е и в начале 1970-х гг. в колхозе построили 2 коровника, 2 овчарни, телятник, мастерскую, гараж, зернохранилище, медицинский пункт, здание сельского совета, детские ясли, более 20 квартир.

Со 2-й пол. 1960-х гг. колхоз «Новая жизнь» уверенно вошел в число лучших не только в Скопинском районе, но и в области. Хозяйство стало широко известно своими квалифици-

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, д. 4408, л. 224.

² Сталинское знамя, №194 (1 октября 1947).

³ Колхозная правда, № 23 (17 июня 1948).

⁴ Колхозная правда, №138 (2 сентября 1950).

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 113, л. 1, 2.

рованными механизаторами и животноводами, в числе которых можно назвать П.И. Иванова, В.А. Грибкова, Е.И. Суркова, Н.Ф. Гудкова, В.М. Иванову, Е.С. Грибкову, А.Г. Забелину и других»¹.

В 1971 г. в Скопинском районе Рязанской области был образован Новинский сельсовет с центром в селе Новом, куда перешли деревни Воздвиженка, Летово и Савиловка. Свистовка была передана Желтухинскому сельсовету². На его территории в то время работали 2 восьмилетних школы, 2 начальных, 2 библиотеки, 3 клуба, 2 медпункта, фельдшерско-акушерский пункт, 3 магазина, колхоз «Новая жизнь», совхоз «Желтухинский»³.

«Однако уровень жизни колхозников поднимался все же значительно медленнее, чем у горожан, что привело в конце 1970-х гг. к массовому оттоку сельского населения. <...> Продолжала расти лишь деревня Свистовка – благодаря тому, что рядом с ней прошла оживленная автомагистраль на Москву. К середине 1980-х гг. колхоз “Новая жизнь” из передовых перешел в разряд отстающих.

Лишь в начале 1990-х гг. в колхозе вновь начинается капитальное строительство, как промышленное, так и социально-бытовое»⁴. В 1990 г. председателем правления колхоза «Новая жизнь» уже четвертый год работала Тамара Александровна Герасева. К этому времени колхоз купил 3 комбайна «Дон», которые пришли на смену устаревшим «Нивам». Урожай зерновых доходили до 42 ц с га. На ферме было 320 коров. Начали строительство жилья, потянулись люди. Построили дома, где было 40 квартир, и строились еще 6 домов, общественный центр в Свистовке: административное здание, клуб, детсад, столовая, медпункт⁵.

В 1990 г. в Свистовке было 85 хозяйств и около 270 жителей. В 1993 г. колхоз «Новая жизнь» был преобразован в акционерное общество с тем же названием. В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Свистовка была включена в сельское поселение Вослебовское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в это время в ней проживали 223 человека – 106 мужчин и 117 женщин. В 2015 г. в Свистовке действовали администрация, дом культуры, сельская библиотека, фельдшерско-акушерский пункт и магазин «ИП Власова»⁶.

---

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 223.

² Архив Скопинского района. Ф. 104, л. 1.

³ Архив Скопинского района. Ф. 98, л. 1.

⁴ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 223.

⁵ *Савин И.* Приезжайте к нам в деревню / Скопинский вестник, № 94 (7 августа 1990).

⁶ По материалам Скопинской районной библиотеки.

СЕКИРИНО

село

(городское поселение Побединское)

Археологические памятники свидетельствуют о том, что окрестности села Секирино (Секерино) были заселены еще в незапамятные времена. Рязанский священник и краевед Н.В. Любомудров в 1874 г. сообщал о нахождении близ села на левом высоком берегу р. Брусны городища, занимавшего овальную площадку окружностью ок. 2 тыс. м. В то время здесь еще были видны остатки запаханного рва. Недалеко от городища находился и курганный могильник неизвестного времени. Исследование памятников никогда не проводилось¹.

Первое упоминание о селе относится к 1592 г. Об этом свидетельствуют документы петровской эпохи. В челобитных царю Петру I, направлявшихся от имени преосвященного Авраамия, митрополита Рязанского и Муромского, 8 (18) июня 7207 (1699) г. и 11 (22) сентября 7208 (1700) г., имеется указание на то, что в 1592 г. «по указу блаженные памяти великого государя и великого князя Федора Ивановича всея России, взято из домовых вотчин Пресвятые Богородицы у преосвященного Митрофана, архиепископа Рязанского и Муромского, к Рязкому городу новоприборным казакам на реке на Верде село Кореневое, да Подвелемье, да село ж Секирино, деревня Гуменная, село Пупки, а в них пашни перелогу дикого поля 3850 четвертей, а вместо тех вотчин дано в Коломенском уезде в Маковском стану вотчины боярина Федора Васильевича Шереметева...»² Иными словами, владельцем селения до 1592 г. была церковь, но при царе Федоре I Ивановиче оно было отобрано в казну для поселения казаков, а церкви уступили взамен земли в другом уезде.

Местные предания о происхождении названия села, известные с XIX в., связывают его с Куликовской битвой 1380 г. Согласно первой версии, «Секирино – место сечи авангарда русского войска с передовыми отрядами татар. По другой – название произошло от того, что в этом месте перед Куликовской битвой ковались секиры для русского войска»³. В действительности же оно связано с фамильным прозвищем помещиков Секириных (Секериных), владевших землями в Рязском уезде в XVI–XVII вв.

В Тысячной книге и Дворовой тетради царя Ивана IV Грозного, наряду с несколькими служилыми Секириными в середине XVI в. в Звенигороде, Суздале и Мещовске, упоминается «в Донкове (Данкове. – *Примеч. авторов*) <стрелецкий> голова <...> Осип Секирин»⁴.

По платежным книгам 1595–1597 гг., в Моржевском стане Рязского уезда «за стрелецким головою за Осипом за Ивановым сыном Секириным – сельцо Пыжово, да сельцо Никитино живущая, да часть сельца Овдеево пусто...»⁵ Стрелецкий голова Осип Секирин имел

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. 1996. С. 124.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 172.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 134–135.

⁴ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 497–497 об.

⁵ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 213.

непосредственное отношение к селу Секирину как по своим должностным обязанностям, так и по имущественным документам. В записной вотчинной книге Поместного приказа имеется жалованная грамота царя Михаила Федоровича Афанасию Ефанову сыну Тюнееву на жеребий слободы Пупки в Пехлецком стане Рязского уезда за 1617–1618 гг. и дело о записи за Осипом Ивановым сыном Секирина по просроченной закладной кабале вотчины рязанского сына боярского Ивана Афанасьева сына Тюнеева жеребья слободы Пупки в Пехлецком стане Рязского уезда 1632–1633 гг.¹ Кабала – это расписка по долгам, поэтому поместье, формально числившееся за сыном боярским Афанасием Тюнеевым, фактически принадлежало Осипу Секирину – причем, судя по Тысячной книге Ивана Грозного, еще до заселения села казаками. В это время казачья слобода еще не существовала, поэтому поместье, хотя и было приписано к слободе Пупки как к ближайшему селению, на самом деле располагалось ближе к нынешнему Секирину.

В грамоте царя Василия IV Шуйского в Михайлов и Пронск осадным головам А. Маслову и Г. Чеботаеву об отделе поместья В.Н. Бурцеву и наказании «за непослушание» пронских казаков от августа 1606 г. сообщается: «И как, де, приехал ты, Ондрей, на тое пустошь за речкою за Смердячкою, отделите ему тое пустоши штидесят чети по обе стороны Березова болота, и пронские де казаки Осипова приказу Секерина Ненашевой сотни Кольшкина пятидесятник Костя Летовской с товарищи тое пустоши тебе отделити ему не дали и на землю не пустили»². Документ отражает строгую иерархию среди казаков – пятидесятник Костя Летовской (из деревни Летоно) подчинялся сотнику Ненашу Кольшкину, а тот, в свою очередь – стрелецкому голове Осипу Секирину³. Логичнее полагать, что и первыми поселенцами в Секирине были «пронские де казаки Осипова приказу Секерина», и потому селение в обиходе называли еще и по принадлежности прибывших казаков – Секерина слобода. В дальнейшем, как и другие полковые казаки за Вердой, они были подчинены Рязску.

В записных книгах Московского стола за 1637 г. «марта в 10 день, по отписке и по росписи из Рязково [воеводы] Осипа [Дружинина] Оничкова, в Рязком: детей боярских ряшен по списку 423 ч., отставных детей боярских 6 человек, поместных атаманов 11 ч., голова у стрельцов и у казаков 1 ч., осадной голова 1 ч., сотников 2 ч., стрельцов 47 ч. Полковых казаков: Городецкие слободы 70 ч., Бораковы слободы 10 ч., Пупковской слободы 38 ч., Чулковы слободы 14 ч., Кореновой слободы 46 ч., Секерины слободы 50 ч., Захупотцкой слободы 50 ч., Фофановой слободы 17 ч., сторожевых казаков 24 ч., пушкарей и затинщиков 24 ч., казенной кузнец 1 ч., детей их и братья и суседе и подуседников стрелетцких 18 ч., полковых казаков: Городецкой слободы 66 ч., Бораковы слободы 9 ч., Пупковской слободы 27 ч., Чулковы слободы 11 ч., Кореновой слободы 23 ч., Секерины слободы 30 ч., Захупотцкой слободы 40 ч., Фофановой слободы 11 ч., сторожевых казаков 12 ч., пушкарских 24 ч.»⁴.

¹ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг.; под ред. А.В. Антонова, А. Береловича, В.Д. Назарова. – М: Древнихранилище, 2010 – С. 310.

² РГАДА. Ф. Поместный приказ, Рязань, сб. 40947, ч. 1, лл. 56–57.

³ В приправочной книге города Пронска 1596–1598 гг. показан казачий голова Василий Балакирев, подчинявшийся стрелецкому голове, а в слободе Казачьей «служивых казаков <...> в Иванове сотне Харитонову казачьих 101 двор, а людей в них 103 человека. В той же слободе дворы казачьи Дмитриевой сотни Молчанова, а в ней казачьих дворов 73 двора, а людей в них тож. Сотня Ненаша Кольшкина, а в ней двор сотника Ненаша Кольшкина да казачьих дворов 56 дворов, а людей в них тож». (Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 152.)

⁴ Русская историческая библиотека. Т. 10, СПб, 1886. С. 78–79.

В 1676 г. в Секирине впервые упоминается Борисоглебская церковь. Как сообщает И.В. Добролюбов, по окладной книге при ней было «показано церковной пашни двадцать четвертей в поле, а в дву потомуж, сенных покосов на сорок копен; а в приходе 63 двора драгунских, 1 двор бобьльской и всего со включением двора поповского 65 дворов. По окладу 1676 г. вместо 16 алтын 4 денег дани положено было 1 рубль 26 алтын»¹. Интересно отметить, что в окладной книге местные казаки названы драгунами. В других документах 1676 г., как, например, в межевой книге рязжского воеводы Ивана Сонцова, они по-прежнему называются казаками, а их село – слободой: «...Приехав в Рязком уезду в Пехлецкого стану пресвещенного Илариона Митрополита Рязанского и Муромского в село Княжево, Владычня тож, по речке по Велемке под Велемским лесом, в деревню Топила, деревню Петрушину на речке Мещерке, взяв с собой тутошних и сторонних людей, старост и целовальников, и крестьян, и старожилов, и велеть к себе быть сел и деревень, которые с митрополию вотчин смежны помещикам и вотчин, и прикащикам, и старост, и крестьян <...> слободы Секирино пятидесятник Степан Михеев с товарищи»².

В документах петровской эпохи Секирино именуется только селом, а его жители – «служилого чину солдатами». В переписной книге 1716 г. сообщается о запусении Секирина: «...В том селе церковь во имя Бориса и Глеба, у церкви двор попа Сафона Степанова сына, пятьдесят один [год] у него попадья Антониды Васильева, сорок восемь [лет], да сын Логин, двадцать один[год], да выбыла дочь Фетинья в 712 и отец попа Степан Куприянов в 711, и зять Осип Иванов, и жена ево Прасковья Сафонова дочь и з дочери Марье в 714 году померли; двор дьячка Артамона Карпова, двадцать шесть [лет], у него жена Степанида Анисимова дочь, двадцать четыре[года], а тесть ево, попа, Анисим Петров постригся в монахи Скопинского уезда в Троицкий монастырь, а попадья Ирина Филиппова дочь, сын Артемий померли в 712 году. <...> В том селе служилого чину солдат <...> 5 дворов <...>, в них обоих полов 17 человек <...>, вдов солдатских 3 двора, в них людей женска полу 3 человека, а по переписным книгам 710 года написано в том селе Секирино служилого чину 63 двора, людей мужеска полу 130 <...>, женска полу 87 <...>, обоих полов 217 человек, да драгунских и вдовых два двора...»³

Секиринские казаки были наделены угодьями вблизи села, но на всех их не хватило. Им были также отведены земли на довольно значительном удалении. Как свидетельствовала межевая книга 1677 г., «а на лево, за речкою Полотебною, секиринских, чулковских, коренинских казаков дикое поле...»⁴.

В более поздних переписях XVIII в. секиринские казаки стали упоминаться как лично свободные однодворцы. На однодворческом окладе состояли и отставные церковники. По переписной, окладной книге Туровского, Низрановского разъездов Рязжского уезда, составленной до 1724 г., в Секирине был «один двор поповский, три дьячковых, 20 дворов однодворцев и 20 солдатских». Среди однодворцев перечислены «Василий Михайлов сын Черных, Фира Сафронов сын Ребкин, Варфоломей Оброимов сын Тарасов, Федор Федоров сын Зеленин» и другие, а также «скитающиеся безземельные солдаты Максим Родионов сын Аникеев, Никифор Григорьев сын Аксенов, Иван Федоров сын Бирюков, Евдаким Потапов сын Косорев и солдатские дети Ерофей, Елисей, Ермил, Иван Афонасьевы» и другие. Все-

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 216.

² РГАДА. Ф. 281, оп. 15, д. 10138, л. 23.

³ РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 1, л. 295.

⁴ РГАДА, К. 13896 (по МАМЮ), л. 132.

го по окладу записаны 6 отставных церковников, числившихся однодворцами, и 122 однодворца из бывших казаков. В оклад не были положены 9 церковников и 13 новорожденных¹.

В переписной книге однодворцев, а также помещичьих, монастырских и дворцовых крестьян Верденского разъезда Рязского уезда по сказке 1744 г. (2-й ревизии податных сословий Российской империи) в подушном окладе по селу Секирину состояли 160 однодворцев и один дворовый человек. Среди однодворцев встречаются фамилии Дьячковых, Черного (Черных), Баландиных, Астафуровых и другие. Со времени предыдущей ревизии 1722 г. в село переехали на свою землю однодворцы из Захупоцкой и Пушкарской слобод Рязска, а также из сел Поляны и Городецкого².

В 1778 г. Секирино стало одним из селений Скопинского уезда Рязанского наместничества, образованных в ходе административных реформ Екатерины II. В экономических примечаниях к планам Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., село с наделами значится владением «того села однодворцев с вырезанною церковной землей». О Секирине в документе сообщается: «...Оное село положение имеет на левой стороне речки Брусны, в том селе церковь во имя Благоверных князей Бориса и Глеба <...>; дача простирается по берегам речек Брусны и по обе стороны оврага Прудичи, на коем пруд, Ольшанки, оврагам Малые Вертлушки <...> и по обе стороны Мокрой Полотебны <...> обе стороны реки Верды, Тихоморца. Земля чернозем с сeryю, хлеб и покосы средственны, лес строевой и дровяной...» По данным 3-й ревизии 1761–1765 гг. в Секирине насчитывалось 79 дворов, в которых проживали 191 душа мужского пола и 183 – женского. Селение занимало площадь 28 десятин 2160 сажений (31,5 га), при нем имелось 1616 десятин 1702 сажени (1766 га) пашни, 180 десятин (197 га) сенокоса, леса 730 десятин 2303 сажени (798,5 га) и 37 десятин 1250 сажений (40,5 га) «неудобий»³.

Чертеж (карта) Генерального межевания 1779 г. показывает, что «село Секирино» располагалось на примерно равном расстоянии от оврага Каменного с запада и от оврага Прудичи с востока (последний располагался в 2,5 км от сельской церкви вниз по левому берегу р. Брусны). Здание Борисоглебской церкви возвышалось примерно посередине центральной улицы села, протянувшейся параллельно реке. На уровне храма в центральную улицу села вливались проулки с севера и с юга (со стороны реки), поэтому церковное здание находилось на перекрестке, обеспечивавшем его видимость со всех концов села⁴.

С 1740-х по 1850-х гг. увеличение числа сельских дворов было незначительным. Это явление объясняется особенностями жизни и быта крестьян-однодворцев. Как правило, хозяйства между родственниками старались не делить, чтобы не уменьшать земельный надел семьи.

В 1-й половине XIX в. в Скопинском уезде Рязанской губернии появилась и получила распространение мистическая секта «духовных христиан». Ее последователей называли скопцами. Близкие к хлыстам и старообрядцам, скопцы считали единственным путем к спасению души борьбу с плотью путем самооскопления. С XVIII в. секта преследовалась, ее активные члены ссылались в Сибирь. Тем не менее она оставалась довольно многочисленной, а ее общины – богатыми и влиятельными в крестьянской среде. Секирино стало одним из центров рязанского скопчества. Местные скопцы проживали в сельском порядке Горюшки⁵.

¹ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, лл. 431, 442 об, 444.

² РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2871, лл. 123, 133 об – 134.

³ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, лл. 19 – 19 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, оп. 1, л. 17 кр.

⁵ Сообщение Н.Н. Ермакова.

Деревянная Борисоглебская церковь в Секирине, построенная ок. 1676 г., похоже, благополучно простояла в селе до середины XIX в. Во всяком случае, сведений о ее перестройках и обновлениях нет. Из служивших в ней со дня основания священников известны Стефан, Терентий (оба упоминаются в 1676 г.), Матфей Стефанов (упоминается в 1688 г.), Онисим Стефанов (с 1691 г.), Софроний Стефанов (с 1701 г.), Феодор (умер в 1741 г.), Иоанн Логгинов (с 1741 г.), Давид Иоаннов (уволен в 1798 г.), Андрей Яковлев (с 1798 г.), Гавриил Пантелеймонов Богородицкий (в 1814–1860 гг.), Филимон Иванович Любимов (в 1860–1869 гг.) и Иван Иванович Поспелов (ок. 1869–1895 гг.)¹

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в селе Секирине в то время насчитывалось 162 двора. Среди сельских строений выделялись главная улица, состоявшая из двух противоположащих порядков крестьянских домов (в ее центральной части находилась Борисоглебская церковь), и три четко структурированные слободы на северной, северо-восточной и юго-восточной окраинам села. В западной части села на запруженной р. Брусне работала водяная мельница. Две ветряные мельницы стояли к северу от Секирина, при дороге в село Корнево, еще одна – при р. Брусне в восточной слободе села².

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, в селе Секирине насчитывалось 108 домохозяйств, его населяли 710 душ мужского пола и 724 – женского³. По сведениям 1859 г., в «Секирино, селе казенном при речке Брусне», лежавшем в 7 ½ верстах от уездного города, насчитывался 171 двор и проживали 758 мужчин и 782 женщины⁴.

После отмены крепостного права в 1861 г. Секирино было приписано к Корневской волости. С этого времени отмечается резкий прирост сельского населения. В 1861 г. в Секирине было открыто сельское училище. Занятия проводились в доме местного священника. Жалование наставнику и плата за аренду помещения выплачивались из средств Палаты государственных имуществ⁵.

По сообщению И.В. Добролюбова, «вместо упоминаемой в XVII столетии деревянной из дубового леса Борисоглебской церкви, существующая ныне деревянная же Борисоглебская – построена в 1862 г. по указу, данному из Рязанской консистории в 1859 г. октября 3 дня за № 7892. При ней земли во владении причта, как видно из общественного плана села Секирина государственных крестьян, состоит: усадебной – 3 десятины 1488 кв. сажень (3,95 га), пахотной – 29 десятин 919 кв. сажень (32 га), луговой – 3 десятины (3,3 га) и неудобной – 590 кв. сажень (0,27 га). <...> По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 1 псаломщик»⁶.

В 1868 г. о Секирине, «селе государственных крестьян при р. Брусне и колодцах», сообщалось, что в нем было 232 двора, а население составляли 822 мужчины и 891 женщина. В селе указаны «деревянная православная церковь, училище, 3 крупорушки и 1 водяная мельница «о трех поставах»⁷.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в селе Секирине Корневской волости Скопинского уезда Рязан-

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 216.

² Карты А.И. Менде 1850 года, Тсм – 420 м.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 2.

⁴ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 132.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год, Рязань, 1868. С. 238–239.

⁶ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 216.

⁷ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год, Рязань, 1868. С. 596–597.

ской губернии, «бывшем селе государственном при речке Брусне», насчитывалось 288 дворов и 2075 жителей. В селе действовали православная церковь и школа¹.

В 1876 г. Секиринским сельским обществом была основана земская школа. Она была одноклассной с трехгодичным курсом обучения. Школа размещалась в деревянной избе под соломенной крышей площадью 70 кв. аршин (35,5 кв. м) и объемом 245 куб. аршин (88 куб. м). Ее содержание обходилось Скопинскому уездному земству в 360 рублей ежегодно, крестьяне расходовали 89 рублей на наем сторожа, отопление и ремонт. В 1885/1886 учебном году в младшей, средней и старшей группах обучались 68 мальчиков и 2 девочки в возрасте от 7 до 12 лет, в том числе 2 мальчика из мещан и 1 девочка из духовенства, плата за обучение не взималась. По окончании курса 4 мальчика выдержали экзамен и получили соответствующие свидетельства. Надо сказать, что такими свидетельствами в крестьянской среде дорожили. Красочно оформленный документ давал сплошь неграмотным крестьянам призрачную надежду на лучшее будущее их детей. При школе имелись квартира для учителя и небольшая библиотека, устроенная на средства земства. Попечителем и законоучителем в школе с 1876 г. состоял сельский священник И.И. Поспелов, учителем с 1885 г. служил выпускник Рязанской духовной семинарии Д.М. Смирнов².

Представление о жизни в Секирине во 2-й пол. XIX в. дают заметки в единственной на тот период газете региона – «Рязанских губернских ведомостях». На ее страницах можно было встретить такие объявления: «В Скопинском уездном суде, по определению его, вследствие требования Скопинского уездного полицейского управления будет продаваться с публичного торга 9 января 1867 г., с переторжкой чрез три дня, пахотная земля 8 дес. 1200 саж. (9,4 га), принадлежащая однодворцам села Секирина Алексею Иевлеву Котову и Павлу Филимонову Михееву, состоящая при селе Секирине Скопинского уезда в урочищах Плоского, Докудоярова и до речки Брусны. Земля эта продается на удовлетворение взыскания, производимого Скопинским купцом Иваном Васильевичем Брежневым по закладной, писанной 5 марта 1840 г., в 284 руб. сер. Продаваемая земля оценена в 595 руб. сер., и с этой цены начнется торг в 11 часов пополудни»³. «23 декабря [1875 г.] Скопинского уезда близ. Села Чулкова на каменноугольных копях, на шахте, крестьянин села Секирина Александр Афанасьев задавлен машиною» (в данном случае имеется в виду паровоз. – *Примеч. авторов*)⁴. «В ночь с 3 на 4 августа [1876 г.] Скопинского уезда в селе Секирине сторела от неизвестной причины кузница Карпа Зеева, убытка понесено на 60 руб.»⁵ «Правление Скопинского городского общественного банка, получив уведомление о том, что билет сего банка, выданный 13 мая 1877 г. за № 30825 в 100 руб. на имя крестьянина села Секирина Скопинского уезда Гаврила Иванова Павлова утрачен, по журналу своему, состоявшемуся 29 декабря 1881 г., постановило: взамен означенного билета выдать новый билет...»⁶ «2 августа [1883 г.] Скопинского уезда в селе Секирине сторело от неизвестной причины 3 крестьянских риги с хлебом; убытка понесено на 400 руб.»⁷.

По переписи населения 1882 г. в Секирине было 317 домохозяйств, в которых проживали 1096 мужчины 1186 женщин. Душевой надел в Секиринском сельском обществе состав-

¹ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 329.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. Москва: Ряз. губ. земство, 1889. С. 8–13, 23.

³ Рязанские губернские ведомости, №105 (31 декабря 1866).

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 8 (28 января 1876).

⁵ Рязанские губернские ведомости, №74 (18 сентября 1876).

⁶ Рязанские губернские ведомости, №2 (2 января 1882).

⁷ Рязанские губернские ведомости, №71 (17 сентября 1883).

для 3,8 десятины (4,15 га). Безземельными считались 3 двора, 2 – безземельными и бездомовыми. У сорока трех семей местных крестьян имелась собственная земля – 158 десятин (172 га). Всего в селе было 317 изб, из них 5 каменных, все под соломенными крышами. При них насчитывалось 287 плетневых дворов, 123 горницы, 87 амбаров (сараяв), 286 риг (овинов). Жители 46 дворов обходились без лошадей и коров. В отхожих промыслах находились всего 3 человека, 262 семьи занимались местными промыслами. В 1877–1882 гг. из села выселились 14 семей. В Секирине действовали 4 кабака, лавка, 2 «промышленных заведения»¹. Одним из них была действовавшая с 1-й половины XIX в. водяная мукомольная мельница на р. Брусне, принадлежавшая Секиринскому сельскому обществу. По данным за 1893 г., она сдавалась в аренду скопинскому мещанину Ивану Плюхину². Одноконная просорушка принадлежала крестьянину Л. Степанову³.

К 20 декабря 1893 г. (1 января 1894 г.) Скопинское уездное земство завершило ревизию местных земских школ, среди которых была и секиринская. Ревизия была произведена членом земства и коноховским помещиком Д.А. Леоновым. В отчете он написал: «Учительницею состоит поступившая на эту должность лишь зимою 1892 г. г-жа Рослова, – законоучителем и попечителем местный священник Поспелов, состоящий вместе с тем наблюдателем над церковно-приходскими школами. Учеников 86 человек. Здание довольно просторное, теплое, сухое, изнутри оштукатуренное. Диктант, заданный ученикам старшего отделения, написан очень хорошо, 6-ю более или менее удовлетворительно и одним очень плохо. Чтение в младшем отделении не важное. Довольно порядочно стоит школа. Среднее отделение решало заданные членом училищного совета устные задачи довольно порядочно, старшее же отделение весьма недурно разрешило замысловатую письменную задачу. Преподавание Закона Божия в школе идет, по-видимому, очень плохо: ученики не знают священной истории и не умеют объяснить самые простые молитвы. К экзамену, произведенному 23 апреля Д.А. Леоновым было представлено 5 человек, которые все не выдержали, так как оказались слабыми по всем предметам и ничего незнающими по Закону Божию. По постановлению училищного совета у законоучителя Поспелова, почти не посещающего школу, удержано жалованье за год в размере 40 руб.»⁴.

Почти год спустя, 3 (15) декабря 1894 г., Д.А. Леонов вновь ревизовал секиринскую школу: «Учеников 84 человека, менее чем в прошлом году на 2. Учительница Рослова, несмотря на то, что она начала свою педагогическую деятельность лишь с конца 1892 г., сумела поставить вверенную ей школу довольно высоко. В младшем и среднем отделениях хорошо чтение, но еще лучше счет. Старшее отделение хорошо пишет диктант и довольно сильно по арифметике. Чистописание вполне удовлетворительно во всех отделениях. По Закону Божию преподавание несколько запоздало по следующей причине. Законоучитель – местный священник Поспелов, у которого в прошлом году училищным советом было удержано содержание за год, до ноября не посещал школу, а в ноябре подал заявление о том, что он отказывается от преподавания в школе, вследствие чего и был заменен окончившим курс в духовной семинарии местным дьяконом Беляевым, который впрочем, очень скоро наверстал потеря-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 2–8.

² ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 809, л. 47.

³ Мартынов Н.Н. Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год. Рязань, 1895. С. 89.

⁴ Журнал Скопинского уездного земского собрания XXIX очередного созыва 1893 года. Скопин, 1894. С. 80–81.

ное время. В старшем отделении было 4 человека, выдержавшие произведенный Д.А. Леоновым экзамен блистательно»¹.

С 1896 г. изучением раскола и сектантства в Рязанской губернии занималось Братство Св. Василия. По его данным, в Скопинском уезде их всего насчитывалось 209 человек, проживавших в 10 селениях, а в 1903 г. – 566 человек в 29 селениях. Собственно раскольников (поповцев и беспоповцев) было 227 человек, сектантов тайных: скопцов – 229 человек, хлыстов – 106 человек. Скопцы проживали в селах Маклаково – 28 человек, Мшанка – 4 человека, Кремлево – 21 человек, Павелец – 9 человек, Делихово – 4 человека, Хворощавка – 1 человек, Секирино – 40 человек, Затворное – 3 человека, Князево-Займище – 1 человек, Озерки – 17 человек, Боршевое – 27 человек, Черные Курганы – 71 человек, Чулково – 1 человек; хлысты – в селах Вязовенка – 12 человек, Пупки – 18 человек, Новый Келец – 1 человек, Хворощавка – 30 человек, Катино – 4 человека, Гремячка – 4 человека, Ильинка – 2 человека, Березняги – 8 человек, Лазинка – 5 человек, Топилы – 2 человека, Князево-Займище – 6 человек, Жерновки – 2 человека, Спасское – 1 человек, Чернава – 11 человек². Скопцы в Секирине по-прежнему концентрировались в порядке Горюшки³.

В конце XIX в. в Секирине на средства (до 500 руб.) местных крестьян Бориса Давыдкина, Алексея Шатилова, Ивана Матунькина и Дмитрия Кортунова была построена Воскресенская часовня. Разрешение на строительство «часовни каменной, 6 на 4 аршина (4,27 x 2,85 м) с постановкой в ней иконы Воскресение Христово»⁴ было дано Рязанской епархией в 1899 г. Здание стояло на стыке современных ул. Хутора и Зеленовка, пока в 1934 г. не было разрушено местными комсомольцами⁵.

В 1902 г. в Секиринской земской школе преподавали законоучитель – местный священник и два учителя – супруги М.И. и А.Ф. Масленниковы. Школа состояла из двух помещений площадью по 120 кв. аршин (60,7 кв. м). К 1908 г. из 3278 жителей Секирина было 295 человек детей школьного возраста. Однако обучались в школе только 132 человека⁶.

С началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. ряд секиринских крестьян был призван в действующую армию по мобилизации. Это были Яков Павлович Корнеев, Василий Архипович Ларионов, Лука Андреевич Лушников, Фома Михайлович Миронов, Митрофан Сергеевич Разуваев, Яков Кузьмич Черноусов, Иван Иванович Чичинин, Андрей Андреевич Шатилов, Глеб Иванович Панин, Максим Никитич Гришин, Степан Борисович Левин. Их семьи остались без заработка, без работы, без всяких средств к существованию. Скопинское уездное земство, уточнив соответствующие списки и документы, взяло на себя выплату им положенного по закону пособия⁷.

По сведениям за 1905 г. в селе Секирине насчитывалось 377 дворов, в которых проживали 1590 мужчин и 1596 женщин. В селе шло строительство кирпичного здания Борисоглебской церкви, которое было завершено в 1908 г., действовали земская школа, водяная

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания XXX очередного созыва 1894 года. Скопин, 1895. С. 82–83.

² Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. (сост. Баранович М.С.). СПб., 1860. С. 358–359; Календарь Рязанской губернии на 1905 год, Рязань 1905. С. 389–390.

³ Сообщение Н.Н. Ермакова.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 19 (1 октября 1908 г.). С. 347.

⁵ Сообщение Н.Н. Ермакова.

⁶ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 22–23.

⁷ Журнал Скопинского уездного земского собрания от 17 июня 1905 г. Скопин, 1905. С. 64.

мельница и 2 крупорушки¹. О внутренней топонимике села в начале XX в. В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов пишут: «Если условно следовать нынешней асфальтированной дороге, поворачивающей к селу у автоагрегатного завода, то последовательность построек такова. Село начиналось двумя домами мельников, живших у водяной мельницы на Брусне. Основной же порядок следовали дальше. Первой порядок с этой стороны назывался Хутора. Затем он через узкий переулочек продолжался следующим под названием Зеленовка, самым зеленым местом села. Перпендикулярно отходила улица Кувшиновка, пересекавшая р. Брусну. <...> По некоторым предположениям, свое название Кувшиновка получила оттого, что здесь жило несколько семей гончаров, промышлявших изготовлением бытовой глиняной посуды, в том числе и кувшинов. От Кувшиновки перпендикулярно отходили улицы: вправо – Смыгаловка, влево – Кончановка. Первая, вероятно, получила свое название по виду ремесла, которым тут занимались. Для придания мягкости и привлекательности самотканым коврам и одеялам их обрабатывали в воде специальными приспособлениями (смыгали). Кончановка означала конец села. От Смыгаловки тропинка вела на порядок Горюшино, который переходил в порядок Веселой. Неподалеку параллельно ему пролегал порядок Верховка.

Несколько слов об окрестностях села, также имеющих свои названия. Смыгаловка, Горюшино и Веселой как бы охватывали полукругом Янину гору с дубовой рощей, где впоследствии построили школу. Наименование гора получила по фамилии зажиточного крестьянина Янина, большого любителя лошадей. Именно через эту гору он чаще всего гонял свой табун. Улица Зеленовка упиралась в пойму р. Брусны. Это место называли Труба. Здесь располагались луга и бахчи. Кончановка выходила на местечко, которое секиринцы называют Красное село. Чуть в сторону от Верховки располагалась балка, именуемая Гадрево. Другая, более дальняя балка, называлась Мухино»².

С середины 1870-х гг. у секиринских крестьян шел спор с владельцами соседней усадьбы Чулково за владение луговой землей в пойме р. Брусны. Как сообщают В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов, земли эти присвоил себе владелец усадьбы помещик Лихарев. «Сделал он это чисто по-барски. Призвал к себе секиринского старосту и потребовал у него план владения землей. Потом с помощью подкупленного межевого переправил в нем границу между своей и секиринской землей, отхватив в свою пользу наиболее плодородные луга. Крестьяне подали жалобу на высочайшее имя. Дело дошло до Сената, однако закончилось без результата. Лихарев продолжал владеть отнятой землей, да еще сдал ее в аренду тем же секиринским крестьянам. Они не раз требовали у Лихарева вернуть незаконно отобранную землю, посылали к нему своих уполномоченных. Но он в лучшем случае прогонял их, в худшем – арестовывал. Тяжба длилась в общей сложности около четырех десятков лет. Со временем секиринские луга перешли во владение от Лихарева к дворянину Усову, с которым помещик состоял в родстве.

С началом революционных событий все вновь заговорили о возвращении незаконно отнятых лугов, без которых терпели большую нужду. Наибольшее распространение бунтарские настроения получили в 1907 г., когда в село с Русско-японской войны стали приходиться бывшие солдаты, много повидавшие и узнавшие на царской службе. О возврате лугов говорили в каждой избе, напряжение нарастало.

¹ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 636–637.

² Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 136.

В начале июня 1907 г., когда пришло время выгонять скот в луга, секиринцы собрались в мирской избе на совет. Призвали сюда и одного из местных старожилов М.И. Кадушкина, который знал точную границу между помещицьею и крестьянской землей. На сходе решили скосить траву с отнятых лугов, а сено раздать по дворам»¹.

О дальнейших событиях можно узнать из секретного доклада рязанского губернатора В.А. Левашова министру внутренних дел П.А. Столыпину от 22 июня (5 июля) 1907 г.: «14 июня вспыхнули беспорядки в имении Чулково при с. Секирине, где крестьяне названного села самовольно начали косить луга помещика Усова. Хотя здесь находился полуотряд пешей стражи, но ввиду своей малочисленности он не мог прекратить самоуправств толпы, состоявшей из нескольких сот человек, вооруженных косами. Получив донесение о происходящем, исправник 14-го вечером прибыл в Секирино с полуотрядом конной стражи и, собрав сельский сход, на который явилось лишь около 100 человек, предложил крестьянам покончить дело миром и вернуть свезенную скошенную траву владельцу. Крестьяне заявили, что скошенные луга принадлежат им, и что Усов в течение 40 лет владеет лугами неправильно. На это исправник разъяснил крестьянам, что они могут добиваться восстановления своих прав судом, самовольные же действия не могут быть допущены. Узнав затем, что крестьянами составлен приговор об отобрании лугов Усова, исправник приказал этот приговор отобрать и уехал в усадьбу Усова, откуда ему удобно было наблюдать за действиями крестьян. Через полчаса после его отъезда из с. Секирина послышался набатный благовест, и возвратившийся исправник увидел громадную толпу крестьян, окружившую плотину и двор мельницы Усова, и такую же толпу на противоположной стороне реки около конца плотины. Исправник снова попробовал словом образумить толпу, но слов уже не слушали. Тогда исправник, предполагая, что толпа рассеется от одного натиска конной стражи, приказал полуотряду идти в атаку, но толпа не только не отступила, но сомкнулась теснее и с угрожающими криками двинулась вперед. Опасаясь, что толпа может смять стражу, исправник предупредил, что, если сейчас не разойдутся, будет открыт огонь. Однако толпа продолжала надвигаться и окружать стражу, а один из толпы даже схватил под уздцы лошадь исправника. Тогда после трех предупредительных сигналов исправник приказал конному полуотряду открыть огонь. Неизвестно, были ли потерпевшие от этих выстрелов, но на толпу они никакого действия не произвели, ввиду чего исправник приказал открыть огонь пешей страже. После двух залпов толпа подалась назад и начала разбегаться, оставив на месте пять убитых и восемь раненых. В то время как исправник делал распоряжения об оказании первой помощи пострадавшим, толпа сделала попытку вновь собраться на горе близ деревни, но при приближении стражи рассеялась»².

Рязанский губернатор В.А. Левашов, получив 15 июня известие о самоуправстве секиринских крестьян в имении Усова и выслушав депутацию в лице скопинского уездного предводителя дворянства Н.Е. Хрущева и тамбовского вице-губернатора И.А. Тарасенко-Отрешкова, которая от имени Скопинского уездного земского собрания просила «принять экстренные меры к прекращению принявшего громадные размеры аграрного движения в Скопинском уезде и к защите землевладельцев», командировал на место беспорядков вице-губернатора графа Д.Н. Татищева с товарищем прокурора Рязанского окружного суда, помощником начальника губернского жандармского управления, сотней казаков и пешей

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 137.

² Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / Сост., авт. предисл. С.С. Крюкова. М.: РОССПЭН, 2001. С. 45, 46.

охотничьей командой. «16 июня вице-губернатор, прибыв в Скопин, прежде всего решил ехать в Чулково и соседнее с. Секирино. Там он собрал сельский сход, на котором выяснил крестьянам преступность их поведения, бесцельность насильственных захватов и строгость ожидающего виновных наказания. Затем на глазах схода были арестованы и отправлены под конвоем в Скопинскую тюрьму главные виновники и подстрекатели к самоуправству в числе девяти человек, из коих пять признаны подлежащими задержанию прокурором окружного суда, два – помощником начальника жандармского управления и два арестованы в порядке Положения об охране. После этого вице-губернатор приказал крестьянам немедленно приступить к обратной возке травы, свезенной с лугов Усова, предупредив, что по истечении назначенного для возки срока будет произведен обыск и все лица, у коих окажется не свезенной награбленная трава, будут арестованы и привлечены к ответственности. К 10 час. вечера требование вице-губернатора было исполнено, и вся трава в количестве 400 возов была свезена обратно на луга»¹.

Подводя итоги своих действий, губернатор В.А. Левашов в своем секретном донесении главе МВД отмечал: «Что же касается беспорядков в с. Секирине, население коего, работающее на соседних каменноугольных копях, отличается грубостью и непокойным поведением, то только такие решительные меры, как действие оружием, могли образумить их и положить конец ими начатым своеволиям. Тяжелый урок, полученный секиринскими крестьянами, произвел громадное впечатление не только на них самих, но и на все окружающее население, которое с напряженным вниманием следило за исходом этой первой попытки самовольного захвата частновладельческой земли. С достоверностью можно полагать, что при менее благоприятном исходе описанных событий этот случай послужил бы началом аграрного движения. При настоящих же условиях наступившее в с. Секирине и прилегающем районе спокойствие, нужно надеяться, не будет нарушено, тем более, что меры к предупреждению беспорядков приняты как в Скопинском уезде, так и в соседних с ним Данковском, Ряненбургском, Рязском и Сапожковском, в которые в помощь местным полицейским силам командированы помощники исправников и по полуотряду конной стражи из северных, более спокойных уездов». П.А. Столыпин наложил на донесение следующую резолюцию: «Нужны быстрые репрессии. Написать министру юстиции»².

Аналогичный характер носило и донесение начальника губернского жандармского управления руководству Департамента полиции³. Однако воспоминания очевидцев из крестьян рисуют несколько иную картину. Секиринский подпасок В.А. Миронов, ставший свидетелем событий 1907 г., много лет спустя вспоминал: «После того, как 12 июня сход решил скосить луга в урочище Вертячка, все село вышло на покос. Народ был возбужденный, готовый на все. Тех, кто идти боялся, вытаскивали из домов силой, грозя разорить усадьбу. В этот день скосили 12 десятин луга. На следующий день на покос вышло до 1000 человек. В разгар работы приехал полицейский урядник, уговаривая прекратить косьбу. Но крестьяне дерзко отвечали ему, что луга принадлежат им, и они еще взыщут с Усова за сорокалетнее пользование ими.

Многие тогда понимали, что добром это дело не кончится, но никто уже не хотел идти на попятный. Эти дни запомнились неслыханными случаями, когда крестьяне приносили в церковь иконы и бросали их там со словами: “Больше в эти доски мы не верим”.

¹ Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / Сост., авт. предисл. С.С. Крюкова. М.: РОССПЭН, 2001. С. 46, 47, 48.

² Там же.

³ См. приложения 8–9.

13 июня скосили 13 десятин лугов. Часть сена отвезли в село, а часть оставили в поле из-за ненастной погоды. Вечером все горячо обсуждали луговой бунт. Говорили, что у Усова надо не только луга отнять, но и мельницу разорить, на которой с крестьян дерут за помол три шкуры. 14 июля 30 или 40 наиболее отчаянных мужиков пошли на усовскую мельницу и раскопали плотину аршина на два.

На следующий день всем миром направились к Усову. Послали для переговоров пять человек. Но не успели те перейти плотину, как из-за мельницы появился конный отряд полиции во главе с исправником Глинским и приставом Свиридовым. Исправник скомандовал: “Разойдись, стрелять буду!” Толпа крестьян, в которой насчитывалось более тысячи человек, не подчинилась. Ударили выстрелы. Стреляли не только конные полицейские, но и пешие, что спрятались в засаде. Несколько человек упало. Толпу охватила паника. Народ разбежался.

А конные полицейские продолжали преследовать крестьян, хлестать их нагайками. Но и это было еще не все. Раненых и убитых секиринцев полицейские перетащили в мельничный амбар, чтобы, как потом выяснилось, обвинить их в нападении на мельницу с целью ограбления. Мертвым и полуживым крестьянам вливали в рот водку, дабы убедить следствие, что нападавшие были пьяны.

Вечером полиция нагрянула в село, где арестовала несколько “подозрительных”, объявив о приезде на следующий день губернатора. Прибыв в Секирино, обозленный губернатор кричал: “Всех перестреляю, не пожалю детей! Мало одного полка, два пришло, все село смешаю с грязью!”

В тот день арестовали еще несколько человек, в общей сложности в тюрьме оказалось 23 крестьянина. Сено конфисковали и перевезли в экономию Усова. В тот же день родным отдали тела погибших, вернулись раненые. Стал известен итог трагедии. Залпами полицейских было убито четыре человека и восемь ранено. Пятеро из них скончались на следующий день. В итоге за “луговой бунт” своими жизнями заплатили девять человек: крестьяне Разуваев, Гаврюшин, Борискин, Черноусиков, Лагуткин, Никишкин, Карпеев, Липатов и Самохин».

По делу о секиринском восстании началось следствие. Суд был назначен сначала на 5 мая, а затем на 5 сентября 1908 г. Присяжные оправдали секиринцев. Луга им возвратили. Но погибших к жизни вернуть уже никто не мог. С тех пор 15 июня постоянно отмечается в Секирине как день памяти павших в восстании¹.

На фоне аграрных волнений в сельскохозяйственных губерниях России ухудшилась криминогенная обстановка. Исключением не стал даже тихий Скопин. В 1907 г. уездная пресса сообщала: «Поражающие по своей дерзости кражи совершаются в нашем городе. На этих днях в центре города у крестьянина с. Секирина И.П. Крашкина неизвестные украли лошадь в запряжке стоимостью в 100 руб. Кража совершена днем на глазах владельца похищенной лошади, находившегося от ее в недалеком расстоянии. Увидев, что его лошадь погнали, Крашкин сел на извозчика и бросился вдогонку за похитителями, но за городом около Троицкого монастыря потерял их из виду. До сего времени лошадь не найдена»².

Ок. 1898–1914 гг. в Секирино служил священник Иван Васильевич Семенский³. 5 (18) октября 1908 г. в селе было освящено новое здание Борисоглебской церкви с колокольной –

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 138–139.

² *Вязанский вестник*, № 35 (6 февраля 1907).

³ *Памятная книжка Рязанской губернии*, изд. 1914 г. Рязань, 1914. С. 446.

кирпичное и под жестяной кровлей. Храм был возведен по типовому проекту, представлявшему собой упрощенную форму Покровской церкви в Скопине (как и в другом скопинском селе – Лопатине). К церкви были приписаны 2 десятины (2,2 га) усадебной земли и 29 десятин 212 сажень (31,7 га) – пахотной. В 1914 г. в приходе действовали 2 мужские земские школы. В Секирине в то время насчитывался 351 двор, в которых проживали 1784 мужчины и 1915 женщин¹.

Местные крестьяне занимались не одним только земледелием. Чтобы прокормиться, оплатить различные сборы, держали различные торговые и промышленные предприятия. Среди подававших прошение о снижении налогового бремени в 1911 г. был держатель трактира секиринский крестьянин Детинов, он же Ухватов Прокопий Ефимович. Детинов сообщал: «В 1910 г. мне вручен окладный лист, в коем числится за помещение трактира на уплату земского сбора 61 руб. 52 коп. Означенное помещение я сдаю Чикову в аренду за 60 руб. в год, и сдается под трактир помещение не все, а лишь часть его, а весь дом стоит 300 руб.; ввиду большой суммы такого налога имею честь просить управу переоценить здание трактира». После обследования на месте членом управы выяснилось, что стоит он все-таки 450 руб., а «первоначально он значился по раскладке в 3200 руб.», поэтому недоимку по обложению, возникшую из-за завышенной оценки, решили сложить².

С 1911 г. в селе также действовала «пивная лавка крестьянина Иона Николаевича Ермошкина», которая, правда, работала нерегулярно. Например, в 1912 г. она «с 30 января по 15 мая была в неисправном виде, ввиду повреждения пожаром»³.

Имущество другой недоимщицы 1911 г. – Екатерины Васильевны Крашкиной, задолжавшей Скопинскому уездному земству вместе с пеней 8 руб. 71 коп. за чайную лавку, также оказалось уничтожено пожаром, а сама она умерла⁴. Похоже, в это время неблагоприятно складывались и жизненные обстоятельства у секиринских кузнецов. Кузница Александра Михайлова «лет 6 тому назад уничтожена, и самого его в селе Секирине на местожительстве не оказалось, и не известно, где живет». Второй кузнец – Семен Карназеев – «года 4 тому назад, распродав свое имущество, уехал в Сибирь, но в какую местность – это никому неизвестно»⁵.

Местный крестьянин Дмитрий Петрович Разуваев в селе Секирине за овчинную дубильню был должен земству 8 руб. 64 коп., но в ходе обследования выяснилось, что «вследствие своей бедности Разуваев числящуюся недоимку уплатить не имеет возможности, а имеющееся у него имущество к продаже не подлежит»⁶.

Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. некоторые уроженцы Секирина прославили родное село на полях сражений. Кузьма Андреевич Корнєев (1890–?) был призван в Русскую императорскую армию в 1912 г. и участвовал в войне с самого первого его дня. За годы конфликта он стал полным Георгиевским кавалером и в 1916 г. был произведен в старшие унтер-офицеры. Он демобилизовался в период окончательного развала старой ар-

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 607–608; Рязанские епархиальные ведомости, № 22 (1 ноября 1908 г.). С. 547.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVII очередного созыва 1911 года. Скопин, 1911. С. 518–519.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. Скопин, 1913. С. 401.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVII очередного созыва 1911 года. Скопин, 1911. С. 450–451.

⁵ Там же. С. 446, 447.

⁶ Там же. С. 451, 452.

мии в феврале 1918 г.¹ Герасим Ефимович Ларюшкин (1886–?) отслужил срочную службу в 1907–1911 гг., а в 1914 г. был вновь призван в ряды действующей армии. В 1914–1916 гг. он заслужил Георгиевские кресты 4-й и 3-й степеней, но в июле 1916 г. на Юго-Западном фронте попал в австрийский плен, откуда смог вернуться на родину лишь в конце 1918 г.² Игнатий Петрович Левкин (1889–?) также служил в армии с 1912 г., поэтому попал на фронт в первые дни войны. Он был награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней, перенес ранение. В 1916 г. И.П. Левкин был произведен в подпрапорщики. В ноябре 1917 г. он демобилизовался из армии³.

В 1916 г. в Секирине действовали две земские школы, обе двухкомплектные, с четырехлетним курсом обучения. На отопление в первой из них в год тратилось 1270 пудов (20, 3 т) угля на сумму 376 руб. 33 коп., на ремонт – 101 руб. 80 коп., на инвентарь – 5 руб. 97 коп., на содержание сторожей – 36 руб., на освещение – 18 руб., на страхование – 21 руб. 25 коп. Во второй для отопления требовалось 1510 пудов (24, 1 т) угля на сумму 429 руб. 62 коп., на ремонт – 24 руб., на инвентарь – 11 руб. 36 коп., на содержание сторожей – 133 руб. 64 коп., на освещение – 18 руб.⁴

В начале XX в. многие представители сельской бедноты нанимались работать на скопинские угольные шахты. О бедствиях своей семьи в дореволюционном Секирине в 1958 г. вспоминала жительница села Христина Кузьминична Корнеева: «Родилась я в 1902 г. Мой отец работал на шахте забойщиком, какой была эта работа в то время – настоящая каторга. В воде, при свете коптилки надо было 12 часов рубить уголь простым обушком. Да и домой-то придешь – не лучше. В тесной прокопченной избенке шестеро детей – один одного меньше. Печка топится по-черному. Хоть и добывали уголь свои руками и своим потом, а топили соломой. Дорог был он, не по карману рабочему... Детства своего я почти не помню. Да и не знаю, было ли оно? А как я стала взрослой, хорошо помню. Зима была. Мороз сильный стоял. И тихо было. Жалобно скрипел снег под полозьями саней, а на снях гроб. Мать наша умерла, умерла от родов. Не стало ее, лишь холмик мерзлой земли на кладбище. Вот и все. Пришли домой – холодно, дети плачут, самому младшему года два тогда было, а мне восемь. Вот тогда я и стала взрослой... Работала на бахчах в Коломне... Хоть и жалко было меня отцу, но взял он меня за руку и повел на шахту. “Ты, – говорит, – Христя, большая уж стала, себя кормить будешь”. Мне тогда 12 лет сравнялось. Не принимали меня на шахту, пришлось табельщику взятку дать. Стала я работать на сортировке угля, отбирала колчедан. Работала как все, а получала намного меньше. Рослая была. Послали меня откатчицей. Работа очень трудная. Да что еще оставалось делать? Время тяжелое, шла Первая мировая война. Все соки выжимали из рабочих хозяева, а платили гроши. Помню, рабочие забастовку устроили, просили зарплату повысить. Да где там! С ними никто и разговаривать не стал – вызвали солдат из города. Взяли зачинщиков. Несколько дней просидели они в городе. Говорят, били их там розгами, а они стояли на своем. Выпустили их, а спустя некоторое время зарплату все же прибавили. Но работали по-прежнему 12 часов в день. Однажды, придя домой, я заметила, что отец в хорошем настроении, чем-то доволен. “Ну, дочка, – сказал он мне, – скоро распростишься ты со своей проклятой работой. Сосватали мы тебя. Вскоре и свадьбу договорились сыграть. Парень он хороший, хоть и бедный”. Мне было только 15 лет, и замуж я совсем

¹ ГАРО. Ф. Р-2657, оп. 4, д. 184.

² ГАРО. Ф. Р-2657, оп. 4, д. 185.

³ Там же.

⁴ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 180.

не собиралась... Правда, меня ведь и не спрашивали... Первый раз увидела своего суженого на свадьбе... Через три года муж умер, получив увечье на шахте. Осталась вдовой с сыном и опять пошла на шахту...»¹

Революционные события 1917 г. были встречены в селе Секирине Корневской волости Скопинского уезда с большим воодушевлением и надеждами на лучшее будущее. В 1918 г. в селе был создан сельсовет, при волостном Совете в селе Корневом был образован комитет бедноты. Ф. Густов, участник одного из съездов Корневского волостного Совета в 1918 г., вспоминал о том, что «стержневым» на нем «стал вопрос о немедленной конфискации земли помещиков Гирс, Лихарева, Усова и других. При обсуждении разгорелись горячие споры. Наиболее революционно была настроена делегация села Секирина, возглавляемая Н.И. Сидоровым. Он настаивал на немедленной конфискации земли. Его поддерживали делегации Корневого, Новых Келец. Но при голосовании прошло другое решение – взять сначала имения и земли помещиков на учет, а потом уже решать вопрос о разделе земли. В этом сказались позиция богатых землевладельцев, присутствовавших на съезде. Выступивший поэтому по поводу представитель секиринцев Н.И. Сидоров резко бросил: “Мы не согласны и завтра разделим Вертячку, потому что земля наша, и мы ее полили своей кровью”. Он имел в виду расстрел секиринских крестьян у мельницы». Прошло очень немного времени, и вся помещичья земля была конфискована и разделена между крестьянами сел и деревень. В частной собственности она находилась до конца 1920-х гг., когда на селе началась коллективизация»².

Комитеты бедноты стали действенным инструментом политики новых властей на селе, заключавшейся в опоре на беднейшие слои крестьянства в борьбе с решающим влиянием кулачества на сельскую жизнь. Правда, очень часто этот механизм использовался на местах для сведения личных счетов. Эту подоплеку можно уловить, например, в докладах секиринского комбеда Скопинским уездным властям: «...В селе Секирином <...> прошли в волостной совет: Белов Иван Степанович – первый богат, Яков Григорьев Артемкин, этот всюду переживает за Временное правительство, за Учредительское собрание. В сельский совет Секирина прошли Семин Андрей Ефимович – всюду торговец и с купчей землей. Василий Петров Крашкин тоже с купчей землей. Шатилов Мирон Ефимов, тоже с купчей землей. На основании всего вышеизложенного припередать волостному совету, чтобы кулацкие элементы под видом бедноты не находились в секиринском и волостном комитетах»³.

Члены комитетов бедноты нередко и сами вели себя отнюдь не благовидно. Уже после роспуска комбедов, зимой 1919 г. один из горняков шахты № 24 сообщил скопинским уездным «Известиям»: «14 февраля с. г. член партии коммунистов-большевиков, он же рудничный красноармеец при Побединских государственных рудниках Пантелеев, позволил себе прибыть на шахту № 24 в пьяном виде; начал придирается к рабочим и служащим, сгоняя их с работы, приостановил выдачу угля, отчего получился недоработок около 500 пудов. После чего прибыл начальник штаба и забрал Пантелеева в штаб. По моему убеждению из всяких организаций такой мусор следует безусловно выбрасывать. Пантелеев был членом комитета бедноты села Секирино и, как видно из протокола ревизионной комиссии, занимался взяточничеством и вымогательством самогонкой»⁴.

¹ Скопинский шахтер, № 116 (28 сентября 1958).

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 165.

³ ГАРО. Ф. П-1436, оп.1, д. 2, л. 147 об.

⁴ Известия, № 14 (26 февраля 1919).

Установление советской власти в Скопинском уезде положило начало партийно-просветительской работе в селе. Житель Секирина И.Н. Ермошкин в конце 1918 г. писал в скопинские «Известия» о ее начале: «14-го декабря с. г. я, гражданин села Секирина Скопинского уезда Ермошкин, с тов. Анисимом Нуждихиным пала нам мысль, почему в нашем селе нет никакого просветительного кружка, несмотря на то, что у нас имеется 4000 и более жителей и 6 учительниц, решили поехать к тов. председателю районного компарта при Побединском руднике Томису, который принял нас с восторгом и дал нам совет организовать коммунистическую ячейку просветительского кружка, и дал нам 170 книжек и посоветовал, как поступить. С радостью на душе мы явились в село Секирино, написали объявление об уведомлении крестьян и рабочих, что на 15 декабря с. г. в школе будем читать лекции в 1 час дня, уведомили членов комитета бедноты, действительно пришло очень много крестьян и рабочих, очень внимательно слушали, школа была полна набита слушателями, полнейший порядок был в время лекции и тишина, мы читали: о крестьянских коммунах, постановление Рязанского губернского съезда, об общественной запашке и программу партии коммунистов (большевиков). После лекции начали крестьяне просить у нас программу партии коммунистов-большевиков, но, к сожалению, их было очень мало, но обещали доставить, на доставку только надежда на тов. Томиса. Лекция оказала сильное впечатление слушателей: школа совсем не топтана, да и невозможно ее топтать, вся разорена. На лекции из 6 учительниц не присутствовала ни одна, из членов комитета бедноты пришел только один, и то под конец лекции. Членов правления потребительской лавки тоже не было. Вот как у нас относятся к просвещению масс, но мы решили ни перед чем не останавливаться. Назначаем на 19 декабря лекции, пусть учительницы-эсерки на нас посмотрят, стыдно им будет»¹.

Как признают В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов, «нельзя не отметить, что в послереволюционные годы культурная жизнь села пошла вперед семимильными шагами. Причем во многих случаях запевалами перемен выступали сами секиринские крестьяне. До сих пор помнят не только в Секирине, но и в окрестных селах и деревнях руководителей местной самодеятельности сестер Соню и Тоню Хариковых, которые вели большую просветительскую работу среди населения. Именно они организовали в округе первые курсы по ликвидации неграмотности. Благодаря их агитации, секиринская молодежь стала активно участвовать в художественной самодеятельности, постановке спектаклей»².

Национализация скопинских угольных шахт избавила местных крестьян от варварской эксплуатации их труда и произвола прежних собственников, но лучшие условия труда и достойная заработная плата появились не сразу. В 1920-х гг. отрабатывались переходные формы хозяйствования. Например, в 1925 г. шахта № 25 Побединских копей была сдана в арендное пользование группе граждан сел Секирина и Чулкова. «Условия аренды таковы: с каждого пуда угля рудоуправление платит 4,5 копейки. Ранее эти шахты, находясь в эксплуатации рудника, добывали уголь, обходившийся по 12 копеек за пуд. Месячная добыча шахты около 200000 пудов. Шахта отремонтирована, имеет своего штейгера и подчиняется горному надзору района. Это первый опыт передового коллектива шахты, которая предназначалась к закрытию вследствие убыточности»³.

¹ Известия, № 27 (22 декабря 1918).

² Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 139.

³ Коллектив, №33, 1925.

Несмотря на оценку скопинской газеты «Коллектив», начинание вряд ли можно считать передовым. Скорее оно объясняется логикой выживания в разрушенной Гражданской войной стране – «не до журу, быть бы живу». Производительность труда на шахтах Побединского рудоуправления была выше, чем на арендованной. Это сказывалось и на оплате труда: если в рудоуправлении в феврале 1925 г. забойщик получал 2 руб. 30 коп., а вагонщик 1 рубль 37 копеек в день, то у арендаторов, соответственно, эти ставки составляли 1 руб. 21 коп. и 73 коп. Условия работы на шахте рудоуправления и арендаторов также были неоднородны: шахты первого были хорошо оборудованы, в них отсутствовала вода и грязь, работникам выдавалась спецодежда. В арендованных же условия труда были ужасные, оборудование и крепление производились с нарушением элементарных правил.

Впрочем, и на шахтах рудоуправления не все было гладко. Нередко несоблюдение норм приводило к трагедиям. Об одной из них на рубеже марта и апреля 1925 г. скопинская газета «Коллектив» писала: «25 марта в 3 часа дня на шахте № 12 получился обвал, во время которого засыпало землей рабочего Крючкова Андрея (кандидата партии РКП). Товарищ по работе старался спасти, но усилия были тщетны, так как приток песка продолжался, тем самым угрожая спасавшему. Лишь к 1 часу ночи удалось откопать труп погибшего рабочего. Крестьянину села Секирино Крючкову А.В. было 33 года, сиротами остались трое детей»¹.

Самогонование на селе стало одним из наиболее заметных социальных последствий запрета на продажу алкоголя, введенного еще царским правительством с началом Первой мировой войны в 1914 г. Были свои самогонщики и в Секирине. В июне 1925 г. скопинский «Коллектив» писал: «В селе Секирино Побединской волости есть частный торговец И.Е. Федин, который “благодетельствует” секиринских самогонщиков. Скупает у них самогон по 40 коп., а продает по 70 коп. за бутылку, да еще бахвалится: “Вы-де без меня с голоду подошли бы, а при мне хоть кормитесь”. Ни дать, ни взять, как “опивающие” у него рабочих – правление рудничного коллектива, которое при всяком удобном случае ведет агитацию против профсоюза и рудкома и твердит темным рабочим: “Как бы не мы, так секиринские рабочие давно бы уже с голодухи переколели...” Волмилиции к Федину давно пора заглянуть...»²

Бывший чулковский помещик Усов, антигерой секиринской истории, после революции и Гражданской войны остался в СССР. В 1925 г. он служил начальником службы тяги на одной из станций Южной железной дороги. Но секиринцы, винившие его в конфликте, приведшем к гибели их односельчан в 1907 г., не давали ему спокойной жизни. В марте 1925 г. скопинский «Коллектив» опубликовал заметку помощника уездного прокурора, в которой он сообщил, «что выписка из протокола общего собрания граждан села Секирина о бывшем помещике Усове была направлена для производства дознания, а копия этой выписки была послана уполномоченному НКПС Южной железной дороги с ходатайством о снятии с работы начальника службы тяги бывшего помещика Усова. Полученный материал дознания направлен прокурору Рязанской губернии с просьбой передать его для ведения следствия старшему следователю»³. Вскоре после этого, кстати, вышло постановление ЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 г. «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйствах»⁴.

¹ Коллектив, № 35 (29 марта 1925); № 36 (1 апреля 1925).

² Коллектив, № 62 (24 июня 1925).

³ Коллектив, № 35 (29 марта 1925).

⁴ Коллектив, № 37 (3 апреля 1925).

В 1920-х гг. советские власти повели наступление как на официальное православие, так и на религиозное сектантство. Секта скопцов, признанная «изуверской», была запрещена после громкого судебного процесса в 1929 г. Но и до официального запрета ее членов преследовали по суду. Во всяком случае, в Секирине. В апреле 1925 г. в статье «Скопец перед нарсудом», опубликованной в скопинском «Коллективе», корреспондент М. Бегичев сообщал об одном из инцидентов из сельской жизни, связанном с сектантами: «12 апреля в нарсуде 2 участка разбиралось необычное дело. Истица – крестьянская женщина из села Секирино Побединской волости просила отобрать и присудить ей от бывшего мужа 12-летнего сына. Основала она свою просьбу на том, что ее муж оскотился, и теперь эта же участь грозит ее ребенку. Из обстоятельного доклада судебно-медицинского эксперта врача Липец выяснилось, что эта изуверская секта довольно широко в свое время была распространена в Скопинском уезде. На всю тогдашнюю Россию прошумели два процесса Скопинских скопцов: один в 1904 г. – «процесс 111», и в 1904 г. – «процесс 46». В Скопинском арестном доме томилось много скопцов по несколько лет, а затем высылались они в Тобольскую губернию. Распространена эта секта была в особенности в Корневской и Чернавской волостях. Центром ее было село Черкизово под Москвой. Породила эту секту глубокая темнота и религиозный фанатизм, поддерживавшийся в то время царским правительством, а суровые преследования секты способствовали ее распространению. Между прочим, бывший в то время священник села Секирино долгое время за взятки скрывал скопцов, а потом вынужден был открыть царскому правительству. С прекращением религиозных гонений при совласти скопчество в уезде сошло почти на нет. Оставшиеся скопцы живут замкнуто, все обладают хорошим хозяйством и вообще стараются сора из избы не выносить, и если им приходится обращаться к суду, то они сначала совершают особое паломничество к своему “старшему” – в село Черкизово и, если он “благословит”, то скопец начинает судиться.

Основная особенность этой секты заключается в том, что путем операции, производимой специальным лицом, скопцы удаляют у себя, как мужчины, так и женщины, частично или полностью детородные органы, считая их источником греха. Все это проделывают в состоянии религиозного умоисступления. В разбираемом судом случае мужчина оскотился после рождения ребенка. У него экспертом было установлено так называемое оскотление “большой печати” – т. е. полное удаление полового органа со всеми придатками. Народный суд, учитывая возможность воздействия на ребенка со стороны отца-фанатика и считая вообще вредным оставление его в обстановке фанатически настроенного семейства скопцов, иск удовлетворил и ребенка передал матери»¹.

В первые годы существования сельсоветов некоторые их члены по старинке ориентировались на самодурство и самоуправство сельских старост и волостных начальников дореволюционного времени. Как сообщал в мае 1925 г. скопинский «Коллектив», «председатель [сельсовета] села Секирино Я. Черноусиков не успел еще как следует оглядеться на своем посту, а уж издал «обязательное постановление» – «возить топку на мою квартиру общественными подводами, по череду, да задаром...» «Ох, много у нас еще охотников на чужой шеё проезжаться!» – заключала газета². Тот же Я.А. Черноусиков и секретарь сельсовета Герасим Ларкин «под канцелярию заняли кровать у вдовы Сускиной Ефросиньи и у вдовы Бекасовой Акулины, а в первых числах июля эти товарищи, упившись самогона, пришли к вдовам, пообещали им льготы по сельскохозяйственной повинности и поэтому предложили с ними

¹ Коллектив, № 44 (22 апреля 1925).

² Коллектив, № 50 (13 мая 1925).

переночевать. Вдовы согласились»¹. Однако секиринские крестьяне не посчитали эти грехи достойными порицания. В 1926 г. прежние председатель сельсовета Я.А. Черноусиков и секретарь Г.Е. Ларюшкин были переизбраны на свои посты. Газета констатировала, что за «хорошее отношение к бедноте» они «пользуются большим авторитетом»².

В 1929 г. историческое административное деление на волости, уезды и губернии было отменено. Секирино стало населенным пунктом Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

Бывшие «хозяева жизни» – богатые местные крестьяне, подход к которым со стороны советских властей носил явно дискриминационный характер, в 1920-х – 1930-х гг. пытались вписаться в новые условия жизни. Терпевших неудачу в этих исканиях было гораздо больше, чем добившихся результатов. В эти годы семьи зажиточных секиринцев нередко уезжали, распродав имущество, пытались скрыть свою прошлую жизнь и начать новую «с чистого листа». Но в ходе партийных чисток начала 1930-х гг. «на свет Божий» выходили многие неудобные для них факты. В 1931 г. скопинский «Коллектив» писал о местных уроженцах – Н.Г. Панине и его брате: «Эти гаденьши, выходцы из отъявленной кулацкой семьи, которая до революции имела много земли, до 15 лошадей, несколько коров, эксплуатировала до 5 батраков. Имеющейся молотилкой и косилкой выжимали последние соки из крестьян села Секирино, занимался ростовщичеством, бакалейной и винной торговлей, содержал чайную и вдобавок ко всему этому в “дом” были вхожи люди, отец их часто на мирских судах выступал и как защитник крестьян брал взятки. Один из сыновей в 1923 г. пробрался во флот. В 1925 г. поступил на один из рудников Подмосковского бассейна и вскоре под маской середняка пробрался в ВКП(б), затем пробрался на шахту № 37, затем <его> избрали председателем Секиринского сельсовета. Хорошо сделала секиринская ячейка ВКП (б), что выгнала кулаков из партии»³.

Несмотря на множество перемен в жизни страны, в 1920–1930-х гг. в жизни секиринцев оставалось множество традиций крестьянской старины. Например, здесь, как и в некоторых других скопинских селах, «существовал обычай, по которому сватов засылали не к невесте, а к жениху, т. е. девушки сами сватались к парням. В деревне [Секирино] навязывали невест женихам. Сначала идут к богатым свататься, а богатым считался, если сын один у родителей, тогда богатый. Если попятити (отказали), то идут к кому похуже свататься. В Секирино было принято выходить замуж и жениться за своих. В этом случае говорили: «За помело, да в свое село».

В Вослебове, Секирине и других селениях к Рождеству дома украшали соломенными «люстрами» в форме фонарика. В Вослебове их вешали в Божьем углу, а в Секирине – «к потолку, к матке», т. е. к матице, там, где висит абажур. На стенах для украшения вешали соломенные куколки. Для поделок бралась только ржаная солома. Это было женское занятие – девочек, девушек, женщин.

В некоторых селениях был обычай колядования, например, в селе Маклаково, молодежь накануне Рождества: один надевал вывороченную шубу и брал в руку палку; через плечо ему вешали кошель или суму для собранных продуктов. Колядовали, нарядившись колядой в вывороченной шубе, собирали пироги и пышки и в селе Секирине.

А вечером с Рождества и до Крещения в Секирине каждый день играли в «жуг» (от слова «жугт»). Это была любимая игра, посмотреть на которую собиралась полна изба народу.

¹ Коллектив, №26. 1926.

² Коллектив, № 75.1926.

³ Коллектив, № 7 (29 марта 1931).

«Жутом» служил домотканый шерстяной пояс «покромка», которыми подпоясывали шушки (верхняя домотканная одежда). Из этого пояса свивали, как девичью косу, «жут» длиной около 30 см. Для игры ребята, девки и молодые бабы, очень «плотно прижавшись между собой», усаживались на лавки напротив друг друга, «жут» кидают к тесно сидящим игрокам и прячут его. Водящий должен угадать, за чьей спиной спрятан «жут». Лишь только водящий отходил от «горячего» места, как игрок, за чьей спиной был «жут», выхватывал его и ударял водящего. Игроку надо было успеть спрятать «жут», а водящему – схватить, изо всех сил стараясь отнять его. Если это были парни, то между ними завязывалась ожесточенная борьба за «жут». Победителя усаживали к игрокам, а побежденный водил.

На Масленицу до четверга все были заняты своими делами: женщины пряли, мужчины плели лапти, заготавливали лыко. В четверг работали до обеда. Праздник гостевания на Масленицу, как правило, длился пятницу, субботу и воскресенье. В селе Секирино особенно устойчивой была традиция девичьих гостеваний. «Каждая подруга должна своей корогод собрать и у каждой погостить. И так до воскресенья». Распространены были в Скопинском уезде в этот праздник переодевания мужчин в женщин и женщин в мужчин.

«На Красную горку круги заводили на бутре <...>, круги заводили на каждом порядке, нас учили круги водить какие постарее бабенки-то, и какие песни петь, и как подлаживать. После Красной горки всю весну играли в круги. Хватаемся друг за друга и кругом ходим, играем».

В каждой семье были свои варианты обряда. В окрестностях Скопина (Вослебове, Чернаве) пекли тонкие блины – каравайцы. В Секирене пекли «голубя» и «лестницы», которые бросали в рожь.

В хлопотах и заботах наступал Петров день. К сенокосу заготавливали не только более вкусную и сытную еду, но заботились о красоте и чистоте своей одежды. Было принято к Петрову дню «поджинать рожь», т.е. нажать ровно столько, чтобы обмолотить и испечь пышки из муки нового мола к празднику. Так делали в Петров день в Вослебово, Секирино и окрестных селах¹.

В 1928 г. в Секирино возникла инициативная группа по созданию колхоза. Ее лидером стал Егор Александрович Лобаскин (Лабазкин), активистами были крестьяне Агеев, Стенин и др. Зажиточные односельчане – среди них упоминают богатых крестьян Казина и Ерошина – активно противились нововведению: были случаи, когда сторонникам колхозного строя не давали слова на пленумах сельсовета или вообще на них не пускали. По инициативе Е.А. Лобаскина осенью 1928 г. секиринские колхозники в количестве 15 хозяйств выехали из села и образовали неподалеку от него собственный поселок, получивший название Отрада. Такое же название получил и созданный в нем колхоз. Поначалу он был очень беден и располагал всего 1 плугом и 3 лошадьми.

Новый поселок находился на территории Секиринского сельсовета, так что с переездом на новое место противоречия с кулацкой верхушкой сладить не удалось. «В первый же год кулаки крали сено с колхозных лугов и избивали лошадей, 2 августа [1929 г.] кулак Казин выстрелил из револьвера в председателя колхоза Лабазкина, но не попал. Пуля прошла мимо. По решению суда Казин был расстрелян»². В 1980-х гг. секиринский старожил Н.И. Симонкин излагал обстоятельства нападения на Е.А. Лобаскина несколько иначе: «Возненавидев отрадинского председателя Е.А. Лобаскина, местный кулак Казин нанял двух убийц, которые

¹ *Тузьева Л.А.* Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. Рязань: Ринфо, 2001. С. 14, 17, 21, 37, 43, 64, 83, 92, 117, 120, 124, 131, 134, 171, 200.

² Побединский ударник, №45 (24 февраля 1933).

поджидали председателя в саду. Один из них, Бурчихин, выстрелил, но не попал, прострелил только фуражку. Покушавшихся схватили, они были приговорены к расстрелу»¹. Родственники Казина в количестве 10 человек, включая малолетних детей, были раскулачены и высланы из села.

В 1929 г. из Секирина выселилась вторая группа колхозников, образовавшая поселок Большак. Созданный ими колхоз получил такое же имя. В 1933 г. оба колхоза объединились под общим названием «Отрада».

В 1931 г. появился колхоз и в самом селе Секирино, где коллективизацией было охвачено 20 % дворов. Он был назван в честь ОГПУ. В те годы многие секиринские крестьяне устривались работать на окрестные угольные шахты. Их привлекали более высокие заработки и более престижный статус горняка. Тех, кто пытался одновременно пользоваться привилегиями колхозника и промышленного рабочего правление колхоза отваживало, говоря: «Нет у тебя трудней – не дадим лошади, не дадим пайка»².

Коллективное хозяйство организовывалось без какого-либо предыдущего опыта, методом проб и ошибок. Многим большевикам-романтикам пришлось в те годы стать реалистами. Тем, кто мечтал о построении коммунизма через 5–10 лет, пришлось столкнуться с неприглядными особенностями человеческой психологии и низким уровнем производительности труда. В секиринском колхозе с первых лет его существования перешли от поденной работы к сдельной как более продуктивной. Преимущества сдельщины оценили быстро. Например, «при поденной работе по заделке гряд лука (севка) на гектар уходило 18 человек, а при сдельной 12 человек (8 часов)»³.

К началу 1932 г. в секиринский колхоз им. ОГПУ входили 376 хозяйств. Сельхозартели принадлежали 98 лошадей, 3 сеялки, 2 молотилки, 1 сортировка, 20 плугов. На организованной МТФ содержались 30 коров. Земельные угодья колхоза составляли 1000 га. После роспуска первого состава правления из колхоза были «вычищены 10 кулацко-зажиточных хозяйств и исключены два лодыря, ломавшие инвентарь»⁴.

Весной 1933 г. в колхозе им. ОГПУ было уже около 500 хозяйств. Председателем его был Минашкин. Усилиями колхозников в Секирине были построены силосная башня на 350 т, две образцовые конюшни (одна электрифицированная), семеновранилище и овощехранилище. Работали МТФ и коневодня. В это время 685 секиринцев трудились на окрестных угольных шахтах, так что в колхозе было много жен шахтеров. О них газета «Побединский ударник» в 1932 г. писала: «Техникой овладели Лабазкина Акулина, Жевалкина Наталия, Хрестина Настасья, Чебирыкина Евдокия, Моисеева Акулина, Панина Анастасия, Шатилова Анастасия, Федина Наталья. Ударницами были Лабазкина Н. и Карпова А. Лучшим производителем был Агеев Николай, и потому его избрали в 1933 г. на первый областной съезд колхозников-ударников, проходивший в Колонном зале Дома Союзов»⁵. Н. Агеев руководил огородной бригадой, в которой трудились 63 женщины.

Раскулаченные и «вычищенные» из колхоза мстили своим обидчикам. Местная пресса сообщала: «В ночь на 4 августа 1932 г. в Секирино в течении 15 минут произведено пять поджогов. Сгорело 4 хозяйства шахтеров и колхозников. Поджигатель тут же был пойман, им

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 139–140.

² Коллектив, № 16 (2 июня 1931).

³ Коллектив, № 14 (19 мая 1931).

⁴ Побединский ударник, № 8 (15 января 1932).

⁵ Побединский ударник, № 45 (24 февраля 1932).

оказался рабочий шахты № 42 Никонов. Был вдребезги пьян, его для этой цели напоили кулаки Шатиловы, Иван и Сергей. Как предполагали, цель поджогов – сжечь колхозные дворы. Шатилов был родственник расстрелянного за контрреволюционные действия кулака Казина. Сам Шатилов из колхоза был “вычещен” как чуждый элемент. Показательный суд приговорил Никонова к 4 годам, а в отношении Шатиловых вынесено определение о привлечении к уголовной ответственности и взяты под стражу»¹.

В начале декабря 1932 г. в Секирино установили четыре трансформатора, к которым подвели линии от ЛЭП Побединка–Князево. Сначала осветили клуб рудкома, размещавшийся в бывшем поповском доме, и 80 домов жителей. В селе была построена новая баня, в планах на ближайшие месяцы было окончание строительства неполной средней школы, клуба на 500 мест, 3 шлакобетонных домов – для ударников колхоза – и амбулатории².

Колхоз им. ОГПУ гремел по району своими достижениями. Однако быт колхозников и шахтеров все еще отличался большими неудобствами. Горняк Уколкин жаловался газете «Побединский ударник»: «У дверей секиринского кооператива в 3 часа ночи можно видеть длинную очередь. В 8 часов в кооперативе невозможная давка и толкотня. Так идет изо дня в день. Мыло и промтовары не завозятся»³. Электрификация села Секирина стала большим шагом вперед к улучшению условий жизни села. В начале 1930-х гг. электричество было лишь в Скопине, в поселке Октябрьское поле, в Пупках, Князеве, Маркове (Ивановке), Побединке, в поселке механического завода и в двух колхозах. Ток шел от Побединской ГЭС – одного из первенцев электрификации страны⁴.

В период массовой коллективизации местные власти поначалу не очень усердствовали и не стремились поскорее «загнать» всех единоличников в колхоз. Агитация за колхозный строй, конечно, проводилась, но не более того. Для сельсовета важнее был выполнить планы по хлебосдаче и налогам. О лучших в этом отношении единоличниках села – И.А. Афонюшкине, Н.Д. Шатилове, Ф.М. Корнееве, У.А. Уколкине – даже писали газеты⁵. Но там, где недорабатывали сельсовет и районная администрация, включались другие факторы. В первую очередь, спускавшиеся «сверху» твердые задания и посевные планы для единоличников. Твердыми, т. е. повышенными заданиями по госпоставкам облагались зажиточные крестьяне – кулаки, иногда чрезмерно состоятельные середняки. Им же сельсовет утверждал и посевные планы. Отличались от бедняцких и применявшиеся к ним ставки культурного и сельскохозяйственного налогов. За невыполнение планов «твердозаданцев» штрафовали, некоторых судили. В результате у состоятельного крестьянина не оставалось иного пути, кроме вступления в колхоз. Но тут подстерегала другая опасность – при вступлении требовалось обобществлять скот и сельхозорудия. Опасаясь лишиться своего нажитого, состоятельные крестьяне перед вступлением в колхоз укрывали хлеб, резали или частично распродавали скот. Вступив же в ненавистную сельхозартель, некоторые начинали воровать и всячески вредить ей. В 1932 г. «Побединский ударник» сообщал: «В сентябре 1932 г. на мельнице в Секирино из сданных колхозником Самосудовым 4 пудов 15 фунтов зерна после вычета гарнцевого сбора не хватило 25 фунтов. За мельником Устиновым такие мошеннические проделки замечались не раз»⁶. Местный секиринский селькор сообщал через газету: «Под-

¹ Побединский ударник, № 165 (24 августа 1932).

² Побединский ударник, № 242 (4 декабря 1932).

³ Побединский ударник, № 235 (26 ноября 1932).

⁴ Побединский ударник, № 225 (14 ноября 1932).

⁵ Побединский ударник, № 112 (14 июня 1932).

⁶ Побединский ударник, № 189 (22 сентября 1932).

кулачник Корнеев И.И. план по хлебосдаче не выполняет. Он говорит, что у него картофеля нет. Фактически у него обнаружено 60 пудов картофеля, спрятанного на чердаке. Уколов С.А. спрятал у своей родственницы 70 пудов, Агеев А.Г. укрыв от государства 100 пудов»¹. Надо признать, что обложение твердым заданием не всегда было справедливым. Его могли распространить и на середняка, и даже на бедняка, попавшего в «подкулачники» – т. е. оценивавшего политику советской власти на селе в духе подходов прежней зажиточной верхушки. В 1932 г. был обложен твердым заданием забойщик 39-й шахты секиринец Пронюшкин, как имевший кулацко-зажиточное хозяйство. Что же имел Пронюшкин? Лошадь, корову, производственный стаж работы с 1912 г., годы служба в РККА и девять человек в семье. Правда, Скопинская районная прокуратура незамедлительно посчитала обложение несправедливым и наложила резолюцию: «Разобрать»².

Несмотря на дискриминационное налогообложение, к 1935 г. в Секирине оставалось еще много крестьян-единоличников, не желавших менять свой статус. Секретные доклады Скопинского райотдела УНКВД по Московской области сообщали: «Во время проведения беседы о культсборе и колхозном строительстве 29 января 1935г. присутствовавший единоличник Ларькин Павел Никитович заявил: “Сколько вы нас ни агитируйте, а все же в единоличном хозяйстве жить лучше, хотя я за невыполнение обязательств перед государством заплатил штраф 350 рублей, а если нужно будет еще заплачу, но в колхоз не пойду, эта власть все равно скоро переменится, а кто в колхозе – тем плохо будет”. Встретив колхозника Разуваева Захара: “Захар, ну что ты мучашь свою жену, раз она не хочет быть в колхозе, так ты из колхоза уходи вместе с ней, а если не выйдешь, вряд ли она будет жить с тобой. Захар, ты не забудь, что скоро этой власти придет конец, а кто в колхозе – плохо тому будет”. Разуваев Захар Прокофьевич остался в колхозе, но жена развелась с ним и из колхоза вышла»³. Общую обстановку в регионе в этот период хорошо характеризуют следующие слова из доклада УНКВД: «Гончаров Петр Федорович – дежурный по станции Секирино, в присутствии рабочих Сидорова Митрофана – главного кондуктора, стрелочника Игнатова Кирилла, Ермакова Петра Емельяновича – сцепщика сказал: “У нас везде безобразия, в Скопин не показывайся, зарежут или убьют, это не социалистическое общество, а просто дезорганизованное”»⁴.

Райотдел УНКВД следил не только за настроениями в обществе. Под его бдительным контролем находились и учреждения народного образования. Вот что, например, сообщалось районным властям о положении в секиринской школе: «Секиринская неполная средняя школа – ремонт в основном закончен, еще требуется промазка и застекление рам. При строительстве школы проектом была предусмотрена в нижнем этаже столовая с кухней. Безобразно обстоит дело с обеспечением квартирами учителей, которых по Секирину имеется 26 человек. В селе по линии треста «Москвоуголь» строится дом двухэтажный для учителей, но темпы такие медленные, что поставлена под угрозу обеспеченность жилой площадью 15 учителей. С топливом полный прорыв...»⁵ Не все было гладко и с адекватностью школьных работников. Например, в 1937 г. «Колхозная правда» писала: «...В результате поповской агитации десятки детей посещали церковь. Партийная организация колхоза смотрит на это сквозь пальцы. В школе, директор тов. Ефимов, пытались воздействовать на детей, но сдела-

¹ Побединский ударник, №231 (21 ноября 1932).

² Побединский ударник, № 189 (22 сентября 1932).

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 20.

⁴ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 17.

⁵ ГАРО. Ф. П-1437, оп.1, д. 88, л. 117.

ли это в высшей степени безобразно. В стенгазете всех детей, посетивших церковь, объявили врагами и предателями»¹.

«В колхозе им. ОГПУ было три фермы к осени 1935 г.: МТФ – 204 головы, СТФ – 78 голов и конная товарная ферма на 34 головы в новой конюшне, построенной в 1933–1934 гг. Сооружался новый каменный скотный двор на 100 голов. Руководил фермами член ВКП(б) Стенин Петр Иванович, бывший шахтер села Секирино, прошедший подготовку на курсах»². Имелся в колхозе им. ОГПУ Секиринского сельсовета и собственный черепичный завод, на котором работали 25 человек³.

В 1937–1938 гг. несколько уроженцев Секирина пали жертвами «большого террора». Складывается впечатление, что аресты проходили в соответствии с оперативным приказом народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. Секиринец Ефим Васильевич Харламов (1882–1937) проживал в родном селе, работал на шахте № 43. Он был арестован 13 августа 1937 г. и 22 сентября осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в контрреволюционной пропаганде, направленной против политики партии и правительства. Е.В. Харламов был расстрелян 23 сентября 1937 г. на полигоне НКВД СССР «Объект Бутово» под Москвой, позднее посмертно реабилитирован. Его односельчанина Василия Алексеевича Семункина (1900–1937), крепильщика шахты № 51, арестовали 26 августа 1937 г. 19 сентября он был осужден тройкой УНКВД по Московской области по обвинению в контрреволюционной агитации и 21 сентября 1937 г. расстрелян на полигоне НКВД СССР «Объект Бутово» под Москвой. Он также был посмертно реабилитирован в 1958 г. 31 октября 1937 г. в Бутове оборвалась жизнь Бориса Игнатьевича Карпеева (1910–1937), 4 января 1938 г. – Григория Яковлевича Шатилова (1890–1938).

С 1935 г. в Секирине не действовала Борисоглебская церковь (хотя официально она не закрывалась вплоть до 1941 г.). Служившему в ней священнику Александру Николаевичу Спешневу (1888–1937), уроженцу села Путятина Воронежской губернии, пришлось испить ту же горькую чашу, что и некоторым прихожанам храма. 28 августа 1937 г. он был арестован по месту проживания в Скопине. Тройка УНКВД осудила его 8 октября, а на следующий день он был также расстрелян в Бутове. Священник А.Н. Спешнев был посмертно реабилитирован в 1960 г.

В 1937 г. Секирино вместе со Скопинским районом вошло в состав новообразованной Рязанской области. На 1 января 1939 г. в Секиринском сельсовете, включавшем село Секирино, а также поселки Большак и Отрада, насчитывалось 994 двора. В колхозе им. ОГПУ состояли 989 дворов с совокупным населением в 3586 жителей. Крупный рогатый скот содержали на 398 дворах. Вне колхоза оставались 1404 жителя. В 1938 г. в колхозе под пашней было 2006 га. Урожай зерновых и бобовых с 1401 га составил 6280 ц, т. е. около 4,5 ц с га. С 151 га собрали 2203 ц картофеля, с 59 га – 2122 ц других овощей и бахчевых. В среднем на колхозника пришлось по 43 трудодня, после отчисления 4,7 % прибыли на 1 трудодень к выдаче пришлось по 600 г зерна и по 2 копейки деньгами⁴. В колхозе также было 307 лошадей и 46 жеребят, 120 коров и 83 теленка, 116 свиней и 483 поросенка, 5 овец. В этом же году

¹ Колхозная правда, №62 (9 июня 1937).

² ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 159.

³ Архив МГУ. Ф.42, оп. 6, д. 91. Тетрадь. Основные показатели народнохозяйственного плана.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91.

пали 1 жеребенок, 4 теленка, 8 поросят. Колхозникам было продано 40 телят и 302 поросенка¹. По данным учета 1937 г. общая площадь садов Секиринского сельсовета (в основном яблони-грушевых) составила 38,14 га, ягодников – около 0,3 га. На территории сельсовета в 1938 г. действовали 5 торговых точек, в том числе магазин Главинторга².

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Секирине было 937 строений, действовали собственный сельсовет, школа. Черепичный завод располагался за северной окраиной села, восточнее него работали каменоломни.

Начало Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. секиринцы, «как и вся страна, встретили с суровой решимостью и скорбью. Почтальоны пачками стали разносить призывные повестки, по которым на фронт ушли сотни мужчин из Секирина, Кочутурок, Отрады и других населенных пунктов...»³. В отсутствие мужчин основная тяжесть колхозной работы легла на плечи стариков, женщин и подростков. В 1941 г. часть лошадей и рогатого скота, «трактора МТС были эвакуированы, основной парк находился в Ухоловском районе – 39 тракторов»⁴. «В первых числах июля [1941 г.] престарелые колхозники, входившие в 10-ю бригаду: Е. Ерошкина, А. Филимошкина, П. Филюнина, Д. Янюшкина, М. Бойкова, Е. Дунькова, Ф. Корнеева, М. Лазутина заявили, что “все, как один, будем работать на уборке урожая”⁵. В эти дни на собрании секиринских колхозников Татьяна Бекасова говорила: «Мой сын на фронте. Я его с запасом теплых вещей проводила. Даю Красной армии еще шерстяные чулки, теплые брюки и шарф». Сдавали кто шерстяные носки, теплые вещи, а многие овчины, как 70-летняя Анастасия Семеновна Ларькина. Пенсионер Микашкин сдал, кроме двух овчин, шерстяные носки и три метра мануфактуры»⁶.

Осенью 1941 г. в Скопинском районе было размещено 5 госпиталей на 1200 коек, на территории района проживали 4945 семей военнослужащих и 525 семей эвакуированных⁷. Накануне прихода немцев госпитали были вывезены со всем оборудованием, включая койки, матрацы, белье⁸.

18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава. Скопин также был захвачен врагом. Секиринский краевед Н.Н. Ермаков рассказал, что «немецкая разведка въезжала на короткое время в село и, посадив мальчишек в мотоциклы, угостив галетами, направилась к шахте № 25, бывшей выше агрегатного завода...». Фашистов в первую очередь интересовала возможность их восстановления. Вражеские дозоры курсировали возле Шелемишева. Оказавшаяся в Рязке 84-я стрелковая бригада 28 ноября 1941 г. выбила немцев из Скопина. В период пребывания в городе 26 ноября 1941 г. оккупантами был расстрелян уроженец села Секирина Егор Сергеевич Чувинов (1886–1941), работавший сторожем Скопинского райисполкома. Без кормильца в суровое военное время остались его жена и 3 детей.

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Таблица. Населенные пункты Скопинского района.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 141.

⁴ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 5.

⁵ Сталинец, №112 (12 июля 1941).

⁶ Сталинец, № 146 (17 сентября 1941).

⁷ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 38.

⁸ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 8.

После изгнания немцев зернопоставки государству не производились, основной упор был сделан на сбор расхищенного из колхозных кладовых и государственных складов зерна. В конце декабря 1941 г., сразу после ухода оккупантов, по Скопинскому району было «собрано расхищенного зерна: государственного – 800 т, колхозного – 630 т от населения, 143 тонны мяса, собраны все лошади, инвентарь, сбруя в колхозах и организациях. Восстановлена работа школ, изб-читален в 10 дней, восстановлена работа сельсоветов, колхозов и общественных организаций в 7 дней. Организовано начали работу хлебопекарни, бытовые учреждения, аптека, больницы, парикмахерская, бани и часть магазинов. На постройку танковой колонны собрано 165 тысяч рублей. Активно проходил сбор теплой одежды для Красной армии. Собрано 513 пар валенок, 235 полушубков, 315 фуфаяк, 365 теплых брюк, 470 пар чулок, 630 пар варежек, 700 белья, 1300 овчин, 830 кг шерсти и других вещей, послано более 400 посылок с новогодними подарками для бойцов»¹.

В докладной записке Скопинского райкома ВКП (б) о состоянии дел в районе на 10 января 1942 г. сообщалось: «...По изгнанию немецких захватчиков на 1 января было обмолочено 9359 га и оставалось к обмолоту 9111 га. Из этого количества расхищено снопами в поле 5371 га и осталось к обмолоту 3740 га, на эту площадь составлен график обмолота с применением наличного колхозного инвентаря – 31 молотилки и цепями. <...> Сбор снопами расхищенного хлеба почти не поступает, но и зерно тормозится сдачей, оседая в руках похитителей»².

В докладной записке Скопинского райкома ВКП (б) от 21 января 1942 г. в адрес исполкома Рязанского областного Совета депутатов трудящихся отмечалось: «Несмотря на кратковременную оккупацию в районе произведены большие разрушения и расхищение зданий и имущества <...> в результате чего нормальная работа школ, больниц и других учреждений в районе нарушена, а в отдельных случаях полностью прекращена <...> Здание Секиринской неполной средней школы совершенно выведено из строя, в которой обучалось 250 человек учащихся. В этом здании поломаны потолки и полы, разбиты рамы и двери, повреждена крыша, расхищен инвентарь и оборудование. На восстановление требуется 65 тыс. руб. В особенности пострадали Секиринские детясли»³.

Постепенно район возвращался к нормальной жизни. «На Скопинской машинно-тракторной станции приступили к ремонту 9 гусеничных тракторов, готовых на 23 января 1942 г. не было. С целью подготовки кадров заработала школа МТС на 120 человек. В школах района 2225 человек обучалось сельскохозяйственным специальностям, с 1 февраля при РайЗО были организованы курсы председателей колхозов, бригадиров, счетоводов, машинистов»⁴. В Секиринской НСШ по специальности пахаря обучались 100 человек, сеяльщика – 12, жатчика – 12, химизатора – 6 человек. Дополнительно была организована учеба в двух средних школах Скопина: по массовым профессиям – 150 человек, шоферами – 150 человек, трактористами – 150 человек»⁵.

В докладной записке от 24 января 1942 г. секретарь Скопинского райкома ВКП (б) Н.Ф. Старостин констатировал: «В данное время на обмолоте зерновых, работающих конных молотилок 19, тракторных 3, вручную 760 человек. <...> Напряженное положение с государственными поставками, <...> из 37 колхозов имеются 7 колхозов, где полностью все

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, лл. 6, 10.

² ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, лл. 3, 9.

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 27, лл. 1, 3.

⁴ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 5.

⁵ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, лл. 16–17.

зерно и необмолоченный хлеб был расхищен в период захвата немцами района как то: среди них им. ОГПУ, план госпоставок – 3940 ц, выполнено 1517 ц, или 39 %, имеется в наличии всего 213 ц». Аналогичная ситуация отмечалась и в вослелбовском колхозе «4-й завершающий», чулковском «Верда», пулковском «Свет Октября» и побединском «Победа», где оставалось «всего зерна с семенами 32 ц». С учетом планируемого сбора расхищенного зерна, для засева планировавшихся площадей не хватало трети объема¹.

В отчете Скопинского райкома о проведенной работе с потерями на уборке урожая отмечалось, что производилась «уборка урожая выборочным порядком, по достижению восковой спелости, преимущественно ручным способом. Скирдование вручную преимущественно учащимися школ, сгребание конными и ручными граблями и сбор колосьев школьниками. Несмотря на принятые меры (охрана токов, выделение специальных объездчиков, посылка милиции и НКВД в помощь колхозам для организации внезапных проверок) имели место хищения зерна по 14 колхозам: стрижка колосьев – 4 случая, обмолот снопов у кресцов и скирдов – 8 случаев, увоз копен в лес, овраги – 6 случаев, кража зерна с токов при перевозке и складировании – 6 случаев». Например, с полей колхоза им. ОГПУ Секиринского сельсовета, вклинивавшихся на 15 км в территории колхозов Милославского района, «за период с 1 по 8 сентября 1942 г. <...> гражданами деревни Бугровка Милославского района расхищено 2 скирда ржи, более 100 копен»².

«В колхозе им. ОГПУ в 1942 г. косили крюками исключительно женщины. В бригады были посланы опытные старики – для ремонта, отбойки и точки крюков... Байкова, 67 лет, работая серпом, перевыполняла норму... Не покладая рук, от зари до зари, на косовице трудились Астахова Василиса Гавриловна, Карпова Анна Дмитриевна, Корнеева Ксения Анисимовна, Поликарпов Иван Михайлович, Федоров Василий Дмитриевич»³.

В 1942 г. Скопинский район был передан под управление Московской области, под которым оставался до 1946 г., когда был вновь возвращен в Рязанскую. В 1942 г. был реорганизован и секиринский колхоз. Как большинство крупных хозяйств области, он был разделен на более мелкие: им. Н.Ф. Гастелло, «Путь Ленина», им. ОГПУ и «Отрада» (в последний вошли поселки Отрада и Большак).

О мужестве и героизме секиринцев можно судить по примеру местного уроженца Василия Семеновича Разуваева (1924–1943), сабельника 2-го эскадрона 35-го гвардейского Краснознаменного кавалерийского полка 17-й гвардейской кавалерийской дивизии 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. В декабре 1943 г. он воевал на 1-м Белорусском фронте. «1 декабря 1943 г. в наступательном бою под деревней Б. Автюки Полесской области БССР, действуя в исключительно тяжелых условиях болотистой местности, [тов. Разуваев] первым с криком «Ура!» поднимался в атаку на врага, увлекая за собой других бойцов, чем способствовал успешному занятию полком важной дороги (большака) Б. Автюки – Прудки. Затем при удержании занятого рубежа, который противник стремился вернуть всеми силами, тов. Разуваев, проявляя мужество и отвагу, в числе других храбрецов стойко отразил в течение трех суток 14 ожесточенных контратак противника, часть из которых была поддержана танками, нанеся при этом большой урон противнику в живой силе и технике. В этом бою тов. Разуваев пал смертью храбрых»⁴. Посмертно он был удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени.

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, лл. 9–10.

² ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 44.

³ Сталинец, № 61 (6 августа 1942); № 71 (10 сентября 1942).

⁴ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, д. 2556, л. 256.

В послевоенные годы подъем разрушенного народного хозяйства страны требовал от колхозников максимальных усилий. В 1946 г., когда председателем в колхозе им. ОГПУ был К.П. Шатилов, работавшие на шахтах секиринцы после смены выходили трудиться в поля. «Николай Макарович Матюшин выходил со всей семьей, при норме 0,5 га скашивал 0,7.» Не менее самоотверженно трудились «женщины-горнячки Татьяна Борискина, Софья Харламова, Евдокия Шатилова и Вера Корнеева»¹. Среди немногочисленных садов района сад колхоза им. Н.Ф. Гастелло Секиринского сельсовета занимал второе место после колхозного сада в Ермолове. Он был заложен в 1933 г. на западном склоне Секиринского леса, и его площадь равнялась ок. 16 га. До 1946 г. уход за садом был примитивный – деревья только окапывали, все делали исключительно вручную. В 1948 г. от продажи 20 ц уродившихся яблок колхоз выручил 22 тыс. рублей. С целью углубления позитивного опыта на следующий год колхозники посадили ягодники и вишню². В колхозе им. Н.Ф. Гастелло в 1949 г. значительная доля труда принадлежала женщинам. Работницы этой сельхозартели «свыше 12 га в 1949 г., выходя ежедневно на работу, вскопали вручную. Такие колхозницы как Молодцова А.М., Шатилова Е.Е., Пронюшкина А.Ф. вскапывали по 4 сотки ежедневно»³.

Весной 1950 г. все колхозы Секиринского сельсовета (председателем сельсовета была тогда О. Шатилова) объединились в одну артель с названием «Отрада». Председателем выбрали Кузьму Андрияновича Бекасова. В укрупненном колхозе насчитывалось 1027 дворов, его земельные угодья простирались на 3000 га. Работы выполнялись с помощью МТС, но чаще своими силами: 2 жатки, 200 косцов, 400 вязальщиц. В 1950 г. подлежал уборке и обмолоту урожай на 1134 га. Для обмолота имелось 7 молотилок, 7 веялок, 8 сортировок, 60 повозок⁴. В 1950 г. в артели «Отрада» сено надо было скосить на 150 га, произвести уборку культур на 1134 га, в том числе озимых на 427 га и яровых на 490 га, картофеля – на 120 га⁵.

В 1954 г. к Секиринскому сельсовету был присоединен Кочугуровский сельсовет, а местный колхоз им. М.С. Калинина (колхозного активиста из Кочугурок, убитого в 1929 г.) дал новое название колхозу «Отрада» (бывш. им. ОГПУ). Летом 1958 г. укрупненным колхозом руководил Иван Гаврилович Гавриков, работа которого на этом посту была отмечена орденом Трудового Красного Знамени. Газета «Скопинский шахтер» описывала секиринский колхоз следующим образом: «Среди садов и огородов, там и тут проглядывают вновь построенные дома колхозников, покрытые шифером или черепицей. Соломенные крыши постепенно уходят в прошлое. Только за 1957 г. построено 52 жилых дома – гудят электрические провода вдоль и поперек села. Дуньков Анисим Иванович построил новый дом из силикатного кирпича. Он пенсионер и бывший горняк. Построил себе новый дом и Шатилов Михаил Кузьмич, тоже пенсионер, горняк. Осенью прошлого года справила новоселье колхозница Дунькова Мария Егоровна. На селе 386 радиоприемников, 195 трансляционных установок, есть и телевизоры. Во многих домах колхозников можно увидеть шкафы и этажерки с книгами. Почта расположена за мостом, с левой стороны дороги, если брать отправной точкой правление колхоза. Крыша дома с красной черепицей. С правой стороны крыльца синее почтовый ящик. Заведующая отделением связи П. Гришаева. На селе имеется средняя школа, клуб с большой библиотекой, амбулатория, где работают врач и три медицинские сестры. Работают

¹ Сталинец, №50 (23 июня 1916).

² Сталинец, № 39 (31 марта 1919).

³ Сталинец, № 54 (5 мая 1919).

⁴ Сталинец, № 82 (16 июня 1950).

⁵ Сталинец, №79 (9 июля 1950).

кафе-столовая, буфет, промтоварный и продовольственный магазины. На склоне холма, за поселком Хутор, бежит кирпичное строение, крытое шифером. На светлом фоне стены, еще не застекленные, оконные проемы. Колхоз выстроил двое детских яслей. Одни за поселком Хутор, вторые в Кочугурках. В секиринском здании четыре комнаты и кухня.

Ток колхоза им. Калинина. Здесь различные машины: сортировка, зерноочистительная машина, сложные машины, зерносушилка – она просушивает в сутки более 10 тонн. Кладовщик-распорядитель Екатерина Васильевна Бушанина дает указания, расставляет людей на работу, принимает зерно от комбайнов, отправляет автомашины с хлебом на государственные элеваторы и в хранилища колхоза. На току, электромонтеры Иван Гуреев и Василий Лотырев следят за работой механизмов. Шоферы Иван Поликарпов, Степан Исаев, Иван Манушкин возят зерно от комбайнов. Недалеко от правления высокий тесовый сарай – автовесы, установленные перед самой уборкой. Машины, везущие зерно от комбайнов на ток, обязательно проезжают через его ворота. Женщины, Тишина Прасковья Петровна, Байкова Клавдия Ивановна и другие деревянными лопатами подают зерно ближе к скребкам транспортера машины. На северной возвышенности растянулось длинное каменное сооружение, которое на четверть уже покрыто шифером – птичник на 2000 голов, с другой стороны конюшня. Механизированные животноводческие фермы, теплица, 2 электрические мельницы, луковок – все это плоды работы последних двух лет».

К концу 1958 г. колхоз им. М.С. Калинина, как и все хозяйства района, должен был увеличить свои показатели по животноводству почти вдвое и иметь 510 голов крупного рогатого скота (в том числе 230 коров), 400 свиней (откормить 500), овец 480, птицы 2500. Надаивать от коровы 3800 кг молока. В полеводстве необходимо было поднять урожайность зерновых до 14 ц с га, картофеля – до 120 ц. В колхозе строилось много. В Кочугурках возводилось картофелехранилище на 300 тонн и крытый механизированный ток. В Секирино, на берегу Брусны, новый гараж из силикатного кирпича, покрытый шифером, на шесть грузовых машин и «Победу». В нем же располагались мастерские, кладовая. «Рядом дымит кузница, крытая черепицей. Слышны глухие удары молотов. Визжит пила, работает столярная мастерская. Еще один гараж для тракторов и сельхозмашин начат, выкопаны и забутированы траншеи фундамента. В нем разместятся слесарная, токарная и кладовая для запчастей. Обнесенные оградой, все это будет маленькой колхозной МТС. Все это строит колхозная бригада строителей под руководством Давыдкина Егора Федоровича»¹. По итогам 1958 г. колхоз собрал ржи по 16 ц с га, озимой пшеницы – 16,6 ц, овса – 15 ц, картофеля – 10 ц, сахарной свеклы – 170 ц с га².

В 1950-х гг. многие секиринцы продолжали работать на шахтах Подмосковского угольного бассейна. В одной из своих статей секретарь Скопинского райкома КПСС Ф. С. Пономарев проиллюстрировал рост благосостояния скопинских шахтеров за годы советской власти примером одной трудовой секиринской семьи: «В самом большом горняцком селе Секирино, о котором следует рассказать более подробно, проживают сотни потомственных шахтеров, испытавших на своих плечах тяжелое ярмо безрадостной жизни до революции и вкусивших плоды новой жизни при советской власти. Вот старый горняк, секиринский житель Андрей Павлович Скоморохов. Он родился в 1893 г. в семье шахтера. Его отец работал на Побединских коях и получал за свой каторжный труд ничтожные гроши. Семья рабочего жила впроголодь, на хлебе и квасе, дети были разуты и раздеты.

¹ Скопинский шахтер, № 101 (24 августа 1958); № 18 (9 февраля 1958).

² Скопинский шахтер, № 152 (26 декабря 1958).

Нужда и лишения, испытываемые в горняцкой семье, заставили работать А.П. Скоморохова с детского возраста. Когда ему исполнилось 15 лет, он пошел туда, где трудился его отец – в шахту.

– Вначале я работал дворником, саночником, выборщиком породы, затем стал рубить уголь, – вспоминает шахтер. – Да что о той жизни проклятой теперь рассказывать? Если бы не революция, если бы не советская власть, не видать бы мне света, жизни нормальной...

<...> А.П. Скоморохов, проработав после революции на Скопинских шахтах более тридцати лет, прошел за это время славный путь жизни. Он, как один из лучших сынов страны, избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. Родина высоко оценила долголетнюю и безупречную работу шахтера, наградив его орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Ему присвоено звание почетного шахтера.

В настоящее время А.П. Скоморохов живет в просторном доме, который он построил с помощью государства. Он получает пенсию 1200 рублей, его старость материально вполне обеспечена. Однако пожилой горняк не хочет сидеть без дела. Он в меру своих сил трудится в родном колхозе, приумножает его богатство.

Советская власть помогла А.П. Скоморохову и его жене Прасковье Михайловне вырастить и воспитать пятерых детей. Все их дети – Иван, Николай, Елена, Анна и Ксения получили среднее образование. С А.П. Скомороховым проживает сейчас сын Иван. Окончив планово-экономическое отделение Скопинского горного техникума, он работает счетоводом в колхозе. В нынешнем <1957> году семья Скомороховых получила из колхоза на трудодни 70 пудов хлеба, много картофеля и овощей, свыше 2 тыс. рублей денег. Она живет в полном достатке, размещается в нескольких комнатах, имеет добротную мебель, радио, личную библиотеку.

Горнякам и колхозникам села Секирино созданы хорошие условия для удовлетворения их бытовых нужд и духовных запросов. Село хорошо электрифицировано и радифицировано. В домах секиринцев установлено 400 радиотрансляционных точек и 430 радиоприемников. Почти в каждом втором доме имеется свой радиоприемник. В селе появились первые телевизоры.

В Секирине имеются: средняя школа, в которой обучается 638 детей, клуб на 400 мест со стационарной звуковой киноустановкой, библиотекой, комнатами для кружковой работы, амбулатория, 4 магазина, столовая¹.

В 1965 г. из Секиринского сельсовета в состав Микулинского была передана территория Роговского сельсовета. В 1966 г. на территории сельсовета располагались: село Секирино, поселки Большак, Отрада, деревни Кочугурки и Первомайская. В населенных пунктах сельсовета работали средняя и 2 начальные школы, дом культуры, клуб, библиотека, медпункт².

«В 1960-х гг. после длительного перерыва в Секирино <...> стало разворачиваться строительство. В самом центре села поднялась трехэтажная школа, начали возводиться складские, животноводческие и другие производственные помещения. Однако во 2-й пол. 1970-х гг. после ухода талантливого руководителя и организатора председателя В.С. Крючкова наметился спад. Но и в этот период жизнь не стояла на месте. В конце 1970-х гг. построили кафе, Дом быта, магазины. Перелома в хозяйственной деятельности удалось добиться только в 1980-е гг. Урожайность зерновых культур к середине 1980-х гг. выросла с 18 до 38 ц с га.

¹ *Попомарев Ф.С.* Забота партии и правительства о повышении материального и культурного уровня шахтеров / О прошлом и настоящем скопинских шахтеров. Скопин: «Скопинский шахтер», 1957. С. 33–34.

² Архив Скопинского района. Ф. 211, л. 1.

Надои молока от коровы соответственно с 2 до 4 тысяч кг в год. За сравнительно короткий срок в хозяйстве было построено свыше 20 домов со всеми городскими удобствами»¹.

Не одними заботами на полях и огородах жили в Секирино раньше и живут теперь. С 1960-х гг. заслуженной популярностью в районе пользовался хор дома культуры села. На его основании был создан Секиринский народный фольклорный коллектив – постоянный участник многих областных мероприятий, заслуженный лауреат многих ценных призов и дипломов. Возраст членов коллектива – от 55 до 75 лет. В 1993 г. ансамбль был удостоен почетного звания «народный». В 1998 г. Московской консерваторией им. П.И. Чайковского был выпущен «Золотой диск», в который вошли песни в исполнении фольклорного ансамбля села Секирина Скопинского района. Ансамбль является неизменным участником всех культурных мероприятий, проводящихся в Рязанской области.

В 1997 г. в Секирине насчитывалось 1107 жителей. В селе действовали медпункт, дом культуры, средняя общеобразовательная школа, АОЗТ «Секирино» (бывший колхоз). Использувавшееся для хозяйственных нужд колхоза здание Борисоглебской церкви 1908 г. постройки в 1990-х гг. было возвращено верующим и к середине 2000-х гг. полностью восстановлено (изменилась, правда, форма венчания колокольни). Ее настоятелем является протоиерей Владимир Третьяков.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Секирино было включено в сельское поселение Побединское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в селе постоянно проживают 884 человека – 389 мужчин и 495 женщин. Многие жители села Секирино трудятся на Скопинском автоагрегатном заводе, находящемся в соседнем селе Чулково.

В 2015 г. в Секирино действовали администрация, общеобразовательная школа – филиал Чулковской СОШ, детский сад, почта, дом культуры, сельская библиотека, медпункт. В селе работает агропредприятие ИП Глава КФХ «Гортунов Николай Иванович» (генеральный директор С.Н. Гортунов)². С сожалением приходится констатировать, что многие улицы села по сей день не имеют твердого покрытия, а деревянный мост через р. Брусну близ Борисоглебского храма давно находится в плачевном состоянии.

---

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 142.

² По материалам Скопинской районной библиотеки.

СТАРЫЕ КЕЛЬЦЫ

село

(городской округ город Скопин)

Село Старые Кельцы (Старый Келец) известно с 1-й половины XVII в. Как село с приходской церковью оно впервые упоминается в списке с Рязских писцовых книг 137 и 138 (1629–1631) гг. письма Григория Киреевского как одно из селений скопинской вотчины бояр Романовых: «За боярином ж за Иваном Никитичем Романовым в вотчине ж село Келец, а в нем церковь Стратотерпица Христого Егория, в церкви двор попа Оборамия, двор попа Ивана, двор пономаря Ивашко Васильева, двор просвирницы Ульянки. Пашни паханой и перелугу и дикого поля церковной земли двадцать пять чети в поле, а в дву по тому ж, сена по конец поль пятьдесят копен. Да в том же селе Кельце служилых козаков, которые живут по сторожам – оберегают боярские вотчины от татарских приходов – 51 двор»¹. Появление села, видимо, было связано с государственной политикой заселения неспокойных окраин служилыми людьми – казаками, которые «прибирались» на службу правительством и были подведомственны Стрелецкому приказу. В зависимости от рода службы они подразделялись на городовых, полковых и сторожевых. Задачей келецкой полусотни была защита скопинской вотчины царских родственников. Как и крестьяне, казаки пахали пашню, разводили скот.

Топоним Келец (Кельцы) выводится из названия протекающей в этой местности реки. Ю.Ю. Гордова, автор исследования «Топонимия Рязжской засечной черты» (2006), связывает названия рек и сел в местности, примыкающей к Скопину, с раннеславянским периодом заселения данной территории. В частности, название р. Келец трактуется ей как «место вырубки леса», «русло реки»². Однако в Словаре русского языка XI–XVII вв., основанном на широком круге документальных источников, единственным словом, созвучным этому топониму, является келья (килия, келлия) – жилище монаха, отшельника, или же избушка без двора и служб, где живут безземельные и одинокие крестьяне, солдаты, вдовы или мастеровые³. Более того, в исторических документах в качестве первого, более древнего названия реки фигурирует Быстрик, а Келец появляется уже позднее⁴. Можно предположить, что свое второе название р. Быстрик получила в связи с расселением по ее берегам монахов, проживавших в кельях – кельцах.

Действительно, в переписной отказной книге 1640 г. Василия Фатьяновича Неретина вдове боярина Ивана Никитича Романова Ульяне Федоровне, ее сыну стольнику Никите Ивановичу Романову в этой местности упоминаются кельи – жилища церковнослужителей: «К тому острожку Скопину в вотчине поставлена церковь в пустыни, в лесу, на берегу Верды во имя Живоначальной Троицы, да предел к тою славного пророка Ильи, возведена древска клетка, а в церкви Божия милосердия образа и книги, и ризы, и колокола и всякое строение мирское, да строителя старца Война з братью, на церковной земле в пустыне: двор, в келье

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 169.

² Гордова Ю.Ю. Топонимия Рязжской засечной черты. // Рязанский этнографический вестник, № 37. Рязань: Рязанский обл. научно-методический центр народного творчества, 2006. С. 44.

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М: Наука, 1980. С. 112.

⁴ На ряде карт р. Бастрик Келец также фигурирует с названием Ерзовка.

строитель старец Воян; двор, в келье черной поп Роман; двор, в келье старец Тимон; двор, в келье пономарь Федот; двор, в келье старец Кузьма, а питаютца от церкви Божии и от мира, а четвертной пашни к такой пустани не дано»¹.

Более точное местоположение монастыря указано в Рязских писцовых книгах, которые, по свидетельству И.В. Добролюбова, хранились в церковной библиотеке села Казинки: «Да на Скопине же городке, на реке на Верде и на реке на Кельце на берегу монастырь Живоначальной Троицы да святого Пророка Ильи, а церковь древена клецка и тот монастырь строение мирское, а в том монастыре шесть келей, в одной келье живет черной священник Офанасей да три старца»². Этот небольшой монастырь, находившийся, скорее всего, неподалеку от поселения служилых казаков, в какой-то момент перестал существовать. Возобновленный в 1691 г., он разместился по левому берегу Верды, где сейчас Духов монастырь, поскольку за прошедшие годы селение казаков разрослось. Со временем его прежнее местоположение забылось. Видимо, уже в XVIII в. мало кто помнил о том, что в месте впадения Быстрика в Верду некогда стоял деревянный монастырек Живоначальной Троицы с кельями, называвшийся в народе Кельцами. А вот само название осталось.

«По переписным книгам Рязским 154 (1646) г. в селе Кельце показано «служилых людей сторожевых козаков 77 дворов; да Скопина городка за Пятницким попом Иудюю на церковной земле бобылей 15 дворов, да за Пятницким попом Семеном 6 дворов, села ж Кельца за егорьевским попом Иваном на церковной земле 3 двора бобыльских, того же села Кельца за попом Авраимом на церковной земле бобыльских 5 дворов»³.

В 1654 г., после кончины бездетного боярина Никиты Ивановича Романова, последнего представителя боковой линии царской семьи, вотчина стала собственностью царя Алексея Михайловича. В окладных книгах монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненных при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 г. значится: «Георгиевская церковь, двор попа Филиппа, двор попа Тимофея, двор попа Максима. В приходе: 65 дворов казачьих, 7 дворов бобыльских»⁴. «Дани с Георгиевской церкви по окладу 1676 г. положено «рубль двадцать один алтын четыре денги. А прежнии дани было двадцать восемь алтын две денги. И перед прежним прибыло двадцать шесть алтын четыре денги»⁵.

По переписным книгам 1675 г. в селе было 68 дворов казачьих, в которых проживали 272 души мужского пола. Как и крестьяне Скопинской дворцовой волости, кельцкие казаки были обязаны ежегодно поставляли к царскому двору столовые запасы: свиного мяса 15 пудов (2,4 ц), 10 баранов, 10 гусей, 20 уток и 15 сушеных кур. Здесь также была введена десятинная пашня. В 1675 г. жители села Келец запахивали на царя 10 дворцовых десятин в одном поле⁶.

В 1683 г. здесь, «в Скопине ж, за рекою Вердою», по указу царей Ивана и Петра Алексеичей и по грамотам из Большого дворца был построен новый конюшенный двор «с дворцы и с сараи» (видимо, старый был занят лошадьми казаков села Кельца) и началось возведение теплой конюшни⁷.

¹ РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, ч. 1, д. 13918, лл. 518 – 518 об.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 166.

³ Там же. С. 169.

⁴ Книги окладные монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков]. Рязань: Александрия, 2004. С. 352–353.

⁵ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 169.

⁶ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 68.

⁷ Селифонтов Н.Н. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василия Александровича Даудова. СПб.: Археограф. комис. 1871. С. 82–83.

В переписной книге 1710 г. о Кельце сообщается: «В том селе церковь во имя Святого Великомученика Георгия, у той церкви поп Петр Филимонов, у него попадья Аксинья Федотова дочь <...>, дьячок Прохор Семенов сын Попов <...>. В том селе солдаты, что в переписных книгах прошлого 186 года написаны казаками, по грамоте из Вотчинного приказа за старостью и за увечьем от службы отставлены, солдатских отставных и рядовых шездесят дворов, в них людей мужеска полу сто сорок сем человек, в том числе женатых сто три человека<...>, женска полу сто тридцать пять человек. По сравнению с 186 годом у них, в том селе, солдат убьло семь дворов, и те де солдаты после переписи 186 года вышли в город Скопин в солдатскую же службу»¹.

В «Известии о количестве в Рязанской епархии церквей и монастырей в 1734 г.» отмечается, что «в селе Кельце показано при Георгиевской церкви земли 10 четв., сена 30 копен и 54 приходских двора»². С учреждением дворцового Конюшенного ведомства село Келец или Кельцы стало известно, прежде всего, благодаря Келецким конюшенным заводам, разместившимся там, где прежде был конюшенный двор казачьих лошадей.

При императрице Анне Иоанновне Конюшенное ведомство подчинялось кабинет-министру А.П. Вольнскому. В 1740 г. влиятельный сановник попал в опалу и был казнен, но работа следственной комиссии по выявлению допущенных им злоупотреблений продолжалась и после его гибели на эшафоте. В 1741 г. в документах дворцовой Конюшенной канцелярии жители села и проживавшие поблизости служители конного завода упоминаются в связи с проводившейся в Скопинской коннозаводской волости инспекцией. В них отмечается: «Конюшенных служителей коновала Бергарда, стряпчих Ивана Коновалова, Пахома Костина, коновальных учеников Василья Матчина да Павла Кормыкова дворы поселены по разным местам и показанные оставшиеся крестьяне, также и конюшенные служители, имеют всякую к Скопину [надобность] <...> гоняют для збыту к Скопину через оный [лековой] луг и мимо конюшенного двора <...>, для того надлежит села Кельца оставшихся крестьян выселить в тож место, где протчие того села крестьяне поселились, и пашенная их земля притом имеется в близости, а показанных конюшенных служителей при новом конюшенном дворе, который ноне строится, поселить». Орденом было также предложено, чтоб «конюшенные служители, тако ж и села Кельца оставшиеся крестьяне, чтоб собак не держали о том накрепко запретили, и в том велено взять у них подписи с подтверждением»³ (собаки могли покусать казенных лошадей). В данном случае речь шла о том, чтобы местные жители со своим скотом и другими животными были по возможности отселены с примыкавшей к конному заводу территории, а также в своей повседневной деятельности имели как можно меньше контактов с заводскими лошадьми и «лековыми» пастбищами, т.е. теми, где произрастали лечебные травы для лошадей. Так в 1741 г. появилось село Новые Кельцы. Прежнее же село получило прибавку к названию, став Старыми Кельцами.

В соответствии с указом дворцовой Конюшенной канцелярии от 6 (17) июля 1741 г. скопинскому управителю велено было исполнить работы по починке и перемещению старой келецкой конюшни, устройству в ней потолков, закровов для раздачи овса и постройке назначенных по плану уже на Вороновском пастбище «против устья реки Верды <...> достальных осми конюшен Скопинской волости крестьянами <...>; дополнительные лесные припасы из Ряской засеки велеть приуготовить по первому зимнему пути неотменно». Согласно ведомо-

¹ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 402–403, 418 об, 420.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 170.

³ РГАДА. Ф. 1239, оп. 47, д. 8, лл. 70, 75.

сти управителя, к строению конюшенного двора потребовалось для начала 11708 бревен, 339 столбов, 2420 штук решетника и 2059 досок¹.

Обязанности служителей и рабочих на старой келецкой конюшне в основном исполняли местные жители – потомки казаков и крестьяне. Доношение от Скопинской канцелярии от 16 (27) сентября 1741 г. упоминает о некоторых из них в контексте следующего инцидента: «Того ж де сентября 9 дня целовальника Филиппа Тамилина доношении написано, что послан он был от Скопинской канцелярии <...> со крестьяны по силе инструкции о содержании заводов для рытья рвов, и пришел к тому конюшенному двору конюшенный смотритель майор Крейдер и велел таковы рвы рыть внутри конюшенного двора около всех денников, и оной целовальник ему объявил, что по оной инструкции того делать не подлежит, за что маэр Крейдер бил ево батожем и при том сказал, для чего он слушает управителей, и потому ево, Тамилина, доношению для осмотру в таком расстоянии оные рвы начаты и обмерены по силе той инструкции. На показанную конюшню ту ездил прапорщик Перепечин <...>, и оной майор сказал ему, прапорщику, что того смотрения иметь ему не надлежит, а надлежит то исправлять ему, майору, и впредь чтоб не ездил <...>, управляющему надлежит иметь смотрение над Скопинской канцелярией, а не над конюшенным двором». На расспросе майор Крейдер отвечал, «что фуражного целовальника батожем бил за то, что он пришел к нему в покой пьяный и незнаемо чему смеялся и объявил данную ему от скопинского управителя прапорщика Перепечена выше писанную на полулисте инструкцию о содержании конских заводов, а закрепы и справки на том полулисте нет, да за то де, что он, Томилин, во время приему на конюшенный двор фуража отлучаетца, а крестьяне за отлучкой ево, Томилина, с тем фуражом стоят у конюшенного двора и по одному, и по два дни...» После допроса майора Крейдера представителем Конюшенной канцелярии об обстоятельствах дела ему было сделано соответствующее внушение о том, что целовальник ему не подчиняется и следовало отослать его для наказания к управителю. «Хотя объявленный целовальник зато, что он к нему, маэру, приходил пьяной и за протчие ево неучтивости наказанию и подлежал, однако все скопинские крестьяне поручены к управительской команде, того ради надлежало оного Томилина для учинения ему наказания с прописанием ево вины отослать в Скопинскую канцелярию, и не собою наказывать, а скопинским управителем...»²

Целовальниками и конюхами как правило также служили местные кельцовские крестьяне. Они выполняли работы по уходу за лошадьми, заведовали фуражом и инвентарем. Прием от крестьян различных запасов – главным образом овса, сена – был хлопотным делом. Нередко бывали и злоупотребления. Например, в 1740 г. были под следствием «в даче на неприятые скопинской волости у крестьян сена и за взятков подложных росписок и в краже казенного овса, которые дошли до розыску конюх Сергеев, целовальник Овчинников». По справке Скопинской канцелярии явствовало, что «изо взятков на конюшню казенного фуража» фактически было не принято 46 четвертей овса и 3020 пудов сена. По действовавшему тогда закону за воровство с них должны были взыскать потерянное в двойном размере, но в данном случае «по своей императорского величества щедрости, повелел токмо одну истину, что они ис казны взяли возвратить, а прочее все отставить»³.

В 1755 г. насчитывалось «живущих своими дворами стряпчих и стадных конюхов при Келецком [дворе] сорок восемь, да прибывших со старого Заверденевского двора, на кото-

¹ РГАДА. Ф. 1239, оп. 47, д. 8, лл. 74–75, 206 об; оп. 3, ч. 112, д. 60169, л. 68; оп. 3, ч. 75, д. 34198.

² РГАДА. Ф. 1239, оп. 47, д. 8, лл. 212 об – 213 об.

³ РГАДА. Ф. 1239, оп. 47, д. 8, лл. 80–81.

ром ныне построен овчарный двор, шестнадцать, итого шездесят четыре двора, да бездворных тридцать два человека, и оным бездворным конюхам на зделание каменных покоев есть пристойное и удобное место, близ большой дороге, при оном конюшенном дворе имееца церковь деревянная Святого Великомученика Георгия...»

Сельская Георгиевская церковь стояла на равном расстоянии (примерно в 150 саженьях, т. е. в 320 м) от р. Верды и от р. Кельца и при той же большой дороге. Между церковью и большой дорогой стояли коновальские покои. В 30 саженьях (64 м) от церкви в сторону р. Келец планировалось построить жилые помещения для бездворных конюхов, а за ними, от мельницы и пруда на Кельце, вдоль берега, до впадения Кельца в Верду и вверх по ней примерно на 200 саженьей (426 м) до моста тянулись дворы конюхов. Мимо них, через плотину, проходила большая дорога. За этими дворами выше по течению Верды стояли дворы священно- и церковнослужителей. К югу от Верды в сторону большой дороги находился «лековой» луг, а выше по течению Верды, примерно в 100 саженьях (213 м) – мельница с прудом. «Лековой» луг с севера ограничивался Вердой, а с востока – дорогой, шедшей к мосту на реке, с юга же – большой дорогой, при которой находилась «лековая» конюшня. На другой, правой стороне большой дороги стояли унтер-штальмейстерский двор, канцелярия конюшенных дел, а в 50 саженьях (107 м) от запруженной р. Келец стояли деревянные конюшни. Южнее и выше по течению Кельца стоял фуражный двор, за ним – кузница, водогрейка и штальмейстерские покои. В 1755 г. на месте фуражного двора приступили к строительству каменной конюшни: «...Выбрано удобное место, где ныне имееца строение Келецкого конюшенного двора, понеже де оное место высокое, землю песчаная, у большой дороге, лежащей от Москвы до городов Астрахани, Царицына и Воронежа...»¹

Подробный штат и перечень строений завода был изложен в 1768 г. при передаче дел от смотрителя премьер-майора Шумахера сменившему его поручику Адаму Шмиту. В то время на келецком конном заводе содержались 472 лошади и 3 верблюда. В его штате состояли штальмейстер, 4 задворных конюха, 2 «нарядчика», коновал, 2 коновальных подмастерья и 4 ученика, конюхов стряпчих – 39, стадных – 54 человека. При каменных и деревянных конюшнях имелись амбары и сарай для ссыпки овса, четыре «светлицы», жилая изба коновальных подмастерьев, манеж, случный двор, «лековая» конюшня, унтер-штальмейстерские и штальмейстерские покои, две светлицы канцелярии конюшни, кузница и др. постройки. В качестве инвентаря на заводе использовались полтора десятка больших и малых фонарей, железные котлы, «гербы для пятнания лошадей и литер», пожарный инвентарь, коновальный, шорный, бочарный, кузнечный и слесарный инструмент, четыре ружья и лекарства².

При конюшенном заводе в селе Келец действовала первая в Рязском (а позднее и в Скопинском) уезде школа. Первое упоминание о ней относится к 10 (21) мая 1748 г., причем в это время она уже действовала. В сохранившемся документе сообщалось: «По указу Ея Императорского Величества Дворцовая Конюшенная канцелярия, слушав доношение Скопина управителя подпорутчика Перепечина, который объявляет поданное в Скопинскую канцелярию школы учителей Филата Пафнутьева и Павла Филатова доношение, что определенный для обучения словесной грамоте и письма скопинского конюшенного стряпчего конюха Пахома Костина сын ево Иван для обучения не бывает <...> будто он имеет кожную болезнь, <...> явилась на правой ноге превеликая рана». Поэтому повелевалось школьника Костина «уволить от обучения» и обязать отца, «чтоб он по излечению

¹ РГАДА. Ф. 1239, оп. 3, ч. 112, д. 60169, л. 68.

² РГАДА. Ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34687, л. 163.

ево объявил в Скопинской канцелярии для определения ево куда надлежит...» Всего же к Келецкой школе состояло 19 учеников¹.

В 1766 г. рядом с «лековой» конюшней была поставлена крытая камышом изба, привезенная из бывшего государственного кожевенного завода. В ней расположилась «школа российской грамоты и письма», где начиная с 7 лет учились дети конюхов, причем не только скопинских. В перечне бумаг Скопинской канцелярии сохранилось, например, сообщение 1767 г. от Хорошевского конюшенного правления² об отсылке в скопинскую школу для обучения детей магазен-вахтера Дьякова. Из документов также известно, что в школе обучались 106 мальчиков, из которых 53 умели читать, 45 писали «склады» и – 8 слова. В росписной ведомости степень подготовки учеников оценивалась следующим образом: Аверьян Коновалов – «твердит псалтырь», Егор Карпов – «краткое толкование», Андрей Гаврилов – «часослов», Василий Кемарский – «азбука». О количестве учебных пособий, использовавшихся в школе, сообщалось: «псалтырей ветхих» – 54, «букварей ветхих» – 74, присланных при указе из Конюшенной канцелярии для обучения письму, взятых из Академии печатных азбук – 2. Из учеников школы набирали конюхов и даже «писчиков» для канцелярий при конюшнях и в волостях³.

В 1778 г. в ходе административных реформ Екатерины II в составе Рязанского наместничества был образован Скопинский уезд, одним из селений которого стали Кельцы. В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., о Кельце сообщается: «По последней ревизии (1762 г.) в селе 78 дворов и 179 душ мужского и 164 женского пола. <...> Лежит реки Кельца на левой, в коем пруд, а реки Верды на правой сторонах, и по обе стороны большой дороги из города Скопина в город Рязск. Церковь деревянная во имя Великомученика Георгия Победоносца. Три дома деревянных конюшенного правления, каменное с двустаяжами. Два двора: первой каменной, второй деревянной, в коем находятся жеребцы неополитанские, дацкие, аглицкие, немецкие да сто двадцать кобылиц тех же родов до шести сот рублей»⁴.

В соответствии с указом Правительствующего Сената от 7 (18) августа 1797 г. «О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего управления ими» скопинские владения дворцового коннозаводства образовали Коннозаводскую (Военно-коннозаводскую) волость.

Из священнослужителей старокелецкой Георгиевской церкви XVII–XIX вв. известны Авраамий Самойлов (упоминаются в 1629 и 1646 гг.), Симеон Авраамиев (упоминается в 1646 г.), Иоанн (упоминается в 1646 г.), Филипп (упоминается в 1676 г.), Петр Филиппов (с 1700 г.), Иоанн Петров (упоминается в 1734 и 1743 гг.), Иуда Петров (был лишен сана «по важному делу» в 1738 г.), Никита Миронов (с 1738 г.), Иоанн Макариев (с 1743 г.), Евфимий Илларионов Спасский (в 1800–1844 г.). При этом последнем в 1816–1818 гг. «на казенный счет, старанием директора Государственного конного завода Петра Абрамова»⁵, в селе было возведено ныне существующее кирпичное здание однопрестольной Георгиевской церкви, являющаяся памятником провинциального русского классицизма.

Государственный конный завод в Старом Кельце был упразднен в 1830 г. Тогда окрестным крестьянам было продано «за весьма дешевую цену» до 300 кровных маток, которых

¹ РГАДА. Ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34617, л. 1 – 1об.

² Имеется в виду село Хорошево Московского уезда и губернии, ныне часть района Хорошево-Мневники города Москвы.

³ РГАДА. Ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34687, лл. 55 об – 60, 118.

⁴ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 17; д. 1241, л. 14.

⁵ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 170.

они случали с племенными казенными жеребцами и выводили приплод для продажи в Москву, где продавали жеребят по 1000 руб. и даже дороже. Строения же конного завода, похоже, еще существовали в начале XX в. По документам Скопинского уездного земского собрания за 1913 г. известно, что местный житель «Яков Варсобин получил ссуду на оборудование завода по производству песчанно-цементной кровельной черепицы. Завод размещался в двухэтажном кирпичном здании размером 45 на 12 аршин»¹, видимо оставшемся еще от казенного конного завода.

В середине 1840-х гг. село Старый Келец играло заметную роль в скопинской хлебной торговле. В это время чиновник по особым поручениям С.Т. Савутинский докладывал рязанскому губернатору: «В Скопине цены строятся немногими барышниками-монополистами. Весь хлеб, идущий в Скопин, не допускается обыкновенно в город кулаками, а скупается для купцов-монополистов в Кельцах, подгороднем селении»².

С 1846 г. в селе действовало церковно-приходское училище. В нем местный священник Петр Иванович Аляков (служил в 1844–1871 гг.) ежегодно обучал до 30 мальчиков. Все средства на содержание училищ, а равно и жалование наставнику выдавалось из волостного правления, само училище находилось в доме священника³.

Карта А.И. Менде 1850 г. свидетельствует, что в селе Кельцы (Старые Кельцы) было 38 дворов⁴. По сведениям 1859 г., в «Старых Кельцах (Кельце), селе конюшенного ведомства при реке Верде», лежавшем в 3 верстах от уездного города, насчитывалось 10 дворов, в которых проживали 30 мужчин и 32 женщины⁵. После отмены крепостного права в 1861 г. село было приписано к Корневской волости.

В начале 1860-х гг. в селе Старый Келец при Рязком тракте действовал казенный питейный дом, отдававшийся в содержание частным торговцам. Такие же существовали в Горлове, Муравлянке, Князеве-Займище, Вязовенке, Чулковой, Городецком, Вослебове и Катине⁶.

Село Старый Келец находилось на проезжей дороге близ уездного города, поэтому крупные политические события общегосударственного значения, хотя и нечасто, но все же отражались на жизни местных жителей. Так, например, в апреле 1863 г. Георгиевская церковь стала местом проведения патриотической акции по случаю начавшегося в январе Польского восстания 1863–1864 г. Газета «Рязанские губернские ведомости» сообщала: «Старый Келец. В 11-м часу дня началась божественная литургия и, несмотря на рабочее время, народу в церкви было столько, сколько не бывает его у нас в великие праздники. После литургии отслужили молебен, на котором провозглашены были многолетия государю императору, государыне императрице, цесаревичу наследнику и всему царствующему дому и победоносному российскому воинству, а в заключение – вечная память, погибшим в настоящем мятеже в Польше. После обедни священно-церковнослужители с певчими, выборные от волостей и все, которые тут были, служащие по разным ведомствам, приглашены были в квартиру г. Неведовского, где после многолетий местным священником П. Аляковым была произнесена речь, в которой вкратце высказаны были наши всегдашние, всем известные отношения к

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва от 25 апреля 1913 года. Скопин, 1913. С. 33.

² *Савутинский С.Т.* Пожары и поджоги в провинции: Из отрывочных воспоминаний. 2-е изд., испр. и доп. М.: Д.М. Погодин, 1879. С. 62.

³ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 236–237.

⁴ Карта А.И. Менде 1850 года, 1 см – 420 м.

⁵ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 126.

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 49 (7 декабря 1863).

Польше и настоящий мятеж неблагодарных поляков, и возбуждена готовность, во всяком случае, за веру святую, за отца нашего государя великого и за неприкосновенную целостность родной России жертвовать всем до последней капли крови. Вслед за этим певчие запели “Боже, царя храни”, и в эту минуту нужно было посмотреть на воодушевленные лица присутствующих, которые выражали глубокую преданность августейшему монарху и готовность на всякую жертву; глядя на них, невольно возбуждалась вера, что на этот народ можно вполне положиться при всяких обстоятельствах. Между тем приготовлена была закуска, по окончании которой г. Неведовским предложены были тосты: за драгоценное здоровье августейшего монарха, за здоровье русских воинов, преследующих мятежников в Польше, за здоровье г. министра государственных имуществ, г. управляющего Рязанскою палатою государственных имуществ и, наконец, начальников волостей и самих казенных крестьян Скопинского уезда. На каждый тост присутствующие отвечали громогласным “ура”, а певчие пели «многие лета». В заключение всего открыта была подписка в пользу несчастных семейств, отцы и дети которых пали в настоящий мятеж Польши. По этой подписке на первый раз собрано 30 руб.»¹.

Со 2 (14) января 1874 г. в селе действовало Келецкое ссудо-сберегательное товарищество. На 1 января 1881 г. председателем его совета являлся Ф. Кичкин, членами совета – А.М. и Л.А. Лихаревы, членом правления, распорядителем правления – М. Варсобин. За 1881 г. к 138 членам товарищества добавилось 106 новых, выбыло по причине смерти 6, по собственному желанию – 45².

В 1875 г. было основано Старокелецкое земское мужское училище. Законоучителем в нем состоял студент семинарии Иван Васильевич Гартинский, учителем – Петр Яковлевич Варсобин. Помещение было предоставлено попечителем Андреем Ивановичем Боковым, в нем обучались 44 мальчика. Кроме того, в селе находилось женское училище, где законоучитель был тот же, а остальные предметы преподавала дочь обер-офицера Лариса Федоровна Воскресенская. В нем обучались 20 девочек³. В докладе Д.Д. Дашкова о его деятельности по народному образованию по линии Рязанского губернского земства в 1870–1871 гг. успешная работа Скопинского уездного земства на этой ниве была представлена как пример: «В одной крестьянской семье Скопинского уезда была грамотная женщина. По ее настоянию старший сын обучен был грамоте. Отец умер, оставив на руках матери еще двух парней, которых мать благословила не только учиться в приходском училище, но и идти далее в средние и высшие учебные заведения. Один из них составил себе имя и стоит в ряду известных медиков в России. Выступая ныне на поприще общественной земской деятельности, старший брат гласный от крестьян г. Боков (в 1873 г. Андрей Иванович Боков состоял гласным Скопинского земского уездного собрания и членом Скопинской уездной земской управы. – *Примеч. автор*) открывает в своем доме училище для девочек (село Келец), чтобы помнили и чтли грамотную мать все девочки Скопинского уезда, которые ей будут обязаны женским сельским училищем...»⁴

Согласно составленному в 1883 г. представителем министерства просвещения Н.П. Воскресенским описанию, помещение Келецкой земской школы «большое и светлое, но холодное. Отопление и наем сторожа производится на счет попечителя г. Ворсобина. Всех учени-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 17 (27 апреля 1864).

² Рязанские губернские ведомости, № 33 (8 мая 1882).

³ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. М., 1877. С. 427.

⁴ *Деятельность Д.Д. Дашкова по народному образованию в Рязанском земстве за 1869–1875 годы.* Рязань, 1900. С. 20–21.

ков в старшем отделении 9, в среднем 12, в младшем 13. Все ученики – мальчики, прежде в Кельцах было и женское училище, но оно по каким-то личным неприятностям было закрыто, хотя, по словам попечителя, число учениц никогда не было менее 25, иногда же доходило до 45. Учитель в этой школе, и только первый год – воспитанник Рязанской училищной семинарии. При первом моем посещении ученики по развитию стояли весьма невысоко, особенно были слабы ученики среднего отделения, они не могли передать своими словами прочитанную ими легкую статью, а по арифметике не только не могли решать, но даже не понимали самых простых задач. При втором посещении пред концом учебного года я не узнал учеников: ответы их были очень хороши по всем предметам. Этот успех следует приписать умению и энергии учителя г. Дмитриева. Незавидны были только ответы учеников по Закону Божию, который преподается псаломщиком келецкой церкви и преподается весьма неудовлетворительно <...> Окончило курс в нынешнем году 6 мальчиков»¹.

О Георгиевской церкви в Старом Кельце И.В. Добролюбов в 1884 г. писал: «При ней ныне земли состоит пахотной и луговой писцовою 42 десятины (45,9 га), на которую имеется при церкви план и межевая книга. Причт первоначально состоял из 2 священников, с нынешнего (т.е. XIX. – *Примеч. авторов*) столетия значится только 1 священник, диакон, дьячок и пономарь, в 1849 г. закрыта была ваканция дьячковская, а в 1860 г. – диаконская; по штату 1880 г. в причте положены 1 священник и 1 псаломщик. В состав прихода ныне входят: село Келец, известное своим конским заводом, упраздненным в 1830 г., с 42 дворами и деревни: Новикова с 122 дворами и Михайлова с 26 дворами, в коих мужского пола 606, женского пола 594»². В 1871–1873 гг. в храме служил священник Иоанн Одоев, в 1873–1884 гг. – Карп Миротворский³.

В 1885–1886 учебном году в Старокелецкой земской школе обучались 38 мальчиков и 6 девочек (из них 30 детей приходили из других близлежащих селений). 8 учащихся происходили из купеческо-мещанского сословия. Здание школы оставалось деревянным с такой же крышей, с классными комнатами площадью 64 кв. аршина (33 кв. м) и 5 окнами. Скопинское уездное земство оплачивало расходы на содержание школы в размере 375 рублей в год. Крестьяне в расходах не участвовали. Попечителем школы состоял с 1880 г. местный крестьянин М.Я. Варсобин, законоучителем с 1877 г. – псаломщик М.Т. Виноградов, учителем с 1882 г. – окончивший курс Скопинского уездного училища Ефим Егорович Дмитриев. Старокелецкий крестьянин Михаил Яковлевич Варсобин ок. 1885–1893 гг. избирался членом уездной земской управы и особенно активно участвовал в работе по голоду 1891–1892 гг., закупая зерно для голодающих в южных губерниях России. В 1902 г. попечителем был крестьянин С.А. Дмитриев, а учителем Е.Е. Дмитриев. К 1908 г. в земской школе села Старый Келец состояли 88 учеников, законоучитель и два учителя. Кроме келецких детей, в нее за 2 версты ходили ученики из деревни Гуменки⁴.

10 (22) февраля 1893г. местную земскую школу ревизовал конюховский помещик Д.А. Леонов. По его заключению, «школа помещается в деревянном небольшом здании и довольна холодна, так как состоит лишь из классной комнаты и холодных сеней. Квартиры

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания XX очередного созыва 1884 года. Скопин, 1883. С. 175.

² *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 170.

³ Там же.

⁴ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. – Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 18–19; Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 274.

для учителей в школе не имеется вовсе, что впрочем, в данном случае никакого неудобства не представляет, так как учитель Дмитриев местный крестьянин, окончивший курс в Александровской учительской семинарии и преподающий в Келецкой школе непрерывно 10 лет, живет в селе, в своем доме. Законоучителем состоит местный священник Веселов, попечителем числится крест[янин] с. Старого-Кельца Варсобин. Учатся в школе 43 мальчика и 8 девочек. Особенно хорошо в школе по всем предметам старшее отделение, состоящее в прочем всего лишь из 3 мальчиков. Что особенно поражает в учениках старшего отделения Старо-Келецкой школы это общее развитие: они знают и вполне толково и связно рассказывают о всех наиболее важных исторических событиях и имеют вполне основательные географические сведения. Чтение в младшем и среднем отделениях, за немногими исключениями довольно удовлетворительно, чистописание в большинстве случаев очень хорошо, но по арифметике оба отделения заставляют желать лучшего. Что касается до Закона Божия, то младшее отделение прекрасно знает и объясняет молитвы, обладает и чрезвычайно солидным запасом сведений по священной истории. К экзамену произведенному 28 апреля Д.А. Леоновым были представлены 3, которые удостоены свидетельств. Законоучителю Веселову училищным советом объявлена благодарность»¹.

Ок. 1906–1912 гг. попечителем земской школы села Старый Келец являлся Егор Михайлович Варсобин (Ворсобин) (1872 – ок. 1916), сын М.Я. Варсобина². Он был торгующим крестьянином, имел 12 десятин (13,1 га) наделной земли и арендовал еще 30 десятин (32,8 га). Во время борьбы с голодом 1891–1892 гг. Е.М. Варсобин заведовал продовольственным складом при Скопинской уездной земской управе. Позднее в течение 6 лет был подрядчиком, конторщиком и десятником на Рязанско-Уральской железной дороге, избирался волостным старшиной. В 1906 г. Е.М. Варсобин был избран членом I Государственной думы от съезда уполномоченных от волостей Рязанской губернии. Сначала он входил в Трудовую группу, затем в середине мая 1906 г. перешел в Конституционно-демократическую фракцию³. После роспуска I Государственной думы отошел от «большой политики».

По сведениям 1905 г. в селе Старый Келец насчитывалось 48 дворов, в которых проживали 113 мужчин и 120 женщин. В селе также действовали «церковь каменная» и смешанная земская школа⁴.

О Георгиевской церкви в Старом Кельце известно, что в начале XX в. ее колокольня располагала 7 колоколами. Большой колокол весил 104 пуда 23 фунта, малый – 22 фунта. В 1890 г. был перелит разбившийся колокол весом 55 пудов 11 фунтов. В 1914 г. к церкви было приписано земли усадьбы с погостом – 2 десятины (2,2 га), пахотной – 37 десятин (40,4 га), сенокосной – 4 десятины (4,4 га). В церкви хранились копии с метрических книг с 1780 г. исповедальные росписи – с 1827 г. В приходе с 1914 г. действовала земская школа, в которой обучались 72 мальчика и 36 девочек. В селе в это время было 33 двора, в которых проживали 103 мужчины и 108 женщин. В приходе храма по-прежнему состояли деревни

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания XXIX очередного созыва 1893 года. Скопин, 1894. С. 82, 83.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. Москва: Ряз. губ. земство, 1889. С. 8–13, 24; Сведения о начальных училищах в 1902 году. Скопин: Тип. Благих, 1904. С. 44.

³ Акульшин П.В., Князева И.С. Выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе Российской империи. Рязань: Рязанская обл. тип. 2011. С. 101.

⁴ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 634–635.

Новикова и Михайловка¹. В 1914 г. настоятелем Георгиевского храма был священник Гавриил Васильевич Веселов². Состоявший церковным старостой Георгиевского храма местный крестьянин Сергей Овчинников за заслуги по духовному ведомству был награжден серебряной медалью «За усердие»³. В 1913 г. к его наградам прибавилась еще одна медаль, на этот раз золотая⁴.

В 1913 г. заслуженный старокелецкий учитель Е.Е. Дмитриев запросился на покой. Уездное земское собрание заслушало его прошение следующего содержания: «Прослужив учителем земской школы в Скопинском уезде почти 40 лет, я в ноябре месяце сего года подаю прошение об увольнении меня от должности и назначении мне пенсии. В долголетнюю мою службу я потерял здоровье, и нуждаюсь не только в отдыхе, но и в лечении, а выдача мне пенсии может задержаться на долгое время, может быть и на год. Покорнейше прошу земское собрание за мою долголетнюю службу назначить мне единовременное пособие в размере годичного моего оклада жалования, или же сколько собрание найдет возможным»⁵. Прошение престарелого учителя было удовлетворено.

В 1917 г. в селе Старый Келец Корневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 60 дворов, население которых составляли 149 мужчин и 158 женщин⁶.

В 1918 г. в селе был создан Старокелецкий сельсовет. В него в 1920-х гг. избирались преимущественно крестьяне, имущественное положение которых позволяло им претендовать на статус уважаемых «крепких хозяев». Уездным властям нередко было неудобно работать с сельсоветом, но неоднократные перевыборы его состава успеха не приносили. Саботируя требования новой власти, сельсовет не отчитывался о своей работе. В 1926 г. уездная газета «Коллектив» писала: «Старокелецкий [сельсовет] не смог отчитаться только потому, что в течение года было сменено четыре председателя и три секретаря. Остальные сельсоветы отчитались⁷».

В 1920-х гг. в укрупненной Скопинской волости насчитывалось около 600 человек, занимавшихся кустарными промыслами. Обследование, проведенное силами учащихся Скопинского педагогического техникума в 1924 году, выявило, что в селе Старый Келец 15 человек занимались столярным промыслом и сапожным ремеслом. Кроме кустарных промыслов, в годы нэпа в селе действовали и настоящие крестьянские мини-предприятия. Всего их насчитывалось 93, среди них были водяная мельница и кузница. Мельница была обобществлена, кузница находилась в частных руках.

В 1929 г. ушло в прошлое историческое административное деление на волости, уезды и губернии. Старые Кельцы стали населенным пунктом Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

На волне массовой коллективизации в 1929 г. в Старых Кельцах был создан колхоз. По сообщению газеты «Побединский ударник», в 1932 г. он был близок к развалу. В колхозе не было бригад. Председатель колхоза Мохов заявлял, что малочисленность колхоза «лишает его

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVIIIв. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 610–611; Рязанские епархиальные ведомости, № 6 (15 марта 1890 г.). С. 285.

² Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань, 1914. С. 446.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 12 (15 июня 1902 г.). С. 18.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 15 (1 августа 1913 г.). С. 503.

⁵ Журнал Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года, Скопин, 1914. С. 230.

⁶ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

⁷ Коллектив, № 10 (3 февраля 1926).

возможности создать постоянные бригады». В нем состояло только 30 хозяйств, на работу ежедневно не выходили по 5–6 человек¹. Но были в Старых Кельцах и люди, искренне поддерживавшие аграрную политику советской власти и заинтересованные в становлении колхоза. Александра Ивановна Бокова, несмотря на свои 46 лет, «была самая активная и работающая на селе, в работе не хуже мужчины». Преодолевая сопротивление зажиточных односельчан, она вместе с группой местных женщин помогала искать «в подпольях спрятанный хлеб»² с целью обеспечения хлебопоставок государству.

В 1937 г. в Старых Кельцах была закрыта Георгиевская церковь. С 1930 г. ее настоятелем служил архимандрит Василий (Цветков) (1867–1937), уроженец села Лесок Рязанского уезда и губернии, в предреволюционное время бывший настоятелем Данковского Покровского монастыря. Он пользовался большим авторитетом у верующих, почитавших его духовную мудрость и старчество. Архимандрит Василий (Цветков) был арестован в Старых Кельцах 26 августа 1937 г. и 11 октября осужден тройкой УНКВД по Московульской области с формулировкой: «...За весь период революции вел непримиримую борьбу против советской власти и ВКП (б), направляя свою контрреволюционную деятельность к свержению существующего строя». Приговоренный к расстрелу по статье 58–10 УК РСФСР, архимандрит Василий был расстрелян на объекте «Бутово» НКВД СССР. В 1989 г. он был официально реабилитирован Указом Президиума Верховного Совета СССР, а 7 мая 2003 г. постановлением Священного Синода РПЦ был причислен к лику святых новомучеников российских для общецерковного почитания. Память его отмечается 4 октября.

В том же 1937 г. Старые Кельцы вместе со Скопинским районом были переданы из Московской области в новообразованную Рязанскую. В годы «большого террора» пострадал один из уроженцев села, проживавший в Орехово-Зуево. Пенсионер Дмитрий Елисеевич Канов (1871–1938) был арестован 24 января 1938 г. и 2 февраля осужден тройкой УНКВД по Московской области «по обвинению в агитации против Сталинской Конституции и колхозного строя». Он был расстрелян 5 февраля 1938 г. на Бутовском полигоне. Д.Е. Канова посмертно реабилитировали по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г.

По данным Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., в 1938 г. в Старокельцовский сельсовет входило одноименное село, а также деревни Новиково и Гуменки. Жители этих трех населенных пунктов были членами двух колхозов – «3-й решающий» с центральной усадьбой в Гуменках и им. С.М. Кирова, который объединял жителей 229 дворов Старых Кельцов и Новиково. Сельсовет был коллективизирован на 99,6 %. Посевная площадь под урожай в 1937 г. в хозяйствах сельсовета (включая колхозы) составляла 926,7 га, из которых колхозы владели 850,7 га, а единственный оставшийся единоличник – 1,4 га (оставшаяся площадь приходилась на личные хозяйства колхозников). Под картофель было отведено 130 га (в том числе колхозных 64,5 га, единоличника – 0,61 га), сады занимали почти 11 га (из которых колхозными были 0,7 га, единоличника – 0,2 га). В колхозах имелось 117 лошадей, 90 коров, 30 свиней, 24 овцы. В личных хозяйствах колхозников содержались 120 коров, 109 свиней, 131 овца. У последнего в селе единоличника – 1 лошадь и 1 свинья. На территории Старокельцовского сельсовета действовали 1 торговая точка, 2 начальные школы и 2 сезонных яслей на 35 детей³.

¹ Побединский ударник, № 136 (16 июля 1939).

² Побединский ударник, № 54 (8 марта 1933).

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в селе Старые Кельцы насчитывалось 58 строений.

С началом Великой Отечественной войны летом 1941 г. многие мужчины села были мобилизованы в РККА. Так, например, тракторная бригада Пчелкина колхоза им. С.М. Кирова проводила в Красную армию трактористов Трофима Дедюкина и Федора Вагина. Их место заняли работавшие плугарями И. Сергеевичев и А. Мызников. В военное время в селе организовалась женская тракторная бригада, в которой работали Пелагея Савина, Матрена Галышкіна и Елена Улитина¹.

К концу 1941 г. война пришла в Рязанскую область. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. К 23 ноября 1941 г. гитлеровцы полностью оккупировали Горловский район и подошли к деревне Стрелецкая дубрава². 25 ноября 1941 г., после непродолжительного сопротивления, ими был занят город Скопин. Старые Кельцы оказались заняты врагом. Накануне прихода немцев по дорогам Скопинского района осуществлялась спешная эвакуация скота и сельхозтехники. Вследствие эвакуации тракторов 400 м дорожного покрытия на участках Скопин – Новиково – Старые Кельцы пришло в полную негодность³.

В первые дни декабря советские войска готовили контрнаступление, ставшее одним из переломных моментов в битве под Москвой. Прологом к нему стало освобождение Скопина. 28 ноября 1941 г. бойцы 84-й стрелковой бригады выбили из Скопина подразделения 88-го бронированного разведбатальона 18-й танковой дивизии немцев (упоминаемый в этом контексте «5-й мотоциклетный полк» никогда не существовал и является следствием ошибки). Боевые потери советских войск составили всего 35 человек. На поля боя немцы оставили 250 своих солдат. Были взяты пленные и трофеи⁴.

Начиная с 29 ноября 1941 г. по приказу советской Ставки Верховного главнокомандования 61-я резервная армия Юго-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова сосредотачивалась по железной дороге в районе Рязск – Раненбург – Мичуринск – Старо-Юрьево⁵. Находившейся в ее составе 346-я стрелковая дивизия «имела задачу упорной обороной на рубеже: отм. 141,7 – Шелемишевский хутор – Шелемишево – Зезюлино не допустить выдвижения противника в направлении Рязска. По прибытию 1-го эшелона на станцию Рязск в 10.00 29 ноября 1941 г. 3-й батальон 1164-го стрелкового полка (командир старший лейтенант Серсков), разгрузившись в 18.00, выдвинулся в район Скопина с батареей ПТА и взводом пешей разведки. С 20.00 30 ноября 1941 г. им был занят рубеж Скопин – Старый Келец; передовой отряд № 2 – 1-й батальон 1166-го стрелкового полка со взводом ПА и с одним орудием ПТА после выгрузки 4 декабря 1941 г. занял рубеж Большак – Чулково–Одноворцы – Побединский – Роговая, выслав предварительно усиленную разведку⁶. В донесении передового отряда, оборонявшего Скопин, к вечеру 2 декабря 1941 г. сообщалось, что по данным, собранным в течение 2 декабря, «красноармейцы, бывшие в германском плену на Брянском фронте, проходящие через Скопин, сообщают, что противник концентрируется в Павелец. <...> В течение 2 декабря 1941 г. разведка

¹ Сталинец, № 113 (13 июля 1944).

² ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 23.

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 27, л. 2.

⁴ ЦАМО. Ф. 1891, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁵ ЦАМО. Ф. 3, оп. 11556, д. 4, лл. 136–137.

⁶ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 11, лл. 2–3.

в Стрелецкой дубраве, Корневое, Кельцы, Октябрьский, Вороновке, Чулково противника не обнаружила»¹. «Трудно себе представить, какой трагедией для местного населения могло обернуться дальнейшее пребывание фашистов в г. Скопине и районе. Ведь только практически за двое суток <...> они расстреляли 28 мирных, ни в чем не повинных граждан, повесили рабочего ремонтной, увели с собой 7 человек. Все магазины и базы были разгромлены и разграблены. Немецкие звери врываются в квартиры мирных жителей, забирали у них вещи. Немецкие оккупанты только в городе сожгли 11 домов, изнасиловали много женщин и девушек, ограбили и раздели более 800 человек. В занятых селах немцы забирали у колхозников кур, гусей, уток, телят, продукты питания и теплые вещи. Всего немецкие оккупанты разграбили 27 колхозов Скопинского района»². Среди схваченных и расстрелянных оккупантами 26 ноября 1941 г. жителей Скопина оказался и Алексей Михайлович Пустовалов (1870–1941), пенсионер из села Старые Кельцы.

Зимой 1941–1942 гг. обстановка в Скопинском районе была прифронтовой. Бесперывным потоком на запад двигались советские воинские части. За 3-й квартал 1942 г. бойцами местного истребительного батальона было задержано более 200 подозрительных и не имевших при себе документов лиц³. Положение с семенами в колхозах было катастрофическим – особенно с яровыми культурами, которые, наряду с расхищением, подверглись потраве эвакуационным скотом и проходившими кавалерийскими дивизиями⁴. В 1942 г. для опустевшей свиноводческой фермы в колхозе им. С.М. Кирова удалось закупить первых 5 поросят.

Уроженцы Старых Кельцов продемонстрировали немало примеров героизма и самоотверженности на фронтах Великой Отечественной войны. Младший лейтенант Анатолий Леонидович Воронцов (1924–2002) в 1943 г. был командиром пулеметного взвода 2-го стрелкового батальона 958-го стрелкового полка 299-й Харьковской стрелковой дивизии, воевал на Степном фронте. «...В бою за село Полевое 16 августа 1943 г. [он] со своим взводом станковых пулеметов обеспечивал наступление стрелковых подразделений, поддерживая их метким пулеметным огнем. 17 августа 1943 г., при переходе противника в контратаку, выдвинул свой взвод вперед и начал в упор расстреливать пехоту противника, отбив этим самым контратаку. В этом же бою был ранен»⁵. За проявленное мужество младший лейтенант А.Л. Воронцов был награжден медалью «За отвагу».

В годы войны и послевоенное время остро не хватало древесины, использовавшейся для отопления и как строительный материал. Приходилось использовать подручные ресурсы даже в ущерб природным красотам. В 1946 г. газета «Сталинец» с грустью писала: «Зеленая роща на берегу реки Верда в селе Старый Келец была излюбленным местом отдыха. Много в селе было и садов. Теперь роща вырублена, уничтожаются и деревья в садах. Оказывается, колхозники уже 2 года строят плотину, и на эту стройку по приказу председателя колхоза им. Кирова Янина вырубаются деревья»⁶.

Несмотря на все усилия колхозников, урожайность в послевоенных хозяйствах Старокелецкого сельсовета была низкой. В 1947 г. средний урожай зерновых в колхозе им. С.М. Кирова составил 6,7 ц с га.

¹ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 5.

² Немеркнувший подвиг: Сб. документов и материалов / Парт. арх. Рязан. обкома КПСС, Гос. арх. Рязан. обл. М.: Московский рабочий, 1982. С. 110–111.

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, лл. 55 – 55 об.

⁴ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 11.

⁵ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686044, д. 2571, л. 118.

⁶ Сталинец, № 62 (11 августа 1946).

В 1950 г. колхозы «3-й решающий» и им. С.М. Кирова Старокелецкого сельсовета были присоединены к корневскому колхозу «Красный горняк», имевшему полеводческо-животноводческое направление. В 1958 г. его председателем был Я.М. Савин, должность старшего агронома занимал А.Б. Поль¹. К 1958 г. в Корневский сельсовет входили села Корневое, Старые Кельцы, Пунки, поселки Красный городок и кирпичного завода, деревни Новиково и Гуменки. На территории сельсовета располагались: Корневский детсад, 2 медпункта, восьмилетняя школа, 3 библиотеки, 2 магазина и колхоз «Красный горняк»². В составе Корневского сельсовета Старые Кельцы оставались до конца советской эпохи.

Постсоветский период в истории села начался с возрождения в нем церковной жизни. Георгиевский храм был закрыт с 1937 г., в годы советской власти его здание использовалось как склад горюче-смазочных материалов, мастерская весов и т. п. Известны также попытки открыть в бывшей церкви музей, клуб стекольного завода, планетарий. В конце концов здание покинули все учреждения и оно от бесхозяйственности к началу 1990-х гг. пришло в полный упадок.

С августа 1992 г. руководители приходского совета В.Н. Воронцов и М.К. Панкратов начали трудную работу по восстановлению церкви. На их просьбу о помощи откликнулся глава администрации Скопина Г.В. Будяну и руководители местных промышленных предприятий: В.Г. Пиляк, Л.А. Радченко, Л.Г. Булгаков, Е.М. Мышев, В.Э. Николаев и многие другие. С марта 1993 г. прихожане Георгиевской церкви с энтузиазмом взялись за восстановление здания. 16 ноября 1994 г., в день памяти св. великомученика Георгия, архиепископ Рязанский и Касимовский Симон освятил восстановленный храм. Стараниями протоиерея Иоанна Звонова и прихожан продолжились работы по воздвижению иконостаса, оборудованию церкви. В 1999 г. в храме заработало газовое отопление³. Благодаря труду протоиерея Иоанна Звонова Георгиевский храм к началу XXI в. вернул себе былое величие. Позолоченный иконостас, роспись и благолепное убранство радуют всех входящих в церковь. Здесь же находится образ преподобномученика Василия Келецкого, который был преподнесен в дар храму родственниками святого⁴.

По Закону Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 77-оз «О наделении муниципального образования – городской округ город Скопин статусом городского округа и установлении его границ» село Старые Кельцы было включено в состав этого территориального образования. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Старых Кельцах в настоящее время проживают 168 человек (82 мужчины и 86 женщин).

¹ Архив Скопинского района. Ф. 29, лл. 1–3.

² Архив Скопинского района. Ф. 12, лл. 1–2.

³ *Сольшикин П.Т.* Я счастлив тем, что я живу...: Рассказы, очерки, стихи, зарисовки, воспоминания: Книга вторая. Скопин-М.: Пресса, 2000. С. 12–13.

⁴ Славный город Скопин. Юбилейное издание к 420-летию г. Скопина и 80-летию образования Рязанской области. Скопин, 2017. С. 33.

СУРОВЦЫ деревня (сельское поселение Горловское)

Деревня Суровцы (Суровка, Васильевская, Куканы) была основана в середине XVIII в. на землях Елифанского уезда Тульской провинции Московской губернии. Она располагалась на самой его границе со Скопинским и Михайловскими уездами, впоследствии вошедшими в Рязанское наместничество.

В материалах 2-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1745 г., какое-либо упоминание об этой деревне отсутствует: следовательно, в это время она еще не существовала. Однако на Генеральном плане Елифанского уезда Тульской губернии (ч. 1), составленном в ходе межевания 1776–1780 гг., видно, что в это время Васильевское уже существовало и стояло на опушке леса на левом берегу р. Керди, по которой проходила административная граница между Тульским и Рязанским наместничествами.

Экономические примечания к планам Генерального межевания Елифанского уезда указывают, что «сельцо Васильевское князь Иван Романовича Горчекова, супруги ево Анны Васильевны и Анны Никитичны Нарышкиной¹» находилось «налевой стороне речки Кедри» (совр. Кердь). В нем находились «дом господской деревянной» и 10 крестьянских дворов, в которых проживали 30 мужчин и 47 женщин.

Площадь земельных угодий, которые в 1770–1780-х гг. обрабатывали жители Васильевского, составляла 809 десятин 1899 сажень (884,72 га). Большая их часть – 569 десятин 1201 сажень (622,2 га) – была отведена под пашню, 17 десятин 1000 сажень (19,07 га) – под санный покос. Площадь лесных угодий составляла 184 десятин (201 га). Усадьба с крестьянскими дворами занимала 5 десятин 992 сажени (5,95 га). Об условиях хозяйственной деятельности в селе в экономическом приложении сказано следующее: «земля черная, хлеб средственный, покосы худы, лес дровеной, крестьяне на пашне»².

Авторы не располагают документальными подтверждениями, но, основываясь на приведенной выше информации, позволяют себе высказать следующую гипотезу относительно времени основания и происхождения названия Суровцов. Упомянутая в экономическом примечании супруга генерал-поручика князя И.Р. Горчакова Анна Васильевна (1744–1813) – урожденная Суворова, дочь генерал-аншефа Василия Ивановича Суворова (1705–1775) и младшая сестра величайшего русского полководца всех времен генералиссимуса А.В. Суворова. С учетом того, что она была выдана замуж в 1767 г., можно предположить, что принадлежавшее ее семье сельцо Васильевское было основано ее отцом между 1745 и 1767 гг. и после свадьбы стало частью ее приданого. В этом случае изначальное название поселения – сельцо Васильевское – было дано ему в честь основателя, которым был В.И. Суворов. Таким образом, появившиеся в более поздних документах названия Суровка, Суровцы являются искаженными «Суворовка», «Суворовцы» и произведены от фамилии первого помещика.

¹ Нарышкина (урожденная Румянцева) Анна Никитична (1730–1820) – статс-дама, близкая подруга императрицы Екатерины II. Она также была помещицей части крестьян соседнего сельца Богослова.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 16.

В статистическом справочнике «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.», вышедшем под редакцией академика П.И. Кешпена, указано, что в это время численность населения деревни «Васильевка, иначе Суровцы и Куканы», находившейся «при р. Керти», составляла 202 человека «помещичьих крестьян»¹. Местные жители были прихожанами Вознесенской церкви в селе Петрушине.

Согласно составленному в начале 1860-х гг. списку населенных мест Тульской губернии, накануне отмены крепостного права Васильевка (Суровцы) была «деревней владельческой». Этот населенный пункт находился «при речке Керде», в нем насчитывалось 22 двора, в которых проживали 97 мужчин и 118 женщин². Собственницей крестьян деревни была княжна Зинаида Павловна Щербатова, совладелица соседнего села Богослова.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. деревня Васильевка вошла в состав Петрушинской волости. Последующие три года ее крестьяне имели статус временнообязанных бывшей помещицы княгини З.П. Щербатовой. В 1864 г. газета «Тульские губернские ведомости» сообщила об утверждении выкупной сделки «жены тайного советника княг[ини] Зинаиды Павловны Щербатовой в селе Богослове и деревне Васильевке Еп[ифанского] у[езда]». Бывшая помещица получила ссуду от правительства в размере 34 116 р. 93 коп³.

На военно-топографической карте Тульской губернии 1863 г. название деревни передано как «Васильевка (Суровцы)». В рассматриваемое время она представляла собой два противоположащих порядка крестьянских домов, образывавших единственную деревенскую улицу. Проселочные дороги связывали деревню с селами Богослово Епифанского уезда Тульской губернии и Нуховец Михайловского уезда Рязанской губернии.

В 1865 г. в Епифанском уезде впервые прошли выборы в уездное земское собрание. В числе его первых гласных, избранных от сельских обществ, был крестьянин деревни Васильевки Захар Яковлевич Долгушин⁴. Он присутствовал при открытии уездного земского собрания, состоявшемся в городе Епифани 10 декабря 1865 г., и последующие три года принимал участие в его заседаниях.

В 1866 г. все жители Суровцов числились полноправными крестьянами-собственниками. Мужское население деревни составляло 99 душ. Общая площадь земли, обрабатывавшейся местными крестьянами (совместно с жителями соседнего села Богослова), равнялась 782 десятинам 958 саж. (854,80 га). По состоянию на 1 января 1867 г. недоимок за ними не числилось⁵.

Во второй половине XIX в на страницах главной губернской газеты время от времени появлялись сообщения о происшествиях в Суровцах. По ним видно, что деревне в эти годы пришлось пережить немало бедствий от неосторожного обращения с огнем. В частности, в разделе «Происшествия по губернии за 2-ю пол. апреля 1867 г.» сообщалось: «Еп[ифанского] у[езда] в д[еревне] Васильевке 26 ч[исла] от неизвестной причины сгорели 12 кр[естьянских] домов с надворными постройками. Убытку понесено на 2 290 р⁶.». В последующих годах ситуация регулярно повторялась, хотя и в меньшем масштабе. Хроника происшествий за 2-ю половину октября 1868 г. зафиксировала: «Еп[ифанского] у[езда] в д[еревне] Васильевке

¹ Северов В.И. Города и селения Тульской области в XIX веке. Тула, 2006. С. 88.

² Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862. С. 70.

³ Тульские губернские ведомости, № 36 (5 сентября 1864).

⁴ Тульские губернские ведомости, № 40 (2 октября 1865).

⁵ По данным имеющегося в распоряжении авторов не идентифицированного печатного издания, содержащего сведения земской статистики за 1866 г. по уездам Тульской губернии.

⁶ Тульские губернские ведомости, № 20 (20 мая 1867).

26 ч[исла] от худобы трубы сторели 2 застрахованных крестьянских дома. Убытку понесено на 150 р.¹». В разделе о происшествиях по Тульской губернии за 2-ю половину ноября 1869 г. можно прочитать: «Еп[ифанского] у[езда] в д[еревне] Васильевке в ночь на 19 ч[исло] от неосторожного обращения с огнем сторели 3 застрахованных крестьянских дома. Убытку понесено на 610 р.²». Дневник происшествий за 2-ю половину мая 1870 г. сообщал: «26 мая Еп[ифанского] у[езда] в д[еревне] Васильевке от неосторожного обращения с огнем сторели 3 застрахованных крестьянских дома. Убытку понесено на 230 р.³».

На рубеже 1860-х и 1870-х гг. из крестьянской среды выдвигаются землевладельцы, размеры земельной собственности которых приближаются к помещичьим. Опубликованный «Тульскими губернскими ведомостями» в 1871 г. «Список землевладельцев, имеющих право участвовать в съездах по земскому учреждению» упоминает временнообязанного крестьянина деревни Васильевки Ивана Карпова, владевшего 38 $\frac{1}{4}$ десятинами пахотной земли (более 41,5 га)⁴.

Судебная реформа 1861–1864 гг. не обошла стороной Суровцы. В 1875 г. главная губернская газета сообщила об избрании присяжным заседателем на первую четверть года крестьянина Петрушинской волости деревни Васильевки Вукола Платонова. Присяжными на вторую четверть года стали жители той же деревни Ларион Адрианов и Андрей Акимов⁵. В 1876 г. присяжным на четвертую четверть года избирался суровцовский крестьянин Алексей Симонов⁶.

Сборник П.И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей» (1895) сообщает, что в начале 1890-х гг. в Суровцах работала «школа грамоты», зависевшая от церковно-приходской школы в Петрушине⁷. Известно, что Закон Божий в ней преподавал петрушинский священник о. Иоанн Боженов, а учителем был «крестьянин Сергей Солдатов, из сельского училища»⁸.

До начала XX в. жители Суровцов–Васильевской оставались прихожанами Вознесенской церкви в Петрушине. После завершения в 1901 г. строительства Иоанно-Богословской церкви в селе Богослово деревня вошла в приход нового храма.

По информации, опубликованной в «Тульских епархиальных ведомостях» в 1901 г., в деревне Васильевка с 1899 г. действовала школа грамоты. Заведовал ей священник Георгий Соловьев, учителем состоял Василий Бабкин, не имевший «учительского звания»⁹.

В 3-м томе сборника «Материалы для оценки земель Тульской губернии», посвященном Епифанскому уезду, название деревни передано как «Васильевка, Суровка тож»¹⁰. Из крестьянских семей, проживавших в деревне до 1917 г., известны Кутилины, Мамыновы, Рытовы и Сизовы. Крупнейшее кулацкое хозяйство деревни в дореволюционный период принадлежало Лазарю Михайловичу Рытову.

¹ Тульские губернские ведомости, № 46 (16 ноября 1868).

² Тульские губернские ведомости, № 50 (13 декабря 1869).

³ Тульские губернские ведомости, № 25 (20 июня 1870).

⁴ Тульские губернские ведомости, № 44 (16 июня 1871).

⁵ Тульские губернские ведомости, № 9 (29 января 1875).

⁶ Тульские губернские ведомости, № 9 (31 января 1876).

⁷ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 180.

⁸ Тульские епархиальные ведомости, № 8 (15 апреля 1892).

⁹ Тульские епархиальные ведомости, № 21 (1 ноября 1901 г.). С. 177–178.

¹⁰ Епифанский уезд / Материалы для оценки земель Тульской губернии. Том III. Вып. 1. Тула, 1914. С. 412.

При районировании Тульской губернии в 1924 г. деревня Суровцы вошла в состав Бучальско-Молоденского района Богородицкого уезда. Изданный в 1925 г. справочник «Вся Тула и Тульская губерния» сообщает, что в это время деревня административно относилась к Петрушинскому райсельсовету. Позднее, с созданием Богословского сельсовета, Суровцы были подчинены ему. В 1918 г. действовавшая в деревне школа грамоты была преобразована в трудовую школу 1-й ступени¹.

В 1926–1929 гг. деревня входила в Клеткотковский район Тульской губернии. В 1929 г. Суровцы вместе с другими окрестными населенными пунктами были включены в Горловский район Тульского округа Центрально-Промышленной области, в том же году переименованной в Московскую. В составе Горловского района деревня попеременно относилась то к Московской (в 1929–1937 и в 1942–1946 гг.), то к Рязанской области (в 1937–1942 и в 1946–1959 гг.). С упразднением Горловского района в 1959 г. Суровцы, вместе с другими окрестными населенными пунктами, стали деревней Скопинского района Рязанской области.

В начале 1930-х гг. в деревне Суровцы был создан колхоз им. К.Е. Ворошилова. Сведения о его деятельности регулярно попадали на страницы газеты Горловского района «Ленинская искра». В основном они становились основой для критических заметок или статей о забавных происшествиях из сельской жизни, вроде следующего: «Суровецкий колхоз им. Ворошилова продал 9 старых лошадей на рынке и вывесил объявление за какую сумму проданы лошади. Через три дня одна из проданных лошадей прибежала опять в колхоз и ее загнали на колхозный двор, не сделав заявки об этом. В следующий базарный день зять пред. колхоза А. Титков выправил на нее в колхозе новый паспорт, который заверил также пред. сельсовета, и продал ее вторично на рынке»².

О трудовых буднях суровецких колхозников можно узнать из статьи «Нагнать упущенные дни», появившейся на страницах «Ленинской искры» весной 1932 г.: «Суровецкий колхоз им. Ворошилова по-боевому развернул сев. На 4 мая засеяно 20 га вики и поднято 20 га целины. Бригады работают дружно. 1–2 мая бригады по-ударному встретили в поле. За 2 мая было вспахано 18 га. Бригады работают с полной нагрузкой. Недочетом работы бригад явился поздний выезд в поле. С полной нагрузкой бригады стали работать только со 2 мая. Развертывая соцсоревнование и ударничество колхоз им. Ворошилова нагонит упущенные дни»³. Летом того же года газета продолжала тему: «Суровецкий колхоз им. Ворошилова к уборочной кампании приходит в боевой готовности. Правильная расстановка сил, повседневная забота правления об укреплении колхозной бригады дала возможность колхозу закончить все подготовительные работы. Бригады работают ударно. Группа пахарей полевой бригады в течение 4 дней в составе 12 плугов вспахали 50 га пара. <...> Что позволило колхозу добиться таких успехов в деле выполнения паровой кампании, возке навоза и сеноуборке? Прежде всего, как уже мы говорили – это правильная организация труда и бригаде, широко развернутая массовая политическая работа с колхозниками о колхозной торговле. Хорошим стимулом к повышению производительности труда колхозников сыграло и то, что сами члены правления Титков Н.И., Мьмынов С.В. не сидят дома, как это имеет место в других колхозах, а идут на работу в поле вместе со всеми и в работе идут передовиками, показывая пример всем. Хоро-

¹ Вся Тула и Тульская губерния. Справочная книга. Тула: Издательство Тульского губисполкома, 1925. С. 173.

² Ленинская искра, № 12 (11 февраля 1932).

³ Ленинская искра, № 54 (5 мая 1932).

шая организация труда, хорошее руководство колхозом привели к тому, что в колхозе за все время подготовки к уборочной не было ни одного случая самовольного прогула с трудового фронта»¹. Подводя итоги уборочной кампании 1932 г. «Ленинская искра» отмечала: «Суровецкий колхоз им. Ворошилова 2 августа окончил уборку ржи. Скошено и связано 110 га. Несмотря на трудности, которые колхоз испытывал в рабочей силе, уборка окончена своевременно. <...> Бригады показали хорошие образцы работы. За время уборочной сократились до минимума невыходы в поле, особенно хорошо обстоит дело в бригаде № 1 Комиссарова В.Т. и Сизовой Екатерины. Но наряду с положительными сторонами в колхозе имеется ряд существенных недостатков, одним из самых серьезнейших недочетов является отсутствие борьбы с потерями. Колосья после вязки не стребались и не собирались, в результате весь колос остался на поле и травится скотом. В бригаде № 2 Климовой Т. наблюдаются случаи невыходов на работу, а руководитель бригады Климова вместо мобилизации членов бригады на стопроцентный выход сама плетется в хвосте отсталых настроений. <...> Ворошиловцы должны <...> особенно обратить внимание на подмеченные недочеты, особенно на борьбу с потерями, ибо недооценка этого мероприятия есть прямое нежелание выполнять решения ЦК и СНК по этому вопросу»².

Несмотря на отмеченные газетой достижения, осенью 1932 г. руководство суровецкого колхоза им. К.Е. Ворошилова попало под шквал критики. «Ленинская искра» писала: «Суровецкий колхоз им. Ворошилова позорно отстает с выполнением плана заготовок. На 24 сентября колхоз выполнил только 68 проц. годового плана. Причина такого позорного отставания кроется в том, что само правление колхоза в лице Титкова Н.И. и Мамынова С.Ф. саботирует выполнение хлебозаготовок. Предколхоза Титков вместо мобилизации колхозников на выполнение хлебозаготовок разъезжает по району и толкует о нереальности плана. Богословская ячейка ВКП(б) должна крепко ударить по рукам Титкова как кандидата в ВКП(б) сознательно срывающего план хлебозаготовок, путем мобилизации колхозников на это дело выполнить к 1 октября план на 100 проц.»³.

На помощь суровецким колхозникам пришел богословский колхоз «Культура». Продолжая тему, горловская районная газета писала: «Расширенный пленум Богословского сельсовета, обсудив вопрос о ходе хлебозаготовок, отметил, что богословский и суровецкий колхозы позорно отстают с выполнением плана хлебозаготовок – особенно суровецкий колхоз, выполнивший на 30 сентября план только на 73 проц. Где причина отставания? Причина кроется в том, что члены правления колхоза и сельсовета вместо мобилизации колхозников на выполнение плана толкуют о его нереальности. Член сельсовета Титков А.С. на пленуме сельсовета “выступил с заявлением”, что план по суровецкому колхозу нереален и колхозу выполнять его нечем. Но это далеко не так. Так как суровецкий колхоз на 59 хозяйств убрал 1350 копен ржи, 80 копен овса, 35 га вики на зерно, гороха 11 га, 60 га картофеля. Колхоз успешно сумеет выполнить план, засыпать страхсемфонд и в достаточной мере снабдить колхозников хлебом. Пленум, решительно обсудив это выступление, обязал правление суровецкого колхоза не позднее 3 октября выполнить план на сто проц. Кроме этого, пленум постановил взять суровецкий колхоз на социалистический буксир, для чего организована бригада из колхозников в количестве 6 чел., которые выехали в Суровцы 30 сентября»⁴.

¹ Ленинская искра, № 89 (9 июля 1932).

² Ленинская искра, № 98 (10 августа 1932).

³ Ленинская искра, № 116 (27 сентября 1932).

⁴ Ленинская искра, № 119 (2 октября 1932).

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг. имеется перечень населенных пунктов Горловского района «с характеристиками их по состоянию на 1939 г.». Согласно этому документу, в Суровцах, деревне Богословского сельсовета, насчитывалось 62 жилых строения, 77 хозяйств и 335 чел. населения. Из промышленных заведений деревни отмечены две ветряные мельницы (построены в 1918 и 1925 гг.) и конная просорушка (действовала с 1937 г.). Из социокультурных учреждений упомянуты начальная школа и изба-читальня¹. Если в 1933/1934 учебном году в суровецкой начальной школе насчитывалось 78 учащихся (16 мальчиков и 62 девочки), то в 1939/1940 их было уже 81 (43 мальчика и 38 девочек).

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. жители Суровцов сражались с врагом по-суворовски. Гвардии младший лейтенант Иван Ильич Кутилин (1925–?) воевал с 1943 г., за два года войны был три раза ранен. К концу войны младший лейтенант И.И. Кутилин командовал пулеметным взводом 3-й мотострелковой бригады 21-й гвардейской механизированной Ярославской Краснознаменной ордена Суворова и ордена Богдана Хмельницкого бригады. «В боях на берлинском направлении и в городе Берлине, командуя взводом станковых пулеметов, тов. Кутилин показал образцы мужества и отваги. 22 апреля 1945 г. в боях за пригороды Берлина тов. Кутилин со своим взводом, находясь в передовых подразделениях батальона, при блокировке укрепленных точек противника своим взводом уничтожил более 78 человек гитлеровцев, уничтожил расчет 3 пушек. 23 апреля 1945 г., когда противник перешел в контратаку, тов. Кутилин, поддерживая пехоту своим взводом, заставил немцев под перекрестным огнем пулеметов залечь, дав возможность нашим частям улучшить свои позиции и перейти в контратаку. В этом бою было уничтожено 37 солдат и офицеров противника, взятых плен 48 человек. Сам тов. Кутилин был легко ранен»². За участие в боях за Берлин гвардии младший лейтенант И.И. Кутилин был награжден орденом Красной Звезды.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. дети из Суровцов учились в Петрушинской средней школе. С годами их становилось все меньше: население деревни неуклонно сокращалось из-за переезда ее жителей в соседние села и оттока молодежи в города.

С 1970 г. суровцовское колхозное хозяйство было влито в совхоз «Культура» с центром в соседнем селе Богослове. Однако на улучшении демографической ситуации в деревне эти реформы не отразились.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Суровцы была включена в сельское поселение Горловское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в ней в это время было 10 жителей – 5 мужчин и 5 женщин, однако реально деревня не существовала уже в 2008 г. Дороги, ведущие в нее, заросли. В наши дни лишь по некоторым неровностям рельефа можно догадаться, что в этом месте когда-то жили люди.

---

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристиками их по состоянию на 1939 год.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 3084, л. 56.

ТРОИЦЕ-ОРЛОВКА

село

(сельское поселение Горловское)

Село Троице-Орловка существует как минимум с середины XVII в. Оно является одним из населенных пунктов современного Скопинского района Рязанской области, исторически относящихся к Епифанскому уезду Тульской губернии.

Изначально село было известно под названием Орловка (в документах XVIII в. нередко писали, как слышали, – «Арловка»). После возведения в нем Троицкой церкви в середине XIX в. стали употребляться названия Орловка-Троицкое, Троицко-Орловка и, наконец, Троице-Орловка.

Согласно сборнику П.И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей» (1895), своему названию село обязано одному из находящихся в нем оврагов. В нем сообщается буквально следующее: «Свое название «Орловка» село получило от упомянутого урочища, которое, по преданию, покрыто было лесом, в котором, по временам, водились орлы, а прибавка Троицкое присоединено было уже после, когда устроен был храм во имя Св. Троицы, и в отличие этого села от другого села, называемого тоже Орловкой и находящегося на Дону»¹.

По местному преданию, сохраненному в сборнике П.И. Малицкого, первыми жителями Орловки были выходцы из различных селений Владимирского края, которые «убежали от своих помещиков и поселились на этих холмах, окруженных оврагами, – земле, принадлежавшей князю Черкасову, и стали его крепостными людьми»². Видимо, речь идет о событиях первой половины или середины XVII в. В этом случае в «князе Черкасове» следует видеть князя Якова Куденетовича Черкасского (? -1666), представителя адыгской (черкесской) знати на русской службе, полководца первых Романовых – царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. В 1641 и 1645 гг. он направлялся на береговую службу в Тулу. Возможно, причиной добровольного закрепощения местных жителей стал последний крупный набег крымских татар на земли Епифанского уезда, случившийся в 1659 г.

До петровских времен село Орловка было крайней южной точкой обширной вотчины князей Черкасских, центром которой являлась усадьба в селе Нагиши (Лебяжий Усад). В 1721 г., после женитьбы советника Экипажной экспедиции Адмиралтейств-коллегии князя Никиты Ивановича Долгорукова (? -1737) на княжне Анне Михайловне Черкасской (1692–1737), имения в Епифанском уезде перешли к роду Долгоруковых. Во владении их потомков – князей Сергея Никитича (1724–1802), Никиты Сергеевича (1768–1842) и Сергея Никитича (1811–1876) Долгоруковых³ – жители Орловки оставались вплоть до отмены крепостного права в 1861 г.

Генеральный план Епифанского уезда Тульской губернии (ч. 1), составленный в ходе межевания 1776–1780 гг., свидетельствует, что в это время село Орловка представляло собой

¹ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: «Пересвет», 2010. С. 169.

² Там же. С. 169.

³ О них см. статью «Нагиши» настоящего издания.

несколько небольших слобод, живописно разбросанных по обоим берегам истока р. Дегтярки. На левом берегу реки, на лугу между избами стояло деревянное церковное здание. Эта картина полностью соответствует самому раннему из известных описаний села, выявленному в экономических примечаниях к планам Генерального межевания Епифанского уезда, которое также относится к 1776–1780 гг. В документе сказано, что Орловка расположена «пообе стороны речки Дегтярки и безымянного отвершка, накоех попруду». В селе насчитывался 61 крестьянский двор, в которых проживали 175 мужчин и 139 женщин, а также «церковь деревянная Николая Чудотворца»¹.

Как представляется, составитель документа допустил ошибку в названии церкви, перепутав ее с храмом в соседнем селе Никольском-Алмазове. Его ошибка исправляется по сборнику П.И. Малицкого, который сообщает, что «храм был деревянный, однопрестольный во имя Св. великомученицы Варвары»². Он был возведен в 1771 г. иждивением помещика – отставного капитана князя Сергея Никитича Долгорукого. Очевидно, церковь была освящена в честь святой покровительницы супруги храмоздателя, княгини Варвары Никитичны Долгоруковой, урожденной Щербатовой (? – 1820). П.И. Малицкий пишет: «Этот храм существовал до 1857 года, когда он был продан в дер. Пупки Рязанской губ., где он был вновь построен и освящен во имя Св. великомученицы Варвары, где и существует до сего дня»³.

В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Епифанского уезда также сообщается, что причт храма владел выделенным помещиком земельным участком. В этом щедром пожаловании чувствуется заботливое внимание князей Долгоруковых, традиционно поддерживавших церковное благочестие в своих имениях. Согласно документу, «церковная земля села Орловки» находилась «наречке Молоденки налевой стороне, а протока Орлова направой стороне» и обрабатывалась «того села священно церковно служителями»⁴.

В 1852 г. по завещанию отставного гвардии подпоручика князя Никиты Сергеевича Долгорукова в Орловке был возведен новый кирпичный храм во имя Святой Живоначальной Троицы с колокольней. Он является памятником «русско-византийского» стиля и принадлежит к центрическим пятикупольным храмам соборного типа. Не исключено, что при его строительстве использовался один из «образцовых проектов» приходских церквей К.А. Тона. Кирпичная трехъярусная колокольня являлась отдельно стоящим зданием, не связанным с основным объемом храма. Возможно, их должна была соединить трапезная, которая так никогда и не была построена.

В статистическом справочнике «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.», вышедшем под редакцией академика П.И. Кешена, сообщалось, что в это время население «села Орловки», находившегося «при реке Дегтянке», составляло 1158 человек «помещичьих крестьян»⁵. В рассматриваемое время в приход Троицкой церкви в Орловке входила также деревня Екатериновка⁶.

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 15 об.

² Приходы и церкви... С 169.

³ Деревянная церковь в Пупках Скопинского уезда Рязанской губернии была позднее пересвящена в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Ее венчания были переделаны в более современных для конца XIX в. формах. Закрытый в начале 1930-х гг. храм впоследствии был заброшен и встретил XXI в. в руинированном состоянии. 17 июля 2014 г. произошло обрушение верхнего яруса его колокольни. Общественностью Скопинского района Рязанской области предпринимаются усилия для спасения этого памятника культурного наследия регионального значения.

⁴ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1793, л. 15 об.

⁵ *Северов В.И.* Города и селения Тульской области в XIX веке. Тула, 2006. С. 87.

⁶ Ныне не существует.

Согласно «Спискам населенных мест Тульской губернии», накануне отмены крепостного права Орловка была «селом владельческим». Этот населенный пункт находился «при пруде», в нем насчитывалось 152 двора, в которых проживали 573 мужчины и 648 женщин¹.

После освобождения от крепостного права в 1861 г. село Орловка-Троицкое стало центром Троице-Орловской волости. В нее вошли окрестные деревни Купчинка (ныне Купчая), Екатериновка (ныне урочище), Черемошки (ныне Черемухово²) и Ивановка (ныне Ивановка-Селезневка³). Крестьяне Орловки-Троицкого получили статус «бывшего помещика князя Долгорукова временнообязанных». Недееспособность последнего помещика – слабоумного князя Сергея Никитича Долгорукова привела к значительной проволочке с заключением мировой сделки с его бывшими крепостными. В статусе временнообязанных они оставались вплоть до конца 1870-х гг.

Известны имена нескольких волостных старшин Троице-Орловской волости: Пережогин (ок. 1868 г.), Козьма Абросимов (ок. 1869 г.), Степан Михайлович Родичев (ок. 1870–1872 гг.), Иван Тихонович Тюрин (ок. 1879 г.), Дмитрий Леонович Шестаков (ок. 1882 г.), Андрей Михайлович Симаков (ок. 1888 г.), Илья Болдин (ок. 1891 г., одновременно занимал пост председателя волостного суда).

Военно-топографическая карта Тульской губернии 1863 г. свидетельствует о том, что в середине XIX в. «село Орлово» представляло собой неправильный прямоугольник порядков крестьянских домов, окружавших пригорок над р. Дегтяркой, на котором возвышалась господствовавшая над округой Троицкая церковь. На карте прекрасно прочитываются крупнейшие сельские слободы – Куркова слобода, Хазы, Попова слобода и Берденовка. Пейзаж села оживляли 4 ветряные мельницы. Две из них располагались за околицей села, слева от дороги в деревню Купчую (близ Курковой слободы), еще две – справа от дороги на село Нагиши (между Хазами и Поповой слободой).

На эпоху отмены крепостного права приходится и появление первого образовательного учреждения в Клетотках – церковно-приходской школы. По сообщению «Тульских епархиальных ведомостей», на 1 (13) января 1862 г. сельский священник Зеленецкий обучал в ней 32 мальчика⁴. Более подробно о краткой истории первой школы в селе сообщалось в следующей публикации того же издания: «В селе Орловке училище существовало с сентября 1861 г. по апрель 1865 г. и помещалось при волостном правлении; обучалось ежегодно от 8 до 30 мальчиков; обучением занимались в 1861–1863 гг. священник Иоанн Зеленецкий (умерший), диакон и причетники, а с 1864 г. один священник Петр Гольский»⁵.

Земская статистика зафиксировала, что в 1866 г. все 577 человек мужского населения Орловки-Троицкого оставались временнообязанными оброчными крестьянами бывшего помещика князя С.Н. Долгорукова. Общая площадь обрабатывавшейся местными жителями земли равнялась 1281 десятина 392 сажням (1399,72 га). По состоянию на 1 января 1867 г. каких-либо недоимок за ними не числилось⁶.

В начале 1860-х гг. по штату в Троицкой церкви села Орловки-Троицкого числились четыре священно- и церковнослужителя. При храме имелись 30 десятин земли (32,8 га). Ко-

¹ Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862. С. 77.

² Ныне в Кимовском районе Тульской области.

³ Ныне также в Кимовском районе Тульской области.

⁴ Тульские епархиальные ведомости, № 13 (1 июля 1862 г.). С. 13.

⁵ Тульские епархиальные ведомости, № 17 (1 сентября 1867 г.). С. 560.

⁶ По данным имеющегося в распоряжении авторов неидентифицированного печатного издания, содержащего сведения земской статистики за 1866 г. по уездам Тульской губернии.

личество прихожан мужского пола составляло 672 чел¹. Известно имя одного из церковных старост середины XIX в.: в 1866 г. им был «временнообязанный крестьянин Павел Болдин»².

В 1860–1870-х гг. главная газета губернии «Тульские губернские ведомости» регулярно печатала хроники происшествий, в которых время от времени упоминались жители Орловки-Троицкого. Эти заметки являются ценным источником по истории села в рассматриваемый период.

В частности, в хронике происшествий за 1-ю половину сентября 1860 г. можно прочитать о следующем трагическом случае: «Еп[ифанского] у[езда] с[ела] Орловки запасной священник Иоанн Никольский 11 ч[исла] возвращался домой на телеге из соседнего села. При спуске с горы лошадь понесла и на мосту при повороте он выпал из телеги, ударившись головой о каменный столб, и тут же умер»³.

В июле 1865 г. над Епифанским уездом прошли сильные грозы, вызвавшие пожары во многих селениях. После информации о бедствиях постигших жителей села Нагиши, главная губернская газета в хронике происшествий за 2-ю половину июля 1865 г. сообщала: «Того же уезда в с[еле] Орловке у временнообязанных крестьян 15 ч[исла] от молнии сторели 3 риги, 3 амбара, 1 погребица, 80 р. общественных денег и убило до смерти грозой временнообязанного крестьянина Тимофея Николаева. Убытку понесено на 850 р⁴.».

В апреле 1866 г. «Тульские губернские ведомости» поместили объявление, являющееся интересным примером описания «движимого» имущества: «По рапорту Епифанского уездного полицейского управления публикуется о пропавшем находившемся на поручительстве у крестьянина кн. Долгорукова села Орловки Петра Антонова набежавшем к нему в 1865 г. в феврале месяце быке черной шерсти, по другому году, две задние ноги от колена до копыт белые и передняя левая нога повыше колена немного белая, на хвосте волосы белые»⁵. Видимо, все же пропажа быка не была случайностью, поскольку исчезновения скота в селе продолжались. До конца месяца газета вновь сообщила: «По рапорту Епифанского уездного полицейского управления публикуется об уведении со двора вдовы священника села Орловки Олимпиады Афанасьевой Зеленецкой двух лошадей-кобыл»⁶.

Судебная реформа 1861–1864 гг. не прошла мимо Орловки-Троицкого. В декабре 1866 г. «Тульские губернские ведомости» опубликовали очередной список присяжных заседателей на 1867 г. В нем, в частности, сообщалось, что одним из присяжных заседателей Епифанского уездного суда на первую четверть года были избран крестьянин Троицко-Орловской волости Ефим Иванов, а на четвертую четверть года – его односельчане Иван Архипов, Павел Филатов, Филипп Сергеев и Дмитрий Афанасьев⁷.

В 1867 г. в прибавлении к «Тульским епархиальным ведомостям» появилась следующая заметка священника Троицкой церкви П. Гольского «Черви», повествующая о следующем любопытном эпизоде из местной истории: «В июле настоящего года, числа около 17-го, после стоявшей до того времени дождливой погоды, в полях наших стали появляться черви, каких, по отзыву старожилков, никогда не бывало. Червь этот, зеленоватый цветом с бурюю спинкою, тонкий телом и малый ростом, вдруг неведомо откуда появился. Сначала стал поедать лебеду и

¹ Памятная книжка Тульской губернии. Тула, 1864. Отдел IV, С. 50.

² Тульские епархиальные ведомости, № 4 (15 февраля 1866 г.). С. 48.

³ Тульские губернские ведомости, № 48 (26 ноября 1860).

⁴ Тульские губернские ведомости, № 36 (4 сентября 1865).

⁵ Тульские губернские ведомости, № 16 (16 апреля 1866).

⁶ Тульские губернские ведомости, № 18 (30 апреля 1866).

⁷ Тульские губернские ведомости, № 49 (3 декабря 1866).

другую зелень, потом стал переходить на горох и гречу. Кто только наблюдал за этим явлением, тот не мог не признать в нем прямого действия гнева Божия. Он, как разумное существо, в одном поле поедал нивы не без разбору, но как бы по указанию; уничтожив одну, потом, не трогая рядом стоящие одну или две полосы, по межам переходил на третью и пятую. День ото дня червь умножался невероятным образом – каждая былинка растения усыпана была червями. Иногда нельзя было рабочим в поле ни питья для себя поставить, ни хлеба положить – всюду проникал червь. Нельзя было и самому сесть на землю и после трудов вкусить хлеба-соли – все мгновенно покрывалось сплошной массой червей. Невозможно было лечь отдохнуть – червь буквально обсыпал с ног до головы. Едешь ли дорогой, идешь ли полем или лугом – у тебя под ногами образуется лужа отвратительной жидкости от раздавливаемых тобою червей. Слышно было, что черви местами появлялись даже в домах. Много было толков о происхождении червя: кто объяснял его перерождением из бывшего до того множества мелких желтоватых бабочек; кто говорил, что черви выпали из облаков, а были такие, которые уверяли, что они сами были очевидцами последнего, когда они были в ночном с своими лошадьми.

Слыша подобные суждения и видя постоянное умножение червей, я стал внушать своим прихожанам, что это есть ничто иное, как видимое наказание Божие и, объяснив им, что против червей есть особенные заклинательные молитвы, убеждал их обратиться к Богу и предложил сделать общественное богомолie на полях. Назначен был для богомолia буднич-ный день – понедельник. Повещено было и старому, и малому идти в церковь – и вот, несмотря на сильный дождь, в храм собралось столько молящихся, сколько и в великие праздни-ки редко бывает. – Трогательное пение просительного “Господи, помилуй”, унылые лица молящихся, слезы некоторых при чтении мною на литургии молитвы «на всякую литию» невольно всех и каждого располагали к молитве. Перед окончанием литургии произнесено мною по сему случаю поучение и – благодарение Богу – оно подействовало на слушателей. Раздававшиеся в храме во время сказания поучения вздохи и слезы многих давали заметить это. В преднесении хоругвей начался и крестный ход со святыми иконами в поле. Пение трогательных в последовании на всякую литию припевов “Милостиве, помилуй, помилуй нас, Господи” еще более подействовало на всех и заставляло каждого невольно полагать на себя крестное знамение и молиться от искреннего сердца. Безгласное молчание лучше всяких слов выражало молитвенное настроение каждого. Да и нельзя было не тронуться, смотря на коленопреклоненных, под дождем стоящих христиан, просящих любвеобильного Отца небесного от отвращения праведного гнева Его! Нельзя было не умилиться при таком трогательном зрелище молитвы скорбных христиан!

Верно и не ложно слово Сына Божия: “Просите, и дастся вам!” Мы, грешные, лишь только помолились Господу об отвращении належащего на нас праведного гнева Его, и Он не умедлил услышать нас. На другой же день к дождю присоединилась стужа. Страшный для нас червь сначала от стужи и дождя как бы оцепенел и опустошения его в полях со дня на день заметно стали уменьшаться. Потом, влекомый неведомою силою, он с нив наших начал собираться кучами и на дороги, в колеи и ямы, в овраги и ручьи, и там помирал. Дня четыре из наших деревенских пернатых обитателей – ворон, галок, грачей и др. не было заметно ни одной в селе, ни в поле. Верно, по молитве Св. мученика Трифона они все отлетели куда-нибудь в иные места клевать червей, ибо по прошествии сего времени они опять появились у нас и покрыли собою все поля наши, выбирая уцелевших червей. В первых числах августа в наших полях не осталось ни одного червя – все они или унесены водою, или поклеваны птицами»¹.

¹ Тульские спархильные ведомости, № 21 (1 ноября 1867 г.). С. 236–239.

Несмотря на описанный выше прилив благочестия троице-орловских крестьян перед лицом необычного природного явления, в селе, хотя и крайне редко, но все же отмечались случаи церковного воровства, вроде описанного губернской газетой в хронике происшествий за 2-ю половину февраля 1868 г.: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Орловке 18 ч[исла] из церкви, через взлом замков, находившихся у четырех дверей свечного комода и сундука, произведена кража двух банковых билетов, 1-й в 300 р., 2-й в 100 р. и наличных денег разною монетою до 25 р. В краже этой подозреваются: бывший дворовый человек Дмитрий Александров, временнообязанный крестьянин Василий Тарасов Шувалов, у которого ночевал караульщик церкви исключенный из духовного звания Егор Птицын. Дознание по этому предмету передано судебному следователю для произведения формального следствия»¹.

В августе 1869 г. в разделе «О подкинутых младенцах» «Тульские губернские ведомости» сообщили: «По рапорту Епифанского уездного полицейского управления публикуется о подкинутом ночью под 8 число июля к дому крестьянина села Орловки Ефимия Васильева младенце мужского пола, названном при крещении Прокопием»².

Любопытен случай, описанный в хронике происшествий по Тульской губернии за 2-ю половину февраля 1870 г.: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Орловке крестьянин Василий Яковлев, 18 л[ет], 25 ч[исла] умер скоропостижно. По дознанию обнаружено, что смерть ему последовала от лечения его бывш. фельдшером Сергеевым ядовитыми веществами»³.

В ноябре 1870 г. на первой странице «Тульских губернских ведомостей» в разделе «Распоряжения губернского начальства» появилось следующее официальное сообщение: «Епифанский уездный исправник рапортом от сего 9 ноября за № 816 донес мне, что при старании и особой заботливости волостного старшины Троицко-Орловской волости Родичева подати и другие сборы за 2-ю половину с. г. по указанной волости все взысканы сполна и внесены в Епифанское уездное казначейство. За таковое успешное взыскание денежного оклада 2-й половины с. г. по Троицко-Орловской волости объявляю волостному старшине Родичеву мою сугубую благодарность. 11 ноября 1870 г. Губернатор Арсеньев»⁴.

Упомянуты в хронике и трагические происшествия с жителями села. Например, такое, относящееся к 1-й половине ноября 1870 г.: «Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Орловке временнообязанный крестьянин Семен Степанов, 18 л[ет], скоропостижно умер от разлития желчи»⁵. Или такое, за 1-ю половину апреля 1871 г.: «В ночь на 9 апреля Еп[ифанского] у[езда] в с[еле] Орловке бессрочно-отпускной рядовой Родион Демидов в сених при доме брата своего крестьянина Степана Демидова удавился»⁶.

В 1871 г. состоялись очередные выборы в Епифанское уездное земское собрание. Одним из гласных от сельских обществ на очередной трехлетний период был избран временнообязанный крестьянин села Орловки Степан Михайлов Родичев, занимавший в это время пост волостного старшины Троице-Орловской волости⁷.

В августе 1871 г. село Троицкое-Орловка значится среди населенных пунктов Епифанского уезда, по которым прокатилась эпидемия холеры⁸. В сентябре распространение болезни пошло на убыль, и из списков затронутых ей волостей упоминание о селе исчезло.

¹ Тульские губернские ведомости, № 11 (16 марта 1868).

² Тульские губернские ведомости, № 33 (16 августа 1869).

³ Тульские губернские ведомости, № 11 (14 марта 1870).

⁴ Тульские губернские ведомости, № 57 (11 ноября 1870).

⁵ Тульские губернские ведомости, № 60 (25 ноября 1870).

⁶ Тульские губернские ведомости, № 29 (24 апреля 1871).

⁷ Тульские губернские ведомости, № 53 (17 июля 1871).

⁸ Тульские губернские ведомости, № 62 (18 августа 1871).

В 1873 г. ряд жителей Орловки-Троицкого был избран присяжными заседателями Епифанского уездного суда: крестьянин Тарас Никифоров – на третью четверть года, его односельчане Егор Михайлов, Данила Филипов, Никифор Васильев, Мирон Иванов и Иван Михайлов – на четвертую¹. В 1875 г. присяжными заседателями на четвертую четверть года стали крестьяне села Орловки Матвей Михайлов Вазилкин и Тимофей Григорьев Жаринов². В 1876 г. Егор Михайлов вновь стал присяжным заседателем на первую четверть года³.

В начале 1870-х гг. в Епифанском уезде активно развивалось табаководство. В Троице-Орловской волости насчитывалось 46 плантаций, на которых выращивался амерсфортский сорт табака (махорка). Их совокупная площадь составляла 12 десятин (13,1 га). В 1870 г. крестьяне волости собрали 1200 пудов (19,2 т) табачного листа. Однако ввиду удаленности от места переработки его цена оказалась невысокой – 1 р. 5 к. за пуд⁴. В небольшом количестве табак для промышленного производства выращивался в Троицко-Орловской волости вплоть до 1910-х гг., когда был вытеснен более выгодными для крестьян культурами, в частности мятой и свеклой.

В 1874 г. троице-орловский священник Петр Иванович Гольский был переведен в приход Воскресенской церкви села Нагиши, где служил до 1890-х гг. На его место в Троице-Орловке в том же году был переведен, согласно прошению, священник нагишевской церкви Василий Никольский⁵.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Троицко-Орловке, «бывшем селе владельческом», насчитывалось 176 дворов и 1246 жителей. В населенном пункте размещалось волостное правление, имелась 1 лавка. При Троицкой церкви существовала богадельня⁶. С 1877 г. в селе действовала земская школа⁷.

В апреле 1885 г. в Туле было основано Тульское епархиальное древлехранилище, ставшее первым краеведческим музеем в истории региона. По инициативе его создателя – преподавателя Тульской духовной семинарии Н.И. Троицкого – проводился сбор будущих экспонатов, представляющих исторический и художественный интерес. В коллекцию музея включались рукописи и старопечатные книги, картины и гравюры, старинные монеты, археологические находки, церковно-бытовые и богослужебные предметы. В 1889 г. крестьяне Орловки-Троицкого передали в собрание древлехранилища хранившуюся в сельской церкви старинную оловянную дарохранительницу в виде ковчега. Видимо, речь идет об одном из пожертвованных князьями Долгоруковых, в XVIII и первой половине XIX вв. не жалевших средств на благоустройство церквей в своих имениях. Дар троице-орловцев был передан через благочинного 1-го участка Епифанского уезда священника села Муравлянки-Гагарина С.С. Дружинина⁸.

В 1891 г. в Троице-Орловской волости было 6 селений, 2 церкви и 2 школы. В ее селах и деревнях в общей сложности насчитывалось 468 крестьянских и 2 некрестьянских двора. Крестьянское население волости составляло 1852 мужчины и 1786 женщин (всего – 3638 чел.), некрестьянское – 30 мужчин и 41 женщину (всего 71 чел.). Таким образом,

¹ Тульские губернские ведомости, № 1 (3 января 1873).

² Тульские губернские ведомости, № 9 (29 января 1875).

³ Тульские губернские ведомости, № 9 (31 января 1876).

⁴ Памятная книжка Тульской губернии на 1872 год. Тула, 1872. С. 393.

⁵ Тульские епархиальные ведомости, № 18 (15 сентября 1874 г.). С. 360.

⁶ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 77.

⁷ Приходы и церкви. С. 170.

⁸ Тульские епархиальные ведомости, № 17 (1 сентября 1891).

всего в Троице-Орловской волости проживали 3709 человек¹. Она считалась одной из наименее населенных в Епифанском уезде и в рамках местной административной реформы в 1891 г. была присоединена к Нагишевской волости. Волостное правление в Орловке-Троицком было упразднено. Новообразованная Нагишевско-Орловская волость просуществовала в неизменном виде до административных реформ советского времени.

В 1891–1892 гг. Епифанский уезд оказался частью Тульской губернии, которая наиболее сильно пострадала от голода, охватившего 17 губерний Черноземья и Среднего Поволжья. В отчете уполномоченного Особого комитета Красного Креста по Тульской губернии егермейстера И.П. Балашова сообщалось, что «неурожай был в уезде повсеместный, и недостаток встречался не только в пище, но и в топливе, даже в воде, которая высыхала в колодцах и прудах вследствие небывалых засух. Все это отразилось и на благосостоянии людей, и на санитарном положении населения, равно на убыли скота, как рабочего, так и убойного. Наряду с этими недостатками и в связи с ними произошло естественное сокращение всех заработков и наплыв повсюду нищих»².

В этих непростых условиях общественные организации активно оказывали помощь наиболее нуждавшейся части населения. «Хроники Красного Креста» в газете «Тульские губернские ведомости» сообщали: «В нескольких попечительствах [Красного Креста] (Хованском, Молоденском, Петрушинском, Орловском, Старо-Куликовском, Богдановском) открыто было по несколько “разливных” или “детских котлов”, как их прозвал народ; в этих разливных варится молочная каша для грудных детей и каша на масле для более взрослых, и затем эта каша приходящими за ней матерями разносится детям по дворам. Таковых разливных насчитывается до 50»³.

Церковные власти оказывали материальную помощь проживавшим в селе родственникам бывших священнослужителей Троицкой церкви. Так, например, по определению Святейшего Синода от 27 ноября – 4 декабря 1891 г. вдова причетника Алексея Михайловского Наталья получила единовременное пособие в 30 руб⁴. В январе 1892 г. по линии Епархиального комитета для вспомоществования голодающим она же вновь получила 15 руб., а вдова священника Никольская – 10 руб⁵. Деньги шли через священников Троицкой церкви – Алексея Филипповича Златарева (ок. 1891–1892 гг.) и Дмитрия Григорьевича Успенского (ок. 1892–1905 гг.).

В 1895 г. в Туле под редакцией П.И. Малицкого вышел в свет уже упоминавшийся выше сборник «Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей». В статье о приходе в Орловке-Троицком содержится очень подробное описание села и природных особенностей его окрестностей. Видимо, она написана на основе сообщения местного священнослужителя либо учителя церковно-приходской школы. В статье, в частности, отмечается: «Село Орловка-Троицкое отстоит от г. Тулы в 105 вер. и от г. Епифани в 23 вер. <...> В полуверсте от села проходит большая дорога, ведущая из г. Епифани в г. Скопин (Рязанской губ.), называемая здесь Скопинскою. В 7 вер. от села находится станция Горлово (Рязанской губ.), а в 10 – станция Клековки (Тульской губ.) Сызрано-Вяземской жел. дороги. В этой местности лесов совсем нет, почва черноземная, часто суглинистая, а в оврагах торфяная с примесью серы; в некоторых местах по скатам холмов встречаются камни наподобие железной руды,

¹ Памятная книжка по Тульской губернии на 1891 год. Тула, 1891. Отдел III. С. 18–19.

² Тульские губернские ведомости, № 50 (27 июня 1892).

³ Тульские губернские ведомости, № 23 (13 июня 1892).

⁴ Тульские епархиальные ведомости, № 3 (1 февраля 1892).

⁵ Тульские епархиальные ведомости, № 9 (1 мая 1892).

которая, по мнению некоторых, будто бы и есть тут в небольшом количестве»¹. П.И. Малицкий не обошел молчанием традиционные занятия троицко-орловских крестьян. «Кроме земледелия, – отметил он, – они занимаются отхожими промыслами – уходят на заработки в Московскую губернию для копания камня, выделки из него цемента, алебастра, извести»².

Основное внимание в статье уделено сельской Троицкой церкви и ее приходу по состоянию на начало 1890-х гг. П.И. Малицкий пишет: «В настоящее время приход, кроме села, состоит из следующих деревень: Екатериновки и Озерков, Купчей тож. Прихожан м. пола 904 д и ж. п. 1011 душ. <...> Ныне существующий храм построен во имя Св. Живоначальной Троицы с двумя приделами: южный – во имя Сергия Радонежского чудотворца, а северный – во имя великомученицы Варвары. До сих пор этот храм существует в своем первоначальном виде; обновлены были только иконостасы. В храме находятся особо чтимые иконы: Св. великомученицы Варвары и Св. Преподобного Сергия. В память чудесного спасения государя императора Александра Александровича и его царственной семьи от угрожавшей им опасности в 1888 г. при крушении поезда прихожанами поставлена была в храме киота с золочеными колоннами, в которой поставлены иконы святых, имена которых носит царственная семья, и святых, празднуемых 17 октября. Около храма находится часовня, поставленная на месте прежней Варваринской церкви. На содержание храма есть капитал 1796 р. и по книжке сберегательной кассы 647 р. 47 коп. Причт состоит из священника и псаломщика. Земли при сей церкви: усадебной, сенокосной и полевой 40 дес. и 554 кв. саж. (43,95 га)»³.

По свидетельству «Тульских епархиальных ведомостей», с 1900 г. в «селе Троицком-Орловке» действовала «одноклассная школа (22 девочки)», преобразованная из школы грамоты, помещавшаяся «в собственном здании». Законоучителем и попечителем в ней состоял священник Дмитрий Успенский, учительницей – окончившая курсы женского Епархиального училища Мария Успенская⁴.

Советская власть в Троице-Орловке, как и повсюду в Епифанском уезде, была установлена в декабре 1917 года. В 1918 г. в селе был создан сельсовет.

При районировании Тульской губернии в 1924 г. Троице-Орловка вошла в состав Букальско-Молоденского района Богородицкого уезда. Изданный в 1925 г. справочник «Вся Тула и Тульская губерния» сообщает, что в это время Троице-Орловский райсельсовет возглавляли К.С. Лавренов (председатель) и Д.Е. Акимов (секретарь). В селе действовали школа 1-й ступени (видимо, это была бывшая сельская церковно-приходская школа, преобразованная в соответствии с декретом ВЦИК «О единой трудовой школе РСФСР» от 16 октября 1918 г.) и Троице-Орловский народный дом, работали бакалейный магазин Троице-Орловского потребительского общества и маслобойня М.И. Родичева⁵.

В 1926–1929 гг. село входило в Клеветковский район Тульской губернии. В 1929 г. Троице-Орловка вместе с другими окрестными населенными пунктами была включена в Горловский район Тульского округа Центрально-Промышленной области, в том же году переименованной в Московскую. В составе Горловского района село попеременно относилось то к Московской (в 1929–1937 и в 1942–1946 гг.), то к Рязанской областям (в 1937–1942 и в 1946–1959 гг.).

¹ Приходы и церкви..., С. 169.

² Там же.

³ Приходы и церкви..., С. 169–170.

⁴ Тульские епархиальные ведомости, № 21 (1 ноября 1901 г.). С. 178.

⁵ Вся Тула и Тульская губерния. Справочная книга. Тула: Издательство Тульского губисполкома, 1925. С. 173–174.

В январе 1931 г. 15 беднейших хозяйств Троице-Орловки начали процесс объединения в сельхозартель. В начале февраля того же года горловская районная газета «Ленинская искра» сообщила о создании в селе нового колхоза, названного в честь 3-го года пятилетки. На начальном этапе существования в него входило 19 крестьянских хозяйств¹.

Весной 1931 г. «Ленинская искра» писала: «Последний пленум Троицко-Орловского сельсовета, обсудив ход подготовки к весеннему севу и коллективизации, отметил целый ряд недостатков в этой работе. Пленум заявил, что так дальше работать нельзя, и решил немедленно добиться перелома. На другой же день закипела работа. Изба-читальня усилила культурно-массовую работу по разъяснению решений 6-го съезда Советов. С помощью бригадиров, актива села, школьных работников и членов сельсовета через 5–6 дней был достигнут перелом. <...> В селе Троице-Орловка [в колхоз] вступило 150 хозяйств из 400. Заявления продолжают поступать, изба-читальня и сельсовет возглавили это движение в колхоз»². Некоторое время спустя газета констатировала: «За апрель месяц в троице-орловский колхоз имени 3-го года пятилетки вступило 100 хозяйств. К 1 мая вступило 20 новых хозяйств. С 24 апреля колхоз выехал в поле на пахоту. Сельхозинвентарь и рабочая сила были в полной исправности»³. В том же номере «Ленинской искры» председатель нового колхоза Гудков опубликовал торжественный рапорт о проделанной работе. В нем сообщалось: «Троице-орловский колхоз имени 3-го года пятилетки насчитывает 205 хозяйств с 1280 едоками. Около половины хозяйств, вошедших в колхоз, является бедняками. Земельная площадь колхоза составляет 781 га. Тягловой силы имеется 80 лошадей и 10 подростков. Инвентаря имеется достаточно. Рабочей силой колхоз обеспечен. В текущую посевкампанию колхоз расширяет посевную площадь на 150 га. Несмотря на некоторый недостаток тягловой силы и семян, колхоз «Третий год пятилетки» преодолет все трудности и с честью проведет вторую большевистскую весну»⁴.

Летом 1931 г. районная газета сообщила в статье «Ударная и коллективная уборка – наш ответ классовому врагу»: «На днях троице-орловский колхоз проводил смотр готовности к уборке. На смотр высыпало все село, явились не только колхозники, но и большая масса единоличников. В поле открылся митинг. Председатель колхоза т. Гудков отдал рапорт собравшимся о том, что колхоз вполне готов снять урожай второго большевистского сева. Исправность уборочных машин и сельхозинвентаря, показанного на смотре, сильно воодушевила собравшихся колхозников. Наиболее активные из них, выступив вслед за т. Гудковым, требовали немедленного обобществления и коллективной уборки озимого клина. Требования передовиков были поддержаны всеми колхозниками. Через несколько минут в полях закипела работа. Ударной, коллективной уборкой озимых – вот чем ответили троице-орловские колхозники на антиколхозные вылазки классового врага»⁵. Однако не все жители села были согласны с форсированной коллективизацией. Буквально на следующей странице той же газеты была помещена следующая заметка: «Член правления троице-орловского колхоза Захаров Д.М. всячески пытался противодействовать обобществлению озимого клина. Попытка Захарова не удалась. Колхозники единодушно решили и приступили к коллективной уборке озимых. Таким, как Захаров, в руководстве колхоза не место»⁶.

¹ Ленинская искра, № 5 (3 февраля 1931).

² Ленинская искра, № 20 (18 апреля 1931).

³ Ленинская искра, № 22 (1 мая 1931).

⁴ Там же.

⁵ Ленинская искра, № 38 (25 июля 1931).

⁶ Там же.

В начале 1930-х гг. «Ленинская искра» часто публиковала критические материалы, бичевавшие неприглядные стороны сельской жизни. Некоторые из них писались на материале из Троице-Орловки. Одним из примеров может служить заметка «Вместо Госбанка – в Центроспирт», в которой под огонь критики попал безалаберный руководитель сельской администрации: «Председатель Троице-Орловского сельсовета Богачев 14 марта приехал в Горлово и вместо того, чтобы сдать привезенные 800 рублей денег в банк, первым делом сходил в Центроспирт, из-за чего запоздал в банк и сдачу денег пришлось отложить до следующего приезда. Таким отношением к делу Богачев, вместо содействия в мобилизации средств, тормозит это важнейшее дело»¹.

Впрочем, порицание на страницах районной газеты стало лишь первым ударом грома над головой незадачливого троицко-орловского предсельсовета. Некоторое время спустя «Ленинская искра» сообщила: «На 25 марта по Троицко-Орловскому сельсовету не было засыпано ни одного центнера семян. Причиной такой бездеятельности явилось преступное отношение к работе сельсовета во главе с предсельсоветом Богачевым, который умышленно не проводил никакой работы. Предсельсовета Богачев был приговорен нарсудом к 9 месяцам принудработы и полагая, что «где ни работать – только бы проводить время», бездействовал. Прикрепленный от РИКа Шестернин и бригадир Харитонов не сумели организовать засыпку семян среди единоличников и разоблачить Богачева. 25 марта пленум сельсовета в присутствии нового уполномоченного от РИКа разоблачили оппортунистическую спячку сельсовета. Предсельсовета Богачев снят с работы. Выбран новый председатель совета колхозников тов. Жаринов С.М. Члены сельсовета осознали всю важность засыпки семян и вынесли решение к концу дня засыпать семена в общий амбар. В результате в течение трехчасовой работы по сельсовету было засыпано 18 цен. семенного материала различных культур»².

Наведение порядка в Троице-Орловке не обошлось без «чистки рядов» в колхозе им. 3-го года пятилетки. Районная газета сообщила: «В троице-орловском колхозе были вычищены 5 кулацко-зажиточных хозяйств, но последним сельсоветом не дано твердое задание по засыпке страхсэмфонда. Сельсовет считает, что дать твердое задание этим хозяйствам будет неправильно, а между тем хозяйство Акимова имело косилку, молотилку, просорушку, последнюю имеет и сейчас. Член сельсовета Родичев М.М. – в его работе наблюдается явный оппортунизм и укрывательство кулаков. Родичев разбазарил свой скот и не засеял озимый клин. Родичев занимается торговлей, в 1931 г. продавал муку. Сейчас имеет большой запас хлеба и крупы. Букин В.А. был вычищен из колхоза, но неизвестно почему опять РКС восстановлен. Букин – арендатор «стольпинского» участка, барышник лошадьми, спекулянт хлебом. Букин имел твердое задание по хлебозаготовкам и неоднократно штрафовался. Правлению колхоза надо исключить чуждого элемента Букина, а сельсовету немедленно взяться за этих кулаков, дать им твердое задание по засеву»³.

Накануне Пасхи 1932 г., совпавшей с праздником 1 Мая, «Ленинская искра» писала: «Троице-орловский колхоз начал весенний сев 28 апреля. Колхозные бригады заключили между собой договоры на социалистическое соревнование за лучший посев, за поднятие урожайности и вызвали бригады александровского колхоза. В вызове бригады призывают своевременно окончить сев, не оставить ни одного неосвоенного гектара, бороться за повышение урожайности. В дни пролетарских праздников – 1 и 2 мая, которые совпадают с первыми

¹ Ленинская искра, № 23 (23 марта 1932).

² Ленинская искра, № 26 (27 марта 1932).

³ Ленинская искра, № 37 (8 апреля 1932).

днями “пасхи”, бригады обязались – быть борозде на колхозном поле!»¹ Однако бодрые обещания не смогли скрыть недостатков в работе. Вскоре районная газета констатировала: «Тр.-орловский колхоз план сева выполнил только на 25 проц. Бригады все время ни выполняли норм выработки, и только с 10 мая нормы выработки выполняются, а некоторыми бригадами перевыполняются. Но продолжает плохо работать тракторный отряд. Тракторами с самого начала сева вспахано всего 18 га. Среди трактористов очень низкая труддисциплина. Бригады мало внимания обращают на качество сева. Рядовые сеялки не используются, а сеют в рассев»².

Летом 1932 г. районная газета подводила предварительные итоги посевной кампании: «В троице-орловском колхозе на 6 июля поднято пара из 292 га 14 293 га. Вывезено навоза из предполагавшихся по плану 5 тыс. 1455 возов. Овес 235,85 га прополона полностью. Вика на сено 57 га тоже прополона. Вика на зерно 25 га прополона. Из 117 га проса прополоно 63,38 га. Естественных лугов в колхозе не имеется. Имеющиеся 7 косилок и 4 сенокосилки подготовлены. Одна сложная молотилка и одна полусложная в порядке. Кадрами для работ на машинах колхоз обеспечен. <...> По ходу подготовки к уборке, казалось бы, должна крепнуть дисциплина среди колхозников, но эта дисциплина после ухода быв. председателя колхоза т. Степина начинает слабнуть. Избранный на общем собрании колхоза председателем правления тов. Казаков от принятия дела отказывается, чем в момент горячих работ наносит ущерб общему колхозному делу. Все это влияет на некоторых несознательных колхозников и особенно на некоторую отсталую часть женщин. Ряд женщин, как например Авдюшина П.С., Доронина В., Родичева Е. дезорганизуют работу среди колхозниц. А колхозница-член сельсовета Захарова А.К. вместо того, чтобы вести культурно-массовую работу среди женщин, сама выступает на общем собрании против колхозного строительства. Правлению колхоза и сельсовету надо немедленно укрепить дисциплину в колхозе. Надо повести широкую массово-разъяснительную работу, особенно среди женщин»³.

Руководство троице-орловского колхоза еще не раз подвергалось критике в районной прессе. В конце 1932 г. «Ленинская искра» опубликовало письмо «колхозника А.И.Г.», в котором сообщалось: «Троице-орловское правление колхоза “Третий решающий год пятилетки” работает плохо, не четко и не обеспечивает успешного хозяйственно-политического укрепления колхоза. Дадим место фактам: когда копали картофель, то очень плохо выбирали, и 25 проц. оставляли в земле. Правлению со стороны колхозников неоднократно заявлялось об этом, но последнее не обращает никакого внимания. А зав. колхоза Акимов Н.В. так выразился: “Плохо выбрали – столько и получите”. А что получалось у нас с коноплей? Посеяно было 20 га, намолотили только 30 цен., тогда как надо был 60 цен. Опять налицо плохое качество молотбы, о чем правление колхоза знало. Правлению старались некоторые колхозники доказать на деле, что качество молотбы плохое, что надо принять меры к улучшению качественных показателей. Захаров Ф.И. взял сноп к себе домой, высушил, обмолотил – оказалось 300 грамм с одного снопа, но все равно для правления это не стало доказательством, и меры не были приняты. За эту расхлябанность, которую правление колхоза проявило по отношению к картофелю и конопле надо немедленно найти конкретных виновников и взгреть по заслугам»⁴.

¹ Ленинская искра, № 52 (1 мая 1932).

² Ленинская искра, № 60 (15 мая 1932).

³ Ленинская искра, № 89 (9 июля 1932).

⁴ Ленинская искра, № 137 (3 декабря 1932).

Писались в те годы в газету и откровенные доносы на односельчан, вроде заметки «Выгнать кулака Оводова из колхоза»: «В троице-орловском колхозе “Третий год пятилетки” членом колхоза состоит кулак Оводов П.И. До революции Оводов занимался торговлей, после революции занимался перепродажей лошадей и коров. До вступления в колхоз кулак Оводов продал свою лошадь за сумму 750 руб., но правление колхоза за продажу лошади предложило ему внести в кассу колхоза только 100 руб. За вредительскую работу в 1931 г. кулак Оводов был из колхоза исключен. Но каким-то образом кулак Оводов опять пролез в колхоз и, работая кузнецом, занимается вредительством. Неоднократно Оводов отказывался от починки колхозного инвентаря, но и если починит, то только на 2–3 дня. Правлению колхоза нужно немедленно выгнать кулака Оводова из колхоза. Быстров»¹.

О культурной работе в Троице-Орловке можно узнать из статьи Н. Казакова «Растет колхозная самодеятельность». В ней говорится: «В нашем колхозе “3-й год пятилетки” Тр.-Орловского сельсовета организованы кружки: струнный, драматический, хоровой. С первых же дней эти кружки энергично повели свою работу и уже теперь колхозники получают их плоды. За короткий промежуток струнный кружок выступал три раза. Его выступления нравились не только колхозникам тр-орловского колхоза, но и колхозникам Бучалок, куда они выезжали 27 января. Руководитель струнного кружка колхозник Букин М. своей заботой и вниманием к кружкам завоевал у них любовь и уважение к себе. Хорошо работает и наш хоровой кружок. Любо слушать, когда наши колхозники, выполняя народные песни про долю русскую, про долюшку женскую, веселым и бодрым напевом советских песен отрывают думы слушателей от прошлой жизни и переносят их в настоящую действительность радостной, веселой жизни. Драматический кружок, возглавляемый Тяриным Василием, уже несколько раз выступал на сцене. Кружковцы показали класс игры, а колхозники, смотревшие пьесу «Третья скорость», пожелали, чтобы их кружок выступил в других селах. Кружковцы обещали выполнить наказ своих колхозников. Сейчас разрабатывается календарный план выступления всех кружков в окружающих колхозах»².

В конце 1920-х гг. в селе началось наступление на церковь. Ок. 1929 г. была разрушена до основания колокольня Троицкого храма. Примерно в это же время исчезла и часовня, отмечавшая место Варваринской церкви XVIII в. Вскоре после этого Троицкий храм был закрыт и разграблен. Приехавшие из райцентра Горлово рабочие сломали купола и сняли жезл с церковной крыши³. Опустевшее храмовое здание использовалось как зернохранилище колхоза «3-й год пятилетки». Поначалу зерно завозили внутрь на телегах, проезжавших прямо в раскрытые храмовые двери, позднее – на грузовых автомобилях. Для прохода последних одну из трех дверей храма пришлось растесать. На фундаменте разрушенной колокольни, присыпанном землей, установили весы для взвешивания груженого зерном транспорта⁴.

В конце 1930-х гг. некоторые уроженцы Троице-Орловки пали жертвами «большого террора». Евгений Алексеевич Михайловский (1875–1937), сын причетника Троицкой церкви, сам стал священником, служил в храме Спаса Нерукотворного Образа в селе Прохорове По-

¹ Ленинская искра, № 138 (6 декабря 1932).

² Ленинская искра, № 13 (2 февраля 1936).

³ В Троице-Орловке сохраняется предание, что один из вандалов с листом кровельного железа был снесен с крыши ветром и разбился насмерть. Возможно, у этой легенды и есть реальное основание, но абсолютно идентичные истории рассказывают и в других окрестных селах, где церкви подверглись целенаправленному разорению в начале 1930-х гг.

⁴ Сообщение Дмитрия Прасолова.

дольского района Московской области¹. Он был арестован вскоре после закрытия храма в ноябре 1937 г., осужден за участие в контрреволюционной церковной группе и контрреволюционной деятельности и расстрелян 11 декабря 1937 г. на Бутовском полигоне под Москвой. В 1989 г. состоялась его посмертная реабилитация. К противоположному флангу политического и социального спектра относился уроженец Троице-Орловки Василий Иванович Лайкин (1896–1937). В 1920-х гг. он уехал из села, получил среднее образование, вступил в ВКП (б). Проживая в Москве, он работал в гараже Народного комиссариата иностранных дел СССР, был личным шофером наркома М.М. Литвинова². В августе 1937 г. В.И. Лайкин был арестован и осужден по обвинению в участии в антисоветской контрреволюционной группе. Он был расстрелян 27 октября 1937 г., реабилитирован посмертно в 1957 г. На подмосковном Бутовском полигоне оборвалась жизнь Василия Петровича Бусахина (1908–1937), в лагпункте № 2 Лодейнопольского лаготделения в Ленинградской области – Андрея Васильевича Родичева (1916–1937).

Однако политические процессы 1930-х гг. порой способствовали более плотному контролю за деятельностью партийного и хозяйственного руководства, своевременному пресечению совершавшихся ими злоупотреблений. Примером может служить опубликованная в районной газете «Ленинская искра» история исключения из партии одного из бывших председателей троице-орловского колхоза: «Голкин состоял членом ВКП (б) с 1932 года. За это период занимал ряд ответственных и руководящих работ. В 1935–36 гг. работал председателем колхоза “3-й год пятилетки” Тр.-Орловского сельсовета. За развал работы в колхозе он был снят. Бывшие руководители района, ныне арестованные враги народа Сундуков и Волостных послали его на работу в Мшанский песочно-балластный карьер. Там Голкин вел подрывную вредительскую работу, за что был также снят с работы. Враг народа Волостных направил его в Лазинский каменный карьер. Голкин и там вел подрывную работу: разлагал трудовую дисциплину среди рабочих карьера; систематически пьянствовал; под видом честования стахановцев организовывал пьянки и растраты государственных денег. Полтора месяца Голкин находился в колхозе “3-й год пятилетки”. За это время, вместо того, чтобы помогать Болдину, кандидату партии, председателю колхоза, в укреплении дисциплины в колхозе, Голкин занимался подсиживанием, склокой и компрометированием честных работников. Известно, что в Тр.-Орловке имеются люди, которые в прошлом вели контрреволюционную работу, состояли в эсеровской организации. Голкин был во главе этой группы, вел подрывную работу в колхозе; имел тесную связь с чуждыми элементами в колхозе; возглавлял антисоветские настроения. Вместе с Тюриными срывал проведение агитационной работы среди колхозников по подготовке проведения выборов в Верховный Совет. За разлагательскую и антипартийную работу бюро районного комитета партии 25 октября исключило Голкина из членов ВКП (б). Партийные организации, коммунисты, комсомольцы должны сейчас как никогда удесятерить революционную бдительность и непримиримость к разоблаченным, но до конца еще не ликвидированным врагам из троцкистско-бухаринской и иной агентуры»³.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг. имеется перечень населенных пунктов Горловского района «с характеристиками их по состоянию на 1939 г.». Согласно этому документу, в селе Троице-

¹ Ныне в Чеховском районе Московской области.

² Литвинов Максим Максимович (1876–1951) – советский партийный и государственный деятель, дипломат. Нарком иностранных дел СССР в 1930–1939 гг.

³ Ленинская искра, № 114 (27 октября 1937).

Орловке, административном центре одноименного сельсовета, насчитывалось 243 жилых строения, 240 хозяйств и 997 чел. населения. Из промышленных заведений села отмечены ветряная мельница, конные просорушка и маслобойка (все действовали с 1918 г.). Из социокультурных учреждений в селе имелись начальная школа, изба-читальня и магазин¹. Если в 1933/1934 учебном году в троице-орловской начальной школе насчитывалось 129 учащихся (42 мальчика и 87 девочек), то в 1939/1940 их было уже 139 (76 мальчиков и 63 девочки).

Топографические карты РККА 1941 года (съёмки 1939 г.) свидетельствуют, что на первую половину XX в. пришелся наибольший расцвет Троице-Орловки. Накануне Великой Отечественной войны в ней насчитывалось 232 двора. К этому времени окончательно оформились составные части села – его слободы. Крупнейшими из них были Хазы (к северу от Троицкой церкви), Попова слобода (совр. ул. Садовая), отделенная от церкви прудом Берденовка, а также протянувшаяся вдоль правого берега Дегтярки Куркова слобода. К последней относились стоявшая на реке паровая мельница и построенный за окраиной кирпичный завод. К северу от Курковой слободы вдоль дороги в село Нагиши располагалась Вылетовка. В углу, образованном Хазами и Поповой слободой, стояли дома Выгона. У старого кладбища перед Поповой слободой находился круглый Родионов пруд, выкопанный на рубеже веков местным крестьянином Родионом Прасоловым. Угол к югу от Поповой слободы и Берденовки занимала Влетовка, из которой шла дорога в село Алмазово. Наконец, в низине у р. Дегтярки находилась слобода Закопинка², название которой объясняется ее крайним положением.

В ходе наступления немецко-фашистских войск в ноябре-декабре 1941 года Троице-Орловка на короткое время была оккупирована врагом. В один из декабрьских дней 1941 г. через село проходила рота солдат вермахта. Немцы расположились на ночлег в крестьянских домах, но уже на следующее утро выдвинулись в сторону Горлова³. Более нацисты в Троице-Орловке не появлялись – пути их бегства после начала контрнаступления советской 10-й армии, видимо, пролегли мимо села.

Уроженцы Троице-Орловки храбро сражались на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Майор Иван Иванович Зобков (1914–?), кадровый офицер РККА с 1934 г., служивший начальником штаба 938-го самоходного артиллерийского полка, в 1942 г. воевал на Западном фронте (и был ранен в бою), в 1943 г. – на Северо-Кавказском, в 1944 г. – на Волховском, затем, на Ленинградском, за бои на Карельском перешейке был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Осенью 1944 г. подполковник И.И. Зобков освобождал Советскую Эстонию. «В боях с 17 сентября 1944 г. по прорыву обороны противника севернее города Тарту и за обладание населенными пунктами Магдалэна, Ваяту, Авинурмэ, Паэсвэре, Симуна, Ваяке-Марья, Раквере и столицей Эстонии городом Таллин [тов. Зобков] проявил мужество и отвагу, умение управлять боем и принимать смелые, правильные тактические решения. Бесперывно находясь в боевых порядках частей, помогая командованию в руководстве боем, показал себя смелым и решительным. Когда танк вышел из строя, тов. Зобков пересел в бронемашину и, следуя в боевых порядках наступающих частей, все время в любых условиях боя держал связь с командирами батальонов, информировал командова-

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристиками их по состоянию на 1939 год.

² Так же называется крайняя слобода еще одного близлежащего села – Клетоктов. Вообще такое «дурное» название носит еще несколько крайних слобод в селах Скопинского и Рязского районов Рязанской области.

³ Сообщение Владиславы Ассоровой.

ние и вышестоящий штаб об обстановке. Хорошо сколотил и подготовил к наступательным боям штаб бригады, который в боевой обстановке справился со своими задачами. В боях по прорыву обороны противника и за овладение Магдалэна, Вэйке-Марья, Раквере и городом Таллин тов. Зобков огнем из танка, а затем пулеметным огнем из бронемашины уничтожил более 70 солдат и офицеров противника, 8 человек взял в плен»¹. За освобождение Таллина подполковник И.И. Зобков был удостоен ордена Красного Знамени. Свой второй орден Красного Знамени офицер заслужил в 1945 г. на 1-м Украинском фронте за освобождение польского Кракова. Наградной лист свидетельствует, что в боях с 18 по 29 января 1945 г. И.И. Зобков «все время находился непосредственно в боевых порядках танков, принимал личное участие в танковых атаках, оказывал большую помощь командиру бригады в руководстве, принимал правильные и обдуманные решения. В бою за овладение сильно укрепленным опорным пунктом противника Бабице тов. Зобков неоднократно лично водил танки в атаку, часто с автоматом в руках подымал и вел пехоту в бой на врага. В этом бою тов. Зобков огнем и гусеницами своего танка уничтожил более 30 вражеских солдат и офицеров»². С войны полковник И.И. Зобков вернулся кавалером трех орденов Красного Знамени (последним из них он был отмечен весной 1945 г. за новые бои на территории Польши).

Работавшая в селе школа 1-й ступени, изначально – семилетнего обучения, в послевоенные годы стала восьмилеткой. Старшеклассники ходили учиться в среднюю школу села Нагиши.

В 1943 г. троице-орловский колхоз был разделен на три хозяйства – колхозы «3-й год пятилетки», «Искра» и «Красное знамя». В 1950 г. они были объединены с алмазовским колхозом им. А.И. Микояна в один колхоз, получивший имя «Красное знамя». В 1959 г. колхоз «Красное знамя», в свою очередь, вошел в состав колхоза им. Я.М. Свердлова с центральной усадьбой в селе Рудинка³.

С упразднением Горловского района в 1959 г. Троице-Орловка вместе с другими окрестными населенными пунктами вошла в Скопинский район Рязанской области, в составе которого находится и поныне.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Троице-Орловка была включена в сельское поселение Горловское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в селе постоянно проживают 40 человек – 19 мужчин и 21 женщина. В Троице-Орловке работает ИП Глава КФХ «Надольный Иван Семенович». Главный памятник архитектуры села – Троицкая церковь – заброшен и постепенно разрушается.

---

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 3688, л. 48.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 6900306, д. 676, л. 209.

³ Архив Скопинского района. Ф. 302, л. 1.

УЛАНОВО

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Время основания деревни Уланово относится к середине XVI в. В 100 м к юго-востоку от ее центральной части в надпойменной террасе левого берега р. Рановы археологами было выявлено позднесредневековое селище, датируемое XVI–XVII вв. Поселение было небольшим и располагалось на площади 140 x 140 м. В его культурном слое встречаются фрагменты гончарной керамики позднего Средневековья, в том числе сероглиняной, чернолощенной и мореной, преимущественно XVI–XVII вв. и более позднего времени¹. Видимо, здешняя деревня полностью сгорела (не исключено, что вследствие татарских набегов 1609–1610 гг. или 1659 г.) и была впоследствии заново отстроена близ пепелища.

Название деревни является производным от имени одного из ее первых помещиков. В платежных книгах Пехлецкого стана 1594–1597 гг. упоминается состоящая «за Уланом за Нехорошовым сыном Корчагина – треть деревни Чиркины полянь». Свой «жеребей» «в той же деревне Чиркиной поляне, Уланова тож», числился и «за Гришею Ивановым сыном Бородою». Кроме того, документы упоминают «в той же деревне жеребей за Фурсаем Хорошова сыном Корчагина...»² Судя по именам, первые помещики Корчагины были татарскими воинами, перешедшими на службу к русским царям и за это получившими в поместье земли в Пехлецком стане Рязского уезда. Таким образом, носители фамилии Уланов, которых было немало среди рязских помещиков и чиновников XVIII–XIX вв., к истории деревни отношения не имеют. В последующие века Уланово также принадлежало помещикам Корчагиным.

В подлинной переписной книге Пехлецкого стана Рязского уезда переписи Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. о деревне сообщается: «В деревне Уланова за ряшены за Лукьяном Филиповым сыном, да за Лаврентьем Ивановым сыном Корчагина <...> один двор крестьянской, а в нем два человека. В той же деревне за ряшены дети боярские Григорьем да Юрьем Лаврентьевыми дети Куприяновы, да Иван Остафьев сын Бородин на своих же жеребьях живут однодворцы, а крестьян и бобылей за ними нет»³.

По сказкам 1719 и 1724 г. в Уланове насчитывалось 2 двора помещичьих, 1 однодворческий и 23 двора дворовых людей и крестьян мужского пола, положенных в оклад. Местными помещиками были Лейб-гвардии Семеновского полка солдат Дмитрий Коростелев, капитан Алексей Иванов сын Еропкин, Лейб-гвардии Преображенского полка каптенармус Давыд Матвеев сын Куров, Лейб-гвардии Преображенского полка солдат Иван Михайлов сын Куров и «оного помещика племянник» Герасим Лаврентьев»⁴.

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. 1996. С. 125–126.

² Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 135.

³ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, л. 288 об.

⁴ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2865, л. 343.

По материалам 2-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1745 г., деревня Уланово Верхрановского разъезда Рязского уезда состояла «за Елецкого пехотного полка прапорщиком Иваном Дмитриевым сыном Коростелевым, бывшая по прежней ревизии за его отцом Дмитрием Артемьевым сыном Коростелевым, всего 5 душ», и «за Лейб-гвардии Измайловского полка солдатом Федором Алексеевым сына Корчагиным», получившим поместье, прежде бывшее за капитаном Алексеем Ивановым сыном Еропкиным, «по приданному за женою ево, всего 24 души». Всего же в деревне было «положено в оклад» 36 человек, в том числе 4 дводворца и 32 помещичьих дворовых человека и крестьянина¹.

В 1778 г. деревня вошла в Скопинский уезд, образованный в ходе административных реформ Екатерины II. О следующем поколении улановских помещиков можно узнать из экономических примечаний к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г. Согласно документу, деревня считалась общим владением «титularного советника Федора Алексея сына Корчагина, подполковника Петра Афанасьева сына Мосалова жены ево Анны Дмитриевой, действительного тайного советника, прочих орденов кавалера Петра Дмитриевича Еропкина супруги ево Елисаветы Михайловны, Лейб-гвардии прапорщика Афанасия Иванова сына Усова жены ево Марьи Ивановой, подпрапорщика Василия Иванова сына Усова, подпоручика Тимофея Акимова сына Курова» и еще четырех помещиков. Крестьяне были на издолье и обрабатывали на владельцев 22 десятины (24 га), дводворцы – «на положенном казенном окладе». При деревне имелось 96 десятин 778 сажени пашни (105,5 га), 11 десятин (12 га) сенокосных лугов, 81 десятина (88,5 га) леса, а общая площадь поместья составляла 191 десятину 2102 сажени (209,6 га). По данным 3-й ревизии 1761–1765 гг., в деревне было 12 дворов, в которых проживали 27 душ мужского пола и 26 – женского².

В окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1834 г. сообщается, что в Уланове проживали «капитана Алексея Ивановича Корчагина 10 дворовых», из которых в 1842 г. 6 душ были переведены в другие его имения на территории Рязанской губернии. Также здесь жили «девицы Александры Никитичны (приписка карандашом – «по мужу Кандауровой») 10 дворовых, капитанши Елизаветы Ивановны Сащиперовой 22 души, губернской секретарши Любови Николаевны Шапкиной с 1842 г. 6 душ поселян, исключенных из оклада в 1850 г.»³.

В документах специального межевания 1845 г. отмечены следующие землевладельцы «при сельце Уланово и деревне Ураковой»: «Вдова гвардии капитанша Варвара Дмитриевна Ухтомская – ок. 240 десятин (262 га); вдова капитанша Татьяна Ивановна Трухачева – 108 десятин (118 га); надворный советник Иван Егорович Федоровский – 180 десятин (198 га); наследники умершего капитана Кирьяна Сащиперова и его жены Елизаветы Ивановны – 118 десятин (129 га); скопинские купеческие дети Зиновий, Игнатей Евдокимовичи Артемовы – 47 десятин (51 га); коллежская регистраторша Марья Ипатьевна Колтырева – 33 десятины (36 га)». Кроме того, более 13 десятин (14 га) земли принадлежали «отпущенному Нестору Ивановичу Королеву»⁴. Разумеется, не все окрестные землевладельцы были одновременно помещиками улановских и ураковских крестьян. Свои земли они, как правило, или сдавали в аренду, или использовали в каких-либо иных целях.

¹ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2872, лл. 525–528.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 72; д. 1241, л. 219 об.

³ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 131 об – 132, 202 об – 203, 363 об – 364.

⁴ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 2, лл. 59 – 59 об.

По окладной книге 1850 г. за коллежской регистраторшей Марией Ипатовной Колтыревой в Уланове числились мужского пола 7 поселян и 4 дворовых человека, за губернской секретаршей Александрой Никитичной Кондауровой – 13 крестьян, впоследствии исключенных из оклада в 1857 г., за капитаном Кирьяном Кирилловичем Сащиперовым и его малолетними детьми Иваном, Александром, Николаем, Алексеем, Павлом и Екатериной – 27 крестьян¹.

Карты А.И. Менде 1850 г. показывают, что в Уланове в это время насчитывалось 11 дворов. Деревня располагалась тремя неправильными порядками (видимо, отражавшими рельеф местности) между дорогой из Шелемишева в Боровое и руслом р. Рановы².

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., крестьяне Уланове принадлежали помещикам Сащиперовым, Колгаревым и Трухачевым. В деревне насчитывалось 12 домохозяйств, в которых проживали 46 крестьянских душ мужского пола и 42 – женского³. По сведениям 1859 г., в «Уланово, деревне владельческой и казенной при речке Ранове», лежавшей в 28 верстах от уездного города, насчитывалось 12 дворов и проживали 57 мужчин и 63 женщины⁴.

С освобождением от крепостного права деревня Уланово была приписана к Боровской волости Скопинского уезда. Во время крестьянской реформы в Уланове, как и во многих других селениях Рязанской губернии, имели место волнения, вызванные циркулировавшими в народной среде слухами о якобы скрывающихся «господами» более выгодных условиях освобождения от крепостного права. «13 (25) мая 1861 г. временнообязанные крестьяне помещицы Сащиперовой отказались от уплаты оброка. Для выяснения причин и разъяснения в деревню был прислан пристав»⁵.

Известны и некоторые подробности освобождения ряда владельческих крестьян деревни от крепостного права. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие, в 1863 г. значится: «Скопинск[ого] уезд[да] участка мир[ового] посредника Александровского дер[евня] Уланово жены кол[лежского] регистр[атора] М.И. Колтыревой, 7 душ. Душевой надел прежний – 1 дес[ятина] 2300 саж[еней] (ок. 2 га); повинность издельная. Грамота написана по обоюдному согласию»⁶.

По переписи населения 1882 г. в деревне Уланово было 22 домохозяйства, в которых проживали 89 мужчин и 78 женщин. Грамотой в деревне владели только 4 мужчины. Самый маленький земельный надел был у временнообязанных крестьян помещика Колтырева – 1,8 десятины (1,96 га) на ревизскую душу, самый большой – у бывших крепостных помещика Трухачева, вскоре после реформы ставших собственниками, – 3 десятины (3,3 га) на ревизскую душу. Но этого было недостаточно всем, так что внеадельную землю приходилось арендовать и тем, и другим. Самые большие урожаи ржи и овса собирали крестьяне-собственники «б. Трухачева» – «сам-пят с половиной» и «сам-четверт» (т. е. собранное в 5,5 и в 4 раза превосходило посеянное). Этому способствовала плодородная почва – чернозем. На соседних наделах чернозем чередовался с песчаными почвами. У временнообязанных кре-

¹ ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 166 об – 167, 305 об – 307.

² Карта А.И. Менде 1850 г., 1 см – 420 м.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 68.

⁴ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 129.

⁵ Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М.: Наука, 1967. С. 110–111.

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 30 (27 июля 1863).

стьян «б. Колтырева» и крестьян-собственников в хозяйствах содержалось не менее 2 лошадей, свои наделы они обрабатывали исключительно собственными силами¹.

О жизни в Уланове на рубеже XIX–XX вв. в 1937 г. вспоминал житель села Петр Яковлевич Кузин, садовод и счетовод местного колхоза: «Шел мне семнадцатый год, однажды отец сильно захворал. Позвал он меня к себе и сказал: “Слушай, Петр, жить мне немного, семья останется большая. Ты самый старший, на тебя ляжет забота о младших братьях и сестрах. Жениться пора...” На том и порешили, сходили к попу. Он объяснил, что лета мне не вышли. Мал еще, разрешение надо брать в Рязани “за летами”. Походил по чиновникам, но разрешение добыл, приписали мне лишний годок. В семнадцать лет сыграли свадьбу, невесте моей было еще меньше. Хозяйство легло на мои мальчишечьи плечи. День и ночь не выходил из поля. Путем еще не умел ни сеять, ни пахать, а побогаче кто были – вместо помощи посмеивались. Всяк привержен был к своей норе. Не видели свету и зимой. Девки весь день и вечер пряли. Свет был скудный, из масляного светильника. Мужики лапти плели. Книг, газет, как сейчас, в мужицких избах не водилось. Грамоте редко кто знал, у нас в округе в то время ни одной школы не было. На моей памяти ходил по избам один спившийся из бывших барских дворовых человек, за малую плату детей буквам учил... Перечить отцу я не смел. Так на всю жизнь я и остался неграмотным. Да разве я только один – все мои сверстники. Вся отрада, радость, весь отдых, от горькой, темной жизни были в вине. В вине топили и радость, и горе. На свадьбе моего старшего сына выпили 30 четвертей водки. А сколько было выпито по случаю начала и завершения различных мирских дел!...»²

В 1905 г. в Уланове числились временнообязанными господ Сациперовых, Трухачевой и Колтыревых 30 дворов, в которых проживали 136 мужчин и 120 женщин. При деревне также существовали усадьбы («поселок частных владельцев») дворян Никульшина, Сациперова и Колтыревых³.

В 1917 г. в деревне Уланово Боровской волости Скопинского уезда было 43 двора, которые населяли 181 мужчина и 162 женщины. При деревне в последний раз упоминаются усадьба дворянина Колтырева и «поселок частных владельцев»⁴.

Советская власть в деревне, как и во всей Боровской волости, была установлена в декабре 1917 г. Во второй половине 1918 г. в связи с переименованием села Борового в Володарское (в память убитого в июне 1918 г. большевика В. Володарского) Боровская волость также стала Володарской. Но это название не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным.

В 1925 г. Володарская волость была изъята из Скопинского уезда и передана укрупненному Рязскому уезду. С отменой дореволюционного административного деления на волости, уезды и губернии в 1929 г. Уланово стало населенным пунктом Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. С 1935 г. деревня в составе Наумовского сельсовета входила в Желтухинский район Московской, а с 1937 г. – Рязанской областей.

В марте 1931 г. в Уланове был организован колхоз им. В. Володарского. В 1937 г. он получил большой по тем временам урожай: ржи – более 14 ц с га, озимой пшеницы – 18 ц с га,

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 68–73.

² Колхозная правда, № 125 (18 ноября 1937).

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 612–613.

⁴ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, лл. 138 – 138 об.

овса – 17 ц с га, проса – 17,7 ц с га, картофеля – более 200 ц с га. Рассчитавшись с обязательствами по поставке хлеба государству, колхоз продал еще 150 ц зерновых и на вырученные деньги приобрел 2 жнейки, лесоматериалы и гвозди для строительства нового клуба. Каждый колхозник получил на 1 трудодень 8,3 кг зерновых, 13 кг картофеля, мед, 4 кг сена, 7 кг соломы и 26 копеек деньгами. Кто трудился больше других – тот и заработал больше по итогам года. Бригадир колхоза им. В. Володарского С.К. Чибисков вместе со своей женой выработали 500 трудодней, А.П. Кузин с женой – 531 трудодень. 67-летняя колхозница Анисия Ивановна Левина отработала 189 трудодней, получив по итогам на руки 95 пудов хлеба (1,5 ц), 68-летний Петр Яковлевич Кузин – 208 трудодней¹. По понятиям крестьян дореволюционной поры это был абсолютный достаток.

В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., осталась довольно полная характеристика деревни Уланово и колхоза им. В. Володарского предвоенной поры. Она свидетельствует о значительном социальном прогрессе местных крестьян по сравнению с данными 1882 г.: «Деревня Уланово Наумовского сельсовета, существующая более 200 лет, население 320 человек, дворов 74, все в колхозе, из них мужчин 148, по национальности русские, все грамотные. Ближайшая почтово-телефонная станция Шелемишево, расстояние 1 км. Радиоприемников – свыше 50 % всех дворов, ближайшая железнодорожная станция Желтухино – 8 км, до реки Ранова 200 метров, во время половодья часть территории заливается. Река несудоходна, используется для скота. Равнинная территория, расположена на дороге районного [значения] Шелемишево–Есаково. На юго-восточном направлении расположен лесной участок Главлесфонда. Почвы – деградированный чернозем. Для водоснабжения имеются колодцы для питья, очень хорошая глубина, средняя 6 метров. Избы более кирпичные с соломенными крышами, частично встречаются железные крыши и деревянные. В колхозе состоит все население за исключением одной семьи. До организации колхоза значительная часть работала в Москве. Отходничество не наблюдается за исключением единичного случая, по разрешенному правлением колхоза. <...> Из кустарных промыслов имеются несколько кружевниц, выполняющих работу в зимнее время. Имеется колхозная кузница по ремонту сельхозтехники, работают 2 человека. Строится телятник. Торговой точки нет. Хлебопекарня Шелемишевского сельпо Боровского сельсовета. Медицинскую помощь оказывают в селе Дымово, где имеется амбулатория. Имеются ясли. Начальная школа с 1 по 4 класс. Дети охвачены все. В дореволюционное время школы не было. Имеется красный уголок, кинопередвижка, небольшая библиотека, газеты “Известия”, “Сталинское знамя”, районная газета “Колхозная правда”. Кружков нет. Зеленых насаждений вдоль улиц достаточно, имеются сады. Колхоз имени Володарского. Специализация колхоза – зерновые чистосортные семена с преобладанием пшеницы озимой, рожь, овес, яровая пшеница. Посевная площадь 1939 г. по культурам: яровая пшеница – 28,1 га, овес – 62,14 га, картофель – 26 га, просо – 25,6 га, гречиха – 7,6 га, махорка – 7 га, горчица – 0,5 га, конопля – 0,28 га, корнеплоды – 1 га, овощи – 1,5 га, клевер – 20 га, семенной клевер – 3 га. Площадь сенокосения – 43 га, пахотной земли – 251,68 га. Полеводство до 1932 г. трехпольное, потом четырехпольное и с 1933 г. сеимпольное. Навоза вывозится на 35 га 1500 возов.

До революции яровая пшеница не высевалась, начало высева пшеницы с 1934 г., выбирают самые лучшие участки. Средний урожай с 1 га в 1937 г.: пшеницы озимой – 20,2 ц, ржи – 14,6 ц, пшеницы яровой – 9,2 ц, овса – 17,4 ц, проса – 17,7 ц, гороха – 3,4 ц, таба-

¹ Колхозная правда, № 113 (15 октября 1937).

ка – 22 ц, картофеля – 170 ц. Средний урожай в 1938 г: озимой пшеницы – 17,7 ц, яровой – 2,43 ц, картофеля – 34 ц.

Механизации работ практически нет: 2 молотилки, 2 жатки, 4 веялки, 2 сеялки, конные грабли, сенокосилка. Главная причина снижения урожая – отсутствие дождей, все полевые работы выполняются вовремя. Введено 2 га огурцов, товарного значения не имеет. Молодой сад (2 года) на 6 га. Сады на 2,8 га имеют товарное значение, плоды продаются на рынке. Разводится 50 корней виноградников – 1-й год.

Сенокос из-за кочек ручной. Породистый состав крупного рогатого скота: 2 производителя симментальской породы с 1935 г. Молочное стадо запланировано завести чисто сementальской породы – 10 голов. Средний удой 900 литров, максимально до 2000 литров. Причины слабого удоя – низкопородистость скота, молоко сдается на Дымовский молокозавод – 5 км. Колхоз имеет пасеку – 35 ульев. На один трудодень выдается 4 кг зерна, 420 гр. картофеля, 1 кг сена, 4,630 гр. соломы, деньгами 89 коп.

Зимой часть колхозников отпускается на заработки и культпросвещение. Две бригады в колхозе стахановского движения: 4 женщины и 2 мужчин.

Усадебной земли 34,86 га, в том числе огородов 25 га, садов 2,8 га. Приусадебные участки имеют все колхозники – от 0,5 до 0,4 га. Сады имеют 70 дворов. Самое дальнее поле 2 км, вытянуто на запад. МТФ 38 голов в Уланово»¹.

В предвоенные годы председателем колхоза им. В. Володарского работал Василий Иванович Будьлин. Под его руководством хозяйство интенсивно развивалось, доходы колхозников постоянно росли. Даже в засушливом 1939 г. «бригадир М.А. Власов снял с гектара по 18 центнеров овса. Для улучшения плодородия почвы правлением было решено с каждого двора собрать по 3 пуда птичьего помета и по 6 пудов золь»².

Колхоз им. В. Володарского пользовался славой крепкого хозяйства. Его успехам посвящено немало публикаций желтухинской районной газеты «Колхозная правда». В феврале 1940 г. она писала: «В 200 саженьях от деревни раскинулись колхозные постройки. Здесь стоит красивая кирпичная, под железо крытая конюшня, в которой помещаются 34 лошади, МТФ, имеющая 15 коров, овчарник, зернохранилище. Два года назад выстроено здание правления, изба-читальня, все избы радиофицированы. В 1937 г. колхозный урожай составил по 16 ц ржи с гектара, 17 ц озимой пшеницы, 15 ц овса, 13 ц проса, 250 ц картофеля. По результатам работы 1937–1938 гг. колхоз был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В 1937 г. был заложен сад, а в 1940 г. садовод и счетовод колхоза Иван Петрович Кузин также стал участником выставки»³.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Уланово было 75 строений. Деревня вытянулась двумя порядками, образовавшими ее единственную улицу, вдоль дороги из Шелемишева в Боровое. Большой колхозный сад находился к западу от деревни.

Мирное развитие деревни прервала начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война. В конце года линия фронта пролегла в опасной близости от Уланово. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина.

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 64. Тетрадь. Желтухинский район, село Уланово, колхоз им. Володарского. С. 1–11.

² Колхозная правда, № 4 (11 января 1940).

³ Колхозная правда, № 18 (14 февраля 1940).

К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава.

Вскоре после занятия фашистами Скопина в соответствии с директивой Ставки Верховного главнокомандования советская 61-я резервная армия под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова начала сосредоточение в районе Рязск – Раненбург – Мичуринск – Старо-Юрьево. Входившая в ее состав 346-я стрелковая дивизия с 29 ноября 1941 г. выгружалась в Рязске из прибывавших по железной дороге эшелонов¹. Дивизия получила «задачу упорной обороной на рубеже отм. 141,7 – Шелемишевский хутор – Шелемишево – Зезюлино не допустить выдвижения противника в направлении Рязска». В полдень 5 декабря входившие в состав дивизии 1164-й стрелковый полк без 3-го батальона, который занял оборону у г. Скопина, с 1-й батареей 315-й артиллерийского полка перешел на рубеж выс. 141,7 – Журавлиха – западная окраина Шелемишева. К вечеру этого же дня 1166-й стрелковый полк полностью выгрузился и занял оборонительные позиции на рубеже Наумово – Боровое – Дымово-Волконское – Дымово-Государственное (исключая 2-е Марчуки). К исходу дня ожидалось прибытие штаба 915-го арtpолка, половины автотранспортной роты. К вечеру разведчики от полков уже вступили в столкновение с противником в районе сел Новые Кельцы и Пупки².

К 19.00 5 декабря 1941 г. 1164-й стрелковый полк и 1166-й стрелковый полк (без подразделений, выделенных в передовой отряд, штаб 61-й армии и для обороны Скопина) и 1168-й стрелковый полк занимали оборону в полосе Шелемишевские хутора – Зезюлино. Командный пункт 1168-го стрелкового полка находился в Нагорном, 1166-го – в Лькове, 1164-го – к 10.00 9 декабря переместился из Шелемишева в Ивановку. Командный пункт 915-го арtpолка разместился в Шелемишеве, 473-й саперный батальон после выгрузки к 21.00 сосредоточился в Уланове. Последний 18-й эшелон с минометной батареей, авторотой и полевой кассой Госбанка прибыли в 9.00 9 декабря 1941 г. В тот же день к 20.00 1-й батальон 1164-го стрелкового полка занял село Горлово³. С рубежей у Уланова части 346-й стрелковой дивизии начали движение на запад, преследуя отступавшего из Горловского и Скопинского районов противника.

В годы войны уроженцам Уланова довелось отличиться и на ратном поле. Гвардии сержант Николай Дмитриевич Чибисков (1918–?) воевал с октября 1941 г., в 1943 г. служил санинструктором в 51-м гвардейском Краснознаменном артиллерийском полку 3-й гвардейской мотострелковой дивизии 5-й армии. Он не щадил себя, стремясь оказать помощь раненым однополчанам. В марте 1943 г. Н.Д. Чибисков был награжден медалью «За отвагу» «за то, что он вынес с поля боя 17 раненых бойцов и командиров, за своевременное оказание медицинской помощи и эвакуацию»⁴. Зимой 1945 г. гвардии старший сержант Чибисков завершал войну в составе 1-го гвардейского самоходного артиллерийского Львовского полка 6-го гвардейского механизированного Львовского Краснознаменного корпуса 4-й танковой армии. «В боевых действиях полка с 12 января по 1 февраля 1945 г. под гор. Кельце и за рекой Одер [тов. Чибисков] проявил себя смелым и знающим дело санинструктором. Лично оказал на поле боя первую помощь 18 раненым бойцам и офицерам. Заботливо относится к раненым воинам». В конце войны Н.Д. Чибисков был награжден орденом Красной Звезды.

¹ ЦАМО. Ф. 3, оп. 11556, д. 4, лл. 136–137.

² ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 9.

³ Там же. Л. 26.

⁴ ЦАМО. Ф. 33, оп. 717037, д. 253, л. 57.

В послевоенные годы площадь садов в колхозе им. В. Володарского была доведена до 6 га. Для их обновления хозяйство в 1948 г. закупило 125 яблонь и 305 вишен¹.

В 1956 г. Желтухинский район Рязанской области был упразднен, а его населенные пункты переданы соседнему Скопинскому району. Примерно в это же время (до 1958 г.) Боровский сельсовет слился с Наумовским, а в 1958 г. – и с Шелемишевским. В 1962 г. улановский колхоз им. В. Володарского вошел в организовывавшийся тогда совхоз «Желтухинский»². Позднее совхоз пришлось разукрупнить в целях более эффективного использования земель и специализации сельскохозяйственного производства. Вновь организованный совхоз в селе Шелемишево стал именоваться «Нива».

В 1965 г. на территории Шелемишевского сельсовета располагались села Шелемишево, Боровое, Дымово-Волконское, Дымово-Государственное, деревни Наумово, Уланово и Ураково. Здесь действовали молокозавод, больница со стационарным лечением, аптека, средняя школа, одна начальная и две восьмилетние школы, дом культуры и 2 сельских клуба, 2 библиотеки, 2 детских яслей, детский сад, медпункт³.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Уланово было включено в сельское поселение Шелемишевское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в деревне постоянно проживают 31 человек – 20 мужчин и 11 женщин. В Уланово работает ИП Глава КФХ «Петькин Андрей Иванович».

---

¹ Колхозная правда, № 38 (16 сентября 1949).

² Архив Скопинского района. Ф. 445, лл. 1–2.

³ Архив Скопинского района. Ф. 96, л. 2.

УРАКОВО

деревня

(сельское поселение Шелемишевское)

Археологическая предыстория деревни Ураково уходит корнями в XIV в. В 0,5 км к западу от ее юго-западной окраины на возвышенном участке поймы правого берега р. Рановы в ходе раскопок было выявлено селище XIV–XVII вв., занимавшее площадь 130 x 100 м. В его культурном слое встречаются фрагменты сероглиняной, чернолощеной и мореной гончарной керамики преимущественно XVI–XVII вв.¹

Очевидно, уже во времена позднего Средневековья люди оценили удобство окрестных мест для проживания и занятия земледелием. Едва ли не главным преимуществом являлась близость к довольно широкой и полноводной реке, на которой имелись рыбные ловли. В зимнее же время замерзавшая Ранова использовалась как естественный санный путь, по которому могли доставляться грузы в Рязск или зерно на ближайшую мельницу. В случае набега крымцев или ногайцев у местных жителей был шанс быстро укрыться за Рановской засекой.

Под своим современным названием деревня впервые упоминается в платежных книгах Пехлецкого стана Рязжского уезда 1594–1597 гг. В ней сообщается: «...За Курбатом за Лаврентьевым сыном Воронина жеребей в деревне в Ураковой <...>, за Иваном за Григорьевым сыном Неретина <...>, жеребей за Семенкою за Филиповым сыном Боршалкина <...>, за Иваном за Митрофановым сыном Курова с мачехою вдовой Дарьей и ее сына Петра <...> в той же деревне жеребей за Ульянком за Ураковым сыном Неретина...»² Данная запись подтверждает, что название Ураково это селение получило по своему первому помещику – татарскому выходцу на русской службе Ураку Неретину, сын которого Ульян в конце XVI в. продолжал владеть «жеребьем» при деревне.

В переписной книге Пехлецкого стана Рязжского уезда переписи Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. деревня Уракова показана «за ряшаниным Лукьяном Семеновым сыном Панферовым, на его жеребье крестьяне: двор Кривоносов, у него детей Куземка да Ерошка, и Куземка пошел в солдаты; двор Федка Кривоносов, у него сын Васька; двор Свирка Фирсанов, и тот Свирка пошел в солдаты; двор Ивашко Иванов, у него зять Савка Петров да сын его Афонька, пришел он, Ивашко, во 153 (1645) году из Воронежского уезду дву речек из-за беломестнова козака Исаея Дурова; двор Ефросимьица, у нее Васька, да Васька ж, да Микулька Иванов дети, и Микулька пошел в солдаты. Всего за ним крестьянских пять дворов, в них людей тринадцать человек. За ряшаниным за Володимиром Митрофановым сыном Куровым на его жеребье крестьянских четыре двора, а в них людей в них семнадцать человек, да бобыльской двор, а в нем один человек. В той же деревне за ряшаниным за Михайлом Борисовым сы-

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. 1996. С. 126.

² Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 134.

ном Куровым на его жеребье крестьянских пять дворов, а в них людей четырнадцать человек. За ряшаниным за Ондреем Васильевым сыном Озеровым на его жеребье крестьянских три двора, в них людей семь человек. За ряшанами детьми боярскими за Ортемием да за Воином Ларивонтьевыми детьми Воронина, за Максимом Яковлевым сыном Воронина, да за Борисом сыном Неретина на их жеребьях крестьянских и бобыльских дворов нет, в них живут однодворцы. В той же деревне за ряшаниным Васильем Фатьяновым сыном Неретиным на его жеребью крестьянин Устинка Степанов, у него детей Савостьяка да Ивашко да Федосько да Куприян да Пиминка, всего за ним один двор крестьянский, а людей в нем шесть человек. За ряшаниным за Петром Ивановым сыном Куровым на его жеребье всего за ним крестьянских три двора, а в них одиннадцать человек». В числе их два двора вдовьих, чьи дети также были в солдатах. «За ряшеними за Петром да за Прокофьем да за Игнатием Матвеевым детьми Неретиными на их жеребьях <...> четыре двора, а людей в них тринадцать человек»¹.

В недатированной переписной книге, составленной ок. 1693 г., в деревне Ураковой «за вотчинники и всяких чинов за людьми крестьян и бобылей нет, а написаны в помещиковых дворах старинные полонные и деловые люди: за Григорьем Ларионовым сыном Куровым, двор помещиков, в нем людей не написано; за Семионом Герасимовым сыном Ворониным, двор помещиков, в нем людей 4 человека; за Данилой Борисовым сыном Неретиным, двор помещиков, в нем людей не написано; за Иваном Максимовым сыном Ворониным, двор помещиков, в нем людей не написано»². В данном документе были переписаны лишь деревенские помещики и числившиеся за ними пленные и «деловые люди», переписывавшиеся для взимания податей. Крестьяне в этой специальной переписи не учитывались.

По доношениям 1719 и 1723 гг. одним из помещиков деревни был стольник князь Иван Осипов сын Щербатов (1648–1721), с 1692 г. служивший воеводой в Симбирске, а в 1700–1701 гг. бывший судьей Сысского приказа. Другим помещиком был местный дворянин Евсей Наумов сын Куров. В доношении 1719 г. по подушному окладу об одном из его крепостных сообщалось: «...Ево человек – у Остафея Исаева, 35 лет <...>, при свидетельстве явился, что у него левой руки нет». Также в деревне проживали 16 крестьян городской службы дворянина Лукьяна Александрова сына Курова. В подушном окладе за Саввой Васильевым сыном Поповым в Ураковой числились 6 дворовых людей, в том числе двое находившихся в бегах и некий «польской породы» Иван Сидоров³.

По ревизским сказкам помещиков Верхрановского разъезда Рязского уезда, поданным в рамках 2-й ревизии податных сословий Российской империи в начале марта 1745 г., известно следующее поколение местных помещиков. В документах сообщалось, что в деревне Ураковой проживали «Лейб-гвардии Преображенского полку отставного капрала Акима Евсева сына Курова, написанные в прежней переписи <...> за отцом ево Евсеем Наумовым сыном Куровым, дворовые люди: Филат Васильев сын Попов, 53 года, слеп...» и еще 7 душ мужского пола. Также «Лейб-гвардии Преображенского полку капрала Родиона Евсева сына Курова, написанные в прежней переписи за отцом ево» 6 душ мужского пола, «городового дворянина Михайлы Лукьянова сына Курова, написанные в прежней переписи за отцом ево Лукьяном Александровым сыном Куровым 14 крестьянских душ, «за отставным вахмистром Федором Лукьяновым сыном Куровым

¹ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, лл. 64 – 64 об.

² РГАДА. Ф. 350, д. 350 а, л. 67.

³ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2865, лл. 324–325, 327.

написанные в прежней переписи за отцом ево» 9 душ, «бригадира князь Осипа Иванова сына Щербатова, написанные в прежней переписи в одной деревне за отцом ево стольником князь Иваном Осиповым сыном Щербатовым» 47 душ мужского пола. В числе последних за помещиком был записан «незаконно рожденный, прижитой после прежней переписи одного Щербатова» и его крепостной Ульяны Степановой сын, который был «воспитан в вотчине одного Щербатова – Лазарь, по кресному отцу ево Фомин сын <...>, 20 лет». Помимо крестьянских, в Ураковой имелись еще 3 двора однодворческих, в том числе Якова Борисова сына Воронина, перешедшего «в одну деревню по имеющейся земле Рязкого уезда села Шелемишева», имевшего собственных 3 крепостных крестьян. Всего же в подушном окладе по деревне числились 87 человек, в т. ч. 3 однодворца и 84 человека дворовых людей и крепостных крестьян¹.

Ураковский помещик князь Осип Иванович Щербатов (ок. 1671–1766), сын стольника князя И.О. Щербатова, сам получил придворное звание стольника в 1689 г. Он участвовал в Северной войне 1700–1721 гг., в 1714 г. был произведен в чин полковника, в 1728 г. – бригадира. С 1737 г. князь служил в Малороссийской генеральной войсковой канцелярии, в 1739 г. вышел в отставку «по старости». Его сын статский советник князь Сергей Осипович Щербатов (1707–1777) в 1770-х гг. владел землей, где впоследствии возникла скопинская деревня Говорово. Более яркий след в истории оставил брат ураковского помещика князь Семен Иванович Щербатов (?–1755). Он был дружен с царевичем Алексеем Петровичем и в 1718 г. оказался среди арестованных по делу о государственной измене царского сына. С.И. Щербатов был приговорен к смертной казни, которую отменили только тогда, когда он уже всходил на эшафот «близ гостиного двора у Троицы, на въезде в Дворянскую слободу» в Санкт-Петербурге. Князю был «урезан язык и вынуты ноздри», а сам он отправился в ссылку в Пустозерск. С восшествием на престол Петра II в 1727 г. С.И. Щербатов был возвращен из ссылки и принят на службу, которую завершил в 1744 г. в чине коллежского советника.

В 1778 г. в ходе административных реформ Екатерины II был образован Скопинский уезд в составе Рязанского наместничества, одним из селений которого стало Ураково. В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., оно показано как сельцо «общего владения княгини Варвары Осиповны Долгорукой², секунд-майора Никиты Владимировича сына Елагина жены его Ольги Сергеевны, действительного тайного советника, прочих орденов кавалера Петра Дмитриевича Еропкина³ супруги ево Елисаветы Михайловны, генерал-майора Александра Степановича и полковника Петра Михайловича Римского-Корсакова жены ево Аграфены Николаевны, Лейб-гвардии Преображенского полку сержанта графа Степана Федорова Толстова жены ево графини Александры Николаевны, титулярного советника Федора Алексея сына Корчагина» и еще тринадцати помещиков и однодворцев. В сельце Уракове по данным 3-й ревизии 1761–1765 гг. было 26 дворов, в которых проживали 87 душ мужского пола и 87 – женского. Селение, согласно описанию, располагалось по обе стороны р. Рановы, при нем стоял господский дом титулярного советника Федора Алексея сына Корчагина. На помещика Корчагина местные крестьяне пахали 14 десятин (15,3 га). Однодворцы находились «на положенном

¹ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2872, лл. 529 – 538 об.

² Речь идет об урожденной княжне Щербатовой, супруге капитана князя Сергея Никитича Долгорукова (1724–1802), помещика сел Нагиши, Петрушино и Троице-Орловка. См. о ней статью «Нагиши» настоящего издания.

³ О нем см. статью «Шелемишево» настоящего издания.

казенном окладе». Сельцо Ураково занимало площадь 19 десятин 229 сажений (20,8 га), при нем состояло 344 десятины 1777 сажений (376,7 га) пашни, 18 десятин (19,7 га) сенных покосов, 229 десятин 1709 сажений (251 га) леса, а общая площадь имения составляла 628 десятин 1709 сажений (687 га)¹.

Согласно окладной книге о числе поселян имений помещичьих Рязанской губернии 1834 г. в деревне Ураковой проживали 20 поселян штабс-капитана Николая Ивановича Бибикова, из которых в 1849 г. 12 человек были переведены в другие селения губернии. 16 душ местных жителей принадлежали коллежской секретарше Екатерине Ивановне Куровой, все они в 1844 г. были переведены в другое ее имение. Тогда же из деревни были выведены и 22 поселянина, числившиеся за коллежским секретарем Петром Тимофеевичем Куровым. У коллежского регистратора Василия Петровича Курова с 1844 г. в деревне были 32 души, которые перевели в другое имение в 1849 г. У штабс-капитанши Татьяны Трухачевой в 1840 г. в Уракове показаны 5 душ, в 1849 г. – 13 душ. 29 душ мичмана Николая Ивановича Филатова в 1840 г. были исключены из оклада в Уракове в связи с переводом в другие имения губернии².

Карты А.И. Менде 1850 г. свидетельствуют, что в это время в деревне Ураковой было 16 дворов. Строения располагались двумя порядками почти перпендикулярно к берегу р. Рановы. Порядки изб разделяло широкое поле. Пространство вокруг них было занято крестьянскими огородами. У восточной окраины северного порядка деревни напротив крестьянских изб находился небольшой усадебный дом³.

По окладной книге 1850 г. за Елизаветой Никифоровой дочерью Заикиной к 1856 г. числились в окладе 36 крестьянских душ и 5 дворовых людей. Капитанше Татьяне Ивановне Трухачевой принадлежали 19 мужских крепостных душ и 3 дворовых человека, в 1857 г. к ним прибавились еще 18 крестьянских душ. Надворному советнику Ивану Егоровичу Федоровскому здесь принадлежали 36 душ крестьян и 5 дворовых людей мужского пола, но в 1856 г. все они убыли в другое его имение в Рязанской губернии⁴. Сохранилась запись о том, что «за январскую и майскую трети 1856 г. в деревне Ураково имение, прежде принадлежавшее надворному советнику Ивану Егоровичу Федоровскому, а ныне по купчей крепости дошло девице Елисавете Никифоровой Заикиной, 41 душа и земли 216 десятин (235,99 га)»⁵.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в деревне Ураково Скопинского уезда Рязанской губернии числились за помещицами Заикиной и Трухачевой 59 душ мужского пола и 57 – женского⁶. По сведениям 1859 г., в «Ураково, деревне владельческой при речке Ранове», лежавшей в 29 верстах от уездного города, насчитывалось 17 дворов и проживали 100 мужчин и 109 женщин⁷.

После отмены крепостного права в 1861 г. Ураково было приписано к Боровской волости Скопинского уезда. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 71 об; д. 1241, л. 218.

² ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, л. 14 об-15, 137 об – 138, 148 об – 149, 151 об – 152, 303 об – 304, 332 об – 333.

³ Карта А.И. Менде 1850 года, 1 см – 420 м.

⁴ ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 128 об – 129, 330 об – 331, 357 об – 358.

⁵ РГАДА, ф. 1355, оп. 2, д. 229, л. 249 об.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 62.

⁷ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 129.

по крестьянским делам присутствие в 1863 г., значится «Скопинск[ого] уез[да] участка мир[ового] посредника Александровского сельцо Ураково девицы Е.Н. Заикиной, 35 д[уш]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 2057 саж[еней] (3,1 га); повинность издельная. Грамота написана помещицею»¹.

В документах переписи населения 1882 г. ураковские крестьяне значатся собственниками, т. е. к этому времени они уже заключили выкупную сделку с выплатой первого взноса за землю и получением всех прав свободных сельских обывателей. Всего в деревне было 30 домохозяйств, в которых проживали 79 мужчин и 81 женщина. Грамотных в деревне не было ни одного человека. Размеры земельных наделов у крестьян бывших помещиц Заикиной и Трухачевой были разными – у первых они составляли 2,7 десятины (2,9 га), у вторых – 3,4 десятины (3,7 га). Однако и тем, и другим наделной земли не хватало, и некоторые крестьянские семьи арендовали дополнительные земельные участки. Почва в окрестностях деревни по большей части была песчаной, поэтому урожаи ржи и особенно овса стабильно оставались невысокими. У бывших крестьян помещицы Заикиной все 14 изб топились «по-черному», из 12 изб трухачевских крестьян 4 уже топились «по-белому». Заикинские крестьяне были заметно беднее – к ним принадлежали все 4 деревенских двора, жители которых не держали ни лошадей, ни коров². Из промышленных заведений в деревне в 1893 г. упоминается просорushка крестьянина Тимофея Захаровича Кузина³.

В 1905 г. деревня Ураково «б. г. Заикиной и Трухачевой» состояла из 30 крестьянских дворов, которые населяли 126 мужчин и 134 женщины. Ближайший от деревни врачебный пункт в селе Поляны находился от нее в 10 верстах⁴. Среди крупнейших местных землевладельцев были дворяне Сергей Федорович Трухачев, владевший 180 десятинами 941 саженью (ок. 197 га) земли при деревнях Улановой, Ураковой и Новиковой, и Николай Федорович Аргамаков, бывший собственником 55,5 десятин (более 60 га). При деревне также находились земли братьев-купцов Анисимовых – 40 десятин (43,7 га) Игната Евдокимовича и 22 десятины (24 га) Егора Евдокимовича⁵.

В 1910-х гг. в Уракове появилась земская начальная школа. В качестве ее попечителя в 1912 г. упоминается Григорий Романович Голованов⁶. В 1914 г. в деревне было уже 38 дворов. Их жители являлись прихожанами Богородице-Рождественской церкви в селе Шелемишеве⁷.

В 1917 г. в деревне Уракове Боровской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 43 двора, в которых проживали 157 мужчин и 145 женщин⁸.

Советская власть в деревне, как и во всей Боровской волости, была установлена в декабре 1917 г. Во второй половине 1918 г. в связи с переименованием села Борового в Володар-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 30 (27 июля 1863).

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 62–67.

³ ГАРО. Ф. 7 оп. 1, д. 808. лл. 3 об – 4.

⁴ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова.– Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 614–615.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 43 (8 июня 1913).

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 274.

⁷ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорожье, 1998. С. 624–625.

⁸ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 138.

ское (в память убитого в июне 1918 г. большевика В. Володарского) Боровская волость также стала Володарской. Но это название не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным.

В 1925 г. Володарская волость была изъята из Скопинского уезда и передана укрупненному Рязькому уезду. С отменой дореволюционного административного деления на волости, уезды и губернии в 1929 г. Ураково стало населенным пунктом Рязького района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. С 1935 г. деревня в составе Наумовского сельсовета входила в Желтухинский район Московской, а с 1937 г. – Рязанской областей. На территории Наумовского сельсовета с начала 1930-х гг. работали колхозы «Верный путь» (Наумово), им. В. Володарского (Уланово) и «Путь к социализму» (Ураково).

Помимо колхозного строительства в начале 1930-х гг. в деревнях Наумовского сельсовета проводилась активная работа по ликвидации неграмотности. Рязьская районная газета «Колхозник» в 1931 г. писала: «В деревне Ураково Наумовского сельсовета школьный работник Хромов Д.М. организовал 15 культармейцев из учащихся старшей группы 1-й ступени, сам же ведет политчас на ликпункте. В дер. Наумово учитель Бахтин тоже ведет политчас на ликпункте. В этих деревнях оживлена работа культштабов. Семь просвещенцев прикреплены к определенным участкам, как ответственные за 100 % охват неграмотных ликбезом и как методические руководители культармейцами»¹.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Уракове было 52 строения. В это время два порядка деревенских домов почти сомкнулись, на месте их стыка находилось здание деревенской школы.

Жителям Уракова довелось проявить свои лучшие качества в суровые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Уроженка деревни Александра Ивановна Поликанина (1923–?) в 1942 г. добровольно вступила в РККА, трудилась перевязочной сестрой хирургического полевого подвижного госпиталя № 2211 сначала на Северо-Западном, затем – на 2-м Прибалтийском фронтах. Начальник госпиталя высоко оценивал ее работу и в наградном листе дал ей следующую характеристику: «Дисциплинированный, инициативный, хорошо знающий свое дело медицинский работник. Во время последнего потока раненых, когда госпиталь имел полную загрузку, тов. Поликанина находилась по 16–18 часов у операционного или стерильного стола, не считаясь ни с отдыхом, ни со сном. Лично сама тов. Поликанина проделала больше ста сложных хирургических повязок и наложений транспортных шин. Тяжело раненые очень хорошо отзывались о медсестре Поликаниной, называя ее «наша Саша»². В апреле 1945 г. старший сержант медицинской службы А.И. Поликанина была награждена медалью «За боевые заслуги».

В 1950 г. в рамках линии на укрупнение рязанских колхозов были объединены хозяйства сел Шелемишева, Борового, а также деревень Наумова и Уракова. Новый большой колхоз получил название «Россия» В том же году в связи с возникшей необходимостью был построен мост через р. Ранову, соединивший деревни Наумово и Ураково³.

В 1956 г. Желтухинский район Рязанской области был упразднен, а его населенные пункты переданы соседнему Скопинскому району. Примерно в это же время (до 1958 г.) Боровский сельсовет слился с Наумовским, а в 1958 г. – и с Шелемишевским. В 1962 г. быв-

¹ Колхозник, № 55 (25 октября 1931).

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 690306, д. 2253, л. 130.

³ Колхозная правда, № 30 (29 июня 1950).

ший ураковский колхоз «Путь к социализму» был включен в создававшийся тогда совхоз «Желтухинский»¹.

В 1965 г. на территории Шелемишевского сельсовета располагались села Шелемишево, Боровое, Дымово-Волконское, Дымово-Государственное, деревни Наумово, Уланово и Ураково. Здесь действовали молокозавод, больница, аптека, средняя школа, одна начальная и две восьмилетние школы, дом культуры и 2 сельских клуба, 2 библиотеки, 2 детских яслей, детский сад, медпункт².

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Ураково было включено в сельское поселение Шелемишевское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в деревне постоянно проживают 16 человек – 8 мужчин и 8 женщин.

---

¹ Архив Скопинского района. Ф. 445, лл. 1-2.

² Архив Скопинского района. Ф. 96, л. 2.

УСПЕНСКОЕ

село

(сельское поселение Успенское)

В 1928 г. к северу от Скопина на реке Ладыженке был организован совхоз им. С.М. Буденного, специализировавшийся на разведении зерновых культур и овощей. По состоянию на 31 декабря 1934 г. это хозяйство Скопинского района Московской области располагало 8 тракторами и 95 лошадьми. В совхозе трудились 6 трактористов.

Скопинский райотдел УНКВД по Московской области пристально следил за ситуацией в совхозе. В 1935 г. в докладной на имя секретаря Скопинского райкома ВКП (б) Агеева начальник райотдела Лазарев сообщал: «Механиками тракторного парка обеспечены вполне соответствующими по квалификации, но один механик Заикин Дмитрий Никифорович, 30 лет, является сыном кушца, который в совхозе работает в течении 5 лет». В совхозе было около 150 работников, проживавших преимущественно в общежитиях. Райотдел УНКВД констатировал: «Плохо обстоит дело с питанием, завхоз совхоза Воротников Егор Васильевич, беспартийный, местный крестьянин-средняк, вопросом улучшения питания совершенно не занимается, это характеризуется тем, что ежедневно одни и те же обеды и ужины, например: обед – 1-е блюдо – щи простые, иногда с мясом, 2-е блюдо – каша с молоком или салом. На ужин готовят только щи простые или гуляш стоимостью 10 коп.». Вследствие малой калорийности питания «среди рабочих имеют место нездоровые настроения, например, на северном участке рабочий Гаврюшин Иван Герасимович среди рабочих говорил 21 января 1935 г.: “Работать заставляют день и ночь, а кормят как свиней, если так будут кормить в весенний сев, то поневоле убежишь из совхоза, но наши головки наверняка едят ежедневно мясо”. Сеяли вику, просо, горох, лук, чеснок, огурцы, капусту. При этом узким местом работы оставалась вербовка рабочих на лето, что иногда приводило к срыву весенне-полевых работ¹.

Мирный труд местных жителей был прерван Великой Отечественной войной. Приказом начальника местной противовоздушной обороны по Скопинскому району от 30 июня 1941 г. был введен запрет на движение граждан и транспортных средств с 24.00 до 4 часов утра². И уже 17 июля руководителям предприятий и председателям колхозов было приказано приступить к отрывке земляных бомбоубежищ³.

18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 25 ноября 1941 г., несмотря на героические усилия скопинцев по обороне родного города, передовой отряд немцев вошел в Скопин. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава.

В первые дни декабря 1941 г. советские войска готовили контрнаступление, ставшее одним из переломных моментов в битве под Москвой. Прологом к нему стало освобождение Скопина. 28 ноября 1941 г. бойцы 84-й стрелковой бригады выбили из Скопина подразде-

---

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, лл. 28–29.

² Сталинец, № 106 (2 июля 1941).

³ Сталинец, № 116 (19 июля 1941).

ления 88-го бронированного разведбатальона 18-й танковой дивизии немцев (упоминаемый в этом контексте «5-й мотоциклетный полк» никогда не существовал и является следствием ошибки).

Во время кратковременного пребывания в Скопине гитлеровцы принесли в дома мирных жителей много горя. Страшная картина их бесчинств открылась лишь после освобождения города. По докладу секретаря Скопинского райкома ВКП (б) Н.Ф. Старостина, расстрелянные немцами 28 мирных жителей «лежали на площади 8 суток¹, затем их без гробов похоронили в братской могиле, 7 человек немцы взяли с собой и 5 человек были отправлены в Рязжский госпиталь»². Кроме перечисленных жителей г. Скопина, также «расстреляно немцами 11 проходящих через Скопинский район трактористов-бригадиров из районов Тульской области и два человека совершенно неопознанных и неизвестных. У всех расстрелянных никаких документов не обнаружено»³.

После освобождения Скопина 84-я отдельная стрелковая бригада была переброшена под Москву, а на завоеванные ей позиции выдвинулись из Рязжска части 61-й резервной армии генерал-лейтенанта М.М. Попова. Одной из них была 83-я кавалерийская дивизия под командованием полковника С.Н. Селюкова.

Документы свидетельствуют, что к 5 декабря 1941 г. 83-я кавдивизия прибыла по железной дороге из места формирования и выгрузилась на станции Ухолово. С 10 декабря 1941 г. она двигалась походным порядком по маршруту Рязжск – Скопин – Боршевое – Ростово – Никитское – станция Волово, выполняя задачу по обеспечению правого фланга 61-й армии, выходящей на стык между советскими 10-й и 3-й армиями⁴. К 12 декабря 1941 г. 83-я кавдивизия сосредоточилась в районе Скопина. 226-й кавалерийский полк расположился в районе совхоза им. С.М. Буденного, выдвинув конные караулы в направлении шоссе Кораблино – северная окраина Вослебова. 215-й кавалерийский полк встал от западной окраины совхоза и далее на юг до пересечения с дорогой в Новиково, выдвинув конные караулы к поселку Московский. 231-й кавалерийский полк разместился от восточной окраины совхоза до местности южнее Вослебова и железнодорожной станции Скопин, выдвинув караулы к поселку Лесничество и по дороге к Старобаракову и Ивановке. Занятие полками позиций совпало с авианалетом противника, в результате которого 2 бойца были ранены и убита 1 лошадь⁵.

В этот же день подвергся бомбежке и Скопин. Пострадало здание Скопинского РК ВКП(б). «Фашистский летчик сбросил бомбы во двор почты рядом с РК ВКП (б), в дом, отстоящий метрах в 30–40 от РК ВКП (б). Внутри осыпалась штукатурка, попортились оконные рамы и побились стекла. Артиллерийскому обстрелу подвергся горсад»⁶.

К 23.00 13 декабря 1941 г. 83-я кавдивизия, совершая марш, преследовала противника, выйдя на рубеж Ново-Александрово–Боршевое⁷. Боевые действия и пребывание в окрестностях полков кавдивизии, которым требовалось много продовольствия и фуража, нанесли совхозу им. С.М. Буденного значительный ущерб, от которого это хозяйство смогло полностью оправиться лишь к 1945 г.

¹ Несмотря на военное время, всех расстрелянных должны были опознать родственники.

² ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 29.

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 37, л. 31.

⁴ ЦАМО. Ф. 3549, оп. 1, д. 1, л. 2.

⁵ ЦАМО. Ф. 3549, оп. 1, д. 4, лл. 15–16.

⁶ ГАРО. Ф.1437, оп. 2, д. 37, л.21 об., 22.

⁷ ЦАМО. Ф. 3549, оп. 1, д. 4, л. 18.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 27 марта 1944 г. № 408 совхоз им. С.М. Буденного Скопинского района стал называться плодopитомническим и был подчинен Главному управлению плодopитомнических совхозов Министерства сельского хозяйства РСФСР. Его сельхозгодия простирались на 1050 га.

Послевоенный период деятельности совхоза связан с личностью Николая Александровича Лопатина (1905–1991). Уроженец деревни Соколово Ростовского уезда Ярославской губернии, до революции он успел окончить три класса церковно-приходской школы, впоследствии занимался самообразованием, в 1925–1929 гг. учился в Ростовском садово-огородном техникуме, по окончании которого вместе с супругой Екатериной Александровной (тоже агрономом) работал в Средней Азии. В 1931 г. Н.А. Лопатин был направлен в город Козлов (ныне Мичуринск) в Центральную генетическую лабораторию, которой руководил выдающийся отечественный биолог и селекционер Иван Владимирович Мичурин (1855–1935). Здесь подающий надежды молодой садовод стал ассистентом Центральной селекционно-генетической лаборатории, а его жена – агрономом-питомниководом. Супруги Лопатины принимали активное участие в организации Плодоовощного института им. И.В. Мичурина (ныне Мичуринский государственный аграрный университет), в котором впоследствии сами учились и вышли из его стен со специальностями агрономов-плодоовощеводов высшей квалификации. В 1937–1941 гг. Лопатины трудились в Острогожском совхозе Воронежской области, где Николай Александрович был заведующим агропроизводственной лабораторией. В 1939 г. ему также было поручено руководить закладкой плодового питомника Павильона садоводства ВСХВ (позднее ВДНХ) в Москве. За эту работу Н.А. Лопатин был награжден медалью «Участник ВСХВ».

В 1941–1945 гг. Н.А. Лопатин защищал Родину в составе подразделений 75-го гвардейского минометного полка: воевал в междуречье Волги и Дона, был старшим разведчиком-корректировщиком огня реактивных минометов «Катюша», участвовал в окружении немцев под Сталинградом, в сражениях на Орловско-Курской дуге, получил благодарность командования за участие в боях за взятие Риги, в феврале 1945 г. был ранен во время ожесточенных боев с нацистами на территории Польши. Много лет спустя, в 1985 г., Н.А. Лопатин был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

В 1948 г. Н.А. и Е.А. Лопатины переехали в город Скопин, где Николай Александрович получил назначение на должность старшего агронома в совхоз им. С.М. Буденного. С 1948 г. совхоз начал осваивать новое направление работы – посадку и выращивание дичков и саженцев плодово-ягодных культур. Свою работу в нем Н.А. Лопатин начал с посадок вишни на 8 га и приведения в порядок полученного «в наследство» старого совхозного сада на 30 га. В 1949 г. на территории совхоза был заложен первый питомник, в 1950 г. площадь питомника и ягодника составляла 130 га, в 1954 г. – уже 203 га¹. На этом участке работы Н.А. Лопатин показал себя достойным учеником И.В. Мичурина: в 1951 г. им был предложен новый, оригинальный метод ускоренного выращивания саженцев.

В 1952 г. Н.А. Лопатин стал директором совхоза им. С.М. Буденного. В годы его руководства в совхозе занимались не только садоводством, хозяйство демонстрировало заметные успехи и в сфере молочного производства. Так, например, работавшая в нем доярка М.И. Майер в 1954 г. получала от фуражной коровы в среднем до 4441 кг молока в год, а отдельные коровы из ее группы ежегодно давали и до 6200 кг молока². Но все-таки садовод-

¹ Сталинец, № 132 (4 ноября 1955).

² Там же.

ство стало «визитной карточкой» хозяйства, которым руководил Н.А. Лопатин. В 1958 г. с подачи директора совхоз был переименован в честь И.В. Мичурина.

На основании постановления Совета Министров СССР от 13 апреля 1964 г. № 448 совхозу им. И.В. Мичурина были переданы земли бывших колхозов им. С.М. Кирова Вослебовского сельсовета (3981 га) и «Советская волна» Лопатинского сельсовета (1349 га). К 1965 г. местный совхоз имел 4 отделения: центральное, Вослебовское, Немеровское и Вороновское. К этому времени центральное отделение совхоза им. И.В. Мичурина превратилось в довольно значительное поселение.

Несколько лет подряд Н.А. и Е.А. Лопатины представляли продукцию скопинских питомников на ВДНХ СССР, возвращаясь из Москвы с дипломами и медалями. Сажены из скопинского совхоза им. И.В. Мичурина отправлялись в Московскую и Калининскую области, в Крым и на Урал, украшали территорию ВДНХ в Москве. Совхоз им. И.В. Мичурина вырос в крупное многоотраслевое хозяйство: здесь выращивали хлеб и картофель, производили молоко и мясо. Совхоз располагал свыше 5 тыс. га пахотной земли, его питомники занимали площадь ок. 500 га, в год они давали до 150–200 тыс. руб. дохода. Труды его директора Н.А. Лопатина были отмечены орденами Трудового Красного Знамени (1960) и «Знак Почета» (1966).

Забота об интересах хозяйства иногда заставляла Н.А. Лопатина принимать непростые решения. В хрущевские времена в погоне за показателями совхозу им. И.В. Мичурина приказали сдавать скот на мясо. «Телочек не сдам!» – решительно заявил в ответ его директор. Этот мягкий, добродушный человек, наверное, ни разу в жизни не повысивший ни на кого голоса, стоял на своем твердо. Пригрозили ему увольнением. Дело дошло до того, что однажды по телефону спросили, заходит ли в контору «бывший директор». Но Лопатин выстоял¹.

В 1966 г. Н.А. Лопатина проводили на заслуженный отдых – он стал персональным пенсионером республиканского значения. Но и на пенсии супруги Лопатины не оставляли любимого дела, которому посвятили свою жизнь. На приусадебном участке они занимались селекцией, выращиванием цветов, участвовали в выставках «Общества охраны природы». Вклад Николая Александровича Лопатина и его супруги Екатерины Александровны в развитие садоводства в Скопинском районе и в Рязанской области в целом заслуживает благодарной памяти потомков.

По окончании «лопатинского» периода своей истории совхоз им. И.В. Мичурина продолжал расширяться: к концу 1960-х гг. его сады достигли площади 620 га, из них 217 га плодоносящих. Урожай фруктов составлял ок. 50 и более ц с га. Например, в бригаде М.С. Есакковой в 1968 г. сбор составил 74 ц, а всего совхоз собрал в том году 10 120 ц яблок, 310 ц вишни и 600 ц ягод. Часть из них перерабатывалась на месте².

Одним из последних директоров скопинского совхоза им. И.В. Мичурина был Петр Константинович Алабин (р. 1953), уроженец села Кумино Кораблинского района Рязанской области. На этом посту он заслужил орден Трудового Красного Знамени (1990). В 1991–2005 гг. П.К. Алабин был главой администрации Скопинского района, с 1994 г. избирался депутатом Рязанской областной думы I–VI созывов, в 2005–2015 гг. был заместителем председателя Рязанской облдумы. В 2003 г. его труды на административном поприще были отмечены российским орденом Почета.

¹ Ленинское знамя, № 113 (7 сентября 1963).

² Ленинское знамя, № 120 (12 октября 1968).

Во многом благодаря его инициативе было принято постановление Рязанской областной думы № 15 от 17 мая 1995 г. «О некоторых изменениях административно-территориального устройства в Рязанской области», в соответствии с которым центральное отделение совхоза им. И.В. Мичурина было переименовано в село Успенское в честь православного праздника Успения Пресвятой Богородицы, а также был образован Успенский сельский округ, в который вошли село Немерово (ранее Вердеревского сельсовета), деревня Вороновка, поселки Дозоровка, Московский, Покровский, Рудинка, Свобода, Смекаловка и Советский (ранее Лопатинского сельсовета)¹.

Следующим важным делом П.К. Алабина по обустройству новосозданного села стало строительство в нем приходского храма. Решение об организации прихода Успенской церкви в селе Успенском Скопинского района Рязанской области было принято 31 мая 2001 г. по благословению митрополита Рязанского и Касимовского Симона. В селе был создан попечительский совет, в который вошли руководители всех предприятий, проживавшие на его территории. Активное участие в строительстве церкви принимала и администрация Скопинского района. В 2002 г. состоялось освящение закладного камня будущего храма, строительство которого продолжалось два года. 4 сентября 2004 г. архиепископ Рязанский и Касимовский Павел совершил великое освящение новой Успенской церкви. Настоятелем храма стал иерей (ныне протоиерей) Геннадий Лепешкевич, принимавший самое активное участие в его возведении.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» село Успенское стало административным центром Успенского сельского поселения, в которое вошли села Гремячка, Лопатино, Моховое, Немерово, Николо-Скопин, Рождествено, деревни Вороновка, Галино, Гривцы, Демьшино, Рюмки, поселки Дозоровка, Красный, Московский, Покровский, Рудинка, Свобода, Смекаловка, Советский и посёлок станции Волебово. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. население села составляют 1126 человек – 524 мужчины и 602 женщины.

В 2015 г. в селе Успенском действовали Успенская церковь, дом культуры, в котором работал хореографический ансамбль «Россияночка» – лауреат и дипломант республиканских конкурсов, детский сад, медпункт, спортклуб, база отдыха, кафе-бар, ресторан, стадион, магазин, а также молодежный спортивно-технический клуб «Юность», являющийся местным центром спортивно-массовой и оздоровительной работы. В 2013 г. он стал лауреатом Всероссийского конкурса среди спортивных клубов по месту жительства. Клуб развивает мотоспорт, его команда входит в десятку сильнейших в России.

В Успенском функционирует пляжный стадион, где проводятся соревнования по пляжным видам спорта не только местного, но также межрайонного и областного уровня. Местная женская волейбольная команда занимает лидирующие позиции в Рязанской области. Соревнования на стадионе собирают многочисленных болельщиков. Футбольная, волейбольная и баскетбольная команды успешно принимают участие в областных первенствах. Волейбольная женская команда является вторым призером Спартакиады трудящихся Рязанской области.

Среди работающих на территории Успенского сельского поселения предприятий – ЗАО «Скопинфарм», входящее в ПАО «Фармимэкс». Его генеральный директор – Владимир

¹ Архив Скопинского района. Ф. 487, лл. 1–3.

Николаевич Беспалов. На предприятии заняты 97 человек. Оно обеспечивает все регионы России современными лекарственными средствами для лечения желудочно-кишечного тракта, антимикробного действия и т. д. Ведется работа над созданием высокотехнологичного производства. Так, в 2017 г. совместно со шведской фирмой «Октафарма» началось создание производственной линии по выпуску препаратов на основе плазмы крови¹.

Также необходимо сказать и об ООО «Скопинский мясоперерабатывающий комбинат» – предприятии пищевой промышленности, которое выпускает мясопродукты, мясные полуфабрикаты, мясные и мясорастительные консервы. На нем под руководством директора Дениса Александровича Рубцова трудятся свыше 400 человек. Комбинат выпускает свыше 200 наименований колбасных изделий, мясных и мясорастительных консервов, пользующихся большим спросом у населения Рязанской области, Москвы и Подмосковья. В 2014 г. предприятие было отмечено наградами международной выставки «Продэкспо-2014».

На базе обанкротившегося СПК «Успенское» развивается фермерское хозяйство по выращиванию крупного рогатого скота – ИП Глава КФХ «Михайлова Ольга Николаевна». Кроме того, в селе работает ООО «Дарница» (гендиректор – Наталья Прокопьевна Бочарова).

---

¹ Славный город Скопин. Юбилейное издание к 420-летию г.Скопина и 80-летию образования Рязанской области. Скопин, 2017. С. 79.

ХВОРОЩЕВКА

село

(городское поселение Павелецкое)

Основание села относится к 1-й половине XVII в. В переписных Рязских книгах 154 (1646) г. стольника Никиты Ивановича Романова упоминается новый «починок Хворощевский», в котором было 16 крестьянских дворов¹. К сожалению, документы не позволяют с определенностью утверждать, идет ли речь о будущем селе Хворощевке, или же о Рудинке.

В 1654 г., после кончины бездетного боярина Н.И. Романова, последнего представителя боковой линии царской семьи, его скопинская вотчина стала собственностью царя Алексея Михайловича. После 1663 г. в Скопинской дворцовой волости была введена десятинная пашня. В 1675 г. хворощевские крестьяне запахивали на царя 35 дворцовых десятин в одном поле. Местные поселяне также были обязаны ежегодно поставлять «съестные припасы» к царскому двору. Например, по переписным книгам того же 1675 г., с них причитались 52,5 пуда (8,4 ц) свинины, 32 барана, 35 гусей, 52 утки и 70 сушеных кур².

Зерно и провизию везли сначала в Скопин, а оттуда в Москву, а в дворцовую волость ввозили «для опыта» семена различных сельскохозяйственных культур, присылали для разведения породистый скот и птицу. В 1664 г. в своей грамоте скопинскому воеводе царь Алексей Михайлович предписывал «племянные овцы и бараны беречь, а молодые, с крестьян собрав, прислать в Москву...» В 1666 г. царь указывал направить «на Скопин <...> по чети на семена» серого, багрового и белого мака, а 28 апреля (8 мая) 1668 г. «великий государь указал дать своего государева жалованья скопинцам 50 человеком за провоз полбы (сорт пшеницы. – *Примеч. авторов*), что привезли от Скопина к Москве, в приказ ис Хлебного приказу денег по рублю, с Оптекарского двора по ведру вина, по пуду соли человеку»³.

В окладных книгах монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненных при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 г., в Рязском уезде упоминаются два села с названиями Хворощевка. В обоих к этому времени были приходские церкви в одно и то же храмоименование. В первом находилась построенная в 1674 г. «церковь мученика Дмитрия Солунского, двор попа Иуды, двор дьячков, двор пономарский. В приходе: 57 дворов крестьянских, 5 дворов бобыльских. Церковной пашни 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на 100 копен». Во втором – «церковь мученика Дмитрия Солунского, двор попа Дорофея, двор дьячков Астафьев. В приходе: 110 дворов крестьянских, 12 дворов бобыльских. Церковной пашни 10 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на 60 копен»⁴.

В переписной книге 1710 г. о селе Хворощевке сообщается: «...Церковь во имя Святого великомученика Дмитрия, у той церкви поп Иосиф Юдин сын, у него попадья Прасковья

¹ РГАДА. Ф. 1209, д. 13901, л. 382.

² РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, л. 114.

³ Русская историческая библиотека. Т. 21, кн. 1: Дела Тайного приказа. СПб., 1907. С. 1199, 1233, 1400.

⁴ Книги окладные монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / [А.И. Цепков]. Рязань: Александрия, 2004. С. 357–358.

Иванова <...>, поп Харлампий Юдин, у него попадья Анна Фомина <...>, дьячок Ефим Иванов, девяносто лет <...>, пономарь Григорий Ефимов, семьдесят лет, вдов <...>, солдатских сем дворов, мужеска пола семнатцать человек, в том числе женатых десять человек <...>, крестьянских восемьдесят семь дворов, людей мужеска пола триста девять человек, в том числе женатых сто шестдесят шесть человек, женска пола триста двадцать три человека...»¹ Эта запись позволяет однозначно идентифицировать первое из упоминавшихся в 1676 г. сел как современную Хворощевку. Существовавшая в ней деревянная Дмитриевская церковь, согласно И.В. Добролюбову, была возведена в 182 (1674) г. По окладу 1676 г. дани с нее был положено «два рубли три денги. А преж сего с тое церкви дани не было»².

Видимо, особой необходимости в поставке мяса, хлеба и прочих продуктов к царскому двору в начале петровской эпохи уже не было, поэтому дворцовые сборы приобрели денежную форму. Скопинские крестьяне отдавали свои копейки «за корабельную починку, за бараны и ярки, за столовые запасы, ямские и полонячные, к сдаче рекрутов, по дачу ратным людям в воинский приказ, по покупке конских кормов и с пустовых оброчных мельниц». К ним в 1706 г. добавились, наложенные Ижорской канцелярии приказчиком Павлом Дружининым сборы «старостам на харчи, на канцелярские расходы судьям и приказным людям на жалование». Позже, с вхождением Скопинской дворцовой волости в состав Воронежской обер-комендантской провинции Азовской губернии, добавились денежные сборы на наем подвод, покупку седел, «дело кирпича», сверх дворцовых сборов – ямские, «полоняные» и другие³. Некоторые налоги, правда, иногда отменялись как незаконные после настойчивых жалоб дворцовых крестьян скопинских селений.

В 1705 г., стремясь облегчить нагрузку на истощенную Северной войной казну, Петр I распорядился ликвидировать Конюшенный приказ, расформировать часть существовавших конных заводов, а остальные передать в частные руки. «Для надобности государева двора» в ведомстве Приказа Большого дворца осталось лишь 11 конных заводов, среди которых был и Скопинский. Связанные с ними расходы было велено покрывать из доходов от хозяйственной деятельности приписных к заводу сел и деревень⁴. В 1721 г. царь своим указом повелел «дворцовые города, слободы, волости, села и деревни (с находившимися в них конскими заводами), которые ведомы были по губерниям собрать в Приказе Большого Дворца по-прежнему и ведать одной командой»⁵. С целью облегчения жизни дворцовых крестьян было издано несколько указов. «Указом 1708 г. повелевалось не считать беглецов плательщиками, а потому не взимать податей, числящихся за этими беглецами, с их односельчан; указами 1717 и 1724 гг. приказывал сдавать крестьянам в оброк с платой двух-трех рублей за десятину те луга коннозаводского ведомства, которые оставались свободными за удовлетворением потребности завода»⁶.

С образованием в 1732 г. Конюшенного ведомства крестьяне Скопинской дворцовой волости стали коннозаводскими (хотя в деловых бумагах их зачастую по-прежнему называли дворцовыми). В их обязанности отныне входило обеспечение конных заводов кормами, заготовка материалов, а также постройка и ремонт относящихся к коннозаводству зданий. Из местных поселян набирались коннозаводские конюхи (нередко это ремесло передавалось от отца к сыну).

¹ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 552 об, 567–568.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 199.

³ РГАДА. Ф. 402, оп. 1, д. 340, лл. 3 об, 4 об.

⁴ Зезюлинский Н.С. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 2. СПб.: Типо-лит. Месника и Римана, 1893. С. 4.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же. С. 11–12.

Десятинная пашня непрерывно расширялась, так как для конных заводов требовалось все больше овса. В 1741 г. коннозаводские крестьяне Скопинской волости засевали яровыми и озимыми 2138 десятин (более 2336 га) земли, причем измерялась она в т. н. «дворцовых десятинах» – «мерюю каждая длиною 80, поперег 40 сажень». Чиновники дворцовой Конюшенной канцелярии периодически контролировали состояние десятинной пашни, проверяли ее соответствие направлявшимся управляющим инструкциям «удобные семена приуготовить и притом иметь крепкое смотрение, чтоб прежде севу пахота баранована была начисто, а травного кореня нимало не оставалось...». В 1741 г. присланный из Санкт-Петербурга проверяющий ассесор Хитрово выявил, что «на десятинной пашне в селе Хворощавке полют яровые, и польщики ходят обутые...» В связи с этим «открытием» очередной указ Конюшенной канцелярии предписывал: «...Того ради определено, посеянные яровые хлеба приказать полоть босьми, и притом смотреть, чтоб пололи весьма бережно». На всех полях десятинной пашни при скопинских селах были установлены широкие межи, «а по мере явились оные межи из числа десятинной пашни запущены». «Того ради, – требовал указ, – оные межи уменьшить»¹. Скошенный хлеб складывали в овинах, молотили в гумнах и засыпали в житницы (зернохранилища). В 1758 г. на казенных гумнах Скопинской волости стояли 70 овинов и 126 житниц. В окрестностях села Ильинки было 6 житниц и 5 овинов, села Катина – 8 житниц и 3 овина, села Горлова – 6 житниц и 3 овина, села Хворощавки – также 6 житниц и 3 овина. В житницах зерно находилось под охраной доверенных лиц из местных же крестьян.

В ведомости 1758 г. о наличии в городе Скопине и селах его волости «молоченого и не молоченого десятинного хлеба и у кого под хранением» сообщалось: «Села Хворощавки у Осипа Крайных молочной ржи 27 четвертей 6,75 четверика, не молочной 257 копны, по опыту 198 четвертей 3,4 четверика («по опыту» означало количество зерна, полученного при опытном обмолоте снопов, взятых с данных полей. – *Примеч. авторов*). Овса молоченого 2 четверти 3,5 четверика, не молоченого 167 копен три кресца, по опыту 127 четвертей 6,25 четверика. Конопляного семени – 3 четверика». По книгам управителей в Скопине и волости велось количество «недомолотного, нежившегося и краденого из житниц на хлебоустроителях и крестьянах» казенного хлеба. По ведомостям управителей за 1741–1750 гг. в селе Хворощавке числилось ржи за Яковом Сапелкиным 233 четверти 4,25 четверика; за Фомой Сапелкиным – 46 четвертей 2,8 четверика; за Назаром Карповым – 38 четвертей; за Емельяном Полтуховым – 25 четвертей 6,25 четверика; за Александром Решетниковым – 4 четверти 2,5 четверика. На хлебоустроителе Тарасе Тоухове было записано 18 четвертей 6,15 четверика; на Федоре Жеребцове и Евтее Гулине – 27 четвертей 6,45 четверика².

«В 1734 г. в селе Хворощевке в причте показано 2 попа, дьячок и пономарь, пахотной земли 12 четвертей, а сена только на 30 копен и 83 приходских двора. Сто лет спустя после построения первой церкви, в 1763 г., поставлена была новая...»³ Помимо упоминавшихся выше, в XVIII в. в местном храме служили священники Иоанн Андроников (с 1743 г.), Григорий (упоминается в 1751 г.), Иаков Иосифов (ок. 1734–1756 гг.), Иоанн Максимов (с 1799 г.)⁴.

В 1778 г. Хворощевка (или, как чаще тогда произносили, Хворощавка) стала одним из селений Скопинского уезда, образованного в составе Рязанского наместничества в ходе административных реформ Екатерины II. В черновиках экономических примечаний к плану

¹ РГАДА. Ф.1239, оп. 47, д. 8, лл. 164 – 164 об.

² РГАДА. Ф. 1239, оп. 3, ч. 77, д. 34650, лл. 76, 83 об, 86 об, 91 об.

³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 199.

⁴ Там же.

Генерального межевания 1779 г. о селе сообщалось, что оно «лежит по обе стороны речки Хворощовки, верха Попова и трех безымянных отвершков. На одном пруд, рыба в речке плотва и гальцы. Церковь деревянная Дмитрия Солунского»¹. На карте (чертеже) Генерального межевания 1779 г. Хворощавка показана как село с довольно правильной планировкой улиц, протянувшихся по берегам р. Хворощавки. К ее руслу спускались крестьянские огороды. На правом берегу реки порядок изб располагался на расстоянии примерно 700 саженей (1491 м) от верха Попова до оврага Корякина. На ее левом берегу крестьянские жилища занимали пространство более 800 саженей (1705 м) от безымянного ручья до верха Мохового. Каждый из порядков имел противопожарные прожоги².

В соответствии с указом Правительствующего Сената от 7 (18) августа 1797 г. «О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего управления ими» скопинские владения дворцового коннозаводства образовали Коннозаводскую (Военно-коннозаводскую) волость.

С начала XIX в. в Скопинском уезде Рязанской губернии отмечалось значительное количество раскольников и сектантов. Местная секта духоборов, или духовных скопцов, сформировалась летом 1822 г., когда склонный к мистицизму рязанский помещик А.П. Дубовицкий начал самостоятельную миссионерскую деятельность в скопинских селах Липяги и Горлове. К увлеченным им в секту крестьянам примкнули также жители сел Рудинки, Затворного и деревни Дмитриево. Как это происходило, можно понять из беседы священника Скопинского собора с одним из сектантов-скопцов, на которую клирик сослался в своем выступлении на Скопинском миссионерском съезде 3 (16) декабря 1909 г. Скопец признавался: «Мы люди темные, необразованные, а христиане, хотели знать Христово учение евангельское; пастырь наш не учил нас, не наставлял. Мы слышали Евангелие изредка <...>, по праздникам <...> в церкви <...>, и то отрывками, и что слышали – плохо понимали. А вот пришел к нам добрый человек, сам по усердию стал нас учить, читал Евангелие и объяснял. Мы ему поверили и пошли за ним, потому что он позаботился о нашем спасении»³.

В 1846 г. старая Дмитриевская церковь в Хворощевке сгорела. В 1847 г. на ее месте была выстроена новая, также деревянная⁴, освящение которой состоялось уже в 1848 г. Однако официальное православие не удовлетворяло всех жителей села. В 1-й половине XIX в. в нем отмечается существование небольшой старообрядческой общины. В 1850 г. в Хворощевке было 23 человека раскольников, к 1860 г. их стало уже 30 – 17 мужчин и 13 женщин⁵. Кажется, к раскольникам в Хворощевке причисляли также последователей сект скопцов и хлыстов.

На карте А.И. Менде 1850 г. село Хворощевка (Хвощевка) со 130 дворами показано лежащим по обе стороны ручья Мохового – притоке р. Теменки. В селе процветал мукомольный промысел. На ручье работали две водяные мельницы. К северу от села на косогоре стояли еще 7 ветряных мельниц, а к югу от села, за Дмитриевской церковью и кладбищем – еще 4⁶. Между порядками Кубышкин и Фомин в центральной части села находился мост через р. Хворощевку, соединявший северную и южную его половины. Из мельниц, стоявших близ церкви, одна на-

¹ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, л. 15 об; д. 1241, л. 5 об.

² РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 1, В-32 кр.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 1 (1 января 1910). С. 29.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 199.

⁵ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорожье, 1998. С. 620.

⁶ Карта А.И. Менде 1850 года, 1 см – 420 м.

ходила на земле причта Дмитриевского храма. Ее делили между собой причт хворощавский и павелецкий, но в 1850 г. она уже значилась бездействующей «по ветхости».

По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в Хворощевке (Хвощевке) числилось 158 домохозяиств, в которых проживали государственные душевые крестьяне – 929 душ мужского пола и 938 женского¹. По сведениям 1859 г., в «Хворощевке, селе казенном при ручье», лежавшем в 25 верстах от уездного города, насчитывалось 173 двора и проживали 921 мужчина и 924 женщины. В селении располагались Дмитриевская церковь и «сельское правление»².

С отменой крепостного права в 1861 г. Хворощевка была приписана к Затворнинской волости. В том же году в селе появилось церковно-приходское училище, открытое местным дьяконом. В 1866 г. оно размещалось в собственном доме церковнослужителя, в нем обучались 70 мальчиков и 10 девочек. Необходимые средства на содержание училища предоставлялись Палатой государственных имуществ³.

Местные крестьяне жили преимущественно хлебной торговлей. Однако природные условия их деятельности не всегда благоприятствовали хорошему урожаю. Так, в 1864 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «Из Скопинского уезда – 19 мая в Скопинском уезде побито градом крестьянского озимого хлеба в дачах сел: Хворощевки до 175 дес. (191,2 га) и Вердера до 120 дес. (131,1 га)»⁴.

В 1868 г. в Хворощевке, «селе государственных крестьян при ручье», действовали деревянная православная церковь, училище, 5 ветряных мельниц, «из коих 2 по два постава и 3 об одном поставе и 2 крупорушки»⁵.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в селе Хворощевке Затворнинской волости Скопинского уезда было уже 300 дворов и 1289 жителей. Дмитриевская церковь по-прежнему оставалась средоточием духовной жизни большей части села⁶. Ряды местных раскольников и сектантов постепенно редели, иногда – не без помощи сельского духовенства. Так, например, в 1872 г. «Рязанские епархиальные ведомости» не без удовлетворения сообщали: «Присоединен к православию духовно-скопческой церкви села Хворощавки Скопинского уезда государственный крестьянин Иван Забазин священником села Горлово Иоанном Чтецовым»⁷.

В 1875 г. анонимный представитель Рязанского губернского земства, ревизовавший Павелецкую волость Скопинского уезда, в своем итоговом отчете сообщал о Хворощевке, что по данным метрических книг приходской церкви в селе в это время проживали 665 мужчин и 674 женщины. «В 1870 г. была холера: в с. Павельце умерло человек 30 и столько же умерло в селах Мшанке и Хворощевке; доктор в то время бывал часто в с. Павельце, а в Мшанку и Хворощевку не ездил»⁸. Рассказывая об образовательных учреждениях волости, рязанский земец отмечал: «В с. Хворощевке обучением крестьянских детей занимается заштатный дья-

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 74.

² Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 129.

³ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 236, 237.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 23 (6 июня 1864).

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 610–611.

⁶ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 329.

⁷ Рязанские епархиальные ведомости, № 11 (1 февраля 1872 г.). С. 224.

⁸ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. Москва, 1877. С. 436.

кон Добронравов и местный священник Чтецов; по сведениям управы, земство входит помощью в размере 125 руб., остальные средства дает само общество»¹.

По данным переписи населения 1882 г. в селе Хворощавке было 321 домохозяйство, в которых проживали 1215 мужчин и 1240 женщин. Грамотными среди них были 203 мужчины, 3 женщины и 31 учащийся мальчик. Земельный надел на ревизскую душу составлял 3,3 десятины (3,6 га), на работника – 5,3 десятины (5,8 га). Безземельным был всего 1 двор. Безлошадными числились 117 дворов, без коровы и лошади обходились жители 55 крестьянских хозяйств. Всего в селе было 15 каменных домов и 305 деревянных изб, при которых имелось 193 плетневых двора, 95 заборных и каменных, 56 горниц и клетей, 99 амбаров и сараев, 258 риг и овинов. В селе работали 3 мастеровых, действовали 8 промышленных заведений, 2 лавки и кабак. Из 58 семей, выселившихся до 1876 г., 11 «издавна живут в Скопине». В 1877–1882 г. из села выселились еще 18 семей².

Конфликты между жителями села нередко разрешались традиционным крестьянским способом – поджогом имущества. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: 1 июля <1883 г.> Скопинского уезда в селе Хворощевке сгорело от неизвестной причины 2 крестьянских дома с надворными строениями; убытка понесено на 470 руб.»³. «22 января <1885 г.> Скопинского уезда в селе Хворощавке сгорел от неизвестной причины крестьянский амбар; убытка понесено на 10 руб.»⁴.

С начала XIX в. в Дмитриевской церкви в Хворощевке служили священники Симеон Федоров, Матфей Тимофеев Соколов (с 1816 г.), Михаил Ефремов Назаретов (в 1845–1862 гг.) и Иван Петрович Чтецов (с 1862 г.)⁵. Известны имена некоторых церковных старост 2-й половины XIX в. В 1866–1875 гг. эти обязанности исполнял местный крестьянин Василий Панфилов Пирязев, в 1875–1879 гг. – его односельчанин Роман Архипов.

В 1875 г. в Хворощевском мужском сельском училище, действовавшем «от общества и частных лиц», обучались 70 крестьянских мальчиков. Законоучителем в нем с 1872 г. служил хворощевский священник И.П. Чтецов, прочие предметы преподавал заштатный дьякон Николай Михайлович Добронравов, который и содержал училище. От Хворощевского сельского общества на его нужды ежегодно выделялось 90 руб. Всего же в 1874 г. от Скопинского уездного земства на нужды училища было выделено 125 руб.⁶

В 1885/1886 учебном году в Хворощевском училище в младшей, средней и старшей группах обучались 108 мальчиков. Полный курс училища составлял 3 года. Учебное заведение располагалось в съемном помещении, кроме арендной платы крестьяне оплачивали и отопление, всего на сумму ок. 96 рублей. Учебники получались из епархиального совета. Крестьянские дети учились бесплатно, жалование учителям также предусмотрено не было. Не было у школы и своего попечителя. Законоучителем в училище по-прежнему служил И.П. Чтецов, учителем – Н.М. Добронравов⁷.

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. Москва, 1877. С. 435.

² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 74–79.

³ Рязанские губернские ведомости, № 68 (7 сентября 1883).

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 93 (6 декабря 1885).

⁵ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 200.

⁶ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. М., 1877. С. 430.

⁷ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. Москва: Ряз. губ. земство, 1889. С. 8–13, 24.

По описанию конца 1894 г., в хворощевской школе было «65 учеников, на 40 меньше чем в прошлом [году]». В ходе ревизии, проводившейся Скопинским уездным земством, было замечено, что «учитель Чтецов освобождает на всю первую неделю великого поста учеников своей школы от занятий» и что «поправка тетрадок с диктантом производится Чтецовым крайне небрежно». Однако при этом удовлетворительными были признаны «все три отделения по всем предметам. Общее развитие учеников, тем не менее является очень слабым. Из 10 в старшем отделении [к экзамену] представлено 7, выдержало 4»¹.

Уровень грамотности в селе был заметно выше, чем во многих соседних селениях Скопинского уезда. Крестьяне искренне стремились к образованию в рамках имевшихся у них возможностей. Однако бедность, нехватка рабочих рук в хозяйствах поселян и болезни не всегда позволяли местным детям получить полноценное школьное образование. В начале XX в. потребность во врачах в уезде была огромной, в основном – из-за почти непрерывной череды эпидемических заболеваний. Без прививок и лекарств коклюш оказывался смертельной болезнью. В Хворощевке в одном только 1904 г. им переболели 109 человек².

Хворощевский священник И.П. Чтецов был на хорошем счету у епархиального начальства. В 1891 г. он был благочинным 2-го округа Скопинского уезда. В 1894 г. при его непосредственном участии по типовому проекту в русско-византийском стиле было выстроено кирпичное здание Дмитриевской церкви, сохранившееся до наших дней, – крупный двухсветный четверик с двухпридельной трапезной и колокольной, завершавшейся каркасным шатром. В апреле 1897 г. причту и церковному старосте было разрешено старую деревянную церковь разобрать, а «материал употребить на обжижку кирпича»³. В 1897 г. священника наградили наперсным крестом от Св. Синода. За заслуги по епархиальному ведомству указом императора Николая II от 6 (19) мая 1906 г. И.П. Чтецов вместе с протоиереем скопинского Троицкого собора Стахией Полянским и священником «села Сергиевского, Ново-Никольского тож Скопинского уезда» Яковом Малининым был удостоен ордена Св. Анны 3-й степени⁴.

По данным «Рязанских епархиальных ведомостей», к 1891 г. в скопинских селах Хворощевке, Кремлеве и Вязовенке оставалось 22 сектанта и раскольника. В 1896 г. специальным изучением раскола и сектантства в губернии стало заниматься Братство Святого Василия; по его данным в Скопинском уезде всего насчитывалось 209 раскольников и сектантов, проживавших в 10 селениях. В начале XX в. их стало несколько больше: в 1903 г. в 29 селениях уезда жили 566 человек раскольников и сектантов, из них собственно раскольников (поповцев и беспоповцев) – 227 человек, сектантов тайных: скопцов – 229 человек, хлыстов – 106 человек. Хлысты жили в селах: Вязовенка – 12, Пупки – 18, Н. Келец – 1, Катино – 4, Гремячка – 4, Ильинка – 2, Березняги – 8, Лазинка – 5, Топилы – 2, Князево-Займище – 6, Жерновки – 2, Спасское – 1, Чернава – 11. В Хворощавке хлыстов было больше всего – 30 человек⁵. В последующие годы следы сектантов в Хворощавке теряются, т. к. различные источники смешивали и путали их с раскольниками. Скорее всего, их последние остатки были выкорчеваны уже в ходе антирелигиозных кампаний 1920–1930-х гг.

¹ Журналы Скопинского уездного собрания XXX очередного созыва 1894 г. Скопин, 1895. С. 89.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XL 1904 года созыва. Скопин, 1905. С. 61.

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 8 (15 апреля 1897 г.). С. 142.

⁴ Рязанские епархиальные ведомости, № 11 (1 июня 1906 г.). С. 192.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 5 (1 марта 1891 г.). С. 206; Календарь Рязанской губернии на 1905 год. Рязань, 1905. С. 389–390.

В 1905 г. в Хворощевке насчитывалось 410 дворов, в которых проживали 1559 мужчин и 1635 женщин. В 6 верстах от села находилась ближайшая к нему железнодорожная станция – Павелец. Волостное правление в селе Затворном находилось от Хворощевки также в 6 верстах, ближайший фельдшерский пункт в том же селе – в 7 верст. В селе были отмечены «церковь каменная, земская школа, 5 ветряных мельниц, 3 крупорушки и 2 толчеи»¹.

В первые десятилетия XX в. сельские нравы отличались патриархальной суровостью. Воровство в крестьянской среде считалось большим грехом, и для наказания пойманного с поличным преступника далеко не всегда обращались к органам правопорядка. В 1907 г. газета «Рязанский вестник» сообщала: «На днях в селе Хворощевке во дворе кр-на Ивкина задержан кр-н того села Андрей Петров Конкин, намеревавшийся совершить кражу. Собравшимся народом Конкину нанесены были настолько тяжелые побои, что он через час умер»².

К 1908 г. в сельской школе в Хворощевке обучались 170 детей. Занятия вели законоучитель – сельский священник и два учителя³. К этому времени местные крестьяне всерьез задумались о расширении школьного здания. Хворощевский сельский староста Филипп Третьохин сообщил Скопинскому уездному земству о том, что 14 (27) сентября 1908 г. им был созван сельский сход, в котором приняли участие 194 из 285 домохозяев села. Согласно сохранившейся копии приговора, собравшиеся крестьяне «имели суждение о том, что <...> школа в селе Хворощевке существует более 40 лет <...>, есть желание учить грамоте детей обоего пола, то есть мальчиков и девочек. В настоящее время у нас в селе при наборе детей для обучения грамоте в земскую школу учительницей Архангельской принято 210 человек и отказали 50 человекам». В связи с этим крестьяне ходатайствовали «о разбавке в селе школы, чтобы могло помещение в ней от трехсот и более учеников вмещать»⁴. В 1909 г. на новую школу была составлена смета, и в начале 1910-х гг. в Хворощевке появилось новое двухэтажное школьное здание.

Ок. 1910–1914 гг. настоятелем Дмитриевской церкви в Хворощевке был священник Иван Яковлевич Покрывалов. 12 (25) февраля 1910 г. он рапортовал преосвященному Димитрию, епископу Рязанскому и Зарайскому, о пожертвовании прихожанами его храма 1000 руб. на устройство в сельской церкви иконостаса в память 300-летнего юбилея царствовавшего дома Романовых. После жертвования дополнительных 1000 руб. 12 (25) февраля 1913 г. иконостас был установлен в церкви⁵.

В 1914 г. к Дмитриевской церкви в Хворощевке было приписано 3 десятины 1800 сажень (ок. 3,5 га) усадебной земли, 30 десятин (32, 8 га) пахотной и еще 3 десятины (3,3 га) сенокосной. В приходе действовала земская школа, которую посещали 300 мальчиков и девочек. В 1912 г. в качестве ее попечителя упоминается священник И.Я. Покрывалов⁶. В 1914 г. в приходе храма насчитывалось 397 дворов с населением в 1569 мужчин и 1639 женщин⁷.

¹ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. – Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 632–633.

² Рязанский вестник, № 257 (3 октября 1907).

³ Школьная сеть Скопинского уезда Рязанской губернии. Скопин: Тип. Е.В. Богданова, 1908. С. 8–9.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLIV созыва 1908 года созыва, Скопин, 1909. С. 89.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 6 (15 марта 1910 г.). С. 215.

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 274.

⁷ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 620.

По архивным фондам Скопинского уездного земства известны отрывочные сведения о хворощевских крестьянах, занимавшихся в начале XX в. мелким предпринимательством. Так, до 1912 г. местный крестьянин Абрам Шмелев имел в селе толчею. В связи с неуплатой им земских сборов в 1912 г. было проведено дознание, при котором «оказалось, что Шмелев, закрыв и уничтожив свою толчею, уехал на жительство в Сибирь». То же выяснилось и о сельском кузнеце Федоре Саблукове: «Уехал в Сибирь и где там живет – неизвестно»¹. Владелица торговой лавки в Хворощевке крестьянка Ольга Федоровна Краснова в 1912 г. сообщила Скопинскому уездному земству: «Из имеющегося у меня окладного листа от 1 марта 1912 г. <...> оценка моей торговой лавки, состоящей в селе Хворощевке, определена в размере 300 рублей. Такая оценка очень высока, так как лавка размером в длину 6 аршин, в ширину только 3 аршина. Кроме того, торговля моя очень незначительна, так что промысловый налог в сумме 7 руб. 85 коп., взимаемый с меня, очень для меня тяжел, тем более я уже 14 лет овдовела и воспитываю двух малолетних детей, а общий заработок очень скудный. Ввиду изложенного прошу <...> понизить оценку моей лавки до 50 рублей...» Земское собрание, однако, не вняло просьбам Красновой и ее ходатайство отклонило².

В 1913 г. в Хворощавке организовалось кредитное товарищество, куда вошли также крестьяне расположенного неподалеку села Делехова. На 1 (14) января 1914 г. в товариществе насчитывался 181 член, к этому времени полученные его членами ссуды превысили 6465 рублей³. Интересно отметить, что Хворощавское кредитное товарищество продолжало существовать и после революционных событий 1917 г. – есть сведения о том, что оно еще работало в 1919 г.⁴

В 1916 г. Хворощевская земская школа была четырехкомплектной. За год на ее отопление было израсходовано 2266 пудов (36,3 т) угля на сумму 643 рубля, на ремонт – 67 рублей, на инвентарь – 12 рублей, на содержание сторожей – 88 рублей, на освещение – 34 рубля, на страхование – 24 рубля⁵.

К первым десятилетиям XX в. окончательно оформилась внутренняя топонимика села. В Хворощевке известны порядки с названиями Крыжок, Кубышкин, Харин, Кристный, Жеребцов (в 1918 г. здесь жила крестьянская семья Жеребцовых), улица Фомина, Вылетовка.

В 1917 г. в селе Хворощавке Затворнинской волости Скопинского уезда Рязанской губернии было 447 дворов, в которых проживали 1870 мужчин и 1810 женщин⁶. Советская власть в селе, как и повсеместно в Скопинском уезде, была установлена в декабре 1917 г. В 1918 г. был образован Хворощавский сельсовет, в составе которого находилось одно село.

До образования колхозов сельсоветы занимались всеми вопросами жизнедеятельности селений. Квалифицированные управленцы в них попадали редко, поэтому уездным властям приходилось инструктировать органы советской власти «на местах» через скопинскую газету «Коллектив». В 1925 г. на ее страницах можно было прочитать такие директивы: «Председателю Хворощавского сельсовета Ларину – принять меры к устройству могильника и не врать в актах о падеже животных, указывая, что последние, будто бы, зарыты в могильнике – павшую скотину граждане сваливают где попало»⁷. Из этих сообщений известно, что ок. 1925 г. дореволюци-

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 398–399.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 247.

³ Справочник по Рязанской губернии. Вып.1. 1915. С. 58–59.

⁴ ГАРО. Ф. П-1436, оп. 1, д. 11, л. 21.

⁵ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 180.

⁶ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 142.

⁷ Коллектив, № 29 (12 марта 1925).

онное здание бывшей земской школы в селе пострадало от пожара. Хворощавскому сельсовету настоятельно рекомендовалось «школу погоревшую оборудовать, обочину мостов оборудовать и засыпать щебенкой, плотину привести в порядок и засыпать глиной, с нее падает скотина»¹.

В 1929 г., когда историческое административное деление на волости, уезды и губернии было отменено, Хворощавский сельсовет был включен в состав Горловского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В 1930 г. в Хворощевке появился первый колхоз. Его изначальное название неизвестно, но в 1937 г. он уже носил имя В.П. Чкалова. Коллективизация в Хворощевке проходила не без сопротивления зажиточной части ее населения. В середине 1930-х гг. были раскулачены и выслан из села местный крестьянин Михаил Иванович Забавин (1891–?) и члены его семьи. Еще один житель села попал под каток «большого террора». 13 октября 1937 г. на Бутовском полигоне в Подмосковье был расстрелян Федор Моисеевич Санаев (1878–1937). Предположительно он был осужден и казнен в соответствии с оперативным приказом народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г.

В 1937 г. Хворощевка (Хворощавка) в составе Горловского района стала одним из населенных пунктов новообразованной Рязанской области. Материалы Рязанской комплексной географической экспедиции МГЦУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., свидетельствуют о том, что в начале 1937 г. в хворощавском колхозе им. В.П. Чкалова состояло 349 дворов (т. е. село было коллективизировано на 97,5 %). Посевная площадь колхоза (включая усадьбы колхозников) составляла 2316,3 га, в том числе собственно колхоза – 2217,9 га, единоличников – 2,64 га. В колхозе держали 184 лошади, 31 голову крупного рогатого скота, 101 свиному, 188 овец. В хозяйствах жителей села насчитывалось 256 голов крупного рогатого скота, 137 свиней, 386 овец и 8 коз, в хозяйствах единоличников – 4 лошади, 12 голов крупного рогатого скота, 9 свиней, 12 овец. Площадь садов колхоза составляла 15,6 га, колхозников – 1,8 га, единоличников – 0,17 га². К 1 января 1939 г. в хворощавском колхозе насчитывалось 34 головы крупного рогатого скота (в том числе 10 коров), 23 свиномы (в том числе 4 свиноматки), 84 овцы и 94 лошади (из них 63 рабочие)³.

По данным на 1 января 1939 г. в селе Хворощавке Хворощавского сельсовета было 410 дворов. 368 дворов и их 1464 жителя входили в колхоз им. В.П. Чкалова. Крупный рогатый скот держали в 270 хозяйствах села. В трудоспособном возрасте (от 16 лет и старше) находились 760 колхозников. В течение 1938 г. в колхоз вступили 2 хозяйства, выбыли 8. Общая обрабатываемая площадь колхоза им. В.П. Чкалова в 1938 г. составляла 2095 га. Из них под зерновые было отведено 1617 га, под картофель – 140 га, под прочие овощи и бахчевые – 18 га. Урожайность зерновых с га составляла 6 ц, картофеля – 16 ц, других овощей и бахчевых – 14 ц. В 1938 г. в среднем каждый колхозник выработал 80 трудодней. После распределения 28 % денежных доходов колхоза на 1 трудодень работники колхоза получали 2,4 кг зерновых и 30 копеек деньгами. На административно-хозяйственные нужды было выделено 2,2 % денежных доходов⁴.

¹ Коллектив, № 77, 1925.

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели плана 1938 г. по сельсоветам Горловского района Рязанской области.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района. Наличие скота по колхозам каждого сельсовета на 1.01.1939 г.

⁴ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) подтверждают, что в это время в селе действовал сельсовет и насчитывалось 410 строений. Интересно отметить, что р. Хворощавка, отмеченная еще на плане Генерального межевания 1779 г. к этому времени утратила свое изначальное название и обозначена на карте как «ручей Родник». Любопытна также обозначенная на карте к северу от села группа озер с названиями Дворец, Провал и Ключевное. Название Дворец, видимо, связано с диалектным словом «дворец», употребляемым в значении «двор», «дворик». Не исключено, что наименование имеет метонимический характер и указывает на бывшее соседство озера с постоянным двором¹.

Летом 1941 г. начало Великой Отечественной войны прервало мирное развитие села. К концу года Хворощавка временно оказалась оккупированной нацистами. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава.

Вспоминая «по горячим следам» дни немецкой оккупации, горловская районная газета «Ленинская искра» описывала ее так: «Пришел немец в Хворощавку, забрал 32 рабочих лошади, выбрал 12 лучших, сильных парней – среди них Андрей Кубышкин, Александр Забавин, Иван Посашков, Николай Сорокин – и увел с собой. Узнав о тяжелой участи земляков и близких четыре брата Андрея Кубышкина, братья Николая Сорокина, отец Александра Забавина и остальные фронтовики жестоко мстили за них. За две с лишним недели оккупации района с 22 ноября по 10 декабря они сожгли 50 домов колхозников, много зданий районных учреждений, до 200 помещений, принадлежащих колхозам, хорошо оборудованные классы Горловской средней школы взлетели на воздух, в других селах школьное оборудование уничтожено. Почти нет ни одного дома, в котором бы фашистские бандиты не отбирали хлеб, скот, картошку, домашнюю утварь, одежду, обувь. Словом, грабили все, что попадалось под руку»².

За годы войны двое уроженцев Хворощевки стали Героями Советского Союза, один – полным кавалером ордена Славы. Первым из них стал гвардии старший сержант Иван Константинович Крючков (1912–1985), командир взвода 92-й гвардейской отдельной разведывательной роты 90-й стрелковой дивизии 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта. Он воевал с 1942 г., неоднократно участвовал в операциях по захвату вражеских «языков», уничтожению ключевых огневых точек противника, в 1943 г. получил свою первую боевую награду – орден Красной Звезды.

И.К. Крючков особо отличился в боях в ходе Городокской наступательной операции, при освобождении Витебской области Белорусской ССР. В боях 13–17 декабря во главе своего взвода он одним из первых ворвался на железнодорожную станцию Бычиха (Городокский район Витебской области) и за два дня отбил 11 контратак противника. В конце второго дня, когда кончились патроны, взвод И.К. Крюčkова начал вступать в рукопашные схватки с врагами, выбивая их из каждого дома. В одном из домов бесстрашному советскому разведчику пришлось в одиночку противостоять 30 гитлеровцам, из которых 24 он уничтожил автоматом и гранатами, 1 зарезал отнятой у немцев финкой, 6 взял в плен. Указом Президи-

¹ *Никольский А.А., Хрусталеv И.Н.* Дворец // Топонимический словарь Рязанской области. 2-е изд., перераб. и доп. Рязань, 2004. Бытует поверье, что на месте озера Провал когда-то стояла церковь, которая неожиданно ушла под землю. Провал и Дворец были связаны подземной рекой, которая после проведения мелиоративных работ под Горлово и Ново-Александрово, похоже, изменила свое русло.

² Ленинская искра, № 76 (10 декабря 1942).

ума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 г. гвардии старший сержант И.К. Крючков был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После тяжелого ранения на фронте герой до конца войны обучал солдат и сержантов тонкостям боевой разведки в составе запасного полка. В октябре 1945 г. гвардии младший лейтенант Крючков демобилизовывался. С 1963 г. и до конца своих дней он проживал в подмосковном поселке Зеленый (ныне в составе городского поселения Старая Купавна Ногинского района Московской области).

Старший лейтенант Василий Иванович Самоваров (1922–1974), командир роты 3-й Чаплинской Краснознаменной танковой бригады 23-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта также родился в Хворощевке. Он служил в РККА с 1940 г., в 1941 г. окончил Ульяновское танковое училище. С августа 1942 г. он находился в рядах действующей армии, воевал на Сталинградском, Юго-Западном и 2-м Украинском фронтах. В 1943 г. освобождал Донбасс, города Каменск-Шахтинский, Краснодар, Чаплино, Днепропетровск и Кировоград, в 1944–1945 гг. участвовал в Яско-Кишиневской наступательной операции, в боях на территории Румынии и Венгрии.

21 августа 1944 г. командир роты 3-й танковой бригады старший лейтенант Самоваров провел разведку боем в районе города Тыргу-Фрумос (Румыния). Его рота проникла в город, уничтожая огневые средства противника. Преследуя отступавшего врага, рота Самоварова 23 августа 1944 г. форсировала реку Сирет и в числе первых ворвалась в город Роман.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм старшему лейтенанту В.И. Самоварову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В 1949 г. В.И. Самоваров окончил Военную академию бронетанковых и механизированных войск, в 1966 г. – Военную академию Генштаба. Полковник В.И. Самоваров жил в Москве, до конца своей жизни работал старшим преподавателем в Военной академии бронетанковых войск.

Еще один уроженец Хворощевки, Петр Николаевич Жеребцов (1922–2002), с 1943 г. служил в разведке 696-го стрелкового полка 383-й стрелковой дивизии, отличился в боях за освобождение Крыма. 10 апреля 1944 г. в бою под Керчью красноармеец П.Н. Жеребцов проник в тыл врага, пленил двух немецких солдат, доставил ценные сведения о противнике. Кроме того, в ходе одного из боев при изгнании нацистов с Керченского полуострова П.Н. Жеребцов первым ворвался в траншею противника, гранатами уничтожил пулемет и двух гитлеровцев, обеспечив успешный исход боя. В 1944 г. он последовательно был награжден орденами Славы 3-й и 2-й степени.

После освобождения Крыма 383-я стрелковая дивизия была переведена на 2-й Белорусский фронт. В ее составе П.Н. Жеребцов участвовал в боях за освобождение Польши. 14 января 1945 г. в районе польского города Зволен красноармеец из Хворощевки в составе группы разведал систему обороны противника и доставил ценные данные. В боях при преследовании врага от р. Вислы до р. Одера П.Н. Жеребцов вел активную разведку, истребил до 20 гитлеровцев, 5 февраля 1945 г. вместе с разведчиками одним из первых форсировал р. Одер. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 г. за исключительное мужество, отвагу и бесстрашие, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками красноармеец П.Н. Жеребцов был награжден орденом Славы 1-й степени, став его полным кавалером.

В 1946 г. старшина П.Н. Жеребцов демобилизовался, жил и работал в Ступинском районе Московской области. В конце XX в. был избран почетным гражданином города Ступина.

В 1942 г. колхоз им. В.П. Чкалова Хворощавского сельсовета был разделен на четыре хозяйства – колхозы «Знамя Ильича», им. 1 Мая, им. В.П. Чкалова, им. Дмитрия Донского. В том же году вместе с Горловским районом Хворощевка перешла в административное подчинение Московской области, в котором оставалась до 1946 г.

Хворощавские колхозы оказывали посильную помощь семьям погибших на фронте воинов. Газета «Ленинская искра» в 1948 г. сообщала: «21 центнер соломы для крыши выдан А.М. Гончаровой, 3 ц М.И. Забавиной, 12 ц получили Н.И. Забавина и П.И. Гончарова»¹. В условиях военного и послевоенного времени в Хворощавском сельсовете большое внимание уделялось воспитанию подрастающего поколения. Немало потрудился на этом поприще Николай Александрович Быков, директор Хворощавской семилетней школы в 1947 г.

Лишь в 1948 г. в Хворощевке удалось восстановить пострадавшее в 1941 г. здание правления колхоза – кабинеты председателя, счетовода и помещение для проведения общих собраний. Их передали колхозу «Знамя Ильича»².

Хозяйства Хворощавского сельсовета с трудом оправлялись от удара, нанесенного им войной. Ситуация в них мало чем отличалась от положения в других колхозах Горловского района. Колхозники жили в основном за счет приусадебных хозяйств. Возможность переехать из села на постоянное жительство в город была не у всех, т. к. паспорта выдавались сельсоветом крайне скупо. Постоянной зарплаты тоже не было. Колхозы сдавали государству сельхозпродукцию по ценам, приближенным к их себестоимости.

На страницах послевоенной «Ленинской искры» нередко можно встретить критику в адрес колхозов Хворощавского сельсовета. «Конец сентября, – писала газета в 1948 г., – а в колхозе им. 1 Мая на полях часть овса не скошена, из 16 га картофеля убрано на одном. Боясь районное начальство больше, чем своих колхозников, председатель Гольшев для косьбы овса направляет в поле ежедневно, для отвода глаз, колхозника Н.Ф. Немова, выйдя с крюком на поле, отдохнет как следует, взмахнет раз-другой, снова отдохнет и идет домой. При наличии двух жаток овес осыпался. Колхозники управлялись на своих участках»³.

Колхоз им. В.П. Чкалова постепенно поднимался. В 1949 г. ему удалось расширить посе-вы на 180 га по сравнению с 1947 г., увеличить поголовье рабочих лошадей, крупного рогатого скота (на 20 голов), овец (в 5 раз), птицы (в 2 раза), завести свиноводство⁴.

При всех недостатках колхозного строя такая жизнь вполне устраивала тех, кто еще помнил дореволюционную нищету. Особенно ценным в их глазах был открытый для детей колхозников широкий доступ к качественному и бесплатному образованию – среднему профессиональному и высшему. В 1950 г. горловская районная газета писала: «Если бы до революции кому-нибудь из жителей Хворощавки сказали, что его сын или дочь может быть инженером или учителем, никто бы не поверил. Перемены на селе были разительные. До революции была начальная школа, грамотных можно было пересчитать по пальцам: штат местной церкви, кулаки во главе с торговцем Калининым и старостой села. Калинин имел трактир, куда мужики ходили залить свою горемычную жизнь. В крестьянских хозяйствах были одни сохи и бороны да цепи для обмолота урожая. К 1950 г. в центре села двухэтажное здание шко-

¹ Ленинская искра, № 27 (27 марта 1948).

² Ленинская искра, № 125 (16 ноября 1949).

³ Ленинская искра, № 104 (25 сентября 1948).

⁴ Ленинская искра, № 126 (18 ноября 1948).

лы-семилетки, изба-читальня, библиотека, медпункт, почтовое отделение, магазин, четыре колхоза. Бывший пастух Крючков Иван Константинович – Герой Советского Союза. Ларин Тимофей Филатович¹ работал председателем сельсовета, а стал Героем Социалистического Труда, начальником комбината «Тулауголь». Воспитанник комсомольской организации Иван Тимофеевич Гришин² – первый секретарь Сталинградского обкома ВКП (б). Получили образование и работали на ответственных постах Иван Алексеевич Пономарев – начальник отдела кадров Метростроя, Трофим Петрович Шмелев – начальник треста столовых Тульской области, бывший бедняк Павел Андреевич Третьюхин – конструктор завода ЦАГИ. Василий Федорович Анистратов – инженер шахты, Иван Федорович Анистратов – в Министерстве резервов СССР, Николай Трофимович Анистратов – начальник ленинградского торфотреста. Многие стали офицерами: Григорий Тимофеевич Казначеев – полковник, майор Николай Дмитриевич Забавин – слушатель академии Военно-Морского Флота... Вышло 11 инженеров, три врача, 12 техников и 6 учителей, трое бригадирами в колхозе»³.

В начале 1950-х гг. четыре колхоза Хворощавского сельсовета были вновь объединены в один – колхоз им. В.П. Чкалова. В 1954–1957 гг. Хворощавский сельсовет не существовал, а село относилось к Затворнинскому сельсовету⁴. Однако уже в 1957 г. Хворощавский сельсовет был восстановлен. После реорганизации в него вошли села Хворощевка, Делехово и поселок Южный. После упразднения Горловского района в 1959 г. сельсовет был передан Скопинскому району Рязанской области.

В 1959 г. к хворощевскому колхозу им. В.П. Чкалова был присоединен делеховский колхоз «Путь к коммунизму». В 1964 г. площадь обрабатывавшейся им земли составляла 5617 га. В 1965 г. в Хворощевке действовали восьмилетняя школа, клуб, медпункт и магазин⁵.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Хворощевка была включена в Павелецкое городское поселение. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в селе постоянно проживали 20 человек – 9 мужчин и 11 женщин. В 2014–2015 гг. началось восстановление закрытой и давно заброшенной Дмитриевской церкви в Хворощевке. Примечательно в архитектурном отношении и двухэтажное здание дореволюционной земской школы, от которого в наши дни сохранился лишь кирпичный остов.

---

¹ Ларин Тимофей Филатович (1901–1974) – крупный организатор советской угольной промышленности, начальник комбината «Тулауголь» в 1946–1954 гг., Герой Социалистического труда (1948).

² Гришин Иван Тимофеевич (1911–1985) – советский партийный и государственный деятель, дипломат (посол СССР в Чехословакии в 1955–1960 гг.), заместитель Министра внешней торговли СССР в 1959–1985 гг., кавалер трех орденов Ленина, ордена Октябрьской Революции, пяти орденов Трудового Красного Знамени.

³ Ленинская искра, №23 (23 февраля 1950).

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 413, л. 1.

⁵ Архив Скопинского района. Ф.413, л. 1.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОВХОЗА «ЖЕЛТУХИНСКИЙ» поселок (сельское поселение Шелемишевское)

Поселок вырос из центральной усадьбы совхоза им. В.И. Чапаева, образованного в 1931 г. и входившего в систему «Свиноводтреста» г. Рязани. Он находился на территории, с 1929 г. входившей в состав Рязского района Московской области. Тогда Желтухино и близлежащие селения относились к Рязскому району. По свидетельству рязской районной газеты «Колхозник», центральная усадьба совхоза начала отстраиваться в 1932 г. Первоначально в желтухинском совхозе «Свиновод» было 250 свиней¹. Директором (заведующим) совхоза им. В.И. Чапаева в 1933 г. был Т.И. Сизов (1896–?), член ВКП (б) с 1930 г.²

С образованием в 1935 г. Желтухинского района Московской области центральная усадьба совхоза им. В.И. Чапаева стала одним из его населенных пунктов. В 1937 г. вместе с Желтухинским районом она вошла в состав новообразованной Рязанской области.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что к совхозу им. В.И. Чапаева в это время относились все угодья в радиусе 5 км от его центральной усадьбы, которая находилась в 1,5 км западнее деревни Кузьминка-2 и обозначалась как зерновое хозяйство. У совхоза был 1061 га земли, в т. ч. 806 га пашни, 40 га под усадьбой, 20 га – под свинарниками, 16 га – под садами, остальное – овраги, дороги и прочее. Свиноводческий комплекс находился в 3,5 км от железнодорожной станции Желтухино в сторону Рязска, у пересечения железной дороги с высоковольтной ЛЭП, где до настоящего времени сохранились два пруда. Скотные дворы отстояли от центральной усадьбы на 200–500 м. Для водопоя крупного рогатого скота имелся пруд, свиней поили водой из колодца. Дороги были хорошие, лугов не было, а сено косили на болотах – около 7 га.

Согласно материалам Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., в совхозе им. В.И. Чапаева (директор Белов) откармливались 1850 свиней (среди них – 16 хряков и 154 свиноматки) пород английская белая и украинская. В хозяйстве также был коровник на 64 коровы, в котором содержались скот симментальской породы и метисы, и холодная конюшня на 68 лошадей. Все строения нуждались в ремонте. Пастбищ для большого количества скота было недостаточно. В полеводческой части совхоза посевные площади разделялись следующим образом: ок. 217 га было отведено под овес, 182 га – под клевер, 106 га – под картофель, 76 га – под пшеницу, 75 га – под рожь, 48 га – под ячмень, 28 га – под свеклу. В хозяйстве также культивировали турнепс, люцерну, горох и вику. На силос шел подсолнух, который высаживали на площади до 35 га. Рожь сдавалась государству. Ржаная солома употреблялась на подстилку для скота. В 1938 г. из-за засухи погибло 75 га посевов пшеницы. В садах совхоза 4,5 га занимали посадки яблонь (всего 416 деревьев, но плодоносили из них ок.

¹ Колхозник, № 69 (31 августа 1932).

² ГАРО. Ф. П-44, оп. 1, д. 1, л. 64.

25 %). Также имелись посадки вишни и крыжовника. В селах Желтухине и Городецком работали молокозаводы, получавшие молоко из совхоза. В совхозе им. В.И. Чапаева работали 98 человек из Городецкого, Кузьминки-2, Дегтярки и других близлежащих селений. В уборочную страду хозяйство привлекало до 250 колхозников и единоличников из окрестных населенных пунктов¹.

В 1956 г. Желтухинский район был упразднен, а его населенные пункты разделены между Скопинским и Рязским районами. Центральная усадьба совхоза им. В.И. Чапаева стала одним из населенных пунктов Скопинского района Рязанской области.

На рубеже 1950–1960-х гг. проявились волонтеристские усилия руководства Рязанской области по резкому увеличению отдачи от мясо-молочного животноводства, впоследствии получившие известность под названием «рязанского чуда». В апреле 1960 г. к совхозу им. В.И. Чапаева были присоединены окрестные колхозы «Россия», «Красное знамя», «Авангард», им. Ф.Э. Дзержинского и им. М. Горького. Общая площадь земельных угодий колхоза возросла до 24 273 га². «Но уже первые месяцы работы такого совхоза показали всю несостоятельность и непродуманность предпринятого шага. Огромное многоотраслевое производство оказалось практически неуправляемым в условиях больших расстояний и бездорожья»³. Вскоре после катастрофы 1960 г., вскрывшей масштабы удара, нанесенного непродуманной политикой по животноводческому сектору области, укрупненный совхоз им. В.И. Чапаева был расформирован, а на основе его хозяйства 1 сентября 1961 г. был создан совхоз «Желтухинский», состоявший из трех отделений: Желтухинского, Гореловского и Чапаевского. При этой реорганизации в новый совхоз также влились небольшие колхозы из близлежащих сел и деревень: «Новый путь», «Советская волна», им. М.М. Литвинова, «13 лет Октября», «Дружба», «Сознание», «Красные всходы», «Красный богатырь», им. В. Володарского, «Красное знамя» и «15 лет РККА».

Планируя в 1963 г. сдать государству 3600 ц мяса, «в два раза больше прошлогоднего», руководство совхоза намеревалось также повысить урожайность полей, за счет чего снизить затраты на единицу продукции и «получать среднесуточный привес на откорме крупного рогатого скота – 750 граммов, а за год 2 тысячи центнеров, свиней – 450 граммов, за год 3 тысячи центнеров». При этом, однако, даже задекларированные показатели урожайности с гектара были не очень высокими: кукурузы на силос – 250 ц, картофеля – 100 ц, сахарной свеклы – 170 ц, зерновых – 12 ц. Привесы крупного рогатого скота в летнее время зависели от состояния лугов – основной упор делался на пастбищное содержание. Но, как признавали местные пастухи, без дождей на небольших пастбищах совхоза не хватало травы.

Несмотря на проблемы хозяйства, в его населенных пунктах развивалась социальная инфраструктура, а быт работников совхоза постоянно улучшался. В 1963 г. планировали построить 2 восьмиквартирных жилых дома, административное здание совхоза, мастерскую для ремонта сельхозтехники. Также была проведена электрификация деревень Ивановка, Ленинки и Козловки⁴.

Желтухинское отделение совхоза «Желтухинский» объединило селения Желтухино, Ленинку, Петровку, Козловку, Кондауровку, Малую и Большую Косаревку, Ивановку, посе-

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 64. Тетрадь № 3, лл. 28–33.

² Архив Скопинского района. Ф. 462, лл. 1–2.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 229.

⁴ Ленинское знамя, № 14 (26 января 1963); № 86 (6 июля 1963).

лок им. В.И. Чапаева, Кузьминку, Дегтярку, станцию Желтухино, Гореловку, Рановку, Ключеревку, Говорово, станцию Говорово, Дубровщину¹. В справке, выданной откормсовхозом «Желтухинский» 20 июня 1965 г., сообщается: «В совхоз «Желтухинский», организованный 1 сентября 1961 г. на базе совхоза им. В.И. Чапаева, в состав Желтухинского отделения вошли колхозы: «Красный богатырь» (Гушиловка), «Красные всходы» (Иваньково), «Сознание» (Малая Косыревка), «Дружба» (Большая Косыревка), им.М.М. Литвинова (Желтухино), им. Ф.Э. Дзержинского (Козловка), «13 лет Октября» (Петровские хутора), «Советская волна» (Ленинский поселок), «Новый путь» (Кондауровка)². Первым директором нового хозяйства назначили В.В. Ашуркина³.

Чапаевское отделение вскоре преобразовали в новый совхоз им. В.И. Чапаева. Он был создан в Шелемишеве на базе колхозов «Россия» с населенными пунктами Шелемишево, Уланово, Наумово, Боровое; «Красное знамя» – в селе Городецкое; «Авангард» – с населенными пунктами Новобараково, Костемерово, Московка; им. М. Горького – с населенными пунктами Гореловка, Говорово, Дубровщина, Ключеревка и Рановка. Директор совхоза им. В.И. Чапаева в 1963 г. был П.Н. Рагулин⁴.

В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов сообщают о совхозе «Желтухинский» следующее: «В середине 1960-х гг. <его> руководство неоднократно менялось. <...> В 1967 г. директором стал умелый организатор Ю.М. Демидов. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. совхоз «Желтухинский» становится одним из ведущих скопинских хозяйств в производстве как зерна, так и мяса. В то же время активно стали решаться социально-бытовые вопросы. На центральной усадьбе интенсивно строится жилье, в центре ее был заложен парк. Однако к середине 1970-х гг. со сменой руководства совхоз «Желтухинский» постепенно сдает позиции. А к началу 1980-х гг. становится одним из самых слабых в Скопинском районе. Урожайность зерновых по сравнению с серединой 1960-х гг. упала в два раза, значительно снизились и привесы скота. В 1980-х гг. несколько раз проводились эксперименты с целью перепрофилирования хозяйства и вывода его из экономического кризиса. В частности, с 1983 г. было решено выращивать в «Желтухинском» вместо сахарной свеклы картофель. Пересматривали принципы откорма крупного рогатого скота. Однако эти нововведения не дали ожидаемых результатов. С переходом на рыночную экономику совхоз «Желтухинский» вновь оказался в числе аутсайдеров агропромышленного комплекса. В 1993 г. хозяйство было преобразовано в акционерное общество»⁵.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» поселок Центрального отделения совхоза «Желтухинский» был включен в сельское поселение Шелемишевское. Постановлением Рязанской областной думы от 8 декабря 2009 г. № 588-IV РОД в соответствии с Федеральным законом «О наименованиях географических объектов» и по предложению губернатора Рязанской области О.И. Ковалева поселок центрального отделения совхоза «Желтухинский» был переименован в поселок Желтухинский.

¹ Архив Скопинского района. Ф. 445, лл. 1–2.

² Архив Скопинского района. Ф. 445, лл. 1–2.

³ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 229.

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 462, лл. 1–2.

⁵ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 229–230.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в поселке в это время проживали 1331 человек – 633 мужчины и 698 женщин. До 2013 г. в Желтухинском действовала средняя школа с интернатом для детей из отдаленных населенных пунктов. В 2015 г. в поселке работали администрация поселения, медпункт, детский сад, дом культуры, библиотека¹.

В 1986 г. окрестности поселка подверглись наиболее сильному в Скопинском районе радиоактивному загрязнению, ставшему следствием аварии на Чернобыльской АЭС. До сих пор Желтухинский входит в зону проживания с льготным социально-экономическим статусом.

---

¹ Материалы Скопинской районной библиотеки.

ЦЭС-1 И ЦЭС-2 жилые застройки (Город Скопин)

Рабочий поселок Центральной электростанции г. Скопина стал детищем Государственного плана электрификации РСФСР – ГОЭЛРО, разработанного в 1920 г. по прямому указанию основателя Советского государства В.И. Ленина. Масштабная программа опережающего развития отечественной энергетики и создания в стране единой энергетической сети была одобрена VIII Всероссийским съездом Советов, проходившим в Москве 22–29 декабря 1920 г. Центральная электростанция рязанского уездного г. Скопина, которая должна была работать на буром угле Побединских шахт Московского угольного бассейна, стала одним из первых предприятий, созданных в соответствии с этим планом.

Весной 1921 г. начался подвоз стройматериалов к месту возведения будущей электростанции – близ деревень Свинушки, Козловка, Дмитриево и Ермолово. 1 мая небольшая группа рабочих под руководством инженера Романова заложила ее фундамент. В 1922 г. строительство было закончено. Пуск Скопинской ЦЭС был приурочен к 5-й годовщине Октябрьской революции 1917 г. 7 ноября 1922 г. московский поезд привез на торжественную церемонию до 1000 человек представителей различных организаций. Два генератора мощностью 1500 и 750 киловатт, убранные зеленью и лентами, дали первый ток¹.

Окрыленные первым успехом, власти Скопинского уезда, на территории которого действовали уже две электростанции, задумывались о более масштабной электрификации его территории. Ежемесячный журнал Рязанского губисполкома «Наше хозяйство» в 1923 г. сообщал: «Скопинский отдел местного хозяйства предполагает в 1923–1924 гг. осуществить электрификацию части Скопинского уезда и снабжение электроэнергией г. Скопина с Победенской электростанции. В 10 км от Скопина имеется электрическая станция на реке Верде близ д. Чулковские выселки мощностью 2250 киловатт, работающая двумя турбинами и предназначенная для обслуживания Победенского каменноугольного рудника. В настоящее время эта станция расходует энергии не более 300–350 киловатт и, таким образом, имеется свободной энергии до 1900 киловатт. Скопин имеет собственную электростанцию, обслуживаемую тремя двигателями внутреннего сгорания – 100 сил дизель, 35 и 16 сил. Машина мощностью в 150 киловатт, что пока для города вполне достаточно. Двигатели 35 и 16 сил требуют среднего ремонта. Для проведения тока с Победенской станции требуется построить линию длиной в 10 км с установкой в городе трансформатора, на что потребуется до 30 000 рублей золотом <...>. Отдел местного хозяйства предполагает к 1-му кварталу 1924 г. электрифицировать не менее 6 сел в уезде и иметь к тому же времени свет с Победенской станции»².

В 1929 г., после отмены дореволюционного административного деления на волости, уезды и губернии, выросший при ЦЭС рабочий поселок стал одним из населенных пунктов Скопинского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

¹ Наше хозяйство, № 16. 1923. С. 61.

² Там же. С. 61–62.

Оборудование Скопинской ЦЭС, собранное в годы Гражданской войны из целого ряда старых машин и механизмов, быстро устаревало. В 1931 г. на электростанции был введен в строй генератор на 1000 киловатт¹, но уже к середине десятилетия большинство оборудования ЦЭС нуждалось в замене. Недоставало целого ряда приборов. Ситуация на ЦЭС привела к аресту инженера Чубарова, возглавлявшего ее в 1922–1934 гг., по подозрению во вредительстве².

В 1937 г. Скопинский район был передан из подчинения Московской области в новообразованную Рязанскую. В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., осталось следующее описание электростанции: «ЦЭС состоит из механического и электрического цехов и имеет 3 турбогенератора общей мощностью в 3250 кВт. Для связи с городом имелось 3 автомашины и для внутренних перевозок 10 лошадей. В 1938 г. потребила 57 147 тонн угля. Среднегодовое число обслуживающего персонала 177 человек, в том числе 137 рабочих. Для производственных целей использовалась вода реки Верды – 300 куб. метров воды в час. Электростанция снабжает электроэнергией город Скопин, шахты, завод шахтного оборудования и колхозы, расположенные в районе шахт. Рабочие кадры комплектуются, главным образом, в ближайших селениях (села Свиноушки, Чулково, Дмитриево), расположенных в 2–3 км от станции. Имеется 4 жилых дома для рабочих и обслуживающего персонала – на 27 семей. С апреля <1939 г.> ведутся работы по расширению ЦЭС. Предполагается установить 2 паровых котла системы Шухова–Берлина, один турбогенератор в 2000 кВт, 3 трансформатора по 750 кВт каждый и новое распределительное устройство для управления станцией. После окончания работ ее мощность возрастет с 2500 кВт до 5250 кВт. Директором в 1939 г. был Антонов Л.В., главный инженер Стояновский В.Е.»³.

В 1940 г. среди рабочих ЦЭС 75–80 % составляли колхозники из близлежащих селений. 30 человек были участниками стахановского движения. Среди персонала станции было 4 инженера и 1 техник. При станции действовали красный уголок, библиотека на 600 книг, в стадии организации находилась техническая библиотека на 300 книг.

Поздней осенью 1941 г. в связи с приближением к Скопину линии фронта и угрозой вступления в Скопинский район немецко-фашистских оккупантов, часть оборудования ЦЭС была демонтирована, часть взорвана, значительная часть технической документации уничтожена. По счастью, пребывание гитлеровцев в Скопинском районе оказалось непродолжительным. Восстановление ЦЭС началось несколько дней спустя после освобождения всего Скопинского района – 10 декабря 1941 г. Уже 15 января 1942 г. наиболее важные промышленные потребители получили электроэнергию от первого пущенного генератора. Довольно мощную станцию удалось восстановить лишь в феврале 1943 г.

В 1946–1947 гг. на Скопинской ЦЭС была проведена капитальная реконструкция. В ней принимал участие арматуробетонщик Скопинского строительного управления треста «Октябрьшахтстрой» И.А. Семин, впоследствии – Герой Социалистического Труда (1957). Об этом времени он позднее вспоминал: «После Постановления Совета Министров СССР о развитии угольной промышленности в Рязанской области предстояло срочно реконструировать Скопинскую ЦЭС. На работы по ее реконструкции перевели нашу бригаду. Надо было бетонировать фундаменты, изготовить и смонтировать десятки тонн металлических конструкций.

¹ Побединский ударник, № 242 (4 декабря 1932); № 235 (26 ноября 1932); № 225 (14 ноября 1932).

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 92. Тетрадь пос. Октябрьское поле, с. Вердерево, ЦЭС.

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 92. Отдельные листы.

Работы проводились в очень сложных условиях. Помню, когда летом ставили фермы над котлами, температура была очень высокой. Работали в валенках, чтобы не жгло ноги, но с заданием справились успешно. Или другой пример. При строительстве подводящего канала от реки к турбинному цеху электростанции необходимо было пройти приемный колодец. Здесь в течение двух зим работало несколько проходческих бригад, но безуспешно: мешал мощный пльвун. По моему предложению решили пройти колодец с помощью опускного железобетонного кольца высотой в 6,5 метра. Эту ответственную работу выполнили в 6 суток. Правда, всем нам пришлось крепко поломать головы над преодолением встретившихся неожиданностей. Помогла смекалка и выдумка. Для естественного замораживания пльвунов мы использовали декабрьские морозы.

Особенно трудно пришлось строить железобетонные бункера под уголь емкостью 100 тонн. Работали на высоте 20–23 метра, дым от котлов сильно мешал нам. Но мы знали, что без электроэнергии не добудешь так нужный стране уголь, и трудились с огоньком, дружно. Все работы выполнили без остановки электростанции на время переоборудования бункерной галереи»¹.

Рабочий поселок при Скопинской ЦЭС постепенно рос. Районная газета «Сталинец» писала об имевшихся в нем жилых зданиях: «К 1950 г. поселок ЦЭС: 4 дома, 12-квартирный дом, индивидуальные дома, поселок шлакоблокового завода – дома 1–3, индивидуальные дома»².

Вплоть до осени 1955 г. ЦЭС являлась единственным предприятием, вырабатывавшим электроэнергию для Скопинского и Милославского районов Рязанской области. В 1948–1954 гг. было проведено расширение электростанции, мощность которой возросла до 10 500 кВт. На станции к тому времени работали около 500 человек, а суточное потребление угля достигало 180 тонн.

В начале 1960-х гг. на ЦЭС была смонтирована бойлерная. С октября 1964 г. станция начала отпуск тепла Скопинскому машиностроительному заводу, а осенью 1966 г. – автоагрегатному заводу.

1 января 1969 г. Скопинская ЦЭС была присоединена к вновь организованным Скопинским электрическим сетям «Мосэнерго», утратив свое самостоятельное значение. С этого момента на ее базе начали функционировать Скопинский РРЭС и паросиловое хозяйство на правах структурных подразделений Скопинских электрических сетей.

К 1980-м гг. ЦЭС превратилась в обычную котельную, которая до конца десятилетия устарела и была закрыта, а ее оборудование – демонтировано и вывезено. В настоящее время от станции остается лишь остов ее основного здания – памятник функциональной промышленной архитектуры 1920-х гг. Задающие ритм его фасада широкие вертикальные оконные проемы, выступающие из зарослей зелени, придают развалинам здания ощущение внутренней силы, вызывающее в памяти монументальные руины казарм преторианской гвардии на вилле римского императора Адриана в итальянском Тиволи.

В конце XX в. поселки ЦЭС-1 и ЦЭС-2 тяготели к поселку городского типа Заречный. Решением Скопинского городского Совета депутатов от 9 декабря 2004 г. № 94/16 «О наименовании жилых районов Октябрьский и Заречный, территорий бывших поселков Коготково, Комсомольский города Скопина Рязанской области» территории жилых застроек ЦЭС-1 и ЦЭС-2 стали частью микрорайона Заречный города Скопина.

¹ Семин И.А. Труд принес мне счастье / О прошлом и настоящем скопинских шахтеров. Скопин: «Скопинский шахтер», 1957. С. 55.

² Сталинец, № 122 (22 октября 1950).

ЧУЛКОВО

село

(городское поселение Побединское)

Одно из скопинских преданий, связанных с тематикой Куликовской битвы 1380 г., предлагает фантастическую историю происхождения названия села Чулково. В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.И. Крылов излагают ее следующим образом: «Говорят, что в труднейшие для Руси времена 300-летнего татарского ига в этих местах нередко появлялись летучие отряды кочевников. В старину территория, где сливаются воды Верды и Брусны, были непроходимой топью. Так вот, по легенде в один из своих походов в эту топь угодил сам предводитель татар Мамай. Неизвестно, как он оттуда сумел выбраться, но во всяком случае ноги унес, а чулок потерял. После этого курьезного случая место и стало называться Чулково»¹. Некоторые изводы легенды однозначно отождествляют «потерявшего чулок» Мамай с темником, проигравшим битву на Куликовом поле, и утверждают, что в этих местах он, дескать, плутал после нанесенного русскими воинами поражения. Иные варианты предания, избирая на роль центрального персонажа более положительную историческую фигуру, утверждают, что свой «чулок» здесь потерял Дмитрий Донской, превращая таким образом великого князя Московского в пионера травестизма на Руси. Однозначно одно – как и остальные скопинские легенды «куликовского цикла», она в значительной степени обязана своим появлением богатой фантазии местных жителей, появилась лишь в XIX в. и не имеет связи с реальными историческими событиями русского Средневековья.

Археология подтверждает, что люди селились в окрестностях современного села Чулково с незапамятных времен. Исследования выявили в этой местности поселение эпохи бронзы, вновь заселенное в XIV–XVII вв., которое находится на северо-западной окраине села на правом берегу р. Брусны. Оно было вытянуто вдоль берега реки, имело размеры 390 x 60 м и сейчас лежит на высоте 4–5 м над водой. Культурный слой памятника толщиной до 0,4 м нарушен распашкой под огороды. В его нижних слоях были обнаружены фрагменты лепной керамики без орнамента, отнесенной к эпохе бронзы, а также гончарной позднесредневековой, преимущественно белоглиняной и чернолощеной XIV–XVII вв. Также источники I-й половины XIX в. сообщают о неких городище и селище, располагавшихся на территории самого села или в непосредственной близости от него. Кроме того, к востоку от северной окраины села выявлено селище Чулково-Лихарево, также датируемое XIV–XVII вв. по фрагментам сероглиняной и чернолощеной керамики позднего Средневековья².

В книге «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (1902), вышедшей в свет под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского, утверждается, что «Чулково в XIV в. было вотчиной одного из знатнейших рязанских бояр Кобыллы-Вислого, от которого

¹ Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 126.

² Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. 1996. С. 126.

пошел дворянский род Чулковых»¹. Кажется, это предположение имело чисто гипотетический характер и не основывалось на документальных свидетельствах. Однако записи разрядных книг XVI в. действительно упоминают в Рязском уезде помещиков и землевладельцев Чулковых из числа прямых потомков Семена Федоровича Кобылы-Вислого, способных претендовать на статус основателей скопинского села.

Прапраправнук боярина Данила Григорьевич Чулков в 1580-х гг. служил рязским стрелецким и письменным головой. В разрядной книге 1586 г., относящейся ко времени правления царя Федора I Ивановича, сообщается: «Тово же году с вясны велел государь быти воеводом в рязанском розряде и ходити по вестям (т. е. по получении сведений о появлении крупных сил противника. – *Примеч. авторов*): <...> В большом полку в Переславле боярин и воеводы князь Дмитрия Ивановича Хворостинин, да князь Александра Федорович Жировой. В передовом полку из Ряскова князь Михайло Васильевич Ноздроватой да голова Данило Чулков»². В том же году «октября в 17 день по крымским вестям послал государь с Москвы на Венев воеводу Ивана Львовича Салтыкова, а с ним дворяни и дети боярские и стрельцы конные». По росписи в передовом полку значился все тот же Данила Чулков. Впоследствии ему довелось сыграть заметную роль в освоении Сибири. Согласно летописным свидетельствам, «лета 7093 посланы воеводы с Москвы Василий Сукин, да Иван Мясной, да письменный голова Данило Чулков с тремя сты человек, поставиша град Тюмень июля в 29 день, еже Чимги слых». По другой версии, Данила Чулков прибыл «со многими ратными людьми в 1587 г. для поставления города Тобольска нарочным делом». В 1590 г. в Тобольск на место письменного головы Чулкова прибыл воевода князь В.В. Кольцов-Масальский, но бывший голова оставался в городе до 1596 г. Дальнейшая судьба его неизвестна.

В документах конца XVI в. сохранились отрывочные упоминания о детях Д.Г. Чулкова. В разрядной книге в росписи 1592 г. сообщается: «И июня в 1 день пошли на поле с Ливен за крымскими царевичи воевода Иван Михайлович Бутурлин, да Ортемий Иванов сын Колтовский, да Офонасей Федоров сын Зиновьев, а в осаде в Ливных остался Федор Данилов сын Чулков». В 1596 г. Федор Чулков упоминается в Орле вместе с воеводой Василием Плещеевым³. Был у рязского головы еще и сын Филипп, но о нем нет почти никакой информации.

В платежной книге 1594–1597 гг. упоминаются и представители другой ветви рода Чулковых, бывшие собственниками земли в Чулкове, Козловке тож⁴: «За вдовою за Марьею за Васильевою женою Чулковой – мужа (Василия Чулкова. – *Примеч. авторов*) ее поместье, за ее сыном Исайкой с сестрами – жеребий в деревне в Чулкове, в Козловке тож...»⁵

Велика вероятность того, что Данила, Федор, Филипп Чулковы или их неизвестные родственники владели землями в Рязском уезде. На них мог быть основан хутор, именованный по фамильному прозвищу землевладельцев, который сохранил это название и после перепродажи поместья и вывода из него крестьян помещиков Чулковых.

В 1605 г. деревня Чулкова в Пехлецком стане Рязанского уезда упоминается в одной из ввозных грамот Лжедмитрия I. Самозванец пожаловал ей одного из своих сторонников: «От

¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова. Т. 2. СПб., 1902. С. 487.

² Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М.: Ин-т истории СССР, 1976. С. 30–31.

³ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3, ч. 3. М.: Ин-т истории СССР, 1989. С. 38, 104.

⁴ Ныне деревня Залесно-Чулково в Кораблинском районе Рязанской области.

⁵ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 130.

царя и великого князя Дмитрия Ивановича всея Руси в Резанской уезд в Пехлецьк[ий] стан в деревню Чюлкову, что была та деревня Чюлкова в памесье за Меншиком за Масоловым, и Меншик против тово испомещен инде, всем крестьяном, которые в той деревне Чюлкове живут. Пожаловали есмя тем Меншовым поместьем Мосолава деревнею Чюлко[вою] Григорья Григорьева сына Пороватова в ево оклад в триста чети в памесье со всеми угоды. А по отдельным книгам Ненаша Бузовлева 110-го (1602) году в деревни в Чюлкове написана пашни сорок пять чети в поли, а в дву по тому ж. И вы б, все крестьяне, которые в той деревне Чюлкове живут, Григорья Пороватова слушали, пашню на него пахали и доход ему помещиков платили до тех мест, как за ним то поместье писцы наши или большие мерышки опишут, измереют и учянят за ним пашни по нашему указу. Писан на Москве, лета 7114-го (1605) году, сентября в 4 (14) день. Подпись на грамоте дьяка Гарасима Мартемьянова. Справка на грамоте подьячева Василья Мартемьянова»¹.

В отказной книге «писца ряшанина сына боярского Игнатя Матвеева сына Свиридова», относящейся к 1638 г.², впервые упоминается «слобода Чюлкова» (видимо, в прежнюю деревню к этому времени подселили служилых казаков). В переписной, отказной книге писца Василия Фатьяновича Неретина вдове боярина Ивана Никитича Романова Ульяне Федоровне, ее сыну стольнику Никите Ивановичу «ноября 26 дня 1640 года» сообщается, что при отказе поместья, среди прочих, были «...Чюлковой слободы, Никольское тож, поп Иван, да Чюлковой слободы пятидесятник казачек Григорий Жюранкин, да засечный сторож Иван Черемисин, да полковые казаки Сосья Бобылев, да Петрушка Тарасов...»³.

В переписной книге Пехлецкого стана Рязжского уезда письма Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. Чюлково упоминается как слобода «в вотчине Дмитриева монастыря Селунского». «В слободе Чюлкове за ряшенином за Васильем Афонасьевым сыном Федюкиным на ево жеребье <...> крестьянских два двора, а в них людей шесть человек. В той же слободе за ряшенином за Игнатом Матвеевым сыном Свиридовым на ево жеребье <...> крестьянских три двора, а в них десять человек. В той же слободе за ряшениным за Иваном Семеновым сыном Скуратовым на ево жеребье <...> крестьянских четыре двора, а людей в них одиннатцать человек. <...> В той же слободе за ряшениным за Федором Васильевым сыном Урасвым на ево жеребье <...> один крестьянской двор, а в нем людей четыре человека. <...> В той же слободе за ряшениным за Омельяном Наумовым сыном Свиридовым на ево жеребье <...> крестьянских два двора, а в них людей шесть человек. В той же слободе за резанцом за Яковом Ивановым сыном Казаринова на ево жеребье двор ево помещиков, а крестьян и бобылей за ним нет»⁴.

Как видно, к 1646 г. среди землевладельцев представители семьи Чюлковых уже отсутствовали. Проживание в селе крестьян Свято-Дмитриева Рязжского монастыря, видимо, было связано с нахождением поблизости монастырской пашни. Следов перехода монастырских крестьян из Чюлкова к другим владельцам найти не удалось, так что, скорее всего, они были переведены со временем в Ермолово. Интересно отметить, что к рассматриваемому времени в селе была поселена как минимум полусотня казаков. Если секиринские казаки подчинялись Пронску, то чюлковские – Рязжску, где в конце XVI в. служил головой Данило Чюлков. Возможно, между этими обстоятельствами имеется какая-то связь.

¹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: Сб. документов [сост. А.В. Антонов]. Т. 2. М.: Археограф. центр, 1998. С. 310–311.

² РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, ч. 1, д. 13918, л. 30.

³ РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, ч. 1, д. 13918, лл. 184–185.

⁴ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, л. 69 об.

В подлинной дозорной книге Рановской и Пустотенской засеки письма и дозора Никиты Захаровича Вельяминова от 1 (11) августа 1676 г. упоминаются леса близ «села Чулково рязских детей боярских против Засечной черты», а также то, что «д[е]р[е]в[ня] Чулково всякое лесное з границами, с натеса отведаль великий государь к Скопину на великое городовое строение, а тех скопинских посадских и всех чинов людей в тех местах там секут на великое хоромное строение подле Засечной черты...»¹

И.В. Добролюбов сообщает: «Село Чулково, находящееся по дороге, идущей из Скопина на Рязск, при речке Брусне, под именем “Чулковской казачьей слободы” с церковью Чудотворца Николая упоминается в окладных книгах 1676 г., где показано при означенной церкви «пашни 20 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на 40 копен, в причте 2 двора поповых и двор дьячков, а в приходе одиннадцать дворов помещиковых, сорок дворов драгунских, шестнадцать дворов крестьянских, шесть дворов бобыльских и всего семьдесят шесть дворов» Дани по окладу 1676 г. с Никольской церкви положено «рубль семь алтын три денги»². В Никольской церкви упомянуты служащие священники Иоанн и Василий.

В «Выписи с книг Рязского уезду межевания воеводы Ивана Сонцова 186 (1678) года» сообщается: «Приехав в Рязком уезду в Пехлецкого стану преосвященного Иллариона, Митрополита Рязанского и Муромского, в село Княжево, Владычня тож, на речке на Велемке под Велемским лесом, в деревню Тошила, деревню Петрушину на речке Мещерке, взяв с собой тутошних и сторонних людей старост и целовальников, и крестьян, и старожилков, и велел к себе быть сел и деревень, которые с митрополию вотчин смежны помещикам и вотчин, и прикащикам, и старостом, и крестьянам». В межевании, проводившемся под руководством воеводы, приняли участие «слободы Чулковой Левонтий крестьянин Свиридова, Емельян Митрофанов Федоров крестьянин Ураева, Макарка Киселев, Селиванов крестьяны Ураевы, Гаврик Киселев да митрополичьи крестьяне села Князево-Займище»³.

В 1698 г. на службу в Никольской церкви в Чулкове был рукоположен священник Федор Васильев, в 1700 г. – Стефан Васильев, а в 1713 г. – Иоанн Васильев⁴. В переписной книге 1716 г. о Чулкове сообщается: «В том селе церковь во имя Николая Чудотворца, у той церкви поп Иван Васильев, дватцати осми, у него попадья Наталья Артемьева дочь, тритцати одного, да дочери девицы <...>. По переписи 710 года отче ево, поп Василий Степанов, и с той ево со стариною Игнатовой дочери померли в 715 году. <...> В том же селе Чулкове ряшан однопорцев <...> по переписным книгам 710 года написано <...> пять дворов, в них людей мужеску полу девять человек, да женску полу двенатцать человек, обоих полов дватцать один человек, драгунских же два двора, в них людей женску полу два человека. У них дворовых людей мужеску полу тритцать два человека, да женску пола дватцать два человека <...>. В том же селе Чулкове служилого чину солдат тритцать дворов, а в них людей <...> обоих полов сто двенатцать человек...»⁵. Бывшие казаки XVII в. в документе петровского времени уже показаны «служилого чину солдатами».

Среди чулковских помещиков петровской эпохи впервые упоминается «поручик Василий Михайлов сын Лихарев» (1683–1748) – представитель семьи, с которой будет связана история села в XVIII–XIX вв., отец первого скопинского уездного предводителя дворянства. За ним в Чулкове числились «двор ево помещиков, а в нем приказной чело-

¹ РГАДА. К-389, л. 9 об.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 238–239.

³ РГАДА. Ф. 281, оп. 15, д. 10138, л. 1 – об, 23.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 239–240.

⁵ РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 1, л. 288.

век <...>, дворовых людей мужска полу семь человек, женску полу восемь человек <...>, крестьянских шесть дворов». Еще одним помещиком села был драгун Тимофей Ураев, представитель другой известной в будущем скопинской дворянской фамилии. В 1716 г. в Чулкове за ним числился «крестьянский один двор». Также в документе упоминаются «за стряпчим конюхом Михайло Титовым сыном Коротким в том селе Челкове двор ево помещиков, а в нем дворовые люди <...> мужска полу семь <...>, женску полу четырнадцать...». По предыдущей переписи 1710 г. за ним числились 28 человек. Кроме того, «за Микитою да за Петром Фадеевыми детьми Гайтуровыми в том селе» состоял «двор вотчинников, а в нем дворовые люди <...> мужска полу два человека <...>, женску полу семь человек <...>, двор скотцкий, в нем скотников мужска полу восьм человек». По составленным в 1710 г. переписным книгам за ними было дворовых 12 душ, за скотным двором 17 душ мужского и 16 женского пола¹.

В 1720-х гг. произошло разделение села Чулково на порядки. В одних жили семьи мелких землевладельцев – однодворцев, владевших незначительным числом крестьян или вовсе их не имевших. В других расселились крестьяне более крупных помещиков – Лихарева, Гайтурова и Короткого.

В переписной и окладной книге Туровского, Низрановского разъездов Рязского уезда, составленной не позже 1724 г., в селе Чулкове показаны один двор поповский, три помещичьих, восемь солдатских, шесть однодворческих и четырнадцать крестьянских. За капитаном Василием Михайловым сыном Лихаревым состоял «двор помещиков, в нем деловые люди». В окладе же за ним числились 73 крестьянина мужского пола, а «о Василье Васильеве сыне Тамбовском, 42-х лет, и Фроле Афонасьеве сыне Рабовском» сказано, что «оных Василья и Фрола, по свидетельству ево вотчины Лихарева старосты <...>, они той вотчины Лихарева отданы были в рекрутские солдаты, и по доношении объявил от них пашпорты, каковы им дали из Московского надворного суда, в которых объявлено, что они, Фрол и Василей, 722 году отставлены от службы и отданы в ту вотчину по прежнему, из оных пашпортов и того доношения взяты копии, а хотя они были и в рекрута», обоих все же зачислили в оклад, т. е. в уплату подушной подати.

За «вартермистром» Микитой Фадроевым (Фадеевым) сыном Гайтуровым состояли в окладе по селу Чулково 18 душ мужского пола и 2 малолетних «неокладных». За недорослем Никитой Денисовым сыном Федюкиным состояли в окладе девять душ мужского и «неокладных трое малолетних». За подпрапорщиком Павлом Петровым сыном Свиридовым «вопче с племянником его родным Ефимом Козминым» в окладе числилось пять душ дворовых и крестьян мужского пола. За драгуном Иваном Ивановым сыном Федюкиным, проживавшим в Истобенке, числились 8 душ, и в окладе двое новорожденных. У ряшнина Ивана Яковлева сына Свиридова крепостные крестьяне тоже были, но числились они по другому уезду. Драгун Тит Карпов сын Ураев имел 2 души. «Ряшанин Костентин Микитов сын Федюкин в сказке объявил: двор ево вопче з братьями Мартином, Михайлом, Ерофеем Михайловыми детьми Коротких, а в оном дворе он Костентин 35 лет, у него братья Мартин 10 лет, Михайла 8 лет, Ерофей 5 лет...» В селе также проживали однодворцы Свиридовы, Филатовы, Бобылевы и другие, а еще «скитающиеся и безземельные», иногда бездворные, но с семьями Василий Сидоров сын Ломов, Панфил Пафомов сын Свиридов, Кондрат Зотов сын Кривоносов, Артемей Афонасьев сын Пономарев, Зиновий Кондратьев сын Савин и еще пять человек. Кроме того, по окладной книге известны еще не

¹ РГАДА. Ф. 350, д. 350, ч. 3, лл. 112 об, 118 об.

подлежавшие окладу три отставных церковника и пять отставных драгун, 143 дворовых и крестьян, польский военнопленный (был записан отдельно). Два десятка крестьян и два однодворца были показаны «в бегах»¹.

«В 1734 г. в селе Чулкове приходских дворов показано 55, а церковной земли только 10 четвертей»². Из документов дворцовой Конюшенной канцелярии за 1741 г. известны урожаи в имении бригадира Василия Михайлова сына Лихарева. При высеве на дворцовую десятину ржи по 1 четверти и 4 четверика, а овса – по 2 четверти и 4 четверика намолачивали с десятины доброй земли 50 четвериков ржи, а овса 70 четвериков, что в принятых тогда показателях урожайности выглядело как «сам-четверт и $\frac{1}{2}$ » и «сам-третей и $\frac{1}{10}$ ». На «худой земле» урожаи получались значительно ниже³.

По материалам 2-й ревизии податного населения Российской империи, проводившейся в 1744 г., в селе Чулкове Верденского разъезда Рязского уезда в подушный оклад были положены 214 мужских душ, из них 19 однодворцев и 195 помещичьих дворовых людей и крестьян. Крупнейшим помещиком села постепенно становился бригадир В.М. Лихарев. В переписной книге имеется информация о происхождении его помещичьей собственности: часть крестьян достались ему «по купчей Вотчинной коллегии от секретаря Василия Федорова сына Дьякова, написанные в прежней переписи в оклад в оном селе Чулкове за квартирмейстером Никитой да за братом ево прапорщиком Петром Фадеевыми детьми Гайдуровыми». Другие крепостные крестьяне были им приобретены по закладной в Мошенского разъезда деревне Кучуковой у отставного квартирмейстера Меркула Петрова сына Виданова, а также были переведены по купчей из Пронского уезда сельца Андреевского те, «что были за помещиком Степаном Лукиным сыном Мокренским». Кроме того, часть дворовых и крестьян была переведена «без указа в 724 году <...> Клинского уезда из деревни Корочаровой» и «в 730 году из Серпуховского уезда из села Воздвиженского» и куплена у полковника Михаила Толстого в Верхнеломовском уезде в деревне Танкаевке.

Частью села Чулково по-прежнему владели помещики Гайдуровы, также переведшие сюда своих крепостных крестьян из деревни Барановой Каширского уезда. Еще одному помещику – вахмистру Нижегородского драгунского полка Ивану Семенову сыну Воронову – часть крестьян достались «по приданству за женою Ириною Ивановою того ж села Чулково» от ее отца отставного капрала Иван Иванова сына Федюкина. Дворовые люди и крепостные крестьяне также числились за другими мелкими помещиками: «вдовой подпрапорщицей Василисой Политовой женою Свиридовой», «капралом Фомой Павловым сыном Федюкиным», «Астраханского драгунского полка порутчиком Мартьяном Михайловым сыном Коротковым жены ево Ирины Григорьевой», «Федосьей да Настасьей Михайловыми дочерьми Коротких» и «Воронежского драгунского полка прапорщиком Алексеем Семеновым сыном Свиридовым»⁴.

Некоторые подробности жизни села Чулково известны из челобитной 1755 г., поданной выборным крестьянином Семеном Полуехтовым помещика Дмитрия Васильева сына Лихарева на того ж села Чулково крестьян другого помещика Петра Фадеева сына Гайдурова – Семена Васильева и Дмитрия Артемьева сына Зайцова. В челобитной последние обвинялись в краже лошадей, так как к ним, по слова челобитчиков, «нынешнего лета незнаемо

¹ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2864, лл. 402, 406 об, 412, 415 об, 418, 420, 425, 431 об.

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 238–239.

³ РГАДА. Ф. 1239, оп. 47, д. 8, л. 170.

⁴ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2871, лл. 135, 143, 145, 147, 152–154 об, 157.

откуда и какие явились две лошади <...>, что с приезжающими к ним незнаемо человеком имеют вообще воровство и друг другу меняют, да у одного же Гайдурова крестьян незнамо какая и откуда пришла жена без пашпорта...». Подозреваемые были взяты под стражу, но в итоге за недоказанностью обвинений их пришлось отпустить. А вот беглая 20-летняя крестьянка из села Ивановского вотчины князя Михаила Семенова сына Урусова, скрывавшаяся в разных селах, в том числе «в селе Богословском, что была деревня Алышанка», и «в Скопине у купца Леонтия Руднева» и, наконец, в Чулковке, была возвращена законному владельцу¹.

С начала 1750-х гг. крупнейшим чулковским помещиком был отставной секунд-майор Д.В. Лихарев². Он был известен как крупный винозаводчик и один из основных откупщиков вина, поставлявших его на кружечные двory Данкова, Рязька, Сапожка, Лебедяни, Скопина и других городов. В феврале 1757 г. из Лебедянской воеводской канцелярии в Рязскую писали: «По заключению в той государственной Камер-коллегии о поставке подрядного в город Лебедянь и в прочие места вина подрядчиком секунд-майором Дмитрием Васильевым сыном Лихаревым контракту с нынешнего от 1757 году в предстоящие 10 лет в оной город Лебедянь на кружечный двор по пяти сот тридцати ведер в год, и то вино, когда сколько потребно будут, требовать в поставку...»³ Винокуренный завод Д.В. Лихарева находился в его имении в селе Чулковке⁴. Объемы поставок лихаревского вина год от года возрастали. Например, в рапорте Рязьской воеводской канцелярии воронежскому губернатору генерал-майору И.А. Потопову, докладывалось, что «секунд-майором и Рязским дворянским депутатом Дмитрием Васильевым сыном Лихаревым сего 1777 года на февральские дни» поставлено 1000 ведер⁵.

По свидетельству И.В. Добролюбова, в 1758 г. в селе Чулковке началось строительство каменного здания Николаевской церкви. Об этом известно «из челобитья помещика села Чулкова секунд-майора Дмитрия Васильева сына Лихарева, поданного архиепископу Рязанскому Палладию в октябре 1760 г., в коем челобитчик, испрашивая дозволение на постройку Дмитриевского придела, между прочим прописывал: “В прошлом 1758 г. мая 1 дня в духовной вашего преосвященства Консistorии просил я построить в вотчине моей – в селе Чулковке, вместо ветхой деревянной Николаевской церкви новую каменную церковь в то ж храмоименование с приделом Чудотворца Дмитрия Селунского, точию из оной Консistorии указ дан построить одну настоящую каменную церковь без придела Чудотворца Дмитрия, которая уже построена и к освящению в готовности, и при оной новопостроенной церкви трапеза построена весьма пространная, в которой придельной церкви Чудотворца Дмитрия – по свободности местоположения – для зимнего служения весьма быть удобно”. Просьба Лихарева преосвященным Палладием была уважена, и того же 1760 г. октября 10 дана была Лихареву благословенная грамота на построение Дмитриевского придела»⁶. Из служивших в этом храме в XVIII–XIX вв. священников известны Иоанн Феодотиев (упоминается в 1753 и 1760 гг.), Сергей Иоаннов Дмитриевский (в 1801–1831 гг.),

¹ РГАДА. Ф. 566, оп. 1, д. 194, лл. 1–8.

² Лихарев Дмитрий Васильевич (? – до 1788) – секунд-майор (1762), владелец имений в Скопинском и Сапожковском уездах Рязанского наместничества, в т.ч. винокуренного завода в селе Чулковке. Первый Скопинский уездный предводитель дворянства в 1779–1787 гг.

³ РГАДА. Ф. 566, оп.1, д. 46, лл. 1–2.

⁴ РГАДА. Ф. 566, оп.1, д. 46, лл. 1–2.

⁵ РГАДА. Ф. 566, оп. 1, д. 126, лл. 1–2.

⁶ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 238–239.

Иоанн Ильин Измайлов (в 1831–1854 гг.), Иоанн Саввин Ятров (в 1854–1871) и Алексей Иванович Дубровин (с 1871 г.)¹.

В 1778 г. село Чулково вошло в Скопинский уезд Рязанского наместничества, образованный в ходе административных реформ Екатерины II. В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., оно описано как общее владение «секунд-майора Дмитрия Васильева сына Лихарева, Ирины Ивановой дочери Вырыпаевой, прикащика Егора Ананьева сына Окунькова жены ево Авдотьи Ивановой, недоросля Петра Максимова сына Майорова, квартирмейстера прапорщика Петра, Никиты Фатеевых детей Гайдуровых, вдовы помещика Марфы Тимофеевой генеральши Таптыковой, Софьи Павловны Гурьевой, кавалергарда секунд-майора Петра Алексеевича Татищева, корнета Семена Григорьева сына Федюкина и того села однодворцев». В черновой редакции примечаний о Чулкове сообщалось, что в нем насчитывалось 53 двора, а мужское население составляло 173 души, и сообщались следующие сведения: «В селе церковь каменная во имя Николая Чудотворца, господский дом деревянный, флигель каменный, при нем плодовитый сад 3 десятины с яблонями, грушами, черносливом, черной и красной смородиной, которые употребляются для господского расходу». На речке Брусне в даче состояла мучная мельница с «три поставы» и при ней толчея, «доходу получается 250 рублей» в год. Площадь имения с селениями, пашней, сенокосами и лесом была определена в 1826 десятин 2097 саженой (1996 га). О крестьянах сообщалось, что они «запахивают на господ 350 десятин (382 га), состоят на оброке и платят с тягла 10 рублей». Церковная земля находилась на берегу речки Победенки и «против оной дачи в летнее жаркое время в самых мелких местах глубиной бывает три вершка, шириной сажень». Итоговая редакция примечаний описывала Чулково лежащим «на речке Брусне, по течению ее на правой стороне, и по обе стороны от вершка Становова (в черновике – Становых), на коем пруд, и большой дороги из Скопина в Рязск. В селе церковь каменная во имя Николая Чудотворца, господский дом деревянный, флигель каменный, при нем плодовитый сад три десятины с яблонями, грушами, черносливами, черной и красной смородиной, рябиной для господского расхода». По данным 3-й ревизии 1761–1765 гг. в селе Чулкове вместе с деревней Коржавиной было 97 дворов, а общая площадь имения с огородной и пашенной землей, покосами, лесами и «неудобиями» составляла 1755 десятин 1811 саженой (1918 га)².

Из упомянутых в документе помещиков села Чулково заслуживает внимания личность отставного секунд-майора Петра Алексеевича Татищева (1730–1810). Он был крещен в память Петра I, при котором его отец в молодости служил денщиком. В 1742–1760 гг., в царствование Елизаветы Петровны, генерал-аншеф, действительный камергер и сенатор Алексей Данилович Татищев (1697–1760) занимал должность генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга. В 1744 г. 14-летний Петр Татищев вступил в военную службу солдатом Лейб-гвардии Преображенского полка. В декабре 1761 г. (с воцарением Петра III) он вышел в отставку по болезни с чином гвардии секунд-майора и поселился в Москве. Его дом у Красных ворот стал значимым центром общественной жизни первопрестольной столицы – в 1767 г. в нем проводились выборы предводителя дворянства Московского уезда и депутатов в создававшуюся по инициативе Екатерины II Комиссию для составления нового уложения. В 1779 г. П.А. Татищев примкнул к масонам, став со временем одной из ключевых фигур этого общественного феномена эпохи Просвещения. Сделавшись мастером московской ложи «Трех знамен», в 1782 г.

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 240.

² РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240; д. 1241, лл. 35 – 35 об.

он стал главным мастером ложи «Гармония», а с 1783 г. являлся главой всех русских масонов с титулом «приора Восьмой провинции» (России). П.А. Татищев, бывший членом литературного кружка известного отечественного журналиста и издателя Н.И. Новикова, скончался в Москве 80 лет от роду и был похоронен в некрополе Симонова монастыря, с разрушением которого в 1930-х гг. его могила была утрачена.

В XVIII–XIX вв. порядки села Чулково довольно четко разделились на две половины. В западной части села проживали преимущественно обедневшие лично свободные землевладельцы – она получила название Чулково-Однودворцы. Восточная стала местом поселения помещичьих крестьян. При ней находилась усадьба помещиков Лихаревых, поэтому в источниках она нередко упоминается под именем Чулково-Лихарево.

В 1815 г. в Елифани, уездном городе Тульской губернии, началось строительство Никольского собора. Согласно приходно-расходным книгам за 1809–1815 гг., писать местный ряд его иконостаса было поручено «Скопинского уезда села Чулково помещика Михаила Дмитриева Лихарева дворовому человеку Степану Никифорову»¹. К сожалению, ни один из этих образов не сохранился, поэтому у нас нет возможности оценить уровень мастерства крепостного живописца из Чулково – первого известного местного художника.

Представителям дворянского рода Лихаревых чулковская усадьба принадлежала большую часть XIX в. По окладной книге 1834 г. за полковником Михаилом Дмитриевичем Лихаревым² в селе числились 119 душ поселян и 22 дворовых человека³. Согласно окладной книге 1850 г. в селе Чулково-Лихарево за титулярным советником Павлом Михайловичем Лихаревым состояли 102 крепостных крестьянина мужского пола и 25 дворовых людей. Также в селе проживали 2 крестьянина поручика Михаила Дмитриевича Мисюрева⁴. Карты А.И. Менде свидетельствуют, что в селе в это время было 44 двора. Усадьба Лихаревых была окружена обширным садом, отделявшим ее от проезжей дороги из Скопина в Рязск. В нем имелись два пруда, устроенные на ручье, впадавшем в р. Верду. В состав усадебного комплекса входило и находившееся близ помещичьего дома здание Никольской церкви. На р. Брусне близ села действовали две водяные мельницы⁵.

По межеванию 1858 г. поручику Александру и титулярному советнику Павлу Михайловичам Лихаревым при селе Чулково принадлежало 1391 десятина (1520 га) земли, «бывшим отписным в казенное ведомство крестьянам села Чулково» – 143 десятины (156 га), а 32 государственным крестьянам (бывшим однودворцам) – 137 десятин (149 га)⁶.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г. в селе Чулково Скопинского уезда Рязанской губернии помещичьи крестьяне господ Лихаревых проживали в 24 домохозяйствах в количестве 100 душ мужского пола и 103 – женского. Государственные душевые крестьяне и крестьяне четвертного права (бывшие однودворцы) проживали в 17 домохозяйствах. Лично свободные земледельцы расселились преимущественно вдоль дороги Скопин – Рязск, где на въезде в порядок их домов – Однودворцы – стоял кабак, а на выезде – часовня⁷. По сведениям 1859 г., накануне отмены

¹ Тульские епархиальные ведомости, № 10 (15 мая 1874 г.). С. 405.

² Лихарев Михаил Дмитриевич (1767–1846) – полковник, Скопинский уездный предводитель дворянства в 1797–1799 гг., Рязанский губернский предводитель дворянства в 1813–1816 гг.

³ ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 161 об – 162, 207 об – 208.

⁴ ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 197 об – 198, 200 об – 201.

⁵ Карта А.И. Менде 1850 года, 1 см – 20 м.

⁶ РГАДА. Ф. 1354, оп. 411, ч. 2, л. 64.

⁷ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 2–8.

крепостного права в «Чулково, селе владельческом и казенном при р. Брусне», лежавшем в 7,5 версты от уездного города, насчитывалось 54 двора, а население составляли 204 мужчины и 220 женщин¹.

Об условиях хозяйствования в имении отставного титулярного советника П.М. Лихарева накануне отмены крепостного права можно узнать из 3-го тома справочного издания «Сведения о помещичьих имениях». По его данным, совокупное население его имения, включавшего село Чулково, Никольское тож, деревню Анненскую, Гудовку тож, и 11 дворов в селе Костемерово составляли 243 мужские крепостные души и 34 дворовых человека, из которых в 23 дворах села Чулкова проживали 97 крестьян мужского пола и 27 дворовых людей. Крестьяне были объединены в 17 издельных тягол. В пользовании у них находилось 7,5 десятины (ок. 8 га) усадебной земли (0,7 десятины или 0,76 га на душу), 240 десятин (262 га) пахотной земли (по 2,47 десятины, или 2,7 га на душу), 20 десятин (21,9 га) сенокоса и общий выгона для скота. Величина денежного оброка с каждого тягла составляла 21 руб. 50 коп. в год. Помимо этого, каждое тягло было обязано «три дня в лето пахать и неделю жать» на своего барина. В специальном примечании к описанию имения П.М. Лихарева отмечено: «При имении находятся две мельницы и сады, из которых первые приносят до 600, а вторые до 200 руб. серебром годового дохода. В имении есть каменные слои бутовых, мраморных и гранитных пород, чугунные руды и каменный уголь, которые составляют исключительную собственность помещика»².

Отношения чулковских крестьян с помещиками Лихаревыми не были идиллическими. В 1860 г. М.П. Лихарев отнял у своих крестьян сенокосные дуга и заставил их поменять пахотные земли, которые они обрабатывали истари, на новые участки, находившиеся на большом расстоянии от села, чем заложил основу для будущих конфликтов местных жителей со своими наследниками. Вскоре после объявления об отмене крепостного права 4 (16) апреля 1861 г. в селе имел место случай «неповиновение крестьян уездному предводителю дворянства и земскому исправнику, пыгавшимся внушить им правильное толкование Положения от 19 февраля 1861 года. Крестьяне все ушли со схода и подали исправнику бумагу, заключающую в себе выписки из правил Положения, основываясь на этих выписках они предъявили свои требования (какие не указано). Была введена военная команда»³.

В 1861 г. в Скопинском уезде была образована Чулковская волость с центром в одноименном селе. Тогда же в Чулкове на средства Палаты государственных имуществ было основано церковно-приходское училище. Оно помещалось в доме сельского общества и содержалось «из средств общественного сбора»⁴. К середине 1870-х гг. училище уже не действовало.

В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие с 15 февраля по 1 марта 1862 г., значится «Скопи[ского] уез[да] участка мир[ового] посредника Жилинского с[ель] цо Чулково, тит[улярного] совет[ника] П.М. Лихарева, 100 д[уш]. Душевой надел прежний – 2 дес[ятины] 1741 саж[еней] (3 га); 67 душ на об-

¹ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 132.

² Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Том III. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям. СПб., 1860. С. 62–63.

³ Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М.: Наука, 1967. С. 108–109.

⁴ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 238–239.

роке, 33 – на издельной повинности. Грамота написана помещиком»¹. Процесс оформления выкупной сделки лихаревских крестьян затянулся до 1876 г. Только тогда в главной газете губернии появилось следующее сообщение: «Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие объявляет, что в оном получены выкупные сделки: а) коллежского регистратора Михаила и помещика Алексея Павловичей Лихаревых жен: ротмистра Марии Павловны Зайцевой и артиллерии подпоручика Анны Павловны Усовой, урожденных Лихаревых, с крестьянами Скопинского уезда села Чулково –Никольское тож. Выкупной ссуды за это имение испрашивается от правительства 13 833 руб. 33 ½ коп»².

С 1857 г. обязанности старосты Никольской церкви в Чулково бессменно исполнял отставной поручик Александр Михайлович Лихарев. В 1872 г. он был переизбран на эту должность «на шестое трехлетие»³. В 1871 г. к Никольской церкви на средства прихожан была пристроена трапезная с колокольней. Как сообщает И.В. Добролюбов, в 1873 г. в храме был освящен новый «придел в честь иконы Божией Матери Казанской». Давая краткую характеристику прихода, он также отметил: «Церковной земли ныне (в 1884 г. – *Примеч. авторов*) во владении Никольского причта состоит усадебной 2 десятины (2,19 га) и пахотной вместо 34 десятин 210 кв. саженей (ок. 38 га) за отходом 2 десятин под железную дорогу, за что причт с 1872 г. ежегодно получает в виде аренды 50 руб., числится 32 десятины (35 га). В состав прихода входят: село Чулково с 81 двором, деревня Чулковские выселки (в 2 верстах) с 149 дворами и деревня Михайловская (в 4 верстах) с 1 двором, в коих числится мужского пола 813, женского пола 873. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 2 псаломщика»⁴.

В 1860 г. на территории имения Лихаревых при селе Чулково было обнаружено месторождение каменного угля. Еще в 1854 г. горный инженер-поручик П.Д. Романовский (1830–1906), впоследствии профессор Горного института, доказал, что угольные пласты, известные в его время в Тульской губернии, продолжаются и под южными уездами губернии Рязанской. Их промышленная разработка совпала с эпохой промышленного развития пореформенной России и масштабного железнодорожного строительства. «В 1868 г. вступили в эксплуатацию Оболенская копь (около деревни Новоселебной) и Чулковская (около деревень Чулково и Побединка)»⁵. Первые разведки местных угольных пластов «принадлежали компаниям гг. Ахенбаха и Колли» и «гг. Мангольда, Рыкова и Бернарда». Вот как описывались эти места в литературе того времени: «На одном <...> из холмов, не доезжая верст шесть или семь до Скопина, и производится разведки угля, принадлежащие означенной компании Ахенбаха и Колли. Собственно, они находятся между селами Чулковым (близ монастыря Св. Димитрия) и Секириным, на землях г. Лихарева <...> тут три шахты. В одной из них, именно ближайшей к оврагу и более низкой по своему положению, уголь встречен на глубине 17 аршин (12 м). В другой, лежащей выше первой, на глубине 32 аршин (22 м), а в третьей угля пока не достигли»⁶.

С 1870 г. Чулковская компания каменноугольного производства разрабатывала пласт угля мощностью от 2 до 4 аршин, который залегал на глубине 14–20 саженей. К 1878 г. ей

¹ Рязанские губернские ведомости, № 12 (24 марта 1862).

² Рязанские губернские ведомости, № 38 (15 мая 1876).

³ Рязанские епархиальные ведомости, № 3 (1 октября 1872 г.). С. 85–86.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 239.

⁵ *Оника Д.Г.* Подмосковский угольный бассейн. 1855–1955. М.: Московский рабочий, 1956. С. 36.

⁶ *Щуровский Г.Е.* О новых разведках каменного угля в Рязанской губернии. М.: тип А.И. Мамонтова и Ко, 1870. С. 1, 22–23.

было добыто 4,5 млн пудов (72 тыс. т) угля. «Всего рабочих к этому времени насчитывалось до 800, в том числе 500 чернорабочих – все жители окрестных селений. Работы производились днем и ночью, и рабочий от выработки получал от 80 коп. до 1 рубля 20 коп. В 1872 г. от правительства было получено разрешение на строительство железнодорожной ветки, которая и была введена 15 ноября 1872 г.», а для ее соединения с Рязско-Вяземской железной дорогой была построена товарная станция Скопин-Чулковский. В распоряжении компании было 3 паровоза и 65 вагонов, длина ветки к 1878 г. составила 10 верст 45 сажений, а с разъездными путями к шахтам – 16 верст 295 сажений. Дорога была устроена с большими подъемами и уклонами так, что Министерство путей сообщения предписало, чтобы «из числа осей в поезде половина была с тормозами, а состав поезда зимою из четырех, а летом из шести вагонов». Причина неудобства дороги происходила из-за того, что земля была арендована у различных собственников, и заказчик экономил где мог. Например, ок. 200 сажений (427 м) путей проходили по церковной земле села Чулково¹.

Характеризуя Чулковскую копь в 1870-х гг., Д.Г. Оника писал, что в то время она «была самой мощной в Подмосковном бассейне. Рудник добывал до 2,5 млн пудов (40 тыс. т) угля в год. Работали две шахты: «Лихаревская» и «Алексеевская». Каждая шахта имела один наклонный ствол, который являлся подъемным, и один вертикальный, служивший для вентиляции. На шахте «Лихаревская» уголь поднимался по наклонному стволу при помощи паровой машины. К канату прицеплялись клеть, вмещавшая две вагонетки емкостью по 15 пудов (2,46 ц) угля каждая. Подъемный ствол был разделен на три раздела. В среднем помещались лестницы и трубы насоса, а по двум крайним поднимали уголь. Ствол проходил забивной крепью. На верхнем этаже надшахтного здания разгрузка угля из вагончиков производилась путем опрокидывания. Уголь попадал на железную решетку, через которую мелочь проваливалась, а крупные куски падали на платформу, откуда перегружались прямо в железнодорожные вагоны. Шахта пользовалась паровыми насосами. На второй шахте – «Алексеевской» подъемный наклонный ствол тоже был разделен на три раздела, но здесь лестница и трубы для подачи пара к насосам были помещены в одном из крайних разделов; по среднему же и другому крайнему разделам производился подъем угля. Уголь поднимался конным воротом. В 1871 г. на этом руднике был построен завод для прессования мелочи»².

В 1875 г. анонимный представитель Рязанского губернского земства ревизовал Чулковскую волость Скопинского уезда и оставил следующее ее описание: «В 9-ти верстах от гор. Скопина, на Рязской большой дороге, лежит село Чулково, где, как в центре, помещается волостное правление Чулковской волости. По обе стороны большой дороги раскинуты деревни, составляющие население волости. Площадь земли, занятая этой волостью, перерезывается речками Вердою, Брусною и Гуменкою; первые две с низкими берегами, покрытыми лугами, которые почти все поднимаются в водополье и наделяют владельцев прекрасным сенном и тучным пастбищем.

Грунт земли черноземный и в некоторых местах весьма плодороден. От Скопина местность идет небольшими перевалами, а за Чулковым и к деревне Кочугуркам перерезывается глубокими оврагами. Здесь сильно бросается в глаза отсутствие лесов, истребленных в недавнем прошедшем; места ровные заняты пахотными полями, а на бугроватых и теперь растет

¹ Каменноугольное производство и перевозка угля из копей Домбровских Царства Польского и Замошского бассейна. СПб.: тип. Д.И. Шеметкина, 1880. С. 36, 38–39.

² *Оника Д.Г.* Подмосковский угольный бассейн. 1855–1955. М.: Московский рабочий, 1956. С. 38–39.

кустарник. Волость состоит из 907 ревизских душ временнообязанных крестьян мужского пола и 933 женского. Я мог получить сведение о том, что после ревизии (имеется в виду 10-я ревизия 1858 г. – *Примеч. авторов*) родилось 505 душ мужского пола и 438 душ женского, но не получил сведения об убыльях, так что наличное число жителей волости определить не могу.

Общества следующие. В селе Чулкове лихаревское – 116 душ мужского пола и 121 душа женского; при этом обществе еще есть 1 мужская и 3 женские души г. Мисюрова. В 12 верстах деревня Коржавина, где в обществе г. Лихарева числится 124 души мужского пола и 120 душ женского пола, и в обществе г-жи Блудовой 18 душ мужского пола и 19 душ женского пола. Деревня Кочугурки княгини Мещерской – 175 душ мужского пола и 178 женского – находится в таком же расстоянии от Чулкова, потому что прямой дороги не существует через овраги, которые приходится далеко объезжать. Деревня Перек в 6 верстах имеет два общества: г-жи Стрекаловой – 76 душ мужского пола и 75 женского, и г. Александровского – 55 душ мужского пола и 59 женского. Деревня Стрелецкая дубрава, Вонючка тож, в 20 верстах на епифанской большой дороге, гг. Марковых – 135 душ мужского пола и 140 женского. Трудно объяснить причину, почему это селение, отдаленное от Чулкова на 20-верстное расстояние, приписано к Чулковской волости, если только не потому, чтобы соединить его в одну волость с деревней Ивановской тех же гг. Марковых, где господская усадьба и крестьян 90 душ мужского пола и 100 душ женского; в этой же деревне другое общество г. Лихарева – 78 душ мужского пола и 75 женского: деревня Жмурки г. Лихарева – 35 душ мужского пола и 40 душ женского – в 7 верстах.

Сообщение волостного правления с городом постоянно свободно. Там земская больница, камера мирового судьи, и станова квартира. Земская почта приходит по вторникам и пятницам аккуратно. Сообщение с обществами тоже не прекращается за исключением Кочугурок, Коржавина и Ивановского, куда проезд во время полои воды приостанавливается на самое короткое время, дней на 5 или на неделю. Между лицами волостного управления грамотных нет; старшина Купцов, старосты, смотрители магазинов, сборщики – все неграмотны; из 6 судей один малограмотный. Во всех обществах письменная часть ведется нанятыми писарями, за исключением Кочугурок и Ивановского. Волостной суд собирается по воскресеньям, и, судя по рассмотренным мною приговорам 1874 и настоящего годов, решения Чулковского волостного суда излагаются с достаточной ясностью: записывается объяснение сторон и вносятся доказательства, ими представленные, затем основания, почему судьи пришли к тому или другому заключению – и надо отдать справедливость этому суду: он почти не прибегает к наказанию розгами; из двух случаев только один приведен в исполнение, другой же заменен арестом. Я имел случай узнать частным путем, что аресты при Чулковском волостном правлении состоят только в действительном и строгом лишении обвиняемого свободы, но не в других лишениях, как, например, пищи, постели и проч., к чему нередко прибегают в других волостных правлениях.

В Чулковской волости собственной школы нет; некоторые из зажиточных крестьян обучают детей в Скопине. По обществам и селам земский доктор не ездит никогда; великим постом в Кочугурках явилась какая-то сыпная болезнь, о которой было дано знать в земскую управу, т. к. ее сочли за оспу, но присланный земством доктор Пушкарев признал ее просто простудною крапивною лихорадкой. С легкими болезнями население обходится и без доктора, или же прибегает к вольнопрактикующему врачу Васильеву, живущему в самом Чулкове; с более трудными болезнями ездят в больницу в город, где или получают советы и лекарства бесплатно, или ложатся в больницу. Оспопрививателя в волости нет;

бывший – в прошлый набор сдан в рекруты, а теперь пользуются вольным, посещающим селения, потому что жители охотно прибегают и часто даже сами выписывают его в селения или возят к нему детей.

Сифилис до открытия на шахтах работ почти не было слышно, но за последнее время он стал появляться не только между рабочими, квартирующими обыкновенно у крестьян в селе Чулкове, и других ближайших селениях, но и между самим населением волости. Все это известно волостному правлению более из частных слухов, заболевающие же тщательно скрывают болезнь и не даром называют ее «дурною». Вообще же по волости с целью открытия сифилиса никаких мер принимаемо не было, между тем как на этот предмет земству давно уже пора в Чулкове обратить внимание: скученность населения через наем помещений рабочими, кабаки и трактиры, наполненные ими в свободное от работы время, неопрятность, присущая этому роду занятий, в близком будущем могут из Чулкова сделать весьма деятельный питомник сифилитических болезней.

<...> Народное продовольствие обеспечивается натуральной засыпкой, но счета управы далеко не сходятся с оказавшимся налицо хлебом в магазинах, мною осмотренных; так, например, по справке из управы в деревне Стрелецкой должно быть 64 четверти ржи и 28 четвертей овса, а налицо оказалось 40 четвертей ржи и 12 четвертей овса; в деревне Ивановской должно быть 71 четверть 3 меры ржи, оказалось 37 четвертей 4 меры; в деревне Михайловской должно быть 27 четвертей ржи, оказалось 20 четвертей какой-то смеси, так что невозможно определить, что находится перед глазами. В деревне Перек ничего не насыпано и магазин разрушился.

Самые вместилища для запасного хлеба в весьма удовлетворительном состоянии, но засыпанный в них хлеб часто до того сорен, гнил и перебит мышами, что в целой горсти этой пыли не найдешь ни одного целого зерна; препровожденный мною в управу образчик этого хлеба убедит, что лучше вовсе не иметь засыпки, чем засыпать хлеб такого качества, о котором мне некоторые общества весьма наивно заявили, что и разбирать его не стоит, потому что придется выкинуть в навоз, а вместо него, пожалуй, будут требовать засыпки новым хлебом.

Все общества согласны, как я заметил, к переходу с природы на денежный взнос, и нет сомнения, что, если будет им предложена в более урожайный год эта мера с некоторою рассрочкою взноса, то они не задумаются ей воспользоваться. Книга прихода и расхода на засыпку хлеба не ведется. В жмурковском обществе хлеб весь разобран в ссуду по разрешению губернской земской управы.

Урожая не предвидится: рожь редка, овес сидит у корня, засуха в июне месяце лишила всякой надежды на улучшение озими.

Крестьянское население давно сознало, что и его земли приобретают большие силы от удобрения, а потому усердно вывозит всякий навоз не только с дворов своих, но и с гумна на близлежащие поля тем более, что все общества, за исключением кочугуровского и чулковского, получили довольно хорошие наделы, приуроченные к поселкам. Что же касается до чулковского общества, то чулковские крестьяне до эмансипации пользовались совершенно другими полями, а также имели и луговой надел, но за год до объявления эмансипации помещик их отобрал луга и наделил совсем другими полями; теперь у них за 2 версты самое близкое поле, а дальние за 5 и за 6 верст, к селу Альшанке. К ним вырезан прогон вдоль всего господского поля за линию железной дороги, идущей от каменноугольной шахты; около шахт отведено большое место для постройки механических заведений. Все это лишает их возможности не только удобрять свои земли, но и затрудняет пастбище скота; навоза они совсем не

возят, а продают огороднику, арендующему у гг. Лихаревых огороды, скот же свой они почти не пасут на своих полях еще потому, что там нет водопоая, а пасут больше по полям гг. Лихаревых, за что несут довольно отягочительные работы, особенно за осенние пастбища по поемным лугам. Всего надела у этого общества на 116 душ 272 десятины 1327 кв. сажений (298 га), у кочугурковского же общества на 175 душ 410 десятин (448 га) и один из участков в 85 десятин (92,9 га) за р. Брусною, куда нет вовсе прогона для скота и куда, понятно, навоз совсем не вывозится.

Из производства волостного правления и из сведений, данных мне волостным и сельским начальниками я не мог почерпнуть что-либо указывающее на поверку действий сельских обществ по народному продовольствию за все прошлое время.

Страховые платежи по обязательному страхованию собираются старостами и заносятся как в платежную тетрадь, так и в подворные книжки, но вносятся в казначейство постоянно из общих сумм сбора – сполна одновременно; как видно из прилагаемой ведомости, в настоящем году страховая премия была внесена в казначейство после 1-го марта по всем обществам, за исключением каржавинского, хотя поступления от многих страхователей были в январе и феврале месяцев. Страховых недоимок ни за одним обществом по Чулковской волости не числится, квитанционных тетрадей не ведется и квитанции страхователям не выдаются потому, как мне объяснил старшина, что недостающее количество при взносе в казначейство пополняется волостным правлением из общественных сумм, которые потом взыскиваются с недоимщиков, а если им выдать квитанции, то они откажутся от уплаты денег, позаимствованных из общественного капитала; дополнительные и исключительные списки составляются волостным правлением и посылаются на утверждение агенту, который иногда проверяет их на месте.

Осмотрены следующие №№ обязательного страхования по селу Чулкову:

№ 18. Михаила Филиппова Можарова изба, двор и рига приняты на страх в 70 руб.

№ 31. Ивана Елисеева изба с двором оценена и принята на страх в 30 руб., стоит ближе 30 сажений, но премия не возвышена, т. к. оценка по норме.

№ 5. Абрама Васильева изба с двором оценена в 220 руб., принята на страх в 160 руб. – слишком высоко.

<...> При осмотре упомянутых №№ приходилось каждый раз с собою брать для проверки страховые списки из волостного правления, т. к. квитанций ни у одного из страхователей нет.

Добровольных страхований в волости 5 номеров на 1536 руб.; т. к. при волостном правлении списка не оказалось по случаю отправления его в земскую управу, и копии с него не отправлено, и все номера находятся в селе Чулкове, то мною все проверены по красным квитанциям, причем оказалось: строение священника Алексея Иванова Дубровина принято на страх в 316 руб.; дьячка Василия Иванова Сомова принято в 900 руб.; пономаря Дмитрия Иванова Безсребренникова в 270 руб., все по 1-му разряду; государственного крестьянина Павла Петрова Кострюкова связь без двора, причем в одном отделении помещается питейное заведение, принята по 2-му разряду; и бывшего дворового Василия Петрова Кострюкова принято на страх в 70 руб. по 1-му разряду, хотя по близости от питейного заведения должно подлежать возвышенной премии.

Всеми вышеприведенными страхователями, за исключением Василия Кострюкова, отсутствовавшего во время осмотра, были мне представлены красные квитанции; по сличении времени их выдачи с временем обмена на белые, внесенная премия была своевременно проведена в земскую управу.

Страховое дело в Чулковской волости, как и в прочих волостях, мною обревизованных, кроме агента никто никогда не проверял и мер предосторожности не преподавал; самое предписание губернской земской управы от 3 мая за № 2104 подшито к общему наряду текущих бумаг, распоряжения же по поводу его никакого не было ни в волостном правлении, ни в сельских приговорах, да и вообще в 1875 г. по день ревизии (3 июля) волостных сходов не было, что видно из книг приговоров, сельских же было два схода, из которых на одном, бывшем 5-го мая, общество деревне Ивановской нашло хлебный магазин нуждающимся в перелде, почему полагало разобрать имеющийся в нем хлеб.

<...> Подводная повинность на волостные нужды исполняется усиленным сбором в пользу старшины в размере 108 руб., на прочие же нужды употребляются обывательские подводы по наряду.

Для исправления полотна дороги волость высылает обыкновенно в июле месяце человек 80 рабочих на ряжский и данковский тракты, что составляет повинность в 150 руб. ценностью, проселочные же дороги исправляются частным образом самими владельцами.

<...> Порядок сбора разных платежей с крестьянских обществ тот же, что и в других предшествовавших волостях; разница встречается в исполнении, т. е. по окладным листам составлены тетради старост с расчетом по каждому двору, в которые он вносил поступающие деньги; эти поступления также заносятся в подворные книжки, выданные в каждый двор домохозяину. В Чулковской волости особыми платежными сборами крестьяне не обложены, кроме обыкновенных земских, душевых и казенных; оброк же и выкупные рассчитаны по количеству надела; так, по обществам, состоящим на оброке: кочугурскому, при наделе на 175 душ 410 десятин, на каждую ревизскую душу падает 7 руб. 19 коп. оброка; села Перек стрекаловского общества, на 72 души надела 177 десятин 1358 кв. сажень, ложится оброка на душу 7 руб. 67 коп.; коржавинскому – Блудовой, при наделе на 18 душ 10 десятин падает на душу 2 руб. По состоящим на выкупе: чулковскому – Лихарева, на душу 6 руб. 10 коп., коржавинскому – Лихарева, на душу 5 руб. 25 коп., ивановскому – Марковых, 5 руб. 20 коп., стрелецкому их же 5 руб. 76 ½ коп.

Счеты управы поземельного и страхового сбора совпадают с окладом волостного правления, равно количество поступлений и недоимок.

Волостной сбор с души взимается по 53 коп., а сельский сбор по обществам; цифра этого сбора колеблется между 30 и 35 копейками; деньги эти поступают на руки старост, которые расхода не записывают, употребляя деньги на сельские нужды, на разъезды для себя и на сдачу рекруг. Сколько следует судить, учетов не производилось ни старшиною, ни старостами; за последние 2 года был учет только одному отдатчику рекрут села Чулкова Ефиму Емельянову; учет этот был произведен по инициативе волостного правления 4 февраля 1874 г. через избранных лиц в числе 28 человек домохозяев, которые вызваны были по списку. Эти же лица были вызваны в 1874 г. 31 декабря для баллотировки настоящего старшины Якова Никитина Кушцова, крестьянина г. Маркова села Ивановского.

<...> Так как занятие крестьян Чулковской волости по преимуществу хлебопашество, то и на произведения свои они всегда имеют достаточный спрос на скопинском рынке. Около самого Чулкова по речкам Брусне и Верде несколько водяных мельниц, которые дают возможность сбывать хлеб не в сыром виде, а перемолотым или обрушенным. Другими же произведениями, как-то: пенькою, скотом, лошадьми и проч., главный торг бывает на скопинских ярмарках: в девятую пятницу, Троицын день и день усекновения главы Иоанна Предтечи. В настоящее время существуют следующие цены: рожь 3 руб. 75 коп., мука 50 коп., овес от 2 руб. 75 коп. до 3 руб., сено 40 коп., корова от 15 до 30 руб. рабочая лошадь от 25 до

50 руб., овца от 2 до 3 руб., кирпич нынешнего года по случаю увеличения числа кирпичных заводов, где он обжигается каменным углем, дошел до 12 руб. за тысячу 8 и 9 фунтов веса, за эту же цену отпускается 1 четверть извести; прошлый же год кирпич доходил до 17 и более рублей.

Ценность земли усадебной и луговой в куплю от 150 до 200 руб., в наем на один год от 30 руб. до 20 руб.; полевой в куплю от 150 до 100 руб., в наем от 15 до 13 руб.; лесной земли на сруб и в куплю нет, дрова покупают в казенной роще за 15 и 20 верст; 1 сажень дубовых на месте стоит 15 руб., строевой же лес, как кругляк, так и пильный, крестьянами покупается в Скопине: 9-аршинный сруб с выделкою обходится до 200 руб. Цена рабочим силам: годовой работник от 40 до 30 руб., работница от 15 до 10 руб., поденный мужской день в рабочее время от 75 до 50 коп., женский от 25 до 20 коп., в остальное время женский не превышает 10 коп. Сдельная работа обуславливается временем уплаты денег: если за год вперед, то сороковую десятину берут обработать часто по 4 руб., а при своевременной уплате денег трудно найти на тридцатку за 4 руб. 50 коп.

Отхожим промыслом население занимается весьма мало; человек 20 работают на каменноугольных шахтах, но вследствие ли привычки, или других причин местное население, несмотря на близость заработка и на щедрую задельную плату, весьма неохотно пускается в эти работы; другое дело – доставка каменного угля гужом; когда почему-либо бывает спрос на этот заработок, крестьяне охотно подражаются и получают за доставку от шахты до Скопина, за 11 верст, по 2 коп. с пуда. В селе Чулковке и окольных селениях крестьяне весьма охотно пускают к себе на квартиры пришлый рабочий народ. Почти в каждом доме зимою можно найти по несколько рабочих в избе, платящих от 2 руб. до 3 руб. в месяц с харчами. Каменный уголь для топлива чулковские крестьяне не употребляют, объясняя это неприспособлением к этого рода топливу и избытком соломы, которая у них в навоз нейдет.

Ввиду 6-го вопроса (X отдела программы, преподанной для ревизии) относительно естественных богатств ревизуемого края, было бы со стороны ревизирующего члена невыполнением задачи, если б он не остановил внимание управы на каменноугольном деле в Чулковской волости, где оно получило свои начала и развитие до существующих размеров, обещающих для уезда богатое будущее. С другой стороны, чтоб вполне ознакомить губернскую управу даже в отношении чисто экономическом с этим производством, описывающий должен обладать теми знаниями, которые, к сожалению, может он в настоящее время предложить. Мне рассказывали историю каменного угля так. Лет 14 тому назад бывший скопинский уездный предводитель П.М. Лихарев отрезал своим крестьянам земляной надел. Приглашенный для этой цели землемер, имени которого я не узнал, проходя чрез глубокий овраг, по местному названию Колодезный, спустился в расщелину, образованную течением воды на дне оврага, где поднял кусок черной массы, похожей на каменный уголь; придя домой, он стал его жечь, и оказалось, что эта масса способна гореть; тогда он ее передал владельцу, который препроводил ее в горное управление. Несколько лет спустя после этого к нему явился поверенный компании Ахенбах и Коли г. Струве и предложил произвести на его землях изыскания. Получив, вероятно, благоприятные результаты, он заключил с Лихаревым условие, обязавшись при начале работы выдать 60 000 руб. авансом и с каждого добываемого пуда каменного угля платить ½ копейки. В настоящее время этих попутных денег получается его наследниками от 11 до 12 тысяч в год. Вот какие размеры приняло угольное дело в Чулковской волости. Могло ли влияние его не отозваться на экономическом состоянии не только этой волости, но и целого края?

В настоящее время на 3 шахтах (4-я недавно закрыта) работают три сильных паровых машины для подъема угля из рудников и столько же меньших для выкачивания воды;

разрабатываемая площадь в 100 десятин, приобретено же для разработки 1300 десятин; добывается угля от 2 до 4 млн пудов из глубины от 30 до 40 аршин. Затрата компании на постройки и механические заведения более 100 000 руб. Ветвь железной дороги на расстоянии 10 верст без подвижного состава обошлась до 250 000 руб. Ежегодно употребляется лесного материала для укрепления галерей и др. нужды на 40 000 руб. Жалованья служащему персоналу и инженеру, заведывающему технической частью платится 15 000 руб. В зимние месяцы заняты ломкою угля до 500 чел., которых 80 % комплектуется из окрестных местностей, преимущественно из Корневской и Затворнической волостей, и только 20 % из Тульской губернии. Рабочие получают от 35 до 70 коп. поденной платы, сдельная же с вагончика достигает 1 рубля и более в сутки. Всеми этими цифровыми данными я обязан заведывающему копиями г. Ф.Ф. Гейзен, сопровождавшему меня по всем отдельным штрекам (галереям) рудника и наружным заведениям чулковских шахт. Первоначальная разведка производится следующим образом. Поставленный вертикально в землю бур поворачивается или лошадь, или 4 рабочими, оконечности этих буров различной конструкции, смотря по почве, в которой они работают, т. е. каменистой, глинистой, рыхлой или песчаной; по мере углубления бур наставляются новыми колоннами, а вынимаемые земляные породы укладываются в ящики с несколькими разделениями в последовательном порядке для того, чтоб по аналогии их последовательности было возможно сделать более или менее верное заключение о близком присутствии каменноугольного пласта, которое в большинстве случаев указывает особой породы мягкий сланец (илка). Когда таким образом достигнут слоя угля достаточной толщины и качества, то отверстие к нему разрывается до 6 аршин в одну сторону и 3 аршин в другую, над ним строится здание, где делаются две платформы, верхняя рядом с нижней, последняя у самого рельсового пути железной дороги. На верхней платформе, как раз против отверстия к руднику, устроены на блоках две опускающиеся и поднимающиеся подвижные платформочки на проволочных канатах, приводимых в вертикальное положение паровою машиною; на эту-то платформочку, когда она опущена в рудник, становится вагончик, нагруженный углем от 30 до 60 пудов (от 4,8 до 9,6 ц); когда вагончик с углем поднят, он подвозится к железной решетке, лежащей наклонно с верхней платформы на нижнюю, уголь сбрасывается, и крупный скатывается на нижнюю платформу, откуда грузится прямо в вагоны железной дороги, а мелкий вместе с землею и другими примесями, проходя сквозь этот грохот, падает между платформами. Опорожненный таким образом вагончик подкатывается опять к подвижным платформам, устанавливается и вновь опускается в рудник. 5 и 7 июля в сопровождении г. Гейзен спустился на упомянутых платформочках первый раз в шахту № 1, а второй раз в шахту № 3. Хотя мы ходили в самые отдаленные места этого подземного мира, но особо душным воздухом мне дышать не приходилось; там, где скопляются особенно вредные газы, работ не производится, а также и в отдаленных местах, где в воздухе чувствуется отсутствие кислорода, устроена воздушная шахта с искусственной вентиляцией, иначе бы гасли лампы и невозможно было бы производить работ.

Галереи эти, или штреки, в большинстве случаев вышины в рост среднего человека; впрочем, есть и такие, где приходилось сильно гнуться, в этих-то последних я застал рабочих за ломкою угля. Работа производилась при олеиных лампах, выламывали уголь рабочие кирками и ломками, стоя на коленях в некоторых местах на вершок, а то и выше в грязи. Хотя я не чувствовал ни усталости, ни жары, но пот лил с меня градом, вероятно от учащенного дыхания. Надо признаться, что 12 часов, которые приходится в сутки поденщику пробыть в руднике, вполне заслуживают щедрого вознаграждения. Работам этим составляются геометрические

планы с указанием нивелировки штреков, которые расположены параллельно пересекающимся, так что пространство между ними имеет вид квадратов. Выборка угля из этих квадратов (целиков) начинается уже тогда, когда дойдут до угольного пласта настолько тонкого, что дальнейшая разработка не представляет выгод. Самые штреки укрепляются толстым дубовым или сосновым лесом, подпирая с обеих сторон 5- и 6-вершковыми бревнами матицы на расстоянии $\frac{3}{4}$ аршина друг от друга, становятся же эти боковые подпоры на концы шпал, по которым идут рельсы для движения вагончиков с углем. Говорят, что в рудниках есть особо отведенные ретирады, но мне часто приходилось встречать нечистоты в самых штреках. Говорят, бывают нередко несчастные случаи, и в течение 4-х лет было 6 случаев серьезных, но причины их всех отнесены к неосторожности рабочих.

Качество каменного угля на всех 4-х шахтах разнится своим достоинством; поэтому для большей ясности я препроводил в губернскую управу десять образцов вместе с образцами прочих копей Скопинского и Данковского уездов. Вообще же горные инженеры относят все эти породы к каменному углю младших формаций, называя его бурым углем.

Рабочие помещаются частью на вольных квартирах крестьян ближайших селений, частью в казармах, устроенных на шахте в виде русских изб. Один раз в неделю шахты посещаются вольно практикующим доктором Васильевым, приглашенным компанией»¹.

Хроника происшествий по селу Чулково за 1860–1880-е гг. пестрит случаями из обычной крестьянской жизни вперемежку с производственными инцидентами на каменноугольных шахтах. 9-го апреля <1867 г.> Скопинского уезда села Чулково крестьянин Дмитрий Степанов, поевши с своими семейными ухи, приготовленной из свежей рыбы, принесенной ему зятем его Андреем Павловым, почувствовал себя нездоровым. После чего с ним сделалась рвота, а трехлетний сын Степанова 12-го апреля умер»². 29 января <1876 г.> Скопинского уезда в селе Чулково сгорел от неизвестной причины дом священника; убытка понесено на 800 руб.»³. «3 августа <1876 г.> Скопинского уезда на Чулковской каменноугольной копи крестьянин Богородицкого уезда Дмитрий Павлов умер от ушибов бадьюю, оторвавшись и упавшею сверху в низ шахты, где Павлов работал»⁴. «В ночь с 2 на 3 ноября <1881 г.> Скопинского уезда на Чулковских каменноугольных копиях сгорел от неизвестной причины дом; убытка понесено на 3500 руб.»⁵. 25 марта <1882 г.> Скопинского уезда в селе Чулково сгорел от неизвестной причины крестьянский дом с надворным строением»⁶. «21 июля <1882 г.> Скопинского уезда на Чулковской каменноугольной шахте сгорела от неизвестной причины казарма, убытка понесено на 1000 руб.»⁷. «13 апреля <1883 г.> Скопинского уезда на Чулковской шахте кочегар крестьянин села Чулково Иван Гайдеров умер от обжогов, полученных им от воспламенившейся от упавшего фонаря мази, которою он смазывал котел»⁸. 17 июля <1883 г.> Скопинского уезда на Чулковских каменноугольных копиях сгорели от неизвестной причины шахта с 2 паровыми машинами, кузница, сторожка, сарай и 5 железнодорожных вагонов; убытка понесено на 25 000 руб.»⁹. «17 ноября <1886 г.> в Скопинском

¹ Доклады членов Рязанской губернской земской управы о ревизии уездов Спасского, Сапожковского, Скопинского и Рязского 1875 году. М., 1877. С. 510–524.

² Рязанские губернские ведомости, № 34 (10 мая 1876).

³ Рязанские губернские ведомости, № 16, – 1876. – 25 февраля 1876).

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 74 (18 сентября 1876).

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 93 (5 декабря 1881).

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 28 (21 апреля 1882).

⁷ Рязанские губернские ведомости, № 64 (25 августа 1882).

⁸ Рязанские губернские ведомости, № 33 (7 мая 1883).

⁹ Рязанские губернские ведомости, № 68 (7 сентября 1883).

уезде на Чулковских каменноугольных копях во время работ внутри шахты задавлен массою обвалившегося песка рабочий крестьянин села Карневого Иван Михайлов Суровый, 25 лет»¹.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что к концу 1870-х гг. Чулковская волость была ликвидирована. В составе Корневской волости значатся «Чулково, бывшее село владельческое при речке Верде», в котором было 74 двора и 473 жителя. В селе стояло кирпичное здание Никольской церкви, действовали 2 лавки. В Чулковских выселках, «деревне бывшей государственной», насчитывалось 152 двора и 1024 жителя, работали 2 торговые лавки².

Земская школа (училище) в Чулкове была основана в 1881 г. Скопинским уездным земством и располагалась в пятиколонном каменном здании под железной крышей и с тремя печами, предоставленном попечителем – чулковским помещиком отставным подпоручиком Н.А. Усовым. Площадь здания составляла 137 кв. аршин (69,3 кв. м), объем – 650 куб. аршин (234 куб. м). В 1885–1886 учебном году с 20 октября по 8 мая в нем обучались 45 мальчиков и 5 девочек из 4 селений, причем из соседних с Чулковым селений в школу ходили 38 детей. Обучение велось в трех группах: младшей, средней и старшей, которые составляли один класс, на день приходилось до 7 часов учебного времени. Плату за обучение в размере 50 копеек в месяц вносили только дети из других селений. При школе имелась небольшая библиотека на 38 книг. Квартира учителя находилась при школе. Место законоучителя было в тот год свободно «за смертью священника Дубровина», должность учителя занимал семинарист Г.В. Глазунов³. Позднее эта школа из трехклассной стала четырехклассной. Она находилась среди изб порядка Нижние Дворяны.

По переписи населения 1882 г. в селе Чулкове Корневской волости насчитывалось 53 домохозяйства крестьян-собственников. В них проживали 153 мужчины и 160 женщин. Грамотой в селе владели 9 мужчин и 5 учащихся мальчиков. В селе был 1 кирпичный дом под деревянной крышей и 49 деревянных изб, крытых соломой. «По-черному» топились 24 избы. В селе насчитывалось 6 амбаров и 32 риги и овина. Надел на ревизскую душу в среднем составлял 2,7 десятины (2,9 га) земли – это был преимущественно неглубокий чернозем. Девять семей арендовали 7,5 десятины (8,2 га) внеадельной земли. Безземельными числились 6 дворов, безземельно-бездомовными – 2 семьи. Безлошадными считались 32 двора (60 %), в трех дворах – по 3 и более лошадей. Местными промыслами занимались 47 семей, в отхожих числились 4 мужчины. Бывших государственных душевых и государственных четвертных крестьян, исторически называвшихся однодворцами, в 35 домохозяйствах села Чулкова числилось 224 души обоего пола. У государственных душевых крестьян на работника приходилось 6,2 десятины. В селе действовали 3 трактира и 1 лавка⁴.

К 1882 г. относится также описание имения жены поручика Анны Павловны Усовой «Скопинского уезда при селе Чулкове – Никольское тож, в коем земли 426 д. 537 с. (466 га), а именно: усадебной 40 д. 460 с. (44 га), пахотной 240 д. 720 с. (263 га), лугов заливных 69 д. 1540 с. (76 га), лугов лощинных 10 д., 950 с. (11,3 га), леса строевого 9 д. 1254 с. (10,4 га), зарослей 36 д. 2322 с. (40 га) и неудобий 19 д. 493 с. (21 га). В имении находят-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 93 (5 декабря 1886).

² Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 329.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 12. Москва: Ряз. губ. земство, 1889. С. 8–13, 24.

⁴ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2. Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 8–13.

ся усадебные хозяйственные постройки и мукомольная о двух поставах мельница. Имение это заложено с 1 января 1878 г. на 43 года и на оном числится капитального долга банку 32161 руб. 80 коп. и недоимок 1331 руб. 42 коп.»¹. Обремененное долгами чулковское имение время от времени распродалось по частям для погашения задолженности. Так, например, в сентябре 1891 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали о том, что «за невзносы причитающихся банку платежей» Советом Государственного дворянского земельного банка были назначены в продажу 424 десятины 825 сажень (464 га) земли при селе Чулково, Никольское тож, Анны Павловны Усовой»².

К 1883 г. в окрестностях Чулково действовали уже 6 угольных шахт. В документах 1893 г. упоминается владевшая шахтами при селе «Чулковская компания каменноугольного производства», ежегодно добывавшая 4,766 млн пудов угля (76,3 тыс. т). На предприятии использовались 14 паровых машин, а также углеподъемные, водоотливные и вентиляционные механизмы. Работали около 980 рабочих с поденной зарплатой от 25 коп. до 1 рубля, заведующий копиями, горный инженер, инженер и два штейгера. Имелась больница³.

В 1898 г. Чулковская компания каменноугольного производства упоминается как крупное предприятие с основным капиталом в 750 тыс. руб. В Московско-Рязанском горном округе Замосковной горной области ей принадлежала Чулковская буроугольная копь в Скопинском уезде Рязанской губернии, добывшая в 1897 г. 4,896 млн пудов угля (78,3 тыс. т). В Орловско-Тульском горном округе ей принадлежала Бобрик-Донская каменноугольная копь в Епифанском уезде Тульской губернии, а в Области Войска Донского – еще одна Чулковская каменноугольная копь, находившаяся в Таганрогском округе Донской области. Правление компании находилось в Харькове⁴.

По сведениям за 1894 г. в Чулково в это время действовало кирпичное производство для своих нужд на Чулковской шахте, где были заняты 2 рабочих. Крестьянину М.К. Огорокову в селе Чулково принадлежала водяная мельница с двумя поставами. Одноконные просорушки принадлежали И. Андрееву и И.В. Никифорову. Водяной мельницей в Чулковских выселках владели А. и П. Наседкины⁵.

28 января (8 февраля) 1893 г. член земского училищного совета и коноховский помещик Д.А. Леонов провел ревизию чулковской школы. В отчете он отмечал: «Учительницею в школе состоит кончившая курс в епархиальном училище Волкова, законоучителем местный священник Прудков, попечителя же не имеется вовсе. Учеников в школе 92 – несколько больше, чем позволяет помещение. Здание новое, прекрасно построенное, но, ввиду спешности постройки, стены не облицованы, а потому в школе довольно холодно. Занятия начались лишь с 8 декабря, вследствие неимения помещения для школы, почему и нет старшего отделения, а младшее и среднее весьма удовлетворительны. Диктант писали 11 человек, из которых только 2–3 оказались мало-мальски знающими грамоту. Чтение, как в среднем, так и в младшем отделениях, плоховато. То же самое можно сказать и об арифметике – из задач ученики могут разрешать кое-как лишь устные задачи. Что касается до Закона Божия, то сведения учеников чулковской школы по этому предмету тоже весьма невелики. Плохое разви-

¹ Рязанские губернские ведомости, № 33 (8 мая 1882).

² Рязанские губернские ведомости, № 64 (4 сентября 1891).

³ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 43 – 43 об.

⁴ *Полов И.* Список главнейших русских горнопромышленных компаний и фирм. СПб.: Тип. СПб. Акц. общ. печатного дела в России Е. Евдокимов, 1899. С. 158–159.

⁵ *Мартынов Н.Н.* Статистический обзор фабрично-заводской промышленности Рязанской губернии за 1894 год, Рязань, 1895. С. С.42, 74, 89.

тие учеников и чрезвычайная ограниченность их сведений не могут быть поставлены в вину ни учительнице, ни законоучителю, объясняются тем, что в прошлом году школа не имела собственного помещения, странствовала из дома в дом, в нынешнем же году оставалась без занятий до 8 декабря»¹.

В 1894 г. была проведена очередная ревизия земской школы в селе. В отчетных документах Скопинского уездного земства отмечалось: «Чулковская школа. В школе 74 ученика, на 18 меньше, чем в прошлом году. Исключая Закон Божий, все предметы учениками освоены очень слабо. Причина этого явления – вполне небрежное отношение учительницы Волковой к своим обязанностям (ушла затем в отпуск и не возвратилась). Вместо нее назначен переведенный из Рязанского уезда учитель Срезнев. Из 9 человек испытание экзаменом выдержало 4»².

Об учительнице Волковой известно, что до 1896 г. она преподавала в Казинке, после чего перешла в Булычево, а ок. 1904 г. – в село Высокое. О ней в ходе заседания Скопинского уездного земского собрания было сказано, что она «ранее не особенно удачно учительствовала в Чулковской школе, но в последние два года как учительница заслуживает полного одобрения»³.

Вскоре в Чулковскую земскую школу пришел более опытный педагог, и на заседании уездного земского собрания в 1896 г., среди прочих, была отмечена учительница г-жа Полянская, ранее работавшая в Корневской школе. В посвященном ей пассаже доклада училищного совета вносилось предложение повысить ей жалование: «Пусть годы упорного труда, волнения во время ревизий и экзаменов, невежество окружающей среды, расстроенное здоровье оплатятся хотя бы двадцатирублевой наградой!»⁴ Судя по материалам заседаний Скопинского уездного земского собрания, впоследствии чулковская учительница Полянская поощрялась ежегодно. Посещаемость и успеваемость в школе повысились, не в последнюю очередь, благодаря авторитету педагога.

В 1903 г. на самом высоком месте села Чулкова, у дороги, из красного кирпича было возведено двухэтажное школьное здание школы. Попечителем школы в 1912 г. был владелец усадьбы при селе Николай Николаевич Усов⁵. В 1903 г. в Чулковской земской школе учились 102 мальчика и 8 девочек, в то время как в селе проживали 288 детей школьного возраста. Окончили школьный курс со свидетельством только 10 человек. В 1913 г. учились 219 детей, из них окончили курс только 17⁶.

В книге «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (1902), вышедшей под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского, сообщалось: «За Скопиным железный путь, несколько удаляясь от Верды, вступает в полосу лесов, простирающихся отсюда почти до впадения Верды в Ранову. Это остатки тех самых лесов, которые в старину ограничивали Ранову с [северо]-з[апада]. В 7 вер[стах] от Скопина железный путь достигает ст[анции] Скопина-Чулковского. Станция эта грузит до 900 тыс. пуд. преимущественно каменного угля, доставляемого по восьмиверстной Чулковской ветви. Ветвь эта направляется

¹ Журналы Скопинского уездного собрания XXIX очередного созыва 1893 г. Скопин, 1894. С. 92.

² Там же.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XXXII очередного созыва 1896 года. Скопин, 1896. С. 26.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 274.

⁶ Сталинец, №12 (1 февраля 1948).

к ю[го]-ю[го]-з[ападу] и, по пересечении у села Чулкова реки Верды, достигает знаменитых Чулковских каменноугольных копей, расположенных около села Чулкова, Побединки (Воскресенского) и Чулковских выселок. Копь эта, принадлежавшая прежде «Чулковской компании», а ныне перешедшая к бельгийскому обществу, имеет 18 шахт и штолен и паровые двигатели, и есть самая значительная каменноугольная копь в рассматриваемой области; число рабочих на ней достигает 700 человек, а количество добычи в 1896 г. простиралось до 4 млн пудов. В середине 80-х годов добыча угля здесь была еще гораздо значительнее, достигая на Чулковской копи 11,5 миллионов пудов, а на Побединской – 1 200 000 пудов. Шахты Чулковских копей прежде достижения каменноугольных пластов проходят через юрские глины и песчаники, содержащие множество прекрасно сохранившихся окаменелостей, которые послужили в 1880 г. материалом для известной монографии проф. Лагузена. Промышленный оборот Чулкова, благодаря копиям, достигает ныне до 100 тыс. рублей в год. Села Чулково, Побединка и Чулковские выселки в совокупности с шахтами имеют до 3500 жителей, 2 церкви, несколько лавок. <...>

В эпоху освобождения крестьян Чулково принадлежало старой дворянской фамилии Лихаревых, владевшей в то время в Скопинском уезде более чем 3 тыс. десятин. В конце XVI в. стрелецкий голова Лихарев был послан в поход против крымских татар; в половине XVII в. дворянин Лихарев был посылаем для переговоров к гетманам Радзивиллу, Сапеге и Потоцкому, а в 1670 г. воевода Лихарев одержал при Веденяпине и в Кадомском лесу решительные победы над разинцами¹.

Порядки крестьянских домов села Чулкова известны с начала XIX в., к началу XX в. внутренняя топономика села приобрела законченный характер. В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов пишут о ней следующее: «Главная улица села Чулково, идущая вдоль асфальтовой дороги на поселок Заречный, называется Большак. К нему примыкают под прямым углом, с одной стороны Амбаровка, с другой – Монастыровка и Щетиновка. Два последних порядка так же перпендикулярно пересекают Низовку, которая продолжает порядок Однодворцы. В XIX – начале XX вв. здесь жили привилегированные однодворцы (в народе их звали дворяне), имевшие свою землю, луга, жившие по сравнению с простыми крестьянами довольно зажиточно»².

В годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Чулково слыло в уезде селом неблагонадежным. Контакты с взрывоопасной рабочей средой на шахтах способствовали распространению среди крестьян революционных взглядов и нелегальной литературы. Также здесь чаще, чем где-либо еще, вспыхивали беспорядки. В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов приводят народные воспоминания об одном из таких случаев, который «произошел в 1907 г. <...> во время религиозного праздника. Народ веселился, катался на качелях, водил хороводы. Для присмотра за гуляниями в село вызвали отряд жандармов из Скопина. Подвыпившие блюстители порядка сами стали превращаться в злостных его нарушителей. Они приставали к женщинам, оскорбляли всех, кто пытался их утихомирить.

Тогда делегация крестьян отправилась к известному сельскому заводе, человеку смелому, дерзкому, сильному Ивану Ивановичу Савину по кличке Герман. Узнав о бесчинствах жандармов, Герман вспылал, схватил кистень (ручное дорожное оружие: ядро, гирия на ремне

¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова. Т. 2. СПб., 1902. С. 487.

² Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф. Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 128.

либо на короткой рукоятки) и побежал на гулянье. Там его сразу окружили жандармы, которые стали оскорблять Германа, запугивать тюрьмой. Герман размахнулся и сильно ударил одного из жандармов по голове. Тот упал замертво. Схватился за оружие другой, но был свален таким же ударом. Жандармы пытались схватить Германа, но ему удалось вырваться и убежать. Предстояло судебное разбирательство. Однако в ходе расследования выяснили все обстоятельства дела и Германа оправдали»¹.

В сведениях за 1905 г. село Чулково упоминается как «Лихарево село», в котором было 53 двора и 267 человек населения, и «Чулково село, живущие однодворцы», где на 42 двора было 250 человек жителей. В селе имелись «церковь каменная, земская школа, казенная винная лавка». В Чулкове работали две водяные мельницы – «верхняя» госпожи Усовой и «нижняя» мещан Наседкиных². Из промышленных предприятий в селе также упоминается «ватное заведение» помещика Н.Н. Усова, но к 1912 г. оно уже не работало («машины разобраны, двигатель бездействует»³). В «Ведомости земель, подлежащих исключению из обложения и земского сбора на 1911 год» значится также чайная лавка Авдотьи Ивановны Морозовой в деревне Чулковские выселки. Причина для исключения приводилась следующая: «Морозова уехала неизвестно куда, а чайная лавка прекращена года 4 тому назад и имущество распродано ею, недоимку взыскать не представляется возможным». Другая владелица чайной лавки Анастасия Васильевна Титкова в деревне Чулково, как выяснило земство в 1911 г., также «торговлю прекратила уже лет 5, имущество продала и сама уехала неизвестно куда»⁴.

В марте 1905 г. епархиальное начальство разрешило причту Никольской церкви в Чулкове «перемнить на новые три небольших старых колокола и приобрести на средства прихожан новый колокол в 200 пудов»⁵. В 1914 г. в этом храме служил священник Иван Иванович Прудков⁶. В его приходе действовали земская одноклассная и ремесленная школы. В селе насчитывалось 94 двора, в которых проживали 266 мужчин и 274 женщины. В этом же приходе состояли также жители деревни Чулковские выселки, вместе с которыми в нем считалось 245 дворов, 893 мужчины и 920 женщин⁷.

В 1912 г. при Чулковской земской школе было разрешено открыть ремесленное отделение (слесарно-кровельное и кузнечное)⁸. Член училищного совета Д.А. Леонов сообщил в 1912 г. на заседании Скопинского уездного земского собрания: «Кроме ремесленной школы в г. Скопине, которая уже открыта пока в наемном помещении в составе одного отделения слесарно-кузнечного, и здания, которое начато постройкою, – в текущем году откроются ремесленные отделения при Чулковской (слесарно-кузнечное) и Кремлевской (столярное)

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 129.

² Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 634–635.

³ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVIII очередного созыва 1912 года. Скопин, 1913. С. 406–407.

⁴ Журналы Скопинского уездного земского собрания XLVII очередного созыва 1911 года. Скопин, 1911. С. 448, 449.

⁵ Рязанские епархиальные ведомости, № 6 (15 марта 1905 г.). С. 130.

⁶ Памятная книжка Рязанской губернии, изд. 1914 г. Рязань, 1914. С. 446.

⁷ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье. 1998. С. 623.

⁸ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 25.

школах»¹. К середине 1914 г. были отстроены ремесленные отделения в Чулково и Кремлеве, а к 1 декабря планировалось закончить такие же в Катине, Гремячке и Ермолове².

Как свидетельствуют В.А. Соболев, В.Н. Егоров и А.Ф. Крылов, во 2-е десятилетие XX в. «Чулково и его жители вступили без особых перемен в своей повседневной жизни. К привычным тяготам и лишениям прибавилась начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война. Удалось встретиться с чулковскими старожилами И.И. Савиным, М.С. Савиным и И.А. Чернышовым, которые помнили те времена и то, каким было Чулково и его жители.

– Село было большое, домов 350–400. Избы все примерно одинаковые, размером 5 на 5 аршин, около 15 кв. метров. Ставили их из бревен, а потом обмазывали изнутри и снаружи глиной. Крышу прокрывали соломой. Маленькие оконца закрывали слодой. На зиму соломой утепляли стены, обкладывая их снаружи. В большинстве домов полом служила утрамбованная земля. Многие топили еще «по-черному», без трубы на крыше, или “по-получерному”, когда на печи труба стояла, но наружу она не выводилась. Дым улетучивался через отверстие в крыше.

В таком домике жило обычно по 2–3 семьи, мать с отцом а также жены, мужа и ребятишки сыновей и дочерей, в общем по 10–12, а то и 15 человек. Хозяином в семье считался самый старший. <...> У него находились ключи от всех амбаров и припасов. Каждое утро он давал “наряд”. Женщинам выдавал провизию на приготовление еды, мужчинам определял, где кому работать. Располагалась семья в такой избенке в большой тесноте. Все вместе тут находились только ночью. На ночлег ложились в четыре яруса. На полу, на соломенной подстилке, на лавках, на печи и на полотах (нары под потолок). В холодное время умудрялись размещать тут же еще и скотину.

В такой тесноте было и страшно грязно. Ведь у крестьян не имелось даже мыла. Вместо него использовалась илка (глина с некоторым мылящим эффектом). Ей и умывались, и белье стирали. Если к этому добавить, что жили в постоянном голоде, то понятно, что заразные болезни в селе не переводились. Умирало много детей, для которых главным питанием была “соска” с пережеванным и завернутым в грязную тряпицу ржаным хлебом. Не редкость, когда из 10 детей оставалось в живых всего 2–3. К такой смертности привыкали. Говорили, что Бог дал, Бог и взял. Причем девочек хоронили с меньшими слезами. На них ведь наделов не давали. Жила у нас одна горемычная семья, где рождались одни девочки. Их у отца с матерью было семеро, а надел только один.

Учились крестьянские дети в школе, простроенной помещиком Лихаревым в 1881 г. Сначала это была трехклассная школа, потом ее сделали четырехклассной. А те, кто имел возможность продолжать образование, ходили в школу на Побединке, там была семилетка. При нашей школе действовала хорошая мастерская, в ней ребят учили разным ремеслам.

Отхожими промыслами, кроме шахтерского, у нас почти никто не занимался. В зимнее время местные крестьяне работали на 17-й, 13-й, 31-й и других соседних шахтах. Были свои портные, сапожники, плотники, мастера по другим делам, которые обслуживали только своих крестьян. В этих условиях немало мужской крестьянской работы ложилось на женские и детские плечи. Пока глава семьи зарабатывал деньги под землей, они выполняли всю домашнюю и часть полевых работ.

¹ Журнал Скопинского уездного земского собрания внеочередного созыва 3 июня 1912 года, Скопин., 1912. С. 15.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания XLIX очередного созыва 1913 года. Скопин, 1914. С. 203.

Одно утешение – религиозные праздники, когда весело и торжественно звонили церковные колокола. Особо чистым и приятным звуком отличался колокол на церкви, что стояла рядом с лихареvским поместьем. В тихую погоду его слышали даже в Скопине. В праздники снимали грязные холщевые платья и рубашки, тканые из конопли, и наряжались в красивую одежду. Обувь это не касалось, ведь большинство крестьян ходило в лаптях, а в теплое время года – босиком.

Важные вопросы решались на сельской сходке, которая собиралась по мере надобности: для перераспределения земли, нарезки наделов, отправки рекрутов и т. д. Большую власть на сходах имели богатые крестьяне. Те, что держали лавки и магазины, владели мельницей и крупорушкой. Ведь так или иначе от них зависело все село»¹.

В начале 1910-х гг. чулковские помещики владели следующей недвижимостью: «Усов Николай Николаевич, двор., 363 д. 1735 с., вод. мельн. 4000 руб. при с. Чулкове <...>; Усов Николай Александрович, двор., 60 д. 1489 с. при с. Чулкове». В списке владельцев Скопинского уезда, не принадлежащих к числу дворян и имеющих право участия в выборе гласных во втором земском избирательном собрании в 1913 г. упоминается «Федюкин Алексей Николаевич, кр., каз. вин. лавка 1600 руб., в с. Чулкове»².

На полях сражений Первой мировой войны прославились несколько местных уроженцев. Петр Григорьевич Гайдеров (1890 – после 1920), крестьянин села Чулкова, был призван на службу в Русскую императорскую армию в 1911 г., два года спустя был произведен в старшие унтер-офицеры. Ему довелось участвовать в боевых действиях Первой мировой войны с августа 1914 по декабрь 1917 г. За это время он был награжден Георгиевским крестом 4-й степени и Георгиевской медалью 4-й степени³. Уроженец деревни Чулковские выселки Иван Прокофьевич Дашкин (1887 – после 1920) также был кадровым армейским унтер-офицером. Период его срочной службы пришелся на 1908–1912 гг. В 1914 г. он был мобилизован, на фронте заслужил Георгиевский крест 4-й степени. В августе 1917 г. И.П. Дашкин был произведен в подпрапорщики, но уже в декабре того же года демобилизовался⁴. Из Чулковских выселок также происходил Анисим Михайлович Савин (1884 – после 1920), служивший в Русской императорской армии с 1908 г. Он был произведен в подпрапорщики в 1915 г. За годы войны А.М. Савин стал кавалером Георгиевских крестов 4-й, 3-й и 2-й степени, а также Георгиевской медали 4-й степени. Демобилизовался он только в 1918 г.⁵

К 1916 г. на содержании Скопинского уездного земства уже находилось 16 ремесленных отделений при начальных земских школах, в том числе в Павельце, Чулкове, Вослебове, Городецком, Кремлеве, Пупках, Гремячке, Корневом, Ермолове, Затворном. Земство, выделяя деньги на содержание, строительные надобности и оборудование вослебовского, павелецкого, городецкого, пулковского и ермоловского ремесленных отделений, от некоторых из них, например чулковского и кремлевского, получало даже некоторый доход. Так, от чулковского отделения, где была устроена литейная мастерская, в 1916 г. он составил 3154 рубля⁶.

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 129–130.

² Рязанские губернские ведомости, № 43 (8 июня 1913).

³ ГАРО. Ф. Р-2657, оп. 4, д. 179.

⁴ Там же. Л. 180.

⁵ Там же. Л. 190.

⁶ Отчет Скопинской земской управы уездному земскому собранию за 1916 год. Скопин, 1918. С. 14–16.

В 1916 г. Чулковская земская школа значилось трехкомплектной. На ее отопление в год уходило 2510 пудов (50, 5 т) угля, ремонтные работы в течение года обошлись в 44 руб. 19 коп., инвентарь – в 5 руб. 74 коп., содержание сторожей – 147 руб., освещение – 31 руб. 60 коп., страхование – 26 руб. 85 коп., привоз воды – 5 руб.¹

В 1917 г. село Чулково Корневской волости Скопинского уезда Рязанской губернии подразделялось на следующие части: Чулково-Лихарево – 61 двор, население 169 мужчин и 163 женщины, Чулково-Одноворцы – 296 дворов, население 1014 мужчин и 1087 женщин. В этом году при Чулкове в последний раз упоминаются две частновладельческие водяные мельницы: верхняя – помещицы Усовой, нижняя – мещанина Наседкина².

Советская власть в Чулкове, как и повсеместно в Скопинском уезде, была установлена в декабре 1917 г. В 1918 г. был создан Чулковский сельсовет. «Но самые важные дела по традиции решали на общем сельском сходе, где собиралось почти все село от мала до велика. Но сами сходы заметно изменились. Теперь слово на них брали и самые бедные крестьяне. Стал иным и характер принимаемых решений. Многие из них предусматривали улучшение положения беднейших слоев крестьянства, уменьшение зависимости от кулаков-мироедов»³.

Новая власть способствовала раскрытию профессионального и управленческого потенциала отдельных уроженцев села, которые при старорежимных порядках мало на что могли претендовать. «Характерным примером здесь может служить Александр Прокофьевич Чернышов. До революции его знали в Чулково как отменного сапожника, шившего обувь для всей округи. Как и многие чулковцы, он работал на шахте забойщиком, вагонщиком. Природный ум и смекалка помогли ему выдвинуться в десятники. А после революции рабочие шахты № 40, где он работал, избрали его директором. На посту директора А.П. Чернышов зарекомендовал себя как инициативный и принципиальный руководитель. Его авторитет среди горняков был весьма высоким. И через несколько лет шахтеры Побединского рудника от имени 40-тысячного коллектива избирают его членом Всероссийской центральной исполнительной комиссии – ВЦИК»⁴.

В 1929 г., когда было упразднено дореволюционное административное деление на волости, уезды и губернии, Чулковский сельсовет был включен в Скопинский район Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую. В том же году в Чулкове были организованы колхозы «Ясное утро», им. С.М. Буденного (Чулково-Одноворцы), «Красное знамя» (Чулково-Лихарево) и «Верда» (Чулковские выселки)⁵. Одним из пионеров коллективизации в селе стал питерский рабочий Фомченко, избранный первым председателем колхоза «Верда».

На первых порах новообразованные сельхозартели столкнулись с теми же проблемами, что и другие коллективные хозяйства района. В 1932 г. газета «Побединский ударник» писала: «В Чулковском колхозе “Красное знамя” неладно обстоит дело с организацией труда, особенно скверно поставлен учет. Колхозники совершенно не знают расценки на ту или другую работу, дача нарядов на работу не практикуется. В колхозе не изжита уравниловка. Во время сеноуборочной компании колхозник Шестокрылов В. работал с 6 часов утра и до 9 вечера, а

¹ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 180.

² ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 144.

³ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 131.

⁴ Там же. С. 130–131.

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 207, л. 1.

Морозов И.З. в продолжении этого времени почти не делал ничего, а записывали им обычно по трудно»¹.

Не разобравшись в сути коллективизации, некоторые председатели колхозов, дорвавшись до власти, начали вести себя как мелкие феодалы. Председатель чулковского колхоза «Верда» Кирюшин в 1931 г. заявил администрации Скопинского района: «Я сдавать сено не буду, так как сено колхозу само нужно, вот сначала учту, сколько колхозу нужно, оставлю запас <...>, и если останется – сдам. Между прочим, в колхозе 45 голов скота, 45 га сеяного и 30 га лугового...»². По факту вопиющего проявления «политической близорукости» со стороны председателя колхоза «Верда» пришлось даже принимать специальное постановление бюро райкома и президиума РКК-РКИ. К «возмутителю спокойствия» были применены самые жесткие меры. Документ, в частности, предписывал: «За отсутствие массовой работы по мобилизации коммунистов, колхозников и единоличников на засыпку семян бюро чулковской сельячейки ВКП(б) распустить. Председателя колхоза “Верда” т. Кирюшина за полнейшую бездеятельность в подготовке к весеннему севу, допущение гибели овса, вики, гречихи и цикория, отрыв от масс колхозников из членов ВКП (б) исключить и отдать под суд». Не менее строгое наказание получил председатель чулковского колхоза им. С.М. Буденного Зиновьев «за срыв весеннего сева, допущение гибели части урожая 1931 г., допущении грубых ошибок в распределении доходов, за подмену руководства администрированием» его было решено «с работы снять и объявить строгий выговор»³.

За выполнением плана поставок сельхозпродукции государству колхозом и единоличниками следил Чулковский сельсовет. Письма в районную газету «Побединский ударник», а также докладные Скопинского райотдела УНКВД по Московской области свидетельствуют, что обстановка в Чулковском сельсовете в начале 1930-х гг. считалась довольно неоднозначной. Сельсовет нередко критиковали за благодушие, нетребовательное отношение к бывшим состоятельным односельчанам. Осенью 1933 г. «Побединский ударник» сообщал: «Председатель Чулковского сельсовета Кузнецов, получив контрольное задание по севу зеленых паров в 130 га, подумав, снизил до 30 га, но в действительности кулаки-твердозаданцы не засеяли ни одного клочка...»⁴ Чулковские колхозники тоже нередко жаловались на жизнь. В 1932 г. некая Наталья Гончарова писала в газету: «Меня, как ударницу весеннего сева, правление нашего колхоза “Верда” премировала 6-ю метрами мануфактуры и ботинками. О премировании знали все колхозники. Я несколько раз ходила к руководству колхоза за получением премии, но мне все время говорят: “Приходи завтра...” Хуже того. Они смеялись надо мной и говорили мне всякие пакости»⁵. Ей вторил неизвестный колхозник, укрывшийся под маской анонимности: «В колхозе «Верда» враги колхозного строительства: воры, жулики и всякие бывшие люди расхищают колхозное имущество. Гусева украла 7 кг колхозного овса и получила 3 месяца принудительных работ. Прогульщик с шахты № 39 Савин К.В., лодырь Карпов В.М. и Казаков С.С. украла 5 пудов ржи. Члены правления отстаивали члена ВКП (б) Семина И.М., он сын кулака, его отец церковный сторож»⁶.

Мода на показательные судебные процессы над противниками советской власти постепенно утверждалась со 2-й половине 1920-х гг. Докатилась она и до скопинского села: в

¹ Побединский ударник, № 138 (18 июля 1932).

² Коллектив, № 14 (19 мая 1931).

³ Побединский ударник, № 45 (23 марта 1932).

⁴ Побединский ударник, № 116 (22 июня 1932).

⁵ Побединский ударник, № 114 (21 мая 1933).

⁶ Побединский ударник, № 211 (14 сентября 1933).

1931 г. «3 марта в чулковском клубе в 8 часов вечера шел общественный суд над рабочими злостными прогульщиками рудника». Одним из фигурантов процесса был уроженец села Иван Ильич Гайдеров, сын бывшего церковного старосты. Ранее он уже был судим за хранение револьвера без разрешения. На этот раз он оказался под судом за то, что не вышел на работу в церковный праздник. Во время процесса обвиняемый кричал на председателя суда Давыдова: «Сволочь, зачем судишь рабочих? Черт с ними, с заводами, фабриками и со всей пятилеткой! Плевать, что нужно черное золото (уголь), а раз подошла масленица, то ее нужно праздновать! Пусть хоть 5 дней рабочий не работает на шахте, а тебе до этого дела нет!»¹ На подрывную деятельность врагов советской власти оказалось очень удобно списывать все провалы и недочеты промышленного производства. Скопинская газета «Коллектив» в 1931 г. громогласно разоблачала вредителей: «Кулаки, спустившееся вниз, в забой, чтобы срывать добычу угля и задержать тем самым бег паровозов, оказались крупными экземплярами пауков-эксплуататоров дореволюционной деревни. Купцов из Чулкова имел бакалейную лавку и мясную, да еще и пивную. Абакумов, также чулковский “крестьянин”, имел до революции 20 га земли, 5 лошадей, 2-х батраков. От твердого задания укрылся в колхозе <...>, разлагал его. На производстве летун, лодырь и обличен в краже угля, но скопинский суд прекратил дело, принимая во внимание пролетарское происхождение Абакумова. Панин имел 20 га земли и 2 батрака. К этому дню шахта скатилась до 24 % добычи угля от плана. В Абакумове, Панине и Купцове, которых раньше знали просто – одного как крепильщика, другого как слесаря, третьего – забойщика, в этих людях шахтеры № 41-й увидели врага»².

На селе же местное начальство, следуя старинному крестьянскому принципу «своих не выдавать», покрывало мелкие «безобразия» односельчан. Как сообщала газета «Побединский ударник», в 1932 г. в Чулкове проживала некая гражданка Савина, промышленлившая шинкарством (незаконной перепродажей алкоголя). Нередко жители села пропивали у нее личные вещи, даже одежду. «После того как ее “накрыла” милиция и выписала штраф на 50 рублей и до тех пор, пока не назначили торги на имущество, шинкариха уклонялась от его оплаты. Однако пришедшему инспектору она показала постановление РИКа о сложении штрафа. Уходящему инспектору она кричала вслед: “Что, взял? А я торговала и буду торговать!”»³

Вместе с тем, новые власти уделяли серьезное внимание развитию чулковской школы – главного образовательного учреждения села. В 1933 г. она стала семилетней, в 1935 г. ее расширение продолжалось. Однако не все реформы получались «с первого захода» Например, при директоре школы Венедиктове произошел следующий казус. Согласно докладной записке в райком, школьной администрации «на ремонт основного здания за счет средств самообложения (местного налога. – *Примеч. авторов*) было ассигновано 2500 рублей. Но председельсовета Иванов и директор увлеклись новым строительством (пристройкой нового класса и полное переоборудование дома Гайдерова). Директор к тому же уехал на курсы в Москву, доверив им нанятого завхоза Балабанова. В результате к 4 ноября ни сама школа, ни пристройка, ни гайдеровский дом готовы не были. При наличии электричества оно постоянно гасло, керосиновых ламп не было, как и керосина. Учителям за капустой, морковью, мясом вместо отдыха приходилось ездить в Скопин, т. к. местное сельпо их не завозило»⁴.

¹ Коллектив, № 4 (8 марта 1931).

² Коллектив, № 14 (19 мая 1931).

³ Побединский ударник, № 141 (22 июля 1932).

⁴ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 1, д. 88, л. 144.

В 1937 г. Чулково в составе Скопинского района было передано из Московской области в новообразованную Рязанскую. В материалах Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., имеется подробное описание села: «В Чулково (Лихарево, Одинодворцы и Выселки) 643 домов, большинство (до 70 %) деревянные, остальные кирпичные, постройки прежних лет. Имеется семь порядков: две улицы Арбановки, Монастырка, два порядка Большак, Низовка. Верда используется для полива огородов бочками, купания и использования ЦЭС для пара. Село в пойме Верды пересекается дорогой, в 2 км имеется государственный лес, около 13 га, новых посадок нет. Кровля большинства домов из соломы (свыше 90 %), несколько домов покрыто черепицей. Поля – серый чернозем и песчаник. Водоснабжение колодезное, глубиной от 3 до 13 метров от рельефа. Отходничество в основном местное: шахты, механический завод, железная дорога, шлакобетонный завод. В сельском хозяйстве остаются в основном женщины, кустарной промышленности нет никакой. Домотканые ткани готовят из льна-долгунца и конопли. <...> Ближайший базар – Побединка, существующий с 1924 г., 2 раза в неделю – среда и суббота. Приезжающие из ближайших сельсоветов. Цены на уровне Скопина. В селе 2 магазина смешанной торговли, ассортимент отпускается по паевым книжкам. Столовых, чайных нет, имеются только на шахте № 22. Имеется ветеринарный пункт. В середине двадцатых он находился в Чулково-Лихарево, также были ветпункты в Скопине и Ерлине. В этих же населенных пунктах были агропункты, в которых состояло 3 участковых агронома и 5 помощников.

Больницы и фельдшерского пункта нет. Медпомощь получают на Побединке и Скопине. На территории сельсовета имеется детский санаторий. Детские ясли имеются, неполная средняя школа на 630 учащихся, библиотека, при школе для детей кинопередвижка. Бригадой <Скопинской> МТС организован детский санаторий. Электрическое освещение имеется в Чулково-Лихарево, освещена школа, электромолотьба, в жилых домах нет. Бани, прачечной нет. Из помещиков были Усов до 400 десятин, у попов 36 десятин. В 1935 г. в имении бывшего помещика Усова был открыт детский санаторий¹. Работал он круглосуточно, где круглый год лечилось 30 детей горняков в возрасте 9–12 лет. Для его нужд также были переоборудованы некоторые колхозные постройки². Примерно в те же годы была закрыта и впоследствии разрушена входившая в усадебный комплекс Никольская церковь – памятник архитектуры XVIII в.

В Чулковский сельсовет в это время входили Чулково-Лихарево, Чулково-Одинодворцы, Чулковские выселки и поселок Киселевский с 21 двором. В объединенных в три колхоза населенных пунктах к концу 1937 г. насчитывалось 433 двора, уровень коллективизации села составлял 95,8 %. Подлежало уборке различных культур с площади 1728 га во всех видах хозяйств, в том числе в колхозах – на 1613,7 га, у единоличников – на 10,4 га, остальное приходилось на личные хозяйства колхозников. Под картофелем в колхозах было занято 124,5 га, у единоличников – 8,8 га, у колхозников – 93,3 га. Сады занимали площадь 20,2 га, в том числе колхозные – 4,1 га, единоличников – 1,6 га. В трех колхозах насчитывалось 197 лошадей, 47 коров, 10 свиней, 58 овец. В личных хозяйствах колхозников содержались 308 коров, 181 свиней, 233 овцы, у единоличников – 10 коров, 4 свињи, 1 овца³.

¹ В 1957 г. был выстроен стационарный пионерский лагерь в Чулковской роще на 450 детей. (Скопинский шахтер, № 12. 1958, 25 января).

² Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь Чулково лл. 1–4; Статистико-экономический обзор Скопинского, Горловского, Милославского и Чернавского районов. Тула, 1930. С. 52–53.

³ Архив МГУ. Ф.42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов сельсоветов Скопинского района за 1937 год.

По итогам 1938 г. в колхозе им. С.М. Буденного (Чулково-Одноворцы) числились 92 двора с 439 жителями, из них 185 трудоспособных. В течение года колхоз пополнился 11 дворами, часть которых перешла сюда из соседних колхозов, а 2 двора были исключены. Вне колхоза оставались 108 человек. В среднем каждый колхозник за год заработал 69 трудодней. В 1938 г., после отчисления 8,8 % прибыли, на каждый трудодень колхозники получили по 1 кг зерна и 18 копеек деньгами. На административно-хозяйственные расходы пошло 5,8 % прибыли. Всего под зерновыми, овощами и огородными культурами в колхозе им. С.М. Буденного состояло 232 га, в том числе под картофелем – 25 га, под другими овощами – 5 га. Урожай картофеля составил около 15,7 ц с га. Имелся значительный по площади сад. По отчету за 1938 г. в колхозе было 57 лошадей и 7 жеребят, 26 коров и 10 телят, 2 свиньи, 68 овец и 34 ягненок. За год пали 1 свинья и 2 овцы.

В колхозе «Красное знамя» (Чулково-Лихарево) на 1 января 1939 г. состояло 72 из 75 дворов с совокупным населением в 287 жителей (из них 174 трудоспособные). Вне колхоза оставались 25 человек. В среднем в 1938 г. каждый колхозник заработал по 55 трудодней. После выделения 21,2 % прибыли к выдаче на каждый трудодень получилось 2,26 кг зерна и 80 копеек деньгами. Уборочная площадь колхоза составила 142 га, в том числе под зерновыми и бобовыми – 101 га, картофелем – 15 га, под другими овощами и бахчевыми – 8 га. Урожай картофеля составил 4,2 ц с га. Если в соседнем колхозе собрали зерновых и бобовых около 5 ц с га, то в Чулкове-Лихареве – по 9,1 ц. По отчету за 1938 г. в колхозе «Красное знамя» было 34 лошади и 4 жеребенка, 25 коров и 9 телят, 8 свиней и 42 поросенка, 1 овца¹.

В колхозе «Верда» деревни Чулково-Выселки на 1 января 1939 г. состояли все 284 деревенских двора, в которых проживали 1528 человек (из них трудоспособных 478). 68 человек оставались за рамками колхоза. В 164 дворах деревни держали крупный рогатый скот. После распределения прибыли колхоза за 1938 г. на 1 трудодень местные колхозники получили 1,81 кг зерна и 2 копейки деньгами. По итогам 1938 г. в колхозе «Верда» было 116 лошадей и 15 жеребят, 6 коров и 2 теленка, 1 овца².

В материалах экспедиции МГУ, наряду с описаниями сел и колхозов, давались оценки личным хозяйствам крестьян. Например, такие: «В колхозе “Верда” (Чулковские выселки) приусадебной земли 157 га, за колхозником имеется приусадебной земли от 0,25 до 0,4 га, но обмера фактически за последнее время еще не было. Усадьбы в основном засеваются картофелем, овощами, частично коноплей и зерновыми. Недостаток кормов ощущается, сами заготавливают серпами с огородов и полей (носят мешками). Огороды почти у всех, а сады примерно у половины колхозников с количеством деревьев 10–12 (яблони преимущественно, частично вишнями и сливами). Пашни в непосредственной близости от селения и на 10–12 км (от Ольшанки до Ивановского). У колхозников имеются куры, гуси. С 1934 г. 6 га лугов распахано под огороды. Скот выпасается на чистом и взметном пару. Числится же лугов 127 га, а посеянных 32 га. Имеется в 0,5 км сборная ферма, где 2 быка-производителя симментала, баран-производитель, 2 коровы – беспородные, телки, 75 лошадей. На 1939 г. в производственном плане приобретение 3-х телок, барана, 6 свиноматок, леса».

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Выписка из свода годовых отчетов колхозов Скопинского района за 1938 год. Квартальный отчет о состоянии животноводства в колхозах Скопинского района Рязанской области на 1 января 1939 года.

² Там же.

Характеристика самого колхоза «Верда» выглядит менее оптимистично: «В 1938 г. ничего не было собрано, в поле оставлены необранными – пшеница, части овса, проса (ок. 204 га), из-за неорганизации труда. <...>. Средний урожай яровой пшеницы 3 ц с гектара, озимых – 11 ц». В этих же материалах сообщается: «В текущем 1939 г. еще продолжали пахать с возможным окончанием в конце июня, против планового 25 мая. Причины – в колхозы даны необразованные трактористы с бездействием правления колхоза, с общей неорганизованностью. Навоза имеется боле 1000 возов, но не вывозится из-за общей неорганизованности хозяйства. Огромные потери во время уборки в связи с неудовлетворительной организацией труда, затяжка уборки и обмолота. В вопросе постановления пленума ЦК ВКП (б), первые три дня после 1 Мая выходили 100 человек, до этого 20, эти дни 30–35»¹.

Постепенно колхозные хозяйства налаживались. Например, последний предвоенный 1940 г. для колхоза «Красное знамя» оказался очень успешным – сельхозартель стала участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ, будущая ВДНХ) в Москве. «Передовица, бригадир огородной бригады Елисеева получила малую серебряную медаль и премию в 500 рублей. Урожай лука-репки составил 100 ц, лука-чернушки 4,5 ц, моркови и кормовой свеклы по 600 ц. По итогам года колхозница Елисеева Т.Н., выработавшая 175 трудодней, получила, кроме зерна, 16 ц картофеля, 17 ц свеклы, 220 кг огурцов, 53 кг моркови и 175 кг капусты»².

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в Чулковском сельсовете в это время насчитывалось 73 строения, в Чулкове-Лихареве – 83, а в Чулковских выселках – 644, причем в последнем населенном пункте функционировал Чулковский сельсовет.

В 1941 г., с началом Великой Отечественной войны, более 500 чулковцев ушли на фронт. В селе остались преимущественно лишь те мужчины, которые получили бронь для работы на шахтах Подмосковского угольного бассейна.

Летом 1941 г. в чулковских колхозах хорошо уродился хлеб, урожай спешили убрать. Колхоз «Красное знамя» досрочно рассчитался по поставкам с государством, а к 1 октября выполнил все работы, в том числе и сев озимых. «В среднем получилось по 15 ц зерновых. На отдельных участках собрали проса и ржи по 20 ц, озимой пшеницы 23. Овощи тоже уродились, собрали капусты по 400 ц, картофеля 200 ц, свеклы 550 ц и огурцов 120. В этот год звеньевая-стахановка М. Тимошина получила урожай пшеницы 23 ц с га вместо плановых 13 ц, за что ее премировали 2 ц пшеницы, 1 ц проса и 60 ц картофеля. Звеньевая Евдокия Юдаева, собравшая 500 ц капусты с га, получила за сверхплановый урожай 32 ц капусты. Члены звена, убрав 600 ц с га моркови, получили премию по 45 ц моркови на человека. Первые месяцы, когда ушли молодые парни на фронт, колхозы остались на подростках, женщинах и стариках. Николай Кузьмич Безобразов, которому исполнился 61 год, выполнял в эти дни по две нормы, выработав 400 трудодней, он получил 1400 кг зерна, 2800 кг овощей и 580 рублей деньгами»³. Для помощи в сборе урожая трест «Октябрьтоль» ежедневно выделял на работы в колхозе «Верда» по 30–40 человек.

С приближением линии фронта через Скопинский район полились потоки беженцев, из Горловского и соседних районов Тульской области пошли трактора и эвакуируемый скот. Позже появились вырвавшиеся из окружения небольшие подразделения Красной Армии, бежав-

¹ Архив МГУ. Ф 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь. Чулковский сельсовет.

² Сталинец, № 5 (9 января 1941).

³ Сталинец, № (28 октября 1941).

шие из вражеского плена советские воины и мирные жители. Попадались в этом людском потоке и дезертиры, хотя их было немного. Отдельные представители районного руководства с приближением вражеских войск также повели себя неблагоприятно. Из докладных записок в Рязанский обком ВКП(б) о работе Скопинской районной партийной организации и действиях местного истребительного батальона зимой 1941–1942 гг. известна следующая история: «Дмитриев Ф.К. прибыл в район в качестве народного судьи в августе 1941 г. За период пребывания в районе как судья ничем себя не проявил. Находясь в истребительном батальоне, занятия не посещал. В момент подхода немцев к городу Скопину Дмитриев свою семью эвакуировать в другие области не собирался, а заявил, что он будет выезжать в Сасовский район. Одновременно подбирал для себя желающих эвакуироваться в Сасово из работников райпартактива. 23 ноября немцы заняли Горловский район и подошли к Стрелецкой дубраве, Дмитриев бросил работу и дежурство в истребительном отряде, поднял панику в городе. В райкоме требовал автомашину для своей семьи, дошел до того, что упрекал работников райкома, что свои семьи вывезли, а мою бросаете немцам. Райком предоставил Дмитриеву машину, но таковую забрали проходящие воинские части, совхозную машину пустить не удалось. Вечером он потребовал отправить свою семью на лошадях, на что ему дано было согласие. Дмитриев прожил в Сасовском районе больше месяца и, перейдя в Горловский район, заявил, что отпущен из Скопинского района. При этом не сдал в истребительный батальон винтовку, патроны и 2 гранаты, две лошади и сани Вердеревского спиртзавода и Вослебовского колхоза»¹. Также в постановлении бюро РК ВКП(б) было записано, «чтобы просить облвоенкома тов. Мурат об отозвании из нашего района инструктора всеобща капитана Прудцева как не обеспечивающего руководство и как не пользующего авторитетом. Тов. Прудцев во время оккупации сбежал из района, 2 раза бросив истребительный батальон, т. е. проявил себя как трус»².

Сформированные в первые месяцы войны Скопинский истребительный батальон и партизанский отряд, как известно, сражались храбро, защищая город и район от наседавших немцев. В докладной записке Скопинского райкома ВКП(б) начала 1942 г. сообщалось: «...К комплектованию партизанского отряда приступлено с 20/X и 1/XI отряд был укомплектован до 45 человек, из них мужчин 45 человек и женщин 8 человек. Членов партии и кандидатов 34 человека, комсомольцев 8 человек, беспартийных 3 чел. Коллектив партизанского отряда укомплектован из лучших людей актива города и села. <...> Из отряда группа в 6 человек с командиром окончила спецшколу подрывников». В докладной сообщалось, что при обороне города Скопина 24–25 ноября 1941 г. группа в количестве 13 человек во главе с командиром и комиссаром принимали активное участие, совместно с истребительным батальоном, в боях с фашистами погиб партизан Л.А. Аверин. После оккупации Скопина отряд в количестве 24 человек отошел на 3 км от города на заранее подготовленные точки, другая его часть в количестве 16 человек находилась на спецкурсах в Рязани и еще 4 человека – в Рязке. После отражения <вражеского наступления> 7 человек были исключены: Краснов – член партии, Чистотин, Чесноков и другие, которые не вернулись в отряд, находясь в пределах района при наступлении фашистов...»³

На следующий день после того, как 28 ноября 1941 г. немцы были выбиты из Скопина, в Рязке начала выгрузку из эшелонов 346-я стрелковая дивизия 61-й резервной армии. В это время дивизией командовал полковник Иван Елизарович Давидовский (1896–1960).

¹ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, л. 23.

² Там же. Л. 14.

³ ГАРО. Ф. П-1437, оп. 2, д. 13, лл. 18–19.

Сын крестьянина-бедняка из Минской губернии, в 1916 г., в разгар Первой мировой войны, он окончил Чугуевское военное училище и начал свою фронтовую биографию с должности младшего офицера роты 301-го пехотного Бобруйского полка 76-й пехотной дивизии, воевавшей на Северном фронте. После Февральской революции 1917 г. боевые товарищи поручика Давидовского избрали его командиром батальона. В 1918 г. он добровольно вступил в Красную Армию, воевал на различных фронтах, был девять раз ранен и награжден орденом Красного Знамени (1920) и орденом Труда Азербайджанской ССР (1922). В 1920-х гг. И.Е. Давидовский учился в Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, служил начальником штаба, затем командиром 1-й Кавказской стрелковой дивизии. В марте 1938 г. он стал командиром 4-го стрелкового корпуса, во главе которого в 1939 г. обеспечивал воссоединение Западной Белоруссии с БССР. С декабря 1939 г. командовал 10-м стрелковым корпусом, во главе которого принимал участие в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. С началом Великой Отечественной войны в августе 1941 г. И.Е. Давидовский был назначен командиром 346-й стрелковой дивизии. За умелое командование дивизией в битве под Москвой он был награжден орденом Красной Звезды (1942) и произведен в генерал-майоры. С мая 1942 г. занимал должность заместителя командующего 61-й армией Брянского фронта, затем – 10-й армией Западного фронта, в 1943 г. участвовал в Смоленской наступательной операции. На посту заместителя командующего 33-й армией И.Е. Давидовский находился до конца войны, воевал сначала на 2-м, а затем на 1-м Белорусском фронтах. За это время был награжден двумя орденами Ленина (1945), двумя орденами Красного Знамени (1944), двумя орденами Суворова 2-й степени (1945), орденом Кутузова 2-й степени (1943) и американским орденом «Легион почета» (1945). В 1956 г. генерал-майор И.Е. Давидовский вышел в запас и до конца своих дней проживал в Москве.

За несколько дней до выгрузки дивизии приказом командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова за линией фронта под Москвой были созданы полосы сплошных заграждений, эшелонированных в глубину, в которых оставлялись проходы для своих войск. Эти проходы прикрывались отрядами заграждения. Полосы в основном оборудовались близ дорог и на важных стратегических направлениях. Среди прочих значимых рубежей в приказах 1941 г. упоминаются линии Катинo – Павелец – Лопатино – Секирино – Трухачево и Аманово – Говорово – Салтыки¹.

Первый эшелон с частями 346-й стрелковой дивизии разгрузился 29 ноября. Передовой отряд в составе 3-го батальона 1164-го стрелкового полка и приданными подразделениями сразу направился к Скопину и к исходу дня 30 ноября 1941 г. занял оборону на западной и юго-западной окраинах города. В соответствии с приказом штаба 61-й армии № 1 от 30 ноября 1941 г., к утру 4 декабря ПО (передовой отряд) № 2 в составе 1-го батальона 1166-го стрелкового полка выступил на рубеж Большак – Чулково-Однoдворцы – Побединский – Роговое с целью не допустить продвижения противника на восток². В качестве передового отряда батальон действовал в направлении разъезда Топилы, которым он и овладел к исходу 7 декабря 1941 г. На прежнем рубеже его сменила стрелковая рота 3-го батальона 1166-го стрелкового полка, выдвинувшаяся в 23.00 8 декабря 1941 г. с рубежа Дымовo-Волконское – Дымовo-Государственное по маршруту Дымовo-Волконское – Шелемишево – Перки – Побединский³. К утру 8 декабря 1941 г. штаб 346-й стрелковой дивизии переместил-

¹ ЦАМО. Ф. 208, оп. 2513, д. 85а, л. 449.

² ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 5.

³ Там же. Л. 27.

ся в Шелемишево¹. Части дивизии все дальше и дальше уходили на запад и примерно через неделю завершили освобождение территорий Скопинского и Горловского районов Рязанской области.

Трудовые будни чулковских колхозников в военное время не были легкими. Оставшимся в тылу помогал энтузиазм, стремление как можно больше сделать для сражающейся Родины. Ради приближения общей победы люди не жалели ни собственных сил, ни скудных средств. Как сообщала районная газета «Сталинец», в июне 1942 г., в колхозе «Красное знамя» Чулковского сельсовета, председателем которого в то время работал И.В. Мягков, за 2 дня скосили дуга на площади 40 га. Работали в основном старики, женщины и подростки. 70-летний Тимофей Сергеевич Шестокрылов вышел на работу с женой и сыном. За два дня звеньевая Мария Михайловна Баулина скосила 3 га. Колхозница Анна Алексеевна Пырикова, несмотря на свой преклонный возраст, выработывала по три нормы. «В чулковском колхозе “Верда” не хватало семян. Председатель колхоза Савин Ф.Г., члены артели Кирюшин М.М., Бобылев П.Д. первыми сдали по 3 пуда зерна и также картофель»². «В июле <1942 г.> вышло в поле 150 человек, из них 66 косцов. В некоторых семьях на фронт ушло по 2, 3 и более человек. В эту военную страду трудились 60-летний Бобылев Л.Г., скашивавший по 0,7 га, и отец трех призванных на фронт сыновей Коготков С.И.»³

В 1942–1946 гг. Скопинский район вновь находился в составе Московской области. Тогда же был разукрупнен колхоз «Верда» Чулковского сельсовета. Он разделился на хозяйства им. К.К. Рокоссовского, им. Н.М. Шверника, им. В.П. Комарова⁴ и еще один колхоз, в послевоенные годы переименованный в «Память Калинина»⁵.

В 1943 г. председатель Чулковского сельсовета П. Лузанова писала в районной газете «Сталинец»: «Широко развернулся сбор подарков к 1 мая воинам Красной Армии по колхозу им. Буденного Чулковского сельсовета. Колхозники сдают картофель, яйца, молоко, пироги и другие продукты. Бригадирка огородной бригады Филатова О.П. вносит 30 литров молока, десяток яиц, пуд картофеля, колхозница Гайдерова П.И. – 30 литров молока, десяток яиц, картофель, Федюкина М.Ф. – курицу и десяток яиц, комсомолка Савина З.И. – курицу, десяток яиц и 10 стаканов табаку. Председатель колхоза Гайдеров посылает полтора пуда белых пирогов и водку. Сбор подарков продолжается»⁶. Председатель соседнего колхоза Мягков в той же газете сообщал: «Члены колхоза “Красное знамя” колхозницы Карпечина М.Е. вносит 50 литров молока, два десятка яиц и два пуда картофеля. Инвалид, отец фронтовика Федин Т.М. посылает в подарок курицу, 3 десятка яиц, 3 кг пшеничных сдобных лепешек и 2 пуда картофеля. А.М. Мягкова готовит 4 кг пышек, курицу, 2 десятка яиц и пуд картофеля»⁷.

В апреле 1943 г. председатель колхоза «Красное знамя» И.В. Мягков направил руководителю ВКП (б) и Советского государства И.В. Сталину открытое письмо, в котором проинформировал его о вкладе чулковских колхозников в дело обороны страны. Его текст известен по публикации районной газеты «Сталинец»: «Дорогой и любимый Иосиф Виссарионович! Радуясь боевым успехам Красной Армии на фронте по разгрому фашистских захватчиков,

¹ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 12, л. 23.

² Сталинец, № 51 (2 июня 1942); № 59 (30 июня 1942).

³ Сталинец, № 21 (18 марта 1942).

⁴ Комаров Виктор Петрович (1924–1943) – уроженец Скопина, младший лейтенант РККА (1943), участник битвы за Днепр. Герой Советского Союза (1943, посмертно).

⁵ Архив Скопинского района. Ф. 162, лл. 1 – 1 об.

⁶ Сталинец, № 25 (1 апреля 1943).

⁷ Там же.

горя пламенной любовью к Родине и к Вам, наш родной друг и учитель, колхозники и колхозницы колхоза “Красное знамя” внесли на танковую колонну “Московский колхозник” 227 000 рублей, из которых лично я внес 101 500 рублей. Наш колхоз полностью и досрочно рассчитался с государством по всем видам поставок. Колхозники и колхозницы сдали в фонд Красной Армии хлеба – 1000 пудов, овощей – 2100 пудов, мяса – 6 центнеров, послали на фронт бойцам Красной Армии валеных сапог 155 пар, теплых костюмов – 50, полушубков овчинных – 50. Сбор средств и продуктов продолжается. Обещаем Вам, товарищ Сталин, что мы, колхозники и колхозницы колхоза “Красное знамя”, ничего не пожалеем для защиты своей любимой Родины и в 1943 г. еще больше усилим помощь Красной Армии, чтобы окончательно разгромить ненавистных немецко-фашистских оккупантов и стереть с лица земли гитлеровскую нечисть. По поручению колхозников и колхозниц, председатель колхоза “Красное знамя” Скопинского района Московской области Мягков Иван Васильевич»¹.

Ответная телеграмма И.В. Сталина не заставила себя долго ждать. Скоро в Чулкове уже читали следующие строки: «г. Скопин Московской области, председателю колхоза “Красное знамя” тов. Мягкову Ивану Васильевичу. Благодарю колхозников и колхозниц колхоза “Красное знамя” и лично Вас, Иван Васильевич, за заботу о Красной Армии. Примите мой привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин»².

В том же апреле 1943 г. колхозница М. Харламова рассказывала на страницах районной газеты: «Проводя беседу в звене тов. Тимошиной, председатель тов. Мягков сообщил, что в подмосковных колхозах женщины вручную вскапывают по пяти сотых гектара (5 соток)³.

– Неужели мы хуже тех женщин? – говорили в звене. – Дадим и мы такую выработку!

На другой день работали с большим подъемом, и когда замерили площадь, оказалось, что вскопали по пяти и по пяти с половиной сотых гектара. В этот день проводилось в колхозе совещание колхозных командиров с активом. Тов. Тимошина делилась опытом работы своего звена. Его высокая выработка вызвала большой подъем в других звеньях женщин на копке земли и среди пахарей. Но звено тов. Тимошиной взяло уже новое обязательство: вскопать по шести соток, и слово свое сдержало. На этот раз не отставало и звено тов. Данилкиной. Пример колхозниц-патриоток действовал и на пахарей. Стало больше перевыполняющих нормы»⁴.

До августа 1943 г. председателем Чулковского сельсовета работала П. Лузанова, эвакуированная из города Суджи Курской области. После освобождения своего родного города она вернулась туда, и в письме председателю колхоза «Красное знамя» И.В. Мягкову, опубликованном в газете «Сталинец», рассказала ему о своих первых впечатлениях: «...Город неузнаваем. Ни одного дома, одни камни. Все разрушено. На каторгу угнано из района 2350 человек. Десятки мирных жителей повешены, расстреляны. При отступлении немцы ни с чем не расставались, брали все вещи, одежду, продукты, обувь. Собранный урожай весь отправлен в Германию. Сожжено 1140 построек мирных граждан. В общем, что натворили немцы, даже трудно описать. Столько пережил народ, что, несмотря на то, что я всех знаю, и то не узнаю – в 2 раза постарели»⁵.

«В это время многие чулковцы героически сражались на фронтах. Назовем имена лишь некоторых из них, удостоенных за свой ратный подвиг высоких правительственных наград.

¹ Сталинец, № 29 (13 апреля 1943).

² Там же.

³ 1 сотка участок 10 х 10 м.

⁴ Сталинец, № 32 (25 апреля 1943).

⁵ Сталинец, № 59 (8 августа 1943).

Орденом Славы награждены С.И. Анчуткин и И.Л. Машников. Большая группа воинов была удостоена ордена Красной Звезды. Среди них П.И. Абрамов, С.Е. Бобылев, Б.П. Гончаров, Н.И. Дашкин, М.В. Ермошин, А.Г. Федюкин. За победу чулковцы заплатили дорогой ценой. С фронта в село не вернулись в общей сложности 211 человек»¹.

Пример героизма и верности воинскому долгу в тяжелые для Красной Армии начальные месяцы Великой Отечественной войны продемонстрировал уроженец деревни Чулковские выселки политрук Михаил Яковлевич Бобылев (1907–?), заместитель командира отдельной роты регулирования 57-й танковой дивизии. «7 июля 1941 г. <...> Бобылев получил боевой приказ: силами своей роты в количестве 120 человек удержать оборону правее гор. Орша и не дать возможности противнику занять магистраль Москва – Минск. В двухдневных тяжелых боях из 120 человек было потеряно 23 бойца. Задача командования выполнена. Противник потерял 6 танков, около 120 человек убитыми.

20 июля 1941 г. тов. Бобылев с группой 50 человек бойцов получил приказ выдвинуться на 2 км вперед, сделать засаду и уничтожить немецких велосипедистов, движущихся из гор. Витебск на центральную магистраль Москва – Минск. Противник понес тяжелые потери – убито было 71 человек, взято в плен 23 человека, взято 98 велосипедов, 7 мотоциклов, 18 пулеметов и около 100 штук винтовок.

4 марта 1942 г. Бобылев с отдельной ротой в количестве 150 человек получил приказ силами роты удержать оборону в одном из населенных пунктов Вяземского района Московской области, не дав возможности немцам занять узел грунтовых дорог. В однодневном тяжелом бою отдельная рота под командованием Бобылева отбила 8 ожесточенных атак противника, сам Бобылев был тяжело ранен, поле боя не оставил и задание командования выполнил. Потери в роте Бобылева 30 чел. убитыми и 43 раненых. Противник в этих боях потерял до 600 солдат и офицеров. Противник атаки прекратил. Населенный пункт и перекресток дорог удержаны»². В 1944 г. по представлению Курского облвоенкома подполковника Будылина старший лейтенант М.Я. Бобылев был награжден орденом Красной Звезды.

Уроженцу села Чулково Алексею Гавриловичу Бобылеву (1919–?), рядовому санитару госпитального взвода 144-го медико-санитарного батальона 124-й стрелковой Мглинской дивизии, довелось побывать на разных фронтах Второй мировой войны. И везде он помогал своим раненым товарищам. Каково это – быть раненым, рядовой Бобылев знал не понаслышке, сам пережил тяжелое ранение в январе 1942 г. С декабря 1942 г. он воевал на Ленинградском фронте, был награжден медалями «За оборону Ленинграда» (1943) и «За боевые заслуги» (1944). В победном 1945 г. санитар Бобылев был удостоен ордена Красной Звезды. Как сообщается в наградных документах, «рядовой Бобылев А.Г. за время январских наступательных операций 1945 г. в Восточной Пруссии, работая санитаром госпитального взвода, обеспечил тщательный и внимательный уход за тяжелоранеными бойцами и офицерами, находившимися на лечении в послеоперационном периоде. Заботясь о благоустроенном размещении раненых, принимая, несмотря ни на какие трудности, все меры к обеспечению их доброкачественным питанием, тов. Бобылев самоотверженным трудом способствовал сохранению жизни 129 чел. тяжелораненых защитников Родины»³. Однако с разгромом гитлеровской Германии 9 мая 1945 г. боевые действия Второй мировой войны не закончились. Летом 1945 г. 124-я стрел-

¹ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. – Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 132.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 3710, л. 78.

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 1440, л. 79.

ковая Мглинская дивизия отправилась на Дальний Восток, на фронт борьбы с милитаристской Японией. Здесь в сентябре 1945 г. санитар Бобылев заслужил свою вторую медаль «За боевые заслуги». Согласно наградному листу, «в период боевых операций дивизии в Маньчжурии тов. Бобылев, работая санитаром госпитального взвода, благодаря самоотверженному труду образцово обслуживал раненых и больных, состоящих в госпитальном взводе. Всего им обслужено около 200 раненых и больных. Своим трудом тов. Бобылев способствовал быстрейшему возвращению в строй раненых воинов Красной Армии»¹.

В 1947 г. урожай зерновых в колхозе «Красное знамя» составил 14 ц с га, в бригаде Павла Федосьевича Никирука – по 16–17, а в звене Марии Дмитриевы Юдаевой по 17,7 ц с 8 га. Колхозники получили на каждый трудодень 2,8 кг зерна и 12 кг картофеля, 1 кг овощей, 4 кг фуража и 9 рублей деньгами. Большинство колхозников вырабатывали по 250–300 трудодней. Например, Пырикова И.М. выработала 474 трудодня и получила по итогам своих трудов 84 пуда зерна, 359 пуда картофеля, 120 пудов сена и соломы и 4311 рублей деньгами².

16 декабря 1947 г. в СССР была отменена карточная система снабжения продовольственными и промышленными товарами. В сельской местности стал ощущаться заметный дефицит промышленных товаров и некоторых продуктов. О положении в Чулкове районной газете «Сталинец» сигнализировали колхозницы М. Гайдерова и В. Федюкина. Они писали: «В марте 1948 г. в магазине № 1 Чулковского сельпо продавали промтовары. Но это было распределение при закрытых дверях. Прежде чем попасть в магазин, нужно было иметь паевых марок на 6 рублей, и тогда по всемогущему повелению председателя сельсовета Кудряшовой раскрывались двери магазина. Если же кого-нибудь не устраивали паевые марки, то налоговый агент М.И. Гайдеров писал записочку, за которую также платилось 5–6 рублей. Так колхозница Федюкина в этот день купила соли на 5 кг и заплатила за вход 6 рублей»³.

В послевоенные годы оставались в силе некоторые «драконовские» законы военного времени. Например, не был отменен введенный для колхозников повышенный минимум выработки трудодней, обязательный для каждого члена колхоза начиная с 12-летнего возраста. За его систематическое невыполнение могли отобрать приусадебный участок – основной источник доходов колхозников в то время. За срыв посевной, несвоевременную уборку или невыполнение госпоставок сельхозпродукции с руководителями также могли спросить почти по законам военного времени. Районная газета «Сталинец» сообщала: «Бюро райкома, обсудив в августе 1949 г. ход уборки и хлебазаготовок в колхозе им. Буденного Чулковского сельсовета, за затяжку уборки озимых, большие потери урожая, срыв графика <...> исключило председателя колхоза им. Буденного из партии, сняло с работы и поручило следственным органам привлечь его к судебной ответственности»⁴.

В 1950 г. 7 чулковских колхозов объединились в одно хозяйство – колхоз им. Н.М. Шверника. Как отмечала скопинская районная газета, в новом колхозе «стало 730 колхозников, 2700 га пашни. В планах был свиноводник на 150 голов, коровник на 60 голов, конюшня для молодняка на 75 голов»⁵.

В 1957 г. к колхозу им. Н.М. Шверника присоединили колхоз «Победа» Побединского сельсовета. На общем собрании новый колхоз назвали «Путь Ильича». Его возглавил председатель Г.Г. Бурчихин. В 1963 г. в укрупненном Скопинском районе оказалось два колхоза

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 687572, д. 2302, л. 310.

² Сталинец, № 12 (1 февраля 1948).

³ Сталинец, № 34 (28 марта 1948).

⁴ Сталинец, № 89 (2 августа 1949).

⁵ Сталинец, № 86 (25 июля 1950).

с таким названием, поэтому чулковский вновь переименовали – он стал называться «Заветы Ильича». Его председателем в это время был А.С. Моргунов¹.

«В послевоенные годы начинают интенсивно развиваться шахты, расположенные вокруг села. Появилось и немало новых. Добыча угля из года в год росла. Шахтам требовалось все большее число рабочих рук. Поэтому многие жители села, особенно молодежь, заканчивающая школу, шла работать на шахты. Село в то время было еще достаточно густонаселенным и дефицита рабочих рук в колхозах не ощущалось. К тому же к концу 1950-х гг. возросло поступление сельскохозяйственной техники. Быстро росла производительность труда, особенно в полеводстве»².

Все это время Чулковская средняя школа располагалась в дореволюционном двухэтажном здании, построенном еще Скопинским уездным земством. В 1951–1954 гг. ее директором работал Александр Георгиевич Гречишников. В 1955–1958 г. школу возглавлял Александр Васильевич Катков, который позднее работал в ней завучем и преподавал математику и физику. В мае 1958 г. приказом по Скопинскому району директором Чулковской школы был назначен Владислав Григорьевич Лысенко. При нем школа стала восьмилетней. В этот период было решено много проблем: силами учащихся и учителей удалось отремонтировать классные помещения, был построен коридор, соединяющий главный корпус со спортивным залом, проведено центральное отопление, оборудованы санузлы. С 1963 г. директором школы стал учитель истории Сергей Васильевич Швечков. Он руководил учреждением 2 года³.

В 1964 г. в состав Чулковского сельсовета входили села Чулково-Одноворцы, Чулково-Выселки, Чулково-Лихарево, поселок Киселевка, железнодорожные будки №№ 1 и 2, жилой дом ветеринарного участка, жилой дом завода «Автодеталь». В Чулкове работали колхоз «Заветы Ильича», восьмилетняя школа, клуб, библиотека, пионерский лагерь, медпункт, ветучасток, 2 магазина. В 1954–1958 гг. в сельсовет входили также село Дмитриево и деревня Свиноушки⁴.

«В конце 1950-х – начале 1960-х гг. колхоз «Заветы Ильича» имел в собственности более 3000 га пахотной земли. На них выращивались пшеница, рожь, ячмень, другие культуры. Урожайность их по сравнению с довоенным повысилась примерно в 2 раза. Теперь на круг в колхозе собирали по 10–12 ц зерна. Начала развиваться животноводческая отрасль, которая подразделялась на производство мяса и молока. поголовье крупного рогатого скота увеличилось до 300 с лишним голов. На промышленную основу стало переходить свиноводство. Правда, первые результаты работы животноводов были скромны. Привесы КРС составляли в сутки 400–500 г, свиней – 250–300 г. Среднегодовые надои молока от коровы не поднимались выше 2500 кг. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. чулковский колхоз впервые ощутил острую нехватку квалифицированных кадров. Молодежь в то время все чаще из села уезжала. Кроме того, рядом построили современный автоагрегатный завод – СААЗ. Урожайность зерновых вновь снизилась до 7–8 ц с га, надои молока от коровы упали до 1500 кг в год. Все отрасли приносили крупные убытки. Ежегодно сумма колхозного долга государству возрастала на 350–400 тыс. рублей. Общая задолженность составляла около 2 млн рублей, что примерно равнялось стоимости основных фондов хозяйства»⁵.

¹ Архив Скопинского района. Ф. 162, лл. 1 – 1 об.

² *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 133.

³ Сообщение Н.С. Гусевой.

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 207, лл. 1–2.

⁵ *Соболев В.А., Егоров В.Н., Крылов А.Ф.* Скопин. Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин: ТОО «Книга», 1996. С. 133.

В 1965–1976 гг. (с перерывами) Чулковскую среднюю школу возглавляла Вера Афанасьевна Старикова. Здесь она начала свой трудовой путь учителем начальных классов, позднее работала в отделе пропаганды Скопинского райкома партии, затем вернулась в школу на должность директора. В марте 1968 г. на должность директора был назначен заведующий Скопинским районом Виктор Петрович Лонгинов. Он уделял много времени и внимания ученикам. Для школы был приобретен теннисный стол, и директор сам обучал детей правилам игры. В это время вокруг школьного здания была установлена металлическая изгородь, в пределах которой оборудовали спортивную площадку. В 1977–1980 гг. пост директора занимала Ольга Константиновна Лычко. Глубокие профессиональные знания, организаторские способности, требовательность и справедливость позволяли ей решать серьезные вопросы по совершенствованию обучения и воспитания детей. За время ее работы в Чулковской средней школе к старинному зданию была сделана новая пристройка. С 1986 г. директором школы работала Алевтина Александровна Алёнина.

С распадом Советского Союза начался новый этап в истории российского села. В 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» в чулковском колхозе «Заветы Ильича» была проведена приватизация земли и его реорганизация. В результате колхоз был преобразован в АОЗТ «Чулково». Во исполнение Указа Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 27 октября 1993 г. № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» и в соответствии с постановлением главы Администрации Скопинского района Рязанской области от 27 июля 1994 г. № 338 бывшим членам колхоза и работникам социальной сферы были выданы свидетельства на право собственности на землю согласно списку владельцев земельных и имущественных паев АОЗТ «Чулково». В 2006 г. акционерное общество было ликвидировано.

С конца 1980-х гг. завучем Чулковской средней школы работала Надежда Максимовна Бобблева. В 1995 г. она стала директором школы и возглавляла ее 10 лет. В 1998 г. школа в Чулково была реорганизована в одиннадцатилетнюю. В 2005–2011 гг. ее директором работала Ольга Викторовна Генералова. В 2008 г. Чулковская школа стала обладательницей Президентского гранта, в 2010 г. была занесена на Доску почета как лучшее инновационное образовательное учреждение Скопинского района. В 2011 г. чулковская средняя школа была реорганизована путем присоединения к ней секиринской и полянской школ. МБУ «Чулковская СОШ» до недавнего времени успешно руководила Наталья Сергеевна Гусева. В 2011–2012 учебном году здесь начала работу предшкольная группа «Сказка». Более 10 лет в Чулковской СОШ работает краеведческий музей¹.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» Чулково было включено в городское поселение Побединское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в селе в это время проживали 1359 человек – 603 мужчины и 756 женщин.

---

¹ Сообщение Н.С. Гусевой.

В настоящее время в Чулково располагается администрация Побединского городского округа, действуют средняя общеобразовательная школа, школьный краеведческий музей, детский сад, почта, фельдшерско-акушерский пункт, сельская библиотека, 2 магазина и 2 торговые точки¹. В селе работает ИП Глава КФХ «Цветков Николай Геннадиевич».

В Чулково располагается Скопинский автоагрегатный завод (ООО «САЗ Комплект») – ведущее в настоящее время градообразующее предприятие г. Скопина и Скопинского района, на котором заняты ок. 1,5 тыс. человек. Предприятие является одним из крупнейших производителей автозапчастей в Российской Федерации.

Завод ведет свою историю с 1962 г. Он был создан в соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 1206 от 31 октября 1958 г. «Об организации производства запасных частей для грузовых автомобилей и сельскохозяйственных машин на предприятиях Рязанской области». Такое производство было решено развернуть на Скопинском машиностроительном заводе, которому передали ряд сооружений бывшей Шахтинской МТС. На их базе был организован специальный цех по выпуску первых рычажных амортизаторов и тормозных кранов для грузовых автомобилей и автобусов.

В декабре 1962 г. производство амортизаторов было выделено из состава Скопинского машиностроительного завода в самостоятельное предприятие «Автодеталь», которое, в свою очередь, в 1966 г. реорганизовали в Скопинский автоагрегатный завод. С 1967 г. началась большая работа по модернизации предприятия: возводились новые промышленные корпуса и административные объекты, реконструировалась существующая материально-техническая база. На южной окраине Скопина развернулось грандиозное строительство жилого массива для заводчан².

С 1970 г. САЗ сотрудничает с Волжским автомобильным заводом (ВАЗ), поставляя продукцию на его конвейеры. По сей день практически весь модельный ряд автомобилей «Лада» обеспечивается автокомпонентами, произведенными на скопинском предприятии.

С 2013 г. завод называется «САЗ Комплект». В настоящее время он выпускает телескопические стойки, амортизаторы, газовые упоры практически для всех отечественных и некоторых иностранных легковых автомобилей. Являясь одним из успешных предприятий Рязанской области, осуществляет весомый вклад в экономику и социальную сферу региона. На базе завода планируется создание индустриального парка.

---

¹ По материалам Скопинской районной библиотеки.

² Славный город Скопин. Юбилейное издание к 420-летию г. Скопина и 80-летию образования Рязанской области. Скопин, 2017. С. 105.

ШЕЛЕМИШЕВО

село

(сельское поселение Шелемишевское)

Окрестности современного села Шелемишева были заселены как минимум в XIV в. Археологические исследования выявили здесь три средневековых селища, датируемые XIV–XVII вв. «Селище 1» локализовано в 0,7 км к северо-западу от окраины современного села, на дюнообразном всхолмлении противоположного от Шелемишева левого берега р. Верды. Размеры памятника ок. 120 x 80 м, высота над рекой до 6 м, центральная часть нарушена ямой. Толщина культурного слоя поселения достигает 0,4 м. В нем были обнаружены фрагменты позднесредневековой гончарной керамики, в т. ч. сероглиняной и белоглиняной. «Селище-2» располагается у северо-восточной окраины села, на мысу левого берега р. Рановы. Это поселение занимало площадь ок. 260 x 120 м при высоте над рекой до 3 м. Территория памятника нарушена проселочными дорогами. В культурном слое толщиной до 0,4 м выявлена позднесредневековая гончарная керамика и кости животных. Наконец, «Селище-3» находится напротив восточной окраины Шелемишева, на мысу надпойменной террасы правого берега р. Рановы. Его размеры – ок. 190 x 95 м, высота над рекой 4 м. По памятнику также проходит проселочная дорога. Здесь в культурном слое аналогичных характеристик, что и у предыдущих селищ, нашли обломки позднесредневековой гончарной керамики, в т. ч. черной обожженной XVI–XVII вв., и обломок железной рогатины¹.

Обилие позднесредневековых селищ показывает, что поселения в этой местности возникали, разрушались и отстраивались вновь. Возможно, от какого-то из этих исчезнувших поселений унаследовано и название современного села Шелемишево, восходящее к имени одного из здешних землевладельцев или помещиков. Среди местного населения испокон веков бытует предание, что Шелемишево было основано в 1550-х гг., одновременно с деревнями Уланове и Уракове. Шелем (или Шелемиш), Урак и Улан – татарские мужские имена, так что основателями сел называют братьев-татар, поступивших на службу к русскому царю и получивших в поместье окрестные земли². Эта версия нуждается в небольшой корректировке. Из истории соседних деревень известно, что местный помещик Улан был представителем рязанского дворянского рода Корчагиных, а Урак – Неретиных, так что предположение о родстве основателей соответствующих деревень не подтверждается. Но даже если гипотетический Шелем или Шелемиш не состоял в родственных отношениях с другими окрестными помещиками, он вполне мог быть реальным историческим лицом.

Известна уменьшительная форма канонического имени Шелима, Шелем или Шелемиш – Шилия, Шилка. В скопинской топонимике производные от нее встречается нередко. Например, в 1628 г. упоминается пустошь Шилина поляна «меж Бараковой слободой и Челковой <...>, та пустошь против засечных рубежей от рубежа слободы Бараковой с помещики и казаки против речки Перки и Победенки, и изстари тою пустошью владеют монастырские

¹ Археологическая карта России: часть 3 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михайличенко. Институт археологии РАН. 1996. С. 126–127.

² Сообщение Г.А. Барсуковой.

крестьяне, и жили на той пустоши в ряд помещики с казаки всяку против своих дач». Название этой местности, указывающее на некоего Шилию (Шелима), дошли до нас благодаря челобитной рязанца Федора Голицына к Дмитриевскому монастырю. По крепости Поместного приказа 1648 г., выданной Голицыну, Шилина поляна оказалась в спорном владении. По утверждению ответчика, старца Иосифа, «на той Шилиной поляне жили монастырские крестьяне и сошли на монастырскую же деревню Ермолува как минул приход воинских людей татарских...»¹.

Упоминания о потомках людей, носивших имя Шелима или Шелемиш, и произведенных от этого имени топонимах нередко встречаются и в документах XVI–XVII и даже XVIII вв., относящихся к местным делам. Из сотной грамоты 1567 г. на земельные владения «в Перевитцком стане» известно о существовании деревни с названием «Шеломова, Синяя поляна, на Крутом ручью...»². В переписной книге 1631 г. сообщается: «...На Скопине за боярином за Иваном Никитичем Романовым конюхов на конюшенном дворе, двор Гришка Прибытков, двор Ларко Степанов, двор Ондрюшка Ивтифьев, двор Матюшко Щелемов, двор Микитко Хромой...» В переписях XVII в. и переписи 1710 г. в селе Кремлево упомянут «Терентей Федоров сын Шелимов, 30 лет», в селе Павелец – «Панкрат Ерофеев сын Шелимов, 35 лет»³.

Другая версия происхождения названия Шелемишево, также имеющая право на существование, основывается на особенностях рельефа местности. Село стоит на возвышенности, на холме, который огибает р. Верда при своем впадении в р. Ранову. В связи с этим нельзя не вспомнить об одном диалектизме из Толкового словаря В.И. Даля: «Шоломя, *арх., вят.* горка, пригорок, холм, курган или взлобок, лобное место, возвышенность»⁴. Кстати, близ от села сохранился еще один примечательный холм – насыпной курган, который, по преданию, служил наблюдательным пунктом Большой Засечной черты. В случае опасности на нем якобы зажигались сигнальные огни.

Первое документальное упоминание о селе Шелемишеве относится к 1606 г. В отдельной выписи «Ивана Тютчева Ратману и Мартыну Ивановым детям Спицына и Евдокиму Филатову сыну Бабина на жеребий села Шелемишево в Рязском уезде» от 27 июня (7 июля) 1606 г. «отделил им, детям боярским, Иван Тютчев в селе в Шелемишеве недоборных атаманов пашни и перелогу и дикого поля усаду...», где «через реку Ранову, мост вопче с оттоманы <...> вопче с оттоманы покосы и дикого поля <...>, а отделено им пашни и перелогу и дикого поля сряду с однова, не выбором, чтыреста птыдесят чтыртерей в одном поле, а в дву полех по тому ж». В этом же документе в селе впервые упоминается приходской храм: «...На околицы церковь Пречыстыя Богородицы»⁵.

Шелемишевскими первопоселенцами были служилые люди – т. н. «дети боярские» (низший разряд дворян), получившие свои земельные наделы по наследству от родителей, также служилых людей, или как вознаграждение за собственную службу. Часть из них впоследствии влились в состав благородного российского дворянства, те же, кто обеднел, пополнили ряды сословия однодворцев – лично свободных крестьян. Впрочем, большинство скопинских од-

¹ РГАДА. Ф. 281, оп. 15, д. 10140, лл. 3, 20–21.

² Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 2. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1900. С. 436.

³ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 3, д. 213, лл. 424, 593.

⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современ. написание. Т. 4. М.: Астрель: АСТ, 2001. С. 627, 558.

⁵ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: Сб. документов [сост. А.В. Антонов]. Т.3. М.: Археограф. центр, 2002. С. 19–20.

подворцев были все же потомками казаков (драгун) и стрельцов, получавших за свою службу небольшие земельные наделы.

В подлинной переписной книге посадских дворов и людей города Рязька, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в Пехлецком стане переписи Ивана Ивановича Румянцева и подьячего Ивана Кондратьева от 20 февраля (2 марта) 1646 г. о Шелемишеве сообщается: «За Пречистенскими попами за Васильем да за Яковым на церковной земле бобыли, двор Федька Ортемьев, двор Пронька Широнин, всего за ними бобыльских два двора, а в них людей два человека. В том же селе живут однодворцы, ряшские дети боярские Мамон Иванов сын Павлов, резанец Кузьма Кузьмин сын Спицин, Сергей Яковлев сын Дубовицкой, Лукьян Никонов сын Дубовицкой, Кирьян Савостьянов сын Чернышов, Онкудин Куприянов сын Оржанов, Клемен Куприянов сын Оржанов, Мосья Жданов сын Тарасов, Василий Савостьянов сын Чернышов, Перфилей Родионов сын Волков, Василий Федосьев сын Татаринов, Михайло Артемьев сын Сгибнев, Афрем Кононов сын Бунявнин, Ондрей Дмитриев сын Неретин, Лукьян Федотов сын Катин, Яков Борисов сын Чернеев, Безсон Федоров сын Сергеев, Петр Григорьев сын Валдин, Артемий Епифанов сын Полянский, Терентей Степанов сын Копьлов, Григорий Юрьев сын Фролов, Ульян Юрьев сын Мокшеев, Василий Григорьев сын Шишкин, Микита Антонов сын Шишкин, Петр Романов сын Свищовской, Степан Федоров сын Рукин, Алексей Окульев сын Банин, Ненаш Федоров сын Катин, Кирьян Петров сын Капустин, Савелей Яковлев сын Кунеев, Иван Дмитриев сын Чрнышов, Степан Ондреев сын Банин, Григорей Иванов сын Гостев, Карп Ортемьев сын Гостев, Страт Петров сын Пронин, Микифор Петров сын Пронин, Кирила Леонтьев сын Свиридов, Игнатей Иванов сын Свиридов, Кондратей Гаврилов сын Свиридов, Тимофей Мартьянов сын Летов, Семен Власов Грудьцин, Федор Дементьев сын Грудьцин, Иван Степанов сын Объедин, Милован Михайлов сын Мартьянов, резанец Денис Васильев сын Чернышов, Петр Иванов сын Кобелев, Кирило Петров сын Рылов, Василий Григорьев сын Добрынин, Томило Петров сын Грудьцин, Федос Кузьмин сын Сгибнев, Клемент Фролов сын Алабин, Милован Ефимов сын Ильин, Аникей Ефимов сын Ильин, Иван Григорьев сын Чернышов, Федор Иванов сын Подпорин, Василий Иванов сын Подпорин, Иван Ульянов сын Подпорин, вдова Огафья Васильева жена Подпорина, Степан Оксенов сын Подпорин, крестьян и бобылей и задворных людей дворов за ними нет, живут однодворцы. В том же селе ряшский однодворец Володимер Гаврилов сын Свиридов, на ево жеребье живет зять ево Матвей Кудрин, сын казачей, а службы государевой не служит <...>, крестьянских одиннадцать дворов, а в них людей дватцать два человека. В том же селе за ряшенином сыном боярским Алексеем Гавриловым сыном Кутюковым на ево жеребье <...> крестьянских три двора, а в них людей шесть человек»¹.

В дозорной книге засек Рановской, Пустотинской и Новошачкой письма и дозора Курова от 4 (14) апреля 1672 г. село Шелемишево перечислено как владение «разных помещиков Артема Воронина с товарищи»².

Как сообщает со ссылкой на документы XVII в. И.В. Добролюбов, «Шелемишево, находящееся при впадении р. Верды в Ранову, в качестве села с «церковью Пречистые Богородицы честного и славного Рождества» упоминается в окладных книгах 1676 г., где при оной церкви показано «два двора поповых, три двора дьячковых и двор пономарской; церковныя пашни дватцать четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов на пятьдесят копен; в приходе к той церкви в том селе Шелемишеве да в деревни Ураковой семьдесят три двора

¹ РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, ч. 2, д. 13901, лл. 46 – 49 об.

² РГАДА. К. 416, л. 197 об.

помещиков, двадцать семь дворов крестьянских, три бобьльских и всего сто девять дворов». Дани с означенной церкви по окладу 1676 г. положено платить «три рубли двадцать три алтына зденгою». Из служивших в храме в XVII–XVIII вв. священников известны Михаил и Алексей (упоминаются в 1676 г.), Стефан Иоаннов (с 1683 г.), Василий Иоаннов (с 1688 г.) и Федор Стефанов (с 1701 г.), Иоанн Петров (ок. 1734–1736 гг.) и Алексей Иоаннов (с 1746 г.)¹

В переписной книге без даты, составленной, по всей видимости, около 1693 г., имеется перечень, в котором «за вотчинники и всяких чинов за людьми <...> написаны в помещиковых дворах старинные полонные и деловые люди» (речь идет о пленных, приведенных помещиками на жительство после участия в военных кампаниях). Среди них в селе Шелемишево «за ряшаниным за Максимом Ермолаевым сыном Павловым, двор помещиков, в нем людей 2 человека; за вдовой ряшанкой Панкратьевской женой Шишкина двор помещиков, в нем люди не написаны; за Федором Савельевым сыном Куньевым двор помещиков, в нем людей 1 человек; за Артемоном Васильевым сыном Шишкиным двор помещиков, в нем людей не написано; за Григорьем Терентьевым сыном Копыловым двор помещиков, в нем людей не написано; за Филипом Артемьевым сыном Полянским двор помещиков, в нем людей 2 человека; за Панкратьем Петровым сыном Вердеревским двор помещиков, в нем людей не написано; за Михайлой Федотовым, Филипом Лукиным, Степаном Лукиным детьми Катиными двор помещиков, в нем людей не написано...»². В документе перечислены еще 50 окрестных помещиков, за каждым показаны помещичьи дворы с такими «полонными и деловыми людьми» или без них. Пленные записывались помещиком к себе в оклад, за них уплачивались налоги. Чаще всего эти люди принимали православие и числились уже под русскими именами и прозвищами.

В переписной книге 1716 г. о Шелемишево сообщается: «...В том селе церковь во имя Рожества Пресвятой Богородицы, у той церкви двор попа Федора Степанова, у него попадя Анисья Михайлова да у них дети <...>, двор попа Перфилья Емельянова, у него попадя Зиновья Григорьева да у них сын 10 лет, двор дьякона Ивана Сидорова, у него жена Агафья Григорьева...» В том же селе перечислены дворы, рязанцев-однодворцев: «Степана Иванова сына Солодкина – 55 лет, Федора Костентинова сына Грабовникова – 60 лет, Корнея Афонасьева сына Хлуднева – 60 лет, Якова Афонасьева сына Взметнева – 40 лет, Григория Акимова сына Петина жены ево Прасковии Клементьевой – 55 лет и нищего Елисея Терентьева сына Кондаурова – 50 лет (слеп), за Михайлой Александровым сыном Протасьевым двор крестьянский». Помещиков-ряшан, т. е. Рязского уезда насчитывалось 36 дворов. Кроме того, село, земельные владения и крестьяне числились «за стряпчем за Гаврилою Ивановым сыном Ближевским <...>, за жильцом Иваном Савиным сыном Челищевым <...>, за поручиком Дмитрием Дмитриевым сыном Ознобишевым <...>, за Онисимом Алексеевым сыном Торбеевым, двор помещиков <...>, за майором за Степаном Лаврентьевым сыном Хвощенским, двор помещиков <...>, Лейб-гвардии Преображенского полку бомбардира поручика Василия Дмитриева сына Колемина двор помещиков...». Всего за ними числилось 7 дворов крестьянских и 3 дворовых человека³.

По переписной окладной книге, составленной не позднее 1724 г., в Шелемишево были «один двор поповский, два двора причетников, четыре двора помещичьих», 14 дворов однодворцев, крестьянских 11 дворов, скотский двор. В подушном же окладе положены 91 одно-

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 248–249.

² РГАДА. Ф. 350, д. 350 а, лл. 62–66.

³ РГАДА. Ф. 350, д. 349, лл. 198–213.

дворец, 132 дворовых, 5 отставных церковников, отдельно показаны 4 человека «польской породы». За рамками подушного оклада оставались 5 священнослужителей и 25 новорожденных. Среди помещиков перечислены Лейб-гвардии Преображенского полка капитан Василий Дмитриев сын Нарбеков, бригадир Михаила Иванов сын Леонтьев (за ним 13 дворовых, 12 скотников, 2 пленных поляка, 78 мужских крестьянских душ и 15 новорожденных), полковник Семен Лаврентьев сын Хвоценский, (за ним 15 дворовых и крестьян), Лейб-гвардии Преображенского полка капитан Василий Дмитриев сын Колемин (за ним 9 дворовых людей и 3 в бегах с 1720 г., в 1722 г. один из последних «пришел из бегов, который жил <...> в городе Николы Зарайского»), Лейб-гвардии Преображенского полка капитан Дмитрий Дмитриевич Ознобишин. Среди однодворцев села перечислены «Федосий Васильев сын Обьетков, Степан Васильев сын Свиридов, Сергей Борисов сын Воронин, рейтарской службы Евдоким Савельев сын Давыдов, рейтарской службы Михаила Кирилов сын Капустин, солдат Ефим Фролов сын Фролов-Багресев, Артемий Терентьев сын Пронин». У некоторых ветеранов петровских войн в дворовых людях состояли пленные поляки, «чюхонцы», а иногда и шведы. У однодворца Петра Владимиров сына Татаринова проживал дворовый человек Савелий Степанов, 12 лет, «оной поляк допросом показал, что уроженец города Гродни...». Также при селе числились «скитающиеся, безземельные или вовсе бездворные» дворяне Онисим Дмитриев сын Фролов, Самойла Гаврилов сын Голтев и Федот Леонтьев сын Павлов¹.

Наиболее примечательной личностью среди упомянутых в документе шелемишевских помещиков был бригадир Михаил Иванович Леонтьев (1682–1752). Он приходился двоюродным племянником царице Наталье Кирилловне, матери Петра I. Близость к клану Нарышкиных предуготовила ему судьбу одного из заметных деятелей петровского царствования. Свою службу он начал в придворном звании стольника. В 1700 г. М.И. Леонтьев обучался «военной экзерциции» в подмосковном селе Семеновском и был скоро произведен в унтер-офицеры. Определенный в том же году на службу прапорщиком в 1-й драгунский (позднее Киевский) полк, за годы Северной войны он прошел в нем почти все ступени служебной лестницы. М.И. Леонтьеву довелось отличиться при осаде Нарвы, где он был два раза ранен, в сражении под Мур-мызой (1705), но особенно – в Полтавской битве (1709). Драгуны полковника Леонтьева захватили в день славной баталии 7 шведских знамен, серебряные литавры и носилки короля Карла XII, а их командир был в третий раз ранен. В 1709 г. М.И. Леонтьев был переведен в Невский драгунский полк, в составе которого продолжал участие в боевых действиях – в осаде Риги, Пернова² и Ревеля³, в походе в Померанию 1711–1712 гг. и в Голштинию 1713 г., в осаде Штеттина⁴. В 1720 г. он был произведен в чин бригадира с оставлением полковником над Невским полком. В 1721–1724 гг. заслуженный воин состоял при строительстве Ладожского канала. После смерти Петра I М.И. Леонтьев оставался активным участником придворной, политической и военной жизни империи. В 1726 г. Екатерина I произвела его в первый генеральский чин, и уже при коронации Петра II в 1728 г. он оказался в числе шести генерал-майоров, несших над императором балдахин от Красного крыльца до Успенского собора. После торжеств в Москве М.И. Леонтьев командовал драгунской дивизией на Украине и вскоре стал кавалером ордена Св. Александра Невского (1729). В 1730 г. он оказался в числе трех депутатов от Верховного тайного совета, ездивших

¹ РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2865, лл. 297–321.

² Ныне город Пярну в Эстонии.

³ Ныне Таллин, столица Эстонии.

⁴ Ныне город Щецин в Польше.

к будущей императрице Анне Иоанновне в Митаву. В 1731 г. М.И. Леонтьев был послан в Низовой корпус, стоявший на Каспийском побережье, где в следующем году его произвели в генерал-лейтенанты. Он также участвовал в ключевых событиях Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. – походе на Крым в 1735 г., взятии Перекопа и Кинбурна в 1736 г., осаде и взятии Очакова в 1737 г. В 1738 г. генерал-лейтенант Леонтьев был отправлен из армии в Киев для управления «губернскими делами», в 1740–1741 гг. был сенатором. Воцарившаяся в 1741 г. императрица Елизавета Петровна произвела М.И. Леонтьева в чин генерал-аншефа и назначила киевским генерал-губернатором. В этой должности он прослужил до самой своей кончины в 1752 г. и был похоронен вместе с женой в склепе под Успенским собором Киево-Печерской лавры. «Современники отзывались о Леонтьеве как об утрюмом и сварливым солдате, который к подчиненным был взыскателен и строг до жестокости, но признавали его храбрым и предприимчивым»¹.

Ко времени 2-й ревизии податных сословий Российской империи, проводившейся в Рязском уезде в 1745 г., генерал-аншеф, ордена Св. Александра Невского кавалер и киевский генерал-губернатор Михаил Иванов сын Леонтьев стал богатейшим помещиком села Шелемишева. Со времени предыдущей ревизии 1722 г. он перевел на вотчинную землю в Рязском уезде собственных крепостных крестьян из имения при селе Зюзине Московского уезда (в 1736 г.), из деревни Свистовки Михайловского уезда и из разных селений Владимирского уезда (в 1737 г.) и купленных в селе Костемерове. Также по Шелемишеву числились «за государственной коллегии канцеляристом Степаном Никитиным сыном Аксеновым всего 19 душ, прежде бывшие за капитаном Кондратием Лаврентьевым сыном Хвоцинским, за подполковником Петром Артемьевым сыном Рославлевым 2 души, также бывшие ранее за помещиком Хвоцинским, за отставным подпоручиком Иваном Яковлевым сыном Михалевым 4 души, за бывшим ямских дел управителем Матвеем Ивановым сыном Алабиным 8 душ». Всего же по переписной книге 1745 г. в подушном окладе по селу значились 262 человека, в т. ч. 62 однодворца и 200 душ помещичьих дворовых людей и крепостных крестьян².

О некоторых подробностях жизни в шелемишевской вотчине Леонтьевых при следующем помещике – сыне М.И. Леонтьева Николае Михайловиче³, тоже генерал-аншефе, известно из одной сохранившейся в архиве челобитной 1762 г. «Бил челом» села Шелемишева выборный Зот Васильев на старосту Игната Осипова и надворного человека Иова Молофеева, принадлежавших помещикам соседнего села Борового – Афанасию и Василию Ивановым детям Усовым. Из поступившего в Рязскую воеводскую канцелярию документа видно, что на мельнице близ села Борового, принадлежащей генерал-аншефу Н.М. Леонтьеву, у мельника в последних числах мая было «украдено седло немецкое, цена оному седлу 2 рубли, да два топора, цена оным топорам по 70 копеек». Некоторое время спустя, 21 декабря, это седло было обнаружено у «приехавших к попу села Борового Максиму Филипову» и оказалось у неизвестного человека и сопровождавших его людей, «показанных помещиков Афанасья и Василья Усовых: Иова Молофеева да Филата Федотова, села Городецкого однодворца Нестера Агеева сына <...>, да села Борового церковников: дьячка Юды да пономаря Тимофея Селиверстова, Рязкого же уезду деревни Борщевки однодворца Мины Федорова сына Павлова». Задержанных повезли на подводах в Рязскую воеводскую канцелярию. Однако староста

¹ Русский биографический словарь: Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцева. Т. 9. Репр. воспр. М.: Аспект Пресс, 1991. С. 250–251.

² РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 287, лл. 545–563.

³ Леонтьев Николай Михайлович (1717–1769) – сын М.И. Леонтьева, генерал-аншеф (1762) и кавалер ордена Св. Александра Невского, участник Семилетней войны 1756–1763 гг.

Осипов и дворовый человек Молофеев помещиков Усовых с крестьянами, с попом Максимом и с однодворцем Авдеем Васильевым сыном Руковановым «у мысли плутовски собрався многолюдством с цепами и со всяким дреколием – реченного господина моего крестьян, подводчиков и проводников били. И показанного неведомого человека и с седлом били и увезли незнаемо куда». В челобитной испрашивалось разрешение в имение «онных Усовых в деревне Наумовской и в селе Боровое из Ряской воеводской канцелярии послать по инструкции кого надлежит, и посылку их против сего прошения во всем допросить, и по допросе учинить с ними как о таковых Вашего Императорского Величества указ повелевает»¹. О дальнейшем развитии этого дела архивные документы молчат.

Нравы эпохи были таковы, что применение к помещичьим крестьянам телесных наказаний считалось делом обыденным. Не были в этом смысле исключением и шелемишевские крепостные. В 1764 г. «генерал-аншефа и кавалера Николая Михайловича Леонтьева Ряской вотчины служитель ево Игнатей Андреев сын Турков» доносил в Рязскую воеводскую канцелярию, что 18 августа дворовый человек его господина Василий Арефьев сын Боровской заявил о том, что «знает слово и дело государево»². Из допроса доставленного в канцелярию Боровского выяснилось, что 12 августа «за вины ево, Боровского, наказывали батажьем и плетьюми, и в то время он <...>, не стерпя побоев <...>, при дворовых людех Ларке Григорьеве, Андрее Трофимове, Василье Федорове сказывал, что он знает за собою слово и дело государево <...>, но токмо он важности никакой как за собою так и ни за кем не знает, а говорил, объявя по вине ево побоев...» Дворовый Василий Боровской попал, что называется, из огня да в полымя. Приговор ему был объявлен 20 августа 1764 г. В силу императорского указа «2 пункта, дабы ему и, на него смотря, другим того чинить было неповадно, яко озарнику и бесчиннику учинить публичное жестокое наказание плетьюми, и по учению оного отдать привотцу с роспискою». На приговоре имеется расписка: «Принял и росписался служитель Игнатей Андреев сын Турков»³.

В 1778 г. в результате административных реформ Екатерины II в составе Рязанского наместничества был образован Скопинский уезд, в число селений которого вошло и Шелемишево. В экономических примечаниях к плану Генерального межевания Скопинского уезда, составленных в 1779 г., отмечается, что «село Шелемишево, Подовечье с деревнями Борщевкою и Бухаровкою» были общим владением «действительного тайного советника и кавалера Петра Дмитриевича Еропкина супруги ево Елисаветы Михайловны; майора Анкиндина Иванова сына Михалева; помещицы Елены Васильевой дочери Полозовой; Лейб-гвардии капитана Луки Иванова сына Храпова; прапорщика Алексея Фокина, Прасковьи Федоровой детей Кареевых; подпрапорщика Василия, Афонасья Ивановых детей Усовых; барона майора Павла Исаева сына Шафирова жены ево Елисаветы Алексеевой дочери; тайного советника князя Алексея Ивановича Гагарина; княгини Варвары Осиповны дочери Долгорукой» и еще 20 помещиков, а также «этих же селений однодворцов». В документе отмечено, что «село Шелемишево лежит на берегу залива Полнова по течению на правой стороне, на котором пруд, и мушная мельница о трех поставах, церковь деревянная во имя Рождества Пресвятой Богородицы, дом господский деревянный Еропкина». Общая площадь имения составляла 5216 десятин 367 сажений (5698,6 га)⁴.

¹ РГАДА. Ф. 566, оп. 1, ч. 3, д. 226, лл. 1 – 1 об.

² «Слово и дело» – условное выражение, произнесение которого свидетельствовало о готовности дать показание об оскорблении государя или государственном преступлении.

³ РГАДА. Ф. 566, оп. 1, д. 38, лл. 1–2 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1355, оп. 1, д. 1240, лл. 69 об-70; д. 1241, л. 214 об.

Очевидно, после гибели помещика Н.М. Леонтьева (в 1769 г. он был застрелен ночью, во сне, неким Матвеем Садовским, крепостным человеком помещика Вонлярского, которого подговорили к убийству дворовые люди и крестьяне самого Леонтьева, страдавшие от его жестокости и самоуправства) его имение в тогда еще Рязском уезде унаследовал не сын Михаил Николаевич (1740–1784), герой Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., а сестра Елизавета Михайловна (1727–1800), супруга генерал-аншефа Петра Дмитриевича Еропкина (1724–1805), известного государственного деятеля екатерининской эпохи, в 1786–1790 гг. занимавшего пост «главнокомандующего в столичном городе Москве и во всей Московской губернии». Он вошел в историю тем, что во время Чумного бунта 1771 г., являясь «надзирающим за здоровьем всего города Москвы», решительными мерами восстановил порядок в городе. За это он был удостоен ордена Св. Андрея Первозванного. За годы военной и гражданской службы П.Д. Еропкин также награждался орденами Св. Анны 1-й степени (1760), Св. Александра Невского (1762) и Св. Владимира 1-й степени (1788).

Генерал-аншеф и сенатор П.Д. Еропкин оставил значительный след и в истории села Шелемишева. Как сообщает И.В. Добролюбов, «на место существовавшей в XVII столетии деревянной церкви, стоявшей за р. Рановой близ Зарановских выселок, где ныне большой мост, существующая ныне в селе Шелемишеве каменная Богородице-Рождественская церковь построена генерал-аншефом Петром Дмитриевичем Еропкиным и освящена 24 сентября (6 октября) 1802 г., одновременно с церковью устроена была и колокольня»¹.

Супруги Еропкины не имели детей, поэтому наследниками их шелемишевского имения стали родственники – дворяне Васильцовские. По окладной книге 1834 г. коллежскому советнику Александру Дмитриевичу Васильцовскому в селе принадлежали 200 поселян и 33 дворовых человека, поручику Сергею и дворянину Дмитрию Александровичу Васильцовским – 212 поселян и 34 дворовых людей, причисленных из других имений губернии в 1849 г., подпоручику Федору Ивановичу Колтыреву – 13 душ, поручику и кавалеру Ивану, поручику Николаю, инженер-подпоручику Дмитрию Васильевичам Свиридовым – 21 дворовый человек, из которых в 1832 г. были исключены из оклада 3, а в 1839 г. – и оставшиеся 18².

Согласно окладной книге 1850 г. за поручиком Сергеем и подпрапорщиком Дмитрием Александровыми Васильцовскими числились 222 мужские крестьянские души и 22 дворовых человека. В 1857 г. они были исключены из оклада, но в том же году в оклад С.А. Васильцовскому были причислены 92 крепостные души и 12 дворовых людей, а Д.А. Васильцовскому – 131 поселянин и 10 дворовых людей. За подпоручиком Федором Ивановичем Колтыревым числились 2 поселянина и 11 дворовых людей³.

Согласно карте А.И. Менде 1850 г., в селе Шелемишеве насчитывалось 74 крестьянских двора. Оно лежало на правом рукаве р. Верды при ее впадении в Ранову. Южнее села проходил тракт Скопин–Рязк. На возвышенности близ слияния двух рек в восточной части поселения находились Богородице-Рождественская церковь и две владельческие усадьбы. Крестьянские дома располагались тремя порядками. Два из них образовывали улицу в северной части села. Один протяженный, с многочисленными противопожарными прожогами, вытянулся с запада на восток и образовывал собой всю западную часть села, близ которой на р. Верде работала водяная мельница. В южной части села, неподалеку от помещичьей усадьбы, были беспорядочно разбросаны несколько крестьянских изб – возможно, жилища дворовых

¹ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 248.

² ГАРО. Ф. 129, оп. 32, д. 219, лл. 15 об, 33 об–34, 145 об–146, 240 об–241.

³ ГАРО. Ф. 129, оп. 46, д. 228, лл. 37 об–38, 49 об, 51, 165 об–166.

людей. Наконец, при пересечении Скопинско-Рязским трактом р. Рановы находился порядок Шелемишевские выселки с 5 дворами (видимо, это их И.В. Добролюбов называет Зарановскими выселками)¹.

Помещики Васильцовские были одними из немногих скопинских дворян, кто мог себе позволить роскошь содержать собственный конный завод. По данным за 1847 г., на заводе отставного поручика С.А. Васильцовского содержались 40 маток, в т. ч. несколько кровных². В 1854 г. на его заводе отмечены 4 жеребца-производителя и 25 кобыл – арабских, английских скаковых, рысистых и упряжных³. К северу от р. Верды и до поросшего смешанным лесом холма простирались заливные дуга. Во время весеннего половодья все это пространство превращалось в сплошное море. К югу, в полукилометре от села, начиналось черноземье полей. Вода протекавших близ села двух рек, в то время годная к употреблению скотом и людьми, и заливные дуга благоприятствовали развитию коневодства в помещичьем хозяйстве.

Из числа служивших в Богородице-Рождественской церкви села Шелемишева с начала XIX в. священнослужителей известны Михаил Климентов (в 1807–1839 гг.), Григорий Тарасиев (в 1839–1843 гг.), Василий Солнцев (в 1843–1869 гг.) и Иван Павлович Стрекалов (ок. 1869–1885 гг.)⁴ В 1856 г. в Шелемишево открылось церковно-приходское училище. Оно размещалось в доме священника Василия Солнцева, обучавшего крестьянских детей безвозмездно⁵.

По данным последней в истории России 10-й ревизии податных сословий, проводившейся в 1858 г., село Шелемишево Скопинского уезда Рязанской губернии было собственностью помещиков Г.С. и Д.А. Васильцовских. В селе насчитывалось 54 домохозяйства принадлежавших им крепостных крестьян и 25 домохозяйств лично свободных государственных крестьян четвертного права (бывших однодворцев). Всего же население села составляли 322 души мужского пола и 334 – женского⁶.

По сведениям 1859 г., в «Шелемишеве, селе владельческом и казенном при реке Ранове», лежавшем в 29 верстах от уездного города, насчитывалось 56 дворов и проживали 357 мужчин и 369 женщин⁷.

Земельные владения отдельных шелемишевских государственных крестьян четвертного права были довольно значительными. Так, в 1860 г. бывший однодворец Семен Кондратьев сын Свиридов завещал своему сыну Тимофею «в дачах села Шелемишева и деревни Пиковой по духовному завещанию пахотной и луговой земли 52 десятины (56,8 га)»⁸.

Крепостное право в России было отменено по Высочайшему манифесту от 19 февраля 1861 г. В ходе крестьянской реформы помещики и их крепостные составляли уставные грамоты, в которых отражалось количество и местоположение земли, предоставляемой бывшим помещиком крестьянам, а также размер повинностей временнообязанных в пользу своего бывшего барина. Очевидно, такая грамота была составлена и в имении Васильцовских, однако в подробностях этот процесс не известен. С подписанием уставной грамоты бывшие поме-

¹ Карта А.И. Менде 1850 года, 1 см – 420 м.

² Статистическое обозрение коннозаводства России. СПб., 1847. С. 113.

³ Список частных конских заводов в России 1854 г. СПб., 1855. С. 80.

⁴ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 249.

⁵ Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 год. Рязань, 1868. С. 238–239.

⁶ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 68.

⁷ Списки населенных мест Российской империи... по сведениям 1859 года: [Вып. 35]: Рязанская губерния. СПб., 1862. С. 129.

⁸ РГАДА. Ф. 1355, оп. 2, д. 229, л. 657.

щичьи крестьяне дворян Васильцовских перешли в категорию временнообязанных. Само же село было приписано к новообразованной Боровской волости Скопинского уезда.

Коннозаводчики помещики Васильцовские вели активную предпринимательскую деятельность и на этой почве взаимодействовали со скопинским и епифанским купечеством. Иногда сотрудничество выливалось в конфликты. Так, например, в разделе «О вызове лиц по судебным и тяжёлым делам» газеты «Рязанские губернские ведомости» за 1865 г. имеется сообщение о вызове «для ответа против прошения» в Скопинский уездный суд «поручика Дмитрия Александрова Васильцовского и епифанских купцов 1-й гильдии – Василия Иванова Расторгуева и 2-й гильдии – Ивана Степанова Морозова – к прочтению и рукоприкладству под запискою из дела о взыскании последними с первого за лес денег»¹.

Средств помещиков Васильцовских хватало на поддержание и расширение Богородице-Рождественской церкви в Шелемишеве. И.В. Добролюбов сообщает: «Придел с южной стороны <церкви> во имя преподобного Сергия Радонежского Чудотворца построен был поручиком Сергеем Александровичем Васильцовским в 1861 г., им же устроен был в 1867 г. и другой придел – во имя великомученика Дмитрия Мироточивого»². Известны имена нескольких церковных старост Богородице-Рождественской церкви 2-й половины XIX в. В 1866–1872 гг. эту должность занимал шелемишевский крестьянин Василий Борисов, в 1872–1879 гг. – местный помещик поручик Дмитрий Васильцовский.

И до, и после крестьянской реформы универсальным средством мести или сведения счетов в среде поселян оставался поджог имущества. Известны такие случаи и в истории Шелемишева. Например, как сообщала главная губернская газета, «в ночь с 10 на 11 апреля <1876 г.> Скопинского уезда в селе Шелемишеве сгорело будто бы от поджога 6 крестьянских домов с надворными строениями; убытка понесено на 1650 руб. В поджоге подозревается крестьянин Дмитрий Григорьев»³.

Справочное издание «Волости и важнейшие селения Европейской России» свидетельствует, что в конце 1870-х гг. в Шелемишево «селе бывшем владельческом и государственном при речках Ранове и Верде», было уже 127 дворов и 752 жителя⁴.

Довольно подробная характеристика села содержится во 2-м томе статистических сведений по Рязанской губернии за 1882 г. В это время в Шелемишеве было 150 домохозяйств, в которых проживали 432 мужчины и 431 женщина. Грамотными среди них были лишь 30 мужчин и 5 учащихся мальчиков. Земельные наделы у бывших государственных крестьян четвертного права (бывших однодворцев) были заметно больше, чем у временнообязанных крестьян помещиков Васильцовских – на ревизскую душу приходилось 3,6 десятины (3,9 га). Кроме общественной и четвертной земли некоторые из них имели собственную покупную или дополнительно арендовали вненадельную. Урожай же у бывших четвертных крестьян были хуже, чем у временнообязанных, несмотря даже на то, что первым принадлежали участки более плодородных почв. Среди бывших четвертных крестьян 4 двора (14 едоков) числились безземельными, 23 двора – безлошадными. Без коровы и лошади обходились жители 12 сельских дворов. 15 местных жителей из бывших четвертных крестьян числились в отхожих промыслах, 7 были мастеровыми, работавшими в самом селе. Из 44 изб Шелемишева «по-белому» топились лишь 15. У бывших помещичьих крестьян все избы топились

¹ Рязанские губернские ведомости, № 17 (24 апреля 1865).

² Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 248.

³ Рязанские губернские ведомости, № 41 (26 мая 1876).

⁴ Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С. 328.

«по-черному», мастеровых и отхожих рабочих из их среды было значительно меньше. В селе действовали кабак и лавка, принадлежавшие бывшим четвертным крестьянам, а также водяная мельница о двух поставках¹. Согласно данным за 1893 г., водяная мельница, построенная в 1864 г., принадлежала в это время куцу Б.К. Халатову и имела уже 4 постава. В год она перемалывала ок. 2200 четвертей ржи, 500 четвертей проса, 800 пудов конопли. На ней трудились 3 наемных работника, которым ежемесячно платили по 7 рублей². Одна из кузниц села Шелемишева принадлежала мещанину Алексею Васильевичу Игнатову³.

В 1885 г. И.В. Добролюбов писал про Богородице-Рождественскую церковь в Шелемишеве: «Церковной земли ныне во владении причта состоит 33 десятины (36,05 га). В составе прихода состоят: село Шелемишево с 109 дворами и деревня Уракова (в 1 ½ верстах) с 29 дворами, Боршевские хутора с 21 двором и Зарановские выселки, в коих считается мужского пола 576, женского пола 582. По штату 1873 г. в причте положены 1 священник и 1 псаломщик»⁴.

В 1880-х гг. шелемишевские крестьяне нередко оперировали немалыми для того времени суммами. В 1882 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщали: «Скопинское уездное полицейское управление разыскивает потерянный 4 января сего года крестьянином села Шелемишева Скопинского уезда Максимом Игнатовым Гольнкиным вексель в 200 руб., выданный ему 3 января 1880 г. крестьянином того же села Шелемишева Григорием Ивановым Свиридовым»⁵.

Как и все русские села, Шелемишево регулярно страдало от масштабных пожаров. Об одном из них главная газета губернии писала: «4 июня <1883 г.> Скопинского уезда в селе Шелемишеве сгорели от неизвестной причины 7 крестьянских домов с надворными строениями, 7 риг и церковная караулка; убытка понесено на 2557 руб.»⁶.

В 1883 г. «Рязанские губернские ведомости» сообщили о заключении выкупных сделок шелемишевских временнообязанных крестьян с помещиками Васильцовскими. В губернском городе были получены сделки «...л) дворянина Сергея Дмитриевича Васильцовского с временнообязанными крестьянами села Шелемишева Скопинского уезда, по которой предоставляется крестьянам в числе 104 душ в выкуп земли из дачи села Шелемишева 312 десятин (340,9 га) удобной. Выкупной ссуды за это имение испрашивается от Правительства 12 080 руб.; м) дворян Дмитрия и Сергея Васильцовских с временнообязанными крестьянами села Шелемишева Скопинского уезда, по которой предоставляется крестьянам в числе 108 душ в выкупе земли из дачи села Шелемишева 324 десятин (354 га) удобной. Выкупные ссуды за это имение испрашивается от Правительства 12 960 руб.»⁷.

Похоже, к началу 1890-х гг. финансовые дела помещиков Васильцовских находились не в лучшем состоянии. В 1892 г. «Рязанские губернские ведомости» со ссылкой на судебного пристава Рязанского окружного суда С.А. Сердобинского, жившего «в г. Рязани в доме Терпилиной», уведомили о том, что «на удовлетворении взыскания мещанина Андрея Иванова Акулова при Рязанском окружном суде 20 января 1893 г. будет продаваться право дворянина

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 68–73.

² ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 809, лл. 56–56 об.

³ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 808, лл. 3 об.

⁴ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание... Т. 2. С. 248.

⁵ Рязанские губернские ведомости, № 6 (20 января 1882).

⁶ Рязанские губернские ведомости, № 50 (6 июля 1883).

⁷ Рязанские губернские ведомости, № 43 (11 июня 1893).

Сергея Дмитриевича Васильцовского на половинную часть из недвижимого имущества, состоящего Рязанской губернии Скопинского уезда, при селе и в селе Шелемишеве, при Шелемишевских хуторах и при деревне Баршовке, Барщевке тож, заключающегося 1024 ½ десятинах (ок. 1119 га) земли пахотной, усадебной, луговой, неудобной и лесной, с лесом разных пород и произрастений до 200 десятин (218, 5 га) и разными постройками, находящегося в общем владении его, Васильцовского, с вдовой поручика Евгению Петровною Васильцовскою. Из общего количества 1024 ½ десятин земли с лесом и строениями 284 десятины 600 саженой (310,5 га). Земли с лесом и строениями заложены Акулову в сумме 25 000 руб. по закладной 16 сентября 1886 г. Имение в полном составе оценено в 65 000 руб., а право Васильцовского на половинную часть из 1024 ½ десятин с постройками и лесом оценено в 30 000 руб., с каковой суммы и начнется торг с 10 часов утра»¹.

В 1897 г. Скопинское уездное земское собрание обсуждало вопрос об открытии в Шелемишеве земской школы. Протокол заседания земского собрания гласил: «Прочтен доклад управы по ходатайству 3-х сельских обществ села Шелемишева об открытии в означенном селе земской школы и о выдаче ссуды в размере 600 руб. на постройку здания для школы, следующего содержания: “Три общества села Шелемишева Боровской волости приговорами от 10 марта 1897 г. ходатайствуют о выдаче им ссуды 600 руб. по 200 руб. каждому, на постройку здания земской школы, с условием возврата означенной в течении трех лет (1898, 1899 и 1900 г.); причем общества принимают на себя обязанность ремонтировать здание, отоплять и освещать”»². К протоколам прилагались оригиналы приговоров крестьянских сходов: «1897 года марта 10 дня, мы, нижеподписавшиеся, Рязанской губернии Скопинского уезда Боровской волости 2-го земского участка крестьяне-собственники г. Васильцовского 1-го Шелемишевского сельского общества были собраны по распоряжению нашего сельского старосты Данилы Исайкина на сельский сход, на каковой из общего числа 41 домохозяев, имеющих право голоса на сходе, имели суждение о том, чтобы в нашем селе устроить земскую школу для обучения детей обоего пола, с тем, чтобы было в этой школе помещение для учителя, почему, посоветовавшись между собою, все единогласно постановили: просить Скопинскую уездную управу отпустить взаимнообразно на постройку этой школы денег двести рублей, каковые деньги обязуемся уплатить в течении трех лет с ручательством круговую друг за друга порукою, начать платеж с будущего 1898 г. и кончить таковой в 1900 г. Предполагаемую школу обязуемся содержать в должном порядке, ремонт, отопление и освещение производить на наш счет, денежное же содержание учителя и законоучителя, а равно и расходы на учебные пособия мы просим принять на счет Скопинского уездного земства: для ходатайства по этому делу избрали уполномоченных: крестьянина Максима Николаева Устинова и сельского старосту Данила Степанова Исайкина, попечителем же над названной школой избран крестьянин 2-го Шелемишевского общества Леон Григорьев Абрамов»³. Аналогичные приговоры были составлены 2-м Васильцовским сельским обществом в числе 39 домохозяев, где старостой был Никита Пафомович Акинин, и обществом шелемишевских государственных крестьян в числе 46 домохозяев, где старостой был Прокофий Павлович Обьедков⁴.

По описанию 1904 г., земская школа в Шелемишеве «помещалась на площади близ церкви в новом деревянном здании, крытом железом. В школе помещалась церковная караулка и

¹ Рязанские губернские ведомости, № 70 (3 октября 1892).

² Журналы Скопинского уездного земского собрания экстренного созыва от 23 мая 1897 г. Скопин, 1897. С. 9.

³ Там же. С. 19.

⁴ Там же. С. 20–21.

комната учителя. Имелось две печи. В школе тепло и сухо. Света весьма достаточно, восемь окон, обращенных на юг, восток и запад. Количество учеников 65, из них 4 девочки»¹.

Известно, что в 1902 г. попечителем шелемишевской земской школы был крестьянин Л.Г. Абрамов, к 1912 г. им стал разбогатевший местный уроженец из крестьян Иван Емельянович Кудрявцев, которого шелемишевцы не без оснований называли помещиком². В 1916 г. шелемишевская школа упомянута как одноклассная трехклассная³.

В 1905 г. в Шелемишеве было 152 двора, в которых проживали 477 мужчин и 433 женщины. В селе действовала земская школа. Близ Шелемишева упоминаются хутор и водяная мельница «почетного гражданина Халатова»⁴. Хотя, как значится в документах Скопинского уездного земского собрания от 20 февраля 1905 г., «водяная мельница <...> сторела в сентябре 1901 г.», но положенный сбор с наследников Халатова продолжали собирать. Непременным атрибутом большого села был трактир, принадлежавший крестьянину Евсею Лукичу Полякову⁵.

В 2–3 верстах от села находился еще один небольшой хутор дворян Васильцовских с тремя лесными сторожками⁶.

В изданном в годы Первой мировой войны списке коннозаводчиков и владельцев лошадей, сведения о которых помещены в различных справочниках, указан села Шелемишева крестьянин Иван Емельянович Кудрявцев, разводивший орловских рысаков⁷. Видимо, в деле коневодства он стал непосредственным преемником дворян Васильцовских.

Ок. 1898–1914 гг. в Богородице-Рождественской церкви села Шелемишева служил священник Николай Иванович Кедров. В 1914 г. к храму было приписано земли усадебной 3 десятины (3,3 га), пахотной – 49,5 десятины (ок. 54 га). В приходе функционировали земские школы. В селе Шелемишеве было в это время 169 дворов, в которых проживали 508 мужчин и 507 женщин⁸.

Прихожане шелемишевского храма нередко могли себе позволить масштабную благотворительность. Так, например, в начале XX в. землевладелицей Лидией Андреевной Щенниковой на устройство Сергиевского придела церкви и приобретение различных церковных предметов было пожертвовано 1830 рублей⁹.

Заслуживающее внимания описание Богородице-Рождественской церкви в Шелемишево содержится в сообщении «Рязанских епархиальных ведомостей» о посещении села епископом Рязанским и Зарайским Димитрием¹⁰ накануне Первой мировой войны для освящения реконструированных приделов сельского храма: «В ночь на 6 июля <1914 г.> преосвященный Димитрий выехал из Рязани по Рязано-Уральской железной дороге до станции Рязск, и

¹ Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XL 1904 года. Скопин, 1905. С. 69.

² Журналы Скопинского уездного земского собрания очередного XLVIII 1912 года созыва. Скопин, 1913. С. 274.

³ Отчет за 1916 год. Скопин, 1918. С. 180.

⁴ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 614–615.

⁵ Скопинского уездного земского собрания ХХLVII очередного созыва 1911 года. Скопин, 1912. С. 243

⁶ Журналы Скопинского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 20 февраля 1905 года. Скопин, 1905. С. 114.

⁷ Памятная книжка по Главному управлению государственного коннозаводства на 1916 год. Пг., 1917. С. 148.

⁸ Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под. ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Издание Рязанской ученой архивной комис., 1898. С. 624–625.

⁹ Рязанские епархиальные ведомости, №24 (15 декабря 1913 г.). С. 798.

¹⁰ Димитрий (Сперовский) (1865–1923) – епископ Рязанский и Зарайский в 1911–1917 гг.

затем по Сызрано-Вяземской железной дороге до станции Желтухино для освящения церкви в село Шелемишево и для обозрения Рязского Димитриева монастыря и лежащих на пути к нему церквей. От станции Желтухино до села Шелемишево или до имения землевладельца и строителя храма, церковного старосты Ивана Емельяновича Кузнецова (в действительности Кудрявцева. – *Примеч. авторов*) пришлось ехать 12 верст на лошадях. Постоянные дожди, лившие несколько дней, сделали дорогу по чернозему почти непроезжей, особенно там, где пересекаются речками, которые выходят из берегов, затопляя мосты. Храм в селе Шелемишево реставрирован землевладельцем и ктитором храма Ив. Ем. Кузнецовым и другими жертвователями и расширен, собственно в пределах сделан благолепным и поместительным. К освящению назначены два придельных храма – с правой стороны во имя преподобного Иоанна Кущника, а с левой во имя преподобного Сергия. На последний придел приходила с довольно значительными жертвами и местная землевладелица Лидия Петровна Акулова». На богослужении собралось так много народа, что обширный храм не смог вместить всех собравшихся. После освящения приделов епископ Димитрий посетил дом священника и дом землевладелицы Л.П. Акуловой, где «изволил кушать чай, затем он осматривая тщательно церковь и местность около церкви, давая указания ктитору как устроить каменную ограду вокруг церкви, осмотрел колокольню и колокола. <...> Ночевал епископ Димитрий в доме Кузнецова, на утро в другие храмы он не поехал из-за непроезжей дороги»¹.

Вопрос о исправности дорог в то время остро стоял остро. Их состояние стабильно оставляло желать много лучшего, даже несмотря на то, что в 1911 г. «крестьяне села Шелемишевской гати по дороге к Желтухину и мостов через пойму реки Верды около села. «Надо было оборудовать мосты через основное и старое русло реки и выполнить земляные работы по самому проезду. Причем грунт для поднятия дороги надо было брать из гор со Старого Желтухина, так как по пойме – торф и топь», – подчеркивалось в докладе Скопинской уездной земской управы. «Учитывая, что данный проезд весьма важен для всей Боровской волости», земство согласилось с необходимостью этих работ после составления сметы². Смету составили, работы провели, но уже летом 1914 г. дороги вновь стали непроезжими в непогоду...

31 мая (12 июня) 1915 г. Шелемишево также посещал епископ Михайловский Амвросий, викарий Рязанской епархии. «Прибыв в село, по просьбе священника и церковного старосты <он> совершил молебен о даровании победы над злым врагом», переночевал в Шелемишево и утром следующего дня отбыл на станцию Желтухино³.

Накануне революции 1917 г. отношения шелемишевцев с «крестьянским помещиком» И.Е. Кудрявцевым были более чем натянутыми. О «щедрости барина Кудрявцева» в 1937 г. вспоминал на страницах желтухинской районной газеты «Колхозная правда» местный колхозник Андрей Степанович Кузин. Незадолго до начала революционных событий, «рановские крестьяне стали рубить березняк в Андреевцах». Владелец леса Кудрявцев послал своего человека к шелемишевским крестьянам с просьбой помочь ему справиться с незаконными порубщиками и обещал за это отблагодарить. «Мужики собрались и пошли в березняк. Поймали двух лесорубов, остальные убежали, сдали их на барский двор. Благодарить вышел на крыльцо сам барин Иван Степанович (в действительности Емельянович. – *Примеч. авторов*)

¹ Рязанские епархиальные ведомости, №5 (1 марта 1914 г.). С. 213–214.

² Журнал Скопинского уездного земского собрания XXLVIII очередного созыва 1911 года. Скопин, 1912. С. 188–187.

³ Рязанские епархиальные ведомости, №15 (1 августа 1915 г.). С. 608.

Кудрявцев: “Спасибо вам, мужики, каждый из вас может порубить у меня в лесу сажень хвороста”. На следующий день с топорами пошли в лес. В разгар самых работ приехал барин. Он просмотрел несколько куч нарубленного хвороста и закричал: “Толстые сучья срубаете, не разрешено рубить, уходите из леса!..” Мужики побросали топоры и к барину. А его коляски и след простыл. Двинулись на барский двор. На крыльцо снова вышел барин. “Как так, обещание дашь, а их не выполняешь?” Барин рассердился и закричал: “Какое имете право мне такие слова говорить? Помру – ничего вам не дам!”. Бывший в отпуске матрос Петухов, взмахнув рукой, обратился к крестьянам: “Близится время, когда все будет мужицкое – и лес, и земли. Не слушайте барина, берите лес”. Через день на повозке на двор к Петуховым приехала полиция. Смотрим – Петухова посадили на телегу. Мы собрались кучкой и спрашиваем: “Куда везете Петухова?” Стражники заюлили: “Не беспокойтесь, мужики, в волость его везут. Доедет – тут же и обратно...” За повозкой начали следить. Верно, сначала в волость, а оттуда прямо на Скопинскую дорогу... Городецкие вышли, но повозки не перехватили... А вскоре помещика разгромили, землю поделили и хворост свой из бывшего барского леса забрали, барина выгнали»¹.

Для шелемишевских крестьян И.Е. Кудрявцев, конечно, был барин. Однако, как свидетельствуют документы, в сословной структуре дореволюционного общества он имел всего лишь скромный статус мещанина. Хотя, конечно, далеко не у каждого мещанина были в те годы 605 десятин 1026 сажень (ок. 662 га) земли, водяная мельница и конный завод²...

В 1917 г. в селе Шелемишеве Боровской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 244 двора, в которых проживали 758 мужчин и 761 женщина. В 3 верстах от села работала, видимо, заново отстроенная водяная мельница почетного гражданина Халатова и находились его хутор, а также владельческая усадьба мещанина Акулова. В 6 верстах от Шелемишева располагались хутор помещика Васильцовского и его лесные сторожки: Лутовская, Хвощевская и в Журавлихе³.

Во второй половине 1918 г. в связи с переименованием села Борового в Володарское (в память убитого в июне 1918 г. большевика В. Володарского) Боровская волость также стала Володарской. Но это название не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным.

В 1925 г. Шелемишево в составе Володарской волости было передано из Скопинского уезда Рязанской губернии в Рязский. Тогда же был образован и Шелемишевский сельсовет. Опыта административной работы у его первых членов, видимо, было очень немного. Поэтому на начальном этапе деятельности сельсовета в скопинской прессе в его адрес можно было прочитать острую критику, вроде такой: «Шелемишевский сельсовет спит. Местный сельсовет не сумел отчитаться во время перевыборов – результаты налицо: ККВ, несмотря на то, что в селе много безлошадников, и весна в полном разгаре – ничем себя не проявляет. “Оживлением” сельсоветов у нас пока и не пахнет»⁴.

Сельсоветы были обязаны проводить на селе политику советских властей, заключавшуюся в лишении зажиточных крестьян, оказывавших решающее влияние на местную общественную жизнь, экономических рычагов воздействия на крестьянскую массу. Стимулируя приток крестьян в колхозы, власти проводили дискриминационную политику в отношении

¹ Колхозная правда, № 122 (7 ноября 1937).

² Рязанские губернские ведомости, № 43 (8 июня 1913).

³ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 138, 138 об., 139.

⁴ Коллектив, № 50 (13 мая 1925).

бывших кулаков, для хозяйств которых ввели «твердые задания» по поставкам сельхозпродукции государству. Крупные хозяйства не могли с ними справиться при запрете на использование наемной рабочей силы (ведь именно на низкой себестоимости наемного батрацкого труда держались кулацкие хозяйства в дореволюционной России). Опасаясь испортить отношения с влиятельными односельчанами, сельсоветы крайне неохотно переводили зажиточных крестьян в категорию «твердозаданцев». Иногда на этой почве случались эксцессы. Об одном из них, имевшем место в Шелемишеве, рязская газета «Колхозник» в 1931 г. сообщала: «До революции Акинин Сергей Петрович имел 3 десятины (3,3 га) купчей земли и ежегодно арендовал землю. С 1923 по 1926 гг. арендовал сад в 3 десятины. В 1930 г. укрыл от обложения сельхозналогом десятину арендованного дуга. Казалось бы, ничего такого здесь не было, даже батраков не нанимал. Однако пленум сельсовета 1 марта 1931 г. отнес его хозяйство к группе зажиточных и ему дали твердое задание на сдачу государству излишков в количестве 10 пудов ржи, 10 пудов овса и 30 пудов сена. Задание было выполнено в срок, но злостью он затаил, считая, что все это устроил председатель сельсовета Абрамов. Случай представился 8 марта, когда проводили медосвидетельствование рабочих, отправляемых на торфоразработки. Пришел на комиссию и сын Акинина Егор. От зашедшего в здание Абрамова он потребовал объяснений о том “почему нам дали твердое задание”, тот предложил зайти ему в другой день в сельсовет. К вечеру уезжавшие устроили выпивку. Увидев вечером возвращавшегося из сельсовета с группой женщин Абрамова, Егор Акинин встретил его и с криком: “Это председатель наложил твердое задание”, замахнулся ножом. Шедшая с ним Кузнецова закричала, на ее крик подбежали шедшие сзади Лаврикова, Ванина, Артюхина и другие, и помешали Акинину. Оправдываясь, Егор Акинин сказал, что был пьян»¹.

Каждый колхозник и крестьянин-единоличник в этот период платили сельхозналог, культурный налог и налог самообложения, сдавали сельхозпродукты государству. Зажиточные крестьяне, остававшиеся за рамками колхозов, облагались «твердыми заданиями» по сдаче зерна, овощей, мяса. Шкала налогов дифференцировалась в зависимости от уровня производительности крестьянских хозяйств. Бедняки вовсе не платили ничего. А «твердые задания», возлагавшиеся на зажиточных, порой бывали такими, что бывшие кулаки и «крепкие сельские хозяева» бросали свою землю, преднамеренно не засеивали ее или прятали урожай. И то, и другое сурово наказывалось.

В 1931 г. в Шелемишеве перевели в «твердозаданцы» крестьянина З.Д. Ершова и крестьянку Козыреву. «Ершов до революции имел 9 десятин (9,8 га) купчей земли, после революции арендовал у бедняков по кабальным ценам. Козырева имела половину крупорушки. Муж скрылся после дачи твердого задания. Их хозяйства были обложены индивидуально сельхозналогом. Ершов упорно не сдавал 10 центнеров ржи, 3,3 центнера овса, 16,4 центнера картофеля, Козырева – 2,5 тонны картофеля, 4 центнера проса, 10 центнеров сена и 6 центнеров ржи. Наложённые на них штрафы не были уплачены. Ершовым – в размере 660 рублей, а Козыревой – 930 рублей. Судом они были приговорены к 6 месяцам принудительных работ с испытательным сроком 1 год и наложением штрафов»².

За выполнением единоличниками планов по поставкам сельхозпродукции государству следили сельсоветы. При «отсутствии бдительности» можно было нарваться на нагоняй от местных властей на страницах газеты. Например, на такой: «Шелемишевский сельсовет оппортунистически относится к зяблевой вспашке. До сих пор единоличный сектор к вспашке

¹ Колхозник, № 28 (15 июня 1931).

² Колхозник, № 56 (31 октября 1931).

зяби не приступил. В этом сельсовете установлена очередность работ: “Сперва обмолотим яровые культуры, затем выкопаем картофель, а потом и за зябь возьмемся”, – так рассуждают члены сельсовета. Эта очередность фактически ведет к срыву зяблевой вспашки»¹.

С 1929 г., когда было отменено историческое административное деление на волости, уезды и губернии, Шелемишево являлось населенным пунктом Рязского района Центрально-Промышленной области, в том же году переименованной в Московскую. В 1931 г. на волне массовой коллективизации в селе был образован колхоз им. Академии Крупской. В августе 1931 г. был избран председателем его правления Ф.Н. Петухов, а заведующим хозяйством стал А.П. Грачев. Последний был «твердозаданцем». Кроме него, в колхоз вступили еще 18 хозяйств с «твердыми заданиями», т. е. зажиточные шелемишевцы фактически «прибрали к рукам» новосозданную сельхозартель. Критически относясь к начинаниям советской власти на селе, Петухов и Грачев повели дело к развалу колхоза. Не выдавали бедноте заработанного ими по трудодням, всячески притесняли. Колхозные средства нередко тратились на банальные пьянки, причем правление не забывало подпаивать и колхозников. Промтовары давали лишь в те бригады, где было побольше их родственников. При таком отношении беднота стала выходить из колхоза. В 1932 г. в хозяйстве «пало 14 лошадей, а еще 14 лучших лошадей перевели в ригу бывшего кулака, не обеспечив охраной. В марте рига сторела с лошадьми. По их вине сгнило 3000 пудов картофеля, 200 пудов ржи, 600 пудов вики»².

Из села в рязскую районную газету шелемишевские активисты из бедноты писали: «Колхоз имени Академии Крупской в Шелемишево засорен чуждыми людьми. В колхоз сумели втереться Федор и Абрам Мисюлины. Бывшие арендаторы, агитирующие за кулацкую уравниловку. Колхоз спасает их от твердых заданий. В правлении колхоза затесался бывший огородник Федюкин»³. Газета «Колхозник» сигнализировала: «В шелемишевском колхозе имени Академии Крупской имеется 15 неграмотных. Колхозники неоднократно обращались к учителям с просьбой – помочь ликвидировать неграмотность, но учителя Иван Иг. и Юлия Вас. Мисюлины оставляли просьбы колхозников без ответа. “Вы моего отца раскулачили, и я вам не работник, – говорит Мисюлин. – Он ведь только дьячок, а не поп”. Учителя Мисюлины не ведут общественной работы, отлынивают от полученных заданий. За бездействие, за антисоветские настроения Мисюлины исключены из колхоза. Необходимо району обратиться на Мисюлиных внимание»⁴.

Заинтересованные в укреплении коллективных начал хозяйствования бедняки, середняки собственным трудом поддерживали коллективизацию, понимая, что батрацкий труд на кулака – труд дешевый, благосостояния им не принесет. Поэтому представители бедноты трудились в колхозах на совесть. Газета «Колхозник» в 1931 г. сообщила из Шелемишева: «Женские бригады во главе с Макаровой М.Г. и Петуховой А.М. перевыполняли нормы на 20–25 %»⁵.

По ситуации в шелемишевском колхозе им. Академии Крупской было принято специальное постановление РК ВКП (б) Рязского района от 10 ноября 1932 г., которое гласило: «Как в колхозе, так и в колхозном правлении до последнего времени укрывались кулаки. Которые своей политикой держат ставку на развал колхоза, уничтожение конского поголовья, срыв плана засыпки семян, расхищение инвентаря. Исходя из этого, члена ВКП(б), председателя колхоза Петухова, как бывшего кулака, скрывшего свое социальное происхождение, воз-

¹ Колхозник, № 53 (14 октября 1931).

² Колхозник, № 61 (25 ноября 1932).

³ Колхозник, № 40 (15 августа 1931).

⁴ Колхозник, № 54 (20 октября 1931).

⁵ Колхозник, № 58 (7 ноября 1931).

главившего кулацкую политику саботажа, за укрытие кулаков из партии исключить и снять с работы»¹. Состоявшийся позднее суд «по итогам работы» приговорил Грачева к 4 годам, а Петухова к 2,5 годам лишения свободы².

Примерно в эти же годы в Шелемишево были раскулачены и высланы из села представители семьи Свиридовых – Петр Никитович (1886–?), Петр Иванович (1889–?), Иван Петрович (1916–?), Елена Поликарповна (1886–?), Мария Ивановна (1888–?) и Прасковья Петровна (1911–?).

К весне 1933 г. в колхозе им. Академии Крупской состояло 202 хозяйства. Ранее 13 хозяйств были «вычищены» из сельхозартеля как «классово-чуждый элемент»³. С целью укрепления кадров колхоза его председателем и секретарем партячейки, в которой состояли 7 членов и кандидатов в члены ВКП (б), в 1932 г. стал присланный в село с завода ЛЕПСЕ рабочий Давид Моисеевич Штерн. Он пользовался большим авторитетом у колхозников. Благодаря его руководству шелемишевский колхоз быстро пошел в гору. В 1933 г. 1 трудодень в колхозе им. Академии Крупской «конвертировался» в 7,9 кг зерновых и 15 кг картофеля, тогда как в 1932 г. этот показатель составлял 3,9 и 0,8 кг соответственно. Так, например, колхозник Г.П. Грачев, ударно потрудившись в течение года, получил 210 пудов (3,3 т) зерновых и 300 пудов (4,8 т) картофеля.

В 1935 г. Шелемишевский сельсовет (его председателем был в это время Иван Анисимович Юдаев) вошел в новообразованный Желтухинский район Московской области. Село Шелемишево стало его административным центром. В нем по-прежнему оставалось 38 хозяйств единоличников, державшихся за свой статус и не желавших вступать в колхоз несмотря на то, что доходы колхозников по сравнению с ними были заметно выше. Ударники колхозного строительства получили возможность приобрести в колхозе по льготным ценам 18 телок для своих личных хозяйств, колхозникам за год было продано 78 поросят⁴. Главную опору сельхозартеля составляли бывшие бедняки и середняки, реально ощущавшие преимущества колхозного строя по сравнению с прежней жизнью.

В 1937 г. Шелемишево в составе Желтухинского района вошло в состав новообразованной Рязанской области. В воспоминаниях ударницы колхоза им. Н.К. Крупской А.С. Егоровой, относящихся к 1937 г., сквозит не только выстраданная правда о прошлой жизни, но и неудовлетворенность днем настоящим: «В 1909 г. я родилась в семье бедняков. Отец и мать все время работали на помещика Кудрявцева и Крылова. Жили мы плохо, хлеба всегда не хватало. Октябрь 1917 г. дал нам, крестьянам, землю и волю. Нам отвели в ту пору впервые участок под огород. Перевезли мы поближе к огороду свой дом. Выйдет, бывало, мать, посмотрит вокруг и скажет: “Спасибо этой власти, кончились наши мучения, дождались-таки свободной жизни”. Работать приходилось много, ездила я в 1928–1929 гг. и на заработки, на торфоразработки, но трудно было найти человеческую жизнь...»⁵

В 1937 г. в райцентре Желтухинского района – селе Шелемишеве – еще не было ни одной мощеной улицы, но уже «15 августа началось строительство электростанции-локомотива мощностью 50 л. с., оборудован радиозузел для радиовещания в селениях района». Кроме неполной средней школы, начала работу вечерняя семилетняя, в которой вначале обучались до 60 человек, новая баня и вновь отстроенный магазин, работала швейная артель по пошиву

¹ Колхозник, № 130 (15 марта 1933).

² Колхозник, № 6125 (ноября 1932).

³ Колхозник, № 37 (5 апреля 1933).

⁴ ГАРО. Ф. П-44, оп. 1, д. 1, лл. 39–40, 43.

⁵ Колхозная правда, № 47 (1 мая 1937).

телогреек. Больницы не было, но действовала аптека¹. Не все у создателей нового райцентра получалось легко и сразу. «Новенькая баня в этом же году загорелась, ее потушили местные жители из близлежащих домов, но сарай амбулатории потушить не удалось. На первый пожар пожарная машина, хотя и прибыла, но пожарные И.К. Ванин и М.Н. Устинов были пьяными, а во втором случае приехали последними, когда строение уже сгорело»².

В селе росла сеть Шелемишевского сельпо, строились новые магазины. При этом не обходилось и без злоупотреблений. Позднее, в годы хрущевской «десталинизации» и в памятный нашим современникам период «перестройки», российское общество столкнулось с настоящей эпидемией самобичевания – отвергалось едва ли не все, что делалось Советским государством для укрепления его политической, военной и экономической мощи. «Репрессиями» руководства страны против «лучших представителей народа» объявлялась даже борьба с реальными преступлениями, нарушениями законности, махинациями с целью личной наживы. Объективный подход требует признать: были в 1930-е гг. перегибы и центральных властей, и органов советской власти на местах, кое-где процветали и беспринципные карьеристы, не стеснявшиеся раскручивать репрессивный маховик ради того, чтобы заработать себе репутацию бескомпромиссных борцов с «врагами народа» и ускорить собственное продвижение по служебной лестнице. Но не все репрессии были «необоснованными» и не все обвинения – «надуманными». В сложной международной обстановке и в непростых условиях внутренней жизни государству приходилось бороться со множеством реальных преступлений, в том числе и в хозяйственной сфере. Поэтому скопом записывать всех без исключения фигурантов уголовных дел той эпохи в «жертвы политических репрессий» абсолютно неверно.

В 1937 г. прокуратура Желтухинского района закончила расследование дела по обвинению в злоупотреблениях группы бывших работников Шелемишевского сельпо. В селе состоялся открытый судебный процесс, вызвавший значительный общественный резонанс. По делу проходили председатель правления Цыбалков, бухгалтер правления Поляков, зав. складом Петров, зав. магазином Васин, зав. магазином Федюкина, а также граждане Сидорин, Кудрявцев, Беляев, Налевин и Кунсев. Они обвинялись в хищениях на общую сумму в 59 370 рублей. Местная газета «Колхозная правда» отмечала, что один только Петров «за короткий период <...> растратил 18 310 рублей. Поступавший на склад товар (мануфактура, галоши и др.) продавал отдельным гражданам за наличный расчет, делая при этом особые наценки. Часть товара он отправлял на родину для продажи на рынке. Присвоенные деньги шли на пьянство и покупку вещей для личного пользования: гармонь, велосипед, пальто и т.д.»³. Надо сказать, что в относительно небольшом населенном пункте безобразия по линии сельпо не были секретом для многих. Нечистоплотные дельцы не остались в итоге безнаказанными, и это укрепляло уверенность простых граждан в том, что государство реально стоит на страже их интересов.

В материалах обследования Желтухинского района, собранных Рязанской комплексной географической экспедицией МГУ им. М.В. Ломоносова в 1939–1940 гг., осталось следующее описание райцентра Шелемишево: «Существует с давнего времени. Число жителей 1556, национальность – русские, все население грамотное. Ближайшая почтово-телефонная контора в Шелемишево и обслуживает весь район – 23 сельсовета. Водоснабжение – колодцы на глубине 5–7 метров, вода хорошая. Постройки в большинстве каменные, кирпичные,

¹ Колхозная правда, № 50 (9 мая 1937).

² Колхозная правда, № 96 (3 сентября 1937).

³ Колхозная правда, № 98 (9 сентября 1937).

крытые соломой. Население все в колхозе им. Крупской. Отходничество используется в летнее время на торфоразработки в Шатуру и др. Баня есть, пожарная, строится электростанция, есть базар по воскресеньям, один в районе. Продаются молоко, мясо, масло, овощи, яйца, лапти, птица. Универмаг райпотребсоюза, 2 магазина сельпо, ликеро-водочный ларек, столовая, аптека, медпункт, амбулатория, акушерский пункт, помещения малярийного пункта, ветлечебница обслуживает села райцентра и окрестных селений. Больницами Рязька и в селе Поляны на 30 коек пользуется население Шелемишево. Постоянные ясли на 20 человек, детский сад. Школы – средняя и семилетка. Клуб с библиотекой и кино. Кружков нет, освещения нет. Баня и парикмахерская. Благоустройство слабое, озеленения нет. Кружевная артель 174 человека, надомники, существует с 1938 г. Плотников – 2 чел., сапожников – 7 человек. Фельдшерский и аптекарский пункты в Желтухино – 1 фельдшер, фельдшерский и аптекарский пункты в Дымово – 1 фельдшер, фельдшерский пункт в Кузминке-2 – 1 фельдшер. Фельдшерский пункт в Городецком – 2 фельдшера с 5-ю родильными койками. Ближайшая река Ранова – впадает Верда, с севера и востока окаймляется. Село не заливается, луга заливные. Рыба: сом, карп, щука, лещ, раки. Река не судоходна. Река используется для коммунальных услуг и водопоя. С востока равнинная территория. Леса местного значения, в 3–5 км к северу и к юго-западу. Деревья лиственные – дуб, береза, осина, клен, в поймах рек верба. В лесах водятся волки, лисицы, зайцы, барсуки»¹.

Волков в окрестностях села еще в 1930-х гг. было достаточно много. В 1936 г. газета «Колхозная правда» описала такой случай: «Гуси в количестве 4000 штук, закупленные отделением Мосбазторга паслись на шелемишевском лугу. Ночью 11 октября сторож тов. Набатчиков услышал крик гусей. Оказалось, на стадо напал волк, зарезав 30 гусей. Сторожами гуси были отбиты. Волк переплыл Верду и через Шелемишево скрылся в направлении деревни Уланово»².

В шелемишевском колхозе им. Н.К. Крупской в 1938 г. насчитывалось 138 лошадей (в т. ч. 86 рабочих), 60 голов крупного рогатого скота (в т. ч. 30 коров) и 88 овец. В личных хозяйствах колхозников содержались 153 коровы, 240 свиней и 280 овец³. В 1930-х гг. функционировали районная Шелемишевская МТС, располагавшаяся по левую сторону от дороги из Скопина в Рязьск, в месте ее пересечения с дорогой из Уланова в Желтухино.

Следующая заметка из желтухинской «Колхозной правды» за 1940 г., с одной стороны, дает жанровую зарисовку быта райцентра Шелемишево в предвоенное время, с другой же – позволяет получить представление о строгости советских законов: «В Шелемишевскую столовую пришел гражданин этого села И.Е. Борискин. Напившись пьяный, он начал хулиганить. Усовещивание сотрудников столовой на него не подействовало. В конце концов его удалось выпроводить, через некоторое время Борискин снова появился. Для того, чтобы унять хулигана, был вызван член правления Шелемишевского сельпо тов. Янин, но тот не справился с Борискиным. Утихомирить его удалось при помощи милиции». Хулигана судили здесь же, в районном народном суде 10 сентября 1940 г. Приговор «пьянице и дебоширу», по современным меркам, вынесли очень суровый – 5 лет лишения свободы⁴.

В 1940 г. желтухинская районная газета «Колхозная правда» опубликовала краткий очерк истории шелемишевской школы с дореволюционных времен. В нем сообщалось: «До рево-

¹ Архив МГУ.– Ф. 42, оп. 6, д. 64. Тетрадь. Желтухинский район. С. 2, 16–21.

² Колхозная правда, № 116 (14 октября 1936).

³ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 64. Похозяйственный список по переписи скота сельских местностей на 1 января 1938 г. Сведения о наличии поголовья на 1 июня по сельсоветам (по колхозам).

⁴ Колхозная правда, № 104 (11 сентября 1940).

люции школа была трехклассная, а учеников в них состояло 70. Больше всего их в первом классе – 40–45, но до третьего класса доходило не больше десятка. Это были сыновья и дочери духовенства и зажиточного крестьянства. За последний десяток лет, с 1907 по 1917 гг., из жителей села Шелемишево только трое окончили среднюю школу, из них двое дети дьячка и один сын зажиточного крестьянина-лавочника. В 1918 г. открылась четырехклассная школа и назначается другой (второй) учитель. В 1922 г. назначается третий учитель, затем четвертый и пятый. В 1937 г. шелемишевская школа реорганизуется в неполную среднюю, а через год в среднюю (27 мая 1936 г. начато строительство школы-десятилетки). К 1940 г. школа имела 21 класс, 23 учителя и 700 учеников. За десяток лет советской власти из школы вышло 2 инженера, врач, 17 учителей, 4 горных техника, бухгалтер, 7 шоферов, трактористы, комбайнеры, служащие различных учреждений»¹.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в Шелемишеве в это время насчитывалось 278 строений. В селе действовали райсельсовет, почтово-телеграфное отделение, школа, больница, МТС. Расположенная за мостом через р. Ранову бывшая деревня Шелемишевские (Зарановские) выселки к этому времени стала частью села.

Жизнь в Шелемишеве резко изменилась в 1941 г., когда началась Великая Отечественная война. До середины ноября через село шли обозы с эвакуированной техникой, тракторами, затем появились беженцы из оккупированных районов СССР. Наиболее тревожной обстановка стала ближе к концу года. 18 ноября 1941 г. войскам 2-й немецкой танковой армии под командованием генерал-полковника Г. Гудериана удалось прорвать оборону 50-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта И.В. Болдина. К 26 ноября немецкие войска вышли на рубежи Мордвес–Серебряные Пруды–Михайлов–Павелец–Чернава. Отдельные вражеские разведгруппы доходили до сел Шелемишево, Яблонево и Летоно.

В первые дни декабря 1941 г. советские войска готовили контрнаступление, ставшее одним из переломных моментов в битве под Москвой. Прологом к нему стало освобождение Скопина. 28 ноября 1941 г. бойцы 84-й стрелковой бригады выбили из Скопина подразделения 88-го бронированного разведбатальона 18-й танковой дивизии немцев (упоминаемый в этом контексте «5-й мотоциклетный полк» никогда не существовал и является следствием ошибки)². После этого бригада была переброшена под Москву, а на завоеванные ей позиции выдвинулись из Рязька части 61-й резервной армии. На линию фронта выдвигались и незамедлительно приступали к оборудованию оборонительных позиций части и подразделения 346-й стрелковой дивизии полковника И.Е. Давидовского. Обстановка была еще не ясна, источником большинства разведанных были свидетельства мирных жителей, эвакуировавшихся из занятых немцами районов.

В боевом приказе № 1 от 25 ноября 1941 г. командир 346-й стрелковой дивизии назначил представителем к военному коменданту станции выгрузки Рязьск начальника 1-го отдела штаба дивизии капитана Дьячкова³. В боевом приказе № 2 от 4 декабря 1941 г. полковник И.Е. Давидовский отмечал, что «противник неустановленной численности занял Павелецкий, Милославское. Мелкие разведывательные группы обнаружены в районах Яблонево, Стрелецкая дубрава, лес 1 км западнее Новый Келец, Секирино. <...> 346 сд имеет задачу упорной обороной на рубеже: отм. 141,7 – Шелемишевский хутор – Шелемишево – Зезюлино не допустить выдвижения противника в направлении Рязька, всеми мерами обеспечивая

¹ Колхозная правда, № 140 (5 декабря 1940).

² Боевой путь 84 мсбр. См. Приложение 10.

³ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 11, л. 1.

удержания рубежа: Скопин – Поднаволоки, имея в виду предстоящие активные действия дивизии на запад с этого рубежа»¹. Вскоре после этого начиналось контрнаступление советских войск под Москвой, и войска Юго-Западного фронта, в составе которого действовала дивизия, оказались на острие главных направлений ударов наших армий.

Первые прибывшие в Рязск в эшелонах части получили следующие задачи: «Передовому отряду № 1, а именно 3-му батальону 1164-го стрелкового полка с батареей ПТА, взводом пешей разведки к 20.00 30 ноября 1941 г. занять рубеж: Скопин – Старый Келец. Передовой отряд № 2 – 1-й батальон 1166-го стрелкового полка с противотанковым взводом, с 1 орудием, после выгрузки 4 декабря 1941 г. занять рубеж: Большак – Чулково-Одноворцы – Побединский – Роговая, выслав предварительно усиленную разведку. Оставшимся батальонам 1164-го стрелкового полка с 1-й батареей 915-го артиллерийского полка, двумя взводами саперного батальона оборонять участок: отм. 141,7 – Шелемишево – выс. 119,1 – Ключевские выселки. Командиру 1166-го стрелкового полка без 1-го батальона со 2-й батареей 915-го артиллерийского полка предписывалось занять для обороны участок «иск. Шелемишево, Зезюлино, иск. Трибуна, иск. выс.141,2».

Кроме огневой поддержки, частям артиллерии ставилась задача воспрепятствовать движению противника по дорогам между населенными пунктами Стрелецкая дубрава, Новиково, Князево, Корнево, Кочугуровские выселки, Поднаволоки, а также не допустить сосредоточения противника на западной окраине Новикова, Пула, Секирина, обратив особое внимание на Октябрьское поле и лес южнее Пула. «Подготовить ПТОЗ по дороге Городецкое-Шелемишево. Воспрепятствовать сосредоточению противника в Дмитриево, Петровский хутор, Кузьминка-2, Дегтярка, Журавлиха. Подготовить ПТОЗ по дороге Петровский хутор, Шелемишевский хутор. Поддерживать контратаки в направлении Александровка-Чирково»².

Воинские эшелоны 346-й стрелковой дивизии прибывали точно по графику: 2-й эшелон – в 15.30 29 ноября, 3-й – в 22.05 30 ноября, 4-й – в 24.00 30 ноября. Прибывшие эшелонами 1-й и 2-й батальоны 1164-го стрелкового полка начали занимать оборону на рубеже от железной дороги севернее Рязска до населенного пункта Добрая воля»³.

Сразу после разгрузки 3-й батальон 1164-го стрелкового полка – ПО № 1 – выдвинулся в Скопин. В это время штаб полка находился в Рановке. 1-й батальон 1166-го стрелкового полка – ПО № 2 – в ночь на 4 декабря выступил на рубеж Большак – Чулково-Одноворцы – Побединский – Роговое с целью не допустить продвижения противника на восток. Штаб дивизии выгрузился из эшелона и развернулся на восточной окраине села Нагорное»⁴.

В полдень 5 декабря 1941 г. 1164-й стрелковый полк без 3-го батальона с 1-й батареей 315-го артиллерийского полка перешел на новый рубеж выс. 141,7 – Журавлиха – зап. окраина Шелемишево. К вечеру того же дня 1166-й стрелковый полк полностью разгрузился и занял оборонительные позиции на рубеже Наумово – Боровое – Дымово-Волконское – Дымово-Государственное, иск. 2-е Марчуки. Командный пункт полка расположился в Лькове. К исходу дня ожидалось прибытие штаба 915-го артполка, половины автотранспортной роты. К вечеру разведчики от полков уже вступили в столкновение с противником в районе села Новые Кельцы и деревни Пупки. 1168-й стрелковый полк был еще в пути»⁵.

¹ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 11, лл. 2–3.

² Там же.

³ Там же. Л. 12, лл. 1–5.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 9.

К 10.00 6 декабря 1941 г. КП дивизии все еще находился в селе Нагорное. 1164-й стрелковый полк без 3-го батальона продолжал занимать рубеж обороны: выс. 141,7 – сев. опушка леса северо-западнее Шелемишевского хутора – Журавлиха – зап. окраина Шелемишева.

2-й батальон без 6-й роты, которая была выслана для охраны штаба 61-й армии, занимает оборонительный рубеж: сев.-зап. опушка леса сев. зап. Шелемишевского хутора – 800 метров по западной опушке леса сев. Журавлихи – /иск./ Журавлиха; КП полка – восточная окраина Шелемишева.

1-му батальону к 20.00 приказано сосредоточиться в районе Павельца;

1166-й стрелковый полк оборонял рубеж: юго-западная окраина Шелемишева – Наумово – Боровое – Зезюлино.

2-й батальон занимал рубеж на юго-западной окраине Шелемишева, он же защищал Боровое.

3-й батальон сосредоточился на юго-восточной и южной окраинах Дымово-Волконское.

1-й батальон продолжает оборонять рубеж: Большак – Побединский – Роговое¹.

Командный пункт 1164-го стрелкового полка 6 декабря 1941 г. уже находился на восточной окраине Шелемишева. ПО дивизии: 1-му батальону 1164-го стрелкового полка со 2-й батареей 916-го артиллерийского полка, двумя отделениями роты автоматчиков, минометной ротой было приказано в 9.40 6 декабря 1941 г. выдвинуться по маршруту Шелемишево – Перки – Чулково-Однодворцы – Новиково – Стрелецкая дубрава и к 20.00 7 декабря сосредоточиться в районе Павельца². К вечеру 6 декабря маршрут был уточнен, и передовой отряд совершил марш по маршруту Шелемишево – Новобараково – Чулково-Лихарево – Пупки – Новый Келец с задачей захватить станцию Павелец³.

В это время противник вел разведку. «В 14.30 6 декабря 1941 г. пролетели 3 самолета противника на Рязск, зенитные батареи вели огонь, наблюдались разрывы снарядов в воздухе. Самолеты возвратились обратно на запад. Наши истребители преследовали их до Нагорное и вели пулеметную перестрелку. От Нагорное возвратились обратно. В 16.30 6 декабря пролетал еще один самолет с запада на восток на высоте 2000 метров, марка неизвестна»⁴. 7 декабря 1941 г. 3-й батальон 1164-го стрелкового полка с 6-й батареей 915-го артполка продолжал оборонять Скопин, а 1-й батальон со 2-й батареей 915-го артполка, двумя орудиями противотанковой артиллерии, двумя отделениями роты автоматчиков остановились на ночлег в Чулковских выселках и с утра 7 декабря продолжили движение по маршруту Пупки – Новый Келец – на ст. Павелец.

1-й батальон 1166-го стрелкового полка с 1-й батареей 915-го артполка, двумя орудиями ПА с утра этого же дня продолжили движение по маршруту Побединский – Ольшанка – Кучугурки и далее на разъезд Топилы. Дивизия, с ходу высаживаясь, двигалась вперед, на ходу организуя слаживание подразделений. В Рязск под разгрузку по плану должен был прибыть 12-й эшелон из 19. На подходе были 13-й и 14-й. В них следовали оставшиеся подразделения 915-го артполка и 1168-й стрелковый полк. Штаб дивизии по-прежнему находился в Нагорном. Была налажена связь по постоянным и кабельно-телефонным линиям с командными пунктами 1164-го и 1166-го стрелковых полков. С соседом слева связь поддерживалась «по постоянным линиям Наркомата связи». С соседом справа связи не было⁵.

¹ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 11, л. 10.

² Там же.

³ Там же. ЛЛ. 11–12.

⁴ Там же. ЛЛ. 1, 2.

⁵ Там же. Л. 23.

5-я рота 3-го стрелкового батальона 1166-го стрелкового полка сменила ПО – 1-й стрелковый батальон 1166-го стрелкового полка на рубеже: Чулково-Лихарево <и др.>, и 1-й батальон 1166-го стрелкового полка, совершив марш, в 21.00 овладел станцией Топилы. К этому времени 437-й саперный батальон находился в 15-м эшелоне, 437-й медико-санитарный батальон развернулся на восточной окраине Шелемишева¹. К утру 8 декабря штаб 346-й дивизии переместился в Шелемишево, а ПО в составе 1-го стрелкового батальона с 6-й батареей достиг села Новый Келец и установил разведкой, что в 4.00 7 декабря 1941 г. станция Павелец немцами оставлена.

К 10.00 9 декабря 1941 г. КП дивизии переместился из Шелемишева в Ивановку. Командный пункт 915-го артполка разместился в Шелемишево, 473-й саперный батальон после выгрузки к 21.00 сосредоточился в Уланове. Последний эшелон с минометной батареей, авторотой и полевой кассой Госбанка прибыли в 9.00 9 декабря. В 20.00 9 декабря 1-й батальон 1164-го стрелкового полка занял Горлово².

В ходе контрнаступления советских войск под Москвой войск 346-я стрелковая дивизия уходила все дальше на запад. Наши войска двигались через деревни и села Желтухинского, Скопинского и Горловского районов. Колхозы помогали фуражом, с выгрузкой и погрузкой, размещении тыловых учреждений, которые вскоре подошли и разместились в Шелемишево.

В годы Великой Отечественной войны немало уроженцев Шелемишево отличилось на полях сражений. Старший лейтенант Михаил Андреевич Силаев (1920–?), командир 4-й батареи 1486-го Краснознаменного пушечного артиллерийского Гатчинского полка, был кадровым офицером РККА с 1939 г. За участие в освобождении Советской Латвии он был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Наградной лист сообщает о его заслугах: «12 октября 1944 г. на подступах к г. Рига сам лично обнаружил 4 артиллерийские батареи противника, которые вели огонь по нашей пехоте и танкам. Тов. Силаев огнем своей батареи подавил 3 артиллерийские батареи. На юго-восточной окраине г. Рига уничтожил наблюдательный пункт противника, чем обеспечил беспрепятственное движение нашей пехоте и занятие г. Рига»³.

В годы войны шелемишевский колхоз им. Н.К. Крупской был разделен на три хозяйства: им. Н.К. Крупской, им. Красной Армии и им. 8 марта⁴. В военное время основную тяжесть колхозной работы несли женщины, но большую помощь оказывали и подростки. Начиная с 12-летнего возраста юные колхозники уже были обязаны отработать в колхозе 50 трудодней в год. Так, в 1942 г. в колхозе им. Н.К. Крупской наравне со взрослыми трудились 95 учащихся Шелемишевской средней школы. Среди них были свои передовики производства: например, на 1 июня 1942 г. учащийся И.П. Обьедков отработал уже 165 трудодней⁵. Дети трудились и на пришкольном участке. «Силами общешкольной бригады выращивали при школе на одном га просо, а также горчицу, свеклу, огурцы. Конечно, собирали колоски во время сбора урожая в колхозе им. Крупской»⁶. Школьники в обязательном порядке проводили воскресники по сбору черного и цветного металла. Как отмечала желтухинская районная газета в марте 1942 г., «особенно любовно выполняли это дело пионеры Кротков А., Юрзин, Кунеев, Силаева Н., Татаринцева, Васин и др. Всего собрано около тонны цветного и черного металла»⁷.

¹ ЦАМО. Ф. 1665, оп. 1, д. 11, л. 23

² Там же. Л. 26.

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 686196, д. 6682, л. 265.

⁴ Колхозная правда, № 12 (8 апреля 1948).

⁵ Колхозная правда, № 47 (2 июля 1942).

⁶ Колхозная правда, № 25 (1 мая 1942).

⁷ Колхозная правда, № 16 (26 марта 1942).

В колхозах требовали использовать трактора по 20 часов в сутки, но их надо было еще отремонтировать. Газета сообщила: «В колхозе им. Крупской (председатель Объедков) 11 мая 1942 г. выехала на пахоту тракторная бригада Жданова, четыре трактора ХТЗ. За четыре дня вспахано только 21,5 га. Трактора обеспечены фонарями для работы в ночное время. Из-за плохого ремонта большее время стоят, чем работают»¹.

В 1950 г. все колхозы Шелемишевского сельсовета вновь слились под прежним названием – колхоз им. Н.К. Крупской². В 1950-х гг. колхозы сел Шелемишева, Борового, деревень Наумова и Уракова были объединены в колхоз «Россия».

В 1952 г. к Шелемишевскому сельсовету был присоединен 2-й Кузьминский сельсовет. В 1956 г. был упразднен Желтухинский район Рязанской области, а его населенные пункты поделены между соседними Скопинским и Рязским районами. В 1958 г. Шелемишевский сельсовет объединился с Боровским, который до того слился с Наумовским сельсоветом. В процессе дальнейшего укрупнения в 1959 г. к Шелемишевскому был присоединен Гореловский сельсовет.

В 1960 г. в Шелемишеве был создан совхоз им. В.И. Чапаева. Его образовали на базе колхозов «Россия» (с населенными пунктами Шелемишево, Уланово, Наумово, Боровое), «Красное знамя» (в селе Городецкое), «Авангард» (с населенными пунктами Новобараково, Костемерово, Московка), им. М. Горького (с населенными пунктами Гореловка, Говорово, Дубровщина, Ключеревка и Рановка). Директором совхоза им. В.И. Чапаева в 1963 г. был П.Н. Рагулин³.

В 1963 г. краткий итог преобразению родного села за годы советской власти подвел в своем рассказе на страницах скопинской газеты «Ленинское знамя» шелемишевский пенсионер Прокофий Варламович Мисюлин: «Сейчас у нас одиннадцатилетняя школа, где обучается около 400 детей рабочих и служащих совхоза имени Чапаева. Гордость сельчан – Дом культуры, при нем библиотека, в которой свыше 20 тысяч книг. Число читателей с каждым годом растет, их сейчас более 1200. Заведующая библиотекой Серафима Дмитриевна Головина душевный человек, она всегда подберет интересную книгу. Когда-то в селе простого репродуктора не было, большим счастьем было услышать голос радио. Сейчас у многих появились телевизоры. В каждом доме горит лампочка Ильича.

Меняется и внешний облик села. На месте тесных крестьянских изб встают дома городского типа. В центре села, близ школы, высятся двухэтажное здание. Это сельская библиотека. Раньше в селе хозяйничали разные лекари да знахарки. Больным приходилось за медицинской помощью ехать за 40 верст в Скопин или в Рязск. Другое дело сейчас. Своя больница располагает опытными медицинскими кадрами. Врач Помаз Валентина Александровна работает в Шелемишеве более 15 лет. Коллектив медицинских работников делает все, чтобы на селе как можно меньше было больных. При больнице имеется родильное отделение, своя рентгеновская установка, лаборатория. В селе несколько магазинов: продовольственный, хозяйственный, книжный. К услугам жителей – рабочая столовая. Хорошеет центральная улица, Октябрьская. Сейчас здесь строятся двухэтажные дома силами Скопинского строительного управления. К новому году был заселен 12-квартирный дом»⁴.

¹ Колхозная правда, № 31 (17 мая 1942).

² Колхозная правда, № 39 (2 сентября 1950).

³ Архив Скопинского района. Ф. 462, лл. 1–2.

⁴ Ленинское знамя, № 27 (27 февраля 1963).

Большим подспорьем для сельчан служил Шелемишевский молочный завод. Молокоборщики завода закупали молоко у жителей Ивановкова, Желтухина, Наумова, Рановки, Гореловки и других окрестных деревень¹.

В 1962 г. территории бывших Гореловского и 2-го Кузьминского сельсоветов из Шелемишевского были переданы Желтухинскому сельсовету. На территории уменьшившегося административного образования остались села Шелемишево, Боровое, Дымово-Волконское, Дымово-Государственное, деревни Наумово, Уланово и Ураково. В 1964 г. на территории сельсовета работали молокозавод, больница со стационарным лечением, аптека, средняя школа, одна начальная и 2 восьмилетние школы, дом культуры, 2 сельских клуба, 2 библиотеки, 2 детских яслей, детский сад, медпункт².

С организацией в 1962 г. совхоза «Желтухинский» в него вошел и бывший колхоз «Россия»³. Однако в 1971 г. это хозяйство пришлось разукрупнять с целью более эффективного использования земель и специализации сельскохозяйственного производства. Появившийся вследствие этой реорганизации в Шелемишеве новый совхоз стал называться «Нива». Он специализировался на молочно-мясном животноводстве⁴.

В 1989 г. на средства совхоза «Нива» в Шелемишеве была построена новая, современная школа на 192 места – с компьютерным классом, кабинетами химии, физики, столярной и слесарной мастерскими, актовым и спортивным залами⁵.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав», село Шелемишево стало административным центром сельского поселения Шелемишевское, в которое вошли села Боровое, Городецкое, Дымово-Волконское, Дымово-Государственное, Костемерево, Новобараково, поселки Полянские выселки, центрального отделения совхоза «Желтухинский», станций Желтухино и Говорово, деревни Гудовка, Журавлиха, Коннохово, Московка, Гусиловка, Дегтярка, Дубровщина, Желтухино, Ивановково, Ключеревка, Козловка, Кондауровка, Кузьминка-2, Ленинка, Шелемишевские хутора, Петровка, Рановка.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Шелемишеве постоянно проживали 536 человек – 235 мужчин и 301 женщина. На территории сельского поселения в 2010 г. действовали 2 средние общеобразовательные школы, 2 основные общеобразовательные школы, участковая больница, 3 дома культуры, 3 фельдшерско-акушерских пункта, 3 отделения связи, 3 детских дошкольных учреждения, 3 библиотеки. Численность населения всего Шелемишевского сельского поселения составляла 3105 человек⁶. В настоящее время в селе работают администрация, средняя общеобразовательная школа, детский сад, сельская библиотека, филиал молокозавода (располагается в изуродованном здании Богородице-Рождественской церкви), почта, амбулатория⁷.

¹ Ленинское знамя, № 89 (13 июля 1963).

² Архив Скопинского района. Ф. 96, л. 2.

³ Архив Скопинского района. Ф. 445, лл. 1–2.

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 462, лл. 1–2; Ф. 214, л. 1.

⁵ Скопинский вестник № 56 (14 декабря 1991).

⁶ Архив Скопинского района. Ф. 501, л. 1.

⁷ По материалам Скопинской районной библиотеки.

ШЕЛЕМИШЕВСКИЕ ХУТОРА деревня (сельское поселение Шелемишевское)

Местное предание гласит: «Шелемишевские хутора возникли при отмене крепостного права: часть крестьян села Шелемишева переселилась за Чернолеск, в 4 км от Шелемишева, так как единоличникам были выделены песчаные неудобные поля»¹.

В действительности эта деревня появилась на землях Скопинского уезда Рязанской губернии в конце 1840-х гг. Сюда была отселена часть крепостных крестьян шелемишевских помещиков. На картах А.И. Менде 1850 г. в этом месте уже можно найти маленькую деревеньку Шелемишевский хутор, в которой было всего 7 дворов. Они образовывали небольшую улицу в два порядка, вытянувшуюся вдоль оврага, по дну которого текла впадавшая в Верду речка Лагушка².

По данным последней в истории России 10-й ревизии податного населения, проводившейся в 1858 г., в деревне Шелемишевский хутор было 9 домохозяйств, в которых проживали 44 души мужского пола и 35 – женского³. С отменой крепостного права в 1861 г. деревня Шелемишевский хутор была приписана к Боровской волости Скопинского уезда.

Известны некоторые подробности выхода местных поселян из крепостной зависимости. В ходе реформы помещики и их крестьяне составляли уставные грамоты, которые были рассмотрены Высочайшим манифестом от 19 февраля 1861 г. В них отражалось количество и местоположение земли, предоставляемой бывшим помещиком крестьянам, а также размер повинностей временнообязанных в пользу своего прежнего барина. В списке уставных грамот, поступивших в Рязанское губернское по крестьянским делам присутствие в 1863 г., значится: «Скопинск[ого] уезд[да] участка мир[ового] посредника Александровского дер[евня] Шелемишевский хутор супруги губ[ернского] секр[етаря] Т.А. Бочечкаревой, 44 д[уши]. Душевой надел прежний – 3 дес[ятины] 1559 саж[еней] (ок. 4 га), по грамоте – 3 дес[ятины]; повинность оброчная. Грамота написана посредником»⁴.

По переписи населения 1882 г. местные крестьяне все еще оставались временнообязанными. За пользование землей они вносили помещику прежний оброк, но прав распоряжаться личностью крестьянина у барина больше не было. Всего в деревне было 20 домохозяйств, в которых проживали 69 мужчин и 75 женщин. Грамотой из жителей деревни не владел никто. На ревизскую душу приходилось около 3 десятин земли – иловатого чернозема, частично с песком. Половина семей арендовали дополнительно пашенную и луговую землю. На каждого домохозяина приходилось значительное количество лошадей и коров, в среднем по 4. Треть дворов имели по 3 и более лошадей. На все селение был только один двор, где не было ни коровы, ни лошади. Все избы топились «по-черному», при них было 19 плетневых дворов, 11 горниц и клетей, 26 амбаров и сараев, 19 риг и овинов. На окладную душу

¹ Сообщение Г.А. Барсуковой.

² Карта А.И. Менде 1850 года, 1 см – 420 м.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 52.

⁴ Рязанские губернские ведомости, № 30 (27 июля 1863).

приходилось значительное количество платежей, в среднем на 25 % больше, чем в соседних селениях¹.

Только в 1883 г. крестьяне Шелемишевских хуторов обрели права свободных сельских обывателей. Правда, выкупную сделку с ними по не известным нам причинам заключали помещики соседнего села Шелемишева. «Рязанские губернские ведомости» сообщили о заключении выкупной сделки «дворян Дмитрия и Сергея Дмитриевичей Васильцовских с временнообязанными крестьянами деревни Шелемишевских хуторов Скопинского уезда, по которой предоставляется крестьянам в числе 44 душ в выкуп земли из дачи деревни Шелемишевских хуторов 132 дес. удобной и 1695 саж. неудобной (ок. 145 га). Выкупной ссуды за это имение испрашивается от Правительства 5 280 руб.»².

В 1905 г. в Шелемишевских хуторах насчитывалось 25 дворов крестьян-собственников, в которых жили 113 мужчин и 101 женщина. В 1 версте от деревни находился хутор дворянина Васильцовского, где проживали 2 мужчин и 1 женщина. Неподалеку располагались принадлежавшие тому же владельцу лесные сторожки³.

В 1917 г. в деревне Шелемишевский хутор Боровской волости Скопинского уезда Рязанской губернии насчитывалось 39 дворов, которые населяли 190 мужчин и 177 женщин⁴.

Во второй половине 1918 г. в связи с переименованием села Борового в Володарское (в память убитого в июне 1918 г. большевика В. Володарского) Боровская волость также стала Володарской. Но это название не прижилось и даже в начале 1920-х гг. упоминалось параллельно с традиционным.

Отголоски событий в небольшой деревне редко доходили до уездной прессы. Одно из немногочисленных упоминаний о ней нашлось в скопинской уездной газете «Коллектив» за 1925 г. В критической заметке сообщалось: «Как только выгнали из Шелемишевской лесной дачи Скопинского лесничества бывшего дьячка (между прочим, ныне кандидат РКП) объездчика Кузнецова Тимофея и лесника Танишина Сергея, двух неразрывных друзей, так сразу же настала в Шелемишевской даче тишина и порядок. Не стало наблюдаться взяточничества и расхищения леса, как это наблюдалось у объездчика Кузнецова и лесника Танишина, которыми был собран с общества Шелемишевских хуторов Володарской волости незаконно хлеб за пастьбу скота в Шелемишевской даче (полагалось по билету 20 голов, ими было набрано более 70 голов) и с других. Крестьяне окружающих лесную дачу деревень остались очень и очень довольны, узнав о том, что этих “друзей” наконец сняли с должностей»⁵.

В 1925 г. Шелемишевские хутора в составе Володарской волости были переданы из Скопинского уезда Рязанской губернии в Рязский. С отменой исторического административного деления на волости, уезды и губернии в 1929 г. деревня стала населенным пунктом Рязского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

В 1935 г. деревня Шелемишевские хутора вместе с другими селениями 2-го Кузьминского сельсовета перешла в новообразованный Желтухинский район, а в 1937 г. вместе с районом была включена в Рязанскую область. Ко времени вхождения в Желтухинский район в

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 2, Вып. 3. Москва: Ряз. губ. земство, 1882. С. 52–57.

² Рязанские губернские ведомости, № 43 (11 июня 1883).

³ Населенные места Рязанской губернии / составлены под. ред. чл.-секретаря ком. И.И. Проходцова. Рязань: Рязан. губ. стат. ком., 1906. С. 614–615.

⁴ ГАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 1310, л. 138.

⁵ Коллектив, № 85 (16 сентября 1925).

деревне образовался колхоз им. Филатова, работала начальная школа, именованная Мало-Шелемишевской¹.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в Шелемишевских хуторах насчитывалось 48 строений. Деревня, окруженная лесом, была связана с райцентром Шелемишева широкой проселочной дорогой.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 г. жители Шелемишевских хуторов наравне со всеми защищали Родину от немецко-фашистских захватчиков. Ефрейтор Николай Ефимович Баранов (1920–?) воевал с 1943 г. на Центральном, 1-м Белорусском и 2-м Белорусском фронтах, в начале 1945 г. был награжден орденом Красной Звезды. В это время он служил шофером в 434-м истребительно-противотанковом полку 1-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской Службой Краснознаменной ордена Суворова бригады. В представлении ко второму ордену Красной Звезды, которого ефрейтор Н.Е. Баранов был удостоен в марте 1945 г., о его боевой работе сообщалось следующее: «За все время преследования противника с р. Нарев до Данцига² шофер рядовой Баранов показал себя отличным водителем. Не имеет ни одной поломки машины. Смело вывозит орудия на прямую наводку. Помогает расчету выкатывать орудие вручную под артиллерийско-минометным огнем противника. В боях в селе Ширнау вел огонь по наблюдаемой пехоте противника из личного оружия. В боях за станцию Ешево, умело маневрируя, вывел свою машину из-под прямого огня «махотки» противника в безопасное место. В боях за Данциг водитель Баранов обеспечил своевременную перетаску орудия на огневую позицию, тем самым дал возможность выполнить боевую задачу поддержки пехоты»³.

После упразднения Желтухинского района в 1956 г. деревня Шелемишевские хутора стала населенным пунктом Скопинского района Рязанской области, в составе которого находится и поныне. В 1958 г. Мало-Шелемишевская начальная школа была преобразована в общеобразовательную среднюю.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» деревня Шелемишевские хутора была включена в состав сельского поселения Шелемишевское. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в деревне в деревне постоянно проживают 76 человек – 28 мужчин и 48 женщин.

В настоящее время в деревне работают средняя общеобразовательная школа (объединяет школы села Шелемишева и поселка Желтухинский), детский сад на 45 мест, сельская библиотека, музыкальная школа, амбулатория⁴. Близ деревни также находятся воинская часть 55 433 и 97-й арсенал Главного ракетно-артиллерийского управления ВС Российской Федерации.

---

¹ Административно-экономическая карта Желтухинского района Московской области, 1935, М: 75000

² Ныне Гданьск в Польше.

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 687572, д. 1823, л. 112.

⁴ По материалам Скопинской районной библиотеки.

ШИРОКИЙ

поселок

(сельское поселение Ильинское)

Необъяснимо, но факт: в конце 1950-х гг. никто из жителей поселка Широкий Скопинского района Рязанской области не помнил времени его образования. Хотя произошло это по историческим меркам совсем недавно, в начале 1920-х гг., когда вскоре после Октябрьской революции 1917 г. власти Скопинского уезда Рязанской губернии вступили в борьбу за ликвидацию чересполосицы и дальноземелья крестьянских наделов.

Поселок возник на территории Мшанского сельсовета. В 1929 г., с ликвидацией дореволюционного административного деления на волости, уезды и губернии, он стал одним из населенных пунктов Горловского района Центрально-Промышленной области, до конца года переименованной в Московскую.

Весной 1931 г., в период массовой коллективизации, в небольшом крестьянском поселке был организован колхоз. Горловская районная газета «Ленинская искра» посвятила этому событию заметку «Новые колхозники-энтузиасты». В ней сообщалось: «В поселке Широкий Мшанского сельсовета организовался колхоз. В колхоз вступило 26 хозяйств. Колхоз назван “Широкий”. Приступлено к обобществлению имущества. Настроение колхозников здоровое. Колхозники поставили себе задачей добиться в ближайшее время сплошной коллективизации поселка»¹.

В 1932 г. в «Ленинской искре» появилась тревожная статья, посвященная положению дел в колхозе «Широкий». В ней отмечалось: «По подготовке к севу ничего не сделано. Результат такого состояния – умышленно вредительская работа бывшего председателя колхоза Живчикова П.Н., его родственников урядника Позднякова Н.Ф. и Каньгина И.А. Живчиков, уволенный с транспорта за разлагательную работу, устроившись председателем колхоза, принял в колхоз бывшего урядника Позднякова. Эта группа поставила своей целью умышленно создать бесхозяйственность в колхозе и довести его до развала. В результате их преступной работы весь инвентарь хищнически разбазаривался, никакого учета ему не велось: у 17 хомутов вырезаны накладки, тужи и у седлоков подпруты. Из 38 хомутов ни одного годного, от 18 возовых веревок не осталось ни одной. Вожжи, постромки, уздечки все порваны. Будучи полеводом, урядник Поздняков с злобной целью разбрасывал в поле хомуты: 15 хомутов колхозниками подобрано в поле полустгнившими». После снятия Живчикова его подрывную работу “довершал” Каньгин, “избранный председателем и ныне снятый. Он беспробудно пьянствовал, растаскивал корм – сено, вику. В течение зимы им было продано 7 лошадей и зарезано 2 лошади. В пьяном виде Каньгин терял по дороге из Горлова лошадей. Он одновременно совмещал должность лесного сторожа и разбазаривал лес за вино. Около 100 возов продано корма, в то время как его не хватает колхозу”. Далее в статье сообщалось, что Живчиков и Каньгин организовали травлю нового правления колхоза, не давая организовать работу, а направленный «к делу оздоровления этого колхоза» из районного комитета сельского хозяйства инструктор Грызлов, проживая там, пьянствовал². В конце марта 1932 г. Живчиков, Каньгин и Поздняков были из колхоза исключены.

¹ Ленинская искра, № 20 (18 апреля 1931).

² Ленинская искра, № 23 (23 марта 1932).

В 1933 г. из 23 лошадей колхоза Широкий, предъявленных к осмотру, 17 оказались слабосильными. Грубых кормов не хватало, овса как фуража не было. Некоторые колхозники еще полностью не получили заработанные по трудодням продукты. Колхозная торговля рожью и мукой проходила бесконтрольно, кузница была сломана, часть ее сожжена. «При ревизии дел председателю Преснякову оказался недостаток ржи 30 пудов, совсем не было ревизии бывшему председателю Соношкину...» – писала районная газета¹.

Николай Емельянович Пресняков (1901–?), выходец из крестьян-бедняков, отслуживший в Красной Армии в 1920–1923 гг., член ВКП (б) с 1931 г., руководил колхозом «Широкий» в 1932–1934 гг. До этого он работал организатором труда в мшанском колхозе. На этом посту он, похоже, заботился о благосостоянии односельчан. Во время партийной чистки в упрек ему ставилось то, что «вместо того, чтобы сдать зерно государству – смолот колхозникам»².

В 1934 г. в поселке Широкий сменился председатель колхоза, изменилось и его название, однако, по мнению простых колхозников, работа как следует не ладилась. Местный колхозник П.Д. Трушечкин, выявив недостатки в работе конюшни сельхозартеля, сигнализировал о них районной газете: «В колхозе “Спутник” (пред. Данилочкин), поселок Широкий, колхозная конюшня находится в безобразном состоянии. Конюшня не разделена на стойла, лошади не привязаны. Они свободно разгуливаются по всей конюшне. Такое положение приводит к тому, что одна лошадь хорошо наедается, а другая остается голодной, так как лошади переходят от одной кормушки к другой и отгоняют более слабых. Света в конюшне нет. Лошади начинают калечиться. Одна лошадь ночью неизвестно как выбила себе глаз. Такое безответственное отношение правления колхоза к колхозному коню является преступлением. Конюх колхоза Корьков халатно относится к выполнению своих обязанностей. Плохо ходит за колхозным конем. Когда он был ночным конюхом, его несколько раз заставляли спать. Корьков не должен оставаться конюхом»³.

Несмотря на недостатки, колхоз «Спутник» в 1934 г. получил свидетельство участника «похода им. Л.М. Кагановича за высокий урожай». Одно из положений похода гласило: «Колхозы, признанные при окончании сельскохозяйственного года лучшими, представляются к премированию, а так же занесения на доску почета». Из 62 колхозов Горловского района такие свидетельства похода им. Кагановича по итогам 1934 г. получили лишь 23 хозяйства⁴.

В 1937 г. поселок Широкий вместе с Горловским районом был передан новообразованной Рязанской области. Согласно материалам Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., в 1939 г. в поселке Широкий Мшанского сельсовета насчитывалось 54 жилых строения, 56 хозяйств и 332 жителя. В поселке действовала начальная школа, работала просорушка⁵.

Топографические карты РККА 1941 г. (съемки 1939 г.) свидетельствуют, что в это время в поселке Широкий было 53 двора. Строения в основном выстраивались вдоль линии железной дороги и располагались фасадами к ней. Перпендикулярно отходившая от полотна небольшая улица переходила в проселочную дорогу в село Дмитриево (бывш. Горловские выски).

¹ Ленинская искра, № 25 (20 марта 1933).

² ГАРО. Ф. П-1115, оп. 1, д. 75, л. 72 об.

³ Ленинская искра, № 195 (22 октября 1934).

⁴ Ленинская искра, № 167 (15 сентября 1934).

⁵ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Перечень населенных пунктов с характеристикой их состояния по состоянию на 1939 год.

Из жителей поселка, отличившихся на полях сражений Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., стоит отметить гвардии ефрейтора Петра Васильевича Комарова (1913–?), вернувшегося с фронта с тремя медалями «За отвагу». Первую из них он получил за то, что в бою 22 августа 1944 г. близ молдавского села Мирчешть «при прорыве обороны противника <...> в составе расчета уничтожил 2 станковых пулемета противника с расчетами»¹. Вторую – за то, что в бою за венгерское село Сабадбатьян в феврале 1945 г. «под ружейно-пулеметным огнем противника исправил 8 порывов линии связи, тем самым обеспечил непрерывность управления нашими боевыми подразделениями»². Третьей медалью «За отвагу» было отмечено то, что «в боях за г. Секешфехервар (Венгрия) 17 марта 1945 г. гвардии ефрейтор Комаров в составе расчета из 120-мм миномета уничтожил до отделения пехоты и 1 станковый пулемет противника»³.

В 1942–1946 гг. Горловский район временно входил в состав Московской области, потом вернулся обратно в Рязанскую. В послевоенные годы широкинский колхоз носил имя М.В. Фрунзе. В 1946 г. на его отчетном собрании резкой критике подверглось правление сельхозартели и лично его председатель Соловьев. Положение хозяйства было тяжелым. «Правление колхоза не сумело организовать колхозников на успешное завершение сельхозработ, до сих пор осталась не обмолоченной часть зерна из-за плохой организации труда, не контролировалось расходование денежных средств». В результате был избран новый состав правления⁴. Новым председателем колхоза им. М.В. Фрунзе Мшанского сельсовета стал Соношкин⁵.

На 25 августа 1946 г. план сева озимых в колхозе им. М.В. Фрунзе поселка Широкий был выполнен лишь на 28 %. По мнению районного начальства, причиной происходящего было то, что «председатель правления тов. Соношкин не все возможности использовал. Следует уплотнить рабочий день, заставлять пахарей работать с раннего утра и до позднего вечера, значительно уменьшить обеденный перерыв». Характерным, однако, является тот факт, что из 91 колхоза Горловского района в 10 хозяйствах показатели работы были еще хуже, чем в Широком⁶.

Перед широкинскими колхозниками в 1946 г. ставилась задача надоить от каждой колхозной коровы по 1500 литров молока, от каждой овцы получить 2,8 кг шерсти, от каждой курицы получить не менее 80 яиц. На совещании работников животноводства Горловского района, состоявшемся 14 июня 1946 г., отмечалось, что «отдельные руководители колхозов, несмотря на то, что фермы не укомплектованы, продают и режут скот. За короткое время председатель колхоза им. Фрунзе тов. Обойдов продал и зарезал несколько голов крупного рогатого скота и овец»⁷.

В конце июня 1946 г. к уборке урожая в широкинском колхозе еще не начинали готовиться, навоз на поля не вывозили, хотя его накопилось больше тысячи возов. Газета «Ленинская искра» писала: «В оправдание своей бездеятельности руководитель артели находит много причин, не замечая собственных недостатков. Вместо того, чтобы организовать работы, тов. Обойдов систематически пьянствует. Так было 2 и 3 июля. Председатель взял на

¹ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690155, д. 5287, л. 103 об.

² ЦАМО. Ф. 33, оп. 690306, д. 865, л. 180.

³ ЦАМО. Ф. 33, оп. 690306, д. 2339, л. 29.

⁴ Ленинская искра, № 7 (27 января 1946).

⁵ Ленинская искра, № 48 (5 сентября 1946).

⁶ Ленинская искра, № 35 (13 июня 1946).

⁷ Ленинская искра, № 36 (16 июля 1946).

покупку семян огурцов 500 рублей из колхозной кассы. Эти деньги израсходовал на личные нужды, а огурцов не купил. Был случай, когда тов. Обойдов в нетрезвом виде заставил пахарей И. и С. Соловьевых уехать с пахоты домой»¹.

В 1950-х гг. небольшой широкинский колхоз вошел в одно из более крупных хозяйств Мшанского сельсовета. С упразднением Горловского района в 1959 г. его населенные пункты, включая Широкий, были переданы Скопинскому району Рязанской области.

По административному делению 1970 г. поселок Широкий входил в Березняговский сельсовет, к которому также относились села Березняги, Лазинка, Мшанка и железнодорожные будки 429 км, 431 км, 432 км и 433 км².

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» поселок Широкий был включен в состав Ильинского сельского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в нем в это время постоянно проживали всего 3 жителя. Похоже, история этого населенного пункта близка к своему концу.

---

¹ Ленинская искра, № 34 (9 июня 1946).

² Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С. 96.

ЮЖНЫЙ поселок (городское поселение Павелецкое)

Первые строения появились на месте современного поселка Южный в начале 1900-х гг. Впервые он упоминается в 1914 г. как безымянная деревня в 18 дворов при железнодорожной станции Павелец Рязано-Уральской железной дороги¹.

В 1929 г. в небольшом поселении, примыкавшем к станции Павелец-1 на территории Горловского района Центрально-Промышленной (Московской) области, был создан колхоз «Путь к социализму» – один из первых в районе. В нем было 40 хозяйств. Обобщественное стадо состояло из 26 лошадей и 19 овец. Колхоз имел картофельно-зерновое направление².

Весной 1931 г. в «Пути к социализму» Мшанского сельсовета состояло 45 крестьянских хозяйств. У колхоза имелась 21 рабочая лошадь, для работы на его полях МТС выделяли 2 трактора. Площадь колхозного ярового клина составляла 129 га. Овес был посеян на 48 га, вика – на 23 га, горох – на 5 га, чечевица – на 7 га, лук – на 5 га, картофель – на 11 га, просо – на 5 га и гречиха – на 13 га³. В колхозе имелся сад площадью 10 га, были оборудованы дом колхозника и чайная с постоянным двором⁴.

В 1932 г. в колхозе «Путь к социализму» было 26 лошадей, 4 головы крупного рогатого скота, 7 свиней и 38 овец. В хозяйствах жителей поселка содержались 33 головы крупного рогатого скота, 16 свиней, 42 овцы и 7 коз. Площадь колхозного сада сократилась до 5 га⁵. В 1933 г. урожай ржи в колхозе составил 6,1 ц с га, проса – 9,6 ц с га и картофеля – 8 т с га⁶.

Обстановка в небольшом поселке в годы коллективизации характеризовалась теми же противоречиями, что и в других хозяйствах Горловского района. Мшанский сельсовет назначал местным зажиточным крестьянам «твердые задания» по сдаче сельхоз продукции государству. Не веря в устойчивость советской власти, они всеми силами старались уклоняться от этих обязательств. «Осенью 1932 г. колхознику Сонину А.В. кулак Крысин И. привез на хранение хлеб, который твердо задания не выполнил. Донесли и сделали у Сонины обыск»⁷.

В 1932–1933 гг. возросшие доходы колхоза позволили повысить уровень обеспечения трудней его работников. Если в 1932 г. на каждый отработанный трудодень колхозники получали только 5 кг зерновых, то в 1933 г. – 6,5 кг зерновых и 4 кг картофеля⁸.

С 1933 г. председателем колхоза «Путь к социализму» работал Василий Алексеевич Абрамкин (1905–?). В 1922–1924 он занимался батраком в зажиточные хозяйства, в 1924–1927 гг. работал на торфоразработках, в 1930 г. поступил на службу в милицию, с 1932 г. состоял в стрелковой охране железнодорожной станции Павелец-1⁹.

¹ Писцовые книги Рязанского края. XVII в. 2-е изд. Т. 1. Вып. 3: Краткое описание приходов и церквей Скопинского уезда Рязанской губернии за 1914 год по данным клировых ведомостей / Подгот. А.И. Цепков. Рязань: Узорочье, 1998. С. 598.

² РГАДА. Ф. П-1115, оп. 1, д. 75, л. 56.

³ Ленинская искра, № 25 (18 мая 1931).

⁴ Ленинская искра, № 129 (1 ноября 1932).

⁵ Ленинская искра, № 10 (4 февраля 1932).

⁶ РГАДА. Ф. П-1115, оп. 1, д. 75, л. 56.

⁷ Ленинская искра, № 122 (9 октября 1932).

⁸ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59. Черновик описания Горловского района, л. 15.

⁹ РГАДА. Ф. П-1115, оп. 1, д. 75, лл. 53–54.

В 1937 г. колхоз «Путь к социализму» Мшанского сельсовета вместе с Горловским районом был передан новообразованной Рязанской области. По данным Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившейся в 1939–1940 гг., у колхоза в это время было 3 головы крупного рогатого скота, 2 свиньи, 34 овцы, 31 лошадь (из них 25 рабочих)¹.

Топографические карты РККА 1941 г. (съёмки 1939 г.) показывают, что населенный пункт, в котором располагался колхоз «Путь к социализму», в это время носил название поселок им. Сталина. В нем было 36 строений. Поселок располагался в полукилометре к югу от станции Павелец-1. Между ними находились отдельные строения хозяйственного и технического назначения.

В послевоенные годы горловская районная газета «Ленинская искра» время от времени публиковала критические статьи о работе сельхозартели из поселка им. Сталина. В 1947 г. она писала: «Странную позицию занял председатель колхоза «Путь к социализму» тов. Пунин. Он за последнюю пятидневку не направил в счет обязательных поставок ни одного кг зерна. А предпосовет тов. Линева почему-то считает такое положение нормальным»².

Позднее начали появляться фельетоны, в которых напоминалось, что «Путь к социализму» когда-то числился среди передовых хозяйств района, а к 1948 г., при председателе Пунине, оказался среди отстающих. Вот как описывалась работа молотильной бригады колхоза: «10 часов утра. Возле необмолоченных скирдов на солнцепеке стоят лошади и прямо из скирда сдят пшеницу, втаптывая ее в землю. По другую сторону скирдов, в тени, сидят члены молотильной бригады, только что собравшиеся на ток. <...> Поговорив еще кое о чем, машинист начинает молотьбу. Он включил рубильник. <...> Намолотив несколько центнеров, когда еще не было 12 часов, колхозники прекратили работу и отправились на обед. Пообедав, около 4 часов молотильная бригада собралась снова на ток. Но машину нельзя было пускать потому, что она не смазана, а масла здесь не было. Пришлось послать к кладовщику, на поиски которого было потрачено много времени. Наконец, машина смазана, но опять неудача. Выключен ток. Пришлось договариваться с работниками электростанции, которые пошли навстречу колхозникам. Ток подан, но машина сломалась, и колхозники разошлись по домам, за весь день намолотив меньше тонны»³.

В конце 1950-х гг., в ходе хрущевской «десталинизации», поселок им. Сталина был переименован в Южный. При реорганизации Хворощавского сельсовета в 1957 г. в его состав вошли села Хворощавка, Делехово и Южный поселок⁴. По административному делению 1970 г. поселок Южный вместе с селами Делеховом и Хворощавкой по-прежнему входил в Хворощевский сельсовет⁵.

В соответствии с Законом Рязанской области от 7 октября 2004 г. № 76-оз «О наделении муниципального образования – Скопинский район статусом муниципального района, об установлении его границ, границ муниципальных образований, входящих в его состав» поселок Южный был включен в состав Павелецкого городского поселения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в нем в это время постоянно проживали 106 человек – 53 мужчины и 53 женщины. Многими он воспринимается как часть ПГТ Павелец.

¹ Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 59 Основные показатели организационно-хозяйственного состояния Горловского района. Наличие скота по колхозам каждого сельсовета на 1.01.1939 г.

² Ленинская искра, №50 (21 августа 1947).

³ Ленинская искра, № 50 (24 августа 1948).

⁴ Архив Скопинского района. Ф. 413, л. 1.

⁵ Рязанская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 года. Рязань, 1971. С.100.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Иванов день в Скопине (конец XIX – начало XX вв.)

29 августа старого стиля, 11 сентября нового, память усекновения главы Ивана Предтечи – Иванов день. У нас дома – папины именины. У Пятницы – престольный праздник.

В городе – ярмонка, осенняя, многолюдная, после сбора урожая. Уже накануне начинался съезд. В день праздника вся середина города сплошь забита подводами и народом – продающим, куплю деющим, праздным. Да так три дня.

Выходишь из нашей старой квартиры – и телеги вдоль тротуаров, у ворот Сычикова суета, его три двора заполнены. Идешь по тротуару до большого угла – и впереди до Щемиловки, и направо по Садовой до Духовного училища, и налево сплошь телеги, лошади. Поставлены мордами к тротуару, но больше распряжены и привязаны к телегам.

Пройдем среди толкотни в сторону Собора до перекрестка. Здесь начинается базарная площадь. Направо между трактиром Кудинова и городским садом подводы до Щемиловки. Прямо с левой руки возы с картошкой, овощами вплоть до Собора, с правой – вдоль ограды городского сада балаганы – открытые с одной стороны сараи. Их грубо сколачивали на лето из нестроганных досок продавать овощи, фрукты, но больше всего арбузы. Скопин выделялся среди других рязанских городов обилием арбузов, конечно, привозных, больше царицынские. И балаганы завалены до отказа, и пред ними на соломе громадные пирамиды из арбузов. За Собором против балаганов ряды лотков: сидят торговки фруктами, овощами. И опять возы – с огурцами, с яблоками. Около лавки Никитина почти до Николы с обеих сторон ящики, телеги. И все яблоки и яблоки. И так плотно, так нагромождено, что с дороги на тротуар можно пробиться лишь кое-где, да и то с большим трудом.

Повернем от перекрестка пред городским садом налево, в сторону Пятницы. Трудно пройти до церкви среди толпы и подвод: стоят по бокам, едут и вперед, и навстречу, пробираясь среди народа. Пятница окружена телегами. Ее низкая ограда – редкие столбики и две перекладины – как будто нарочно сделаны для привязи лошадей. К югу от Пятницы, слева бойко торгуют рыбные лавки, справа – ларьки и палатки, а на дороге вплоть до начала Большой улицы – толкучий рынок. На толкучке – молоко, масло, яйца, куры, и прочая, и прочая.

Если пойти из нашей старой квартиры направо, к маленькому углу, за домом Кудинова Успенская площадь. Здесь на фоне обычного базарного шума мычат, хрюкают, визжат – продают скотину. К телегам привязаны коровы, телки, на телегах поросята, свиньи, овцы – не помню, здесь ли большие кошелки с гусями, вытягивают шеи наружу, гогочут. Все это не умещается на небольшой площади, скот чуть ли не до Реального училища. Лошадей здесь не продавали. Не знаю, где лошадиный базар. Пишу только, что сам видел. Шла большая ссыпка хлеба нового урожая, где-то на дворах купцов, за глазами.

На Никольской площади сено и обилие гончарных изделий. Так тогда называли в Скопине керамику. А делали ее горшечники. Выложены на земле блюда, кувшины, махотки, горш-

ки... гончарки, свистушки разной формы – товар, ходкий на ярмонке, радость мальчишек. Гончарки – керамические трубы диаметра примерно 15 см и с полметра длиной каждая. В деревнях трубы у печей делали из гончарок, наставляя их друг на друга. В Скопине гончарное дело процветало. «Скопинские свистушники» – называли скопинцев любители давать прозвища. Когда-то купили и нам по свистушке – маленький кувшинчик с водой, сбоку трубка. Дуешь – и раздается трель, если не соловьиная, то во всяком случае не уступит свистку полицейского. Для мальчиков это целое событие.

А у Вознесенья – топливо: дрова, торф, солома...

Всюду изобилие. Многолюдство. Шум, гам, крики. Суета и гомон. На телегах завтракают: селедки, колбаса, ситный, баранки, арбузы, арбузы... Безобразий, скандалов, драк, да и пьяных – не заметно. Порядок поддерживался как-то сам собой, без видимых насилий. Нигде не видно бродячих полицейских. Они стояли лишь на своих обычных постах. Каждый покупал и продавал, не спрашивая ни у кого разрешения, не уплачивая никаких сборов – за место и проч. Власти требовали лишь, чтобы весы и гири были клейменные, значит – проверенные, меры для картошки, огурцов – стандартные.

Жизнь кипела. Общее настроение приподнятое, веселое. Для крестьян поездка в город – купить, продать, потереться в таком многолюдстве, для иных зайти в трактир – праздник. На старой квартире мы в черте этой бурлящей жизни. На Первой Новой – в стороне, и на улице почти по-будничному спокойно. Лишь кое-где телеги с отпряженной лошастью.

А дома у нас Иванов день – праздник своеобразный. Вечером накануне мы, ребята, стояли торжественную всенощную, утром – позднюю обедню, церковь переполнена народом, трудно пробиться – войти и выйти. Были поменьше – из-за давки в церковь не ходили. Нашего именинника два-три дня нет дома с раннего утра до позднего вечера. Он занят. Весь день служатся молебны, заказывают приехавшие на ярмонку. Вечером опять всенощная – 30-го память Александра Невского. Да еще по случаю престольного праздника надо ходить по приходу. Именины без именинника никогда не справлялись. Не приходили по этому случаю гости. Не готовили особых праздничных блюд. Да и день постный – память о смерти Ивана Крестителя. Дома именинник появлялся поздно и сильно утомленный... А Сережа очень любил попраздновать. Хотя бы арбуз! Но бабушка возражала: в этот день нельзя – напоминает голову. Иванов день запомнился мне как день чудесной погоды ранней осени. Такой, какая стояла в этом году почти восемь дней, с 10 по 17 сентября. Такой, какая описана Толстым в «Войне и мире» – том 11, стр. 323; тоже восемь дней – с 26 августа по 2 сентября 1812 г. (ст. ст.). Такой, как у Тютчева:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Впечатлений мокрой ярмонки не осталось в памяти; в ненастье сидели дома.

Скопинский памятник. Воспоминания Дмитрия Ивановича Журавлева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 207.

**Из основных показателей народнохозяйственного плана
Скопинского района на 1937–1939 гг.**

(по материалам Рязанской комплексной географической экспедиции
МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг.)

Число кооператоров и кустарей – 905.

Скопинский машиностроительный завод, выпуск продукции – 4153,9 руб.

Посевная площадь 29 834 га, в том числе совхозов 1157 га, колхозов 26 218 га. Чистые пары составили – 3940 га. Количество тракторов в МТС – 57, комбайнов – 12, автомашин – 4. Зерновые культуры – 19 998 га, картофель – 4238 га, овощи – 936.

Поголовье скота: лошадей – 3578, крупного рогатого скота – 6919, свиней – 5919.

Посевная площадь под урожаем 1937 года составила 29 834 га, в том числе колхозов 26218 га, совхоза 1157 га.

Государственная промышленность

Трест «Октябрюголь» – 3268 человек.

Скопинский машиностроительный и паровозремонтный завод – 844 чел.

ЦЭС треста «Октябрюголь» – 175 чел.

Кирпичный завод, выпускавший 137 тыс. штук черепицы, – 57 чел.

Шлакобетонный завод треста «Мосбасстрой» – 82 чел.

Вердеревский спиртоводочный завод «Рязспирттреста» – 111 чел.

Скопинское отделение пивоваренного завода им. Бадаева – 41 чел.

Районный черепичный завод РИКа – 25 чел.

Типография «Рязоблполиграф» – 19 чел.

Мясокомбинат – 89 чел.

Скопинский «Заготплодоовощ», производивший 316 тонн соленых огурцов, 1005 тонн квашенной капусты, 25 тонн моченых яблок, – 30 чел.

Кооперативная промышленность

Швейная артель им. 8 Марта – 480 чел., в 1937 г. пошила 1086 пальто, 748 костюмов, 3807 брюк, 16 тыс. головных уборов.

Сапожная артель «Новый путь» – 115 чел., отремонтировал 29438 пар обуви и сваял 889 пар.

Деревообрабатывающая артель «Работник» – 28 работников, изготовила 7488 дубовых бочек.

Гончарная артель «Красный кустарь», изготавливавшая 358 300 штук посуды, – 12 чел.

Инвалидная артель, изготавливавшая 205400 штук посуды, – 15 чел.

Кружевная артель «Восход» – 650 чел.

Веревочная артель «Красный канатчик» – 27 чел.

Колхозная промышленность

Черепичный завод колхоза им. ОГПУ села Секирино – 25 чел.

Черепичный завод колхоза им. В.И. Чапаева – 11 чел.

Черепичный завод колхоза «Красная звезда» – 19 чел.

Черепичный завод колхоза «Восход» – 7 чел.

Черепичный завод колхоза «Красный прогресс» села Князево – 12 чел.

Черепичный завод колхоза «4-й завершающий» села Вослебово – 13 чел.

Черепичный завод колхоза «Свет Октября» – 9 чел.

Процент коллективизации на начало 1937 г. составил 91,3 % дворов. Количество крестьян-собственников – 655 хозяйств. Всего 37 колхозов в 1938 г. с 7124 дворами, обслуживаемых Побединской МТС. Один совхоз. В районе ферм: крупного рогатого скота – 31, свиноводческих – 26; коневодческих – 24; овцеводческих – 16.

Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь. Основные показатели народнохозяйственного плана 1937–1939 гг.

Отдельные статистические данные по колхозам Скопинского района за 1938 г.

Состав колхозов

Число дворов (семей и одиночек) – 6970, в них наличного населения душ, не включая отдельных членов семьи, находящихся на 1.01.1938 г. вне колхоза, – 31 310. В том числе 14 520 наличных трудоспособных в возрасте 16 лет и старше и 3842 подростков от 12 до 16 лет; кроме того, из населения наличных дворов находится вне колхоза (в Красной Армии, учебных заведениях, в отходе, на службе) душ – 4667. В том числе в отходе трудоспособных в возрасте 16 лет и старше – 3374. Число дворов (семей и одиночек) колхозников, находящихся в полном составе семей вне колхоза (на заработках, промышленности, на транспорте, в совхозах и т. п.), – 576. В числе отсутствующих в полном составе семей дворов, находится вне колхоза свыше года – 368. Количество колхозных дворов, проживающих хуторами, – 16.

Телефонизировано 17 сельсоветов, 9 колхозов, совхоз, МТС, радиоточек всего 865, на селе – 9. Предприятий почтовой связи 10, на селе – 9.

Участие членов колхозов в общественном хозяйстве

Всего принимающих участие в работе колхозов колхозников – 11 705 и 1873 подростка. Число колхозников, выработавших до 50 трудодней, – 3934 взрослых и 1079 подростков в возрасте от 12 до 16 лет; от 51 до 100 трудодней – 2016 взрослых и 366 подростков; от 101 до 200 трудодней – 3024 взрослых и 307 подростков; от 201 до 300 трудодней 1593 взрослых и 83 подростка; от 301 до 400 трудодней – 719 взрослых и 8 подростков; свыше 400 – 439 взрослых. Число колхозников, не выработавших ни одного трудодня – 7060 взрослых и 1955 подростков.

Выработка трудодней в 1937 г.

В полеводстве, включая трудодни трактористов, – 869 025,98.

В луговодстве – 62 174,96.

В огородничестве и бахчеводстве, включая трудодни трактористов, – 17 1234,66.

В садоводстве, без включения трудодней, начисленных за работы по закладке садов, – 11 622,47. Итого начислено трудодней в растениеводстве – 1 114 058,07.

Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Сводный годовой отчет колхозов Скопинского района за 1937 г.

Поголовье скота в 1938 г.

Всего 3578 лошадей, в том числе в совхозе и кооперативных организациях – 548, в колхозах – 2924, у колхозников – 3, у единоличников – 41.

Крупного рогатого скота 6919 (коров 4421), в том числе в совхозе и кооперативных организациях – 283, в колхозах – 928, у колхозников – 4408, у единоличников – 97. Средний надой на корову доходил до 2200 литров.

Свиней 5919, в том числе в совхозе и кооперативных организациях – 291, в колхозах – 1231, у колхозников – 2884, у единоличников – 94.

Овец и коз 8776, в том числе в совхозе – 183, колхозах – 845, у колхозников – 6119, у единоличников – 139.

На колхозных птицефермах насчитывалось 117 тыс. штук птицы.

Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь III. Поголовье скота в Скопинском районе в 1938 г.

Описание города Скопина и окрестностей

(по материалам Рязанской комплексной географической экспедиции
МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг.)*

Внешний вид города Скопина напоминает о тех временах, когда он был значительным торговым узлом Рязанской губернии дореволюционной России: много зданий, несущих на себе печать купеческого быта, тяжелые засовы, железные двери, много лабазов, в которых по-видимому хранилось зерно, стекавшееся сюда со всей округи радиусом 50–60 км, названия отдельных улиц рассказывают о прошлом этого города (Мясорядная и т. д.). Раньше в городе много было церквей, было духовное училище. По-видимому, Скопин для этих мест был гнездом православия. Теперь все эти храмы закрыты и многие сносятся. Зато город приобщился к общей социалистической культуре. Почти из окон каждого дома слышна радиопередача из Москвы. Имеется небольшой, но благоустроенный стадион (около 1,5 кв. км), городской сад. В городе имеется горный техникум, готовящий кадры для шахт, разбросанных вокруг Скопина. Значение его идет несомненно дальше только шахт этого района: техникум, по-видимому, готовит кадры для всего Подмосковного каменноугольного бассейна. В городе есть педагогическое училище, аэроклуб, военное училище.

От городского сада вниз идет крутой спуск. Внизу расположены отдельные домики, а низина покрыта болотом. У домиков видны кучи торфа. Население использует его в качестве топлива, так как лесов в районе почти нет. В городе развита кустарная промышленность. Гончарные изделия производятся в самом Скопине. Среди них кувшины, кринки, сосуды для кваса, умывальники для деревни. «Умывальник» представляет собой сосуд с двумя ручками, за которые он подвешивается в крестьянском домике, с двух других сторон имеются воронки, откуда льется струя воды. Этот предмет крестьянского обихода появился еще в далекие дореволюционные времена и находит пока себе применение в быту колхозников, так как наша промышленность не изготавливает в достаточном количестве более удобных умывальников. На одной из улиц мы наткнулись на производство, изготавливающее искусственную вошину. Производство кустарное, существует около 4 лет и обслуживает пасеки 13 районов Рязанской области. Рабочих всего занято 6 человек. Производство состоит из 2-х отделений, расположенных в 2 рядом расположенных бывших лавках. В одном отделении происходит варка и прессовка воска. В остающихся «отбросах» еще содержится около 6–7 кг воска. Эти отходы идут также на заводы, расположенные в Рязанской области. Второе отделение производит из этого воска вошину, размягчая воск в горячей воде и пропуская его между валиками. Когда мы вошли в цех, там работал один мужчина-инвалид, он же и заведующий предприятием, мальчик лет 12, молодая девушка и старуха. В соседнем восковом цеху, на прессе работали двое: мужчина и женщина. Это цех более тяжел и требует затраты большой физической силы. На улицах города приятно поражает голос и дыхание Москвы, передающееся несколькими радиоприемниками, установленными в различных местах города.

Вечером забрались в помещение местного «краевого» музея, расположившегося в маленьком убогом домике на <...> улице. Несколько совсем крошечных комнат, сверху донизу уставленных экспонатами: здесь и достопримечательности города, портреты местных боль-

шевиков, макеты, рассказывающие о колхозном и совхозном строительстве, образцы минеральных богатств района.

Хранитель всех этих древностей и городских достопримечательностей – маленький, шустрый человечек с съезжающими на нос и перевязанными черной ниткой очками – местный старожил и самый патриотичный краевед¹. Он нам рассказал о легенде, по которой название города Скопин происходит будто бы от птицы, обитавшей здесь в древности в массовых количествах. Скопа была изображена даже на городском гербе, который был приколот к старой станции. Герб имел следующий вид: вверху была изображена княжеская шапка с скрещенными над ней палашом и ножами, а под ними изображалась распростершая крылья скопа.

Город, бывший до революции большим торговым центром среди других городов Рязанской губернии, особенно большую роль стал играть в 70-х годах, когда развил свою деятельность местный банкир, некто Рыков. В городе сразу было построено несколько больших лабазов, в которые потекли потоки зерна со всей округи. В 70-х же годах была построена ж/д. Тот же Победин (директор музея) рассказывает, что при строительстве ж/д произошел следующий курьез: инженеры, строившие ветку, потребовали с городских купцов взятку. Толстосумы отказали. Тогда инженеры, дабы проучить городских купцов, провели ж. д. в 3-х верстах от города. Так город и стоит в стороне от ж/д, чему были несказанно рады местные извозчики.

14-VI-39 г.

Познакомились с местным архивариусом. Архив помещен в каком-то сарае, где вряд ли можно быть уверенным в сохранности всех материалов. Архивариус нам сообщил о прошлом области. В крепостной России Рязанская губерния по числу крепостных занимала третье место. В Скопинском же уезде были расположены имения крупнейших помещиков. Среди них такие известные фамилии, как князя Долгорукий и Оболенский. В одном из документов наткнулись на сообщение о том, что в дореволюционное время 18 июня в городе проводились крестные ходы в честь избавления города от холеры, которая свирепствовала здесь в середине прошлого века. Один документ уже революционного периода рассказывает о том, [что] в семидесятых годах в бывший Скопинский уезд были сосланы соратники Шамиля. В частности, упоминается фамилия Тер-Коллидзе Басто.

15-VI-39 г.

При выходе из поезда на ст. Скопин мы были удивлены чистым, необычайно приятным видом станции. Она необычна для этих мест. Белое каменное здание расположено на возвышенности, широкие ступени ведут к главному входу. Перед станцией не платформа, а скорее веранда с удобно поставленными, зовущими к себе диванами. Да и сама станция не похожа на станцию. Это скорее вилла. Внутри также чисто и аккуратно. Небольшие залы были чисто выметены и отнюдь не напоминали грязных, с валяющимся на полу мусором и сидящими с мешками людьми, залов столь многих вокзалов и станций нашего отечества. Диваны, расставленные вдоль стен, создавали своеобразный уют. На стенах были развешены картины. Первый шаг в городе не был омрачен созерцанием грязной толпы злых и ругающихся людей, как это было в Рязске, как это было на многих других станциях. Вот такими должны быть наши

---

¹ Победин Константин Васильевич (1891–1962) – директор Скопинского краеведческого музея в 1925–1956 гг.

станции в будущем. От вокзала мы добрались в экипаже, пожалуй, довоенного образца. Около станции расположена площадь, на которой размещалось несколько подвод.

Город пылен. Вымощено только несколько центральных улиц. В отдельных местах видны электрические часы, напоминая своим видом о далекой Москве. В городе имеется несколько автомобилей, которые, фыркая клубами черной пыли, дают знать о своем существовании. На улицах можно встретить мирно бродящих животных, преимущественно свиней. Перед зданием РИКа, правда, нет такой замечательной лужи, которая была лет 80 тому назад в Миргороде, но все-таки большая свинья обнаружила здесь подходящее место и зарылась в грязь, создав картину величайшего благодушия. Напротив РИКа, в нескольких сотнях метрах от него, стоит церковь, теперь уже с снесенными колокольнями и полуразрушенная. Местные старожилы рассказывают, что вот уже 2 года переделывают эту церковь в клуб для горняков... В городе было еще совсем недавно 10 церквей. Из них осталось только 2.

Но вечером до окон нашего номера долетают звуки оркестра, который повторяет все румбы и фокстроты для танцующей скопинской публики, собирающейся по вечерам в единственный маленький городской садик, тенистый и уютный.

16-VI-39 г.

Здесь в течение недели 3 базарных дня. Базары бывают по вторникам, пятницам и воскресеньям (мы совсем отвыкли от недели и от этих названий!) на городской базарной площади, расположенной недалеко от центра города. Посреди площади стоит церковь, теперь превращенная в склад. В прежнее время она, очевидно, была обнесена оградой и окружена деревьями. Теперь ограда снесена и деревья вырублены. Вдоль Пролетарской улицы идут навесы для колхозной торговли. Сегодня пятница. На базаре в 12 часов дня около 50 подвод колхозников. Это крестьяне из окружающих сел. На возах картофель, попалося на глаза 2 воза с дровами и несколько возов с торфом. С рук колхозники продают главным образом рассаду. Зеленый лук, масло, яйца, молоко и творог. Несколько крестьян торговало кружевами собственного производства. Овощей еще нет. Отдельно идут навесы для торговли мясом. Там также было очень немного народа (5–7 колхозников). Оживления в торговле нет. Похоже, что колхозники приехали не только за тем, чтобы продать свой товар, сколько за тем, чтобы купить хлеба, так как в прошлом году был неурожай и в деревне хлеба нет.

Был в Союзплодоовоще. Здесь получают продукцию с/х района. Производится засолка огурцов, квашение капусты и мочение яблок. В соответствии с этим имеются 3 цеха. Большой сарай с глиняным полом с вкопанными громадными чанами – цех квашения капусты. Здесь тянутся рядами 80 чанов на 1000 тонн капусты. Осенью глиняный пол превращается, вероятно, в сплошное месиво грязи. Цех по засолке огурцов только недавно механизирован. Под длинным навесом расположена механическая мойка. В нее огурцы поступают, доставляемые эскалатором. Мытые – принимаются на новый эскалатор и сортируются в бочонки. При всем этом производстве находится собственный бондарный цех, он расположен в бывшей церкви. Во время моего посещения там работы были прекращены из-за недостатка материала. В прошлом году началось строительство нового ледника. Значительная часть работ уже произведена, но строительство не закончено из-за отсутствия стройматериалов. Отсутствие ледника оказывает тормозящее действие на все производство, так как хранить продукцию негде. Вся продукция скопинского отделения Союзплодоовоща идет в Москву, Рязань и др. промышленные центры страны. В ближайшем будущем возможно расширится производство и появятся новые производственные процессы: при мне была привезена вишня для спирто-

вания. До сих пор спиртование здесь не производилось. Теперь же прибыли специалисты, которые должны наладить это производство...

Вечером мы из оной гостиницы любовались июньской грозой. Внезапно погас свет. Бушующая молния полосовала небо. Черные облака плыли над самым городом, и гигантские вспышки ослепительной силы освещали на мгновение эти нависшие облака, погруженный в мрак город и даже поля, далеко раскинувшиеся за чертою последних домов. Раскаты грома непрерывно следовали один за другим, сильные порывы ветра, казалось, пытаются снести, все, что встало на пути этого мчащегося куда-то воздуха... Хороша природа в своей дикости и в своей первозданной красоте! Проходят минуты, мы продолжаем стоять и любоваться этой разбушевавшейся природой, по-прежнему спокойно мерцали огни – там продолжалась работа. Это были шахты. И мне на мгновение показалось, что я слышу мерное постукивание опускающейся клети и резкие методичные звонки...

18-VI-39 г.

Еще только первые лучи метнулись по городу, а уж город жил. Мимо наших окон громахали повозки и шли группами крестьяне. Вначале мы недоумевали, а затем, вспомнив, что сегодня воскресенье, поняли, что они направлялись на базар.

Город испытывал необычное оживление. У магазинов, у хлебных киосков – всюду снова-ли группы людей. Большинство женщин. Молодые и старые. Необычная пестрота и красочность нарядов. Трудно предположить, что сравнительно так недалеко от Москвы могут быть такие разящие перемены.

Мы быстро встаем и отправляемся на базар. Тут уже кипит жизнь. Ничего похожего на обычные дни и на то, что здесь наблюдали в прошлую пятницу. Длинные вереницы повозок выстроились в разных направлениях. Их здесь три, может быть, четыре сотни. На возах продается картофель, привезли много рассады, много лука, отдельные колхозы привезли целые возы муки, мяса... У церкви расположилась толпа торгующих с рук крестьянок... Шум, говор... Почти все одеты в домотканые костюмы, черные с коричневой клеткой паневы, яркие, большей частью красные фартуки, украшенные цветками, вышивками, лентами: у многих на ней позументы из бисера... Смотришь и не веришь глазам: точно ли это 1939 год, и только ли отделяет нас от Москвы какие-нибудь 3 сотни километров! Так все ново и необычно! Когда смотришь на церковь и эту шумящую, разнаряженную толпу, невольно переносишься во времена Древней Руси... В этой картине чувствуется что-то свое, национальное, русское...

В стороне от церкви расположилась карусель... Заливается гармонист, взвизгивают ребята и молодайки. Вот подошла группа молодых крестьянок. Все они одеты в длинные холщовые рубахи, подпоясанные яркими кушаками, сверх которых одеты яркие фартуки. На ногах черные шерстяные чулки и у всех почти галоши, пристегнутые ремешками. На голове у всех платки, надвинутые на лоб, козырьком с красивой разноцветной бахромой.

В отдалении расположились в ряд, сидя прямо на земле, бородастые, в дырявых штанах и рубашках, в засаленных картузах старики... Перед ними лежит их товар – лапти. Они качают удрученно своими бородами и жалуются на то, что никто не покупает их «продукцию». «Мы последние, – говорят они, – умрем, и некому будет плести и носить лапти». Раньше они занимались плетением лаптей целыми деревнями. Скупщики вагонами отправляли эти лапти в другие района «лапотной» России. И еще в наше время лапти скупались кооперацией и отправлялись на торфоразработки. Но меняются времена, и вот сидят «могикане» на базарной площади, поругиваются и. обидевшись на современность, не хотят платить гривенки за торго-

вое место, несмотря на угрозы базарного инспектора. Вот маленький, совсем сморщившийся старичок согнулся под большой ношей. Он тащит лыко. В Скопинском районе нет леса, и вот крестьяне из Желтухинского района привозят сюда на рынок, а местные лапотники у них их покупают. Много продается шерсти, кружев, пеньки. Продают домотканую материю. Старуха, приехавшая из Рязжского района, продает гребни и гребенки, поодаль расположился бондарь со своим товаром, целый длинный ряд гончарных изделий... Какой-то молодой крестьянин прямо на пыльной дороге разложил пестро расписанные ложки. Он приехал из Сасова. Потратил двое суток затем, чтоб попасть на скопинский базар. Вozов с дровами почти нет вовсе, и попались случайно на глаза 2–3 вoза с торфом. Тут же, среди крестьянских вoзов, остановились подводы сельпо. Они продают свои товары: ботинки, пальто, готовые платья. Оживленная торговля идет в молочном ряду. Домохозяйки степенно рассматривают молоко, масло, яйца... Слышится перебранка, с отдельных телег слышатся крики кур, гусей... Лишь в 3–4 часа дня потянулись вереницы подвод из города. Но до позднего вечера видны были на улицах покачивающиеся подгулявшие люди...

19-VI-39 г.

Издавна Скопинский район известен своими мастерицами кружев. Сегодня я посетил правление этой артели, объединяющей несколько сотен человек в Скопинском и Желтухинском районах.

Работа кропотливая и требующая большого навыка. Мастерство сходит на нет, и если не будет принято никаких мер, то в несколько десятков лет древнее искусство может исчезнуть. Сейчас уже больше 50 % всех кружевниц – это старухи, не пригодные ни к какому другому труду. Из молодежи, занимающейся кружевами, есть только единицы до 24 лет и очень мало работниц моложе 35 лет.

На картоне делается рисунок, затем этот картон натягивается обычными булавками, после чего вокруг каждой наколотой булавки начинают пропускать нитку... Метр кружев получается в результате восьмичасовой работы.

20-VI-39 г.

Пришлось быть в кустарной мастерской гончарников. Мастерская расположена в маленькой вросшей в землю хибарке. Внутри темно. В тусклое оконце проникает совсем мало света. Мастерская делится на две части. В одной комнате по стенам расположены уже готовые кувшины, кринки, сосуды, во второй расположена печь, через всю комнату по стене тянется дымоход, весь уставленный совсем «свежей» продукцией. В комнате жарко. Мастера, работающие здесь, мокрые от пота... Лица и руки измазаны глиной... Они работают так, как работали их отцы и деды. Перед каждым из них вращающийся круг – вся их «механизация». На этот круг они насаживают кусок глины и начинают вращать его. Центробежная сила втягивает эту глину, а искусные руки придают ей необходимую форму... так они в день делают 80–100 сосудов. Изготовленный сосуд идет после этого сушиться на дымоход, затем обжигаться в печи. Придание блеска, своеобразная эмалировка производится при помощи глазури (порошок). Горшок смачивается нефтью, затем посыпается глазурью и ставится в печь... Там уж он приобретает свой настоящий вид. Теперь он готов к тому, чтоб быть отправленным к потребителю. Еще не так давно, в послереволюционное время кустари сами не продавали на рынках своих товаров. Они «нанимали» «горшению», возчика, который отправлялся с своей

подводой скитаться по дорогам и продавать в лежащих на его пути селениях горшки, крынки и другие сосуды. Теперь вся продукция идет по ж/д в Рязань. Все кустари объединены в артель. Работают же пока каждый у себя дома.

22-VI-39 г.

Жаркое солнечное утро. Город только проснулся, а уж зной и пыль заставляют искать тень и прохладу. Ждем, когда придет автобус и увезет нас в поселок Октябрьское поле: там расположено правление треста «Октябрьуголь». Автобус этот ежедневно делает рейс утром и вечером, доставляя рабочих по утрам на работу из Скопина и возвращая их домой вечером. Вот и он: небольшая голубоватая машина. Народу набивается много. Мы кое-как втискиваемся в проход между диванами. Шофер дает газ, машина вздрагивает и поднимается облако пыли, мчится по улицам города. Плавные покачивания порой прерываются резким прыжком, недовольным ворчанием мотора, кажется, жалуется машина на несовершенство городских дорог. Тревожными гудками сирены шофер пытается прогнать с дороги медленно шагающих навстречу нам с важно поднятыми головами гусей. Но те недовольно крича, не хотят уступить дороги... Приходится тормозить...

Вот мы вырвались за черту города. Проезжаем мимо маленьких, большей частью деревянных построек деревень Новиково и Келец. Кучи песка и камня на шоссе говорят о происходящем ремонте дороги. Автобус сворачивает на идущую рядом с шоссе проселочную дорогу. Проселок отклоняется к югу, и мы, непрерывно обдаваемые пылью, проникающую в окна машины, едем среди зеленеющих полей. По бокам дороги поля зеленеющего овса, иногда волнующееся море ржи. Овес еще низок и с нетерпением ждет дождя.

Вот на горизонте мелькнули здания, все ближе, ближе. Автобус уже мчится по улице между прячущимися за зеленью одноэтажными домиками шахтеров. Приехали. Вот он, рабочий поселок, выросший здесь среди чистого поля несколько лет назад.

В 1931 году я присутствовал при его рождении. Здесь тогда все было комсомольским. Партия бросила лозунг: «Уголь решает все!» И сотни и тысячи московских кимовцев поехали на угольный фронт. А вместе с добыванием угля боролись за новую культуру, за социалистический быт. Эта разросшаяся зелень, так красиво драпирующая рубленые стандартные дома, она посажена была руками комсомольцев, а по краям тянутся выложенные булыжником тротуары. За первой линией одноэтажных домов тянутся высокие двухэтажные стандартные дома с резко выделяющейся белизной своей штукатурки, а там за ними расположились хозяйственные постройки рабочих (их раньше не было).

При въезде в поселок обращает на себя внимание большое, рубленое здание клуба. Он когда-то был центром комсомольской жизни. Тут же помещался и райком. Комсомольцы с любовью относились к своему детищу, в нем всегда было шумно и всегда был образцовый порядок. Теперь он кажется осиротевшим. Один лозунг над сценой и несколько цветов в читальне, это все его скромное убранство, а вместо шумной молодежи, готовящей очередной номер штурмовой газеты или разучивающей на сцене новую постановку, несколько ребятишек – шахтерских детей на порожках клуба.

Несмотря на это кажущееся запустение, он и теперь является культурным центром поселка, здесь регулярно идут новые кинокартины, тут же помещается библиотека, имеющая несколько сотен читателей и три тысячи книг.

* Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91. Скопинский район. Тетрадь № 4. 13.06.1939 г.

**Годовой отчет колхоза «Путь к новому быту»
села Вердерева за 1938 год*
(выписки)**

Выполнение плана по полеводству

Общие сведения

Название и уставная форма колхоза – «Путь к новому быту», сельскохозяйственная артель. Год организации – 1931. Обслуживается Побединской МТС. Государственным актом на вечное пользование от 30 сентября 1935 г. за колхозом закреплено 2161,57 га [земли]. В соответствии с уставом сельскохозяйственной артели в личное пользование колхозникам (191 двор) выделено 73,24 га. В 1939 г. от совхоза и спиртзавода прирезано 64 га.

В составе колхоза на 1 января 1939 г. 191 двор, за текущий год вступило 5 дворов, перешло в другие 2 двора. Наличных колхозных дворов 171, в них наличного населения 873 (не включая отдельных членов семей, находящихся вне колхоза). В том числе трудоспособных в возрасте 16 лет и старше – 418, подростков в возрасте от 12 до 16 лет – 116. Кроме того, из населения наличных дворов находится вне колхоза (в Красной Армии, учебных заведениях, в отходе, на службе) 129 человек. В том числе в отходе трудоспособных в возрасте 16 лет и старше (на заработках в промышленности, на транспорте, в совхозах и т. п.) – 89. Число дворов (семей и одиночек) колхозников, находящихся на 1 января 1939 г. всей семьей вне колхоза (на заработках в промышленности, на транспорте, в совхозах и т. п.), – 20.

№	Название культур	Фактическая уборка (га)	Сбор с одного га (ц)	Валовой сбор с озадками (ц)
1.	Рожь озимая	6159,39	11,17	68 798,3
2.	Пшеница озимая	2281,69	13,3	30406,71
3.	Пшеница яровая	1150,95	5,48	6308,19
4.	Ячмень яровой	2,6	10,65	27,7
5.	Овес	5837,48	8,01	46 776,98
6.	Просо	1295,94	5,52	7152,78
7.	Вика на зерно	392,05	4,63	1814,84
8.	Бобовые	1479,43	3,89	5762,75
9.	Гречиха	467,54	5,86	2741,83
10.	Конопля-соломка	7,94	2,64	20,98
11.	Горчица	51,62	2,44	126,11

№	Название культур	Фактическая уборка (га)	Сбор с одного га (ц)	Валовой сбор с озадками (ц)
12.	Картофель	2050,46	75	153 943,73
13.	Капуста	114,38	270,29	30 915,96
14.	Огурцы	108,32	54,4	5895,9
15.	Морковь	59,86	115,9	6938,53
16.	Свекла столовая	46,43	158,97	7381,0
17.	Фрукты			902,1
18.	Ягоды			7,54*

* Культивировались яблоки, вишня, слива, груши, смородина, крыжовник, малина, которые продавались на рынках, государству поставлено 44,42 центнера яблок и 2,13 – вишни, распределению по трудодням подлежало 108 центнеров яблок.

Важнейшие сельскохозяйственные машины

Автомобилей – 28; двигателей – 4, в том числе один ветряной заводского производства; молотилок – 50, в том числе одна сложная; сеялок – 119; сенокосилок – 67; жаток – 158; конных плугов – 877; культиваторов сплошной обработки – 8; культиваторов междурядных – 104; окучники и мотыги конные – 35; бороны «Зигзаг» – 475; конные грабли – 79; триера зерновые – 14; сортировки – 65; веялки – 149; клеверосортировка – 1.

Начислено трудодней, не включая начисленных в виде премий

В полеводстве – 43 893; в овощеводстве и бахчеводстве – 5873; по уходу за рабочим скотом – 8830; в животноводстве на товарных фермах и вне ферм – 5477; на строительстве (возведение строений, капитальный ремонт машин и оборудования) – 1028; на закладке садов – 70; в подсобных предприятиях – 7830; в культурно-бытовых учреждениях – 597; административно-управленческому персоналу – 2044; за отпуск по беременности (6 женщин) – 83.

Число трудодней, на которые распределен доход, – 76 985, в том числе трудодни трактористов – 2822.

Участие членов колхоза в общественном хозяйстве

Всего принимали участие в работе колхоза колхозники: 348 взрослых и 102 подростка. Выработано по 50 трудодней – 86 взрослыми и 74 подростками в возрасте 12–16 лет; от 51 до 100 трудодней – 33 взрослыми и 19 подростками; от 101 до 200 трудодней – 80 взрослыми и 9 подростками; от 201 до 300 трудодней – 66 взрослыми и подростком; от 301 до 400 трудодней – 41 взрослыми; свыше 400 трудодней – 42 взрослыми.

Число колхозников, не выработавших ни одного трудодня: 159 взрослых и 14 подростков.

Выполнение плана по полеводству

№№	Название культуры	Засеяно и убрано, (га)	Урожай с га	Вал. сбор (ц) с вкл. озадков	Продажа на колхозн. рынке (ц)	Остаток к распрод. на трудодни* (ц)
1.	Рожь озимая	365	7,37	2693	-	793
2.	Пшеница оз.	150	12,7	1903		1027
3.	Пшеница яр.	60	1,08	65		
4.	Овес	513	5,02	2574		
5.	Просо	4	2,75	11		
6.	Чечевица	21,5	1	21		
7.	Картофель	107	13,83	1480		
8.	Лук репка	3	16,6	50		

* Остаток после сдачи государству, натуральной оплаты МТС, возврата семенных ссуд, выделение на семена в неприкосновенный семенной фонд, в помощь инвалидам и пр., на фураж скоту и т. д.

Наличие продуктов в колхозе на 1 января 1939 г. (ц)

Пшеница озимая – 283,95; пшеница яровая – 59,99; рожь – 361,47; овес – 1261, 56 в том числе на фураж – 10; кукуруза в початках – 186; прочие зерновые – 42,24; мука и отруби – 0,86; картофель – 157; сено – 1961; солома – 4259.

Выполнение плана по животноводству

№	Виды скота	Наличие голов на 1.01.38 г.	Должно быть на 1.01.39 г.	Фактически
1.	Кр. рогатый скот	31	34	33
	в т. ч. коров	4	10	10
2.	Свиньи	68	90	76
	в т. ч. свиноматок	12		20
3.	Овцы	122	150	162
4.	Пчелы (семей)	10	15	16
5.	Лошади всех возрастов	158	190	194
	в т. ч. рабочих	104		119

Поставка и продажа скота

№	Виды скота	Сдано государству		Продано колхозникам		Продано на рынке	
		Голов	На сумму (руб.)	Голов	На сумму (руб.)	Голов	На сумму (руб.)
1.	Кр. рог. скота	2	160			1	1385
2.	Свиньи	59	3054	108	1552	35	617
3.	Овцы	17	121	12		29	121
Сдано и продано 6 лошадей на сумму 1725 руб.							

** На 1.01. 1939 года 134 двора имели крупный рогатый скот, 96 дворов – свиней, 108 дворов – овец и коз.

Заработки на стороне и от услуг колхозникам

За предоставление лошадей колхозникам – 1494 руб.

Заработок автомашин – 4376 руб.

От извоза – 50429 руб.

Строительство зданий и сооружений (достраивалась, сдано в экспл. в 1938 г.)

Конюшни на 100 голов, овчарня на 200 голов, свинарник на 100 голов, мельница, сторожка, сарай.

Важнейшие работы, выполненные под урожаем 1938 г.

№	Наименование работ	МТС по договору (га)	МТС выполнено (га)	Выполнено колхозом (га)
1.	Культивация зяби	50	95	-
2.	Перепашка зяби и паров	600	436	164
3.	Боронование	600	176	424
4.	Посев яровых	250	246	458
5.	Уборка зерновых комбайнами			1233
6.	Обмолот зерновыми молотилками	6000	6750	
7.	Посадка картофеля	72	26	46
8.	Окучивание картофеля	144	-	144

Общий валовой доход колхоза

От растениеводства – 103 453 руб.; от животноводства – 14 927 руб.; от подсобных предприятий – 1979 руб.; от заработков на стороне – 56 299 руб.

Определено к выдаче доходов на 1 трудодень

№		Деньги (руб.)	Зерно (кг)	Сено (кг)	Солома (кг)
1.	Колхозникам	0,16	2,4	0,2	4,75
2.	Трактористам	2,5	3,0	0,2	4,75

Основные кадры сельскохозяйственной артели

Председатель, зам. председателя, председатель рев. ком. колхоза, бухгалтер, 5 бригадиров растениеводов, зав. товарными фермами, доярка.

Из культурно-бытовых учреждений: клуб вместимостью 250 человек, детские ясли на 50 человек.

Председатель колхоза Комягин Петр Владимирович.

Председатель рев. комиссии Мартьянов Никифор Степанович.

* Архив МГУ. Ф. 42, оп. 6, д. 91.

Колхоз «Путь к новому быту» в 1939 г. *

До пашни расстояние ближайшее – непосредственно за селом, дальнее – 4,5 км. Сенокосы тоже. Постоянных выгонов нет, используются под выгоны черные пары с 15 апреля до 1 июля. Скот кормится в основном бардой от спиртзавода. Имеется 3 фермы: МТФ – 46 всего, в том числе дойных коров 18 (метис); ОТФ – 225 всего, в том числе овцематок 130 (метис), 6 племенных баранов (цигейка); СТФ – 66 всего, в том числе свиноматок 12 (метис), хряк (бел. английской породы).

Расстояние животноводческих ферм от жилых строений – 0,4 км, от водопоя – 0,2 км.

Лесов, кустарников нет, используются для выпаса ложбины и овраги (отдельные овраги до 8 га площадью). Речек нет, имеется 3 пруда (мелководные). Площадь приусадебных участков – 191 га и 73 га под постройками и улицами. Приусадебные участки имеются у всех. Размер участков – от 0,25 до 0,4 га. При установлении территорий усадеб исходили из того, как использовались ранее. В колхозе все 195 хозяйств имеют огороды, а сады – 20–25 хозяйств, в среднем на один участок – 10 деревьев (в основном яблони, частично вишня).

В крестьянских хозяйствах вносилось до 100 возов [навоза] (на десятину), что считалось нормальным: «навоз у Бога берет насильно урожай», «вали гуще, будет лучше». В отдельных хозяйствах свозилось до 250 возов (навоз скупался у бедняков).

Яровая (пшеница) дает урожай 16 ц, максимально здесь 7 ц в 1935 г., низкий урожай объясняется невыполнением комплекса агроправил, подкормка не применяется.

Овощеводство

Более увлажненные участки расположены ближе к пруду. До революции современные (огородные) участки принадлежали помещику Занегину, сдавались последним в аренду огородникам Чуеву, Маркову и пр., и те вывозили готовую продукцию тех же культур, частично высевали табак (махорку). С Октябрьской революции эта земля перешла к крестьянам, ими засеивалась просом, клевером, а в 1927 г., в годы НЭП, общество сдавало [их] частному лицу, Попову, в аренду под овощные культуры до 1928 г. включительно, а после земли вновь перешли к обществу и использовались под картофель. В 1936 г. урожай погорел, в 1937 г. дали урожай: капуста – 170 центнеров; лук-севок – 2,89; лук-матка – 19,9; морковь – 119; столовая свекла – 174; огурцы – 129.

Садоводство

Общая площадь – всего 4 га, из них 2 га остались от помещика, на одном участке на расстоянии 1 км равнина. Новая посадка – 2 га, склон на юг, от старого сада, по существу, ничего не осталось. Засажена в основном яблонями, сорта в основном зимние – антоновка, боровинка и другие.

Имеется 3 конюшни, из них одна кирпичная, крытая соломой с глиной, две деревянные, обмазанные глиной, крыша – солома с глиной. Водопоя нет, заменена бардой. МТФ соединена с СТФ, представляет деревянное здание с кирпичными столбами, крыша – солома с глиной, окна имеются, вентиляции нет. ОТФ плетневые, из прясел, обмазанные изнутри глиной, крыша та же. Водопой осуществляется подвозом в бочках воды.

В 1938 г. получен бык-производитель, чистопородный симментал.

Средний надой – 1200 литров.

Имеется одна пасека на 20 ульев, существует с 1935 г., расположена в саду.

Кустари: 50 кружевниц.

* Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 91. Тетрадь.

Скопинский механический завод
(по материалам Рязанской комплексной географической экспедиции
МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг.)*

...В 1924–1925 гг. мастерские были переведены на площадку, на которой завод стоит в настоящее время. Здесь было одно помещение, здание, в котором располагались 2 мастерские (литейная и кузница), во втором механическая мастерская. Рабочих было человек 20, мастерские в это время производили ремонт насосов, клетей, вагонеток.

В 1928 г. завод стал производить вагонетки 0,5 тонны, сортировки для оборудования местных шахт, производили клетки, стали делать новые насосы «Красный факел», ремонт буровых инструментов. Молотов не было, заграничных ножниц не было.

Позже импортное оборудование: молоты и ножницы. Расширение кузницы, литейной и т. д. было произведено в 1931 г. Раньше работа литейной: 1–2 дня укрепляют, день заливают, день выбивают литье. Теперь литье каждый день. Цех железных конструкций был выстроен в 1931 г.

Скопинский механический завод и паровозоремонтный завод, раньше назывался Победенские мастерские. Главный инженер Сапунов Александр Васильевич. Сточные воды размывают восточную часть стройплощадки. Отходы цеха железных конструкций и кузницы частично используются на месте, а часть отправляется на металлолом. В цехе железных конструкций делают электроды, заготовки обручей. Из 10 процентов отходов – 5 процентов идет в металлолом. Обеспечение шахт машинами и запасными частями. Жалоб на качество продукции нет. Ремонт с/х машин местных колхозов и изготовление запасных частей. Цех вагоноремонтных частей работает не с полной нагрузкой. В течение месяца поступает 1–2 паровоза. То, что по плану трест «Москвоуголь» обязан дать заводу, поступает на завод в половинном размере. Это влияет на программу (невыполнение), на отток рабочей силы, на текучесть рабочей силы. Качество угля неудовлетворительное. Инженеры уходят с завода из-за плохого снабжения топливом. По сравнению с 1932 г. продукция изменилась следующим образом: начали изготавливаться вновь механические грузчики, угледробилки (раньше, в 1933 г., были импортного значения), сортировки 100 тонн, сортировки 50 тонн, насосы «Красный факел», вагонетки 0,75 тонны (опрок.), одноконная и 2,5 тонны, котлы карнавалийские, транспортеры забойные, лебедки колонковые, воздухоборники, клетки однотоновые (опрокидные), копры, стопора дозирующие и задерживающие, двери водонепроницаемые и герметичные, трубы дымовые, цистерны, ремонт паровозов.

До 1930 г. на заводе не было ни одного инженера, ни одного механика. Коренная реконструкция в 1933–1935 гг.

Завод подчинен комбинату «Москвоуголь», подъездные пути со станции Вослебово, около завода село Свиноушки, рядом село Победенка – в 3 км.

Площадка 250 x 150 метров, многоугольник. Площадка имеет небольшой уклон на северо-восток, может быть расширена в ближайшее время на 1000 кв. метров за счет пустыря.

В дальнейшем расширение может быть произведено за счет заводских территорий на восток, заводу принадлежит земельный участок в размере 1000 на 500 метров.

Основные цеха: литейный, кузнечный, механический, цех железных конструкций, паровозный цех, между цехами существует связь путем технологического процесса. Обособлен паровозоремонтный цех. Ремонтируются все шахтные паровозы Подмосковского бассейна и Донбасса. Внутризаводской транспорт гужевой (20), служит для подвозки заготовок и для всех хозяйственных нужд завода, автотранспорт – 8 машин (две грузоподъемностью 2,5 тонны и шесть – 1,5 тонны, две легковые, автобус). Машины необходимы для внутризаводских и внезаводских перевозок. По заводу узкоколейные пути между всеми цехами длиной около 3 км, имеется мотовоз.

Жилища рабочих при заводе. Рабочие главным образом из сел Ермолово, Чулково, Свиноушки, Дмитриево. Поставка рабочих пешком. Жилой площади 6000 кв. м. При заводе живет 300–350 чел. Кадры ФЗУ с 1937 г. (до этого было горнпомуч.), на заводе подготовка кадров за счет бригадного ученичества (59). Нецелесообразно держать паровозоремонтные мастерские. Если парк паровозов Подмосковского бассейна будет увеличен, то целесообразно расширить паровозоремонтный. В настоящее время и в ближайшем будущем завод ремонта шахтного оборудования. С 1936 г. начато строительство сталелитейного цеха, благодаря вредительству руководства завода затянута до сих пор. Трансформаторная будка была сделана вредительски. Впоследствии пришлось ее ломать. Сталелитейный цех в ход будет пущен в 1940 г.

Намечено расширение завода в 1939 г. Строительство кузнечного цеха, механосборочного, увеличены программы с 8 млн рублей до 28 млн рублей, станочный парк должен увеличиться на 50 процентов. Рост завода связан с ростом добычи бассейна.

С 1940 г. будет впервые заводом освоен скребковый транспортер. В Подмосковном бассейне сейчас их совсем почти нет.

Заводским плановым отделом с 1939/1940 г. впервые осваивается производство ваго-неток на роликовых подшипниках, шкивов, деталей для отбойных молотков, рудничные ко-стыли, магнитных пускателей. Потребность завода в кислороде – 70 баллонов на 6 месяцев. Поставка из Мичуринска и Ефремова обходится в 144 рубля вместо 6 рублей. На четвертый квартал 1939 г. намечено строительство кислородной станции при заводе. В отношении до-рог заводу необходимо иметь шоссе от завода до Скопина и далее на Оболенку. Эта дорога будет помогать другим трестам Подмосковского бассейна в отношении связи с заводом («Сталиногорскуголь», «Болоховуголь», «Щекиноуголь», «Товарковоуголь»). Дорога необходима! От Тулы до Сталиногорска есть шоссе, от Сталиногорска до завода надо строить. Вода из артезианской скважины в самом поселке, 43 800 кубометров воды в год, на производственные нужды потребляется 15–20 процентов. Электроэнергией снабжает Скопинская ЦЭС. До 1934 г. употреблялся подмосковный уголь. С 1934 г. на заводе установ-лены печи, работающие на нефти. В 1937 г. установлена термическая печь, работающая так-же на нефти. Топливо доставляется по ж/д, только в период перебоев топливо доставляется на автомашинах из нефтебазы г. Скопина.

Основная продукция идет в тресты комбината «Москвоуголь» (Сталиногорск, Щекино, Товарково, Болохово и Октябрь).

Топливо: уголь поставляется, главным образом, из треста «Октябрьуголь» по ж/д. В 1938 г. – 11 тыс. тонн, из Донбасса поступило 2160 тонн, из Грозного через рязанскую контору «Главнефтьснаба» – 290 тонн.

Количество израсходованного сырья в 1938 г.: железа и чугуна – 3880 тонн. Чугун идет с Косой горки (Тула), железо идет из Донбасса, Керчи и т. д.

Текущая рабочей силы большая, крестьянское хозяйство. Закон о трудовой дисциплине решающего перелома в поднятии дисциплины не произвел.

Инженерно-технический состав: сейчас 7 инженеров, на производстве – ни одного инженера, 5 техников. Инженерно-технического персонала недостаточно. В колхозах состоит 75 процентов рабочих.

При заводе 11 домов 2-этажных, восьмиквартирных (7 шлакобетонных и 4 деревянных), 9 деревянных по 4 квартиры. При заводе имеется клуб, в том числе кинотеатр, имеется библиотека и читальня. При заводе есть столовая и буфет.

* Архив МГУ. – Ф. 42, оп. 6, д. 92. Тетрадь «Скотинский механический завод».

Краткий исторический очерк культуры махорки в селе Шелемишево (по материалам Рязанской комплексной географической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова 1939–1940 гг.)*

Махорка в размерах потребительского характера культивируется в с. Шелемишево около 100 лет; площадь, занимаемая махоркой, в каждом отдельном хозяйстве не превышала 0,01 га, с каковой площади собиралось около 50 кг махорочного листа – бадьяль не шел в употребление и обычно сжигался в печах. Из махорочного листа в огромном большинстве случаев приготавливался нюхательный табак, так как курение табака считалось делом более зазорным и грешным, чем нюханье. Я помню рассказы своего деда про своих сверстников, а дед мой родился в 1809 году, о том, что при расхваливании молодого парня, для которого подыскивали невесту, родственники его ко всем прочим достоинствам и добродетелям его добавляли, что он вина не пьет и трубку не курит. Махорка в промышленных размерах, для продажи, начала культивироваться с 1902 года в Шелемишеве, а позже, с 10–11 года в Городецком, Наумове и Новобаракове. Накануне империалистической войны и вызванной ей разрухи махорка занимала в Шелемишево около 75 процентов усадебных площадей и давала урожай листа и бадьяля около 100 центнеров с гектара, являясь ведущей культурой и основным источником существования для середнячко-бедняцких хозяйств села.

Махорку, привезенную из Шелемишева на Пехлецкий махорочный рынок, охотнее брали, выше оценивали, нежели из других селений. Но никто не интересовался, какой здесь сорт и как сохранить его чистоту. Между прочим, семенной материал в Шелемишево прикочевал, в большинстве хозяйств, из Пехлеца, а у некоторых сохранился и свой, так сказать, туземный сорт, который по внешнему виду почти не отличался от пехлецкого.

В 1927 году в Шелемишеве было организовано кооперативное с/х табаководное товарищество. В феврале 1928 года Дрязгинская опытная станция махороводства запросила от товарищества прислать образцы семян махорки для испытания на поле Пехлецкого опорного пункта. Нами было взято по несколько грамм семян махорки в 15 хозяйствах с. Шелемишева. В начале июля месяца этого года на Пехлецкий опорный пункт прибыл главный агроном республиканского Союза табаководных товариществ Залутный Яков, который и обнаружил на поле пункта до того неизвестный сорт махорки со следующими отличительными признаками: тонкий, очень плотный бадьяль небольшого размера, очень плотный лист, более раннее созревание. Агроном Залутный на второй же день приехал в Шелемишево и здесь нашел тот же сорт на трех плантациях и порекомендовал сохранить это сорт. 13 октября того же года было отослано в Ленинград 20 килограммов высушенной махорки для анализа на никотинозность, вкус и крепость. Результаты анализа оказались весьма высокими. С 1930 года было введено сорторайонирование, к нам было завезено для распространения несколько чужих сортов: пехлец, серебрянка, хмелевка, вергда, вследствие чего сорта в дальнейшем перемешались и шелемишевский с трудом держался только в двух хозяйствах.

В хозяйственном отношении этот сорт (шелемишевский) менее рентабелен по сравнению с более южными сортами, которые дают менее качественный, но в большом количестве урожай, а так как по цене этот сорт приравнен к другим, то его и стали избегать при посеве.

13 февраля 1937 года мне было предложено послать некоторое количество семян этого сорта на Дрязгинскую опытную станцию махороводства, что мной и было сделано, но до сих пор о результатах испытаний я ничего не знаю.

Заведующий Желтухинским заготовительным пунктом Союзтабак сырья Федюнин, 5 июля 1939 года.

*Современное состояние табаководства в районе
и перспективы его развития в 1937/8 годах*

Площадь, занятая махоркой в районе – 350 га по колхозам и 60–70 га – на усадебных участках колхозников и единоличников. Из общего числа 65 колхозов махорку сеют в 58 колхозах. Сбор махорки, за исключением засушливого 1938 года, в среднем 400–500 тонн, урожайность низкая, с которой мириться нельзя.

В будущем, путем подбора соответствующих площадей, введения правильного плодосмена и других агромероприятий, возможно добиться получения с такой же площади 1000–1200 тонн махорки. Стоимость махорочного сырья в настоящее время около 800 рублей тонна, поэтому возможно получение районом от 1200 тыс. до 1500 тысяч рублей, или 10–12 рублей на трудодень, затраченный на культуру.

Путь движения махорки на склад, направления:

Гулянки, 1-я Кузьминка, Лебяжье, Салтыки, Куровщина, Пышкино, Лыково;

Набережное, Хмелевое, Марчуки, Боровое, Наумово;

Новобараково, Городецкое и Летово (ст. Желтухино) и Кучуково (ст. Желтухино).

Со склада отправляется вся на ст. Желтухино, оттуда же и перевозится упаковочный материал.

С. Федюнин.

Июля 5, 1939 года.

* Архив МГУ. Ф.42, оп. 6, д. 64.

Восстание крестьян села Секирино Скопинского уезда (записано по воспоминаниям участников – крестьян Ерошина, Семина и Лошина – и опубликовано в 1925 году)*

Прежде чем начать говорить непосредственно о восстании, необходимо немного остановиться на маленьком, обычном в то время, конфликте крестьян с. Секирино с соседним тогдашним помещиком Лихаревым, т. к. этот конфликт имеет связь с самим восстанием крестьян, происшедшим в 1907 году. Этот конфликт был в 1870-х или 1880 годах, приблизительно 45 лет тому назад.

По соседству с землей крестьян с. Секирино лежала земля помещика Лихарева, близкого родственника помещика Усова, сыгравшего главную роль в расстреле крестьян села Секирина. Понравился помещику Лихареву кусок крестьянской луговой земли, и всеми неправдами он решил присвоить его себе. Это легко ему удалось, т. к. на его стороне были и власть и закон. Призвал он к себе секиринского старосту, взял у него план на владение землей и с помощью межевого переправил в плане границу между его землей и секиринской. Узнав об этом, секиринские крестьяне возмутились и послали к Лихареву уполномоченных заявить о незаконном захвате их лугов. Как и следовало ожидать, уполномоченные были арестованы. Тогда секиринцы решили судиться. И началась судебная волянка. Суд присуждал луга секиринцам, а фактически пользовался ими Лихарев.

Наконец, секиринцы, видя бесполезность судебной тяжбы (хотя на бумаге суд был на их стороне), решили подать жалобу на высочайшее имя. Подать они подали, и даже узнали, что их дело находится в Правительствующем Сенате, но этим все и кончилось. Сенат просто положил дело под сукно, а секиринцы остались без лугов. Впоследствии эти луга перешли к помещику Усову (при его женитьбе).

Жаль было крестьянам последних отобранных у них неправдой лугов, но сделать они ничего не могли, зная, что на стороне помещиков закон и сила.

Так тянулось до 1907 года, пока в село не вернулись с Русско-японской войны односельчане, выдавшие революцию 1905 года и узнавшие, как надо бороться с помещиками и их захватническими аппетитами. Их мысль не мирилась с тем, что помещик будет пользоваться их лугами, отдавая их в аренду, в то время, когда у них совсем нет лугов. Такая же мысль была и у всех секиринцев.

Не раз, собравшись в мирской избе, говорили они о том, как бы отобрать луга обратно. Так было и 15 июня 1907 года. Секиринцы опять собрались в своем «штабе» – мирской избе, и решили луга, ранее принадлежавшие им, скосить в свою пользу. Решено – сделано. Был у секиринцев старик Михаил Иванович Кадушкин, знавший точную границу между лугами секиринскими и помещичьими. Взяли его и пошли косить всем селом. Луга скосили, часть свезли по домам, а часть сена, в виду ненастной погоды, осталась в лугах. Как будто долгожданные луга опять очутились в пользовании их истинных владельцев. Но покосом травы секиринцы не удовлетворились.

На этой же земле стояла водяная мельница, и арендная плата платилась за нее тоже помещику. Ходили слухи, что аренду берет себе в карман волостной старшина. В мирской избе опять решили пойти к мельнику и узнать, кому он платит аренду, т. к. по праву арендная

плата тоже должна вноситься секиринскому обществу, которому принадлежит участок земли. 16 июня секиринцы «миром» направились к мельнице. Здесь были и маленькие дети, и старики, и старухи. Возле мельницы остановились, вызвали мельника, из переговоров с которым узнали, что аренду за мельницу он платит барину Усову. Тут же было решено послать к Усову, дабы узнать точно. Выделили пять человек. Остальные же ожидали у мельницы.

Не успели посланные перейти плотину, как из-за мельницы появился конный отряд полиции во главе с исправником Глинским и приставом Свиридовым. Для всех это было неожиданностью. Собравшиеся не знали, что предпринять, как раздался голос исправника: «Разойдись, стрелять буду». Вслед за этим послышался сигнал и грянули выстрелы. Убитые и раненые повалились один за другим. Получилась свалка, крики детей, стоны раненых. Стреляли не только конные полицейские, но и пешие, сидевшие в это время в камыше в засаде. Часть пуль попадала в скот, пасшийся тут же, благодаря чему многие остались живы. Оставшихся в живых полицейские, врезавшиеся в толпу, стегали плетками налево и направо. Все бежали кто куда мог. На месте дикой полицейской расправы остались только трупы убитых да раненые. Всего убиты 8, ранены 6 чел. Трое из них на другой день умерли от ран. Дабы придать расправе другую окраску, раненых и убитых, не допуская к ним родных, полиция перетаскала к амбару мельницы, с той целью, чтобы можно было говорить, что убитые и раненые нападали на амбар с целью его ограбления. Им даже вливалась в рот водка, в доказательство якобы их пьяного состояния. Потом уже на другой день их отдали родным. Так кончился для секиринцев день 16 июня 1907 года. А вечером того же дня и всю ночь по селу разъезжала полиция, задерживая всех казавшихся ей подозрительными, а на другой день в той же мирской избе всему селу было объявлено о предстоящем приезде в с. Секирино губернатора...

Около 2 часов дня губернатор заявился в село с сотней казаков и ротой солдат. По приказанию губернатора, казаки и солдаты окружили собравшихся цепью, и вместо правдивого разбора дела губернатор приказал вывести из круга детей, а потом начал: «Всех вас перестреляю, детей не пожалею. Мало одного полка, два пришлю, орудия пришлю, все село смешаю с грязью». После такой речи, по приказу губернатора, был оглашен список подлежащих аресту в числе восьми человек. Вызванных тут же арестовали и отправили в тюрьму, потом спустя некоторое время были арестованы и посажены в тюрьму еще 11 человек. Таким образом, в тюрьме сидели 23 чел., просидевшие в общей сложности 12 лет и 4 мес., из них сидели: 5 чел. – по 2 мес., 12 чел. – по 7 мес. и 6 чел. – по 9 месяцев. По приказанию исправника и пристава, все скошенное сено было отвезено в экономию помещика Усова. У секиринцев осталось только одно: трупы убитых, которых они на другой день похоронили, семьи арестованных, оставшихся без отцов и рабочих рук, и мысль о суде над арестованными. Наконец арестованные один за другим были освобождены под поручительство, а суд над ними был назначен на 5 мая 1908 года. Решили нанять в Москве защитника для обвиняемых. Защитник был нанят частью за счет общества, а частью за счет обвиняемых. 5 мая 1908 года суд не состоялся и был перенесен на 5 сентября того же года. Интересно то, что на суде в качестве свидетелей фигурировали исправник, пристав и три полицейских, участвовавшие в расстреле и подавлении восстания. Все они старались доказать, что восстание якобы было вооруженное. Но суд на основании всех данных вынужден был признать правоту секиринцев и оправдал их. Так кончилось восстание секиринских крестьян против помещика Усова...

Каждый год теперь, 29 июня, секиринцы отмечают память павших жертвой помещичьего произвола своих лучших братьев.

* 1905 год в Рязанской губернии. Рязань, 1925. С. 56–59.

**Из донесения от 11 сентября 1908 г. начальника
Рязанского губернского жандармского управления
Департаменту полиции о кровавой расправе стражников
с крестьянами села Секирино Скопинского уезда в связи
с самовольным покосом лугов помещика Усова 12–15 июня 1907 г. ***

5-го сентября в г. Скопине в особом присутствии Рязанского окружного суда с участием сословных представителей под председательством Н.В. Ростова рассматривалось дело по обвинению 35 крестьян с. Секирино в погроме имения Усова. Обстоятельства дела вкратце заключались в следующем:

12-го июня 1907 г. на сельском сходе крестьян с. Секирино Корневской волости Скопинского уезда, собравшемся для передела общественной земли близ д. Коржавино, был поднят вопрос о скосе лугов в принадлежащем помещику Усову урочище Вертячка. С требованием о составлении приговора обратились к сборщику податей крестьянину Сусину. Последний стал отказываться от исполнения этого требования. Тогда двое крестьян накинулись на него и стали трясти за плечи. Под давлением толпы Сусин составил приговор, содержание которого сводится к следующему: Лихаревым, бывшим владельцем имения, около 40 лет тому назад были захвачены у крестьян с. Секирина <...> десятин лугов. Ввиду этого единогласно постановили скосить эти луга с обязательством в случае привлечения к ответственности отвечать друг за друга. Постановлением приговора несогласных с ним стали насильно принуждать подписываться под ним. В этот же день староста Лешин и крестьянин Кадушкин, встретив в селе Чулкове крестьянина Парыкова, подозвали его к себе и сказали, что они намерены косить Вертячку и что только что были на лугах и установили там межу.

13 июня раздался набат, и почти все общество с. Секирино отправилось на покос лугов; не пожелавших добровольно идти выгоняли силою, причем высказывались угрозы, что те лица, которые не примут участия в покосе, будут лишены собственных лугов, а дома их будут разгромлены. В этот день было скошено 12 десятин. На следующий день покос возобновился, причем выехало до 1000 человек. Полицейский урядник пытался уговорить из прекратить косьбу, но крестьяне ответили, что луга принадлежат им и что они еще намерены взыскать с Усова за 40-летнее пользование ими. В этот день было скошено 13 десятин. 14 июня вечером толпа человек 30–40 направилась к находящейся в том же имении Усова мельнице и раскопала ее аршина на 2 в ширину. 15 июня к месту происшествия прибыл с полицейскими стражниками скопинский исправник Глинский. Он предложил крестьянам сойтись с арендаторами миром и на обсуждение дал им сроку три часа. Однако вскоре послышался звон набата, продолжавшийся довольно долго, и к мельнице Усова стал стекаться народ. Спустя немного времени у мельницы собралась толпа секиринских крестьян, численностью до 1000 человек с палками, кольями, клишамы. Исправник, с целью рассеять ее, приказал конным стражникам идти в атаку, те с обнаженными шашками устремились на толпу; последняя не двинулась с места, а, напротив, сплотилась еще теснее, при этом несколько человек выдвинулись вперед, и один из них схватил за повод лошадь исправника, а другой – лошадь

стражника. Исправник произвел выстрел из револьвера, не причинивший, однако, никакого вреда. Толпа с криком: «У них холостые, они в нас стрелять не будут», – двинулась на стражников. Исправник предупредил, что по третьему сигналу будет стрелять, и крикнул трубачу играть сигнал. Из толпы послышались ругательства и крики: «Бейте нас... мы не пойдем, вас побьем, отдай землю, земля наша!» После третьего сигнала конные стражники дали два залпа, не произведшие, однако, на толпу никакого впечатления. Тогда было приказано стрелять пешим стражникам. После двух их залпов толпа рассеялась, оставив на месте 4 убитых и 8 раненых, из которых 5 человек вскоре умерли, трое же остались в живых. Тут же на месте были найдены 6 ножей и кол. При судебно-медицинском освидетельствовании у пятерых из обвиняемых были найдены знаки от ран, причиненных огнестрельным оружием.

При расследовании настоящего дела было установлено, что из-за Вертячки издавна уже существовал спор между крестьянами с. Секирино и Лихаревым, прежним владельцем имения Усова. Лет 40 назад Вертячкою вполне владели секиринские крестьяне, но затем землемерами она была отмежевана в пользу Лихарева, после чего спор этот восходил на усмотрение Московской чертежной канцелярии, которая разрешила его в пользу крестьян, однако дело было перенесено в Сенат, и последний признал Вертячку за Лихаревым. С тех пор луга сдавались в аренду крестьянам с. Чулкова, и в настоящее время с ними заключен договор аренды на 7 лет. Однако секиринцы за указанный период времени неоднократно травили Вертячку, с них взыскивали за это штраф, они иногда оказывали сопротивление властям...

* Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы Первой русской революции: (Документы и материалы). Рязань: Кн. изд-во, 1960. С. 258–260.

Боевой путь 84-й мсбр*

Бригада формировалась Чердаклинским РВК ПривВО с 26.10.1941 г. по 13.11.1941 г. по штату отдельной стрелковой бригады. По приказу НКО № 0512 от 27.12. 1941 г. бригада именуется 84 морская стрелковая бригада. (ЦАМО. Ф. 1891, оп. 1, д. 1. л. 1)

17 ноября 1941 года из района формирования бригада выехала в действующую армию. Выгрузившись в Рязске, бригада вступила в бой на Рязском направлении с 5-м мотоциклетным полком немцев, освободив в коротких ожесточенных боях 6 населенных пунктов. Части бригады 28 ноября штурмом, при поддержке нашей авиации овладели городом Скопин. В боях потери составили всего 35 человек, 5-й мотоциклетный полк был наголову разгромлен. Только на поля боя немцы оставили 250 человек. Были взяты пленные и трофеи¹. В боях особенно отличились красноармейцы: Николаев, Суминов, Большаков, Пролазов, Ядук и другие. Умело действуя гранатами, они, несмотря на сильный огонь противника, уничтожили 8 его пулеметных точек. 6 декабря бригада была включена в состав 1-й Ударной армии и вместе с другими частями, действовавшими на правом фланге, осуществила прорыв обороны немцев в районе г. Яхрома (Московской области), согласно Сталинского плана разгрома немцев под Москвой. Выполняя этот план, части бригады прошли на Запад с боями 180 км, освободили 35 населенных пунктов, уничтожили свыше 4000 немцев, захватили 400 гитлеровцев, взяли большие трофеи, в том числе более 60 танков, около 100 орудий. Особенно ожесточенные бои на Западном фронте бригада вела за укрепленный узел – высоту 220, Борисоглебское, Решетников, Петровское, Ширяеву слободу. В бою за высоту 220 героически погиб первый командир бригады – моряк полковник Молев, посмертно награжденный орденом Ленина.

В бою за Борисоглебское части бригады отбили все контратаки гитлеровцев, поддержанные танками, измотав их силы, выбили их еще из одного населенного пункта. Ряд бойцов и командиров: капитан Кирьянов, ст. л-т Анкудинов, ст. л-т Иванников, зам. политрука Ватищев; краснофлотцы: Сидоров, Галкин раненные не покидали поле боя до полного разгрома контратаковавших групп немцев.

17 декабря. При освобождении деревни Павельцево и Петровское наши части внезапным ударом разгромили немецкий полк. Немцы потеряли убитыми до 1000 человек. Было захвачено до 50 пулеметов разных систем, 2500 винтовок и автоматов, 50 тысяч патронов, 250 разных автомашин, 150 мотоциклов, 21 орудие разных систем, 30 танков, до 5 тысяч ар-

---

¹ Согласно исследованию А.С. Жемчугова, упоминаемый в документе «5-й мотоциклетный (в мемуарной литературе иногда встречается «моторизованный») полк» вермахта является следствием ошибки. Немецкий 5-й моторизованный полк в конце 1941 г. находился в Африке, а мотоциклетных полков в вермахте не существовало. В действительности Скопин был занят 88-м бронированным разведбатальоном 18-й танковой дивизии вермахта, усиленным 18-м мотоциклетным батальоном и 5-й батареей 88-го моторизованного артиллерийского полка. Немецкие документы также не подтверждают информации о «полном разгроме» частей вермахта, занимавших Скопин. Из донесений следует, что под ударом 84-й мсбр немецкий 88-й разведбатальон организованно отошел в село Павелец, потеряв не более 10% своего состава.

* Директивой ставки ВГК от 28.03.1943 обращена формирование 227 сд.

тиллерийских снарядов, более 100 км кабеля. В это время были отрезаны отходящие из района Клина до 3-х батальонов пехоты противника, которые в последующие дни были частью уничтожены, а частью захвачены в плен.

В конце декабря противник, закрепившись на реке Лама, пытался задержать наше продвижение. В течение 20 дней, действуя небольшими группами, бригада изматывала противника, опиравшегося на заранее подготовленные рубежи, и 21 января прорвала его оборону на своем участке. В прорыве немецкой обороны на реке Лама, а также и в других боях особенно отличился артиллерийский дивизион 76-мм пушек, ныне подполковника – дважды орденноносца Перепелицы.

Огнем дивизиона было уничтожено 8 арт. батарей, до 500 автомашин, убито свыше 1000 немцев, 96 артиллеристов награждены правительственными наградами.

За разгром немцев под Москвой личный состав бригады получил благодарность Верховного главнокомандующего товарища Сталина. Командир бригады генерал-майор Козырь и полковой комиссар Андреев получили личную благодарность командующего Западным фронтом маршала Советского Союза тов. Жукова.

После доукомплектования в с. Новозавидово Калининской области бригада в составе 1-й Ударной армии была направлена на Северо-Кавказский фронт, где принимала участие в боях против частей 16 немецкой армии и 2 армейского корпуса. После 250 км марша по болотам и снежной целине, части бригады прямо с ходу нанесли удар по немецкой обороне в районе Ивановская – Волошево. В течение трех дней, преодолевая упорное сопротивление глубоко вклинившегося в глубь обороны немцев, освободили 11 населенных пунктов, разгромили 56-й пехотный полк 5-й легкой пехотной немецкой дивизии. Ряд подразделений этого полка (3–7 роты) были полностью уничтожены. Бригада, взяв богатые трофеи и пленных, подошла на расстояние 10–12 км к железной дороге Старая Русса – Дно. В течение 17–20 февраля бригада вела тяжелые бои, отбивая контратаки двух дивизий противника, поддержанных 40 самолетами и танками, и вышла на рубеж Волошево – Ивановская, где по приказу командования заняла оборону. В этих боях проявили себя подлинными героями: л-нт Белов, наводчик Панов, Большинов и другие.

Личный состав 2-го осб отбил 4 атаки немцев, а затем, возглавляемый комиссаром батальона тов. Чувердовым, сам поднялся в атаку и опрокинул немцев. 19 декабря рота разведчиков во главе с комиссаром старшим политруком Фефиловым отбила 3 яростные атаки немецкого батальона с танками. Несмотря на понесенные потери, бомбежки и сильный артиллерийский огонь, не отошли от занимаемых рубежей. В течение месяца части бригады вели оборонительные бои, отбивая многочисленные атаки противника. В этих боях противостоял бригаде 75-й пехотный полк немцев, по данным немцев, потерявший не менее половины своего личного состава.

20 марта немцы перешли в наступление и прорвали оборону правого соседа. Зашли в тыл подразделениям бригады. Под непрерывной бомбежкой с воздуха личный состав бригады стойко отстаивал порученные рубежи и только после 15-дневных кровопролитных боев по приказу командования бригада вышла на новые рубежи и заняла оборону в районе Гридино (5.04.1942 г.).

В дальнейшем бригаде было поручено создание укрепленного района и оборона восточного берега озера Ильмень, а с июня 1942 года – охрана стыка Волховского и Северо-Западного фронтов на Новгородском шоссе.

В августе по приказу Ставки бригада была переброшена на Закавказский фронт. По прибытии бригаде была поставлена задача организовать оборону г. Гудермеса.

В сентябре месяце сводный отряд, ныне капитана Роговского, созданный из подразделений бригады, получил задачу отбросить прорвавшуюся группировку противника в районе Червленая. В 5-дневных боях отряд разгромил группировку немцев, представлявших собой передовую отряд 13-й танковой дивизии, занял 4 населенных пункта и после 2-кратного штурма поддержанные огнем бронепоезда части бригады заняли ж/д станцию Терек. Успешную операцию в конце сентября провели разведчики бригады. Пройдя в тыл немцев более 80 км, разведчики вывели из района, находящегося в тылу у немцев, свыше 5 тысяч голов племенного скота.

3 октября 1942 года бригада получила задачу ликвидировать прорыв немцев в районе Эльхотово. В тот же день батальон капитана Анисимова вступил в бой с превосходящими силами противника, отбив сильную атаку противника с танками, подбив 7 танков и уничтожив большое количество пехоты. В бою ст. с-т Костенко подбил гранатой немецкий танк, роты Скорнякова и Христова после рукопашной схватки ворвались в Эльхотово и закрепились в нескольких домах. Последующий день батальон Роговского и Гуно, отбив несколько контратак немцев, прочно укрепились в южной окраине села. Артиллеристы за два дня подбили 6 танков, уничтожили 3 минометных и 2 артиллерийских батареи противника. Было уничтожено более батальона 336-го полка 370-й пехотой дивизии.

В ноябре 1942 года бригада вошла в состав 11-го стрелкового корпуса. В ноябре-декабре месяце, действуя мелкими штурмовыми группами, части бригады улучшали свои позиции и в ожесточенных боях создавали плацдарм для будущих наступательных действий.

В боях за выс. Автоматная, Окопная и северные скапы г. Зеко части бригады нанесли значительные потери 666-му и 667-му пехотным полкам 370-й пехотной дивизии.

В декабре части бригады совместно с другими частями корпуса после упорных многодневных боев овладели Ардоном, а затем, действуя в передовом отряде наших войск, стремительным ударом сбили немцев со Змейских высот, и после трехдневных боев овладели узлом немецкой обороны – ст. Змейская.

В боях за высоту и станцию Змейская были разгромлен 130-й строительный батальон немцев, так называемый Туркестанский батальон и 2 батальона 667-го полка.

За операции под Змейской личный состав бригады командующим 9-й армией генерал-майором Коротеевым была объявлена благодарность.

С января по 1 февраля 1943 года, действуя все время в передовом отряде наступающих войск, бригада освободила свыше 50 населенных пунктов, с непрерывными ожесточенными боями, пройдя около 500 км, 11 января части бригады первыми ворвались в Минводы, 19 января после ожесточенного боя штурмом заняли город Невинномысск, где было захвачено 26 орудий, несколько эшелонов с танками, продовольствием, вооружением и другим военным имуществом. Гарнизоны Минеральных Вод и Невинномысска в значительной части состоявшие из эсэсовцев, были полностью истреблены. 2 февраля части бригады вели упорные бои за ст. Кавказская. Сопротивление немцев, не раз переходившее в контратаки, было сломлено, и части бригады овладели Кавказской на плечах отходящего противника, в ночь на 4 февраля заняли город Кропоткин, где были захвачены большие трофеи. В феврале-марте месяце бои приняли особенно ожесточенный характер. В течение 8 дней бригада вела бой в районе крупной ст. Ангелинская. Оборона противника была прорвана. После 10-дневных боев частями бригады был взят крупный районный центр Красноармейская. С 12.03.1943 г., после взятия Красноармейской, бригада перешла в резерв командующего 9-й армией, в котором находилась до 26.05.1943 г.

26.05.1943 г. бригада получила задачу частью сил ликвидировать прорвавшуюся на правом фланге группировку противника: 1 район МТФ, с сев.-зап. Свистельников, другим

частям в наступательных боях улучшить положение наших частей в районе устья р. Курка. В боях части бригады продвинулись на 700–1000 метров и по приказу штаба корпуса заняли оборону.

За бои за Кавказ по требованию командующего Закавказским фронтом бригада представлена к награждению орденом Красного Знамени и гвардейскому званию.

Командир 84 мсбр полковник Волошин.

29.06.1943 г.

** ЦАМО. Ф. 1891, оп. 1, д. 1, лл.1–5.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КОРОСТЕЛЕВ Владимир Анатольевич (korasdf@mail.ru) родился в 1953 г. в деревне Шихово Звенигородского района Московской области (ныне микрорайон г. Звенигорода). Окончил Горьковское высшее военное командное училище связи (1975), Военную академию связи (1987). Полковник запаса ВС Российской Федерации. С 1995 г. работал на руководящих должностях в коммерческих организациях и подразделениях Управления делами Президента Российской Федерации. Автор книг и публикаций по истории Рязанской губернии, города Скопина и Скопинского уезда.

РОССИЙСКИЙ Михаил Анатольевич (rossiyski@list.ru) родился в 1974 г. в Москве. Выпускник Московского государственного лингвистического университета (1996), кандидат исторических наук (2002). С 1997 г. на службе в МИД России: работал в посольствах в Гаване, Мадриде и Риме. Имеет дипломатический ранг советника 1-го класса (2017), на момент издания книги занимает должность старшего советника Посольства Российской Федерации в Королевстве Испания. Автор публикаций по истории русского зарубежья, Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Научно-популярное издание
Коростелев Владимир Анатольевич
Российский Михаил Анатольевич
ПРОШЛОЕ СКОПИНСКОЙ ЗЕМЛИ
в очерках по истории её сёл и деревень
Том 2
Лазинка—Южный

Корректор *Т.А. Калинина*
Художественное оформление обложки,
верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 16.10.2017. Формат 70×100 ¹/₁₆
Гарнитура «BodoniC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 46. Тираж 300 экз. Заказ .